

Федеральное агентство по образованию РФ
Государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента Б. Н. Ельцина»

УДК 93/94

№ госрегистрации 01200906831

Инв. № 6

УТВЕРЖДАЮ

Заместитель проректора по науке

_____ Иванов А.О.

«31» августа 2011 г.

ОТЧЕТ

О НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЕ

Проведение научных исследований коллективами

научно-образовательных центров в области исторических наук

(шифр 2009–1.1–301–072, гос. контракт от «20» июля 2009 г. № 02.740.11.0348)

по теме:

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ПЕРЕХОДНЫХ ПЕРИОДОВ

(итоговый, 6 этап «Обобщение полученных результатов
и подведение итогов исследования»)

Руководитель темы

_____ Д. А. Редин
(подпись)

«31» августа 2011 г.

Екатеринбург 2011

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы,

д-р ист. наук _____ Д. А. Редин (введение, заключение, раздел 3,
п. 3.1.1, приложения Ж – М)

Исполнители темы:

_____ А. В. Антошин (раздел 4, п. 4.2, прил. Е)
_____ Н. Н. Баранов, к. и. н. (раздел 4, п. 4.2, прил. Б)
_____ С. А. Белобородов (раздел 3, п. 3.2.1, п. 3.2.2)
_____ Ю. В. Боровик, к. и. н. (раздел 3, п. 3.2.2, прил. В)
_____ Е. М. Главацкая, д. и. н. (раздел 3, п. 3.2.1.)
_____ М. А. Киселёв, к. и. н. (прил. Г)
_____ Я. А. Лазарев (раздел 2, п.2.1, § 3)
_____ И. В. Починская, к. и. н. (прил. А)
_____ С. В. Соколов (прил. Д)
_____ В. В. Соловьева (прил. 3–М)
_____ О. С. Шаклеин (раздел 2, п. 2.4, § 2, 3)

Нормоконтролер

_____ Д. А. Редин

Соисполнители:

Зав. сектором, к. и. н. _____ И. В. Побережников (разделы 1–2)

Ст. науч. с., к. и. н. _____ Е. Ю. Казакова-Апкаримова (раздел 4, п. 4.1)

РЕФЕРАТ

Отчет 821 с., 629 источников, 12 прил.

Ключевые слова: переход, переходная историческая эпоха, адаптация (социокультурная), бюрократия, модернизация, интеграция, институты социальные, локальные сообщества, социальная идентичность, социокультурный контекст, традиция, диффузия, этнокультурное возрождение, макро- и микроподходы в историческом исследовании, антропологически ориентированная история, этническая мобилизация, либерализм, модерн, гражданское общество.

Целью представленной в данном отчете НИР стало подведение общего итога трехлетней работы по исследованию феномена переходности от средневековья к новому времени в российско-европейском контексте. Эти итоги могут быть охарактеризованы в рамках трех направлений: 1) теоретическом (теоретическое осмысление феномена переходности и создание одной из возможных объяснительных систем его сущности); 2) научно-практическом (реализация серии конкретно-исторических исследований, корректирующих созданную макроисторическую объяснительную систему и вносящих новаторский вклад в разработку отдельных проблем исторической и смежных с ней наук); 3) прикладном (активизация и интенсификация подготовки высококвалифицированных научных кадров, их омоложение, закрепление в сфере науки и высшей школы; внедрение научных разработок в учебный и образовательный процесс и проч.).

Актуальность работ, проведенных за весь период исследований определялась, в первую очередь, актуализацией внимания властных структур, общества, научного сообщества России к проблеме переходных состояний. Не вызывает сомнения, что наша страна (как, впрочем и страны Европы в целом) вновь переживает процесс системного перехода. Он вызван как глобальными, так и регионально-страновыми изменениями, остро обнаружившими себя на рубеже XX–XXI вв. и сформировавшими целый ряд болезненных проблем, вызовов и угроз существовавшему миропорядку. Глобализация; неустойчивое состояние международных отношений, спровоцированное крахом старой блоковой системы времен «холодной войны»; цивилизационные разломы и столкновения по новым зонам напряженности, среди которых самые очевидные – в противоречиях западной цивилизации и стран, относившихся к т.н. третьему миру; размывание национальной и культурной идентичности в Европе и России и устойчивый рост этноконфессиональной

идентичности в странах Востока (особенно исламского Востока); экономические потрясения – все это можно охарактеризовать ситуацией глобального кризиса, что в свою очередь является показательным признаком острой фазы исторического перехода. В такой ситуации становится крайне важным изучение и осмысление исторического опыта переходных состояний, особенно ближайшего к нам по времени перехода от средневековья к новому времени, чье начало локализуется во времени более или менее понятным и общепризнанным рубежом, а финал – размыт и плохо исследован. Теоретические и прикладные исследования состояния переходности способны, таким образом, если и не дать надежного прогноза на обозримую перспективу (что, видимо, в принципе невозможно, когда речь идет о крупных социокультурных процессах), то, во всяком случае, сформировать общие представления о константных и доминирующих составляющих исторического транзита, его основных механизмах, системах связей, фазах и прочих базовых характеристиках. В итоге наши знания о переходных состояниях способны систематизироваться в некой модели, использование которой может стать существенным подспорьем для принятия решений в стратегическом планировании дальнейшего развития.

Новизна проведенных исследований может определяться, в первую очередь, опытом преодоления разрыва между теоретическими макроописаниями и научно-практическими штудиями. Эта тенденция, характерная для наиболее продуктивных мировых исследований в гуманитаристике, еще не стала трендом. Практическое примирение «эпистемологов» и «практиков» еще очень далеко от воплощения, но диалог вполне ощутим. Только при его реализации возможно достижение подлинной полидисциплинарности в социо-гуманитарных науках, а значит и достижение качественно нового состояния наших представлений о социальной материи.

Практические результаты исследования. В первую очередь следует признать высокую продуктивность самой системы федеральной целевой поддержки научных исследований. В результате реализации НИР, жестко заданных параметров результативности при целенаправленной концентрации финансовых средств удалось за относительно короткие сроки подготовить значительное количество специалистов высшей квалификации, подавляющее большинство которых относится к категории молодых ученых. Все участники НИР, достигшие необходимого квалификационного уровня, оказались закреплены в сфере науки и высшей школы. Существенно обновилось содержание учебных курсов, читаемых членами исследовательского коллектива. Помимо итоговой обобщающей монографии был подготовлен ряд проблемно-исторических исследований по крупным темам, оформленных в виде диссертационных работ и

имеющих как самостоятельное значение, так и вносящих свой вклад в общий процесс изучения переходности. Результаты всех исследований, проводимых на уровне современных мировых стандартов, стали достоянием широкой научной общественности через систему проведенных конференций и научных школ, посредством публикаций в монографиях, сборниках статей, российских и зарубежных периодических изданиях.

Теоретическим итогом работ стало создание авторской модели переходности. Изучив многообразие теоретико-концептуальных подходов к объяснению феномена исторического перехода в мировой и отечественной литературе, авторы, с учетом наиболее продуктивных идей, предложили следующую конструкцию. В основе процесса перехода от средневековья к новому времени (как вероятно и в условиях современного перехода) лежит процесс модернизации. Авторами предложена собственная концепция модернизации, которая рассматривает этот процесс как многовекторное, вариативное явление, гетерохронное и пространственно изменчивое по своей природе, зависящее не только от объективных, но и от неограниченного количества субъективных, антропогенных факторов (понятие акторов исторического процесса, несводимых только к лидерам и элитным группам). Разделяя мнение ряда авторов о том, что любая культура (в широком, цивилизационном смысле) организована как дуальная оппозиция и признавая понятие дуальной оппозиции важным методологическим основанием анализа переходности, мы заостряем внимание на крайне гибком характере бинарно-оппозиционных взаимодействий. Центральной «парой», задающей общую динамику переходности, является традиция/инновация (традиция/модерн), напряжение внутренних взаимодействий которой достигает количественного и качественного предела именно в переходные периоды. Организация этого бинарного взаимодействия реализуется через механизм социокультурной диффузии, в очень гибкой и «инфильтратной» форме. Как бы радикально ни моделировалось противостояние внутри указанной оппозиции, в конечном итоге оно приводит к установлению равновесия на том или ином уровне. Традиция демонстрирует разную степень способности к развитию, новация – разную степень умеренности. И с той, и с другой стороны включаются механизмы адаптаций. Именно они обеспечивают развитие: более умеренную (частичную, незавершенную) модернизацию при большей устойчивости традиционного или более интенсивную (полную, системную) модернизацию при большей интенсивности новационного. Спектр адаптационных практик необычайно широк и разнообразен; результаты их едва ли поддаются систематизации. Здесь мы подходим к тому пределу, который заложен самой природой макроописаний: любая их схема становится эпистемологически бессильной при столкновении с эмпирическими ситуациями и требуют проведения конкретно-научных изысканий.

Итоговый характер отчета требует более сложной структуры его организации. Не отступая от нормативно предписанной формы, мы избрали следующую схему изложения результатов. В основной части отчета помещен текст итоговой коллективной монографии «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных эпох», предусмотренной техническим заданием НИР. Две главы носят теоретический характер, излагая основные объяснительные модели феномена переходности в рамках модернизационной парадигмы и формулируя авторские предпочтения. Две главы реализуют конкретно-научные результаты наблюдений и анализа адаптационных практик и транзитных механизмов на историческом материале России и Германии нового и новейшего времени.

Разумеется, что все многообразие проделанной работы было невозможно отразить в итоговой монографии. Имеющие, помимо прочего, самостоятельное значение, они оформились в специальные разработки, предусмотренные техзаданием НИР. К ним относятся:

- Обобщение материала по проблемам кириллического книгопечатания, развития европейской идеи в немецком либерализме, традиций в локальных религиозных сообществах в индустриальную эпоху;
- Обобщение материала по проблемам формирования промышленного законодательства в Российской империи первой четверти XVIII в.; становления государства русов и темы «варяжской руси» в восприятии общественно-политической мысли того же времени;
- Разработка концепции сборника статей по теме НИР и подготовка материалов.

Все изложенные сюжеты роднит проблематика переходности; все они демонстрируют на конкретно-историческом материале механизмы культурных, политических, социальных адаптационных практик, реализованных разными социокультурными общностями и их лидерами на различных этапах перехода к новому времени; раскрывают коллективные поведенческие черты традиционных сообществ в условиях модернизированной среды. Ввиду большого объема и собственной внутренней структурированности, эти материалы представлены в приложениях.

Таким же образом в приложения вынесены итоговые развернутые сведения об основных достигнутых результатах трехлетней исследовательской программы, предметно дополняющих статистику индикаторов и показателей, предусмотренную формой 14.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. О характерных чертах переходных периодов	11
1. Переходный период как теоретическая проблема	16
1.1. Социокультурный контекст переходной эпохи	16
1.2. Современная теория модернизации и ее интерпретационный потенциал процессов перехода	30
1.3. Диффузия как механизм модернизации	44
2. Динамика переходной эпохи	51
2.1. Социокультурные механизмы: традиция и модерн в эпоху транзита	51
2.2. Векторность и циклизм: темпоральные измерения транзита.....	79
2.3. Институционально-политические механизмы: типы политических модернизаций	91
2.4. Механизм структурно-функциональной дифференциации	105
3. Адаптации в контексте транзита	121
3.1. Изменение социокультурного ландшафта: адаптация идей	121
3.1.1. Восприятие функций верховной власти и некоторые черты управленческой практики в России XVII–XVIII вв.	121
3.1.2. В поисках начал: переосмысление и адаптация версий происхождения «руси» в новой исторической традиции Европы и России XVIII в.	142
3.2. Механизмы адаптации локальных этноконфессиональных сообществ в условиях переходности.....	152
3.2.1. Религиозные традиции в условиях переходных периодов: опыт интерпретации религиозных адаптаций на примере малочисленных сообществ	152
3.2.2. Старообрядцы-беспоповцы в период антирелигиозных гонений (1920-е гг.).....	168
4. Транзитные процессы: case studies	187
4.1. Становление гражданского общества в России XIX в. (на примере Урала).....	187
4.2. Становление либерализма в Германии XIX в.	243
Заключение	274
Список источников и литературы	281

Приложения	315
Приложение А. Изучение русского книгопечатания 1568–1619 гг.: концепции, проблемы, гипотезы.....	315
Приложение Б. Европейская идея в концепции «Срединной Европы» Ф. Наумана и возникновение либеральных партий в Германии.....	356
Приложение В. Традиции старообрядцев как ресурс для реализации стратегий адаптации в годы революции и первого десятилетия советской власти.....	500
Приложение Г. Возникновение российского промышленного законодательства в первой четверти XVIII в.	538
Приложение Д. Концепции происхождения варяжской руси в отечественной исторической мысли XIX в.	664
Приложение Е. Советский Союз глазами российских эмигрантов в 1940–1950-е гг.	766
Приложение Ж. Концепция сборника статей по тематике исследования и подготовка материалов к печати.....	803
Приложение З. Диссертации исполнителей НИР, представленные к защите в 2009–2011 гг.	811
Приложение И. Именной перечень исполнителей НИР, закрепленных в сфере науки и образования в 2009–2011 гг.	814
Приложение К. Перечень важнейших публикаций результатов НИР за 2009–2011 гг.	815
Приложение Л. Научные конференции и научные школы, организованные исполнителями НИР в 2009–2011 гг.	818
Приложение М. Программы учебных курсов, разработанных, усовершенствованных и внедренных в учебный процесс исполнителями НИР в 2009–2011 гг.	820

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В настоящем отчете о НИР применяются следующие термины с соответствующими определениями:

Адаптация – процесс активного приспособления личности или социальной группы к меняющейся социальной среде; путь, которым социальная система любого рода отвечает на среду своего обитания.

Гражданское общество – промежуточная сфера между семьей и государством. В широком смысле – сфера обширных социальных отношений и общественного участия, проявленных в разнообразном наборе институтов, практик, культурных ценностей; выступает в качестве противовеса более строгим действиям государства.

Динамика исторического процесса – интенсивность изменений социальной материи, происходящая в определенный отрезок исторического времени, их направленность (вектор: прогресс, регресс, цикличность) и результаты (достижение нового качества развития, стагнация, незавершенность, распад). Соотношение этих параметров позволяет судить о состоянии социальной материи.

Идентичность – тождественность, одинаковость; системный набор свойств, маркирующий социальную систему, отличающий ее от других.

Институты социальные – установленные порядки правил и стандартизированных моделей поведения; устойчивые правила человеческого поведения в экономической, социальной, политической или любой другой сфере, способствующие уменьшению неопределенности социальной среды; делятся на формальные (конституции, законы, административные структуры и т.п.) и неформальные (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения и т.п.).

Интеграция – процесс взаимного приспособления; степень, в которой деятельность или функция различных институтов, подсистем в обществе скорее дополняют, чем противоречат друг другу.

Либерализм – политическая доктрина, разработанная в Европе в XVII в. и предполагающая отрицание авторитарных форм правления, защиту свободы слова, ассоциации и религии, а также утверждение права частной собственности.

Модерн (modernity) – новое время как историческая эпоха (нередко отождествляемое с индустриальным обществом) или связанные с ним идеи и стили. В общеисторическом смысле «модерн» берет свое начало в позднем средневековье и Ренессансе и касается замены традиционного общества современными социальными формами.

Модернизация – сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и подпроцессов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

Переход – преодоление прежнего состояния, заключающее в себе преобразовательный момент – важную процессуальную характеристику развития; носитель особого типа движения (движения-развития), создающего специфическое хаотически-структурируемое состояние общества. Сложность определения понятия перехода связано со сложностью его природы: как феномен структуры процесса исторического развития, переход включает в себе и выражает собой разнообразные сущности и явления пространственно-временного и результативного плана.

Служебная мобильность – частота, интенсивность и пространственные, территориальные границы перемещений должностных лиц с одного места службы на другое. При этом под частотой понимаются промежутки времени, по истечении которых происходила кадровая ротация, под интенсивностью – массовость одновременных или близковременных перемещений, под территориальными границами – локальные, региональные, межрегиональные перемещения. Чем ниже служебная мобильность, тем выше (при прочих равных) возможность стабилизации той или иной бюрократической общности.

Структурно-функциональная дифференциация – переход от комплексных, диффузных, малоэффективных социальных структур и функций к узкоспециализированным и эффективным.

Традиция – Элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах и социальных группах течение длительного времени. В качестве традиции выступают определенные общественные установления, нормы поведения, ценности, идеи, обычаи, обряды и т.п. Те или иные традиции действуют в любом обществе и во всех областях общественной жизни.

Этническая мобилизация – сосредоточение всех усилий этноса на убыстренном развитии самобытной и жизнеспособной национальной культуры, средство политической мобилизации нации.

Введение. О характерных чертах переходных периодов

Проблема переходных периодов в истории человечества является одной из фундаментальных проблем новейшей отечественной и зарубежной общественно-гуманитарной научной мысли. Эмпирический опыт изучения и результаты длительного теоретического осмысления прошлого в рамках различных теоретических проекций доказывают, что переходность (и обусловленные ею эклектичность, многоукладность форм социокультурных, социально-экономических и институционально-правовых систем) – доминирующее состояние развивающегося человечества, в истории которого т.н. «классические эпохи» стабильности, устойчивые эпохи занимали относительно редкие и краткосрочные периоды.

Переходные эпохи отмечены исторической неустойчивостью, кризисными явлениями, катастрофами, распадом старых и формированием новых социальных связей и порядков (по мнению М.С. Бобковой, переходный период XVI–XVIII вв., на протяжении которого происходило разрушение традиционного общества, можно определить как «эпоху катастроф», т.е. «временной отрезок, хронологический этап экономического, социального, политического, культурного взрыва, который часто проявляется в этнических, конфессиональных конфликтах, революциях, гражданских и континентальных войнах, являющихся высшим критерием оценки кризисного состояния общества. В результате этого взрыва рождается новый социум, погруженный и детерминируемый новыми временными ритмами, иным осмыслением прошлого, фиксируемым в особенностях как индивидуальной, так и коллективной памяти» [1]. Специфика переходных периодов рождает своеобразные проблемы и требует использования специальных теоретико-методологических подходов для их изучения (особо следует выделить подготовленный Институтом всеобщей истории РАН сборник научных статей «Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность», в котором предпринята попытка исследования смены качественных состояний общества (переходных эпох) от древности до современности [2]).

Во-первых, следует понимать относительность самого качества переходности. Понятие переходный период применяется ко всему обществу на протяжении какого-то интервала времени, короткого или длительного. Однако общество представляет собой сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Здесь можно сослаться на концепцию исторических времен, предложенную Ф. Бродемом: три уровня, различающихся скоростью происходящих в них изменений, – 1) «длительная временная

протяженность» (*longue durée*) медленных, почти неподвижных взаимоотношений общества и природы, привычек мыслить и действовать; 2) экономические и социальные структуры, скорость изменения которых измеряется десятилетиями и 3) событийный уровень политической истории, измеряемый хронологическими датами. Детализация изучаемых объектов позволяет разрабатывать более дробные схемы, включающие большее количество уровней и исторических ниш со своими темпоральными механизмами [3], оказывающими воздействие на динамику переходной эпохи в целом.

Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюс полагает, что для рассмотрения процессов модернизации недостаточно двух аналитических полюсов – стабильность VS изменения. По его мнению, эпоха модернити не может состоять только из твердых, устойчивых структур, или только из быстрых, случайных изменений. Следует различать, по крайней мере, 4 типа различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна, и хотя модернизация может воздействовать на три других, все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно.

Во-вторых, следует выделить полиморфизм как ведущий организационный принцип, лежащий в основе созидания исторической ткани переходных периодов. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействие, способное их трансформировать. Проблема здесь состоит, с одной стороны, в том, что механизмы функционирования укладов и анклавов в инородном контексте могут подвергаться коррекции, которая должна стать предметом скрупулезного исторического расшифровывания; с другой стороны, общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик ее составляющих, но требует разработки специальных теоретико-методологических подходов.

Проблема полиформизма (неоднородности, многоструктурности, многоукладности) социального пространства хорошо известна исследователям, занимающимся изучением

социальных процессов, в том числе социальных процессов прошлого. Данная проблема привлекала внимание отечественных историков, работавших в рамках формационного подхода. В 1960-е гг. в советской историографии была предложена концепция многоукладности для изучения преимущественно процессов социально-экономического развития в России XIX – начала XX вв. Интересные результаты дало применение концепции при анализе истории уральской промышленности пореформенного периода в работах В.В. Адамова, Т.К. Гуськовой, Л.В. Ольховой и др. [4] (о значении их выводов в процессе современного осмысления проблемы полиморфизма социального пространства писала, в частности, Н. А. Иванова [5]).

Проблема полиморфизма, многоукладности нашла отражение в исследованиях отечественных востоковедов (В.Г. Растянников, Г.К. Широков, В.В. Крылов, В.И. Павлов, Л.И. Рейснер, Н.А. Симония, А.И. Левковский, А.И. Фурсов, А.П. Колонтаев, Е.В. Котова [6–8], О.Е. Непомнина и В.Б. Меншикова [9] и др., в ходе изысканий которых были разработаны теоретические основы проблемы многоукладности, а также представлены конкретно-исторические исследования по истории многих многоукладных развивающихся стран Востока.

Совершенствуя данный подход, современные исследователи А.Д. Богатуров и А.В. Виноградов предложили выделить анклавно-конгломеративный тип развития [10]. Авторы считают результатом подобного развития конгломератные общества, которые характеризуются длительным сосуществованием и устойчивым воспроизводством пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений; данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективность организованности которых дает возможность анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата [11].

В-третьих, следует иметь в виду, что динамика переходных периодов детерминирована, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их искажать. Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов

для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными). Заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладали в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

В-четвертых, в контексте переходной эпохи происходит формирование, «становление» социальных структур, которые поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить. Именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий – реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества. В связи с этим мы полагаем, что динамизм исторического перехода невозможно сводить лишь к серии реформ, преобразований, проводимых «сверху». История переходного периода должна рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание ее «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В итоге переходный период оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот беспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов с различными векторами, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Широкие исторические трансформации (которые не ограничиваясь лишь количественным приростом каких-либо параметров, приводят к модификации самих этих параметров, к изменению способов организации общества), составляющие наиболее важные вехи на пути человечества, такие как становление человека, переход от присваивающей к производящей экономике, возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу и др., всегда привлекали внимание исследователей. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества. Последняя из названных кардинальных трансформаций получила в науке наименование модернизации. Модернизация – протяженный, охватывающий несколько столетий исторический процесс, в ходе которого люди совершали переход от традиционного, преимущественно аграрного общества (данное общество функционировало на основе традиций; люди добывали пропитание так, как это делали их отцы и деды; традиционные регулятивы играли огромную роль в организации общественной и частной жизни) к современному, индустриальному обществу.

Стремление к наиболее гармоничному сочетанию теоретических и конкретно-исторических проблем, задаваемых исследованием феномена переходности, определило принципы структурирования текстов в монографии. Первые две главы представляют собой по возможности сжатое, но достаточное изложение теоретико-методологических позиций авторского коллектива. В них представлен анализ наиболее значимых тенденций мировой и отечественной литературы по исторической транзитологии, теоретическое описание основных (с точки зрения авторов) механизмов и параметров переходности.

Две последующие главы раскрывают, посредством конкретно-исторических изысканий, каким образом с помощью предложенного теоретического инструментария можно интерпретировать те или иные транзитные механизмы и ситуации, происходившие в различных сферах социокультурной жизни России и Германии в хронологии конца XVII – начала XX в. Разумеется, что предложенные case-studies не исчерпывают и не могут исчерпать всего богатства и многообразия исторического материала. Но нам представилось целесообразным представить отобранные сюжеты как в силу того, что они редко рассматривались в проблемном поле транзитного дискурса, так и в силу того, что, будучи современными друг другу, они почти никогда не осмысливались в едином историческом контексте.

Глава 1. Переходный период как теоретическая проблема

1.1. Социокультурный контекст переходной эпохи

Культура выполняет важнейшие социальные функции, в частности, такие как обеспечение непрерывности, преемственности, эстафетности в общественном развитии, создание условий для социальной интеграции, формирование мотивационных механизмов для разнообразных типов человеческой деятельности. Можно утверждать, что культура пронизывает все человеческое поведение и мышление, все социальные отношения. Верно также и то, что социальные отношения имеют культурную природу. Данное обстоятельство актуализирует проблему функционирования культуры в условиях переходных периодов, социокультурного контекста модернизации. Понятно, что в процессе модернизации подвергается трансформации сама культура. Но не менее важен вопрос о готовности культуры (культуры как предмодерного, так и модерного общества) к изменениям.

В связи с разнообразием традиционных обществ можно говорить о культурах с разным уровнем готовности к инновациям. Интересная попытка дифференциации традиционных культур была предложена Д. Эптером [12]. Последний предложил различать два типа традиционализма, традиционных культур. Первый тип получил наименование инструментальной культуры, второй – консамматорной. Д. Эптер возводит предлагаемые концепты к категориям «когнитивно-инструментальные» и «экспрессивно-интегративные ценности», выделенным Т. Парсонсом.

«Инструментальным» системам присущи значительные сектора промежуточных задач, отделенных и независимых от конечных целей. «Консамматорные» же системы характеризуются тесными взаимоотношениями между промежуточными и конечными целями. В консамматорных системах с их всеобъемлющей связанностью, интегративностью любое изменение радикально трансформирует ритуалы, принятые социальные практики, формы социальной стратификации, властные отношения, религиозные обряды, связанные собственно с предметом новации, что не позволяет трактовать нововведение ограниченно, например, только в терминах увеличения эффективности соответствующего типа деятельности. В рамках инструментальной системы, напротив, инновация будет рассматриваться в терминах ее полезности, эффективности; ее внедрение не будет оказывать далеко идущих воздействий на конечные цели системы (соответственно, новшество не будет представлять угрозу для системы в целом; напротив, более вероятно, что новшество будет способствовать усилению системы).

К инструментальным системам относятся те, которые могут легко вводить инновации, распространяя покровы традиции непосредственно на изменение. Типичным примером инструментальных систем Д. Эптер считает военизированные системы с иерархической организацией власти, исходящей от авторитарного лидера (авторитарно-командные системы). Для таких обществ характерна ориентация руководителей на исполнительность и эффективность. В подобных обществах религия обладает вторичным статусом по отношению к государству и государю [13].

Консамматорные системы отличаются гораздо большей сложностью. В них общество, государство, власть и пр. социальные компоненты выступают частями тщательно поддерживающейся, высокоинтегрированной системы, в рамках которой религия является руководящим познавательным ориентиром. Такие системы обычно враждебны инновациям. Изменения приводят к фундаментальным социальным переворотам в консамматорных системах.

Для ранней (классической) школы модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых и относительно стабильных наций (подразумевались США и развитые страны Западной Европы). Сущность модернизации сводилась, таким образом, к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны. Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации сообщества, порождающий тенденции и импульсы к конвергенции. Ранней парадигме модернизации было присуще жесткое противопоставление традиционного и рационального экономического поведения, отношение к традиционным институтам и обычаям как к препятствиям развития общества. Модернизация трактовалась как процесс трансформации, подрывающий и вытесняющий традиции, в том числе традиционные формы общежития (семья, сельское сообщество). Традиция рассматривалась как архаичное, отмирающее явление, неспособное противостоять современным формам жизни и вступать с ними в симбиоз. При этом традиция характеризовалась как застывшая, статичная форма, динамика которой может быть вызвана только внешними обстоятельствами и вопреки природе самого традиционного общества. По словам С. Хантингтона, «современность» и «традиция» рассматривались представителями ранней школы модернизации как асимметричные понятия.

Уже в 1960-е гг. построения представителей ранней школы модернизации стали подвергаться критике с разных теоретических и идеологических позиций. Принципиально изменилось вообще отношение к традиции, которая стала рассматриваться в качестве

неотъемлемого элемента любой социальной структуры – как социальной организации в целом (в независимости от того, принадлежит она традиционному или современному обществу), так и ее каждого отдельного элемента (С. Эйзенштадт) [14]. Так, Э. Шилз отмечал, что «между механизмами устойчивости и механизмами изменения нет абсолютного различия. Устойчивость есть в самом изменении и вокруг него, и механизмы изменения требуют также действия механизмов устойчивости; без этого инновация бы поблекла и мог бы произойти возврат к прежнему состоянию».

Постепенно приходило осознание того, что в модернизирующихся обществах существует множество взаимосвязей между традиционностью и современностью в социальной, экономической, политической сферах. Мишенью критики стал тезис о несовместимости традиции и модернизации. Прежнее убеждение о неизбежной конфликтности между традицией и инновацией в свете новых данных стало выглядеть абстрактным и не подтверждаемым фактами. Оппоненты сделали попытку более внимательно и глубоко проанализировать сами эти традиции.

Дж.Р. Гасфилд одним из первых подверг сомнению тезис о том, что традиционная культура являлась якобы согласованной, жестко интегрированной системой норм и ценностей. Было отмечено, что традиции в странах, движущихся по пути модернизации, отнюдь не представляют собой набора однородных и гармоничных ценностей, напротив, они являются гетерогенными [15]. Р. Редфилд предложил различать «большую» (ценности элиты) и «малую» (ценности масс) традиции. По мнению автора, эти две традиции имеют существенные различия: если большая традиция культивируется в школах и храмах, то малая вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных в их деревенских общинах; если первая культивируется и наследуется сознательно, то вторая скорее принимается как данность и в слабой степени подвергается анализу или совершенствованию [16]. Вместе с тем, Р. Редфилд отметил взаимодействие и взаимозависимость, существующие между большой и малой традициями: «Большую и малую традиции можно представить в виде двух потоков мысли и действия, отличных друг от друга и вместе с тем впадающих один в другой и вытекающих один из другого» [17]. К схожим выводам пришел и С. Эйзенштадт, утверждавший, что общества «макросоциетального порядка» обычно обладают «несколькими различными видами и уровнями организации» и, как правило, не организованы в одну систему; благодаря относительной автономности различные аспекты социальной организации изменяются в разной степени и различным образом. Было отмечено, что доиндустриальные общества характеризуются не только культурной неоднородностью, но и конфликтностью. Общества прошлого отнюдь не были мирными и стабильными, они постоянно сотрясались

крестьянскими восстаниями, национальными движениями, религиозными войнами. В качестве ложного был признан прежний тезис о традиционном сообществе как гомогенной социальной структуре [18].

Вызвало возражения однозначное представление о традициях как факторе, препятствующем модернизации [19]. Ряд исследователей обратил внимание на то, что традиции могут быть в высшей степени полезными и конструктивными в процессе модернизации [20]. Открытием стало то, что традиционные структуры могут обеспечивать умениями, навыками; традиционные ценности могут быть приспособлены в качестве источников легитимизации при достижении определенных новых целей в процессах модернизации. Так, например, в Японии симбиоз «феодализма» и индустриального развития содействовал быстрому экономическому росту. Успехам ранней индустриализации в Японии способствовала сохранившаяся в основном традиционная семейная система, в частности подчинение власти отца; преданность императору и семье, коллективизм и низкая вертикальная мобильность стали факторами, которые поддерживали социальные и экономические изменения в Японии, обеспечивая стабильность трудовых коллективов и рост производительности труда [21]. По мнению японского профессора А. Китахары, в послевоенный период в Японии именно община, обладавшая высокой солидарностью, явилась тем инструментом, посредством которого японцы успешно добивались реализации новых демократических целей государства в условиях, когда еще не сформировался индивид и не сложилось гражданское общество [22].

Получила развитие концепция так называемых переходных систем (модель парциальной или частичной модернизации), причудливо сочетающих элементы традиции и современности и вполне жизнеспособных. Было признано, что в развитии переходных систем присутствует своя собственная логика, обусловленная в значительной степени традициями, что переходным обществам присуща способность к реорганизации и непрерывности, разработке собственной внешней и внутренней политики, обеспечивающей их жизнедеятельность).

Оригинальную трактовку места традиции в контексте модернизации предложил шведский исследователь Й. Форнюс. Обсуждая проблемы модерна, Й. Форнюс ставит очень важный вопрос о взаимодействии между непрерывностью, преемственностью и изменением, которое представляется ему весьма сложным. Процессы модернизации, по его мнению, лишь иногда проявляются как ясно видимые, очевидные сдвиги, но гораздо чаще они выступают как медленная и едва заметная эрозия традиционных структур.

Целостная дихотомия стабильности VS изменений должна быть, по мнению Й. Форнюса, подвергнута декомпозиции. Он настаивает на недостаточности лишь двух крайних полюсов для понимания исторических процессов. Эпоха модернити не может состоять только из твердых, устойчивых структур или, напротив, из быстрых, случайных изменений. Как считает исследователь, возможно различие по крайней мере четырех типов различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации.

В классической теории модернизации проблема традиций рассматривалась преимущественно в контексте перехода от традиционного к современному обществу, претерпев при этом определенную эволюцию – от негативного отношения к традиции как препятствию для модернизационных трансформаций к более сложному отношению, допускающему участие традиции в процессах перехода в качестве дополнительного стимулирующего или стабилизирующего механизма. Й. Форнюс развивает концепцию модернизации, обращаясь к проблеме роли и места традиций в контексте самого модерна.

Он обращает внимание на приобретение модернити собственных традиций, а также на тот факт, что большинство традиций изменяется, пускай медленно и незаметно. Он говорит о длительной исторической традиции модернити, а также о модернити традиций в существующих сегодня обществах.

В связи с этим идея, согласно которой модернити имеет отношение только к новому и изменяющемуся, кажется исследователю только полуправдой. Модернизация касается изменений, которые являются сравнительно устойчивыми. Это, по Форнюсу, набор исторических процессов, в совокупности формирующих специфическую временную логику фундаментальных трансформаций в развитии социальных, культурных и психологических образцов (паттернов). «Модернити, – пишет автор, – стимулирует длительный (продолжительный, стойкий) опыт быстрых временных сдвигов, но такое обобщенное понимание трансформаций действительно отвечает требованиям модерна, когда эти сдвиги структурно подчинены определенной логике развития. Многие исторические периоды разрывов продуцировали подобные культурные признаки открытости, незащищенности и саморефлексии. Это может быть вызвано случайными событиями, или циклическими колебаниями, или другими структурными изменениями, а не обязательно связью с модернити. Модернизация только усиливает, делает постоянными и распространяет эти черты в расширяющихся масштабах».

Еще одна проблема, связанная с дихотомией изменения и устойчивости, заключается в чрезмерном упрощении самого процесса модернизации. Здесь Й. Форнюс касается вопроса о необратимости процессов модернизации. Он убежден, что модернизировать означает лишь тот тип исторических преобразований, которые направлены и не могут быть прерваны, не могут быть легко отменены или полностью изменены. Не существует, по мнению Й. Форнюса, никакого пути назад, к предмодерному состоянию. В качестве примера исследователь ссылается на процессы дифференциации – «если люди приняли дифференциацию между эстетическими формами выражения в искусстве и нормативными инструкциями в законе, то реакционные фундаменталисты или ностальгирующие романтики могут попытаться вновь смешать их, но маловероятно, что эти сферы снова могут на устойчивой основе превратиться в некое недифференцированное целое. Каждый будет способен думать о красоте и справедливости как о двух отдельных измерениях, хотя, может быть, и было бы привлекательно попробовать воссоединить их».

Й. Форнюс признает, что определенные достижения модерна могут со временем исчезать. В то время как рост государства всеобщего благоденствия следовал из определенной стадии модернизации, предпринятое в настоящее время разрушение его неолиберализмом должно быть понято не как демодернизация, но как (разрушительный) ответ на недавние кризисные явления *modernity*. Фундаменталистские течения в рамках христианства и ислама действуют против современных культурных тенденций, но не могут сами избежать глубокого влияния со стороны модернистского проекта, который они даже продвигают, пускай невольно. Они не способствуют в реальности возвращению к пред-модерным формам жизни, несмотря на их активные усилия по восстановлению традиций. Если модернизация остановлена на одном уровне (так, неоконсерваторы пробуют повернуть культурные часы назад), его продолжающийся марш на других уровнях (расширяющаяся капиталистическая экономика) эффективно предотвратит любое возвращение к предмодерному состоянию». Таким образом, концепции Форнюса в определенной степени присущ оптимизм классической версии теории модернизации с ее верой в прогресс и необратимость прогрессивных изменений. Необратимость модернизационных трансформаций Форнюс пытается объяснить включением в социальные практики обучающих процессов, памяти, аккумулирующей человеческий опыт в артефактах, языке и других символических формах [23]. Проблематичным Й. Форнюс считает предположение, согласно которому каждая стадия модернизации сводится к наступлению на древние домодерные формы и одновременной замене их новыми, в соответствие с которым модернизация превращается в простой кумулятивный

процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое. Здесь Й. Форнюс по существу присоединяется к концепции рефлексивного модерна, разрабатываемой в социологии, в частности. У. Беком [24], подчеркивая, что модернити действует также рефлексивно, сама по себе (т.е., то, что было свежим вчера, становится старомодным сегодня и может быть разрушено еще более новыми современными силами завтра). На более поздних стадиях модернити, как полагает исследователь, происходит разложение не только предмодерных форм жизни, но также и тех современных форм, которые возникли на более ранних стадиях в результате компромиссов между старыми и новыми тенденциями.

Таким образом, в литературе произошел отказ от прежнего представления о модернизации как линейном процессе гомогенизации обществ, переживающих модернизацию. Процесс модернизации стал рассматриваться, скорее, как «перманентная революция, не имеющая предустановленной конечной цели» (Дж. Джермани). Была признана возможность многовариантного перехода от традиционного к современному обществу; получил распространение взгляд, согласно которому в процессе модернизации сохраняется значительная национальная специфика, а в результате сложного взаимодействия между традициями и новациями разнородность модернизирующихся обществ даже увеличивается.

Существенное значение для пересмотра отдельных положений классической модернизационной парадигмы и формирования обновленного подхода имели события последнего десятилетия XX в. в Центральной-Восточной Европе (ЦВЕ), а именно развал социалистической системы и процессы т.н. «посткоммунистической транзиции», которые логично получили статус модернизационных.

Одним из современных ученых, попытавшихся адаптировать традиционные эволюционистские схемы истории для анализа «актуального прошлого», стал известный польский социальный мыслитель, Президент Международной социологической ассоциации, профессор Ягеллонского университета в Кракове Петр Штомпка, предложивший в итоге культурно-цивилизационный подход для анализа посткоммунистического транзита [25]. Толчком к формулированию концептуальной схемы послужило убеждение П. Штомпки в том, что посткоммунистический транзит не является абсолютно уникальным, напротив, целый ряд его аспектов, измерений, проявлений служит примером «повторов» в истории, что позволяет применить к их изучению уже существующие теоретические схемы.

По мнению П. Штомпки, посткоммунистический транзит ЦВЕ может быть разделен на 3 фазы: 1) «героическая и романтическая стадия» (1980-е гг.), когда росло

сопротивление коммунистическому режиму, возникала демократическая оппозиция, новые формы социальной самоорганизации и происходил медленный распад экономических и политических основ реального социализма (для анализа данного периода вполне применимы, как полагает П. Штомпка, теории коллективного поведения и социальных движений, легитимизации и делегитимизации власти, системного равновесия и его нарушения, восстановления гражданского общества); 2) «период революционной эйфории» (около 1989), для анализа которого применимы различные теории революции, относительной депривации и двойного суверенитета, харизмы и харизматического лидерства, наконец, аномии (последняя теория – уместна для объяснения пост-революционного нормативного вакуума); 3) «прагматический период системных трансформаций», который начался в 1989 г. Именно последний период предъявил особые требования к теории, поскольку его динамика и результаты оказались неожиданными и труднообъяснимыми при опоре на стандартные модели: медленный ход часов реформ; множество препятствий; откаты назад; эффекты бумеранга, непреднамеренные последствия и т.д.

Поскольку очевидно, что период системных преобразований представляет собой эпохальную историческую трансформацию огромного масштаба и сложности, вроде бы логично обратиться к теориям социального изменения (автор отождествляет их с классическим эволюционизмом). Однако, П. Штомпка подчеркивает, что вера в подобные теории – иллюзия, поскольку не существует социального изменения как такового (опять же, имеется в виду эволюционистская трактовка изменения как абстрактной трансформации всего человеческого сообщества). Поэтому более реалистичным будет обращение к теориям, объясняющим отдельные процессы, охватывающие «избранные аспекты или измерения социальной действительности». К числу таковых П. Штомпка относит классические теории, фокусирующие внимание на «структурной и функциональной дифференциации социального организма» (Г. Спенсер), отчуждении, пауперизации и поляризации классов (К. Маркс), технологических инновациях (Г.Л. Морган), на утрате общности (Gemeinschaft) вследствие урбанизации, индустриализации и омащовления (Ф. Теннис), на разделении труда и росте «моральной солидарности» населения (Э. Дюркгейм), на рационализации, секуляризации и «расколдовывании» мира (М. Вебер), которые могут быть полезными при анализе перехода от «квази-модернити» реального социализма к подлинной современности. Однако, П. Штомпка считает необходимым дополнить это «меню теоретических блюд» еще одним подходом, достойным рассмотрения, который он сам определяет как «культурно-цивилизационный».

При разработке данного подхода П. Штомпка опирается в первую очередь на теоретическое наследие Алексиса де Токвиля, автора известных трудов «Демократия в Америке» и «Старый порядок и революция», и Э. Дюркгейма. Первого польский мыслитель вообще считает основоположником культурно-цивилизационного подхода, вспоминая урок, который Токвиль преподавал последователям, а именно предостережение от недооценки «мягких», неосознанных факторов, таких как привычки, обычаи, менталитет, символы, ритуалы. Опираясь на утверждение А. де Токвиля («Привычки людей могут рассматриваться как одна из наиболее значимых общих причин, обеспечивших поддержку демократической республики в Соединенных Штатах. Я здесь использую слово *привычки* в значении, которое древние применяли к слову *нравы*; поскольку я применяю это не только собственно к манерам – то есть к тому, что можно было бы определить как *привычки души*, – но и к различным понятиям и потоку мнений среди людей, а также к массе тех идей, которые составляют характер их мышления. Я подразумеваю под этим термином, таким образом, целое моральное и интеллектуальное состояние народа»), П. Штомпка дифференцирует социальный опыт на три аналитических уровня, которые, по его мнению, следует рассматривать автономно: 1) что люди делают (поведение); 2) что они думают (менталитет); 3) ожидания относительно действий и мышления (культура и цивилизация).

Буквальное следование концепции Токвиля, замечает П. Штомпка, приводит к психологизму, т.е. к акцентуации внимания на индивидуальных установках, мотивах, побуждениях. Чтобы этого избежать, П. Штомпка предлагает прибегнуть к социологизму Э. Дюркгейма. Следуя дюркгеймовскому понятию «социальные факты *sui generis*», Штомпка предлагает рассматривать культурные предписания как инструкции членам сообщества по поводу того, что должно быть сделано и во что следует верить, поскольку это благо, поскольку это делает/в это верит большинство людей или поскольку так всегда поступали и так всегда было принято. Иными словами, в данном контексте культура рассматривается как фактор, формирующий и санкционирующий власть на основе справедливости, нормы или традиции, обеспечивающий ее законность на основе этих источников.

Таким образом, культурно-цивилизационный подход можно свести к поиску основополагающих моделей мышления, разделяемых всеми членами общества, которые являются поэтому внешними и ограничивающими каждого из его индивидуальных членов. По существу, в рамках данного подхода речь идет не о том, что люди делают и думают, но, прежде всего, о том, что заставляет людей совершать поступки и думать в соответствии с их культурным контекстом.

Само понятие «культурно-цивилизационный» уже неявно делит предметную область «социальных фактов» («коллективных представлений», по выражению Э. Дюркгейма) на культурный и цивилизационный уровни. Под «культурой» П. Штомпка подразумевает социально упорядоченные системы значений, символов, ритуалов, кодов, существующих на уровне социального подсознания и формирующих и регулирующих человеческое поведение и мышление (люди редко их осознают, так как считают само собой разумеющимся). Что касается цивилизационного уровня, то под ним ученый понимает разделяемый обществом универсум объектов, технологий, знаний, верований, ценностей, норм, институтов. В отличие от составляющих культурный уровень компоненты цивилизационного уровня сознательно (хотя и с различной степенью) учитываются акторами, признаются и принимаются как инструменты для достижения целей или удовлетворения собственных потребностей. В подобном контексте культура представляет собой наиболее значимый, глубокий, невидимый слой, а цивилизация – более поверхностную, видимую, социально сформированную среду обитания человека.

Адекватность культурно-цивилизационной перспективы изучению посткоммунистических обществ П. Штомпка объясняет спецификой исторической ситуации, сложившейся в странах ЦВЕ после краха коммунизма. Ее, по мнению ученого, нельзя трактовать как второе рождение капиталистической экономики, как элементарную реконструкцию демократического государства или как «возвращение» в Европу, на Запад, к «норме». Скорее, это – конструкция нового социального порядка из любопытной смеси компонентов различного исторического происхождения. Ядром посткоммунистического перехода является преобразование большинства наиболее значимых, самых глубоких культурно-цивилизационных структур. Применение же культурно-цивилизационного подхода как раз и позволяет переориентировать изучение посткоммунистических обществ с привычного институционально-экономического уровня на область культуры и цивилизации, где как раз и могут быть обнаружены основные барьеры к проведению преобразований. Данный подход, очевидно, может быть использован при анализе гораздо более широкого класса исторических процессов, в основе которых лежат те или иные культурно-цивилизационные нормы.

Серьезной проблемой в рамках модернизационного анализа является дифференцированный анализ предмодерного состояния. Хорошо известно, что сторонники классических модернизационных теорий не уделяли значительного внимания разнообразию предмодерных обществ, которые обычно трактовались как традиционные. Между тем, возможности и перспективы модернизации, в том числе и в сфере культуры, существенно зависят от состояния предпосылок, накопленных в домодерный период, от

потенциала традиционных обществ. При этом важным критерием модернизации является наличие/отсутствие в домодерных обществах культурных ценностей и социальных институтов, способных отвечать на вызовы современности, адаптироваться к функциональным потребностям «модернити».

В этой связи представляет интерес попытка типологии домодерных обществ, предпринятая Гидеоном Шобергом [26]. Автор предлагает выделять два типа традиционных обществ – «народное» и «феодальное». Идеал-типическая модель «народного общества» (folk society) была предложена Р. Редфилдом применительно к небольшим, изолированным, бесписьменным и гомогенным обществам, характеризующимся сильным духом солидарности. Для эффективного функционирования «народных обществ» чрезвычайно важны первичные групповые связи, особенно родственные. Данные общества характеризуются минимальным разделением труда и отсутствием классовой стратификации. Ценностная ориентация имеет священную природу, а действия членов общества имеют тенденцию к строгому соответствию коллективистским нормам.

Модель «народного общества» в наибольшей степени отвечает образу жизни так называемых «примитивных» обществ. В то же время, как справедливо отмечает Г. Шоберг, данная модель теряет свою эффективность, когда ее начинают применять при изучении более сложных обществ Азии, Европы или Латинской Америки, – обществ «письменных», «крестьянских».

Г. Шоберг пытается сконструировать теоретическую модель традиционного общества, как раз соответствующую этим более продвинутым обществам. Автор идентифицирует более сложное традиционное общество как «феодальное» (при этом он подчеркивает социологическую природу предлагаемого концепта, отличающегося от более узкого понятия феодализма, которое разделяют историки-медиевисты, обычно связывающие данное понятие с системой сеньориально-вассальных отношений, существовавшей в чистом виде лишь в средневековой Западной Европе). По мнению Шоберга, феодальное и народное общества обладают сходными чертами – статичностью, священным характером ценностных ориентаций.

В то же время феодальное общество, в отличие от народного, характеризуется гораздо большей гетерогенностью и сложностью. Ему присущи четкая классовая или кастовая стратификация и наличие сложных государственных, образовательных и экономических институтов, требующих широкого разделения труда. Кроме того, феодальное общество имеет существенно большую демографическую и территориальную основу.

Г. Шоберг характеризует феодальное общество как преимущественно крестьянское. Крестьяне проживают в небольших поселениях и получают средства к существованию прежде всего за счет интенсивной обработки земли при помощи примитивной техники. Крестьянские деревни формируют опорную сеть феодальной системы. В то же время, как подчеркивает Г. Шоберг, поселения крестьян не изолированы друг от друга.

В отличие от членов народных обществ, крестьяне производят достаточный избыток продуктов для обеспечения ограниченного числа концентраций населения, представляющих собой фокусы феодального общества. Это города, возникающие как политические, религиозные и торговые центры, социальную роль которых Шоберг оценивает весьма высоко. Жизнь в феодальном городе отличается от жизни в деревне. Кроме того, феодальные города связаны друг с другом. Хотя, конечно, уровень коммуникаций в феодальном обществе еще существенно уступает уровню коммуникаций индустриального общества.

В феодальных городах проживают представители элиты, в частности, чиновники, священнослужители, ученые, знать, землевладельцы, представители воинских сословий. При этом уникальное культурно-историческое развитие конкретного социума определяет состав элит, который варьируется не только между обществами, но и подвергается со временем изменениям в рамках одного общества. В феодальном обществе получает развитие более сложное, по сравнению с народным, промышленное производство – ремесло.

Рассматривая процессы индустриализации и урбанизации в феодальных обществах, Г. Шоберг обращает внимание на сопротивление феодальных структур как в Азии, так и в Европе. Особенностью модернизации феодальных обществ автор считает наложение индустриально-урбанистической структуры на существующую феодальную, которая может до некоторой степени сохраняться. В связи с этим возможно раздвоение в пределах общества, хотя и в различной форме и с весьма различными эффектами. Эмпирическое подтверждение указанной возможности Г. Шоберг обнаруживает в таких странах как Франция и Италия, где крестьянские анклавы увековечивали феодальную организацию. Ситуация усложнялась присущей феодальным обществам перенаселенностью, соединенной с сопротивлением элит, не желавших изменений. Следствием подобных обстоятельств становилось сосуществование двух обществ, «множественной» (многоукладной) экономики и дуалистической социальной структуры. Очень важен вывод Шоберга о том, что модернизация ведет, скорее, к модификации, а не к разрушению феодальных обществ (в этом плане судьба народного общества, напротив, исчезающего в процессе модернизации, представляет противоположность судьбе феодального общества).

При этом автор не отрицает, что, вне зависимости от конечного результата, наложение индустриально-городского общества на уже разработанную социальную организацию феодального общества будет сопровождаться дезорганизацией, серьезными напряжениями и конфликтом.

Дифференцированный подход, предложенный Г. Шобергом, для анализа традиционных обществ, более плодотворен по сравнению с интегралистскими концепциями традиционности. Тем не менее, он может быть развит с целью конструирования более диверсифицированных субмоделей традиционного общества, применимых к различным регионально-локальным, этно-социальным, профессиональным сообществам эпохи становления современного общества. При этом необходимо учитывать неравномерность развития социальных страт, возникновение сети сложных взаимоотношений между ними с очевидными обоюдными влияниями, модифицирующими характеристики взаимодействующих социальных групп.

Существенным дополнением классической модели модернизации может выступать акцент на конфликтный характер процессов перехода от традиционного к современному обществу. Важно понимать, что за анонимными законами развития стоят конкретно-исторические действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых поддерживали новации, структурирование новых отношений, другие отстаивали традиционные институты и ценности. При этом на каждой фазе модернизации, в каждый ее момент происходило осмысление, сопровождавшееся переоценкой наследия, выбраковкой устаревшего, разработкой и усилением новационных элементов.

Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических отступлений. Подобный же подход присутствует в коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век», вышедшей под редакцией д.и.н., проф. В.В. Шелохаева [27]. Монография, подготовленная видными учеными-историками, посвящена комплексному анализу содержания, направленности и механизмов реализации основных моделей общественного переустройства России в контексте модернизационного процесса в пореформенный период: консервативная, либеральная, народническая и анархистская, социал-демократическая модели.

Акцент на противостоянии различных общественных проектов в контексте российской модернизации второй половины XIX – начала XX в. делает в одной из своих публикаций известный специалист по проблемам российских модернизаций А.С. Сеньявский [28]. Он отмечает, что ключевые проблемы России начала XX века уходят корнями как минимум в середину XIX века, когда решался вопрос о путях трансформации России из страны патриархальной, аграрной, сельской в современную, индустриальную, городскую. То был вопрос о модели модернизации, являвшейся для России во многом не продуктом внутреннего развития, которое было заторможено в силу многих, в основном объективных причин, а результатом внешнего давления, угрозы безнадежного отставания от ушедших вперед западных стран. Полуфеодальной, крепостнической России предстояло в короткий срок преобразовать все основы своей жизни. В середине XIX в. в обществе функционировало 4 социальных проекта (не всегда четко оформленных), опиравшихся по сути на 4 существовавших социальных силы. Первый был патриархально-консервативный проект, реакционный по сути, смыслом которого было ничего не менять. Он выражал интересы консервативного дворянства, помещичьего землевладения, стремившегося максимально долго оттянуть отмену крепостного права. Верховная власть отвергла эту позицию как ведущую в тупик. Второй проект революционных демократов, народолюбцев, продвигал в радикальной форме идею крестьянской войны и «черного передела» помещичьей, удельной, казенной земли между крестьянами, объединенными в общины.

Императорская власть, естественно, не собиралась действовать самоубийственным способом – ущемлять слой помещиков, свою главную в тот момент социальную опору, а патриархальное крестьянство, весьма консервативное и пассивное в тот период, с монархическими иллюзиями, не возражало бы против тотального передела земли в свою пользу, и приняло бы ее, если бы вопрос был решен сверху; но к революционному решению проблемы оно тогда было не способно.

Следует сказать, что народнический проект, преемником которого позднее стал эсеровский проект, не имел модернистской перспективы. Выражая интересы крестьянства – сословия феодального общества, он, по сути, звал в прошлое. А будущее могло быть только за основными классами будущего индустриального общества. Это были формирующиеся классы промышленной буржуазии и пролетариата. В 1860-х – 70-х гг. они находились в еще зародышевом состоянии, не имея никакого политического влияния.

Поэтому модернизация осуществлялась верховной властью во многом с опережением социальных, экономических и иных условий, которые имелись в обществе. И здесь действовали два оставшихся проекта модернизации – либеральный и имперский, –

и конкурировавшие, и взаимно дополнявшие друг друга. По сути реализовался имперский проект модернизации при опоре на бюрократию: сильный контроль власти над обществом, энергичное государственное вмешательство в экономику с доминированием в решающих отраслях: железнодорожном строительстве, тяжелой индустрии и др.

Либеральная дворянская элита настояла на формировании основ институтов гражданского общества, социальная базы для которых еще не созрела. Земская, городская, судебная, университетская и др. реформы создали основы самоорганизации соответствующих социальных категорий, вовлекли их в более интенсивную идейно-политическую жизнь, стали полем социальной активности. Но главный для страны – крестьянско-земельный вопрос – отменой крепостного права не был решен.

1.2. Современная теория модернизации и ее интерпретационный потенциал процессов перехода

Модернизационная перспектива как раз и призвана в первую очередь решать проблемы, связанные с объяснением перехода от традиционного, аграрного к индустриальному, современному обществу. Данные проблемы сохраняет свою актуальность для значительной части стран и народов, населяющих современную планету; значима данная проблема и для России, которая осуществляет сегодня грандиозную трансформацию, призванную завершить постройку современного общества. Вероятно, проблема модернизации сохраняет определенную значимость и для наиболее развитых обществ мира, в которых индустриальный сектор экономики по-прежнему играет немаловажную роль.

Свидетельством влияния модернизационной перспективы может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т.д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в рамках конкурирующих теоретических направлений.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть теоретическую значимость модернизационного направления, плодотворность его использования для объяснения механизмов широких исторических процессов.

При этом понятие модернизация сегодня употребляется в различных смыслах: для обозначения широкого исторического процесса перехода от традиционности к современности; для характеристики преобразований, совершенствований, которые осуществляются в современных современных обществах; для объяснения усилий,

предпринимаемых странами Третьего мира с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Необходимо обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в рамках модернизационного направления. Модернизационная школа возникла в 1960–1970-е гг. (работы М. Леви, С. Блэка, Ш. Эйзенштадта, С. Хантингтона, У. Росту, Д. Лернера, Д. Эптера и др. авторов). Однако данная теория не оставалась неизменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее развитие теории модернизации было обусловлено нарастанием сложности реальных модернизационных процессов, развитием теоретического оснащения гуманитарных наук.

На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных процессов развития, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом. В частности, для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации, получила признание идея многовариантного и циклического характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста.

Указанные теоретические инновации заставили по новому взглянуть на такие приписываемые изначально модернизации характеристики, как необратимость, прогрессивность, протяженность и эволюционность, гомогенизирующий эффект.

Так, С. Дьюб критически оценивает приписывание процессу модернизации параметра глобальности. Исследователь справедливо пишет, что, несмотря на широкую диффузию, блага модернизации по-прежнему недоступны для значительной части населения земного шара. Он сомневается в возможности реализации идеала равномерной модернизации в глобальном масштабе. Пользуясь метафорой Э. Тоффлера, он пишет, что в то время как небольшая часть человечества движется от «второй волны» к «третьей», две трети его все еще вынуждены оставаться частью «первой волны». Аспект гомогенизации также, по мнению С. Дьюба, вызывает вопросы. Он противопоставляет ставшему привычным описанию современного мира как «большой деревни» рост национализма и многообразие культурного сознания, указывает на политику супердержав, водоворот напряженности и конфликтов, в которые погружены развивающиеся страны, как на препятствия на пути к глобальной гомогенизации. Рост фундаментализма и контрмодернизационных идеологий во многих обществах ставит, по мнению С. Дьюба,

под сомнение такую характеристику модернизации, как необратимость. Наблюдающийся рост индивидуальной отчужденности и социальной аномии, дисфункциональности множества социальных институтов, насилия, ослабление нормативной структуры общества превращают в дискуссионную и такую характеристику модернизации, как ее прогрессивность [29].

Использование модернизационной парадигмы в качестве познавательной модели ставит ряд проблем. Одна из них может быть сформулирована как системность VS односторонность. Классическая версия модернизационной перспективы исходила из того, что модернизация – комплексный и системный процесс инновационных изменений фактически во всех областях человеческой мысли, поведения, общественного устройства. Системность предполагала соотношение и взаимосвязь изменения одной из движущих сил модернизации с прочими факторами. Атрибуты модернизации, согласно представлениям сторонников данной парадигмы, формируют связное целое, появляясь скорее в кластерах, нежели в изоляции; как только изменения вносятся в одну из сфер деятельности, это неизбежно вызывает соответствующие изменения в других сферах; взаимосвязанные изменения происходят более-менее одновременно; трансформация одной из общественных подсистем должна стимулировать адекватные преобразования других подсистем, что в конце концов резюмируется в общем ходе эволюции общества. Сама эволюция в данном теоретическом контексте дирижируется некими объективными, не зависящими от человека, детерминантами, в которые вложена своеобразная цель – более высокий уровень общественного развития.

Между тем, вряд ли есть основания рассматривать модернизацию как телеологическую эволюцию. Исторический процесс осуществляется как конструирование социальных отношений в пространстве и времени в результате интеракции между структурной детерминантностью и индивидуальной волей. Объясняемая объективность – не отражает его содержания во всей полноте. Поддающееся пониманию волеизъявление индивидуальных агентов, способных трансформировать социальную структуру, – также неотъемлемая составляющая исторического процесса. Данное обстоятельство объясняет существование проблем методологического характера относительно характера связей между социальными, экономическими, демографическими, политическими и прочими переменными. Например, проблемой является установление характера причинной зависимости между экономическими и социальными изменениями (которые в каком-то смысле являются «объективными») и политическими сдвигами, которые обычно являются результатом сознательных человеческих усилий и проявлением свободы воли. Взаимоотношения между макро-социоэкономическими изменениями и макро-

политическими сдвигами опосредуются микро-изменениями на уровне установок, ценностей, поведения индивидов. Участие произвольной компоненты (деятельность) в организации исторического процесса существенно увеличивает риски эскалации несистемности модернизационных сдвигов. «Объемы» сдвигов в различных областях – величины не скалярные, а векторные, и они вступают в резонанс лишь в том случае, если направления их действия совпадают.

В действительности системные сдвиги осуществляются далеко не всегда (можно вспомнить афоризм Станислава Ежи Леца «в действительности все не так, как на самом деле»). По мнению Э. Тириакаяна, модернизация вообще не может интерпретироваться как единый процесс системной трансформации; в конкретном обществе отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; другие группы делают это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; наконец, отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, которые имеют доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства) [30].

Историческая конкретика предоставляет множество примеров, когда модернизационные изменения в одной из социальных сфер не вызывают адекватных трансформаций в общественном теле *in corpore*, или когда адекватные реакции настолько запаздывают (временной лаг может достигать как десятилетий, так и столетий), что вопрос о системности модернизации просто теряет смысл. Динамика развития стран т. н. «догоняющей» модернизации – это непрерывный процесс односторонних, однобоких трансформаций или реакций, далеко не соответствующих стандартам модернизации. Можно вспомнить такие механизмы мобилизации населения в имперской и советской России как крепостничество, отработочная система, принудительный труд в условиях социализма, который квалифицируется некоторыми авторами как «неофеодализм».

Изучение роли образования в ходе модернизации в странах Третьего мира дает многочисленные примеры несоответствия образовательных институтов и их функционирования импульсам модернизации, которое может длиться достаточно долго и в перспективе приводить к сбоям модернизации: непропорциональное распределение ограниченных ресурсов между сферой образования и прочими подсистемами общества; несоответствие качества и профиля подготовки, количества выпускаемых специалистов потребностям национальной экономики и в целом общества; противоречия между характером и ценностными установками системы образования, с одной стороны, и общественными потребностями, с другой стороны (например, ориентация учащихся и специалистов на ценностные установки иной страны, не соответствующие актуальным

проблемам внутреннего развития); уродливое воздействие образовательного фактора на распределение доходов, приводящее к воспроизведению и даже росту неравенства и абсолютного обнищания; стимулирование миграции населения из деревни в город, приводящее к росту городской безработицы; «утечка умов» из бедных в богатые страны; несоответствия и противоречия между субкультурой и идеологией образовательных институтов и общенациональной культурой (например, космополитизм высших учебных заведений VS национализм как идеология модернизации во многих развивающихся странах) [31].

Следующая проблема касается соотношения эндогенных и экзогенных аспектов развития. Модернизационная перспектива, выросшая из эволюционизма, традиционно уделяла преимущественное внимание эндогенным факторам развития. Классическая модернизационная парадигма отводила незначительное место проблемам международного порядка, интер-социальных взаимоотношений, «динамики сопоставлений различных обществ», ее исследовательский фокус был направлен в первую очередь на внутренние, эндогенные факторы модернизации. В орбиту внимания представителей ранней школы модернизации практически не входили международные аспекты национализма и национальной идентичности. Немногие авторы пытались исправить этот недостаток [32].

Между тем, экзогенные аспекты невозможно было обойти при обсуждении вопросов смены традиционных институтов и ценностей новыми, модернистскими, даже несмотря на то, что, как оказалось, традиционные формы обладают колоссальным трансформативным и адаптивным потенциалом, позволяющим им гибко приспосабливаться к новым – модернистским – функциям. Конкретно-исторические исследования показали, что широкое распространение индустриализации (перенос технологий, организационных систем) во многом обязано именно экзогенным аспектам, в частности диффузии, а не внутреннему независимому процессу социальных изобретений [33]. Общеизвестна существенная роль диффузии, импорта институтов в ходе петровской модернизации в России и мэйдзийской – в Японии. Оба случая в высшей степени интересны как исторические примеры преднамеренных, очевидных и систематических процессов копирования и избирательного включения институциональных практик и идей, заимствованных за рубежом.

При этом Д. Уэстни считает, что мэйдзийская Япония являлась лишь примечательным примером исторически гораздо более распространенного явления. Она утверждает, что фактически все общества, по крайней мере, все нации-государства с конца XVIII и начала XIX вв. широко копировали «организационные формы» в других обществах. По мнению Д. Уэстни, межсоциетальное подражание («cross-societal

emulation») уже в конце XIX столетия тесно связало западные общества и обеспечивало их определенную конвергенцию: «значительным было подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами (особенно в военной сфере) и оправдываемое идеологиями, которые подчеркивали однонаправленность и «прогресс» исторической эволюции» [34].

Реализация на практике (в странах Третьего мира) программы модернизации столкнулась с непредвиденными трудностями. Помимо «внутренних» барьеров, существовали и «внешние». Дело в том, что осуществив формально политическую деколонизацию, бывшие имперские державы в лице «мультинациональных корпораций» (позднее эволюционировавших в «транснациональные корпорации» или ТНК) сохранили экономические интересы в экс-колониях. Группы ТНК, как основные потребители и переработчики сырья, были в состоянии контролировать международный рынок, что крайне затрудняло возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры. Недооценка представителями модернизационной перспективы этого международного экзогенного контекста стала основной причиной острой критики со стороны ученых, разделявших представления миросистемной школы и теории зависимости.

Несомненно стимулирующее воздействие внешних факторов (изматывающая конкуренция между социалистическим и капиталистическим лагерем; сопоставление советскими людьми жизненных уровней в социалистических и западных странах; война в Афганистане, ставшая для Советского Союза чем-то вроде Вьетнама или Алжира; целенаправленная политика США на подрыв могущества СССР; импорт зарубежного институционального и политического опыта; неэквивалентный обмен ресурсами с зарубежьем) на процессы грандиозных трансформаций, приведших к распаду СССР и формированию нового социально-политического порядка на постсоветском пространстве.

В 1990-е гг., после окончания холодной войны, ученые в полной мере стали осознавать значение кросс-социетальной коммуникации, межрегиональных, кросс-социетальных и кросс-коммунальных заимствований [35]. Р. Робертсон, опираясь на понятие «селективной восприимчивости» (ориентированный на определение способов, посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами), разрабатывает свой концепт «селективной инкорпорации», которым предлагает дополнить «межсоциетальное подражание» Д. Уэстни. Как считает Р. Робертсон, именно подражание и/или инкорпорации стали центральными компонентами в процессах формирования и трансформации обществ во всем мире. Он вводит в научный оборот еще одно понятие – «сравнительная динамика» –

для обозначения процесса, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ. Именно «сравнительная динамика», считает Р. Робертсон, дает преимущества отдельным сообществам, способствует их росту в отдельные периоды времени, превращению в общества-лидеры и образцы для копирования. Вообще, по мнению Р. Робертсона, систематическое, насколько это возможно, понимание путей, посредством которых сравнение стало естественным аспектом строительства и трансформации наций-государств, является главной задачей социальных мыслителей конца XX в. Лишь выполнив эту задачу, считает он, мы сможем «вернуть модернизационную перспективу обратно» в сферу социальной науки. При этом решение указанной задачи требует от исследователей комплексного постижения того, каким образом в действительности осуществляются сравнения с так называемыми «референтными обществами» (терминология Р. Бендикса); каким образом внутри общества происходит конкурентная борьба и возникают конфликты по поводу того, что и до какой степени необходимо заимствовать; каково при этом институциональное положение влиятельных акторов; какую роль играют интеллектуалы и т.д. [36].

В целом современная модернизационная школа уделяет большее, чем прежде, внимание экзогенным, международным, факторам; учеными не отрицается существенная роль, которую они играют в модификации процессов развития. Однако, как нам представляется, экзогенной переменной должен быть придан равноправный теоретический статус, наряду с эндогенными переменными, и она должна быть интегрирована в теоретическую модель, взаимоувязана с прочими переменными.

Третья проблема может быть сформулирована как дихотомичность VS непрерывность. Представители классической модернизационной перспективы исходили из жесткого противопоставления «традиционности» и «современности», традиционных и современных обществ. Однако, многочисленные исследования историков, антропологов, экономистов убеждают в необоснованности подобного дихотомического ригоризма. Доказано, что, с одной стороны, многие модернистские институты и ценности зарождаются в традиционном контексте, а, с другой стороны, традиционность, интегрируясь в модернизационный процесс, обеспечивает его стабильное протекание и эффективность. Современные ученые уже не рассматривают традицию и современность как взаимоисключающие концепты; в исследованиях последнего времени традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой; ученые обнаружили запутанный клубок взаимоотношений между традицией и современностью. Вместо прежнего третирувания традиций как препятствий для

модернизации исследователи делают попытку рассмотреть конструктивное значение традиций в процессе модернизации. Модернизационные траектории различных обществ, как это показали проведенные эмпирические и компаративные исследования, в большинстве случаев конгруэнтны своим традиционным социокультурным и институциональным наследиям. Концепция «зависимости от пути развития», разработанная в рамках экономической теории, акцентирует внимание на этой особенности исторического процесса. В свете вышесказанного представляется научно оправданным и перспективным, наряду с дихотомическим разведением традиционности и современности, рассмотрение процесса модернизации как непрерывного, преемственно связанного.

Активное освоение модернизационной макротеории отечественными обществоведами началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. Интерес к модернизационной парадигме во многом объяснялся возможностями ее применения при изучении той коренной общественно-политической и экономической трансформации, которая началась в стране с конца 1980-х гг. Теория модернизации казалась более прагматической и более «осязаемой» при соотнесении ее с современными российскими реалиями в сравнении с другими влиятельными макротеориями – общественно-экономических формаций и цивилизаций [37]. В отечественном формате модернизационный подход сохранил свой полидисциплинарный характер, проникнув в российскую социально-философскую, экономическую, политологическую, историческую литературу. Опубликовано уже немало работ, в которых даются обзоры теорий и концепций модернизации зарубежных авторов; модернизационный подход применяется с целью объяснения российского исторического процесса. Определенные историографические итоги в этом плане подведены в недавно опубликованной статье Н.А. Проскуряковой [38].

Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель», модели «консервативной», «рецидивирующей» модернизации, «псевдомодернизации», «контрмодернизации», «деархаизации» и т.д.); доказывающиеся волнообразный, циклический характер российских модернизаций; получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздействия политики модернизации на отдельные периоды российской истории, пространственно-региональные аспекты модернизации, трансформации функций модернизации в условиях глобализации и т.д. Среди прочего в этом ряду следует отметить труды В.В. Алексеева [39] и Е.В. Алексеевой [40], А. Г. Вишневого [41], А.Г. Дрожкина

[42], Н.Н. Зарубина [43], В.В. Ильина, А.С. Панарина и А.С. Ахиезера [44], А. Б. Каменского [45, 46], С. Каспэ [47], В.В. Козловского, А.И. Уткина и В.Г. Федотова [48], В.П. Гутник, В.И. Кузнецова и А.Р. Белоусов и др. [49], В.А. Красильщикова [50], О.Л. Лейбович [51], А.Н. Медушевского [52], Е.Г. Плимак и И.К. Пантина [53], Л.В. Полякова [54], И.В. Поткину [55], В.Г. Хорос [56] и многих, многих других.

Широкое распространение получили оценки российской модернизации как не органичной, преследующей цель догнать более развитые общества, характеризующейся циклизмом, рецидивирующей природой, прочной связью с традицией. Исследователи российской модернизации отмечают, что ритмы модернизационных субпроцессов в технико-технологической, хозяйственно-экономической, политико-правовой, социокультурной и других сферах не были синхронными; задавались они как внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, так и внешними воздействиями (в том числе за счет сложных взаимодействий между ними). Существенное внимание уделяется роли государства, которое обычно трактуется как инициатор, наиболее активная и сильная общественная структура. Достаточно широко отечественными исследователями применяется модернизационный подход при изучении стран Востока, развивающихся стран [57–65].

При этом наиболее востребованными оказались модернизационные исследования классической поры, выполненные преимущественно в 1960-е гг. Чаще всего цитируются авторы того периода – С. Блэк, Д. Лернер, М. Леви, Д. Эптер, Ш. Эйзенштадт и др., – создавшие работы на основе использования эволюционистских и функционалистских постулатов, позднее подвергнутых критике. Гораздо меньшее внимание уделяется работам более позднего периода, методология которых подверглась существенному обновлению. Данное обстоятельство актуализирует обращение к теоретико-методологическим проблемам модернизационной перспективы.

Переопределение понятия модернизации. В свое время уральскими историками было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу (*определение 1*) [66]. Подобное определение в целом правильное, однако оно спрямляет зигзаги реальных модернизационных процессов, не отражает всей сложности и противоречивости переходной эпохи, переходных процессов.

Учитывая указанные выше особенности переходного периода, можно предложить следующее определение модернизации (*определение 2*) – это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельности, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою

очередь, осуществляющийся посредством механизмов и subprocesses (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

Использование двух определений позволяет идентифицировать модернизацию общую и специфическую (по аналогии с неозволюционистским разведением общей и специфической эволюции [67]). Первое определение носит абстрактный характер и знаменует идеально-теоретическую модель модернизационного процесса. Второе, также, конечно, модельное, может применяться для объяснения конкретных способов адаптации к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием подобного разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой, тотальной, абсолютной модернизации) – временных, цивилизационных, страновых, региональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

Процессы модернизации можно и следует изучать на разных общественных уровнях, поскольку последние не сводимы элементарно друг к другу, и ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровней» З. Кракауэра, автоматически переносится на более общую сферу.

Системно-мировой уровень. Наиболее высокий уровень обобщения – мировой, уровень мир-системный (функциональная специализация стран ядра, периферии и полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики). Применительно к мировому уровню обсуждение модернизационной проблематики можно начинать, вероятно, со второй половины XV – XVI столетий, когда на волне подъема в рамках очередного «векового» цикла в экономической, политической, духовной сферах ряда стран Западной Европы появляются новые черты: развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, которое начало ориентироваться не только на местные, но и на более отдаленные рынки; расцвет торгового капитализма; становление колониализма как части экономической, политической и общественной жизни; рост народонаселения и интенсификация урбанизации; образование государств современного типа; изменения в образе мышления (индивидуализация веры, критическое восприятие Библии).

Начало модернизации в ряде регионов, стран ознаменовало наступление *модерной эпохи* и постепенное втягивание в мировой модернизационный процесс все большего числа территорий как вследствие эндогенных трансформаций, так и в результате

колонизации или вынужденных (экзогенных) модернизаций. Процесс протекал с ускорением – и уже к середине XVII в. капиталистическая мировая экономика утвердилась в Европе, консолидировалась до 1760-х гг., а затем – с конца XVIII по начало XX столетия, по мнению И. Валлерстайна, пережила «вторую эру великой экспансии», «втянув» в себя остальной мир.

При этом наиболее развитые страны продвинутой модернизации стали оказывать трансформирующее/деформирующее воздействие на менее развитые, вследствие чего модернизации последних уже не могли протекать по тем же сценариям, которые были реализованы в первых.

Единство развития в контексте системного уровня оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям функционируют разнонаправленные механизмы, что имеет следствием обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних пространствах вызывают тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Рост капитализма в странах западного «ядра» вызывает, например, распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центральной-Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), кризис перенакопления в Западной Европе сопровождается индустриализационным рывком в России на рубеже XIX–XX вв. [68], деиндустриализация в США в начале 1980-х гг. оборачивается индустриализационным ростом в странах полупериферии и т.д.

Естественно, процессы модернизации имели различные последствия для разных стран – положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Итак, можно говорить об эпохе модерна, modernity (возможно, с XVI в., хотя существуют и более осторожные и ограничительные версии – вплоть до сведения данной эпохи к периоду зрелого индустриального общества XIX столетия [69] в целом, имея в виду, что ее характер начинает определять авангард модернизации – вырвавшиеся вперед страны Западной Европы в самом начале, затем – США, сегодня США – Япония – ЕС. Используя данное понятие, мы должны хорошо понимать, что модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор не завершив процесс тотальной современной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации. Далее, это означает, что существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному: включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерные традиционные устои.

Цивилизационный уровень. Модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах. Цивилизации складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно надстрановые культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную.

Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т.д.[70] По существу речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институциональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней).

Неформальные институты (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения) являются главной частью институциональной системы, напоминая невидимое основание айсберга. Они склонны к устойчивости, трансформируются очень медленно (путем инкрементальных изменений – «малых приращений»), сопротивляются резким изменениям, переносу чуждых институтов из других обществ или культур. Вследствие этого, линия последующего развития всегда задана всей предшествующей институциональной историей общества. Современная институциональная теория объясняет эффект институциональной преемственности свойством возрастающей отдачи институтов (влияние института на общество возрастает прямо пропорционально длительности существования самого института и количеству людей, деятельность которых ему подчиняется) и сетевыми эффектами (скоординированной взаимосвязанностью существующих, устоявшихся институтов) [71–76]. Однажды выбранную институциональную траекторию трудно покинуть (Применительно к истории технических стандартов данный феномен объясняется т.н. теорией зависимости от предшествующего пути развития («Path Dependency») [77–79], следствием чего становится разновекторность цивилизационных маршрутов развития. Каковы наиболее важные измерения неформальной институциональной системы, значимые для выбора цивилизационной траектории модернизации? Похоже, это: 1) степень отождествления с другими членами

общества, т.е. радиус доверия или чувство общности; 2) степень ригидности системы морали; 3) стиль и методы отправления власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям, прибыли. Как полагает известный американский социолог Л. Харрисон, указанные факторы «вытекают из общего мировоззрения и представления об обществе, из того, что социологи называют “когнитивной ориентацией” или “когнитивным представлением”. Эти представления формируются географическими и историческими факторами ... Анализ этих четырех факторов поможет прояснить связь между ценностями и прогрессом» [80].

Страновой уровень. Национально-страновой уровень модернизации является наиболее разработанным, поскольку именно страна выступала основной аналитической единицей в рамках классических модернизационных исследований начиная с 1960-х гг., в частности, в трудах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Сравнительно-исторический подход, реализованный в работах представителей модернизационной перспективы (С. Блэк, Ш. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др.), был ориентирован на выявление общих стадий или фаз модернизации; особых путей; комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций. В итоге были достигнуты определенные успехи в выявлении страновых вариантов модернизации.

К числу наиболее интересных тем здесь по-прежнему относится вопрос о факторах дифференциации страновых ответов на вызовы modernity. Одна из последних концептуальных схем по данному вопросу принадлежит немецкому исследователю Д. Зенгхаасу, который, пытаясь объяснить все нынешнее разнообразие национальных вариантов развития европейского капитализма, выделяет 4 дифференцирующих фактора: 1) общий уровень социально-экономического развития, достигнутый страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное влияние на внутренний рынок (т.е., насколько значительно уже подверглись традиционные экономико-правовые структуры и продвинулась техническая модернизация в сельском хозяйстве, промышленности и в сфере торговли данной страны); 2) размеры внутреннего рынка (малые страны изначально подвергаются большей внешней конкуренции по сравнению с крупными, поскольку более значительная часть их ВВП участвует во внешнеторговом обороте); 3) время вступления страны в промышленную конкуренцию (чем позднее, тем более велик накопленный страной разрыв со странами-лидерами); 4) выбор экономической стратегии (широкий спектр вариантов адаптации к условиям внешней конкуренции включает как активное участие в международном разделении труда, открывающее возможность успешной модернизации, так и

самоизоляцию, сопряженную в перспективе с малопродуктивным хозяйственным дирижизмом) [81, 82].

Далее, следует помнить, что за анонимными структурами и «законами развития» стоят конкретно-исторические действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых всегда (или временно) поддерживали новации и структурирование новых отношений, а другие постоянно (или, опять-же, в определенные промежутки времени) отстаивали традиционные институты и ценности. При этом на каждой фазе модернизации, в каждый ее момент происходило осмысление, сопровождавшееся переоценкой наследия, выбраковкой устаревшего, разработкой и усилением новационных элементов. Здесь можно сослаться на концепцию рефлексивного модерна, согласно которой процесс модернизации нельзя превращать в элементарный кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое. Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических отступлений. Это одно из перспективных направлений изучения страновых моделей модернизации.

Региональный уровень. Менее освещенным по-прежнему остается субстрановой уровень модернизационных процессов. Между тем, без исследования субстрановой динамики модернизации вряд ли возможно получение глубоких знаний о сути данного процесса. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). Модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые определяли возможности и ограничения для модернизации, навязывали ей определенный пространственный формат. Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несли отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания.

Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации распространяется и на территориальные (региональные и субрегиональные) общности, которые могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте –

выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII в.) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX в.). Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX в. свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX в. новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности [83]).

Локальный уровень. Необъятный простор для исследований представляет локальный уровень. Разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т.д.) разрастается здесь до наивысших пределов. Самое главное – это самостоятельный уровень исследования, который невозможно заместить знаниями, добытыми, допустим, при изучении страновых или субстрановых модернизационных процессов. Естественно, адекватным инструментом изучения локальных проявлений модернизации может стать микроисторический инструментарий [84–89] с его ориентацией на детальный анализ реальной жизни и взаимоотношений множества людей, стремлением увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни», установкой на реконструкцию («расплетение») «всякой социальной констелляции» как «результата взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий».

1.3. Диффузия как механизм модернизации

К числу важнейших механизмов социальных изменений принадлежит диффузия, то есть распространение инноваций, в том числе их импорт в определенное общество извне. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса и повышения их адаптивных ресурсов в процессе приспособления к новым реалиям. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчающих интерсоциетальные контакты и взаимодействия внутри обществ. Распространению инноваций способствуют торговля, миграции населения, войны, путешествия, развитие средств массовой информации и т.д.

Экзогенные аспекты невозможно обойти при обсуждении вопросов модернизации, то есть перехода от традиционного к индустриальному, современному обществу. Конкретно-исторические исследования свидетельствуют о значимости внешних влияний, импорта технологий и институциональных моделей в национально-страновых контекстах процессов модернизации.

Процессы диффузии отличаются значительным разнообразием. Д. Шон выделил две модели диффузии: центр-периферийная и пролиферации (размножения) центров [90]. Модель «центр-периферия» (один источник инноваций и множество реципиентов) предполагает, что распространение нововведения осуществляется и контролируется из одного центра. В этом случае эффективность процесса диффузии зависит от энергии и ресурсов центра, от его умения создавать и контролировать обратные связи.

Данная модель представлена в двух вариантах: 1) модель магнита (например, в XIX в. в университеты Германии приезжали студенты из разных частей мира, затем, возвращаясь в свои страны, способствовали распространению там усвоенных ими знаний); 2) модель «средневекового барда», который, путешествуя, демонстрирует и внедряет нововведения.

Модель размножения (пролиферации) центров (реципиенты сами становятся инноваторами) по-прежнему отводит главную роль центру, но при этом предполагается децентрализация процесса управления диффузией. На местах создаются локальные центры, которые самостоятельно распространяют нововведения, учитывая местную специфику. Так, римская армия, занимая новые территории и подчиняя местное население, распространяла римский образ жизни. Согласно данной модели, по мнению Д. Шона, происходило распространение христианства, индустриализма, колониализма и коммунизма.

Эверетт М. Роджерс разработал теоретическую модель изучения диффузии [91]. Решающими моментами в процессе диффузии, по мнению Роджерса, являются: 1) сама *инновация* (которая может быть и технологическим усовершенствованием, и социальным движением, и новым продуктом, и какой-то прихотью, причудой); 2) *каналы*, посредством которых передается, презентруется (устная коммуникация, реклама и т.д.); 3) *время*, необходимое для подобной передачи; 4) члены *социальной системы*, которым предстоит усвоить инновацию.

Э. Роджерс выделяет пять стадий усвоения инновации: 1) *Стадия осознания* (Индивид узнает о новой идее, но еще не обладает достаточной и надежной информацией о ней); 2) *Стадия заинтересованности* (Индивида увлекает новая идея, и он стремится собрать о ней как можно больше информации); 3) *Оценочная стадия* (Индивид оценивает

применимость идеи к своему настоящему опыту и прогнозируемым ситуациям в будущем); 4) *Испытательная стадия* (Индивид использует инновацию на практике в небольшом масштабе, чтобы определить ее полезность); 5) *Стадия усвоения* (Индивид принимает инновацию).

Поскольку динамика усвоения инновации в значительной степени зависит от характеристик самой инновации, Э. Роджерс выделяет 5 характеристик инновации, которые оказывают наибольшее влияние на темпы ее усвоения: 1) *Относительное преимущество* указывает на степень превосходства инновации в сравнении с идеями и продуктами, которые ей предстоит заместить; данная характеристика определяется такими параметрами, как эффективность, стоимость, новизна, осязаемая выгода; 2) *Совместимость* – степень согласованности инновации с принятыми ценностями, опытом, потребностями реципиента; 3) *Сложность* определяется степенью трудностей в усвоении и использовании инновации; 4) *Испытуемость* – степень, в которой инновация может быть опробована в ограниченном масштабе; 5) *Очевидность* означает видимость, эффективность результата принятия инновации для окружающих.

В качестве идеальных типов Э. Роджерс выделяет 5 категорий участников диффузии: 1) *Инноваторы*, желающие испытать (применить) новые идеи; 2) *Ранние заимствователи*, более интегрированные, по сравнению с инноваторами, в социальную систему; это индивиды, стремящиеся к известности, успеху, уважению; 3) *Раннее большинство* – эти люди принимают новые идеи несколько ранее, нежели основная масса населения; они более осторожны, способствуют легитимизации инноваций, хотя сами редко выступают в качестве лидеров; 4) *Позднее большинство* – следуют в процессе принятия инноваций за средним большинством социальной системы; для них принятие инноваций зачастую обуславливается социальным давлением или экономической необходимостью; 5) *Увальни*, которые с подозрением относятся к инноваторам и агентам социальных перемен, являясь носителями традиционных ценностей; принимают социальные новации последними.

Таким образом, модель Э. Роджерса позволяет дифференцированно подойти к процессу диффузии, уделяя при этом существенное внимание его динамике, участникам, результативности.

Логично предположить, что модернизационный подход должен в значительной степени фокусироваться на процессах переноса технологий, социальных институтов, культурных ценностей.

Классической модернизационной парадигме было присуще внимание к проблематике развития, факторам и механизмам перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне;

использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В социологических теориях модернизации классического периода (1950–1960-х гг.) сам процесс перехода от традиционного к современному обществу рассматривался обыкновенно как «вестернизация» или «европеизация». При этом диффузионные модели, как противоречившие эволюционистской по своей природе теории модернизации, фактически не использовались для объяснения механизмов изменений в модернизирующихся обществах. В современных вариантах теории модернизации понятия модернизации и вестернизации были разведены; получили признание различные пути развития, в частности: вестернизации без модернизации, модернизации без вестернизации, догоняющей модернизации (С. Хантингтон) [92].

Сторонники модернизационного подхода признают возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу [93], т.е. различные национально-страновые последовательности решения в процессе модернизации тех или иных задач, разные варианты соотношения традиционализма и инновационизма и т.д. Естественно, при разных вариантах перехода к современному обществу диффузия будет играть различные роли. Это можно проиллюстрировать, опираясь на типологию модернизационных процессов, предпринятую С. Блэком [94]. В качестве критериев типологизации С. Блэк предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или позднее); 2) эндогенная или экзогенная природа непосредственного политического вызова современности; 3) непрерывность или кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи *modernity*; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям *modernity*, или отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ.

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является, таким образом, сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем. С. Блэк выделяет «семь типов политической

модернизации» среди современных ему обществ: 1) страны ранней самостоятельной эволюционной комплексной модернизации, отличающиеся ярко выраженной внутренней природой вызова современности, высокой степенью континуитета состава территории и населения в эпоху modernity и оптимальной адаптивностью традиционных институтов к модернистским функциям (Великобритания и Франция); 2) «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете, для которых были характерны более поздние сроки модернизации, внутренний характер непосредственного вызова modernity, наличие развитых институтов и не обремененной наследием прошлого подвижной социальной структуры, способных адаптироваться к функциям современности, наличие обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, фактор иммиграции, создававший проблему ассимиляции, фундаментальные перегруппировки состава территорий и населения и продолжительные периоды колониальной зависимости на начальном этапе (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия); 3) разнородная группа стран Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса, но при этом имела место длительная внутренняя разработка модернистских идей и институтов, составивших вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни, еще в предшествующую эпоху были разработаны институты, способные адаптироваться к функциям современности, наблюдались продолжительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения, трудный процесс строительства наций и социальной интеграции (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Германия, Италия, Испания, Дания, Норвегия, Швеция); 4) «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете, для которых были характерны более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, достижение национальной независимости в неоколониалистской форме, имевшей тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни, численное доминирование неевропейского населения, блокировавшее расширение эффективного гражданства и способствовавшее растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или не-европейского населения (страны Латинской Америки); 5) также весьма неоднородная группа обществ, сумевших отстоять независимость благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления, своеобразной эффективности традиционных правительств, созданию территориальных и демографических основ своих государств в домодернизационный период, модернизовавшихся самостоятельно и постепенно, под эгидой собственных

традиционалистских правительств, но под косвенным влиянием обществ более ранней модернизации, сохранивших в значительной степени изначальный состав территории и населения (Россия, Япония, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Эфиопия и Таиланд); 6) бывшие колонии Азии и Африки, население которых сумело разработать достаточно высоко развитые традиционные культуры (на основе ислама, индуизма и буддизма), ставшие залогом относительно успешного взаимодействия с культурами современных «опекунских» обществ в процессе их адаптации (в целом крайне сложной и незавершенной) к модернистским функциям; 7) ряд районов Африки к югу от Сахары, бывших колоний, не разработавших собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности, вынужденных в силу этого напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

Типологическая схема, разработанная С. Блэком, позволяет высказать некоторые соображения по поводу факторов, определяющих значимость диффузии в том или ином варианте модернизации. Очевидно, что общества, выступающие пионерами модернизации, не предрасположены к заимствованиям новаций извне (первый тип). Им приходится в большей степени полагаться на собственные ресурсы и модели. «Последователи» в этом плане оказываются в более благоприятной ситуации; страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок. Существенное воздействие на режим диффузии оказывает наличие или отсутствие в стране ценностей и институтов, адаптируемых к потребностям modernity. Отсутствие подобных ценностей и институтов вынуждает общество к заимствованиям их (седьмой тип). Однако, не следует рассматривать данную зависимость чересчур прямолинейно. Как свидетельствует опыт стран пятого типа, согласно схеме С. Блэка, общества, сумевшие создать эффективную государственность на традиционалистской основе, могут в течение длительного времени полагаться на автохтонные образцы поведения. При этом необходимо иметь в виду, что даже в случае ограниченных заимствований извне, модернизирующееся общество, очевидно, должно постоянно прибегать к полнокровной «внутренней» диффузии.

Для анализа внешних «вызовов», выступавших иницилирующими импульсами формирования «цепочек» нововведений, недостаточно использования теорий модернизационного подхода и диффузии. Последние следует дополнить концептами «селективной восприимчивости», «селективной инкорпорации» (определение способов,

посредством которых общества стремятся поддерживать баланс между внутренними и внешними культурными образцами) и «сравнительной динамики» (процесс, посредством которого реальные или потенциальные элиты систематически включаются в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ) Р. Робертсона, а также «межсоциетального подражания» (подражание, подстегиваемое конкуренцией между нациями-государствами) Д. Уэстни [34, 35. Р. 216–218, 226–231].

Особо следует коснуться вопроса укоренения нововведений. Признавая существенную роль диффузии в процессе социальных изменений, мы не склонны понимать ее буквально, упрощенно, как простой механический перенос каких-либо явлений в пространстве. Мы исходим из того, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и той средой, которая выступает их реципиентом. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными).

Данный тезис хорошо иллюстрирует наблюдение М. Малиа по поводу распространения в Европе пришедших на место «старого порядка» (*l'ancien régime* – то есть, абсолютная монархия, узаконенная социальная иерархия, монополия государственной церкви) структур *modernity*, характерных для Нового времени: «Так, начав с передового атлантического Запада, силы демократии и индустриализма, либерализма и социализма, классицизма и романтизма двигались с Запада на Восток. Однако в процессе этого движения каждый из этих аспектов современной цивилизации преобразался, а иногда и искажался, по мере проникновения в неравномерно развитые зоны. Таким образом, внутри большой Европы существует ряд подразделений: англо-французский Запад, германский Центр, славянский Восток и средиземноморский Юг. Кроме того, существует дальний Запад – за Атлантическим океаном, в Америке, – сочетающий в себе элементы всех европейских подразделений» [96].

Итак, заимствование явлений не всегда сопровождается переносом его системных признаков, т.е. места и роли, которыми они обладают в системе культуры-донора. Более того, возможны случаи традиционалистской реакции и отторжения внешних заимствований спустя некоторое время после их внедрения.

Диффузия в целом является одним из механизмов, которые используются в процессе и в целях модернизации. Диффузия определяет векторы экзогенного развития и позволяет объяснить некоторые аспекты исторического процесса – но, конечно, не все. Помимо внешних влияний, их взаимодействия с внутренними чертами и синтеза, существуют и

имманентная логика процессов, обусловленная действием эндогенных факторов. Сами результаты диффузии находятся в существенной зависимости от того исторического контекста, к которым им приходится адаптироваться. Общий ход развития будет успешным лишь в том случае, если удастся гармонизировать его эндогенные и экзогенные составляющие.

Глава 2. Динамика переходной эпохи

2.1. Социокультурные механизмы: традиция и модерн в контексте транзита

Традиция – одно из ключевых понятий в науках об обществе и человеке. Традиции присутствуют во всех обществах. Более того, общество не может функционировать, не опираясь на традиции. В отечественной науке концепт «традиция» разрабатывался преимущественно в этнологии и культурологии. При этом традиция понималась обычно как своеобразный механизм функционирования культуры и, соответственно, общества. Данное понятие многозначно; существуют более узкие и более широкие определения традиции. По мнению Э.С. Маркаряна, традиция это «выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах» [97].

Данное определение чрезвычайно широкое и оставляет за своими пределами, помимо инноваций, преимущественно формы индивидуальной культуры. С.А. Арутюнов считает целесообразным ограничить понятие традиции той частью культуры, которая более-менее постоянно воспроизводится в общественном сознании и поведении, и не включать сюда экстериоризированную часть культуры (выведенную вне самого человека) [98, 103. С.162]. Согласно определению К.В. Чистова, традиция – «это сеть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершаются определенный отбор, стереотипизация опыта и передача стереотипов, которые затем опять воспроизводятся» [99, 100. С.15].

В трудах отечественных философов, культурологов, этнографов, фольклористов, историков убедительно показано, что сама традиция никогда не была шаблоном, всегда имела место вариация традиции (ее «вибрирование»). «Вариативность, – отмечает К.В. Чистов, – есть способ и одновременно условие существования традиции». «Стереотипы могут становиться стереотипами только благодаря их определенному свойству (или

качеству), – пишет исследователь, – пластичности, т. е. способности адаптироваться (функционировать) в типовых, но все-таки изменчивых ситуациях» (имеет место «непрерывное синонимическое варьирование, обратимые замены, которые таят в себе возможность расширения зоны варьирования, а при определенных условиях и существенных изменений») [100. С.16–17].

Традиции обычно противостоит инновация (т.е. нововведение), однако эта оппозиция (традиция-инновация) относительна, поскольку любая традиция когда-то была инновацией, а любая инновация со временем может трансформироваться в традицию. В исторической реальности постоянно обнаруживает себя тенденция к обновлению за счет внедрения инноваций, превращения их со временем в традиции, выбраковывания устаревших, избыточных традиций [97. С. 78–96, 100. С. 14–22; 102. С. 107–176, 103. С. 160–185, 104–109]. «... динамика культурной традиции, – утверждает Э.С. Маркарян, – это постоянный процесс преодоления одних видов социально организованных стереотипов и образования новых. Рассмотренный с системно-кибернетической точки зрения, он выступает в качестве стержня процессов социальной самоорганизации» [97. С.81]. Соответственно, относительно и противопоставление традиционных и инновационистских (модернистских) обществ. Когда исследователи говорят о традиционных обществах, они имеют в виду только то, что в них (в сравнении с другими обществами) более значимыми в поведении и культуре являются ориентации на традиции, опыт, заданные формы поведения (актуально все наследие и преимущественно наследие актуально; отношение к новому предосудительное и негативное). Рассматривая инновационистское общество, подразумевают, что для него приоритетна актуальность моделей деятельности, возникающих на данном этапе [110].

Серьезной проблемой в изучении переходности является дифференцированный анализ предмодерного состояния. Хорошо известно, что сторонники классических модернизационных теорий не уделяли значительного внимания разнообразию предмодерных обществ, которые обычно трактовались как традиционные. Между тем, возможности и перспективы модернизации, в том числе и в сфере культуры, существенно зависят от состояния предпосылок, накопленных в домодерный период, от потенциала традиционных обществ. При этом важным критерием модернизации является наличие/отсутствие в домодерных обществах культурных ценностей и социальных институтов, способных отвечать на вызовы современности, адаптироваться к функциональным потребностям «модернити».

В этой связи представляет интерес попытка типологии домодерных обществ, предпринятая Гидеоном Шобергом [26]. Автор предлагает выделять два типа

традиционных обществ – «народное» и «феодальное». Идеал-типическая модель «народного общества» (folk society) была предложена Р. Редфилдом применительно к небольшим, изолированным, бесписьменным и гомогенным обществам, характеризующимся сильным духом солидарности. Для эффективного функционирования «народных обществ» чрезвычайно важны первичные групповые связи, особенно родственные. Данные общества характеризуются минимальным разделением труда и отсутствием классовой стратификации. Ценностная ориентация имеет священную природу, а действия членов общества имеют тенденцию к строгому соответствию коллективистским нормам.

Модель «народного общества» в наибольшей степени отвечает образу жизни так называемых «примитивных» обществ. В то же время, как справедливо отмечает Г. Шоберг, данная модель теряет свою эффективность, когда ее начинают применять при изучении более сложных обществ Азии, Европы или Латинской Америки, – обществ «письменных», «крестьянских».

Г. Шоберг пытается сконструировать теоретическую модель традиционного общества, как раз соответствующую этим более продвинутым обществам. Автор идентифицирует более сложное традиционное общество как «феодальное» (при этом он подчеркивает социологическую природу предлагаемого концепта, отличающегося от более узкого понятия феодализма, которое разделяют историки-медиевисты, обычно связывающие данное понятие с системой сеньориально-вассальных отношений, существовавшей в чистом виде лишь в средневековой Западной Европе). По мнению Шоберга, феодальное и народное общества обладают сходными чертами – статичностью, священным характером ценностных ориентаций.

В то же время феодальное общество, в отличие от народного, характеризуется гораздо большей гетерогенностью и сложностью. Ему присущи четкая классовая или кастовая стратификация и наличие сложных государственных, образовательных и экономических институтов, требующих широкого разделения труда. Кроме того, феодальное общество имеет существенно большую демографическую и территориальную основу.

Г. Шоберг характеризует феодальное общество как преимущественно крестьянское. Крестьяне проживают в небольших поселениях и получают средства к существованию прежде всего за счет интенсивной обработки земли при помощи примитивной техники. Крестьянские деревни формируют опорную сеть феодальной системы. В то же время, как подчеркивает Г. Шоберг, поселения крестьян не изолированы друг от друга.

В отличие от членов народных обществ, крестьяне производят достаточный избыток продуктов для обеспечения ограниченного числа концентраций населения, представляющих собой фокусы феодального общества. Это города, возникающие как политические, религиозные и торговые центры, социальную роль которых Шоберг оценивает весьма высоко. Жизнь в феодальном городе отличается от жизни в деревне. Кроме того, феодальные города связаны друг с другом. Хотя, конечно, уровень коммуникаций в феодальном обществе еще существенно уступает уровню коммуникаций индустриального общества.

В феодальных городах проживают представители элиты, в частности, чиновники, священнослужители, ученые, знать, землевладельцы, представители воинских сословий. При этом уникальное культурно-историческое развитие конкретного социума определяет состав элит, который варьируется не только между обществами, но и подвергается со временем изменениям в рамках одного общества. В феодальном обществе получает развитие более сложное, по сравнению с народным, промышленное производство – ремесло.

Рассматривая процессы индустриализации и урбанизации в феодальных обществах, Г. Шоберг обращает внимание на сопротивление феодальных структур как в Азии, так и в Европе. Особенностью модернизации феодальных обществ автор считает наложение индустриально-урбанистической структуры на существующую феодальную, которая может до некоторой степени сохраняться. В связи с этим возможно раздвоение в пределах общества, хотя и в различной форме и с весьма различными эффектами. Эмпирическое подтверждение указанной возможности Г. Шоберг обнаруживает в таких странах как Франция и Италия, где крестьянские анклавы увековечивали феодальную организацию. Ситуация усложнялась присущей феодальным обществам перенаселенностью, соединенной с сопротивлением элит, не желавших изменений. Следствием подобных обстоятельств становилось сосуществование двух обществ, «множественной» (многоукладной) экономики и дуалистической социальной структуры. Очень важен вывод Шоберга о том, что модернизация ведет, скорее, к модификации, а не к разрушению феодальных обществ (в этом плане судьба народного общества, напротив, исчезающего в процессе модернизации, представляет противоположность судьбе феодального общества). При этом автор не отрицает, что, вне зависимости от конечного результата, наложение индустриально-городского общества на уже разработанную социальную организацию феодального общества будет сопровождаться дезорганизацией, серьезными напряжениями и конфликтом.

Дифференцированный подход, предложенный Г. Шобергом, для анализа традиционных обществ, более плодотворен по сравнению с интегралистскими концепциями традиционности. Тем не менее, он может быть развит с целью конструирования более диверсифицированных субмоделей традиционного общества, применимых к различным регионально-локальным, этно-социальным, профессиональным сообществам эпохи становления современного общества. При этом необходимо учитывать неравномерность развития социальных страт, возникновение сети сложных взаимоотношений между ними с очевидными обоюдными влияниями, модифицирующими характеристики взаимодействующих социальных групп.

Традиция в контексте модернизации: теоретические аспекты

В основе теоретической схемы, предложенной в середине XX в. для объяснения процессов модернизации, лежал дихотомический принцип, радикальное противопоставление традиционного («агрикультурного») и современного («индустриального») обществ, параметры которых обычно описывались как диаметрально противоположные [111. Р. 67, 112. Р. 24–25, 113]. Предполагалось, что в ходе модернизации происходит полная перестройка общества, касающаяся его институциональных и социокультурных основ.

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования традиционных элементов в процессе модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, мутации, трансформации. Проблема барьеров модернизации получила широкую разработку в литературе. Возможно, наиболее детальную инвентаризацию препятствий переменам в социальном, культурном и психологическом аспектах предпринял американский социолог Джордж М. Фостер. Последний выделил *социальные* (групповая солидарность: взаимные обязанности в рамках семьи, фиктивное родство (fictive kin), дружественные связи, малые группы, общественное мнение, клановые разборки, статусные интересы; устоявшиеся местные авторитеты: семейные, политические, неординарных личностей; кастовые и классовые барьеры и т.д.), *культурные* (ценности и ориентации: традиции, фатализм, культурный этноцентризм, чувства гордости и достоинства, нормы скромности, локальные ценности; структура культуры: логическая несовместимость культурных характеристик и непредвиденные последствия планируемых инноваций; моторные образцы и привычные телесные позиции) и *психологические* барьеры, относимые к категории межкультурного восприятия (восприятие характера власти, отношение к подаркам, дифференциации ролей

и т.д.; коммуникативные трудности: языковые, демонстрируемые предупреждения об опасности и т.д.; проблемы переобучения и т.д.) [114, 115. С.469, 33. Р.255–277].

Для ранней (классической) школы модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых и относительно стабильных наций (подразумевались США и развитые страны Западной Европы). Сущность модернизации сводилась, таким образом, к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны. Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации сообщества, порождающий тенденции и импульсы к конвергенции. Ранней парадигме модернизации было присуще жесткое противопоставление традиционного и рационального экономического поведения, отношение к традиционным институтам и обычаям как к препятствиям развития общества. Модернизация трактовалась как процесс трансформации, подрывающий и вытесняющий традиции, в том числе традиционные формы общежития (семья, сельское сообщество). Традиция рассматривалась как архаичное, отмирающее явление, неспособное противостоять современным формам жизни и вступать с ними в симбиоз. При этом традиция характеризовалась как застывшая, статичная форма, динамика которой может быть вызвана только внешними обстоятельствами и вопреки природе самого традиционного общества. По словам С. Хантингтона, «современность» и «традиция» рассматривались представителями ранней школы модернизации как асимметричные понятия.

Уже в 1960-е гг. построения представителей ранней школы модернизации стали подвергаться критике с разных теоретических и идеологических позиций. Принципиально изменилось вообще отношение к традиции, которая стала рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента любой социальной структуры – как социальной организации в целом (в независимости от того, принадлежит она традиционному или современному обществу), так и ее каждого отдельного элемента (С. Эйзенштадт). Так, Э. Шилз отмечал, что «между механизмами устойчивости и механизмами изменения нет абсолютного различия. Устойчивость есть в самом изменении и вокруг него, и механизмы изменения требуют также действия механизмов устойчивости; без этого инновация бы поблекла и мог бы произойти возврат к прежнему состоянию».

Постепенно приходило осознание того, что в модернизирующихся обществах существует множество взаимосвязей между традиционностью и современностью в социальной, экономической, политической сферах. Мишенью критики стал тезис о несовместимости традиции и модернизации. Прежнее убеждение о неизбежной

конфликтности между традицией и инновацией в свете новых данных стало выглядеть абстрактным и не подтверждаемым фактами. Оппоненты сделали попытку более внимательно и глубоко проанализировать сами эти традиции.

Дж.Р. Гасфилд одним из первых подверг сомнению тезис о том, что традиционная культура являлась якобы согласованной, жестко интегрированной системой норм и ценностей. Было отмечено, что традиции в странах, движущихся по пути модернизации, отнюдь не представляют собой набора однородных и гармоничных ценностей, напротив, они являются гетерогенными. Р. Редфилд предложил различать «большую» (ценности элиты) и «малую» (ценности масс) традиции. По мнению автора, эти две традиции имеют существенные различия: если большая традиция культивируется в школах и храмах, то малая вырабатывается и поддерживается жизнью людей необразованных в их деревенских общинах; если первая культивируется и наследуется сознательно, то вторая скорее принимается как данность и в слабой степени подвергается анализу или совершенствованию. Вместе с тем, Р. Редфилд отметил взаимодействие и взаимозависимость, существующие между большой и малой традициями: «Большую и малую традиции можно представить в виде двух потоков мысли и действия, отличных друг от друга и вместе с тем впадающих один в другой и вытекающих один из другого». К схожим выводам пришел и С. Эйзенштадт, утверждавший, что общества «макросоциетального порядка» обычно обладают «несколькими различными видами и уровнями организации» и, как правило, не организованы в одну систему; благодаря относительной автономности различные аспекты социальной организации изменяются в разной степени и различным образом. Было отмечено, что доиндустриальные общества характеризуются не только культурной неоднородностью, но и конфликтностью. Общества прошлого отнюдь не были мирными и стабильными, они постоянно сотрясались крестьянскими восстаниями, национальными движениями, религиозными войнами. В качестве ложного был признан прежний тезис о традиционном сообществе как гомогенной социальной структуре.

Был поставлен вопрос, а действительно ли традиционные и модернистские институты и ценности являются взаимоисключающими. Углублению понимания взаимодействия традиции и modernity способствовало признание того факта, что традиционная культурная система содержит различные аспекты или измерения, разнородные элементы, которые разным образом реагируют на новации, на вызовы современности. В связи с этим подчеркивалась необходимость дифференцированного подхода к традиции. Только такой подход, отмечалось в литературе, позволяет установить,

какие элементы традиции препятствуют, а какие, напротив, способствуют развитию в каждом конкретном случае.

Если ранние теории модернизации и экономического роста рассматривали «большую» семью и кастовую систему как препятствия для развития, то впоследствии учеными было признано, что упомянутые явления включают целые комплексы отношений, реакции которых на модернизацию могут существенно различаться в зависимости от конкретных контекстов. Стало ясно, что интерпретацию, например, кастовой системы лишь в качестве барьера для модернизации следует признать излишне односторонней. Если одним измерением кастовой системы было распределение труда и регулирование мобильности, то другим измерением были статусные требования, игравшие роль ограничителей в стремлении накапливать капитал. Отнюдь не редким явлением в индийской жизни были попытки некоторых каст стать более мобильными, улучшить свое материальное и ритуальное положение. Вряд ли экономическому росту могли препятствовать расширение возможностей региональных каст, развитие кастовых ассоциаций, растущая значимость каст в политической жизни. Все это способствовало созданию благоприятных условий для кредитования, организации обучения, профессионального спонсорства на основании сегментарной, традиционной лояльности, которая, в свою очередь, вносила элементы доверия и ответственности в экономические отношения. При их отсутствии, отмечали специалисты, в экономической сфере «правят бал» подозрение и недоверие между людьми, которые не связаны никакими другими отношениями, кроме чисто экономических. Анализ влияния индустриализации на семью в традиционных и прединдустриальных обществах также обнаружил совместимость «большой семьи» с индустриальным строем. В экономической истории Индии было выявлено множество примеров мощных промышленных организаций, выросших из традиционных семейных объединений (и поддерживаемых ими). Оказалось, что «большая семья» играла заметную роль в малом бизнесе, где она являлась основным источником сбережений и накопления капитала.

Конкретный эмпирический анализ показал, что в традиционных обществах обнаруживается множество элементов, которые вполне можно отнести к модернистским (интерпретировать в качестве модернистских). Подобные наблюдения подталкивали к заключению, что в исторической реальности традиционалистские и модернистские ценности и институты могли сосуществовать.

Вызвало возражения однозначное представление о традициях как факторе, препятствующем модернизации. Ряд исследователей обратил внимание на то, что традиции могут быть в высшей степени полезными и конструктивными в процессе

модернизации. Открытием стало то, что традиционные структуры могут обеспечивать умениями, навыками; традиционные ценности могут быть приспособлены в качестве источников легитимизации при достижении определенных новых целей в процессах модернизации. Так, например, в Японии симбиоз «феодализма» и индустриального развития содействовал быстрому экономическому росту. Успехам ранней индустриализации в Японии способствовала сохранившаяся в основном традиционная семейная система, в частности подчинение власти отца; преданность императору и семье, коллективизм и низкая вертикальная мобильность стали факторами, которые поддерживали социальные и экономические изменения в Японии, обеспечивая стабильность трудовых коллективов и рост производительности труда. По мнению японского профессора А. Китахары, в послевоенный период в Японии именно община, обладавшая высокой солидарностью, явилась тем инструментом, посредством которого японцы успешно добивались реализации новых демократических целей государства в условиях, когда еще не сформировался индивид и не сложилось гражданское общество.

Не получил развития тезис о легкости выкорчевывания традиций в процессе модернизации, об ослаблении традиционных институтов и ценностей в результате изменений. Напротив, наука накапливала все большее количество фактов, которые свидетельствовали о возможности мирного сосуществования и взаимного приспособления новых и старых культур и структур, а также о возможности своеобразной реанимации и даже усиления традиций в ходе модернизации. Так, Д. Эптер писал, что культура никогда не уступает целиком место для новых форм, несмотря на порой безжалостную и жесткую интервенцию инноваций. Разнообразные реакции традиции на модернизацию, по его мнению, объясняли множество различий в политических системах современных наций.

Получила развитие концепция так называемых переходных систем (модель парциальной или частичной модернизации), причудливо сочетающих элементы традиции и современности и вполне жизнеспособных. Было признано, что в развитии переходных систем присутствует своя собственная логика, обусловленная в значительной степени традициями, что переходным обществам присуща способность к реорганизации и непрерывности, разработке собственной внешней и внутренней политики, обеспечивающей их жизнедеятельность.

На то, что не всегда в процессе модернизации старое заменяется новым, обратил внимание в своей полемической статье и Дж.Р. Гасфилд. «Усвоение нового изделия, новой религии, новой схемы принятия решений, – писал исследователь, – не ведет с неизбежностью к исчезновению старой формы. Новые формы могут только увеличивать диапазон альтернатив. Как колдовство, так и медицина могут сосуществовать,

используемые альтернативно одними и теми же самыми людьми. Синкретизм противоречивых элементов давно был отмечен в принятии религиозных обрядов и верований. В испано-говорящих странах язычество и католицизм зачастую достигали взаимной терпимости в новой обрядовой форме, созданной на базе того и другого. “Большая традиция” городского мира в Индии отнюдь не вытесняла “малую традицию” деревни, напротив, они вступили в контакт. Взаимодействие привело к слиянию и взаимному проникновению. Мы стали все более осознавать, что результатом взаимодействия процессов модернизации и традиционных форм нередко является такая смесь, в которой каждая составляющая скорее получает определенную поддержку от другой, нежели сталкивается со своей противоположностью».

Дж.Р. Гасфилд отметил также то, что в процессе модернизации последствием совершенствования транспортной системы, коммуникаций, роста грамотности и горизонтальной мобильности становится интенсификация распространения идей, которая облегчает трансляцию как новых, так и традиционных представлений. Влияние «большой традиции» начинает испытывать все большее количество локальных и социальных групп. Облегчается паломничество к отдаленным святыням, что, в свою очередь, открывает новые возможности для обретения более прочных корней концепции единой, национальной религии. Модернизация создает условия (возможности создания ассоциаций, издания журналов) для организационного оформления кастовых объединений как на региональном, так и на национальном уровне. Рост общинной мобильности, распространение образования выводят на историческую сцену полугородские слои, более приверженные традиционным, нежели западным ценностям. Сельские общины – средоточие «малой традиции» – становятся в условиях модернизации все более открытыми именно традиционным, традиционалистским веяниям, нежели ветрам перемен собственно модернистских.

В процессе эволюции модернизационной перспективы пересматривались концептуальные схемы, объясняющие сами механизмы взаимодействия традиции и модернизации. Если в ранних прямолинейных конструкциях традиционные институты и формы интерпретировались как барьеры, препятствующие переходу от традиционного к современному обществу, если ранее считалось, что для осуществления модернизации необходимо преодолеть, во-первых, экономические преграды, чтобы внедрить такие модернистские качества собственно капиталистической системы как рациональность, аскетизм, непрерывный процесс производства и обмена и рынок формально свободной рабочей силы, во-вторых, в социально-политической области требовалось заменить патримониализм и экономические структуры, основанные на родственных отношениях, на

рациональную административную организацию и правовые институты, отделить бизнес от местожительства, разграничить общественную и частную собственность, то в 1980-е гг. были разработаны другие схемы для изучения природы интеракций между модернизацией и традицией, в частности теория баррикад В. Дэйвиса.

В. Дэйвис попытался посмотреть на традиционные «поояса защиты» с точки зрения традиционализма, а не модернизма. Его подход можно интерпретировать следующим образом: каким образом традиционные сообщества организуют защиту от разрушительного воздействия инноваций. Исследователь при этом подчеркивал, что традиционными обществами организуется защита не против прогресса вообще, а именно против социальной турбулентности и морального упадка, которые вызываются безудержным развитием коммерции. Согласно В. Дэйвису, традиционное общество может быть представлено в виде трех concentрических кругов. Внутренний круг воплощает экономику и экономические ценности. Средний круг представляет собой «иммунитетную баррикаду», которую традиционное общество воздвигает для «предохранения» экономики от безудержного роста (эта «баррикада» включает разнообразные табу, традиционную религию, этику, право, философию, народные верования и т.д.). Наконец, внешний круг включает общество с его ценностями, статусными ролями, властными отношениями. Инструменты, которые сконцентрированы в среднем круге, держат экономику под контролем, ограничивая возможности рынка традиционными ритуалами и церемониями, позволяя ему функционировать только в довольно узких границах. По схеме Дэйвиса, интенсивное экономическое развитие начинается не столько вследствие того, что «враг» (модернизация, развитие) взбирается на валы и вторгается в «цитадель» традиционного общества, сколько в результате того, что стареют и ветшают сами эти «баррикады» и в конце концов начинают разрушаться. Возможна и такая ситуация, когда сами защитники баррикад утрачивают былое мужество и добровольно капитулируют. Таким образом, согласно схеме Дэйвиса, потенциал развития, разворачивающийся в процессе модернизации, содержится в рамках самих традиционных сообществ [13. P.81, 14, 15. P.333–341, 16, 17. C.200–201, 18, 19. P.60–87, 20. C.69–70, 21. C.170–207, 22].

Оригинальную трактовку места традиции в контексте модернизации предложил современный шведский исследователь Й. Форнюр. Обсуждая проблемы модерна, Й. Форнюр ставит очень важный вопрос о взаимодействии между непрерывностью, преемственностью и изменением, которое представляется ему весьма сложным. Процессы модернизации, по его мнению, лишь иногда проявляются как ясно видимые, очевидные сдвиги, но гораздо чаще они выступают как медленная и едва заметная эрозия традиционных структур.

Часто для описания модернизационных процессов применяется дихотомия поверхностных, быстрых, видимых изменений и неподатливых, неочевидных, глубинных структур. Нередко модернизация приравнивается как раз к видимым изменениям. Подобный дуалистический подход вызывает сомнения у Й. Формюса, поскольку он привязывает анализ к весьма проблематичным метафорическим коннотациям, скрывает другие (помимо указанных двух) типы временных процессов, чрезмерно упрощая процесс модернизации.

Проблематичным Й. Формюс считает предположение, согласно которому каждая стадия модернизации сводится к наступлению на древние до-модерные формы и одновременной замене их новыми, в соответствие с которым модернизация превращается в простой кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое. Здесь Й. Формюс по существу присоединяется к концепции рефлексивного модерна, разрабатываемой в социологии, в частности. У. Беком [24], подчеркивая, что модернизировать действует также рефлексивно, сама по себе (т.е., то, что было свежим вчера, становится старомодным сегодня и может быть разрушено еще более новыми современными силами завтра). На более поздних стадиях модернизировать, как полагает исследователь, происходит разложение не только пред-модерных форм жизни, но также и тех современных форм, которые возникли на более ранних стадиях в результате компромиссов между старыми и новыми тенденциями.

Итак, в целом в литературе произошел отказ от прежнего представления о модернизации как линейном процессе вестернизации (европеизации) и гомогенизации обществ, переживающих модернизацию. Процесс модернизации стал рассматриваться, скорее, как «перманентная революция, не имеющая предустановленной конечной цели» (Дж. Джермани). Была признана возможность многовариантного перехода от традиционного к современному обществу; получил распространение взгляд, согласно которому в процессе модернизации сохраняется значительная национальная специфика, а в результате сложного взаимодействия между традициями и новациями разнородность модернизирующихся обществ даже увеличивается. Отныне традиция и современность уже не рассматриваются как взаимоисключающие концепты. В исследованиях 1970–1990-х гг. традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой.

Модерн и пост модерн в системе отношений переходности

В современном общественном знании широкое распространение получила трактовка настоящего как постмодерна или пост-модернити (с этим понятиями коррелируют концепты постиндустриального, информационного общества [95, 117–120]). Согласно

данной интерпретации, настоящая эпоха противопоставляется эпохе модерна или модернити (индустриального общества), которая прекратила свое существование приблизительно в середине XX столетия. Сторонники данной точки зрения полагают, что пост-модерн пришел на смену модерну, что между указанными эпохами существует принципиальный разрыв, что они кардинально различаются по целому ряду параметров [121. С.22–27, 122].

В области социальных отношений модерну приписывается в качестве сущностной характеристики система социальных классов как следствие индустриализации, в то время как постмодерну – фрагментация и усложнение социальной структуры, существенный рост класса сферы услуг, превращение в ведущую социальную группу создателей и распространителей кодифицированного знания, заменяющих в этом плане промышленников и предпринимателей индустриальной системы; расширение оснований дифференциации (пол, этничность, возраст, наряду с классом). В культурной сфере модерн характеризуется коммодификацией и рационализацией всех аспектов социальной жизни, ускорением темпов повседневной, обыденной жизни, «этикой трудолюбия», дисциплинирующей функцией работы, в то время как постмодерн отличают ростом значения культуры индустрий; размыванием границ между «высшей» и «низшей» культурами; эстетизацией повседневной жизни; доминированием свободного и ориентированного на удовольствия стиля жизни; обретением большей свободы для инноваций в профессиональной и в частной сферах; формированием идентичности на основе индивидуального выбора; фрагментацией индивидуальной идентичности в соответствии со сменой обстоятельств жизни и окружающей социальной среды. Применительно к экономической сфере эпоха модерна характеризуется господством фордистских методов материального производства, привязанного к машине и станку, и маркетинга (массовое производство для массовых рынков), а время постмодерна – распространением постфордистской экономической системы (специализированное производство продукта ограниченными партиями), основой которой является информация. Что касается политической сферы, то модерну приписывается наличие больших правительственных структур, развитие государства всеобщего благоденствия, общественной собственности на важнейшие коммунальные предприятия и услуги при значительном вмешательстве в экономику, а постмодерну – самостоятельность, конкурентоспособность, рыночное и частное предпринимательство. В познавательной сфере характерной для модерна вере в рациональность и триумф истины и науки противопоставляется постмодерный мир без абсолютных ценностей, с относительными – консенсусными и контекстуальными истинами; расставшийся с верой в «научную»

рациональность и унитарную теорию прогресса, со стертыми различиями между видимостью и «реальностью»; акцентирующий внимание на подсознательных, свободно плавающих знаках и образах, на эпистемологическом плюрализме.

«Постмодернити как историческое время, сменяющее модернити, определяется через апелляцию к модифицирующейся человеческой природе и изменяющемуся месту человека в социальной структуре. Как и теоретики постиндустриализма, постмодернисты обращаются прежде всего не к глубинным характеристикам этой эпохи, а к тем ее чертам, которые поддаются наиболее явному противопоставлению важнейшим признакам предыдущих периодов. С подобных позиций анализируются и относительно поверхностные явления демассификации и дестандартизации, и преодоление принципов фордизма, отход от прежних форм индустриального производства, и достижение качественно нового уровня субъективизации социальных процессов, и возрастающая плюралистичность общества, и уход от массового социального действия. Однако при этом, по мнению большинства постмодернистов, нарождающееся новое общество отчасти сохраняет черты прежнего, оставаясь «дезорганизованным» [disorganized] или «умирающим» [late] капитализмом», – пишет В.Л. Иноземцев, резюмируя анализ концепций постмодернити [121. С.24].

Согласно второй точке зрения, настоящее не вышло за хронологические рамки модерна и представляет собой лишь модификацию, очередную стадию эпохи модерна. Так, Э. Гидденс предложил для идентификации настоящего понятие «радикализованный модерн (модернити)» (radicalized modernity). Автор противопоставляет свое понимание эпохи постмодернистскому, подчеркивая при этом, что смысл фрагментации в поздней современности объясняют скорее институциональные достижения, чем эпистемологический плюрализм; что в процессе глобализации культуры заметны тенденции как к интеграции, так и к дезинтеграции; что «Я» не растворяется или не расчленяется, но скорее увеличиваются возможности для рефлексивной самоидентичности; что подкрепляются потребности в истине; что особенностями современного общества являются могущество и присвоение, а не просто бессилие; что постмодерн можно использовать по отношению к движению вне порядков модерна [123]. По мнению Б. Смарта, постмодернити является реконституированием модернити, а не его замещением. З. Бауман определяет современное общество как самоценную модернити, как модернити-для-себя (modernity for itself), а не как постмодернити.

Что касается тезиса постмодернистов о замене индустриального миропорядка постиндустриальным обществом, то он вызывает серьезные сомнения у оппонентов. Так,

Э. Гидденс [124. С.603–604] указывает на ряд спорных моментов концепций постмодернистов:

Акцентируя внимание на информации как основе экономической системы современного общества и на росте значения сферы услуг в структуре занятости постмодернисты не замечают, что последняя тенденция наблюдается почти с самого начала индустриальной эры; с начала XIX в. промышленность и сфера услуг расширились за счет сельского хозяйства, причем темпы роста в сфере услуг постоянно превышали темпы роста в промышленности. Таким образом, основное социальное изменение состояло в переходе от аграрного сектора к остальным видам занятости, а не в переходе от промышленности – к сфере услуг.

Крайняя неоднородность сектора услуг, что затрудняет отождествление деятельности в этой сфере с «беловоротничковыми» профессиями; многие работы сервисного сектора связаны с физическим трудом, большинство же «беловоротничковых» должностей фактически не требуют специальной подготовки и в значительной мере механизированы.

Связь с материальным производством многих «сервисных» операций.

Существенная вариация соотношения между сервисными и производственными профессиями в различных странах и регионах.

Наличие тенденции интеграции электронных технологий в промышленное производство, а не вытеснения его ими.

Концепция модерна Й. Форнюса

Ко второй позиции в трактовке статуса современной эпохи примыкает концепция модерна, предложенная уже упоминавшимся шведским социологом и культурологом Й. Форнюсом (Johan Fornäs), профессором Стокгольмского университета, автором ряда публикаций по проблемам средств массовой коммуникации, современной массовой и молодежной культур [125–127]. Концепция модерна и поздней модернити детально разработана Й. Форнюсом в монографии «Теория культуры и поздняя модернити» [23].

При этом автор исходит из того, что данная концепция является продуктивной для анализа культурных процессов, культурного развития современности. Более того, он считает, что углубленное понимание культурной динамики возможно именно в рамках концепции модерна. «Идеи модернизации, – подчеркивает Й. Форнюс, – тематизируют определенными способами диалектику между временем и пространством, процессом и структурой, изменением и непрерывностью». Между тем, продолжает автор, «культура развивается *в* и *со* временем и модернити – они (т.е. время и модернити – *И.П.*) являются

модусами самого движения, продвигая символические потоки, которые переносят людей через взаимосвязанные сферы» [23. Р.18].

Автор начинает характеристику модернизационного проекта с набора концептов, в совокупности суммирующих его главные черты. Он рассматривает модернизацию как сложный, многомерный поток, связанный с рядом исторических процессов на различных уровнях, от экономики и политики до культуры. Капиталистическое развитие, индустриализацию, урбанизацию, демократизацию, секуляризацию и цивилизацию Й. Форнюс считает лишь некоторыми из ее проявлений, открытых и описанных такими мыслителями как И. Кант, Г.В.Ф. Гегель, М. Вебер, К. Маркс, Ф. Ницше, а впоследствии – М. Фуко, Н. Элиас и Ю. Хабермас. Различные теории, подчеркивает Й. Форнюс, фокусируют внимание на разных аспектах всестороннего и сложного исторического процесса, раскрывая различные основы, движущие силы и характеристики нашей эпохи. При этом именно теории модернизации он считает наиболее обобщенными и многоаспектными.

Пытаясь ответить на вопрос, чем же является модернити в познавательном плане, Й. Форнюс выделяет три перспективы. Во-первых, отмечает автор, концепт модернити может фокусировать внимание на недавнем прошлом или непосредственно настоящем, противопоставляемым в таком случае более отдаленным эпохам, которые изучаются историками. Подобный подход адекватен происхождению концепта. Дело в том, что позднелатинское *modernus* имеет отношение к термину «настоящее» (*the present*) – то есть то, что является «в течение дня». *Modernus* происходит от латинского *modo*, означающего «прямо сейчас», но через понятие «*moderately remote*» (умеренно отдаленный), связанное со словом *modus*, т.е. способ, мера, образ, что означает «меру»=*measure* или «стиль, способ, метод, манеру»=*manner*. Такое понимание модернити предполагает интерес к специфике настоящей эпохи. Однако, Форнюс предостерегает против прямолинейных трактовок. Дело в том, обращает внимание автор, что существует множество исследований настоящего, которые, тем не менее, нельзя считать ориентированными на модернити. Кроме того, интерес к настоящему в противоположность прошлому подразумевает также и исследование прошедшего в его отношении к настоящему – т.е. тема модернити включает историческое измерение. «Модернити, – справедливо отмечает Й. Форнюс, – в конце концов, не абсолютно нова – она имеет свою собственную, и к настоящему времени довольно длительную, историю. Исследования модернити могут тщательно разрабатывать актуальные проблемы недавнего времени, но не как лишенного корней в прошлом».

Второй аспект изучения модернити связан с обращением к феноменологии неуловимого настоящего момента в его переходной непосредственности, вне зависимости

от того, является ли он настоящим «вчера» или «сегодня». В данном случае в фокусе внимания оказывается феноменологический опыт проходящего уникального момента в противоположность объективированным структурам.

Третий аспект изучения модернити фокусирует внимание на новизне, стимулирует историзирование различных концептов в поисках того, что изменяется в обществе и в культуре. В этом плане теории модернити противостоят теориям воспроизводства традиций, архетипов и других устойчивых структур в социальной жизни. Динамизм, переходный характер современной жизни и современного мышления, отмечает Й. Форнюс, подразумевает необходимую и радикальную историзацию всех социальных, культурных и психологических теорий, акцент на исторические перспективы и трансформации. «Институциональные, диалоговые, символические и субъективные формы изменяются со временем, иногда непрерывно, иногда – рывками. Дабы не подвергнуть полной натурализации эти паттерны, важно обращать внимание на их принципиально динамический характер».

При этом Форнюс обращает внимание, что не все изменения и не все новации непосредственно связаны с модерном. Теория модернити, по мнению автора, касается определенных более долгосрочных трансформационных процессов, обладающих набором специфических черт [23. P.19–20]. Й. Форнюс выделяет три общих свойства, характерных, по его мнению, для процессов модернизации: 1) тенденция необратимой динамизации (это означает интенсивный характер процессов, которые не могут быть прекращены, хотя они могут принимать различные формы); 2) амбивалентная рационализация (т.е. имеющая как положительный – творческий и освобождающий, – так и негативный –разрушительный и угнетающий – потенциалы) и 3) дифференцирующая [128–130] универсализация (т.е. эти процессы становятся всеобъемлющими и глобальными по характеру в своей способности создавать новые множества путем сепарации социальных и индивидуальных сфер жизни) [23. P.20–31]. Таким образом, модернизация, характеризуемая указанными чертами, выступает в концепции Й. Форнюса «в виде конфигурации амбивалентных процессов рационализации систем и жизненных миров [131–136], повсеместно распространяющих новые типы дифференцирования посредством разрастающихся коммуникаций, необратимо и интенсивно меняющих весь мир» [23. P.32].

Обсуждая проблемы модерна, Й. Форнюс ставит очень важный вопрос о взаимодействии между непрерывностью, преемственностью и изменением, которое представляется ему весьма сложным. Процессы модернизации, по его мнению, лишь иногда проявляются как ясно видимые, очевидные сдвиги, но гораздо чаще они выступают как медленная и едва заметная эрозия традиционных структур.

Часто для описания модернизационных процессов применяется дихотомия поверхностных, быстрых, видимых изменений и неподатливых, неочевидных, глубинных структур. Нередко модернизация приравнивается как раз к видимым изменениям. Подобный дуалистический подход вызывает сомнения у Й. Форнюса, поскольку он привязывает анализ к весьма проблематичным метафорическим коннотациям, скрывает другие (помимо указанных двух) типы временных процессов, чрезмерно упрощая процесс модернизации.

В качестве первой возникающей в этой связи проблемы Форнюс называет «неконтролируемую ауру метафор, циркулирующих вокруг этой дихотомической пары». «Как метафоры изменения, процессы модернизировать могут быть противопоставлены устойчивым структурам...». «То, что находится глубоко под нашими ногами, часто воспринимается как устойчивое, в то время как то, что находится на поверхности, изменяется. О поверхности часто думают как о текучей, видимой и неглубокой (внешней), в то время как глубина воспринимается как неподвижная, скрытая и более важная. Таким образом, метафора поверхности/глубины продуцирует ложную цепочку эквивалентности между *изменением, видимым и поверхностным*, с одной стороны, и *воспроизводством, скрытым и важным*, с другой».

Форнюс предлагает критический подход к проблеме изменения и устойчивости. Он подвергает сомнению вытекающий из метафор статус изменения как менее значимого по сравнению со структурными элементами – напротив, «существуют также очень важные изменения, иногда медленные и постепенные, иногда быстрые и внезапные. Многие такие преобразования первоначально проходят незамеченными и могут быть прослежены лишь через отражение, осуществляемое «сейсмографами», предлагаемыми чувствительными ко времени культурными практиками. Ясно видимый феномен – независимо от того, изменение это или традиция – не является автоматически менее важным по сравнению со скрытым, даже если многие фундаментальные явления глубоко скрыты. Изменение может быть и также трудно прослеживаемым и столь же важным, как и постоянство. Не все традиции более существенны для человеческой жизни по сравнению с изменениями. Видимое может иногда быть столь же важным, как и скрытое, а изменчивое может быть столь же невидимым и столь же важным, как нечто устойчивое, стабильное. Если некоторые культурные паттерны, подобно артистическим стилям, возрасту, полу или классовым отношениям, изменяются, в то время как другие остаются нетронутыми, остается открытым вопрос, какие из них обладают высшей релевантностью (уместностью), независимо от того, являются ли они непризнанными или получившими подтверждение у людей. Некоторые ясно видимые изменения моды или менталитетов

столь же существенны для человеческой жизни, как и некоторые беспристрастные традиции».

Теория модернити, по мнению Й. Форнюса, интересуется «теми скрытыми, но чрезвычайно важными изменениями, которые имеют место, несмотря на очевидное воспроизводство традиций в повседневной жизни, – процессами изменения, которые иногда скрытны, иногда явны, и которые не более или менее важны, чем выживающие традиции. Все эти застывшие эквивалентности должны быть разделены, так чтобы степень гибкости, видимости и важности понимались как независимые измерения, даже при том, что все они могут различными способами быть связанными с поверхностью и глубиной».

Следующую проблему, связанную с дихотомией изменений и непрерывностей, Й. Форнюс видит в том, что эта дихотомия скрывает более сложную структуру фактических исторических процессов. Исследователь справедливо полагает, что недостаточно приравнять изменение к модернизации. Все три начальных аппроксимации модернити, им предложенных, – недавнее время, настоящее сегодня и изменяющееся новое – не являются достаточными. Эпоха модернити уже имеет немалый возраст и может, как глубокий временной структурный процесс, сама противопоставляться случайным событиям, также как и статическим традициям.

Целостная дихотомия стабильности VS изменений должна быть, по мнению Й. Форнюса, подвергнута декомпозиции. Он настаивает на недостаточности лишь двух крайних полюсов для понимания исторических процессов. Эпоха модернити не может состоять только из твердых, устойчивых структур, или только из быстрых, случайных изменений. Как считает исследователь, возможно различение по крайней мере четырех типов различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна, и хотя модернизация может воздействовать на три других, все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно.

В классической теории модернизации проблема традиций рассматривалась преимущественно в контексте перехода от традиционного к современному обществу, претерпев при этом определенную эволюцию – от негативного отношения к традиции как препятствию для модернизационных трансформаций к более сложному отношению,

допускающему участие традиции в процессах перехода в качестве дополнительного стимулирующего или стабилизирующего механизма [14, 15. Р.333–341, 19. Р 60–87, 20. С.69–70, 21. С.170–207, 22]. Й. Форнюс развивает концепцию модернизации, обращаясь к проблеме роли и места традиций в контексте самого модерна.

Он обращает внимание на приобретение модерни собственными традициями, а также на тот факт, что большинство традиций изменяется, пускай медленно и незаметно. Он говорит о длительной исторической традиции модерни, а также о модерни традиций в существующих сегодня обществах.

В связи с этим идея, согласно которой модерни имеет отношение только к новому и изменяющемуся, кажется исследователю только полуправдой. Модернизация касается изменений, которые являются сравнительно устойчивыми. Это, по Форнюсу, набор исторических процессов, в совокупности формирующих специфическую временную логику фундаментальных трансформаций в развитии социальных, культурных и психологических образцов (паттернов). «Модернити, – пишет автор, – стимулирует стойкий опыт быстрых временных сдвигов, но такое обобщенное понимание трансформаций действительно отвечает требованиям модерна, когда эти сдвиги структурно подчинены определенной логике развития. Многие исторические периоды разрывов продуцировали подобные культурные признаки открытости, незащищенности и саморефлексии. Это может быть вызвано случайными событиями, или циклическими колебаниями, или другими структурными изменениями, а не обязательно связью с модерни. Модернизация только усиливает, делает постоянными и распространяет эти черты в расширяющихся масштабах».

Еще одна проблема, связанная с дихотомией изменения и устойчивости, заключается в чрезмерном упрощении самого процесса модернизации. Здесь Й. Форнюс касается вопроса о необратимости процессов модернизации. Он убежден, что модерни означает лишь тот тип исторических преобразований, которые направлены и не могут быть прерваны, не могут быть легко отменены или полностью изменены. Не существует, по мнению Й. Форнюса, никакого пути назад, к пред-модерному состоянию. В качестве примера исследователь ссылается на процессы дифференциации – «если люди приняли дифференциацию между эстетическими формами выражения в искусстве и нормативными инструкциями в законодательстве, то реакционные фундаменталисты или ностальгирующие романтики могут попытаться вновь смешать их, но маловероятно, что эти сферы снова могут на устойчивой основе превратиться в некое недифференцированное целое. Каждый будет иметь возможность думать о прекрасном и о

справедливости как о двух отдельных измерениях, хотя, может быть, и было бы привлекательно попробовать воссоединить их».

Й. Форнюс признает, что определенные достижения модерна могут со временем исчезать. Так, рост государства всеобщего благоденствия был следствием определенной стадии модернизации; предпринятое в 1980-е гг. неолиберализмом наступление на него, по мнению Форнюса, следует трактовать не как демодернизацию, но как разрушительный ответ на недавние кризисные явления modernity. Автор приводит также пример фундаменталистских течений в рамках христианства и ислама, направленных против современных культурных тенденций. При этом Форнюс полагает, что они сами не в состоянии избежать глубокого влияния со стороны модернистского проекта, который они даже невольно укрепляют и продвигают. В реальности, по мнению Форнюса, эти фундаменталистские направления отнюдь не способствуют возвращению к пред-модерным формам жизни, несмотря на активные усилия по восстановлению традиций.

Если модернизацию можно остановить на одном уровне (так, неоконсерваторы пробуют повернуть культурные часы назад), отмечает Форнюс, то ее продолжающийся марш на других уровнях (расширяющаяся капиталистическая экономика) эффективно предотвратит любое возвращение к пред-модерному состоянию. Таким образом, концепции Форнюса в определенной степени присущ оптимизм классической версии теории модернизации с ее верой в необратимость прогрессивных изменений. Необратимость модернизационных трансформаций Форнюс пытается объяснить включением в социальные практики обучающих процессов, памяти, аккумулирующей человеческий опыт в артефактах, языке и других символических формах [23. P.22–27].

Следующим шагом в разработке концепции модерна становится выделение различных измерений, призванных обеспечить наиболее продуктивное взаимодействие разных теорий модернисти. Й. Форнюс предлагает выделить по меньшей мере три измерения модерна. Первое измерение – «горизонтальная» шкала – позволяет выявлять диахронные или временные фазы (стадии) модерна (например, ранний, высокий, поздний). Два других измерения представляют собой «синхронные» шкалы. Концептуальное «боковое» (параллельное) измерение («laterally») дифференцирует различные модусы модерна (например, модернизация, modernity, modernism). «Вертикальное» измерение позволяет выделять уровни или аспекты модерна (например, социальный, культурный, психологический). Обособление указанных измерений, как полагает ученый, создает предпосылки для синтеза идей различных дискурсов, дисциплин и направлений в более связную и по необходимости многомерную теорию современности (modernity).

Существенную нагрузку несет применяемое Форнюсом «горизонтальное» (диахронное или временное) измерение. Использование его позволяет решать ряд проблем, в частности, идентификации хронологических рамок и внутренних рубежей модерна. Использование данного измерения убеждает, что модерн не является единым гомогенным массивом, четко отделенным от пред-modernity. Напротив, модернити имеет свою собственную длительную историю и предысторию, включающую различные фазы и стадии.

Й. Форнас справедливо полагает, что нет возможности и необходимости определять точную дату рождения эпохи модернити, признавая одновременно, что нередко подобная неопределенность создает определенные трудности. Действительно, когда обсуждаются какие-либо особенности модерна, не всегда ясно, о каком периоде времени идет речь – в целом об эпохе капитализма и индустриализма или лишь о ее поздних стадиях, например, начиная с 1960-х гг.

Следует согласиться с мнением исследователя по поводу характера домодерной эпохи, которую не следует рассматривать как статическую или некультурную. Действительно, с одной стороны, модернизация не является первым или единственным динамическим процессом в истории человечества. С другой стороны, все традиции – представляют собой по существу исторические и социальные конструкции. Современность (modernity) – лишь одна из эпох, в рамках которой изменения получили заметное ускорение.

Рефлексивность имеет важные следствия для формирования процесса модернизации, приводя «к созданию сложной модели с удивительными ответвлениями и контрастными промежуточными стадиями, возникающими в результате суперналожения (superimposition) параллельных, дифференцированных, но, тем не менее, связанных процессов, в совокупности обеспечивающих модернизацию. Постоянное продвижение в сторону секуляризации, технологического прогресса, коммерциализации, например, приобретает существенно отличные формы в зависимости от того, какие религии, технологии или товары доминируют на той или иной стадии» [23. Р.33].

Что касается стадий и эпох, то, по мнению Й. Форнюса, они не «существуют» в какой-либо очевидной форме, а являются способами упорядочения исторической памяти в значимые тексты. Это упорядочение осуществляется не только учеными, но является также и результатом коллективного, интерсубъективного процесса, имеющего место всюду, во всех обществах. Форнюс не считает данный процесс абсолютно случайным, «поскольку происходят действительные изменения, которые ощущаются на собственном опыте и, накапливаясь, формируют отличительные вехи переходного периода».

Автор подчеркивает сложный характер динамических процессов: «Случайные события, циклические колебания, прогрессивные сдвиги в различные моменты времени, в разных местах и на разных уровнях в совокупности преобразуют постепенные изменения в фундаментальные перемены. Подобные перемены неравномерно распространятся между различными местами, социальными группами и культурами. Социальные, культурные и психологические состояния, на различных уровнях естественно-культурно-социально-индивидуальной тотальности, зачастую трансформируются в определенные стадийные перестановки, результирующиеся в феномене «асинхронности». Процессы модернизации приобретают различные формы и протекают разными темпами в разных пространственных и социальных сферах, связанных с возрастом, полом, классом и этнической принадлежностью. Специфические процессы типа растущего этнического плюрализма, секуляризации или распространения средств массовой информации могут, хотя это не обязательно, быть связанными с модернизацией. Вопрос о их взаимоотношениях с модернизацией может быть решен только посредством анализа контекстуальных отношений между различными процессами.

Иногда ряды определенных сдвигов в итоге формируют кардинальные трансформации в истории значительных социальных и географических областей, преобразующихся в ряды эпох и стадий. Каждый отдельный значимый элемент новой стадии может иметь собственную длительную предысторию, но в совокупности и в определенной констелляции они характеризуются новизной.

Вопрос о том, какие из этих сдвигов и стадий следует рассматривать в качестве наиболее важных и значимых, решается человеческими агентами с их конкретными интересами и в специфических контекстах. Значение истории, репрезентированной в линейных картинах эпох и стадий, является, во-первых, не абсолютно субъективным, а, скорее, сконструированным интерсубъективно, а, во-вторых, – не полностью случайным, но результатом определенного взаимодействия между фактическими историческими событиями и активными историческими интерпретаторами» [23. Р.33].

Й. Форнюс выделяет три фазы или стадии модерна – раннюю, высокую (зрелую) и позднюю. Хотя, как отмечает автор, следы модернизации можно обнаруживать глубоко в истории (например, в классической греческой и римской античности, в раннем христианстве или в итальянском и фламандском ренессансе с их растущей денежной экономикой, товарным оборотом, дифференциацией социальных сфер, все более и более расширяющимся индивидуализмом и зарождением абстрактного мышления), все же, стадией, когда начался интенсивный рост современных черт в Европе, Форнюс считает эпоху Реформации, а окончательный прорыв в направлении модернити в большом социальном и

культурном масштабе он связывает с утверждением капиталистического общества, что продемонстрировали, по его мнению, Просвещение, буржуазные революции, империализм и индустриальный мировой порядок.

Й. Форнюс указывает на пространственную трансляцию характерных черт модерна – «рост рынков, городов, государственной мощи, технологии и коммуникаций способствовал распространению социальных и культурных институтов, моделей социализации, идентитета и повседневной жизни из европейских центров во все углы мира, таким образом изменяя их в направлении принятых в первых форм».

По мнению ученого, переход от пред-модерна к модерну, в зависимости от страны и направления, может быть локализован в хронологическом интервале между 1500 и 1800 гг. В пределах этого промежутка времени Форнюс привязывает скачок от рождающегося к раннему модерну к крупному прорыву, индикаторами которого выступили индустриализм, Просвещение и Французская революция во второй половине XVIII столетия [23. Р.34].

Вторая стадия модерна – высокая или зрелая *modernity*, – утвердилась, по мнению Й. Форнюса, в Западной Европе на рубеже XIX/XX вв., «когда четкие политические, экономические, социальные, культурные и психологические формы стабилизировались в зрелое буржуазное индустриальное общество, с характерными для него капиталистическими формами производства и распределения, отраслевой структурой промышленности и наемным трудом, парламентской демократией, дифференцированной сферой общественной жизни, включающей разнообразные формы политической и культурной активности, особыми эстетическими правилами и жанрами, специфическими поло-возрастными и классовыми формами жизни, институтами социализации и всеобщими нормативными моделями индивидуальной идентичности».

К этому времени, как подчеркивает автор, философы, социологи, историки, художники и писатели уже нашли способы формулирования типичных черт и проблем современной жизни. При этом он ссылается на Маршалла Бермана [137], который рассматривает в качестве отправной точки в данном плане творчество Ж.Ж. Руссо, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, И.В. Гете, но при этом считает, что лишь поколение 1840-х гг., включая К. Маркса и Ш. Бодлера, сумело разработать словарь, адекватный для описания опыта модернити, усовершенствованный впоследствии основателями социологии, такими как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Дж.Г. Мид.

Применительно к другим частям мира Й. Форнюс, имея в виду неравномерность развития, предполагает возможность разработки других стадий и периодизаций модерна. Тем не менее, он обращает внимание на превращение модернити в очевидный факт во всем мире, чему в конечном счете способствовали пространственные эффекты

империалистической торговли и военных конфликтов, рыночной экономики, развития транспорта и коммуникационных технологий. Капиталистическая модернизация создала эффективную мировую систему, проанализированную К. Марксом, И. Валлерстайном и др., с кем Й. Форнюс соглашается.

Наконец, третья стадия – поздней модернити [23. Р.37] – наступила, по мнению Й. Форнюса, после Второй мировой войны. Автор предположительно относит первые сигналы, свидетельствующие о начале перехода к третьей стадии, к 1920-м гг., но считает, что ее наступление было задержано развязанной фашизмом мировой войной.

Стадиальный сдвиг Й. Форнюс локализует приблизительно около 1960 г. В этот период, в 1960-е гг., многие социальные и культурные формы, кристаллизовавшиеся прежде как современные, подверглись серьезной критике и размыванию непосредственно самим продолжающимся процессом модернизации. Это было время, когда много старые «истины» в науке, философии, эстетике были атакованы. Под сомнение были поставлены тезисы о структурно-функциональной дифференциации, необратимости и универсализме как имманентных качествах модерна. Данные характеристики трактовались критиками как устаревшие и страдающие этноцентризмом западного типа; понятие модернити было предложено заменить контрастным понятием «пост-модернити», для обозначения новой якобы эпохи, в рамках которой исчезает дифференциация, а модернизация терпит крах, становится обратимой.

Между тем, как полагает Й. Форнюс, сторонники перехода из современной эпохи (modernity) в новую – «пост-современности» – недооценивают преемственность между высоким модерном (вторая стадия модерна) и текущей стадией развития – настоящим (третья стадия собственно модерна, по мнению Форнюса). В настоящем, солидаризируясь с Э. Гидденсом, Й. Форнюс видит скорее радикализацию и интенсификацию модернизации, а не ее растворение. В глобальном масштабе модернизация, по мнению исследователя, ускоряется и умножается. Противостоящие ей силы, подобные религиозному фундаментализму или эстетическому постмодернизму, зависят от нее и скорее усиливают, а не отменяют ее. Modernity получила глобальное распространение, подчеркивает Й. Форнюс, проникла во все поры социальной жизни, начала рефлексию по поводу себя самой, ликвидируя свои собственные устаревшие формы, создавая новые кризисы и новые возможности.

Скорее к следствиям дальнейшего распространения модерна, а не его инверсии, Й. Форнюс относит усиление глобальной подвижности, широкое распространение электронных средств массовой информации, изменяющее характер социальных отношений и механизмов идентификации, и, наконец, усилившуюся критику modernity.

Новую стадию развития Й. Форнюс считает типично современной. Что же касается понятия «постмодернизм», то, по мнению автора, его можно использовать по отношению к течениям в искусстве, выступившим против ранних авангардистских движений. Но последние десятилетия, иногда маркируемые как «постмодерн», Й. Форнюс предлагает рассматривать как интенсифицированную и ускоренную рефлексивную, ультра-, супер- или позднюю стадию модернити [23. Р.34–35].

Продолжая критику понятия «post-modernity», Й. Форнюс обращает внимание на его проблематичность. Несмотря на временной префикс, который содержится в данном понятии, его сложно локализовать на оси времени и он весьма аморфен в содержательном плане. Как отметил В.Л. Иноземцев, «термин «постмодернити» может быть эффективно использован применительно только к тем историческим периодам, которые характеризуются преодолением ранее сложившейся социальной модели, так как он не фиксирует ничего, кроме факта такого преодоления. Однако после того, как новая общественная система приобретает черты стабильного социального состояния, данное понятие утрачивает черты определенности» [121. С.26]. Можно также привести размышления У. Бека по поводу префикса *post-*, символизирующего, по его мнению, растерянность, неуверенность, беспомощность прежних познавательных подходов: ««Пост» – кодовое слово для выражения растерянности, запутавшейся в модных веяниях. Оно указывает на нечто такое сверх привычного, чего оно не может назвать, и пребывает в содержании, которое оно называет и отрицает, оставаясь в плену знакомых явлений. Прошлое плюс «пост» – вот основной рецепт, который мы в своей многословной и озадаченной непонятливости противопоставляем действительности, распадающейся на наших глазах» [24. С.9]. (Многие постмодернисты апокалиптически говорят о конце истории и гибели *modernity*; порой они вообще избегают периодизации как атрибута логики всеобъемлющего мета-нарратива, который должен быть преодолен.) Форнюс соглашается с тем, что при обсуждении временных последовательностей необходимо проявлять осторожность, но он считает намного менее продуктивной гипотезу, согласно которой за модерном следует нечто абсолютно отличное. В действительности, как полагает Й. Форнюс, можно найти ранние параллели в пределах или даже перед классической эпохой модерна для большинства якобы «постмодерных» черт, выделяемых постмодернистами. В качестве примера Форнюс подвергает критике дихотомическую схему, предложенную Ихабом Хассаном (1985), в которой противопоставляются современные цель, иерархия, дистанция, семантика, метафора, понятие (*signified*) и метафизика постмодерным – игре, анархии, партиципации, риторике, метонимии, термину (*signifier*) и

парадоксальности. Форнюс видит в этой схеме лишь противопоставление параллельных аспектов собственно модерна.

Эпоха *modernity* действительно с момента своего становления отличалась противоречивостью, амбивалентностью [138. С.17], развивала тенденции и явления, порой полярные – линейный телеологизм и многомерную фрагментацию, рационализм Просвещения и антирационализм романтизма и т.д. Ну а если «пост-модерн», рассуждает далее Й. Форнюс, приходит не после, а перед или в интервале модерна, тогда использование префикса «пост» оказывается сомнительным.

«Но если это скорее относится к параллельным потокам в современной культуре, ни один из которых не следует по времени после другого, зачем вообще сохранять префикс «пост»? И, во-вторых, как тогда быть с потребностью различения новой и интенсивной стадии *modernity*, которая не отменяет модерн, но усиливает и реструктурирует его? Интенсивная, усиленная, супер-, рефлексивная или поздняя *modernity* – более уместное определение для процессов развития в настоящем. Эта концепция дает возможность избежать исторической неопределенности, неизбежной при недифференцированном взгляде на современную эпоху в целом (который затемняет для нас различия между концом XVIII и концом XX столетий), также как и внутренней противоречивости понятия «пост-*modernity*» (которое не является в конце концов ни противостоящим, ни последующим за *modernity*). Поздняя *modernity* разрушает некоторые распространенные остатки пред-модерных традиций, но также вытесняет и некоторые ранние современные формы жизни в процессе рефлексивной диалектики. Некоторые из черт, характеризующихся как «постмодернистские», действительно принадлежат этой поздней стадии *modernity*, и могут трактоваться не как полный разрыв с современными тенденциями, но скорее как их радикализация. Другие «постмодерные» черты принадлежат самокритичной стороне всегда двойственной *modernity*, «суб-модерной» традиции, которая восходит к ранней диалектике между Просвещением и романтизмом, в которой обе стороны являются несомненно современными. *Modernity* внутренне присуще разделение на два диалектически связанных дискурса: «главный дискурс» *modernity* – освобождающая автономия – VS «контр-дискурса» *modernity* – ограничивающей дисциплинаризации» [139–141], – подводит итог своим рассуждениям на данную тему Й. Форнюс [23. Р.36–37].

Предложенная Форнюсом концепция «поздней модернити» также имеет свои слабые места. В частности, она делает затруднительной маркировку еще более поздних стадий современной эпохи. С подобной проблемой сталкиваются все эпохальные концепции, в основе которых лежит органическая метафора рождения, роста, зрелости и

распада. Но при этом и альтернативные концепты, например, супер- или интенсивная modernity, не решают указанной проблемы.

Итак, «поздняя modernity является также супер-modernity, в рамках которой процессы модернизации чрезвычайно ускорились и углубились, оказывая воздействие на отношение человека к истории. К тому же во многих исследовательских областях модернизация и историзация стали центральными и пересекающимися темами, стимулируя междисциплинарное сотрудничество». «Ускорившийся процесс модернизации ... потребовал новых, нестандартных и необычных форм понимания, соответствующих вновь возникшими социальными, культурными и психологическими формами» [23. Р.2–3].

Й. Форнюс, удачно синтезируя классический вариант теории модернизации с современными неэволюционистскими и нефункционалистскими подходами, предложил собственную модифицированную версию модерна. Его позиция выглядит весьма аргументированной и убедительной. Представляется продуктивным дифференцированный подход к концепту модерна. Внимание к рефлексивным аспектам современности, к ее амбивалентной природе позволило автору существенно обновить саму концепцию модерна. Автор тонко описывает механизмы модернизации, в полной мере учитывая критику классической версии и новейшие наработки социологической теории, не забывая включить в свою схему как линейные векторные динамики, так и структурные конфигурации, циклические колебания, а также случайные изменения. Убедительно аргументирован тезис о преемственности между фазами высокого и позднего модерна.

Итак, согласно концепции Й. Форнюса, эпоха модерна еще не завершена и настоящее является лишь воплощением поздней стадии модернити, неразрывно связанной с предшествующей стадией. Для модерна характерен высокий динамизм, перманентная изменчивость, трансформативность, переходность. Подвижная природа эпохи делает обыденным, привычным постоянно повторяющийся кажущийся выход якобы за ее пределы. По существу, чтобы стать современным, необходимо быть постсовременным. Данная особенность эпохи послужила одним из поводов для квалификации настоящего как постсовремена, выхода за пределы модерна, несмотря на то, что некоторые проницательные постсовременисты (например, Ж.-Ф. Лиотар) отмечали указанную черту модерна и пытались примирить ее со своими концепциями. Более глубокой представляется точка зрения, согласно которой настоящее – это продолжение тенденций модерна, но в модифицированной форме, радикализованной и интенсифицированной. Именно такую позицию разделяет Й. Форнюс, которому удалось убедительно показать, что современные тенденции – необратимый динамизм, двойственная рациональность, дифференциация и универсализация – пронизывают также и настоящую эпоху.

2.2. Векторность и циклизм: темпоральные измерения транзита

Неисчерпаемость, разнообразие, многоуровневость исторического универсума раздвигают горизонты познания прошлого до бесконечности. Исторические явления и процессы на разных общественных этажах, в различных исторических нишах обладают своеобразными логиками развития, подчиняются специфическим механизмам и принципам организации, что превращает их в самоценные объекты исторического анализа, не сводимые элементарно друг к другу. Существенное разнообразие исторической реальности обусловлено ее темпоральным измерением. Известно, что «этажи» исторического универсума отличаются своими временными режимами. Еще Э. Лабрусс, выдающийся французский экономический историк, предлагал выделять в истории уровни «экономики», «общества», «цивилизации». Согласно его схеме, скорость изменений на этих уровнях различна: быстрее всего – на уровне экономики; медленнее изменяются социальные структуры, постепенно уступая требованиям экономики; еще медленнее подвергаются трансформации идеология и культура, выступающие чаще всего в роли тормоза. Позднее Ф. Бродель также выделил 3 уровня истории по параметру скорости происходящих в них изменений [142–144]. Согласно его схеме, нижний уровень общественного бытия, скорее, характеризуется господством постоянства, стабильных структур, медленного, почти неподвижного, времени (это слой «ансамбля, архитектуры исторических явлений»; уровень взаимоотношений человека и природы, привычек мыслить и действовать). На среднем уровне локализуются экономические и социальные структуры, где скорость изменения измеряется десятилетиями. Наконец, в самом верхнем – политическом – слое истории события определяются не отрезками времени, а хронологическими датами.

Проблема скоростей различных этажей общественного организма получила развитие и в рамках модернизационного подхода. В частности, вопрос о взаимодействии между непрерывностью, преемственностью и изменением ставит Й. Форнюс [23. Р.20–27].

Дифференцированное отношение ко времени представляется весьма продуктивным при анализе российских модернизаций. В частности, можно выделить «медленное» время, время «векторное» и время циклических изменений.

«Медленное» время

«Медленное» время позволяет фиксировать цивилизационный подход. Собственно, «медленное время» можно трактовать как время цивилизационного контекста модернизационных преобразований. Модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах. Цивилизации

складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно наднациональные культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. При этом фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную. Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т.д. [70. С.136]. По существу речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институциональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней).

Цивилизационный подход фокусирует внимание исследователя на комплексе достаточно медленно меняющихся параметров, характеризующих социокультурное и цивилизационное ядро общественной системы. В рамках данного подхода исследователь делает акцент на инерции истории, на континуитете исторического прошлого и настоящего, на выделении некоего ядра, неизменяемого во времени или в очень слабой степени подверженного изменениям, которое и характеризует культурную и даже цивилизационную специфику России. Применительно к XV–XVIII векам М.А. Чешков определяет следующие признаки этого ядра: экономическая, политическая, культурная разнородность общества; разнообразие исторических форм (взаимодействие западных и восточных элементов); централизованно-иерархический способ соотнесенности компонентов; двойственный тип целостности (противостоящие начала – государственное и общинное; восточное и западное), неорганический характер этой целостности; смешанный – системно-конгломеративный – тип социальной организации (от системы – целостность, от конгломерата – неартикулированность элементов); коллективистский тип общественного сознания (и его ценности – соборность, общинность, традиционализм); доминирующий тип общественного сознания – религиозно-мифологический («православное язычество»); субъекто-объектное членение в виде противоположения власти народу («массе»); принудительно-распределительный тип общественного воспроизводства; внутренняя самодостаточность общественного воспроизводства и его же «референтность во вне» (по отношению к Западу); роль полупериферии в мировых

экономических отношениях; разрешение внутренних противоречий по типу антиномии («раскол») [145].

Акад. В.В. Алексеев выделяет следующие фундаментальные особенности разных сторон жизнедеятельности населения, сформировавшиеся в ходе развития Российской цивилизации, своего рода цивилизационные коды: 1) гигантские размеры территории, важное геостратегическое положение между Востоком и Западом; 2) географическая и климатическая специфика, тяготеющая к Северу; 3) трудные условия воспроизводства основ человеческого существования; 4) изначально земледельческий характер экономики; 5) незащищенность естественными рубежами от посягательств извне; 6) продолжительное отсутствие выхода к морю; 7) стабильность и длительность существования; 8) самобытность, оригинальность культуры и традиций; 9) общность исторической судьбы, полиэтничность и многоконфессиональность народов, их толерантность; 10) православная вера как консолидирующая основа цивилизации; 11) политическая самостоятельность, державность, унитаризм; 12) своеобразие форм государственного, социального, городского устройства; 13) общинность, идеи социальной справедливости, нестяжательства, миссионизм; 14) экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм; 15) мобилизационный тип развития [146]. Цивилизационные «инварианты» несомненно оказывали воздействие на ход исторического процесса, однако они не могли оградить Россию от вируса развития. Несомненно, однако, и то, что под их влиянием само развитие приобретало очень своеобразный национальный облик.

«Векторное» время

Векторное время – собственно время модернизационных сдвигов, наблюдаемых на длительном временном интервале. В данном ракурсе исследование направлено на выявление накопления нового качества, сдвигов в экономической, социокультурной, институционально-политической сферах жизни, определенных этапов, которые проходит общество в своем развитии. Картина, которая получается в результате применения данного подхода, напоминает набор дискретных отрезков, протянутых вдоль гипотетической линии, олицетворяющей движение от точки недостаточной развитости к точке большей продвинутости.

Специфика России обусловила особенности ее модернизации. Если на Западе модернизация прокладывала себе путь как результат внутреннего развития, на своей собственной базе, то в нашей стране во многом использовался опыт других держав, который силой авторитарного режима навязывался не всегда удачно. Инициатором модернизации выступало государство – наиболее активная и сильная общественная структура. На эпоху Петра I приходится начало становление политического режима,

который получил наименование *полицейского государства* (Polizeistaat) – конкретного варианта абсолютистской монархии раннего периода новой истории. Являясь наследственной монархией, узаконенной рационалистическими законами секуляризованного естественного права и договорной теории, полицейское государство предоставляло самодержцу право заботиться о всеобщем благоденствии, т.е. оберегать и поднимать материальное и духовное благосостояние своего народа всеми законодательными и административными методами, в том числе принуждением. Главными целями модернизации были поддержка военно-политического влияния державы и укрепление ее позиций в мире. В.Г.Хорос определяет подобную модель модернизации, утвердившуюся в эпоху Петра I, как имперскую и выделяет ряд характерных для нее черт: 1) выборочное заимствование, преимущественно для укрепления существующей власти и военно-промышленного сектора, создания сильной армии, технических и организационных достижений более развитых стран; при этом многие гражданские отрасли экономики и социальная сфера оставались отсталыми, а политическое правление – автократическим; 2) одновременное ужесточение добуржуазных, архаических методов эксплуатации трудящихся; 3) прогрессирующая централизация и бюрократизация системы управления [147–149].

В рамках подобного типа модернизации, который условно можно определить как «феодальный», широко использовались внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов, феодальные привилегии и монополии – для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. В технологическом плане российская «феодальная» модернизация приблизительно соответствовала фазе доиндустриальной модернизации [150]. В ходе ее осуществления страна добилась значительных экономических результатов. Согласно данным С.Полларда, в 1800 г. Россия ненамного отставала от стран ранней индустриализации (Бельгия, Франция, Швейцария, Великобритания) по валовому национальному продукту на душу населения (расчеты производились в американских долларах и ценах США на 1960 г.). Если для стран ранней индустриализации этот показатель равнялся 209, то для России – 170 [151].

После реформ 1860–1870-х гг. начинается новый этап российской модернизации, который условно можно назвать пореформенным. Существенная характеристика имперской модели модернизации – обеспечение военно-промышленного комплекса и сильной армии – сохраняла значение на всем протяжении истории дооктябрьской России. Показательно, что в эпоху буржуазных реформ 1865–1875 гг. на нужды армии в среднем выделялось 29% государственного бюджета; накануне Первой мировой войны Россия по величине военных расходов занимала второе место в мире после Германии, ненамного

опережая Великобританию, США и Францию. После поражения в Крымской войне самодержавие пришло к осознанию необходимости некоторой либерализации общественно-политического и социально-экономического строя страны. Лицо последующего периода (вторая половина XIX – начало XX в.) определяли институциональные преобразования 1860–1870-х гг., стимулировавшие переход от системы принудительного труда к свободному, от административно-мобилизационных методов модернизации к рыночно-капиталистическим. В технологическом плане данная эпоха соответствовала до- и раннеиндустриальной стадии модернизации, которая характеризуется переходом от мануфактуры к машинному или фабрично-заводскому производству, превращением орудия труда из ручного в механическое, появлением и широким внедрением в производство машин.

Ритмы модернизационных субпроцессов в технико-технологической, хозяйственно-экономической, политико-правовой, социокультурной и других сферах не были синхронными; задавались они как внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, так и внешними воздействиями (в том числе за счет сложных взаимодействий между ними), к числу которых следует отнести и реформы середины XIX столетия.

Раннеиндустриальная модернизация второй половины XIX – начала XX вв. была отмечена несомненными успехами. С 1869 по 1913 гг. объем промышленной продукции в России вырос в 8,5 раза, а производительность труда в 2,2 раза, тогда как в США соответственно в 7,5 и 1,8 раза [152, 153]. По расчетам В.Сарабьянова, в 1912 г. сельское хозяйство страны дало продукции на 6,7 млрд. руб, а промышленность – на 5,6 млрд. руб.[154]. По темпам индустриального развития Россия уверенно догоняла промышленно развитые страны, но еще заметно уступала им по масштабам производства. Железнодорожное строительство, особенно активизировавшееся в 1890-е гг., постепенно ликвидировало обособленность регионов, стимулировало оживление экономической жизни. В конце XIX – начале XX вв. шире стали внедряться усовершенствованные орудия труда и в сельском хозяйстве – благодаря деятельности земств, а затем и столыпинской аграрной реформе. Однако успехи «агротехнологической революции» (терминология Мацузато Кимитака, японского исследователя столыпинской реформы), опять же, не стоит преувеличивать: аграрный сектор и к 1917 г. оставался все еще отсталым, слабо механизированным. Между тем, уровень развития сельского хозяйства имеет стратегическое значение для индустриализации и модернизации, поскольку производительность в аграрном секторе определяет в конечном счете реальные доходы его тружеников и их способность приобретать промышленные изделия [155].

Буржуазные реформы, в особенности отмена крепостного права, вызвали также оживление общественной жизни, пробудили общественную инициативу. Распространение предприятий фабричного типа, развитие транспорта и торговли превращало производство в дело все более многочисленных групп, что требовало новых условий для автономизации хозяйственной деятельности, децентрализации и распределения процесса принятия решений между многочисленными центрами хозяйственной власти. Ответом на институциональную потребность в организации коммерческих групп для участия в экономической деятельности с одновременным сохранением относительственной свободы от государственного контроля явилось становление публичной корпорации, в частности акционерных компаний. Новым явлением общественной и экономической жизни стало широкое распространение «неприбыльных корпораций» или не деловых предприятий: кооперативов, профсоюзов, благотворительных организаций и т.д.[156].

Индустриализация, растущая специализация труда предъявили новые, более высокие образовательные и профессиональные требования к работнику, в частности стимулировали повышение уровня просвещения, распространение в обществе знаний. Американский историк Д.Филд выделяет в качестве основных социальных элементов модели модернизации, помимо роста уровня грамотности, замену социального критерия сословности или этнической принадлежности на критерий классовой принадлежности, вытеснение традиционной сословной элиты «новыми людьми», растущее равенство между полами и увеличение числа работающих вне дома женщин, выросшую урбанизацию. По его мнению, большинство из этих параметров в той или иной мере было характерно и для российского варианта модернизации [157].

Известный американский исследователь Л.Хаймсон называет в качестве второго, после начавшегося в 1910–1911 гг. промышленного подъема, бесспорного признака модернизации российского общества «резкое повышение уровня грамотности молодого поколения «низов» города и деревни (включая женщин), отчасти благодаря активности органов самоуправления» [158]. Действительно специалисты констатируют общий рост грамотности и культурности, образовательного уровня населения, расширение сети учебных заведений, положительные количественные и качественные изменения в организации школьного обучения в России на протяжении пореформенного периода, но при этом указывают на замедленные темпы указанных процессов.

Вызванное модернизацией и индустриализацией растущее разделение труда в сфере экономики проявилось в создании профессиональных, технических, медицинских обществ, которые, в свою очередь, способствовали повышению профессионализации многих специальностей. Отражением требований профессионализации явилось также

появление, преимущественно в начале XX в., множества обществ взаимопомощи и потребительских объединений, организованных по профессиональному принципу [159–164]. После революции 1905–1907 гг. существенно расширились возможности интеллигенции и служащих для реализации профессиональной и культурно-просветительской инициативы не только в плане создания обществ, но и проведения легальных всероссийских съездов. Как справедливо отмечает историк Т.А.Андреева, «участие интеллигенции в работе всероссийских съездов давало импульсы к профессиональной консолидации в масштабах всей страны, способствовало устранению провинциальной отчужденности и замкнутости. Энергичное погружение в профессиональные вопросы, выход на социальную проблематику способствовали не только профессиональному совершенствованию, но и росту общественного сознания». Проходили легальные съезды медицинской общественности (под эгидой Пироговского общества), собиравшие врачебный персонал государственных, городских, земских учреждений. Свои съезды проводили фабрично-заводские врачи, среднее звено медицинских работников. Созывались всероссийские встречи учителей, деятелей народных университетов и народного театра, писателей, торгово-промышленных служащих, деятелей российской кооперации. Являясь продуктом общей либерализации страны, съезды интеллигенции выполняли функцию профессиональной консолидации соответствующих групп населения в рамках всей страны [165].

Пореформенная эпоха в России ознаменовалась созданием сети разнообразных добровольных объединений, постепенно заполнявших пространство между государством и обществом и становившихся своеобразными посредниками между ними, стремившимися достичь взаимоприемлемого согласования интересов (это акционерные общества и банки, сберегательные и ссудные кассы, страховые общества, промышленные, железнодорожные, пароходные, торговые компании, сельскохозяйственные общества, журналы, кооперативы, научные, религиозные, просветительные, культурные, драматические, спортивные общества, общества трезвости, автомобильные, авиационные, велосипедные клубы, профессиональные группы, благотворительные фонды и организации и др.) [161, 166–170].

Видное место среди этих добровольных объединений занимали представительные организации предпринимателей (биржевые общества и комитеты; торгово-промышленные съезды; съезды горнопромышленников; съезды золото- и платинопромышленников; съезды марганцепромышленников; съезды нефтепромышленников; съезды металлзаводчиков; съезды фабрикантов земледельческих машин и орудий; съезды представителей металлообрабатывающей промышленности; съезды

паровозостроительных заводов; съезды русских техников и заводчиков по цементному, бетонному и железобетонному делу; съезды мукомолов, кожевенных заводчиков, винокурных заводчиков, стеклозаводчиков, судовладельцев и т.д.), презентировавшие и лоббировавшие свои корпоративные интересы, а порой и интересы более широких региональных сообществ [171–174].

Итак, в пореформенный период общество претерпевало существенную трансформацию. Под влиянием модернизации шел медленный процесс перераспределения властных полномочий между государством и общественными объединениями, формировались – возможно, не так быстро, как хотелось бы современникам этих событий – элементы гражданского общества. Общественные организации оказывали положительное воздействие на развитие различных секторов экономики, способствовали рационализации методов хозяйствования, профессионализации различных видов деятельности, распространению научных знаний и культуры в обществе. Нельзя забывать и о их значении как «начальной школы» воспитания гражданской самодеятельности и долга, самоорганизации людей, формирования независимой личности. Однако процессы в общественной и политической сферах, как и в области социально-экономических отношений, имели половинчатый, незавершенный характер.

В то же время ускорение процессов модернизации в России на рубеже XIX–XX вв. сопровождалось нарастанием неравномерности в динамике различных сегментов общества. Элементы модернизации социального, экономического, культурного и политического развития страны сочетались с пережитками полукрепостного строя и сословных отношений, сохранением остатков сословной и кастовой системы, особенно во взаимоотношениях верхов и низов общества. В экономике несомненное развитие рыночных и т.н. капиталистических отношений сочеталось, особенно в Центральном земледельческом районе, с докапиталистическим, полукрепостническим функционированием крестьянского двора и помещичьим землевладением. Остаточные явления полукрепостного строя и сословных отношений, неравномерность развития разных слоев российского общества создавали условия для различных видов поляризации: в первую очередь, во взаимоотношениях деревни и города и «низов» и «верхов» городского и деревенского населения [175].

Половинчатость и форсированные темпы модернизации приводили к постоянным перекосам и кризисам, к росту социальной напряженности. В индустриальном секторе имели место серьезные противоречия между капиталистическими элементами и феодально-крепостническими пережитками (например, на Урале – окружная система, латифундиальное хозяйство), между технологически достаточно развитыми основными

отраслями и слабо модернизированными вспомогательными производствами. Недостатки в механизмах регулирования отношений рабочего и работодателя обусловили остроту рабочего вопроса и создали почву для «промышленной войны» – рабочего движения. В «протоиндустриальном» секторе имели место противоречия между кустарем-производителем и скупщиком. Аграрный сектор раздирали противоречия между крупным латифундциальным хозяйством и мелким крестьянским, с одной стороны, а также между средним и мелким крестьянством и хуторянами, с другой. Побочным результатом ускоренной модернизации стал рост миграций, социальной мобильности, люмпенства, что еще более усложнило картину социальных противоречий.

Время циклических изменений

Существуют различные концепции циклов [176–178]. Можно выделять разные циклы в истории российских модернизаций [179–182]. Для некоторых исследователей историческая динамика России сводится именно к перманентным циклическим колебаниям, лишенным векторности. Так, социальный философ А.С.Ахиезер, определяя социокультурную специфику России, квалифицирует ее как «промежуточную цивилизацию», которая характеризуется расколом между «западным» и «восточным», «европейским» и «азиатским», традиционным (где господствует ориентация на сохранение достигнутой эффективности общественного воспроизводства) и либеральным (где преобладает постоянное стремление повысить эффективность воспроизводства) цивилизационными типами. Этот дисбаланс между «европейским» и «азиатским» измерениями общества, как считает А.С.Ахиезер, служит постоянным источником нестабильности и ориентационных колебаний на протяжении столетий, своеобразным трагическим *primus motor* российской истории. А.С.Ахиезер полагает, что единственный путь изменений расколотого общества – это осуществление «маятниковых» колебаний между полярностями. Вследствие раскола общество постоянно переходит от одной патовой ситуации к другой. В российском обществе, считает А.С.Ахиезер, господствует циклическая динамика – модифицированный инверсионный цикл, перманентно восстанавливающий то, что уже было, но лишь отчасти, ограниченно и неполно [183].

Нам, однако, представляется, что сводить все только к циклическим колебаниям неправомерно. В российской истории очевидно прослеживаются векторные процессы, которые обычно трактуются как модернизационные: индустриализации, урбанизации, демографической революции, профессионализации и т.д.

Попытаемся воспользоваться концепцией петербургского экономиста и историка В.Т. Рязанова, согласно которой волны (циклы) российских модернизаций с начала XIX в.

задаются попытками проведения реформ и осуществлением реформационных проектов [149. С.26–45].

При этом, по мнению В.Т. Рязанова, каждый цикл включает фазу реформ и сменяющую ее фазу контрреформ. Фаза реформ связывается исследователем с проведением преобразований, призванных «освободить товаропроизводителей от внеэкономических отношений, создавая при этом благоприятные предпосылки для развития свободного и независимого хозяйствования (предпринимательства), полноценной экономической ответственности главных субъектов производства за его результаты». А фаза контрреформ включают преобразования, «которые носят нерыночный характер, препятствуя свободе хозяйствования через введение внеэкономических ограничений в самых разных воспроизводственных сферах» [149. С.24].

Далее, В.Т. Рязанов уточняет, что «реформы и контрреформы» корректнее было бы «обозначать как реформы с преимущественно рыночной и нерыночной ориентацией», поскольку контрреформы «не обязательно и не всегда связаны с действием только антирыночной идеологии, ставящей целью создание системы хозяйства, абсолютно противоположной рыночному хозяйству». Контрреформы в исторической реальности могут выступать «как реакция (в каких-то случаях, может быть, и вынужденная) на необоснованный курс рыночного реформирования, выражая потребность в его корректировке в соответствии с имеющимися внутренними и внешними ограничителями или в смене на более приемлемый вариант рыночного хозяйствования, отличный от существующих в мировой экономике образцов. Это означает, что границы между реформами и контрреформами не абсолютны, а подвижны. К тому же в реальной экономической жизни далеко не всякое ограничение рыночной деятельности следует однозначно трактовать как проявление контрреформаторского движения. У такого рода ограничений могут быть вполне убедительные мотивы, например, обострение экологических проблем, действие внешнеполитических факторов» [149. С.24]. Кроме того, В.Т. Рязанов настаивает на отсутствии четкой границы между интервалами реформ и контрреформ, поскольку «реформационные процессы в силу действия инерционного механизма могут продолжаться и в последующие периоды, так же как частичные реформы вполне могут проводиться в то время, которое должно по своему общему духу и направленности определяться как контрреформаторское».

Автор считает, что старт экономического (рыночного) реформирования в России следует относить к началу XIX в., когда «вырисовывается более четкая направленность

развития хозяйства, предполагающая его рыночную ориентацию, которая отражала соответствующие процессы в мировом хозяйстве», «складывается потребность и активизируется процесс образования национального, общегосударственного внутреннего рынка», «Россия начинает значительно активнее участвовать в мирохозяйственных связях» [149. С.24–25].

Первую модернизационную волну в XIX в. В.Т. Рязанов связывает с реформаторской деятельностью Александра I и его окружения [44]. Именно в этот период правящие силы государства впервые осознали важность двух взаимозависимых проблем: освобождения крестьянства и реформирования самодержавной власти, что было необходимо для ускорения экономического развития страны и укрепления ее позиций в мировой политике.

«Первая волна реформ в России, – заключает В.Т. Рязанов, – характеризовалась не только подготовительными мерами и проектами, но и непосредственными действиями, которые впервые не усиливали политическую реакцию и систему крепостничества в стране, а, наоборот, их ослабляли, запуская механизмы трансформации экономики и политического строя».

Однако Александр I столкнулся с сопротивлением правящего класса. Под влиянием революционных восстаний в начале 20-х гг. в Европе, солдатских волнений, разочаровавшись в пользе идей западного либерализма для России, Александр I и его окружение с начала 1820 г. резко сменил курс, положив начало контрреформам.

Эта политика была продолжена Николаем I (период с 1820 по 1855 г. можно рассматривать как фазу контрреформ в России). Основной чертой, характеризующей данный период, было усиление политической реакции, расцвет самодержавия и крепостного хозяйства. В то же время, в экономической сфере в фазе торможения первого цикла рыночных реформ имело место не только усиление крепостного хозяйствования, но и предпринимались частичные меры по его ослаблению, что свидетельствовало, по мнению В.Т. Рязанова, о продолжении процесса экономической модернизации, несмотря на усиление политической реакции (указ 1842 г. об «обязанных крестьянах»; реформа государственной деревни П.Д. Киселева в 1837–1842 гг.).

Вторая волна реформ приходится на вторую половину 1850-х и продолжается до середины 1870-х гг. (эпоха «великих реформ»). Наступление данного периода было ускорено серьезным поражением России в Крымской войне. Наиболее важным событием второй волны реформ стала отмена крепостного права, необходимая для обеспечения условий для активизации индустриализации страны. За крестьянской реформой последовала цепь реформ: судебная, земская, городская, военная и др. Благодаря этим

преобразованиям происходила трансформация хозяйства России из преимущественно рыночно-крепостного в рыночно-капиталистическое, складывались благоприятные условия для дальнейшего экономического роста и формирования общенационального рынка. Как и первая волна, вторая волна реформ переросла в контрреформаторскую фазу, наступившую с середины 1870-х гг. и продолжавшуюся около 20 лет.

Третья волна реформ своим началом имела экономические преобразования С.Ю. Витте середины – конца 1890-х гг. Была проведена денежная реформа, направленная на переход к золотому стандарту рубля, был разработан курс форсированной индустриализации, чтобы за «две пятилетки» догнать передовые промышленные страны. После русско-японской войны и революции 1905–1907 г. политику реформ решительно продолжил П.А. Столыпин, сконцентрировавший внимание на аграрном секторе экономики. Революции 1917 г. прервала эволюционный путь модернизации общества и экономики, фактически возродив снова контрреформаторскую (антирыночную) традицию, которая сложилась и действовала еще в дореволюционную эпоху.

Итак, в истории модернизации можно наблюдать пересечение множества измерений, разных типов темпоральности, в частности, «медленной» цивилизационной, более быстрой, векторной, еще более быстрой, циклической (в данном случае; необходимо помнить о существовании циклов различной продолжительности, в том числе предельно длинных, могущих включать в свой состав векторные тренды). Вопрос о их соотношении еще нуждается в дальнейшей разработке. Предварительно же можно сформулировать следующие гипотезы по данному поводу: 1) разные виды темпоральности и динамики являются лишь способами упорядочения исторического материала (идеал-типическим конструированием), в силу чего их пересечение в реальности исключается; 2) они характерны для различных периодов истории, в наибольшей степени проявляются в те или иные исторические интервалы, что узаконивает автономное применение соответствующих парадигм к изучению исторической реальности; 3) они в наибольшей степени характерны для различных уровней социальной реальности (ниш, секторов, сфер – социальной, экономической, политической, культурной и т.д.), где они и проявляют себя в полной мере, что также легитимизирует самостоятельное использование специфических подходов при изучении разных сторон исторической реальности; 4) они проявляются на всех уровнях и во все периоды исторического процесса, взаимно пересекаясь, оказывая обоюдные воздействия, подвергая друг друга своеобразной иррадиации, в силу чего возникает потребность в создании модифицированных моделей для изучения исторической реальности, чувствительных одновременно к разным типам исторической динамики.

Как бы то ни было, весь ход человеческой истории убеждает в том, что в ней присутствует динамика усложнения (развитие, прогресс), несмотря даже на возможность серьезных кризисов и реверсивных движений. При этом очевидно, что различные компоненты общественной структуры меняются (и развиваются) неравномерно, с различными скоростями, и скорость развития каждого из них оказывает определенное воздействие на прочие компоненты (в свою очередь, ускоряя или замедляя их развитие). Общество на более низкой стадии развития обычно по целому ряду параметров отличается от общества, которое находится на более высокой ступени развития (это относится и к отдельно взятому обществу, рассмотренному на разных фазах его развития). В то же время изменения обыкновенно не способны целиком размыть характеристики, которые приписываются конкретному обществу. Сами трансформации зачастую приводят лишь к перегруппировке, перестановке акцентов в комплексе характеризующих его корневых параметров, к трансфигурации взаимосвязей, существующих между ними. История – это не только точки и паузы, но и последовательная строка, что необходимо учитывать при описании любых исторических процессов и «длительностей».

2.3. Институционально-политические механизмы:

типы политических модернизаций

Исторические системы формируются постепенно, изменяются *с течением времени*, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это относится и к их развитию в пространстве. Зарождаясь в определенном месте, исторические системы, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) *в историческом пространстве*, становятся взаимосвязанными, причем интенсивность направлений развития данных взаимосвязей может существенно варьировать [184. С. 237]. Время и пространство, таким образом, выступают в качестве взаимосвязанных измерений исторического процесса. Показатель *время* фиксирует исторические изменения. Параметр *пространство* выступает в качестве критерия территориальной дифференциации исторического процесса. В принципе, оба измерения отражают вариативность (временную и пространственную) исторической динамики. В целом время и пространство образуют систему координат, в которой разворачивается исторический процесс.

Современная наука, изучающая прошлое, разработала разные подходы, которые демонстрируют различное отношение к этим фундаментальным измерениям. Широкое распространение получило представление, согласно которому в качестве наиболее значимой выступает временная характеристика истории. Сторонники данной точки зрения основное внимание уделяют историческим изменениям во времени, т.е. темпоральной

дифференциации истории. Подобный подход послужил основой для формулирования множества теорий, базирующихся на идее принципиального единства прошлого. Историческая дифференциация в рамках данного направления научной мысли обычно раскрывается в схеме прогресса, движения от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия. В контексте указанного подхода неоднородность исторических объектов в большей степени объясняется их привязкой к различным моментам потока исторического времени. Сторонники данного подхода полагают, что исторический процесс подчиняется единым, универсальным закономерностям и осуществляется по сходным механизмам.

Именно такой подход был заложен в основание классической модернизационной теории [13, 94, 185–187, 188. Р. 36], сторонники которой акцентировали свое внимание на внутренних, эндогенных механизмах развития. Общества, согласно их представлениям, различаются в зависимости от того, насколько далеко они продвинулись вдоль единой для всех линии развития (прогресса). Одни общества оказываются более развитыми, продвинутыми, другие – менее развитыми. При этом, по логике сторонников данного подхода, последние по мере своего развития должны проходить стадии, уже пройденные первыми обществами; предполагалось, что со временем различия, существующие между ними, будут стираться.

Проблема многообразия человеческого опыта модернизации нашла отражение в типологических схемах, предложенных специалистами. Лежащее в основе типологического подхода сопоставление исторических объектов с целью идентификации общих и особенных черт осуществлялось различными способами. Наибольшее распространение получили: 1) выявление общих стадий или фаз модернизации; 2) определение маршрутов, которыми могли двигаться конкретные общества; 3) выявление стадияльно-пространственных групп (типов) модернизирующихся стран путем комбинации «вертикальных» и «горизонтальных» классификационных категорий.

Рассмотрим ставшую классической попытку типологии политической модернизации на основе последнего способа, которую предпринял Сирил Блэк в работе «Динамика модернизации», впервые изданной в 1966 г.

Признавая продуктивность рассмотрения модернизации как универсального процесса, С. Блэк, тем не менее, отмечает, что подобный подход в значительной степени обесценивается существенной вариацией в решении модернизационных проблем, которую демонстрируют конкретные общества. В качестве компромисса между обобщающими построениями, базирующимися на анализе агрегированного массива всех обществ, и

исследованиями процессов модернизации в каждом отдельном обществе ученый предлагает исследовать основные типы модернизационных изменений.

«Не существует двух обществ, которые модернизировались бы одним и тем же путем, – подчеркивает С. Блэк, – нет двух обществ, обладающих аналогичной базой ресурсов, навыков, идентичным наследием традиционных институтов; невозможно найти двух обществ, находящихся в одной точке развития, использующих одинаковую модель лидерства или абсолютно схожую политику модернизации. Тем не менее, возможно выделить типы обществ, не теряя из виду индивидуальности каждого из них, внутри которых проблемы решались сходным образом и проводилась близкая политика модернизации» [94. Р.95].

Временное измерение процессов модернизации находит отражение в выделяемых С. Блэком «критических проблемах», с которыми сталкиваются все модернизирующиеся общества: 1) *вызов modernity* – первоначальное столкновение традиционного общества с современными идеями и учреждениями, появление сторонников modernity; 2) *консолидация модернизаторских элит* – переход власти от традиционалистских к лидерам современного типа в ходе обыкновенно ожесточенной революционной борьбы, часто продолжающейся на протяжении жизни нескольких поколений; 3) *экономическая и социальная трансформация* – экономический рост и социальные преобразования, способствующие преобразованию общества из преимущественно сельского с аграрной экономикой в городское и индустриальное; 4) *интеграция общества* – полная реорганизация социальной структуры под воздействием экономических и социальных преобразований [94. Р.67–89]. По существу, С. Блэк, рассуждая о проблемах, имеет в виду временные вехи – фазы модернизации.

Следующим шагом становится идентификация критериев, позволяющих определять стадию, проходимую конкретным обществом. Фактически, речь идет собственно о критериях типологизации. В качестве таковых С. Блэк предлагает использовать следующие параметры: 1) время перехода политической власти от традиционных к модернистским лидерам относительно других обществ (ранее или позднее); 2) эндогенная или экзогенная природа непосредственного политического вызова со стороны современности традиционалистским лидерам; 3) непрерывность или кардинальные перегруппировки территории и населения на протяжении эпохи modernity; 4) суверенность или продолжительные периоды колониального управления в истории общества; 5) наличие на момент вступления общества в современную эпоху развитых институтов, готовых в значительной степени адаптироваться к функциям modernity, или

отсутствие по существу подобных институтов и необходимость их заимствования от более развитых современных обществ [94. Р.96].

Целью типологии на основе выделенных С. Блэком критериев является, таким образом, сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировка стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем.

Предложенные критерии, по мнению С. Блэка, связаны с аспектами исторического развития, строительства наций, международных отношений. В то же время, как полагает исследователь, классификация, осуществляемая на основе использования указанных критериев, в существенной степени учитывает культурные, экономические, социальные измерения истории, так как хронологическая сопряженность и акцент на источники и природу модернизационных импульсов обеспечивают группировку схожих стран. Так, С. Блэк отмечает, что для рано модернизовавшихся западноевропейских стран и их филиалов характерны в целом более высокий уровень валового национального дохода на душу населения, урбанизации и образования, более высокий удельный вес населения, занятого не в сельском хозяйстве, более высокая степень социальной мобилизации по сравнению со странами поздней модернизации. Вообще, как считает С. Блэк, время вступления в современную эпоху (раннее или позднее) обыкновенно отражается на уровнях экономического и социального развития соответствующих стран [94. Р.104].

На основе использования двух классификационных шкал (фазы решения кардинальных проблем и критерии сравнения) С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ.

В первый тип политической модернизации С. Блэк включает Великобританию и Францию как страны самой ранней модернизации, в значительной степени создавшие образцы перехода от традиционности к современности для всех других обществ [94. Р.106–110]. Исследователь обращает внимание на приоритет обеих стран в разработке теории и практики передачи политической власти от традиционалистских к модернистским лидерам, на революционный характер этого процесса, присущий как Англии, так и Франции, переживших в XVII–XVIII вв. революции с несомненным модернизационным потенциалом.

В качестве особенности Французской революции С. Блэк отмечает ее широкое, значительно превосходящее в этом плане Английскую революцию, идеологическое и институциональное воздействие на многие страны мира. Французские идеи и институты, как он показывает, внедрялись в странах Северной, Центральной, Южной Европы,

завоеванных Наполеоном; французская модель республиканского устройства заимствовалась модернистскими лидерами как исламского мира, так и Латинской Америки; общества Юго-восточной Азии и Африки, оказавшиеся в колониальной зависимости от Франции, также в большинстве своем ориентировались на французскую модель политического устройства; косвенными проводниками французского влияния в своих колониях в Азии и Африке стали также Голландия и Бельгия. Якобинство, по мнению С. Блэка, выступая в XX в. в качестве главной альтернативы революционной доктрине марксизма-ленинизма, оказало воздействие на таких революционных лидеров как Ататюрк, Насер, Бен Белла на Ближнем Востоке, Сун Ят-сен, Неру и Сукарно в Азии, Карденас и ранний Кастро в Латинской Америке.

В качестве характерных особенностей стран первого типа, отличающих их от других обществ, С. Блэк выделяет также ярко выраженную внутреннюю природу вызова современности, высокую степень континуитета состава территории и населения в эпоху modernity и оптимальную адаптивность традиционных институтов к модернистским функциям.

Общность судеб стран ранней модернизации нашла, по мнению ученого, проявление в ряде следствий. В частности, как отмечает С. Блэк, и для Великобритании, и для Франции были характерны замедленные, по сравнению со странами поздней модернизации, темпы адаптации традиционных институтов к функциям современного общества, несмотря даже на революционные перевороты и эпохи реставрации, которые переживали обе страны, причем Франция – в гораздо более драматической форме. Замедленные темпы модернизационных трансформаций в совокупности с их преимущественно эндогенной обусловленностью и незначительностью внешних заимствований обусловили, по мнению С. Блэка, относительно организованную и мирную адаптацию традиционных институтов к современным функциям.

Сходство между Великобританией и Францией обнаруживается также в механизмах становления современного политического руководства, которые отличались, как считает историк, относительно эволюционным характером и устойчивостью преобразований, осуществлявшихся на протяжении жизни многих поколений высоко квалифицированных государственных служащих.

В качестве второго типа политической модернизации С. Блэк рассматривает «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете [94. Р.110–114]. Термин «филиал» исследователь употребляет для обозначения стран, которые были заселены жителями Старого Света, составившими политически и культурно доминирующие совокупности населения в новых обществах. Эти «ответвления» обычно возникали как зависимые от

метрополий колонии, но в отличие от других колоний доминирующее население в них по этнонациональному составу было схожим с населением метрополии. Ко второму типу С. Блэк относит такие страны как США, Канада, Австралия и Новая Зеландия.

Поскольку ведущее население указанных стран сформировали выходцы из метрополий до XVII в., постольку для указанных стран, как и для стран первого типа, как полагает С. Блэк, непосредственный политический вызов *modernity* также выступал в качестве внутренней проблемы. Кроме того, общества второго типа вступали в эпоху современности с развитыми институтами, способными адаптироваться к функциям современности.

Однако, по ряду параметров С. Блэк отличает общества второго типа от стран первого. Дело в том, что переход политической власти от традиционалистских к модернистским лидерам осуществлялся в странах второго типа несколько позднее и при других условиях, они подвергались фундаментальным перегруппировкам состава территорий и населения и переживали длительные периоды колониального управления.

В этих обществах, отмечает историк, переход политической власти к модернистским лидерам был связан с достижением политической независимости. Приобретение политической независимости странами второго типа обуславливалось отличиями их интересов от интересов стран-метрополий, удаленностью от метрополий, большими размерами территорий и высокой населенностью.

Борьба между традиционалистскими и модернистскими лидерами приобрела наиболее драматичную форму в США, где она, как принято считать, продолжалась с 1776 по 1865 г. и включила Войну за независимость и Гражданскую войну, которые сопровождались масштабным применением насилия и большими жертвами. Процессы модернизации в Канаде, Австралии и Новой Зеландии С. Блэк характеризует как более эволюционные и менее насильственные. Он указывает также на большую гомогенность населения указанных обществ и более тесную экономическую связанность последних со страной-метрополией. Следствием этого стал, как считает исследователь, более длительный срок достижения самостоятельности (когда рост населения и диверсификация экономики позволили этим обществам приступить к формированию независимого политического курса). Применительно к Канаде данный процесс датируется 1791–1867 гг.; к Австралии – 1809–1901 гг., к Новой Зеландии – 1826–1907 гг. (предельная дата в каждом случае означает достижение статуса доминиона).

Существенную особенность данной модели политической модернизации С. Блэк усматривает в том, что эти общества «оставили традиционную социальную структуру в родительских странах» [94. Р.112]. Страны второго типа, отмечает ученый, предприняли

процесс экономической и социальной трансформации не на основе долго формировавшейся социальной структуры, состоявшей из относительно замкнутых страт крестьян, ремесленников и землевладельцев, а на основе подвижной социальной структурой, которая была намного больше подготовлена к изменениям. Эта социальная подвижность была существенно усилена наличием обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, а власть государства была слаба.

С. Блэк обращает особое внимание на значение для развития стран второго типа доступных пограничных областей, которые служили не только источником богатства, но также и клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов. Личности и группы, которые считали себя незаслуженно обиженными, которые не сумели обеспечить себе удовлетворительных условий существования или мечтали культивировать нетрадиционные представления, как отмечает историк, имели возможность переселиться в пограничные области вместо того, чтобы пытаться найти компромисс или понести возможное поражение на прежнем месте жительства.

С. Блэк указывает и на ряд проблем, создаваемых фронтиром. Наиболее существенную он видит в том, что избыточные ресурсы не могли быть разработаны без дополнительной рабочей силы. Большой же приток иммигрантов, в свою очередь, создавал проблему ассимиляции, которая наиболее критические очертания приобрела в Соединенных Штатах, в то время как в трех других странах в силу сложившихся обстоятельства иммиграция имела более постепенный и гомогенный характер.

Подытоживая характеристику стран второго типа, автор отмечает: «К 1930-м гг., когда общества второго типа столкнулись с политическими проблемами социальной интеграции, они уже превосходили страны Европы по уровню развития и считались самыми богатыми и влиятельными в мире. Они извлекли выгоду не только из обширных ресурсов Нового Света и из своей относительной географической изоляции, которая позволяла им концентрировать энергию на внутренних делах, но также из развитых либеральных институтов, унаследованных от Старого Света, и от миллионов квалифицированных и энергичных людей, которые прибыли в поисках удовлетворительного образа жизни» [94. Р.114].

В третий тип политической модернизации С. Блэк включает общества Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса [94. Р.114–116]. Эти общества были вынуждены адаптировать свои политические институты к современным функциям позднее Великобритании и Франции. В их истории были длительные периоды

насильственной перегруппировки территорий и состава населения. Эти общества в современную эпоху преимущественно принадлежали к числу самостоятельных, хотя некоторые народы Восточной Европы, а также Ирландии и Исландии первоначально находились под чужеземным господством, в некоторых отношениях напомиравшим колониализм. Подобно обществам первых двух типов, эти страны также создали еще в традиционалистскую эпоху институты, способные адаптироваться к функциям современности.

Существенно, что многие из европейских обществ участвовали в течение нескольких столетий в развитии модернистских идей и институтов, конкурировали и даже в чем-то могли превосходить Великобританию, Францию или страны Нового Света. «Навигационные знания испанских и португальских мореплавателей; коммерческие навыки голландских, венецианских и далматинских торговцев; достижения ученых польского, чешского, венгерского, немецкого происхождения; ученые, художники, механики этих разнообразных обществ – и многие другие, – пишет С.Блэк, – внесли вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни» [94. Р.115].

С. Блэк подчеркивает решающее влияние французской модели на политическую модернизацию обществ третьего типа. Крах старых режимов начался не ранее 1795 г. в Бельгии, Люксембурге и в Нидерландах, 1798 г. – в Швейцарии и только в первом десятилетии XIX столетия – в Германии, Италии, Дании, Норвегии и в Швеции.

В этих странах, по мнению С. Блэка, можно говорить о консолидации модернистского политического лидерства между 1839 для Нидерландов и 1871 г. для Германии и Италии. В Восточной Европе политическая модернизация началась даже позже и не была завершена до ликвидации империй в период Первой Мировой войны. Консолидацию модернистского политического руководства в странах третьего типа С. Блэк характеризует не только решающим влиянием иностранных моделей, нередко навязываемых силой оружия, но также длительным и трудным процессом строительства наций.

Лишь немногие традиционалистские государства, как отмечает исследователь, пережили этот процесс без деконструкции. Наиболее сложная территориальная и политическая перестройка была осуществлена в Священной Римской империи, земли которой неоднократно подвергались реорганизации, пока к 1871 г. не удалось достичь относительной стабильности. Насильственным характером отличался распад Османской и Габсбургской империй, народы которых постепенно приобретали независимость в результате войн, революций, дипломатии.

Помимо множества фундаментальных различий между обществами третьего типа, заключающихся в традиционалистском институциональном наследии, в исторических особенностях политического руководства, они обладали и общей характерной чертой, которая состояла в огромной концентрации усилий на процесс строительства нации. В значительно большей степени, чем это было в Великобритании и Франции, а также в их «филиалах» в Новом Свете, энергия политических лидеров, ресурсы народов стран третьего типа направлялись на защиту недавно приобретенных границ и подготовку к освобождению смежных или связанных территорий, еще находящихся под чужеземным управлением. В Центральной Европе относительная и довольно сомнительная стабильность была достигнута к 1871 г., в то время как в более восточных регионах костер национализма продолжал тлеть, пока не разгорелись большие пожары 1914–1918 и 1939–1945 гг. Хотя национализм был только средством для достижения самоопределения, призванного обеспечить условия для модернизации без дискриминации со стороны чужеземных администраций, для многих поколений он стал целью сам по себе.

Наиболее быстрая стадия экономической трансформации в обществах третьего типа имела место в конце XIX – первой половине XX в. Швейцария и Германия столкнулись с проблемами социальной интеграции в 1930-е гг., а ряд других стран данного типа достигли этой стадии лишь после Второй мировой войны.

В четвертый тип политической модернизации С. Блэк включает «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете [94. Р.117–119]. Эти общества отличаются от обществ второго типа, также созданных преимущественно иммигрантами из Старого Света. Кроме различий в ресурсных базах, в навыках, для обществ четвертого типа характерен более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, в особенности со стороны тех обществ третьего типа, которые были склонны уделять меньшее внимание модернизации.

Достижение национальной независимости в Латинской Америке обычно завершалось не приходом к власти модернистских лидеров, а установлением неоколониалистских форм правления, которые имели тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни. Даже в странах, населенных преимущественно выходцами из Европы (например, в Аргентине, Коста-Рике, Уругвае), позиция модернистских лидеров не была консолидирована на протяжении почти целого столетия, прошедшего после их освобождения. Частично С. Блэк объясняет это аграрной специализацией данных стран, тормозившей урбанизационные процессы, а также, в большей степени – доминирующими ценностями политически активного населения. Декларации национальных целей и формы правления, которое оно устанавливало,

базировались на либеральной европейской модели; риторика в значительной степени копировала таковую Французской революции. Но по своему содержанию эти политические институты лишь спустя длительный период времени стали походить на модернистские.

Политическая модернизация в большинстве латиноамериканских стран жестко блокировалась в связи с тем, что жители европейского происхождения составляли в них меньшинство и не желали делить политическую власть с метисами и индейцами, а в некоторых случаях – с иммигрантами из Африки, которые формировали большинство населения. Ситуация в обществах четвертого типа в этом плане, как отмечает С. Блэк, существенно отличалась от таковой в Соединенных Штатах, например, где численность индейцев была незначительна, а африканцы составила около 10% населения.

В большинстве же латиноамериканских обществ, напротив, численное доминирование неевропейского населения выступало причиной блокирования расширения эффективного гражданства и вело к растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу-или не-европейского населения. Социальные эффекты этого раскола были усилены практикой вложения капиталов доминирующим меньшинством скорее за границей, чем внутри страны.

Пятый тип политической модернизации, согласно схеме С. Блэка, образуют те общества, которые модернизировались без прямой внешней интервенции, но под косвенным влиянием обществ, которые модернизировались ранее [94. Р.119–123]. В состав данного типа Блэк включает Россию, Японию, Китай, Иран, Турцию, Афганистан, Эфиопию и Таиланд.

Для всех указанных стран общим является тот факт, что их традиционные правительства оказались достаточно эффективными благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления в противостоянии попыткам навязать прямое и всестороннее иностранное управление.

В отличие от большинства других общества пятого типа осуществляли модернизацию по существу по собственной инициативе и с сохранением в значительной степени состава территории и населения. Способность этих обществ сохранять независимость С. Блэк объясняет различными обстоятельствами. Для Китая, Ирана и Турции, например, по его мнению, ведущее значение имело своего рода равновесие сил (или, иначе говоря, противоречия между более модернистскими конкурентами). Недоступность и изоляция играли существенную роль в деле сохранения независимости в

истории Афганистана, Эфиопии и Таиланда. Россия же и Япония, по мнению автора, защищали свою независимость преимущественно благодаря собственной военной мощи.

Одна из наиболее устойчивых характеристик обществ пятого типа заключается в том, что они создали территориальную и демографическую основу своих государств задолго до столкновения с вызовом современности. Перед этими обществами не стояло проблем борьбы против прямого чужеземного господства, колониализма. Все они до некоторой степени испытывали иностранное вмешательство в эпоху *modernity* – периоды иностранной оккупации отдельных территорий указанных государств, льготные условия для иностранцев в форме капитуляций (неравноправных договоров, фиксирующих привилегированный режим для иностранцев), широкая зависимость от иностранных займов и советников. Эти формы иностранного вмешательства, иногда зависимости, С. Блэк, тем не менее, склонен отличать от покорения и прямого и продолжительного иноземного контроля в виде колониализма.

В группе обществ пятого типа непосредственно традиционалистские правительства (в России при московских царях и при императорах, в токугавской Японии, в цинском Китае, в Османской Турции, в Персии при Каджарской династии, в Эфиопии при Теодросе и Менелике II и в Сиаме при правлении династии Чакри) брали на себя инициативу при столкновении с вызовом современности. Существенно при этом, что многими признается наличие множества соответствий с Великобританией и Францией в таком аспекте как непрерывность и постепенность перехода от старых режимов к новым.

Традиционалистские элиты обычно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся для сохранения традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений, которые могли бы последовать вследствие успеха иностранных или внутренних модернизаторов. К числу подобных модернизаций С. Блэк относит реформы Петра I и Николая I в России, поздних сёгунов династии Токугава, Махмуда II и Абдул-Меджида I, государственных деятелей позднецинского периода, Монкута и Чулалонгкорна в Сиаме, шаха Насира уд-Дина в Персии, императора Менелика в Эфиопии. Эти реформы, по мнению исследователя, были призваны обеспечить современные системы подготовки и снаряжения для бюрократии и армии, усовершенствовать транспортные средства и коммуникации, создать институты высшего образования. Для обучения приглашались иностранные специалисты, представители туземного населения выезжали за рубеж с целью приобретения современных знаний.

Но при этом существенной особенностью этих реформ было то, что они предназначались не для преобразования традиционной системы, но для ее укрепления.

Аграрная экономика и образ жизни крестьянства, которое составляло более 4/5 всего населения, оставались практически незатронутыми ограниченной модернизацией, а элиты сохраняли свои традиционные привилегии. Подобными средствами удавалось по меньшей мере временно противостоять вызову более современных обществ, а переход к политическому руководству, способному поддержать программы интенсивной модернизации, отсрочивался на поколения.

С. Блэк подчеркивает, что в странах пятого типа фундаментальный разрыв с прошлым осуществлялся не в результате революции, иностранной оккупации или национального восстания против чужеземного господства, но непосредственно традиционным руководством. Решающие перестройки произошли в результате отмены крепостного права в России в 1861 г., свержения режима сёгуната в Японии в 1868 г., замены китайской классической системы современной системой подготовки бюрократии в 1905 г. и учреждения форм конституционного правления в Персии в 1906 г., в Османской империи – в 1908, в Афганистане – в 1923, в Эфиопии – в 1924 и в Сиаме – в 1932 г.

При этом С. Блэк отмечает, что правящие элиты и бюрократия все же не могли бесконечно поддерживать модернизаторские инициативы. Лишь в Японии политическая власть модернистского руководства была консолидирована к 1945 г. без революционного ниспровержения династии. В других странах консолидация модернистских лидеров включала более радикальные перевороты (такие, как приход к власти Временного правительства в России в февраль–марте 1917 г., последовавшая затем большевистская революция в октябре–ноябре; цепь революций в Китае во главе с Сун Ят-сеном в 1911 г., Чан-Кай-Ши – в 1927 и Мао Цзе-дуном – в 1949; революции, в результате которых были свергнуты действующие династии Мустафой Кемалем в Турции в 1923 г. и Реза-ханом в Персии в 1925 г.).

Более сотни независимых и зависимых обществ Азии, Африки, Америки и Океании, которые пережили периоды колониального управления, С. Блэк включает в шестой и седьмой типы [94. Р.123–128]. Шестой тип составлен из обществ, традиционные культуры которых были достаточно высоко развиты, что позволило им успешно взаимодействовать с таковыми более современных «опекунских» обществ в процессе их адаптации к современным функциям. К шестому типу относятся общества, в которых утвердились ислам, индуизм и буддизм.

Общества, составляющие седьмой тип (ряд районов Африки к югу от Сахары и Океании), не разработали собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности. Ввиду отсутствия институтов и культур, которые можно было бы

адаптировать к современным функциям, они были вынуждены напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

В качестве общей черты обществ последних двух типов С. Блэк называет опыт колониализма, который в определенной степени стимулировал начальные стадии модернизации, вызов современности в традиционном обществе и одновременно блокировал следующие стадии – в частности, фазу консолидации политической власти модернистскими лидерами.

Общества шестого и седьмого типов в гораздо большей степени, чем общества второго и четвертого типов, по мнению С. Блэка, зависели от опекунской власти в процессе достижения политического единства. Только в исключительных случаях они имели исторические основания для обретения статуса независимой государственности; их политическая конфигурация как колоний и позднее как независимых государств была в значительной степени обязана политическому авторитету опекунской власти, а не их собственной инициативе.

Схема типологического анализа С. Блэка оказалась весьма продуманной и плодотворной. Она способствовала развитию сравнительно-исторического и классификационного подходов в рамках модернизационных исследований, углубленному изучению как фаз, так и «горизонтальных» вариантов модернизации. Влияние данной схемы до сих пор сказывается на работах по проблемам модернизации, что подтверждает ее нерастрченный познавательный потенциал. Так, система критериев развития, разработанная российским философом В.Г. Федотовой (1) источник развития (внутренний и внешний); 2) органичность развития (первичное, под влиянием собственных потребностей, вторичное – связанное с преобладанием внешних «вызовов», ответ на них); 3) механизм развития (инновация, мобилизация усилий); 4) характер развития (самостоятельный, догоняющий Запад, догоняющий только его технико-экономический уровень, недогоняющий); 5) темпы развития (очень быстрые, быстрые, медленные, очень медленные); 6) наличие духовных, ментальных, культурных предпосылок; 7) образ будущего, к которому направлено развитие), может рассматриваться как развитие принципов, лежащих в основе критериальной системы С. Блэка, а ее интересная и содержательная классификация областей однотипного развития (западная цивилизация, состоящая из двух подтипов – американской и западноевропейской; цивилизации «второго эшелона» развития, т.е. «вторая» Америка (Мексика, Бразилия, Чили и др.) и «другая Европа»; новые индустриальные страны Юго-Восточной и Южной Азии; до-индустриальные цивилизации «третьего» мира; неразвивающиеся сообщества)

обнаруживает некоторые параллели с типологией политической модернизации С. Блэка [20. С.240–251, 189. С.3–27; 190. С.3–21].

Признание возможности различных траекторий модернизации стимулирует выделение разнообразных исторических типов или моделей развития. Так, в рамках современного подхода демократия уже не считается феноменом, имманентно присущим модернизации, но рассматривается в ряду альтернативных последствий перехода от традиционности к современности, наиболее яркими и полярными примерами которых могут служить фашизм или коммунизм. Сам процесс политической модернизации также предстает в различных исторических ипостасях.

В одной из своих работ С. Хантингтон предпринял попытку типологизировать процессы политической модернизации (демократизации) на материале Западной Европы и Америки [191. Р.193–218]. Исследователь выделяет три типа демократизации. Первый – так называемый линейный, который выводится из британского и шведского исторического опыта. В британском случае, как отмечает С. Хантингтон, демократизация постепенно развивалась от гражданских к политическим правам, к постепенному верховенству парламента и кабинетному правительству и, наконец, к возрастающему расширению избирательного права на протяжении столетия. Шведский вариант характеризуется им следующим маршрутом: 1) национальное единство; 2) длительная, так и незавершенная, не давшая окончательных результатов политическая борьба; 3) сознательное решение принять демократические правила; 4) наконец, привыкание к этим правилам.

Второй тип демократизации – циклический, в рамках которого имеет место постоянное чередование авторитаризма и демократии. Этот тип, как полагает С. Хантингтон, присущ многим странам Латинской Америки. В его рамках ключевые элиты обыкновенно признают законность демократических форм правления, время от времени проводятся выборы; но для этих стран длительная последовательность правительств, пришедших к власти через избирательный процесс, объявляется автором исключительной редкостью. Правительства становятся продуктом военного переворота так же часто, как и следствием выборов. В подобных «преторианских» ситуациях, как указывает Хантингтон, ни авторитарные, ни демократические учреждения не могут быть эффективно институционализированы. Стоит стране вступить на этот циклический путь чередования военного авторитаризма и гражданской демократии, и ей будет уже крайне сложно сломать этот цикл.

Третий тип демократизации, выделяемый С. Хантингтоном, – диалектический. В рамках данного типа развитие среднего городского класса ведет к растущему давлению на авторитарный режим с целью расширения политического участия и конкуренции. В

некоторый определенный момент происходит смена существующего авторитарного режима демократическим. Оказывается, однако, что новый буржуазный режим не имеет возможностей управлять страной эффективно – вследствие этого нередко происходит свержение демократического режима и возвращение к авторитарной системе. В свою очередь, однако, авторитарный режим также терпит крах и происходит переход к устойчивой (длительной) демократической системе. Такая модель (диалектическая) характеризует, по мнению С. Хантингтона, опыт Германии, Италии, Греции и Испании.

Типология политической модернизации С. Хантингтона иллюстрирует важный сдвиг, произошедший в западном обществоведении, а именно осознание того факта, что исторический процесс не носит заданного характера, не является фаталистическим.

Тем не менее, общим для рассмотренных подходов является отношение к пространству как к своего рода второстепенному показателю. Именно временное измерение рассматривается как определяющее, конститутивное. Главным в типологических схемах политической модернизации остается определение стадияльного качества исторического объекта. Общества идентифицируются как стадияльные фрагменты более или менее универсального процесса. Законы функционирования сообществ в значительной степени привязываются к их стадияльной, т.е. временной характеристике. Пространственные же аспекты по-прежнему выступают в качестве иллюстрации тезиса о всеобъемлющем процессе социального совершенствования. В целом проблема обоснования системы координат исторического процесса, сбалансированного учета временных и пространственных измерений истории сохраняет прежнюю актуальность и нуждается в дальнейшей теоретической разработке. Данная проблема не сводится только к теоретическому поиску оптимального соотношения внутренних и внешних факторов исторического процесса. Нуждается в разработке и вопрос о механизмах, обеспечивающих взаимодействие между указанными факторами.

2.4. Механизм структурно-функциональной дифференциации

Значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу был накоплен на протяжении второй половины XX века в рамках модернизационной перспективы. В целом модернизационной парадигме присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными,

такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей. При этом модернизационная парадигма, сформировавшаяся в значительной степени под влиянием эволюционизма и функционализма, прошла длительный путь совершенствования [13, 94, 185, 186, 187, 192, 193. Р.30–31]. В рамках парадигмы модернизации было разработано множество теоретико-методологических и дисциплинарных подходов, призванных объяснять различные аспекты процессов развития.

Классическая версия структурно-функциональной дифференциации (Н. Смелзер)

Большую популярность в рамках модернизационного подхода получила модель структурно-функциональной дифференциации, призванная объяснить механизм перехода от традиционного к обществу модерна. В рамках данной модели процессы структурной и функциональной дифференциации трактуются как неизбежные, «естественные». Сторонники данной модели признают возможность некоторого замедления, торможения или даже временной приостановки модернизации, которая, тем не менее, все равно в конце концов должна найти продолжение (для этого необходимо лишь выявить и устранить, минимизировать воздействие тормозящих структурно-функциональную дифференциацию факторов).

В основе теоретической схемы, предложенной в середины XX в. для объяснения процессов модернизации, лежал дихотомический принцип, радикальное противопоставление традиционного («агрикультурного») и современного («индустриального») обществ, параметры которых обычно описывались как диаметрально противоположные (например, Ф. Саттон, М. Леви) [111. Р.67, 112. Р.24–25, 113]. Предполагалось, что в ходе модернизации происходит полная перестройка общества, касающаяся его институциональных и социокультурных основ.

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в процессе модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, мутации, трансформации. Проблема барьеров модернизации получила широкую разработку в литературе. Возможно, наиболее детальную инвентаризацию препятствий переменам в социальном, культурном и психологическом аспектах предпринял американский социолог Джордж М. Фостер. Последний выделил *социальные* (групповая солидарность: взаимные обязанности в рамках семьи, фиктивное родство (fictive kin), дружественные связи, малые группы, общественное мнение,

клановые разборки, статусные интересы; устоявшиеся местные авторитеты: семейные, политические, неординарных личностей; кастовые и классовые барьеры и т.д.), *культурные* (ценности и ориентации: традиции, фатализм, культурный этноцентризм, чувства гордости и достоинства, нормы скромности, локальные ценности; структура культуры: логическая несовместимость культурных характеристик и непредвиденные последствия планируемых инноваций; моторные образцы и привычные телесные позиции) и *психологические* барьеры, относимые к категории межкультурного восприятия (восприятие характера власти, отношение к подаркам, дифференциации ролей и т.д.; коммуникативные трудности: языковые, демонстрируемые предупреждения об опасности и т.д.; проблемы переобучения и т.д.) [33. P.255–277, 114, 115. С.469].

Вызовы модернизации по отношению к традиционным социальным единицам выступали как разрушительные. Модернизация, сопровождавшие ее интенсификация социальной мобилизации и социально-структурные сдвиги понимались как процессы, в ходе которых «кластеры старых социальных, экономических и психологических обязательств подвергаются эрозии и разрушению, и появляются новые модели социализации и поведения» (Ш. Эйзенштадт, Э. Десаи).

Для описания процесса перехода от традиционного к индустриальному, современному обществу была предложена концептуальная схема структурно-функциональной дифференциации. В основе данной схемы лежала идея разделения труда Э. Дюркгейма, которой был придан всеобъемлющий социетальный характер в работах Т. Парсонса 1950–1960-х гг. Согласно Т. Парсонсу, развитие общества может быть измерено в понятиях «общей адаптивности» человечества к условиям внешней среды. Он доказывал, что достижение большей адаптивности возможно путем увеличения функциональной дифференциации социальной системы или организации [130, 194].

Окончательное оформление схема структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации получила в трудах Нейла Смелзера [128, 129]. Н. Смелзер определяет структурную дифференциацию как процесс, посредством которого «одна социальная роль или организация... дифференцируется в две или более роли или организации, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях»; «новые социальные единицы структурно различны, но в совокупности являются функциональным эквивалентом первоначальной (неразделенной. – Авт.) социальной единицы»; т.е., согласно Н. Смелзеру, это переход от многофункциональной ролевой структуры к набору более специализированных структур [128. P.271, 129. P.2].

Смелзер предлагает рассматривать структурную дифференциацию широко, не ограничивая ее лишь технологической специализацией. По мнению ученого, структурная

дифференциация тесно связана с социальным процессом модернизации в целом; данная связь обнаруживает себя в том, что для каждой социальной функции можно подобрать определенный набор структуральных условий, при наличии которых достигается оптимум в ее обслуживании.

Таким образом, модель структурной дифференциации позволяет представить модернизацию как процесс приобретения структурной независимости социальными функциями. Традиционные социальные единицы, по мнению Н. Смелзера, выполняли множество разнообразных функций. По мере же модернизации возникают специальные социальные единицы для сепаратного осуществления социальных функций.

Использование модели структурной дифференциации позволяет продемонстрировать, как в процессе модернизации происходит трансформация традиционных социальных структур – семьи и общины. Так, согласно Н. Смелзеру, традиционная семья, имевшая усложненную структуру (большая и многопоколенная, включавшая родственников, живущих под одной крышей), выполняла множество функций, была многофункциональной. Она отвечала не только за репродукцию и эмоциональную поддержку, но и за производство (домохозяйство), образование (неформальная родительская социализация), социальное благополучие (забота о старших), отправление религиозных потребностей.

В процессе модернизации семья подвергается структурной дифференциации. Существенно упрощается ее структура: происходит переход от расширенной семьи к небольшой по размерам, нуклеарной; ослабевает влияние и контроль со стороны стариков и родственников. Модернизированная семья освобождается от выполнения множества социальных функций, которые прежде реализовывались в рамках традиционной семьи, и, таким образом, сама становится более специализированной социальной единицей.

Вероятно, один из наиболее важных subprocessов модернизации связан с отделением экономической деятельности от семейных, родственных связей и зависимостей. В традиционных обществах функция производства осуществляется преимущественно в родственных коллективах – домохозяйствах; преобладает потребительское сельское хозяйство; прочие виды производства, например, промыслы, играют вспомогательную роль и обычно размещаются в рамках семьи и деревенской общины. Последние также являются также основным местом осуществления операций обмена (реципрокного) и потребления, лишь в незначительной степени выходящих за границы семьи и селения (например, стратификационная редистрибуция в соответствии с кастовой принадлежностью; выплата налогов, дани, принудительный труд, осуществляемые в рамках политической системы). Таким образом, в условиях

традиционного общества товарно-денежные отношения развиты слабо, роль денег как дирижера экономического развития, регулировавшего потоки товаров и услуг, была невелика.

В процессе модернизации начинается отделение производственных функций от семьи (домохозяйства) и общины. Внедрение товарных культур в сельском хозяйстве содействовало дифференциации между социальными контекстами производства и потребления; распространение наемного труда в аграрной сфере подрывало основную производственную единицу традиционного общества – семейное домохозяйство.

В сфере промышленности Н. Смелзер, опираясь на работу Ж. Боека [195. Р.90], выделяет несколько фаз (уровней) дифференциации: 1) домашняя промышленность, существующая параллельно с потребительским аграрным производством для обеспечения собственных потребительских нужд трудящегося; 2) ремесленное (кустарное) производство, связанное с разделением производства (вероятно, на заказ) и потребления (при этом нередко потребление локализуется в пределах той же сельской общины); 3) рассеянная промышленность (мануфактура) связывается Смелзером с дифференциацией между потреблением и поселением (продукция производится на рынок, для анонимного потребителя; путь от производителя до потребителя опосредуется оптовым торговцем, который аккумулирует в своих руках сырье, необходимое для изготовления конечных товаров); 4) мануфактурное и фабричное производства, осуществляющие окончательное отделение работника от капитала и зачастую от семейства.

Итак, производственная функция в значительной степени делегируется предприятиям и учреждениям; члены семьи покидают домохозяйство (а нередко и свою деревенскую общину) в поисках трудоустройства на рынке рабочей силы; семья, таким образом, постепенно перестает быть производственной единицей.

Процессы дифференциации одновременно охватывают и сферу обмена. Обмен товарами и услугами все в большей степени опосредуется рынком; рыночные (денежные) механизмы экономического развития вытесняют прежние традиционалистские (религиозные, политические, семейные, кастовые регулятивы), что способствует относительной автономизации экономической системы [196–200].

Функция формального обучения переходит к школе; роль ученичества в рамках семьи понижается. Правительство берет на себя функции социальной защиты стариков, инвалидов, нетрудоспособных и т.д. Семья, освободившаяся от множества прежних функций, концентрируется на обеспечении эмоциональной поддержки и социализации.

Каждое из социальных учреждений (институтов), взявших на себя выполнение какой-либо из функций, прежде реализуемых в рамках традиционной семьи (или

общины), создает собственную властную структуру, собственный комплекс поведенческих норм, системы поощрений и наказаний. Каждый институт специализируется на выполнении одной функции, и в совокупности они выполняют эти функции более качественно, чем это делала прежде семейная структура. Соответственно, считал Н. Смелзер, модернизированное общество характеризуется более высокой производительностью труда, более качественной системой обучения и более совершенной системой социального обеспечения по сравнению с традиционным обществом. Таким образом, структурная дифференциация, согласно схеме Н. Смелзера, подрывает традиционные социоинтегративные механизмы.

Смелзер утверждает, что хотя структурная дифференциация расширяет функциональные возможности институтов, одновременно она создает проблему интеграции, т.е. координации деятельности разнообразных новых институтов. Так, традиционный институт семьи в значительной степени избавлял от необходимости интеграции. Множество функций, таких как экономическое производство и защита, выполнялось внутри самой семьи. Дети работали в домохозяйстве и зависели от семьи, которая обеспечивала им защиту.

Однако в современном обществе остро стоит проблема координации, например, активности институтов семьи и экономики, поскольку подросшие дети вынуждены искать работу за пределами семьи. Существует также проблема координации деятельности институтов семьи и защиты (охраны прав), поскольку семья уже не может больше защищать своих членов от несправедливости на месте работы. По мнению Смелзера, в современных обществах возникает потребность в новых институтах и ролях, которые бы координировали вновь возникшие дифференцированные структуры. Например, для того, чтобы облегчить поиск работы, необходимы такие институты, как бюро трудоустройства или системы газетных объявлений, которые бы координировали деятельность институтов семьи и производства. Для защиты работников от злоупотреблений со стороны работодателей были созданы такие организации, как профсоюзы, призванные выполнять функции защиты прав.

Тем не менее, даже после этого проблема интеграции все равно не может быть решена вполне удовлетворительно, рассуждал далее Н. Смелзер. Во-первых, существует проблема конфликта ценностей. Новая структура может иметь набор ценностей, отличных и находящихся в состоянии конфликта с ценностями старых структур. Новые агентства, например, биржи труда, могут действовать, исходя из принципа аффективной нейтральности, в то время как семья по-прежнему придерживается принципа аффективности социальных отношений. Дети, выросшие в семье, могут испытывать

трудности в процессе адаптации к отличным ценностным системам, господствующим в сфере трудоустройства или на производстве. Во-вторых, существует проблема неравномерности развития. Поскольку институты развиваются с разными скоростями, возможна ситуация, когда необходимые институты еще не появились, в то время как потребность в них назрела. Например, вероятное явление – отсутствие профсоюзов, призванных защищать интересы трудящихся, при том, что злоупотребления со стороны работодателей имеют место. По мнению Смелзера, социальные беспорядки как раз и являются следствием недостатка интеграции новых дифференцированных структур.

Используя концептуальные рамки структурной дифференциации, проблем интеграции и социальных конфликтов, Смелзер, таким образом, демонстрировал, что модернизация отнюдь не обязательно протекает как гладкий и гармоничный процесс.

Для ранней (классической) школы модернизации было присуще несколько упрощенное понимание перехода от традиционного к индустриальному обществу. Целью модернизации объявлялось приближение к характеристикам экономически развитых и относительно стабильных наций (подразумевались США и развитые страны Западной Европы). Сущность модернизации сводилась, таким образом, к имитации и переносу западных моделей, товаров и технологий в менее развитые страны. Соответственно, модернизация рассматривалась как процесс гомогенизации сообщества, порождающий тенденции и импульсы к конвергенции. Ранней парадигме модернизации было присуще жесткое противопоставление традиционного и рационального экономического поведения, отношение к традиционным институтам и обычаям как к препятствиям развития общества. Модернизация трактовалась как процесс трансформации, подрывающий и вытесняющий традиции, в том числе традиционные формы общежития (семья, сельское сообщество). Традиция рассматривалась как архаичное, отмирающее явление, неспособное противостоять современным формам жизни и вступать с ними в симбиоз. При этом традиция характеризовалась как застывшая, статичная форма, динамика которой может быть вызвана только внешними обстоятельствами и вопреки природе самого традиционного общества.

Пересмотр классической концепции структурно-функциональной дифференциации в современных модернизационных штудиях

Уже в 1960-е гг. построения представителей ранней школы модернизации стали подвергаться критике с разных теоретических и идеологических позиций. Принципиально изменилось вообще отношение к традиции, которая стала рассматриваться в качестве неотъемлемого элемента любой социальной структуры – как социальной организации в целом (в независимости от того, принадлежит она традиционному или современному

обществу), так и ее каждого отдельного элемента (С. Эйзенштадт). Постепенно пришло осознание того, что в модернизирующихся обществах существует множество взаимосвязей между традиционностью и современностью в социальной, экономической, политической сферах. Мишенью критики стал тезис о несовместимости традиции и модернизации. Прежнее убеждение о неизбежной конфликтности между традицией и инновацией в свете новых данных стало выглядеть абстрактным и не подтверждаемым фактами. Оппоненты сделали попытку более внимательно и глубоко проанализировать сами эти традиции.

Получила развитие концепция так называемых переходных систем (модель парциальной или частичной модернизации), причудливо сочетающих элементы традиции и современности и вполне жизнеспособных. Было признано, что в развитии переходных систем присутствует своя собственная логика, обусловленная в значительной степени традициями, что переходным обществам присуща способность к реорганизации и непрерывности, разработке собственной внешней и внутренней политики, обеспечивающей их жизнедеятельность.

Итак, в целом в литературе произошел отказ от прежнего представления о модернизации как линейном процессе вестернизации (европеизации) и гомогенизации обществ, переживающих модернизацию. Процесс модернизации стал рассматриваться, скорее, как «перманентная революция, не имеющая предустановленной конечной цели» (Дж. Джермани). Была признана возможность многовариантного перехода от традиционного к современному обществу; получил распространение взгляд, согласно которому в процессе модернизации сохраняется значительная национальная специфика, а в результате сложного взаимодействия между традициями и новациями разнородность модернизирующихся обществ даже увеличивается. Отныне традиция и современность уже не рассматривались как взаимоисключающие концепты. В исследованиях 1970–1990-х гг. традиция и современность не только сосуществуют, но и проникают друг в друга и могут смешиваться между собой. Соответственно, получила распространение точка зрения о совместимости с современным, модернизированным обществом различных форм организации в социальной сфере, поскольку они допускают необходимые перемены в типе личности, социокультурных нормах, социальных отношениях и институтах. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным аспектам социальной жизни (народные религии, семейственность) [13. Р.81, 14, 15. Р.333–341, 16. С.200–201, 18, 19. Р.60–87, 20. С.69–70, 21. С.170–207, 22].

Вопрос о месте и роли механизма структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации был существенно пересмотрен в статье Я. Мураками, посвященной японскому варианту перехода от традиционного к индустриальному обществу [201. Р.65–88]. Ученый утверждает, что любое человеческое общество основано на двух главных принципах – принципах интеграции и дифференциации. При этом автор отмечает, что в теориях модернизации до сих пор внимание акцентировалось на дифференциации в ущерб понятию интеграции. Я. Мураками указывает на относительное значение дифференциации как показателя прогресса. Дело в том, что, с одной стороны, необходимо учитывать цену реинтеграции подсистем новой социальной системы, возникшей в результате дифференцирования прежней системы. Функциональная эффективность системы, как отмечает Я. Мураками, в целом улучшится или ухудшится в зависимости от того, будет ли выгода дифференциации превосходить или уступать цене реинтеграции. Я. Мураками приводит исторические примеры чрезмерного, убыточного дифференцирования (бесчисленные субкасты (джати) в Индии; сложившаяся в рамках британской традиции рабочего движения трудовая организация по типу ремесленных союзов). Автор, таким образом, доказывает, что большая дифференциация системы не всегда способствует росту ее адаптивного потенциала – точнее, эффект увеличения адаптивности может быть произведен лишь соответствующим комбинированием дифференциации и интеграции.

Я. Мураками подчеркивает существенную роль в процессах модернизации механизмов интеграции. Например, выделение экономической и политической подсистем в результате дифференциации общества было значимым процессом на ранних стадиях капиталистической индустриализации, но все это сопровождалось – фактически предшествовалось – политической интеграцией, становлением «национального государства», развитием современной бюрократии. Модерное (или индустриальное) общество, таким образом, должно быть охарактеризовано двумя противодействующими силами: тенденцией дифференциации, отделением экономики от государства, ростом разделения рабочей силы, с одной стороны, и тенденцией интеграции в национальное государство, сопровождающейся бюрократизацией.

Более того, Мураками предлагает в целом рассматривать эволюцию человеческих обществ как процесс, подталкиваемый силами дифференциации и интеграции, сосуществующими и вступающими в постоянное взаимодействие. Исследователь выделяет в истории человечества эпохи доминирования сил дифференциации или интеграции. Так, период от неолитической революции до становления протоцивилизаций характеризуется, по мнению ученого, превалированием тенденции дифференциации

(Мураками имеет в виду, в первую очередь, «выделение» различных организационно-управленческих единиц – от клановых структур до чифдома, царства и теократии). Эпоху исторических цивилизаций или «осевого времени» (по терминологии К. Ясперса), включающую греко-римскую, индскую и китайскую цивилизации, Я. Мураками рассматривает как период, в течение которого тенденция интеграции доминировала над силами дифференциации, что, по его мнению, может объяснить очевидную стагнацию этих исторических образований. Тенденция дифференциации вновь возобладавала в Европе примерно в XVI в. в процессе индустриализации. Однако данный процесс, как подчеркивает Я. Мураками, не может осуществляться без некоторого уровня постоянных интегративных усилий [201. Р.73].

В эпоху индустриализации тенденция дифференциации наиболее отчетливо проявляется в экономической системе, в то время как первоначальным и окончательным рычагом для интеграции выступала политическая система. Именно хронологическая последовательность политической интеграции и индустриального взлета отличает модернизирующиеся общества друг от друга. В связи с этим Я. Мураками выделяет два региональных типа модернизации. Первый тип нашел воплощение в Англии и многих бывших британских «белых колониях», особенно в Соединенных Штатах Америки, где политическая интеграция предшествовала индустриальному взлету. Такая положительная синхронизация обеспечивала, как иллюстрирует пример Англии, наиболее типичный, эволюционный, автономный рост базирующейся на развитых рыночных отношениях индустриализации в относительной гармонии с парламентской демократией. В этом англо-американском случае основной аксиомой для социального развития выступал принцип *laissez-faire*, т.е. невмешательства государства в сферу экономики.

В случае более поздних европейских последователей модернизации типа Германии, Франции, Италии политическая интеграция отставала если не по форме, то по существу от индустриализации. Процесс политической интеграции должен был совпадать с процессом «догоняющей» индустриализации. Соответственно, в этом континентальном варианте государство не только осуществляло прямое вмешательство в экономику с целью ускорения процессов развития, но и развитие самой политической системы неоднократно прерывалось, заканчиваясь в некоторых случаях перестройкой системы [201. Р.73–74]. В незападных обществах соотношение между политической интеграцией и индустриализацией было, как полагает Я. Мураками, еще менее благоприятным.

Существенное внимание ученый уделяет интеграции на так называемом промежуточном уровне. Дело в том, что любое индустриальное общество по своей природе является крупномасштабным и сложным. Национальное государство создает

рамочную структуру, а рыночный механизм и парламентская система выступают в качестве обычных инструментов для координации разнообразных интересов в пределах этой структуры. Однако зачастую данных механизмов оказывается недостаточно, чтобы интегрировать многообразные интересы и мнения. Следовательно, по мнению исследователя, любое крупномасштабное общество нуждается в определенной интеграционной системе на промежуточном уровне (организация между обществом в целом и минимальной базовой единицей вроде семьи).

Хорошо известно, что в доиндустриальных обществах каждая сельскохозяйственная община играла по существу интегративную роль в качестве промежуточной организации. Однако, этим пред-современным организациям преимущественно была присуща аскриптивная ориентированность (то есть они базировались на родственных отношениях или привязке к земле) и «диффузность» (отсутствие специализации). Следовательно, такая промежуточная организация аграрного общества не обладала возможностями модифицироваться в ключевую организацию индустриального общества типа фирмы, бюрократических институтов, которые должны были быть функционально рациональными (то есть ориентированными на достижение) и функционально-специализированными. Другими словами, организационная традиция в большинстве случаев при переходе от традиционного к современному обществу должна была прерываться.

Японское общество, по мнению Я. Мураками в этом отношении представляло исключение. Японская история разработала уникальную промежуточную организацию – это общность *йэ*, буквально домашнее хозяйство, была диффузной, подобно сельским общинам в других обществах, но в то же самое время для нее была характерна ориентация на достижение. Первоначально *йэ* являлась военной (самурайской) организацией, возникшей в восточной Японии в XI в. Восточная Япония в то время была пограничной территорией, где контроль со стороны центрального правительства был неэффективным, а большинство земель еще не обрабатывалось. Военные столкновения были частыми, иногда они выражались в восстаниях, направленных против центрального правительства в Киото. Только сплоченная организация, обладающая достаточной способностью к самообороне, а также к производству продовольствия, могла выжить в такой пограничной ситуации. Таким образом, некоторые самураи организовывали свои поместья, объединяя группы людей, составленных из родственников, слуг и крестьян. В подобной организации все члены, включая воинов и крестьян, должны были сотрудничать как в ирригации, так и в военном деле: воины непосредственно управляли сельским хозяйством и особенно ирригационными работами и распределением воды, в то же время крестьяне были заняты в военных действиях в качестве пехотинцев.

«Тесное сотрудничество среди всех членов, от вершины до основания, неполное отделение военных профессионалов от земледельцев, и сильное чувство внутригрупповой однородности являлось характерной особенностью этой японской общности, представляющей контраст по сравнению с европейским аграрным обществом, в котором военные профессионалы (рыцари или феодалы) и крестьяне были уже четко отделены к VIII столетию и феодалы культивировали свой отчетливо отличный образ жизни», – заключает Я. Мураками [201. Р.80–81].

При этом автономия или независимость каждой *йэ*-организации была намного большей по сравнению с сельскими общинами в Европе. Например, судебная власть в пределах каждой *йэ* была полностью сосредоточена в руках главы этой организации. *Йэ* развивалась на протяжении нескольких столетий. Будучи первоначально небольшой по размерам со временем она разрасталась, пока не появилась сменявшая ее большая и более сложная организация даймё. При этом в процессе эволюции, как подчеркивает Я. Мураками, основной образец *йэ* поддерживался путем «репликативного расширения». Суммируя характеристики *йэ*, сохраненные в течение этого процесса, Мураками сводит их к следующим:

1. Коллективная цель: преемственность и расширение группы, которая символизировалась непрерывной последовательностью лидеров группы.

2. Членство: «kintractship» (термин, объединяющий родство–kinship и контракт), что означает, что никто не должен оставлять организацию, если он/она выбрали ее; фактически основные члены были в значительной степени связаны родством. Однако приняты были и другие методы рекрутирования на работу способных новых членов, помимо родственных связей.

3. Баланс иерархии/однородности: все члены были организованы в иерархическую структуру, главной целью которой прежде всего была военная эффективность. В то же самое время однородность среди членов подчеркивалась, чтобы сохранить солидарность группы – через ряд мер типа содействия продвижению по службе, ритуала поклонения предкам (точнее, поклонения основателю *йэ*) и т.д.

4. Автономия: группа выполняла все функции, необходимые для ее сохранения, т.е. аграрное производство, военные, судебные и другие функции [201. Р.81].

Отличительной особенностью *йэ* была присущая ей ориентация на достижение, обусловленная ее военизированным характером. Каждая *йэ* должна была всегда быть готовой к предупреждению вторжения со стороны соседей. Таким образом, в начале индустриализации японцы уже достаточно привыкли к ориентированности на достижение организации.

При этом Я. Мураками отмечает, что адаптация принципа *йэ*-типа к современной экономической организации стала видимой лишь на второй стадии индустриализации, то есть после I Мировой войны. На рубеже XIX–XX вв. индустриальный мир в целом входил в эпоху «организованного капитализма». В период классического капитализма XIX в. организационный принцип не мог играть существенной роли.

Именно в XX веке организованный капитализм востребовал организационную традицию Японии, разработанную в предшествующее время. В 1920-х гг. индустриальная структура в Японии сделала большой сдвиг по сравнению с прежней системой. Тогда же возникла «японская система управления», характеристики которой корреспондируют с характеристиками *йэ*-организации:

1. Вечное продолжение и расширение: стремление избежать ликвидации фирмы любой ценой и избегать увольнения рабочих.

2. *Kintractship*: пожизненная занятость, то есть рабочий остается в фирме до предписанного срока отставки; склонность принимать на работу новых дипломированных специалистов.

3. Баланс иерархии/однородности: продвижение как в заработной плате в зависимости от статусного роста. Акцент на обучение на рабочем месте в маленьких групповых модулях. Высокая профессиональная подвижность в пределах каждой фирмы (поддерживаемая обучением на рабочем месте). Низкий барьер между беловоротничковыми и синеворотничковыми рабочими.

4. Автономия: система благосостояния внутри фирмы. Фирменные профсоюзы. Ограниченное влияние акционеров [201. P.83].

Примером реализации нового подхода к изучению места и роли в процессе модернизации традиционных социальных структур может служить работа Сиу-Лун Вонга (1988), которая начинается с критики классической модернизационной интерпретации роли традиционной китайской семьи. В классической литературе по проблемам модернизации китайская семья рассматривалась как мощный традиционалистский фактор, который стимулировал непотизм (кумовство), ослаблял трудовую (рабочую) дисциплину, мешал свободному рыночному выбору труда, растворял индивидуальные стимулы к накоплению, блокировал рационализацию и модернизацию, и тормозил появление универалистских деловых норм. В результате классические исследователи модернизации пропагандировали отказ от традиционных китайских семейных ценностей с целью обеспечения экономического роста в Китае.

Однако, Вонг доказывает, что отрицательный экономический эффект традиционных китайских семейных ценностей был чрезмерно преувеличен. Изучая влияния семьи на

внутреннюю организацию китайских предприятий в Гонконге – особенно в сфере патерналистской идеологии и практики менеджмента, непотистской системы обеспечения занятости и в области семейной собственности, – Вонг демонстрирует, что традиционная семья оказывает положительное воздействие на экономическое развитие.

Во-первых, Вонг исследует практику патерналистского управления на предприятиях Гонконга. Изучение прядильных предприятий продемонстрировало наличие своего рода «индустриальных патриархов, которые осуществляли плотное управление, избегая применения силы, используя меры материального поощрения работников, действуя как моральные охранители своих подчиненных». Вонг указывает, что метафора семейства обеспечивает уже готовую культурную риторику, чтобы узаконить патрон-клиентские отношения между предпринимателем и работником. В экономическом плане этот доброжелательный (выгодный) патернализм помогает предпринимателю привлекать и сохранять рабочих в отраслях промышленности с высокой флуктуацией производства. В политическом отношении последствие патернализма заключается в том, что он тормозит рост классового сознания среди рабочих. Вонг утверждает, что когда патернализм работает, недовольство рабочих чаще выражается в форме индивидуальных действий типа абсентеизма и увольнения, чем в коллективных действиях по достижению соглашений и в забастовках.

Во-вторых, кумовство – предпочтение нанимать родственников на предприятие, – как считает Вонг, – также может способствовать успеху фирм Гонконга,. Вообще, по его мнению, большинство китайцев приглашают родственников на работу лишь как последний резерв. В действительности родственники составляют крошечную часть персонала в «непотистских» компаниях. С другой же стороны, для маленьких предприятий члены семейства поставляют надежную и дешевую рабочую силу. Есть основание полагать, что семья, родственники будут готовы работать более интенсивно и за меньшую плату, что позволит укрепить конкурентоспособность фирмы в период спада. Если члены семейства исполняют организаторские (менеджерские) функции, китайские предприниматели вообще заботятся, чтобы дать им формальное образование, а также обучать на рабочем месте. Поэтому, утверждает Вонг, администраторы-родственники редко бывают посредственными служащими с низкими способностями.

В-третьих, Вонг обращается к обсуждению проблемы семейной собственности. Он отмечает, в частности, что в 1978 г. почти 60% маленьких фабрик в Гонконге принадлежало индивидуальным владельцам и их семействам. Автор указывает, что принцип патрилинейного наследования результативался в прочности семейных предприятий. Даже если раздел семейства происходил, он скорее приобретал форму разделения прибыли, а не

физической фрагментации семейного предприятия. В связи с этим Вонг утверждает, что конкурентоспособные силы китайских семейных фирм весьма значительны: «Там существует намного более сильная степень доверия среди членов jia [семьи], чем среди не связанных родственными отношениями деловых партнеров; проще достигается согласие; потребность во взаимном контроле минимизируется. Указанные факторы дают семейным фирмам большие возможности для адаптации в ходе их деятельности. Они могут принимать быстрые решения в ситуациях, когда быстро меняются обстоятельства, и обеспечивать большую секретность, поскольку в меньшей степени обращаются к письменным отчетам. В результате, они особенно хорошо приспособлены выживать и процветать в ситуациях, связанных с высоким уровнем риска».

Вместо третируемого семейственности как чего-то противоположного экономическому развитию Вонг приводит доводы в пользу экономически динамичного этоса «предпринимательского фамелизма». Этот этос включает семейство как основной модуль экономической конкуренции, обеспечивающий стимулы к принятию рискованных решений и внедрению новшеств. Кроме того, Вонг доказывает, что данный этос существует не только среди предпринимателей, но и повсюду в гонконгском обществе.

Предпринимательский фамелизм, по мнению Вонга, имеет ряд характеристик. Первая – высокая степень централизации в принятии решений, но при одновременно низкой степени формализации организационной структуры. Вторая – высокая оценка автономии и предпочтение само-занятости. Самому стать собственным боссом, как утверждает Вонг, – типичный идеал как администраторов, так и рабочих в Гонконге.

Если семейство играет такую положительную роль в Гонконге, почему оно оказалось не в состоянии реализовать свой потенциал в прошлом в континентальном Китае? Для Вонга ответ на данный вопрос лежит в плоскости внешней социополитической обстановки, в которой обитало семейство. Хотя семья является и была экономически активной силой, в прошлом она, вероятно, по его мнению, в значительной степени контролировалась (и ограничивалась) государством, озабоченным задачей интеграции, и специфическими экологической и экономической средами, которые отличались крайней неравновесностью. В Гонконге же эти внешние ограничения со стороны государства и среды были удалены, поскольку Гонконг управлялся колониальным государством, которое не конкурировало с семейством за талант. Именно благодаря этому, по мнению Вонга, в условиях Гонконга семейству удалось реализовать свой потенциал двигателя экономического развития. Подводя итоги, Вонг критикует классических теоретиков модернизации за то, что они не заметили динамической роли китайской семьи в обеспечении экономического прогресса. Их склонность видеть только острую дихотомию

между европейским универсализмом и китайским партикуляризмом не позволила им понять роль семейства.

Вонг полагает, что европейский опыт капиталистического развития вряд ли будет копироваться в Китае; напротив, отличная от европейской модель китайской социальной структуры обязательно приведет к своеобразному типу модернизации. Далее Вонг предостерегает, что китайский фамелизм может также отличаться от своих корейских и японских аналогов из-за различий в социальных структурных контекстах [202. P.134–154, 19. P.63–65].

Наблюдения социологов по поводу семейных отношений в современной Японии, добившейся во второй половине XX в. огромных успехов в модернизации, индустриализации, урбанизации, также подтверждают положение о сложном характере взаимодействия традиций и новаций в данном процессе. «Японское семья, – пишет Н. Глэйзер, – несомненно изменяется; но для развитой страны она все еще поддерживает замечательную стабильность, в основе которой лежит постоянство ценностных моделей». Сопоставляя семейные отношения в США и Японии послевоенного периода, американский социолог С.М. Липсет подчеркивает непрерывность традиционных элементов, характерную для японской семьи данного периода. В частности, отмечаются низкий уровень разводов; традиция совместного (или соседского) проживания взрослых детей с престарелыми родителями, которые пользуются неизменным уважением и получают поддержку от детей; более тесная связь, по сравнению, например, с Северной Америкой, подрастающих детей с родителями, которая выражается в стремлении первых длительное время оставаться под родительским кровом [203. P.184–186].

В целом видение места и роли структурно-функциональной дифференциации в контексте модернизации претерпело определенные изменения. Пришло осознание необходимости исторического отношения к принципу структурно-функциональной дифференциации в качестве источника модернизации. Действие последнего имело временные и пространственные ограничения и специфические черты. Структурно-функциональная дифференциация вряд ли может трактоваться как единственный, абсолютный механизм модернизации. Некорректна абсолютизация процессов дифференциации в ущерб процессам интеграции. Произошел переход от дихотомического представления, согласно которому в процессе перехода от традиционности к современности происходит полная перестройка и замена прежних социальных структур новыми, к более мягкому и историчному, предусматривающему возможность постепенного многовариантного встраивания традиционных структур в модернизированное социальное пространство.

Глава 3. Адаптации в контексте транзита

3.1. Изменение социокультурного ландшафта: адаптация идей

3.1.1. Восприятие функций верховной власти и некоторые черты управленческой практики в России XVII–XVIII вв.

Одним из ключевых понятий для политико-правовой мысли Московского государства XVI – первой половины XVII в. было понятие *правды* – справедливости, некоего должного идеального порядка отношений между людьми, который был предписан Богом [204. С.311–316]. Предполагалось, что именно в соответствии с *правдой* должно было осуществляться управление государством. На уровне официальной идеологии подобные представления были закреплены в чине венчания монарха. В первом таком действе – «поставлении на великое княжество» в 1498 г., митрополит поучал будущего великого князя Дмитрия Ивановича следующими словами: «Имей страх Божий в сердцы, ... люби правду и милость суд прав». Эти же слова повторил ему его дед, Иван III Васильевич [205. С.15–16]. Похожее поучение содержалось во всех чинах венчания русских царей XVI–XVII вв. и по традиции перешло в XVIII в.[206]

Учение об управлении на основе *правды* опиралось, прежде всего, на тексты христианской православной традиции. Во-первых, это были собственно цитаты из Библии. Во-вторых, это были слова Отцов церкви. Довольно полно подобные тексты были представлены еще в сборнике XIV в. «Мерило праведное» [207]. Не утратили они актуальности и к середине XVII в. В частности, в 1642 г. новый избранный патриарх Московский и всея Руси Иосиф обратился с печатным поучением к своей пастве. Ко второй части этого поучения, обращенного к «христолюбивым князем и судиями всем православным христианом», были помещены в приложении подобные тексты, в т.ч. «Слово Сирахово на немилостивыя судии и князи, иже неправдою судят», «Слово о судиях и о властех, емлющих мзду и неправду судящих», «Слово святого Василия о судиях и о властех» [208. С.101–103]. При обращении к такому понятию как *правда* управление соотносилось, прежде всего, с функцией монарха как судьи. Правитель представал в образе *праведного* судьи, который судит в соответствии с *правдой*. Важно отметить, что правитель не выступал в качестве создателя *правды*. Подобное отношение было вполне понятно в рамках библейского подхода: *правду* создавал Бог, правитель мог лишь только вершить суд в соответствии с ней.

Отметим, что представление о том, что суд по *справедливости* (лат. *justitia*) являлся

одной из основных функций монарха, было распространено в средневековой Европе. При этом оправдание такой функции также могло опираться на соответствующие цитаты из Библии [209, 210]. Таким образом, московские представления о правлении на основании *правды* не были чем-то полностью отличным от восприятия власти в средневековой Европе. Однако, Библия, а также творения восточных Отцов церкви, давали, по преимуществу, материал для описания функций монарха как судьи. Представления же о монархе как *законодателе* и правлении на основании *законов* можно было почерпнуть из античного наследия, как из текстов философов (Аристотеля, Платона, Цицерона и др.), так и из т.н. римского права. Например, в Византии *закон* (лат. *lex*, греч. νόμος) был важным инструментом императорской власти по защите *справедливости* (лат. *justitia*, греч. Δικαιοσύνης) [211]. Сходные представления были распространены и в средневековой Европе. Например, Генрих Брактон в XIII в. писал, что для монарха, который правит должным образом [*recte*], «необходимы две вещи, а именно оружие и законы [*leges*]». При этом он отмечал, что «силу закона [*legis*] имеет то, что по справедливости [*iuste*] постановлено и одобрено высшей властью короля или князя [*auctoritate regis sive principis*], по совету и с согласия магнатов [*magnatum*] и с общего одобрения государства [*rei publicae*]» [212. С.143].

В московской политической мысли XVI – первой половины XVII в. практически отсутствовали представления о монархе как о творце *законов* – *законодателе*. Равным образом, практически отсутствовали представления о таком инструменте правления, а также ограничителе произвола как *закон*. В частности, в «Степенной книге» был упомянут «праведный суд», который осуществил Иван III в Новгороде, но при этом не было написано о принятии «Судебника» в 1497 г. [213. С.236] Понятие *законодатель* («законодавец») по преимуществу относилось к Моисею и Христу, шире – к Богу. Соответственно, понятие *беззаконие* относилось к нарушению божественных заповедей, а не постановлений монарха. Во многом это было связано с тем, что в Московском государстве в XVI – первой половине XVII в. границы образованности были связаны, прежде всего, с текстами православной религиозно-нравственной традиции. Из этих текстов для оценки политики и права черпалась соответствующая терминология. Например, в «Измарагде» начала XVII в. в «Слове святых отец о правде и неправде» можно было прочитать, что «убо первие правда Богом сотворена в человецех, потом же от неприязненна действия неправда воста», в связи с чем делалось поучение: «О неммысленне род человек, почто неправды дея погубяетеся сами, а правду оставили есте ея же бы спастися? Возлюбилите есте злобу, пьянство, лжу, татбу, гордость, скупость и прочая неправды, а не уповаете правдою спастися». Сходным образом с религиозным текстом

могла быть дана оценка Смуте начала XVII в.: «Яко погибша благоговейнии от земли, яко правда в человецех оскуде, и воцарися неправда, и всяка злоба и ненависть, и безмерное пьянство, и блуд, и несытное мздоимание, и братоненавидение умножися» [214].

Конечно, среди московских авторов можно было найти таких, которые выходили при описании управления государства за рассуждения о божественной *правде* и активно использовали понятие *закон*, при этом не только в смысле божественного, но и в смысле светского. Одним из таких немногих авторов был Ф.И. Карпов, который в «Послании к митрополиту Даниилу», написанном в 20–30-е гг. XVI в., рассуждал, что необходимо для «дела народного, или царства, или владычества» – «правда» или «терпение». Если «терпение», то тогда «вотще сложены суть законы» и не нужны судьи, «иже коемуждо правду учинят, зане трпение вся исполнит». Терпение без «правды и закона ... общества добро разрушает и дело народное ни во что низводит, злыя нравы въ царствех вводить и творит людей государем непослушных за нищету». В связи с этим он делал отсылку к следующему мнению: «Всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися иматъ от начальник в правде и известными законы праведными, а не терпением» [215]. Такая отсылка многое объясняет. Карпов, служивший на дипломатическом поприще, был начитанным человеком, и его образовательный «багаж» выходил за рамки текстов религиозно-нравственного содержания. Обращение к иной идейной традиции – в лице «Никомаховой этики» и «Политики» Аристотеля [216. С.207–217] – позволяло ему актуализировать в своем политико-правовом лексиконе такое понятие как *закон*.

В связи с этим уместно будет привести мнение П. Бушковича: «Хотя культура двора и русская культура в целом носила, в сущности, религиозный характер, это не означало, что царь и элита не имели никаких политических идей. Просто они выражали эти идеи в религиозных и нравственных категориях, не включавших в себя такие понятия, как суверенитет, естественное право и общественный договор» [217. С.28]. От себя добавим, что до определенного времени не включался и *закон*.

Вполне в духе такой религиозной традиции в 1653 г. царь Алексей Михайлович в письме восклицал: «Ей, не избраша лутче того, что веселитися и радоватися во истине и правде, и за нее пострадати, и людия Божия рассуждати в правде». В связи с этим монарх просил у Бога и святых даровать «нам, великому государю, и вам, бояром, с нами единодушно люди Его световы рассудити в правду, всем равно». Алексей Михайлович писал, что «о всех христианских душах поболение мы имеем, и в вере крепким бы и в правде и во истине якоже столпом стояти твердо» [218. С.506].

При этом укажем, что к *правде* обращались и оппоненты царской власти. Например, в 1651 г. арестованные челобитчики томского «мира» писали: «Мы стоим в

правде за весь град, хоть велит государь и перевешать, в правде бы умереть» [219. С.298]. На божественную *правду* ссылались противники церковной реформы, т.н. старообрядцы. Протопоп Аввакум обращался к царю со следующим вопросом: «Ведаешь ли, писано се во Истории о белом клобуке, и, ведая, почто истину в неправде содержиши?» [220]. В «Книге бесед» Аввакум утверждал, что «Коли же кто изволил Богу служить, о себе ему не подобает тужить. Не токмо за имение святых книг, но и за мирскую правду подобает ему душа своя положить, якоже Златоуст за вдову и за Феогностов сад, а на Москве за опришнину Филипп».

В течение XVII в. происходили существенные сдвиги в области образования, в котором усиливались светские тенденции [221]. В Россию более активно проникают и актуализируются тексты античной и византийской традиций, европейского средневековья и раннего нового времени. Прежде всего, это было связано с деятельностью выходцев из т.н. западнорусских земель (белорусских и украинских) [209, 222], а также представителей греческого духовенства [223], которые стали своеобразными посредниками между русской культурой и указанными традициями. Дополнительным каналом влияния были возрастающие контакты с выходцами из Европы. Некоторые из представителей правящей и интеллектуальной элиты во 2-й половине XVII в., овладевшие иностранными языками, могли уже непосредственно обращаться к соответствующим текстам. Посредством указанных возможностей представители московской элиты знакомились с новыми представлениями и понятиями о власти, а также производили переоценку уже известных им понятий, в которых актуализировались новые смыслы. Одним из таких понятий стал *закон*.

В 1650 г. по благословлению патриарха Иосифа была напечатана «Кормчая книга», сборник церковных и светских законов, касавшихся управления церкви и церковного суда. В качестве основы предисловия к данному изданию был использован текст, написанный иереем Василием в г. Люблине в 1604 г. [224. С.316–317] В предисловии можно было прочитать, что «ни что же бо тако житие наше устрояет, яко же по естеству равенство нам между себе содержать», что было «узаконено» Христом, который «среднее некакo положив естествоно законение: елика убо, глаголя хотите, да творят вам человеци, и вы творите им такожде» [225. Л.1 об.]. Также отмечалось, если бывает «правде» «не суще», то «смятение не мало в вещех градских же и началствуемых бывает», для чего «изобретены суть суды, закони, казни, отмщения, и истязания различна» [225. Л.2]. С одной стороны, здесь присутствовал образ «Христа» как «законодавца», точнее, как создателя «естественного законения», с другой – отмечалось, что против «неправды» кроме «судов» светской властью создаются и «законы». Однако, составителя «Алфавита» – предметного

указателя к «Кормчей» – не заинтересовало понятие «закон». При этом раздел на букву «П» был открыт следующей отсылкой: «Правде не сущи, смятение немало в вещех градских и начальствуемых бывает», – и на правом поле было дополнительно напечатано: «Зри» [225. Л.667].

В 1652 г., уже при патриархе Никоне, при печатании новой «Кормчей», данное предисловие было убрано. Тем не менее, само ее содержание давало определенный материал для размышления о функции монарха. В «Кормчей» были напечатаны переводы «градских», т.е. светских «законов», включавшие, в том числе, преамбулы к законодательным актам византийских императоров, в которых «цари» представляли в образе создателей «законов» [225. Л.494–496 об.]. Кроме того, составители «Кормчей» в послесловии дали довольно выразительную характеристику Алексею Михайловичу: за издание данной книги царь был уподоблен «второму Моисею» [225. Л.642 об.–643]. Таким образом, примеры «благоверных греческих царей», равно как и сравнение Алексея Михайловича с Моисеем, создавали образ царя, который имеет возможность не просто судить по *правде*, но и создавать *законы* для защиты этой *правды*.

Сами российские монархи могли познакомиться с представлениями о правлении с помощью *законов* уже во время своего обучения, еще до занятия престола. В библиотеке царевича Алексея Михайловича находилась книга «Главизны наказательные о нравоучительстве царя Василья Греческаго», подаренная патриархом Иосифом [226]. Данная книга, представлявшая собой наставление монарха своему наследнику, издавалась на Украине в 1607 и 1638 гг. Под названием «Тестамент» она была напечатана в Москве в 1661/1663 гг., а в 1680 г. переиздана Симеоном Полоцким, учителем и наставником царя Федора Алексеевича [227. С.106]. В «Тестаменте», помимо прочего, содержались рекомендации монарху как законодателю: царю полагалось следовать «добре положенным законом» своих предшественников, чтобы другие следовали его собственным «законам» [228. Л.39 об.–40]. «Тестамент» находился и в библиотеке Федора Алексеевича и вместе с другими книгам после смерти царя был взят «в хоромы» царевны Софьи [226. С.607].

Дополнение образа монарха-судьи чертами монарха-законодателя получило некоторое отражение непосредственно в законодательстве. 30 апреля 1654 г. была опубликована уставная грамота, посвященная пресечению злоупотреблений, связанных с отдачей на откуп мыта, мостовщины и некоторых других сборов. Отметим, что после Соборного Уложения 1649 г. эта грамота была вторым и последним за XVII в. печатным изданием законодательного акта, т.е. это было не случайное узаконение, но акт, которому придавалось большое публичное значение.

В мотивировочной части заявлялось, что создание данного акта стало результатом

следования, точнее – «подражания» «божественным повелениям» по борьбе со «злодейством», которое вошло «во обычаи человеческие» в виде отдачи на откуп некоторых сборов. Данная уставная грамота должна была исправить положение. В ее заключительной части нарушителю «царского повеления» обещалась «казнь», а монарху, «на земли царствующим *по правде* (курсив наш. – *Авт.*), за всякое доброе дело хвала, а на небеси воздаяния многая». При этом провозглашалась, что для «вечного утверждения» одна такая грамота «за нашу царскою рукою и златою печатью» помещается в Успенский собор. Согласно грамоте, это делалось с целью того, чтобы «сама небесная Царица Богородица» и «российстии чудотворцы» помогали «хранящим» это *«государское законоположение»* (курсив наш. – *Авт.*)» и наказывали нарушающих его. Другой экземпляр уставной грамоты был помещен в царскую «казну», также за царской подписью и печатью. Делалось это для того, чтобы «сие наше царское богоугодное *законоположение* (курсив наш. – *Авт.*)» было «твердо и непоколебимо во веки» [229. С.517–520].

В данной грамоте российский монарх выступил в роли *законодателя*, который использовал «законоположение» как инструмент для должного управления государством, для управления *по правде*. Царский *закон* был наделен такой важной характеристикой как «твердость» и «непоколебимость». В рамках московского политического дискурса, где монарх только судил *по правде*, такие претензии царского *закона*, стоит полагать, вызывали неоднозначные реакции и могли рассматриваться как претензия на уравнивание власти царя и власти Бога. Вполне возможно, по этой причине в законодательстве 2-й половины XVII в. больше не создавалось актов, похожих на данную уставную грамоту, не говоря уже о напечатании. Тем не менее, заключительная часть данной грамоты смогла произвести такое впечатление, что в 1701 г. при подготовке нового Уложения, которое должно было заменить Соборное Уложение 1649 г., она с минимальными изменениями должна была войти в его мотивировочную часть. При этом составители опускали слова с похвалой о правлении «по правде», но полностью использовали формулировку о «вечном утверждении» «государского законоположения», для чего также полагалось одну копию Уложения за царской печатью поместить в Успенский собор, другую – в царскую казну, а новое Уложение – напечатать [230. С.50–51].

Свою роль в распространении образа монарха-«законодавца» сыграл конфликт в между Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном, происходивший в 60-е гг. XVII в. Из-за конфликта, зашедшего в тупик, возникла потребность в официальной оценке власти царя с точки зрения православного вероучения. При этом специфика была такова, что потребовалось обращение к вселенским патриархам, к которым были отправлены

соответствующие вопросы. В своем ответе они написали, опираясь на римско-византийскую традицию, что «царь есть законное (έννομος) начальство». При этом была воспроизведена известная формула, восходящая к высказыванию Ульпиана: «Царю удобное, закон и устав есть» [231. С.86, 252].

К 70–80-м гг. XVII в. в правящей и интеллектуальной элите постепенно распространяются представления об управлении монархом государством с помощью *закона*. Об этом можно привести несколько фактов. А.С. Матвеев после опалы и ссылки в Пустоозерск во второй челобитной, направленной царю в 1679 г., отрицал свою вину и просил, чтобы его дело было рассмотрено судом. В случае, если о нем «нечто лукаво изыщут, в ваших государственных великих делах судом правым, законами Божиими и вашими государскими», Матвеев просил не проявлять к нему «милости» [232. С.117]. Кроме того, среди причиненных ему обид, Матвеев указывал на «отнятие превеликое милости», которая была ему дана Алексеем Михайловичем, на «честь мою боярство», а также на «отнятие» «законов и правды» [232. С.119]. Помимо восстановления справедливости, Матвеев требовал у Федора Алексеевича суда по «государским законам». Монарх в своих решениях должен был следовать не только некоей *правде*, но и писанным *законам*, которые мыслились как важный инструмент управления. Помимо *праведности* управление должно было соответствовать и *законности*.

При дворе Федора Алексеевича также представляли важность *законов* в управлении государством, и, соответственно, функции монарха как *законодателя*. В «Проекте устава о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей», составленном в 1681–1682 гг. [233. С.336–358], был предусмотрен чин печатника, который «всегда нашего Царского Величества имеет на вые своей печать, и дозируя печатает наши Государские грамоты, чтоб в них не было ничего противно нашим Царским законам» [234. С.11].

В период регентства царевны Софьи ученик Симеона Полоцкого Сильвестр Медведев в своем сочинении «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92», давая оценку правлению Федора Алексеевича, указывал, что царь хотел, «дабы всюду в его государстве всякая правда была» [235. С.72]. При этом сам Медведев в другом месте вел рассуждения о «лакедемонском законодавце» Ликурге и его «законах» [232. С.70]. Уже после падения Софьи инок Евфимий Чудновский сообщал, что С. Медведев был «пытан огнем и иными истязанми по градским судом и законом» [236. С.77].

При этом отметим, что традиционные представления о монархе, который судит по *правде* и при этом не выступает в роли активного *законодателя*, продолжали использоваться в 80–90-е гг. XVII в. некоторыми придворными панегиристами. В частности, Карион Истомин в 1682 г. от имени Бога обращался к Петру I со следующими

словами: «Аз поставих тебе царя.//Всего царства господаря.//Да владеешь людьми право,//Суд судиши меж их здраво» [237. С.65]. Не обошел Истомин вниманием символ могущества Российского царства – Орла, которого «от востока Господь посылает//Да правда и суд всюду пребывает» [237. С.84].

К 90-м гг. XVII в. относится случай использования понятия *закон* при оценке власти монарха человеком, не связанным с царским двором, – старцем Авраамием. Вокруг монаха Андреевского монастыря Авраамия к 1696 г. сложился кружок, в котором обсуждались вопросы, связанные с положением страны [238. С.20–36]. Авраамий подготовил для Петра I «Тетради», которые подал в конце 1696 г. В предисловии Авраамий рассмотрел вопрос о судьбе монархов в зависимости от того, как они управляли государством. Он отметил, что Бог после Авраама «по прешествии многих лет и естественных законов даде им царя из братии их и повеле ему владети странами язык и начальствовать над братиею своею». Те «царие и князи», которые «законно подданным своим творили суд и во всем правду, ... того ради спаслися». Те же, кто «начальствоваше беззаконно и нечестиво обезстрашася, и того ради мнози и погибоша». Исходя из этого, Авраамий делал общий вывод: «Також и до ныне царствуют и владеют ови разумно и по законом Божиим и по преданию святых отец и прежде бывших царей творят суд и во всем правду, и того ради спасаются, а инии царствуют, забыв страх Божий и смертный час и всех праведного судии и царей нестыдящагося, и того ради и погибают» [239. С.44, 45]. Требование правления по «правде»-справедливости дополнено требованием «законности». При этом важно указать на историческое представление о переходе от жизни по «естественным законам» к власти «царей», создающих «законы». Божественные установления, таким образом, дополнялись установлениями светской власти. В связи с этим Петру I был подан совет об использовании законодательных функций монарха: «Самодержцем дому своему, что разходится в год, число положить и во всем крепится и воздержание иметь, чтоб, положи закон или правило о чем, самому разорителем не быть» [239. С.154]. К понятию «закон» дополнительно дано пояснение – «или правило». Похожее пояснение в 1702 г. в доношении Петру I сделал Я.В. Брюс, когда написал, что отправил «краткое описание законов [или правил]» [240. С.29]. Посредством такого пояснения церковнославянизм «закон» дополнительно адаптировался в светском политическом лексиконе.

Сам Петр I не спешил закрепить за собой в официальной идеологии функции *законодателя*. В 1689 г. при отстранении царевны Софьи от власти в письме от имени Петра, «нарышкинском манифесте» по определению Э. Зицера [241. С.32–37], было только предложено «братцу государю» Ивану «учинить по приказам правдивых судей»

[242. С.14]. Подобная пассивность Петра-законодателя нашла отражение в панегириках начала XVIII в. В описании триумфальной арки в Москве в 1703 г. присутствовал традиционный образ «Правды», изображенной в виде «девы с завязанными очесы, весы и меч держащая», но без упоминания «законов» [243. С.136]. При описании новых «торжественных врат», построенных в Москве в 1704 г., Иосиф Туробойский, префект Славяно-греко-латинской академии, выпускник Киевской академии, использовал понятие *закон*. Описывая образ «Властолюбия Неправедного», от которого должен был защищать Петр I, он указывал, что оно «сидит же посреди льва и грифа, лютых зверей, под ногами имея узду и весы – орудия Правды, и свиток с печатми – знамение попрапия правды и закона божия и гражданского» [244. С.157]. «Закон» был изображен как важный атрибут должного, правильного отправления власти наравне с соблюдением «правды». Однако, использование *закона* самим Петром I не получило какого-либо отображения. Такое положение получило у И. Туробойского определенную расшифровку уже при описании полтавского триумфального торжества. Им было дано следующее истолкование девиза «СЛОВЕСА ПОДВИЗАЮТ, ОБРАСЦЫ ЖЕ ПРИТЯГАЮТ»: «Зане Его Царское Пресветлое Величество не указы и советы своими [якоже Геркулес галлийский краснословием и законами своими Галлию исправи, якоже и прочии монархи обыкоша;] но образцем сам высокою особою своею на труды сия о отечестве своем всегда предходит» [245. С.79]. Таким образом, Туробойским давалось благовидное объяснение отсутствия к 1709 г. у Петра I значительных результатов на ниве создания *законов*.

В этом отношении более просто и льстиво поступил Феофан Прокопович. В речи, произнесенной 27 июня 1709 г. в присутствии Петра, он восклицал: «Вся твоя и дела и деяния, пресветлейший монархо, дивния воистину суть. Дивне презираеш и светлость и велелепие царское, дивне толикие подъемлещи труды, дивне и различныя себе вовергаеши беды и дивне от них смотрением Божиим спасаеши, дивне и гражданския, и воинския законы, и суды уставил еси, дивне весь российский род тако во всем изрядно обновил еси» [246]. Петр был удостоен лавров *законодателя*, не приложив больших усилий.

После 1712 г. Петр начинает все более активно обращаться к своей функции *законодателя*, а также укреплять управление по *законам*. 26 октября 1713 г. Петр собственноручно дополнил указ «о преслушниках указам и положенным законом» [247. С.137]. Одним из следующих шагов по борьбе за *законность* управления было решение печатать законодательные акты. 16 марта 1714 г. состоялся именной указ, по которому было предписано следующее: «Которые Его Царского Величества Именные указы, такожде Сенатские приговоры состоятся о всяких Государственных генеральных (т.е. общих. – *Авт.*) делах, а надлежат ко всенародному объявлению», следовало «в

Типографии печатать и продавать всем, дабы были о том сведомы». С начала большой реформы государственного управления, подготовка к которой началась в 1715 г., Петр I все активнее и чаще выступает как *законодатель*, от имени которого издаются указы, регламенты, инструкции и указы, и к созданию которых он прилагал значительные усилия [248]. В 1722 г., суммируя свой опыт государственного управления, Петр заявлял, что «ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских», ибо создание «законов» бесполезно, «когда их не хранить, или ими играт, как в карты». Так как, по мнению Петра, еще некоторые «зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды», он своим именным указом от 17 апреля 1722 г. «запечатывал» все «уставы и регламенты». Этот указ надлежало держать во всех «судных местах» как «зеркало, пред очми судящих» [240. С.107]. Укажем при этом на использование как синонима понятия *закон* полонизма «правы» (от польск. prawa – «законы»), что свидетельствовало о польском и западнорусском влиянии.

Уже в феврале 1723 г. Петр решил, что этот «стоячий указ» следует дополнить еще двумя «досками». На одной следовало привести цитаты из священных текстов о том, что «суд божии есть: проклят всяк, творяй дело божие с небрежением». На другой следовало написать, «чтоб помнили уставы государственные и важность их» [240. С.124]. Петр понимал важность *законов* для управления, в связи с чем был готов как создавать их, так и наблюдать за их соблюдением.

Законотворческая активность Петра I получила оценку почти мгновенно после его смерти. 8 марта 1725 г. Феофан Прокопович, оплакивая Петра, восклицал: «Се Моисей твой, о России! Не суть ли законы его, яко крепкая забрала правды и яко нерушимая оковы злодеяния!». Во время траурных мероприятий у трона почившего императора были установлены четыре «пирамиды», одна из которых символизировала «исправление гражданства», т.е. светских дел, которое заключалось в том числе в его «уставах правительских» и «законах судебных» [249. С.54]. В 1726 г. Г. Бужинский, которому Петр I поручал перевести сочинение С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина», писал, что императору в своих преобразованиях надо было «вникнути и в законы, то есть положительные уставы, и оныя и справити: перве сочинил устав, морскаго правления, также воинских судов и устройства. Гражданския же законы, понеже елико многия, толикой с премногим трудом сочиняемыя, избрав благоразумных мужей, повелел исправляти: сам над всеми надзирая, исправляя, и к сочинению полезнейшыя подавая способы» [250. С.6]. При этом Бужинский, обращаясь к Екатерине I, полагал, что данный перевод поможет «законохранителям и судиям поставленным, правду хранящим и творящим» [250. С.12].

Ко времени смерти Петра I понятие *закон* превратилось в один из неотъемлемых

атрибутов власти монарха. Конечно, монарх не отказывался защищать *правду*. Однако, он это делал уже скорее не как судья, но как *законодатель*, с помощью *закона*. Таким образом, для монарха одной из основных функций становилось создание *законов*, а для государственного аппарата – исполнение этих *законов*. В итоге произошел своеобразный переход от образа консервативно ориентированного монарха, вершащего суд по *правде*, к образу активно действующего монарха, который своими *законами* совершенствует общество. Моисей-«законодавец» ушел в тень, его место занял монарх-законодатель. Такой переход, в свою очередь, ставил перед правящей и интеллектуальной элитой ряд новых проблем, в том числе как правильно организовать законосовещательный орган при монархе – *Совет* – и упрочить *законность* в монархии [251].

Несмотря на успехи формирования институтов модерна, Российское государство и общество, тем не менее, на протяжении всего переходного периода демонстрировали приверженность нескольким базовым принципам, свойственным традиционным обществам. Эти принципы оказались чрезвычайно адаптивны к разнообразным модернизационным преобразованиям, могли приспособливаться и мимикрировать в неблагоприятных условиях или демонстрировать способность к развитию в условиях благоприятных. Р. Уортман назвал этот феномен «традиционалистским образом институционального поведения, который в ходе модернизации сумел удержаться в России», относя к нему, в частности, «веру в верховенство верховной власти и приниженное положение суда» [252. С.11]. Разделяя, в принципе, это наблюдение американского историка-русиста, хотелось бы заметить, что «традиционалистский образ институционального поведения» российских власти и общества, разумеется не исчерпывался отношением к суду, а проявлялся гораздо шире и разнообразнее, охватывая, в той или иной степени, все слои населения и все уровни власти. К таким традиционалистским феноменам общественно-государственной жизни России, носившим базовый и константный характер, следует отнести классическое кормление, уходящее корнями в средневековье и сохранявшее свою структурную целостность, демонстрируя, при этом удивительные способности к эволюции, вплоть до 60-х гг. XVIII в.

Изучение института кормлений традиционно имеет ключевое значение для уяснения сущности общественного строя Русского государства на разных этапах его развития. Различные интерпретации феномена кормления, восходящего к глубокой древности и имеющего аналогии в истории европейских государств, представляются базовыми в трактовках важнейших историографических проблем. Так, например, на характеристике кормлений как феодалов-должностей, а их совокупности – как основы возникновения государственно-корпоративной формы земельной собственности в Древней

Руси основаны концепции раннего генезиса феодализма в России [253–259]. Не менее значимым является изучение и осмысление системы кормлений в исследованиях различных аспектов функционирования Русского централизованного государства: эволюции государственной власти и ее устройства в конце XV–XVI в.; связи форм земельной собственности с системой общественных отношений; социально-политических взаимодействий власти и разнообразных общественных групп в указанный период; формировании предпосылок возникновения русского абсолютизма и т.п. Один только перечень трудов этого ряда превысил бы всякие мыслимые объемы, поэтому будет достаточным назвать имена Ю. Г. Алексеева, Л. В. Даниловой, А. А. Зимина, С. М. Каштанова, В. Б. Кобрина, В. Д. Назарова, Н. Е. Носова, Л. В. Черепнина, С. О. Шмидта и ряда других выдающихся отечественных историков, в тех или иных контекстах обращавших внимание на институт кормлений в XV–XVI вв.

Долгое время в нашей историографии господствовало мнение о том, что история кормлений как государственно-корпоративного способа обеспечения членов правящей элиты, занятых в государственном управлении, заканчивается в середине XVI в., в ходе судебно-административных реформ Ивана IV [261. С.255]. В то же время, многие историки (и дореволюционные, и современные) в той или иной степени признавали наличие кормленческой практики и в более позднее время [261. С.37, 43, 84; 262. С.171, 374–377; 263. С.8, 343–344, 511–512; 264. С.67, 74–76; 265. 295–298, 310–311, 445; 266. С.238, 285; 267. С.44; 268. С.42, 43, 166, 172–200; 269. С.52, 57, 66–67, 70–71, 11, 123, 129, 133–134, 173–175, 179, 183, 186, 194, 196; 270], оговариваясь, правда, что кормления второй половины XVI–XVII вв. – отдельные архаичные черты, пережитки средневековой традиции управления; что, собственно говоря, материалы XVII в. не позволяют говорить о кормлениях как системе, но лишь как об элементах материального обеспечения воеводской власти и т.п. Однако после специальных работ Е. Н. Швейковской и Г. П. Енина [110–113] всякие оговорки на этот счет должны быть оставлены. Названные исследователи убедительно доказали, что кормления существовали в течение XVII в. как системное явление, имевшее общероссийское распространение и проявляли способность к эволюции, выразившейся в усложнении кормленческой практики, появлении в структуре кормлений таких элементов, которые не были известными в эпоху существования наместничьего аппарата. Этот процесс продолжался и в XVIII в.: Г. П. Енину удалось выявить документы, отразившие последний этап существования кормлений (1760-е гг.), когда они находились, так сказать, «на излете» своей многовековой истории [265, 275]. В первой четверти XVIII в. кормленная система была еще вполне жизнеспособна и распространена во всех регионах России.

Традиционное кормление включало в себя «въезжие», «отъезжие», праздничные и повседневные кормы, собираемые с местного населения в пользу администраторов. В XVIII в. эта структура сохранялась. Главными адресатами кормлений в этот период были представители верхушки региональных администраций: воеводы, а в петровское и последующее время – губернаторы, старшие губернские чиновники, провинциальные воеводы и руководители уездного ранга. Но в неразрывной связи с ними получали кормы и мелкие управленцы и приказные. Их доля в повседневном и праздничном кормлении была значительно ниже, чем у воевод и чиновников губернского ранга. Отчасти это объясняется их более скромным служебным положением, но не только. Получая «по чину» как кормленщики совместно с комендантом, они пользовались полуузаконенной возможностью кормиться «от дел». На наш взгляд, получение доходов с населения в результате выполнения должностных обязанностей, следует отличать от повседневного кормления, хотя и рассматривать как одну из форм кормленной практики. Разница этих вариантов прямого участия в распределении совокупного дохода, очень зыбкая сама по себе, может быть определена тем, что повседневное кормление поступало его адресатам, что называется, в порядке «почести», кормление же от «дел» давало возможность получать доход по конкретным случаям, во время осуществления того или иного административного (в широком смысле) действия. Местные власти, по сути, признавали право приказных на такого рода вознаграждения. В свою очередь, приказные и близкие к ним по положению низшие руководители, всяческие приказчики и комиссары, широко этим правом пользовались, прибегая к различным способам изъятия денег и материальных ресурсов у податного населения, в том числе практикуя откровенное вымогательство с применением физического насилия. В связи с этим собственно служба в приказных избах и канцеляриях могла приносить небольшой дополнительный доход или не приносить никакого, а могла стать стабильным источником значительных средств. Уже в XVII в. подьячие различали «корыстные» и «некорыстные» службы. Н. Ф. Демидова, например, приводит колоритные примеры невыгодных служб подьячих центрального аппарата, трудившихся в Посольском приказе, приказе Великого княжества Литовского, Смоленском приказе и т.п. Невыгодность нахождения в них обуславливалась отсутствием «челобитчиковых дел», частных прошений, с подателей которых, даже без особого нажима, можно было ожидать мзды. Историк сделала интересный вывод о том, что даже более высокие и регулярно выдававшиеся в подобных учреждениях оклады не могли утешить их сотрудников [276. С.141–142]. У представителей местной бюрократии возможность кормиться «от дел» по определению была очень высока.

Верховная власть на протяжении веков постепенно меняла свое отношение к кормлениям. В средние века они являлись вполне легальным способом вознаграждения управленческого аппарата. Попытка резко изменить отношение к кормлениям и близким к ним формам обогащения, вроде «кормления от дел», приходится на время петровских реформ. Определяя, образно говоря, «правила игры», царь попытался изменить представления о законном и незаконном в административной практике и общественных отношениях в целом.

Общей тенденцией в деятельности законодателя можно считать тот факт, что он резко ужесточил ответственность за различные действия бюрократии, связанные с материальными поборами с населения, определяя их как должностные преступления. За период, например, с 1713 по 1722 гг. (время активного проведения административных реформ) на свет появилось не менее дюжины указов, непосредственно направленных на пресечение практики злоупотреблений должностью в наиболее характерных их проявлениях. Примечательно, что девять из этих двенадцати указов представляют собой разные формы именных (именной; именной, данный Сенату; именной, объявленный в Сенате), два являются сенатскими (причем один из них – «вследствие именного») и один издан Юстиц-коллегией, центральным органом, имевшим, помимо прочего, надзорные полномочия по отношению ко всей судебной системе империи. Кроме того, большая часть этих указов явно связана между собой редакционно, они часто носят дополняющий и расширяющий характер по отношению друг к другу и, несомненно, мыслились их создателем как «пакетные», говоря современным языком. Таким образом можно без сомнений утверждать, что само понятие должностной преступности и осознание ее опасности для государства формулировалось на высшем уровне и оформлялось *законом*.

Знакомство с содержанием законодательных актов показывает, что верховная власть не сразу смогла уяснить для себя объект правового регулирования. В именном указе от 24 апреля 1713 г., представляющем собой, собственно, несколько разнородных постановлений и более известном в качестве указа об учреждении должности ландратов, в п. 4 речь заходит о «повредителях интересов государственных». Царь повелевал известить («сказать во всем государстве, дабы неведением никто не оговаривался»), что всех преступников и «повредителей интересов государственных» впредь будут казнить смертью и конфисковывать их движимое и недвижимое имущество; то же обещалось тем, кто будет «щадить» указанных «повредителей» (несомненно, в первую очередь здесь имелись ввиду лица, облеченные властью вести розыск и суд, т. е. администраторы всех рангов). Пассаж о «повредителях» государственного интереса заканчивался примечательным уточнением: «для вразумления людям» следовало в будущем объяснить,

что представляет собой государственный интерес и что (по умолчанию) есть его «повреждение»; чем нарушение этого интереса отличается от «партикулярного прегрешения», которое следовало наказывать мягче, оставляя «на старых штрафах и на разсуждении Сената».

Четыре месяца спустя самодержец дал необходимые «изъяснения» посредством именного указа от 25 августа того же года. По узкому своему смыслу этот указ устанавливал унифицированный порядок взимания налогов по четвертям года, но сама мотивация установления нового порядка сборов и весь пафос документа говорили о его неизмеримо большем значении. В преамбуле закона монарх сообщал, что издает его, «ревнуя искоренить несправедливые бедственные *всенародные тягости и похищения несправедливые государственные казны*» (здесь и далее выделено автором), ставя, таким образом, в один ряд народные и государственные интересы. По мысли законодателя, означенные тягости происходят во время сбора различных податей, когда «преступники и повредители интересов государственных» (буквальный повтор апрельской формулы) грабят народ, пользуясь своей властью и руководствуясь корыстными побуждениями. Ниже пояснялось, что речь идет о злоупотреблениях при раздаче государственных подрядов (распределение их следовало делать «без всяких лукавых вымыслов и *безпосильно*»), о вымогательстве «*взяток и посулов*» за отсрочку платежей и о взимании *кормов*. Все эти преступления напрямую связаны с использованием должностного положения в целях личного обогащения, они наносят непосредственный ущерб интересам казны, а потому, –итожил указ, – виновные в их совершении достойны смерти и полной конфискации имущества. К «партикулярным» же правонарушениям, в пояснение мысли апрельского указа, монарх отнес взятки в «челобитчиковых делах и всякие в народе обиды... которые не касаются *интересов государственных и всего народа*», т. е. служебные злоупотребления частного характера, возникающие, главным образом, в рамках судебно-административной, а не административно-податной практики. При всей размытости критериев «партикулярного прегрешения», таковое, все-таки тоже считалось преступным, хотя и подпадало под более щадящие санкции. Последующие законы на эту тему, опубликованные в 1713 г., уточняли технические детали. Лаконичный указ от 25 октября, созданный непосредственно в дополнение к августовскому, приглашал «всех чинов людей» безбоязненно, ежегодно с октября по март, доносить государю на «грабителей народа» и «повредителей интереса», суля в качестве награды движимый и недвижимый конфискат последних, а то и дарование «чина». Вероятно, добрые подданные с таким воодушевлением приняли призыв монарха, что уже 23 декабря уходящего года

Петр был вынужден охладить их пыл, повелев именным указом доносить на высочайшее имя только о делах, касающихся «здравия и чести монаршей» и бунта и измены.

Тем не менее связь между должностными злоупотреблениями и казенным ущербом была слишком очевидной, а масштабы чиновничьего корыстолюбия слишком значительны, чтобы останавливаться на полумерах. 24 декабря 1714 г. на свет появился именной указ, который можно считать принципиальным и наиболее значимым в законодательном определении должностной преступности и мер по борьбе с нею. Историки права придают этому указу тем большее значение, что он установил новое понимание преступного вообще, провозгласив, «*что все, что вред и убыток государству приключить может, суть преступление*». Под деяния, приносящие «вред и убыток государству» монарх подвел не только взимание «казенных посулов», но и все виды поборов с частных лиц («...дабы не дерзали никаких посулов казенных *и с народа собираемых денег брать*, торгом, подрядом и прочими вымыслы...»), включая особо упомянутые кормления «от дел»; в тексте уже нет противопоставления государственного и «партикулярного» преступления. Всем чинам, «которые у дел приставлены», уличенным в нарушении установленных норм, грозили конфискация имущества, шельмование или смерть. Заявляя о «умножении многих лихоимств», Петр отмечал, что виновные в них зачастую отговаривались тем, что прежде «сие не заказано было» (явно имея ввиду кормленческую практику); в пресечение подобных оправданий этот и последующие аналогичные указы давались на ознакомление приказным под роспись, что стало обязательной процедурой и для впервые вступающих в должность. В указе от 25 января 1715 г. «похищение казны» (под это понятие легко подпадала большая часть коррупционных действий, очерченных предшествующим законодательством) было введено в круг государственных преступлений («слово и дело»). В 1717–1721 гг. еще пять указов уточнили характер противозаконных действий должностных лиц (отнеся к ним, в том числе, волокиту в решении судебных дел и несправедный суд) и несколько раз подтвердили особое значение преследования «хищников»-взяточников и казнокрадов, конечное решение судьбы которых подлежало высочайшей воле. Наконец, появление 17 апреля 1722 г. указа «О хранении прав гражданских», риторикой и текстуальными совпадениями воскресавшего в памяти указ о «воспрещении взяток и посулов» 24 декабря 1714 г., знаменовало определенное подведение итогов создания «антикоррупционного» законодательства.

Таким образом намерения высшей власти относительно чиновничьего лихоимства не вызывают сомнений. Характеризуя злоупотребления должностью как «мины», подводимые «под фортецию правды», считая их «вяще измены, ибо, о измене уведав,

остерегутца, а от сей не всякий остережется», законодатель возвел, в конце концов, этот вид преступлений в ранг государственных, отнеся «похищение интереса» к «третьему пункту слова и дела». Сурово осуждая не только прямых расхитителей казенных средств, но, что важно, «грабителей народа» – чиновников-взяточников, монарх и его окружение руководствовались абсолютно прагматическими соображениями: замученные бесконечными незаконными поборами тяглецы становились неспособными к несению государственных повинностей. Таким образом взяточник, совершая, вроде бы, «партикулярное» правонарушение, становился виновным в последствиях антигосударственного характера. Примечательно, что данная логика органично вписывалась в риторику рассуждений об «общественной пользе» (и у меня нет оснований считать, что Петр I, например, лицемерил, используя эту риторику). Но в то же время, высшая власть сама же провоцировала нарушения законодательства и попустительствовала различным формам лихоимства.

Так, требуя беспорочной службы, власть не обеспечивала чиновников необходимым жалованьем; особенно это касалось самого многочисленного отряда бюрократии – канцелярских служащих. Прежде всего, весьма скромными были размеры жалованья, установленные для этой категории и колебавшиеся в местных учреждениях в диапазоне от 7,5 до 50 руб. (исключение составляли дьяки-секретари с их 100-рублевыми окладами, приближавшими этих приказных к администраторам уездного ранга, но дьяков было мало)⁹. Но и эти скромные деньги, как правило, не доходили до получателя. Государство находило множество причин для изъятия назначенного жалованья обратно в казну; наиболее расхожей была ссылка на тяготы военного времени. По меньшей мере с 1704 (указ от 10 декабря) по 1713 г. «у воевод, у дьяков, у подьячих и иных чинов у людей... для нынешней свейской войны» удерживали половину окладных денег; в 1711 г. (сенатский указ от 11 марта) с дьяков и подьячих собирали по 30 руб. с человека за даточных казенных людей; в 1713 г. разовые сборы за поставку даточных людей были заменены постоянным новоокладным сбором с дьяков и комиссаров (сенатский указ от 15 января) в размере тройного должностного денежного оклада, на те же нужды с 11 июня 1713 г. подьячие старые и средней статьи должны были платить по 30, а молодые подьячие – по 10 руб. Документы 1713–1718 гг. указывают на то, что при вступлении в должность с канцелярских служащих взималась разовая сумма «на содержание лазарета», или «на гошпиталь», близкая, вероятно, по своему размеру к годовому должностному окладу (100 руб. с дьяка, 10 руб. – с молодого подьячего). В 1723 г., в связи с неурожаем, на содержание армии и флота по указу Штатс-Кантор-коллегии от 15 апреля удерживалась $\frac{1}{4}$ часть окладного денежного жалованья со всех категорий служащих, кроме мастеров-

иноземцев; с петербургских приказных и лиц, получавших менее 150 руб., следовало брать $\frac{1}{2}$ их хлебного оклада или «хлебных денег». Если к этому перечню добавить регулярную практику «правежа штрафных денег» с чиновников за хронический недобор податей с вверенного им населения и просто немотивированные невыплаты жалования, то станет ясно, что подобная ситуация не могла не подталкивать администраторов на действия, законом определенные как преступные. Иными словами, поставив вне закона все виды «кормления от дел» и провозгласив жалование единственным легальным вознаграждением чиновничьей службы, государство оказалось неспособным организовать материальное обеспечение госаппарата. Примечательно, в связи с этим, что применение законов против «похитителей интереса» носило выборочный характер. Складывается впечатление, что чиновников привлекали к ответственности по «интересным» делам только в тех случаях, когда того требовали политические обстоятельства или сведение личных счетов. Нередко контролирующие органы закрывали глаза на факты должностных преступлений потому, что проворовавшихся администраторов и приказных просто нечем было заменить или потому, что скомпрометировавшими себя чиновниками легче было управлять.

Российское чиновничество, вопреки отмеченным выше изменениям законодательства, рассматривало кормления и близкие к ним формы поборов с населения как свое *право*. Чтобы иметь право на кормление, необходимо принадлежать к определенной корпорации: занимать место в системе государственного управления. Таким образом, получение кормления социально маркировало его адресата как *представителя власти*. Именно представителя власти вообще, а не только лишь дворянина на государственной службе, ибо среди активных субъектов поздних кормлений источники обнаруживают огромное количество приказных самого «демократического» происхождения, великодушно «допускаемых» своими родовитыми начальниками к положенной доле. Мне уже не раз приходилось ссылаться на интересный, в этом отношении, пример из практики первого сибирского губернатора кн. М. П. Гагарина, который своей властью «узаконил» кормления подчиненных ему чиновников, включив эти сборы в зачет собираемых государственных податей [277. С.111].

Осознание кормлений, «почестей», «поминок» и т.п. как фактической корпоративной привилегии, закрепило у местного чиновничества соответствующие черты корпоративной психологии, в частности – определенные элементы специфической этики, оправдывавшей частные подношения даже тогда, когда они однозначно и бесповоротно были признаны уголовным деянием – взяткой. Думаю, в этом смысле можно даже говорить о складывании на почве подобных представлений социальной идентичности чиновничества, появления некой социальной рефлексии, отчасти вполне вербализованной.

Крайне любопытным представляется то, что чиновники не просто «явочным» порядком отстаивали свое право на кормления, или, как в случае с Гагариным, изобретали способы его квазилегитимации, но, вероятно, пытались найти иные – этические, например, аргументы.

В этой связи большую ценность представляет одна из концепций, обосновывавших правомочность получения чиновниками частных вознаграждений от населения, созданная В. Н. Татищевым, известным не только в качестве широко образованного и талантливого представителя раннего российского Просвещения, но и искушенного управленца местного звена. Наиболее целостно взгляды Татищева на этот счет изложены в его «Духовной», своеобразном поучении, обращенном к сыну и написанном в 1734 г. [278. С.143] Оставляя в стороне тонкости логических построений автора, отмечу, что он предлагал разделять понятия «мздоимания» и «лихоимания», считая первое законным, а второе – противозаконным «корыстованием» от служебного положения. Принципиально важно, что Василий Никитич не довольствовался в обосновании своей концепции эмпирическими и общими логическими аргументами (которые сами по себе интересны), но апеллировал к авторитету Священного писания, к ветхо- и новозаветным текстам. Осуждая «лихоимание», он предостерегал о том, что «мзда и мудрых ослепляет», явно адресуя читателя к Ветхому завету («Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дела правых». Втор. 16, 19). Оправдывая «мздоимание», он напоминал постулат «служи алтарю от алтаря питается», в различных формах отраженный в Ветхом и Новом заветах (например: Втор. 18, 1, 3–5. Но особенно близка эта формулировка соответствующему месту из Первого послания коринфянам: «Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? Что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника?» 1-е Кор. 9, 13). Эти отсылы к текстам *церковно-юридического* характера, придавали, как представляется, совсем иной уровень полемики с законодателем-реформатором, противопоставляя (хотя и в лояльной форме) светскому закону современности вневременной Божий закон, легитимности царского указа более высокую легитимность Священного писания.

Примечательно, что Татищев был не одинок в подобных построениях. Четырнадцатью годами ранее аналогичную интерпретацию библейских текстов во оправдание «кормления от дел» (хотя, несомненно, гораздо более безыскусную и простоватую) предложил генералу де Геннину, царскому эмиссару на Урале, И. В. Аврамов, один из земских комиссаров горного ведомства, посаженный под арест за взятки и вымогательства. По стечению обстоятельств, в свое время Аврамов получил свою должность из рук Татищева. Насколько близкими были их отношения неизвестно, равно

как неизвестна степень их влияния друг на друга в формировании сходной аргументации. Очевидно, по-моему, другое: вопрос о правомерности кормлений был объектом корпоративной рефлексии, а библейские контаминации являлись, возможно, своего рода топосом, имевшим место в устных рассуждениях чиновников, напуганных резкостью петровского антикоррупционного законодательства. Под талантливым пером Татищева эти разговоры и аргументы обрели со временем определенную целостность и завершенность, превратившись в концепцию, под которой могли бы подписаться все его собраты по управленческому ремеслу. В конечном итоге, после жесткого петровского законодательства, направленного против любых форм «корыстоования» местной бюрократии за счет населения, новые нормы, принятые Верховным Тайным советом, вновь, как известно, легализовали право на кормления «от дел» канцелярского состава местных учреждений.

В то же время надо признать, что живучесть кормлений как своеобразного социального института, было бы недостаточно объяснить только беспомощностью верховной власти и корпоративной сплоченностью чиновничьей оппозиции. Изучение источников наводит на мысль, что и само тяглое население, в общем, вполне мирилось с подобной практикой. Народ выступал не против кормлений как таковых, а начинал жаловаться на лихоимцев лишь в тех случаях, когда их действия нарушали определенные негласные правила: когда вымогательство было сопряжено с жестокостью, носило откровенно уголовный характер, вело к подрыву хозяйства челобитчика, отличалось непомерно высокими материальными притязаниями и т. п. Примеров такого рода дел можно привести бесчисленное множество, любое из них красноречиво свидетельствует о том, что протест вызывало не само по себе корыстоование, а способы достижения цели, подпадавшие уже совсем под другие статьи. «Призвал он меня в судную избу и бил батожем меня пьян насмерть. И заворотя у меня назад руки, и положил смыки на руки и на ноги, и посадил он меня в той судной избе за решетку, и держал двенадцать недель», – жаловался крестьянин С. Спирин на верхненицинского слободского приказчика Ф. Протопопова, который взял с него «тем мучением» 10 руб. денег, 5 быков-четырёхлеток (на 10 руб.) и лошадь (8 руб.). Другой челобитчик, тобольский ямщик А. Волков, сообщал, что тот же Протопопов, продержав неделю зимой в холодном амбаре его отца и подвергая периодическим побоям самого ямщика, настолько раззорил последнего, что вынудил его заложить дочь «во шти рублях» некоему М. Юдину. Подчиненный комиссар А. Булгаков «бил старост батожем насмерть для приносов своих» в Багаряцкой слободе Каменского дистрикта; «да оной же Булгаков грабил на дороге крестьянина Марка Пьянкова: как он погнал скота на Демидовы заводы, и оной настиг ево, ограбил нагло...». Подчиненный

комиссар Калиновской слободы того же дистрикта И. Дурасов избивал скованного и посаженного в судную избу крестьянина П. Филиппева, вымогая с него деньги; в другой раз с той же целью «бил Ерофея Черепанова дубьем своими руками, и от тех побоев отнял ево... поп Федор Иванов, и он, Дурасов, и ево, попа бил и шпагой замахивался...», а непомерная алчность и жестокость слободского приказчика С. Немтинова привела в конце концов к массовым беспорядкам в ишимских слободах, во время которых крестьяне неоднократно давали вооруженный отпор драгунским командам и держали оборону в Ишимском остроге, и т. д., и т. п.

Вместе с тем документы показывают, что тяглецы умели находить общий язык со своим руководством. Жить в состоянии ежедневной войны было не выгодно обеим сторонам. Тяглем было проще спокойно и безропотно платить установленные традицией и легализированные губернаторским указом «корма» (выявленные расходные книги крестьянских старост по Тюмени и Яренску за 1717–1724 гг. позволяют говорить о кормлении как о живой традиции петровского времени). Высокому губернскому начальству было проще проявлять склонность к компромиссу, если представители низшей администрации, непосредственно общавшиеся с крестьянами и посадскими, были последним особенно тягостны. Например, тяглые могли мирным путем, через челобитные, добиваться от губернских властей перевода на другое место службы наиболее неприятных из приказных и наоборот. Так поступили, в частности, посадские люди Хлынова, исхлопотавшие перевод подьячего Якова Хлудова, ведавшего их в «своем повытье» и «чинившего тесноты немалые». Но если хлыновцам было важно избавиться от Хлудова как такового, то у вотяков Нижне- и Верхнечепецких волостей было кадровое предпочтение: они не просто просили перевести на другое повытье притеснявшего их и вымогавшего взятки подьячего Василия Кононова, но хлопотали за возвращение когда-то управлявшего ими подьячего Трофима Метелева, в чем и были удовлетворены. (7 ноября 1716 г. Гагарин рассматривал словесное мирское челобитье крестьян Исетского острога, переданное через выборного Якова Гнусина, на коменданта Тимофея Лихарева в налогах и нападках с просьбой переменить его на другого управителя [279]) Если же компромисса достигнуть не удавалось, а на открытый бунт община не решалась, «мир» прибегал к защите закона, активно используя новое законодательство против «похитителей интереса» и подводя под него любые материальные траты в пользу чиновников («вымученные» или поднесенные «в почесть»).

Ни в петровское, ни в последующие после его смерти ближайшие царствования перелома не наступило. Можно, думается, согласиться с выводами Б. Н. Миронова о постепенном усилении роли закона в государственном управлении – тенденции, которую

можно наблюдать в долговременной, более чем двухвековой динамике развития имперской российской государственности. Но для этого понадобились качественные перемены в жизни всего общества и государственной системы, отраженные и закрепленные, в частности, реформами 70-х – 80-х гг. XVIII в. и великими реформами 1860-х гг. В течение этого длительного периода удалось прийти к достаточно эффективной схеме материального вознаграждения чиновников, подлинной унификации и специализации службы, ликвидации кадрового дефицита через расширение социальной базы комплектования бюрократии, организации ее надлежащей профессиональной подготовки путем создания сети средних и высших учебных заведений и введения образовательного ценза, формирования более действенной системы судов и надзора, наконец, путем усиления общественного контроля, передачи части функций коронных администраций земским структурам и т.п.

3.1.2. В поисках начал: переосмысление и адаптация версий происхождения «руси» в новой исторической традиции Европы и России XVIII в.

Основная часть впервые изданного в 1549 г. сочинения австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» открывается рассуждением о происхождении названия «Руссия». Герберштейн, широко понимая «Руссию» как землю разделенную между тремя государями – Московским, Литовским и Польским (ряд авторов, например, Иоганн Фабри (1525), следуя за концепцией утвердившейся в Польше именовали «Руссией» только те земли, которые входили в состав Польши и Литвы [280. С.83–84]), приводит 5 версий, объясняющих истоки этого названия. «Одни полагают, что оно произведено от (имени) Русса (Russus), брата польского (Polonorum, Polln) государя Леха (Lech), поскольку этот (Русс) был-де государем (Landtsfuerst) русских. Другие ведут его от имени [весьма] древнего города Русы (Russum), неподалеку от Новгорода Великого (Nowogardia magna, Grofineugarten). Есть и такие, которые объясняют это название смуглостью (fuscus, braun-schwarz) жителей. Однако большинство считает, что “Руссия” – это измененное имя “Роксолания” (Roxolania). Сами же москвиты, отвергая подобные мнения, как не соответствующие истине, уверяют, будто *их страна изначально называлась “Россея” (Rosseia), а имя это указывает на разбросанность и рассеянность ее народа, ведь “Россея” на русском языке и значит “разбросанность” или “рассеяние”. Это мнение, очевидно, справедливо*, так как и до сих пор различные народы живут попеременно с обитателями Руссии...» [281. С.58].

Хотя Герберштейн, как будто бы придерживался последней, из всех предложенных версий, более других в ученом мире Европы XVI – XVII вв. стала популярной роксаланская или вернее сказать сармато-роксаланская, распространившаяся, по-видимому, под влиянием польских сочинений, конца XV – начала XVI вв., прежде всего, Яна Длугоша (он писал о родстве славян и сарматов античных авторов) и Матвея Меховского, который в «Трактате о двух Сарматиях», 1517 г. указывал, что в Сарматии Европейской «*лежит Руссия, некогда называвшаяся Роксоланией*» [282. С.93]. Впрочем, о том, что «Роксоланы у Плиния и Птолемея, роксаны у Страбона, ныне же рутены» [283. Прим.32] (т.е. русские – С.С.), писал еще в 1506 г. в своих «Записках» итальянский гуманист Рафаэль Маффеи по прозвищу Волатеран. Имя русских выводили от роксалан такие авторы как Мартин Бельский, Мартин Кромер, Матфей Преторий, Мачей Стрыйковский, Олаф Верелий, Олаф Рюдбек, поддерживал Готфрид Лейбниц. Эта версия утвердилась в многотомных историях, вроде издававшейся в Британии с 1736 г. «Всеобщей истории с древнейших времен до настоящего времени». Еще в 1730-х гг. немецкий историк и филолог Иоганн Шётген писал диссертации, в которых доказывал, что русские произошли от роксалан [284]. Ее упоминают последователи Герберштейна, вроде, Петра Петрея или Августина Мейрберга [285. С. 85–86, 286. С.114]. Эта версия среди прочих упоминавшихся у Герберштейна оказалась и в Густынской летописи, Хронике Феодосия Сафоновича (которые однако ее отвергли), а через них в «Синописе», автор которого ее принял [287. С.236, 288. С.57 (далее – Синопис)].

Подробности трансформации роксалан в русских отличались у различных авторов. Некоторые высказывали мнение, что современные русские и московиты прямые потомки роксалан, т.е. находятся в генетическом родстве. Известный Герберштейну, духовник эрцгерцога Фердинанда Иоганн Фабри писал в 1525 г. «Итак, я нахожу, что народы, теперь называемые нами общим именем московиты, *некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами...* И они суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона, стойко сражались с полководцами Митридата Антипатра» [283. С.17]. Его поддерживали в этом многие авторы XVI в., например, поляки Мартин Бельский и Мартин Кромер, чьи сочинения были известны в России.

Другая группа авторов полагала, что лишь имя русских произошло от роксалан, генетически же народы никак не связаны, таким образом разделяя происхождение этноса и этнонима. Матвей Меховский, например, полагал что «*роксоланы... были совершенно уничтожены и погибли...*» [282. С.94].

Фундаментом отождествления русских и роксолан античных географов было представление о том, что народы современные можно обнаружить и в глубокой древности. Так, например, комментируя издание текста Плиния немецкий гуманист Вилибальд Пиркгеймер писал по поводу роксолан (1540): «Роксоланы «Названные нами Рутенами, откуда русские и Царство русское» [290. Р.42]. Аргументом же, который использовали авторы в доказательство своих предположений, являлось сходство этнонимов Русские, россияне и роксаланы. Иоахим Бельский, писавший в 1597 г. добавил и библейские аргументы возведя Московитов к Мосоху, а русских к князю Рос [291]. Критика такой аргументации была редка, но все же встречалась, как например у Джильса Флетчера, который полагал, что мнение это «не заслуживает вероятия, – как по словопроизводству (которое очень натянуто), так в особенности по месту жительства Роксоланов, находившегося (по свидетельству Страбона) между двумя реками, Танаисом и Борисфеном, совершенно в противоположной стороне, чем Россия» [292. С.5]. Главным же образом, как у Герберштейна предлагалась не критика, а альтернативная версия.

Одной из них было отмеченное возведение русских к персонажу-эпониму Русу. Эта версия также имеет польское происхождение и впервые отмечена в Великой Польской хронике, составленной на рубеже XIII–XIV вв. [293. Прим.32]. «Итак, от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, *из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех*. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов...» [294. С.52]. Длугош писал, что «восточная земля спустя долгое время была заселена и освоена одним из потомков Леха, который звался Русом, и получила имя Русь [293. С.218]. К этой версии редко обращались в Западной Европе. Больше хождения она имела в славянском мире, чаще всего в усеченном варианте, без Руса. Писавший в 1601 г. Мавро Орбини преподносит ее именно в таком виде [55. С.39]. Упоминают об этой версии и украинские авторы [288. С.55].

Версия о происхождении русского имени от города Русса, по замечанию Герберштейна «весьма древнего», хоть и помещено среди вариантов появившись и обращавшихся в XVI–XVII вв. в европейской и польской историографии, на первый взгляд имеет местные, возможно даже новгородские корни. Однако контекст дальнейших упоминаний данной версии, как правило, отсылает к Герберштейну. Причем, сходными с изложением Герберштейна оказываются и те данные, что приводятся в украинских источниках. Так в Густынской летописи (1630) сказано, что некоторые полагают якобы «именование русь» происходит «отъ града Русы, лежащаго недалече Великого Новагорода» [47. С.236], что повторяет слова Герберштейна о том, что иные ведут происхождение названия Руссия от «древнего города Русы (Russum), неподалеку от

Новгорода Великого» [281. С.58]. Кроме того, вместе с этой версией приведены и другие, которые отмечены у Герберштейна, в том числе указано и на происхождение от «рассеяния» жителей. Такой контекст предоставляет возможность предполагать среди источников данного сообщения Густынской летописи Герберштейна, не прямо, конечно, а через посредство, например, Александра Гваньини или всего вероятнее Мацея Стрыйковского, который в своем сочинении прямо оспаривает версию о происхождении имени «русь» от Руссы в пользу сармато-роксаланской.

Слова Густынской летописи о происхождении от города Руссы, «недалече от Новгорода лежащего», приведены в «Синописе» [288. С.55], что легко объяснимо, ибо источником для последнего были Западнорусские летописи, к семейству которых относится и Густынская. В «Синописе» также переданы и все те версии происхождения, которые восходят к Герберштейну через Стрыйковского.

Однако присутствие подобного варианта происхождения названия в Воскресенской летописи, составленной в конце 1530-х – начале 1540-х гг., наверняка указывает на то, что версия о происхождении имени «русь» от Руссы действительно услышана Герберштейном в России. В летописи сказано, что славяне, пришедшие с Дуная «нарекошася Русь реки ради Руссы, иже впадоша во озеро Илмень» [56. С.262]. Можно предположить, что именно эту версию, несколько видоизменил Герберштейн, которому был хорошо известен город Русса и солеварный промысел его жителей [281. С.151].

В этой связи несколько иначе можно воспринять словопроизводство, отмеченное Густынской летописью в перечне версий происхождения имени русь: «иныи отъ реки глаголемыя Рось именуют» [287. С.236]. То же самое повторил и автор «Синописа»: «неции близ мимошедших времен сказоваху руссов... тот реки Роси» [287. С.55]. Не совсем ясно становится какую реку Рось имеют ввиду в данном случае (учитывая, что в Синописе название города Старой Руссы передано в форме Рось).

Довольно скрупулезно перечислив варианты происхождения названия «Руссия», Герберштейн, при всей обширности своих познаний в истории, географии и этнографии Московского государства совершенно упустил из виду летописную традицию, возводящую имя «русь» к варягам, от которых, согласно ПВЛ славяне «прозвашася русь» [297. С.16] и по имени которых стала называться Русью их страна. Такое упущение Герберштейна тем более странно, поскольку, как принято отмечать в литературе, он знал летописные сюжеты, а, возможно, даже сам читал летописи. Действительно, Герберштейн приводит ряд характерных летописных сюжетов, как, например, о призвании варягов. Более того, он даже рассуждает о том, откуда они могли быть призваны, приходя к выводу, прежде всего на основании созвучия, что варяги прибыли из города Вагрия, из области

вандалов, народа, который в XVI в. стали в Европе полагать славянским по происхождению [295. С.81, 95–99]. Была известна Герберштейну также и легенда о происхождении Рюрика от мифического брата императора Августа Пруса [281. С.60].

Можно предположить, что знания Герберштейна о начале русской государственности были в основном почерпнуты именно из этой легенды, согласно которой Гостомысл советует призвать варягов (с другой стороны у Герберштейна упоминается Ладога, в качестве столицы Рюрика, что заставляет подозревать в его сообщении некие Новгородские источники. Кроме того, среди его источников могли быть летописные версии наподобие Ермолинской, где варяги русью не названы...) [281. С.60]. В таком случае, Герберштейн действительно мог и не знать о связи между призванием варягов и началом русского имени, поскольку «августинская легенда» обязана своим возникновением актуализировавшейся в конце XV в. династической проблематикой, и излагала генеалогию династии, первоначально не касаясь происхождения русского имени и народа (во всяком случае, в том виде, в котором легенда отразилась в ранних редакциях «Сказания о князьях владимирских», речь шла только о генеалогии, более того, там даже не упоминается само имя варягов) [298. С.174–175].

Следует отметить, что в европейской историографии XVI–XVII вв. (в том числе в польской и в шведской) не было принято соотносить происхождение названия «русь» с варягами. Частью здесь сказывалось слабое знакомство авторов с собственно ранней русской историей и с русскими летописями, сведения которых в основном проникали в европейские сочинения через польских авторов или через того же Герберштейна. Кроме того, сказывались жанровые особенности самих сочинений. Так, авторы различных карт, космографий, лексиконов, эпистолярных памятников, например, Себастьян Мюнстер, Антоний Бид, Альберт Кампензе, Вилибальд Пиркгеймер [290. Р.42, 299. С.14–15], включили информацию лишь об актуальных для их эпохи именах «Руссия» или «Московия», а не о варягах. Конечно, значительное влияние оказал на последователей и тот факт, что Герберштейн не соотносил варягов и русь и выводил первых из Вагрии. За ним это повторили во множестве сочинений, в том числе, Александро Гваньини, Принцц фон Бухау, Петр Петрей, Мавро Орбини, Августин Мейерберг, Олаф Рюдбек и другие [285. С.90–91, 300. С.196, 301].

У Жака Маржерета и Брие Филиппа варяги выводятся из Дании, что, впрочем, отражает ту же версию Герберштейна, только наложенную на современную авторам политическую карту Европы. Имеются и довольно оригинальные варианты, вроде представленной в сочинении Джильса Флетчера (1591). У него Варяг становится одним из призываемых братьев, число которых, таким образом, возрастает до четырех [292. С.5].

Оформившаяся в начале XVI в. династическая легенда, оказывая влияние на представления о начале русской державы у иностранных авторов, нарушала сложившуюся схему происхождения этнонима и хоронима «Русь» («от варяг бо прозвашася русью» [297. С.16]). Не менее значимым, впрочем, оказывалось, то обстоятельство, что традиционная летописная версия с ее противопоставлением славян и руси, объяснением этнической сущности руси через проведение параллелей с другими скандинавскими народами («звались тии варяги русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане» [297. С.16]) утратила свою актуальность. Длительное время ее малозначимость позволяла ей сохраниться, но с проявлением новых тенденций появляются многочисленные изменения.

Летописная традиция фактически оставалась нетронутой еще в конце XV в. В Софийской первой летописи и Московском летописном своде конца XV в., например, по-прежнему «от тех варяг прозвались русь и от тех варяг слывет Русская земля» [302. С.88, 303. С.340]. Правда, уже имеется уточнение, что Рюрик с братьями избрались «от Немец». В других памятниках рубежа XV–XVI вв. призвание варягов предстает в редуцированном виде, без отождествления варягов и руси, как, например, в Смоленской летописи Авраамки, Ермолинской летописи или Хронографе редакции 1512 г. Впрочем, автор последнего русь упоминает в числе славянских и финских племен призывающих варягов [304, 305, 306].

Воскресенская летопись, относимая к 30–40 гг. XVI в. соединяет в себе традиционную версию и «августинскую» легенду. В итоге получилась не всегда согласованная схема, в которой сначала излагается часть «Сказания о князьях владимирских», заканчивающаяся советом Гостомысла пригласить Рюрика с братьями. Затем механически, посредством фразы «и в то же время» воспроизводится древний сюжет о восстании словен, кривичей и прочих против варягов и об их изгнании, из-за возникшей вслед за этим розни, племена посылают к Немцам. Затем стоят слова «посылаша за море к варягом, к руси» и далее традиционная информация о прозвании народа и земли русью от варягов. Помимо прочих неувязок, остается не совсем ясным, как это согласовать с раньше приведенным сообщением летописи о том, что «русью словене прозвались реки ради Руссы» [306. С.268].

В дальнейшем в летописании продолжает эпизодически упоминаться, про происхождение имени «русь» от варягов. Как, например, в Степенной книге, где сказано «от варяг бо русью прозвася прежде словене быхом» [307. С.66]. Летописи XVII в., а, главным образом, составленные на основе летописей хронографы и исторические

произведения весьма кратко рассказывали о ранней истории, или вовсе не обращались к ней (как например, Федор Грибоедов) [308. С.130.].

Однако сохранялись и произведения которые придерживались традиционной версии, возведения имени «русь» к варягам. Так в Густынской летописи, приведя все известные ему версии происхождения, летописец пишет «Но мню, яко паче всехъ сихъ достовернейши се есть, еже преподобный отецъ нашъ Несторъ, літописца Рускій, глаголетъ, яко *отъ вожа, си есть князя своего Рурика, сіе имя пріять Русь*» [287. С.236]. В доказательство своих слов он приводит данные из прежде оспариваемых польских источников: «въ оная времена отъ вожовъ своихъ славныхъ и храбрыхъ народы и языки обыкошася именовати якоже Ляхи отъ Леха, Чехи отъ Чеха» (т.е. летописец сначала отвергает версию польских источников о том, что имя «русь» произошло от Руса, но затем приводит в доказательство другого своего мнения версию тех же источников о происхождении имени «Чехия» от эпонима Чеха, имени ляхов от эпонима Леха). Сходный текст встречаем и в «Хронике» Феодосия Сафоновича, который тоже приходит к заключению, что правы первые летописцы и имя «рус от русских князеи перших варазскихъ» [288]; здесь следует обратить внимание на подчеркивание роли князя в передаче имени. В то же время близкий к данной традиции автор «Синописа» придерживается другой точки зрения, согласно которой *«от россеянiя по многимъ странамъ племени своего россеяны, а потомъ россы прозвашася»* [288. С.55]. При этом, по его же мнению, рассеявшиеся россы объединились с другим сарматским племенем аланми, от чего произошел этноним роксоланы.

В XVIII в. методологический инструментарий историков во многом изменился и расширился относительно предшествующего периода, углубилась специализация, введены и откомментированы новые письменные источники (например, Бертинские анналы). Более основательными стали лингвистические познания, хотя окончательное становление исторической лингвистики произошло лишь в следующем столетии. Появилось деление если не на источники и исследования, то, по крайней мере, на авторов ближе к событиям стоящих и на современных. Тех и других перестали приводить в общем перечне.

Что касается происхождения народа «русь», то хронологические области поиска значительно сокращаются. Алексей Манкиев, в своем сочинении, написанном ок. 1716 г. и изданном в 1770 г. еще старательно выстраивает традиционную линию: «Мосох или Месех, – пишет он, – был родоначальник народов московских, русских, ческих, польских и проч. всех, которые славенский язык употребляют», приводя не менее характерные аргументы, опираясь на свидетельство «Иезекииля пророка, который в главах 38 и 39 князя Росса, Мосоха и Фовея поминает, их силу быть впредь пространну проповедуя».

При этом некоторые суждения Манкиева оказываются вполне созвучны эпохе. Так перечисляя народы (Римлян, Англичан, Французов), которые ведут свое происхождение от царей и героев он пишет «наши русские, славяне и прочие народы сарматские... истинною своею добродетелию не от богов, но от человека явно начало свое производят» [309. С.7–9], что принципиально расходится с аргументацией, например, Феодосия Сафоновича, который сравнивает происхождение русского имени от славянским князей с тем, как имя, «чехи [происходит] *от* Чеха, лехи *от* Леха» [288]. Но уже Татищев, сличив ряд переводов Священного Писания на различные языки, устанавливает, что появление «князя Росса» вызвано ошибкой в переводе Библии [310. С.384–385].

Проблематика построения библейской (равно как и античной) генеалогии народов в XVIII в. начинает постепенно терять популярность. Если Миллер или Татищев еще просто указывают на недостаток источников для изучения таких проблем, то Иван Никитич Болтин, а особенно Август Шлецер резко опровергают саму возможность установления связей с библейской историей. Шлецер с присущим ему ехидством, высказывался весьма определенно по поводу источников таких представлений: «Прадеды наши во младенчестве исторической науки предполагали, что как предки каждого человека существовали за 2000 и более лет, так подобно сему и каждый народ после столпотворения долженствовал существовать» [284. С.60]. Тем не менее в протяжении всего XVIII в., продолжали писаться исторические сочинения, где выдерживалась преемственность между персонажами ветхозаветной истории и русским народом (например, Эмин и Щербатов вели происхождение славян от праотца Мосоха [311. С.24, 312. С.4]). Наиболее ярким явлением такого рода сочинений стали «Три рассуждения о трех главных древностях российских» Василия Кирилловича Тредиаковского. Абсолютизируя библейские тексты, применяя этимологический метод и проч. и проч. доказывает, что роксаланы – славяне, прямая отрасль скифов древнейшего славянского народа, прародителя народов Европы [313].

Для изучения ранней истории, где многие догадки и гипотезы были построены на этимологическом методе (метод основывался на представлении о родственности или тождественности сходно звучащих слов, например, русские и роксоланы или московиты и Мосох и т.д.)¹ широко распространенном в XVI–XVII вв. весьма крупное значение имело изменение отношения к лингвистическим аргументам, которые перестают признаваться достаточными основаниями сами по себе. Наиболее емко данный принцип сформулирован, пожалуй, у Миллера в его диссертации, в том месте, где он оспаривает происхождение названия г. Москвы от имени библейского Мосоха: «ибо одного имен согласия без других подробнейших свидетельств к доказательству происхождения народов

никак не довольно» [284. С.60, 314. С.369]. Подобные же мысли высказывали и Байер, и Татищев и, конечно, Шлёцер.

К XVIII в. у историков имелось уже несколько готовых версий происхождения имени «русь», из которых одна сармато-роксоланская была признана и популярна среди европейских и польских ученых, презентовалась «Синописом». Другие, выводящие Русь от брата Леха, реки Рось, города Руссы, русских волос, рассеяния и т.д., (возьмем их в совокупности) были более маргинальны, но имели хождение; о популярности выведения имени Россия от рассеяния пишет, например, Миллер [315. С.415], иногда соединяясь (как в «Синописе») с роксоланской версией. Наконец в летописных сводах сохранилась традиционная схема «прозвания от варягов». Кроме того, если смотреть шире, то в связи с вопросами о происхождении династии и государства имела еще и «августинская» легенду.

Формирующаяся отечественная историческая наука пошла двумя путями: одни авторы, как, например, Миллер, отвергнув все прочие остановились на летописной версии, другие, как Ломоносов, попытались объединить ее с признанной в европейской науке предшествующих веков сармато-роксоланской.

Руководствуясь ранее названными принципами аргументации Миллер в своей диссертации «О происхождении имени и народа Российского» с точки зрения историописателя предыдущих веков не установил происхождение ни имени, ни народа. Действительно о начале славян Миллер, следуя за летописью, писал лишь, что они в древности жили у Дуная, а потом переселились к Днепру. Появление же имени «русь», у славян связал с призванием варягов, опять же в соответствии с летописью. Аргументируя это тем, что «неведомо по какой причине шведов до сих пор называют россами» [314]. Все это вызвало неудовольствие Ломоносова, назначенного рецензентом диссертации Миллера, после чего состоялась знаменитая дискуссия.

Хотелось бы обратить внимание на то, что Ломоносов в данном случае отстаивал версию, принятую европейским ученым миром XVI–XVII вв. (открывая главу о роксоланах Ломоносов прямо пишет, указывая на источники своих мнений «Не тщетно западные нынешних веков писатели российский народ за роксолан признают») [316. С.48], а не только лишь концепцию «Синописа», так как и автор последнего также опирался в своих построениях на актуальное ученое мнение. Пользовался Ломоносов и трактатом «Древняя география» Христофора Целлария, писавшего в конце XVII, пользовался и немецким переводом многотомного английского издания «Английского союитета» (членом которого был Миллер) «Всеобщая история с древнейших времен до настоящего времени» (начало выпуска 1736 г.) [317. С.399–414]. В «Древней российской истории»

Ломоносова имеются ссылки на Яна Длугоша, Матвея Меховского, Мартина Кромера [316. С.43, 48, 50].

Схема происхождения русского имени у Ломоносова объединяла традиционную летописную версию с признанной в европейской науке предшествующих веков сармато-роксоланской. Роксаланы, переселившись из Причерноморья «от прочих Варягов, особливым именем Россами называясь, отличались... Оставшиеся на старом жилище Россы назывались Поруссы, яко бы остатки от Россов» [318. С.6]. Таким образом, имя «русь» произошло от варягов, а те его получили в свою очередь от роксолан. Возражения Миллера проистекали из тех принципов аргументации, которых он придерживался: имя россияне нельзя возводить к роксоланам, поскольку первое вошло в употребление лишь недавно, новгородский летописец (один из важных источников Ломоносова), сочинение новое и баснословное и т. д. [315. С.415–439].

Тем более примечательно, что опубликованной в 1760 г. работе «О народах, издревле в России обитавших» Миллер защищал роксаланскую версию происхождения русского имени. Линия рассуждений у него была следующая: финны называли шведов роцами или роцоланами, роксоланы были готского происхождения, шведы были готского происхождения, следовательно финны «легко могли почесть один народ вместо другого», так как прежде жили в Польше, а роксоланы, согласно Раввенскому землеописателю (Анониму) обитали в Пруссии, т.е. были известны финнам. Возможно, что роксоланы переселились в Швецию и дали свое имя области рослаген, но для доказательства того не достаточно источников [319. С.20–22]. Таким образом, ученые представления XVI–XVII вв. сохранили свое влияние.

Как сохранились они и в сочинениях Тредиаковского, Федора Эмина, Штрубе де Пирмонта, в кратких историях, вроде «Летописательного изображения русской истории» Яковкина, у Михаила Щербатова. Последний писал, что «славяне проникнув в землю роксоланскую стали зваться роксоланами или славенороссиянами» [311–313, 320. С.25].

В отличие от них, писавший несколько раньше Татищев, склонился к летописной версии, возведя начало русского имени к варягам, отказавшись полностью от посредства как роксолан, так как южнобалтийской версии: «У нас же ни в каких крониках сего нет, чтобы род Рюриков от Прусов или Цесарей Римских пошел» [310. С.390]. Зато он отождествил сарматов и финнов, на основе созвучия имен суоми и сармация и данных Иоакимовской летописи, воспользовался версией о князе Русе, который, по его мнению, вполне мог быть основателем Старой Руссы, от чего русское имя у финнов распространилось, а потом через варягов-россов к перешло к славянам [310. С.379–393]. Особенность взгляда Татищева состоит в том, что в части принципиальной он был близок

к Миллеру (тоже опирался на наиболее древние свидетельства), но считал такой древнейшей летописью Иоакимовскую.

Близки к Татищеву по своим взглядам и методологическим принципам были и авторы конца XVIII в. Тимофей Мальгин и Иван Болтин. «Название руссов заключается только в пределах Новгорода, самой близкой к готам земле» [321. С.9, 49; 322]. Впрочем, он же писал, что: руссы помешаны с сарматскими племенами, что стало важной мыслью уже в последующие эпохи [322].

Таким образом, господствовавшие в европейском ученом сообществе Нового Времени (можно назвать этот период в соответствии с теорией Т. Куна «допарадигмальным»; так Т. Кун обозначил период в науке до окончательного становления ее основных принципов и положений, т.е. Парадигмы [323]) представления, дали импульс к оформлению концепций происхождения русского имени в отечественной историографии XVIII в. Инерция тех представлений и их научная влияние таковы, что и в последующие два столетия, да и в настоящее время, постулирование связи роксолан и имени «русь» сохраняется в части научной литературы [324]. Получая новую, более современную аргументацию эта связь, тем не менее, восходит напрямую к взглядам европейских ученых Нового Времени.

3.2. Механизмы адаптации локальных этноконфессиональных сообществ в условиях переходности

3.2.1. Религиозные традиции в условиях переходных периодов:

опыт интерпретации религиозных адаптаций на примере малочисленных сообществ

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался усилением процесса глобализации с одной стороны и активного противодействия ему – с другой. Опасность ассимиляции особенно высока для немногочисленных этносов, экономически и технологически зависимых от соседей, значительно превосходящих по численности. Одной из форм противодействия силам глобализации стал процесс получивший различные названия в отечественной и зарубежной литературе «этническое возрождение»/«ethnic revitalization»; «этнорелигиозное возрождение»/«ethnoreligious revitalization». Процесс этот настолько значительно воздействует на развитие современного общества, что было введено понятие «этническая мобилизация», для его наименования. Этническая мобилизация определяется как «сосредоточение всех усилий на убыстренном развитии самобытной и жизнеспособной национальной культуры», «средство политической мобилизации», как «то и другое вместе взятое». По мнению одного из ведущих специалистов в области

исследования этнических процессов М.Н. Губогло, этническая мобилизация становится важным, сложным и разносторонним явлением, и подобно термину «возрождение» буквально у нас на глазах наполняется многозначным смыслом [325].

Исследование динамики развития этнической мобилизации показало, что религиозные традиции становятся одной из доминант общественного развития и ассоциируются с этническим и национальным возрождением. Более того, этническая мобилизация как глобальное явление повсеместно активно использует религиозный фактор, который в большинстве случаев начинает играть ведущую роль во всем процессе. Обстоятельства, позволившие усилиться религиозному фактору в жизни народов Российской Федерации, постсоветского пространства и в целом бывшего соцлагеря, в значительной степени связаны с крахом коммунистической модели. По мере того, как самосознание «советский» вместе с распадом Советского Союза теряло свое значение, целые народы активно вовлекались в процесс поиска новой идентичности. При этом, одним из наиболее доступных и легко воспринимаемых вариантов, символов (брендов) идентичности в странах постсоветского пространства оказалась «этнорелигиозность». Термин «этнорелигиозность», введенный в научный оборот П.Мойзесом, хотя и образован из двух самостоятельных компонентов «этнический» и «религиозный», имеет собственное значение, подчеркивающее их особую связь [326]. Использование этого термина представляется вполне оправданным, поскольку внешние проявления этнической принадлежности, такие как язык, традиционный образ жизни, традиционная одежда и т.д. были в значительной степени утрачены народами, испытавшими влияние процесса модернизации, ассимиляции и глобализации на протяжении XX в., и их развитие и возрождение (мобилизация) представлялось довольно проблематичным. В то же время, элементы традиционной религиозности продолжали сохраняться на семейном уровне [327, 328] и оставались достаточно заметными и удобными для этнической манифестации.

Социальная роль религии в условиях распада привычной советской системы социальной защиты и нравственных ценностей оказалась вновь широко востребованной. Процесс активного этнорелигиозного возрождения у малочисленных народов Севера и Сибири, включая институт шаманства, подтвердил вывод французского религиоведа Р. Хамаюн о том, что феномен шаманства проявляется особенно ярко в периоды кризисов, когда его практики легко возрождаются и начинают играть важную роль в жизни общества [329].

В литературе, связанной с изучением религий малочисленных сообществ, сложился подход, в рамках которого религиозные традиции оцениваются как феномен, находящийся в статике. Это связано с тем, что в исторической литературе, как отечественной, так и

зарубежной, религиозные традиции народов в переходные эпохи рассматривались как продукт восприятия христианства (или другой мировой религии) в результате целенаправленной государственной политики и/или миссионерской деятельности церкви. Аналогичный подход характерен и для работ этнологов, использующих метод наблюдения или включенного наблюдения. При таком подходе религиозные традиции различных народов рассматриваются в узких рамках сложившейся научной парадигмы «мировая религия-язычество». Между тем, еще К. Гиртц обратил внимание на необходимость изучать изменения, происходящие в религии. В работе, посвященной религиозному развитию в Марокко и Индонезии, он указал на своеобразный парадокс: религия «отражает то, что уже твердо устоялось в реальной жизни» и, вместе с тем, являет собой «прекрасный пример всего того, что подвержено изменению в ней. Ничто, очевидно, так не изменяется как неизменное» [330]. С этой точки зрения изучение эволюции религиозных традиций представляется совершенно необходимым [331, 332], поскольку иначе религиозные формы переходных эпох воспринимаются не как нечто ценное само по себе, а как переходное состояние (в самом начале или в его завершающей фазе) от традиционной религиозности к новой. На наш взгляд, следует воспринимать феномен их эволюции как оригинальную религиозность народов, например, финно-угорских или самоедских, представляющую ценность с точки зрения способности удовлетворить религиозные потребности каждой группы в той форме, какая наиболее полно соответствует их образу жизни на каждом конкретном историческом этапе [333]. Метод рассмотрения религиозных традиций в процессе адаптации сложился в качестве одного из направлений исторических исследований лишь в последние три десятилетия [334–337].

Другим, не менее важным аспектом изучения религиозных традиций малочисленных сообществ в условиях переходных периодов является определение точного терминологического аппарата. При том, что существует большое число определений, разной степени научности [338], каждое конкретное исследование может предполагать свой собственный обоснованный понятийный аппарат. В контексте проблемы этнорелигиозного возрождения в условиях переходных периодов термин «религия» должен, на наш взгляд, использоваться в классическом значении, предложенном известным исследователем религиоведом Д. Праттом еще в 1920 г. в работе «Религиозное сознание» [339]. В русском варианте его определение термина «религия» может быть сформулировано как «сложившееся социальное отношение индивидуумов или их групп к неким высшим силам, которые, согласно их представлениям, контролируют жизнь и судьбу» [339. P.2]. При этом следует учитывать, что само понятие «религия» является довольно абстрактным. Его реальное феноменологическое проявление, зафиксированное в

источниках – это всего лишь отдельные элементы религиозных традиций. На основании их изучения можно реконструировать с той или иной степенью достоверности «религию».

Другой терминологической проблемой методологического характера является то, как именуются не христианские религиозные традиции различных малочисленных народов. В отечественной научной практике утвердился термин «язычество», «идолопоклонство», «шаманизм», «анимизм» для традиционной религиозности и «синкретизм» – для характеристики религиозности населения, которое в той или иной степени включает элементы мировых религий в свою ритуальную практику. Что касается зарубежной литературы, то от терминов «paganism», «primitive religion» и «heathenism» - аналогов «язычества», антропологи и большинство историков уже отказалось как от не достаточно научных и политически некорректных. Наиболее распространено «ethnic religion», «indigenous religion», транслитерация которых используется отечественными антропологами: «этнические» и «индигенные» религии. Учитывая тезис об уникальности каждой из религиозных традиций, выдвинутый выше, необходимо, на наш взгляд, в каждом конкретном случае придерживаться точности и нейтральности наименования объекта изучения, например, – не «язычество народов Сибири», а «религиозные традиции народов Сибири» и т.д.

Отход от традиций «колониальной истории» и развитие «Ethnic history» – «этнической истории» с ее методами и новыми подходами является одной из характерных черт историографии последних двух десятилетий. Активное включение представителей различных народов в изучение своего исторического прошлого привело к появлению новых методов, в частности «indigenous methodology» – «народных» или «индигенных» методологий, разного уровня научности. Важным вкладом, сделанным представителями этого направления было то, что они активизировали использование не только письменных, источников, которые, как правило, создавались вне их этнической среды, сколько, таких, которые создавались самими представителями описываемого народа, в частности фольклора, мифологии, предметов материальной культуры.

Одной из характерных черт современной историографии является стремление расширить круг источниковой базы, в том числе за счет подключения визуальных документов. Процесс этот осложняется тем, что в рамках классической истории был создан своеобразный культ письменного текста, который всегда ценился выше любого другого источника. Только в последнее время к визуальному документу, и, прежде всего к фотографии, стали относиться именно как к источнику, требующему критического анализа, разработанной методики использования и интерпретации. И если в зарубежной науке сложилась довольно обширная литература по этому вопросу, отечественная

историография представлена лишь небольшим количеством исследований, тематика которых связана в первую очередь с историей политической. Что касается отечественной антропологии, социальной и этнической истории, то использование фотографии в этих областях только делает свои первые шаги.

Опыт использования фотодокументов в реконструкции религиозного ландшафта Урала

Среди фотодокументов рубежа XIX–XX вв., хранящихся в фондах Государственного архива Свердловской области, большой интерес представляет собрание Л. М. Сурина. К сожалению, они поступили в архив значительно позднее времени своего создания и не имеют непосредственно относящегося к ним письменного блока источников. Однако мы все-таки имеем возможность поместить их в определенный исторический контекст с высокой степенью аккуратности. Дело в том, что в коллекции есть фотодокументы о жизни народов Севера, датированные 1926 г. или просто 1920-ми годами. 1926–27 гг. ознаменовались беспрецедентным по своим масштабам и значению событием в истории изучения народов Севера – проведением Приполярной переписи.

Это была настоящая длительная комплексная экспедиция на Север, сотрудники которой должны были, продвигаясь на оленьих упряжках по намеченному заранее маршруту, подробно описать каждое «туземное» хозяйство, его состав, экономику и быт, детали материальной культуры и духовной жизни северян. Ничего подобного никогда не предпринималось ни одной из стран мира. Ценность исследования заключалась и в том, что оно проводилось в период, когда социалистические преобразования еще не коснулись народов Севера и они во многом сохраняли традиционный образ жизни. Во главе Уральской экспедиции, в чьи задачи входила регистрация населения Северо-Западной Сибири, стоял Леонид Рудольфович Шульц – заведующий Тюменским музеем. Официально работа Уральской экспедиции началась 26 ноября 1926 г. и продолжалась почти полгода, до апреля 1927 г. [340. С.194]

Задачей переписчиков было не только зарегистрировать жизнь народов Севера в мельчайших деталях, но и произвести фотосъемку. И здесь надо иметь в виду, что в отличие от предыдущих регистраций, при которых ставка делалась на информацию, полученную от представителей «инородческих» органов управления, члены экспедиций Приполярной переписи должны были собрать первичную информацию именно от самого населения. Возможно такой же подход применялся и при фотосъемке – она делалась, хотя бы отчасти не только с позиций фотографа, но и тех, кого фотографировали. Согласно отчету, представленному руководителем Приполярной переписи по Уральской области – Л. Р. Шульцем, в Уральское статистическое управление было сдано 257 фотографий,

сделанных во время переписи. К сожалению, мы не располагаем пока информацией о том, кто именно сделал эти снимки, известно только, что в Уральской экспедиции Приполярной переписи приняло участие, по крайней мере, трое фотографов, которые разделили все трудности работы вместе с регистраторами. Журналист областной газеты «Уральский рабочий» Юркевич был официально послан сопровождать экспедицию; другой – П. Бржезинский – «административно-ссылный» юрист, согласно отчету Л. Шульца, получил ожог магнезией во время фотосъемки [340. С. 192–193]. Третий – Леонид Сурин, фотокорреспондент газеты «Уральский рабочий», чьи фотоснимки регулярно появлялись на страницах областной газеты. Имя Леонида Сурина не упоминается в обнаруженных официальных документах Приполярной переписи. Но, учитывая обстоятельства ее организации, участие «Уральского рабочего» в освещении переписи и высокое качество обнаруженных снимков, можно предположить, что одним из профессиональных журналистов-фотографов переписи был именно Леонид Сурин. Тем более что у него уже был опыт съемки в условиях Севера, не так часто встречавшийся в 1920-е гг. Согласно фотографии, опубликованной в альбоме ямальской экспедиции В.П. Евладова, Л.М. Сурин участвовал в экспедиции на Север Уральского облздравотдела в 1926 г. [341. С.48].

Распространенной практикой в начале XX в. было двукратное или даже трехкратное фотографирование одного и того же объекта. Возможно, одна копия предоставлялась для отчета, а другая оставалась в личном распоряжении фотографа, в нашем случае – Леонида Сурина. В центральных хранилищах фотоматериалов переписи обнаружить не удалось, зато пластины из личного архива Л. Сурина сохранились и были переданы в ГАСО в 1950-е гг. Среди них было выявлено 50 пластин, датируемых 1920-ми гг., относящихся к Северным территориям. Переписью не предусматривалось изучение религиозной жизни народов Севера, даже не было специального вопроса о религиозной принадлежности в ее формах, однако участники переписи, среди которых были профессиональные этнографы, не могли упустить возможности собрать сведения о религиозных традициях и занести их в соответствующие графы Поселенных бланков. Например, в безобидном разделе «Благоустройство, санитарное состояние и культурно-просветительское дело» содержалась графа 8 с вопросом «Есть ли в вашем селении знахари (шаманы) и знахарки и как часто население к ним обращается?». Некоторые регистраторы активно использовали поля, предусмотренные для комментариев, и заносили ценную информацию, которую удавалось получить во время интервью. Что касается фотографов переписи, то они также не могли обойти вниманием феномен, отраженный в Поселенных бланках.

Из фотодокументов коллекции Л.Сурина 9 имеют непосредственное отношение к религиозному ландшафту. Для простоты анализа их можно разделить на три тематические

группы: «феномен шаманства», «Медвежий праздник» и «Христианство». Надо иметь в виду, что роль фотографирования в начале XX в. понималась многими как «простой и правдивый механизм отображения реальности» [342. Р.4], «точное описание жизни, времени и пространства» [343. Р.249]. Вероятно, именно этот подход был характерен и для работ Л.М. Сурина.

Попробуем проанализировать фотодокументы из группы «феномен шаманства» следуя предложенному антропологом Джоанной Шерер принципу обязательной реконструкции процесса взаимодействия фотографа и фотографируемых [344. Р.132]. Это, прежде всего, три пластины с изображением шамана с бубном и колотушкой на фоне чума. Две пластины – негатив [345] и сделанный с него позитив [346], зарегистрированные в описи как «Самоедский шаман», третья – негатив отдельного снимка той же сцены с названием «Шаман гадает» [347]. При производстве этого снимка фотографом был взят более широкий ракурс, что позволило ему запечатлеть всю группу участников действия и часть окружающей территории: фрагмент соседнего жилища, нарты, берег реки. Эти два снимка производят разное впечатление: на первом – лица участников серьезные, даже мрачноватые, никто из них не смотрит на камеру и фотографа; на втором фотографируемые смотрят прямо в камеру и улыбаются. Сам шаман на второй фотографии тоже выглядит вполне довольным и счастливым. Анализируя снимки можно предположить, что они были сделаны с разными целями. Первый кадр был снят для официального документирования феномена шаманизма, для чего был избран крупный план. Возможно, фотограф специально попросил всех не смотреть в камеру, чтобы избежать ощущения присутствия фотографа в кадре. Сам шаман должен был «замереть» на время съемки, чтобы хорошо вышли основные атрибуты его действия – бубен и колотушка. Второй снимок скорее передает реальную атмосферу, сложившуюся во время фотосъемки. Ненцы-оленоводы явно возбуждены манипуляциями фотографа с камерой, улыбаются, возможно, ожидают вспышки. Аналогичная «настроенческая» разница между двумя снимками прослеживается и в случае съемки Леонидом Суриным Медвежьего праздника у манси [348].

В связи с этим феноменом «двойного взгляда» на фотографируемый объект любопытен метод, примененный Флорой Каплан в Нигерии в конце XX в. Нигерийцы сначала настаивали на съемке своего варианта кадра в том виде, в каком хотели себя представить на фотографии – в праздничной одежде с предметами обихода, свидетельствовавшими о хорошем достатке и т.д., и только после этого соглашались дать возможность фотографу сделать более естественный, с ее точки зрения, кадр [350]. В результате были получены документы, дающие возможность увидеть не только то, как

фотограф представляла жизнь исследуемых ею людей, но и их собственную репрезентацию. Леонид Сурин мог использовать аналогичный подход, но с иными целями: делал один снимок, предоставляя людям свободу поведения перед камерой, а потом – другой для официальной документации. Если это предположение верно, то можно пойти еще дальше в конструировании гипотезы. Два снимка, сделанные в 1926 г. Леонидом Суриным, фактически представляют два различных варианта видения шаманизма как элемента религиозного ландшафта народов Севера: мрачный, настораживающий – в глазах чужого, и доставляющий удовлетворение и радость в глазах тех, кто в нем жил. Заслугой фотографа Л.М. Сурина было то, что он смог задокументировать оба варианта.

Вряд ли фотокорреспондент областной газеты «Уральский рабочий» мог знать нюансы проведения шаманского сеанса у ненцев или Медвежьего праздника у манси. Поэтому мы можем рассматривать данные фотографии как документы, созданный при активном участии ненцев и манси. Они предоставили необходимые артефакты, явно помогли соблюсти аккуратность в деталях постановки кадра, в том числе в расположении мужчин и женщин, наконец, позировали перед камерой. Вместе с тем, как и всякий источник, фотодокумент требует критического подхода. Так, например, описания и шаманских камланий или медвежьих праздников, сделанные свидетелями или участниками в конце XIX – начале XX вв., предполагают проведение этих сцен внутри жилища. Вероятно, перенесение события на улицу было обусловлено тем, что проведение фотосъемки внутри помещения было технически невозможно.

Представленные фотодокументы являются не только источниками по этнографии ненцев и манси или антропологии, но и свидетельствами политической истории России в 1920-е гг. Этот короткий период, после окончания гражданской войны и до начала политики коллективизации и «Культурной революции», характеризовался тем, что народы Севера могли относительно безбоязненно демонстрировать свою традиционную религиозность. Православная церковь, занимавшаяся их обращением в христианство на протяжении двух веков, сама оказалась объектом насилия со стороны государства, в то время как атеистическая политика, направленная против религиозных традиций народов Севера, находилась только в стадии разработки. Таким образом, фотодокументы из коллекции Л. Сурина отражают важный момент в истории развития национальной и религиозной политики государства и, соответственно, религиозной ситуации на Урале и Северо-Западной Сибири.

Наконец, интересным новым явлением в религиоведении стал учет мнения самих носителей религиозных традиций и их интерпретации процесса эволюции религиозных традиций в условиях переходных периодов. В, частности, обратив внимание на схожесть

проблем изучения этнической истории на двух континентах, А. Знаменский предположил возможность заимствования подходов и концепций, разработанных этноисториками – представителями коренного населения Северной Америки для более глубокого понимания истории и культуры евразийских народов [351. Р.20]. Прежде всего имелась в виду метафора «Middle Ground» (Буквально это «серединная почва», а в контексте – феномен отношений партнерства и диалога между колонизаторами и колонизируемыми), предложенная Р. Уайтом, для объяснения отношений партнерства и диалога, сложившихся в районе Великих озер между индейцами алголкинами и колонистами французами и англичанами в XVII–XVIII вв. [352]. А. Знаменский нашел возможным использовать «Middle Ground» для объяснения феномена определенной независимости чукчей в XIX в. Он выделил три основных предпосылки для формирования особого автономного статуса чукчей: оленеводство, как основа экономики, наличие внешних торговых связей и особые отношения с православными миссионерами [351. Р.32–33]. Все это, по мнению историка, способствовало формированию «Middle Ground». Поскольку особый статус определенной территории обычно является результатом слабости колониальной власти, можно предположить, что феномен «Middle Ground» появляется там, где происходит встреча различных культур и на то время, пока имеются предпосылки для его существования.

Применение подхода, предложенного Р. Уайтом и А. Знаменским в изучении религиозной ситуации на Севере Западной Сибири было осуществлено в работе, посвященной реконструкции религиозного ландшафта Обдоского края накануне социалистической модернизации [353].

Интересные возможности в изучении религиозных традиций на территориях совместного длительного проживания представителей различных этносов и религий дает подход, получивший название «религиозный ландшафт», основанный на применении методов смежных дисциплин – антропологии и географии. Изучение исторических событий в непосредственной связи с определенными территориями в европейской науке ассоциируется с особым подходом, получившим название «культурный ландшафт», и имеет устоявшуюся традицию [354. Р.78]. Само понятие «культурный ландшафт» было введено представителем направления «культурной географии», Карлом Сойером в 1920-х гг., и определялось как феномен, возникший под воздействием специфического соединения как природных, так и культурных составляющих [355. Р.343]. Идея «культурного ландшафта» активно обсуждалась и разрабатывалась силами географов, увлекшихся проблемами культуры, в основном в двух направлениях. Первое направление было связано исключительно с изучением истории развития ландшафта как объективной реальности [356–358]; представители второго предлагали принять во внимание все типы

ландшафтов – от реальных до существующих только в воображении [359]. Тем не менее, общим в понимании культурного ландшафта стало то, что он трактовался как природа, преобразованная человеком [360–362]. Преобразуя окружающую среду, человек или коллектив людей наделяет ландшафт не только новыми физическими, но и духовными характеристиками. При этом именно доминирующая в обществе группа оказывает наибольшее влияние на ландшафт, фактически формирует его под себя, в соответствии со своими потребностями и представлениями.

В 1990-гг. идея «культурного ландшафта» все чаще использовалась в качестве научного инструментария представителями гуманитарных наук. В частности, И. Робертсон и П. Ричардс впервые обратили внимание на то, что культурный ландшафт является продуктом доминирующей на определенной территории или в обществе группы, и одновременно одним из средств сохранения ею своей власти [359. Р.2–4]. Если первоначально ландшафт рассматривался как некая данность, то к началу 1990-х гг. сложилось представление о его изменчивости под воздействием различных факторов. Т. Ингольд предложил рассматривать культурный ландшафт не как статическую картину, а как процесс (и одновременно результат) освоения определенной территории. При этом культурный ландшафт в его понимании никогда не является завершенным и находится в состоянии развития [363]. Ландшафт, по-Ингольду, это территория, связанная с постоянно происходящей активностью человека: заселением и расселением, хозяйственными или ритуальными практиками. У. Митчел в работе «Ландшафт и власть» также указал на необходимость рассматривать культурный ландшафт как процесс и подчеркнул, что именно в рамках этого процесса формируются идентичности [364]. Тем самым, теория культурного ландшафта была выведена на уровень проблематики формирования разных видов самосознания. Наконец, в рамках современных тенденций, направленных на отход от жестких однозначных и односторонних позиций, один и тот же ландшафт, по мнению С. Сеймур, может быть предметом для изучения и интерпретации представителей различных культурных традиций или может быть одновременно рассмотрен с различных точек зрения [365]. Идея эта представляется особенно важной, поскольку она сродни методике мультикультурализма, исходящей из признания за различными этнокультурными объединениями права на существование и равнозначность; учитывает, что каждому конкретному сообществу свойственна потребность в самореализации и самовыражении.

Религиозный ландшафт, в нашем понимании, представляет собой религиозную ситуацию, складывающуюся на определенной территории в различные исторические периоды, характеризующуюся распространением представлений о существовании высших сил, влияющих на судьбу и жизнь людей, с которыми они пытаются установить диалог

путем совершения определенных ритуальных практик и созданием соответствующих институтов. Ландшафт в его чисто природно-географическом значении играл и продолжает играть важную роль в формировании религиозных традиций. Многие формы проявления религиозности имеют четкую привязанность к природным объектам: священные места малочисленных народов Западной Сибири как правило связаны с водными ресурсами, горными, скалистыми или пещерными образованиями, деревьями необычной формы или особой породы. Для манси, например, окружающий мир населен многочисленными богами и духами-покровителями различной значимости и компетенции, а окружающий человека животный и растительный мир – одушевлен. Таким образом, человек в представлении манси, является частью окружающей природы и связан с ней не только физически, но и духовно. Именно благодаря этим духовным связям с окружающей средой, манси почитали и продолжают почитать различные природные объекты. Для религиозных традиций мари Урала характерно почитание гор и холмов, именно на них и в находящихся рядом с поселениями рощах совершались общественные моления и жертвоприношения. Что касается христианства, пришедшего на территории проживания народов Западной Сибири, то оно стремилось использовать то пространство, за которым уже закрепился статус сакрального. Православные культовые сооружения часто создавались на священных, можно сказать «намоленных» местах народов Сибири. И это явное свидетельство культурной приемственности, складывавшейся на определенной территории, когда особый статус того или иного места признавали представители аборигенного и пришлого населения, совершая ритуальные действия, направленные на выражение своих культовых чувств. И в данном случае совсем не важно, что форма ритуальных действий была иной, поскольку религиозные изменения неизбежны в условиях изменения политического, экономического и духовного окружения. Следует заметить, что часть населения, не принявшая предложенный доминировавшей русской культурой религиозный ландшафт, старалась уйти за пределы его распространения. Они переселялись в новые районы, принося на них свои религиозные представления, обустривая новые священные места, заводя новые системы отношений с окружающим миром духов.

Что касается тех территорий, где у пришлого православного населения не возникало никаких ассоциаций с локальной до христианской религиозностью, природное окружение, тем не менее, также имело большое значение. Монахи в поисках духовности оседали в местах, удаленных от обычных культурных центров, создавая новый религиозный ландшафт, который признавался всеми категориями населения, как обладающий особым сакральным статусом. Бежавшие от контактов с официальной православной церковью и

поддерживающим ее государством, старообрядцы также старались селиться в глуши, вдалеке от населенных пунктов и дорог. Таким образом, религиозный ландшафт Западной Сибири динамично развивался как за счет изменений в результате контакта различных культур, так и за счет активного освоения новых пространств пришлым православным населением.

Эволюция религиозного ландшафта обских угров в XVII – начале XX вв.

В последние годы в отечественной исторической науке стала активно обсуждаться проблема эволюции идентичности и в процессе этого дискурса практически утвердился термин «дрейф» (идентичности или этничности) [366, 367]. Полностью соглашаясь с аргументами авторов теории дрейфа, есть неуверенность в удачности самого термина «дрейф». Он подразумевает «непроизвольное движение» под воздействием внешних сил. Между тем, в изменении, (выборе, мультипликации и т.д.) идентичности все-таки присутствует система. Более того, представляется, что это сознательный ответ индивидуума или группы индивидуумов, выработанный самостоятельно или навязанный извне, на изменяющуюся реальность. Важным аспектом идентичности является и то, что она манифестируется через систему, опять-таки эволюционирующую систему, выработанных или навязанных группе ценностей. Попробуем проследить основные этапы эволюции идентичности на примере обских угров, взяв в качестве примера один из возможных маркеров – религиозность.

Политика Русского государства характеризовалась сдерживанием распространения православия в среде народов Сибири и отсутствием миссионерской деятельности на протяжении всего XVII в. Несмотря на это, в районах постоянных контактов с русскими сложился слой новокрещенцов как в результате нарушения правительственных указов, так и за счет добровольного принятия крещения. Практически все случаи добровольного крещения среди манси и хантов были связаны с тем, что человек попадал в экстремальное положение. Пленение, истощение или полная утрата родовых угодий, сиротство, совершение преступления и неудачи в попытках завести семью создавали ситуации, из которых крещение предоставляло простой, а возможно и единственный выход. Православие создавало для таких людей, выпавших из родной среды или вступивших с ней в конфликт, возможность начать совершенно новую жизнь – жизнь служилого человека [368]. Решившиеся принять новую веру в данном случае сознательно выбирали новую для себя и своей семьи идентичность, в основе которой был религиозный маркер. Естественно, это были единичные случаи, и в целом, на первом этапе религиозные традиции манси и хантов вполне успешно противостояли распространению христианства и являлись одним из основных маркеров идентичности.

Кроме того, и манси и ханты имели ко времени встречи с православием развитые формы религиозности и ритуального поведения. Не удивительно, что они зачастую принимали новые культовые предметы, сохраняя прежние формы ритуальных действий. Характерным примером воспроизводства традиционного отношения к новой культовой атрибутике является дело, заведенное в Верхотурье в отношении манси Обайтки, в крещении – Афанасия Комаева. Его обвинили в побеге со службы, незаконной, с точки зрения церкви, женитьбе на некрещеной, а также в том, что он нательный крест сложил в «мошну». С точки зрения православного окружения Афанасий, сняв с шеи крест, совершил святотатство, за что был сурово наказан: его водили по Верхотурью и били кнутом «нещадно» [369]. Однако традиционная религиозность, в которой он был воспитан, предполагала ношение культовых предметов именно на поясе. Сложив нательный крестик в кошелку на поясе, новокрещеный как раз продемонстрировал свое отношение к нему как к священному объекту.

Политика христианизации народов Сибири, начавшаяся в XVIII в. массовыми крещениями, постепенно перешла в фазу планомерных мероприятий, направленных как на тех, кто уже прошел обряд крещения, так и продолжавших сохранять систему традиционных не христианских ценностей. Создавались специальные структуры, задачей которых было дальнейшее укрепление христианства среди окрещенных народов. Другой специфической чертой религиозной ситуации в Северо-Западной Сибири было то, что крещеные манси и ханты с самого начала включались в православное сообщество страны, объединяясь в православные приходы. В местах совместного проживания с русскими формировались смешанные по этнической принадлежности приходы. Такие приходы были у церкви Одигитрии и Рождества Богородицы Березовского духовного заказа, у церкви Рождества Богородицы Сургутского заказа, Святого Прокопия в Демьянском и Покровской церкви в Самарово [370].

Манси и ханты, понимая неизбежность распространения христианства на своих землях, пытались найти компромиссы. Когда в 1715 г. миссионеры потребовали сжечь изображение Кондинского божества, манси предложили не уничтожать его, а, возложив крест, поставить в церкви между иконами [371]. Это свидетельствовало о том, что манси воспринимали церковь как часть своего религиозного ландшафта и готовы были почитать свое божество вместе со священными объектами православных. Христиане же, воспринимавшие в XVIII в. иную религиозность как общение с дьяволом [327. P.252–254], отвергли вариант формирования совместного ритуального пространства.

Феномен почитания икон, распространившийся среди манси и хантов в XVIII в., отмечался многими исследователями в XIX–XX вв. [372–375]. Однако характер почитания

икон охотниками и рыболовами являлся весьма своеобразным с точки зрения православных канонов. По донесению уватского священника в 1754 г., новокрещенные манси, недовольные промыслом, обратили свой гнев против икон: бросив на пол, топтали ногами. Феномен подобного отношения к иконам, вырванный из контекста религиозных традиций манси, выглядел как издевательство над святыней и вызвал естественный гнев православных верующих. Семеро новокрещенных, обвиненных в совершении святотатства, были наказаны: биты прутьями [376]. Однако, отношения обских угров к божествам строились на принципах взаимности. В частности, ханты благодарили своих божеств, когда считали, что получили от них помощь, но могли и наказать, если им казалось, что те проявили лень. Тогда, по свидетельству очевидца, изображение божества могли выкинуть, изрубить в куски и отправить в огонь [377]. Таким образом, поведение новокрещенных, описанное священником, свидетельствовало как раз о том, что они искренне считали иконы священными, а изображенных на них святых – обладающими чудесной способностью воздействовать на их жизнь и судьбу.

Православная атрибутика воспринималась как культовая не только теми, кто принял православие. Известны факты использования церковного облачения: рясы и корон, стилизованных под епископские митры, в не христианской обрядовой практике хантов в XVIII–XIX вв. [378, 379]. Предметы православной атрибутики – кресты и иконы, были обнаружены в священных комплексах хантов, сохранивших приверженность своей традиционной не христианской религиозности до конца XX в. [380]. Распространившееся среди манси и хантов почитание предметов православного культа, оказало определенное влияние и на развитие их собственной мифологической традиции. В частности, у хантов на рубеже XIX–XX вв. бытовало сказание о лесном духе, в котором говорилось о защитной роли нательного креста [381].

Длительное влияние русского православия и активное участие в процессе формирования религиозного ландшафта привело к тому, что некоторые группы обских угров глубоко восприняли христианство и стремились защитить институт церкви в условиях антирелигиозной политики Советского государства. Любопытно в этой связи заявление казымских хантов в Комитет Севера при Президиуме ВЦИК СССР «о бесчинствах местной власти». Помимо требований о повышении приемочных цен на пушнину и лес, ханты просили оставить у них церковь и священника. В их заявлении говорилось: «мы не против Советской власти, но не любим власть полноватскую, которая не разрешает нам иметь попа. С малых лет мы промышляем в лесах, в которых много очень дьяволов. Уснешь уставший, и никто не караулит – креста нет. Мы не можем без попа, потому что вера наша такая. Казне мы платим и не отказываемся платить. Мы

понемногу хотели заплатить попу, который бы дал нам кресты, а в Полновате, что мы ему привезем на содержание церкви, у него отбирают» [382]. Из этого документа следует, что православие воспринималось хантами как «своя» религия, они нуждались в ее символах, культовых атрибутах и готовы были защищать и финансово содержать и храм, и священника.

Сургутские ханты также продолжали совершать православные ритуалы в советское время. В 1925 г., например, когда районные власти объявили призыв в армию и не сообщили о том, что на хантов это постановление не распространяется, беспокойство охватило весь район, и к селу Юган стал стягиваться народ, чтобы заступиться за призывников. Волнений, к счастью, удалось избежать, поскольку в Югане выяснилось, что призыв был произведен ошибочно, и всех призывников отпустили домой. На радостях собравшиеся для протеста ханты устроили жертвоприношение, а также принесли приклады в церковь к иконам и поставили свечки [382. С.104].

Процесс глобализации конца XX в. вызвал активное противодействие, проявившееся в различных вариантах. Опасность ассимиляции особенно остро ощущалась немногочисленными этносами, экономически и технологически зависимыми от соседей, значительно превосходящих по численности. Обские угры, как и практически все народы, испытывавшие давление глобализации, оказались вовлечены в процесс поиска и манифестации идентичности через возрождение «своей» религиозности. Ряд значимых маркеров коллективной идентичности, такие как язык, традиционный образ жизни, традиционная одежда и т.д. к 80-м годам XX в. был в значительной степени утрачен многими группами хантов и особенно манси. В то же время элементы традиционной религиозности продолжали сохраняться на семейном уровне и оказались достаточно удобными для этнической манифестации.

Подводя итог краткому экскурсу в историю эволюции идентичности обских угров, можно сказать, что их идентичность постоянно эволюционировала в условиях как прямого давления со стороны властей, так и опосредованного влияния численно и экономически доминировавших соседних народов. Религиозный маркер играл одну из ведущих ролей в этом процессе. При этом политика властей, направленная на создание новой – православной формы идентичности у манси и хантов, не обязательно приводила к формированию этой идентичности. И манси и ханты активно участвовали в процессе выработки своего варианта идентичности с характерным набором компонентов. В частности, они активно участвовали в процессе выработки специфической ритуальной практики и утилизации элементов православной культовой атрибутики в различных вариантах: от канонического православного, до специфического не христианского. Ими же

была принята практика создания единого ритуального пространства, включившего различные религиозные традиции и допускавшего размещение крестов и икон по соседству с изображениями семейных божеств-покровителей.

Результат появления православия на землях обских угров сказался в многообразии форм их религиозности, которое в разное время и разными исследователями рассматривалось как «язычество», «синкретизм», «контаминация» или «двоеверие». Во всех случаях такая религиозность воспринималась не как нечто ценное само по себе, а как переходное состояние от традиционной религиозности к православной. Возможно, следует взглянуть на этот феномен как на результат целенаправленного поиска манси и хантов и обретения своей религиозности, позволяющей удовлетворить духовные потребности каждой группы в той форме, которая наиболее полно соответствует их образу жизни в данный момент.

Наконец, мы можем с уверенностью утверждать, что поиск идентичности, индивидуальной или коллективной, явление характерное не только для рубежа XX–XXI вв., но и вообще для любого переходного периода в истории человечества.

3.2.2. Старообрядцы-беспоповцы в период антирелигиозных гонений (1920-е гг.)

Тема конфликтов религиозного характера в период развертывания сталинской модернизации тесно связана с изучением жизнедеятельности самих религиозных сообществ. Одним из актуальных направлений исследования являются проблемы протеста и адаптации локальных обществ староверов, выявление существовавших моделей поведения и изменений религиозных практик в условиях коренной ломки традиционного уклада жизни в эпоху коллективизации и индустриализации. В отношении старообрядчества Урала, имевшего свою ярко выраженную региональную специфику в силу особенностей освоения данной территории и ее последующего исторического развития, специального исследования применительно к периоду 1930–1980-х гг. еще не предпринимались, хотя тема взаимоотношений уральских старообрядцев и советских властей уже не одно десятилетие присутствует в отечественной и зарубежной историографии.

С рубежа 1928–1929 гг. начинается очередной виток изменений в отношении советского государства к религии: в апреле 1929 г. было принято постановление «О религиозных организациях», обеспечивающее органам власти контроль над материальными ресурсами зарегистрированных объединений верующих, в мае 1929 г. в Конституции право «религиозной и антирелигиозной пропаганды» было заменено

«свободой религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды», осенью в инструкции местным органам НКВД предписывалась активизация борьбы на «религиозном фронте» [383. С. 88]. К концу 1929 г. в политике партии возобладала позиция И. В. Сталина, считавшего необходимым не только проведение пропаганды, подавление духовенства, но и полную ликвидацию религиозных организаций. Антирелигиозная комиссия возглавляемая Е. Ярославским, в предыдущие годы занимавшаяся борьбой с религией агитационными методами, в ноябре 1929 г. была ликвидирована, а ее функции переданы в Секретариат ЦК [384]. После этого проведение репрессий против духовных лиц и верующих стало приоритетным направлением антирелигиозной политики, реализующимся в контексте сталинского тезиса нарастании противодействия «всех и всяческих темных сил, от кулаков и попов до фашистов и правых оппортунистов» [385. С.125] по мере строительства социализма и необходимости «обезвредить» их любыми мерами.

Волна работ, касающихся староверия региона, была вызвана к жизни как раз началом новой антирелигиозной кампании и последовавшими за ней форсированной индустриализацией и коллективизацией. Сначала появились агитационно-пропагандистские труды общего плана, содержащие многократно повторяемые утверждения о церковной контрреволюции и реакционной роли религии, помогающей зажиточной верхушке удерживать в темноте и бесправии трудящихся Урала и Сибири [386–390]. В них значительно усилился тон, заданный в 1920-х гг. атеистическими изданиями типа газеты «Безбожник», которые были ориентированы на просветительство «одурманенных» религией масс, их «освобождения из-под влияния эксплуататоров». В 1926 г. Е. М. Ярославский подготовил для Оргбюро ЦК ВКП(б) доклад о состоянии сектантства в СССР, к которому он отнес и старообрядчество. В нем, в частности, было отмечено, что старообрядцы, «несмотря преобладание среди них зажиточного крестьянства и торгового элемента», относятся к советской власти в целом положительно. Его, как и все сектантство, не следует однозначно считать «сплошь революционным» или «сплошь контрреволюционным», т. к. оно неоднородно по экономическому положению и следует «различать сектантскую массу от ее руководителей ибо последние, в подавляющем своем большинстве состоят из антисоветского элемента, как в деревне, так и в городе.

В числе первых заметных работ, посвященных этому вопросу, можно назвать «Церковь и сектантство в Сибири» А. А. Долотова, которая появилась в 1930 г. и предназначалась для обличения религии – инструмента классового угнетения [391]. Вслед за исследователями народнического направления, в первую очередь А. П. Щаповым,

А. А. Долотов воспроизводит взгляд на старообрядчество как на социально-политическое движение «различных слоев населения, в том числе и духовенства, против крепостнического государства» [391. С.53]. После краткого описания гонений на староверов при царизме и упоминания о постоянных раздорах внутри разных согласий, автор переходит к доказательству контрреволюционности старообрядчества в целом, поскольку «во главе... стояла буржуазия, от которой полностью зависела судьба всего движения»: старообрядцы-капиталисты желали сохранения царской власти, осуждали классовую борьбу, подавляли забастовки и восстания в 1905–1907 гг., будучи членами Государственной думы молчаливо одобряли Ленский расстрел 1912 г., приветствовали Временное правительство, препятствовали распространению атеизма и, наконец, боролись против советской власти сначала в рядах армии Колчака, затем, перейдя на нелегальное положение, стали печатать и распространять антибольшевистские листовки. Переход старообрядчества на позиции, лояльные по отношению к новой власти, совершился, по мнению А. А. Долотова, лишь как маневр для отвода глаз, на самом же деле контрреволюционные силы – попы и кулаки – постоянно ведут скрытую антисоветскую агитацию. Они призывают староверов не верить коммунистам-«антихристам», не участвовать во всесоюзной переписи 1926 г., в кооперативах, в выборах в местные советы и др. Не остались без внимания автора и переселение старообрядцев в глухие таежные районы («это... дает им возможность скрыть свое темное прошлое и стать менее досягаемыми для органов советской власти») и скиты, где укрывали и укрывают белогвардейцев и «контрреволюционеров из старообрядчества», большое количество хлеба и мануфактуры, где спасающие душу немилосердно эксплуатируются руководителями и попечителями.

В обзоре А. А. Долотова впервые приводятся ценные сведения о «ликвидировавшихся» в конце 1920-х гг. сибирских скитах, о деятельности (безусловно, «антисоветской») нескольких действительно видных представителей урало-сибирского старообрядчества. Однако и подбор фактов и их интерпретация находятся в прямой зависимости от задач антирелигиозной пропаганды, культурной революции и борьбы за коллективизацию деревни: все, кто не согласен и не поддерживает политику коммунистической партии и/или уклоняется от мероприятий, проводимых новой властью, причисляются к выполняющим «кулацкую контрреволюционную роль». Согласно этим критериям, для подтверждения вредительства «головки» старообрядчества социалистическому строительству, автор приводит высказывание белокриницкого епископа, сетующего на то, что люди забыли Бога; безусловно контрреволюционным представляется и, происшедший вследствие «агитации» скитников, отказ староверов от

услуг фельдшерского пункта. В качестве главной причины необходимости искоренить религиозные организации указывается их классовая сущность – через них кулак сохраняет старину, обеспечивающую ему господство над «бедняцко-середняцкими массами».

С этих же позиций, predeterminedных целью объяснить любое проявление несогласия и недовольства в контексте развертывания классовой борьбы, староверие, в том числе и востока России, рассматривается в большинстве публикаций того времени [см. например: 392]. В рамках классового подхода и марксистской теории рассматривается история старообрядческих обществ в трудах В. Д. Миловидова, Ю. В. Гагарина, Ю. М. Иволина, В. Г. Карцова, А. Е. Катунского [393–398]. Отчасти в них вошли, хотя весьма и фрагментарно, отдельные моменты истории староверия урало-сибирского региона. Методологическая основа перечисленных работ укладывала все поведенческие модели, практики и мировосприятие старообрядцев в «прокрустово ложе» социально-политического движения «темных» народных масс, под руководством лидеров, использующих религиозные предрассудки в целях собственного обогащения и потому препятствующих просвещению, коллективизации, закрытию церквей и антирелигиозной пропаганде.

Другая интерпретация темы была предложена в трудах зарубежных исследователей, рассматривавших подавление государством проявлений крестьянского протеста против «коммунистического окультуривания» деревни и социалистических преобразований, разрушающих сельский уклад как войну двух культур – традиционной и новой советской [399, 400]. Последняя провозглашала своей целью устранение различий между городом и деревней. Жесткие методы которыми проводилась коллективизация во многих местах страны, вызвали ответную реакцию крестьянского населения, видевшего в политике властей угрозу традициям, вере и самому своему существованию. Проявления этой реакции имели широкий спектр: от активного сопротивления в виде бунта, анонимных угроз, поджогов и убийств активистов до распространения апокалиптических страхов и слухов, ухода от диалога с представителями власти и молчаливого саботажа. При этом основные проявления и тактика действий, с помощью которых крестьяне пытались справиться с натиском государства, уходили корнями в культуру аграрного общества. Церковь и вера в народном понимании были символами традиции, противоположной новому порядку, поэтому именно вокруг них зачастую сосредотачивалась борьба между старым укладом и насаждаемым социализмом в годы «великого перелома». Одним из выводов данных исследований стал тезис о том, что процесс искоренения кулачества (это определение применялось очень широко и произвольно), насаждение новой колхозной культуры, принесла краткосрочную выгоду государству в виде людских и материальных

ресурсов и навязав поверхностные элементы советизации крестьянству, в долгосрочной перспективе привело к созданию экономически слабого сельского хозяйства при сохранении исконной культуры крестьянства в виде разнообразных проявлений культуры сопротивления. Представляется важным, что в поле зрения упомянутых исследований оказались эсхатологические настроения крестьянства в целом и, в качестве иллюстрации к общей тенденции, взгляды старообрядцев (в том числе Урала и Западной Сибири) на советскую власть как Антихристову. При этом остается открытым вопрос об обоснованности классификации большинства реакций и настроений населения деревни только лишь в качестве категорий протеста и форм повседневного сопротивления. Применительно к последнему замечанию следует в качестве альтернативного опыта обозначить работу Е. Дутчак, посвященной истории одного из старообрядческих согласий – т. н. странников (бегунов) сквозь призму адаптационной стратегии. Основу работы составил анализ эсхатологических доктрин староверия, строящихся на понятной традиционному сознанию символике власти и конфессиональной избранности. Исследовательница считает, что эсхатологические построения оказывались способными придавать обыденному поступку облик культурно-значимого действия и формировать установку на социальную адаптацию. Это и стало ментальной основой, на которой протестные настроения, инициируемые староверием, возникали, продлевались, но не перерастали в открытое противостояние власти и обществу. Новым в данном случае является предложенное разделение понятий «открытого противостояния» и «протестного настроения» (последнее рассматривается как фактор, влияющий на процесс адаптации), что расширяет возможность оригинальной интерпретации мотивов поведения представителей данного согласия. [401].

Рассмотрение соотношения ассимиляции и актов непосредственного сопротивления населения, исповедующего «старую веру», политике советских властей в годы сталинской «революции сверху», проведенное на базе архивных материалов и устных воспоминаний жителей уральской глубинки И. П. Коровушкиной-Пярт позволило внести уточнения в выводы зарубежных исследователей об активном противодействии сельского населения мероприятиям советской власти – гораздо более распространенной в силу большей эффективности для выживания была адаптация к новым условиям жизни и требованиям властей [402].

Особое внимание адаптационным возможностям уделяется в историко-этнографических исследованиях Г. Н. Чагина [403–406], посвященных верхокамскому и северопермскому старообрядчеству XX в. Им достаточно детально были проанализированы семейные и культурные связи поморских общин этого района. Попытка этнокультурного

изучения южнопермского старообрядчества была предпринята еще одним пермским исследователем – А. В. Черных [407]. Широко привлекаемые им материалы устных опросов старообрядческого (и нестарообрядческого) населения представляют собой срез современных представлений информантов об окружающем мире, который можно отчасти рассматривать как характеристику «этноконфессиональных и этнокультурных особенностей» региона. Исследователем также заявлены утверждения о возросшей в советской время распространенности активных межэтнических и межконфессиональных контактов, например, староверов с татарами, представителями других согласий и прихожанами официальной церкви, что означает значительную трансформацию представлений о «своих» и «чужих» по сравнению с периодом поздней имперской России, хотя данный вопрос является на сегодняшний день дискуссионным: этнограф Е. С. Данилко весьма осторожно говорит о влиянии «инокультурного окружения», «полиэтнической среды» на бытовое и обрядовое своеобразие старообрядчества в сопредельном районе – на Южном Урале и в Башкирии [408].

Комплексное изучение старообрядческой истории и культуры создаваемыми с середины 1960-х гг. археографическими центрами – полевые наблюдения в сочетании с исследованием памятников старообрядческой книжности и архивным поиском – позволили сформировать богатейшую источниковую базу для теоретических выводов о развитии старообрядчества как своеобразного и противоречивого феномена традиционной русской культуры, причем не только религиозной. Среди основополагающих для нашей темы следует упомянуть труды представителей московского центра: Е. А. Агеевой, И. В. Поздеевой, Е. Б. Смилянской, Т. А. Кругловой, Н. А. Кобяк, В. П. Пушкова, посвященные российскому старообрядчеству в целом и некоторым аспектам истории староверия отдельных районов Урала в частности [409–412].

Наиболее существенный вклад в изучение общественного сознания урало-сибирского староверия XX в., сочетающего как протестные, так и адаптационные характеристики внесли ученые новосибирского археографического центра. Статьи Н. Н. Покровского в начале 1990-х гг. показали возможность и актуальность исследований истории старообрядчества советской эпохи, особенно плодотворной в тесной взаимосвязи с анализом творчества народных писателей-староверов. Последующие его работы, посвященные разработке концепции о сочетании традиций и новаций в старообрядческой культуре и духовной жизни, источниковедческому изучению обширного комплекса соборных постановлений часовенного согласия XVIII–XX вв., в результате доказали обоснованность рассматривать старообрядческую культуру как часть феномена русской народной культуры, противостоящей идеологическому нажиму самых разных властей

Российской империи и позднее страны Советов и использующей в процессе этого противостояния пророчества Священного писания и Священного предания, эсхатологические построения полемистов конца XVI – начала XVII вв. [413–418].

Особенности восприятия/и неприятия староверами (среди которых были и выходцы с Урала) глобальных изменений XX в., их интерпретация революционных потрясений и мероприятий большевиков прослеживаются в работах Н. Д. Зольниковой. В результате поиска, изучения и публикации новых старообрядческих памятников и связанных с ними документальных материалов в научный оборот ею введен в научный оборот ряд сочинений сибирских скитников [419–429]. В ее изысканиях проведено сравнение биографических сведений из старообрядческих сочинений XX в. с материалами следственного дела о разгроме скитов часовенных в Красноярском крае отрядами МГБ в 1951 г. Благодаря этим исследованиям были существенно расширены представления о скитах часовенного согласия на Урале и в Сибири XX в., о тайных старообрядческих миграциях на восток в годы советской власти – что было одновременно и актом протеста против установившегося порядка и попыткой приспособиться к изменившимся условиям путем использования традиционных методов ухода из под контроля властей в скиты или же тайное исповедание своей веры в миру насколько это было возможно. Кроме того, на основании анализа нарративных источников вышедших из под пера старообрядческих деятелей с одной стороны, и заключений данных советским следствием и судом, ее сделаны выводы о не прекращающемся даже после окончания периода массовых репрессий (и при частичной степени компромисса со стороны властей в ходе пересмотра следственных дел) конфликте двух культур – советского варианта атеизма, рассматривающего действия оппонента сквозь призму социально-политических смыслов, с традицией, уходящей корнями в систему религиозно-нравственных понятий и представлений древнерусского средневековья [430].

Заключение историографического обзора по теме, связанной с определением места и роли религиозных традиций в процессах конфликта, протеста и адаптации локальных сообществ на примере старообрядцев-часовенных Урала в период советской модернизации (1930–1980-е гг.), можно изложить в виде следующих тезисов.

1. Наиболее изученной является аспект церковно-государственных отношений, точнее политики властей в отношении церкви, духовных лидеров и верующих, в том числе старообрядцев. Усилия отечественных и зарубежных историков к настоящему моменту привели к созданию достаточно цельного представления об основных этапах этой политики: острое противостояние в первые годы после революции, кампания по изъятию ценностей 1924 г., относительное «затишье» времен НЭПа с эпизодическими

мероприятиями типа «Красной Пасхи» и лишением избирательных прав религиозных деятелей, репрессии 1930-х гг., направленные на уничтожение религии и церкви, «новый курс» в период ВОВ, «хрущевские» гонения и подавляющий, но не вездесущий контроль времен брежневского застоя. В историографии без особых разногласий как правило отмечается, что наиболее разрушительными в самом прямом смысле являются 1930-е годы.

2. Применительно к поведенческим стратегиям, используемым старообрядцами Урала в 1930-е гг. в конфликтных ситуациях с властями историки имеют основание говорить о сочетании отдельных случаев противостояния с массой примеров использования скрытого пассивного сопротивления (неприятие новой культуры – праздников, детских и юношеских организаций и т.п., «оставление советского мира за порогом своего дома»), и с преобладающей тенденцией адаптации к новым условиям и требованиям (например, когда традиционный вывод об антихристовой природе советской власти сочетается с традиционным же выводом о необходимости подчинении этой власти – «кесарю кесарево»). Религиозный фактор при этом питал как традицию сопротивления, так и возможности адаптации.

3. Специальные исследования, посвященные жизни старообрядческих обществ Урала периода 1940–1980 гг. отсутствуют. Однако проведенное новосибирским археографическим центром изучение практики поддержания и развития литературно-полемической традиции в советское время, а также особенностей сосуществования и взаимопомощи скитского и мирского вариантов конфессиональной жизни сибирских старообрядцев может стать отправной точкой для исследования в этом направлении.

4. Подводя итог советскому периоду истории старообрядческих обществ Урала, в историографии наиболее распространенной является высокая оценка возможностей выживания сообществ старообрядцев-беспоповцев (коими являлись часовенные) даже в условиях репрессий со стороны государства. При этом остается открытым вопрос о качестве, направленности и количестве изменений традиционных черт таких локальных сообществ, которые неизбежно происходят в конфликтных ситуациях как при использовании стратегии открытого или скрытого неприятия новых условий, так и при обращении к адаптационным ресурсам. Последнее обстоятельство является стимулом к проведению дальнейших исследований именно в этом направлении.

* * *

Комплекс мер, предпринимаемых властями для разрушения религиозного мировоззрения и сокращения числа его приверженцев, на протяжении первого десятилетия существования страны Советов неоднократно менялся. Цели и задачи

борьбы с религией на идеологическом фронте были отчетливо сформулированы в Программе РКП(б), принятой VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г.: в ходе планомерной и сознательной «общественно-хозяйственной деятельности масс» должно последовать «полное отмирание религиозных предрассудков». Для партии большевиков, направляющей как созидательную, так и разрушительную деятельность народа, предметом первостепенной важности в данной сфере следовало считать организацию широкой научно-просветительской и антирелигиозной пропаганды [431].

Первыми шагами власти на этом поприще стало создание и совершенствование ряда специальных органов. Пропагандистская функция была возложена на VIII отдел Народного комиссариата юстиции, а с августа 1920 г. передана агитационно-пропагандистскому отделу ЦК РКП(б). В марте 1921 г. к организации антирелигиозной пропаганды присоединился Главполитпросвет, в обязанности которого было включено издание соответствующей литературы. На местах основная часть антирелигиозной пропаганды проводилась силами агитационно-пропагандистских отделов городских и уездных комитетов партии: их представители выезжали по деревням с докладами, лекциями и диспутами. Например, силами Тюменского уездного комитета РКП(б), устраивались в 1923 г. в ночь на Пасху «альтернативные» культурно-просветительские мероприятия со спектаклем и спором о Боге [432]. Ялуторовский агитпроп вечером накануне Пасхи провел в городском театре серию антирелигиозных докладов с чтением стихов, постановкой театральной пьесы и выступлениями хора, пригласив для руководства последним регента из местного собора и т. о. поставив в затруднительное [433].

В октябре 1922 г. для контроля и координации атеистического движения при ЦК была создана Антирелигиозная комиссия [434. С.319–321], при активном содействии которой с декабря 1922 г. начала издаваться газета «Безбожник» (в феврале 1923 г. ее редактором был назначен Е. М. Ярославский, ставший к тому времени председателем Антирелигиозной комиссии) [434. С.359–360]. Из всей периодики подобного рода именно она получила наибольшую популярность и распространение (Одновременно с нею Московским комитетом РКП(б) издавался журнал «Безбожник»; просветительское общество «Атеист» издавало журнал «Атеист». С 1926 г. выходил журнал «Антирелигиозник»). Немало этому способствовали большие тиражи издания, субсидировавшегося государством, а также тематическое разнообразие представленных материалов, выразительно проиллюстрированных и изложенных языком, понятным простому крестьянину или рабочему. В газете публиковались заметки о новых подходах в сельском хозяйстве, о научных достижениях в естественных науках, доходчиво

объяснялась эволюционная теория Дарвина и марксистский взгляд на происхождение религии. Прочитанное должно было снова и снова убеждать читателя в том, что вера в Бога – это инструмент угнетения, одурманивания и запугивания народа эксплуататорскими классами. В число ненавистных капиталистов были зачислены и видные деятели старообрядчества; естественно, что, в первую очередь, упоминались московские купеческие фамилии – Рябушинские, Морозовы, Кузнецовы [435]. Изредка появлялись на страницах «Безбожника» корреспонденции с Урала; в основном, это были фотографии, которые сопровождали статьи общего характера. Например, сведениям о появлении староверия (и его заблуждениях) сопутствовало фото старообрядческой молельни, «в которой находится почитаемая на Урале икона Николы Чудотворца» [436], в материал о проблемах знакомства населения с медицинскими и санитарно-гигиеническими знаниями был включен портрет наставника верхнетагильского общества часовенных черноризца Антония – «целителя и лекаря», чья деятельность препятствует мероприятиям советских докторов [437].

В 1923–1925 гг. атеистическое движение, ранее проводимое силами местных партийных ячеек, перешло под эгиду газеты «Безбожник», которому правительство доверило развертывание масштабной антирелигиозной пропаганды. Читатели и корреспонденты этого издания при активном поощрении партии организовались в Общество друзей газеты «Безбожник» (позднее оно стало называться «Союз Безбожников», далее – СБ). Весной 1925 г. ЦК РКП(б) рекомендовал местным партийным органам помочь созданию региональной структуры Общества, в которую планировалось включить ячейки губернского, окружного и районного уровня. С этого же года органы Политпросвета предписали всем библиотекам и избам-читальням в обязательном порядке выписывать «Безбожник». Активное стимулирование нового движения принесло первоначальный всплеск антирелигиозной работы: в 1925 г. в Свердловском, Пермском и отчасти Ишимском округах Уральской области «безбожники» устраивали лекции и диспуты на антирелигиозные темы, давали материалы в местную прессу. Однако дальнейшего расширения движения не последовало из-за отсутствия достаточного числа квалифицированных лекторов, агитаторов и организаторов, денежных средств и поддержки со стороны местных комитетов РКП(б), занятых решением множества других, казавшихся более насущными проблем, ячейки СБ на Урале (как впрочем и по всей стране) пришли в упадок [438]. В декабре 1928 г. на I съезде безбожников Уральской области отмечалось, что работа организации в течении последних 2–3 лет «очень низко пала», в ходе предпринимаемых областным советом весной 1928 г. попыток выявить существующие ячейки, «мы не могли найти не окружных центриков, ни районных, только

в отдельных местах... были районные организации СБ, в некоторых заводах и селах были отдельные ячейки активистов...» [439]. В докладных записках ОГПУ, областного и окружных комитетов ВКП(б) сообщалось, что ячейки «безбожников» в большинстве мест развалились и числятся лишь на бумаге, в то время как верующие изучают антирелигиозную литературу и сами просят диспутов, независимо от советов организуют кооперативы, особенно активно ведут себя старообрядцы: в Ильинском районе Пермского округа бегуны открыто устраивают перед Пасхой собрания, на которые активно зазывают молодежь, в самом с. Ильинском существует старообрядческий монастырь во главе с м. Звениславой, а в Перми руководитель странников Афанасий Иванов на протяжении ряда лет для своих приверженцев перепечатывает на машинке книги, некоторые из которых достигают в объеме 500–600 листов [440, 441]. Вопиющий, с точки зрения властей, факт обнаружился в Кунгурском районе, где одна из общин австрийского согласия убедила односельчан в необходимости нового храма и быстрыми темпами вела его строительство [440. Л.26]. Но поистине курьезной была ситуация в д. Нижние Чумны Фокинского района Сарапульского округа (где старообрядцев было также немало) – там наблюдалась «официальная смычка религии и советской власти»: перед открытием собрания односельчан представитель сельсовета обязательно прочитывал молитву, прося у Господа даровать благоприятное разрешение всех вопросов, стоящих на повестке [440. Л.26].

При отсутствии грамотной и систематической антирелигиозной работы «организованных безбожников» местные коммунистические, комсомольские ячейки, а иногда и представители местных советов, пытаясь противодействовать верующим, своими резкими выходками зачастую лишь вызвали недовольство и ропот населения. Партийные наблюдатели вынуждены были признавать, что даже не устраивающие никаких особых мероприятий комсомольцы своей неряшливостью, озорством и бескультурьем вызывали у привыкших к воздержанности, опрятности, трезвости и порядку старообрядцев отторжение и сводили к нулю все старания пропаганды дискредитировать сложившийся у «сектантов» традиционный уклад как отсталый и вредный [440. Л.31].

Примером популяризации представлений о жизни старообрядцев с учетом установок по антирелигиозной работе может служить одна из немногочисленных в местной периодике публикаций по этой теме. В ней автор достаточно подробно описывает свой поход вместе с несколькими «безбожниками» в женские скиты часовенных на реке Шайтанке – для ознакомления с «чужаками веры... доживающими последние дни» [442]. Одна из местных жительниц, знавшая дорогу до келий и знакомая со скитницами, согласилась провести их до самого многолюдного общежития, возглавляемого

матушкой Таисией. Бодро преодолев трудный путь, утром второго дня компания прибыла в скит. Сначала «путники» попросили игуменью рассказать о былой и нынешней жизни насельниц, а затем в ее сопровождении осмотрели мастерскую, трапезную, молельную и жилые помещения. Быт 18 келейниц показался автору заметки исключительно мрачным: подслеповатые окошки у изб, везде темнота, смрад, клопы и вши, необходимость молодым скитницам работать на старух, которые только «молятся, да еще ворчат». Комсомольцы, пообщавшись лишь с настоятельницей и своей молодой проводницей, собирающей для скитниц ягоды, тем не менее сделали требующийся от них вывод о том, что в скитах якобы идет «глухая борьба»: молодые не стараются соблюдать посты, не употребляют отдельную посуду, нарушают запрет на мытье в бане и работу в праздник. «Безбожники» также выразили надежду, что девушки и женщины в ближайшем будущем, наверное, уйдут в мир. Расставленные в статье акценты не оставляли у читателей сомнений в том, что старообрядческие скиты – пережиток капиталистического, «эксплуататорского» прошлого, который исчезнет сам собой в ближайшее время.

Помимо просветительской и агитационно-пропагандистской антирелигиозной деятельности важная роль в борьбе с религией отводилась административным методам. Следует отметить, что после того как партийное руководство и Антирелигиозная комиссия приняли в 1923 г. решение свернуть кампанию по закрытию церквей, распоряжения из центра время от времени подчеркивали необходимость в работе с верующими действовать осторожно и гибко, «избегая оскорбления чувств верующих» [434. С. 379–380, 408–418; 443]. Однако, даже не проводя прямых административных репрессий, власти могли использовать другие варианты давления на религиозные организации. С одной стороны, такую возможность открывало законодательство о деятельности объединений верующих, устанавливающее сложную процедуру регистрации в административных отделах местных советов. В частности, старообрядцам по сравнению с ней дореволюционный образец регистрации общины мог показаться гораздо более удобным: тогда от них не требовали ни списка учредителей (с данными о местожительстве, сословном и имущественном положении до 1917 г. и занятиях с 1914 г.), ни устава общества. С другой стороны, большие затруднения вызывали налоговые сборы, страховые взносы и земельная рента, которые были возложены на духовных лиц и приходы, поскольку власти рассматривали службу в церкви как доходное предприятие частного лица, пользующегося для этого арендованным у государства имуществом.

Но в значительно большей степени, нежели посредством первых двух факторов, Советам удалось повлиять на положение религиозных деятелей (в том числе и старообрядческих) в 1920-х гг., в ходе одной из наиболее массовых политических

репрессивных кампаний – по лишению избирательных прав.

Впервые эта мера введена в Конституции РСФСР, которая была принята V Всероссийским съездом советов 10 июля 1918 г. Считалось, что отнятием прав у «классово чуждых элементов» (лиц, использующих наемный труд с целью извлечения прибыли, живущих на нетрудовые доходы, духовенства, сотрудников бывшей полиции и жандармерии) государство предотвратит нанесение ими ущерба интересам социалистической революции [444] (это положение было сохранено и в Конституции 1925 г.). Начиная с 1920 г., категории лиц, подлежащих лишению избирательных прав, год от года детализировались в «Инструкциях о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов». Однако в первые годы нэпа местные власти, дезориентированные сменой курса, процедуру лишения прав в массовом порядке не применяли; наиболее интенсивно этот процесс стал развиваться с 1926 г., достигнув пика в начале 1930-х гг. [445]. В числе первых «лишенцев» среди старообрядцев оказались священники и наставники, поскольку безоговорочно попадали в разряд идеологических противников за связь с «религиозным культом». Причем ограничения, с которыми приходилось сталкиваться людям и членам их семей из-за принадлежности к разряду «лишенцев», были настолько тяжелы, что желая быть восстановленными в правах, они прибегали к официальным заявлениям об отказе занимать должность служителя в церкви.

Из сохранившихся и исследованных путем выборки ходатайств духовных лиц и церковнослужителей Уральской области о восстановлении избирательных прав в 1928–1936 гг. (времени когда они поступали наиболее интенсивно) 7,4 % поступило от старообрядческих наставников [446]. Основным условием удовлетворения ходатайств был отказ «от связи с религиозным культом», однако зачастую одного этого было обычно мало. Так, старообрядческий наставник с. Пальниково Частинского района и его жена, лишенные избирательных прав – он как связанный с религией, она как живущая на нетрудовой доход мужа, не были восстановлены в правах, поскольку, по мнению местной избирательной комиссии, того, что «якобы В. ныне порвал всякую связь со старообрядческой сектой... для восстановления в избирательных правах недостаточно» [447]. Большие сомнения в том, что его восстановят в правах испытывал и бывший псаломщик старообрядческой общины в с. Смирново Шадринского округа, описывая в 1930 г. причины своего отказа от церковной должности, указал следующие обстоятельства: «Когда 2 года назад меня лишили права голоса [сын] Дионисий написал мне чтобы я бросил службу в церкви и 1,5 года с Дионисием не переписываемся. С осени я службу псаломщика оставил» [448]. Для бывшего старообрядческого иконописца, перешедшего к занятию фотографией, Николая Трефилевича Филатова восстановление в правах было настолько долгожданной радостью,

что он сделал об этом подробную запись на семейном часослове: «1935 года мне возвратили право голоса в РИКе Сылвинского завода Шалинского района в 4 часов вечера, Н. Тр. Филатов» [449].

* * *

Старообрядцы старались поддерживать соборность в качестве одного из наиболее существенных принципов своей конфессиональной жизни. Поэтому проведение ими религиозных собраний было остановлено прямыми запретами властей лишь в 1928 г. Время устройства первых после окончания Гражданской войны старообрядческих соборов, по всей видимости, находилось в определенной зависимости от времени установления стабильности в регионе: в горнозаводской зоне оживление внутриобщинной жизни началось на год раньше, чем в Зауралье, которое в тот момент только начинало вставать на ноги после подавления волны крестьянских восстаний 1921 г. Очевидно, именно поэтому после окончательного установления советской власти первые соборы зауральцев (как поморцев, так и часовенных) относятся к 1923–1924 гг. Напомним, что у часовенных Зауралья в сентябре 1918 г. прошел собор в д. Мишкиной Курганского уезда Тобольской губ. и материалы других соборов до 1923–1924 гг. неизвестны.

Первый после окончания Гражданской войны крупный собор уральских часовенных горнозаводской зоны был созван в январе 1922 г. в д. Дрягуновой (Верхотурский уезд Пермской губ.). На нем присутствовали 11 настоятелей, 74 уполномоченных от 25 заводских и сельских обществ, а также прихожане, пожелавшие прибыть на собор без полномочий [450, 451]. Все представители прибыли из обществ, располагавшихся достаточно компактно – в Верхнейвинском, Верхнетагильском, Черноисточинском, Лайском, Петрокаменском, Быньговском и Невьянском заводах и соседних с ними селениях, примечательно, что не было ни одного делегата из Екатеринбурга и Нижнего Тагила. По инициативе старейшины Аверкия Пименовича Путилова и «под его руководством» в заседаниях участвовали три начетчика: М. М. Мягков, А. Е. Арапов и В. И. Устьянцев (первые двое из Быньговского и Верхнейвинского заводов соответственно, последний неизвестно откуда). Главный начетчик уральских часовенных А. Т. Кузнецов на соборе не был, он отбывал ссылку в Ташкенте [452].

Собор назван «2-м поместным», при этом где и когда состоялся предшествующий, в «Дрягуновском соборном уложении» не оговаривается. Ни одно из известных нам собраний, ближайших по времени – I Всероссийский съезд в Екатеринбурге 25–30 сентября 1911 г. и Горбуновский собор (в д. Горбуново Верхотурского уезда Пермской губ.). 13–15 января 1912 г., не упоминаются источниками как «1-й поместный» и не могут быть однозначно идентифицированы с таковым. Во-первых, на Всероссийском съезде

председательствовал екатеринбургский наставник П. С. Мокрушин, а в уложении Дрягуновского собора указано, что старшиной 1-го поместного собора, сложившим свои полномочия при открытии заседаний 2-го был некий Козьма Вавилович Николаев. Второй собор, Горбуновский, является более вероятным претендентом на эту роль, однако вызывает сомнения из-за своего характера. А. Т. Кузнецов писал о нем как о собрании узкого круга скитников и поддерживающих их «противообщинников»: «рассматривая их соборное уложение, невольно приходится остановиться на первом же месте, где поименованы участники... которые и до обнародования закона о старообрядческих общинах никогда не были в общении со старообрядцами» [453]. В свою очередь, из съехавшихся на собрание в Дрягуново подавляющее большинство являлись представителями мирских общин (из черноризцев присутствовал только один – о. Уар Коньков из скита около д. Шумиха Верхотурского уезда. Упоминается в качестве настоятеля). Трое из настоятелей принимали участие во всероссийском съезде и никаких антиобщиннических мнений тогда не высказывали, а один из начетчиков – А. Е. Арапов – даже вошел в состав Совета Братства, учрежденного съездом часовенных. Правда, нужно отметить, что ни одно из обществ, представленных на Дрягуновском соборе, в прошлом не проходило регистрацию в губернском правлении. Однако это обстоятельство может служить лишь косвенным подтверждением предположения о преемственности собора 1922 г. и Горбуновского.

Предметом соборных обсуждений в Дрягуново были изначально заявлены 6 вопросов: о священстве, об Антихристе, о чине принятия от ереси приходящих, о Богоявленской воде, о причащении младенцев и отроков, о текущих делах (избрание членов духовного совета, порицание брадобреев и табачников, соблюдение устава при богослужении).

Внимание к проблеме «можно ли быть нам без священства» говорит о сохраняющей актуальность полемике вокруг возможности приема церковной иерархии. Как и во втором десятилетии XX в. основной причиной постоянного возвращения к вопросу о священстве была активность «австрийцев». Из 25 обществ часовенных, представленных на соборе, минимум 6 непосредственно соседствовали с общинами белокрыницкого согласия: в с. Башкарском, деревнях Сарапулке, Южаковой, Лае, Верхне-Тагильском и Невьянском заводах. Присутствующие после просмотра и зачитывания большого количества цитат из Писания и святоотеческих трудов единодушно признали: «соболезнуем о том, как было в древнее благочестивое священство, к которому мы действительно расположены и желали бы всей душой и сердцем, но нет толкового благочестия, поэтому мы и не принимаем другое еретическое как самозванное и безблагодатное, остаемся сырые в скудости и по

нужде принимаем простых стариков, которые у нас священнодействуют» [450. Л.4]. Данное решение продолжало традицию отрицания часовенными «истинности» белокриницкой иерархии и находилось в полном соответствии с выводами Екатеринбургских соборов 1884 и 1908 гг.

Далее собор обращается к вопросу, который давно не был предметом соборного обсуждения и являлся своеобразным показателем отношения старообрядцев к происходящему в мире и, в первую очередь, к властям: «существует ли в настоящее время противник Христу Антихрист?». Последний раз на Среднем Урале его поднимал черноризец Нифонт, пытаясь доказать устроителям Екатеринбургского собора 1884 г. отсутствие на земле истинного священства из-за наступления последних перед пришествием Антихриста времен [454]. Поэтому рассмотрение темы «последних времен» первым в данной местности послереволюционным собором представляется весьма символичным. Даже с учетом замечания исследователей о том, что «соборные постановления являются не самым лучшим, но все же полезным источником для изучения истории эсхатологических взглядов и настроений староверов... и... что регулярное, вполне этикетное провозглашение традиционных эсхатологических тезисов о близком появлении Илии и Еноха, крайней опасности происков антихристовых предтеч... отнюдь не являются показателем политической радикальности или лояльности» [455. С.104], столь «своевременная» постановка данного вопроса может означать появление у старообрядцев новых поводов для сопоставления происходящего вокруг с предсказаниями о наступлении «конца времен». Тем более, что пищу для подобных наблюдений предшествующие четыре года предоставили в большом количестве. Выслушав приведенные начетчиком Араповым ссылки на дюжину свидетельств из Священного Писания (к сожалению, в соборном постановлении они не прокомментированы) в защиту тезиса «Антихриста нет, но будет», собрание согласилось с ним [450. Л.6].

Затем был подтвержден прежний порядок принятия еретиков (принадлежащих к 1-му чину крестить, а ко 2-му и 3-му принимать через отрицание), разбавления святой воды на Богоявление (которую часовенные использовали в качестве причастия), причащения детей и сделана попытка унифицировать поведение наставников во время богослужения («игумен все возгласы должен оставлять на месте... выход с кадилом так же должен быть по уставу, а ни каким-нибудь другим стариком неграмотным...», «ектенья великая поется, не читается...») [450. Л.8]. В заключение разбора духовных и обрядовых вопросов собрание, ссылаясь на постановления 1-го поместного собора, доказало безосновательность намерения часовенных д. Лаи во главе с их наставником Устином Стахеевичем Смирновым отказаться от общения с теми обществами, где есть прихожане,

курящие табак и бреющие бороды. Блюстители чистоты веры требовали отлучения табакокуров. Представители обвиняемых общин отрицали все упреки: «и согласно постановления 1-го поместного собора как раз проклинаям тех, которые бриют брады и курят табак и прочих подобно тому...» [450. Л.7]. В конце концов начетчикам удалось примирить обе стороны и уговорить лайского наставника «с братией» не отделяться, «дабы таковые были среди стада Христова и неуклонно держали веру Христову» [450. Л.6].

В заключение собор принял весьма важное решение. Для дальнейшего обсуждения духовных дел между соборами был избран совет из 8 наставников, председатель которого обязывался «проверять всех священнодействующих лиц уральских христиан и все замеченные неисправности должен предавать духовному суду или собору» [450. Л.6–7]. Несмотря на то, что функции духовного совета были сформулированы достаточно узко, можно предположить, что его прообразом являлось созданное в 1911 г. на Всероссийском съезде Братство часовенных, во главе которого стоял Совет из наиболее авторитетных лиц в согласии (о Братстве см. главу 1, с. 104). Естественно, нельзя говорить о полном сходстве этих двух организаций, однако общие функциональные черты у них присутствуют. В 1911 г. Совет Братства был призван выполнять задачи благоустройства церковной жизни, самой важной из которых провозглашалось убережение паствы «от всех соблазнов, а главное от нынешних лживых толкователей, которые растривают нашу братию и увлекают в свои толки» [456]. Перед духовным Советом, учрежденным Дрягуновским собором, ставились менее масштабные цели, но в них также входило предотвращение расколов, хотя бы и по причине «неисправностей» в священнодействии. Как уже говорилось, один из авторитетных участников собора – А. Е. Арапов, имел непосредственный опыт работы в Совете Братства. В таком случае учреждение духовного Совета свидетельствует не только о нормализации внутриобщинной жизни после гражданской войны, но также и о возможности и желании использовать имеющийся опыт прежних лет.

Спустя два года приблизительно тот же круг вопросов рассматривался часовенными Зауралья. Собор, состоявшийся 19–21 марта 1924 г. в д. Мальцевой (бывшего Шадринского уезда Пермской губ.), вынес определение о «безблагодатности» священства (в т. ч. «бугровского» – переходящего от РПЦ, см. главу 1, с. 36–42), недопустимости вводить в службу «возгласы и ектеньи», положенные только духовным лицам из церковной иерархии, о чине освящения воды на Богоявление, крещении незаконнорожденных детей и о переходе некоторых часовенных в спасовское согласие [457]. Скорее всего, беглопоповцы удостоились внимания в связи с обретением ими трехчинной иерархии: 4

ноября 1923 г. в Саратове к их церкви присоединился обновленческий архиепископ Никола (Позднев). Гораздо более примечательным представляется обращение обоих соборов к разбору обрядов, применимых к молодому поколению. Дрягуновский собор 1922 г. подтверждает прежний чин причащения детей, а Мальцевский устанавливает обязательное крещение незаконнорожденных. Конечно, вопросы крещения, причастия и покаяния рассматриваются не впервые, исполнение этих таинств всегда признавалось часовенными необходимым для христианина [455. С.75–85]. Но почти одновременное изучение соборами отдельного аспекта этой темы – касающегося детей, может свидетельствовать о возросшей именно в это время актуальности поддержания и воспроизводства данной традиции.

К сожалению, нет возможности сравнить эти тенденции с пониманием текущей ситуации в других согласиях, так как в настоящее время не обнаружены материалы съездов уральских «австрийцев», хотя известно, что в 1920-х гг. эти съезды проводились регулярно. Более или менее точные данные есть только об одном из них – Пермско-Тобольском епархиальном [458]. Он был устроен в 1927 г. в Свердловске стараниями местной белокриницкой общины, в церковный совет которой входил приемный сын старообрядческого епископа Иоанникия – Иван Алексеевич Павлов. Помимо главы епархии на съезд прибыли известные деятели уральского «австрийства», среди которых был и Василий Усов, в то время являющийся священником в д. Шипеловой Баженовского района Свердловского округа Уральской области [458]. В центре внимания собравшихся были «вопросы текущей епархиальной жизни». Более подробные сведения об этих «вопросах» не найдены, но можно предположить, что они хотя бы отчасти совпадали с проблематикой, рассматриваемой «белокриницкими» собраниями всероссийского масштаба. Тем более, что вместе с епископом Иоанникием Саратовским, временно управляющим Пермской (а до июня 1925 г. еще и Тобольско-Челябинской) [459. Л.18] епархией несколько участников епархиального съезда 1927 г. присутствовали на Освященных Соборах в Москве в 1925, 1926 и 1927 гг. [459. Л.1–8, 460] Всероссийский собор белокриницкой иерархии, состоявшийся в Москве 1–11 июня 1925 г., после доклада о современном положении старообрядческой церкви вынес постановление, обязывающее всех священников призвать своих прихожан к «подлинно христианскому» воспитанию детей, к наставлению их правилам веры и церкви, к охране их от «чуждых христианству увлечений» [459. Л.13]. Для того, чтобы уберечь детей от влияния «плохих товарищей», предполагалось организовать их домашнее обучение молитвам, правилам веры и «страху Божию» и ходатайствовать о разрешении открывать для этого отдельные школы. Для сравнения следует отметить, что на последнем дореволюционном соборе «австрийцев» в

мае 1917 г., вопросам школы и образования также уделялось немалое внимание, однако тогда, в отсутствие явной антицерковной политики государства, эта часть постановлений касалась по большей части организационных моментов: учреждения курсов для учителей и учительниц, содействия умножению училищ, выработке общей школьной программы по Закону Божьему. Определенные собором 1917 г. принципиальные содержательные основы старообрядческого образования (изучение Закона Божьего, обучение церковному чтению и пению, а также нравственное воспитание силами учителей и родителей) предполагалось воплощать через достаточно хорошо развитую к тому времени сеть старообрядческих школ [461]. Немногим более чем через полгода все эти учебные заведения были изъяты из пользования старообрядцев декретом от 23 января 1918 г., по которому школа была отделена от церкви (в дополнение к нему 30 августа 1918 г. Народным комиссариатом юстиции была выпущена инструкция по проведению положений декрета в жизнь). Вследствие этих мер к началу 1920-х гг. исчезла создаваемая в течение десятилетия система специализированных старообрядческих образовательных учреждений. В новых условиях старообрядцы вынуждены были вернуться к распространенной до провозглашения веротерпимости практике домашнего обучения. Именно такое положение дел фиксирует несколько соборов 1920-х гг., в том числе и упомянутый выше собор «австрийцев» в 1925 г.

Поморцы Зауралья, у которых не прекращалась активная полемика брачников с бракоборами и споры внутри последователей приемлющих брак о порядке приема безбрачников, провели несколько соборов: 14 февраля 1923 г. в с. Мало-Дубровное Курганского уезда Челябинской губ., 7 февраля 1924 г. в Кургане («односторонний»), 24–27 ноября 1924 г. в Кургане и 23 февраля 1925 г. в д. Обуховой [462, 463]. Среди перечисленных исследователи особо выделяют т. н. общий Курганский собор 1924 г., поскольку на нем была предпринята попытка всех примирить [464]. В то время это был один из самых масштабных соборов Южного Урала и Зауралья – на него съехались до 400 уполномоченных от поморских общин со всей Уральской области и заседания проходили под председательством крупнейшего деятеля поморского согласия, главы Нижне-Волжского областного Духовного совета Т. А. Худошина (годом ранее по его инициативе был учрежден Высший духовный совет поморцев) [460. С.229]. После четырехдневных дебатов в итоговое уложение было занесено воззвание к разделяющимся группам как «бракоборов», так и «брачников» признать свои заблуждения и раскаяться, а также определение порядка приема отступников (большинство через крещение). Примечательна заключительная часть данного соборного постановления, содержащая решение руководствоваться «по вопросам бранобрития и головострижения по-татарски и немецки, мирщения и табакокурения и смешанных браков и других греховных пороков»

Священным Писанием, а не деяниями двух всероссийских соборов поморского согласия (1909 и 1912 гг.), поскольку последние допускают более лояльное отношение к виновным в перечисленных отступлениях. Несогласных с этим решением наставникам следовало отлучать от общей молитвы [463. Л. 23 об.].

В постановлении поморцев Верхокамья, принятом на соборе 1924 г. (предположительно состоялся в с. Сепыч Оханского уезда Пермской губ.), нашел отражение приблизительно тот же круг проблем. Вопрос о браках, поскольку участники собрания их не отрицали, рассматривался несколько в ином ключе, чем в Зауралье. Решено было отлучать наряду с «прелюбодеями и явными блудниками» тех кто вступил в 3й брак, заключил смешанный брак без воли родителей «убегом», отступил от веры и не раскаялся вместе с «неверной половиной». Отлучению же следовало подвергать бреющих бороду и волосы на голове, курящих табак и пьющих чай, водку, варящих кумышку (молочную водку) и не раскаивающихся в этих грехах. Носящие немецкие одежды считались недостойными входить в церковь. Обращалось особое внимание на то, что наставники должны строго следить за нравами своей паствы, вразумлять и «бороться с распространением сих пороков всеми предоставленными им правилами церкви мерами... когда же мы видим, что во всех местностях такие пристрастия в приходах не воспрещаются и беззаконники не отлучаются, но даже оправдываются, то должны видеть здесь уже ерес и не малую...» [465. С. 242]. Все принятые этим собором решения направлены к единственной цели, напрямую заявленной в предисловии к материалам уложения: «Для укрепления расшатанных врагами стен церковных от нападения внешних врагов и вредоносных и губительных учений и обычаев» [465. С. 240].

Все вышесказанное позволяет сделать несколько выводов относительно старообрядческих соборов первой половины 1920-х гг. Соборы 1922–1924 гг. независимо от согласия собираются в деревнях, отстоящих на десятки километров от крупных административных центров, что отчасти можно рассматривать как стремление уйти из поля зрения новой власти, которую опасались, но признавали. Ни один из соборов не высказывался напрямую о политических изменениях в стране и открыто не формулировал своего отношения к каким-либо конкретным проявлениям политики советского правительства. В качестве примера открытого «политического» высказывания на духовном собрании приведем слова старообрядческого епископа Геронтия петроградско-тверского на открытии собора белокрыницких иерархов 31 мая 1917 г.: «Несмотря на наступившую свободу... везде ужасы и беспорядки... мы у преддверия “исполнения времен”... Нужно встать и объединиться на защиту дорогого отечества» [466].

Вопрос о властях и определение сущности происходящего затрагивался через

эсхатологическую тему: «царствует ли Антихрист?». На Урале решили, что последние времена еще впереди и, следовательно, новым властям следует подчиняться. Многие другие соборные решения являются откликом на новые условия в которых оказались религиозные организации в советском государстве. Отпечаток стремления защитить от поощряемого властью безбожия свою культуру и обычаи, особенно путем передачи традиций молодому поколению, просматривается почти во всех постановлениях: вновь воспроизводится порицание и отказ от общения с теми, кто допускает непозволительные, с точки зрения старообрядцев, для истинного христианина отступления в одежде, табакокурение и брадобритие, вновь подчеркивается обязанность наставников и родителей воспитывать детей в строгом соответствии с принципами «древлеправославия».

Несмотря на бурные и катастрофические события революционного времени и Гражданской войны, достаточно ярко выраженную антирелигиозную политику большевиков, происходящее в первое десятилетие советской власти, повлияло на старообрядчество менее разрушительно, нежели на РПЦ. Пытаясь сохранить себя и свою веру, старообрядцы обращаются к защитным механизмам социальной адаптации, выработанным еще во времена гонений XVII–XIX вв.: уход в скиты, ограничения в общении с миром, ориентация на поддержание традиционного уклада (в т. ч. бытовые запреты). Городские и сельские общины староверов вне зависимости от согласия представляли собой устойчивые многофункциональные системы (с централизованной в различной степени и на различных уровнях структурой), способные самостоятельно (без помощи государства и даже в условиях прессинга со стороны властей), выполнять культовые, хозяйственные, образовательные и др. функции и были способны амортизировать идеологическое и (в определенной мере) экономическое давление. Возможно, именно поэтому наиболее сильный удар по старообрядчеству нанесла не антирелигиозная кампания, начало которой приходится уже на 1928 г., а коллективизация, уничтожившая самостоятельные крестьянские хозяйства.

Глава 4. Транзитные процессы: case studies

4.1. Становление гражданского общества в России XIX в. (на примере Урала)

Проблема формирования гражданского общества тесно связана с проблемой переходности. В эпоху Возрождения новое политико-правовое мышление наметило тенденцию перехода от сословного к гражданскому обществу в общеевропейском масштабе. Этот естественно-правовой период в становлении идеи гражданского общества заложил основы последующих концептуально-теоретических разработок. В концепциях

естественного права и общественного договора XVII–XVIII веков, в трудах Ф. Бэкона, Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, Д. Юма, Б. Спинозы, Ж.Ж. Руссо, Ш. Монтескье подчеркивается переход общества от его естественного состояния к гражданскому состоянию, что сопровождается заключением общественного договора, на основе которого народ и власть строят свои взаимоотношения. Схематически содержание этих концепций можно выразить следующим образом: естественное состояние – общественный договор – гражданское, общественное, политическое состояние. Уже тогда были сформулированы основные гражданские принципы и ценности: принцип свободы личности, идея самоценности отдельного человека, уважение к его собственности и хозяйственной самостоятельности, неотъемлемости его гражданских прав. В гражданском обществе стабильность, благополучие, прогресс общества в целом неразрывно связываются с благосостоянием личности, интересы и достоинство которой защищаются законами и целой системой учреждений и институтов, обеспечивающих действенность закона.

Формирование гражданского общества сопровождалось изменением государства и его политики. Значительную роль в переходе от сословного общества к гражданскому играли сложившиеся в позднее Средневековье централизованные национальные государства, призванные совершить процесс уравнивания общественных элементов и превратить сословное общество с его разделением в общество гражданское, построенное на началах равной правоспособности. Само понятие государства, обособленно от общества, получило широкое признание лишь в Новое время. Становление гражданского общества происходило параллельно с формированием государства нового типа – буржуазного государства. Процесс превращения традиционного сословного общества в современное гражданское, феодального иерархического государства в правовое сопровождался сложными социальными трансформациями. Сословное общество вынуждено было обороняться на двух фронтах, будучи подверженным критике развивающейся личности, идущей к гражданскому обществу, но, с другой стороны, постоянно подрываясь общинной уравнительностью, видящей в сословности воплощение несправедливости. Развитие элементов гражданского общества, ответственной личности приводит к разделению государственных и экономических функций сословий, что в перспективе ведет к их размыванию. Структурный подход позволяет учитывать единство вновь складывающихся форм экономической и политической жизни, которые в своей совокупности представляли новый тип социального устройства – буржуазное общество, приходящее на смену традиционному, сословно-иерархическому, феодальному обществу.

В XIX в. гражданское общество в Западной Европе все отчетливее из теоретической конструкции превращается в особую сферу социальной реальности. В

общеметодологическом плане развитие идеи гражданского общества связано с философией Гегеля, который впервые в Новое время разграничил государство и гражданское общество, подчеркнув не тождественность первого второму, подобно многим авторам нашего времени. Гегель считал гражданское общество приметой современности и особым этапом всемирной истории. Карл Маркс связывал возникновение гражданского общества с необходимыми для этого экономическими предпосылками в виде свободы частной собственности, концентрируясь на области экономического развития. Анализ гражданского общества как особой внесударственной сферы социального организма получил широкое распространение в Европе благодаря А. де Токвилю. Фактически же к этому времени были сформулированы главные общие принципы, связанные с осознанием феномена гражданской культуры и жизнедеятельности гражданского общества: наличие гражданских свобод и прав, равенство граждан перед законом, принцип универсальной законности, принцип свободы, предполагающий право на создание добровольных организаций, право на частную собственность. В ходе формирования гражданского общества на смену вертикальным феодальным структурам приходит преобладание горизонтальных отношений, основанных на юридическом равенстве и договорных началах свободных людей. Законодательное признание юридического равенства людей на основе наделения их правами и свободами – главный признак и фундамент гражданского общества. Если политическим выражением средневекового способа производства являлась привилегия, неравное для каждого из феодальных сословий право, то выражением современного способа производства и отношений становилось право, равное право. Юридическое равенство людей, по сути положило начало Новому времени.

В современном научном дискурсе теоретико-концептуальные разработки, связанные с понятием гражданского общества, по выражению израильского исследователя Адама Зелигмана, являются тем «аналитическим ключом, который откроет тайны социального порядка». В конце XX столетия появилась теория интернационализации гражданского общества, появился неологизм – «глобальное гражданское общество». Вместе с тем, сохранился интерес к проблеме поливариантности формирования гражданского общества и к российской модели в частности. Очевидно, что содержание концепции гражданского общества определяется социально-политическим контекстом конкретного общества в тот или иной период существования. Актуальность данной проблематики обусловлена, с одной стороны, новым всплеском интереса к истокам формирования гражданского общества в России, ее историческому опыту, в связи с непростыми современными процессами его построения, что сопровождается привлечением внимания к этой теме широкой общественности и властных структур. Эта актуальность связана с тем фактом,

что в России гражданское общество по-прежнему относится к числу «самых страшных дефицитов» (известное выражение В.С.Библера). С другой (научной) стороны, исследование истоков гражданского общества в России способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях перехода от традиционного к современному обществу, от абсолютизма к новому политическому порядку, формировании ценностей правового государства и гражданского общества, современной демократии в нашей стране.

В теоретической литературе, посвященной проблеме гражданского общества нет единства и его систематического понимания. Нет даже относительного консенсуса и в историческом дискурсе. По сути, все кажущееся многообразие современных подходов к проблеме взаимоотношения гражданского общества и государства исторически идет от двух традиций: Л-традиции, восходящей к Джону Локку, согласно которой гражданским обществом является некое этическое общество, живущее по естественным законам до и вне политики, а государство появляется только тогда, когда гражданское общество вызывает его к жизни; М-традиции, названной по имени Шарля Монтеня, в соответствии с которой гражданское общество представляется сообществом независимых ассоциаций граждан, опосредующих отношения между индивидом и государством, защищающих свободу и права индивида от произвола власти. Формированию общеметодологических подходов к проблеме способствовала гегелевская традиция, а ее социологическому измерению – теоретические и практические разработки Алексиса де Токвиля. Известный современный исследователь А. Н. Медушевский подчеркивает: «Взгляд Токвиля на формирование демократии и срывы на этом пути вполне соответствует современной концепции *гражданского общества*. Гражданское общество включает три основных измерения: правовое (равенство перед законом), политическое (всеобщее избирательное право) и социально-экономическое (параметры, характеризующие социальное государство). Данный подход получил развитие и корректировку в новейших исследованиях. Эта корректировка в основном связана с акцентом на выявление специфических особенностей формирования гражданского общества в отдельных регионах по сравнению с европейской моделью движения к гражданскому обществу и демократии. «Современный подход к гражданскому обществу, – пишет А.Н. Медушевский, – близок к социологической концепции Токвиля, включая конфликтные параметры демократии и рассмотрение динамики их изменения: классовое, половое, возрастное деление общества, его этнический состав, проблемы самоидентификации различных социальных меньшинств и реализации их прав, наконец, политизации этих прав в рамках национальных государств и в глобальной перспективе». Выработанный

Токвилем подход и сегодня активно используется учеными в исследованиях, посвященных анализу структур гражданского общества.

В современных исследованиях можно встретить два принципиально различных взгляда на саму природу гражданского общества. Сторонники одного из них называют гражданским обществом то или иное общество, достигшее определенного уровня политического, социально-экономического и культурного развития, рассматривая его как общественную систему. Другие исследователи сужают понятие гражданского общества, подразумевая под ним лишь особую сферу социума, противостоящую государству. Распространенной точкой зрения является отождествление гражданского общества с внесударственной сферой социума, а точнее с общественной сферой, занимающей промежуточное звено между государством и личностью.

Разновидностью «сферного» подхода к исследованию гражданского общества является взгляд Дж. Коэна и Э. Арато, которые под гражданским обществом понимают сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (семья), объединений (добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации. Эти американские исследователи под гражданским обществом понимают такие структуры, как «социализация, ассоциация и организованные формы в той мере, в какой они институционализированы или находятся в процессе институционализации». Дж. Коэн и Э. Арато отличают гражданское общество от политического общества (жизнь политических партий и политических организаций, органов публичной политики, в частности, парламентов), выполняющего функцию посредника между гражданским обществом и государством. Экономическое же общество, по их мнению, играет посреднические функции между гражданским обществом и рыночной системой.

В некоторых российских политических исследованиях опровергается наличие посредника между гражданским обществом и государством в лице политического общества. Например, С. П. Перегудов заявляет: «Такая интерпретация взаимодействия гражданского общества и государства, на мой взгляд, абсолютно неадекватна. Никакого «промежуточного» политического общества между ними нет. Парламент, упоминаемый в книге (Дж. Коэна и Э. Арато), – это государственный институт, что же касается партий, то их массовые организации есть часть гражданского общества, а парламентские фракции – государства. В этом и заключается уникальность политических партий как важнейшего связующего звена между гражданским обществом и государством». Тезис о гражданском обществе как о политическом феномене принимается далеко не всеми учеными.

Отношение к данной проблеме определяет ответ на вопрос о генезисе гражданского общества в России, который является весьма дискуссионным.

Известный историк Б.Н. Митронов полагает, например, что «о зарождении гражданского общества вместе с интеллигенцией и общественным мнением, независимым от официальной точки зрения, которое официальные власти признавали и учитывали, можно говорить не ранее последней трети XVIII в.». Многие отечественные и зарубежные историки в последнее время все чаще говорят о том, что своими преобразованиями последней четверти XVIII в. Екатерина фактически создала условия для формирования в России того, что в наши дни называют гражданским обществом. А. Каменский отмечает: «Именно с екатерининскими реформами многие исследователи в принципе связывают возникновение в России общества, понимая под этим словом не вообще все население страны, но его часть, отличающуюся осознанием своей роли в жизни государства, социальной активностью, наличием выраженных интересов, которые оно если и не может, то, по крайней мере, стремится защищать. Для существования общества в этом значении необходимо и признание государством права отдельных социальных групп на определенный законом статус и сферу самостоятельной деятельности. Именно это признание и содержали в себе грамоты 1785 года. Итак, гражданское общество благодаря реформам Екатерины в России, конечно же, не возникло, да и не могло возникнуть в условиях самодержавия и социального порядка, основанного на крепостничестве. Но, отмечая годовщину екатерининских жалованных грамот, стоит обратить внимание на то, что фактически ими был намечен один из альтернативных путей развития страны. К сожалению, шанс пойти этим путем был упущен».

Не переоценивая значение прогрессивных начал царствования Екатерины II, все же следует указать на наличие некоторых предпосылок для формирования гражданского общества: на зарождение в этот период общественных организаций нового типа, которые исследователями рассматриваются как один из главных признаков гражданского общества, которые в дальнейшее время создавали ядро гражданского общества в имперской России. Б.Н. Митронов подчеркивает: «Добровольные организации являются необходимой составляющей гражданского общества, генезис которого в России восходит к концу XVIII в., а основные элементы – общественное мнение, независимая пресса, политические партии, представительные организации и добровольные ассоциации – в развитой форме появились только в пореформенное время, 1861–1917 гг. Число добровольных ассоциаций и их общественная активность рассматриваются как показатель зрелости гражданского общества. По этому показателю имперская Россия уступала западным странам. Однако прогресс в XIX – начале XX в. был налицо».

Отмена крепостного права стала началом нового этапа в истории России, особого переходного периода от сословного к гражданскому обществу (со всеми традиционными оговорками о феодальных пережитках, примате государства над обществом и т.д.). По мнению специалиста по истории эпохи Александра П. Л. Г. Захаровой, Великие реформы открывали путь для создания гражданского общества в России, хотя сами реформаторы не пользовались термином «гражданское общество». Период второй половины XIX – начала XX в. рассматривается историками в качестве отдельного, достаточно автономного этапа российской модернизации. В теориях модернизации гражданское общество определяется как общество, приходящее на смену традиционному общественному укладу. Важно осмыслить структурное измерение модернизации в это время, касающееся социальной реальности и межличностных интеракций, соотносенных с процессом дифференциации, а при изучении ее культурной составляющей – обратиться к анализу смысловых систем, рационализации как одного из индикаторов модернизации. Ван дер Лоо и ван Рейен, например, под дифференциацией имели в виду развитие структурного многообразия, которое совершается в форме усложнения рыночных отношений, размежевания города и деревни, прогрессирующего разделения труда, урбанизации, появления в обществе и государстве новых организационных форм, порывающих с традиционными объединениями и институтами, а также развитие городского предпринимательства, образование общественности как сепаратного от государства дискурсивного сообщества. Рационализация интерпретируется ими как «культурное измерение структурной дифференциации, которое среди прочего охватывает возникновение новых мировоззрений, норм и символов». Эти процессы достаточно рельефно происходили в России в пореформенное время.

Великие реформы Александра II внесли значительные изменения в общественную жизнь российского города, дали толчок развитию гражданской инициативы. Данный период характеризуется исследователями как «эпоха общественных перемен», «перелом», который в ходе реформирования и индустриализации сопровождался возникновением новых социальных слоев, таких как предприниматели и наемные рабочие, который привел к социальной дифференциации, урбанизации и профессионализации, возникновению общественности, плюрализма и в связи с этим соперничающих ценностных систем и политических воззрений, перелом, который «может быть обозначен как процесс модернизации, породивший модель деятельности гражданского общества». Позитивно оценивая общественный порыв эпохи Великих реформ Александра II, исследователи определяют период со второй половины XIX в. до Первой мировой войны как период «динамичной модернизации» в Российской империи.

Недооценивая социальные изменения второй половины XIX в., способствующие формированию гражданского общества в России, некоторые ученые связывают его появление с реформированием политической системы в России в начале XX в. По мнению В. Хороса, история гражданского общества в России начинается лишь после 1905 г.

В историографии можно встретить и иные (пессимистичные) точки зрения. Н. А. Проскурякова, например, категорично заявляет: «В Российской империи так и не сложилось гражданского общества, несмотря на активизацию общественности во второй половине XIX в. и те изменения в системе политической власти, которые произошли в начале XX в., когда началось оформление институтов правового государства и формирование пространства борьбы общества за требования своих прав в рамках закона». В данном случае исследователь говорит о невозможности формирования общегражданских ценностей и «гражданской нации как совокупности людей, идентифицирующих себя с целым (т.е. со всем обществом) и осознающих свое единство».

Вместе с тем ученый справедливо подчеркивает, что становление гражданского общества – это длительный процесс, который по-разному протекает в определенном социокультурном контексте, имеет свои особенности в каждом социуме, «которые проявляются в сочетании элементов традиционализма и модернизации и механизма их взаимодействия». Соответственно, с позиции историзма в процессе формирования гражданского общества в России можно выделять определенные этапы, или стадии. Очевидно, о формировании гражданского общества на общенациональном уровне следует говорить на заключительном этапе его становления. В. Я. Гросул, рассматривая этапы зарождения и развития русского общества, заключает, что именно в петровскую эпоху (первой четверти XVIII в.) происходило зарождение общества как особого социального организма (промежуточного звена между властью и народом), основой которого первоначально являлось дворянство и к которому постепенно в XVIII–XIX вв. присоединялись выходцы из других сословий (включая духовенство, купцов, мещан, крестьян и рабочих). По мнению Б. Н. Миронова, в состав общества первоначально входило все дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного населения. Оно было корпоративным, но со временем в нем все больше стирались межсословные отличия и общество «превращалось в организм буржуазного типа». Эти процессы отчетливо видны при анализе эволюции городских сословных корпораций и общественных организаций религиозной и светской направленности во второй половине XIX – начале XX в., если численность и значение первых в общественной жизни города уменьшались, то роль последних со временем все возрастала.

Обращение ученых к формам самоорганизации в российском городе в контексте проблемы формирования гражданского общества не случайно. Именно в городах бурно протекали спонтанные процессы самоорганизации, гражданами добровольно создавались социальные структуры и организации, которые со временем институционализировались. Известный теоретик Джон Кин подчеркнул тесную взаимосвязь генезиса гражданского общества с урбанизацией, о чем свидетельствует и лингвистический феномен. Гражданское общество возникает в городе. Это общество горожан (гражданин – это горожанин – *civis*). В городах формировались институты управления, города отстаивали свои свободы. Джон Кин использует термин «городское гражданское общество», вместе с тем подчеркивая, что «волнообразное» влияние городов значительно шире и распространяется на его округу, достигая национального масштаба и превосходя его. Исследователь аргументирует свои убеждения примерами из истории европейских городов, в частности, Берлина. В понимании Д. Кина гражданское общество представляется «мозаикой индивидуумов, классов, групп и институтов, взаимодействие которых регулируется законом, но не зависит прямо от самого политического государства».

Следует подчеркнуть значительный вклад зарубежных исследователей не только в развитие теории гражданского общества, но и в исследование конкретно-исторических аспектов проблемы генезиса гражданского общества в России. В частности, Адель Линденмейер истоки его становления связывает с феноменом благотворительности и деятельностью соответствующих добровольных организаций в конце XVIII – первой половине XIX в. Исследователь указывает на достаточно широкий социальный спектр членов общественных организаций: мужчины и женщины, русские и нерусские, управляющие, бюрократия, купцы и дворяне. На ранних стадиях развития гражданского общества в России не сформировалась общественная сфера действительно отдельная от государства, скорее государство вносило вклад в ее рост и развитие. Четверть века, следующая за Крымской войной, известная как «Эра Великих реформ», по словам А. Линденмейер, представляет собой «главный водораздел» в развитии Российского гражданского общества». Кипучее распространение добровольных организаций в ярком контрасте с их сжатым спорадическим развитием в течение первой половины XIX в. является индикатором беспрецедентной энергичности гражданского общества. Несмотря на то, что самодержавие продолжало тщательно следить за ассоциациями, чтобы в случае необходимости пресечь антиправительственные тенденции, государственный патронат и давление значительно уменьшились. Как и в предыдущие десятилетия, благотворительность сохранялась как одна из самых доступных и популярных форм

ассоциации, будучи прекрасным примером общественной инициативы (voluntarism), показателем развития гражданского общества. С ростом урбанизации, отменой крепостного права, ускорением экономического развития расширялась социальная база гражданского общества, в нее все активнее включались образованные женщины, которые занимались благотворительностью и иными видами общественной деятельности, участвуя в создании и работе общественных организаций. В сферу гражданского общества А. Линденмейер справедливо включает не только светские, но и религиозные общества.

По мнению Джозефа Бредли, ядро гражданского общества в самодержавной России формировали светские автономные ассоциации, способствуя формированию гражданской идентичности, вырабатывая навыки самостоятельности в процессе осуществления поставленных целей, создавая свое правовое пространство. «В условиях самодержавия, – пишет он, – добровольные ассоциации не только давали понимание смысла гражданского общества – они вносили важный вклад в процесс превращения российских подданных в российских граждан». Легальная (не связанная с революционными идеями) гражданская жизнь особенно проявилась в крупных городах, где экономический рост, мобильность, урбанизация и успехи в образовании со времени великих реформ 1860-х гг. ускорили развитие организованных структур, существующих между индивидом и государством. Джозеф Бредли наряду с другими зарубежными исследователями подчеркивает, что анализируя появление гражданского общества в России можно видеть несколько отличную картину общественной жизни по сравнению с Западом. В России добровольные организации находились под всевидящим оком самодержавия, средний класс был не многочисленным по сравнению с Западом. Но можно согласиться с достаточно объективной оценкой исследователя, что даже при авторитарном режиме добровольные ассоциации могли осуществлять коллективные цели и реализовывать проекты, имеющие благотворительную, культурную и научно-прикладную значимость. В жизни ассоциаций активно участвовала не только буржуазия, но и другие группы населения. Важно отметить не только разницу между Россией и Западом, полагает Джозеф Бредли. По его мнению, опыт российских ассоциаций свидетельствует о многочисленных сходных чертах. Российские ассоциации были в состоянии развивать и реализовывать те же самые цели, что и их аналоги в Европе и Северной Америке. Российские ассоциации имели те же признаки самоопределения, самоорганизации и самоуправления. Несмотря на конфликт между государством и обществом, наличие антагонистических противоречий существовала значительная степень кооперации и сотрудничества между властью и ассоциациями в России. Начиная с XVIII в. до конца XIX в., российское государство многое сделало для создания гражданского общества, санкционируя формирование

добровольных ассоциаций. Показательно, что российские ассоциации часто рассматривали свои цели во взаимосвязи с государственными – идея национального прогресса, изучения усовершенствования и мобилизации производственных, человеческих и естественных ресурсов. Зарубежный ученый пришел к выводу, что именно светским ассоциациям принадлежала ведущая роль в формировании динамичного гражданского общества. Значение подобных исследований очевидно, анализ истории российских ассоциации помогает объяснить феномены сотрудничества между государством и гражданским обществом, социальную основу либерализма и реформаторских движений, борьбу против политического абсолютизма. «Их уставы были микроконституциями, написанными на языке представительства», – пишет Д. Бредли. Этот язык определял легальные взаимоотношения с властью, артикулировал коллективные цели, предлагал определенные права и привилегии и устанавливал правила самоуправления в делах. Многие идеи Д. Бредли пересекаются с оценками еще одного зарубежного исследователя Манфреда Хильдермайера, который видит в эволюции публичной сферы в России XIX в. сходные и сравнимые с Германией процессы.

Важна постановка проблемы распространения социальных институтов и социальных образцов в имперской России. Как известно, в создании клубов в России (сначала в Санкт-Петербурге и Москве) заметную роль сыграли иностранцы (англичане и немцы). В царской России, по примеру западно- и центрально-европейских отношений, основание клубов и объединений вообще и в особенности с политическими целями – происходило с заметной временной задержкой. По справедливому замечанию Л. Хэфнера, со временем «экономическая, социальная и функциональная элита перенимала дворянскую или западноевропейскую культуру, расширяя при этом привычные общие сословные критерии и формируя, как следствие, сглаживающие или уравнивательные формы. Эта диффузия усиливалась эстетической культурой, о которой заботились объединения и общества, устраивая концерты, спектакли, поэтические вечера и выставки».

Распространенным является социокультурный подход к исследуемой проблематике, который в сочетании с персоналистским позволит разобраться с историческими особенностями формирования определенного типа личности – гражданина-индивида («модульного человека» – по выражению Э. Геллнера) – субъекта гражданского общества. Сочетание социокультурного и историко-антропологического подходов предполагает признание диалектической взаимосвязи многообразных и объективных и субъективных, материальных и идеальных факторов исторического процесса, определяющих условия существования, сознание и поведение семей и отдельных людей, мужчин и женщин, позволяя реконструировать гражданские представления и ценности, модели и стереотипы.

Анализируя особенности современного историографического дискурса относительно феномена гражданского общества в России, следует отметить склонность исследователей к сочетанию достижений социологии и истории. Ярким примером является диссертационная работа В. Волкова. В ней автор исследовал трансформации форм общественной жизни в России XIX в., выявив институциональную роль и функционирование публичной сферы, рассмотрев особое отношение, существующее между изменениями в публичной сфере и эволюцией понятия общества. В этом исследовании, находящемся в поле исторической социологии, активно используются два взаимосвязанных понятия: «общество» и «общественность». В основе своей концепции В. Волков разделяет убеждения авторов известной книги «Между царем и народом», которые под «обществом» и «общественностью» подразумевают фактически «образованное общество» в значении, близком к «публичной сфере» или «гражданскому обществу». Сегодня все чаще исследователи пользуются понятием «общественность», которое отражало общую идентичность для различных социальных групп, образующих среднюю страту «между царем (или верхушкой бюрократии) и народом». Формирование российского среднего класса, как стремятся показать зарубежные авторы, значительно отличалось от аналогичного процесса в Западной Европе в том отношении, что на эксплицитном уровне происходило независимо от политических факторов, не было основано и на предполагаемом единстве экономических интересов частных собственников. Можно согласиться с убеждением ряда исследователей, что скорее именно деятельность в публичной сфере, участие в культурной жизни, понятие о гражданской ответственности позволили различным социальными профессиональным группам признать единство интересов и искать общую (гражданскую) идентичность за пределами существующих иерархий и сословных делений.

Подводя итоги размышлениям о судьбе гражданского общества в России, следует подчеркнуть, что особенности его становления были в значительной мере обусловлены ходом и спецификой российских модернизаций: Россия с запозданием осуществила модернизационный переход от традиционного аграрного общества к городскому, индустриальному, и в ней позднее началось строительство гражданского общества (по сравнению со странами Западной Европы и США); особенно это заметно при анализе политической и правовой составляющей модернизации, связанной с созданием парламента и складыванием многопартийности; сильная государственная традиция затрудняла взаимоотношения гражданского общества и государства; для России была характерна ограниченность и специфика демократических начал, а также немногочисленность буржуазии по сравнению с Западной Европой. Спорной

представляется и оценка значения традиций коллективизма и роли индивидуализма при построении гражданского общества. Многие проблемы, возникающие в процессе формирования гражданского общества и правового государства на современном этапе, перекликаются с историческими трудностями. Безусловно, сказывается тяжелое наследие советского прошлого.

Взаимоотношения местной власти и городских общественных организаций

В историографии утвердился тезис о том, что в дореволюционной России огромную власть над обществами фактически имела местная администрация. «В своих действиях царские сатрапы в сущности ничем не были связаны», – пишет А. Д. Степанский, который одним из первых в советский период обратился к изучению этой темы [467. С.27]. Исследователь показал, что влияние администрации на судьбы общественных организаций проявлялось и в ходе их создания, и в текущей деятельности, и особенно при ликвидации. Вместе с тем, бытуют различные точки зрения на характер взаимоотношений губернской власти и общественных организаций во второй половине XIX – начале XX в. Так, А. Д. Степанский считает, что «самодержавие допускало и даже поощряло такие общества, которые были ему полезны (для укрепления контактов с господствующими классами и усиления идеологического воздействия на массы)», и фактически эти общества являлись «придатками государственного аппарата». Отношение администрации к созданию новых организаций «не отличалось доброжелательностью», – делает вывод ученый [467. С.28]. Соглашаясь с А. Д. Степанским относительно больших законодательных полномочий губернской администрации как до, так и после издания Временных правил об обществах и союзах 4 марта 1906 г. (и даже их некоторого расширения после издания новых правил), А. С. Туманова утверждает, что несмотря на факты некоторого произвола, в целом «губернаторы демонстрировали свою способность к компромиссу и взаимодействию с общественностью». «Признание позитивных сторон сотрудничества власти с общественными организациями, – пишет она, – было характерно даже для самых консервативно настроенных администраторов дореволюционной России» [468. С.308–309]. Анализируя взаимоотношения губернской администрации и общественных организаций на практике, А. С. Туманова аргументированно утверждает, что со временем губернаторы все больше убеждались в значимости общественных инициатив в жизни России, начинали рассматривать их не с точки зрения опасности для государственного строя, но с позиций конкретной пользы, приносимой местному хозяйству и культуре [468. С.309]. Думается, в ходе исследования проблемы взаимоотношений местной администрации и общественных организаций целесообразно

использовать данные по истории разных регионов России (в том числе уральские материалы), чтобы получить более целостное представление.

По данным «Адрес-календаря и справочной книжки Пермской губернии. 1914 г.» в списке обществ, внесенных в реестр Пермского губернского по делам об обществах Присутствия, насчитывалось 85 обществ, расположенных в городах. Анализ сведений показал их неравномерное распределение по населенным пунктам: правления 33 обществ располагались в губернском городе, 20 – в Екатеринбурге. Остальные общества более или менее равномерно (за исключением Дедюхина и Далматова, где какие-либо общественные организации отсутствовали) распределялись по другим городам губернии [469. С.255–262]. Очевидно, что наличие такого большого количества общественных организаций в городах Пермской губернии зависело от достаточно лояльной политики местной губернской администрации.

Почетное членство губернатора нередко предусматривалось уставом того или иного общества. Например, в Уставе Пермского Благородного собрания в примечании к пункту об избрании в почетные члены собрания подчеркивалось: «Собрание вменяет себе в обязанность просить Пермского губернатора принять на себя звание почетного члена Собрания» [470. С.6]. Иногда в уставах относительно почетного членства использовались формулировки, которые позволяли широко привлекать к участию в нем влиятельных лиц, представителей государственной власти. Так, в уставе Екатеринбургского общества охоты отмечалось, что почетные члены общества могли избираться как из действительных членов по их важным заслугам перед обществом, так и «из лиц почетных, могущих по своему общественному положению и влиянию содействовать достижению полезной цели общества» [471. С.2–3].

Уставами обществ, как правило, предусматривался контроль губернатора над их деятельностью. Так, маскарады и публичные лекции в Благородном собрании Перми могли организовываться только с разрешения губернатора. Не обязательно было разрешение губернатора для проведения литературных и музыкальных вечеров, но если на них предусматривалось чтение или музыкальное исполнение произведений, неизданных в печати, должны были предварительно представляться на одобрение местного цензурного учреждения или власти, «оное заменяющей». Благородное собрание обязано было своевременно информировать местное полицейское начальство о предполагаемых публичных увеселениях [470. С.3–4].

В некоторых случаях губернская власть, будучи проводником государственной политики, инициировала создание общественных организаций, которые пользовались покровительством государства. Так, на призыв Александра II о создании в стране обществ

взаимного страхования от огня откликнулся быстро пермский губернатор. После опубликования Положения Комитета Министров о введении в городах добровольного взаимного от огня страхования, утвержденного 10 октября 1861 г., А. Г. Лашкарев предложил городскому голове И. Ф. Любимову образовать временную комиссию для рассмотрения этого вопроса. 25 января 1863 г. был составлен общественный приговор о создании в Перми общества взаимного страхования от огня, подписанный 80 домохозяевами. Приговор подписали 43 чиновника, 17 купцов и 20 мещан. 13 февраля 1863 г. губернское правление утвердило приговор, для разработки устава общества была сформирована временная комиссия под председательством городского головы. Проект устава общества был рассмотрен пермским губернским правлением и после незначительных изменений, указанных министром внутренних дел, утвержден пермским губернатором А. Г. Лашкаревым 13 февраля 1864 г. [472. С.3–7]

В первую очередь покровительством губернской администрации пользовались всевозможные благотворительные общества. Эта линия сохранялась на протяжении всего рассматриваемого периода, несмотря на смену политических курсов правительства. Так, в 1861 г. пермский губернатор А. Г. Лашкарев положительно отозвался на просьбу пермских дам о создании Общества частной благотворительности. В следующем году при его содействии было создано Пермское дамское попечительство о бедных [473. С.34–35]. И последующие губернаторы поддерживали Пермское дамское попечительство о бедных, в котором одно время председательствовала жена губернатора Анна Федоровна Струве. При ее активном участии было заложено «Убежище детей бедных» [473. С.37].

Губернаторы не только формально покровительствовали Пермскому дамскому попечительству о бедных, имея звание почетных членов общества, но и реальными мерами содействовали развитию благотворительности. Так, губернатору А. А. Енакиеву в 1879 г. на нужды попечительства удалось собрать по подписке на Ирбитской ярмарке 1000 руб. 19 октября 1881 г. по его ходатайству попечительство было принято под высочайшее покровительство императрицы [473. С.44–45].

Политика местной власти по отношению к общественным организациям непосредственно зависела от личности губернатора, его мировоззрения и характерологических качеств. Яркий пример – личность губернатора тайного советника В. В. Лукошкова, при котором деятельность благотворительных обществ в Перми достигла своего расцвета. Он продолжил начинания своего предшественника в деле поощрения и финансирования благотворительности, например, лично ходатайствовал о сборе средств для слепых, о чем вел переписку с императорским Советом попечительства о слепых [473. С.49–50]. Губернатор В. В. Лукошков был председателем и попечителем целого ряда

благотворительных учреждений и обществ Пермской губернии, например, Пермского губернского попечительства детских приютов, председателем совета Пермского отделения Мариинского попечительства о слепых, почетным попечителем комитета Пермского дамского попечительства о бедных, председателем Пермского местного управления Российского общества Красного Креста, почетным попечителем Екатеринбургского благотворительного общества. На основании устава Общества вспомоществования недостаточным ученикам Алексеевского Екатеринбургского реального училища губернатор являлся также почетным членом и этого общества. Кроме того, он являлся председателем Пермского окружного правления Общества спасания на водах [474. С.55–57, 475. С.7, 476. С.2].

Губернатор Д. Г. Арсеньев также поощрял развитие благотворительности, в частности, инициативы Общества попечения о бедных и больных детях. Он издал циркуляр об увеличении выпуска потребительских книжек этого общества, которые давали право на скидку при приобретении товара в тех магазинах, с которыми оно устанавливало определенные соглашения и пополняло таким образом средства. Не зря Арсеньев пользовался широкой популярностью и симпатиями общества. Современники отмечали также отсутствие в его методах управления и в обращении с людьми приемов бюрократизма и замашек гоголевского «держиморды» [473, 477. С.118].

Традиция содействия развитию благотворительности и членства губернатора в качестве почетного попечительства в Пермском дамском попечительстве о бедных сохранялась и в начале XX в. В 1913 г. эту должность занимал И. Ф. Кошко, а председательствовала в обществе его жена М. С. Кошко. И. Ф. Кошко был в списке почетных и пожизненных членов Пермского городского попечительства о бедных [478. С.22–23, 27, 479. С.38].

К слову сказать в том же 1913 г. И. Ф. Кошко был председателем Пермского окружного правления Императорского русского общества спасания на водах, являлся покровителем Пермского епархиального братства во имя святителя Стефана, епископа Пермского и святых его преемников – Герасима, Питирима и Ионы, а также – президентом Пермского общества поощрения рысистого коннозаводства [478. С.22–23, 27].

К заслугам губернатора П. Г. Погодина относится содействие работе Пермского попечительства о народной трезвости. Это направление общественной деятельности также соответствовало государственной политике (подготовки «реформы питейного дела» – установления государственной винной монополии), а соответственно поощрялось правительством. В 1895 г. губернатор писал директору департамента неокладных сборов: «Изыскивая средства к достижению поставленной Попечительству о народной трезвости

задачи, я прихожу к заключению, что одним из средств к отвлечению народа от пьянства могло бы служить устройство по возможности повсеместно хороших хоров, которые пели бы в церкви в воскресенье и праздничные дни и от времени до времени давали бы духовные и светские концерты». Обязанности руководителя по устройству хоров в пермской губернии взял на себя популярный в Перми оперный певец А. Д. Городцов. 7 марта 1895 г. было создано управление комитета Пермского попечительства о народной трезвости, председателем которого стал П. Г. Погодин. К 1896 г. в городах Пермской губернии были созданы общества народной трезвости [473. С.52–53].

В начале XX в. музыкально-просветительскую деятельность осуществляли открывшиеся отделения Императорского Русского музыкального общества (ИРМО) в Перми (в 1908 г.) и в Екатеринбурге (в 1912 г.). Благодаря этим обществам в Перми и Екатеринбурге были созданы условия для организации разнообразных концертных сезонов, объединения любительских и профессиональных музыкальных сил, развития профессионального музыкального образования (при обществах функционировали музыкальные классы). На начало XX в. приходится просветительская деятельность известного уральского музыканта А. Д. Городцова. Он занимался организацией хоров, формированием музыкально-педагогических библиотек, выписывал музыкальные инструменты. В 1907 г. он стал председателем Пермского певческого общества, а в следующем году – председателем Пермского филармонического общества [480. С.20, 481. С.136–137]. Можно видеть, что и музыкальные общества пользовались покровительством власти. Неудивительно, что председателем Пермского отделения Императорского музыкального общества был губернатор В. А. Лопухин был [473. С.63].

Пермские губернаторы покровительствовали развитию научных сообществ. Так, В. В. Лукошков поддержал идею создания в Перми комиссии Уральского общества любителей естествознания. 15 ноября 1890 г. состоялось ее первое заседание. Этот день принято считать датой основания Пермского музея [473. С.50]. Кроме того, В. В. Лукошков был непрямым попечителем Пермской ученой архивной комиссии [474. С.55–57]. Работе Пермской ученой архивной комиссии содействовал губернатор Д. Г. Аресеньев, проявляя интерес к ее просветительской работе, оказывая ей финансовую поддержку. Так, в сентябре 1900 г. он издал циркуляр уездным управам с предложением о назначении ими в 1901 г. пособий ученой архивной комиссии в размере хотя бы от 100 до 200 руб. [473. С.56].

По инициативе губернатора А. В. Болотова появился Пермский губернский отдел общества «Русское зерно», учредительное собрание которого состоялось 22 октября 1909 г. Отдел ставил задачу: «...возможно широкую и разумную помощь населению, ищущему

выходов для поднятия русского земледелия, сельского хозяйства и кустарных промыслов» [473. С.60–61]. Общественность отмечала, что в тяжелую эпоху революционных потрясений А. В. Болотов успешно справлялся с трудностями. Он «будировал все слои общества, объединял, вдохновлял к работе, и мало-помалу рушилась историческая стена отчуждения между обществом и администрацией» [477. С.155].

Однако были случаи противоречивого отношения местной власти к обществам. Оно проявилось уже в 90-е гг. XIX в., когда усилилось «взаимное отчуждение общества и власти» [483. С.411]. 30 января 1894 г. открылось Пермское экономическое общество, проект которого принадлежал еще Д. Д. Смышляеву, но которое долго не разрешала администрация. Наконец, губернатор П. Г. Погодин поддержал проект создания Пермского экономического общества, призванного контролировать развитие сельского хозяйства и скотоводства, проводить соответствующие исследования, содействовать развитию кредитных крестьянских учреждений, полагая, что общество может «оказать большую услугу экономическому развитию местного края». Председателем общества был избран либеральный чиновник, председатель Казенной палаты Рейнбот. Но в дальнейшем отношение губернатора к обществу изменилось. Губернатор постановил приостановить выпуск «Трудов Пермского экономического общества». Издания научных обществ освобождались от цензуры предварительной, но могли подвергаться цензуре карательной, что и произошло с трудами Пермского экономического общества. Особо негативную оценку власти получили идеи членов общества о реформе в деле наделения крестьян землей. Деятельность общества была признана «нежелательной» [473. С.53–54, 477. С.99–100].

Росту недоверия губернской администрации к общественным организациям способствовал рост революционных настроений в уральских городах в конце XIX – начале XX в. Уральские материалы свидетельствуют, что в этих условиях были примеры противоречивого отношения губернской администрации к общественным организациям, в частности, к обществам культурно-просветительского характера. Между тем, существовала объективная потребность в таких обществах на рубеже веков, когда усиливался интерес горожан к искусству, науке и литературе. Так, подавая прошение на имя министра внутренних дел о разрешении открыть в Кунгуре Общество любителей литературы, науки и искусства, инициаторы этого дела писали о цели существования общества: «употреблении свободного от занятий времени в товарищеском кругу в смысле отдохновения от обычных трудов – приятно, в смысле утилизации этого свободного времени для развития художественного и эстетического вкуса знакомством с лучшими образцами изящной словесности, драматической литературы и музыки – с пользой». Под

этим ходатайством от 22 апреля 1904 г. подписался В. Соколовский и еще 23 человека (в том числе несколько семейных пар). В ходатайство отмечалось, что кунгурское общество давно чувствует потребность в таком кружке. К ходатайству прилагался устав, разработанный по образцу уставов подобных обществ.

Проект устава Общества любителей литературы, науки и искусства в г. Кунгуре Пермской губернии был действительно составлен вполне стандартно, в нем четко формулировались цель и задачи общества, определялся его состав, характеризовались финансовые источники и бюджетная политика, а также принципы и структура органов управления общества. Инициаторы создания общества ставили цель «служить сближению и развитию художественного вкуса любителей литературы, науки и искусства, а также дать возможность членам общества проводить свободное от занятий время приятно и с пользой». Способы достижения этой цели отличались разнообразием. Например, предполагалось устройство для членов общества литературных, литературно-драматических и музыкальных собраний, слушание и обсуждение на них сообщений, докладов и рефератов на соответствующие темы, чтение различных литературных произведений, организация спектаклей, исполнение вокальных и музыкальных пьес. Предусматривалось вхождение в состав общества лиц обоего пола, достигших семнадцатилетнего возраста. Членами общества не могли стать: учащиеся, юнкера и нижние воинские чины, состоящие на действительной военной службе, а также лица, «подвергшиеся ограничению прав по суду». В уставе отмечался «закрытый характер общества», т.е. на его собраниях разрешалось присутствовать только членам общества. Однако правление общества могло приглашать на общественные собрания лекторов, референтов, чтецов или декламаторов, а также певцов, артистов и музыкантов, не входящих в состав общества. Органами управления предполагаемого общества должны были стать общее собрание его членов и правление общества, члены которого ежегодно избирались закрытой баллотировкой на общем общественном собрании. Инициаторы создания общества надеялись, что источниками его средств станут ежегодные взносы действительных членов общества; пожертвования; доходы от устраиваемых обществом спектаклей, публичных чтений, вечеров; прибыли от сдачи в аренду помещения общества для проведения вечеров, спектаклей и иных культурных мероприятий.

24 июня 1904 г. департамент полиции информировал департамент общих дел Министерства внутренних дел, что «к утверждению проекта устава Кунгурского общества любителей литературы, науки и искусства, с соблюдением вообще правил 29 апреля 1897 г., со стороны департамента препятствий не встречается». Несмотря на отсутствие формальных препятствий для разрешения об открытии общества не было, и.д. губернатора

А. Наумов высказывался против открытия этого общества. 31 мая 1904 г. представляя министру внутренних дел ходатайство проживающих в Кунгуре М. Г. Киселева и других об учреждении Общества любителей литературы, науки и искусства и проект устава этого общества, он докладывал: «хотя почти весь состав лиц, желающих образовать названное общество не предосудительного образа мыслей, но так изменение состава общества всегда возможно, а г.Кунгур сам по себе таков, что возникновение в нем каких бы то ни было новых обществ нежелательно, то, по мнению моему, ходатайство просителей подлежало бы отклонению». Это «замечание» было принято во внимание министерством внутренних дел и проект устава Общества любителей литературы, науки и искусства в г.Кунгуре не был им утвержден.

Иногда создание обществ запрещалось на основании полицейских рапортов и мнения департамента полиции МВД. Например, в полицейском рапорте, адресованном в Пермское губернское правление 25 июля 1902 г., указывалось, что ходатайство пермяков о создании семейно-педагогического кружка в Перми следует отклонить, т.к. в составе этого кружка были «лица сомнительной политической благонадежности». В проекте Устава семейно-педагогического кружка формулировались вполне полезные цель и задачи его существования: «а) теоретическая разработка вопросов воспитания и обучения детей в семье и школе; б) практические мероприятия учебно-воспитательного характера и в) сближение семьи и школы». Члены-учредители предполагали, что кружок будет собираться периодически для чтения и обсуждения рефератов и докладов, для бесед по теории и практике воспитания и обучения детей в семье и школе. Предусматривалось устройство и организация публичных лекций по педагогике, психологии и «вообще предметам, относящимся к учебно-воспитательному делу. По замыслам инициаторов члены кружка должны были по возможности способствовать созданию школ и детских садов, кабинетов с учебными пособиями. В числе конкретных мер деятельности семейно-педагогического кружка назывались: проведение специальных занятий с детьми по разным предметам, организация игр, прогулок, экскурсий и чтений для детей. Предполагалась работа по подготовке и изданию педагогических и детских журналов и книг. В целях сближения семьи и школы члены кружка должны были бы «заботиться о привлечении возможно большего числа как родителей учащихся, так и лиц педагогического персонала в число своих членов», а также «содействовать установлению более тесных и правильных отношений между родителями и школой». Наконец, предусматривалось «возбуждение ходатайств перед подлежащими правительственными и общественными учреждениями о нуждах учебно-воспитательного дела». В списке членов-учредителей кружка значился 41 человек. Среди них были чиновники и представители

интеллигенции (учителя, врачи), представители других городских слоев. Однако департамент полиции информировал губернатора о том, что о 12 из членов-учредителей кружка имелись сведения, которые позволяли делать заключения об их «неблагонадежности в политическом отношении». Департамент полиции полагал, что образование кружка является нецелесообразным независимо от его состава, а при предполагаемом составе даже вредным. Фактически каждая из инстанций (полицейская власть или губернская администрация) имея право вето, поддерживала другую.

Именно политические мотивы чаще всего являлись поводом для закрытия общественных организаций после первой русской революции. Так, 17 февраля 1909 г. «за бесплодное политиканство» губернатором было закрыто общество приказчиков, деятельностью которого руководили социал-демократы во главе с Н. П. Патлатых и А. Трефиловым. В летописи Перми повествовалось, что дела общества были опечатаны, а вывеска с помещения снята полицией [477. С.152].

Материалы по истории городов Среднего Урала в рассматриваемое время свидетельствуют, что довольно успешным было сотрудничество общественности с городскими органами самоуправления. Показательно, что многие представители городского самоуправления являлись членами различных городских обществ. И. И. Симанов, городской голова Екатеринбурга (с 1884 г.) относился к категории «людей труда», характеризовался как человек, который «никогда не относился к делу халатно». С его именем были связано открытие Екатеринбургского Комитета по разбору и призрению нищих.

Так, городской голова Екатеринбурга с 1898 г. Г. Г. Казанцев был председателем Екатеринбургского уездного комитета попечительства о народной трезвости (с 1 января 1898 г.). Л. И. Сартаков (городской голова Кунгура с 1898 г.) являлся попечителем городской богадельни, председателем комитета по разбору и призрению нищих [484. С.142]. А. В. Синакевич, городской голова Перми (с 1893 по 1898 гг.) состоял председателем в Пермском дамском попечительстве о детях бедных и в комиссии по разбору и призрению нищих, членом комитета Общества попечения о лицах, освобождаемых из мест заключения [484. С.210].

Рассмотренный материал позволяет заключить, что несмотря на факты противостояния местной власти и общественности, в целом можно говорить о доминирующей тенденции их взаимопонимания и сотрудничества (особенно в социокультурной сфере). Широкие возможности для сотрудничества местная власть видела в частности на ниве благотворительности и общественного призрения. С большим

подозрением губернская администрация и полиция относилась к просветительским и профессиональным обществам с широким спектром целей и задач деятельности.

*Благотворительные общественные организации
как структуры гражданского общества*

Всплеск общественной активности, характерный для России в эпоху Великих реформ, способствовал развитию благотворительности. Объясняя истоки этого явления, А. Линденмейер справедливо отмечает значение «благожелательного и более либерального отношения» самодержавной власти к добровольным обществам и, особенно, к обществам благотворительной целевой направленности. «Благотворительность, – пишет она, – стала относительно доступным видом общественной деятельности – к тому же она пользовалась полной поддержкой правительства». Подчеркивая роль самих преобразований Александра II, протекционистский характер политики самодержавия по отношению к добровольным обществам, исследователь вместе с тем выделяет ряд других факторов, стимулировавших развитие благотворительного движения. В числе этих факторов были как «специфические» (например, создание в 1867 г. русского общества «Красного Креста»), так и «более широкие социальные и культурные тенденции того времени»: общественная активность Русской Православной Церкви, движение панславизма, более активное включение женщин в общественную жизнь. Наконец, одним из источников духа «самодетельности» ею называется «характерный этос» 60-х годов XIX в., «с его верой в возможность прогрессивного развития, стремлением бескорыстно служить своей стране и народу и надеждой достичь если и не полного равенства, то хотя бы заметного сближения между различными классами» [485. С.289, 290–292, 296–297]. Вопросы о причинах всплеска общественной благотворительности с учетом роли преобразований Александра II и изменений в политике правительства по отношению к добровольным общественным организациям, о наследии Великих реформ, поставленные как зарубежными, так и отечественными специалистами, актуальны для современной исторической науки. Для ответа на эти вопросы и в целях более глубокого понимания процессов, происходивших в российском обществе в пореформенный период, необходимо обратиться к истории общественной благотворительности в провинциальных городах России. Большие возможности для исследования темы дают материалы по истории общественной благотворительности в городах Среднего Урала. Процесс оживления общественной инициативы протекал неравномерно в различных городах Урала, в первую очередь, затрагивая губернские центры и более крупные города. На горнозаводском Урале традиции благотворительности формировались еще до Великих реформ. Об этом можно говорить на примере самой «горнозаводской столицы», что в значительной степени

обуславливалось спецификой общественного сознания преимущественно православного населения, а также соответствующей политикой горнозаводской власти. Задолго до официального открытия в Екатеринбурге благотворительного общества местные жители осознали необходимость «в устройстве вспомогательной кассы для облегчения участи неимущих». Инициатива в этом деле исходила от Главного Начальника Уральских заводов В. А. Глинка. При нем стали устраиваться любительские спектакли с благотворительной целью. Перед праздниками Рождества Христова и Св. Пасхи организовывались подписки добровольных пожертвований в пользу бедных. Все эти средства частично раздавались бедным, а частично отчислялись в запас. Этот запасной капитал, увеличивавшийся с каждым годом, хранился у лиц, занимавших должность Екатеринбургского Горного начальника, и при их смене передавался от одного другому.

Общественность Екатеринбурга, быстро откликаясь на веяния нового времени, оживилась в годы Великих реформ, решила ходатайствовать перед министерством внутренних дел об открытии в городе благотворительного общества. 21 января 1869 г. министром внутренних дел был утвержден устав Екатеринбургского благотворительного общества. Целью существования этого общества провозглашалось «доставление средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных в Екатеринбурге». Открытие общества состоялось 16 марта 1869 г. На основании его устава все члены общества были поделены на 3 категории: действительные, члены-сотрудники и члены-благотворители. Тогда же большинством голосов для управления делами общества был избран комитет в составе: председательницы общества, участковых попечительниц, членов комитета, секретаря и казначея. Комитет разделил Екатеринбург на 10 участков, каждым из которых заведовала особая дама-попечительница. По городским участкам распределялись также местные медики, изъявившие готовность безвозмездно оказывать помощь больным, принятым под покровительство общества. Попечительницы собрали первоначальные сведения о лицах, нуждающихся в пособиях. Благотворительное общество направило свою деятельность на поиск средств для оказания помощи нуждающимся людям и организацию благотворительности.

После открытия благотворительного общества тогдашний горный начальник Екатеринбургского горного округа М. П. Данилов передал комитету благотворительного общества весь этот капитал (четыре 5% билета Государственного банка по 1000 руб. каждый, 551 руб., находившийся в Екатеринбургской Конторе Государственного банка). Кроме того, от бывшего городского головы И. А. Рязанова в комитет поступило 280 руб. (доход от спектакля, данного в пользу бедных в 1867 г.). Таким образом, благотворительное общество имело в распоряжении капитал в размере 4831 руб. Однако

оно решило оставить до поры до времени неприкосновенным этот капитал, поставив в 1869 г. задачу соотносить расходы с поступавшими сборами [486. С.4–6].

Идею создания в Екатеринбурге благотворительного общества горячо поддержала женская часть городской общественности. Женщины входили в состав этого общества и принимали активное участие в его работе. В 1871 г. в обществе насчитывалось: 4 почетных члена (в том числе 1 дама и 3 мужчин), 37 – действительных членов (из них 16 женщин и 21 мужчина), 4 члена-сотрудника (в том числе 1 дама и 3 мужчин), а также 3 члена-благотворителя (женщины). Всего же в это время в общество входило 48 членов (21 дама и 27 мужчин). Председательницей общества являлась М. Ф. Ильина [487. С.5]. В последующие годы заметно увеличился состав Екатеринбургского благотворительного общества, в котором продолжали играть заметную роль женщины. В 1886 г. в обществе насчитывалось 94 члена (20 женщин и 74 мужчины). В 1900 г. в нем было уже 195 человек [475. С.6, 488. С.1, 489. С.207].

В пореформенный период в России женщины активно участвовали в создании и работе светских благотворительных организаций. Феномен женской благотворительности в России и Европе в исторической ретроспективе привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных современных историков. Например, Фрэнк Прочаска в своих работах по истории благотворительности в Англии в XIX в. доказывает, что работа женщин в сфере благотворительности предоставляла женщинам возможность формировать такие качества, как лидерство и предприимчивость, навыки управления, обращения с финансами, доступ к сфере социальных услуг и открывала дорогу к участию в общественно-политической жизни страны. Для женщин филантропия была формой самовыражения, возможностью оторваться от домашней рутины и добиться большего влияния в обществе. Благотворительность была тем рычагом, который женщины использовали, чтобы открыть для себя двери в другие сферы общественной жизни, получить доступ ко многим профессиям. Участие женщин в благотворительной практике не только расширяло их горизонты, но и указывало на их социальные ограничения. Это неизбежно вовлекало их в политику. Участие женщин в благотворительных обществах становилось для них школой гражданственности, они выдвигали идеи реформирования общества и ходатайствовали о предоставлении им избирательных прав. Женщины часто приводили в пример свои благотворительные пожертвования в качестве доказательства своего права голосовать и, наоборот, по их мнению, политическая власть означала возможность активной благотворительности. Движение женщин за свои права, по убеждению Фрэнка Прочаски, иллюстрирует сходство идей милосердия и политических ценностей гражданского общества [490. P.227–230, 491. P.20]. К сходным идеям приходят отечественные

специалисты, анализируя феномен частной и общественной женской благотворительности в России во второй половине XIX – начале XX в. С появлением различных благотворительных организаций в дореволюционной России женщины достаточно быстро и активно включились в их деятельность, что являлось «важнейшей формой социализации для широких масс женщин в тот переходный период, когда в общественном сознании происходила смена нормативных воззрений на роль женщины в семье и на производстве» [492. С.69].

По мнению А. Р. Соколова, социализации женщин и росту женского образования во второй половине XIX в. способствовали два фактора: во-первых, годы Крымской войны и подвиги сестер милосердия значительно изменили в русском обществе взгляд на женщину и на перспективы женского труда вне семьи и семейного хозяйства (признание и одобрение их фельдшерских и аптекарских занятий, деятельность женщин по оспопрививанию и на воспитательном поприще, что требовало иного образования); во-вторых, открытое образование было не только более приемлемо для большинства семей, но и дешевле закрытого [493. С.462–463].

По мнению А. Р. Соколова благотворительная деятельность женщин «не могла иметь никаких мотивов, кроме искреннего человеколюбия, и не давала никаких наград, кроме радости чувствовать себя человеком», спасая при этом тысячи жизней и способствуя гуманизации общества [493. С.532].

Традиционно сказывались религиозные мотивы благотворительности. Объектом помощи женских благотворительных организаций являлись «все истинно нуждающиеся» люди. В частности, Пермское дамское попечительство о бедных, состоящее под непосредственным покровительством императрицы, имело цель, согласно уставу, утвержденному 19 апреля 1962 г., «вспомоществование всем престарелым, больным, сиротам и обремененным большими семействами». Общество находилось под председательством одной из дам пермского высшего общества, но не было чисто женской организацией. В 1863 г. оно объединяло 33 женщины и 95 мужчин. Тогда в нем председательствовала супруга пермского гражданского губернатора А. В. Лашкарева. Состав и принципы управления обществом отличались демократичностью. Бюджет общества формировался главным образом за счет добровольных пожертвований, которые могли совершать не только члены общества, но и все желающие. Приходная часть бюджета общества в 1868 г. составила 4243 руб. 5 коп., а с остатком от 1867 г. – 6459 руб. 3 коп. Благотворительная организация собирала также вещи. Помощь нуждающимся оказывалась «со строгой разборчивостью» (после обследования всех участков города), практиковалась выдача денежных пособий и вещей [494. С.158–161, 495. С.7].

В отчете попечительства за 1884 г. отмечалось, что Пермское дамское попечительство о бедных содержало: «а) убежище детей бедных, б) дешевую столовую и в) дом неизлечимо-больных женщин». В убежище детей бедных в этом году содержалось в среднем 94 человека. Все дети, достигшие семилетнего возраста, обучались здесь грамотности и Закону Божию под руководством: мальчики – особого учителя и законоучителя, а девочки под руководством учительницы и законоучителя. Кроме того, мальчики обучались ремеслам: переплетному, столярному и сапожному. Девочки обучались рукоделию и приготовлению пищи. Более взрослые девочки по очереди дежурили при кухне и дешевой столовой, помогая кухаркам. Девочки сами себе шили белье и даже выполняли заказы по вязанию чулок при помощи двух вязальных машин.

В 1884 г. мальчикам удалось заработать 665 руб. 64 коп. в переплетной мастерской. Они также участвовали в двух церковных хорах, получая за это одежду от церковных старост и небольшое денежное вознаграждение. Вообще благодаря заработкам образовался особый детский капитал, который к 1 января 1885 г. достигал 1266 руб. 14 коп., проценты с которого предназначались детям. Выходящим из приюта, отличившимся усердием и «благодарностью» во время пребывания их в приюте.

Горожане откликались на нужды дамского попечительства, активно действовавшего под председательством А. Г. Семевской. Разные лица и учреждения жертвовали средства в пользу попечительства. Так, его доход в 1884 г. сформировался благодаря пожертвованиям служащих губернского правления и канцелярии губернатора, а также чиновников Пермского отделения Государственного банка (этот капитал на содержание в убежище «пансионеров» составил 2329 руб. 86 коп.); сбора средств в капитал на содержание дешевой столовой в размере 2140 руб. 85 коп.; пожертвованиям от разных других лиц в количестве 1870 руб. 20 коп.; членских взносов поступило в этом году 1085 руб.; пожертвования взамен визитов перед праздниками Св. Пасхи и нового года составили 2116 руб. 35 коп. Труд по сбору средств лежал на члене-сотруднике П. И. Семевском. Пособия от земств и Пермской городской думы, сбор с лавок, построенных г.Еремеевым, дали еще 2702 руб. 8 коп. Годовые проценты с имевшихся капиталов составили 3096 руб. 52 коп.

В рассматриваемом году все заведения попечительства разместились в общественном доме, пожертвованном ему братьями Каменскими, куда были переведены и малолетние дети из д.Горок, жившие до этого в особом доме, впоследствии проданном крестьянину Е.Н.Зуеву за 500 руб. Неизлечимо-больные и престарелые женщины в составе 10 человек и дешевая столовая размещались в особом флигеле при здании убежища [474. С.121].

Показательно, что женщины часто оказывались во главе благотворительных обществ. Так, Верхотурское общество вспоможения нуждающимся возглавляла госпожа Гисленг,

которую после переезда на постоянное жительство в Санкт-Петербург сменила М. А. Мухлынина. К. А. Баландина первоначально была действительным членом Екатеринбургского благотворительного общества и одно время его председателем (1882–1887 гг.). Известно также, что она вела активную работу в российской организации Красного Креста и постоянно отчисляла деньги на детский приют, оказывала регулярную финансовую помощь «Рязановской больнице», которая содержалась на средства коммерции советницы Анны Семеновны Рязановой. Первоначально в больнице было 15 коек, и предназначались они для неимущих граждан. В городе она пользовалась доброй славой благодаря чистоте и заботе персонала о больных [496. С.112].

Еще один яркий пример – «девятнадцатилетняя безвозмездная полезная служба» Глафиры Григорьевны Лопатковой на посту председателя Ирбитского попечительного общества о бедных. Она была избрана председателем общества общим собранием его членов 15 декабря 1891 г. и сложила с себя обязанности 10-го января 1911 г. Попечительное общество о бедных, которое открылось в Ирбите 5 июля 1866 г., успешно функционировало на протяжении всей второй половины XIX и в начале XX в., во многом благодаря таким активисткам как Г. Г. Лопаткова.

Оно было одним из первых благотворительных обществ на Урале. На примере этого общества можно рассмотреть состав, управление и направления деятельности обществ этого типа. По уставу, утвержденному Министерством внутренних дел в 1866 г., целью его деятельности являлось «возможное вспомоществование всем истинно нуждающимся, особенно престарелым больным, сиротам и обремененным большими семьями». Средства общества должны были формироваться путем добровольных пожертвований как членов общества, так и других благотворителей, а также за счет сборов с устраиваемых обществом с разрешения начальства спектаклей, концертов, базаров, что и осуществлялось на практике. Пожертвования могли совершаться деньгами, одеждой, бельем, обувью и иными вещами. Покровителем общества являлся начальник губернии, которому присваивалось звание почетного члена общества.

Численность членов общества не регламентировалась. Их выбор осуществлялся баллотировкой на общем собрании. Членами общества могли стать лица обоего пола, изъявившие желание «участвовать в достижении благотворительной цели общества постоянными пожертвованиями или личными трудами». В общество могли приниматься приходские священники, вызвавшиеся сообщать точные сведения о положении и нравственных качествах бедных в их приходах, медики, согласившиеся безвозмездно оказывать врачебную помощь нуждающимся в ней бедным, содержатели аптек, обязавшиеся отпускать, по просьбе общества, медикаменты бесплатно или по сниженным

ценам. В 1868 г. в составе Ирбитского попечительного общества о бедных насчитывалось 72 человека.

«Для большего удобства в действиях общества» Ирбит делился на два отделения, а они в случае необходимости – на кварталы. Каждым отделением или квартал должен был заведовать один из членов общества. Заведующие отделениями назывались попечителями и назначались комитетом общества, а заведующие кварталами именовались сотрудниками и должны были избираться попечителями, с согласия комитета. Попечители в своей работе опирались на сотрудников, а сотрудники избирали себе в помощники еще одного или несколько членов общества.

Общее заведование делами общества возлагалось на комитет, состоящий из председателя, попечителей и попечительниц, а также нескольких сотрудников и сотрудниц. Эти должностные лица избирались на общем собрании из числа членов общества на определенный срок, назначаемый постановлением общего собрания.

Так, 23 декабря 1868 г. члены Ирбитского попечительного общества о бедных на общем собрании единогласно избрали на один год: председателем комитета – отца протоиерея В.В.Зубкова, попечительницами – Л. П. Сабашинскую и Т. Ф. Дробинину, попечителями – Ф. А. Смородинцева и В. Г. Налимова. Очевидно, эти люди оправдали доверие членов общества, т.к. на следующий год (28 декабря) были избраны повторно на свои должности.

Попечители заботились о бедных всего отделения, будучи посредниками между сотрудниками и комитетом. В случае необходимости для решения текущих вопросов могли устраиваться собрания сотрудников под председательством попечителей. Сотрудники были подотчетны попечителям, а последние – комитету.

Комитет собирался по мере надобности, по приглашению председателя. Для заведования денежной частью комитет назначал казначея, а для «письмоводства» секретаря (оба из числа сотрудников – членов комитета). Денежные средства попечительства хранились в местном уездном казначействе. Секретарь и казначей составляли ежегодные отчеты о деятельности попечительства. Этот отчет заслушивался на общем собрании членов общества. Для проверки отчета общее собрание могло назначать особую комиссию из нескольких членов общества. Дела в общих собраниях решались простым большинством голосов, при их равенстве голос председателя оказывался решающим.

В марте 1869 г. Ирбитское попечительное общество о бедных информировало местную городскую думу о своей деятельности. Оно сообщало, что владеет домом, в котором призревались бедные. Ежемесячные денежные пособия получали от 19 до 25

человек. Помощь пищей, обувью, одеждой и ночлегом оказывалась 12-16 нуждающимся. Общество материально поддерживало представителей различных социальных слоев. Всего помощью со стороны общества довольствовались 63 человека, в том числе чиновнических жен (с 3 детьми) было 2, мещанских жен 34, мещан 3, крестьянских жен 4, 1 крестьянин и 1 отставной солдат.

Имущество общества составляли: дом, пожертвованный Шериляевым, оцениваемый в 1200 руб., лошадь, пожертвованная другим благотворителем стоимостью в 10 руб., и 3 дойные коровы, оцениваемые в 30 руб. В 1870 г. доходы общества составили 999 руб. 57 к., а вместе с остатком от прошлого года 2747 руб. 90 коп. Израсходовано было 1001 руб. 67 коп. В этом году 27 бедных получили помощь пищей, одеждой и обувью. Ежемесячными и временными пособиями деньгами воспользовались 33 человека, у многих из них были дети (всего 59 детей). Показательно, что и спустя два десятилетия, это общество продолжало успешно функционировать, решая многие социальные проблемы в городе. По данным на 1893 г. городское самоуправление Ирбита не содержало за счет городского бюджета какие-либо благотворительных учреждений, ограничиваясь выделением некоторых средств Попечительному обществу о бедных (в 1893 г. эта сумма составила 700 руб.).

При вступлении Г. Г. Лопатковой в обязанности председателя общества к 1-му января 1892 г. наличный капитал общества денежными и процентными бумагами составлял 9124 руб. 70 коп., а 10-го января 1911 г. достигал 17841 руб. 14 коп. Благодаря трудам и заботам председателя он увеличился на 8716 руб. 44 коп. И это при том, что в 1892 общий расход общества был 5640 руб. 38 коп., а в последующие годы вследствие роста цен на все продукты и оплату прислуге расход общества увеличился, например, составляя в 1910 году 8357 руб. 11 коп. Во многом благодаря энергии и труду Г. Г. Лопатковой в 1888–1901 гг. вместо ветхого полукаменного строения было возведено новое двухэтажное каменное здание богадельни. Постройка обошлась в 12001 руб. 04 коп. В 1908 г. был отремонтирован дом для помещения детского убежища. К тому же, Г. Г. Лопаткова сама являлась попечительницей церковно-приходской школы при детском убежище попечительского общества. По представлению Святейшего Синода она имела пожалованную императором 6-го мая 1903 г. «за внимательное отношение к нуждам школы» серебряную медаль для ношения на груди на Аннинской ленте. За отказом от должности председателя общества Глафиры Григорьевны Лопатковой ее преемницей на этом посту стала Е. Белавина, которая на основании постановления общего собрания попечительского общества ходатайствовала перед губернатором о представлении Г. Г.

Лопатковой к новой награде за ее девятнадцатилетнюю безвозмездную полезную службу и деятельность на пользу общества.

По данным формулярного списка вырисовывается социальный портрет Глафиры Григорьевны. Женщина 60 лет была вдовой потомственного почетного гражданина, исповедовала православие, имела домашнее образование. О ее «политической благонадежности» сообщал губернатору ирбитский уездный исправник, рапортуя, что Г. Г. Лопаткова в Ирбите «проживает безотлучно», «поведения и нравственных качеств хороших», «под судом и следствием не состояла и не состоит, и ни в чем предосудительном не замечалась». За свою общественную деятельность Г. Г. Лопаткова представлялась губернатором к золотой медали на Аннинской ленте для ношения на груди.

Средства благотворительных обществ, существовавших в уральских и других российских городах, формировались в основном от процентов с основных капиталов, пожертвований частных и общественных благотворителей, членских взносов и сборов от устраиваемых обществами спектаклей и иных культурных мероприятий. Например, доходная часть бюджета Екатеринбургского благотворительного общества формировалась из нескольких таких статей. В первый год существования общества главным источником его доходов были сборы от спектаклей, данных любителями: «Небольшим кружком лиц, одушевленных чувством христианского сострадания к нуждающимся ближним, устроены были четыре театральные представления, посредством которых выручено чистого сбора 1062 руб. 40 коп.». Общественные взносы, сделанные действительными членами общества и членами благотворителями, в 1869 г. составили 1050 руб. (со 105 человек). Пожертвования, поступившие в комитет общества от частных лиц, в этом же году в совокупности достигли 814 руб. 40 коп. Наиболее крупные суммы поступили от В. И. Асташева и А. Ф. Поклевского (по 100 руб. от каждого). Кроме того, В. И. Асташев предоставил обществу право на содержание на протяжении полугодия двух больных в лечебнице Рязановой. Остальные пожертвования поступали преимущественно от участковых попечительниц. Так, одна А. А. Федулова в 1869 г. собрала 192 руб. Другим видом пожертвований являлись вещи и продукты. Сборы по подпискам дали в целом 505 руб. 50 коп. [486. С.6].

На помощь Екатеринбургскому благотворительному обществу пришли органы местного самоуправления (так, в 1871 г. общество получило пособие от Екатеринбургского уездного земства в размере 1000 руб.). И в дальнейшем доходы общества пополнялись благодаря пожертвованиям частных лиц. Например, в 1871 г. член комитета этого общества В. В. Кривцов предоставил 5% билет местного городского банка на сумму 500

руб. В это же время от других лиц поступило 718 руб. 21 коп. Более половины этой суммы (как и в предыдущие 2 года) было выделено членом комитета общества Ф. Л. Миллер. На протяжении всего года также совершались ежедневные пожертвования вещами: съестными припасами, одеждой и материалом для пошива одежды [487. С.3].

Можно видеть, что средства общества увеличивались со временем. В 1869 г. общество начало свою деятельность с капиталом в размере 4800 руб., в конце 1870 г. оно имело уже банковыми билетами 5000 руб. и деньгами 2051 руб. 84 коп. К 1 января 1872 г. общество владело билетами: банковыми – на сумму 7600 руб. и кредитными – на сумму 1526 руб. 6 коп. [487. С.6]. Основные источники доходов общества не менялись с течением времени. Так, на страницах местной газеты «Екатеринбургская неделя» (№ 22. 10 июня 1881 г.) отмечалось, что благотворительное общество существовало в основном на пожертвования местных жителей и иногородних на Ирбитской ярмарке, на которой последние приглашались к пожертвованиям управляющим Екатеринбургской конторой государственного банка Ф. Л. Миллер. На протяжении нескольких лет Екатеринбургское земство также ежегодно вносило в кассу общества по 1000 руб., имея за это право помещать в содержащийся обществом приют бедных сирот жителей уезда. Современник обратил внимание на успешную деятельность благотворительного общества, финансовые дела которого находились «в весьма удовлетворительном положении». К тому времени общество уже имело собственный дом, в котором призревались дети, располагало капиталом в размере около 30000 руб.

Одной из форм организации благотворительности и способом пополнения средств благотворительных обществ являлось проведение лотерей и «гуляний». К проведению благотворительных лотерей прибегало Екатеринбургское благотворительное общество под руководством К. А. Баландиной. В 1884 г. она ходатайствовала перед соответствующим начальством о разрешении провести лотерею на сумму до 300 руб. для усиления средств общества на содержание убежища 100 человек обоого пола детей. В лотерее предполагалось разыграть работы воспитанниц убежища и разные вещи жертвуемые для этой цели частными благотворителями. По плану проведения лотереи предполагалось опустить в урну 500 билетов, из которых не менее 50 билетов с выигрышами. Цена каждого билета определялась в 30 коп. Все вещи, назначенные к розыгрышу, нумеровались и помещались в зале, предназначенном для устройства лотереи. Предполагался бесплатный вход в зал.

Пермское дамское попечительство о бедных также проводило розыгрыши лотерей-аллегри, доходы от которых шли в пользу пермского убежища бедных детей. В 1886 г. ходатайствуя в виду крайней недостаточности средств попечительства перед губернатором

об обращении к министру внутренних дел разрешить проведение лотереи в июне 1886 г. на 1500 руб., его председатель А. Г. Семевская отмечала, что число вещей и стоимость их вполне соответствует требованиям узаконения. Розыгрыш предполагается в летнем помещении общественного собрания. Всех билетов предполагалось 6000 (по 25 коп. каждый), а выигрышей – 442. Стоимость их оценщиками определялась в 751 руб. 90 коп. серебром. В 1886 г. дамское попечительство о бедных имело капитал 47000 руб., на проценты от которого, а также в результате поступлений от лотереи аллегри, сборов взамен визитов на Новый Год и Светлую Пасху, членских взносов и разных пожертвований содержалось пермское убежище детей бедных, которое обходится в пределах 7000 руб. в год. Подобная лотерея проводилась в предыдущий год. Губернская администрация и министерство внутренних дел очень одобряло такие благотворительные мероприятия.

Будучи почетным попечителем Пермского дамского попечительства о бедных, не оставил без внимания пермский губернатор крупное пожертвование, сделанное обществом кяхтинским 1-й гильдии купцом и золотопромышленником Михаилом Ивановичем Корзухиным в 1893 г., от себя лично, от попечительства и призреваемых обществом детей выразив в письме глубокую благодарность. М. И. Корзухин даровал обществу две иконы Казанской Божией Матери и св. Николая Чудотворца для церкви при «убежище детей бедных», иконы были «работы прекрасной», «ризы во весь образ серебряные, 84-й пробы, и художественной отделки» стоимостью 3150 руб. В «Пермских губернских ведомостях» рассказывалось: «Согласно желанию почтенного жертвователя, иконы эти ставятся им в память избавления от опасности, угрожавшей Его Императорскому высочество Наследнику Цесаревичу в Отсу, в Японии, 29 апреля 1891 г.». Помимо икон М. И. Корзухин прислал комитету общества 1000 руб.: «500 руб. на вечные времена, с тем, чтобы проценты от этого капитала употреблялись на масло для лампады перед иконами; 480 руб. на устройство киотов для икон, и остальные 20 руб. на восковые свечи в подсвечники». В газетной заметке отмечалось, что оставив Пермь еще в отроческом возрасте, Михаил Иванович «не забыл своей первой родины и не переставал интересоваться ее судьбами». Еще раньше, когда созрела мысль о постройке церкви при пермском убежище для бедных детей, Михаил Иванович первым отозвался на это доброе и святое дело, пожертвовав около 5000 руб. на ее строительство.

Традиционной формой благотворительных обществ являлась выдача пособий разным категориям нуждающихся. В отчете Екатеринбургского благотворительного общества за первый год своего существования отмечалось, что в Екатеринбурге было много «неимущих и беспомощных» людей. «Одни из них удрученные старостью, или

физическими недугами, не могли приобретать трудом средств для своего существования и нуждались в постоянном о них попечении посторонних», другие – трудившиеся, но по причине болезни или другого несчастья нуждавшиеся во временной помощи. К моменту открытия благотворительного общества в Екатеринбурге не было ни богадельни, ни другого подобного заведения для лиц первой категории. Благотворительное общество после соответствующего обследования нуждающихся лиц, неспособных по старости, увечью и неспособности к труду обеспечивать свое существование, выдавало им денежные пособия, а иногда и «жизненные припасы». Некоторым людям из-за болезни временно лишенных возможности «пропитывать себя и свои семейства» также выдавались пособия. Выдача всех пособий осуществлялась через участковых попечительниц. С марта по 31 декабря 1869 г. пособиями от благотворительного общества воспользовались 317 человек (в том числе 69 мужчин и 248 женщин), на что было израсходовано 1026 руб. 71 коп. При выдаче пособий учитывалась степень нужды, что определяло размер пособия. В рассматриваемое время пособие в размере до 1 руб. получили 133 человека, от 1 до 3 руб. – 91, от 3 до 6 руб. – 49, от 6 до 10 руб. – 22, от 10 до 15 руб. – 11, от 15 до 20 руб. – 3, от 20 до 30 руб. – 5 и более 30 руб. – 1 человек. Горожане и в частности комитет Екатеринбургского благотворительного общества осознавали, что выдача мелких денежных пособий являлась «самым несовершенным видом благотворительности», но вынужденно прибегали к этой временной форме благотворительности до открытия в городе богадельни.

Вместе с тем, на примере других форм деятельности Екатеринбургского благотворительного общества можно видеть, что благотворительность приобретала более зрелые и совершенные формы. Так, для решения проблемы «нищенствующих детей» общество открыло «детское убежище». Цель этого учреждения состояла в том, чтобы «исторгнув бедных детей из среды нищеты и порока, доставить им не только приют, пропитание и одежду, но в тоже время положить начало религиозному, нравственному и умственному их развитию». Обществу приходилось решать трудности с поиском помещения для «детского убежища». При помощи сочувствовавших делу благотворительности горожан оно справлялось с этой задачей. 8 июля 1869 г. состоялось открытие убежища, в него было принято 20 детей (12 мальчиков и 8 девочек), к концу года в нем насчитывалось 30 детей (14 мальчиков и 16 девочек), среди которых преобладали дети горных мастеровых. Сумма расходов на содержание убежища в первый год составила 895 руб. 96 коп. (в том числе на приобретение мебели, одежды, постельных принадлежностей, посуды, предметов для учебы – 322 руб. 56 коп.; на питание детей – 213 руб. 34 коп.; на аренду квартиры, отопление и освещение помещения – 95 руб. 58 коп.;

жалованье смотрительнице и прислуге – 147 руб. 33 коп.; жалованье башмачному мастеру за обучение своему ремеслу – 48 руб.).

За содержанием и воспитанием детей в убежище наблюдала председательница общества и его попечительницы, поочередно ежедневно посещавшие убежище. «Для ближайшего надзора за детьми и внутренним порядком в убежище» следила смотрительница. Дети обучались закону Божию, грамоте, ремеслу и рукоделию. Пища для детей готовилась простая, но «сытная и здоровая»: «утром в 8 часов, в скоромные дни, кружка молока и ломоть хлеба; в постные дни молоко заменялось чаем; в полдень, обед из двух блюд; в 4 часа пополудни, кусок черного хлеба с солью и в 8 часов вечера ужин тоже из двух блюд». Одежда призреваемых в убежище состояла из «холщовой рубашки, нанкового платья и тикового передника». Местные врачи вели наблюдение за здоровьем детей [486. С.8–13].

На примере работы Екатеринбургского благотворительного общества можно рассмотреть другие практиковавшиеся в рассматриваемое время благотворительные меры. С момента основания общества одной из таких мер являлась помощь в лечении бедных людей. По приглашениям участковых попечительниц местные медики «посещали больных бедного состояния (на дому. – *Авт.*) и имели о них усердное попечение». Благотворительное общество за свой счет приобретало медикаменты для лечения бедных больных (в аптеке А. Э. Вейерсберга с 30% скидкой). Больные помещались также в местные лечебные учреждения: Екатеринбургский заводской госпиталь и Рязановскую больницу. В первый год своего существования общество помогло в лечении 57 больным людям. Кроме того, общество, обратив внимание на высокую смертность детей в бедной среде из-за эпидемии оспы, организовало оспопрививание для бедных семей, летом и осень 1869 г. были привиты 55 человек [486. С.14–15].

Традиции благотворительности распространялись и на сферу образования. В 1869 г. Екатеринбургское благотворительное общество сочло возможным оказать помощь в обучении двух воспитанников местной гимназии, выделив им по 7 руб. 50 коп. на оплату за право обучения, и 12 руб. 50 коп. – на обеспечение одного из них «обмундировкой» и книгами. Кроме того, по желанию любителей, устраивавших в городе театральные представления, сбор от одного из спектаклей в размере 236 руб. 10 коп. был передан благотворительному обществу для выдачи пособий молодым людям, продолжавшим свое обучение в университетах и местной гимназии. По желанию жертвователей выбор лиц для выдачи таких пособий был возложен на комитет благотворительного общества, который, посоветовавшись с директором местной гимназии, решил выдать пособия на учебу трем человекам, окончившим гимназию и поступившим в Казанский университет. Они обещали

возвратить деньги после окончания учебы в университете. В том же году на иные нужды общество выдало ссуду двум лицам в размере 60 руб. [486. С.15–16]

Деятельность благотворительных обществ, появившихся в уральских городах в эпоху Великих реформ, характеризовалась сходством форм и методов. Первоначально она не отличалась специализацией в смысле выбора объекта и форм помощи и была направлена на облегчение материального положения семейств и частных лиц, впавших в крайнюю бедность. Так, первоначально Пермское дамское попечительство о бедных выдавало единовременные пособия бедным жителям города, пострадавшим от болезни или «от непредвидимых утрат», больным, увечным, сиротам. Пособия были небольшими. В 1862 г. попечительство имело в своем распоряжении всего 1855 руб. 10 коп. Бюджет общества со временем увеличивался. Попечительство приобретало опыт. По прошествии пяти лет оно пришло к выводу, что «благотворительность тогда только достигает истинной цели, если все средства, как бы они велики не были, будут сосредоточены на одну определенную сторону благотворительности, то есть, когда попечительство будет действовать этими средствами для удовлетворения одной какой-либо главной потребности нищеты, потому что средства попечительства, хотя увеличивались ежегодно», но все-таки были «в сущности ничтожны относительно числа нуждающихся». Выбрав милосердие к детям приоритетным началом своей деятельности, Пермское дамское попечительство о бедных большую часть своих средств стало использовать на призрение и воспитание нищих детей, открыв для них «убежище». В 1868 г., например, в нем в среднем содержалось попечительством 150 детей обоего пола. Они размещались в особом, устроенном городским обществом, доме. Попечительство заботилось не только о материальном благополучии, но и о воспитании детей, обучении их Закону Божию, грамоте, ремеслам [495. С.3–5]. В дальнейшем при убежище действовали две церковно-приходские школы (одна с ремесленными классами для мальчиков, а другая для девочек), библиотека в количестве до 1500 книг, мастерские (переплетная, столярная и сапожная – для мальчиков, швейная и чулочная – для девочек). На пожертвования разных лиц не только Пермской губернии при убежище была построена каменная церковь во имя св. равноапостольной Марии Магдалины. Она была сооружена в память спасения императорской семьи 17 октября 1888 г. при крушении поезда. Благодаря попечительству некоторые воспитанницы убежища учились в пермской женской гимназии, а мальчики – в техническом железнодорожном училище и пермской классической гимназии [474. С.121–122].

В 1880-х гг. в уральских городах продолжали появляться благотворительные общества. В 1888 г. открылось Стефановское общество вспомоществования бедным

жителям города Соликамска. Оно действовало на основании устава, утвержденного 12 февраля 1887 г. В числе его учредителей были Ф. В. Мичурин и А. В. Рязанцев, а также В. А. Рязанцев. На момент основания общество располагало небольшим капиталом в размере 2000 руб., который со временем увеличивался. Деятельность общества находила отклик в сердцах благотворителей и общественных учреждений. Она заключалась в «призрении в богадельне престарелых и больных безприютных бедных жителей города и оказании материальной помощи путем ежемесячных денежных выдач нуждающимся вдовам и сиротам», выдаче единовременных денежных пособий городским беднякам на погребение умерших членов их семейств. Средства общества формировались из процентов с основного капитала в размере 2000 руб., процентов по вечным вкладам капиталов Д. Е. Смышляева в количестве 2000 руб. и А. Г. Кашина в сумме 250 руб. в местный городской общественный банк, а также членских взносов, частных пожертвований и кружечного сбора. Содержавшаяся на средства общества богадельня помещалась в собственном здании, при ней имелись все необходимые надворные постройки и два флигеля. В 1890 г. в ней призревало 28 человек. В этом году содержание богадельни обошлось обществу в 1079 руб. 13 коп., а каждого призреваемого в 38 руб. 54 коп. [474. С.124–125].

Часто благотворительность носила семейный характер, что можно видеть на примере известных благотворителей Соликамска Василия Александровича и Александры Павловны Рязанцевых. С 1 августа 1899 г. в Соликамске действовало убежище бедных детей, открытое городским управлением на щедрое пожертвование потомственного почетного гражданина В. А. Рязанцева, имя которого было присвоено самому благотворительному учреждению. Показательно, что почетной попечительницей убежища с 23 июля 1899 г. по избранию соликамской городской думы являлась жена жертвователя Александра Павловна Рязанцева. За время одиннадцатилетнего существования убежища Рязанцева «положила много старания и забот на пользу призреваемых сирот девочек, относясь к ним с истинно материнской заботливостью». Посещая не менее двух раз в неделю убежище, А. П. Рязанцева следила за образованием «приютянок-сирот», их рукодельной работой, а главное – за воспитанием их в духе Православной Церкви. Такая заботливость о судьбах сирот не прекращалась и по выходе их из убежища, когда они начинали искать средства к жизни личным трудом. А. П. Рязанцева оказывала убежищу и материальную помощь, ежегодно расходуя из собственных средств на платье, обувь и прочие нужды воспитанниц до 300 руб. Соликамская городская дума ежегодно выражало А. П. Рязанцевой свою глубокую благодарность за ее заслуги в качестве попечительницы убежища, а в 1910 г. единогласно постановила поручить городской управе ходатайствовать о предоставлении ее к высочайшей награде. Соликамская городская управа, обращаясь к

губернатору о представлении Александры Павловны Рязанцевой к высочайшей награде за «ее многополезную деятельность в качестве почетной попечительницы убежища бедных детей в городе Соликамске», отмечала, что было бы желательно наградить А. П. Казанцеву медалью для ношения на шее.

Из послужного списка А. П. Рязанцевой следует, что она являлась потомственной почетной гражданкой 62 лет, ранее знаков отличия не имела, исповедовала православие, жалования по своей должности не получала, образование имела домашнее. Ее заслугой являлась одиннадцатилетняя деятельность в должности почетной попечительницы соликамского убежища бедных детей имени почетного потомственного гражданина В. А. Рязанцева, за все время своей работы она «относилась к призреваемым сиротам-девочкам с глубокой сердечной внимательностью, неуклонно следя за их образованием и воспитанием в духе Православной Церкви», а по выходе призреваемых девочек из приюта по мере сил заботясь об их дальнейшей судьбе.

Появление благотворительных обществ даже в малых городах Пермской губернии свидетельствует о важных социокультурных изменениях в глубокой уральской провинции. Не стал исключением и такой городок как Оса, где в 1893 г. появилось Осинское благотворительное общество, устав которого был утвержден 10 июля 1893 г. Целью его деятельности провозглашалось: «оказывать возможное вспомоществование всем нуждающимся, как из числа постоянных жителей гор. Осы, так равно и пришлым, или приезжим, находящимся по каким-либо несчастных обстоятельствам в нужде, особенно престарелым, больным, увечным, сиротам и обремененным большими семействами, выдачею денежных и материальных пособий безвозвратно или в ссуду, доставлением нуждающимся работ и занятий, оказанием медицинской помощи, доставлением сиротам средств к жизни и призрением престарелых и неизлечимо больных, устройством столовых, ночлежных приютов, рабочих домов и проч. [482. С.1].

К развитию общественной благотворительности подключились реформированные в соответствии с Городовым положением 1870 г. городские органы. По закону 1870 г. «устройство на счет города благотворительных заведений и больниц и заведование ими» входило в сферу компетенции городского общественного управления [497. С.823]. Заметным явлением в уральских городах в пореформенный период являлось нищенство, на что новые органы городского самоуправления обратили пристальное внимание. Так, Екатеринбургская городская управа в августе 1884 г. занялась решением «вопроса о прекращении нищенства» в городе. Она обратилась к местной городской думе с докладом «возможности сокращения нищенства призрением действительно бедных и беспомощных людей и возвращением к труду способных к какой-нибудь работе, но изленившихся

попрошак». Дума откликнулась на предложения управы и разрешила ей открыть спроектированный управой «Комитет по разбору и призрению нищих в г.Екатеринбурге». Губернатор одобрил эти начинания. 20 сентября 1884 г. этот комитет в составе городского головы И. И. Симанова, членов городской управы А. А. Глухих и Н. И. Тимофеева, секретаря управы Н. Т. Гуныева приступил к своим действиям.

Представители этого комитета отстаивали идею общественной благотворительности, полагая что «общественная благотворительность, по самому существу своему вполне отвечающая требованиям христианской нравственности, имеет явное преимущество перед практикуемой доселе частной, розничной, благотворительностью по своей физической и нравственной целесообразности» [498. С.1, 5]. Обращая внимание на факты злоупотребления нищенством, комитет полагал, что «частные лица-благотворители, действуя порознь, не зная о действиях друг друга и не имея ни возможности, ни охоты, ни времени, ни полномочия для расследования положения нищих, ни приводя в известность числа их, не зная о действительной их нужде, имеют дело не столько с истинными нищими, сколько с мнимыми, промысловыми нищими, умеющими лучше и скорее первых разжалобить людей достатка и выпросить у них подаяние». Комитет отмечал тенденцию к увеличению численности «мнимых нищих», «для которых нищенство служит промыслом». Он подчеркивал эффективность общественной благотворительности, при которой путем «расследования положения бедных» устраняется «вредный для общества, тяжелый и обидный для истинных нищих труд побирательства» и достигается соразмерное с нуждами бедных распределение между ними пособий так, чтобы «все бедняки равно были сыты, а праздные и здоровые люди не пользовались в ущерб несчастных, не заслуженной общественной помощью» [498. С.6].

Средства Екатеринбургского Комитета по разбору и призрению нищих формировались главным образом из средств городского бюджета (с октября 1884 г. по июнь 1885 г. из городского бюджета Комитет получил 3800 руб.) и пожертвований горожан (за этот же период сумма кружечного сбора достигла 3211 руб. 8 коп., а «по подписке и по условию мировой сделки – 2544 руб. 68 коп.). Комитет отмечал, что екатеринбуржцы сочувственно отнеслись к новому общественному институту. В результате уже к ноябрю 1884 г. «Комитет смог начать свою деятельность ссудой 380 действительно бедным лицам на сумму 550 руб. 50 коп.», организовать прием в богадельню престарелых и немощных обоего пола (с уплатой за содержание каждого по 4 или 5 руб. в зависимости от необходимости выделения средств на одежду). В октябре-ноябре 1884 г. в богадельню было принято 18 мужчин и 23 женщины. Екатеринбургский Комитет по разбору и призрению нищих ожидал дальнейшего увеличения кружечного сбора, однако, «по

новизне ли дела, требующего замены одной старой и привычной формы благотворительности новой, или вследствие неясно сознанной целесообразности этой последней формы и не ясного понимания своих задач членами общества, благотворительные средства Комитета не увеличивались, и Комитет должен был озаботиться об увеличении и другими способами, как например, частной подпиской, пожертвованиями взамен визитов (на праздники Пасхи и Рождества Христова. – *Авт.*), спектаклями и духовым концертом и перечислением сумм на устройство дешевой столовой».

В дальнейшем комитет все-таки расширил свою деятельность, открыв 4 марта 1915 г. общежитие для нищенствующих детей обоего пола, а спустя некоторое время ночлежный дом. Сказалась энергичная деятельность городского головы И. И. Симанова [498. С.7–8]. Недаром 27 марта 1894 г. на торжественном обеде, состоявшемся в честь его десятилетней службы на посту городского головы, прозвучали такие слова, адресованные Илье Ивановичу представителями городского общества: «Особое внимание Ваше было обращено постоянно на облегчение участи нуждающейся части населения. Вы озаботились учреждением в Екатеринбурге комитета по разбору и призрению нищих, упорядочившего выдачу пособий беднейшим и устранившего, по возможности, эксплуатацию дающих людьми, не заслуживающими помощи. Вы устроили ночлежный дом, в котором находят теперь приют все бездомные и пришлые, укрываясь в нем от холода и непогоды». Общественность отмечала, что И. И. Симанов совершал и личные пожертвования в бюджет Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих.

Показательно, что традиционное общественное сознание медленно адаптировалось к новациям, некоторые из екатеринбуржцев выражали «неудовольствие» самой формой благотворительности, предлагаемой Комитетом, «как будто бы стесняющей свободу благотворителей и, следовательно, препятствующую достижению тех целей, какие предполагает христианская милостыня, как добродетель». Дискуссии о наиболее оптимальных и эффективных формах и методах благотворительности были актуальны и для уральской провинции [498. С.7–8].

Екатеринбургский Комитет по разбору и призрению нищих в числе своих первоочередных задач видел не только материальную, но и духовную помощь нуждающимся детям. В изданной им брошюре говорилось: «По отношению к детям грешно перед Богом и стыдно перед своей совестью ограничивать свои отношения к ним оказанием только материальной помощи – подачей куска хлеба, который отбирается промысловым нищим и пропивается в харчевнях и кабаках. Чтобы спасти их от физической и нравственной гибели, а себя и общество от будущих преступников, нужно

оказать им не только материальную, но и духовную помощь. Самое меньшее – нужно их освободить от влияния на них взрослых порочных людей, устроивши для них особенное помещение, снабдить их всем необходимым и пищей и одеждой». Открытое комитетом общежитие для нищенствующих детей справлялось с этими функциями. В марте 1885 г. в нем насчитывалось 39 мальчиков и 18 девочек, в следующем месяце поступило еще 8 мальчиков и 7 девочек, в мае – вновь 4 мальчика и 6 девочек, а июне – еще 1 мальчик и 1 девочка. Однако это были далеко не все нуждающиеся в помощи дети. Комитет заботился о воспитании детей, на свои средства помещая их к мастерам для обучения ремеслам (в 1885 г. 4 ребенка осваивали портное дело, 4 – переплетное и 1 – плотницкое). Екатеринбургский комитет по разбору и призрению нищих сотрудничал с местным благотворительным обществом, куда в том же году устроил за плату несколько детей (6 мальчиков и 1 девочку) [498. С.8–10, 13–14].

Комитеты по разбору и призрению нищих были не редким явлением в уральских городах в пореформенный период. Этот тип организации особенно был характерен для Пермской губернии, где действовали: Екатеринбургский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Чердынский комитеты. Авторы коллективной монографии «Благотворительность на Урале» отмечают: «В целом, деятельность комитетов по разбору и призрению нищих, особенно Екатеринбургского и Пермского, интересна прежде всего, как попытка упорядочить и централизовать оказание помощи городской бедноте» [499. С.107].

Думается, что история этих организаций интересна также в контексте сравнения с мировым опытом, в частности, знакомством и использованием на практике элементов германской (Эльберфельдской) системы. Ее сторонники, учитывая ограниченность в средствах, предлагали благотворителям придерживаться строгой экономии и осмотрительности в раздаче их. Впервые система обследования нуждающегося была введена в Эльберфельде в 1852 г. Эта система в дальнейшем получила мировое применение. Она основывается на том, что любая помощь предоставляется только после предварительного обследования, для чего город делится на большое число участков, одному лицу поручается обследование одного участка. Заведующие участками собираются для совещаний по делам призрения и обмена сведениями. Важен также принцип помощи, направленной на предоставление возможности нуждающемуся самому стать на ноги. Эльберфельдская система требует привлечения многочисленных добровольцев, безвозмездно отдающихся делу общественной благотворительности. В уральских городах общественность также старалась реализовывать принцип необходимости

предварительного и тщательного обследования нуждающихся, а городская власть активно привлекала добровольцев [499].

Большую работу вел Пермский комитет по разбору и призрению нищих, который представлял собой «правительственно-благотворительное учреждение» при «обществе попечительном о тюрьмах». Его председателем являлся протоиерей Евгений Попов. Средства комитета формировались благодаря ежегодным взносам благотворителей и иных видов пожертвований. 1 июня 1886 г. в Троицын день состоялось знаменательное событие – комитетом был открыт приют в ночлежном доме для престарелых и больных нищих обоего пола. Кроме того, в этом же году Комитет выдавал денежные пособия (от 1 до 3 руб.) нищим, оставшимся в своих прежних квартирах. Этим благотворительным мерам предшествовал тщательный (с участием врача, командированного тюремным комитетом) «разбор» 125 нищих. Пермский комитет по разбору и призрению нищих *«запретил всем прошение милостыни на улицах, при церквях, по домам и в магазинах, согласно закона (т. XIV св. зак. изд. 1876 г. ст. 191 и 192) и своего постановления от 20 мая»*. По приблизительным оценкам комитета в Перми насчитывалось около 500 нищих. Комитет принимал пожертвования от горожан в разных формах (например, в «кружки от комитета», расположив их на папертях и многолюдных местах города). Комитет собирался в зале общества св. Стефана Великопермского каждую неделю по понедельникам в 6 часов вечера. Сюда могли приходить за помощью нищие и горожане, желающие внести годовые взносы или единовременные пожертвования деньгами, здесь же принимались пожертвования одеждой и бытовыми предметами. Пермское городское самоуправление содействовало местному Комитету по разбору и призрению нищих. Так, в 1890 г. из капитала, пожертвованного городу потомственным почетным гражданином А. Г. Кузнецовым, оно выделило ему 250 руб. [500. С.46–47].

Комитеты по разбору и призрению нищих на Урале чаще действовали при органах городского общественного управления. Так, в комитете по разбору и призрению нищих, открывшемся при Кунгурской городской управе, председательствовал городской голова. В состав комитета входили члены, избираемые городской думой независимо от их сословной принадлежности, трудившиеся безвозмездно. Деятельность комитета контролировалась думой. К обязанностям комитета относились типичные для таких учреждений функции: «разбор нищих и выселение из города при содействии полиции тех из них, которые не принадлежат к сословиям и постоянным жителям г.Кунгура; преследование судебным порядком тех из нищих, которые будут признаны комитетом подлежащими наказанию по 49 и 50 ст. уст. О наказ., налаг. миров. судьями; производство дознаний через своих членов о семейном и материальном положении и нравственности нищенствующих и вообще

нуждающихся в посторонней помощи из местных жителей; изыскание мер и средств к обеспечению нищих из местных жителей; в приискании работ способным к труду; помещение престарелых, увечных и безродных в благотворительные заведения, а больных в больницы; помещение малолетних сирот и детей бедных родителей в заведения, приюты или к ремесленникам для обучения ремеслам; призрение нищих на средства комитета: постоянных, временных, денежных, вещественных; в случае накопления достаточных средств, устройство общежития, ночлежного приюта и дома трудолюбия» [499]. По постановлению местной городской думы 16 мая 1902 г. комитет по разбору и призрению нищих в Кунгуре был преобразован в городское попечительство о бедных [501. С.129–133].

Органы городского самоуправления на Урале в пореформенный период сами открывали и финансировали благотворительные заведения или по возможности покровительствовали тем, которые создавались по инициативе других общественных сил и государственных структур. Так, Пермское городское общественное управление в 1887 г. выдало пособия: приюту, состоявшему в ведомстве императрицы Марии – 300 руб., ему же на содержание двух ремесленных классов – 1000 руб., местному убежищу детей бедных – 1000 руб., ночлежному приюту – 500 руб. Кроме того, накануне праздников Св. пасхи и Рождества Христова городские органы власти оказали помощь 789 человекам денежными пособиями: в размере от 1 до 10 руб. – 228 лицам, имеющим семьи, и от 20 коп. до 1 руб. – 560 одиноким людям. Сумма этих пособий в совокупности составила 1380 руб. (эти средства частично оказались в распоряжении городских властей по желанию частных благотворителей, частично сформировались от прибылей Марьинского общественного банка и процентов с капитала, завещанного городу чиновницей Пономаревой на благотворительные нужды). Благодаря совместным усилиям частных благотворителей (Федора и Григория Козьмичей Каменских, а также Александра Григорьевича Каменского) и органов городского самоуправления в Перми имелась богадельня, помещение которой могло вместить до 120 человек. В 1887 г. в среднем в ней содержалось около 110 престарелых людей обоего пола. На содержание богадельни Пермское городское управление расходовало значительные для городского бюджета средства. В 1887 г., например, сумма расходов на содержание богадельни составила 4474 руб. 69 коп. [502. С.30–31].

В конце XIX – начале XX в. в России появился ряд добровольных, самоуправляющихся общественных организаций, занимавшихся благотворительностью в сфере образования. Например, по данным на 1897 г. в России насчитывалось 596 обществ вспомоществования учащимся [503. С.35–39, 42–44]. Это было время, когда, как

подчеркивалось в одном из отчетов Общества попечения о народном образовании в г.Красноуфимске и его уезде за 1898 г., вопрос о народном образовании стал особенно актуальным, «когда везде говорили о необходимости всеобщего обучения» [504. С.1]. Методы, которыми действовали общества в целях развития народного просвещения, были разными: одни общества занимались развитием школьного образования в целом, другие направляли свою деятельность на помощь нуждающимся ученикам различных учебных заведений.

Общества, провозгласившие своей целью развитие благотворительности на ниве образования в рассматриваемое время функционировали почти во всех крупных городах Пермской губернии: например, в Перми – Общество вспомоществования бедным учащимся при каждом среднем учебном заведении; в Кунгуре – Общество попечения о начальном образовании; в Чердыни – Общество вспомоществования бедным учащимся; в Екатеринбурге – Общество вспомоществования недостаточным ученикам Екатеринбургского Алексеевского реального училища, Общество попечения о начальном образовании; в Красноуфимске – Общество попечения о начальном образовании [505. С.55–57, 506. С.403].

В 1881 г. открылось Общество вспомоществования недостаточным ученикам Екатеринбургского Алексеевского реального училища, устав которого был утвержден в 1882 г. В 1900 г. Общество входило 82 члена, а в 1909 г. – 113. Общество имело значительный капитал, составлявший в 1909 г. 11 тыс. руб. Общество снабжало учащихся пособиями, одеждой, лекарствами, вносило плату за обучение (в 1909 г. – за 52 человек, а в 1913 – за 77), выдавало пособия для выпускников, продолжающих обучение в высших учебных заведениях [506. С.403].

Общества вспомоществования учащимся могли распространять свою деятельность на одно или несколько учебных заведений (даже выходить за пределы города, охватывая весь уезд). Например, достаточно широкий круг деятельности избрало Общество вспомоществования бедным учащимся города Чердыни и его уезда. Оно было учреждено «в ознаменование чудесного избавления царской семьи от угрожавшей опасности 17 октября 1888 г. Инициатива открытия этого общества исходила от преподавателей учебных заведений Чердыни. Устав общества был утвержден 17 октября 1891 г., а 2 марта 1892 г. состоялось первое общее собрание членов общества, на котором состоялись выборы его правления. По уставу, правление общества должно было избираться в составе 7 человек: «5 выборных и 2 неперменных». Члены общества подразделялись на несколько категорий: «а) неперменных, б) почетных, в) действительных, г) благотворителей. «Неперменными» членами общества являлись: инспектор народных училищ Чердынского уезда и инспектор

городского 4-хклассного училища (они же непременные члены правления). Почетные члены избирались общим собранием из лиц, оказавших обществу особые услуги или жертвовавших в кассу общества ежегодно не менее 25 руб. К категории действительных членов относились лица, вносившие ежегодно по 3 руб. Благотворителями назывались те члены общества, которые «по мере средств и усердия» единовременно жертвовали обществу деньги и вещи.

По свидетельству современников, общество, провозгласившее своей целью помощь бедным учащимся всех училищ Чердынского уезда, пользовалось «общими симпатиями и вообще довольно скоро привилось». По уставу эта помощь должна была «оказываться выдачей книг и учебных принадлежностей, а также доставлением одежды, обуви и других способов к продолжению учения в названных училищах».

Показательно, что со временем численность членов Общества вспомоществования бедным учащимся города Чердыни и его уезда заметно увеличивалась. Если при открытии 2 марта 1892 г. в члены общества записалось 42 человека, то к концу этого же года в нем насчитывалось: 75 действительных и 2 почетных члена (в лице Чердынской городской думы и Чердынского уездного земства). К 1 января 1894 г. в обществе уже было: 89 действительных и 8 почетных членов. Правда, в 1894 г. число действительных членов общества несколько уменьшилось до 80, но увеличилось число почетных членов до 7 (в январе 1895 г. к ним прибавилось еще 3).

Сведения о появлении и деятельности Чердынского общества вспомоществования учащимся в который раз убеждает в важности личностного начала в истории. С момента основания этого общества председателем его правления состоял инспектор Чердынского городского училища Илья Иванович Попов, «благодаря энергии и трудам которого об-во так скоро встало на твердую почву». По мнению современников, успешная деятельность этого общества была «выдающимся явлением» «при бедности интеллигентными силами», при этом успехи эти приписывались главным образом трудам Попова. Подобное общество вспомоществования бедным ученикам существовало в Кунгуре. Оно открылось в 1885 г., причем по инициативе того же И. И. Попова, который был тогда учителем, инспектором Кунгурского городского училища, но в том же 1885 г. его перевели в Чердынь. Общество «еле влачило существование». В заметке, опубликованной в № 6 газеты «Екатеринбургская неделя» за 1895 г., ее автор сожалел, о том что И. И. Попов рано уехал из Кунгура (он прослужил здесь всего 1 год), и потому местное общество не процветает, в отличие от чердынского, где как раз и трудился в то время Попов.

Несколько позже аналогичные общества появились в других городах Пермской губернии. Например, с 25 марта 1897 г. приступило к работе Общество

вспомоществования нуждающимся в учебных заведениях г.Соликамска и его уезда. Оно также действовало на основании Устава, утвержденного 2 февраля 1897 г. К 1 января 1901 г. это общество состояло: из 2-х почетных членов (Соликаское уездное земство и попечителя Всеволодовильвенского училища С. Т. Морозова), 4-х пожизненных действительных (страхового агента Соликамского уезда А. Н. Алешкина, учителя Кыласовского училища В. Е. Архипова, лесного ревизора П. А. Дмитриева и Соликамского городского общества) и 67 действительных. Представляется важным проанализировать их социально-профессиональный состав. Чуть больше половины из них (36 человек) являлись служащими в разных училищах: попечителей и блюстителей училищ насчитывалось 10, законоучителей, священников и диаконов – 14, учителей и учительниц – 12. Значительным в составе общества был удельный вес чиновников, служащих в разных учреждениях: в правительственных – 9, «заводовладельческих» – 5. Членами общества являлись городские и земские деятели: соответственно 2 и 8. Наконец, удалось привлечь к участию в общественных делах купцов, мещан и других обывателей, количество которых в общем составе членов общества было все же несколько меньше по сравнению с другими категориями лиц и составляло к 1 января 1901 г. 13 человек. По месту проживания половина членов этого общества были горожанами (36 человек проживали в Соликамске), а половина проживала в Соликамском уезде (37 человек). Состав общества мог существенно меняться, так в 1900 г. он обновился почти на 1/3: в общество вступило 20 новых членов, а выбыли 19 (по причине неуплаты членских взносов) [507. С.1, 14–16].

Управление делами Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях г.Соликамска и его уезда осуществлялось правлением общества, которое состояло из 6-ти «непременных» членов и 6-ти членов «по избранию». «Непременные» члены были назначены директором народных училищ Пермской губернии 24 марта 1897 г., ими являлись: инспектор народных училищ Соликамского уезда В. К. Семченков, инспектор-учитель городского 4-хклассного училища А. Я. Яковлев, преподаватель этого же училища С. А. Богомоллов, «начальница» Соликамской женской прогимназии А. Г. Собашникова, заведующий Соликамским приходским мужским училищем В. М. Колесников и заведующий Соликамским 2-м мужским училищем И. П. Скворцов. Избранными членами правления общества состояли: председатель уездного отделения Епархиального училищного совета протоиерей о.Николай Фотиевич Поносов, городской голова Соликамска К. А. Садовский, председатель Соликамской уездной земской управы П. В. Калинин, член этой же управы К. А. Железных, лесной ревизор П. А. Дмитриев и полицейский надзиратель в Соликамске Н. В. Блинов. Своим председателем

правление избрало В. К. Семченкова, его товарищем – А. Я. Яковлева, секретарем – И. П. Скворцова, а казначеем – С. А. Богомолова.

В 1900 г. состоялось 5 заседаний правления, на которых было принято 28 постановлений. Правление наблюдало за ведением прихода-расходных книг и проверкой сумм общества; рассматривало степень нужды учащихся, о помощи которым подавались заявки, оказывая такую помощь в соответствии со средствами общества; разрабатывало меры к увеличению общественных средств [507. С.11–13].

Средства общества вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях г.Соликамска и его уезда были скромными. Так, к 1 января 1900 г. оставалось 824 руб. (в том числе неприкосновенного капитала – 700 руб. 5 коп. и расходного – 123 руб. 95 коп.). В 1900 г. поступило 679 руб. 75 коп. (членских взносов – 197 руб., пожертвований – 11 руб. и разных сборов, например, по подпискам, сборам от вокально-музыкальных и танцевальных вечеров). По сравнению с предыдущим годом в 1900 г. доходная часть бюджета общества увеличилась в 2 раза. В 1900 г. было израсходовано 447 руб. 64 коп., из них основная часть средств пошла на вспомоществование нуждающимся учащимся – 376 руб. 25 коп., остальные на разные канцелярские и делопроизводственные нужды. В итоге к 1 января 1901 г. оставалось 1056 руб. 11 коп. (в том числе неприкосновенного капитала 827 руб. 51 коп. и расходного – 228 руб. 60 коп.) [507. С.2–5].

Для сравнения рассмотрим бюджет более успешного Общества вспомоществования бедным учащимся города Чердыни и его уезда. К 1 января 1894 г. основной капитал этого общества, формировавшийся из взносов почетных членов и 5% от взносов всех остальных членов и денежных пожертвований благотворителей (неприкосновенный капитал, с которого расходовались лишь проценты), составлял 788 руб. 81 коп., а оборотный – 16 руб. 68 коп. В 1894 г. сумма членских взносов, сборов по подписным листам и прочих поступлений составила 1046 руб. 7 коп. В 1894 г. было израсходовано 342 руб. 87 коп. На пособия бедным учащимся было израсходовано 297 руб. 8 коп. (удовлетворено 117 ходатайств). К 1 января 1895 г. основной капитал общества достигал 1429 руб. 13 коп., а оборотный – 79 руб. 56 коп. «Выдающимся фактом» в жизни Общества в 1894 г. стало пожертвование 200 руб. известного благотворителя о. Иоанна Сергиева (Кронштадтского), избранного пожизненным почетным членом общества. Почетными членами общества в том же году стали: пожертвовавший обществу такую же сумму священник с. Кудымгора Соликамского уезда И. В. Шестаков и купец И. В. Юрганов.

В 1900 г. в правление Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях г.Соликамска и его уезда обращались с ходатайствами 23 училища (ведомства Министерства народного просвещения). Всего этими училищами было подано

ходатайств о помощи 155 ученикам (на что требовалось сумма в размере 405 руб. 60 коп.). Однако из них реально помощь была оказана 100 ученикам, на что общество израсходовало 317 руб. 25 коп. Сказывалась ограниченность средств общества, поэтому 29 февраля 1900 г. его правление приняло решение «в случае недостаточности расходного капитала» оказывать пособие прежде всего «тем учащимся, которые стояли ближе к окончанию курса, т.е. III, IV и V отделениям». Большая же часть из неудовлетворенных 55 ходатайств касалась учеников I и II отделений. Кроме того, на заседании 29 февраля 1900 г. правление общества постановило удовлетворить ходатайства от 15 училищ, положительно рассмотренные еще 15 декабря 1899 г., но «за недостаточностью средств» некоторые из которых остались «неудовлетворенными или удовлетворенными не в полной мере», поэтому 100 руб. было выдано на эти 15 земских училищ и 20 руб. на церковные школы. По причине ограниченности средств правление иногда выделяло пособия в размерах меньших, чем просилось в ходатайствах.

Анализируя состав 100 учеников, получивших пособия в 1900 г., можно видеть, что 24 человека обучались в учебных заведениях Соликамска (7 – в городском 4-хклассном училище, 4 – в 1-м мужском приходском, 11 – во 2-м мужском приходском и 2 – в женском одноклассном училище), а остальные в учебных заведениях, расположенных в Соликамском уезде. Пособием от общества пользовались ученики старших классов и отделений, исключение составили только 6 учеников II-го отделения 1-го и 2-го соликамских мужских училищ, которым правление сочло возможным оказать пособие «по причине крайней их бедности». Помощью общества, прежде всего пользовались дети-сироты (56 человек), а также дети, имеющие родителей, но живущие в многодетных и нуждающихся семьях, а также в тех семьях, родители которых по старости или неспособности к труду не могли нормально содержать детей. Предпочтение к тому же отдавалось детям, имеющих успехи в учебе. Пособия учащимся выдавались по следующим категориям: на стол и квартиру в совокупности было израсходовано по 23 училищам Министерства народного просвещения 137 руб. (43% от общей суммы расходов на пособия), на приобретение верхней одежды – 86 руб. 20 коп. (27 %), на приобретение обуви – при мерно столько же и на приобретение нижней одежды – 8 руб. 15 коп. (около 3%). В 1900 г. число учеников, обучавшихся в школах ведомства министерства народного просвещения и получавших пособия от общества, увеличилось по сравнению с предыдущим годом на 35 человек. В среднем на одного учащегося в 1900 г. общество расходовало 3 руб. 25 коп. (более, чем в предыдущем на 75 коп.). Следует отметить, что в 1900 г. общество оказывало пособия учащимся в учебных заведениях Духовного ведомства – 19 человекам (на сумму 59 руб.). Всего на пособия учащимся учебных

заведений разных ведомств было израсходовано в 1900 г. на 120 руб. 75 коп. больше, чем в предыдущем [507. С.6–11].

Впрочем, финансовые дела обществ вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях городов Чердыни, Соликамска и их уездов обстояли лучше по сравнению с другими обществами, например, по сравнению с Обществом вспомоществования бедным ученикам Кунгура и его уезда или с Обществом попечения о народном образовании в г.Красноуфимске и его уезде. Бюджет последнего в 1898 г. был даже с дефицитом в размере 100 руб. В отчете Общества попечения о народном образовании в г.Красноуфимске и его уезде за 1898 г. отмечалось, что «наиболее состоятельные и просвещенные классы местного общества относились слишком индифферентно к тем целям», которое поставило перед собой общество. Общество заботилось о развитии народного образования, занимаясь организацией передвижных библиотек, заботясь о городской центральной библиотеке, для которой приобретало новые издания, содействовало развитию воскресной школы. Приводились такие факты: в 1898 г. правлением общества было разослано более 60 приглашений вступить в члены общества, однако ни эти приглашения откликнулись лишь 3 человека. В 1898 г. в этом обществе насчитывалось всего 65 членов: 7 непременных, 33 действительных и 25 членов-сотрудников. Чтобы как-то увеличить общественные средства правление решило поднять подписную плату за пользование книгами из центральной библиотеки до 10 коп. в месяц за книгу в учительском отделе, оставив прежнюю плату по 5 коп. в детском отделе [504. С.1–19].

Благодаря деятельности общества и курируемых им библиотек население города и уезда активнее приобщалось к книгам. Так, в 1898 г. число городских читателей увеличилось по сравнению с предыдущим годом: в 1897 г. их было 1244 человека, а в 1898 г. – 1382. В основном это были ученики низших школ, т.к. учащиеся средних школ имели возможности пользоваться еще и книгами из библиотек своих учебных заведений. Была организована доставка книг в уезд. Большинство читателей, проживавших в Красноуфимском уезде и пользовавшихся центральной библиотекой, принадлежали к учителям или земледельцам. Учителя выписывали главным образом сочинения по педагогике, беллетристику и педагогические журналы. Крестьяне в основном выписывали издания, посвященные «элементарным сведениям» по истории, географии, естествознанию, медицине, а также сельскохозяйственные журналы. Общая годовая городская выдача книг составила 7658, а уездная – 1880. сказывалась работа энтузиастов, бескорыстно трудившихся в библиотеке: С. К. Якубович, Ф. Н. Ясельской и Н. А. Охочинской [504. С.3–5].

Несмотря на обилие благотворительных обществ в городах Среднего Урала, и в начале XX в. продолжали открываться новые общественные организации, возросла роль женщин в них. Например, благотворительными делами успешно занимался Дамский Комитет при Обществе милосердия имени Святителя Николая, которое открылось в Екатеринбурге 13 ноября 1911 г. по инициативе духовенства и интеллигенции города. Общество занималось благотворительностью в условиях голодного, неурожайного времени. В задачи Дамского Комитета входило: тщательное обследование городской бедноты, оказание посильной помощи нуждающимся, организация сбора пожертвований деньгами, вещами, одеждой и обувью. Для наилучшего обследования город был разделен на 12 участков, заведование которыми распределялось между дамами-членами комитета.

Председателем Дамского Комитета по избранию совета и дамского собрания стала А. А. Конюхова. Товарищем председателя являлась М. Ф. Камнадцкая. Членами, заведующими участками стали Л. А. Вибке, Н. А. Виноградова, К. Ф. Буткина, М. М. Дмитриева, Е. Р. Бергеман, М. А. Дягилева, М. И. Крыжановская, Е. Ф. Лукина, З. И. Марсова, Е. П. Меньшикова, А. Е. Коробова, А. С. Первушина, А. В. Старкова, Е. А. Шрамкова. В таком составе комитет работал до осени 1912 г. В конце августа А. А. Конюхова сложила с себя обязанности председателя Дамского Комитета «за многочисленностью обязанностей». На этой должности ее сменила Л. И. Рупинская, первоначально ставшая членом комитета вместо выбывшей Н. А. Виноградовой. Произошли и другие изменения в составе комитета: из его состава вышли М. И. Крыжановская и по болезни З. И. Марсова. На их место вошли новые лица. К концу 1912 г. Дамский Комитет достигал 22 человек.

В отчете Общества Милосердия за 1912 г. отмечалось, что совет общества в деле благотворительной помощи опирался «всецело на дамский Комитет, возлагая на его членов почти всю сложную дамскую работу по обследованию, оказанию помощи и изысканию средств», подчеркивалась «горячая отзывчивость и энергия, с какой Дамский Комитет вел дело благотворительности». Действительно на плечи женщин легла большая работа по одновременному обследованию бедности и благотворительной помощи неимущим. Сопоставляя число обследовательниц (13 женщин) с числом жителей города (80000 чел.), можно видеть, как трудно давалось обследование бедных. Бедные делились на 4 категории. Первое обследование привело к таким результатам: абсолютно бедных насчитывалось 89 семей; нуждающихся во временной поддержке по безработице или болезни работников – 170 семей; калек и больных, престарелых, нуждающихся в призрении – 90 человек; наконец, нищих – 130 детей и 112 взрослых.

Выполняя обследование бедных, Дамский Комитет одновременно занимался сбором пожертвований по книжкам и листам. На четвертой неделе Великого Поста в 1912 г. дамы организовали по городу специальный сбор вещами (одеждой). Дамы, разделив город на участки, объезжали улицы, заходя из дома в дом, собирали пожертвования. В итоге удалось собрать 1162 вещи, которые были розданы бедным.

Кроме того, в 26 и 27 декабря 1912 г. по разрешению пермского губернатора Дамским Комитетом была устроена лотерея с благотворительной целью в пользу детского приюта, открывавшегося Обществом Милосердия. Лотерея прошла успешно, дав чистой прибыли 1165 руб. 66 коп. Дамы собрали большую часть вещей, назначенных для розыгрыша пожертвованиями. Все участницы лотереи и особенно председатель Дамского Комитета Л. И. Рупинская проявили энергичность и усердие в деле проведения этого мероприятия.

Дамский Комитет способствовал также делу открытия убежища «для детей улицы», собирая пожертвования. Обустройство внутреннего интерьера убежища удалось в результате деятельности дамского Комитета: «Столы и стулья, железо для умывальников, посуда, хозяйственные принадлежности по кухне, все доставлялось по просьбе дам теми или другими лицами благотворителями». В итоге убежище открылось 30 декабря 1912 г. почти без всяких крупных затрат по приобретению имущества. Следует отметить еще один интересный факт, связанный с открытием убежища – одно крупное пожертвование (1800 руб.), поступившее через о. Дм. Пономарева от неизвестной благотворительницы. В отчете Общества Милосердия за 1912 г. ей выражалась общественная признательность: «Эти деньги пришлись, как нельзя кстати, и общество Милосердия этому пожертвованию обязано своим существованием. Не зная кого благодарить за щедрый дар, Совет через о. Дм. Пономарева низко кланяется скромной благотворительнице, отмечая ее пожертвование как помощь прямо спасительную для Общества Милосердия».

Теплую отзывчивость проявлял Дамский комитет по отношению к бедным. По полномочию Совета, оказывая им помощь деньгами, одеждой, обувью, дамы нередко со своей стороны содействовали Совету тем, что находили бедным работу, устраивали детей в приют Петрова или Крестовоздвиженское убежище, искали квартиры больным, нуждающимся в уходе. По отчетам дам, материальная помощь была оказана 835 семействам. Некоторые семьи получали единовременные пособия, другие ежемесячно. Последних насчитывалось около 120 семей. Особенно большой размах благотворительная деятельность приобрела перед праздниками Рождества и Пасхи [508. С.1–10].

Материалы Екатеринбурга начала XX в. свидетельствуют, что женщины, в частности врачи, с готовностью откликались на различные благотворительные акции. Например, на призыв Общества Милосердия о бесплатной медицинской помощи бедным отозвались

врачи Павлинова и Попова. Мысль об организации в Екатеринбурге праздника Белого Цветка (Белый цветок являлся символом борьбы с туберкулезом. – *Авт.*), а затем Екатеринбургского общества борьбы с чахоткой возникла в Екатеринбурге после успеха первого праздника Белого Цветка, устроенного по инициативе Всероссийской Лиги для борьбы с туберкулезом 20 апреля 1911 г. в Москве, Санкт-Петербурге и других крупных центрах. В Екатеринбурге инициатива в этом деле принадлежала небольшой группе местной интеллигенции в лице А. А. Конюховой, П. Е. Макаровой, П. Н. Макаровой, Е. А. Олесовой, Г. А. Олесова, В. М. Онуфриева, А. Н. Обуховой, А. Е. Обухова, Н. А. Русских, К. В. Спасской, Д. В. Хирина и Е. С. Эрлангер. Праздник Белого Цветка состоялся 21 и 22 мая 1911 г. Он прошел успешно. 55 тысяч цветов было заказано в Тихвинском женском монастыре и распродано с благотворительной целью (чистая прибыль составила 7443 руб. 13 коп., значительная часть которой пошла на лечение больных кумысом). На собрании единомышленников решено было создать Общество для борьбы с чахоткой сначала в Екатеринбурге и Екатеринбургском уезде, а затем на всем Урале и Приуралье. Для выработки устава была избрана комиссия, в которую вошли: В. М. Онуфриев, К. Ф. Копачелли, Е. Д. Павлинова, М. Ф. Камнадцкая, П. П. Кибардин, Д. В. Хирин, Б. М. Липин, Л. И. Крыжановский, Б. Я. Шнейдер, П. А. Кронеберг и С. И. Кванин. Екатеринбургское общество борьбы с чахоткой открылось 1 мая 1912 г., состоялось организационное общее собрание, было избрано правление общества. В 1912 г. в этом обществе насчитывалось 126 человек (в том числе 51 женщина). В дальнейшем общество продолжало активно функционировать. Увеличилось количество его членов (в 1913 г. в него входило 186 человек и 3 общественных структуры в лице екатеринбургского земства, городского самоуправления и общественного собрания) [509–511].

С началом Первой мировой войны появился Екатеринбургский Дамский Кружок по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции. Фактически он открылся 5 октября 1914 г. В это время в столицах и других российских городах производился сбор белья для русских воинов. По инициативе дам Екатеринбурга 19–26 октября 1914 г. была организована «неделя белья». В местных газетах были опубликованы обращения нести по названным адресам мужское белье, в том числе и поношенное, но чистое, пригодное для отправки воинам. Екатеринбургцы сочувственно отнеслись к призыву. Пожертвования бельем и разными вещами поступали и от состоятельных людей, и от малоимущих. Наряду с бельем было пожертвовано 66 золотых и серебряных вещей, разыгранных на лотереях, на вырученные деньги от которых было изготовлено белье. После «недели белья» ее организаторы сформировали постоянно действующий кружок, поставивший цель – осуществлять периодические отправки подарков в действующую армию. Подобные

кружки открывались и в других городах и «в общем могли оказать некоторую помощь». В «Очерке о деятельности Екатеринбургского Дамского Кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, за время с 5 октября 1914 года по 25 апреля 1916 года» подчеркивался еще один «моральный» аспект деятельности по отправке подарков на фронт, в результате чего устанавливалась «постоянная живая связь между всеми слоями общества и армией».

В начале 1915 г. Кружком были проведены выборы должностных лиц: его председателем стала Лидия Никифоровна Злоказова, товарищами председателя Парасковья Никифоровна Макарова и Александра Ивановна Падучева, казначеем – Мария Петровна Аничкова, а секретарем – Анна Александровна Климшина. В октябре 1914 – апреле 1916 г. в Дамском Кружке насчитывалось 64 женщины.

За этот период Дамский Кружок провел серию мероприятий, направленных на сбор средств и вещей для русских воинов, в том числе лотереи, спектакли, кружечные сборы и т.д. Всего за этот период поступило: выручки, полученной в результате различных устроенных Дамским Кружком мероприятий – 16947 руб. 36 коп., добровольных взносов членов самого Кружка – 2493 руб., денежных пожертвований от разных лиц и фирм – 7003 руб. 37 коп. (всего деньгами удалось собрать 26443 руб. 73 коп.). В рассматриваемый период на устройство спектаклей, лотерей и т.п. было израсходовано 3934 руб. 52 коп., на материал для белья воинам и припасы для подарков солдатам – 19006 руб. 69 коп., на дорогу сопровождающим подарки, на упаковку вещей и печатание объявлений – 1441 руб. 93 коп.; на противогазные повязки – 600 руб., были и другие расходы, что в совокупности составило 26102 руб. 14 коп. Помимо денежных пожертвований в кружок поступали разнообразные вещи: теплые жилеты, белье, сухари, табак и другие припасы. Оценка этих вещей не производилось, но минимальная их стоимость составляла 29700 руб. Заготовка белья осуществлялось Дамским Кружком хозяйственным способом. Покупаемая материя кроилась специалистами в предоставленном Кружком помещении. Белье шилось как самими членами Кружка, так и приглашенными за плату швеями (оплату производили за личный счет члены Кружка) или швеями, согласившимися участвовать в этом деле бесплатно.

Порядок отправки вещей на фронт был следующим: они отправлялись целым вагоном каждый раз в сопровождении особо уполномоченного лица, на обязанности которого лежал контроль за доставкой груза. За период с октября 1914 г. по апрель 1916 г. на западное направление, в Галицию, на Кавказский фронт, было всего отправлено семь вагонов шестью партиями. Главным образом посылались белье, например, кальсон было отправлено 7322, портянок – 5654, полотенец и простынь – 2289, рубашек – 8256, кисетов

– 10332, кренделей – 374 пуд., сапог – 628 пар. На фронт также доставлялись теплые жилеты, разные съестные припасы, сахар, чай, спички, носки. Часть подарков была приурочена к религиозным праздникам: к Пасхе (отправлялись куличи) и Рождеству [512. С.3–12, 83–84].

В более близком к Эльберфельдской системе виде благотворительность стала развиваться в России в ходе создания городских попечительств о бедных с целью сбора пожертвований, раздачи пособий нуждающимся, устройства их и постоянного наблюдения за призреваемыми. Они появились сначала в столицах: Москве и Санкт-Петербурге. Затем эту практику подхватили Одесса, Рига и другие города. К 1910 г. такие попечительства действовали в 312 российском городе (в 12 губернских и 19 уездных городах), тогда как в Москве уже к 1907 г. их насчитывалось 29 с 1194 сотрудниками. Они находились под контролем городской власти [513]. К слову сказать, к тому времени (в 1907 г.) на смену Эльберфельдской системе пришла Страсбургская система. Если для первой было характерно привлечение большого числа добровольцев для оказания помощи на дому, то для второй было характерно развитие законодательных основ и использование труда профессиональных социальных работников [514].

Пермские городские попечительства о бедных начали действовать в ноябре 1911 г. Первое общее собрание членов было созвано городским головой П. А. Рябининым. На нем был одобрен порядок деления города на участки, намеченный комитетом, которому и было поручено и открытие. В декабре 1911 г. были открыты участковые попечительства: Заимское, Никольское, Монастырское, Преображенское, Слудское, Феодосиевское, Петропавловское, Ильинское (впоследствии Ильинско-Михайловское). Первоначально они помогали бедным путем предоставления им жилья и здоровой пищи. Уже в первые месяцы работы оказалось много добровольцев заниматься благотворительность, в том числе 375 человек активных работников и 1820 человек, которые, так или иначе, откликнулись на призывы попечительств. Почетными и пожизненными членами Пермского городского попечительства о бедных являлись пермский губернатор И. Ф. Кошко, епископ Пермский и Соликамский Палладий и другие видные общественные деятели. Однако в дальнейшем интерес горожан к делам попечительств начал падать, хотя сохранился костяк активистов, в результате чего работа была налажена. Попечительства организовали бесплатные столовые для детей и немощных, бесплатные горячие завтраки для бедных учащихся начальных школ города, в приютах и богадельнях призревали свыше 300 человек взрослых и детей, расходуя на это ежегодно около 20000 руб. Частично попечительства удовлетворяли просьбы бедняков и в поиске работы, предоставляя возможность работать в сапожных, столярных и других мастерских, которые действовали

при попечительствах, а также открыв специальное «Бюро труда» с целью предоставления нуждающимся в информации о работе и о вакансиях. Попечительства предоставляли беднякам и бесплатную юридическую помощь через своих членов-адвокатов. С открытием навигации попечительства заручились поддержкой пароходных фирм и добились бесплатного или льготного проезда бедным. Общее управление делами попечительств осуществлял комитет, который возглавлял председатель, городской голова П. А. Рябинин. Комитет состоял из пяти членов, избираемых городской думой, председателей и представителей советов участковых попечительств.

Средства попечительств пополнялись за счет пожертвований, кружечного сбора, лотерей, столовой, благотворительных спектаклей и т.д. По мере расширения работы увеличивался бюджет попечительств, который в совокупности в 1912 г. составлял 32667 руб. 66 коп., а в следующем – 39323 руб. 76 коп. Несмотря на сокращение числа добровольных помощников, деятельность попечительств была успешной. На ее эффективность, однако, влияли такие факторы как ограниченность средств, влияние пригородов, где проживало значительное количество нищих, несогласованность действий других благотворительных организаций города [479. С.1–6].

Уральская общественность активно пропагандировала методы общественной благотворительности. Так, в Екатеринбурге К. М. Гавриленко в декабре 1916 г. в публичной лекции освещал формы и методы благотворительности, положенные в основу деятельности Екатеринбургского городского попечительства о бедных, руководствуясь указаниями местной городской думы. Сам он являлся председателем городского попечительства о бедных. Лектор привел самое общее определение понятию «благотворительность», под которой он понимал оказание всякого рода помощи человеку материально нуждающемуся. «Благотворительность в тесном смысле этого слова, – отмечает К. М. Гавриленко, – всегда касается **отдельного** (выделено им. – *Авт.*) человека или отдельной семьи. Ее роль всегда активна, потому что ей всегда надо **действовать** при подаче того или иного вида помощи нуждающемуся» [500. С.3, 7, 43]. Он пропагандировал идеи вдумчивой благотворительной помощи: «...благотворительность не должна ограничиваться только одним действием: этому действию должно предшествовать изучение и общих вопросов о способах оказания помощи нуждающемуся, и общих вопросов постановки дела призрения, и, наконец, тщательное ознакомление с жизнью и бытом данного бедняка и условиями впадения его в положение» [500. С.43].

Будучи сторонником Эльберфельдской системы, требующей большого числа добровольцев, современник констатировал: «Как показал опыт Западной Европы в таких добровольных сотрудниках нигде недостатка не бывает: среди населения каждого города,

каждого местечка всегда есть люди самоотверженно и безвозмездно предоставляющие свой труд и время полезному делу. Они есть и в г.Екатеринбурге, ярким доказательством чего служит живейшее участие населения в общественных организациях города, организациях, насчитывающих в своих рядах тысячи членов» [500. С.46, 47]. К. М. Гавриленко отстаивал мысль о необходимости интеграции усилий благотворительных обществ, в частности, путем учреждения регистрационного бюро, которое располагало бы всеми сведениями о лицах, которые за 3–5 лет получали или получают пособия. И все-таки он же отмечал, что и в начале XX в. в Екатеринбурге подача милостыни являлась «наиболее распространенным способом благотворения». Отдавая приоритет другим способам благотворительности, К. М. Гавриленко писал, что милостыня представляет собой самую простую форму помощи, которой иногда злоупотребляют профессиональные нищие [500. С.47–51] .

По его мнению принципы Эльберфельдской системы «особенно хороши», и принципы эти «являются в сущности ничем иным, как древним христианским общинным призрением, элементы которого очень целесообразно поставлены здесь в связь с современной гражданской общиной». Основаниями этой системы являются индивидуализация и децентрализация. Весь город поделен на округа, округа – на участки во главе с попечителями. Попечители формируют окружное собрание, на котором каждый 14 день обсуждаются вопросы о том, что нужно сделать для устранения нужды в каждом отдельном случае. Председатель округа является его представителем в городском управлении. Всеми делами города по призрению бедных занимается правление. Пособие выдается на 14 дней, дальнейшая его выдача может продляться на новый срок.

Ссылаясь на мировой опыт благотворительных организаций, который занимались как распространением теоретических знаний о благотворительности, так и практическими задачами (например, такое общество существовало в Лондоне, оно имело более 40 участковых комитетов, которые занимались обследованием нуждающихся или раздачей им пособий, общество взаимодействовало с другими 93 аналогичными общества Соединенного королевства; такие общества существовали в Дании и Швеции), К. М. Гавриленко проводил параллель с Екатеринбургом. По «Общему Положению об участковых попечительствах о бедных», по которому дума вверяла местное общественное призрение городскому попечительству о бедных. Думская комиссия разделила город на участки во главе с членами комиссии. Члены комиссии по округам провели собрания добровольцев, призвав их к оказанию помощи бедным. Так сформировались участковые попечительства из лиц обоего пола. Деятельность их в пределах своего района автономна: они сообща рассматривают все случаи проявления нужды, находят способы помощи,

осуществляют обследование бедных на местах и наблюдают за семьями, которым оказывается поддержка. При городской комиссии было создано справочное бюро о бедных [500. С.59–61].

К. М. Гавриленко считал, что «методы благотворительной работы и ее задачи будут всегда изменяться и совершенствоваться в зависимости от степени культуры и развития общества» [500. С.66]. Можно видеть, что в пореформенный период в городах Среднего Урала произошли серьезные переоценки взглядов на благотворительность, которые еще больше усовершенствовались в начале XX в. Показательно, что представления и реальная благотворительная практика эволюционировали с учетом мирового опыта и российской специфики. Как и в других городах России на Урале наблюдался всплеск общественной благотворительности. В пореформенный период в уральских городах стали открываться различные благотворительные общества. Они консолидировали деятельность городской общественности (интеллигенции, духовенства и более состоятельных представителей городского населения). Заметную роль в них играли женщины. В своей деятельности благотворительные организации постепенно эволюционировали от более универсальных форм и способов благотворительности к специализированным методам в деле социального призрения. Преобразованные по законам Александра II органы местного самоуправления (городские думы и управы, земства) также более активно подключились к решению социальных проблем в городах Урала, в ряде случаев содействуя и сотрудничая с благотворительными обществами и заведениями, а также с государственными и полугосударственными благотворительными структурами. В результате совместной деятельности городских органов самоуправления и общественных организаций удалось снизить количество нищих в городах Среднего Урала в рассматриваемое время. Создавались различные благотворительные заведения: богадельни, ночлежные дома, приюты, столовые для бедных и т.д. Показательно, что закрытое призрение (через богадельни, приюты и т.д.) в городах Среднего Урала сочеталось с открытым (выдачей пособий беднякам). Формы закрытого призрения были более традиционны для России, в отличие от стран Западной Европы (это противоречило принципам Эльберфельдской системы). Далеко не вся городская общественность разделяла эту политику, зачастую выражая недоверие к новым общественным структурам, придерживаясь традиционного способа благотворительности в виде древнего обычая милостыни, обусловленного представлениями о христианской добродетели. Однако со временем население городов Среднего Урала все больше содействовало развитию общественной благотворительности, увеличивалось число общественных институтов и благотворительных заведений, действовавших при органах городского самоуправления, а также количество

благотворительных обществ и их членов, возрастали общественные бюджеты. Деятельность общественных институтов в сфере благотворительности становилась более эффективной и плодотворной. В целом же, в процессе поиска оптимальных и эффективных форм и методов благотворительность приобретала более рациональный характер. Распространение традиций благотворительности на сферу образования было характерной чертой общественной жизни уральского города в дореволюционное время и важным элементом общественного сознания.

4.2. Становление либерализма в Германии в XIX в.

*Социальная основа германского либерализма предмартовского периода
(1815–1848 гг.)*

Всякая эпоха имеет внутреннее деление и каждая эра имеет переходное время, время когда приметы старого и нового сосуществуют. В это время взаимодействие старого и нового является наиболее интенсивным. В такие времена старые и новые паттерны не просто сосуществуют, они смешиваются и переплетаются в институтах, идеологиях, в сознании и поведении людей. Такой эпохой в Германии был предмартовский период, эра между поражением Наполеона в 1815 г. и вспышкой революции в Европе 1848 г. В политической жизни предмартовский период представлял собой кульминацию традиции бюрократического абсолютизма, который был построен в большинстве немецких государств за век или более до того. Но в то же самое время определенно просматривается начало публичной политической активности и таким образом предвосхищаются конфликты, которые впоследствии окажут влияние на формирование политической жизни Германии во второй половине XIX века. Важно, что обе эти тенденции часто переплетались в сознании тех современников, которые пытались найти теоретический синтез между бюрократическим и представительным правлением и в карьерах тех, кто старался сочетать бюрократический пост с парламентской активностью [См.: 523, 524]. Аналогичная ситуация просматривается и в экономической жизни предмартовского периода, которая определялась мелким традиционным предпринимательством, но была наполнена «зернами» экономического динамизма, которые реконструируют германское общество после 1850 г. Здесь снова, линия между традиционным и новым развитием часто была неясной: много наиболее прогрессивных предпринимателей вышли из слоя успешных ремесленников, и многие предприятия продолжали воспроизводить и традиционные, и новые позиции и поведенческие стереотипы [525–532].

В этом контексте особое значение приобретает проблема отношений между либерализмом и немецким обществом в предмартовский период. До сих пор в этом

вопросе традиционно представлены два наиболее популярных подхода. Первый из них наилучшим образом представлен комментариями Генриха фон Трейчке, что немецкий либерализм берет свое начало в теориях ученых, а не в интересах общественного класса. Большинство признанных оценок либерализма эпохи предмартовского периода, особенно тех, что написаны до 1945 г., разделяют этот акцент на теоретическом характере движений и тенденций, для того чтобы передать свое отношение к обществу начала XIX в. [533. P.15, 534. S.93]. Второй взгляд, во второй половине XX века представленный Теодором Хемироу, корректно исходит из того, что социальные корни либерализма должны браться в расчет, но делает ошибку, рассматривая либерализм как идеологическое выражение предпринимательской буржуазии [535. P.58, 536. P.9–10]. Аргументировать, что многие немецкие либералы провозглашали свою готовность покончить с доктриной экономического индивидуализма, означает опустить тот сущностный момент, что многие немецкие либералы никогда не ставили эти взгляды на первое место. То, что называется «социальным либерализмом» было скорее как минимум ревизией экономического *laissez-faire*, нежели отражением амбивалентности социально-экономических изменений, которые задавали имидж либералов в обществе. Правда, что либералы не были все идеалистическими интеллектуалами, отрезанными от обыденной реальности их социального существования, но что действительно определено – они не были выразителями интересов экономически динамичных элементов в обществе. Чтобы определить реальный политический характер этого движения, необходимо рассмотреть отношения между либералами и обществом посредством анализа социального характера движения поддержки либералов и затем определить, как влияли на эти социальные локации взгляды самих либералов на характер и направление социальных изменений.

Ряд факторов делает чрезвычайно трудным поиск координат местоположения немецкого либерализма в обществе предмартовского периода. На первое место можно поставить отсутствие национальных институтов, позволяющих выделить группу людей, чье социальное происхождение может рассматриваться как релевантное политическому движению в целом. Вместо этого в процессе исследования источников историк сталкивается с чрезвычайно диверсифицированным набором институтов, соотношение которых находится под глубоким воздействием социальных, экономических, религиозных и конституционных особенностей, исходя из их местных условий [537. S.314]. Второе, внутри этих различных институтов и традиция, и закон имели тенденцию препятствовать выражению и затем фиксации ясно очерченной политической позиции.

В большинстве среднегерманских государств, например, было запрещено формирование парламентских группировок. Сходно мыслящим людям было невозможно

сидеть вместе и координировать свои усилия в ходе парламентских дебатов. Эта тенденция запрещать политические группировки означает, что даже когда мы знаем социальный состав парламента, часто невозможно эти сведения соотнести с политической лояльностью [538]. Наконец, если сведения о политическом лидерстве фрагментарны, очевидно, что широкой политической публичности практически не существовало. В период до 1848 г. политического выбора не было.

В свете этих очевидных трудностей кажется неудивительным, что так много историков вынуждены использовать Франкфуртский парламент 1848 г. как путеводитель по социальному положению либерализма к середине XIX в. Здесь мы имеем дело с национальным институтом, демократически избранным, с готовым доступным списком депутатов и кандидатов, их относительно ясной политической ориентацией [См.: 539–541]. Более того, результаты профессионального анализа Франкфуртского парламента замечательно просты: в целом 80 % делегатов имело университетское образование; большинство этих людей были государственные служащие: представители гражданской администрации (19,7%), учителя (15,4 %), или судебские чиновники (14,9 %); остальные были адвокатами (16,3%), врачами (3,1 %), священниками (5,6 %), или писателями и журналистами (4,5 %). Менее чем 20 % депутатов имели в качестве главного занятия какие-либо формы бизнеса (9,4 %) или сельскохозяйственного производства (8,5 %) [541. P.95]. Необходимо заметить, что некоторые в списке, такие как должностные лица местного самоуправления (и, следовательно, включены в разряд гражданской администрации) имели полную занятость в другом виде, обычно в торговле и сельском хозяйстве. Во Франкфурте, однако, они были в очень малом количестве [542].

Если рассматривать 336 депутатов, связанных с каким-либо одним из либеральных клубов (Casino, Landsberg, Wurttemberger Hof, Augsburger Hof, Westendhalle, Deutscher Hof, Nurnberger Hof), вы найдете еще более простой расклад [543]. Есть также интересные замечания по парламентариям из бюрократии [544]:

- гражданские служащие 21,1 % (71)
- судебские чиновники 17,2 % (58)
- учителя 17,2 % (58)
- священники 3,9 % (13)
- юристы 15,5 % (52)
- врачи 1,9 % (7)
- журналисты, писатели, издатели 3,8 % (13)
- сельское хозяйство 5,3 % (18)
- бизнес 6,9 % (22)

Ключевая роль получивших университетское образование элит во Франкфурте отражает постоянную значимость этих групп в течение всего длительного периода формирования либерального движения в Германии. Даже в первых неясных толчках прогрессивной политической публичности, в периодике, читающих обществах и клубах конца XVIII в., ее проводниками были чиновники, учителя и другие представители образованного общества [545]. Как и во Франкфурте, чиновники были чрезвычайно важны, и с точки зрения формирования мнения в государственных институтах и как инициаторы реформаторских мер внутри своего собственного государственного аппарата [546, 547]. После 1815 г. либерально настроенные чиновники сочувствовали борьбе других групп образованного общества за политические реформы во вновь создаваемых представительных ассамблеях, особенно в среднегерманских государствах юга и юго-запада [548. S.228, 549–550]. Их склонность к оппозиции сформировалась в период с 1830 по 1840 гг. в результате их увеличивающегося осознания необходимости изменения в обществе в целом, а также и растущей неудовлетворенностью их ограниченными возможностями в собственных институтах [По неудовлетворенности работой внутри различных секторов образованного общества см.: 551–553].

Постоянная значимость образованного общества в либеральной оппозиции вытекает не только из присутствующей неудовлетворенности их собственным положением, но также и желанием больших секторов политической публичности воспринять их как лидеров. В частности, университетское образование обеспечивало престиж в обществе, и, в случае с бюрократами, преимущественное положение в государственной должностной иерархии. В равной степени важным, однако, является факт, что, по меньшей мере, до середины века в немецком обществе было несколько групп, которые так или иначе могли и желали соревноваться с выпускниками университетов в выборных органах на государственном и национальном уровнях. В обществе без политических партий или влиятельных группировок, без развитой системы коммуникаций и без развитого национального рынка, университетское образование, профессиональные связи и более всего узы государственных бюрократических институтов имели самодостаточное значение для развития надлокальных и политических связей. Этот вполне очевидный момент хорошо освещен в сочинениях современников. Как пример, путь, в котором общий образовательный опыт формировал надлокальные связи, смотри описание Густавом Фрейтагом карьеры его отца в начале века [554; По политическому значению профессиональных и школьных организаций см.: 555]. Священники и часть земельной аристократии обладали набором местных статусов и надлокальных связей, но в течении предмартовского периода только несколько представителей этих элит проявили

интерес к участию в политике. [По католическим священникам см. 556. Были, конечно, некоторые аристократы, которые участвовали в либеральном движении, напр.: 557]. Это было только в некоторых регионах, по большей части исключительно в Рейнланде, где экономическое развитие было динамичным, обеспечивалось возможностями и поддержкой предпринимателей с национальными политическими амбициями [558]. Но даже в этом относительно развитом регионе предприниматели предпочитали оставаться на уровне местной политической активности. Другим аспектом преимущества образованных элит над потенциальным соперниками был вопрос, который Макс Вебер назвал *Abkömmlichkeit*, о *способностях* человека играть политическую роль. Государственные служащие могли участвовать в парламентской жизни, только оставив свой пост, юристы могли пытаться комбинировать практику с политической активностью, журналисты могли сделать живой репортаж о событиях, в которых принимали участие [559]. Людям, ответственным за хозяйственную деятельность, было большой трудностью оставить свое собственное предприятие на сколько-нибудь длительное время. Трудно это было особенно в предмартовский период, когда структура предприятия заставляла собственника-управляющего постоянно руководить его работой. Одно только необходимо сказать ради справедливости, что предприниматели, подобно Фридриху Харкорту, подвергались большим рискам, если оставляли предприятие на попечение других [560]. Для человека, который имел какой-либо малый бизнес, политическая активность вдали от дома означала огромные трудности.

Эти принципиальные обстоятельства подсказывают, почему отчасти ошибочно рассматривать Франкфуртский парламент как зеркало либерального политического лидерства в середине века. Только те, кто мог позволить себе оставить дом на неопределенное время, могли наедаться на лидирующую роль во Франкфуртском парламенте, кроме того, другие сегменты либерального движения были связаны с политической активностью местного уровня. Не удивительно, что вследствие этого, когда мы обращаемся к институтам, где эти трудности менее релевантны, мы находим гораздо более разнообразную группу либералов и наибольшее число вовлеченных в определенные формы бизнеса и сельскохозяйственного производства. Например, Зигфрид Бютнер в работе о парламентской жизни Гессен-Дармштадта идентифицировал восемнадцать из двадцати восьми членов ландтага 1826/1827 гг. как либералов: восемь из них были местными чиновниками, но почти все остальные связаны с другой деятельностью, к тому же среди них были три землевладельца, два мануфактуриста, один розничный торговец, один нотариус, один управляющий больницей, один гражданский служащий и один сельский староста [561]. В отношении Баденского парламента мы не имеем такой ясной

корреляции между социальной позицией и политической линией, и тем ни менее, можно заметить, что в ландтаге 1831 г., который рассматривался современниками как весьма либеральный, почти 40 % членов были вовлечены в коммерцию, мануфактурное дело или сельскохозяйственное производство. Хотя образованное общество обеспечивало остальные 60 %, их преобладание здесь является еще менее примечательным, чем можно это заметить на основе опыта Франкфуртской ассамблеи. Один из первых исследователей этого вопроса А. Бауэр определил занятость каждого человека, но не его политическую принадлежность, которая очевидно в это время определялась прагматическими интересами. В ландтаге 1831 г. представлены следующие группы: двадцать один гражданский служащий, одиннадцать судебных чиновников, семь учителей и священников, тринадцать чиновников местного правительства, восемь ремесленников, два трактирщика и четыре мануфактуриста. Очень вероятно, что большинство, если не все, местные чиновники имели другую занятость, вероятно в сельскохозяйственном производстве, либо в торговле [562. В качестве примера либерального лидерства на местном уровне в Бадене см. биографию Филиппа Тибо, написанную Паулем Штемерманом: 563. Тибо вышел из семьи трактирщиков и сам состоялся в этом деле].

Наиболее важными политическими институтами для вовлеченных в экономическую предпринимательскую деятельность были органы местного управления, которые наилучшим образом соотносились с регионально укорененными паттернами их жизни. Рискованно генерализовать ситуацию в рамках институционально диверсифицированной эпохи, какой был предмартовский период, но ясно: в количественном отношении горожане, торговцы, лавочники, купцы и мануфактуристы играли лидирующую роль в распространении либеральных настроений, взглядов и организационных форм. Нельзя сказать, что образованная элита не была важна в клубах, читающих обществах и других институтах, которые свидетельствовали о начале политической публичности в Германии, но если, мы посмотрим на города, и особенно на муниципальные советы, мы находим здесь намного более гетерогенную социальную базу для либерализма, нежели клишированные временем индикаторы «образованность» и «собственность». Относительно различных элементов в локальных либеральных движениях, то они широко варьируются от одного места к другому. Во Франкфурте, например, юристы играли особенно важную роль, хотя торговцы, коммерческие служащие, и трактирщики могли также обосноваться среди либеральных лидеров. В Берлинском городском совете 1848 г. большинство было из торговли и коммерции, хотя значение совета как политического форума приумножалось рядом людей из сферы образования. И тем ни менее, в Берлине он подпитывался значимостью людей, которые

вышли не из узкого страта «образованность» и «собственность»: Генрих Коххан, например, работал в булочной своего отца, отец Генриха Рунге был торговцем древесиной. По меньшей мере до 1848 г. в городском совете Эссена также преобладали представители мелкой буржуазии. В Бармене центр либеральной поддержки был в секторах среднего сословия, которые голосовали во второй и третьей выборных группах в соответствии с прусской трехклассной системой, то есть принадлежали к средним и низшим социальным слоям. Совет в Бохуме был сформирован мелкими предпринимателями в 1840 г., в то время как в Крефельде тон задавала тесно переплетенная группа старых фамилий [564–565]. Мы не можем делать корректный вывод о типичности из того, что нам известно, это особенно опасно, когда рассматривается общество, в котором институциональное оформление запрещено, но есть несколько групп, которые продвигаются в центр национального внимания и которые, вследствие этого, могут показывать различия между национальными и местным лидирующими группами.

Некоторые разрозненные данные по базе либеральной поддержки снизу производят впечатление, что либерализм достиг лидирующего уровня влияния в узком социальном страте, которым часто историки и ограничиваются. Считается, например, что социальный профиль сторонников либерализма в Пфальце определяется по составу участников Гамбахской манифестации 1832 г.: 29 академических профессоров и 57 университетских студентов, несмотря на то, что еще 101 человек был вовлечен в разные виды предпринимательской деятельности, из них 36 были лавочниками и купцами, а 34 были записаны как простые ремесленники [572]. Ясная картина предстает по занятости тех, кто подписал петицию протеста города Бреслау в 1845 г. в рассмотрении контроверзы по поводу организации «Друзья света» [573]:

Теологи, студенты теологии, священники.....	208
Учителя и студенты.....	444
Юристы.....	142
Врачи и фармацевты.....	175
Чиновники.....	735
Офицеры.....	119
Торговцы.....	600
Крестьяне.....	400
Помещики.....	80
Мануфактуристов (включая ремесленников).....	2000

Важно, конечно, знать, сколько тех, кто поехал в Гамбах или подписал Бреславльскую петицию, могли бы назвать себя либералами. Но ясно, что они были

частью более широко укорененной и смешанной оппозиции, которую многие современники рассматривали как концентрирующуюся в либеральном движении. Один из либеральных патриархов Ганс Виктор фон Унру, верил, что к 1840 г. либерализм стал не только модным среди образованной публики, но распространился на более низкие социальные слои бюргерства. Стефан Борн соглашался, что «мелкобуржуазные средние слои путем приобретения либеральных взглядов становились гонорариями, торговцами или чиновниками» [574–576]. Эта сложность легко обнаруживается, особенно с тех пор как историки обратили внимание на факт малочисленности группы национальных лидеров и интеллектуальных ораторов. Но было бы серьезной ошибкой забывать социальную разрозненность либерального лагеря, который включал чиновников, профессоров, фабрикантов, а также и неясные личности подобно ученику фармацевта в Берлине, что одевался в свое лучшее воскресное платье, проводил свой праздный полдень, читая о политике в кафе, и чувствовал «безграничное счастье быть участником в пробуждающейся политической жизни» [577].

На основе очевидного опыта, кроме того, может показаться, что наиболее яркой характеристикой либеральной локации в немецком обществе было преобладание здесь не интеллектуалов, чиновников или экономической «буржуазии», а что движение скорее включало людей по положению в немецком обществе между земельной аристократией и неимущими слоями. Мы не должны потерять фокус внимания к диверсифицированности, что существовала среди и внутри различных групп средних слоев общества. Категория «образованных» обнимала широкую вариацию людей с различными позициями в иерархии престижа и богатства: среди образованных элит Франкфурта, например, мы можем найти преуспевающих чиновников и младших офицеров, знаменитых профессоров, и маргинальных журналистов. В прусском парламенте в Берлине этот слой был даже более широкий, здесь было большее число людей из менее престижных секторов «образованных» [578, 579]. Другим источником диверсификации среди групп, поддерживающих либерализм, была социальная, экономическая и культурная дистанция, что часто отделяла образованные элиты от вовлеченных в торговлю и коммерцию. В Баденском парламенте 1831 г., например, был торговец, который добился успеха добавлением к своему имени титула сенатора, но также были ремесленники и лавочники совсем недавнего происхождения. В то же самое время, правда, лидирующие места в городских советах занимали влиятельные финансисты, но были также трактирщики и другие, чьи корни были по существу в традиционном экономическом мире. Можно говорить с достаточно большой долей точности об относительном составе этих групп, с тех пор как начали использоваться термины-штампы, чтобы описать их фундаментальные

различия в материальном состоянии и статусе: и крупные торговцы, и лавочники часто записывались одинаково как «Kaufleute», и фабриканты и ремесленники были включены в группу называемую «Fabrikanten» [Эта терминологическая неточность является сама по себе фактом значимой исторической важности. См.: 580, 581]. И тем ни менее, из того, что мы знаем о характере социальной структуры предмартовского периода, можно осторожно предположить, что в большинстве регионов для собственников мелких предприятий, маленькой группы динамично развивающихся мануфактуристов и финансистов центр либерального движения был закрыт.

Важным представляется вопрос: каким образом социальные различия среди либералов нивелировались определенными особенностями в их институциональных позициях. К моменту, достаточному для преодоления точки гетерогенности движения, оно представляло собой общность, генерирующуюся характером исторической позиции либералов, опытом *посредничества* людей, которые, с одной стороны, были интегрированы в существующий порядок и также страстно желали получить выгоды от многообещающего, но неопределенного будущего, с другой [См.: 523. P.291, 582. S.168]. Для «образованных» ключом к этому интермедиальному положению было их отношение к государству: чиновники, учителя и даже некоторые исполнительные судебские чины были одновременно по службе зависимы от государства, но за пределами своей службы выступали как парламентарии, партийные лидеры или горожане. Среди «образованных» только несколько журналистов и писателей могли пользоваться сомнительными преимуществами автономии. Но эти люди и с ними все те, кто были политически активны в предмартовский период, должны были вступать в единоборство в центральной роли государства как освобождающей, так и тормозящей силы на пути к модерну. Даже немецкий термин для горожан «staatsbürger» указывает на эту глубоко укорененную вовлеченность государства в политический и социальный процесс [583]. Они вовлекались в предпринимательскую экономическую активность, порожденную транзитарным характером предмартовского периода, в чем-то различными, но от этого не менее властными способами: для большинства из них проблема была в том, чтобы сохранять комфорт традиционных социальных отношений, благоприятные порядки и установления, и в тоже самое время использовать возможности продвижения посредством экономического роста и развития. Как в случае с «образованными», сила эта ощущалась различными группами с разной степенью напряженности, но было только несколько наиболее динамичных и находчивых бизнесменов, которые желали полностью порвать связи с устоявшимися основами немецкой экономической жизни и стремились к тотальной

свободе и неограниченной экономической и социальной системе [584–586, 525–530, 587, 588].

Значение этого транзитного опыта, как лакмусовой бумажки социальных различий, может, вероятно, указать верное направление, если мы принимаем во внимание как эти факторы формировали взгляды либералов на природу и направление социальных изменений.

Исторические интерпретации либеральных позиций в свете будущих социальных изменений соответствуют представлениям о социальной базе либерализма. Некоторые историки, которые подчеркивают роль идеологов в движении, склонны игнорировать социальные компоненты мышления либералов, тогда как те, кто ассоциирует либерализм с развивающейся «буржуазией», представляют либеральную концепцию общества в терминах экономической свободы и триумфа индустриализма. И как следствие обе эти интерпретации искажают позицию либералов: первая, так как она значительно недооценивает степень, в какой либералы находились под влиянием их имиджа в обществе, вторая из-за того, что игнорирует различия и неопределенность в представлениях либералов в отношении социального и экономического развития.

Даже поверхностного взгляда на либерализм эпохи предмартовского периода достаточно, чтобы увидеть различие социально-экономических взглядов, что существовали в этот момент. В течение 1830 г. либеральная оппозиция в государствах подобных Бадену и Вюртембергу была глубокого разделена по вопросу, который стал главным в ходе дебатов о традиционном лидерстве Пруссии в Союзе. Для некоторых из либералов, вхождение в таможенный союз сулило увеличение процветания, в то время как другие аргументировали, что облегчение тарифных законов будет угрожать тем группам, на поддержку которых либералы рассчитывают [589–590, 548. S.242–243]. Но такие разногласия относились к либералам на юге и юго-западе: даже в относительно сплоченной группе, такой как либералы Кельна, были те, кто занимал оппозиционное положение по тарифному вопросу [591. S.338–339, 350]. Более того, в этом, как и большинстве других экономических вопросов, наибольшие различия мнений в движении никогда полностью не выражалось до 1848 г., а впоследствии они были определены огромными региональными различиями в стадии и характере экономического развития, что разделяло, нежели сближало Рейнскую провинцию Пруссии с относительно отсталыми государствами юга [592].

Различие в либеральном ранжировании по вопросам экономической политики дает более обстоятельную картину расхождений по фундаментальным вопросам социально-экономического развития. Например, наиболее озабоченные обозреватели

предмартовского периода соглашались, что рост городов был маркером этого периода. Но заметьте, как чрезвычайно различно либералы оценивали историческое значение города. По Генриху фон Гагерну «города – место интеллигенции, колыбель цивилизации, центр свободы». Теодор Велькер соглашается: «Жизнь в городах порождена высокими достижениями в коммерции, индустрии и цивилизации в целом... Человек становится сильными и цивилизованным только через тесные контакты с себе подобными людьми» [цит. по: 593. S.347, 594. S.104]. Роберт фон Мольте, однако, говорит другое, о более опасной стороне урбанистической жизни. Города, он верил, являлись важным источником социальных болезней, «особенно когда они заселены почти всецело бедными и необразованным людьми. Здесь все дурное становится психически и физически заразительным» [595. S.302]. Образ города как центра просвещения сосуществовал параллельно с образом урбанистического мира, наполненного опасностями и болезнями. Этот свежий взгляд на города был распространен в немецкой читающей публике книгой Эжена Сю «Тайны Парижа», а наиболее впечатляющим сочинением для сознания современников была новелла Гете «Страдания молодого Вертера» [596. S.17, 597].

Подобно росту городов распространялся и индустриализм, порождающий одновременно и надежду, и опасения в либеральном движении. Были, конечно, открытые сторонники индустриализма, люди, которые видели в распространении заводов основу для развития политического прогресса, материального достатка и национальной силы. Даже некоторые из этих защитников индустриального развития, однако, опасались потенциальной угрозы относительно быстрого изменения [598. P.190–192]. Другие либералы рассматривали увеличение фабричной продукции с опасением или неприязнью. Люди, подобно Сильвестру Иордану, например, рассматривали прогресс в терминах сельскохозяйственного процветания. Теодор Велькер, который восхищался городами, назвал сельское хозяйство «наиболее важным... и наиболее здоровым, счастливым и наиболее благородным занятием» [цит. по: 599. S.68, 600. S.208]. Роберт Мольте признавал необходимость индустриального развития, но доказывал, что фермеры в гораздо меньшей степени развращены, нежели фабричные рабочие. Этим Мольте наводил на тему, которая часто повторялась в предмартовский период: сельское хозяйство, особенно основанное на малом независимом хозяйстве, было необходимым источником стабильности в быстро меняющемся мире [601. S.211–212].

Различие точек зрения среди либералов на значение индустриализации подсказывает общую конфигурацию либеральных позиций в отношении социально-экономических изменений: значительное большинство поддерживало модернизацию во всех ее аспектах и проявлениях, наряду с менее диверсифицированной группой, кто

рассматривали социальное и экономическое развитие со смешанным чувством доверия и опасения.

Ту же самую конфигурацию можем наблюдать в точках зрения либералов на свободу промыслов, то есть, свободу людей открыть торговлю и начать предпринимательскую деятельность. Человек подобно Джону Принсу Смиту призывал к свободе промыслов как необходимому шагу к всецело свободному рынку, где законы спроса и предложения могут функционировать без особых распоряжений [536. P.85–91]. Многие либералы, особенно те, кто жили в регионах, где торговые ограничения упорно сохранялись, не соглашались с ним. Карл Роттек, например, высоко ценивший по достоинству преимущества свободы в теории, колебался в случае ее практического применения: «С ликвидацией гильдий начнется война всех против всех; комфортная, достойная уважения, наполненная тихими радостями жизнь, которая когда-то была дарована многим тысячам, исчезнет и богатые будут подавлять бедных и сделают их батраками на заводах» [цит. по: 602. S.52–53. См. также: 603. S.48–49, 525. S.74]. Вероятно, наиболее характерной из всех была позиция Роберта Моля: он признавал, хотя с неохотой, что гильдейские законы были анахронизмом. Он поддерживал экономическую свободу, однако, по меньшей мере, потому, что он хотел открыть дорогу людям в ряды мелких, независимых производителей. Многие из тех либералов, подобно Молю, кто защищал свободу промыслов, были не просто поборниками классического экономического имиджа свободного рынка, многие из них, на самом деле, хотели видеть контролируемую государством конкуренцию, и если возникнет необходимость, защитить мелких независимых предпринимателей от уничтожения большими фирмами [См.: 604. S.775–830. Нечто подобное см. 602. S.50].

Огромное количество либералов смотрело на потерю традиционных ограничений в экономической и социальной жизни с той же амбивалентностью: они признавали, что эти изменения дадут основания для большого и широкого процветания, но они опасались, что неограниченная конкуренция принесет выгоду немногим, наиболее экономически продвинутым, и тем самым еще более расширится уже опасная пропасть между богатыми и бедными. Это ощущение угрозы устойчиво нарастало с тех пор как симптомы социального напряжения стали сильнее проявляться в 1840 г. Здесь снова мы не должны упускать из внимания разрозненность в либеральном лагере, его диверсифицированность: одни либералы смотрели на социальное недовольство как эфемерный и транзитарный побочный продукт прогресса, другим казалось, что оно может быстро превратиться в так называемый «социальный вопрос» [605. S.49, 595, 606, 607, 608. S.111–136]. Это не означало, однако, что увеличивающееся число либеральных наблюдателей было озабочено

тем, что один из современников назвал «враждебными всем людям титаническими силами, что удерживаются дорогой ценой, но угрожают обширным переворотом» [609. P.65].

Как и ожидалось, среди либералов не было консенсуса в вопросе как сдерживать эти титанические силы. Среди многочисленных и разнообразных ответов на этот аспект кризиса мы можем указать на две доминантные темы. Первая: для большинства либералов смысл «социального вопроса» был в том, чтобы поддержать снижающиеся возможности мелких независимых предпринимателей, торговцев или крестьян. Так как положение этих групп ухудшалось, а для части из них было просто затруднительным, все увеличивающейся часть общества без всякой особой связи с существующим общественным порядком видела корень проблем в растущем давлении со стороны крупных собственников в промышленности и торговле [610, 611. S.225, 595. S.447, 451; 612. S.19–20]. Либеральная социальная реформа 40-х гг. XIX в. была посвящена тому, чтобы найти возможность преломить эту тенденцию: организации самопомощи, кредитные планы, кооперативы и образовательные общества – все они были нацелены на помощь людям, сопротивляющимся давлению превратить их в неимущую и зависимую массу.

Основная цель всех этих ассоциаций была в том, чтобы увеличить ряды занятых в предпринимательской деятельности и таким образом увеличить число тех, положение которых было бы стабильным. Так в программе одной из таких организацией говорилось: «Объединяйтесь, Вы, немецкие рабочие, подмастерья, помощники или всякий, кого вы призовете за собой, бросьте ваш жребий вместе для того, чтобы благодаря возможности вашего образования и обучения, и таким образом чтобы... пришел золотой среднего класса и начался новый золотой век» [613. S.106, 614]. Даже Роберт Моль, один из первых, кто сосредоточил свое внимание на проблеме фабричных рабочих, чувствовал, что лучшее, если не единственное решение этих трудностей было дать возможность мелким предпринимателям добиваться улучшения своего положения самостоятельно [615, 611. S.211, 292]. Этот образ социальной реформы, который упорно воспроизводился в усилиях людей, подобных Шульце-Деличу в течение 60-х годов, отражал приверженность либералов к защите мнимого ресурса стабильности в традиционном обществе из-за неурядиц, сопутствующих социально-экономической модернизации [612. P.97, 616].

Вторая периодически повторяющаяся тема в либеральном писательстве о социальных проблемах в предмартовский период – акцент на роли государства как надежного бастиона от социального беспорядка. Те, кто рассматривал свободу промыслов как средство увеличения рядов среднего класса, желали видеть государство

устанавливающим ограничения в конкуренции в свете защиты этих предпринимателей. Под давлением социальной озабоченности в годы перед 1848 г., многие либералы желали пойти дальше в передаче защитных функций государству. Фон Моль, например, который публично высказывался в защиту правового государства, осознавал, что под давлением определенных обстоятельств государство может быть принуждено урезать гражданские права: запрещать жениться или даже заставить иммигрировать с целью сокращения угрожающего воздействия перенаселения [611. S.200–201]. Подобные размышления были в головах членов либерального городского совета Берлина в 1847 г., которые считали, что свобода движения в их городе урезана с целью предотвратить его превращение в «магнит бедности» и центр волнений [617. S.38, 540. Bd.1. S.87].

Призывы в пользу вовлеченности государства в социальный прогресс были не просто продуктом предчувствия кризиса, превалирующего в 40-е гг. XIX в. Подобно либеральному акценту на сильном среднем классе, этот тезис отражал глубокую укорененность такого мыслительного габитуса как маркера их исторического опыта в предмартовский период. Взгляд на государство как необходимую защиту от социального хаоса проявляется в его наиболее систематическом и влиятельном виде в наследии Гегеля. Его защита политического примата бюрократии покоится частично на его убеждении в том, что «социально нейтральная» администрация является необходимым элементом для обеспечения стабильности в динамичном, меняющемся, но окончательно ненадежном обществе. Снова и снова этот контрбаланс стабильного Государства и потенциально хаотического Общества появляется в либеральной социальной мысли [142. S. 89–107; 143, 144]. Даже среди тех либеральных экономистов, которые привнесли британские классические либеральные взгляды в Германию мы находим подспудное нежелание освободиться от государства и тенденцию определять роль бюрократии в социально-экономической жизни как созидательную. И в сфере практической политики мы можем видеть скорее простую ориентацию на активность этих либеральных бюрократов, которые стремятся освободиться, но также управляют силами динамической социальной и экономической систем [621, 622]. Мы не должны забывать, что и те, кто хотел наложить ограничение на индустриальное развитие, подобно Роттеку, и те, кто выступал за ускоренный рост, подобно Ганзemannу, видели в государстве непременного союзника [623, 624. P.94].

Определенно можно найти в предмартовском периоде либералов, кто принимали полностью противоречивую логику экономики *laissez-faire*, но является ошибкой рассматривать этих людей как представителей движения в целом. Вероятно, скрытым центром идеологического либерализма были те, кто не был уверен в недвусмысленной

выгоде социально-экономических изменений, что заставляло их рассматривать государство как необходимого партнера в социальном прогрессе. Александр Гершенкрон доказал, что эта тенденция полагаться на государство изначально есть одной из характеристик того, что он назвал «экономической отсталостью» [625. P.5–30]. В предмартовский период много очевидно, чтобы согласиться позицией Гершенкрона. Более того, можно найти аналогии с признанием либералами экономической социальной важности государства и в других аспектах их мышления. В их надеждах на образовательные и религиозные реформы, например, либералы показали подобное нежелание положиться на автономные силы изменения и подобную тенденцию рассматривать государство как необходимого агента прогресса [626. S.174–199].

Это, конечно, не строгая корреляция между идеями либералов и их социальным миром, но мы не можем ожидать иного в таком разнообразном движении и исторической ситуации в комплексе. Кроме того, здесь налицо удивительные отношения между социальной локацией движения и либеральным имиджем в обществе. Диверсификация этих имиджей отражает гетерогенную социальную базу движения как комбинацию новых и традиционных групп общества. В среде либеральных социальных мыслителей и в движении как целом мы можем найти влиятельное меньшинство, чье значение признается без обращения к сути вопроса о теоретических и практических смыслах неограниченного индустриального общества. Но даже тогда, когда социологический центр движения оставался закрытым по отношению к группам с интермедиальной социальной и политической позицией, такой центр либеральной мысли сосредотачивался в людях, которые были амбивалентны в отношении шанса социальных изменений, людях, которые не желали видеть прогресс исключительно вне пределов традиционных центров власти и озабоченных поддержанием стабильности за счет создания сильного среднего класса. В этих их взглядах на изменения и их социальные роли, кроме того, большинство либералов предмартовского периода сталкивались с необходимостью находить путь между привлекательностью и фрустрацией традиционного общества и соблазнами и опасностями будущего.

*Германский либерализм: очерк развития от предмартовского периода до
вильгельминской эпохи*

Немецкий либерализм обнаруживает две взаимодействующие между собой особенности, которые не позволили создать в Германии прочную либеральную традицию, подобную британской или французской. Это его поздний старт в результате экономической и политической отсталости Германии и, вместе с тем, отступление перед национальным объединением. Уже в предмартовский период он распадается на

революционно-демократическое движение мелкобуржуазного характера и конституционно-легалистское направление, которое выражало интересы крупной буржуазии. Уже в это время радикально-либеральные демократы отделяли себя от «половинчатых, так называемых либералов».

Французская революция поначалу дала мощный импульс слабой антифеодальной оппозиции в Германии. В дальнейшем своем развитии, однако, она поставила ее под двойное давление: со стороны могущественных феодальных властителей в собственной стране, а также из-за деформирования революции в самой Франции, особенно при Наполеоне. Уже судьба Георга Форстера и других немецких якобинцев предвосхищает ту «трагедию либерализма», о которой говорил историк Ф. К. Сель. Превращение французской революции из освобождающего человечество действия в имперские властные устремления французской буржуазии имело существенное значение для специфически немецкого искривления либерализма. Последствия французской революции переживались в Германии в большей степени как иностранное господство, чем освобождение. В сопротивлении против наполеоновского господства слабые гражданские силы объединились с легитимистическими интересами князей. Таким образом возникла крайне противоречивая тенденция: борьба с иностранным господством означала сопротивление новому общественному порядку. Стремление к национальной независимости и объединению связывалось с интересами трона и алтаря.

В период филлелинизма двадцатых годов освободительная борьба греков против турок становится для общества компенсацией безнадежной борьбы против угнетателей в собственной стране. Благовоспитанный подданный мотивирует свое воодушевление освободительной борьбой греков защитой христианства против мусульман. В ходе Вартбургской манифестации 1817 г. студенты-корпоранты (бурши) предали огню одновременно с «Пасквилями Отечества» (литература, которую они считали антинациональной, в том числе произведения еврейских авторов) Кодекс Наполеона – самый прогрессивный свод законов своего времени. Знаменитый основатель и вождь национального движения спортивных союзов Ян соединяет жесткую критику отжившего свое партикуляризма с пламенным воодушевлением в пользу монархии, глухой немецкий национализм и полные ненависти выступления с пеной у рта против всего «чужеземного». В своей слепой ненависти к французам он желал бы видеть Германию лучше всего защищенной от иностранного влияния искусственно устроенными пустошами с дикими животными.

Чрезвычайно противоречивым бунтарем является также студент теологии Карл Людвиг Занд, который отправляется в 1819 г. из Йены в Мангейм, чтобы убить писателя

Августа фон Коцебу. Коцебу – это, так сказать, явный представитель реакции. Убийца – это, напротив, реакционный представитель бунта. Занд костюмирован в «старонемецкую одежду». Под камзолом он прячет рядом с кинжалом вырванную страницу из Нового завета. После совершенного убийства он благодарит Бога на коленях и даже пронзает себе грудь клинком. Жутко сентиментальная пьеса отчасти приводит немецкую нацию в ужас, отчасти вызывает одобрительное бурление и дает повод для Карлсбадских решений княжеской реакции.

Чуть более свежий ветер в немецкий либерализм приносит только Французская июльская революция 1830 г. Гамбахская манифестация 1832 г. свободна от крайнего немецкого национализма. Вместо этого участники возносят бесчисленные здравицы Франции. Некоторые даже ожидают освобождения только путем непосредственного вмешательства Франции.

Вера в то, что в Германии можно скопировать французскую революцию, остается трагической ошибкой демократически-революционного крыла до 1848–1849 гг. Больше не было «третьего сословия», которое могло бы обосновывать такую надежду. Наряду с массой мелкой буржуазии и крестьян выросли капиталистическая буржуазия и «четвертое сословие» – промышленный пролетариат. Буржуазия, однако, ключевой социальный слой либерального движения, только условно ищет конфликта со старыми властями. Она училась на примере Франции: «низшие классы народа как таковые не способны образовать в государстве никакой длительной политической власти, она всегда может быть только временной, как инструмент более умной партии», пишет либеральный промышленник Давид Ганземан в меморандуме прусскому королю, имея ввиду июльскую революцию 1830 г. в Париже.

Предмартовский либерализм включает в себя, таким образом, социально гетерогенные и политически сильно дифференцированные силы. Имеются совершенно различные точки зрения на то, что есть желанная цель политики – или конституционная монархия, или национальное объединение под прусским или австрийским руководством. Только в этой расплывчатости, в общей «тенденции» предмартовский либерализм приобретает вид единой антифеодальной оппозиции. Генеральный знаменатель общей либеральной ереси можно обозначить как национальный, антифеодальный и антиклерикальный.

Характерны обстоятельства, при которых происходит немецкая попытка революции 1848–1849 гг., что в форме Коммунистического манифеста уже существует программа пролетарской революции, тогда как буржуазная еще не состоялась. Гейне уже в 1842 г. обнаруживает у французской буржуазии «инстинктивный страх перед коммунизмом».

Французский буржуа догадывался, «что республика сегодня не могла больше представлять принципы девяностых годов, а была бы только формой, в которой воплощалось новое, неслыханное пролетарское господство со всеми догмами веры в общность имуществ».

При таком историческом стечении обстоятельств широкие круги немецкой буржуазии удаляются в психическую конституцию, как ее карикатурно представил демократ Людвиг Пфау в своем опубликованном в 1847 стихотворении «Хороший гражданин»: глянь, там гуляет господин Бидермайер и его супруга за руку с сыном, его шаг легок как по яйцам, его девиз бытия: ни тепло, ни холодно! Господин Бидермайер этого стихотворения – это человек, который возвышенно духовно говорит и стремится к мирскому. Он живет в прекрасном доме и пускает свои деньги в рост. Он не дружит с налогами, однако весьма почитает начальство. Если его вызывают в ратушу или в учреждение, он снимает шляпу уже на ступенях. В воскресенье он не пропускает церковную службу. Это было бы против христианского долга. Поэтому он дремлет, пока священник говорит. Он скряга. В качестве смены ему достаточно одного сына, которого он воспитывает в собственном духе и которому он однажды оставит наследство. Другая крайность – это подчеркнутая «прогрессивность образа мыслей», которой многие либералы прикрывают собственную духовную ограниченность и политическую бесперспективность. Генрих Гейне поставил ей памятник в стихотворении «Атта-тролль». Человеческие экземпляры, подобные троллю Атте встречаются вплоть до руководства радикалов. Примером является Густав Струве, наряду с Фридрихом Гекером самый известный руководитель баденской революции 1848 г. Струве – это страстный приверженец немецкого католицизма, строгого вегетарианства и псевдонауки френологии. Эти сектантские черты дополняются выраженным личным тщеславием. Соответствующими были политические представления Струве. Его общественная критика исчерпывается тем, что клеймит королевскую власть, родовое дворянство, чиновничество, постоянную армию, духовенство и господство финансовых магнатов как «шесть бичей человечества». Его идеал – превратить Германию во что-то вроде увеличенной Швейцарии с 24 кантонами. В этой «прогрессивности образа мыслей» обнаружится ограниченный мелкобуржуазный радикализм, которым 80 годами позже еще сумеет воспользоваться фашистская демагогия. Фридрих Энгельс это, кажется, почти предвидит, когда он насмехается над политическими представлениями Струве: «Если бы Германия когда-нибудь могла превратиться в такую Аркадию, то тем самым встала бы на такую ступень своего унижения, о котором до сих пор даже в свои самые позорные времена не имела понятия».

«Прогрессивность образа мыслей» превращает образ мыслей в самоцель. Из необходимой иллюзии смочь скопировать французскую революцию в Германии растет добродетель грядущего, бахвалящегося якобинства, которое страстно желает княжеской крови, как будто бы речь идет о сакральной кровавой жертве вместо перемен в обществе. Этот баденский пфальцский вербальный радикализм так же честен, в принципе, как прусский покорный патриотизм. Оба представляют ту же «идеалистическую беспочвенность, которую господин Ян привел в систему» (Гейне). Они отражают социальное безрассудство мелкобуржуазного движения в интеллектуальной области и содержат уже зародыш поражения 1848/49.

В революции 1848/49 доходит до открытого раскола между радикальным крылом, которое хочет демократической республики при включении Австрии и умеренными либералами, которые стремятся к конституционной монархии под прусским руководством.

Когда 22 февраля 1848 в Париже началась революция, ее искра в несколько дней перескочила из Франции на Германию: 29 февраля поднялись крестьяне Оденвальда и Шварцвальда. 13 марта жители Вены прогнали князя Меттерниха, ненавистную символическую фигуру старой системы. 18 марта жители Берлина пошли против королевской армии на баррикады. Старые власти казалось парализовало, ход шторма народного движения по всей линии был победоносным.

30 марта 1848 члены прежних сословных палат собрались во Франкфурте как «предпарламент». Левое крыло предпарламента требовало демократически-республиканской Германии при включении Пруссии и Австрии. Большинство высказывалось за конституционную монархию и поддерживало малонемецкое объединение под руководством Пруссии. Баденские радикальные демократы Струве и Геккер вместе с 40 другими республиканцами покинули это собрание, чтобы подготовить вооруженное народное восстание в пользу республики в Бадене.

Разрыв между «цельными» и «половинчатыми», между демократами и умеренными либералами обозначился уже в предмарте. Вследствие этого дробления либерального движения на радикальных либералов (преимущественно мелкобуржуазного происхождения) и умеренных либералов (преимущественно относящихся к крупной буржуазии) вскоре также разделились настроения личностей, которые были сначала бесспорными народными героями. Здесь нужно было бы называть, например, Itzstein, Велькер, Бассерман, Мати и Soiron. С точки зрения радикалов они мутировали теперь от народных трибунов в «либералов глотки» «мандаринов палаты» и «парадных депутатов». Выход Геккера и Струве из предпарламента стал знаком этого разрыва. Теперь бывшие боевые товарищи противостояли друг другу как противники. Самым символическим

выражением этого раскола либерального лагеря был арест журналиста Фиклера на вокзале Карлсруэ: Карл Мати вытащил Фиклера из поезда, поскольку тот хотел присоединиться к руководимому Геккером повстанческому движению в южном Бадене.

Конечно, тогда, в начале апреля 1848 г. военная проба сил была еще небезопасна. По меньшей мере в Бадене и Мангейме революционное настроение находилось еще в апогее. Поэтому Мати должен был оправдываться за арест Фиклера перед мангеймским муниципалитетом и общественным собранием на рыночной площади. Из Франкфурта поспешно прибыл Soiron, только что избранный президент комитета пятидесяти, чтобы помогать ему в этом.

20 апреля партизанские отряды Геккера потерпели сокрушительное поражение при Кандерне. В тот же самый день войска Нассау вступили в Мангейм. Однако поначалу распространилось ошибочное сообщение о победе, а не поражении Геккера. Еще 22 апреля «Мангеймская вечерняя газета» побуждала к восстанию: «Всеобщее желание, чтобы в Маннгейме был нанесен решающий удар... Констанц – республика, а Мангейм не за ним не последует?». 27 апреля нассауский отряд был усилен 1300 кургессенцами. Тогда правительство почувствовало себя достаточно сильным, чтобы провести зачистку в Мангейме. Так как Струве и Геккер были вне досягаемости, они поначалу были только исключены из адвокатской коллегии. 29 апреля демократические газетные издатели Генрих Хофф и Жан Пьер Гро были арестованы за государственную измену и вместе с другими республиканцами были отправлены в тюрьму Брухзаль. Великий герцог ввел военное положение. 1 мая в город вступили дополнительно баварские войска, так что мятежному народу противостояло примерно 8000 солдат. 11 мая великий герцог снова провозгласил военное положение. Революция очевидно истощала силы. 18 мая во Франкфурте сформировалось национальное собрание, причем депутаты умеренных либеральных направлений доминировали. Мандат беглого Геккера был обжалован и объявлен недействительным. 21 сентября Густав Струве пробовал возобновить восстание, в ходе которого он провозгласил «немецкую республику» в Леррахе. Мангейм был выбран как место временного правительства. Баденские войска однако быстро положили конец путчу Струве. Он был арестован и отправлен в Раштатт. В марте следующего года суд во Фрейбурге осудил его на 5 лет и 4 месяца тюрьмы за государственную измену.

Революция тлела тем временем дальше. Среди баденских демократов распространилось убеждение, что восстание Геккера и путч Струве были бы только вступлением. «Реакция закончила свой цикл, и снова уже очередь революции» писала радикально-демократическая «Мангеймская вечерняя газета». Оккупация Вены и расстрел Роберта Блюма могли лишь увеличивать ожесточение. Повод к начинанию представился

весной 1849 г. После длительных колебаний национальное собрание приняло, наконец, имперскую конституцию. Она была приспособлена к конституционной монархии под прусским руководством. Тем не менее, прусский король Фридрих Вильгельм IV позволил себе отшить делегацию из Франкфурта, которая покорнейшим образом хотела предложить ему немецкую императорскую корону. Когда прусская вторая палата рекомендовала принять имперскую конституцию, он незамедлительно ее распустил и отправил депутатов по домам. Реакция снова твердо сидела в седле. У нее даже не было более необходимости опираться на буржуазию.

Хотя франкфуртская конституция определенно не соответствовала республиканскому вкусу, мелкобуржуазные демократы теперь прилежно по всей Германии развернули кампанию за принятие имперской конституции. 3 мая разразилось восстание в Дрездене. Саксонский король бежал и позвал на помощь прусские войска, которые подавили восстание в кровавой уличной борьбе. Также в нескольких прусских городах доходило до беспорядков. Тем не менее, самым большим и самым продолжительным было вооруженное движение в Бадене и Пфальце. Подавить его в Бадене удалось в конце концов только при помощи иностранной интервенции, а именно прусской армии. С кровавым подавлением баденско-пфальцкого восстания Пруссия гарантировала себе руководство в возникающем малонемецком начальственном государстве.

12 мая взбунтовались солдаты в крепости Раштатт. Теперь усердная агитация демократической прессы и союзов оправдалась: большинство баденской армии присоединилось к революции, а остальные вели себя, по меньшей мере, пассивно. Великий герцог бежал в Эльзас. 14 мая временный земельный комитет народных союзов с Брентано во главе «от имени отсутствующего великого герцога» взял дело управления в свои руки. 21/22 мая Карл Маркс и Фридрих Энгельс остановились в Мангейме. Они находили баденские пфальцские войска бездеятельными и критиковали недостатки в руководстве. Напрасно оба радикальных демократа пытались убеждать влиятельных представителей баденского движения в том, что революционная армия должна перейти теперь в наступление и маршировать по собственной инициативе на защиту национального собрания во Франкфурт, чтобы опередить контрреволюцию и начать общегерманское восстание. 30 мая баденские войска потерпели поражение от гессенцев между Хеппенхаймом и Хемсбахом. Несколько дней тому назад поляк Мирославский принял главное командование баденско-пфальцской революционной армией и сделал Мангейм своей штаб-квартирой. В целом в распоряжении Мирославского находилось от 20 000 до 30 000 человек, но половине из них половине, тем не менее, не хватало необходимого вооружения и подготовки. Пруссаки, которые продвигались 3 корпусами,

располагали минимум 52 000 человек. 15 июня пруссаки захватили Людвигсхафен и начали оттуда обстрел Мангейма. Революционеры выкатили все имеющиеся в их распоряжении 12 орудий на берег Рейна и 4 дня покрывали пруссаков огненным градом. Людвигсхафен загорелся. Обстрелом руководил Отто фон Корвин, который прежде был известен как издатель «поповского зеркала». Когда пруссаки увидели, что в Мангейме ничего не добиться, они 20 июня перешли Рейн у Гермерсхайма. Мирославский должен был попасть в клещи, в то время как одновременно контрреволюционные войска Гессена наносили удар на Неккаре. 21 июня революционная армия вынуждена была уступить вражескому перевесу при Вагхойзеле. Мирославский после этого дал 22 июня команду отходить в средний Баден. Остатки революционной армии окопались в крепости Раштатт, где они 23 июля 1849 г. сдались прусскому превосходству. Дорога к малонемецкому объединению под прусским надзором тем самым была свободна: по трупам демократов и республиканцев, которые с нетерпением ожидали более свободную и большую Германию.

Отделение социал-демократии с шестидесятых годов превратило либерализм в исключительно буржуазное направление. «Либеральный» во второй половине XIX столетия становится почти синонимом буржуазного, причем задающая тон часть буржуазии, которая теперь именуется «Национал-либеральная партия», действует заодно даже с открыто антилиберальными властителями.

Даже после потерпевшей поражение революции 1848/49 в Германии продолжал тлеть конфликт между буржуазией и старым феодальным классом. К тому же как новая сила выступает рабочий класс. Национальный вопрос все еще не решен. Политическое искусство Бисмарка состоит по-хорошему в том, чтобы признавать неодолимость новых социальных сил и национального объединения. Он знает, что сохранить старое можно только при условии согласия. Он начинает «революцию сверху», чтобы предотвратить иначе неминуемую революцию снизу. После победы над Австрией он даже умудряется столкнуть с законного трона князей Ганновера, Кургессена и Нассау, чего не смогло достичь демократическое движение. Он временно заигрывает с рабочим классом, чтобы использовать его как средство давления против либералов. Однако так же он использует либералов, чтобы поставить социал-демократию под чрезвычайный закон. Бисмарк, кажется, понимает, что сможет сохранить свое господство, только если оно основано не на внешнем принуждении, а на чувстве. Он разрабатывает тактику «пряника и кнута», которую успешно применяет по отношению к либералам и социал-демократам. Его политику можно характеризовать как практическую психологию поведения в масштабах общества. Он терроризирует и в то же время подкупает. Бисмарк без сомнений нарушает закон, если это кажется ему необходимым для достижения его политической цели. Он не

считается как с легитимностью смещенных князей, так и с письменно заверенными правами буржуазии в ходе прусского конституционного конфликта. Кнут для него, однако, не самоцель. Она дополняется «пряником» в разнообразном виде.

После того, как наихудшие годы контрреволюции были пережиты, в 1859 г. в Эйзенахе был основан национальный союз, целью которого стало национальное объединение Германии под прусским руководством. Хотя он пытался достичь этой цели совершенно на основании существовавших полуфеодальных властных отношений, господствующие силы преследовали его деятельность недоверием и полицейскими мероприятиями. В 1861 г. возникает Немецкая партия прогресса, в которой собираются также либералы демократического и конституционного направления. При выборах прусской палаты депутатов партия прогресса с другими либеральными группами добивается почти исключительного парламентского большинства. В начале конституционного конфликта 253 депутатам либеральной оппозиции в палате депутатов противостоят только 23 приверженцев Бисмарка. Конституционный конфликт обнаруживает непоследовательную, колеблющуюся между протестом и лояльностью позицию либеральной буржуазии. Либеральное большинство палаты депутатов демонстрирует в 1860 г. недовольство господствующими политическими отношениями, поскольку отказывает в предоставлении бюджетных средств на запланированную правительством реформу армии. При всем том оно предоставляет правительству чрезвычайную субсидию на военные нужды, с помощью которой можно приступить к реформе армии. Это повторяется в 1861 г. Когда на следующий год либеральные партии снова вычеркивают средства на реформу армии из бюджета и никакой бюджетный закон не осуществляется, новый премьер-министр Отто фон Бисмарк доходит до открытого испытания силы против либералов. Он просто нарушает конституцию, правит без бюджетного закона и, как видно из его пользующихся дурной славой распоряжений о прессе, не считается также в других областях с письменно заверенными правами буржуазии. Вопреки значительному беспокойству народа, которое сопровождается покушениями на Вильгельма I (1861) и Бисмарка (1866), либералы не решаются ответить на вызов Бисмарка. вследствие этого ускоряется отход «четвертого сословия» от закоснелого на позициях крупной буржуазии либерализма.

Конституционный конфликт снова сделал очевидным прежде латентный, восходящий к предмарту раскол либерального лагеря. Влиятельные части буржуазии после короткого поворота влево открыто переходят к Бисмарку. Они проводят реалистическую политику, поскольку они обменивают свои политические требования на экономические уступки, которые готов предоставлять им Бисмарка в ходе его «революции

сверху». Уже в 1864 г. из либеральных сторонников беспопытной торговли сформировалась «Народнохозяйственная группа», которая стремилась к объединению с Бисмарком. Под впечатлением прусской победы над Австрией большинство палаты депутатов принимает только при 75 голосах против в 1866 г. «предложение об индемнитете» и тем самым поддерживает задним числом противоречащий конституции образ действий Бисмарка. В 1867 г. окончательно распадается партия прогресса. Представители крупной буржуазии, которые стремятся к сотрудничеству с режимом, образуют Национал-либеральную партию, которая будет в будущем самой важной парламентской опорой Бисмарка. В южной Германии демократически-республиканские силы партии прогресса формируют Немецкую народную партию (которую не нужно перепутывать с возникшей в декабре 1918 г. одноименной правой партией под руководством Густава Штресемана).

Прусские победы над Данией (1864) и Австрией (1866) демонстрируют действенность полуфеодального прусского режима внутри и вовне. Они убедительно подтверждают слова Бисмарка о том, что не речами и решениями большинства, а «кровью и железом» будут решаться большие вопросы времени. Так как эта политика с позиции силы связана в то же время со значительными успехами в национальном объединении и показывает в экономической области понимание интересов буржуазии, она вызывает психологический поворот в положении прусской и немецкой буржуазии. Буржуазия постепенно становится пробисмарковской. Ее возражения в адрес внутренней политики Бисмарка ослабевают из-за воодушевления от успехов во внешней политике или в области национального объединения. Этот переворот проявляется уже в 1866 г. на выборах прусской палаты депутатов, которые происходят в день победоносной битвы под Кениггрецем. При этом партия прогрессистов, которая выступила против прусско-австрийской братоубийственной войны, теряет почти половину своих 143 мандатов. «Старые либералы», которые поддержали Бисмарка, повышают свое представительство с 9 до 26 мест, а консерваторы – в четыре раза: с 36 до 142 мандатов. С основанием Северогерманского союза в 1867 г. процесс создания немецкого национального государства в его основных чертах был близок к завершению. Победоносная война 1870/71 закончилась включением в союз южнонемецких государств. Король Пруссии стал наследственным главой федерации и принял титул германского императора. Деспотические и юнкерские черты созданной государственности проявились уже в том, что при провозглашении империи среди присутствовавших в зеркальном зале Версаля не было ни одного гражданского лица. Демократическая буржуазия была низведена этим триумфом до нулевой точки. Ей остается отныне в политическом и мировоззренческом

отношении только лишь тотальное безразличие или приспособление к полуфеодальному деспотическому режиму. Так развивается подчиненный менталитет, как показал Генрих Манн в романе «Верноподданный» на примере Дитриха Гезлинга – на контрасте со смиренным образом старого Бука, который остается верным демократическим идеалам своей молодости.

В быстром темпе северогерманский, а позднее германский рейхстаг принимают ряд законов, при помощи которых развивается и укрепляется экономический порядок в интересах буржуазии: в 1867 г. – о таможенном объединении, о свободе перемещения, консульский закон, закон о национальном торговом флоте; в 1868 г. – о единстве мер и весов, чрезвычайный промысловый закон; в 1869 г. – таможенный закон, порядок промыслов, торговый кодекс и порядок обращения; в 1870 г. – закон об авторском праве на интеллектуальную собственность; в 1871 г. – почтовый закон; в 1872 г. – порядок моряков; в 1873 г. – единая монета, закон о таможенных тарифах; в 1874 г. – об охране товарных знаков, порядок при крушении смудна; в 1875 г. – имперский банк, закон о железнодорожной почте; в 1876 г. – патентный закон.

Не принимаются действительно либеральные законы, к примеру, закон о свободе печати и союзов. Националистический угар вследствие основания империи полностью лишает почвы такие либеральные требования. Существенная составная часть старых требований, национальное единство, наконец было достигнуто. То, что в новом едином национальном государстве бразды правления оставались в руках у представителей старого феодального класса, устраивало национал-либералов до тех пор, пока для буржуазии не возникало никаких существенных, а именно экономических затруднений.

При этом, тем не менее, состояние экономических интересов буржуазных слоев все больше расходится и тянет за собой соответствующие идеологические различия. За высокой конъюнктурой периода грюндерской лихорадки, которая разожглась при помощи 4 млрд. марок французского возмещения военного ущерба, с 1873 г. следует серия экономических крахов. Большой крах укрепляет положение крупного капитала и потрясает либеральное доверие в гармоничность экономических интересов при неограниченной конкуренции. «Опыт семидесятих годов», пишет историк культуры Карл Лампрехт, «обращал значительные группы предпринимателей от свободной торговли к защитным пошлинам и отвращал их от старой теории, которая теперь совершенно начала считаться теорией либерализма».

Либеральные идеи «государства – ночного сторожа», беспошлинной торговли и «Laissez faire» не соответствуют к концу XIX века ни прогрессивным капиталистическим производственным отношениям, ни возрастающей опасности, которая исходит для

буржуазии и дворянства от окрепшего «четвертого сословия». В решающих экономических областях свободная игра сил устраняется монополиями и корпорациями. Новые господствующие на рынке предприятия возникают из свободной конкуренции. Вновь возникающим монополиям кажется не сложно приравнять свои финансовые интересы к национальному интересу. Это время всемирной экспансии монополистического капитала. Флоты строятся, армии вооружаются, колонии приобретаются и заявляются громкие права на экономические сферы влияния. Слово «Империализм», еще не дискредитированное двумя мировыми войнами и специфически марксистским толкованием, употребляется современной буржуазией совершенно беспристрастно и с положительным акцентом. В Германии эта империалистическая политика получает особенно агрессивную тональность из-за сосуществования бурного экономического развития с полуфеодальным милитаристским государственным аппаратом. Особенно резкое противоречие формируется в Германии также между экономическими возможностями капитала и его относительно незначительной географической сферой влияния. Самые агрессивные представители немецкого империализма, которые объединились с 1891 г. в Пангерманский союз, открыто стремятся к аннексии других европейских территорий.

О способах и целях так экспансивной политики с позиции силы в лагере господствующих кругов имеются весьма различные точки зрения. Новые монополии электрической индустрии и химической промышленности, которые объединились в «Среднеевропейском экономическом союзе», преимущественно отклоняли неистовый шовинизм «пангерманистов». В отличие от союза крупных землевладельцев, угля и стали, они опасались империалистической захватнической войны, доверяя больше своей собственной экономической силе в установлении и укреплении экономической гегемонии в Европе. У этого есть совершенно объективные причины. С одной стороны, немецкие химические и электротехнические монополии располагали обширными капиталовложениями за границей (думали, например, о строительстве железной дороги до Багдада), с другой стороны на рубеже столетий никакая другая страна не могла померяться силами с растущей мощностью новых отраслей индустрии в Германии, в то время как повелители угля и стали должны были считаться, по меньшей мере, с превосходящей конкуренцией Англии.

С другой стороны, этот фронт между юнкерами и тяжелой промышленностью, с одной стороны, и новыми индустриями с другой становится заметным уже в ходе обширной дискуссии вокруг защитных пошлин, когда промышленники с крупными аграриями выступили за Бисмарка. По этой причине группа национал-либеральных

приверженцев беспопытной торговли откололась от своей партии в 1880 г. как Либеральное объединение и объединилась в 1884 г. с партией прогрессистов в Немецкую свободоыслящую партию. В 1893 г. эта партия снова распалась на Свободоыслящую народную партию Евгения Рихтера и подчиненное влиянию крупных промышленников Свободоыслящее объединение. В 1903 г. оно вбирает в себя Национально-социальный союз, который был основан в 1896 г. Фридрихом Науманом. В 1910 г. из Свободоыслящего объединения, Свободоыслящей народной партии и южнонемецкой «Демократической народной партии» формируется Прогрессивная народная партия.

После раскола национал-либералов левый либерализм во второй половине XIX в. Приходит в упадок вплоть до бессильной покорности. Стараниями евангелического пастора Ф. Наумана он получает очевидное обновление, хотя и демагогического рода.

Современник событий историк Карл Лампрехт наблюдает примерно с 1879 г. «разложение» национал-либералов с одновременным «взлетом левого либерализма»: Приверженцы старого экономического либерализма, которые в Национал-либеральной партии оказались в меньшинстве, отколись и оказались «внутренне меньше всего измененным остатком старой буржуазии с ее приверженностью к политической идеологии» [627. S.173–178]. Взлет левого либерализма следует за разложением национал-либералов, которое со своей стороны стало следствием наступления «связанного предприятия», как Лампрехт описывает экономические тенденции монополизации. Сначала такое укрепление левого либерализма проходит в сопоставлении и противопоставлении старых свободных идей и манчестерского либерализма. Основание «Немецкой свободоыслящей партии» в марте 1884 г. есть результат намерения попытаться без принуждения объединить оба направления друг с другом. В действительности между ними обоими существует неразрешимое и скорее даже еще обостряющееся напряжение. Оно ведет в 1893 г. к расколу свободоыслящих на «Свободоыслящую народную партию» Евгения Рихтера и «Свободоыслящее объединение» под руководством Рикерта. Только в начале XX века доходит до нового объединения обоих направлений с включением представителей имеющего собственную специфику южнонемецкого левого либерализма в «Прогрессивную народную партию». То, что дело доходит, наконец, все же, до этого воссоединения, объясняется не столько теми уроками, которые извлекли представители буржуазного лагеря, сколько взглядами искоса на ту партию, которая между тем могла похвастаться самыми большими успехами на выборах в рейхстаг. Возникающий таким образом, освеженный левый либерализм может пониматься как реакция на усиление социал-демократии, которая угрожает ворваться в нижние слои буржуазного лагеря. Речь идет о левом либерализме более или менее

демагогического вида, который пытается привязать определенные слои буржуазии, учитывая специфическое состояние их мировоззрения к политике крупного капитала.

Очень отчетливо это проявляется в облике Фридриха Наумана, который хотел бы подвергнуть старый либерализм курсу омоложения при помощи «национально-социального» лечения. Уже начало его деятельности показывает, что он имеет мало общего с демагогами из партии прогрессистов, которые уважали мартовский образ мыслей. Он вышел из очень консервативной среды. Даже в благосклонной биографии Теодора Хейса его отец – саксонский священник – предстает представителем «крутой ортодоксии» и читателем ультраконсервативной «Крейццейтунг». Уже при переезде из деревни в маленький городок отец сталкивается с более либерально настроенными бюргерами своей новой общины. Дома он распространяет «определенное давление пуританского духа» [628. S.38–39]. Согласно желанию отца Науманн также будет священником. Студентом он настроен строго в духе Бисмарка. Тогда он примыкает к кругу антисемитского придворного проповедника Адольфа Штекера, который хотел бы проникнуть в рабочий класс с «христианско-социальной» демагогией. За Штекером стоит фронда юнкеров, угля и стали. Разумеется, придворный проповедник имеет только очень умеренный успех и становится со своей необузданной антисемитской агитацией непопулярным даже в собственных кругах. Науман постепенно отделяется от Штекера. «У социальной политики нет никакой нагорной проповеди, никаких евангелических фабричных порядков» – выносит он приговор. На место «христианского социализма» Штекера он ставит «национально» и «либерально» окрашенный «социализм». Одновременно Науман из лагеря юнкеров, угля и стали переходит в лагерь новых отраслей индустрии, который характеризуется такими именами как Сименс и Бош. Особенно в Боше Науман находит энергичного покровителя.

В основанном в 1895 г. журнале «Die Hilfe» Науман приобретает платформу, с которой он провозглашает свои «национал-социальные» или «либеральные» лозунги. В 1897 г. он оставляет пастырскую службу и посвящает себя с тех пор только лишь политике. То, что внезапно обращает образованного теолога к либерализму, меньше старый либеральный мотив свободы, который нашел между тем более верных интерпретаторов в Вильгельме Либкнехте или Августе Бебеле. Скорее Наумана привлекает то обстоятельство, что либерализм в предмартовский период создал народное движение с участием всех антифеодальных сил. Рабочие, ремесленники, крестьяне и буржуа в одном фронте – это именно та программа, в которой нуждаются господствующие круги, чтобы утопить социал-демократическое учение о классовой борьбе. «Растет среди нас что-то вроде новой веры», формулирует свое политическое кредо образованный

пастор. «Эта новая вера ищет религию для нас, которой еще нет, но поиск идет. Ее преимущество – это честность, с которой она относится к науке. Она честна, но поэтому неотполирована и неупорядочена. Вера, которая что-то может значить для современных людей, должна абсолютно открыто обращаться к вопросам теории познания, естествознания и истории. В союзе с ними она должна указывать людям их жизненную цель» [629. S.164]. Науман является поклонником большой индустрии, стремительного века техники, грохочущих трансмиссий, технического прогресса и – прежде всего – власти. Он требует, чтобы воля к власти овладела «новыми немецкими левыми», при этом он искусно предает иное толкование [629. S.37] воле стремящихся к власти электро- и химических концернов. «Либерализм должен снова стать народной верой», требует он и дает характерное определение: «Кто еще надеется на это, тот либерал» [629. S.43].

То, что важной целью этой «новой веры» является духовное и моральное вооружение масс для предстоящей войны, Науман выражает совершенно явно. «Средняя война современности – это капиталистическая акция. Это не должно скрываться, а наоборот, подчеркиваться во всей наготы, если мы хотим дать экономическую оценку войне и вооружениям» [629. S.263]. Науман пишет эти предложения, заметьте, до начала Первой мировой войны. Они вовсе не критика, а оправдание «колоссальных жертв нашего армейского бюджета». Нужно бороться «за немецкое существование на земном шаре» [629. S.34]. Однако, война будущего – это «народнохозяйственная организационная проблема самого сложного рода, и она будет требовать технической производительности, как никогда прежде» [629. S.52]. Чтобы соответствовать этим требованиям, нужно мобилизовать все силы народа. Особенно необходимо поставить на службу немецкому империализму моральные силы и дисциплину рабочего движения: «Немецкое рабочее движение – это самый большой добровольный милитаризм на земле» [629. S.205].

Либеральным одеждам империалистической национал-социальной идеологии Наумана хорошо соответствует то, что Германия рубежа веков все еще сильно пронизана реликтами старого феодального порядка. Для новых электротехнической и химической отраслей, политические цели которых пропагандирует Науман, это относительно безопасная и даже полезная затея: призывать на штурм феодальных фракций вместе с их союзниками от угля и стали: «Мы больше не хотим, чтобы нами управляли отживающие сословия, так как они тянут нас вниз», заявляет Науман. «Всему немецкому либерализму снова необходима народная партия, в которой вместе живут демократия и национальный дух, широкая творческая партия большинства со свободными новыми мыслями» [629. S.35–36]. Науман делает исключение только для самой монархии, когда выступает в поход против «отживающих сословий». Он, вопреки всей леволиберальной традиции, ни в коем

случае не республиканец. Ему представляется даже что-то вроде народной империи: союз господствующей династии Гогенцоллернов с либералами и социал-демократами, который должен наполнить немецкий империализм новой силой и быть способным принять неограниченное руководство в Европе. Он внушает, что монархия и новые немецкие левые – это, в принципе, естественные партнеры, если император более открыто показал бы свой социальный образ мыслей, а социал-демократы чуть больше поупражнялись бы в патриотическом образе мыслей.

«Остэльбцев», как он называет крупных землевладельцев-юнкеров, Науман упрекает, что они не признают знаков времени. Так же он направляет против угольных и стальных баронов пример барона Штумм-Хальберга, который считает своих рабочих современными крепостными. Науман знает, что буржуазный порядок способен к существованию, только если он ведет себя по отношению к мятежному рабочему движению гибко и готов на компромисс. Для него нет смысла отрицать известные факты. Таким образом, он приходит к кажущемуся марксистским выводу: «Индустрия невозможна без пролетариата. Современность наступает империалистической и пролетарской» [629. S.30]. С небольшим, но решающим различием, что он хотел бы рассматривать понятия империализм и пролетариат не как непримиримые противоположности, а в духе партнерского сосуществования. Подобным образом он пытается рассматривать все более общественный характер способа производства на стадии высокоразвитого капитализма как автоматически наступающее обобществление средств производства: «Наверное, новый верхний слой хочет быть капиталистическим, а не социалистическим, но в этом проявляется ирония общемирового процесса, что выросший капитализм обнаруживает сам по себе социалистические черты, поскольку он создает предприятия, которые являются частными предприятиями только по видимости. Чем завершнее изживет себя принцип общественного предприятия, тем быстрее общим управлением классовый эгоизм будет поставлен в твердые границы. Отдельный предприниматель может хотеть быть «эксплуататором», синдикат, естественно, также будет хотеть выигрывать, но он не сможет вести близорукую хищническую эксплуатацию, если это не хочет разорять себя самого. Экономика выигрывает, таким образом, если демонстрирует солидность и постоянство, становится более просчитываемой в своем развитии и стремится по возможности исключать, застои, кризисы и споры с рабочим классом. Символом индустриального государства станет коллективный договор, который если и не является последним решением социального вопроса, но максимально перспективной формой обоюдного соглашения» [629. S.71].

В принципе, это тот же способ рассуждений, какой в это время культивируют ревизионисты от социал-демократии. Соответствие доходит вплоть до преклонения перед Карлом Марксом: Науман восхищен его «универсальным взглядом» и «прогрессивностью» его учения. Такие лицемерные признания стоят немного. Карл Маркс мертв, а между тем в социал-демократии основная линия определяется также ревизионизмом. Весьма предусмотрительно использовать уже существующую политическую организацию рабочего класса – «самого большого добровольного милитаризма на земле» как инструмент интеграции и поставить на службу империализму. Император Вильгельм II в начале Первой мировой войны придал этой демагогической концепции формулу: «Я больше не знаю никаких партий, я знаю только немцев». Науман еще раньше произносит нечто подобное. Он также больше не знает партий, а только лишь либералов: «О том, что буржуазный либерализм без социал-демократии еще раз снова может достичь политического руководства, больше не могут всерьез обоснованно думать даже его самые горячие представители. Либеральный принцип победит, но не без либерализма массы. Вопрос не в том, поглотит ли буржуазный либерализм снова социал-демократию. Он больше не может этого. Вопрос в том, разовьется ли социал-демократия до такой степени, чтобы воспринять старо-либеральные задачи и создать возможности для присоединения подлинно либеральных частей буржуазии к выношенному ею общему движению без ущерба для их убеждений» [629. S.88].

Заключение

Проблема перехода может решаться с помощью различных методико-методологических концепций, что обусловлено сложностью и вариативностью самого феномена переходного состояния сложных органических систем, к каковым относится социум в его историческом развитии. В качестве одной из возможных концепций такого рода, по мнению авторов, может быть отнесена по-новому осмысленная теория модернизации, усиленная представлениями о сущностной роли диффузных механизмов в реализации модернизационного перехода.

В процессе проведенного исследования специфицировано переходное качество эпохи модернизации, т.е. периода движения от традиционности к современности. Модернизационный транзит характеризуется как гетерохронный сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых существенно варьировала. Установлено длительное сосуществование в контексте переходной эпохи разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционировали в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям, как следствие дифференциации темпов изменения социальной материи. Признается существенная трансформирующая внешних факторов (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций), которые могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать.

Эпистемологическую рамку исследования задает презентация переходного периода как сложной системы интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложной череды внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительного континуума, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую.

На основе сопоставления различных познавательных моделей, применяемых при изучении процессов перехода от традиционного к современному обществу, была разработана усовершенствованная теоретическая схема модернизации, которая включает социокультурную обусловленность процессов развития, многовариантный и циклический характер транзитных процессов, влияние на результаты модернизации внешнего

контекста; в теоретическую модель был включен фактор исторической случайности, подчеркивающий роль социальных акторов, обладающих возможностью трансформировать исторические ситуации; пересмотру подверглось прежнее жесткое представление о системном характере процесса модернизации, на смену которому пришло понимание разновекторного поведения различных социальных сегментов, приводящего к постоянным противоречиям и конфликтам, требующим рефлексивного разрешения, в контексте модернизационного перехода.

В процессе исследования установлена существенная формообразующая роль диффузионных механизмов в контексте переходных эпох. Разработана схема процесса диффузии, включающая в качестве основных аналитических компонентов инновацию, каналы диффузии, время трансфера, агентов диффузии. Определены характеристики инновации, оказывающие влияние на динамику ее усвоения; выделены типы принятия решений по поводу усвоения инновации.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод, что изучая переходный процесс в России и других в странах, претерпевающих в состоянии перехода интенсивное и длительное территориальное расширение, мы не можем игнорировать пространственное измерение модернизации – этого важнейшего фактора переходности. В данном случае, территориальное расширение не сводится, разумеется, к исключительно географическому явлению.

Включение еще недостаточно освоенных регионов в модернизационные процессы способствует усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, причудливому переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры. Последнее, в свою очередь, определяет как сложность и неоднозначность модернизационных проявлений, так и общий характер переходной эпохи.

Особую роль в процессе переходных состояний играет механизм социокультурных адаптаций, подразумевающий обязательное участие в процессе его реализации формализованных и неформализованных социальных структур. Степень модернизации этих структур часто оказывается различен, что задает саму проблему или необходимость адаптации. Инициатором «запуска» механизма адаптации может выступать как любая из структур-участниц взаимодействия, так и все одновременно, при этом, вообще-то не имеет значения уровень модернизации той или иной структуры. Последнее становится значимым уже в процессе самой реализации адаптационной стратегии, ибо слишком большие различия в уровне модернизированности могут привести к системному

непониманию участников взаимодействия и конечному неудаче избранной (предлагаемой) стратегии адаптации.

Большое значение в реализации адаптационной стратегии имеет внутреннее состояние адаптирующейся и адаптирующей социальных структур (их гомогенность, внутреннее единство или состояние и глубина внутреннего раскола, фрагментарность), степень рефлексии (наличие вербализованных или проявленных через различные семиотические системы программных установок на адаптацию). При всей важности структурных взаимодействий, на процесс адаптации, его конечный результат, едва ли не равное влияние оказывают индивиды: как лидеры (отдельные личности или элитные группы социальных структур), так и рядовые акторы, руководствующиеся, зачастую, в своих действиях неосознанными мотивами, традиционными стереотипами поведения, симпатиями или антипатиями к заявленным программным установкам, к социальным партнерам.

Иногда, в условиях адаптации традиционных социальных форм к высокомодернизированной среде продуктивную роль адаптационных инструментов для первых играют архаические традиции, своего рода архетипы сознания, которые, в новых условиях модернизированного окружения сами могут претерпеть конвертацию и приспособить их носителей к вполне комфортному, хотя и периферийному положению в текущей социокультурной данности (пример тому – этнорелигиозные адаптационные практики малочисленных народов Севера и Сибири).

Очевидно, что наряду с объективными мотивами, побуждающими социальные структуры к адаптации, существенную роль в этом процессе играют субъективные установки на глубину адаптации. Адаптирующаяся социальная структура может стремиться предельно сохранять свою особость по отношению к среде, добиваясь лишь равноправного или, по крайней мере, нейтрального положения по отношению к другим социальным структурам; может преследовать цель форсированного вертикального восхождения в социальной иерархии общества-реципиента при сохранении относительной собственной идентичности; может осознанно взять курс на ассимиляцию. Эти субъективные мотивы весьма существенно влияют как на стратегию, так и на результаты адаптации.

При всей специфике проявления переходности в судьбах различных регионов и социальных групп, можно с уверенностью говорить о наличии ряда константных и общих механизмов, запуск которых обуславливает сам феномен исторического перехода. Среди таковых можно отметить механизм поиска идентичности, который тесно связан с механизмом выработки адаптационных стратегий. Для утверждения или сохранения самого себя в динамично меняющейся внешней среде, любая социальная (в широком смысле слова) структура нуждается, в первую очередь, в ощущении или осознания себя как

отдельного целого. Потребность выделить себя по отношению к рядоположенным структурам – одна из необходимых и первичных задач, без которой не может быть в принципе осуществлена другая – адаптационная. Идет ли речь о стремлении занять доминирующее положение в общественной иерархии, обеспечить себе относительно комфортное существование или выжить, поиск идентичности неизбежен. Степень рефлексии, осознанности и координации действий, их масштабность и методы практической реализации могут при этом быть различными. Важным условием успешного конструирования идентичности, влияющим на дальнейшую выработку стратегий адаптации, можно, вероятно, назвать относительное соответствие между самоидентификацией: комплекса представлений о себе, транслируемые как вовнутрь, так и вовне сообщества, и идентификацией: комплексом представлений о сообществе во внешнем окружении.

С формированием в России исторической науки ее арсенал немедленно начинает использоваться для развития общенациональной идентичности. Прежняя идентичность, основанная, в первую очередь, на двух постулатах: древности русского народа, восходящего, среди прочих европейских народов к потомкам Иафета, и древности российских государей, восходящих к потомкам первых римских императоров, претерпевает эволюцию. К ее конструированию начинают привлекаться сведения и методы, разработанные в лоне ранней европейской нововременной историографии. Расширяется круг источников, предпринимаются попытки снять концептуальные и фактологические противоречия между старыми представлениями, основанными на летописном и агиографическом материале и новыми (для российских интеллектуалов) известиями и теориями европейского происхождения. Возможности научных спекуляций усиливают стремление и дают возможность формированию образа России с помощью языка и средств, понятных и принятых в европейских странах. Первые шаги отечественной исторической науки совершенно определенно ведут в сторону идентификации России как европейской страны, а русских как европейского народа. Эта направленность, определяемая высшей властью и разделяемая видными представителями российской науки, представляется вполне осознанной и искренней.

Не явным, формирующимся на первых порах под влиянием объективных обстоятельств, выглядит процесс обретения идентичности российской бюрократией. Эта общность, в том числе в ее локальных проявлениях, только лишь появляется на свет, и если ощущает свое единство, то скорее в функциональном смысле. Даже в рамках одной губернии, но в разных городах, провинциальные бюрократические сообщества с разной степенью интенсивности проходят первые фазы своего социогенеза, которому

способствует или препятствует, наряду с прочими, фактор служебной мобильности. Еще нет в полной мере консолидации, еще нет в полной мере выраженной идентичности.

Деятельность общественных городских организаций в провинции на излете имперского периода – пример ярко выраженной идентичности практически завершенного перехода. Право и возможность существования городской самоорганизации признает даже коронная власть, в ряде случаев содействует первой и соучаствует в ее деятельности. Едва ли не главным условием успешного существования гражданской ассоциации со стороны власти является полный запрет на политическую деятельность. Любой намек на политическую неблагонадежность вел к запрету организации. Но при подобной ограниченности, можно констатировать, что в конечном итоге гражданская идентичность – важный признак общества нового времени, сформировалась и в России и была принята властью.

Результат появления православия на землях коренных народов Сибири сказался в многообразии форм их религиозности, которое в разное время и разными исследователями рассматривалось как «язычество», «синкретизм», «контаминация» или «двоеверие». Во всех случаях такая религиозность воспринималась не как нечто ценное само по себе, а как переходное состояние от традиционной религиозности к православной. Возможно, следует взглянуть на этот феномен как на результат целенаправленного поиска сибирскими аборигенами и обретения своей религиозности, позволяющей удовлетворить религиозные потребности каждой группы в той форме, какая наиболее полно соответствовала их образу жизни.

Как бы ни проявляли себя механизмы поиска социокультурной идентичности в разных ситуациях и на разных временных отрезках, они могут считаться неотъемлемой чертой любого переходного периода.

Проведенное сравнительно-историческое исследование формирования сферы гражданской деятельности в Германии и России XIX в. позволяет сделать несколько предварительных выводов.

Первое, что со всей очевидностью следует зафиксировать: к XIX столетию в обеих странах сложились светские автономные ассоциации, ставшие фундаментом гражданского общества и послужившие социальной основой либерализма. Таким образом, конкретно-исторические исследования подтвердили правоту ряда российских и зарубежных авторов, полагавших наличие большого сходства между социальными институтами России, Европы и Северной Америки, проявившегося в течение позднего нового времени. Принципиально важно подчеркнуть фактическую одновременность существования этих институтов, преодоление пресловутого временного разрыва в развитии России и европейских стран, в

первую очередь – стран европейской полупериферии, к каковым в XIX в. относилась Германия.

Второе, логически проистекающее из предыдущего: вектор развития России и Германии (и европейских стран в целом), несомненно, был общим. Традиционное общество сменялось современными социальными формами, а локомотивом этого процесса во всех случаях оказывалась городская общность. Приведенный в настоящем исследовании фактический материал позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что социальная основа гражданской активности, как в России, так и в Германии, была идентичной. Различия заключались лишь в том, что в сферу гражданской деятельности в Германии было вовлечено гораздо большее количество чиновников, дипломированных юристов, профессуры, гимназических учителей и студенчества, а в России (в силу вполне понятных причин!) – купечества и мещанства. Но даже эта разница постепенно нивелируется во второй половине XIX – начале XX в.

Более принципиальные различия в формировании социальных форм модерна, представленных, в первую очередь в сфере гражданской активности, которые отмечают все специалисты, так или иначе анализирующими ситуацию в России и европейских странах, касаются степени *политической* зрелости и самостоятельности гражданских ассоциаций. В самом деле, автономия гражданских ассоциаций Запада, имевшая длительную историю развития, была шире, средний класс – мощнее и многочисленнее. Это создало объективную предпосылку как для формирования определенных политических позиций гражданских структур, так и для относительно широкого проникновения в общественное сознание политических идей и теорий. В России гражданские организации находились под опекой власти (нередко и оформлялись по инициативе власти); их деятельность касалась, главным образом, социальной сферы, в целом была лояльна по отношению к государству и политически неангажирована. В странах Запада гражданское сообщество активно принимало участие в политической жизни через целую систему представительских учреждений. Представительские учреждения России (как и добровольные гражданские ассоциации) были сосредоточены на организации хозяйственной сферы и политической нагрузки не несли по определению. На Западе уровень гражданского развития создавал возможности для формирования политических партий, готовых отстаивать на региональном и национальном уровне определенные политические же идеи. В России XIX в. предпосылки для создания легальных и относительно массовых политических партий были несопоставимо слабее. Ряд этих различий можно продолжать, они хорошо известны и давно заняли свое устойчивое место в ряду историографических постулатов.

Однако конкретно-исторические сравнительные исследования, в том числе наши собственные, позволяют если не опровергнуть, то вывести эти постулаты в пространство дискуссии. Так ли фатальны были указанные различия? Так ли массова и осознанна была вовлеченность граждан европейских стран, в данном случае – Германии, в действительную политическую деятельность? Ответ на этот вопрос оказывается не столь очевидным и однозначным. Во всяком случае, чуткие современники изучаемой эпохи, такие как Людвиг Пфау и Генрих Гейне, не слишком обольщались по поводу политической зрелости соотечественников. Вспомним «хорошего гражданина» господина Бидермайера из сатиры Пфау, чья гражданственность проявляется в подобию страсти перед властью, религиозном ханжестве и показной приверженности семейным ценностям. Подобные «хорошие граждане» вполне комфортно сосуществовали с «пламенными трибунами», идеологами парламентарного либерализма («Атта-тролль» Гейне), часть которых, взрастая идею «особого пути» Германии, сформировала питательную среду для развития тоталитарных теорий. Под чьи знамена встал со временем сын господина Бидермайера?

С другой стороны, при всей аполитичности и лояльности общественных организаций России, именно они вольно или невольно становились основой развития либеральных идей, реформаторских движений и оппозиции политического абсолютизма. При первой возможности легального политического самовыражения русское общество ответило взрывом политической активности и партийного строительства. Начало XX века показало весь спектр русского либерального политического движения, со своими правым и левым флангами, не таким уж беспомощным и недееспособным, как принято изображать в научной литературе.

Чем ближе подходил к концу XIX в., тем очевиднее становился «Zonderweg» Европы (включая Россию!). Поразительно совпавшие по времени ритмы истории XX в., упоения и разочарования революциями, страшный опыт тоталитарных режимов – общность судьбы европейской периферии, начавшей новый переход?

Как бы то ни было, но проведенные исследования подтверждают сходство в формировании современных, нововременных общественных институтов, практик и ценностей в Германии и России, причем (что особенно важно подчеркнуть в опровержение стереотипа о вечном «догоняющем» характере развития России) почти *одновременно*. Выбранный метод и формат исследования (компаративные, конкретно-исторические изыскания мезоуровневого масштаба) представляются продуктивными и могут быть применены к другим странам Европы. В дальнейшей работе в подобном ключе могут быть проанализированы государственные институты, образовательные структуры, развитие массового сознания общества (например, через сравнительное исследование состояния периодической печати и круга чтения) и т.п.

Список источников и литературы

- 1 Бобкова М. С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М., 2008. С. 43.
- 2 Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность. М., 2003.
- 3 Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000.
- 4 Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972.
- 5 Иванова Н. А. Проблема многоукладности на современном этапе развития исторической науки // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001.
- 6 Эволюция восточных обществ. Синтез традиционного и современного. М., 1984.
- 7 Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993.
- 8 Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995.
- 9 Непомнин О. Е., Меньшиков В. Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М., 1999.
- 10 Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4.
- 11 Богатуров А. Д., Виноградов А. В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток – Запад – Россия. М., 2002.
- 12 Apter D.E. The Role of Traditionalism in the Political Modernization of Ghana and Uganda // Political Development and Social Change / Ed. by J.L. Finkle and R.W. Gable. N.Y., London, 1966.
- 13 Apter D.E. The Politics of Modernization. Chicago. L., 1965.
- 14 Eisenstadt S.N. Tradition, Change and Modernity. N.-Y., 1973.
- 15 Gusfield J. R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.). Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973.
- 16 Redfield R. Peasant Society and Culture. Chicago, 1965.
- 17 Редфилд Р. Большая и малая традиции // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
- 18 Patterns of Modernity. Vol. I: The West. Ed. By S. N. Eisenstadt. L., 1987.
- 19 So A. Y. Social Change and Development: Modernization, Dependency and World-System Theores. Newbury Park, 1990.

- 20 Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997.
- 21 Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997.
- 22 Осипова О. А. Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985
- 23 Fornäs J. Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995.
- 24 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
- 25 Sztompka P. Cultural and Civilizational Change: The Core of Post-communist Transition // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin. New York: De Gruyter, 1995.
- 26 Sjoberg G. Folk and «Feudal» Societies // Political Development and Social Change / Ed. by J.L. Finkle and R.W. Gable. N.Y., London, 1966.
- 27 Модели общественного переустройства России. XX век / Под ред. В. В. Шелохаева. М, 2004.
- 28 Сенявский А.С. Российский исторический процесс во второй половине XIX–XX вв.: проблемы концептуального осмысления // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008.
- 29 Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo, London, 1988.
- 30 Tiryakian E. Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin. New York: De Gruyter, 1995.
- 31 Тодаро М.П. Экономическое развитие. М., 1997.
- 32 Nettl J.P., Robertson R. International Systems and the Modernization of Societies: The Formation of National Goals and Attitudes. New York: Basic Books, 1968.
- 33 Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989.
- 34 Westney D.E. Imitation and Innovation: The Transfer of Western Organizational Patterns to Meiji Japan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987.
- 35 Robertson R. Theory, Specificity, Change: Emulation, Selective Incorporation and Modernization // Grancelli B. (ed.). Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe. Berlin. New York: De Gruyter, 1995.
- 36 Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications, 1992.
- 37 Согрин В.В. Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4.

- 38 *Проскурякова Н. А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7.
- 39 *Алексеев В. В.* Модернизация и революция в России: синонимы или антиподы? // Индустриальное наследие: материалы Международной научной конференции. Саранск, 2005.
- 40 *Алексеев В. В., Алексеева Е. В.* Распад СССР в контексте текущей модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5.
- 41 *Вишневский А. Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- 42 *Дорожкин А. Г.* Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. М., 2004.
- 43 *Зарубина Н. Н.* Самобытный вариант модернизации // Социс. 1995. № 3.
- 44 *Ильин В. В., Панарин А. С., Ахиезер А. С.* Реформы и контрреформы в России. М., 1996.
- 45 *Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999.
- 46 *Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999.
- 47 *Каспэ С.* Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.
- 48 *Козловский В. В., Уткин А. И., Федотова В. Г.* Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.
- 49 Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
- 50 *Красильщиков В. А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.
- 51 *Лейбович О.Л.* Модернизация в России. К методологии изучения современной отечественной истории. Пермь, 1996.
- 52 *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
- 53 *Плимак Е. Г., Пантин И. К.* Драма российских реформ и революций (сравнительно-политический анализ). М., 2000.
- 54 *Поляков Л. В.* Путь России в современность: модернизация как деархаизация. М., 1998.
- 55 *Поткина И. В.* Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994.
- 56 *Хорос В. Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996.

- 57 *Аванесова Г.А.* Региональное развитие в условиях модернизации (на материалах стран Запада и Востока) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1999. № 2. С. 41–56.
- 58 Авторитаризм и демократия в развивающихся странах. М., 1996.
- 59 Авторитаризм и демократия в «третьем мире». М., 1991.
- 60 Государственность и модернизация в странах Юго-Восточной Азии. М., 1997.
- 61 *Зарин В.А.* Запад и Восток в мировой истории XIV–XIX вв.: (Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка). М., 1991.
- 62 *Зарубина Н.Н.* Составляющие процесса модернизации: эволюция понятий и основные параметры // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1998. № 4. С. 25–37.
- 63 *Окунева Л.С.* На путях модернизации: Опыт Бразилии для России. М., 1992.
- 64 Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М., 1997.
- 65 *Старостин Б.* Социальное обновление: схемы и реальность (критический анализ буржуазных концепций модернизации развивающихся стран). М., 1989.
- 66 *Алексеев В.В., Алексеева Е.В., Денисевич М.Н., Побережников И.В.* Региональное развитие в контексте модернизации. Екатеринбург – Лувен, 1997. С. 88.
- 67 *Побережников И.В.* Эволюционизм, неэволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 577–581.
- 68 *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и миросистема. М., 2003. С. 360–375.
- 69 *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 233.
- 70 *Шаповалов В.Ф.* Россия как цивилизация // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 136.
- 71 *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- 72 *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, № 2. С. 69–91.
- 73 *Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория. М., 2002.
- 74 *Нуреев Р.М.* Россия: особенности институционального развития. М., 2009.

- 75 *Нуреев Р.М.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008.
- 76 Институциональная экономика / Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005.
- 77 *Дэвид П.* Клио и экономическая теория QWERTY // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 139–150.
- 78 *Дэвид П.* Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 183–207.
- 79 *Нуреев Р., Латов Ю.* Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М., 2007. С. 228–256.
- 80 *Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008. С. 19.
- 81 Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. М., 2002. С. 15–21.
- 82 Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 311–318.
- 83 *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Metallургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 447–502.
- 84 *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–234.
- 85 *Леви Дж.* К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 167–190.
- 86 *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Микроистория и опыт социальных наук // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 101–119.
- 87 *Кром М.М.* Историческая антропология. СПб., 2004.
- 88 Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003.
- 89 История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков. СПб., 2006.
- 90 *Schon D. A.* Beyond the Stable State. New York, W.W. Norton & Co., Inc., 1971. P. 81–87.
- 91 *Rogers E.M.* Diffusion of Innovations. New York: Free Press, 1983.
- 92 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 102–112.

- 93 Цанф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 14–26.
- 94 Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.
- 95 Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999.
- 96 Малиа М. Краткий XX век // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 122.
- 97 Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80.
- 98 Арутюнов С.А. Обычай, ритуал, традиция // Советская этнография. 1981. № 2. С. 97;
- 99 Чистов К.В. Традиция, «традиционные общества» и проблема варьирования // Советская этнография. 1981. № 2. С. 105.
- 100 Чистов К.В. Традиция и вариативность // Советская этнография. 1983. № 2. С. 15–17.
- 101 Обсуждение статьи Э.С. Маркаряна // Советская этнография. 1981. № 2. С. 97–115.
- 102 Чистов К.В. Народные традиции и фольклор. Очерки теории. Л., 1986. С. 107–176.
- 103 Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- 104 Громыко М.М. Проблемы и источники исследования этических традиций русских крестьян XIX в. // Советская этнография. 1979. № 5. С. 35–48;
- 105 Громыко М.М. Проблемы, методы и источники исследования этических традиций восточных славян (XVIII–XIX вв.) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. М., 1983. С. 108–123;
- 106 Громыко М.М. Место сельской (территориальной, соседской) общины в социальном механизме формирования, хранения и изменения традиций // Советская этнография. 1984. № 5. С. 70–80;
- 107 Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986; Обсуждение статьи М.М. Громыко // Советская этнография. 1984. № 6. С. 51–64;
- 108 Агаджанян А.С. Общая концепция традиций и традиционные структуры в Юго-Восточной Азии // Традиционный мир Юго-Восточной Азии: Малая группа и социальная динамика. М., 1991. С. 3–21;
- 109 Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.
- 110 Бернштейн Б.М. Выражение этнической специфики в художественной культуре // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.

- 111 Sutton F.X. Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader. Ed. by H.Eckstein and D.Apter. New York, 1963.
- 112 Sutton F.X. Analyzing Social Systems // Political Development and Social Change.
- 113 Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Moore W. and Cook R.M.(eds.) Readings on Social Change. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 196–201.
- 114 Foster G.M. Traditional cultures: and the impact of technological change. N.Y.; L., 1962.
- 115 Пандей Р. Критика западнoцентризма в теориях модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1999.
- 116 Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989.
- 117 Тоффлер А. Шок будущего. М., 2001;
- 118 Белл Д. Третья волна. М., 1999;
- 119 Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000;
- 120 Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999.
- 121 Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
- 122 Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.
- 123 Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1999. Т. 2 (П–Я). С.124.
- 124 Гидденс Э. Социология. М., 1999.
- 125 Fornäs J. and Bolin G. (eds.). Moves in Modernity. Stockholm, 1992.
- 126 Fornäs J. and Bolin G. (eds.). Youth Culture in Late Modernity. London, 1995.
- 127 Fornäs J., Lindberg U. and Sernhede O. In Garageland: Rock, Youth and Modernity. London, 1995.
- 128 Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P.268–284.
- 129 Smelser N. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P.110–121.
- 130 Parsons T. A Functional Theory of Change // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P.78–86.
- 131 История теоретической социологии. В 4-х т. М., 2002. Т. 4. С. 241–257, 597–624.
- 132 Монсон П. Современная западная социология: теории, традиции, перспективы. СПб., 1992. С. 78–85, 330–339.
- 133 Коркюф Ф. Новые социологии. М.; СПб., 2002. С. 80–84.

- 134 *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром // *THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем.* Альманах. Весна 1993. Т. I. Вып. 1. М., 1993.
- 135 *Хабермас Ю.* Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *Теоретическая социология: Антология: В 2 ч.* М., 2002. Ч. 2. С. 353–372.
- 136 *Резник Ю.М.* Введение в социальную теорию: Социальная системология. М., 2003. С. 154–159;
- 137 *Berman M.* All That is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity. New York, 1982.
- 138 *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003. С.17.
- 139 *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
- 140 *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996.
- 141 *Коэн Дж.Л., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 366–379.
- 142 *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // *Философия и методология истории.* М., 1977. С. 115–142.
- 143 *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2002, 2003, 2004;
- 144 *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3-х тт. М., 1986, 1988, 1992.
- 145 *Чешков М.А.* Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва // *Общественные науки и современность.* 1997. № 1. С. 92–104.
- 146 *Алексеев В.В.* Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // *Уральский исторический вестник.* 2010. № 3 (28). С. 6–10.
- 147 *Хорос А.Г.* В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С.Ахиезера) // *Вопросы философии.* 1993. № 5. С. 109.
- 148 *Баггер Х.* Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.
- 149 *Рязанов В.Т.* Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 161–166.
- 150 *Красильщиков В.А.* Модернизация и Россия на пороге XXI века // *Вопросы философии.* 1993. № 7. С. 44–46.
- 151 *Pollard S.* Peaceful Conquest. The Industrialization of Europe 1760–1970. Oxford University Press, 1995. P. 185.

- 152 *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1956. Т. I. С. 531.
- 153 *Кендрик Д.* Тенденции производительности в США. М., 1967. С. 278–279.
- 154 *Сарабьянов В.* История русской промышленности. Харьков, 1926. С. 182.
- 155 *Муньос О.* Экономика и общество в Чили. Разочарования и перемены в ходе исторического процесса // Международный журнал социальных наук. Май 1993. № 1: Америка: 1492–1992. С. 58.
- 156 *Розенберг Н., Бирдцелл Л.Е., мл.* Как Запад стал богатым. Экономическое преобразование индустриального мира. Новосибирск, 1995. С. 196–218.
- 157 *Филд Д.* Уровни и тенденции модернизации в России в 1870–1905 гг. (на примере Ярославской губернии) // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». № 21, март 1997. С. 69–70.
- 158 *Хаймсон Л.* Исторические корни Февральской революции // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994. С. 23.
- 159 *Селезнева В.Т.* Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов, 1955. С. 67–98.
- 160 *Бугаева С.Я.* Техническая интеллигенция в горнозаводской промышленности Урала (пореформенный период). Дисс... канд. ист. наук. М., 1979. С. 101, 117–118.
- 161 *Пирогова Е.П.* Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 47–48, 179–184, 186, 192–196.
- 162 *Андреева Т.А.* Журнал «Уральский техник» о проблемах производственной и социальной жизни технической интеллигенции Урала // Взаимодействие технического и социально-экономического развития в период капитализма (Информационные материалы). Свердловск, 1989. С. 52–54.
- 163 *Красюк А.Е., Лебедева И.В.* Становление общественной медицины в Оренбуржье // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII – начала XX вв. Материалы региональной научной конференции, 12–14 мая 1983 г. г.Оренбург. Свердловск, 1983. С. 131–133.
- 164 *Побережников И.В.* Общество в контексте модернизации: Урал во второй половине XIX – начале XX вв. // Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Уфа, 1997. С. 37–60.
- 165 *Андреева Т.А.* Всероссийские легальные съезды интеллигенции начала XX века // Российская интеллигенция: XX век. Тез. докладов и сообщений научной конференции 23–24 февраля 1994 г. Екатеринбург, 1994. С. 12–13.

166 *Зорина Л.И.* История Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1996;

167 *Ольховая Л.В.* Из истории рабочих культурно-просветительных организаций на Урале (1905–1914 гг.) // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 130–135;

168 *Андреева Т.А.* Общественные организации средних городских слоев Урала (1906–1914) // Социально-политические институты провинциальной России (XVI – начало XX веков). Челябинск, 1993. С. 36–55.

169 *Андреева Т.А.* Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1907–1916) // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в. Свердловск, 1990. С. 132–145.

170 *Смирнова Н.С.* Общественные организации г.Екатеринбурга в начале XX в. // Екатеринбург в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1993. С. 49–53.

171 *Лившин Я.И.* «Представительные» организации крупной буржуазии в России в конце XIX – начале XX вв. // История СССР. 1959. № 2. С. 95–117.

172 *Буранов Ю.А.* Съезды уральских горнопромышленников в конце XIX – начале XX вв. // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 268–282.

173 *Алеврас Н.Н.* Уральская буржуазия: представительная организация и аграрный вопрос. Конец XIX в.– 1913 г. // Проблемы социально-политической истории Урала в XIX – начале XX вв. Челябинск, 1991. С. 94–107.

174 *Бочкарев К.Н.* Формирование и структура съезда уральских горнопромышленников (1880–1918) // Проблемы социально-политической истории Урала в XIX – начале XX вв. Челябинск, 1991. С. 107–120.

175 *Хаймсон Л.* Об истоках революции // Отечественная история. 1993. № 6. С. 5–6.

176 *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997. С. 359–433.

177 *Длинные волны.* Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск, 1991.

178 *Хаберлер Г.* Процветание и депрессия: теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск, 2005.

179 *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.

180 *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. Дубна, 2006.

- 181 *Панарин А.* Реванш истории. Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 2005.
- 182 *Розов Н.С.* Воздействие экосоциальной динамики на циклы истории России // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 34–46.
- 183 *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.
- 184 *Харвей Д.* Модели развития пространственных систем в географии человека // Модели в географии. М., 1971. С. 237.
- 185 *Levy M.J.* Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966.
- 186 *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960.
- 187 *Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965.
- 188 *Rustow D.A.* A World of Nations. Washington, 1967. P. 36.
- 189 *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4. С. 3–27.
- 190 *Федотова В.Г.* Неклассические модернизации и альтернативы модернизационной теории // Вопросы философии. 2002. № 12. С. 3–21.
- 191 *Huntington S.* Will More Countries Become Democratic? // Political Science Quarterly. 1984. № 99. P. 193–218.
- 192 *Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966.
- 193 *Huntington S.P.* The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader. Ed. by C.E. Black. New York, London, 1976. P. 30–31.
- 194 *Parsons T.* Societies – Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, New Jersey, Prentice-Hall, 1966.
- 195 *Boeke J.H.* The Structure of the Netherlands Indian Economy. New York, 1942. P.90.
- 196 *Mendels F.* Proto-industrialization: the 1-st part of the Industrialization Process // Journal of the Economic History. Vol. XXXII. № I. 1972.
- 197 *Kriedte P., Medick H., Schlumbohm J.* Industrialization before Industrialization. Cambridge, 1981.
- 198 *Berg M., Hudson P., Sonenscher M.* Manufacture in Town and Country before the Factory. Cambridge, 1983.
- 199 *Металлургические заводы и крестьянство: проблемы социальной организации промышленности России и Швеции в раннеиндустриальный период.* Екатеринбург, 1992.

- 200 Iron-making societies: early industrial development in Sweden and Russia, 1600–1900 / Ed. by Maria Agren. Berghahn Books: Providence, Oxford, 1998.
- 201 *Murakami Ya.* Modernization in Terms of Integration: The Case of Japan // Patterns of Modernity / Ed. by S.N. Eisenstadt. London, 1987. Vol. II: Beyond the West. P. 65–88.
- 202 *Wong Siu-Lun.* The Applicability of the Asian Family Values to Other Sociocultural Settings // Berger P.L. and Hsiao Hsin-Huang M. (eds.). In Search of an East Asian Development Model. New Brunswick, NJ: Transaction, 1988. P. 134–154.
- 203 *Lipset S.M.* Binary Comparisons. American Exceptionalism – Japanese Uniqueness // Comparing Nations: Concepts, Strategies, Substance / Ed. by M. Dogan and A. Kazancigil. Oxford; Cambridge, 1994. P. 184–186.
- 204 *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. В 5 кн. Кн. 3: Бытие и быт. СПб., 2004.
- 205 Летопись занятий археографической комиссии. 1864 год. Выпуск 3. СПб., 1865.
- 206 *Барсов Е.В.* Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с их греческими оригиналами. М., 1883.
- 207 Мерило праведное. М., 1961.
- 208 *Макарий.* История русской церкви. Т. XI. Патриаршество в России. Кн. II. СПб., 1882.
- 209 *Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры. XVII–XVIII вв. М., 1990.
- 210 *Цатурова С.К.* Священная миссия короля-судии, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М., 2006.
- 211 *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008.
- 212 *Брактон Г.* Трактат «О законах и обычаях Англии» // Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы. М., 1961.
- 213 Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и коммент.: В 3 т. / Отв. ред.: Н.Н. Покровский, Г.Д. Ленхофф. – Т. 2. М., 2008.
- 214 Плач о пленении и разорении Московского государства // Русская историческая библиотека. Т. 13: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1891. Стб. 223.
- 215 Сочинения Федора Ивановича Карпова // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. М., 2006.
- 216 *Клибанов А.И.* Духовная культура средневековой Руси. М., 1994.

- 217 *Бушкович П.* Петр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.
- 218 Царь Алексей Михайлович. Сочинения // Московия и Европа. М., 2000.
- 219 *Покровский Н.Н.* Российская власть и общество: XVII–XVIII вв. Новосибирск, 2005.
- 220 *Аввакум.* XX. Челобитная (пятая) царю Алексею Михайловичу // Русская историческая библиотека. Т. 39: Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1. Вып. 1. Л., 1927. Стб. 761.
- 221 *Дуппов С.П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970.
- 222 *Опарина Т.А.* Иван Наседка и полемическое богословие киевской метрополии. Новосибирск, 1998.
- 223 *Фонкич Б.Л.* Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
- 224 *Востоков А.Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.
- 225 Кормчая книга. М., 1650.
- 226 *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. II. М., 1915.
- 227 *Сетин Ф.И.* «Тестамент» в издании Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Под ред. А.Н. Робинсон. М., 1982.
- 228 Тестамент, или завет, Василия ц[а]ря греческаго, к с[ы]ну его Л[ь]ву Философу. М., 1680.
- 229 Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III. М., 1822.
- 230 Материалы для сводного Уложения 1701 г. // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. Кн. 5. М., 1863. С.50–51.
- 231 Собрание государственных грамот и договоров. Ч. IV. М., 1826.
- 232 История о невинном заточении ближнего боярина, Артемона Сергеевича Матвеева. СПб., 1776.
- 233 *Талина Г.В.* Государственная власть и системы регулирования социально-служебного положения представителей высшего общества в начальный период становления абсолютизма в России (1645–1682 гг.). М., 2001.
- 234 Проект о служебном старшинстве бояр, окольничих и думных людей по тридцати четырем степеням, составленный при царе Федоре Алексеевиче. М., 1850.
- 235 *Медведев С.* Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей / Сост. А.П. Богданов. М., 1990.
- 236 *Остен.* Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865.

- 237 *Истомин К.* Книга, желательна приветства мудрости // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики / Сост. А.П. Богданов, под ред. В.И. Буганова. М., 1986.
- 238 *Кафенгауз Б.Б.* И.Т. Посошков. Жизнь и деятельность. М., 1951.
- 239 «Тетради» старца Авраамия // Исторический архив. Том VI. М.; Л. 1951.
- 240 *Воскресенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. Т. I. М.; Л., 1945.
- 241 *Зицер Э.* Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого. М., 2008.
- 242 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.I (1688–1701). СПб., 1887.
- 243 Торжественные врата, вводящая в храм бессмертных славы // Панегирическая литература петровского времени / Сост. В.П. Гребенюк, под ред. О.А. Державиной. М., 1979.
- 244 *Турбойский И.* Преславное торжество свободителя Ливонии // Панегирическая литература петровского времени / Сост. В.П. Гребенюк, под ред. О.А. Державиной. М., 1979.
- 245 Политиколепная apotheosis. М., 1709.
- 246 *Прокопович Ф.* Панегирикос // Панегирическая литература петровского времени / Сост. В.П. Гребенюк, под ред. О.А. Державиной. М., 1979.
- 247 Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XIII. Вып. 2 (14 июня – декабрь 1713 г.). М., 2003.
- 248 *Воскресенский Н.А.* Петр Великий как законодатель // ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 14.
- 249 *Прокопович Ф.* Краткая повесть о смерти Петра Великого. СПб., 1831.
- 250 *Бужинский Г.* [Предисловие] // Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726.
- 251 *Бугров К.Д., Киселев М.А.* «Закон» и «Совет»: Концептуальное поле проектов политических реформ российской бюрократической элиты (рубеж 50–60-х гг. XVIII в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 33. М., 2010.
- 252 *Уортман Р.* Властители и судии: Развитие правового сознания в императорской России / Авторизов. перевод с английского М. Д. Долбилова при участии Ф. Л. Севастьянова. М., 2004.
- 253 *Горский А.А.* Древнерусская дружина. М., 1989.
- 254 *Горский А.А.* Феодализация на Руси: Основное содержание процесса // ВИ. 1986. № 8. С. 74–88.
- 255 *Горский А.А.* Дружина и генезис феодализма на Руси // ВИ. 1984. № 9. С. 17–28.
- 256 *Котляр Н.Ф.* Ярославов ряд 1054 г.: политические перспективы и последствия // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура Древнерусского

государства: VIII Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г.: Тез. докл. М., 1996. С. 37–39.

257 *Свердлов М.Б.* Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.

258 *Свердлов М.Б.* Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XIV вв. // Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории. СПб., 2006. С.10–99.

259 *Свердлов М.Б.* Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1996 (соответствующие разделы, посвященные Руси).

260 История Европы. Т. 3. От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М., 1993.

261 *Чичерин Б.Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856.

262 *Градовский А.Д.* История местного управления в России. СПб., 1868. Т. 1.

263 *Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого налогообложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890.

264 *Дмитриев Ф.М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях // Соч. М. 1899. Т. 1.

265 *Енин Г.П.* Воеводское праздничное кормление в начале 60-х годов XVIII в. // ВИД. СПб., 1994. Т. XXV. С. 103–116.

266 *Богословский М.М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. 2.

267 *Луппов П.Н.* Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков. Ижевск, 1958.

268 *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII в. (30–40-е годы). Воронеж, 1975.

269 *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1991.

270 *Вершинин В.Е.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.

271 *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России: Поморье в XVII веке. М., 1997.

272 *Швейковская Е.Н.* Сеньориальные элементы феодальной собственности на севере России в XVII в. // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы государственной собственности и государственной эксплуатации (Ранний и развитой феодализм): Чтения, посвящ. памяти акад. Л.В. Черепнина. Кишинев, 5–7 апреля 1989 г.: Тез. докл. М., 1988. С.164–170.

273 *Швейковская Е.Н.* Слуги на воеводском дворе в XVII в. // Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. Сб. статей в честь члена-

корреспондента Российской академии наук Сергея Михайловича Каштанова. Ростов, 2003. С. 92–105.

274 *Енин Г.П.* Воеводское кормление в России в XVII веке (содержание населением уезда государственного органа власти). СПб., 2000.

275 *Енин Г.П.* Словесный воеводский суд (Исследование и источник) // Рукописные памятники. СПб., 1995. Вып. 2.

276 *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма.

277 *Редин Д.А.* «Несено Ивану Васильевичю...»: Доходы и расходы провинциальной бюрократии в петровское время // Родина. Российский исторический журнал. 2007. № 11. С.111.

278 *Татищев В.Н.* Духовная // Татищев В. Н. Избранные произведения / Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1979. С.143.

279 РГАДА. 214. 5. 2313. 723.

280 *Хорошкевич А.Л.* Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. М., 1980.

281 *Герберштейн С.* Записки о Московии / Пер. с нем. А.И. Малеина и А.В. Назаренко. Вст. статья А.Л. Хорошкевич. М., 1988.

282 *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / Пер. С.А. Аннинского. М.; Л., 1936.

283 *Кудрявцев А.Н.* Трактат Иоганна Фабри “Религия московитов” // Россия и Германия, Вып. 1. Изд. РАН ИВИ. 1998.

284 *Шлецер А.Л.* Нестор. СПб., 1809.

285 *Петрей П.* История о великом княжестве Московском. М., 1867.

286 *Мейерберг А.* Путешествие в Московию // Утверждение династии. М., 1997.

287 ПСРЛ. СПб., 1843. Т. II. Ипатьевская летопись.

288 *Сафонович Ф.* Хроника с летописцев стародавних URL: <http://litopys.org.ua/sofon/sof10.htm> (дата обращения к ресурсу; 19.10.2010).

289 Мечта о русском единстве: Киевский Синописис (1674). М., 2006.

290 Claudii Ptolemaei Alexandrini enarrationis libros VIII. Basileae, 1540.

291 Библейская генеология в этногенетических концепциях польских и украинских хронистов. URL: <http://www.zarusskiy.org/history/2008/07/18/genealogiya/print/> (дата обращения к ресурсу: 20.10.2010).

292 *Флетчер Д.* О Государстве Русском. СПб., 1906.

293 *Щавелева Н.И.* Древняя Русь в "Польской истории" Яна Длугоша. (Кн. I–VI). М., 2004.

- 294 Великая хроника о Польше, руси и их соседях XI–XIII вв. / Под. ред. В.Л. Янина. М., 1987.
- 295 *Орбини М.* Книга историография початия имене, славы и расширения народа славянского. СПб., 1722.
- 296 ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку.
- 297 Повесть временных лет. М., 2007.
- 298 *Дмитриева Р.П.* Сказание о князьях владимирских. М.; Л., 1955.
- 299 *Кампензе А.* Письмо Алеберта Кампензе к его святейшеству папе Клименту VII о делах Московии // Библиотека иностранных писателей о России. Т 1. СПб. 1836.
- 300 *Принцц фон Бухау – Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. М., 1848. С. 196.
- 301 *Гваньини А.* Описание Московии. – М., 1997. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Gwagnini/frametext1.htm> (дата обращения к ресурсу: 20.10.2010).
- 302 ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. Псковские и Софийские летописи.
- 303 ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в.
- 304 ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. Ермолинская летопись. С. 2-3;
- 305 ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. Стб. 35;
- 306 ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. 1. Русский Хронограф редакции 1512 г.
- 307 Книга Степенная Царского родословия. Ч. 1. М. 1775.
- 308 *Черепнин Л.В.* Русская историография до XIX в. М., 1957.
- 309 *Манкиев А.* Ядро Русской истории. М., 1770.
- 310 *Татищев В.Н.* История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 2. М., 1769.
- 311 *Эмин Ф.А.* Российская история. Т. 1. СПб., 1769.
- 312 *Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. Т. I. СПб., 1770.
- 313 *Тредиаковский В.К.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773.
- 314 *Миллер Г.Ф.* О происхождении имени и народа Российского // Фомин В.В. Ломоносов. М., 2006.
- 315 Замечания на ответы Миллера // Фомин В.В. Ломоносов. М., 2006.
- 316 *Ломоносов М.В.* Древняя Российская история. СПб., 1766.
- 317 Замечания на диссертацию (речь) Г.Ф. Миллера // Фомин В.В. Ломоносов. М., 2006.
- 318 *Ломоносов М.В.* Краткий Российский летописец. СПб., 1760.
- 319 *Миллер Г.Ф.* О народах издревле в России обитавших. СПб., 1773.

- 320 *Штрубе де Пирмонт*. Рассуждение о древних Россиянах. СПб., 1791.
- 321 *Мальгин Т.* Зерцало Российских государей. СПб., 1794.
- 322 *Болтин И.* Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1. СПб., 1788.
- 323 *Кун Т.* Структура научных революций. М., 1977.
- 324 *Галкина Е.С.* Тайны Русского каганата. М., 2002.
- 325 *Губогло М.Н.* Доклад на семинаре «Этнический фактор в федерализации России». 18 января 2000 / <http://federalmcart.ksu.ru/conference/seminar3/guboglo.htm>
- 326 *Mojzes P.* The Camouflaged Role of Religion in the Recent Balkan Wars // История церкви: изучение и преподавание. Екатеринбург, 1999. С.52–54.
- 327 *Главацкая Е.М.* Религиозные традиции хантов. XVII–XX вв. Екатеринбург-Салехард, 2005.
- 328 *Старостин А.Н.* Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX – начале XXI вв. Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.
- 329 *Hamayon R. N.* Shamanism in Siberia: From Partnership in Supernature to Counter-power in Society // Shamanism, History, and the State. Michigan, 1994. P.76.
- 330 *Geertz C.* Islam Observed. Religious development in Morocco and Indonesia. New Haven and London, 1968. P.56.
- 331 Traditions in Contact and Change. Selected Proceedings of the XIV the Congress of International Association for the History of Religions. Waterloo. Ontario, 1983.
- 332 Transitions and Transformations in the History of Religions. Essays in Honor of Jozeph M. Kitagawa // Studies in the History of Religions №39. Leiden, 1980. P.17;
- 333 *Главацкая Е.М.* «...Мы не можем без попа». Православная атрибутика в культуре обских угров // Родина. М., 2009. № 1. С.33–37.
- 334 *Rydving H.* The end of Drum-time: Religious Change among the Lule Saami, 1670–1740s. Uppsala, 1993;
- 335 *Znamenskii A.* Shamanism and Christianity: Native encounters with Russian Orthodox Missions in Siberia and Alaska, 1820–1917. Connecticut – London, 1999;
- 336 *Главацкая Е.М.* Православие, атеизм и традиционные верования хантов: история религиозных изменений // История церкви: изучение и преподавание. Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. Екатеринбург, 1999. С. 28–35.
- 337 *Смоляк А.В., Соколова З.П.* Традиционные и новые праздники у народов Севера // Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М., 1981. С. 91–107;
- 338 *Swidler L., Mojzes P.* The Study of Religion in an Age of Global Dialog. Temple University Press, Philadelphia, 2000.

- 339 *Pratt J.B.* Religious Consciousness. New York, 1934.
- 340 *Главацкая Е.М.* Уральская экспедиция Приполярной переписи 1926–27 гг.: история организации // Уральский исторический вестник. № 13. Ямальский выпуск. 2006.
- 341 Фотография участников экспедиции // Земля Ямал. Альбом ямальских экспедиций В.П. Евладова. М., 1998. С.48.
- 342 *Edwards, E.* Introduction in: *Anthropology & Photography 1860–1920*. Elizabeth Edwards (Ed.). New Haven&London, 1992. P.4.
- 343 *Mydin I.* Historical Images – Changing Audiences. In: *Anthropology & Photography 1860–1920*. Elizabeth Edwards (Ed.). New Haven& London. 1992. P.249.
- 344 *Scherer J.* Historical Photographs as Anthropological Documents: A Retrospect. In: *Visual Anthropology*, Vol.3. 1990. P.132.
- 345 ГАСО. Ф. Коллекция Сурина. Д. 2921.
- 346 ГАСО. Ф. Коллекция Сурина. Д. 4738.
- 347 ГАСО. Ф. Коллекция Сурина. Д. 916.
- 348 *Glavatskaya E.* The Polar Urals' religious landscape ...P. 214–215.
- 349 ГАСО. Ф. Коллекция Сурина. Д. 933 и 2614;
- 350 *Kaplan, Flora S.* 1990. Some uses of Photographs in Recovering Cultural History at the Royal Court of Benin, Nigeria, in: *Visual Anthropology* 3 (1990). P. 317–341.
- 351 *Znamenski A.A.* Vague Sense of Belonging to the Russian Empire: The Reindeer Chukchi's status in nineteenth Century Northeastern Siberia. In: *Arctic Anthropology*. 1999. Vol.36. Nos.1–2.
- 352 *White R.* The middle ground. Indians, Empires, and Republics in the Great Lakes region, 1650–1815. Cambridge, 1991.
- 353 *Главацкая Е.М.* Приполярная перепись 1926-27 гг.: проблемы реконструкции религиозного ландшафта Обдорского края // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. ст., посвящ. 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург, 2008. С. 361–371.
- 354 *Webb M.* Cultural landscapes in the National Park Service. *The Public Historian*, Vol. 9. No 2. The National Park Service and Historic Preservation. (Spring,1987). P.78.
- 355 *Sauer C. O.* The Morphology of Landscape. Berkeley: University of California press. 1925. P.343.
- 356 *Everson P., Williamson T.* The Archaeology of Landscape. Manchester: Manchester University Press, 1998;
- 357 *Hooke D.* The landscape of Anglo-Saxon England. Leicester: Leicester University Press, 1998;

- 358 *Muir R.* Approaches to landscape. London: Macmillan, 1999.
- 359 *Robertson I., Richards. P.* Introduction // Studying cultural landscapes Ed. Iain Robertson and Penny Richards. London. 2003. P.2.
- 360 *Cosgrove D.E.* Prospect, perspective and the evolution of the landscape idea. Transaction of the Institute of British Geographers (new series). 1985. P.10, 45–62
- 361 *Cosgrove D.E.* Social Formation and Symbolic Landscape. London: Groom Helm, 1984;
- 362 *Daniels S., Cosgrove D.E.* Spectacle and text: landscape metaphors in cultural geography // Place. Culture. Representation. Duncan J. and Ley D. Ed. London: Routledge, 1993. P. 57–77.
- 363 *Ingold T.* The Temporality of the Landscape. // World Archaeology, Vol.25. No.2, Conceptions of Time and Ancient Society. (Oct. 1993). P.162.
- 364 *W.J.T. Mitchell* Landscape and power. Chicago, 1994. P.1.
- 365 *Seimour S.* Historical geographies of landscape // Modern Historical Geographies. Ed. Graham B. and Nash C. London: Longman. 2000. P. 194.
- 366 *Головнев А.В.* Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. № 4(25). 2009. С. 46–55.
- 367 *Тишков В.А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С.120–124;
- 368 *Главацкая Е.М.* Новокрещены Верхотурского уезда в XVII в. // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1990. С.31–37.
- 369 Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т.II. С.56.
- 370 *Зольникова Н. Д.* Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. С. 271–273, 274, 300–303, 309–312.
- 371 *Новицкий Г.* Краткое описание о народе остяцком. Новосибирск, 1941. С.94–98.
- 372 *Белявский Ф.* Поездка к Ледовитому морю. М., 1833. С.48–49;
- 373 *Карьялайнен К.Ф.* У остяков. Путевые записки К.Ф. Карьялайнена. Перевод с фин. В.Болотова // Сибирские вопросы. СПб., 1911. № 32–33. С. 68;
- 374 *Мартин Ф.Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов. Екатеринбург – Сургут, 2004.
- 375 *Руденко С.И.* Иностранцы нижней Оби. (Этнографический очерк). (Отдельный оттиск из «Трудов» Общества Землеведения при Императорском СПб. университете, Т. III. СПб., 1914. С.11–12;
- 376 *Огрызко И.И.* Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. М., 1941. С.79.

- 377 *Muller J. B.* The manners and Customs of the Ostiacks // *Weber F.C.* The present state of Russia. London, 1722–23. P. 37–92.
- 378 *Кушелевский Ю.И.* Северный полюс и земля Ямал. М., 1868. С.113.
- 379 Очерки истории Югры / Отв. Ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. Екатеринбург, 2000. С.233;
- 380 *Бауло А.В.* Культурная атрибутика Березовских хантов. Новосибирск, 2002. С.27, 30–31, 40.
- 381 *Старцев Г.* Остяки. Социально-экономический очерк. Л., 1928. С.143.
- 382 Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. (Из истории национально-государственного строительства 1822–1941 гг.): Сб. документов. Тюмень, 1994. С.155.
- 383 *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). М., 2000.
- 384 *Жижков В. В.* Вопрос о религии во внутрипартийной борьбе 1928–1929 гг. (по материалам черновых протоколов Политбюро) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX. Новосибирск, 2003. С. 193–204
- 385 *Сталин И. В.* Год великого перелома // Сочинения. М., 1949. Т. 12.
- 386 В помощь безбожнику. Златоуст, 1929.
- 387 Задачи антирелигиозной пропаганды на Урале // Известия Уральского областного исполнительного комитета. 1929. № 33–34. С. 13
- 388 *Эристов А.* На Тобольском фронте борьбы с религией. Антирелигиозные очерки и материалы. Тобольск, 1929.
- 389 *Эристов А.* Уральский Север. Антирелигиозные очерки Тобольского края. Свердловск, 1933.
- 390 *Эристов А.* Церковь на службе у колчаковщины (к 10-летию освобождения Урала от Колчака) // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1929. № 1–2. С. 47–48.
- 391 *Долотов А. А.* Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. С. 53–74.
- 392 *Панов.* Усилим фронт антирелигиозной борьбы // Просвещение на Урале. 1930. № 9. С. 87–89
- 393 *Миловидов В. Ф.* Современное старообрядчество. М., 1979.
- 394 *Миловидов В. Ф.* Старообрядчество в прошлом и настоящем. М., 1969.
- 395 *Гагарин Ю. В.* Старообрядцы. Сыктывкар, 1973.
- 396 *Ивонин Ю. М.* Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. Ижевск, 1973.
- 397 *Карцов В. Г.* Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в России. Калинин, 1971.

- 398 *Катунский А. Е.* Старообрядчество. М., 1972.
- 399 *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история советской России в 1930-е гг.: деревня. М., 2001.
- 400 *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М., 2010.
- 401 *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск, 2007.
- 402 *Коровушкина-Пярт И. П.* Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание // Проблемы истории России. Вып. 4.: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 206–217.
- 403 *Чагин Г. Н.* Пудьвинская лавра // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 169–172.
- 404 *Чагин Г. Н.* Крестьянская семья Верхокамья в конце XVIII – первой четверти XX вв. // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. С. 31–40.
- 405 *Чагин Г. Н.* Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. II. Екатеринбург, 1998. С. 258–272.
- 406 *Чагин Г. Н.* Традиционные связи духовной культуры семьи и общины русского старообрядческого населения Верхокамья // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 162–167.
- 407 *Черных А. В.* Старообрядчество южных районов Пермской области в контексте этнокультурной истории // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. Пермь, 2001. С. 133–158.
- 408 *Данилко Е. С.* Старообрядчество на Южном Урале: историко-этнографическое исследование. Уфа, 2000. С. 17–22.
- 409 *Агеева Е. А.* Старообрядческое согласие «не приемлющих общин» и его историографы // Традиционная народная культура населения Урала. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 1997. С. 172–178.
- 410 *Поздеева И. В.* Верещагинское территориальное книжное собрание и проблемы истории духовной культуры русского населения верховьев Камы // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). М., 1982. С. 40–71.

411 *Поздеева И. В.* Книга – личность – община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения. Мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. Пермь, 2001. С. 7–3.

412 *Пушков В. П.* Массовые источники по истории старообрядческих поселений Пермского региона второй половины XIX–XX вв. как база комплексных исследований // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. Материалы междунар. науч. конф. 21–24 ноября 1995 г. Сб. науч. тр. М., 1998. С. 73–80.

413 *Покровский Н. Н.* За страницей «Архипелага ГУЛАГ» // Новый мир. 1991. № 9. С. 77–90.

414 *Покровский Н. Н.* Скитские биографии // Новый мир. 1992. № 8. С. 194–210.

415 *Покровский Н. Н.* Традиции и новации в духовной жизни русского старообрядчества // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 6–12.

416 *Покровский Н. Н.* Старообрядческий рассказ о сталинских репрессиях // Возвращение памяти. Новосибирск, 1994. Вып. 2. С. 198–211.

417 *Покровский Н. Н.* Старообрядческий агиографический цикл XX века // Skupiska staroobrzadowcow w Evropie, Azji i Ameryce, ich miejsce i tradycje we wspolczesnym swiecie. Warszawa, 1994. С. 33–43.

418 *Покровский Н. Н.* Соборные уложения часовенных XVIII–XX вв.: система запретов // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск, 2000. С. 123–138.

419 *Зольникова Н. Д.* Современный писатель-старообрядец с Енисея // Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992. С. 283–288.

420 *Зольникова Н. Д.* Историко-эсхатологическое сочинение XX века // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992. С. 160–190.

421 *Зольникова Н. Д.* Человек и вселенная в сочинениях главы сибирского старообрядческого монастыря о. Симеона // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1996. № 2. С. 50–54.

- 422 Зольникова Н. Д. Сибирские писатели-староверы XX века // Проза Сибири. 1996. № 1. С. 269–275.
- 423 Зольникова Н. Д. Сибирские староверы-часовенные в первой половине XX века.: Древние традиции в советское время // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск, 1998. С. 174–190.
- 424 Зольникова Н. Д. «Свои» и «чужие» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1998. № 2. С. 54–59.
- 425 Зольникова Н. Д. Межконфессиональная полемика сибирских староверов в XX в.: «часовенные» против «австрийских» // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. 1999. № 2. С. 51–55.
- 426 Зольникова Н. Д. Печатная книга в полемических сочинениях урало-сибирских староверов-часовенных: от XVIII в. к XX в. // Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи. Мат-лы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 25–28 июня 2001 г. Улан-Удэ, 2001. С. 326–329.
- 427 Зольникова Н. Д. Скитские письма второй половины XX века (Нижний Енисей) // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 292–299.
- 428 Зольникова Н. Д. Таежный писатель // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 418–433.
- 429 Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.
- 430 Зольникова Н. Д. Апелляция о Симеона: столкновение двух культур // Сибирь на перекрестке мировых религий. Материалы IV межрегионал. науч.-практ. конф., посвящ. памяти М.И.Рижского. Новосибирск, 2009. С.189–195.
- 431 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решения съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1983. Т. 2 (1917–1922). С. 83.
- 432 ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 542. Л. 13–14 об.
- 433 ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 546. Л. 19–21 об.
- 434 Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Кн. 1.
- 435 Путинцев Ф. Факты о старообрядцах // Безбожник. 1926. № 3. С. 5.
- 436 Безбожник. 1926. № 19–20. С. 14.
- 437 Безбожник. 1926. № 21. С. 19.
- 438 Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти... Л. 160–164, 178–179.
- 439 ЦДООСО. Ф 4. Оп. 6. Д. 426.

440 ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 5. Д. 444.

441 *Мальцев А. И.* Новые материалы о странническом согласии в собрании рукописей Института истории СО РАН // V Уральские археографические чтения. К 25-летию Уральской объединенной археографической экспедиции. Тезисы докл. науч. конф. Екатеринбург, 14–16 октября 1998 г. Екатеринбург, 1998. С. 32.

442 *Горный В.* Шажком по Уралу // Уральская новь. 1926. № 4. С. 15–16.

443 Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 3 (1922–1925). С. 114–116.

444 Конституция РСФСР, принятая Пятым Всероссийским съездом Советов // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 554, 561–562.

445 *Килин А. П.* Категории граждан, лишенных избирательных прав в 1920-е годы (анализ инструкций о выборах в советы) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 98.

⁴⁴⁶ *Русина Ю. А.* Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–30-е гг. (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е годы): Сб. ст. участников науч. конф. «История репрессий на Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 122.

447 Социальный портрет лишенца (на материалах Урала). Сб. док-в / Сост.: *Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур* и др. Екатеринбург, 1996. С. 45.

448 УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 82.

449 Древлехранилище ЛАИ УрГУ. XIV (Шалинское) собр. 29п/3712.

450 Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 175р/1239. Л. 1–9.

451 Древлехранилище ЛАИ УрГУ. IX (Свердловское) собр. 89р/1200 (фрагмент).

452 УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23140. Т. 1. Л. 352.

453 *Кузнецов А. Т.* Общины и противообщинники // Уральский старообрядец. 1915. № 7. С. 12–20.

454 «Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора» 1 мая 1884 г. // Духовная литература староверов востока России. Новосибирск, 1999. С. 342.

455 *Покровский Н. Н.* Соборные постановления XVIII–XX вв. // Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М., 2002.

456 Труды Первого Всероссийского съезда старообрядцев часовенного согласия. Екатеринбург, 1912. С. 47.

457 Древлехранилище ЛАИ УрГУ. II (Горнозаводское) собр. 8р/414. Л. 1–9 об.

458 УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 39903. Л. 57.

459 Постановление собора Святой Древлеправославной Церкви Христовой в Москве (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию) с 1 (14) по 11 (24) июня 1925 года. Б./м., б./г.

460 *Вургафт С.Г., Ушаков И.А.* Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 118.

461 Освященный собор // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 458–459.

462 Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V (Курганское) собр. 22р/641. Л. 84 об.–87.

463 Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V (Курганское) собр. 204р/4052. Л. 21–25 об.

464 *Мангилев П.А.* К истории поморского согласия на Урале в XVIII–XX вв. // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, С. 24.

465 Деяния и уложение собора по догматическим и каноническим вопросам // Рукописи Верхокамья.

466 Освященный собор // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 441–442.

467 *Степанский А.Д.* Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX в. М., 1980.

468 *Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы: Монография. Тамбов, 2002.

469 Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии. 1914 г. Пермь, 1914.

470 Устав Пермского Благородного Собрания. Пермь, 1887.

471 Устав Екатеринбургского общества охоты. Екатеринбург, 1888.

472 *Третьяков А.Н.* Краткий очерк учреждения, развития и деятельности Пермского городского общества взаимного страхования имущества от огня. Пермь, 1914.

473 Пермские губернаторы (из фондов архива). Пермь, 1996.

474 Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. Пермь, 1891.

475 Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1886 год. Екатеринбург, 1887.

476 Отчет Общества вспомоществования недостаточным ученикам Алексеевского Екатеринбургского реального училища о состоянии и деятельности Общества за срок от 18 октября 1887 года по 21 октября 1888 года, представленный годичному общему собранию 20 ноября 1888 года. Б./м., б./г.

477 *Трапезников В.Н.* Летопись города Перми. Пермь, 1998.

478 Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии 1913 г. Пермь, 1912.

479 Отчет Пермского городского попечительства о бедных. С 27 ноября 1911 г. по 1 января 1914 г. Пермь, 1914.

480 *Беляев С.Е.* Урал музыкальный // Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1996.

- 481 *Андреева Т.А.* Культурно-просветительная деятельность уральской интеллигенции между буржуазно-демократическими революциями (1907–1916) // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в. Свердловск, 1990.
- 482 Устав Осинского благотворительного общества. Оса, 1893.
- 483 *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII–XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.
- 484 Альбом городских голов Российской империи. СПб., 1903.
- 485 *Линденмейер А.* Добровольные благотворительные общества в эпоху Великих реформ // Великие реформы в России. 1856-1874: Сборник / Под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. М., 1992. С. 289–297.
- 486 Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества в 1869 году (с 16-го марта по 31-е декабря), читанный в общем собрании гг. членов общества 29-марта 1870 г. Екатеринбург, 1876.
- 487 Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1871 год (третий год существования общества). Екатеринбург, 1872.
- 488 Отчет о деятельности Екатеринбургского благотворительного общества за 1900 год, тридцать второй год существования общества, читанный в общем собрании гг. членов, 23 февраля 1901 года. Екатеринбург, 1901.
- 489 *Корепанова С.А.* Екатеринбургское благотворительное общество // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002.
- 490 *Prochaska F.K.* Women and Philanthropy in Nineteenth-Century England. Oxford, 1980.
- 491 *Prochaska F.K.* Schools of Citizenship: Charity and Civic Virtue. London, 2002.
- 492 *Ульянова Г.Н.* Исследования истории российской благотворительности: реконструкция национального опыта и возможности его применения в современных условиях // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001.
- 493 *Соколов А.Р.* Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало XVIII – конец XIX вв.). СПб., 2006.
- 494 *Дашкевич Л.А.* Начало деятельности Пермского дамского попечительства о бедных // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. Екатеринбург, 2002.
- 495 Отчет о деятельности Пермского Дамского Попечительства о бедных, состоящего под непосредственным покровительством ея императорского величества государыни императрицы, в 1868 г. Б.м., б.г.
- 496 *Агеев С.С., Микитюк В.П.* Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998.

- 497 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1874. Изд. 2. Т. 14. № 48498. С.823.
- 498 От Екатеринбургского комитета по разбору и призрению нищих. Екатеринбург, 1885.
- 499 Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001.
- 500 *Гавриленко К.М.* Современная благотворительность и ее задачи. Екатеринбург, 1917.
- 501 *Братилова Ф.С.* Кунгурское городское попечительство о бедных // Ярмарки на Урале. История и современность. Тезисы докладов и сообщений III региональной научно-практической конференции «Грибушинские чтения» (г. Кунгур, 28-29 марта 2002 г.). Кунгур, 2002.
- 502 Отчет о деятельности Пермской городской управы за 1887 год. Пермь, 1888.
- 503 *Степанский А.Д.* Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. Пособие по спецкурсу. М., 1982.
- 504 Отчет о деятельности Общества попечения о народном образовании в г. Красноуфимске и его уезде за 1898 г. Пермь, 1899.
- 505 *Побережников И.В.* Общество в контексте модернизации: Урал во второй половине XIX – начале XX в. // Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Сборник научных статей. Уфа, 1997.
- 506 *Микитюк В.П.* Общество вспомоществования недостаточным ученикам Екатеринбургского Алексеевского реального училища. Общество попечения о начальном образовании // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С.403
- 507 Отчет о деятельности «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся в учебных заведениях г. Соликамска и его уезда» за 1900 г. Пермь, 1901.
- 508 Отчет о деятельности Общества Милосердия за 1912 год со дня открытия его 13 ноября 1911 г. Б.м., б.г.
- 509 Отчет о деятельности Екатеринбургского общества борьбы с чахоткой за 1912 год. Екатеринбург, 1913.
- 510 Отчет о деятельности Екатеринбургского общества борьбы с чахоткой за 1913 год. Екатеринбург, 1914.
- 511 Отчет о деятельности Екатеринбургского общества борьбы с чахоткой за 1914 год. Екатеринбург, 1915.
- 512 Очерк о деятельности Екатеринбургского Дамского Кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, за время с 5 октября 1914 года по 25 апреля 1916 года. Екатеринбург, 1916.

513 *Коробейников Ю.В.* Исторический опыт осуществления общественной помощи нуждающимся органами местного самоуправления в России в 1864–1917 гг. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. Ставрополь, 2003.

514 Образование: исследовано в мире. Международный научный педагогический Интернет-журнал с библиотекой-депозитарием. <http://www.oim.ru/reader.asp>

515 История Урала в период капитализма. М., 1990.

516 *Беляев С.Е.* Урал музыкальный // Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1996.

517 *Чагин Г.Н.* Общественная жизнь г. Чердыни конца XIX – начала XX вв. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Пермь, 1990.

518 *Зорина Л.И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Т. I. Екатеринбург, 1996.

519 *Верхоланцев В.С.* Город Пермь, его прошлое и настоящее. Краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1994.

520 Устав Пермского общества «Народный Дом». Пермь, 1910.

521 *Чагин Г.Н., Шилов А.В.* Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007.

522 Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000.

523 *Krieger L.* The German Idea of Freedom: History of Political Tradition. Boston, 1957.

524 *Koselleck R.* Preussen zwischen Reform und Revolution. Stuttgart, 1967.

525 *Fischer W.* Der Staat und die Anfänge der Industrialisierung in Baden 1800–1850. Berlin, 1962.

526 *Fischer W.* Das Verhältnis von Staat und Wirtschaft in Deutschland am Beginn der Industrialisierung // *Kyklos*. 1961. № 14. S. 337–363.

527 *Fischer W.* Innerbetrieblicher und sozialer Status der frühen Fabrikantenschaft // Die wirtschaftliche Situation in Deutschland und Österreich um die Wende vom 18. zum 19. Jahrhundert. Hrsg. von Lutge F. Stuttgart, 1964. S. 192–222.

528 *Fischer W.* Handwerksrecht und Handwerkswirtschaft um 1800. Berlin, 1955.

529 *Fischer W.* Das deutsche Handwerk in der Frühphase der Industrialisierung // *Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1964. № 120. S. 686–712.

530 *Fischer W.* Ansätze zur Industrialisierung in Baden 1770–1870 // *Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1960. № 47. S. 186–231.

531 *Wutzmer H.* Die Herkunft der industriellen Bourgeoisie Preussens in den vierziger Jahren des 19. Jahrhunderts / *Studien zur Geschichte der Industriellen Revolution in Deutschland*. Hrsg. von Motteck H. Berlin, 1960. S. 145–163.

- 532 *Sachtler H.* Wandlungen des industriellen Unternehmers in Deutschland seit Beginn des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1937.
- 533 *Treitschke H.* History of Germany in the Nineteenth Century. 7 vols. L., 1915–1919. V. 2.
- 534 Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Hrsg. von Schnabel F. In 4 Bde. Freiburg, 1949, 1955. Bd. 1.
- 535 *Hamerow T.* Restoration, Revolution, Reaction: Economics and Politics in Germany 1815–1871. Princeton, N. Y., 1958.
- 536 *Rohr D.* The Origins of Social Liberalism in Germany. Chicago, 1963.
- 537 *Huber E. R.* Deutsche Verfassungsgeschichte. In 4 Bde. Stuttgart. 1957–1969. Bd. 1.
- 538 *Kramer H.* Fraktionsbindungen in den deutsche Volksvertretungen 1819–1849. Berlin, 1968.
- 539 *Hamerow T.* The Elections to the Frankfurt Parliament // Journal of Modern History. 1961. № 33. P. 15–32.
- 540 *Valentin V.* Geschichte der Deuschen Revolition 1848–1849. In 2 Bde. Berlin, 1930–1931.
- 541 *Eyck F.* The Frankfurt parliament 1848–1849. L., 1968.
- 542 «Quantification in the German Social and Political History», Dimensions of the Past. Ed. Lorwin V. and Price. J. New Haven. Conn., 1972.
- 543 *Schilfert G.* Sieg und Niederlage des demokratischen Wahlrechts in der deutschen Revolution 1848/49. Berlin, 1952. S. 406.
- 544 *Gillis G.* The Prussian Bureaucracy in Crisis, 1840–1860. Stanford. Calif. P. 103.
- 545 *Schultze J.* Die Auseinandersetzung zwieschen Adel und B̃rgertum in den deutschen Zeischriften der letzten drei Jahrzehnte des 18. Jahrhunderts (1773–1806). Berlin, 1925. S. 44.
- 546 *Koselleck R.* Preussen zwischen Reform und Revolution. Stuttgart, 1967.
- 547 *Rosenberg H.* Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy: The Prussian Experience, 1660–1815. Camb., Mass., 1958.
- 548 *Conze W.* Das Spannungsfeld von Staat und Gesellschaft im Vorm̃rz // Staat und Gesellschaft Badens im Vormarx 1815–1848. Hrsg. von Conze W. Stuttgart, 1962.
- 549 *Fischer W.* Staat und Gesellschaft Badens im Vormarx // Staat und Gesellschaft Badens im Vormarx 1815–1848. Hrsg. von Conze W. Stuttgart, 1962. S. 146.
- 550 *Zorn W.* Staat und Gesellschaft Badens im Vorm̃rz // Staat und Gesellschaft Badens im Vorm̃rz 1815–1848. Hrsg. von Conze W. Stuttgart, 1962. S. 134.
- 551 *O'Boyle L.* The Problem of an Excess of Educated Men in Western Europe, 1800–1850 // Journal of Modern History. № 42. December, 1970. P. 471–495.
- 552 The Image of Journalist in France, Germany and England, 1815–1848 // Comparative Studies in Society and History. № 10. April, 1968. P. 290–317.

- 553 The Democratic Left in Germany, 1848 // *Journal of Modern History*. 1961. № 33. P. 374–383.
- 554 *Freytag G.* Erinnerungen aus meinem Leben / Gesammelte Werke. Leipzig, 1887–88. In 22 Bde. Bd. 1. S. 14.
- 555 Hinton Thomas R. Liberalism, Nationalism and German Intellectuals (1822–1847) // *An Analysis of Academic and Scientific Conferences of the Period*. Camb., 1951.
- 556 *Repgen K.* Klerus und Politik 1848 / Aus Geschichte und Landeskunde: Festschrift für Franz Steinbach. Bonn, 1960.
- 557 *Below G. von.* Zur Geschichte der konstitutionellen Partei im vormärzlichen Preussen: Briefwechsel des Generals G. von Below and des Abgeordneten von Saucken-Lilienfelde. Tübingen, 1903.
- 558 *Zunkel F.* Der rheinisch-westfälische Unternehmer 1834–1889. Cologne, 1962.
- 559 *Clauss W.* Die Staatsbeamte als Abgeordneter in der Verfassungsentwicklung der deutschen Staaten.
- 560 *Kyllmann W.* Friedrich Harkort, 1793–1838. Düsseldorf, 1964. S. 64, 114.
- 561 *Böttner S.* Die Anfänge des Parlamentarismus in Hessen-Darmstadt und das dultische System. Darmstadt, 1969. S. 149.
- 562 *Bauer A.* Badens Volksvertretung in der zweiten Kammer der Landstände von 1819–1890. Karlsruhe, 1891.
- 563 *Stemmermann P.* Philipp Thiebaut. Revolutionär und Bürgermeister. Karlsruhe, 1864.
- 564 *Valentin V.* Frankfurt am Main und die Revolution von 1848/49. Stuttgart, 1908. S. 74.
- 565 *Clauswitz P.* Die Städteordnung von 1808 und die Städte Berlin. Berlin, 1908. S. 213.
- 566 *Kaelble H.* Kommunalverwaltung und Unternehmer in Berlin während der frühen Industrialisierung / Untersuchungen zur Geschichte der frühen Industrialisierung. Hrsg. von Busch O. Berlin, 1970.
- 567 *Kochhann H.* Auszüge aus seinen Tagebüchern. Berlin, 1906.
- 568 *Henning W.* Geschichte der Stadtverordnetenversammlung von Essen (1890–1914). Essen, 1965. S. 25.
- 569 *Kullmann W.* Sozialgeschichte der Stadt Barmen im 19. Jahrhundert. Tübingen, 1960. S. 223–224.
- 570 *Croon H.* Die Stadtvertretungen in Krefeld und Bochum im 19. Jahrhundert / Vorschungen zu Staat und Verfassung: Festgabe für Fritz Hartung. Berlin, 1958. S. 289–306.
- 571 *Sheehan J.* Liberalism and the City in Nineteenth-Century Germany // *Past and Present*. 1971. № 51. P. 116–137.

572 *Süss E.* Pfälzer im Schwarzen Buch. Heidelberg, 1956. S. 152; *Trautz F.* Das Hambacher Fest und der südwestdeutsche Frühliberalismus // *Heidelberger Jahrbücher.* 1958. №2. S. 14–52.

573 *Rosenberg H.* Theologischer Rationalismus und vormärzlicher Vulgärliberalismus // *Historische Zeitschrift.* 1930. № 141. S. 533–534.

574 *Unruh H. V. von.* Erinnerungen. Stuttgart, 1895. S. 67.

575 *Born S.* Erinnerungen eines Achtundvierzigers. Leipzig, 1898. S. 137.

576 *Falkson F.* Die liberale Bewegung in Künigsberg 1840–1848. Breslau, 1888. S. 108.

577 *Fontane T.* Von Zwanzig bis Dreissig. Sämtliche Werke. In 23 Bde. München, 1959–1970. Bd. 15. S. 13.

578 *Schilfert G.* Sieg und Niederlage des demokratischen Wahlrechts in der deutschen Revolution 1848/49. Berlin, 1952. S. 401.

579 *Gillis G.* The Prussian Bureaucracy in Crisis, 1840–1860. Stanford. Calif. P. 106, 128.

580 *Freadenberger H., Redlich F.* The Industrial Development of Europe: Reality, Symbols, Images // *Kyklos,* № 17, 1964. P. 389–390.

581 *Beau H.* Das Leistungswissen des frühindustriellen Unternehmertums in Rheinland-Westfalen. Cologne, 1959. S. 8.

582 *Heffter H.* Die deutsche Selbstverwaltung im 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1950.

583 *Weinacht P.-L.* «Staatbürger»: zur Geschichte und Kritik eines politischen Begriffes / Staat. 1969. № 8. S. 41–63.

584 *Beutin L.* Die märkische Unternehmerschaft in der frühindustriellen Zeit // *Westfälische Forschungen.* 1957. № 10. S. 64–74.

585 *Huschke W.* Forschungen über die Herkunft der thüringischen Unternehmerschicht des 19. Jahrhunderts. Baden-Baden, 1962.

586 *Redlich F.* Frühindustrielle Unternehmer und ihre Probleme im Lichte ihrer Selbstzeugnisse / Wirtschafts- und Sozialgeschichtliche Probleme der Frühindustrialisierung. Hrsg. von Fischer W. Berlin, 1968. S. 339–412.

587 *Tilly R.* Soll und haben: Recent German Economic History and the Problem of Economic Development // *Journal of Economic History.* 1969. № 29. P. 298–319.

588 *Blumberg H.* Manufaktur, Staat und beginnende Industrialisierung in Deutschland // *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.* 1967. S. 409–444.

589 *Bab B.* Die öffentliche Meinung über den deutschen Zollverein zur Zeit seiner Entstehung. Berlin, 1930.

590 *Henderson W. O.* The Zollverein. Camb., 1939.

- 591 *Gothein E.* Verfassungs- und Wirtschaftsgeschichte der Stadt Cöln. In 2 Bde. Cologne, 1916. Bd. 1.
- 592 *Bovensiepen R.* Die Kurhessische Gewerbepolitik und die wirtschaftliche Lage des zünftigen Handwerks in Kurhesen von 1816–1867. Halle, 1909.
- 593 *Deutsche Liberalismus im Vormärz: Heinrich von Gagern. Briefe und Reden.* Hrsg. von Wentzcke P. Berlin, 1959.
- 594 *Welker T.* Städte / Staatslexikon. Altona, 1834–43. Bd. 15.
- 595 *Die Eigentumslosen.* Hrsg. von Jantcke C., Hilger D. Freiburg, 1961.
- 596 *Steibel N.* Der Zentralverein für das Wohl der arbeitenden Klasse im vormärzlichen Preussen Heidelberg, 1922.
- 597 *Edler E.* Eugene Sue und die deutsche Mysterieliteratur. Berlin, 1932.
- 598 *Lendes D.* Unbound Prometheus: Technological Change an Industrial Development in Western Europe from 1850 to the Present. Camb., 1969.
- 599 *Wieber W.* Die politischen Ideen von Sylvester Jordan. Tübingen, 1913.
- 600 *Schumacher M.* Gesellschafts- und Ständebegriff um 1846: ein Beitrag zum sozialen Bild des süddeutschen Liberalismus nach dem Rotteck-Welckerschen Staatslexikon. Göttingen, 1956.
- 601 *Mohl R. von.* Ackerbau / Staatslexikon. Altona, 1834–43. Bd. 1.
- 602 *Schib K.* Die staarechtlichen Grundlagen der Politik Karl von Rottecks. Mulhous, 1927.
- 603 *Klitzsch F.* Sozialismus und soziale Bewegung im Spiegel der «Augsburger Zeitung»: 1840–1850. Munich, 1934.
- 604 *Mohl R. von.* Gewerbe- und Fabrikwesen / Staatslexikon. Altona, 1834–43. Bd. 6.
- 605 *Kyster J.* Der rheinische Frühliberalismus und die soziale Frage. Berlin, 1938.
- 606 *Mombert P.* Aus der Literatur über soziale Frage und die Arbeiterbewegung in Deutschland in der ersten Hälfte des 19. Jh. // Archiv für Geschichte des Sozialismus und der Arbeiterbewegung. 1921. № 9. S. 169–236.
- 607 *Kuczynski J.* Bürgerliche und halbfeodale Literatur aus den Jahren 1840 bis 1847 zur Lage der Arbeiter. Berlin, 1960.
- 608 *Conze W.* Vom «Pöbel» zum «Proletariat»: sozialgeschichtliche Voraussetzungen für den Sozialismus in Deutschland / Moderne deutsch Sozialgeschichte. Hrsg. von Wehler H.-U. Berlin, 1966.
- 609 *Bensen H. W.* Die Proletarier (1847) / Briefs G. The Proletariat. New York, 1937.
- 610 *Angermann E.* Erich Mathy als Sozial- und Wirtschaftspolitiker (1842–1848) // Zeitschrift für Geschichte des Oberrheins. 1955. № 2. S. 492–622.
- 611 *Angermann E.* Robert von Mohl, 1799–1875. Neuwied, 1962.

- 612 *Stein H.* Pauperismus und Assoziation // Internatoinal Review of Social History. 1936. № 1.
- 613 *Oberman K.* Die deutschen Arbeiter in der Revolution von 1848. Berlin, 1953.
- 614 *Balser F.* Die Anfänge der Erwachsenenbildung in Deutschland in der ersten Hdlfte des 19. Jahrhunderts. Stuttgart, 1959.
- 615 *Mohl R. von.* Iber die Nachteile / Staatslexikon. Altona, 1834–43. S. 309–310.
- 616 *Conze W.* Möglichkeiten und Grenzen der liberalen Arbeiterbewegung in Deutschland: das Beispiel Schulze-Delitsch. Heidelberg, 1965.
- 617 *Meyer D.* Das ippentliche Lebben in Berlin von der Mdrzrevolution. Berlin, 1912.
- 618 *Ritter J.* Hegel und die franzsische Revolution. Cologne, 1957.
- 619 *Habermas J.* Hegels Kritik der franzsischen Revolution / Theorie und Praxis: Sozialpolitische Studien. Neuwied, 1963.
- 620 *Riedel M.* Studien zu Hegels Rechtsphilosophie. Frankfurt, 1969.
- 621 *Ritter U. P.* Die Rolle des Staates in den Frhstadien der Industrialisierung: die preussische Industriefrderung in der ersten Hdlfte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1961.
- 622 *Mieck I.* Preussische Gewerbepolitik in Berlin, 1806–1844. Berlin, 1965.
- 623 Rheinische Briefe und Akten zur Geschichte der politischen Bewegung, 1830–1850. Hrsg. von Hansen J. Osnabrck, 1967. Bd. 1.
- 624 *Tilly R.* Financial Institutions and Industrialization in the Rhineland, 1815–1870. Madison, Wis., 1966.
- 625 *Gerschenkron A.* Economic Backwardness in Historical Retrospective: A Book of Essays. N.-Y., 1962.
- 626 *Rbrup R.* Judenemansipazion und brgerliche Gesellschaft in Deutschland / Gedenkschrift Martin Gdhring. Hrsg. von Schulin E. Wiesbaden, 1968.
- 627 *Lamprecht K.* Deutsche Geschichte der jngsten Vergangenheit und Gegenwart. Weidmannsche Buchhandlung: Berlin 1912, Bd. 2.
- 628 *Heuss Th.* Friedrich Naumann – Der Mann, das Werk, Die Zeit. Siebenstern Taschenbuch Verlag: Mnchen und Hamburg, 1968.
- 629 *Naumann F.* Das Blaue Buch von Vaterland und Freiheit – Auszge aus seinen Werken. Hrsg. von Langewiesche K. R. Knnigstein im Taunus & Leipzig, 1913.

Приложения

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Изучение русского книгопечатания 1568–1619 гг.: концепции, проблемы, гипотезы

В рамках данного проекта была сделана попытка оценить интерпретаторские практики и методы осмысления феномена русского кириллического книгопечатания, подвести итог полученным на сегодняшний день знаниям об этом явлении, знаменующим собой начало нового этапа в развитии информационных ресурсов и ставшим важной стадией на пути к современному обществу. В ходе продвижения к этой цели исследования решались задачи определения соотношения экзо/эндогенных факторов в развитии русской традиционной культуры, роли личностного фактора в ее трансформации и др.

Книгопечатание, возникло на заре зарождения буржуазных отношений. Его изобретение и введение в странах Европы стало знаковым явлением перехода от Средневековья к Новому времени. Одно из величайших достижений человеческой культуры, продукт общественной модернизации и фактор ее ускорения, книгопечатание, по словам академика В. И. Вернадского, «явилось тем могучим орудием, которое сохранило мысль личности, увеличило ее силу в сотни раз и позволило, в конце концов, сломить чуждое мировоззрение. Мы можем и должны начинать историю научного мировоззрения с открытия книгопечатания. <...> Типография явилась могущественным средством для демократизации идей и знаний, вызвала огромное усиление влияния идей и воли личности на сложившиеся общественные условия. <...> Не меньшее значение имело изобретение книгопечатания для широкого распространения во всем культурном мире знания, добытого много раньше, но остававшегося уделом немногих ученых»¹.

Книгопечатание, явление ренессансной культуры, в Европе зародилось в XV в., а в восточнославянских землях – в XVI в., что есть следствие формирования своеобразного, регионального варианта этого переходного типа культуры.

Русское книгопечатание возникло в контексте серьезного реформирования общественных отношений. К середине XVI в. Москва завершила объединение русских земель в единое государство. Шел процесс централизации государственной власти. Реформы 50-х гг. XVI в. были направлены на укрепление самодержавия. Вся полнота власти перешла в руки великого князя и боярской думы. Судебник 1550 г. вводил определенное единообразие в управлении и суде, были отменены кормления, складывалась приказная система, организовывалось стрелецкое войско и т.д. В ряду этих

реформ следует рассматривать и рационализацию книгопроизводства, переход от книгописанию к книгопечатанию.

С момента своего возникновения русское книгопечатание, в отличие от западного, развивалось исключительно в рамках традиционной культуры, культуры, основанной на религиозной ментальности. Это обстоятельство определило своеобразную роль печатной книги в общественной жизни. Как главный элемент православной традиционной культуры, в рамках которой внедрение новаций происходит чрезвычайно сложно, кириллическая печатная книга не редко оказывалась в эпицентре общественно-политических баталий. В ходе непродолжительного периода определения места книгопечатания в системе общественных институтов оно стало государственной монополией и превратилось в одно из орудий государственной политики, в средство ее реализации. Власть государства над печатным станом породила важнейшее своеобразие русской культуры – параллельное развитие печатной и рукописной книги, происходившее во взаимном влиянии.

История русского кириллического книгопечатания, как любого социального явления, имеет свои этапы развития, определяющиеся, с одной стороны, логикой его внутреннего развития, с другой – общими процессами трансформации социально-политической и экономической жизни России, отражающими ее региональные особенности модернизации.

Заметим, что при всем многообразии литературы, посвященной различным аспектам русского книгопечатания, нет специальных работ, обосновывающих его периодизацию. Лишь в отдельных исследованиях, касающихся других проблем истории книги, встречаются весьма беглые и краткие высказывания об этапах развития отечественного книгоиздания. Предлагаемая учеными периодизация, как правило, не выходит за пределы XVII в.

Первым на эту тему высказался П. А. Бессонов: «... до Смутного времени типография решала лишь вопрос о своем существовании, закладывая первые основы организации по большей части еще внешней и механической. Потом деятельность ее была ослаблена, и Михаилу с Филаретом принадлежало возобновление, восстановление полуразрушенного». Затем Бессонов отмечает период от Алексея Михайловича до Федора Алексеевича, как время зрелой поры жизни московской типографии, характеризующейся «тревожными усилиями, – выработать условия печатания и разнообразие шрифтов, очертить обширный объем производства, поспеть ответом на разгоревшиеся потребности народа, гоняться то за внутренним исправлением текста, то за поддержкою доверия, за созданием круга читателей, за отделкою всей внешности». И наконец, последний период

обозначенный Бессоновым – «Собственно только при Федоре Алексеевиче, в это безмятежное время, успела типография, так сказать, устояться. Это с ближайшими годами, самая счастливая ее эпоха в древней Руси, эпоха правильной организации, во сколько возможно было по тому времени»².

Уже в начале XX в. несколько строк периодизации кириллического книгопечатания посвятил А. И. Некрасов: «В первом периоде рисуется могучая фигура Ивана Федорова, во втором – Андроника Невежи; в третьем мы найдем много типографий, в Москве и в других городах (имеются ввиду города, вошедшие в состав России после присоединения украинских земель – *И. П.*), а также и много имен; время исключительного подвижничества отдельной личности в книгопечатном деле в России в эту эпоху уже было в прошлом»³. Третий период у Некрасова начинается с восстановления московской типографии в 1614 г. и продолжается до конца XVII в.

По мнению А. А. Сидорова первый период русского книгопечатания длится с момента его возникновения до сожжения типографии в 1611 г. Второй период имеет границы 1614 г. – конец 1640-х гг. Эти грани определяются исследователем с одной стороны «воссозданием Печатного двора, с другой – началом печатания «первых крупных «светских» изданий, появлением гравюры на меди, западной техники». Следующий этап конец 1640-х – 1670-е гг., «конец церковной реформы книг, введение патриархом Иоакимом новых внешних признаков проверенных изданий»⁴.

Однако представления об этапах развития книгопечатания у Сидорова в полной мере еще не сформировались. Он отмечает: «Эти водоразделы, конечно, не могут быть установлены с полной категоричностью. Издания, например Бурцева, образуют в 30-х годах характерную группу, предвещающую много нового. Книги конца XVII в. – и 80-х годов с их явным усилением иноземных элементов, и 90-х, отмеченных появлением наиболее занятых гравированных книг-альбомов, – тоже вполне обособлены»⁵.

А. С. Зернова, один из крупнейших специалистов советской поры в области изучения кириллического книгопечатания, не оставила четких формулировок в определении этапов его развития. Однако они просматриваются в ее изложении материала по истории орнаментики московских изданий XVI – XVII вв.⁶: первый период длится с момента возникновения книгопечатания до московского пожара 1611 г., второй с восстановления книгопечатания в 1614 г. до 1677 г., третий – с 1677 г. до середины XVIII в.⁷. Важно отметить, что периодизация Зерновой базируется главным образом на изменении внешнего вида книги, ее оформления.

Во второй половине XX в. рост научного интереса к расколу русской церкви и истории старообрядчества оказал влияние на периодизацию книгопечатания. Исходя из

того факта, что реформа патриарха Никона началась с внесения изменений в книжные тексты, многие исследователи стали выделять в качестве рубежа в развитии книгопечатания XVII в. 1652–1653 гг.⁸. Однако новейшие исследования все больше подтверждают весьма редкие и робкие высказывания, имевшие место в прошлом, о том, что никоновская реформа «была лишь одной из многочисленных попыток улучшить славянский перевод богослужебных книг»⁹. О. С. Сапожникова убедительно показала, что принципиальные изменения в работе Печатного двора происходят в период владычества патриарха Иосифа¹⁰. Они определялись изменением официальной идеологии государства, выразившейся в переходе от политики изоляционизма (теория Москва – Третий Рим) к политике православного универсализма. Новые политические задачи вызвали расширение репертуара Печатного двора, создание программы новых переводов богослужебных и богословских книг, изменение подходов к редактированию текстов, который предполагал «эволюционный переход от средневекового текстологического сопоставления к критическим изданиям нового времени», постепенную и осторожную подготовку книжной реформы¹¹. Никон попытался продолжить начатое Иосифом, но им книжная реформа, о необходимости которой говорил еще Максим Грек, была проведена не так, как этого требовала логика развития древнерусской книжности.

Исходя из собственного анализа истории русского кириллического книгопечатания и мнений предшественников об этапах его развития, хотелось бы предложить свое видение этого процесса:

первый этап – середина XVI в. – 1619 г., становление книгопечатания. Длительность этого периода определяется сложностями политической жизни государства. Верхний рубеж этапа знаменуется реорганизацией системы управления книгоизданием патриархом Никоном;

второй этап – 1620 г. – конец XVII в., верхний рубеж этапа определяется прекращением патриаршества в результате церковной политики Петра I, что повлекло за собой существенные изменения в управлении Московской типографии и ее финансировании;

третий этап охватывает XVIII в., который определяется адаптацией официального кириллического книгопечатания в условиях активизации перехода общества от традиционного к современному.

XVIII в. в истории русского кириллического книгопечатания отмечен началом новой линии его развития, обеспечившей продолжение иосифовской программы реформирования книгоиздания. Это старообрядческое книгопечатание, имеющее свою периодизацию, на которой мы пока не будем останавливаться.

Историографии начального этапа книгопечатания (первые его 13 лет, деятельность Анонимной типографии и Ивана Федорова) посвятил значительную часть своего творчества один из крупнейших современных книговедов Е. Л. Немировский. Интерес ученого к этой теме, не ослабевающий до наших дней, был определен еще в начале его научной деятельности кандидатской диссертацией¹². В ходе ее подготовки исследователем было рассмотрено состояние этого вопроса не только в отечественной литературе, но и в польской¹³. По той же проблематике ученым было подготовлено и издано несколько указателей литературы¹⁴. Подведением итогов исследований первых лет русского книгопечатания стала фундаментальная работа Немировского «Иван Федоров и его эпоха» (М., 2007). Анализ изучения последующих лет первого этапа книгопечатания не нашел должного освещения в литературе, к этому аспекту темы мы и обратимся.

Послефедоровский период московского книгопечатания плохо документирован. Отсутствие базы для реконструкции системы организации книгопроизводства заставило исследователей сосредоточить свое внимание на персонах мастеров-печатников, упомянутых в выходных данных книг, на анализе изданий, в том числе, их послесловий.

После отъезда Ивана Федорова и Петра Мстиславца из Москвы работу по книгоизданию продолжили Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев, выпустив Псалтырь в 1568 г. Эти имена упомянуты только в одной книге и документов, фиксирующих какую бы то ни было информацию о них, не обнаружено. Однако уже историография XIX в. стала отождествлять Невежу с печатником Андроником Тимофеевым Невежей, имя которого впервые появилось в Псалтыри 1577 г. Первым об этом заявил И. М. Снегирев, введший Псалтырь 1568 г. в научный оборот. Свое мнение он дополнил высказыванием о том, что Андроник был братом Петра Мстиславца¹⁵. В дальнейшем мысль об этих родственных связях не получила поддержки, а вот признание тождества между Невежей Тимофеевым и Андроником стало доминирующим¹⁶. В первой половине XIX в. И. П. Сахаровым было высказано другое предположение: Невежа Тимофеев отец Андроника Невежи¹⁷. Уже в XX в. это мнение поддержал М. Н. Тихомиров¹⁸. На том, что печатники, названные в двух изданиях послефедоровских псалтырей разные лица, настаивал и Ю. А. Лабынцев¹⁹. Эту точку зрения разделяет Е. Л. Немировский, дополняя ее гипотезой, что печатные мастера «может быть, даже родные братья»²⁰. Кроме того, исследователь, не объясняя своих выводов, заявил, что «По некоторым косвенным сведениям можно предположить, что происходил он (Андроник Невежа – *И. П.*) из Новгорода»²¹.

В сочинении об истории книгопечатания в Московском государстве «Сказание известно ...», написанном в 40-х гг. XVII в., две редакции которого были опубликованы в 1836 г. П. И. Строевым²², Андроник Невежа назван учеником Ивана Федорова. Опираясь

на это заявление источника, ряд исследователей придерживается такой точки зрения²³. Однако в послесловии Псалтыри 1568 г. нет упоминаний о предшествующем книгопечатании, текст колофона создает впечатление, что типография, выпустившая книгу, является первой, а Никифор Тарасиев и Невежа Тимофеев – первопечатники. Пытаясь объяснить эту особенность послесловия Псалтыри, архимандрит Леонид (Кавелин) предположил, что в период становления книгопечатания в Москве там сложилось несколько групп печатников, получивших знания основ типографского искусства у некоего иноземного учителя. Одну из групп составляли Иван Федоров и Петр Мстиславец, другую – Андроник Невежа, он же Невежа Тимофеев, и Никифор Тарасиев. Эти группы находились в состоянии соперничества. Отсутствие в послесловии к Псалтыри 1568 г. упоминания о предшественниках, по мысли исследователя, свидетельствует именно об этом²⁴.

Два штриха к биографии Андроника Невежи попытался добавить А. А. Сидоров. Анализируя орнаментику ранних московских изданий, он пришел к выводу, что Андроник начал свою деятельность в анонимной типографии²⁵. Его причастность к работе этой типографии ученый аргументирует следующим: «... в третьем анонимном Евангелии (широкошрифтом – *И. П.*) есть пример печатания инициала с не вынутым в гравюре черным фоном, в вышедшей из той же типографии Псалтыри встречается тот же инициал уже в доделанном виде, с вырезанным фоном, ставший линейным. Именно такие же приемы встречаются в книгах Невежи. В его изданиях встречается заставка, которая известна в нескольких «состояниях». Вначале она как бы не доделана, снабжена черным фоном, в дальнейшем она «дорезывается», превращается в линейную. Таких случаев история оформления русской книги не знает кроме как в указанных изданиях анонимной типографии и в книгах, выпущенных Андроником Невежей»²⁶.

Мысль о связи Невежи с анонимной типографией Сидоров повторил в своей следующей монографии «Древнерусская книжная гравюра», но там она сформулирована в более осторожной форме²⁷.

В ходе анализа оформления невеженских изданий Сидоров вслед за А. И. Некрасовым²⁸ обратил внимание на стилистическую связь изображения царя Давида на гравюре в Псалтыри 1568 г. с книжными миниатюрами XVI в. и подчеркнул особое его сходство с изображением Мама в Лицевом летописном своде. Сидоров предположил, что гравюра была выполнена по рисунку одного из миниатюристов царской мастерской, а гравером, только начинающим деятельность на этом поприще, был сам Невежа. Возможно, Андроник тоже являлся работником книгописной мастерской, которая занималась иллюстрированием Никоновского летописного свода²⁹.

С Андроником Невежей связан значительный период раннего русского книгопечатания. Его деятельность на поприще книгоиздания носила прерывистый характер, что, несомненно, объясняется сложностями внутривластной жизни страны этого периода.

После выхода в свет Псалтыри 1568 г. книгоиздание в Москве было прервано. Возобновление печатного производства книг произошло во второй половине 1570-х гг. в «Новом граде слободе», где была устроена новая типография, печатным мастером которой являлся Андроник Невежа. По одной из гипотез московская типография, выпустившая издание 1568 г., сгорела во время пожара 1571 г.³⁰. Однако эта точка зрения разделялась не всеми учеными. А. А. Покровский справедливо заметил, что деятельность типографии прекратилась за три года до пожара. Следовательно, «... не один только московский пожар 1571 г. задержал деятельность Печатного двора, были и какие-то другие причины, нам теперь неведомые»³¹. Крупнейший специалист в области кириллической печатной книги А. С. Зернова, характеризуя данный период московского книгопечатания, ни чего не говорит об уничтожении московской типографии огнем, но считает, что типография в слободе является временно вывезенной из Москвы³². Со стана слободской печати сошли две известные на сегодняшний день книги: Псалтырь 1577 г. и Часовник ок. 1577–1580 гг. К середине XX в., когда писалась работа Зерновой, библиографией была зафиксирована только Псалтырь, поэтому исследователь характеризует одно это издание. «Орнамент ее тесно связан с московским и по стилю и по общности досок, и мастера, ее печатавшие московские»³³. Более того, Зернова определила, что киши инициалов Псалтыри 1568 г. были использованы Андроником Невежей в издании 1602 г.³⁴, значит, они не сгорели.

Уже в XIX в. развернулась дискуссия о местонахождении слободы, указанной в послесловии Псалтыри 1577 г. В 1813 г. В. С. Сопиков, впервые введший это издание в научный оборот³⁵, в 1 томе своего «Опыта российской библиографии» привел цитату из записок о путешествии в Москву 1581 г. папского легата Антонио Поссевино, который прямо указывает на Александрову слободу (ныне город Александров) как место расположения типографии при Иване Грозном. Правда ученый выразил недоумение, о какой типографии идет речь, поскольку на тот момент он считал Псалтырь 1577 г. московским изданием³⁶. В 1825 г. П. И. Кеппен, связав информацию Поссевино с указанием в выходных данных Псалтыри, высказал мнение о том, что «Новый град слобода» и есть Александрова слобода³⁷. Его точку зрения принял митрополит Евгений (Болховитинов) и включил во второе издание своего «Словаря исторического»³⁸. Однако И. М. Снегирев, В. М. Ундольский, А. С. Родосский считали слободу, названную в издании московской. В частности, Снегирев, с которым, видимо, был солидарен Ундольский,

поскольку в своем «Очерке славяно-русской библиографии» цитирует его³⁹, указывал, что слобода находилась на Воздвиженке, между Арбатом и Никитской улицей⁴⁰, Родосский полагал, что «Новый град слобода» – это резиденция Ивана Грозного в Москве⁴¹.

В конце XIX в. архимандрит Леонид (Кавелин), разделявший точку зрения Кеппена, основательнее аргументировал ее, указав, что речь идет о населенном пункте, называвшемся в документах «новое село Олександровское». Оно возникло на рубеже XV–XVI вв. в пяти километрах от старой Александровой слободы и в 90 верстах от Москвы на пути следования из столицы в Троице-Сергиеву лавру. Как известно, именно эта Александрова слобода стала местом расположения опричного двора Ивана IV. Сюда был переведен государственный аппарат, привезены, как полагают исследователи, книгописцы, художники, здесь же была устроена типография. Важным аргументом в пользу пребывания там типографии, по мнению Кавелина, является существование в Александрове в прежние времена района, называвшегося «Печатной слободкой»⁴².

Советская историография поддерживала и развивала аргументацию архим. Леонида⁴³. Таким образом, отождествление «Нового града слободы» с Александровой слободой стало общепринятой точкой зрения. Однако это не помешало появлению на рубеже XX–XXI вв. еще одной, весьма любопытной гипотезы о местонахождении «Нового града слободы», предложенная казанским краеведом Е. И. Григорьевым⁴⁴. Отправной точкой его рассуждений стала информация Андроника Невежи в послесловии к Псалтыри 1577 г. о том, что книга напечатана по повелению государя в «... тезоименитом в новом граде слободе».

К сожалению, исследователи, пытавшиеся определить место нахождения типографии, выпустившей это издание, никак не объясняли определение «тезоименитый». Это дало повод Григорьеву предложить свою трактовку выходных сведений Псалтыри. Он справедливо заметил, что «тезоименитый» означает одноименный. Следствием этого стали поиски некоего Ивангорода, основанного Иваном Грозным. Таковым оказался Ивангород на р. Свияге, за которым в дальнейшем закрепилось название Свияжск. Кроме того, подтверждением издания Псалтыри не в Александровой слободе является, по мнению Григорьева, отсутствие в выходных данных имени митрополита Московского. «Александровская слобода по церковной иерархии в духовных делах подчинялась непосредственно Московскому митрополиту, и если бы Псалтирь была отпечатана на территории Московской епархии, то, несомненно, имя Антония было бы названо. Отсутствие его имени свидетельствует, на мой взгляд, о том, что Псалтирь печаталась не в Московской епархии»⁴⁵. Нелепость этого вывода очевидна. В выходных данных книг указывались имена не архиереев, а митрополита всея Руси. Отсутствие имени

митрополита в Псалтыри может объясняться только частой сменой глав русской церкви в виду их опалы при Иване Грозном.

Вслед за этим в статье приводится ряд фактов, якобы подтверждающих работу печатного стана в Свияжске. На наш взгляд, эти факты столь же несостоятельны, как приведенный выше аргумент. Подробный их анализ нами уже публиковался⁴⁶.

Расшифровка же загадочной фразы Андроника Невежи может быть достаточно простой. Государева резиденция в Александровой слободе и прилегающая к ней территория в период опричнины были существенно перестроены. Известный исследователь архитектуры Александровой слободы В. В. Кавельмахер пишет: «Старое хоромное строение заменялось свежерубленным, менялся кровельный тес, все «избяное освежалось», и даже, якобы заново, «ставился город», т. е. крепость вокруг Государева двора. <...> Перевод государственного аппарата и опричного войска в Слободу, конечно, сопровождался массовым деревянным строительством – приказов, казарм, хозяйственных построек и хором»⁴⁷. Вероятно, вследствие этого у Невежи появляется определение «новый град», т. е. вновь отстроенный. Поскольку перестройкой занимался царь Иван, с 1564 по 1582 гг. большую часть времени проводивший в слободе, в обиходе его двор мог называться Ивановым, что и зафиксировал в своей книге печатник.

В конце 1580-х гг. было возобновлено книгопечатание в Москве. Исследователи связывают это с учреждением патриаршества на Руси. Первым печатником возрожденной московской типографии, на плечи которого, видимо, и легли заботы по ее восстановлению, был Андроник Невежа, проработавший там до 1602 г., как полагают, до своей смерти.

Наиболее подробно историография деятельности Андроника Невежи рассматривает вопросы художественного оформления его изданий, отводя особое место вкладу в развитие русской книжной гравюры. Ряд своих гравюр и клише заставок Андроник подписал, что дало исследователям бесспорный материал для оценки его творчества. Первые опыты анализа гравюр Андроника Невежи принадлежат Д. А. Ровинскому⁴⁸ и В. В. Стасову⁴⁹. Они оценивают работу Невежи как весьма посредственную, испытывавшую немецкое влияние, а Стасов добавляет, что на формирование художественных приемов гравюр Невежи, якобы оказали некоторое влияние и польские мастера. Позднее А. И. Некрасов, развивая это наблюдение Стасова, сделал вывод о прямом заимствовании Невежей элементов изображения гравюры краковской Псалтыри 1540 г. при изготовлении миниатюры к своей Псалтыри 1568 г. Это заимствование касалось в первую очередь архитектурных форм, обрамляющих Давида, а сама фигура царя «представляет точное соответствие фигурам московской миниатюры царской школы того времени»⁵⁰.

Говоря об оценке декора книг Андроника Невежи Некрасовым, следует заметить, что исследователь не принадлежал к сторонникам мнения считающего печатника автором всех клише орнаментики. Для него несомненным являлось изготовление Андроником гравюры к Апостолу 1597, поскольку она подписана мастером, а также он допускал, «что и некоторые из орнаментов резаны им же». При этом в гравюре апостола Луки Некрасову виделась рука не зрелого мастера, поскольку имя и отчество автора гравюры вырезаны в зеркальном отражении, что, по мнению ученого, есть результат неопытности⁵¹.

Совершенно иначе оценивал художественное творчество Андроника Невежи академик А. А. Сидоров⁵². В ходе анализа он подверг критике взгляды своих предшественников⁵³. По его мнению, Андроник Невежа «... создает если не лучший, то «средний» тип всей нашей позднейшей книги, вплоть до последней четверти XVII в. Не Иван Федоров, именно Андроник Невежа был создателем основного образца для русской художественно оформленной книги всего того времени.

С одной оговоркой: кроме заставок. В этой области Невежа целиком шел по стопам своего учителя и предшественника, Ивана Федорова. <...> Именно Невежа определил характер русской иллюстрации XVII в. Конечно, Иван Федоров был талантливее Невежи. Но на стороне последнего оказался очень важный плюс, который в книжном искусстве, в первую очередь для гравюры в книге, всегда играет большую роль: такт. Андроник Невежи показал, как можно (или даже как надо) находить нечто среднее, сливающееся в целое правдоподобие и декоративность в применении к мастерству печати ... По поводу спокойного компромисса, достигнутого Андроником Невежей, надо было бы произнести еще одно слово, которое исторически неизбежно: академизм ... Стиль Невежи – благополучный, умный, расчетливый, полезный, даже необходимый, но ему присущ внутренний холодок. Не надо удивляться, что в XVII в. за Андроником Невежей пошли многие граверы и рисовальщики правительственного Печатного двора ... Он является мастером, завершившим определенный этап в развитии нашей художественной культуры»⁵⁴.

На анализе декора книг Невежи останавливается и А. С. Зернова в своей работе «Орнаментика книг кирилловской печати»⁵⁵, акцентируя внимание на заставках и инициалах. Она не оспаривает мнения Сидорова о влиянии книжной орнаментики Ивана Федорова на орнаментику Невежи. Однако исследовательница выделяет в творчестве Невежи несколько периодов, в которые влияние Ивана Федорова на него проявлялось в разной степени. В первых двух изданиях (Псалтыри 1568 и 1577 гг.) она была существенна. Отдельным периодом Зернова отмечает работу над Триодью постной 1589 г., заставки которой «наиболее значительны и оригинальны», среди них только одна копирует

федоровскую. Следующий этап – 1590-е гг. менее интересен, здесь только три заставки отличаются самостоятельностью, а остальные повторяют орнаментику предшественника Невежи. Последний этап творчества Невежи приходится на книги, выпущенные в 1600–1602 гг. В большинстве заставок этого периода Зернова усматривает работу другого мастера, которым, вероятно, был сын Андроника Иван. Эти заставки характеризуются однообразным рисунком «с мелким листовным узором, довольно сложным, но мало значительным и невыразительным»⁵⁶.

В 1598 г. к книгопечатанию подключился сын Андроника Иван Невежин, продолживший дело отца и после его смерти. Об Иване Невежине, так же как и о его отце, исследователям не удалось обнаружить никаких сведений. Однако Зернова полагает, что он унаследовал от отца и профессию гравера⁵⁷, несмотря на то, что подписанной Иваном орнаментики не установлено. Орнаментику книг, напечатанных Иваном Невежиным исследовательница считает в значительной степени подражательной, обнаруживая в ней сходство с заставками Франциска Скорины, Ивана Федорова, Петра Мстиславца, Анисима Радишевского⁵⁸.

В первом десятилетии XVII в. круг московских печатников расширился. В него вошли Анисим Михайлович Радишевский, выпустивший в свет Евангелие 1606 г. и Устав (Око церковное) 1610 г., и Никита Федорович Фофанов, издавший в 1609 г. Минею общую. Поскольку документов об этом периоде книгопечатания не сохранилось, то только на основании сведений выходных данных книг были сделаны выводы о том, что каждый из печатников имел свою мастерскую. Однако в каких взаимоотношениях они находились в организационном плане, не ясно. Это породило различные мнения по данной проблеме. А. А. Сидоров писал, что «начиная с 1603–1604 гг. в пределах одного Московского Печатного Двора на равных как будто правах работают трое печатников: Иван Невежин, сын Андроника, Анисим Радишевский и Аникита Фофанов»⁵⁹. А. С. Зернова считала, что мастерские хотя и пользовались поддержкой правительства, но все-таки проявляли большую инициативу и самостоятельность в своей работе. «Можно, конечно, предположить, что они подчинялись какой-нибудь общей административной власти, но в деле материального оборудования мастерские А. и И. Невеж, Радишевского и Фофанова были совершенно самостоятельными единицами; все их технические работы протекали врозь: никогда, напр., ни одна доска Фофанова не попадала к Невежам или Радишевскому, или наоборот». Таким образом, Зернова именует мастерские «отдельными типографиями»⁶⁰. Еще более радикальную позицию в этом вопросе занял Е. Л. Немировский, считая избы печатников отдельными типографиями, а типографские материалы – собственностью мастеров⁶¹. Последний вывод основан на отмеченном

Зерновой факте изолированного использования типографских материалов, с которыми работали мастера. На наш взгляд, этот факт не может быть достаточным аргументом для столь безапелляционных заявлений Немировского. После восстановления типографии в 1614 г. каждый из мастеров печатал книги своим шрифтом и оформлял своим декором, однако, как свидетельствуют сохранившиеся документы, они работали в одной типографии, а типографские материалы изготавливались на государственные средства и передавались от одного мастера к другому только в случае смерти первого.

Несколько больше документальных сведений, чем об Андронике Невеже, сохранилось о Радишевском. Но, к сожалению, они касаются того периода жизни, когда он отошел от книгопечатания. Поэтому, не смотря на всю ценность и важность данной информации, следует констатировать, что она никак не пополняет наши знания об истории русского книгопечатания. Та же малая информация, относящаяся к книгоиздательству, послужила поводом к дискуссии. Сохранились документы о том, что Радишевский прибыл в Москву в 1589 г. с Волыни и до начала работы мастером печатного дела был переплетчиком⁶². Вследствие этого, возникла гипотеза, что он был учеником Ивана Федорова. Более того, Немировский даже полагает, что Радишевский прибыл в Россию с рекомендациями первопечатника⁶³.

В своей монографии Немировский сделал попытку собрать воедино всю известную о Радишевском информацию, при этом, работа отличается огромнейшим количеством допущений, не подтвержденных конкретными документами. Однако данное обстоятельство не мешает автору подавать свои допущения как неоспоримые факты, например: «Анисим Миайлов Радишевский самостоятельно резал пунсоны, лил шрифты, готовил оригиналы для иллюстраций и орнамента и гравировал иллюстрационные формы»⁶⁴. Единственным объяснением этого вывода исследователя является его заявление, что «В пору, когда Анисим Радишевский печатал свои книги, разделение труда еще не восторжествовало в русском типографском ремесле. Мастера сами изготовляли пунсоны, лили шрифт, сами готовили оригиналы для иллюстраций и резали гравюры»⁶⁵. Это заявление Немировского противоречит смете 1612 г. на постройку двух новых станов, опубликованной Строевым в 1836 г.⁶⁶, в которой среди ремесленников, участвовавших в их постройке, указаны словолитец, знаменщик (художник), резец. Данные сведения сметы игнорируются исследователем, хотя сам документ не однократно упоминается в монографии.

О Фофанове историография повторяет информацию, почерпнутую из выходных данных его Минеи общей о том, что он выходец из Пскова⁶⁷. С именем Н. Ф. Фофанова связана одна из интереснейших страниц русского книгопечатания.

В 1836 г. П. Строев в «Описании старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке Ивана Никитича Царского»⁶⁸ опубликовал смету 1612 г. на постройку двух печатных станков⁶⁹, описание Псалтыри 1615 г. и послесловие к ней⁷⁰, две редакции сочинения, созданного, по мнению Строева, при Алексее Михайловиче, под названием «Сказание известно ...». Это сочинение повествует об истории русского книгопечатания с момента его возникновения⁷¹. После этого стало ясно, что во время захвата Москвы поляками типография прекратила свое существование в результате сожжения, ее мастера разбежались, а в 1613 г. была устроена новая типография в Нижнем Новгороде под руководством Никиты Фофанова. Московскую типографию начали восстанавливать в 1614 г. опять же при деятельном участии Фофанова.

В 1876 г. В. Е. Румянцев опубликовал документ, обнаруженный им в расходных книгах Печатного двора под 1620 г., в котором говорилось: «Того же дня (7 марта) целовальнику Федору Микифорову 5 рублей дано за то, что он свои денги наперед того дал печатного книжного дела наборщику Алексею Невежину, для казанские посылки *государева жалованья на подмогу, что он послан печатного книжного дела* (курсивом мы выделили текст, который был выброшен Румянцевым при публикации – И. П.) по штанбу со всякими снастьми»⁷². К сожалению, эта запись была воспроизведена Румянцевым с купюрой, что в дальнейшем, на наш взгляд, дало возможность исследователям неверно ее толковать, на чем мы подробнее еще остановимся. Сам же Румянцев на основании своей находки сделал следующие выводы: «в начале царствования Мих. Фед. в области Казанской или Нижегородской, действительно, находилась какая-то «штанба со всякими снастьми», вероятно, оставленная там Фофановым, который вскоре после воцарения Мих. Фед. вызван был в Москву. Эта штанба, при восстановлении типографии на старом месте, была взята оттуда и привезена на Московский печатный двор»⁷³.

После публикаций П. Строева и В. Е. Румянцева историография с разной степенью подробности повторяла сведения, сообщенные документами, расходясь только в толковании некоторых данных. Например, исходя из информации «Сказания», Ф. Булгаков⁷⁴ и В. П. Семенников⁷⁵ были уверены, что в Нижнем Новгороде были напечатаны псалтыри и часовники, судьба которых пока неизвестна. В. И. Срезневский вслед за Румянцевым считал, что типография из Нижнего Новгорода была перевезена в 1620 г.⁷⁶, а Семенников говорил о ее перевозе в Москву после возвращения туда Фофанова, не называя конкретной даты⁷⁷. Наиболее любопытное мнение о нижегородской типографии высказал В. Я. Уланов. Он предположил, что Фофанов во время польской оккупации Москвы вывез типографию и «сохранил в лихолетье или вновь сделал ее в Нижегородской области, так как он был не только печатник, но и словолитец»⁷⁸.

Только в 1926 г. было обнаружено издание, выпущенное нижегородской типографией. Это небольшое сочинение на 6 листах во вторую долю листа, в котором речь идет о невзгодах Смутного времени, о радости избавления от врагов и избрания законного государя, в заслугу которому ставится повеление устройства типографии в Нижнем Новгороде. В памятнике указано, что «начато бысть сие трудолюбное дело, новая штанба, сии речь печатных книг дело в Нижнем нове городе в лето 7121-го году месяца генваря в 5 день ... в совешение прииде сие преславное дело, новая штанба, в лето 7122-го году месяца декабря на память святого пророка Даниила и святых трех отрок Анания, Азария, Мисаила (17 декабря – *И. П.*) ...»⁷⁹.

Так называемый Нижегородский памятник был подробно проанализирован А. С. Зерновой⁸⁰. Она попыталась объяснить назначение этого сочинения, разобраться в обстоятельствах создания нижегородской типографии и времени вывоза ее в Москву. Подробнее остановимся на мнениях Зерновой.

«Найденные 6 листков, – замечает А. С. Зернова, – по содержанию являются с первого взгляда совершенно независимым законченным произведением, где автор, печатник, псковитин Никита Федорович Фофанов, рассказывает о бедствиях Смутного времени, выражает радость по поводу умиротворения русской земли, а потом объявляет об основании новой типографии, штанбы, в Нижнем Новгороде, заложенной якобы по приказанию вновь выбранного царя Михаила Федоровича»⁸¹. Отмечая далее, что «по содержанию и форме Нижегородский памятник точный сколок других более ранних и более поздних послесловий и предисловий Фофанова», автор статьи приходит к заключению, что «и найденный памятник должен был играть такую же роль, и его нельзя считать за самостоятельное произведение – объявление о постройке новой типографии, – он должен был служить прибавлением к какой-либо книге»⁸². Указывая на отсутствие в тексте названия книги, для которой он мог бы служить предисловием или послесловием, А. С. Зернова склонна «считать нижегородский памятник прибавлением к книге, не напечатанной вследствие каких-либо обстоятельств»⁸³. Этим, по ее мнению, может быть объяснено и отсутствие выходных данных – они должны были появиться после отпечатания всей книги. Правда, остается непонятным, зачем понадобилось Н. Фофанову печатать это «прибавление» раньше, чем саму книгу – ведь хорошо известно, что предисловия и послесловия тиражировались уже после оттиска основного текста книги. Отступление Фофанова от этого правила остается немотивированным. Маловероятным представляется нам и предположение, что выходные данные книги должны были появиться позднее, на специально оставленном для них месте в конце памятника, поскольку отпечатанный текст выглядит вполне законченным произведением, о чем

свидетельствует и постепенно сужающаяся полоса набора с традиционным конечным «аминь». Оформление заключительной части Нижегородского памятника характерно именно для издательской манеры Фофанова.

В Нижегородском памятнике есть две даты, которые Зернова, а вслед за ней все последующие исследователи традиционно рассматривали как время начала и окончания устройства типографии, предшествовавшее собственно издательской деятельности.

Исходя из этого и пытаясь объяснить, что помешало выпустить в Нижнем Новгороде намеченную книгу, А. С. Зернова главным препятствием считает недостаток времени, поскольку приступить к печатанию Фофанов мог не ранее 17 декабря 1613 г. Между тем известно, что к началу июня следующего, 1614 г. он не только перебрался в Москву, но и успел построить там типографию и приступил к печатанию Псалтыри. Не оспаривая освященного традицией прочтения текста «Сказания известного...» об издании в Нижнем Новгороде часовников и псалтырей, А. С. Зернова ищет компромиссный вариант: «Если Фофанов все-таки успел начать в Нижнем какую-либо целую книгу, то скорее можно допустить, что, отказавшись от намерения напечатать книгу большого формата, он, уже перед переездом в Москву, напечатал изготовленным шрифтом 1 или 2 часовника, так как на работу над часовником шло 1,5–2 мес; псалтырь же он напечатал уже в Москве»⁸⁴.

Наконец, в статье А. С. Зерновой сделана попытка дать ответ на один из самых существенных и одновременно непростых вопросов, связанных с деятельностью Нижегородской типографии: по чьему приказу и на какие средства она была устроена? «Самым непонятным вопросом, – пишет исследовательница, – не разъясняемым ни прежними источниками, ни Нижегородским памятником, является вопрос о средствах, на которые Фофанов начал устройство своей типографии в Нижнем»⁸⁵. Опираясь на текст «Сказания известного...» и Нижегородского памятника, она продолжает далее: «Сам Фофанов, сбиваясь, может быть, намеренно относительно сроков, пишет, что он начал устройство типографии по повелению царя Михаила, а между тем в феврале 1613 г., когда происходило избрание Михаила, типография была заложена, работа по ее устройству началась уже с 5 января; очевидно, когда Фофанов писал текст найденного памятника, то или забыл, или намеренно упустил из виду, что в январе 1613 г. Мих. Фед. никак не мог повелеть ему заложить штанбу, так как в это время не только не был избран царем, но 5 января еще не открылись даже заседания Земского собора; когда же они начались, тс выдвинутая кандидатура Михаила <...> была немедленно же отвергнута именно в январе 1613 г. Однако, такая неточность не должна, кажется, возбуждать особых сомнений, так как Фофанов эту дату ставил задним числом в то время, когда Мих. Фед. уже был царем, и

колебания, бывшие почти год тому назад, или совершенно успели изгладиться из памяти человека, неблизко стоявшего к делу избрания, или же, вернее, он намеренно не хотел вспоминать, при каких неопределенных обстоятельствах он начал работу по созданию типографии»⁸⁶. Проводя далее аналогию с запутанными выходными данными Евангелия 1606 г., А. С. Зернова заключает: «Но вопрос о средствах на постройку типографии так и остается неразрешенным. Вероятно, эти средства были даны ему временным правительством, Советом земского ополчения. Об устройстве типографии или ее пополнении после Ивана Грозного заботилось каждое правительство: и Борис Годунов, и В. Шуйский, даже боярское правительство во время польской осады (семибоярщина) в 1612 г. Тем более должно было озаботиться вопросом об устройстве типографии правительство, только что освободившее Москву и принявшееся уже за восстановление мирной жизни»⁸⁷.

Разбираясь с обстоятельствами появления Н. Фофанова в Новгороде Зернова привлекает и смету 1612 г., опубликованную Строевым. Она пишет: «Фофанов не был исключением среди других печатников и вместе со всеми был застигнут в Москве польской осадой и оставался здесь, пока в Москве было относительно спокойно, а когда стало тревожнее, и весной 1611 г. сгорела типография, то, согласно с известием "Сказания", он убежал в Нижний, испугавшись насилия со стороны поляков. К 1612 г. прежних известных московских печатников в Москве не было: когда в июле 1612 г. боярское правительство задумало устроить новую типографию, то среди имен печатников, перечисленных в приложенном списке, нет ни Невежи, ни Фофанова, ни Радишевского, очевидно, их уже не было в Москве к этому времени. Имя мастера в этом списке совершенно новое – Иван Власов»⁸⁸.

Нужно заметить, что к этому времени мнение о том, что смета на устройство печатных станков была составлена по распоряжению боярского правительства, никем из исследователей не ставилось под сомнение.

Рассматривает Зернова и вопрос о судьбе типографского оборудования и материалов, оставленных Фофановым при его скоропостижном отъезде из Нижнего Новгорода. Устанавливая использование нижегородского шрифта и орнаментики в изданиях Печатного двора с 1615 г., она пишет, что «внешний вид Нижегородского памятника, его шрифт и заставка заставляют хотя бы частично отвергнуть предположение, высказанное В. Е. Румянцовым и др., о перевозе фофановской штанбы из Нижнего в Москву лишь в 1620 г. Очевидно, наиболее ценные части были здесь гораздо раньше, а если известие о перевозе в 1620 г. штанбы из Казани или Нижнего и относится к штанбе Фофанова, то очевидно, не ко всей, а только ее наиболее тяжелым и громоздким частям»⁸⁹.

Далее комментируя фразу источника, опубликованного Румянцевым, исследователь рассматривает несколько вариантов расшифровки сообщения источника: «1) штанба Фофанова оказалась привезенной в Казань; 2) была еще какая-то штанба в Казани, о которой до сих пор ничего неизвестно; и 3) Алексей Невежин присоединился к посланным с другим поручением в Казань, и так как их путь лежал через Нижний, то он вместе с ними мог ехать туда и обратно в Москву, захватив с собой типографию из Нижнего; согласно с этим третьим предположением легче всего было бы толковать текст и относить его к Нижегородской типографии, если бы к выражению "казанские посылки" не было непосредственно прибавлено "по штанбу"; при таком же соединении скорее следует думать, что более вероятными являются два первые предположения, т. е. что какая-то штанба, может быть, Фофановская или другая, неизвестная, находилась в самой Казани. Таким образом, — заключает исследовательница, — очень хорошее свидетельство о существовании какой-то типографии на Волге не дает совершенно точного указания на типографию именно Фофановскую, основанную в Нижнем»⁹⁰.

Сразу оговоримся: А. С. Зернова пользовалась первой публикацией текста записи 1620 г., где заключительная часть ее выглядела следующим образом: «для казанские посылки по штанбу со всякими снастями».

Рассмотрение нижегородского памятника Зернова завершает литературным анализом текста, усматривая в нем существенное влияние предисловий к Острожской Библии, составленных Герасимом Смотрицким.

Свои соображения по поводу нижегородской типографии высказал Е. Л. Немировский. В целом солидаризируясь с Зерновой он внес некоторые уточнения в ее интерпретацию событий. Е. Л. Немировский на основании текста сметы 1612 г. приходит к выводу, что руководить типографией должен был мастер «Ивашко Власов», и далее продолжает: «Кроме мастера Ивашки Власова, здесь названы словолитец Офонко Иванов, знаменщик (художник, подготавливавший оригиналы иллюстраций и орнаментики) Федор Сергеев, резец Офанасей Никонов, столяр Пятой Тарасов и кузнец Кузьма Тимофеев. Ни наборщиков, ни печатников в смете нет. Работу их выполнял сам мастер»⁹¹.

Спустя почти 70 лет после публикации А. С. Зерновой с ее мнением, ставшим к тому времени непререкаемым, попыталась поспорить группа уральских исследователей, к которым принадлежит и автор данной работы⁹². Поводом для пересмотра общепринятой трактовки книгопечатания периода Смуты послужил ряд вопросов, возникших у исследователей при внимательном рассмотрении одного из экземпляров Евангелия, которое атрибутировалось Московскому печатному двору с датой выхода около 1619 г.⁹³. Послесловие в книге отсутствует, а потому естественно возникает вопрос: действительно

ли безвыходное Евангелие издано в Москве около 1619 г.? Чтобы ответить на него, исследователи, прежде всего, попытались разобраться в основаниях атрибутирования книги московской типографии.

Экземпляры безвыходного Евангелия были описаны еще в XIX в. В. М. Ундольским и И. П. Каратаевым⁹⁴: оба автора помещают описание книги под 1616 г., хотя И. П. Каратаев не дает вообще никаких объяснений, а В. М. Ундольский ограничивает время выхода издания периодом между 1596 и 1622 гг.

Общепринятая сегодня датировка Евангелия (около 1619 г.) предложена А. С. Зерновой и основывается на сличении оттисков инициалов «В», «К» и «П», употреблявшихся как в Евангелии, так и в Псалтыри, выпущенной на московском Печатном дворе Софийским попом Никоном 3 октября 1619 г. В предисловии к составленному ею альбому орнаментики книг московской печати XVI–XVII вв. А. С. Зернова пишет: «При внимательном изучении отпечатков инициала "В" (№ 515) в Псалтири 1619 г. становится ясно, что доска этого инициала уже не новая, а не раз бывшая в употреблении. На первом оттиске (л. 20 об.) видно, что доска еще более или менее целая, но на втором и третьем оттисках (на лл. 66 и 110) виден большой разрыв правой линии в верхней ее части длиною свыше $\frac{1}{2}$ см. Этот разрыв повторяется и в последующих изданиях. Между тем отпечатки с совершенно свежей доски инициала "В" находятся в том анонимном Евангелии, которое определено Каратаевым (№ 228) как напечатанное между 1596 и 1622 гг. Его орнамент не оставляет сомнения в том, что оно напечатано уже после 1615 г. на Печатном дворе, так как доски его украшений появляются в изданиях Московского печатного двора. По инициалу "В" его следует отнести ко времени до 1619 г. Сравнение отпечатков инициала "К" (№ 520) позволяет еще больше сблизить время выхода анонимного Евангелия со временем выхода Псалтири 1619 г.: совершенно нестронутой доской отпечатан инициал "К" в Псалтири на л. 32; на следующем отпечатке на л. 185 виден дефект в середине буквы, с правой стороны. В еще более изношенном состоянии доска встречается в анонимном Евангелии на л. 14-м 1-го сч. Принимая во внимание, что в Евангелии счет листов не сквозной, а отдельный, соответственно четырем евангелиям, приходится допустить, что четыре евангелия печатались не в том порядке, как они должны быть расположены, а иначе: 1-е евангелие (с инициалом "К") напечатано позже Псалтири, 4-е (с инициалом "В") – раньше Псалтири, 3-е евангелие (с инициалом "П", № 523) – во время печатания Псалтири, так как в нем употреблена свежая доска с инициалом "П", так же как и в начале Псалтири (л. 77 об. и 124); в конце Псалтири (л. 213) – та же доска уже в изношенном виде. Таким образом, ясно, – заключает

А. С. Зернова, – что то и другое издания печатались одновременно, и выход Евангелия можно отнести ко времени около 1619 г.»⁹⁵

Из приведенной пространной цитаты видно, что единственным основанием для датировки безвыходного Евангелия послужило качество оттисков с досок инициалов. Однако просмотр различных экземпляров Евангелия и Псалтыри 1619 г. обнаруживает, что все так называемые «дефекты доски» в оттисках инициалов находятся с той стороны, где инициал граничит с текстом книги. Никакой закономерности при этом в качестве оттисков при сравнении экземпляров обоих изданий не наблюдается. Поэтому мы склонны объяснять наличие этих «дефектов» тем, что краска в оттисках инициалов не пропечаталась из-за близости текста. В отдельных случаях картина была обратной – плохо пропечатывались отдельные буквы текста, расположенные рядом с инициалом.

Не подтверждают вывода А. С. Зерновой о печатании Евангелия в 1619 г. и введенные в научный оборот И. В. Поздеевой сведения о московских изданиях, начиная с 1619 г.: в материалах Печатного двора есть данные о всех изданиях 1619–1623 гг., зафиксированных каталогом А. С. Зерновой, включая Псалтырь попа Никона, кроме безвыходного Евангелия⁹⁶. Наконец, о выходе Евангелия до (причем, возможно, задолго до) Псалтыри 1619 г. свидетельствует запись, сделанная в сентябре того же года на севере России: «Лета 7127-го сентября в 1 день положила сию книгу... Данилова жена Григорьева с[ы]на Строганова Акилина по реклу Олга Гаврилова дочь своих родителей и по муже своем вечно без выему аще хто... взят тому в корысть... тому... подписал Феодосии по реклу... Евсивьев с[ы]н [Бутчиков?]]»⁹⁷.

Таким образом, у нас нет оснований не только датировать безвыходное Евангелие приблизительно 1619 г., но и вообще относить это издание к продукции «государева Печатного двора»: отсутствие в книге послесловия не позволяет рассматривать ее в качестве официально санкционированного властями издания.

Феномен безвыходного Евангелия второго десятилетия XVII в., по многим параметрам выбивающегося из ряда изданий московского Печатного двора⁹⁸, следует, на наш взгляд, рассматривать в более широком историко-культурном контексте той эпохи, а именно – как результат действия мощной всеохватывающей аномалии в жизни государства и общества начала XVII столетия, имя которой – Смутное время. В поисках времени и места издания интересующей нас книги обратимся к известным уже фактам истории отечественного книгопечатания.

В апреле 1611 г. во время пожара в Москве «избы» печатников сгорели, издание книг в столице прервалось более чем на три года. Вот как повествует об этом событии «Сказание известно ...»: «...и таковое доброе дело, печатный дом и вся штамба того

печатного дела от тех врагов и супостат разорися и огнем пожжена бысть и погиге до конца и не остана ничто же такового орудия; хитрии же на то людие мали остана и воины русския грады отбегоша, насилования ради и туги от тех неверных и злых человек и супостат»⁹⁹.

В смете 1612 г., опубликованной П. М. Строевым, говорилось о мерах по восстановлению типографии: «Лета 7120-го июля в день, великия Российския державы Московского государства по приказу бояр и воевод, положена смета: во что станут две штанбы печатныя, сделати два станы на Фряское дело, со всем сполна, как в них печатати всякия книги»¹⁰⁰.

Екатеринбургские исследователи связали воедино три следующих исторических факта, относящихся к книгопечатанию второго десятилетия XVII в. Во-первых, в июле 1612 г. какое-то правительство издает указ о создании типографии и утверждает смету расходов, оцениваемых в 387 р. 89¹/₂ к. О дальнейшей судьбе этого мероприятия прямых сведений нет.

Во-вторых, в Нижнем Новгороде в 1613 г. была устроена и функционировала типография, неизвестно по чьему приказу созданная и что печатавшая, если не считать шести листов, сохранившихся в единственном экземпляре.

Наконец, в-третьих, вот уже более ста лет исследователям известно Евангелие без послесловия, неизвестно где, когда, кем, по чьему повелению и на какие средства изданное, однако традиционно относимое к продукции московского Печатного двора около 1619 г.

Как уже отмечалось смета 1612 г. считалась документом, созданным по повелению Боярской думы управлявшей в Москве от имени объявленного царем польского королевича Владислава. Разделяющий эту точку зрения Е. Л. Немировский приходит к единственно возможному при таком подходе выводу: «Но проект не был осуществлен, так как в октябре 1612 г. народное ополчение под руководством К. Минина и Д. Пожарского освободило Москву, изгнав из нее поляков и изменников-бояр»¹⁰¹⁹. Правда, не совсем понятно, зачем понадобилось вместе с поляками и изменниками-боярами выгонять из Москвы русских мастеров, пытавшихся возродить московское книгопечатание, вместо того, чтобы использовать результаты их труда в интересах новой власти.

Иную интерпретацию документа дает Л. И. Владимиров: «Попытка князя Д. Т. Трубецкого (одного из руководителей ополчения, боровшегося в 1612 г. с интервентами) восстановить типографию не удалась»¹⁰². Заметим, что летом и в начале осени (до 25 сентября) 1612 г., до воссоединения с отрядами Д. М. Пожарского, Д. Т. Трубецкой стоял с таборами казаков под Москвой. Таким образом, и эта версия

основана фактически на признании московского происхождения сметы 1612 г., хотя все, что до сих пор было известно о предприимчивом казачьем предводителе, не дает серьезных оснований подозревать в нем инициатора возрождения российского книгопечатания.

Изучая смету 1612 г., исследователи до сих пор не обращали внимания на употребленное в ней выражение «по московской цене», косвенно указывающее на немосковское происхождение этого документа. Дело в том, что со времен Ивана Грозного и до конца правления Василия Шуйского копейки чеканились по трехрублевой стопе (триста копеек из гривенки серебра), но в 1610 и 1612 гг., когда Москва была захвачена поляками, вес чеканившейся в ней копейки двгжды уменьшался, так что монета выпускалась соответственно из расчета на 3,6 и 4 руб. из гривенки серебра. Начавшее с апреля 1612 г. чеканке собственной монеты руководство Второго ополчения вынуждено было считаться с этим обстоятельством, хотя и пыталось бороться с последствиями порчи монеты московскими властями¹⁰³. Указание на «московскую цену» в документе московского происхождения не имело смысла.

Появление сметы 1612 г. на устройство типографии мы связываем с деятельностью руководства Второго народного ополчения. Формулировка «по приказу бояр и воевод» в сочетании с упоминанием Российской державы и Московского государства характерна для документов Ярославского земского правительства, сформированного весной 1612 г.¹⁰⁴.

Замысел устройства типографии, наряду с отражением ситуации общего патриотического подъема, мог иметь и более конкретную политическую цель, если вспомнить, что всего полгода спустя кандидатура князя Д. М. Пожарского рассматривалась Земским собором при решении вопроса об избрании нового царя, и в случае его удачи имеющаяся в распоряжении правительства готовая к работе типография позволяла немедленно приступить к решению важнейшей государственной задачи – возобновлению книгопечатания. Но судьба распорядилась иначе, и результат известен: первое издание московского Печатного двора, Псалтырь Н. Ф. Фофанова, увидело свет лишь в январе 1615 г., почти через два года после избрания на царство Михаила Романова.

Не удивительно, что при решении вопроса о месте расположения будущей типографии выбор ее устроителей остановился на Нижнем Новгороде. Город представлял собой надежный тыл Второго ополчения, был его продовольственной и финансовой базой. Понятно также, откуда могли взяться средства на финансирование устройства и деятельности типографии: Кузьма Минин был не только нижегородским земским старостой, но и казначеем и распорядителем денежной части ополчения.

Зернова в своей статье упомянула о бегстве и этот факт, как бесспорный, стал кочевать из книги в книгу, из статьи в статью – сделал он это, якобы «испугавшись насилия со стороны поляков». Источник этих сведений – все то же «Сказание известно ...», где сначала говорится о разбежавшихся из Москвы мастерах печатного дела вообще, а затем и о «бегстве» Фофанова в частности.

Конечно, можно допустить, что Фофанов действительно бежал в Нижний Новгород – если и не из опасений за свою жизнь, то из нежелания служить своим мастерством власти, считавшейся (во всяком случае, задним числом) незаконной. Думается, эту официальную версию охотно поддерживал и сам Фофанов, не заинтересованный в привлечении внимания к истинной причине своего «бегства» именно в Нижний Новгород. Мы склонны полагать, что появился он там отнюдь не случайно, а потому, что прослышал об устройстве в этом городе типографии и намерениях руководства Второго ополчения финансировать ее издательскую деятельность. В таком случае понятно и отсутствие имени Фофанова в смете 1612 г.: когда она составлялась, то ни в Ярославле, ни в Нижнем Новгороде его еще не было. Что же касается «мастера Ивашки Власова», ничем дотоле себя в книгопечатании не проявившего, а впоследствии занимавшегося на Печатном дворе переплетным делом¹⁰⁵, то ему приказано было только устроить новую штанбу, а не руководить ее работой. Разумеется, после появления в Нижнем Новгороде опытного мастера печатного дела Никиты Фофанова именно ему была поручена издательская деятельность типографии.

Сколько времени могло занять устройство типографии в Нижнем Новгороде? Есть все основания полагать, что при наличии однозначного приказа земского правительства, подкрепленного наличием штата квалифицированных мастеров, и выделении средств согласно утвержденной смете расходов, все необходимые работы могли быть закончены до начала следующего, 1613 г. (вспомним, что примерно столько же времени ушло у Фофанова на заведение штанбы после его возвращения в Москву: в декабре 1613 г. он еще работал в Нижнем, а с 5 июня 1614 г. уже печатал Псалтырь на Печатном дворе). Указ об устройстве типографии был издан накануне выхода ополчения из Ярославля. Таким образом, практически одновременно с походом на Москву для утверждения на престоле законного государя руководство ополчения готовило условия для закрепления положения новой власти средствами печатного слова. Медлить сколько-нибудь с осуществлением столь важного мероприятия, как устройство типографии, в этих условиях не было ни оснований, ни возможности: как опытный полководец, князь Пожарский рассчитывал к зиме очистить Москву от неприятеля и вслед за тем без промедления провести Земский

собор, призванный избрать нового царя. В этой ситуации действующая типография оказалась бы как нельзя более кстати.

Установление связи между сметой 1612 г. и устройством типографии в Нижнем Новгороде избавляет от необходимости искать объяснения, почему в январе 1613 г., уже после освобождения Москвы, в условиях подготовки к проведению Земского собора, типография устраивается не в Москве, а в Нижнем. Ссылки А. С. Зерновой на якобы существовавшую еще опасность для Москвы со стороны поляков¹⁰⁶ выглядят крайне неубедительно.

Как уже отмечалось, в Нижегородском памятнике указаны даты начала и окончания заведения «новой штанбы» – 5 января и 17 декабря 1613 г. В статье А. С. Зерновой это однозначно трактуется как время устройства типографии, что не вызывало возражений со стороны других исследователей. Принимая это положение как аксиому, необходимо было бы признать, что Никита Фофанов сознательно сдвинул сроки устройства новой типографии, растянув их на весь 1613 г. Но если Нижегородская печатня уже к началу 1613 г. готова была выпускать продукцию, то до конца года могла быть набрана и отпечатана значительная по объему книга, издание которой не было санкционировано новой властью. Правда, в таком случае остается непонятным, на что рассчитывал напечатавший книгу мастер, заявляя в нижегородских листах всего-навсего об устройстве типографии, – скрывать выпуск книги в документе, отпечатанном типографским способом и явно предназначенном для отправки в Москву, представляется затеей рискованной, если не сказать безумной.

Более вероятно иное объяснение ситуации. В тексте Нижегородского памятника («Начато бысть сие богодухновенное, и трудолюбное дело новая штанба» и «в совершение же прииде сие преславное дело») мы склонны видеть попытку печатника указать в обтекаемой, допускающей неоднозначное толкование форме не на устройство типографии, а на печатание книги – того самого безвыходного Евангелия, которое до сих пор принято относить к деятельности московского Печатного двора.

Евангелие было выбрано в качестве первой книги новой типографии инициаторами ее создания (кто бы они ни были) не случайно. Ориентиром для них служило упоминавшееся выше издание 1606 г. Анисима Радишевского. Таким образом, предполагалось открыть как бы новый период в отечественном книгопечатании, заявить о законности пришедшего к власти государя и одновременно о преемственности традиций государственности и печатного дела. К концу 1613 г. книга была набрана и отпечатана, возможно, ограниченным тиражом, причем на качестве печати могла сказаться как спешка с подготовкой издания, так и нехватка опытных мастеров, в частности батыйщиков. Но

выйти в свет в том виде, как она была задумана, то есть с пространным послесловием, книге было не суждено.

К концу 1613 г. политическая ситуация в стране по сравнению с началом года существенно изменилась. В феврале на царство был избран Михаил Романов, в июле в Москве торжественно прошло венчание нового государя. Князь Д. М. Пожарский участвовал в этой церемонии, был пожалован боярином, но к концу года стало очевидно, что он не просто оттеснен от дел управления государством, но фактически подвергся опале. Трудно сказать, явилась ли деятельность Нижегородской типографии одной из причин этой опалы или свертывание этой деятельности было уже следствием опалы, но совпадение во времени этих двух явлений весьма красноречиво.

Не стало к тому времени и второго возможного покровителя печатника и, что особенно важно, наиболее вероятного инициатора издания Евангелия – митрополита Казанского Ефрема. Во время создания Земского правительства Ефрем был старшим в российской церковной иерархии, так как стоявшие выше него митрополиты Новгородский Исидор и Ростовский и Ярославский Филарет находились в плену – первый у шведов, а второй у поляков. Однако Ефрем не мог отлучиться из Казани, поскольку там не было воевод, и он руководил как делами духовными, так и гражданскими. В этой ситуации на место главы духовных властей в Ярославском правительстве был поставлен предшественник Филарета Романова на ростовской и ярославской кафедре Кирилл, но важнейшие вопросы на правах наиболее авторитетного и уважаемого лица из духовных особ решал митрополит Ефрем¹⁰⁷. После освобождения Москвы он возглавлял Освященный собор и обладал всей полнотой патриаршей власти. После смерти Ефрема в конце 1613 г. Освященный собор возглавил митрополит Крутицкий Иона, «человек по всем признакам без широкого горизонта»¹⁰⁸.

Оставшись без покровителей, с благословения и по приказу которых была устроена типография и началось печатание Евангелия, мастер Никита Фофанов оказался в трудной, по существу беспрецедентной ситуации, выход из которой требовал нестандартного решения. И решение это было найдено. Мы имеем в виду Нижегородский памятник, который мы, в отличие от А. С. Зерновой, считаем самостоятельным, не имеющим аналога в истории русского книгопечатания произведением. Близость его по форме к структуре книжного послесловия или предисловия объясняется тем, что иного жанра печатной публицистики в то время просто не существовало. Текст Нижегородского памятника – это своеобразный печатный вариант челобитья, возможно, отправленный в Москву в качестве приложения к действительному челобитью, и одновременно «вещественное доказательство» устройства новой штанбы и ее функционирования, – своего рода «явка с

повинной». Рапортуя о готовности типографии к действию и повергая ее к стопам нового государя, мастер стремился таким образом обрести правовую защиту и придать всему мероприятию задним числом законный характер, что, в частности, удалось издателям Евангелия 1606 г. Тем временем отпечатанное Евангелие дожидалось решения своей участи в Нижнем Новгороде.

Если мастер рассчитывал на благополучный исход дела, то надежды его не оправдались самым жестоким образом: высочайшая санкция на выпуск Евангелия со всеми необходимыми атрибутами, а главное – с именем царя в послесловии, не была получена. Впрочем, это не помешало распространению «беспаспортной» книги в том виде, в каком она была на момент получения распоряжения из Москвы. Самому Фофанову предписано было немедленно отправляться в Москву, так что у него не было времени не только на печатание одного-двух Часовников, но и на сколько-нибудь продолжительные сборы: 17 мая 1614 г. он уже получал жалованье в Москве¹⁰⁹, а в июне приступил к печатанию Псалтыри – первенца возрожденного московского Печатного двора. Возможно, пришлось оставить в Нижнем почти все типографское оборудование, за исключением шрифта Нижегородского памятника (так называемая «никитинская азбука»), использованного в дальнейшем при работе в Москве¹¹⁰. Не приходится удивляться, что московские власти после получения известия о функционировании Нижегородской типографии не оставили этот факт без должного внимания – скорее, было бы странно, если бы они позволили мастеру Фофанову дальнейшую издательскую деятельность в провинции по его усмотрению, вдали от «ока государева».

Как сложилась судьба типографского оборудования и материалов, оставленных Фофановым при его скоропостижном отъезде из Нижнего Новгорода?

Вернемся к записи 1620 г. в расходной книге Печатного двора. Прежде всего – замечание общего порядка: формулировка записи в расходной книге («свои денги наперед того дал») указывает лишь на то, что поездка за штанбой состоялась до марта 1620 г., но из нее неясно, как давно это было. Из материалов Печатного двора следует, что с 20 июля 1618 г. по 12 августа 1619 г. Алексей Невежин был занят печатанием сентябрьской Минеи на стане Иосифа Кириллова. Значит, его поездка могла состояться до начала или после окончания печатания этой книги. С 1 января 1620 г. он уже приступил к печатанию следующей книги – декабрьской Минеи¹¹¹. В принципе, для командировки в Нижний между 12 августа и 31 декабря 1619 г. времени вполне достаточно. Но, как мы помним, 28 июня 1619 г. Софийский поп Никон начал печатание Псалтыри, в которой использованы орнаментальные доски безвыходного Евангелия, поэтому поездку Алексея Невежина в Нижний Новгород мы датируем временем до 20 июля 1618 г.

Зная о том, что первое издание попа Никона, Часовник, начато им 25 марта 1618 г., а Алексей Невежин в июле того же года приступил к печатанию сентябрьской Минеи, можно было датировать поездку последнего в Нижний Новгород за штанбой началом 1618 г. В таком случае, на одном из двух привезенных нижегородских станов начал самостоятельную издательскую деятельность Никон, а на другом, поступившим в распоряжение Иосифа Кириллова, работал наборщиком сам Алексей Невежин. Но тогда остается неясным, почему, при столь остром дефиците типографского оборудования в первые годы работы Печатного двора, так долго медлили с вывозом штанбы из Нижнего.

Более вероятным кажется нам иной ход событий, а именно: Нижегородская типография была перевезена в Москву не позднее начала 1616 г. После выхода в свет фофановской Псалтыри, датированной 6 января 1615 г., наступает более чем годичный период, за который есть сведения только о Часовнике, выпущенном 8 октября 1615 г. Очевидно, работы велись на одном стане. Но в конце зимы 1616 г. московские мастера практически одновременно приступают к изданию сразу двух книг – Служебника (без имени печатника, с датой начала печатания в предисловии – 14 марта, но без сведений о завершении работ) и Октоиха в двух томах (печ. Н. Ф. Фофанов и П. В. Федыгин, печатание начато 29 февраля 1616 г. и закончено 23 сентября 1618 г.), причем в обеих частях Октоиха указана одна и та же дата начала работы. Значит, к концу февраля – началу марта 1616 г. на Печатном дворе работало уже три стана, из них два, как мы полагаем, были заняты печатанием фофановского Октоиха, а на третьем тиражировался Служебник.

Возможен был и несколько иной вариант перевоза нижегородского типографского оборудования в Москву. А. А. Сидоров полагал, что Фофанов сразу вернулся в Москву со своим станом¹¹², по нашему предположению – это один из двух, работавших в Нижнем Новгороде. На нем, вероятнее всего, были отпечатаны Псалтырь, Часовник и начат Октоих. На втором стане, доставленном в Москву Алексеем Невежиным в начале 1616 г., тиражировался Служебник, после чего этот стан мог быть подключен к работе по изданию Октоиха, а позднее – закреплен за попом Никоном. В 1616 и 1618 гг. появились два «осиповских» стана.

Первый «осиповский» стан появился до начала печатания Иосифом Неврюевым Минеи общей (01.12.1616), второй, вероятно, летом 1618 г. В июле 1618 г. практически одновременно началась работа над двумя Минеями месячными, сентябрьской и октябрьской. Возможно, готовясь к изданию минейного круга Иосиф Неврюев и построил второй стан.

Остановившись на начале 1616 г. как на времени окончательной перевозки Нижегородской типографии в Москву, выскажем предположение, при каких

обстоятельствах это могло произойти. Из данных «Дворцовых Разрядов» известно, что в начале 1616 г. Козьме Минину и двум другим лицам «дано было поручение съездить на следствие в Казанский уезд по делам казны»¹¹³. Думается, подобная оказия (вспомним о выплате в 1620 г. денег целовальнику за данные им «наперед того» Алексею Невежину «для казанские посылки»!) вряд ли была упущена Приказом книжного печатного дела: кто же лучше Козьмы Минина, земского старосты Нижнего Новгорода и одного из организаторов устройства нижегородской штанбы, мог способствовать вывозу типографии из этого города в Москву и оказать помощь в случае каких-либо затруднений?

Уральские археографы впервые проанализировали особенности безвыходного Евангелия, определяемого ими как издание Нижегородской типографии 1613 г.

Интересно, на наш взгляд, наблюдение над листовой формулой книги. Такого количества перебивок в нумерации листов нет ни в одном издании московского Печатного двора I четверти XVII в.¹¹⁴.

Как особенность безвыходного Евангелия, была отмечена неупорядоченность использования бумаги различных видов, что было нехарактерно для деятельности Печатного двора.

В продолжение исследования Евангелия 1613 г. Белобородовым, Мосиным и Починской спустя 10 лет была опубликована еще одна статья «Нижегородская типография: Описание экземпляров»¹¹⁵. Авторы описали 26 экземпляров Евангелия и проанализировали полученную информацию. Был установлен ряд особенностей издания. Например, не качественная работа наборщика вызвала необходимость внесения множества исправлений в ходе печатания книги, огромное количество перебивок в фоллиации, не имеющее аналогов в московских изданиях. В нескольких экземплярах выявлено использование макулатурных листов, в том числе с корректурными правками.

На одном из экземпляров книги из собрания Феропонтова монастыря была обнаружена вкладная запись 1654 г. дьяка Василия Ключарева и перечисление усопших членов его рода. Аналогичные записи 1655 г. имеет и Евангелие учительное (Вильно, 1582), к которому приплетены, обнаруженные Зерновой листы Нижегородского памятника. Одновременное бытование в одной семье двух изданий, атрибутируемых нижегородской типографии является косвенным подтверждением существующей между ними связи. Кроме того, было установлено, что один из представителей этого рода, Дмитрий Ключарев, в 1619/20 г. служил подьячим в Нижнем Новгороде. Авторы статьи высказали предположение, что через него оба издания могли попасть в библиотеку семьи¹¹⁶.

В том же выпуске «Вестника музея «Невьянская икона», была опубликована статья М. Н. Шаромазова¹¹⁷, ставшая единственным возражением против гипотезы уральских исследователей. Статья представляется нам довольно противоречивой. Автор пишет, что Нижегородский памятник вполне можно было бы принять за продукцию Печатного двора, если бы в нем не была названа другая типография. Это издание по техническому уровню исполнения соответствует лучшим образцам московской типографии, в то время как безвыходное Евангелие напечатано весьма небрежно. Он указывает, что в нижегородских листах и в Евангелии использовался разный орнаментальный материал. В дальнейшем клише заставки и инициала листов активно использовались на Печатном дворе. При этом Шаромазов оставляет без ответа вопрос, почему же напрестольное Евангелие, занимавшее особое место в богослужебной практике, напечатано так некачественно и без выходных данных, хотя все издания восстановленной московской типографии выполнены технично и снабжены послесловиями с информацией о времени и месте печати?

Затем Шаромазов дает сравнительный анализ шрифтов двух изданий, по мысли уральских исследователей, принадлежащих нижегородской типографии. Автор критической статьи удивляется: «Странно, что екатеринбуржцы ничего не пишут о шрифте безвыходного Евангелия. По общепринятым показателям он несопоставим со шрифтом Памятника Нижегородской печати: высота десяти строк памятника равна 90 мм, а у Евангелия – 116 мм»¹¹⁸. Но ниже ученый сам же объясняет факт, вызвавший у него удивление: «Сравнение никитинского шрифта (т. е., того шрифта, который был отлит Никитой Фофановым в Москве после восстановления типографии в 1614 г. – *И. П.*) со шрифтом Евангелия без выходных данных осложняется тем, что, как любое напрестольное Евангелие, оно было напечатано крупным шрифтом, не похожим на шрифт обычных богослужебных книг. <...> Трудно определить место шрифта нашего Евангелия в эволюционном ряду. Ставя его рядом с невежинской и никитинской гарнитурой, нельзя не отметить некоторую близость графики букв со шрифтом Невежи (это в свое время отметила А. С. Зернова и данный факт никто не оспаривает – *И. П.*)»¹¹⁹. Далее исследователь делает, на наш взгляд, несколько странный вывод: «Учитывая, что Фофанов создавал свой шрифт под влиянием Невежи, с достаточной степенью осторожности можно предположить, что шрифт Евангелия без выхода мог быть создан кем-то из окружения Никиты Фофанова или, по крайней мере, разделявшим его представления об упорядочивании типографских шрифтов, но не им самим»¹²⁰. Почему «не им самим»? На чем основана эта категоричность? Но даже если шрифт отливался не Фофановым (напомним, по мнению уральских исследователей, смета 1612 г. составлялась для устройства нижегородской типографии, а в этой смете названо имя словолитца Офонки

Иванова), как это опровергает гипотезу о выпуске Евангелия в свет за пределами Москвы? Напротив, указанные Шаромазовым особенности книги либо подтверждают ее немосковское происхождение, либо – абсолютно нейтральны по отношению к вопросу о месте издания.

Большое внимание исследователь уделяет бумаге Евангелия и приходит к выводу, что бумага, на которой оно печаталось, использовалась и в изданиях Печатного двора 1616–1621 гг. Но следует отметить наблюдение самого автора статьи: «Кодикология – наука тонкая, и ее данные очень легко интерпретировать так, как удобно исследователю»¹²¹. При этом хочется добавить, что хронологическая привязка филиграней при составлении справочных альбомов осуществляется на основании точно датированных документов, выявленных исследователем. Однако это не исключает существования более ранних документов с такими же филигранями, не попавших в его поле зрения.

Шаромазов в своей статье приводит так же запись с одного из экземпляров Евангелия, которая, по его мнению, подтверждает московское происхождение книги: «По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу сия книга Евангелие с медными евангелисты дана во Владимир в соборную церковь Еспения пречистые Богородицы в предел Благовещения пречистые; а денги даны из дворца; а подписал приказу Большого дворца молодой подъячий Любим Асманов лета 7130 декабря в 10 день; а отдана та книга Евангелие соборные церкви попу Федоту Заморенкову»¹²². Где здесь указание на издание книги в Москве, не понятно.

В то же время Шаромазов считает, что запись на экземпляре из собрания Егорова в РГБ, датированную писцом 1 сентября 1618 г., следует рассматривать как ошибочную. На самом деле она сделана 1 сентября 1619 г. Следовательно, Евангелие нужно считать московским изданием, напечатанным до 1 сентября 1619 г.¹²³.

В заключение анализа данной точки зрения, как участник исследовательской группы, предложившей новую атрибуцию безвыходного Евангелия начала XVII в., замечу, что мы не считаем свою гипотезу абсолютной истиной и готовы к ее критике, но аргументация М. Н. Шаромазова является недостаточной для ее опровержения.

Период деятельности московской типографии с момента ее восстановления в 1614 г. и до создания Приказа печатного книжного дела в 1620 г. изучен крайне слабо. Считается, что документы этого периода, как и предыдущего не сохранились. Об их существовании позволяет судить только опись дел типографии, составленная в 1649 г., в которой указаны две книги, фиксирующие приход и расход за 123–129 (1614/15 – 1620/21) гг.¹²⁴ Об этой описи впервые упомянул В. Е. Румянцев¹²⁵. Этим же исследователем, как мы уже упоминали, в 1877 гг. были опубликованы документы

Оружейной приказа¹²⁶, а в 1882 г. вышли в свет «Дополнения к дворцовым разрядам», подготовленные И. Е. Забелиным¹²⁷, где есть упоминания о выдаче жалования ремесленникам, участвовавшим в книгоиздании. С тех пор исследователи в своих работах использовали отдельные факты о деятельности мастеров, указанных в опубликованных документах¹²⁸. Однако впервые попытка полного анализа упоминаний в материалах Оружейного приказа о людях, причастных к книгопроизводству был сделан в 1998 г. автором данной работы¹²⁹.

На основе анализа документов, опубликованных Викторовым и Забелиным, мы пришли к следующим выводам. В приходе-расходных книгах государственной казны была обнаружена та же погодная роспись получения зарплаты мастерами и мастеравыми людьми печатного дела, что и в книгах Печатного двора. Фиксация выплат этим работникам не выделена отдельно, а рассыпана между отметками о выплатах мастерам Оружейной палаты других специальностей. Роспись, к сожалению, далеко не полная, что может быть объяснено плохой степенью сохранности Архива Оружейной палаты¹³⁰. С наибольшей полнотой до наших дней дошли книги выдачи жалования «товарами и вещами», в них-то и упомянуты имена мастеровых, занимавшихся книгопечатанием. Книги расходов «денежной казны» сохранились значительно хуже: в тех немногих, что имеются сегодня в фонде Оружейной палаты, нет информации об оплате за книгоиздание.

Приходе-расходные книги за 123–129 гг., указанные в описи 1649 г., представляют собой извлечения из дел Оружейного приказа, сделанные в период реорганизации книгоиздательского дела в 1620 г. (подробнее об этом речь пойдет ниже). Подтверждением тому, по нашему мнению, являются и открывающие первую приходе-расходную книгу Печатного двора записи об изданиях 1619 г., которые сделаны задним числом¹³¹.

Из документов Оружейного приказа была извлечена вся информация о ремесленниках, участвовавших в книгопроизводстве и приведена в виде таблицы, в которой указаны: имя работника, его специализация, размер оплаты труда в денежном эквиваленте и дата получения жалования. Всего в список было включено 48 ремесленников. Наиболее полно перечислены в документах работники новопостроенных станок мастера Иосифа Неврюева¹³².

Далее мы пытались дать свои версии решения загадок некоторых изданий этого периода: Часовника 1615 г. и Служебника 1616 г., высказать мнения по поводу биографий отдельных мастеров, сделали попытку определить, кто из художников и гравиров оформлял издания 1614–1619 гг.

Если первое издание восстановленной московской типографии, Псалтырь 1615 г., не вызывает у исследователей никаких вопросов, то со вторым изданием, Часовником

1615 г., дело обстоит гораздо сложнее. Он считается до сих пор не найденным. Существование этого Часовника установлено по послесловиям старообрядческих изданий, в которых указывалось, с какой книги сделана перепечатка. Старообрядческий Часовник, выпущенный в Могилеве в 1701 г., в котором впервые упомянуто издание 1615 г. как один из источников формирования текста книги, имеет заставки, копирующие орнаментику Часовника 1618 г., также изданного попом Никоном. Поэтому есть основания полагать, что в издании 1615 г. употреблялись те же заставки, что и в книге 1618 г. Возможно, издания начала XVII в. являются однотипными. Вследствие этого дефектные экземпляры Часовника 1615 г. могли быть приняты исследователями за издание 1618 г.

Кто руководил работой по изданию Часовника 1615 г.? Уже 30 июня 1614 г. в документах Оружейного приказа встречается имя попа Никона, мастера книжного печатного дела. Откуда он и где обучался печатному делу, неизвестно. Из изданных им книг и документов Печатного двора следует только, что он являлся софийским попом, имя которого упоминалось иногда с отчеством - Никон Дмитриев¹³³.

Часовник вышел в свет, судя по выходным данным, 8 октября 1615 г., а 16 ноября того же года Никон получил жалование мануфактурой, размер которого в денежном выражении составил 9 рублей 3 алтына 2 деньги. Явно это плата за какую-то большую работу, возможно, завершение книги, задержка оплаты более чем на месяц вполне объяснима. Из документов Печатного двора видно, что реальные даты начала и окончания работы над книгой не всегда совпадают с датами, указанными в выходных данных¹³⁴, возможно, работа над Часовником закончилась позднее, чем указано в послесловии.

На стане, привезенном Алексеем Невежиным в начале 1616 г. из Нижнего Новгорода, по нашим предположениям, был напечатан Служебник. В его послесловии указана только дата начала работы над ним, 16 марта 1616 г., и нет сведений ни о времени его выхода из дела, ни об имени мастера, его печатавшего, что не характерно для изданий этого периода. О причинах отсутствия даты завершения книги трудно что-либо сказать, а вот отсутствие имени печатника можно объяснить, если предположить, что руководителем работ по изданию книги был Алексей Невежин.

Последний из выдающейся династии русских печатников, Алексей Иванович, по логике вещей, должен был, пройдя школу деда и отца, стать продолжателем их традиций. Однако по непонятным причинам он так и не получил должности мастера. Всегда оставаясь на вторых ролях, он, тем не менее, стоял выше других мастеровых. А. Невежин назван первым после Фофанова среди людей, восстанавливавших типографию. Именно он был послан за «штанбой» в Нижний Новгород. Это делает небезосновательным предположение, что Невежин был причастен к деятельности нижегородской типографии.

С 1614 г. в Москве он официально числился наборщиком. Однако особенность положения А. Невежина прямо отмечена в документах 1618 г. С появлением в типографии еще одного нового мастера, Иосифа Кирилловича Неврюева, Невежин был определен к нему, вероятно, не просто как наборщик, а как помощник, но поскольку такой должности не существовало, то при выплате жалования его статус не был определен, хотя размер жалования составлял более половины оклада мастера и был почти в два раза выше, чем у остальных мастеровых: «...дано г[осу]д[а]рева жалования новые печатные избы книжного дела мастеру Осипу Неврюеву восьми аршин камки адамашки багровочешуйчатой, цена дватцати по шти алтын по четыре деньги аршин, да Олексею Невежину четыре аршина бес чети сукна аглинсково вишневого, цена по тритцати алтын аршин, да мастеровым людям: словолитцу Ивану Власову, тередорщику Мине Сидорову и Данку Семенову, переплетчику Офонке Иванову по четыре аршина бес чети сукна настрофилю лазоревого цена по два руб. с полтиною портище, да мастеровым же людям: наборщиком Дорофею Некрасову, резцу Михаику Осипову... девять портит сукна лятчины лазоревой и зеленой по пяти аршин в портище, цена по рублю с четью портище ...»¹³⁵.

После исчезновения Иосифа Неврюева Алексей Невежин вместе с дьяком Федором Семеновым, не будучи мастером, печатал Минеи сентябрьскую и октябрьскую 1619 г., декабрьскую 1620 г., январскую 1622 г., ноябрьскую 1623 г. и Служебник 1623 г.¹³⁶. Ни в одной из этих книг он не назван как руководитель издания.

Как уже упоминалось, два стана было изготовлено для мастера Иосифа Кирилловича Неврюева.

Документы о начале работы И. Неврюева в московской типографии утрачены. Сохранилось только упоминание о выплате жалования мастеровым людям «нового книжного печатного дела» от 4 апреля 1617 г. Имя же самого мастера «новые печатные избы» названо впервые 4 мая 1618 г., когда, видимо, производился расчет за работу над Минеей общей¹³⁷.

В дальнейшем имя И. Неврюева среди печатников не встречается. Минеи служебные, сентябрьскую и октябрьскую, начатые летом 1618 г. печатали «мастера осиповские печати Кириллова мастеровые люди» без самого мастера¹³⁸.

О судьбах мастеров печатного дела известно немного: о ком-то больше, о ком-то меньше выявлено информации, о некоторых практически ничего не известно. Однако полагаю, что это направление исследований является крайне важным, поскольку оно решает не только проблемы реконструкции биографий, но и вопросы формирования и развития особенностей русской книжной традиции, ее ретрансляции. Иосиф Кириллов принадлежит к числу наиболее загадочных личностей в истории русского книгопечатания.

Не известно, как, когда и откуда он появился в московской типографии. Издав одну книгу, Неврюев исчез.

В послесловии к Минее общей указано, что мастер – «из по-вольского города Плеса»¹³⁹. Это позволяет говорить, что Иосиф Кириллов пришел в Москву из Поволжья. Как известно, город Плес и по сей день расположен на берегу Волги между Ярославлем и Нижним Новгородом. Можно предположить, что печатник приехал в столицу вместе с Никитой Фофановым, а впервые приобщился к книгоизданию в Нижнем Новгороде. Однако безоговорочному принятию этой версии мешает один вопрос – почему орнаментика изданной Иосифом Кирилловым книги, не типична для московской традиции, а больше тяготеет к западнорусской? Сомнений же в том, что рисовал заставки сам мастер, нет: среди мастеровых иосифовой «бригады» не было знаменщика, и после исчезновения мастера заставки подобного стиля в московских книгах больше не встречались.

По мнению Е. Н. Матвеевой, Иосиф Кириллов из Москвы уехал на Украину, вероятно во Львов, так как в 1624 г. был вызван из этого города в Киев для участия в издании богослужебных книг, а в 1627 г. был поставлен в иеромонахи и назначен игуменом Львовского Свято-Онуфриевского монастыря¹⁴⁰.

Казалось бы, близость орнаментики иосифовской книги к западнорусской и отъезд его на Украину позволяют предполагать, что и до Москвы он жил и обучался книжному делу там же, а во время Смуты волею судеб вместе с семьей (о его сыне речь пойдет ниже) оказался заброшенным в Россию.

Однако эта версия может быть принята только как рабочая гипотеза, требующая проработки. Необходимы дополнительные доказательства того, что московский и украинский Иосиф Кириллов одно и то же лицо. Совпадение имен и сферы деятельности недостаточно для их идентификации, поскольку имя Иосиф Кириллов не столь уж редкое у русских. Кроме того, в документах Оружейного приказа 1618 г.¹⁴¹ указано, что мастера вали Осип Неврюев, а в послесловии к Минее общей 1618 г. он сам называет себя Иосифом Кирилловым сыном. Следовательно, в Москве работал светский человек, полное имя которого Иосиф Кириллович Неврюев. При пострижении в монахи он, скорее всего, взял бы другое имя.

Среди мастеровых Иосифа Кирилловича встречается имя Михаила Осипова: в первой «ведомости» он указан как резец, во второй – как наборщик¹⁴². Его имя среди работников Печатного двора упоминается до 1637 г.¹⁴³. В одной из записей 1628 г. он назван под фамилией Неврюев¹⁴⁴. Следовательно, это сын мастера, начинавший работать с отцом, сначала он изготавливал орнаментику по эскизам отца, а затем был переведен на

другую работу для более глубокого постижения книгопечатного дела. Несомненно, что Михаил Осипов изготовил и две новые заставки к минее октябрьской 1619 г., отпечатанной осиповскими мастеровыми.

Продолжая сюжет о граверах, оформлявших книги, необходимо сказать, что, кроме Михаила Осипова, в документах Оружейной палаты упомянуты имена еще четырех «резцов и наводников» – это Кондрат Иванов, Афанасий Никонов, Семен Устимов и Иван Никонов¹⁴⁵. Сразу оговоримся, что только Иван Никонов назван «печатная изба резцом». О сфере деятельности других не говорится ничего, они названы либо просто «оружейново приказу мастерами», либо к этому определению добавлено, что они являются «резцами и наводниками». Их включение в число людей, причастных к книгоизданию, объясняется следующими соображениями. Кондрат Иванов с 1620 г. значится как мастер Печатного двора. Афанасий Никонов работал в качестве резца в Нижегородской типографии 1613 г.¹⁴⁶. Во всех случаях фиксации этого имени в документах оно стоит рядом с именем Кондрата Иванова. Следовательно, сфера их деятельности была одна, и вероятнее всего, это книгоиздание. Семен Устимов упомянут всего один раз, вместе с Кондратом Ивановым и Афанасием Никоновым. В то же время не все случаи упоминания Кондрата Иванова приняты к рассмотрению. Например, 7 июня 1614 г. он получал жалование вместе с группой мастеров¹⁴⁷ которые, судя по содержанию других записей о них, со значительной долей вероятности могут быть отнесены к граверам, украшавшим оружие¹⁴⁸. Поэтому можно предположить, что в 1614–1619 гг. Кондрат Иванов трудился не только в области книгоиздания.

Не исключено, что некоторые факты получения жалования Кондратом Ивановым, взятые на заметку, та же не имеют отношения к работе над книгами.

Попытаемся определить, какие книги оформлял каждый из названных мастеров.

Сопоставление дат выплаты жалования резцам с датами начала издания книг привело к следующим результатам.

Первые выдачи жалования Кондрату Иванову, 12 апреля и 5 июня 1614 г.¹⁴⁹, совпадают с началом работы над Псалтырью – 5 июня 1614 г. В книге одна гравюра – «Царь Давид», – четыре заставки, 16 инициалов, вязь.

А. А. Сидоров утверждал, что гравюру к Псалтыри 1615 г. резал Кондрат Иванов. Однако это его утверждение вряд ли можно считать достаточно аргументированным. Особенно зыбкой кажется аргументация, если учесть, что Афанасий Никонов не исчез после 1612 г., как считал А. А. Сидоров¹⁵⁰, а продолжал работу и после Смуты. Но совпадение дат получения жалования Кондратом Ивановым и начала издания Псалтыри

косвенно свидетельствует о причастности мастера к работе над книгой и подтверждает гипотезу А. А. Сидорова.

Сложнее обстоит дело с определением авторства заставок. Сравнение орнаментики Псалтыри с орнаментикой книг, которые, несомненно, оформлял Кондрат Иванов (например, Триодь цветная 1621; Псалтырь 1622), заставляет усомниться в том, что он резал клише для Псалтыри 1615 г.

А. С. Зернова отмечала, что «заставки в книгах, носящих его (Кондрата Иванова – *И. П.*) имя, совершенно точно повторяют образцы Невеж». Несмотря на устоявшееся в историографии мнение о том, что Кондрат Иванов являлся «наиболее интересным из мастеров Печатного двора 1620-х гг.», рискну заметить, что его заставки не просто повторяют невежинские образцы, а являются довольно слабой их копией¹⁵¹. А если учесть, что и гравюры Кондрата Иванова, как утверждает в своем исследовании А. А. Сидоров, копировали невежинские¹⁵², то трудно согласиться с общепринятой оценкой работы мастера.

Заставки Псалтыри 1615 г. не соответствуют стилю Кондрата Иванова, они достаточно самостоятельны, хотя и не выходят за рамки московской книжной традиции. Из этого следует, что либо в начале своей работы в книжном деле Кондрат Иванов не был так жестко ориентирован на невежинские образцы, либо в издании Псалтыри участвовал еще один вер – Семен Устимов или Иван Никонов.

Вторая выплата жалования по сохранившимся документам Оружейной палаты, приходится на 6 апреля 1615 г.¹⁵³. Его получили сразу три мастера, размер выплаты каждому был одинаков и составлял довольно внушительную сумму – более 7 рублей.

Судя по выходным данным, 8 октября 1615 г. вышел из печати Часовник. Учитывая, что книгу печатал еще неопытный мастер (как предполагалось выше, им был поп Никон Дмитриев) на работу над ней вполне могло уйти до полугода. Следовательно, жалование могло быть оплатой работы по подготовке материалов к изданию Часовника. Однако катаю, что размер выплат слишком велик (в сумме более 20 руб.), чтобы их можно было считать заработной платой за подготовку одной книги, вероятно, в это время уже началась работа по изготовлению орнаментики к дующим изданиям – Октоиху и Служебнику.

Установлено, что заставки к нижегородскому Евангелию 1613 г. изготовлял Афанасий Никонов. Сравнение их с заставками Октоиха 1618 г. и Служебника 1616 г., показало их несомненное сюжетно-стилистическое единство орнаментики¹⁵⁴, что позволяет атрибутировать все заставки Афанасию Никонову. Еще три заставки Октоиха копируют орнаментiku Апостола Ивана Федорова, изданного во Львове, и одна – заставку виленского Евангелия 1575 г. Одна из заставок, повторяющих львовские, тяготеет к

заставкам Афанасия Никонова, особенно ярко это видно по изображению шишек, вероятно, она тоже изготовлялась этим мастером.

По поводу авторства других заставок можно высказать предположение, что их изготовлял Семен Устимов или Кондрат Иванов, однако участие в работе над ними Кондрата Иванова представляется менее понятным по причинам, которые вызвали сомнение в атрибутировании орнаментики Псалтыри 1615 г.

Заставки к Часовнику также резал Афанасий Никонов, во всяком случае, две из них – несомненно. Авторство третьей заставки определить сложно¹⁵⁵.

Таким образом, Афанасий Никонов, прошедший школу мастеров конца XVI–начала XVII вв., в период восстановления типографии был главным мастером, изготавливавшим клише заставок.

Однако 6 апреля 1615 г. трем граверам было выдано равное жалование. За что же получили другие мастера эту выплату и последующие, не привязанные к датам работы над конкретными изданиями? Работа резцов и наводников не ограничивалась только изготовлением орнаментальных досок. Как следует из документов Печатного двора, они занимались золочением подносных экземпляров книг, изготовлением коробок для хранения материалов, медных досок для тиснения переплетов и т. д. Известно также, что Кондрат Иванов изготовлял матрицы и пунсоны для типографии. Возможно, подобной работой занимались и другие мастера.

К сожалению, степень сохранности архива Оружейной палаты и характер информации документов не позволяют в полной мере реконструировать деятельность московской типографии в 1614–1619 гг. Много приходится предполагать, основываясь на косвенных данных или руководствуясь логикой рассуждений. Однако выявление рассмотренных документов вселяет некоторую надежду на обнаружение новых источников при условии расширения границ поиска.

И. В. Починская

Примечания

- ¹ Вернадский В. И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 85, 90–91, 103.
- ² Бессонов П. А. Типографская библиотека в Москве: Исторический очерк. М., 1859. С. 44–45.
- ³ Некрасов А. И. Книгопечатание в России в XVI–XVII веках // Книга в России. М., 1924. Ч. 1. С. 101.
- ⁴ Сидоров А. А. История оформления русской книги. М.:Л., 1946. С. 80.
- ⁵ Там же. С. 80–81.
- ⁶ Зернова А. С. Орнаментика книг московской печати XVI–XVII веков. М., 1952. С. 17–26.

- ⁷ *Зернова А. С.* Орнаментака книг московской печати кирилловского шрифта. 1677–1750 (Атлас). М., 1963.
- ⁸ См. например: *Поздеева И. В.* Московское книгопечатание первой половины XVII века // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 14–78; Она же. Историческое бытование изданий Московского печатного двора первой половины XVII века // Solanus. London, 1991. Nev Series. Vol. 5. P. 13–15; *Поздеева И. В., Пушкин В. П., Дадькин А. В.* Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона: Исследования и публикации. М., 2001; *Градобойнова Е. В.* Часовник как книга для обучения вере и грамоте (по материалам московских печатных изданий первой половины XVII века) // Федоровские чтения 2005. М., 2005. С. 315–327; *Грицевская И. М.* Патристика в репертуаре Московского печатного двора дореформенного периода // Федоровские чтения, 2005. М.: Наука, 2005. С. 268–295; *Гурьянова Н. С.* Об издательской политике Печатного двора в первой половине XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Культура, наука, образование. Новосибирск, 2006. № 3. С. 13–18 и др.
- ⁹ *Карабинов И. А.* К истории исправления Постной Триоди при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1911. № 5–6. С. 643.
- ¹⁰ *Сапожникова О. С.* Русский книжник XVII века Сергей Шелонин. М.: СПб., 2010. 560 с., ил., пер.
- ¹¹ Там же. С. 316.
- ¹² *Немировский Е. Л.* Источниковедение и историография русского первопечатания. Автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук. М., 1964.
- ¹³ *Немировский Е. Л.* Польские труды по истории книгоиздательского дела и книгопечатания // Книга. Исследования и материалы. 1962. Сб. 6. С. 255–266; *Он же.* Историографические заметки о начале книгопечатания на Руси // Там же. Сб. 7. С. 239–263; *Он же.* Очерки историографии русского первопечатания // Там же. 1963. Сб. 8. С. 5–42; *Он же.* Труды по истории русского первопечатания во второй половине XIX–XX веках // Там же. 1964. Сб. 9. С. 389–437.
- ¹⁴ *Немировский Е. Л.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. Жизнь и деятельность первопечатника Ивана Федорова. Указатель литературы. 1574–1974. М., 1975; *Он же.* Первopечатник Иван Федоров. Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности. Львов, 1983.
- ¹⁵ См.: *Снегирев И. М.* О первой Псалтыри, напечатанной Невежею Тимофеевым и Никифором Тарасиевым при царе Иоанне Васильевиче // Вестник Европы. 1830. № 13. С. 59–60.
- ¹⁶ См.: *Гатцук А. А.* Очерк истории книгопечатного дела в России // Русский вестник. 1872. Т. 99. № 45. С. 310–343; Леонид (Кавелин). Евангелие, напечатанное в Москве: 1564–1568 // ПДПИ. СПб., 1883. С. 15; *Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. С. 45; Она же. Орнаментака книг московской печати XVI–XVII веков. Каталог. М., 1952. С. 14; *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 126.
- ¹⁷ См.: *Сахаров И. П.* Летопись русского гравирования // Северная пчела. 1841. № 104. С. 414
- ¹⁸ См.: *Тихомиров М. Н.* Россия XVI в. М., 1962. С. 97–98.
- ¹⁹ См.: *Лабынцев Ю. А.* Типография Никифора Тарасиева и Невежи Тимофеева // Сводный каталог и описание старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта. М., 1984. Вып. 19. С. 11.
- ²⁰ *Немировский Е. К.* Анисим Михайлов Радишевский. Около 1560 – около 1631 г. М., 1997. С. 27.
- ²¹ Там же. С. 38.
- ²² *Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке московского купца ... И. Н. Царского. М., 1836. С. 438–447.
- ²³ *Немировский Е. К.* Анисим Михайлов Радишевский. С. 38..
- ²⁴ См.: *Леонид (Кавелин).* Евангелие, напечатанное в Москве: 1564–1568 // ПДПИ. СПб., 1883. С. 15, 29–30.
- ²⁵ См.: *Сидоров А. А.* История оформления русской книги. М.: Л., 1946. С. 63.
- ²⁶ Там же. С. 70.
- ²⁷ См.: *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 132–133.
- ²⁸ См.: *Некрасов А. И.* Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. Ч. I: От начала письменности до 1800 года. М., 1925. С. 97.
- ²⁹ См.: *Он же.* Древнерусская книжная гравюра. С. 129, 131–132.
- ³⁰ *Соловьев А. Н.* Государев Печатный двор и Синодальная типография в Москве: Историческая справка. М., 1903. С. 13. Он заявляет об этом без ссылок на источники. Позднее Тихомиров, оспаривая мнение ряда исследователей о сожжении недругами типографии Ивана Федорова, которые аргументировали свою точку зрения ссылками на записки англичанина Д. Флетчера, посетившего Москву в 1588 г., предположил, что у Флетчера совместились информация о прекращении работы федоровской типографии с информацией о каком-то более позднем пожаре. Это мог быть пожар 1571 г., во время которого сгорела почти вся Москва и, вероятно, погибла типография. См.: *Тихомиров М. Н.* Начало московского книгопечатания // Уч. зап. МГУ. 1940. Вып. 41. С. 94; Он же. Начало московского книгопечатания // У истоков русского книгопечатания. м., 1959. С. 40. URL: <http://sobornik.ru/article/uistokov/uistokov02.htm>
- ³¹ *Покровский А. А.* Печатный Московский двор в первой половине XVII века // Древности: Труды Императорского Московского Археологического Общества. М., 1914. Т. 23. Вып. 2. С. 18.
- ³² См.: *Зернова А. С.* Орнаментака книг московской печати XV–XVII веков. М., 1952. С. 15.

- 33 Там же.
- 34 Там же. С. 14–15.
- 35 См.: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1. С. 185. № 932.
- 36 См.: Там же. С. LV–LVI.
- 37 *Кеппен П. И.* Хронологическая роспись первопечатным словенским книгам // Библиографические листы / Изд. П. И. Кеппеном. СПб., 1825. № 21. С. 293–300.
- 38 См.: *Евгений (Болховитинов).* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской церкви. СПб., 1827. Ч. 1. С. 267.
- 39 *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871. С. 14.
- 40 *Снегирев И. М.* Древнейшие памятники славянских типографий. Б. Псалтырь, напечатанная в Слободе в 1576 г. // Труды Московского университета 1835. Ч. 9. С. 168–174
- 41 *Родосский А. С.* Описание старопечатных и церковно-славянских книг, хранящихся в библиотеке СПб. Духовной академии. СПб., 1891. Вып. 1. С. 33.
- 42 *Леонид (Кавелин).* Историческое и археологическое первоклассного Успенского женского монастыря в г. Александрове Владимирской губернии. М., 1891. С. 12.
- 43 См., например: *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 134; *Зернова А. С.* Орнамента книги московской печати ... С. 15; *Демин А. С.* Русские старопечатные послесловия второй половины XVI в. (отражение недоверия читателей к печатной книге) // Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII в.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 65.
- 44 *Григорьев Е. И.* О некоторых спорных вопросах русского книгопечатания // Вестник РАН. 2001. Т. 71. № 5. С. 443–452; Он же. Свяжская типография Андроника Тимофеева Невежи второй половины XVI века (к вопросу о времени начала работы и перевода в Москву) // Литературные чтения в усадьбе Боратынских, посвященные литературе, истории и культуре провинциальной России конца XVIII – начала XX вв. 19–20 марта 2002 г. С. 13–21. Режим доступа: http://www.tatar.museum.ru/Boratynsk/musproj_1_tez.ntm#10; Он же. Роль и значение Свяжского и казанского кириллического книгопечатания середины XVI – начала XVII вв. в духовной и материальной культуре Казанского и Московского царств // Православный собеседник. 2002. № 2. С. 147–162. Режим доступа: <http://kds.eparhia.ru/publishing/sobesednik/three/articleeight/>; Он же. Ивангород на реке Свияге как книжный центр Древней Руси середины – второй половины XVI века: (библиотеки, скриптории, типография, школа) // Усадебные библиотеки – история и современность: (Русская усадьба XVIII – начала XX вв. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации): Материалы науч. конф. / Департамент культуры и туризма Администрации Ярославской области; Гос. литер.-мемор. музей-заповедник Н. А. Некрасова «Карабиха»; Яросл. обл. универ-я науч. б-ка им. Н. А. Некрасова. Ярославль, 2002. С. 3–7; Он же. Училища, типографии и скриптории Казанского края XVI века как первые в России образовательные комплексы // Структурно-функциональные и методические аспекты деятельности университетских комплексов: Матер-лы Всерос. научно-метод. конф., 28–30 мая 2002 г. Казань, 2002. С. 46–47 и др.
- 45 *Григорьев Е. И.* О некоторых спорных вопросах русского книгопечатания. С. 444.
- 46 *Починская И. В.* Казанские земли – колыбель русского книгопечатания?! // Вестник УрО РАН. 2010. № 4.
- 47 *Кавельмахер В. В.* Государев двор в Александровой слободе (опыт реконструкции) // *Кавельмахер В. В.* Древности Александровой слободы. Сборник трудов. Режим доступа: http://www.kawelmakher.ru/science_kawelmakher313.htm
- 48 *Ровинский Д. А.* Русские граверы и их произведения с 1564 г. до основания Академии художеств. М., 1870. С. ; он же. Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. СПб., 1895. Стлб. 23–24.
- 49 *Стасов В. В.* Разбор рукописного сочинения Д. А. Ровинского «Русские граверы и их произведения ...». Собр. соч. СПб., 1894. Т. 2. С. 171–172.
- 50 *Некрасов А. И.* Книгопечатание в России в XVI и XVII веках. С. 97.
- 51 Там же. С. 98–99.
- 52 *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 126–144.
- 53 Там же. С. 126.
- 54 Там же. С. 136, 143–144.
- 55 *Зернова А. С.* Орнамента книги московской печати ... С. 15–16.
- 56 Там же. С. 15–16.
- 57 Там же. С. 16.
- 58 Там же.
- 59 *Сидоров А. А.* История оформления русской книги. С. 82.
- 60 *Зернова А. С.* Орнамента книги кирилловской печати. С. 17.
- 61 *Немировский Е. К.* Анисим Михайлов Радишевский. С. 45, 74.
- 62 *Герасимов О.* До біографії Онисима Михайловича Радишевського // Бібліологічні вісті. 1926. Ч. 1. (10). С. 63–
- 64.
- 63 *Немировский Е. К.* Анисим Михайлов Радишевский. С. 29.

- ⁶⁴ Там же. С. 47.
- ⁶⁵ Там же. С. 60.
- ⁶⁶ *Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836. С. 433.
- ⁶⁷ *Зернова А. С.* Орнаментика книг кирилловской печати. С. 17.
- ⁶⁸ *Строев П.* Описании старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке Ивана Никитича Царского. М., 1836.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Румянцев В. Е.* Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1876. С. 56.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ *Булгаков Ф. И.* Иллюстрированная история книгопечатания и типографского искусства. Т. 1. С изобретения книгопечатания по XVIII век включительно. СПб., 1885. С. 251.
- ⁷⁵ *Семенников В. П.* Литературная и книгопечатная деятельность в провинции // Русский библиофил. 1911. № VII. С. 29.
- ⁷⁶ *Срезневский В. И.* Фофанов Никита Федорович // РБС. СПб., 1901. Режим доступа:
- ⁷⁷ *Семенников В. П.* Литературная и книгопечатная деятельность в провинции. С. 29.
- ⁷⁸ *Уланов В. Я.* Книгопечатание в Москве в XVI–XVII вв. // Москва в прошлом и настоящем. Памяти И. Е. Забелина. М., 1909 (13). Т. 2. Ч. 3. С. 115.
- ⁷⁹ Цит. по: Русская старопечатная литература XVI – первая четверть XVIII в.: Тематика и стилистика предисловий и послесловий. Вклейка л. 8–8 об.
- ⁸⁰ *Зернова А. С.* Памятник нижегородской печати 1613 г. // Сборник ГБЛ. М., 1928. Вып. I. С. 57–85.
- ⁸¹ Там же. С. 62–63.
- ⁸² Там же. С. 64.
- ⁸³ Там же. С. 65.
- ⁸⁴ Там же. С. 67.
- ⁸⁵ Там же. С. 69.
- ⁸⁶ Там же. С. 69–70.
- ⁸⁷ Там же. С. 70.
- ⁸⁸ Там же. С. 69.
- ⁸⁹ Там же. С. 74–75.
- ⁹⁰ Там же. С. 61.
- ⁹¹ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров: (около 1510–1583). М., 1985. С. 246, 249.
- ⁹² *Белобородов С. А., Починская И. В., Мосин А. Г., Борисенко Н. А.* Новое об изданиях нижегородской типографии в 1613 г. // Ежегодник НИИ русской культуры Уральского государственного университета. Екатеринбург, 1995. Вып. 1. С. 4–22.
- ⁹³ *Зернова А. С.* Орнаментика книг московской печати ... С. . № 285.
- ⁹⁴ См.: *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871. С. 30. № 206; *Каратаев И. П.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. 1. С. 333. № 228.
- ⁹⁵ *Зернов А. С.* Орнаментика книг московской печати ... С. 19.
- ⁹⁶ См.: Новые материалы для описания изданий московского Печатного двора: Первая половина XVII в.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов: Метод, рекомендации / Сост. И. В. Поздеева. М., 1986. С. 21–24.
- ⁹⁷ РГБ. МК № 8963. Л. [14] перв.сч. – 32. Эта запись в книге вымарана и плохо печатается, уточнить ее позволяет запись на рукописной Минее ок. 1620 г. из собрания Е. Е. Егорова: «Во сто двадцать седьмом году положила в дом Богоявлению Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и святым страстотерпцем Борису и Глебу в Рамбалу Данилова жена Строганова Ольга Гаврилова дочь Едомскаго Евангелие печатное тетр одето атласом золотым, евангелисты серебряные, золочены». Запись опубл.: *Сметанин С. И.* Записи XVI – XVII веков на рукописях собрания Е. Е. Егорова // АЕ за 1963. М., 1964. С. 365.
- ⁹⁸ В частности, принципиально важным представляется нам наблюдение А. А. Гусевой об использовании знака сноски с двумя поперечными линиями только в этой книге, тогда как во всех московских изданиях Евангелия с 1606 по 1668 гг. употребляется знак с одной поперечной линией.
- ⁹⁹ Цит. по кн.: У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 201–202. Первое издание текста в кн.: *Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836. С. 437–448.
- ¹⁰⁰ *Строев П. М.* Описание старопечатных книг славянских ... С. 433.

- ¹⁰¹ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров: (около 1510–1583). М., 1985. С. 246.
- ¹⁰² *Владимиров Л. И.* Всеобщая история книги: Древний мир. Средневековье. Возрождение. XVII век. М., 1988. С. 282. Приводимые Л. И. Владимировым сведения даются без ссылки на источник.
- ¹⁰³ По наблюдениям И. Г. Спасского, в августе 1611 – мае 1612 г. в Москве копейка чеканилась по стопе 3,6 руб., переход на четырехрублевую стопу осуществился со второй половины 1612 г. (см.: *Спасский И. Г.* Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г.: историко-нумизматическое исследование // МИА. М., 1955. Т. 44. С. 377). Как установлено В. Л. Яниным, правительство в Ярославле до конца 1612 г. чеканило монету по промежуточной стопе (см.: *Янин В. Л.* Из истории русской монетной чеканки в 1612–1613 гг. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 92).
- ¹⁰⁴ См.: Описание актов, хранящихся в Археографической Комиссии АН СССР // ЛЗАК за 1927–1928 годы. Л., 1929. Вып. 35. С. 285–287. См. также: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб., 1901. С. 419.
- ¹⁰⁵ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров ... С. 246, 250.
- ¹⁰⁶ *Зернова А. С.* Памятник нижегородской печати 1613 г. С. 69–69.
- ¹⁰⁷ См.: *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты... С. 418–419.
- ¹⁰⁸ *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 81–82.
- ¹⁰⁹ См.: *Зернова А. С.* Памятник нижегородской печати 1613 г. С. 67.
- ¹¹⁰ *Зернова А. С.* Памятник нижегородской печати. С. 74.
- ¹¹¹ См.: Новые материалы для описания изданий... С. 21.
- ¹¹² *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 164.
- ¹¹³ *Смирнов Д. Н.* Очерки жизни и быта нижегородцев XVII–XVIII веков. Горький, 1971. С. 28.
- ¹¹⁴ При выведении листовой формулы за основу взят 1-й экз. УрГУ (НБ УрГУ IX. 52п/2422).
- ¹¹⁵ *Белобородов С. А., Мосин А. Г., Починская И. В.* Нижегородская типография: Описание экземпляров // Вестник музея «Невьянская икона». Екатеринбург, 2006. Вып. II. С. 168–184
- ¹¹⁶ Там же. С. 173–174.
- ¹¹⁷ *Шаромазов М. Н.* Об атрибуции и датировке безвыходного Евангелия // Там же. С. 184–189.
- ¹¹⁸ Там же. С. 186.
- ¹¹⁹ Там же. С. 186–187.
- ¹²⁰ Там же. С. 187.
- ¹²¹ Там же. С. 187.
- ¹²² Там же. С. 188.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Кн. 44. Л. 52 об.
- ¹²⁵ *Румянцев В. Е.* Древние здания московского печатного двора // Древности: Труды Московского археологического общества. М., 1869. Т. 2. Вып. 1. С. 23. Следует заметить, что первым фрагмент из
- ¹²⁶ *Румянцев В. Е.* Описание записных книг и бумаг дворцовых приказов. 1584–1725. М., 1877. Вып. 1. Следует заметить, что первым фрагмент из дел Оружейного приказа, касающийся книгопечатания опубликовал П. М. Строев. См.: Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описанию библиотек графа Ф. А. Толстого и купца М. Н. Царского. М., 1841. С. 245.
- ¹²⁷ *Забелин И. Е.* Дополнение к дворцовым разрядам // ЧОИДР. 1882. Кн. 1. С.
- ¹²⁸ См., например: *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов XVI–XIX вв. Стлб. 273–274, 506; *Покровский А. А.* Печатный московский двор в первой половине XVII века // Древности: Труды Императорского Московского Археологического Общества. М., 1914. Т. 23. Вып. 2. С. 19; *Зернова А. С.* Памятник нижегородской печати 1613 г.; С. 66–67; Она же. Орнамента книг московской печати ... С. 21; *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. С. 168–170.
- ¹²⁹ *Починская И. В.* «Царского величества друкарня» 1614–1619 гг. // Уральский сборник: История. Культура, Религия. Екатеринбург, 1998. Вып. 2. С. 216–236.
- ¹³⁰ *Богуславский Г. А.* Из истории Архива Оружейной палаты // Ист. архив. М., 1952. № 2. С. 215–223.
- ¹³¹ Там же. С. 219.
- ¹³² Там же. С. 220–222.
- ¹³³ Часовник. М., 1618. Л. [247]; Московские кирилловские издания XVI – XVII вв. в собраниях РГАДА. Каталог. Вып. 1. 1556–1625 гг. / Сост. Е. В. Лукьянова, Л. Н. Горбунова. М., 1996. С. 111. № 28. А. И. Некрасовым Никон Дмитриев назван новгородцем без всякой аргументации. См.: *Некрасов А. И.* Книгопечатание в России в XVI и XVII веках // Книга в России. М., 1924. Т. 1. С. 118.
- ¹³⁴ См.: Московские кирилловские издания ... С. 103. № 21; С. 107. № 24; С. 110–111. № 27; С. 111. № 28.
- ¹³⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 203. Л. 395–396.

- ¹³⁶ Московские кирилловские издания ... С. 103. № 21; С. 107. № 24; С. 108. № 25; С. 114. № 29; С. 119. № 32; С. 120–121. № 33.
- ¹³⁷ *Починская И. В.* «Царского величества друкарня» ... С. 221–222.
- ¹³⁸ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Кн. 1. Л. 1.
- ¹³⁹ Миняя общая. М., 1618. Л. 361.
- ¹⁴⁰ *Матвеева Е. Н.* Иосиф Кириллов // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. И – О. С. 111–113.
- ¹⁴¹ *Починская И. В.* «Царского величества друкарня» ... С. 222.
- ¹⁴² Там же. С. 221–222.
- ¹⁴³ Московские кирилловские издания ... С. 185.
- ¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1182. Оп. 1. Кн. 8. Л. 40 об.
- ¹⁴⁵ *Починская И. В.* «Царского величества друкарня» ... С. 220–222.
- ¹⁴⁶ *Строев П. М.* Описание старопечатных книг ... С. 436.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 199. Л. 527–527 об.
- ¹⁴⁸ Там же. Л. 522 об.–523; Л. 416 об.–417; Д. 277. Л. 221; Д. 278. Л. 35 об.–36; Д. 279. Л. 232–232 об. и др.
- ¹⁴⁹ *Починская И. В.* «Царского величества друкарня» ... С. 220.
- ¹⁵⁰ *Сидоров А. А.* Древнерусская книжная гравюра. М., 1951. С. 168–169.
- ¹⁵¹ *Починская И. В.* «Царского величества друкарня» ... С. 230–231.
- ¹⁵² Особое место в творчестве Кондрата Иванова занимают гравюры к Евангелию 1627 г., именно их высочайший уровень, несомненно, определен участием в работе художника Прокопия Чирина.
- ¹⁵³ *Починская И. В.* «Царского величества друкарня» ... С. 221.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 232–235.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 224.

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Европейская идея в концепции «Срединной Европы» Ф. Наумана и возникновение либеральных партий в Германии

Концепция «Срединной Европы» Ф. Наумана. Становление и содержание

Образ Фридриха Наумана в исторической памяти немцев и политической культуре ФРГ предстает олицетворением национальной либеральной традиции, очищенной от «исторического греха» тех либералов, которые фактически отреклись от своих ранних идей в пользу бисмарковского имперского национального государства. В нем видят также символ преемственности современной Германии – республики и демократии с либерально-демократическими идеями и движениями, альтернативными вильгельминскому государству и создавшими Веймарскую республику. Не случайно имя Фридриха Наумана носит фонд либеральной политики (Friedrich Naumann Stieftung), близкий к Свободной демократической партии Германии – партии немецких либералов.

В то же время личность Фридриха Наумана (1860–1919) – лютеранского пастора, публициста, политического деятеля, равно как и его влияние на общественную жизнь страны гораздо сложнее и многограннее сложившегося стереотипа. В этой яркой, неординарной личности прихотливо переплелись разнородные и внешне даже противоречивые идейно-политические комплексы. Христианский социалист, высоко ставивший значение индустрии и массы, либеральный демократ с пиететом к цезаристской парадигме верховной власти, поборник мировой политики и империалистического экспансионизма, Фридрих Науман является, прежде всего, персонифицированным воплощением ситуации кризиса модерна и мучительных поисков его альтернативы. Известный американский историк середины XX в. У. Шэнахан по праву называл его «зеркалом вильгельминской Германии» и подчеркивал, что «все ее слабости и заблуждения, сомнения и амбиции открыто отражены в работах Наумана»¹ [Shanahan, 1951, 267].

Драматизм политической биографии Наумана заключается в том, что ни один из его значительных общественно-политических проектов не был реализован, хотя каждый вызывал широкий общественный интерес, волновал умы современников. Может быть, самой масштабной, амбициозной и не утратившей значения до сих пор, стала его концепция срединной Европы – обширного территориально-политического и экономического объединения стран и народов центральной части континента, которая

разрабатывалась им в начале XX века. Небольшая книга Ф. Наумана под одноименным названием впервые увидела свет в разгар Первой мировой войны – в 1915 г. Она сразу стала политическим бестселлером в Германии, где за первые полгода разошлась тиражом около 100 тысяч экземпляров, уступив в этом отношении только «Мыслям и воспоминаниям» Бисмарка² [см.: Neuss, 1949, 336]. Кроме того, книга еще во время войны стала доступна за рубежом – она была переведена на английский, венгерский, французский, шведский, итальянский, русский языки³ [см.: Schubert, 1993, 15; Науман, 1918].

Идея Срединной Европы естественным образом актуализировалась после краха социалистических режимов, распада СССР, всего советского блока и некоторых его бывших участников – как, например Чехословакия и Югославия. Совершенно ясно, что активное участие новых независимых государств в процессе евроатлантической интеграции не снимает с повестки дня проблему региональной идентичности, учета особенностей геополитического положения, долго- и среднесрочного исторического опыта стран Центральной и Восточной Европы. В таком контексте обращение к интеллектуальному наследию Ф. Наумана представляет особый интерес.

По словам В. Шидера, «только после появления его (Наумана – Н. Б.) книги Срединная Европа стала пламенным лозунгом»⁴ [Schieder, 1964, 385]. Однако само понятие возникло раньше, имело собственную историю, более того, к 1914 году в Германии существовала определенная традиция среднеевропейских планов, с которой Науман был знаком.

Под понятием «Срединная Европа» (Mittleuropa) в немецкоязычной публицистике, в заявлениях политиков, работах экономистов германских государств XIX и начала XX веков, а также в последующих работах исследователей подразумевается объединение ряда европейских государств в рамках некой общности. Характер этой общности, состав участников и ее цели авторы концепций Срединной Европы видели по-разному. Но предпосылки для ее создания были едиными: это, прежде всего, стремление к германскому национальному единству после распада Старой империи, попытки компенсировать недостатки малогерманского варианта объединения страны при Бисмарке, а также реакция на существование мировых держав, таких как Великобритания, Россия и США.

Четкого определения понятия Срединная Европа не существовало никогда, хотя все исследователи подчеркивают его многогранность. Оно сочетает в себе представления об определенном географическом пространстве, историко-культурной общности, единстве исторической судьбы, особом пути государственного развития. Если первые

представления о Срединной Европе как политико-культурном пространстве складываются в начале XIX в., то само понятие входит в употребление примерно в середине столетия⁵ [см.: Bennhold, 1992, 978]. Географическое описание Срединной Европы было сделано гораздо позже под влиянием уже сложившихся представлений. Первая основополагающая работа по этой теме принадлежала географу из Бреслау Йозефу Парчу⁶ [Partsch, 1904].

Словарь Брокгауза вслед за ним так определял географические рамки региона: «Средняя часть Европы между атлантической Западной и материковой Восточной Европой, средиземноморскими странами на юге и скандинавскими странами на севере. С юга ее главным образом ограничивают Альпы, а с севера – Северное и Балтийское моря. На западе и востоке естественные границы отсутствуют»⁷ [цит. по: Witte, 1992, 10]. Таким образом, Срединная Европа включала в себя преимущественно территории бывшей Священной Римской империи Германской нации. Закономерно, что в первой половине XIX в., когда старый рейх уже прекратил существование, а новое единое германское государство еще не было создано, для обозначения того пространства, на котором оно могло возникнуть, и где было велико политическое, экономическое и культурное влияние немцев, стало употребляться понятие Срединной Европы. В результате на длительное время Срединная Европа стала обозначать в первую очередь не географическое, а историко-политическое явление⁸ [см.: Ibidem].

В развитии представлений о Срединной Европе четко выделяются два периода, рубеж между которыми – основание Германской империи Бисмарком в 1871 г.

Со времени гибели Старой империи под ударами Наполеона и создания Венским конгрессом Германского союза, когда немцы искали свою концепцию единого государства, идея Срединной Европы бытовала в двух формах: либо великогерманского (*großdeutsch*) варианта политического объединения, либо расширенного таможенного союза между германскими государствами (который в свою очередь рассматривался как необходимый этап на пути к объединению).

Великогерманский вариант означал включение в единое Германское государство Австрийской империи вместе с принадлежавшими ей негерманскими территориями. При этом было очевидно, что такой вариант возможен только при условии объединения под эгидой Австрии. Сторонники великогерманского варианта полагали, что в Германии невозможно реализовать принцип создания государства-нации, типичный для стран Западной Европы, потому, что немецкие этнические группы существовали и за пределами отдельных немецких государств (в Богемии, Польше, Прибалтике и др.)⁹ [см.: Meyer, 1995, 8].

Наряду с этим в XIX в. возникали концепции экономического объединения Срединной Европы в качестве предпосылки для политического объединения. В силу своего характера данные концепции включали большее число государств и ставили целью не только образование единого государства для немцев, но и создание мощного экономического блока, который мог бы стать противовесом расширявшимся колониальным империям Великобритании и Франции.

Сама Германия как органическое образование отождествлялась с теологическим понятием «срединное положение» (Mittellage). Еще в 1818 г. идеолог немецкого национализма, поэт-мистик и романтик Эрнст Мориц Арндт писал: «Бог поместил нас в центре Европы; мы (немцы) – сердце нашей части света»¹⁰ [Arndt, 1818, 158].

Уже в середине девятнадцатого столетия сложился круг авторов – пионеров идеи общего срединноевропейского пространства. Это, прежде всего, Фридрих Лист, которого называли «первым пророком Срединной Европы»¹¹ [Ibid, 11], Константин Франц, барон фон Брук и Пауль де Лагард. Их работы заложили основание традиции Срединной Европы и оказали определенное влияние на взгляды Фридриха Наумана по этому вопросу¹² [см.: Enste, 1941, 23].

Общим для названных авторов являлось убеждение в общности государств, составлявших в XIX в. Срединную Европу. Из него возникала идея реорганизовать это пространство, придать ему новую единую форму взамен ликвидированной Священной Римской империи Германской нации. Но поскольку они жили и работали в разное время, в различных политических условиях, их видение характера будущего объединения государств было различным.

Фридрих Лист (1789–1846), прусский теоретик-экономист, был сторонником создания средневропейского экономического единства. Он считал его необходимым условием для создания единого германского государства и для его благополучного существования в условиях жесткой конкуренции со стороны других держав. Хотя в своих прогнозах он и отводил Пруссии торговый флот и несколько колоний в тропиках, но полагал, что будущее германского государства заключается в расширении на континенте, именно там оно будет искать свои колонии. Сеть железных дорог и водных каналов позволила бы создать «Германо-венгерскую экономическую зону, которая простиралась бы от Северного и Балтийского морей на юго-восток»¹³ [цит. по: Meyer, 13]. Предлагая направлять немецких колонистов в юго-восточную часть Срединной Европы, Лист писал: «Как и у американцев, у нас есть своя собственная лесная глушь – это земли нижнего

Дуная и Причерноморья, вся Турция. Весь юго-восток за Венгрией – это наш тыл»¹⁴ [цит. по: Ibidem].

Ядром Срединной Европы Листа должен был стать Германский Союз, он требовал включить в Срединную Европу Австрию, которая должна была присоединиться к таможенному союзу, созданному под эгидой Пруссии¹⁵ [см.: Enste, 25].

Барон Карл Людвиг фон Брук (1798–1860), в 1848–51 гг. австрийский министр торговли, также выступал за сближение Австрии с таможенным союзом, организованным под эгидой Пруссии. Он рассчитывал разрешить австро-пруссский конфликт путем создания обширного таможенного союза, который позволил бы сохранить Австрийскую империю и в то же время достичь культурного и экономического объединения Германии¹⁶ [см.: Meyer, 16]. Однако, его точка зрения не была преобладающей среди руководства Дунайской империи и не получила конкретного выражения.

Если Лист и фон Брук в своих концепциях объединения Срединной Европы исходили из экономической целесообразности, то для Константина Франца и Пауля де Лагарда во второй половине XIX в. решающее значение имели исторические и политические аргументы.

Политический журналист и философ из Саксонии Константин Франц (1817–1891) был убежденным противником Бисмарка и в то же время ярким экспансионистом¹⁷ [см. Лакер, 1991, 60]. Он полагал, что сами немцы настолько перемешаны со славянами, что они не должны создавать собственного национального государства. Вместо этого должна была возникнуть интегрированная в экономическом и культурном отношении Срединная Европа. Туда должны были войти Пруссия, русская часть Польши, Балтийские государства, Австро-Венгрия, Балканские государства и остальные германские государства. Впоследствии к ней должны были присоединиться Нидерланды, Дания, Швейцария. В этом сообществе, основанном на христианской толерантности, немцы должны были стать культурными посредниками¹⁸ [см.: Meyer, 26].

Наиболее полно его представления были сформулированы в работе «Исследования по европейскому равновесию»¹⁹ [см.: Frantz, 1859]. Вновь переместив европейский центр с Запада на Восток, он констатировал разложение классической европейской пентархии вследствие вторжения мировой политики в европейские отношения. Конкретно речь шла о том, что Англия и Россия переросли Европу, а Франция тоже начала строить колониальную империю и все охотнее направляла свою энергию за пределы Европы, что позволило Франции подняться до уровня мировой державы в буквальном смысле слова. Вместе с США эти три европейские державы образовывали мировую тетрархию. Чтобы ограничить их влияние на Европу и создать возможности для проведения

европейской политики, ориентированной на собственные интересы, Франц пропагандировал восстановление средневековой империи, которая, опираясь на германские земли в узком понимании слова, должна была включить в себя Центральную Европу и западную часть Балкан. Франц был поэтому также и ярким противником «малогерманского» решения Бисмарка и выступал в защиту Срединной Европы, которая находилась бы под германским руководством, что, однако, не означало бы гегемонию немцев, а гарантировало бы немецкую защиту будущего Европы. «И если, – писал он, – предназначение народов Европы все же состоит еще в чем-то большем, чем служить, подобно глиняной массе, материалом для формовки по парижскому шаблону, чтобы затем обжигаться в жаркой печи революции и покрываться лаком в огне так называемой цивилизации, однако под конец, когда и этот лоск поблекнет, стать обыкновенным кирпичом для строительства русской казармы, – то где же еще может найти опору это более высокое предназначение европейских народов, чем только в Германии, которая, пока она занимала господствующее положение в Европе, была очень далека от того, чтобы принижать современные народы, но скорее создавала наиболее действенную для всех гарантию сохранения внутреннего своеобразия?»²⁰ [Frantz, 1859, 371].

Срединная Европа ориенталиста, теолога, специалиста по древним языкам, а также радикального антисемита Пауля де Лагарда (Бёттихера) (1827–1891) мыслилась в тесном союзе Германии с Австро-Венгрией и расширении границ на восток с целью остановить рост влияния России. Доминировать в новом государственном образовании должна была Германская империя: Срединная Европа должна была быть скреплена общим германским наследием и единой династией, а также таможенным союзом и многосторонними военными договорами. Кроме того, Лагард предлагал совместными усилиями колонизировать Восточную Европу путем ее заселения немецкими фермерами и выходцами из германских государств²¹ [см.: Lagarde, 1905, 83]. Эта своеобразная федерация должна была иметь парламентскую систему, построенную по прусской модели²² [см.: Hildebrand, 1989, 33]. Иными словами, Срединная Европа де Лагарда представляла собой «увеличенную Германию»²³ [Enste, 27].

Идеи Листа, Франца, фон Брука и де Лагарда, а также некоторых других авторов пробудили интерес к Срединной Европе, главным образом, среди ученых и образованных кругов Германской империи, но ни один крупный политик в Германии или Австро-Венгрии – странах, которые должны были явиться ядром Срединной Европы, не руководствовался ими в своих действиях.

Объединение Германии создало новые рамки для развития идеи. Во-первых, от надежд на создание политического образования в масштабе всей Срединной Европы

пришлось надолго отказаться. Казалось, что этот исторический шанс был упущен навсегда. На смену идее единой немецкой нации пришло стремление поддерживать культурную общность всех немцев, независимо от того, проживали они в Германской империи или в Австро-Венгрии. Во-вторых, со временем стало очевидным, что новым стимулом к объединению Срединной Европы может стать экономическая конкуренция на мировом уровне. В 80-х гг. XIX в. начали появляться различные варианты таможенного союза между Германией и дуалистической монархией с последующим привлечением других европейских государств, которые разрабатывались, главным образом, теоретиками-экономистами. Наибольшую известность получила концепция Луиджи Brentano, который предлагал «таможенно-политическое объединение с Австро-Венгрией и христианскими государствами Балканского полуострова. Эта таможенная зона должна была быть защищена высокими пошлинами на сельскохозяйственные и промышленные товары» [Ibid, 32]. Однако эти идеи не выходили за пределы академических кругов обеих стран²⁴, тем более что Германия, перед чьей мощной экономикой открывались глобальные перспективы, была гораздо меньше заинтересована в подобном союзе, чем Австро-Венгрия.

С середины 90-х годов XIX в. все чаще к внешнеполитической проблематике стал обращаться Ф. Науман. Свойственное ему социал-дарвинистское восприятие международных отношений и тезис об образовании огромных экономических и политических блоков служили ему основанием для заявления, что Германия должна стремиться к тому, чтобы стать «четвертым по величине телом» после Англии, России и Америки. Так как его взгляды носили выраженный антибританский характер, он считал необходимым сближение между Германией и Францией, хотя бы и в отдаленной перспективе. До того, как оно состоится, Науман предлагал немецким политикам «собирать промежуточные силы», под которыми понимал «колеблющуюся Австрию», «голодающую Италию» и «разваливающуюся Османскую империю»²⁵ [Naumann, 1899, 154]. Он высказывался за увеличение экспорта германского капитала в Турцию, чтобы усилить политическое влияние на нее, и одновременно заявлял, что Германия должна выступить за сохранение Османской империи. Участие, которое немецкая общественность принимала в судьбе армянского населения, жестко преследовавшегося турецкими властями, вызывало с его стороны жесткую критику.

Все большее значение в выступлениях Наумана приобретал союз с Австро-Венгрией. Надежды на подобное сближение он связывал с увеличением веса Германии на мировой политической арене, особенно на восточном направлении. Дуалистическая монархия должна была, на его взгляд, остановить укрепление России на Балканах. Но, прежде всего

ее существование, по мнению Наумана, обеспечивало большую часть пути «через Салоники в Малую Азию и к Суэцкому каналу»²⁶ [Ibid, 153]. Поэтому он требовал от немецких политиков выступлений в поддержку империи Габсбургов.

Следующим логичным шагом стало появление в 1900 г. его небольшой работы «Германия и Австрия». В ней, выходя далеко за рамки общепринятых тогда представлений, он постулировал необходимость политического союза с Австро-Венгрией, который мыслился ему «намного эффективней за счет специального таможенного соглашения»²⁷ [Naumann, 1900, 32]. Сам Науман не сделал никаких конкретных предложений, но усердно поддерживал план австрийского экономиста националистического толка Ойгена фон Филипповича о средневропейском таможенном союзе.

Идеи Наумана о совместных действиях Германии и Австро-Венгрии имели выраженную политическую мотивацию. Он подчеркивал общность политических и военных интересов, необходимость предотвратить рост национально-освободительных движений, которые грозили возможным распадом империи, стремление к укреплению положения австрийских немцев²⁸ [Ibidem]. В экономическом отношении Науман, до этого последовательный сторонник свободной торговли, ради союза с Австрией был готов принять «длительный период таможенного контроля в расширенной таможенной зоне»²⁹ [Ibid, 33]. Кроме того, относительно слабая австрийская промышленность на некоторое время должна была получить защиту от конкуренции со стороны Германии за счет специальных переходных и промежуточных таможенных пошлин до тех пор, пока не сравняется по уровню развития с немецкой³⁰ [см.: Ibid, 11].

В своих рассуждениях о создании Срединноевропейского союза Науман не ограничивался одной Австро-Венгрией. Летом 1899 г. он посетил Голландию, после чего выступил против чересчур прямолинейных, по его мнению, аннексионистских замыслов германского руководства в отношении этой страны. При этом его критика была направлена скорее против формы, но не содержания подобных намерений. Он указывал, что Роттердам и Амстердам могли бы быть прекрасными портами Германской империи, а голландские колонии отлично вписывались в программу строительства океанского военного флота в качестве заморских баз. Одновременно он предупреждал, что население Нидерландов никогда не будет чувствовать себя членом «семьи немецких народов», предлагал учитывать подобные настроения и действовать очень осторожно: «Любое слишком поспешное желание здесь скорее повредит, чем принесет пользу»³¹ [Naumann, Aus Holland, 4].

Характерно, что на рубеже веков представления Наумана о Срединной Европе играли подчиненную роль по отношению к его общей внешнеполитической и особенно колониальной концепции. Поэтому образ Срединной Европы не был наполнен реальным содержанием, а ее цели оставались расплывчатыми.

В последующие годы обнаруживаются весьма скудные и фрагментарные, не содержавшие принципиальной новизны высказывания самого Наумана по проблеме Срединной Европы. Только аннексия Боснии и Герцеговины, а также Первая балканская война побудили его к новым размышлениям на эту тему. Ожидания, которые он связывал с объединением Германии и Австрии, временно отошли на задний план, но полностью не исчезли. В частности, в журналах «Хильфе» и «Цайт», издаваемых Науманом, достаточно регулярно публиковался австриец Рихард Харматц, который высказывался за сохранение дуалистической монархии, очищенной либеральными реформами и выступал против национальных устремлений угнетенных народов.

Несмотря на то, что несколько заметных организаций Германской империи (Пангерманский союз, Среднеевропейский экономический союз) в своих программных документах касались вопроса о Срединной Европе, она не являлось их главной целью, а реальной возможности для ее создания не было. По словам Х. Мейера «Приоритеты политической и экономической истории в период с 1871 по 1914 гг. не позволяли развиваться (таким – Н. Б.) отдельным тенденциям и идеям, заслоняли или просто игнорировали их»³² [Meyer, 29]. Для того чтобы идея Срединной Европы обрела возможность политической реализации, чтобы ее создание получило более широкую поддержку, были необходимы другая международная и экономическая обстановка.

Она сложилась уже в начале Первой мировой войны, когда внешние обстоятельства, прежде всего фактор блокады, заставил руководство и общественность Центральных держав вновь обратиться к идее интеграции.

Война поставила Германскую империю и Австро-Венгрию в условия жесткой экономической и военной взаимозависимости. Кроме того, что прекратилась торговля обоих государств с важнейшими торговыми партнерами, входившими в Антанту, Великобритания с первых дней войны установила морскую блокаду, фактически отрезав Германию от ее колоний. Экономическая изоляция усугублялась тем, что Германия не была готова к блокаде и не располагала большими запасами производственного сырья и продовольствия, хотя такое развитие событий можно было предсказать задолго до начала войны. Острая нехватка ресурсов в Германской империи обозначилась уже к концу 1914 г. В этом отношении Германская империя могла рассчитывать только на союзные

государства, в первую очередь на Австро-Венгрию как поставщика сельскохозяйственных продуктов. Это стало толчком для переговоров о таможенном союзе³³ [см.: Enste, 12].

Одновременно как в Австро-Венгрии, так и в Германии крепло чувство солидарности обеих стран, единства перед лицом противника. Война теснее связала обе Центральные державы, чем союзный договор 1879 г. В такой обстановке со стороны широких кругов общества возник новый интерес к идее углубления союза обоих государств. Уже во второй половине 1914 г. вышел в свет целый ряд пропагандистских публикаций, в которых целью ставилось создание Срединной Европы, в т.ч. работа Карла фон Винтерштеттена «Северный Мыс – Багдад», серия брошюр «Между войной и миром» Франца фон Листа, работа Германа Лоша «Среднеевропейский экономический блок и судьба Бельгии» и труд венского экономиста Ойгена фон Филипповича «Экономический и таможенный союз между Германией и Австро-Венгрией»³⁴ [см.: Ibid, 35–37].

Одним из первых обращений к данной теме в Австро-Венгрии была статья председателя Австрийской палаты депутатов Юлиуса Вольфа, опубликованная в начале сентября 1914 г., где он призывал руководство Германской империи и Дунайской монархии «создать более прочное политическое и экономическое единство, чем существовало до сих пор»³⁵ [цит. по: Meyer, 138]. Эта статья стала поводом для активной дискуссии в Австро-Венгрии, и в последующие несколько месяцев австрийские немцы выдвинули ряд различных предложений, связанных с дальнейшим сближением Центральных держав.

В Германии одним из первых шагов в этом направлении стал меморандум Вальтера Ратенау канцлеру Теобальду Бетман-Гольвегу, где он заявлял, что «Германия может компенсировать потерю своей международной торговли за счет объединенного среднеевропейского рынка, который возникнет в результате слияния германо-австро-венгерского и германо-французского таможенного союза»³⁶ [Ibid, 139].

Тогда же в «Сентябрьской программе» рейхсканцлера Бетман-Гольвега впервые появляется официальное требование «создания среднеевропейской экономической зоны под эгидой Германии, которая будет включать Австро-Венгрию, Польшу, Данию, Италию и Скандинавию», хотя согласно этому документу интересы Германии на континенте имели второстепенное значение и должны были лишь укрепить ее статус великой державы³⁷ [см.: Hildebrand, 44].

В результате уже в 1914 г. среднеевропейское единство стало выглядеть более вероятным. При этом речь шла, главным образом, об экономическом объединении. В его пользу приводились те же самые аргументы, что и до начала войны. Предполагалось, что военная, политическая и экономическая мощь обеих Центральных держав – или всех стран Срединной Европы – только возрастет благодаря слиянию. Кроме того, считалось,

после войны неизбежно продолжится борьба с державами Антанты и придется выдерживать экономическую конкуренцию с другими большими экономическими зонами, для чего необходимо создать аналогичную зону в Срединной Европе. Наконец, многие верили, что объединение укрепит престиж Центральных держав в международных отношениях и даже сможет сделать экономическое соревнование бесприигрышным для Германии.

В обстановке мировой войны данные аргументы звучали гораздо убедительнее, т.к. центральные державы были отрезаны от своих источников сырья, их внешняя торговля была прервана, большая часть иностранных инвестиций – утеряна, а валюты оказались под сильнейшим давлением.

В экономических и академических кругах активно обсуждались и возможные формы будущего объединения: от полного таможенного союза до системы преференций.

Именно в такой обстановке в конце 1915 г. появилась работа Наумана, посвященная Срединной Европе. Она содержала одновременно анализ ситуации, сложившейся на континенте, и выражение надежд и устремлений, возникших как за месяцы войны, так и в предшествующий период. Однако Фридрих Науман ставил целью не только подвести итоги, но и задать новое направление: его «Срединная Европа» выходила за рамки исключительно экономического союза. Он искал историческое и философское обоснование для нового союза государств и в этом был близок к идеям среднеевропейского единства, бытовавшим до 1871 г.

Под Срединной Европой Фридрих Науман подразумевает «объединение государств, которые не принадлежат ни к англо-французскому союзу на западе, ни к Российской империи»³⁸ [Naumann, 1964, 490]. В его работах это объединение называется по-разному: «союз государств» (Staatenbund), «верховное государство» (Oberstaat), «объединение государств» (Staatenverband), причем ни причина употребления различных понятий, ни их содержание не разъясняются. Возможно, это было связано с тем, что сам Науман – как он неоднократно говорит в «Срединной Европе», не имел законченного представления о характере будущего объединения и сознательно избегал привязки своей концепции к какой-то определенной модели. В любом случае краеугольным камнем этого объединения должен был стать союз Германии и Австро-Венгрии, к которому впоследствии смогли бы присоединиться другие государства: «Базовые формы новых соглашений и учреждений должны сложиться между Германской империей, Австрией и Венгрией. Если эксперимент не удастся здесь, то озадачивать другие государства вообще не придется. Если же он удастся, то будет ясно, что мы можем предложить другим участникам, и можно будет разговаривать с ними точными цифрами и исчисляемыми величинами»³⁹ [Ibid, 681].

Первая мировая война для Наумана стала решающим фактором для создания Срединной Европы. Отрезав Германскую империю от ее колоний, война оставила ей свободу действий на континенте и укрепила ее союз с Австро-Венгрией: «Сейчас у нас больше единства, чем когда-либо в старой Германской империи! Сегодня все прежние большие и малые государства на этой территории стали единым борющимся живым организмом, и победу или поражение на всем пространстве от Гельгоlanda до Орсовы они переживают вместе»⁴⁰ [Ibid, 492]. Эти особые отношения нужно сохранить и после войны, поскольку, каким бы ни был ее исход для Германии, в будущем ей по-прежнему будет нужен сильный союзник, с которым ее связывал бы не только оборонительный договор. «Взаимная защита заключается в многообразии государственного, экономического и личностного совместного существования, в добровольном и организованном переходе одной общности в другую, в общности идей, истории, культуры, труда, правовых понятий, в бесчисленном множестве малых и больших вещей»⁴¹ [Ibid, 519]. Науман не сомневался, что в не столь отдаленном будущем последуют новые военные действия, а вести их самостоятельно не сможет уже ни одна держава.

Кроме того, исходя из опыта войны, которая к 1915 г. уже стала позиционной, Науман полагал, что после ее окончания сохранятся линии окопов в качестве «основной формы обороны» на случай будущих конфликтов. ««На нашем континенте предположительно возникнут две основные линии окопов с некоторыми ответвлениями. Возникнут три области: восток, центр и запад»⁴² [Ibid, 469], писал он, имея в виду под центром Центральные державы и их возможных союзников. «В случае с каждой внешней границей встанет вопрос, надо ли обносить ее стеной или нет. Отсюда возникнет необходимость государственных союзов. Государственный союз – это валовое или окопное сообщество... Вал будет означать отмежевание, его отсутствие – постоянный союз, которого мы желаем»⁴³ [Ibid, 469]. Таким образом, способ ведения войны, по мнению Наумана, становился предпосылкой для разделения континента – взгляд, который ряд исследователей называет «мышлением Мажино до Мажино»⁴⁴ [см.: Meyer, 198; Le Rider, 1994, 124].

Кроме соображений военной безопасности, важным аргументом в пользу создания Срединной Европы являлись для Наумана сам факт совместного сражения с врагом и огромные жертвы, которые были вынуждены приносить все национальности Центральных держав, защищая друг друга. С его точки зрения, только прочное объединение этих национальностей «в будущем сможет оправдать в глазах среднеевропейских народов то, что мы проливали кровь друг за друга. Какое дело нам, имперским немцам, было до Сараево? Что мы потеряли на Карпатских перевалах? Почему венгры или южные славяне

должны беспокоиться о Зеебрюгге?... Вся военная история с ее страданиями и подвигами окажется бесцельной и бессмысленной, если война закончится непониманием союзников»⁴⁵ [Naumann, 494].

К политическим предпосылкам Науман относит, прежде всего, укрупнение единиц международных отношений. В самом начале работы «Срединная Европа» он формулирует следующий постулат: «Дух большого предприятия и наднациональных организаций охватил политику» и «в настоящем и в будущем малые и даже средние государства не смогут заниматься большой политикой»⁴⁶ [Ibid, 492–493]. Вместо этого участниками международных отношений станут «группы государств во главе с великими державами»⁴⁷ [Ibid, 474]. Из этого следует, что для сохранения статуса великой державы и просто самостоятельности Германия нуждается в союзниках, должна стать частью более крупного образования – Срединной Европы. «Осталось лишь несколько центров человеческой цивилизации, которые действительно располагают властью: Лондон, Нью-Йорк и Москва (Санкт-Петербург)... В лучшем случае, насколько сегодня можно предвидеть, Срединная Европа может стать четвертым мировым государством»⁴⁸ [Ibid, 666]. Если она не будет создана, для Германии это будет означать постепенную потерю влияния и необходимость присоединения на правах младшего союзника к одной из двух европейских держав – Великобритании или России, с которыми она так долго конкурировала. Поэтому, по мнению Наумана, создание Срединной Европы для немцев – «это смысл нашей истории, хотим мы того или нет»⁴⁹ [Ibid, 677].

Экономические предпосылки у Наумана связаны, с одной стороны, с войной, а с другой стороны, с особенностями экономического развития Германской империи. «Экономическая тюрьма», т.е. блокада Центральных держав, вынудила их обеспечивать себя только за счет собственных ресурсов, что в будущем должно было позволить им стать более самостоятельными в мировой экономике. Обязательным условием этого являлась фиксация сложившегося тесного экономического сотрудничества, перевод его на постоянную основу.

Способствовать выделению срединноевропейской экономической зоны должны были особенности экономической модели, возникшей в Германии. По мнению Наумана, они заключались в высокой степени организованности и массовости экономической деятельности, которая осуществлялась в рамках ассоциаций, союзов (в т.ч. профсоюзов), синдикатов и других объединений. Этим, по мнению Наумана, капитализм в Германии отличался от капиталистических систем западноевропейских держав. «... Мы научились лучше, чем они вести работу по общему плану и в едином ритме, писал Науман на страницах «Срединной Европы».– Это вращение отдельного «я» в общее «я» и является

нашим умением, благодаря которому мы ведем более активное строительство, обеспечиваем больший ассортимент изделий, более высокое качество товаров для продажи на мировых рынках»⁵⁰ [Ibid, 601–602]. Война способствовала дальнейшему развитию этих характерных черт хозяйства Германии, но и в дальнейшем они должны были сохраниться. По окончании военных действий должна была возникнуть потребность в «более эффективной организации и в регулируемом народном хозяйстве»⁵¹ [Ibid, 609].

Уникальность, которую Науман видел в экономическом развитии Германии, должна была получить распространение и за ее границами: «Немецкое экономическое верование должно в будущем постепенно распространяться на Срединную Европу. Таким образом, военный оборонительный союз станет внутривосточным сообществом»⁵² [Ibidem]. Война, по мнению Наумана, продемонстрировала, «насколько прогрессивной и эффективной оказалась организаторская сила немцев в самых тяжелых условиях»⁵³ [Schnorr, 1990, 186].

Что касается исторических предпосылок, то Науман скорее призывал найти их, чем утверждает, что бесспорные исторические предпосылки существуют. Признавая, что Пруссия, под чьим началом была создана Германская империя, и Австрия длительное время враждовали, он, тем не менее, предлагает переосмыслить историю в соответствии с поставленной задачей, предпринять новую расстановку акцентов среди известных исторических фактов. Еще более необходимо было создать чувство общности между Германской и Австрийской империями с одной стороны и ненемецкими народами с другой стороны. Естественно, что источником вдохновения в данном случае должна была стать Священная Римская империя Германской нации: «Немцы жили в самом сердце Срединной Европы, но они притянули к себе все соседние народы: возникла Священная Римская империя Германской нации. Этот старый рейх вновь встрепенулся и заворочался под землей во время мировой войны, как будто решил вернуться назад, пробудившись от долгого сна»⁵⁴ [Naumann, 533]. «... Поскольку я поставил себе особую задачу – сделать понятной идею Срединной Европы не только австрийским немцам, но и самым разным народам, населяющим Австро-Венгрию, писал Науман в 1916 г., и поскольку я должен стремиться сформировать у имперских немцев более мягкое и дружелюбное отношение к мадьярам и западным славянам, то мне кажется, что моя историческая конструкция должна уходить корнями в Средневековье»⁵⁵ [цит. по: Enste, 21]. Кроме этого, идею Срединной Европы можно было подкрепить политическими традициями Бисмарка: континентальные приоритеты во внешней политике Германии и заключение союза с Австро-Венгрией в 1879 году.

Подводя итоги, можно сказать, что среди предпосылок для создания Срединной Европы первостепенное значение для Наумана имела первая мировая война: именно она поставила Германию и Австро-Венгрию в качественно новые условия и заставила их теснее сотрудничать друг с другом. С его точки зрения, было бы нецелесообразным прекратить это сотрудничество после завершения военных действий. Кроме того, оно могло и должно было послужить фундаментом для создания более крупного государственного объединения, которое являлось необходимым в условиях возникновения хозяйственно-политических блоков по всем мире. Поскольку в 1915 г. стало очевидно, что Германия может потерять имевшиеся у нее ранее колонии, ей было нужно каким-то образом компенсировать эту утрату, и создание государственного объединения в Срединной Европе могло стать такой компенсацией. Следовательно, Германия была больше заинтересована в создании такого объединения, чем Австро-Венгрия, которая не владела колониями и во внешней политике ограничивалась действиями на европейском континенте, и должна была стремиться к доминированию в этом объединении. Возможность дальнейшего развития германской экономической модели, а также историческая общность народов Срединной Европы, напротив, оставались для Наумана второстепенными факторами.

Хотя Фридрих Науман отдельно не формулирует цели Срединной Европы как союза государств, из анализа предпосылок его создания можно сделать вывод, что основной целью являлось создание противовеса крупным политическим и экономическим центрам: Российской и Британской империям, а также Соединенным Штатам Америки. В создании такого противовеса была в первую очередь заинтересована именно Германия, т.к. она обладала гораздо большим потенциалом, чем малые государства Европы, но явно недостаточным для равноправных отношений с тремя другими ведущими государствами.

О структуре и устройстве Срединной Европы на основании работ Наумана можно сделать лишь несколько более или менее обоснованных предположений. Дело в том, что он сознательно отказался от детальной разработки устройства Срединной Европы, полагая, что подробная программа только заранее связывает руки и может отвлечь внимание от главного, в то время как «политика – труд из жизни для жизни»⁵⁶ [Naumann, 520]. Свою задачу Науман видел не в разработке политического устройства Срединной Европы, а в том, чтобы убедить широкие круги общественности Германии, Австро-Венгрии и, по возможности, других государств, которые могли войти в новый союз, в его необходимости.

Прежде всего, следует констатировать, что Науман никогда не рассматривал Срединную Европу как законченное наднациональное государство. В «Срединной

Европе» прямо говорится: «Ни одно государство, которое войдет в состав нового верховного государства, не захочет пожертвовать своим суверенитетом, доставшимся ценой многих усилий и кровавой борьбы», и «государственный суверенитет должен остаться неприкосновенным... Двигателями развития являются и останутся нынешние суверенные государства, которые будут заключать договоры»⁵⁷ [Ibid, 734–735].

Предполагалось, что в ведение наднациональных органов власти будут переданы две области государственного управления: экономика и армия, поэтому саму Срединную Европу Наумана можно определить как совокупность двух сфер: военного и экономического союзов с одной стороны и компетенций национальных государств с другой.

Экономический союз подразумевал создание «экономического правительства, которое напрямую отвечает за часть экономических законов, а по другой части консультирует национальные правительства. К прямым обязанностям экономического союза относятся таможенные вопросы, монопольное законодательство, организация экспорта, патентное право, защита товарных знаков, контроль над качеством материалов и др. К сфере его не прямой деятельности относятся торговое право, транспортная политика, социальная политика и многое другое»⁵⁸ [Ibid, 752]. В меморандуме «Что будет с Бельгией?», направленном в рейхсканцелярию в ноябре 1914 г., Науман в качестве желательного элемента Среднеевропейского экономического союза называл также введение общей денежной единицы⁵⁹ [Ibid, 449].

Члены такого экономического правительства должны были назначаться, а не избираться населением стран-участниц. Однако чтобы достичь определенной степени демократичности, Науман считал необходимым обязать среднеевропейские экономические комиссии «в протокольном порядке заслушивать мнение представительств всех стран-участниц и отраслей промышленности» по отдельным вопросам, а также обеспечить народным представительством стран-участниц возможность проверять разработку бюджета в тех органах, которым будет поручено комплектовать состав комиссий⁶⁰ [см.: Ibid, 754].

Данные комиссии, входящие в состав экономического правительства, Науман предлагал разместить там, где лучше всего развит соответствующий вид деятельности. Так, в качестве центра морской торговли он предлагал Гамбург, в качестве биржевого центра – Берлин, в качестве центра правовой деятельности – Вену, в качестве центра договорной деятельности, не связанной с какой-то конкретной областью, – Прагу⁶¹ [см.: Ibid, 744]. В этом проявился интернациональный элемент его концепции.

Обязательным элементом экономического союза Науман считал создание таможенного союза, который должен был стать первым шагом на пути к более высокой степени экономической интеграции.

Поскольку Германская империя и Австро-Венгрия находились на разных ступенях индустриализации и экономического развития, Науман считал обязательным на внутренней границе таможенного союза ввести временные таможенные пошлины в отдельных отраслях, чтобы защитить от конкуренции производителей (главным образом, в Австро-Венгрии)⁶² [см.: Ibid, 727–729]. В качестве другого средства страховки Науман предлагал сделать любые договоры об интеграции срочными и расторгимыми, т.к. это обеспечит «своеобразный предохранительный клапан на случай разногласий и является средством для внесения необходимых изменений»⁶³ [Ibid, 724].

В работе «Срединная Европа» многократно подчеркивается, что таможенный союз как таковой не должен становиться конечной целью экономического объединения, т.к. без создания экономической зоны с унифицированными экономическо-правовыми нормами, единой транспортной системой и т.д. он будет невыгоден как Германии, так и Австро-Венгрии. Германия не получит от простого таможенного союза большого количества преимуществ (Дунайская монархия никогда не была ведущим торговым партнером империи – в 1910 г. доля немецкого экспорта, приходившаяся на нее, составляла всего 11%), и одновременно будет вынуждена отказаться от договоров о режиме наибольшего благоприятствования с другими мировыми державами⁶⁴ [см.: Nussbaum, 1977, 41]. Австро-Венгрия, в свою очередь, пострадает от промышленной конкуренции Германии. Поэтому конечной целью интеграции Науман видел создание «единой общности, которая будет действовать как целостная единица по отношению ко всему миру в вопросах покупок и продаж, а также любых других (экономических – Н. Б.) договоров»⁶⁵ [Naumann, 700].

Из создания такой общности, с точки зрения Наумана, неизбежно вытекало создание военного союза: «Как только принимается решение создать такую область, появляется необходимость сделать ее оборонительным сообществом»⁶⁶ [Ibid, 760].

В работе «Срединная Европа» о характере военного союза сказано мало. Утверждается лишь, что необходимо принять средневропейский военный устав, в котором будут разграничены права отдельных государств и их общие обязанности в рамках Среднеевропейского союза в области сухопутных войск и военного флота. Упоминается также возможность создания единого ведомства иностранных дел в отдаленном будущем⁶⁷ [см.: Ibidem, 760–764].

Более подробно говорится о форме военного союза в статье «Мысли о будущем Срединной Европы». Оборонительный союз определялся там как «одинаковость

армейских учреждений, военного устава, рекрутирования, обучения и вооружений»⁶⁸ [Ibid, 445–446]. Для его создания предлагались две альтернативные возможности: либо постепенная унификация военных законов и учреждений, которая будет проводиться силами национальных государств в той мере, в какой они сочтут возможным, либо учреждение совместного военного управления, аналогичного тому, которое существовало между Венгрией и Австрией. Оно будет состоять из делегаций государств-участников, и являться неким военным государством, стоящим над национальными. Однако в последнем случае Науман предвидит серьезную проблему: кто будет возглавлять это государство и кто будет вести внешнюю политику.

Таким образом, можно сделать вывод, что Науман считал создание военного союза в рамках Срединной Европы обязательным, но, понимая всю сложность такой реформы, не предлагал немедленного ее проведения по четко составленному плану. Как и в случае с другими сторонами своего проекта, он ограничивался лишь заданием общего направления.

Фридрих Науман четко указывал те сферы деятельности, которые должны оставаться в ведении исключительно национальных государств. Это, прежде всего, вопросы языка и вероисповедания, школьное образование, внутреннее управление, уставы коммун, государственные конституции законы и положения, регулирующие отношения монарха и народного представительства в любом из государств-участников⁶⁹ [см.: Ibid, 736–740].

Вопросы вероисповедания и национальностей Науман считал возможным источником конфликтов в рамках Срединной Европы, поскольку многие государства, которые должны были туда войти, и, прежде всего, сами Германская и Австро-Венгерская империи, отличались религиозной и этнической пестротой. На территориях этих двух государств проживали представители всех крупных христианских конфессий, мусульмане и иудеи. Что касается национальностей, то кроме немцев и венгров, там существовали еврейские, французские, датские, польские общины, проживали румыны, чехи, русины, сербы и хорваты. Учитывая особенности сосуществования религиозных и национальных общин в каждом государстве, которое могло стать членом Срединной Европы, Науман считал жизненно необходимым сохранить за ним его прежние полномочия в этой сфере и не выносить ее на наднациональный уровень.

Что касается школьного образования, то Науман предлагал ограничиться регулярным проведением совещательных конгрессов по вопросам образования в Срединной Европе, но их решения не имели бы обязательной силы на территории всего объединения. С его точки зрения, школы должны были входить в сферу полномочий местного

самоуправления, чтобы быть как можно более гибкими и приближенными к потребностям общественной жизни⁷⁰ [см.: Ibid, 738–739].

Все, что касалось внутренних дел, Науман также считал нужным оставить в компетенции национальных государств. Он обосновывал это разными уровнями политического развития стран – участниц Срединной Европы (в т.ч. разными ступенями демократизации) и полагал, что они должны развиваться самостоятельно, без вмешательства наднациональных органов. Из этого также вытекает его утверждение о том, что нельзя сверху вводить во всех странах Срединной Европы расширенное избирательное право – каждое государство должно было принимать его самостоятельно, в соответствии со своим ритмом демократизации⁷¹ [см.: Ibidem].

Таким образом, Фридрих Науман предлагал в рамках Срединной Европы интеграцию в военной и экономической области, оставляя большой ряд полномочий за национальными государствами. При этом интеграция предусматривала создание наднациональных органов власти в вышеуказанных областях. Науман резюмировал свое видение Срединной Европы следующим образом: в ходе объединения будет происходить «постепенное отделение национального государства от военного и экономического государства... необходимо так четко выделить военный и экономический союз из общей массы сфер государственной деятельности, чтобы к ним как таковым можно было присоединяться»⁷² [Ibid, 752].

Вопрос о составе Срединной Европы представляет особый интерес, т.к. несмотря на общее определение, согласно которому туда должны были войти европейские государства, не принадлежавшие к блоку Антанты, Науман определенно говорил только о Германской империи и Австро-Венгрии. Он объяснял это двумя причинами: военным положением и необходимостью сначала создать германо-австро-венгерское ядро Срединной Европы, к которому впоследствии будут присоединяться другие государства. Одновременно он подчеркивал, что присоединение других государств необходимо. В «Срединной Европе» говорится: «Германо-австро-венгерская экономическая зона, само собой разумеется, недостаточна в качестве мировой экономической провинции... Жизнеспособная Срединная Европа нуждается в пограничных аграрных территориях и должна сделать для них вступление возможным и желаемым. Она также нуждается в расширении своего северного и южного морских побережий, она нуждается в доле колониальных владений»⁷³ [Ibid, 681–682]. При этом создание расширенной Срединной Европы должно было произойти как можно скорее: «Спустя одно поколение те соседние страны и колонии, которые мы еще можем привлечь к себе сейчас, будут для нас потеряны, потому что великие державы тоже действуют и следуют закону увеличения собственной массы»⁷⁴ [Ibid, 694].

Несмотря на нежелание Наумана конкретизировать состав возможных участников, в его работах все же можно найти указания (иногда завуалированные) на те государства, в членстве которых Германия и Австро-Венгрия были заинтересованы. Во-первых, следуя постулату о влиянии общей войны, Науман включал в Срединную Европу Турцию и Болгарию. О Турции речь идет уже в «Срединной Европе». Она должна была войти в объединение не только как военный союзник Центральных держав, но и как государство, в котором Германская империя с конца XIX в. укрепляла свое экономическое и военное влияние. Болгарии, вступившей в войну на стороне Центральных держав тогда, когда работа над «Срединной Европой» была завершена (1 октября 1915 г.), Науман посвятил отдельную статью «Болгария и Срединная Европа».

Еще раньше, в меморандуме «Что будет с Бельгией?», Науман рассматривал возможность вступления в Срединную Европу Голландии и Люксембурга. Сама Бельгия, оккупированная германскими войсками, должна была прекратить свое существование как самостоятельное государство. Предполагался ее раздел между Германией, Францией и, возможно, Голландией и Люксембургом (при условии их вступления в Срединную Европу). Территории, которые в случае такого раздела отошли бы к Германии, Голландии и Люксембургу, автоматически включались в состав Срединной Европы⁷⁵ [см.: Ibid, 447–448]. Рассматривалась возможность вступления в Срединную Европу и других малых государств Европы, сохранявших нейтралитет в первой мировой войне.

После того как русские войска отступили из Польши и в ноябре 1916 г. было провозглашено Польское королевство, Фридрих Науман также включил его в число возможных участников Срединной Европы. В экономическом отношении Польша являлась для Германии как раз той «приграничной аграрной территорией», в каких, по мнению Наумана, нуждалась Срединная Европа.

Особо оговаривалось, что Срединная Европа будет иметь колонии: «С нашей точки зрения, мы ни в коем случае не должны позволить лишить нас колониальных владений, и если этого не удастся избежать, мы должны будем пойти на уступки в Европе на занятых нами территориях, чтобы не потерять статус колониальной державы»⁷⁶ [Ibid, 682].

Не упоминая конкретные государства, Фридрих Науман рассчитывал, что при наиболее удачном для Центральных держав развитии событий Срединная Европа (вместе со своими колониями) будет занимать 1/10 всей населенной территории Земли и в ней будет проживать 1/8 всего населения планеты (по статистическим данным на начало XX в.). На основании всего вышесказанного можно заключить, что в таком случае на западе от Центральных держав к среднеевропейскому союзу должны были примкнуть Голландия, часть Бельгии, Люксембург, Швейцария, на севере – Дания и, возможно,

Норвегия и Швеция, на юге – все балканские государства, на юго-востоке – Османская империя и на востоке – Польша. «Представьте себе это пространство единым, представьте себе его многосоставным братством, оборонительным сообществом, экономической областью! Волна мировой войны должна смыть всю историческую разрозненность, чтобы здесь могла воцариться идея единства!»⁷⁷ [Ibid, 491].

При этом можно сделать вывод, что Науман не стремился к объединению одних лишь относительно развитых стран. Хотя его рассуждения о таможенном союзе с Австро-Венгрией показывают, что он отдавал себе отчет в необходимости достижения сопоставимого уровня экономического развития для успешной интеграции, он, тем не менее, считал целесообразным привлечь как можно больше государств на территории Европы к планируемому союзу, несмотря на возможные сложности впоследствии.

Учитывая, что инициатива по созданию Срединной Европы принадлежала Германской империи и – в меньшей степени – Австро-Венгрии, интересно проследить, какую роль в рамках средневропейского союза, по мнению Наумана, должна была играть Германия.

Можно с уверенностью говорить, что, поскольку Германская и Дунайская империи должны были стать учредителями Срединной Европы и были бы самыми крупными и индустриально развитыми ее участниками («центр притяжения»), они находились бы в привилегированном положении. Как выглядели бы тогда их взаимоотношения с малыми европейскими партнерами, как осуществлялось бы взаимодействие?

С одной стороны, Фридрих Науман утверждал, что Срединная Европа будет «результатом воли народов», т.е. возникнет не под военным или политическим давлением Центральных держав и не в результате тайных переговоров глав династий и правительств, а в ходе постепенного добровольного присоединения других государств к новой модели государственного союза, которую создадут Германская империя и Австро-Венгрия.

При этом Германия не должна была стремиться реализовать свои экономические и политические интересы за счет и в ущерб своим новым союзникам: «Срединная Европа возникнет лишь путем миллионов переговоров, касающихся интересов всех групп и движений, проживающих на этом пространстве... Я придерживаюсь мнения, что средневропейское мышление с самого начала должно проявляться в том, что интересы союзника должны ставиться на один уровень со своими собственными», – писал Науман⁷⁸ [Ibid, 552, 724].

В работе «Национальности Срединной Европы» указывается на необходимость предоставить малым государствам союза достаточную свободу действий как неотъемлемое условие для их лояльности и готовности защищать этот союз⁷⁹ [см.: Ibid,

468]. Более того, в «Срединной Европе» неоднократно подчеркивается будущее равноправие союзников в рамках объединения, хотя и не уточняется, в чем оно будет выражаться и как обеспечиваться⁸⁰ [см.: Ibid, 741].

В то же время Науман подчеркивает исключительное положение Германской империи и ее определяющее влияние в развитии Срединной Европы: «По сути своей Срединная Европа будет немецкой, ей неизбежно потребуются немецкий язык как мировой язык, как язык общения. Но с самого начала она должна проявлять гибкость и уступчивость по отношению ко всем другим языкам, на которых говорят ее другие народы, потому что лишь так может родиться та гармония, которая необходима большому государству, окруженному со всех сторон»⁸¹ [Ibid, 595].

В конце «Срединной Европы» Науман поместил сюжет в жанре утопии, представляя, как в будущем он встретится и побеседует с одним из чиновников среднеевропейского ведомства в Австрии. Чиновнику приписываются слова, в которых сквозит некоторая доля пренебрежения (возможно, неосознанного) по отношению к ненемецким народам Срединной Европы: «...вначале нам никак не удавалось наладить общение, поскольку мы в нашем ведомстве говорим по-немецки, но в конечном итоге чешским землевладельцам и деловым людям пришлось поддерживать с нами контакты, т.к. это для них очень важно. И, кроме того, я и сам могу вставить пару слов по-чешски в случае чего; это нередко помогает добиться понимания. В этих вещах мы намеренно не занимаем принципиальную позицию и не позволяем, чтобы из нас сделали лоббистов собственных интересов в Срединной Европе. Поначалу немцев это задевало, но они ведь тоже понимают, что управлять такой экономической областью можно, только имея определенное количество обыкновенной гуманности»⁸² [Ibid, 756–757].

В «Срединной Европе» нигде не раскрывается, каким образом Науман предполагал разрешить это очевидное противоречие между провозглашенным равноправием всех народов союза и привилегированным положением Германии. Одновременно некоторые другие работы, связанные со среднеевропейской темой, скорее усугубляют, чем разрешают его. Так, в меморандуме «Что будет с Бельгией?» предлагается оказать экономическое и политическое давление на Голландию, чтобы склонить ее к вступлению в Срединную Европу (непризнание ее нейтралитета в будущем, отстранение от участия в разделе Бельгии), а также на Люксембург⁸³ [см.: Ibid, 447]. Таким образом, Науман допускал возможность мощного давления на другие государства в рамках Срединной Европы со стороны Германии. Нет оснований полагать, что он считал применение таких мер возможным только в процессе создания союза, но не в процессе управления им.

Вероятно, противоречивость концепции Наумана по данному вопросу объясняется тем, что он – в русле своих прежних взглядов – видел в Срединной Европе не просто перспективный путь развития Центральных держав и малых европейских государств, а средство для закрепления мощи Германии в мировой политике, поскольку понимал, что в ходе войны она может потерять свой статус мировой державы. Срединная Европа, таким образом, должна была отвечать именно интересам Германской империи. Одновременно Науман не мог не понимать, что создать Срединную Европу в одностороннем порядке (путем давления или даже посредством военных действий) было практически невозможно. Кроме того, такая Срединная Европа не дала бы желаемых результатов и была бы раздираема конфликтами, которые – хотя бы в силу ее масштабов – было бы невозможно подавить силовыми методами. Поэтому он предлагал иной путь, из которого следовало, что Германия была должна пойти на существенное самоограничение в рамках Срединной Европы. Но как найти компромисс между этими двумя вариантами, Науман не знал и, вероятно, не считал нужным искать его на первом этапе, когда главной задачей было убедить в необходимости создания среднеевропейского союза.

При подготовке своей концепции Срединной Европы Фридрих Науман ставил целью не разработать подробный план объединения европейских государств, а сделать идею такого объединения как можно более понятной и интересной для широких кругов общества – прежде всего, в Германии и Австро-Венгрии, укоренить ее в умах, заставить осознать необходимость такого объединения. В этом отношении Ральф Дарендорф, современный политический мыслитель, метко охарактеризовал Наумана как «политического воспитателя нации»⁸⁴ [Darendorf, 1994, 151]. Поэтому в своих работах Науман уделял больше внимания предпосылкам, целям и значению будущего союза государств, чем организации самого процесса интеграции. Даже те конкретные предложения, которые он делал, являются достаточно размытыми и сопровождаются оговоркой, что решающее слово в данном случае остается за специалистами, которые будут работать над созданием союза в будущем.

При анализе высказанных Науманом идей относительно предпосылок создания Срединной Европы, ее значения и целей принципиальным является вопрос: должна ли была Срединная Европа Наумана стать сферой влияния Германии, своеобразным продолжением Германской империи, или имелся в виду союз равноправных государств, чьи интересы в равной степени учитывались бы при проведении совместной политики? Условно его можно сформулировать так: Срединная Европа – федерация или империя?

К этому вопросу обращаются все без исключения исследователи, изучавшие концепцию Срединной Европы Наумана, и делают далекие друг от друга выводы. Это

связано, с одной стороны, с уже описанным фундаментальным противоречием, заложенным в самой концепции, а с другой стороны – с возможностью различного толкования общих формулировок Наумана. Как отмечает П. Тайнер, поскольку Науман не наполнил некоторые свои положения конкретным содержанием, их можно было по-разному истолковывать, подчас совсем иначе, чем имел в виду автор⁸⁵ [Theiner, 1983, 257].

Т. Хейсс в биографии Наумана воздерживается от характеристики самой концепции; однако, он утверждает, что при написании «Срединной Европы» Науман исходил из признания того факта, что «империалистический период истории Германии остался в прошлом; единственной возможностью является возврат к статусу континентальной державы, к наследию Бисмарка, но углубленному и видоизмененному. Своей задачей он (Науманн – Н. Б.) считал создать ясность относительно этого положения вещей...»⁸⁶ [Heuss, 334]. Хейсс был также убежден, что истолкование «Срединной Европы» как типичного примера планов германского империализма являлось «самым большим заблуждением относительно настроя Наумана и тех фактов, которые явились исходным пунктом для его проекта»⁸⁷ [Ibidem].

Как концепцию либерального союза государств Срединную Европу Наумана истолковывают М. Шуберт, Ю. Крист, Г. Майер. Исходя из слов Наумана о том, что Срединная Европа будет «результатом воли народов», что суверенитет отдельных государств останется неприкосновенным и что Германия должна учитывать интересы малых народов, М. Шуберт делает следующий вывод: «Срединная Европа – это сверхуровень, эффективное государственное образование, которое обеспечивает безопасность и равные возможности для входящих в него стран, в рамках которого народы этого региона смогут и должны сохранить свое своеобразие»⁸⁸ [Schubert, 10]. Фактически он сопоставляет концепцию Наумана с тем Европейским сообществом, которое стало создаваться после второй мировой войны.

Ю. Крист полагает, что ««Срединная Европа» Наумана была одной из немногих конструктивных попыток Германии вне необузданных захватнических планов спроектировать для центральной части европейского континента новый политический порядок, ориентированный на экономическое, национальное и культурное равноправие народов»⁸⁹ [Christ, 1969, 99].

Противоположную позицию занимают исследователи М. Энсте и Ш.Г. Шнорр. Последний высказывает наиболее радикальные оценки: «Проект Срединной Европы у Наумана – это целостная концепция, целью которой является представить «немецкий» культурный идеал организованности как насущный интерес Австро-Венгрии и соседних малых народов, чтобы таким образом найти связующий ингредиент для его

институционализации и – не в последнюю очередь – новую площадку для имперских амбиций»⁹⁰ [Schnorr, 180]. Таким образом, он полагает, что Науман осознанно стремился выдать интересы Германии за объективные интересы остальных государств Срединной Европы с целью обеспечить их поддержку германских эгоистичных планов.

Более точной представляется оценка В. Шидера, согласно которой Срединная Европа Наумана – это промежуточный, переходный вариант между «мировой политикой», империей, основанной на безоговорочном доминировании Германии, и моделью интеграции равноправных участников с целью достижения общих целей.

Необходимо помнить, что в начале XX в. Германия объективно являлась наиболее мощной в экономическом – и политическом – отношении страной Срединной Европы. Существовали объективные предпосылки для ее лидерства в рамках нового государственного объединения. Науман делает это лидерство, в принципе, абсолютным: во-первых, он заявляет о необходимости распространить экономическую модель Германии на все национальные экономики Срединной Европы. Во-вторых, он предполагает, что официальным языком нового сообщества будет именно немецкий. В-третьих, несмотря на готовность учитывать интересы малых наций Срединной Европы, просматривается патерналистская роль Германии по отношению к ним, и можно предположить, что в случае необходимости Германия могла бы подвергнуть их давлению, которому они не могли бы противостоять.

Отчасти этот статус Германии уравнивается обязательством сохранять суверенитет всех государств-участников во внутренних делах, расположить центры управления Срединной Европой в т.ч. в ненемецких городах, развивать более чуткое отношение к малым национальностям в Германии. Кроме того, уже сама предпосылка создания Срединной Европы – историческая необходимость, чтобы не быть оттесненными на задний план в мировом сообществе, говорит о том, что Науман понимал: Германской империи придется принимать во внимание интересы своих союзников. Поэтому вполне можно согласиться с мнением В. Шидера, писавшего, что «понимать среднеевропейские планы Наумана нужно через призму империализма, ориентированного уже не на мировые, а на континентальные масштабы, и имеющего федеративный характер»⁹¹ [Schieder, 388].

Возникновение либеральных партий (1858–1866 гг.)

«Новая эра» в Пруссии

Организационное оформление либерального движения в Германии и выработка его первых общегерманских программных документов связаны с двумя значимыми

историческими событиями, произошедшими почти одновременно в конце 50-х годов XIX в. Решающим внутривнутриполитическим фактором общегерманского значения стало начало «новой эры» в Пруссии. Важным внешним фактором стал успех Пьемонта в деле национально-государственного объединения Италии при поддержке Франции против Австрии.

«Новая эра» в Пруссии началась 7 октября 1858 г., в день официального провозглашения регентства кронпринца Вильгельма. Человек, прозванный «картечным принцем» за его желание жестоко расправиться с участниками баррикадных боев в Берлине в ходе мартовской революции 1848 г. впоследствии неожиданно быстро воспринял идею конституционной монархии. Вильгельм находился под сильным влиянием супруги – Августы Саксен-Веймар-Эйзенахской, открытой музам и реформаторским идеям внучки Павла I. Он слыл горячим патриотом Германии и более прогрессивным правителем, чем его душевнобольной старший брат. В устах известного немецкого историка первой половины XX в. Й. Цикурша звучит превосходная характеристика начала его правления: «Он немедленно покончил с дикой реакцией последних восьми лет, обеспечившей чудовищные преимущества дворянству и ортодоксальному лютеранскому духовенству, смеси из нарушений и произвольных толкований конституции, полицейских придинок самого изощренного рода, фальсификаций выборов, попрания прав судами, злоупотреблений церкви в партийно-политических интересах, грязных интриг при дворе во главе с чиновничеством»⁹². 26 октября 1858 г. регент принес клятву на конституции. Он понимал, что «конституционная идея уже проникла в народное сознание и будет опасно ей противодействовать, чтобы не выказать недоверия правителей по отношению к своему народу»⁹³. Вслед за этим 6 ноября последовала отставка консервативного кабинета барона О. Т. фон Мантейфеля, который находился у власти с 1850 г. С точки зрения регента прежний кабинет нес ответственность за «ольмюцкий позор» и колебания в период Крымской войны. Было сформировано либерально-консервативное министерство. Новым министром-президентом стал князь К. А. Гогенцоллерн-Зигмаринген, представитель боковой католической ветви правящей прусской династии, человек умеренно-либеральных взглядов. Фактически правительством руководил друг юности Вильгельма, известный либеральный политик Р. Ауэрсвальд, введенный в состав кабинета как государственный министр без портфеля. От умеренно-либеральной партии «Еженедельной газеты» М. А. фон Бетман-Гольвег стал министром по делам религии, просвещения и здравоохранения, а граф Г. фон Пюклер – министром сельского хозяйства. Граф А. фон Шлейниц стал министром иностранных дел, генерал Э. фон Бонин – военным министром. После некоторых колебаний Вильгельм по

предложению Ауэрсвальда назначил министром финансов Р. фон Патова – вождя либеральной оппозиции против Мантейфеля, который в реакционные времена «черного десятилетия» регулярно трижды избирался в палату представителей Прусского парламента. Ауэрсвальд и Патов восстанавливали преемственность с опытом и духом революционного 1848 г., поскольку оба входили тогда в состав прусского правительства. Два министра из прежнего кабинета Майнтейфеля – министр торговли А. фон дер Хейдт и Симонс остались на своих должностях, что должно было означать определенное усиление консервативных элементов и обеспечение преемственности с прежним министерством⁹⁴. Перед новым составом правительства 8 ноября 1858 г. Вильгельм выступил с программной речью. Она встретила одобрение как консервативных, так и либеральных министров. И те, и другие считали, что Вильгельм преследует именно их политические цели. Консерваторы ухватились за фразу «о разрыве с прошлым не может быть речи сегодня и вообще никогда, нужно только вручить управление в заботливые и хорошие руки, которые появятся сами по себе или в ответ на потребность времени. Вы все должны помнить о том, что воля короны и страны не разделима и что благополучие и той, и другой покоится на сильных, здоровых и консервативных основах»⁹⁵. Это важное высказывание, которое прозвучало в самом начале речи принца либералы либо пропустили мимо ушей, либо не придали ему никакого значения. Они с воодушевлением приветствовали то, что Вильгельм говорил об уважении к закону, о равенстве обеих христианских религий и об образовании. «Слова принца были свежим потоком воздуха в спертой атмосфере прусского государства»⁹⁶. Либералы связывали свои надежды с позицией принца по германскому вопросу: «Пруссия должна завоевать в Германии моральный авторитет путем мудрого законодательства, подъема всех нравственных принципов и использования всех средств к объединению, таких как Таможенный союз, которые между тем должны подчиниться необходимости реформ. Весь мир должен знать, что Пруссия готова повсеместно защищать право»⁹⁷. Либералы искренне верили, что именно Пруссия в претензиях на общегерманское лидерство должна давать пример того, как обеспечены права и свободы граждан. Однако они ошибались, если считали, что принц стремится сделать из Пруссии образцовое либеральное государство. Вильгельм вовсе не думал перенимать «английский образец», как того желали некоторые либералы. Уже в 1858 г. он сказал: «правление можно сравнить с регулирование русла реки, нужно защищать берега, строить дамбы, не слишком узкие и не слишком широкие, но прежде всего не сооружать их поперек течения. В Англии они слишком широки, в Гессене и Ганновере слишком узкие. Надо надеяться, что мы в Пруссии найдем золотую середину»⁹⁸. Г. фон Зибель считал, что «было бы трудно характеризовать это высказывание в либеральном духе как

выражение практического долга конституционного государя»⁹⁹. Зибель говорил как представитель конституционного либерализма, который с 1861 г. был связан с носителями демократического либерализма в немецкой прогрессистской партии. К сожалению, принц не достиг золотой середины, как это стало ясно уже в ходе «конституционного конфликта». «Посланник нового лучшего времени» Вильгельм привел либералов в такое «доверительное настроение, что они восприняли указание на необходимость дорогостоящего усовершенствования военного дела так хорошо, как никогда раньше»¹⁰⁰.

В этой ситуации летом 1859 г. после окончания съезда кредитных и ссудных товариществ в Веймаре три его активных участника Г. Шульце-Делич, Г. Геринг и Г. Фриз на частной встрече сошлись во мнении, что наступил подходящий момент для объединения Германии, чему нужно содействовать словом и делом. Они призвали организовать 17 июля того же года в Эйзенахе собрание демократов и либералов из Саксонии, Тюрингии и Франконии для того, чтобы обсудить и принять общие основы будущей политической деятельности. В собрании приняли участие около тридцати политиков из среднегерманских государств. Г. Шульце-Делич был среди них единственным представителем Пруссии. В результате напряженного обсуждения было подготовлено и принято политическое заявление из шести пунктов. Оно исходило из того сложного положения, в котором оказалась Германия под влиянием освободительной войны в Италии. Составители опасались того, что перемирие между Австрией и Францией, заключенное в Виллафранке 11 июля 1859 г., скорее умножает, чем уменьшает опасности для независимости Германии. Чтобы улучшить положение, Германии необходима новая союзная конституция. Они требовали замены Германского союзного совета сильным и устойчивым центральным правительством и немецким Национальным собранием. До окончательного конституирования общегерманских властей Пруссия должна взять инициативу в свои руки и «принять на себя до определенного времени руководство германскими вооруженными силами и дипломатическое представительство Германии за границей»¹⁰¹. Тем не менее, такое заявление не означало полного согласия на окончательное установление прусской гегемонии. В последнем пункте содержалось обещание обратиться за советом к немецкому народу по вопросу о поддержке этой политики.

Двумя днями позже, 19 июля 1859 г. при открытии сословного собрания – ландтага в Ганновере была проведена подобная встреча с участием местных демократов и либералов под руководством Р. фон Беннигсена. В результате нее было принято «Заявление свободомыслящих друзей отечества». Оно начиналось с тревожной констатации: «Повсеместно в Европе мы обнаруживаем состояние брожения, которое уже

в ближайшем будущем может привести к новым осложнениям и войнам, в том числе агрессии против Германии.»¹⁰². Поскольку в результате национально-освободительных войн в Италии могло возрасти военное превосходство Франции, северогерманские политики выступали за быстрое развитие политических сил всей Германии в ее собственных интересах: «Стремление к более единой организации Германии при участии представителей немецкого народа в определении своей судьбы должно поэтому становиться все больше. Только еще большая концентрация военных и политических сил, связанных с германским парламентом может способствовать удовлетворению политических надежд народа Германии, богатому развитию его внутренних сил и мощному представительству и защите его интересов против внешних сил»¹⁰³. Авторы возражали против революционного варианта спасения от внешних и внутренних угроз. Для них наиболее естественным казалось, чтобы оба самых влиятельных немецких правительства провели реформу союзной конституции, но поскольку Австрия была к этому не способна, надежды возлагались на прусское правительство, «которое предпринятым в прошедшем году по собственному побуждению изменением системы показало собственному народу и всей Германии, что осознает свою задачу, чтобы привести в соответствие свои интересы с интересами собственной страны и не боится во имя этой цели жертвовать полнотой своей власти»¹⁰⁴.

Заявление было подписано двадцатью депутатами второй палаты сословного собрания и пятью обычными гражданами. Среди прочих свои подписи поставили известные либеральные политики Р. фон Беннигсен и Й. Микель. По профессиональной принадлежности большинство сред подписавших этот документ составляли юристы – 12 человек. Кроме того, свои подписи поставили четыре землевладельца, три торговца и два редактора. Это заявление вызвало широкий резонанс во всем королевстве. Вскоре «Северогерманская газета» призвала начать сбор подписей в поддержку заявления. Уже к 23 августа 1859 г. свои подписи под ним поставили 637 ганноверцев. Консервативная «Новая ганноверская газета», которая выступала за отстранение либеральных политиков от участия в принятии решений на всех уровнях, писала о движении, которое якобы направляется из Берлина и провоцирует революцию. Министр внутренних дел королевства граф В. фон Борье отдал распоряжение установить надзор за активными участниками кампании. Привлекает внимание, что ганноверцы в своем заявлении подчеркивали достоинства внутривнутриполитического развития Пруссии, где с началом «новой эры» полулиберальное правительство, как многим тогда казалось, могло претендовать на успех. Поэтому и в Ганновере надежды на решение германского вопроса связывали с Пруссией. Но даже о временной передаче верховной власти Пруссии речи не шло. При

том, что собравшиеся в Ганновере ни в коей мере не были связаны с теми, кто собирался в Эйзенахе, содержание обоих заявлений по сути совпадало: реформа союзного совета, сильная центральная власть и общегерманский парламент. Оба заявления были опубликованы в прессе и приобрели большую популярность. Вскоре обе группы либеральных политиков начали переговоры о совместной деятельности. 29 июля 1859 г. в городе Бад-Кезен представители избранного в Эйзенахе комитета, в том числе Г. Шульце-Делич и Г. В. фон Унру встретились с посланцами королевства Ганновер, среди которых был Р. фон Беннигсен. Г. В. фон Унру 4 августа сообщил в письме обер-бургомистру Эльбинга Филиппу, что участники встречи договорились о «создании большой национальной партии за единство и усиление Германии»¹⁰⁵. Представители всех германских государств и всех либеральных фракций приглашались на 12–13 августа в Эйзенах для основания союза и выработки программы.

В так называемом втором собрании в Эйзенахе принял участие 31 человек, в основном из северных и центральных немецких государств. Немецкий юг был представлен двумя делегатами из Дармштадта, одним из Нюрнберга и одним из Гейдельберга. Собрание приняло 14 августа 1859 г. на основе двух предшествующих документов новое заявление, которое вскоре было опубликовано либеральной прессой¹⁰⁶. По спорному вопросу, нужно ли немедленно передать Пруссии руководство всей Германией был найден компромисс. Вместо временной передачи военно-дипломатических функций Пруссии, как это значилось в первом эйзенахском заявлении, теперь требовали передачи ей таких функций, только «если в ближайшее время Германия вновь будет испытывать непосредственную угрозу извне»¹⁰⁷. В остальном существенных отличий от предыдущих заявлений не было. Добавился только призыв ко всем либералам и демократам: «От всех друзей немецкого отечества, принадлежат ли они демократической или конституционной партии, мы ожидаем, что национальную независимость и единство они поставят выше партийных требований и будут сообща единодушно и упорно содействовать созданию сильной конституции Германии»¹⁰⁸. Такая идея национального сплочения различных идейно-политических течений оказалась весьма привлекательной и в ближайшие годы завоевала много сторонников, но она потеряла свою притягательную силу, как только Бисмарк сделал первые шаги к объединению в духе либералов. Старые противоречия между двумя главными направлениями оппозиционного движения в Германии – либералами («половинчатыми») и демократами («цельными»), которые отходили на задний план перед их общими национальными устремлениями – вновь выступили на первый план и привели к расколу большой либеральной партии и роспуску Национального союза в 1867 г. В южногерманских государствах отделение демократов от

либералов состоялось еще раньше, поскольку многие деятели оппозиции там отклоняли либеральную политику объединения под руководством Пруссии.

В августе и сентябре 1859 г. значительное число сторонников поставили свои подписи под Эйзенахской программой. Но эта кампания была успешной преимущественно на севере и в центре. В Бадене, Вюртемберге и Баварии этот документ подписали очень немногие. Там все еще возлагали надежды на великогерманский вариант объединения Германии и не желали признать руководящую роль Пруссии в этом процессе. Авторитетные либеральные политики с севера и юга тем ни менее надеялись найти взаимопонимание и предложили созвать новое собрание 15–16 сентября 1859 г. во Франкфурте-на-Майне. Оно состоялось по приглашению Г. Шульце-Делича и Р. фон Беннигсена и стало известно как Учредительное собрание Немецкого национального союза с участием 150 либералов и демократов из всех немецких земель. В нем участвовали в частности Р. фон Беннигсен, Й. Микель и Г. Планк из Ганновера, Рейшер и Гельдер из Штутгарта, Миттермайер, К. Велькер и фон Рохау из Гейдельберга, Эткер из Касселя, Метц из Дармштадта, Братер из Мюнхена, М. Вирт из Франкфурта, Фриз из Веймара, Геринг из Эйзенаха, Бемерт из Бремена и прусские либералы Г. В. фон Унру, О. Люнинг, А. Летте. Примечательно незначительное участие представителей Пруссии: отсутствовали так называемые «старолиберальные» депутаты Прусского парламента, такие как барон Г. фон Финке. Зато было значительным представительство участников Конгресса немецких экономистов (Бемерт, Летте, Миттермайер, Вирт, Велькер). Большинство политиков были депутатами парламентов своих государств и по примеру прусской партии прогрессистов создателями собственных небольших либеральных партий. Демократов представляли Г. Фейн из Цюриха, Л. Зоннеман из Франкфурта, Ф. Штрейт из Кобурга и Ф. Дункер, Г. Шульце-Делич и А. Штрекфус из Пруссии (все из Берлина). По сравнению с либералами демократы были в очевидном меньшинстве.

На этом собрании дело дошло до острых дискуссий об Эйзенахской программе. Представители северной Германии стремились сохранить ее в неизменности, представители южной Германии настаивали на изъятии тех положений, которые предполагали при определенных обстоятельствах передачу руководства Пруссии. Даже тот аргумент северогерманцев, что обязательно должно быть единство по вопросу о создании центральной власти – так как если партия стремиться быть действенной, ей необходима ясная программа, – не мог убедить южных немцев. В конце концов, пришлось ограничиться заявлением о том, что «обсуждалась необходимость создания общегерманской центральной власти без обозначения ее носителей»¹⁰⁹. Тем самым наиболее важный и решающий вопрос остался открытым. В отличие от итальянского

Национального союза, который ясно и решительно высказался за руководство Пьемонта, представители немецкого либерального движения не смогли принять окончательного решения по вопросу о центральной власти.

После того как эта проблема была скорее отложена, чем преодолена, было принято решение об основании Немецкого национального союза. Состоящий из трех параграфов «Устав Немецкого национального союза» представлял собой одновременно и программу, и организационный документ. Прежде чем собрание было распущено, была избрана комиссия из двенадцати человек. В нее вошли шесть депутатов из парламентов Ганновера, Баварии, Веймара, Нассау, Вюртемберга и Пруссии. Семеро из них были по профессии юристами. Из самых известных либеральных и демократических политиков в нее вошли Р. фон Беннигсен, Г. Шульце-Делич и Унру. Собрание поставило перед комиссией задачу организационного оформления союза, подготовки и распространения к следующему собранию развернутой программы.

Немецкий Национальный союз

Программа и организация

Программа в целом была сформулирована в первом параграфе устава, озаглавленном «Цель Союза», со ссылкой на заявление, сделанное в Эйзенахе и Ганновере. Там содержался призыв к «единству и свободному развитию общего большого Отечества»¹¹⁰. В качестве задачи Союза провозглашался принцип «в патриотических целях нашей партии всеми необходимыми законными средствами, особенно средствами умственной работы, содействовать тому, чтобы цели и средства, распространенного по всей стране движения все яснее проникали в самосознание народа»¹¹¹. Эти широкие формулировки были необходимы для того, чтобы объединить в одном союзе всех демократов и либералов как северной, так и южной Германии. Но если мы попытаемся проанализировать конкретное содержание, то станет ясно, что этот первый параграф содержал потенциально опасные положения. В нем содержалось обращение к заявлениям, которые по разному решали вопрос о центральной власти, даже при том, что они склонялись к признанию руководящей роли Пруссии. Против этого восставали представители южной Германии, прежде всего, демократы, которые, в конечном счете, настояли на том, чтобы в уставе вопрос о центральной власти не упоминался. Однако они не могли выступать против ссылок на два предшествующих заявления, за что особенно ратовали либералы из северогерманских государств. На третьем общем собрании Союза

либералам удалось еще раз указать на Пруссию в качестве возможного источника центральной власти. В тоже время от прусского правительства потребовали деятельно поддерживать интересы Германии «в любом направлении». По вопросу о признании немецких провинций Австрии как «естественных составных частей отечества» резолюция также приобрела двойственный характер. Вряд ли было возможно отделить немецкоговорящие провинции от многонационального государства и поставить их под руководство Пруссии. Конституционный конфликт в Пруссии чрезвычайно осложнил стремление либералов отстаивать прусскую центральную власть. Сам председатель союза Р. фон Беннигсен должен был отметить в 1862 г., что этот конфликт делает Пруссию «негодной» для германской политики. Пятое общее собрание в Эйзенахе хоть и все еще держалось за единую центральную власть, но даже не намекнуло на то государство, которое однажды должно встать во главе Германии. Это собрание постановило, что только немецкий парламент должен решить вопрос о носителе центрально власти. Решению парламента должны подчиниться все партии, сословия и государства¹¹². Внутренняя и внешняя политика Пруссии была осуждена. Это была победа демократов и левых либералов, которые резко осудили нарушающую конституцию политику Бисмарка и больше не ожидали от Пруссии никакого либерально-демократического развития, которое было бы связано с достижениями революции 1848 г. После победы Бисмарка под Кениггрецем и раскола старой Германии на две части раскололся и Национальный союз. Национал-либералы во всех немецких землях поддержали Бисмарка, а либерал-демократы, среди которых было много настроенных в пользу великогерманского решения южных немцев, пошли своим собственным путем.

Второй пункт, который разделял либералов и демократов в национальном союзе, — это различное представление о внутреннем устройстве единой Германии. В то время как в центре внимания либералов находилась национальная политика, демократы хотели одновременно с достижением единства обеспечить свободное развитие немецких государств. С первого общего собрания демократы боролись за признание имперской конституции 1849 г. с всеобщим и равным избирательным правом, основными гражданскими правами. Это требование было включено в программу национального союза резолюцией от 6 октября 1862 г. В 1864 г. это решение подтвердило общее собрание в Эйзенахе. В дальнейшем национальный союз нацеливал политику всех немецких государств на конституционно-демократическое развитие с той же силой, что и на национальное единение. «Товарищей по союзу» призывали бороться за свободное развитие отдельных государств при помощи действенного использования всех конституционных, законных средств. Одной из важнейших предпосылок свободного

развития было всеобщее и равное избирательное право, за которое особенно выступали баварские, вюртембергские, баденские, саксонские и прусские демократы.

На втором общем собрании в Гейдельберге в центре дискуссии находилась военная политика. От имени комиссии Георги из Эслингена сделал доклад, в котором потребовал передать военное руководство в одни руки и добиваться всеобщего вооружения народа путем поддержки спортивных союзов и создания оборонных обществ. В ходе обсуждения либералы отклонили последнее требование. Вопреки им демократы воодушевленно агитировали за введение оборонных обществ. С. Борн, связанный с К. Марксом, призывал со ссылкой на британский корпус волонтеров к созданию подобного корпуса добровольцев в Германии. Это дает представление о более широких претензия большинства демократов. Очевидно, что корпус добровольцев радикал-демократы хотели бы использовать как инструмент завоевания политической власти в Германии. Ведь именно военные решили судьбы революции в 1848–1849 гг. Даже в Пруссии демократы признавали значение вооруженных сил и поэтому отклоняли роспуск ландвера, где преобладали офицеры из буржуазной среды. Основная идея была правильной, но в 1861 г. было невозможно создание корпуса добровольцев, поскольку такое предложение не могло найти необходимой поддержки в чрезвычайно малой степени политизированном народе, с другой стороны, правительства немецких земель со всей своей военной силой немедленно бы воспрепятствовали реализации подобного плана.

Компромиссным по отношению к обеим крайним позициям – отклонение оборонных обществ либералами и создание корпуса добровольцев, на чем настаивали демократы – стало предложение Г. В. фон Унру, которое гласило: «Немецкий национальный союз будет добиваться любыми возможными и допустимыми законом способами создания оборонных союзов в тех государствах Германии, где еще не введена всеобщая воинская обязанность»¹¹³. Демократ Ф. Штрейт поэтому стал издавать «Газету немецких спортивных и оборонных союзов», которая как и его «Всеобщая немецкая рабочая газета» представляла национальные и демократические интересы. Эта газета критически полемизировала с национальным союзом, прусскими прогрессистами и всеми либералами. Она сначала была органом тех оборонных и спортивных союзов, в которых могли собираться многие рабочие и ремесленники, но со временем превратилась в орган стрелковых гильдий, состоявших в большинстве своем из либерально настроенных средних и мелких буржуа. Когда в 1862 г. во Франкфурте состоялись съезды Немецкого стрелкового союза и Немецкого спортивного союза, Шульце-Делич характеризовал эти оба собрания как «предпарламент, который приведет нас к настоящему германскому парламенту»¹¹⁴. Свободные и конституционные условия можно было бы внедрить в

Германии только тогда, когда «народная армия, состоящая из вооруженного народа, собственно стоит за парламентом»¹¹⁵. Создание народных вооруженных сил законными средствами во всех немецких государствах всегда оставалось программным пунктом всех демократов в Национальном союзе.

Некоторые из тех, кто хотел ввести корпус добровольцев, так же думали о возможности революции, но подобные намерения отклонялись большинством как демократических, так и либеральных членов союза. Шульце-Делич говорил рабочим в Гамбурге, что те, кто ожидают от революции блага для Германии, обманывают себя. М. Мюллер, председатель местного отделения союза в Пфорцхайме, также высказывался против революционных методов. Национальный союз осудил попытку покушения на короля Пруссии, предпринятую студентом из Лейпцига: «Неправда, что в нашем отечестве копает свои подземные ходы тайная партия переворота, предполагая достичь политических целей при помощи баррикад или вероломных убийств... Если бы пуля убийцы поразила сердце короля, то тогда вся немецкая земля была бы осквернена подобным убийством»¹¹⁶. Таким образом, Национальный союз выступал только за законные средства политической деятельности.

Значительное большинство Национального союза поддержало призыв сбора денег для строительства германского флота, поскольку поддерживало точку зрения, что он совершенно необходим для «самостоятельности, силы и величия» страны и для общего материального блага. Собранные деньги союз передавал прусскому военно-морскому министерству. Четвертый пункт постановления общего собрания союза от 24 августа 1861 г. гласил: «деньги должны быть употреблены для строительства кораблей, необходимых для защиты немецкого североморского и балтийского побережий в составе прусского военно-морского флота»¹¹⁷. Против такого решения протестовали демократы из южной Германии, которые вовсе не желали усиления Пруссии как великой державы. Уже к началу конституционного конфликта в Пруссии комитет Национального союза приостановил платежи в Берлин. Демократы со ссылкой на внутреннее развитие в Пруссии смогли тогда убедить последовательных либералов в том, что Пруссия не была правильным адресатом флотских денег.

В восьмилетней истории национального союза напряженные ситуации между демократами и либералами возникали постоянно. Когда в 1866 г. Пруссия в результате победоносной войны против Австрии встала во главе движения за объединение Германии либералы отделились от демократов, поскольку для них единство значило гораздо больше, чем свобода. Демократы в свою очередь не верили, что Пруссия способна осуществлять такую политику, с помощью которой на законодательной основе возможно будет добиться

свободы и равенства граждан. Поведение Беннигсена и других либералов на Учредительном рейхстаге Северо-Германского союза (после некоторых незначительных поправок они голосовали за проект конституции, предложенный Бисмарком) дало повод демократам Шульце-Деличу, Дункеру, Говербеку выйти из Национального союза. На последнем общем собрании в Касселе председатель союза Беннигсен заявил о роспуске союза и обосновал это решение следующим образом: «В 1859 г. представителя различных либеральных направлений собрались вместе и похоронили свои прежние разногласия. Эти узы сейчас оказались порваны, когда части прежде единой партии жестко и решительно противостоят друг другу... В 1859 г. такое соединение либеральной и демократической партий было предпосылкой любого хотя бы незначительного прогресса, сегодня же обновление является условием их движения вперед. События 1866 г. разорвали нашу связь, и мы не можем и, я бы сказал, не хотим снова ее восстановить»¹¹⁸. События 1866 г. спровоцировали раскол между либералами и демократами, но решающей причиной для него стали различные политические концепции обеих групп. «Партия компромисса» из либералов и демократов неизбежно должна была расколоться, когда германский вопрос стал решаться Бисмарком в соответствии с ожиданиями умеренных либералов.

Программу и решения общих собраний Национального союза широко пропагандировала либеральная пресса Германии. Особенно выделялось издание «Еженедельник Национального союза», которое выходило в Кобурге с 1860 по март 1864 г. Преемником этого издания стал «Еженедельный листок Национального союза», который издавался во Франкфурте на Майне, а позже в Гейдельберге. В первые годы им руководил А. Л. Рохау, который входил в комитете союза. Еженедельник предназначался для того, чтобы «обеспечивать регулярное интеллектуальное общение между членами и сторонниками Национального союза, распространять взгляды и основные положения союза в широких кругах, посредством этого поддерживать его цели, в равной степени также обеспечивать знания и представления о расширении союза, о его всесторонней текущей жизни и о его деятельности во всех частях отечества и далеко за его пределами»¹¹⁹. Еженедельник сообщал преимущественно о делах союза и возникновении прогрессистских партий во всех германских государствах. Некоторые сторонники, однако, высказывали недовольство еженедельником. Анонимный «друг бюргеров и крестьян» из Гумбинена требовал «общедоступной народной газеты, которая должна была выходить ежедневно для поддержки местных либеральных изданий в целях агитации в пользу национального союза среди горожан и крестьян»¹²⁰. Национальный союз отклонил это предложение, поскольку не имел финансовых возможностей распространять свои издания во всех провинциях страны. Аноним сетовал: «как народ может измерить пользу своего

избирательного права, если он даже не знает, какие люди должны быть избраны»¹²¹. Национальный союз в большинстве мест воспринимался как политическая партия, которая в ходе выборов должна заботиться о том, чтобы в них победили сторонники национального единства. Тесно связана с Национальным союзом была «Южногерманская газета», которая выходила в Мюнхене с 1 октября 1859 г. как национальный либеральный орган¹²². Ведущими редакторами газеты, которая с 1861 г. выходила дважды в день, были К. Братер – член комитета союза, и А. Вильбрандт. По финансовым причинам в 1862 г. она объединилась с газетой «Время» и с тех пор выходила во Франкфурте на майне. Национальный союз участвовал в финансировании этого издания путем подписки на 10 акций по 120 талеров каждая. Близкие к идеям национального союза занимали «Северогерманская газета» в Ганновере, «Вестфальская газета» в Дортмунде, «Национальная газета» в Берлине и множество мелких местных газет.

Распространение газет внутри Германии чрезвычайно тормозил закон о почтовом союзе, если издание выходило за границы своего государства, то власти соседнего имели право взимать предусмотренный законом почтовый сбор, который особенно болезненно сказывался на политических изданиях. Цена на «Еженедельник Национального союза» доходила до 1 талера и 10 серебряных грошей. Политические издания, как правило, облагались сбором от 100 до 200 %, в то время как «поучительные и просвещающие неполитические издания» всего в 25 %¹²³. Высокая цена затрагивала в основном рабочих, мелких ремесленников и торговцев, члены союза требовали от руководства добиваться снижения сборов. В их представлении подобные мероприятия властей приравнивались к запрету на газеты. Этот пример показывает, насколько сильно Национальный союз зависел от внутривнутриполитических проблем. Его деятельность была направлена на устранение династической мелкодержавности путем либеральных реформ и по мнению многих его членов прокладывала путь к единству. В публичных выступлениях и листовках, разовые тиражи которых доходили до десяти тысяч экземпляров, они поддерживали избирательную программу прогрессистских партий, поскольку сам союз развернутой программы не имел. Члены союза входили в земельные парламенты и были хорошо организованы, национальный союз с полным основанием можно назвать политической партией.

Когда в 1861–1862 гг. «новая эра» в Пруссии подошла к концу, а со стороны прусского правительства не было предпринято ни малейшей попытки к объединению Германии, да к тому же в 1862 г. новым министром-президентом Пруссии был назначен О. фон Бисмарк, союз вынужден был изменить свою стратегию. После того, как Бисмарк спровоцировал военный и конституционный конфликт, о сотрудничестве с прусским

правительством нечего было и думать, союз начал дрейфовать влево. Он признал имперскую конституцию от 28 марта 1849 г. соответствующей своей программе и заявил: «В ней содержится все самое существенное». Фактически правое крыло союза вновь нашло в конституции принцип главенства Пруссии (в малогерманской версии), левое же крыло, напротив, особенно ценило избирательное и прочие основные права конституции.

Вместе с тем союз все сильнее испытывал на себе давление унификации. После того как уже в 1861 г. в Пруссии дело дошло до создания Немецкой прогрессистской партии как «исполкома национального союза» (руководство этой партии состояло из прусской части руководства национального союза), с 1862 г. началось создание прогрессистских партий в средних и мелких германских государствах. В значительной степени этот процесс инициировал Национальный союз. Существовала надежда, что эти партии смогут стать такими же успешными, как и прусская, которая выиграла выборы уже в год своего основания. Так они надеялись повсеместно достичь парламентского большинства и оказывать давление на правительства союзных государств. Эта тактика предполагала, что прочие германские власти должны будут оказать решительное давление на прусское правительство.

Начиная с 1863 г. союз вступил в полосу кризиса. В ситуации обострения шлезвиг-гольштейнского вопроса в рядах союза возникла надежда, что оба герцогства могут быть освобождены добровольческими отрядами и станут частью нового национального немецкого государства. Но в этот момент их опередил Бисмарк. Он заключил союз с Австрией и обе державы отвоевали герцогства со ссылкой на нормы международного права, а вовсе не на национальное объединение.

По окончании шлезвиг-гольштейнского кризиса возникло стремление вновь активизировать союз, что удалось в октябре 1864 г. Правда, отныне союз больше занимали внутренние конфликты, чем обращение к осуществлению своих целей. Когда дело дошло до братской войны, вследствие чего возник Северогерманский союз, Национальный союз раскололся и начал дрейфовать вправо. Так, его правое крыло отныне искало соглашения с Бисмарком, и было готово поддержать его предложение об индемнитете 1866 г. Левое крыло откололось от союза. Отныне правое крыло сочло себя способным разделить правительственную ответственность, правда, только в качестве младшего партнера. Из правого крыла союза возникла Национал-либеральная партия.

Располагая в 1862 г. свыше 25 тыс. членами и многими влиятельными позициями в массовых организациях, таких как спортивные или стрелковые союзы, в 1867 г. он насчитывал всего 1000 членов. Тем не менее, национал-либеральная партия, которая

возникла на его останках, выиграла выборы как в северогерманский рейхстаг 1867 г., так и в общегерманский в 1871 г.

Интересна оценка союза его современниками. Так, в словаре-справочнике Мейера читаем: «Прусское правительство, которому в первой программе (союза) было задумано руководство Германией, к несчастью не желало иметь дела с этим движением и с самого начала вело себя по отношению к нему очень холодно, почти враждебно. Еще больше Пруссия утратила к себе доверие, когда там в 1862 г. вспыхнул конституционный конфликт. Друзья Пруссии в Национальном союзе все больше и больше теряли мужество открыто выступить в поддержку прусской гегемонии, и демократические элементы вскоре добились перевеса. Пожертвования на флот, которые были собраны, больше не передавались прусскому правительству; в 1863 г. Национальный союз даже пытался открыто выступить против Пруссии, когда выдвинул собственную программу по шлезвиг-гольштейнскому вопросу... Национальный союз проявил свой полный разрыв с прусской гегемонией даже в том, что только всегерманский парламент должен определить будущего носителя центральной власти, а его правление отвергло предложения Бисмарка о реформе союза от 9 апреля 1866 г. Между тем как только Пруссия летом 1866 г. на самом деле провела свою союзную реформу, Национальный союз был уничтожен. Перед лицом такого неожиданного изменения вещей Национальный союз осенью 1867 г. формально самораспустился»¹²⁴.

Национальный союз был создан как первая массовая политическая организация в Германии: на момент его появления в 1859 г. в границах Германского союза не было ничего подобного. Сначала дискутировался вопрос, в какой форме должны объединиться национально мыслящие представители всех германских государств. На первый план вышли три предложения: учреждение тайного союза, создание «объединения патриотически настроенных людей, собирающегося каждый раз в различных частях Германии», или образование «открытого союза»¹²⁵. Инициатива создания тайного общества исходила от герцога Эрнста II Саксен-Кобург-Гота, который представил свой план 9 сентября 1859 г. Беннигсену, Шульце-Деличу, фон Унру и некоторым другим участникам Франкфуртского учредительного собрания. Он выступал за тайный союз с жесточайшей дисциплиной, разделенный на мелкие группы, которые могли бы поддерживать связь между собой только через доверенных лиц, а во главе всей организации должен был встать высокопоставленный и весьма влиятельный руководитель, указания которого должны были неукоснительно выполняться – вероятно, честолюбивый герцог думал о себе самом. Беннигсен, фон Унру и Шульце-Делич решительно отвергли

такое предложение. Фон Унру считал тайный союз подходящим только против иноземных угнетателей¹²⁶.

Шульце-Делич стремился действовать в рамках закона, отвергал конспирацию и высказывался за открытый союз, который должен был «демонстрировать моральную силу». Он решительно требовал создания союза, хотя власти Франкфурта на Майне стремились этому воспрепятствовать. В такой ситуации не было ничего необычного, поскольку постановление Союзного собрания от 13 июля 1854 г. (так называемый закон о союзах) закрепляло регулирующие функции в этой сфере за отдельными союзными государствами. На учредительном собрании Шульце-Делич прокомментировал закон и обратил внимание на различные условия, существовавшие в германских государствах. Во Франкфурте на Майне разрешение на создание союза зависело от особой санкции (концессии) властей, в предоставлении которой они могли отказать без объяснения причин. В то же время в Пруссии и Саксонии концессии не требовалось, вместо этого власти требовали предоставить учредительный устав и списки членов организации.

Серьезное сопротивление созданию союза оказали вюртембергские либералы, так как считали неприемлемой централизованную структуру и предлагали создать федералистскую организацию без жестких рамок. Комитет национального союза отвечал вюртембержцам, что прочная организация союза совершенно необходима для улучшения контактов между политиками из всех германских государств. В конце концов, было принято предложение Шульце-Делича о создании открытого союза.

После того как были решены предварительные вопросы, речь зашла о подходящем месте пребывания руководства союза. Во Франкфурте на Майне, где союзу было отказано в концессии, не на что было надеяться. Чтобы защитить национальное движение от новых неприятностей, нужно было искусно и осторожно подходить к выбору государства и города, где союз должен был найти пристанище. Пришлось еще раз изучить законы отдельных немецких государств. Шульце-Делич предложил фон Унру в соответствии со сведениями, полученными от Веймарских властей и после изучения Веймарского закона о союзах избрать местом пребывания город Эйзенах. Наряду с ним обсуждались также Веймар, Кобур и Гота. Берлин с самого начала был исключен, поскольку южногерманские либералы не питали теплых чувств к Пруссии и могли немедленно высказаться против. После проверки закона о союзах речь также не заходила о Веймаре и Эйзенахе, поскольку там разрешение на пребывание полностью находилось в руках административных властей. Выбор оставался между Кобургом и Готой. Представители Южной Германии отклонили Готу, поскольку там в июне 1849 г. местные депутаты Франфуртского парламента составили имперскую партию, поддерживали политику Пруссии, направленную на создание

германской унии и побуждали Пруссию не принимать имперскую конституцию, выработанную Франкфуртским парламентом. Не только «genius loci» (дух места) говорил против Готы, но и близость к герцогу, от которого либералы не хотели зависеть. В конечном счете «почти единогласно» комитет Национального союза принял решение в пользу Кобурга, хотя было известно, что герцог по различным соображениям согласился с этим весьма неохотно. Он опасался передачи управления делами союза в руки Ф. Штрейта, который состоял в должности городского судьи и за свою демократическую публицистику заслужил нелюбовь герцога. Штрейт все-таки стал управляющим делами, а герцог остался покровителем союза¹²⁷.

Организация Немецкого Национального союза регулировалась уставом и приложением к нему. В соответствии с этими документами во главе союза находились правление и комитет. Решения каждого органа проводились в жизнь через управляющего делами и секретаря. Они руководили работой центральных органов в Кобурге и через уполномоченных лиц поддерживали связь с членами союза в отдельных немецких государствах. Основные направления политики союза определяла созываемое раз в год общее собрание, которое также выбирало комитет.

Правление первоначально не предусматривалось. Третий параграф Устава, принятого на Учредительном собрании во Франкфурте на Майне, предполагал создание только комитета. Однако в октябре 1859 г. Шульце-Делич провел изменения в устав. По его предложению было создано правление в составе трех человек: председателя Р. фон Беннигсена, сопредседателя юриста и председателя городского совета Веймара Г. Ф. Фриза и управляющего делами Ф. Штрейта. Правление собиралось как минимум раз в месяц. Беннигсен однажды даже публично заявил: он так загружен, что вынужден все свое время отдавать деятельности в союзе. Поскольку и управляющий делами преимущественно работал на союз, можно считать, что им руководили два профессиональных политика. Для Германии того времени это было необычно, так как для подавляющего большинства политическая активность сочеталась с государственной службой или другой профессиональной деятельностью. К августу 1861 г. число членов правления выросло до пяти человек. Там стали заседать также Г. Шульце-Делич и профессор-правовед, депутат нижней палаты вюртембергского ландтага А. Л. Рейшер. Правление заседало в различных местах. Например, 8 мая 1862 г. во Франкфурте-на-Майне члены правления участвовали в процедуре объединения газет «Время» и «Южногерманская газета» и одновременно провели там заседание правления. Поскольку члены правления происходили из разных регионов Северной, Центральной и Южной Германии им постоянно приходилось искать удобное для всех место заседания.

В дополнении к Уставу были утверждены задачи правления. Оно руководило центральными органами союза и представляло собой орган, «через который комитет поддерживал связь с членами союза, поэтому все предложения и запросы по делам союза направляются в правление»¹²⁸. Во всех своих решениях и действия правления должно было давать отчет комитету, а решения правления требовали согласия членов комитета. Таким образом, контрольным органом по отношению к правлению был комитет, который избирался общим собранием. По уставу он состоял из 12 человек. Однако он был уполномочен в случае необходимости кооптировать новых членов. Этим правом комитет активно пользовался. Согласно опубликованным избирательным бюллетеням первого общего собрания союза от 1860 г. в комитете состояло 26 человек, таким образом, его численность более чем удвоилась всего за один год. В августе 1861 г. в комитет входило 22 человека. В 1862 г. – 25, а к концу деятельности союза по стоянию на 24 января 1866 г. – 19 человек¹²⁹. Выборы комитета, который постоянно расширялся за счет кооптации, проходили следующим образом. Правление представляло общему собранию список всех членов комитета, включая кооптированных. Из предложенных кандидатур каждый делегат мог выбрать в новый состав комитета двенадцать человек. Если члены союза хотели быть избранными в комитет они могли вычеркнуть из списка одного кандидата и внести имя нового с указанием его социального положения и места жительства. Но вновь избранный должен был происходить из той же провинции, из которой был исключенный член комитета. Таким образом, в комитете были представлены либеральные политики из большинства немецких государств. В 1860 г. голосование дало следующие результаты: в избирательный бюллетень было внесено 23 кандидата, из них 12 было переизбрано, таким образом ни один новый человек в комитет не вошел. Голоса общего собрания распределились следующим образом: 238 – Беннигсен, 230 – Метц, 229 – Штрейт, 224 – Фриз, 212 – Братер, 211 – Кремер фон Дос, 205 – Шульце-Делич, 189 – фон Унру, 185 – фон Рохау, 163 – Рейшер, 156 – Мюллер из Франкфурта, 127 – Майер из Лейпцига¹³⁰. Примечательно, что лучшие результаты получили трое членов правления, в то время как оба представителя Пруссии оказались только на седьмом и восьмом местах. В комитете были представлены Ганновер, Гессен-Дармштадт, Саксен-Кобург, Веймар, Бавария, Пруссия, Вюртемберг, Франкфурт-на-Майне и Саксония. Не были избраны ранее представленные в комитете политики из Нассау, Шлезвиг-Гольштейна, Гамбурга и Ольденбурга. Однако они могли быть вновь включены в состав комитета путем кооптации. Вообще это право снижало ценность выборов, и даже наличие самого списка кандидатов уже оказывало значительное влияние на процесс голосования. Такой порядок облегчал

однажды избранным представителям руководящего слоя пере выборы и в тоже время обеспечивал преемственность руководства.

Избранный комитет согласно Уставу имел право «самостоятельно распределять различные обязанности среди своих членов», «созывать новые собрания, распоряжаться в интересах союза деньгами, поступающими в кассу союза... переносить в другое место заседание союза в случае необходимости»¹³¹. Одной из самых важных задач комитета было утверждение полномочных представителей союза в отдельных государствах и городах. В дополнение к Уставу значилось: «в каждый населенный пункт и регион комитет назначает людей, которые собирают взносы и пересылают деньги правлению в Кобург»¹³². В этом отчетливо проявился централизованный характер союза, что уже было очевидно современникам. На общем собрании союза в 1864 г. прозвучал целый ряд предложений об изменении организации. Так, делегаты из Дрездена добивались, чтобы комитет высылал свои предложения на места за 14 дней до общего собрания, чтобы местные ячейки могли исчерпывающим образом их обсудить и направить на общее собрание компетентных представителей. Однако это предложение натолкнулось на жесткое сопротивление со стороны Шульце-Делича, который все предложения хотел ставить только в ходе заседаний, поскольку стремился придерживаться средней линии между различными и порой взаимно противоположными стремлениями. Комитет крепко держал вожжи управления союзом в руках¹³³. Чтобы справиться со своими задачами комитет заседал каждый два-три месяца в различных городах Германии. Все публикации, листовки и инструкции союза имели одну и ту же подпись «комитет Немецкого национального союза, председатель фон Беннигсен».

Для проведения агитации и организации финансов, созыва собрания и заседаний союза в Кобурге было учреждено центральное бюро, где работало восемь человек. Этим бюро руководил управляющий делами, который избирался комитетом и одновременно являлся членом правления. Он был обязан представлять руководящим органам отчет об управлении союзом. Он вел корреспонденцию, распоряжался кассой, распространял агитационные материалы и руководил еженедельником национального союза. Как гласил пятый пункт дополнения к Уставу: «все письма и послания должны были направляться управляющему делами». Чтобы успешно решать эти задачи управляющий делами имел секретаря, который по его предложению назначался правлением. Секретарь был обязан по поручению управляющего делами оказывать ему поддержку во всех делах, например, при руководстве прессой союза, особенно отбором сообщений с мест для редакции еженедельника. Секретарь замещал управляющего делами в его отсутствие «как в общении с членами союза, так и со вспомогательным персоналом». Первый секретарь союза был назначен 1 июля 1861 г. Это был К. Готбург из Гейдельберга. По договору

между Штрейтом и Готбургом жалование секретаря составляло тысячу рейнских гульденов год. Наряду с секретарем управляющему делами подчинялся вспомогательный персонал: бухгалтер, экспедитор и помощник экспедитора. Полную ответственность за работу секретариата нес управляющий делами. Он имел право назначать, увольнять и сокращать сотрудников¹³⁴. Для того времени это была хорошо организованная и эффективная политическая организация.

Основные задачи политической деятельности определяло общее собрание, в котором имели право принимать участие все члены национального союза. Оно проходило раз в год и каждый раз в новом месте. Годовое собрание избирало комитет союза и принимало решения, которые в основном касались актуальных политических проблем, как например, центральной власти в Германии, австрийских предложений по реформе Германского союза или Шлезвиг-Гольштейнскому вопросу. Состав общего собрания всегда зависел от места заседания и личной инициативы членов союза, поэтому постоянно менялся. При голосовании решающее значение имело число представленных делегатов. В связи с этим обстоятельством во избежание возможных проблем на общем собрании 1864 г. в Эйзенахе делегаты от Карлсруэ предложили «голосовать не по числу наличных делегатов, а совокупным голосованием на основе представительства местных отделений союза»¹³⁵. Это предложение было отклонено собранием после того, как Шульце-Делич предупредил, что таким образом «можно легко прийти к столкновению с существующим законом о союзах, кроме того, как на общем собрании акционерного общества отдельные круги могут поставить голоса собрания на службу интересам меньшинства, равным образом и в национальном союзе может проводиться такого рода мелкодержавная политика»¹³⁶. Шульце-Делич отчасти был прав, поскольку дочерние союзы были запрещены союзным постановлением. С другой стороны, политическая практика показывает, что вопреки жестким предписаниям закона возникали местные и региональные организации, которые провозглашали себя подразделениями Немецкого национального союза или фактически играли эту роль. Отказ от предложения представителей Карлсруэ и случайный состав общего собрания обеспечивал преобладающее влияние руководящих органов – комитета и правления при определении политики союза.

Всякий желающий участвовать в общем собрании должен был предъявить доказательства своего членства. Член союза должен был подписать Устав и аккуратно выплачивать ежегодный взнос, который не мог быть ниже одного гульдена сорока пяти крейцеров. Эта сумма была слишком высока для большинства рабочих, которые таким образом фактически были исключены из деятельности союза. Но поскольку многие из них хотели стать его членами, то протестовали и требовали снижения ставки взноса. На общем

собрании союза в Лейпциге 3 января 1863 г. Шульце-Делич вынужден был уделить внимание этой проблеме. Он признал, что не каждый рабочий способен заплатить такой взнос, поскольку уже взнос в кассу рабочего союза сильно бьет его по карману. Он поставил вопрос: что же делать рабочим в этом случае? Сформулированный им ответ фактически побуждал рабочих к разрыву с прогресситами и национальным движением: «Если рабочий спрашивает меня, куда ему вступить в первую очередь, в рабочий или национальный союз, я отвечаю: мой дорогой друг, ты послужишь национальному делу гораздо лучше, если сначала задумаешься об улучшении своего материального положения, так как ничто так хорошо не поддержит наше национальное дело как рост благосостояния рабочих. Если ты хочешь чего-то еще – мы примем тебя с распростертыми объятиями, но сначала думай о себе и добейся для начала известного уровня благосостояния, а также улучши свое образование. Чему помогут все политические права, если я не достиг хотя бы скромного благополучия? Вся демократия только слова, если она не заботится о том, чтобы рабочие могли участвовать в политике. Но рабочий, который на самом деле живет так скверно, что перебивается только с хлеба на квас, имеет ли он достаточно времени и духа, чтобы проявить заботу об общественных делах? Нет! Правда, нет, насущная потребность – это освобождение от нужды. Это действительно большая национальная задача для каждого друга народа и Германии в целом. И прав рабочий, который употребляет на это свои сбережения, я приветствую здесь таких от имени комитета как сочувствующих членов, как почетных членов национального союза»¹³⁷. Однако эта речь не устранила проблему. В октябре 1864 г. на общем собрании в Эйзенахе дело дошло до острой дискуссии после того как делегат из Карлсруэ, поддержанный господином Вартенбургом из Геры, предложил снизить ежегодный взнос чтобы дать возможность рабочим массам вступать в союз и отвести упреки в том, что он представляет только интересы имущих слоев населения. Шульце-Делич решительно отклонил это предложение. На упрек со стороны Вартенбурга, что в Национальном союзе больше думают не о людях, а о талерах, Шульце-Делич смело ответил: «Я совершенно решительно признаю, что являюсь охотником за талерами». Он и без того считал взносы весьма низкими и опасался оскудения союзной кассы. Кроме того, он отметил, что не отсутствие талеров смущает рабочих, а то, что они должны их однажды заплатить. Управляющий делами дал своим агентам на местах распоряжение собирать взносы с рабочих равными долями помесечно, в то время как другие члены союза вносили деньги в кассу четыре раза в год. В своей речи он, однако, должен был признать, что проблема не имеет универсального решения, поскольку для многих порядочных и честных рабочих, которые сердцем с национальным делом, этот взнос, даже поделенный на части, остается

еще слишком высоким. Таким образом, он еще раз повторил совет, данный рабочим в Лейпциге в январе 1863 г.: сначала при помощи образования и благосостояния выбраться из нужды, а затем приобрести средства необходимые для занятия политикой. Он стремился всячески подчеркнуть свою готовность к поддержке рабочих. В частности напомнил собранию о том, что в 1862 г. союз выделил большие суммы, чтобы послать рабочих на индустриальную выставку в Лондон. В августе 1865 г. он позаботился о том, чтобы Союз просвещения рабочих в Лейпциге получил от Национального союза 200 гульденов¹³⁸. Аргументация Шульце-Делича была воспринята, собрание отклонило предложение депутата из Карлсруэ. Это решение способствовало отдалению средних слоев и рабочих друг от друга, и в конечном счете, стало одним из факторов политической самоорганизации рабочего движения в Германии.

Итак, кто поставил подпись под Уставом и платил членские взносы, получал членскую карточку. Сначала на зеленой, а с осени 1861 г. красной членской карточке величиной с почтовую открытку на лицевой стороне значилось: «Немецкий национальный союз в Кобурге», фамилия, имя, место жительства и профессия члена, который подтвердил свое поступление в Немецкий национальный союз путем подписания Устава и уплаты своего ежегодного взноса. Ниже следовала подпись: «комитет-Беннигсен». Вверху справа стоял номер членской карты. На оборотной стороне был напечатан Устав союза и перечислены имена, профессии и места жительства членов комитета¹³⁹. Число членов союза быстро увеличивалось. В сентябре 1860 г. в союзе числились свыше 5 тысяч членов, в октябре 1861 г. речь шла уже о 20 тысячах. Из них большинство – 7 тысяч – представляли прусские провинции (Вестфалия – 2065, Рейнская область – 1161, Бранденбург с Берлином – 1180, Саксония – 909, Восточная Пруссия – 791, Померания – 385, Позен – 341, Западная Пруссия – 336, Силезия – 293 человек). Из других государств Германского союза значительное представительство имели Гессен-Дармштадт – 937, Баден – 714, Нассау – 513 человек¹⁴⁰.

В 1862 г. число членов союза вновь стремительно выросло. Дельбрюк послал в Кобург из Берлина телеграмму от 26 февраля 1862 г. с вопросом: «могу ли я ожидать получения заказанных 1000 карточек в субботу»¹⁴¹. Наивысшая численность членов, судя по поступлению членских взносов, была достигнута в 1863 г. в период борьбы Шульце-Делича с Лассалем за рабочие массы. Прогрессистская партия в Пруссии одержала в этой борьбе убедительную победу, повсеместно в немецких государствах возникли либеральные партии прогрессистов. С внутривнутриполитической точки зрения 1863 г. для Германии был самым динамичным в промежутке между 1858 и 1866 годами. Национальный союз объединял тогда, по меньшей мере, 30 тыс. человек. Даже если

считать, что большинство членов внесли лишь минимальный взнос в размере 1 гульдена 45 крейцеров, то союз получил в 1863 г. 55117 гульденов¹⁴². Таким образом, численность членов союза скорее выше, чем ниже названной цифры. Наряду с членскими взносами поступали и многочисленные пожертвования. Сразу после его основания ганноверский фабрикант Г. Эгесторф пожертвовал полторы тысячи талеров, которые он непосредственно передал Беннигсену, поскольку при официальном вступлении в Национальный союз вынужден был заявить о банкротстве своего зависимого от ганноверского правительства предприятия¹⁴³. В 1861 г. некто «патриот» пожертвовал 500 талеров. Только пожертвований, сделанных при основании союза, было достаточно, чтобы покрыть расходы членов правления и комитета. Если проследить динамику доходов национального союза до его роспуска (в 1860 г. было учтено 16550 гульденов, 1861 г. – 37021, 1862 г. – 48155, 1863 г. – 55117, 1864 г. – 37021, 1864 г. – 19352, 1866 г. – 12022, 1867 г. – 5727), то непонятно, почему Шульце-Делич выступал против снижения взносов для рабочих¹⁴⁴. Сумм из кассы союза вполне хватало для обеспечения его деятельности. Например, типография в Хильдбургхаузене напечатала тысячу экземпляров Устава национального союза всего за 5 гульденов 14 крейцеров, а за издание 2 тыс. экземпляров Устава и 1 тыс. листовок просила всего 45,5 гульденов¹⁴⁵. Даже если учесть высокие персональные расходы руководства и траты, связанные с проведением собраний, этих сумм было вполне достаточно. О том, что в период с 1861 г. по 1864 г. имелся даже избыток средств, свидетельствует передача в 1861 г. 10 тыс. гульденов из средств союза на строительство германского флота. Судя по этим возможностям, членский взнос для рабочих мог быть понижен. Однако очевидно, что подобное мероприятие было не вполне желательно для руководства союза, хотя рабочие могли бы своими скромными взносами даже увеличить его доходы. Наконец, такое решение могло бы предотвратить раскол между рабочим классом и буржуазией и сделать возможным создание единого движения против политической реакции.

Достаточно активно развивались региональные объединения и местные отделения Немецкого национального союза. Уже 4 сентября 1861 г. «Вестфальская газета» заметила, что члены комитета национального союза «должны принимать участие в большом количестве местных и провинциальных собраний»¹⁴⁶. Эти многочисленные собрания союза проводились для того, чтобы поддерживать постоянные связи между единомышленниками, побуждать сочувствующих к вступлению в союз и обсуждать те задачи, которые «представители определенного государства, провинции или города способны решать на общей основе программы союза»¹⁴⁷. На втором общем собрании докладчик комитета отметил, что повсеместно обнаруживаются стремления «местных

собраний инициировать новые или обновленные направления деятельности союза». Он настоятельно просил группы членов союза «строго оставаться в рамках программы» и «следовать импульсам, исходящим от центральных органов союза – общего собрания, комитета и правления»¹⁴⁸. Из этого ясно, что национальное движение побуждало союз декларировать особые политические цели. Речь не шла только лишь о национальном объединении. Под председательством М. Мюллера довольно хорошо организованное местное отделение союза в Пфорцхайме, где в 1861 г. числилось 300 человек, на своих ежемесячных собраниях не ограничивалось обсуждением политических вопросов, но также проявляло заботу о «различных интересах современного умственного развития»¹⁴⁹. В программе собраний стояли, например, такие доклады «Пессимизм и материализм в народе, и развитие идеальных элементов», «Гете и его национальное значение». Можно сказать, это отделение союза представляло собой определенного рода просветительское общество. Отделение союза в г. Люденшейд не раз в месяц собиралось для обсуждения «общегерманских и отдельно прусских дел», а также проводило дискуссии по вопросам общественной пользы¹⁵⁰. Отделение союза в Арнсберге поставило перед собой задачу воспитывать в своих членах гражданскую сознательность. Шульце-Делич даже отметил, что развитие и просвещение рабочих является первой обязанностью Национального союза¹⁵¹. В этой связи представляется, что было бы не верно рассматривать союз только как политическое объединение для достижения германского единства. Национальные проблемы дали импульс его развитию, но на местах он вел деятельность намного шире, чем просто политическую и просветительскую. Отделения союзов в некоторых местах достигли такого уровня, что наряду с вышеназванными задачами пытались также влиять на исход выборов. В предвыборной борьбе они сотрудничали с прогрессистами во всех немецких государствах. Отделение союза в Арнсберге высказывало мнение, что сильная организация может получить преобладающее влияние на выборах и, таким образом, победа национального движения станет сама собой разумеющейся¹⁵². В г. Везель отделение союза в 1862 г. опубликовало «предвыборную программу местных членов Национального союза» к выборам в прусскую палату представителей. В трех пунктах программы сообщалось каких депутатов они хотели бы избрать: они не должны были «принадлежать к экстремистским партиям ни политическом, ни в конфессиональном смысле». Но приветствовалось стремление к «умеренному прогрессу в либеральном смысле»¹⁵³. Это означало придерживаться конституционных взглядов и в мирное время добиваться того, чтобы военные расходы соответствовали способности поданных платить налоги. Подобные призывы буквально следовали программе Немецкой прогрессистской партии, которая распространялась с 6 июня 1861 г. по инициативе ее центрального

комитета. Эту программу в качестве своей предвыборной принял также Национальный союз в Инстербурге. Однако, чтобы не провоцировать государственные власти, местное отделение постановило, что осуществление этой программы – всего лишь личное дело каждого из членов союза¹⁵⁴. Местные отделения, которые сами не участвовали в выборах, привлекались к ним по инициативе центральных органов союза в Кобурге. В одном из циркуляров активистам союза значилось: «при выборах в Прусскую палата представителей настоятельная обязанность членов нашего союза посильно содействовать при проведении выборов на местах, чтобы в прусскую палату представителей попали национально мыслящие люди»¹⁵⁵. Также во время сессий парламентов Национальный союз пытался оказывать влияние на них. В распечатанной инструкции 1862 г. (большинство инструкций были рукописными, напечатанное письмо означает, что ему придавалось большое значение, и оно предназначалось для широкого распространения) управляющий делами союза запрашивал активистов «сколько экземпляров брошюры о нынешнем состоянии вооруженных сил необходимо для распространения среди членов законодательных собраний ваших земель»¹⁵⁶. Контакт с парламентариями устанавливался достаточно легко, так как члены союза были представлены в ландтагах всех германских государств.

То, что местные организации не были просто комитетами для созыва собраний с целью демонстрации национального единства, показывает пример Устава отделения Национального союза в Люденшейде (январь 1861 г.), состоящий из пяти параграфов. Первый параграф проекта Устава гласил «проживающие в городе и сельской общине Люденшейд, вступившие в Национальный союз, согласно Уставу члены образуют дочерний союз Люденшейда»¹⁵⁷. Впоследствии фраза «дочерний союз» была вымарана из-за опасения проблем с властями, поскольку согласно закону дочерние союзы были запрещены. Вместо вычеркнутых слов была вставлена фраза «немецкий национальный союз», так что в конце параграфа значилось «... образуют Немецкий национальный союз Люденшейда». На практике же это ничего не меняло. Тактика местных отделений была достаточно хороша, чтобы убеждать полицейские власти в формальном отсутствии дочерних союзов. Об этом свидетельствует случай в Инстербурге. Там в августе 1861 г. бургомистр потребовал от местного отделения Национального союза направить полицейским властям Устав и список членов, но местное отделение не поддалось на эту тонкую уловку. Бургомистру предложили по этому делу обратиться в Кобург, где он мог бы узнать имена членов союза из родного города¹⁵⁸. Местные полицейские власти обратились с этим случаем к министру внутренних дел. В своем ответе министр сообщил, что назначит проверку для выяснения, относится ли этот случай к сфере применения

Закона о союзах. Не могли быть запрещены собрания, на которых обсуждались публичные вопросы, сообщал министр, но члены Национального союза совершали подсудное деяние, «если они вступили в особый местный союз». Министр должен был отметить, что «границы между подобными местными союзами и регулярными собраниями членов любого союза провести очень тяжело, и при недостатке общих критериев решение должно выноситься в каждом конкретном случае с учетом особых обстоятельств». Но решение может выносить только суд. В случае с Инстербургом министр советовал при существующих обстоятельствах пристально наблюдать за положением дел. Судом было сделано определение, что подобные собрания не могут рассматриваться как деятельность дочернего союза. Это был образчик бюрократической изворотливости либерально-консервативного министра. В действительности все же речь шла именно о дочернем союзе, что отчетливо показывает третий параграф Устава союза в Люденшейде. Согласно ему во главе союза стояло правление из семи человек, которое ведало делами союза, готовило заседания и поддерживало связь с комитетом Немецкого национального союза. Собрание избирало правления простым большинством голосов на один год. Из своей среды правление назначало председателя, секретаря и казначея. Заседания союза были публичными, повестка дня должна была публиковаться в местной ежедневной газете¹⁵⁹. Отделение союза в Форцхайме было организовано подобным образом, только вместо правления там был комитет во главе которого стоял весьма усердный председатель М. Мюллер. Одно из его распоряжений гласило: «Кто желает вступить, должен обратиться к производителю бижутерии Й. Марольду, у которого находится подписной лист. При получении членской карточки как правило необходимо внести один талер»¹⁶⁰.

Надрегиональных организаций, например, на уровне отдельного союзного государства, практически не существовало. Известно только о собраниях, в которых принимали участие члены национального союза одного союзного государства, которые созывались по инициативе ведущих политиков, чаще всего депутатов местных парламентов. Так, например, 18 января 1861 г. состоялось собрание членов Национального союза Гольштейна в г. Киль¹⁶¹. Это собрание и принятые там политические заявления стали основанием для запрета Национального союза в Гольштейне и Лауэнбурге. Многочисленные запреты, придирки и преследования создавали препятствия для расширения организации и агитации, особенно плохо обстояли дела у приверженцев Национального союза в Гессене и королевстве Ганновер. В Гессене они боролись против «врага Пруссии» и «врага свободных национальных устремлений» министра-президента Р. фон Дальвига. Сразу после создания Национального союза правительство Гессен-Дармштадта провело дисциплинарное расследование и добивалось тюремного заключения

членов союза. Дармштадские адвокаты Надворного суда К. Гофман и А. Мец, которых называли «душами нового либерального движения в Гессене», успешно защищали себя в суде и избежали уголовного наказания¹⁶². В январе 1860 г. был конфискован 52 номер «Гессенской утренней газеты», которая под редакцией Ф. Эткера из Касселя осторожно распространяла информацию о важности Национального союза. За это газета была осуждена Криминальным сенатом Верховного суда, который постановил, что она получит разрешение на выход только, если откажется от поддержки союза, который получил регистрацию в другом союзном государстве, а правительство Гессена не обязано «следить за имеющей место пребывания на территории другого союзного государства организации»¹⁶³. Власти пытались проводить обыски даже у немцев с американским гражданством, поддерживавших программу Национального союза¹⁶⁴. Самым известным случаем стал процесс против 109 (!) жителей Оффенбаха: торговцев, фабрикантов, одиннадцати советников местного уровня, и даже одного городского судьи, которые вступили в Национальный союз. В письме на имя Великого герцога они заявили, что хотели бы предотвратить революцию путем своевременных реформ. Национальный союз никогда не позволял себе нарушать покой и порядок. Он против демагогии, анархии и атеизма. Постановление суда во многом объясняется пробелами в законодательстве. В конце подсудимые начали собственное следствие, которое оказалось не нужным, поскольку Великий герцог в 1861 г. отменил приговор¹⁶⁵. Это была победа либералов. Р. фон Дальвиг пытался противодействовать Национальному союзу на уровне Германского союза. Однако зимой 1861 г. союзный совет отклонил его требование запретить деятельность союза. В созданной для разбора этого дела комиссии по расследованию решающую роль сыграли представители Пруссии, которые высказались против запрета союза¹⁶⁶. Несмотря на дальнейшие происки, Национальный союз увеличивался численно и рос, поскольку многие немцы испытывали неприязнь к «мелкодержавному реакционному господству». Даже событие, которое имело место в мае 1861 г. в Гисене и вызвало большое брожение умов, когда полиция, жандармы и линейные войска разогнали посетителей трактира, среди которых был адвокат Мец, проводивший там тайное собрание, не могло помешать расширению национального движения.

В королевстве Ганновер министр внутренних дел преследовал Национальный союз по любому поводу с момента его основания. В. фон Борье ощущал особую угрозу со стороны крупного землевладельца Р. фон Беннигсена, главы оппозиции во второй палате Ганноверского сословного собрания и руководителя Немецкого национального союза. В распоряжении от 31 октября 1859 г., направленном всем органам власти и полиции королевства министр предупреждал о «революционных устремлениях союза», которые

представляют серьезную опасность для общественного порядка и спокойствия, так как направлены на организацию толп для устранения «самостоятельных прав отдельных немецких монархов и их народов». Министр приказал властям «строго следить за деятельностью комитета союза, а также отдельных единомышленников каждого члена этого комитета, особенно за деятельностью, направленной на расширение союза в нашем королевстве, и в этой связи докладывать сведения о результатах наблюдений и о проведении необходимых мероприятий»¹⁶⁷. Двумя годами позднее язык правительства стал еще более жестким. Чтобы добиться обвинения национально мыслящих либералов их стали связывать с коммунистами: «Пустой либерализм в свойственной ему переоценке самого себя забыл, что за его спиной стоит совершенно другая радикальная партия, которая как только либерализм перестанет ей быть нужным – сразу устранил его. За либералами теснятся демократы, а за демократами – социалисты и коммунисты»¹⁶⁸. Они работают, по мысли министра, вместе с итальянцами, французами и поляками ради изгнания немецких князей. Уже можно представить, что затем должно случиться с правительствами и правящим классом: «будут вскрыты и розданы правительственные кассы, сундуки богатых и земли крестьян»¹⁶⁹. Этот большой страх правительства перед либералами из Национального союза был не вполне обоснован, так как именно либералы из Ганновера, такие как Беннигсен и Микель, которые в 1868 г. присоединились к прусским национал-либералам, были уже готовы после некоторых уступок поддержать консервативное правительство. Если бы правительство Ганновера проявило сочувствие к объединительным стремлениям либералов, то тогда было бы возможно взаимопонимание между ними. Наряду с бдительным наблюдением правительство проводило конкретные мероприятия против членов Национального союза. Так как на законных основаниях союз не возможно было запретить, все подписанты Франкфуртского воззвания из Ганновера были занесены в черную книгу. В отношении них последовало распоряжение, чтобы их «не принимали во внимание при увеличении жалования, повышения по службе, приеме на работу, а также не допускали никаких успехов и изменений к лучшему; все это до тех пор, пока сохраняется подобного рода ситуация и эти ограничения не будут отменены до возможного роспуска союза»¹⁷⁰. Несмотря на все эти интриги Национальный союз приобретал все больше сторонников. Именно из него образовалась, в конце концов, Ганноверская прогрессистская партия, которая восприняла национал-либеральную программу и в 1866 г. присоединилась к прусской национал-либеральной партии. Р. фон Беннигсен эволюционировал от председателя Национального союза к первому политику национал-либеральной партии в Северной Германии, и уже в прусской провинции Ганновер завоевал для своей партии почти все избирательные округа.

В Мекленбурге, Саксонии, Бадене и Вюртемберге члены Национального союза в глазах местных властей также проходили по категории «нелюбимчиков». Для своих преследуемых властями соратников в Пруссии, которые во время конституционного конфликта потеряли работу и лишились денежного дохода, либералы и демократы основали «национальный фонд», в котором сначала участвовали только члены Национального союза, но впоследствии к нему присоединилась Немецкая прогрессистская партия. Уже вскоре после создания фонд располагал более чем 100 тысячами талеров. Пожертвования шли не только из Пруссии, но и из южно-германских государств. В то время как Унру подчеркивал, что, при помощи средств из этого фонда многим удалось избежать нужды, один из демократов жаловался в 1866 г. на недостаток средств, которые часто не хватило даже чтобы соразмерно компенсировать убытки уволенному со службы высокопоставленному чиновнику. Следствием было то, что предложили выплачивать компенсацию только за реально политическое преследование, а не за приговоры по судебному решению вследствие нарушений существующего законодательства. Когда в 1867 г. национал-либерал окончательно отделился от Немецкой прогрессистской партии и начали создавать собственную политическую организацию, фонд был разделен между обеими партиями. Из имевшихся в кассе 10 тысяч талеров демократы и либералы получили поровну. Национал-либералы хотели использовать свою долю для поддержки печатного органа партии – газеты «Берлинская реформа». Как впоследствии писал в своих воспоминаниях Унру последние остатки средств фонда были распределены в 1876 г. «между теми, кому не удалось добиться нового места в жизни»¹⁷¹.

Организация Немецкого национального союза стала фундаментом для создания либеральных и демократических партий во всех немецких государствах. На это указывает пример многочисленных отделений Национального союза, которые распространились по всей Германии, а также персональная преемственность между руководством союза и руководством новых партий.

Либерально-демократическая верхушка: Р. фон Беннигсен и Ф. Штрейт

Во главе Национального союза стояли либерал Р. фон Беннигсен и демократ Ф. Штрейт. В то время как один был председателем союза и исполнял представительские функции, другой в качестве управляющего делами и члена правления решал организационные вопросы. Эти личности и их деятельность наложили отпечаток на весь союз. Обе эти фигуры играют ключевую роль для понимания либерально-демократического движения в Германии.

Рудольф фон Беннигсен (1824–1902), выходец из старого ганноверского дворянского рода, родился 10 июля 1824 г. в Люнебурге, учился в гимназиях Люнебурга и Ганновера, причем демонстрировал выдающиеся успехи, чаще всего был первым учеником класса. В свободное время много читал, особенно охотно заучивал наизусть стихотворения Шиллера. Был молчалив и отличался тактичностью и ярко выраженным чувством справедливости. В 16 лет предпринял попытку самоубийства по неясным до сих пор причинам¹⁷². В 1842 г. получил аттестат зрелости и поступил в Геттингенский университет, чтобы изучать там юриспруденцию. У профессора Рошера слушал курсы истории права и национальной экономики. Одновременно с началом обучения вступил в студенческую корпорацию ганноверцев, где за десять лет до него состоял Бисмарк. Как и Бисмарк Беннигсен был избран главой корпорации. На протяжении всего студенчества Беннигсен настолько активно участвовал в общественной жизни, что это даже периодически мешало его обучению. В Гейдельберге, где он продолжил обучение с 1843 г., он вступил в корпорацию «Вандалия», где господствовали следующие принципы: «практические и энергичные действия... без всякого теоретизирования и схематичности, твердое следование единожды принятому намерению, решительный взгляд вперед без оглядки назад, непобедимое веселье, верное братство, соединенное с выраженной обособленностью»¹⁷³. И эта корпорация вскоре выбрала его своим главой. Биограф Беннигсена Г. Онкен в этой связи заметил: «личность и внешний облик стояли для него на первом месте, поскольку он имел самообладание, твердость и владел словом, руководящая роль далась ему рано и без труда как впоследствии также в политической деятельности»¹⁷⁴. В университет он увлекся Шлоссером, Гервинусом и Миттермейером. Он читал книги об Америке, об основах коммунизма и много французских романов. В 1844 г. с друзьями он предпринял путешествие по Италии и Швейцарии. В 1845 г. вернулся назад в Геттинген и сдал там государственный экзамен в 1846 г. Главным впечатлением студенческих лет стала его жизнь корпоранта. Она оставила отпечаток на всю его жизнь и предоставила ему возможность опробовать свои руководящие способности.

В 1846 г. Беннигсен в Люхове начал свою успешную в дальнейшем юридическую карьеру, причем к службе не испытывал никакой симпатии. Молодой, целеустремленный человек, который сам себя считал гением, не желал прозябать в рутине повседневных обязанностей и стремился к большей личной свободе, чтобы посвятить себя политике. Поэтому он хотел уволиться со службы, чтобы дополнить свои знания в сфере государственного права в Гейдельберге и начать карьеру ученого. Он надеялся, что в качестве университетского преподавателя сможет больше времени посвящать политике.

Его прошение об отставке было отклонено, порыв угас и вскоре он отказался от намерения стать ученым. Беннигсен продолжил административную карьеру и принял решение стать судьей. В эту должность он вступил 12 января 1848 г. в Оснабрюке.

В ходе мартовской революции Беннигсен не принимал активного участия в политике. Возможно, это связано с тем, что 24-летний молодой человек все еще продолжал обучение, которое он завершил только в 1850 г., когда сдал экзамен на чин асессора. Однако он был страстным наблюдателем событий во Франкфурте. Каждый раз, когда он посещал там своих родителей, следовали долгие обсуждения. Он даже усердно пытался получить место имперского секретаря в министерстве иностранных дел временного германского правительства, что ему, однако, не удалось. В политическом отношении он находился между левыми и правыми, между Ф. Гекером с А. Руге, на одной стороне, и Ф. К. Дальманом с Г. Гервинусом, на другой. Он больше склонялся к умеренным левым, чем к либералам справа. Он не мог понять почему после того как Фридрих Вильгельм IV отказался от имперской короны, Ф. К. Дальман, Г. Гагерн и их сторонники вышли из парламента. По его мнению, разлад между демократами и либералами нужно было устранить, чтобы обеспечить единство и свободу Германии. Беннигсен был сторонником сильной центральной власти, конституционную монархию он рассматривал только как переход к республике, которая рано или поздно будет установлена. Но эти взгляды на монархию и увлечение социалистическими теориями скоро были изжиты.

После второго государственного экзамена Беннигсен поступил на службу в юстиц-канцелярию в Аурихе, но вскоре переехал в Ганновер, где в 1852 г. поступил на службу в Верховный суд. В 1854 г. ему удалось получить место судьи в Геттингене. Здесь он сдружился с Г. Планком, будущим соратником по созданию Национального союза.

В 1855 г. он принял решение начать политическую деятельность и выдвинул свою кандидатуру во вторую палату ганноверского ландтага. Он был избран в округе Аурих и Эсенс. Однако правительство отказало ему в положенном депутату ландтага отпуске. Поэтому Беннигсен оставил государственную службу, чтобы целиком посвятить себя политике. В местечке Беннигсен близ Ганновера он вступил во владение отцовским именем. О причинах своего выбора в пользу политики он писал в 1895 г., оглядываясь назад: «я был тогда молодым человеком, 32 лет отроду, и принял это решение, так как сказал себе: однажды все-таки должны настать времена, когда вопреки победоносной реакции, которая добилась низвержения движения 1848 г., по всей Германии вновь приобретут ценность гражданские права. В конце концов, должны настать времена и благоприятные условия, когда удастся вновь возродить разбитое и прерванное

национальное движение, начатое в 1848–1849 гг. Франкфуртским парламентом, и наконец дать Германии такое политическое устройство, которого ее великий народ заслуживает по всем своим качествам»¹⁷⁵. Он боролся против реакционного режима в Ганновере, который представлял исключительно интересы дворян. Наиболее значимой личностью в кабинете министра-президента графа Э. Кильмансега был министр внутренних дел Вильгельм фон Борье (1802–1883), который в своем сочинении «Учебник искусства управления с точки зрения правителя», написанном для короля Георга V, возвеличивал неограниченную наследственную монархию. Именно против него Беннигсен направил свое ораторское искусство во второй палате сословного собрания. На новых выборах 15 января 1857 г. юный политик победил сразу в двух округах, в Геттингене, где ему деятельно помогал Планк, и в округе Люхов, Данненберг и Хитцакер. В новой палате 40 депутатам – сторонникам правительства противостояло 70 человек оппозиции. Такая ситуация не устраивала правительство. За счет отказа предоставления отпусков государственным служащим (даже бывшим) правительству удалось сократить оппозицию на 18 человек. Бывшим министрам Стюве, Брауну, фон Мюнгхаузену и Виндхорсту было запрещено вступать в палату. Консул Бронс из Эмдена не смог попасть в парламент поскольку принадлежал к секте меннонитов, которая с точки зрения властей ни относилась ни к одной из признанных христианских церквей. Молодой либеральный политик должен был быть благодарен этим многочисленным исключениям против которых протестовал в парламенте, когда его вскоре стали рассматривать в качестве вождя оппозиции. Беннигсен возглавил оппозицию, состоявшую преимущественно из представителей крестьян и нескольких бургомистров, против господства дворян, хотя сам принадлежал к дворянскому сословию. Он выступал за вооружение народа, за действенный контроль над государственным бюджетом и самостоятельность городского самоуправления. Он подверг жестким нападкам министра Борье, который попытался провести закон о государственной службе, по которому все чиновники должны были стать королевскими служащими, т.е. слепыми исполнителями воли короны и правительства. Он решительно отвергал частнопрововые взгляды правящей верхушки на государство.

С началом Новой эры в Пруссии и франко-итало-австрийской войной политика национального объединения Германии выступила на передний план интересов Р. фон Беннигсена. Поскольку он связывал свои надежды с полулиберальным министерством в Пруссии, и считал, что в случае возможного распространения войны между Австрией и Францией Ганновер не был способен в одиночку защитить себя, то стал отстаивать необходимость признания руководящей роли Пруссии. При основании Немецкого национального союза Беннигсен отстаивал необходимость передачи верховной власти в

союзе самому большому чисто немецкого государству. В 1866 г. он стал одним из основателей Национал-либеральной партии и был избран ее председателем. Он был согласен с аннексией Ганновера Пруссией. Он сотрудничал с правительством Бисмарка. В Национальном союзе и Национал-либеральной партии его считали человеком середины, которая соединяет противоположные крылья.

Федор Штрейт (1820–1904) был последовательным демократом, который получал удовольствие от политической борьбы и не имел никакой склонности к дипломатическим ходам. Он родился в Гильбургсхаузене в 1820 г., его предки были юристами и теологами и происходили из Богемии. Его отец, армейский офицер, воспитывал его в духе консерватизма и верности монархии, в строгой религиозности. Однако воспитание на него не повлияло. В Йене и Гейдельберге он изучал право и государственные науки. В отличие от Беннигсена он не получал никакого удовольствия от участия в мероприятиях студенческой корпорации.

В годы революции он сочувствовал «левым» во Франкфуртском парламенте, особенно Г. Струве и Ф. Геккеру. Вместе со Струве он принимал участие в публичных народных собраниях. Его политической целью уже тогда стало уничтожение абсолютизма и создания народного государства. Для развития политического образования народа он основал две газеты: «Кобургскую ежедневную» и «Новую немецкую сельскую газету», обе они выходили в Кобурге. Его политическая активность привела к тому, что с 1849 по 1851 годы он находился под следствием и был приговорен к тюремному заключению по обвинению в оскорблении Величества.

Он был одним из соучредителей Немецкого национального союза, был избран его управляющим делами. Он много сделал для развития организации, пополнения ее кассы и вел большую бесперебойную переписку. Шульце-Делич имел даже намерение оставить его от этой должности не потому, что он не доверял его политической позиции, а потому что не верил в «его способности и его энергию на этой тяжелой работе»¹⁷⁶. Шестью годами позже, когда Штрейт должен был передать пост управляющими делами Л. Т. Нагелю (1828–1895), оказалось, что ему не хватало вовсе не энергии и способностей, а именно твердых политических позиций. Теперь Шульце-Делич заговорил о «лжеце» Штрейте. Он упрекал его за то, что тот позволял себе в тоне «крестовой газеты» и «социал-демократов» подвергать нападкам либеральных политиков Национального союза и Прусской прогрессистской партии. Штрейт постоянно отмечал: либералам в Пруссии должно быть ясно, что «господин Бисмарк предал конституционный процесс». В 1866 г. либералы пошли вместе с Бисмарком. Прогноз Штрейта сбывлся, но еще в 1865 г. Шульце-Делич не хотел верить в подобно развитие событий. Его ужасали эти предупреждения

Штрейта и писал: «с этой бессмыслицей нужно однажды разобраться, он наносит больше ущерба как друг, нежели чем враг. На ближайшей конференции я поймаю его на слове спокойно, но решительно. Так больше продолжаться не может»¹⁷⁷. Так Штрейт потерял свой пост управляющего делами.

Свои демократические взгляды он провозглашал во «Всеобщей немецкой рабочей газете» и «Немецкой газете спортивных и оборонных союзов», которые он издавал в собственной типографии в Кобурге. Шульце-Делич пытался объяснить полемические выпады Штрейта против либералов тем, что его газеты не находили среди либералов должного отклика. В «Рабочей газете» Штрейт упорно высказывался за решение рабочего вопроса. Он даже вел переговоры с Лассалем, с которым так и не смог найти общий язык, поскольку сам выступал в поддержку самопомощи, в то время как Ф. Лассаль добивался помощи от государства. Он так и не вступил в союз ни с лассальянцами, ни с представителями саксонской народной партии А. Бебелем и В.Либкнехтом, поскольку оба эти течения касались ему слишком радикальными. Однако ему также было не по душе сильное влияние либералов в Национальном союзе, которых абсолютно не заботил рабочий вопрос. В 1865 г. он отвернулся от Национального союза и вступил в южнонемецкую Народную партию. Его «Кобургская ежедневная» газета с 1866 г. стала органом этой партии. После сражения у Кениггреца Штрейт был разочарован тем, что отныне либералы, до тех пор противники Бисмарка, были ослеплены его успехами. Его жесткие нападки против политических противников обеспечили ему много личных врагов.

У пристрастного политика Штрейта была хорошая концепция. Он стремился свести в одной партии буржуазию и рабочий класс. Скорее всего, его недостаточная склонность к компромиссам и недипломатичное поведение можно рассматривать как главные причины провала его политических замыслов. Он добился успеха как организатор Немецкого национального союза и издатель нескольких газет. Не имея никакого образца для подражания в пределах Германии, Штрейт превратил Национальный союз в хорошо работающую централизованную организацию. То, что он должен был уступить пост управляющего делами союза связано преимущественно с личной антипатией, которую испытывал к нему Шульце-Делич. Трагизм ситуации заключается в том, что оба представительных демократа, которые одновременно, упорно стремились решить рабочий вопрос и выступали за всеобщее, равное избирательное право – не смогли понять друг друга. Это способствовало тому, что все более сильное влияние в союзе приобретали либералы. Когда Национальный союз в 1867 г. самораспустился, большинство его членов выступили в национал-либеральную партию.

Немецкая прогрессистская партия в Пруссии

Выборы в палату представителей

В ноябре 1858 г. на фоне преувеличенных политических ожиданий, связанных с наступлением «новой эры» состоялись выборы в палату представителей прусского ландтага. Они проходили в соответствии с трехклассным законом. По нему избиратели делились на три группы в соответствии с величиной уплачиваемых ими налогов (классовых, на недвижимость, промысловых). Таким образом, на каждую группу приходилось одна треть общей суммы налогов. Следовательно, избирательное право представляло собой привилегию, поскольку избирать могли только те, кто уплатил налоги. Для обладающих этим правом оно было самым важным и самым значимым, поскольку они, таким образом, получали хотя бы косвенную возможность, в определенной степени принимать участие в выработке государственного законодательства. Выборы были не прямыми, так называемые «предвыборщики» внутри своей группы избирали выборщиков, которые составляли одну треть от каждой группы избирателей. Те уже непосредственно подавали свои голоса за кандидатов в депутаты. Как правило, избирательные процедуры происходили следующим образом. Каждый три года «предвыборщики» устраивали в определенном месте свое собрание, о котором оповещались заблаговременно за полгода. На нем не велись дискуссии и не принимались решения, а только избирались трое или более выборщиков из числа участников собрания. Этим выборщикам делегировалось право голосовать на выборах в палату представителей. После чего собрание распускалось и впредь «предвыборщики» уже не имели никакого отношения к ходу выборов и вообще не связывали себя с политикой до тех пор, пока через три года не созывалось новое избирательное собрание. Как правило, состав нового собрания существенно менялся. Сами выборщики собирались через несколько дней после их выборов на свое молчаливое собрание и вносили в избирательный протокол имена тех, кого они желали избрать в депутаты. Организация выборов, таким образом, была чрезвычайно несовершенной. Предвыборщики не знали выборщиков, за которых должны были голосовать. Поскольку перед выборами не происходило никаких дискуссий, они не могли ориентироваться в политических представлениях кандидатов в депутаты. Выборщики, которые также не знали друг друга, должны были выбирать в палату представителей только несколько человек из своего округа. В ходе сессии парламента, также не существовало практически ни каких контактов между избирателями и депутатами.

Когда в конце периода реакции в народе стал расти интерес к политике, проявились недостатки такой избирательной процедуры. Чтобы изменить ситуацию к лучшему депутат от четвертого избирательного округа (Арсберг) Отто предложил объединять в союзы депутатов отдельных или нескольких территорий. Такое объединение должно было способствовать «крайне желательному близкому личному знакомству отдельных представителей депутатского корпуса и благотворному обмену идеями и взглядами»¹⁷⁸. Образованные таким образом союзы должны были также включать и кандидатов в депутаты, которые должны были своевременно представиться и совместно с избранными депутатами участвовать в обсуждении политических проблем. Избранные депутаты должны были «поддерживать постоянную переписку с указанным им представителем избирательного корпуса», который в свою очередь информировал бы избирателей о «деятельности и успехах депутата, о частоте посещения им палаты представителей, прочих политических действиях»¹⁷⁹. Депутат через своего связника должен был получать актуальную по мнению избирателей политическую информацию. Избиратели должны были получить право решать вопрос «о лишении депутата дальнейшего доверия и даже требовать, чтобы он вернул в руки избирателей выданный ему мандат еще до истечения срока заседания палаты», хотя было известно, что согласно конституции депутаты не могли быть связаны поручениями и инструкциями.

Это предложение для того времени было исключительно прогрессивным и свидетельствовало о все большей политизации буржуазии, стремившейся оказывать влияние на политику государства. Модель такого союза можно рассматривать как прообраз современной политической партии, даже если учитывать, что в подобном союзе мыслились политики различных оттенков. Не известно, существовали ли подобные союзы, но можно сделать обоснованное предположение, что подобное предложение, живо обсуждаемое «Вестфальской газетой», все таки было реализовано. Поскольку тогда не существовало внепарламентских политических организаций, только депутаты были способны выдвигать кандидатов на выборы и создавать свои объединения.

Выборы в палату депутатов были санкционированы циркуляром министра внутренних дел Э. Флотвеля, который уже 9 октября вступил в должность после отставки его реакционного предшественника Вестфаля. «Честный консервативный бюрократ» Флотвель требовал от гражданских и полицейских властей на местах решительно предотвращать любое воздействие на выборы, которое чревато принуждением избирателей и запугиванием избираемых. При этом полиция не должна была вмешиваться в ход выборов¹⁸⁰. Однако циркуляр министра не имел успеха у служащих на местах. Во многих местах было продолжено влияние на выборы в пользу консерваторов без какого-

либо вмешательства со стороны нового министра. Начальник окружного управления Гумбинена требовал от своих сотрудников оказывать противодействие «агитации либеральной оппозиции», а ландрат даже распространил инструкцию полиции и жандармам употребить все влияние на «выборы в пользу консерваторов»¹⁸¹. Непосредственно перед выборами вышли еще два распоряжения министра, где он предлагал «предотвращать агитацию крайних или исключительных политических направлений» – требование, направленное в первую очередь против демократов.

Либералы с воодушевлением начали предвыборную борьбу, поскольку с правлением «новой эры» связывали надежды на противодействие многочисленным интригам. Повсеместно проходили предварительные собрания предвыборщиков. В Силезии 12 октября группой умеренно-либеральных политиков была принята программа «конституционной партии», подписанная Т. Моммзеном, бароном Г. фон Финке и другими. Она содержала 9 пунктов: введение самоуправления, роспуск вотчинной полиции, устранение существующих освобождений от уплаты основных налогов, принятие закона об ответственности министров, закона о защите прессы, закона о регулировании предпринимательства, свобода исповедания, пересмотр законодательства о допустимости обращения в суд, важнейший – обеспечение свободы выборов и законодательное определение избирательных округов. В Силезии «Конституционная партия» приняла и опубликовала 12 октября избирательную программу, которую подписали такие известные политики как А. фон Карловиц, профессор истории Р. Репель, который в период реакции был вовлечен в политическую жизнь Т. Моммзеном, и барон К. фон Финке. В девяти пунктах значились главные требования объединенных либеральных фракций: введение самоуправления, ликвидация вотчинной полиции, устранение налоговых привилегий, принятие законов об ответственности министров, о защите прессы, о регулировании общего образования, обеспечение религиозной свободы вероисповедания, пересмотр законодательства о допустимости обращения в суд. Важнейшим было требование «обеспечить свободу выборов и утвердить законом избирательные округа»¹⁸². Только лучшие стартовые условия могли помочь либералам порвать с изоляцией реакционного времени и добиться восстановления политического влияния. Эти девять пунктов нашли отклик в других прусских провинциях, особенно там, где либералы развернули активную деятельность.

Впервые с 1849 г. в выборах вновь приняли участие демократы. В Магдебурге, Бреслау, Кенигсберге были созданы демократические комитеты избирателей, в других местах, например в Штеттине, демократы вошли в либеральные комитеты. Однако влияние быстро создававшихся избирательных организаций оставалось ограниченным. В

Кенигсберге конституционный комитет отклонил кандидатуру демократа, предложенную демократическим комитетом. То же самое произошло с кандидатурой известного экономиста-социалиста К. Родбертуса в Бреслау. «Вестфальская газета» возмущенно писала: «Конституционный комитет Бреслау нисколько не стыдится того, что отклонив избрание в депутаты г-на Родбертуса, наносит оскорбление принцу-регенту. Такие действия, исходящие от пресловутых конституционалистов хуже всего, что делалось свергнутой системой»¹⁸³. В Берлине поначалу казалось, что по первому округу, так называемому «кварталу тайных советников» пройдет Шульце-Делич. На предварительных выборах ему удалось получить большинство голосов, даже «фракция последовательных конституционалистов во главе с Моммзеном» голосовала за него¹⁸⁴. Шульце оценил поддержку либералов как «самый надежный и важный результат». Впервые с 1848 г. либералы осмелились голосовать заодно с демократами «на глазах королевского двора» да еще за человека, который «наверное был самой ненавистной личностью Пруссии в этом округе». Избрание Шульце было сорвано в последний момент. Обер-бургомистр Г. В. Краусник заявил, что Шульце может быть избран от любого провинциального округа, но только не от Берлина, что может произвести дурное впечатление на принца.

Но не только слабые исходные позиции ограничивали возможность возвращения известных демократов в парламент. Они осознали, что их кандидатуры только ставят либеральные фракции в затруднительное положение перед правительством. Правящие круги со времени революции 1848 г. боялись демократов как ниспровергателей. Поэтому в одном из сельских округов Шульце снял свою кандидатуру. Другие демократы также отказывались от мест в парламенте в пользу либералов, так как не хотели ставить под угрозу политику «новой эры» в период ее становления. Опыт 1848 г. научил их тактической ловкости. И. Якоби, который в своем предвыборном воззвании вновь выдвинул требование всеобщего и равного избирательного права, хотел, чтобы демократы «были вхожи в салоны». Он подчеркивал: «Теперь в нашей стране во всей демократической партии нет ни одного единственного, кто желал бы для Пруссии как она есть другой формы государства, чем монархия, не говоря уже о том, чтобы позволить себе нападать на нее даже в мечтах»¹⁸⁵. Так он хотел опровергнуть все еще звучавшие упреки, что демократы стремятся к установлению республики. Это признание существующего государственного строя было необходимо для улучшения отношений не только с государственным руководством и буржуазными избирателями, но и с либералами, которых демократы стремились перетянуть на свою сторону. Б. Вальдек и Г. В. фон Унру сразу сняли свои кандидатуры. Б. Вальдек заявлял на одном из собраний избирателей: «своим появлением он хочет лишь продемонстрировать свою причастность ко всеобщим

радостным надеждам, что вскоре последует известный пересмотр конституции и ее совершенствование создаст фундамент для всей политической жизни»¹⁸⁶. Этот отход демократов вызвал критику в леволиберальной прессе. Там говорили о политической ошибке, что некоторые именитые демократы уступают коварному подстрекательству конституционалистов. Ставился вопрос: «Какая польза нам от либерального министерства, если ничего нельзя сделать?». Либеральных политиков и конституционную прессу называли «проньерами», «скрытными», «замаскированными»¹⁸⁷. Эти претензии в адрес либералов вскоре были повторены и привели в 1860 г. к расколу единой большой либерально-демократической фракции в палате представителей.

По сравнению с предыдущими выборами 1855 г. активность избирателей выросла на 6%. Всего в выборах приняло участие 22,54% имевших право голоса. Самой высокой была явка приписанных к первому классу избирателей – около 50%. От второго класса голосовали около 27%, от третьего – 20%. Интересы состоятельных собственников, таким образом, были представлены лучше всего, в то время как значительные массы мелких налогоплательщиков еще не интересовались общеполитической ситуацией либо не видели перспективы в участии при существующем избирательном праве. От каждого класса избиралась одна треть депутатов, таким образом, 586 162 голосами формировалось две трети палаты, а одна треть представляла интересы 2 540 853 избирателей, то есть в четыре раза больше¹⁸⁸.

Предвыборы очевидно продемонстрировали победу либералов. Те выборщики, которые еще три года назад голосовали совершенно в духе только что свергнутого правительства, почти все лишились своих полномочий. После второго этапа оказалось, что в палату прошли 215 либералов, 57 консерваторов, 38 католиков и 18 поляков. Консервативной «Новой прусской газете» не оставалось впрочем, ничего, кроме как признать победу либералов: «Что касается результатов выборов, то бросается в глаза, что они оказались большей частью либеральными, если использовать это слово в самом широком смысле. Мы замечаем, что во всех провинциях почтенные и высокоуважаемые старожилы, крупные землевладельцы должны были уступить либералам, которые в своих округах даже не имели устойчивых связей. Из многих сообщений мы знаем, что несмотря на весьма умное отступление демократических лидеров среди избранных есть значительное число последовательных демократов. Кроме того, значительно подросли численно поляки, которые оказались превосходно организованными, а также так называемая «католическая фракция» под руководством господина Рейхеншпергера. Консервативная партия потеряла многих своих лучших и способнейших людей»¹⁸⁹.

Хотя многие крупные землевладельцы провалились на выборах, принадлежавшие к этой категории 106 депутатов составляли самую большую социальную группу в парламенте. Немалая доля представителей этой группы слыла за либералов. Вторая по численности группа – служащие юстиции, 95 человек, за ними следовали гражданские служащие – 79 человек, купцы и фабриканты – 27 чел., священники – 17, учителя и рантье – 8, министры – 7, три врача и один офицер¹⁹⁰. Примечательно, что число ландратов, которые были причислены к гражданским чиновникам, сократилось с 77 до 28 человек. Это свидетельствует о том, насколько ненавидима была «палата ландратов», как называли парламент в период реакции с 1849 по 1858 г. Всего из 352 депутатов 238 принадлежали к средним слоям и 114 – к дворянскому сословию. Рабочие, ремесленники и мелкие земледельцы в палату не вошли.

Либералы и демократы были весьма удовлетворены результатами выборов. В большинстве избирательных округов они добились этой победы совместными усилиями. Однако демократы не могли позабыть об острых столкновениях, которые были у них с либералами в некоторых местах. Вставал вопрос, как сложатся взаимоотношения обеих политических групп в будущем. Ситуация стала проясняться уже в процессе формирования депутатских фракций.

Фракции палаты и барон Г. фон Финке

Вновь избранный ландтаг начал работу 12 января 1859 г. Тогда же произошло оформление фракций вокруг ведущих политиков. На правом крыле оказались три фракции консервативного толка – «фон Арним-Гейнихсдорф», «граф Пюклер» и «фон Бланкенбург»¹⁹¹.

Прежняя католическая фракция под руководством А. Рейхеншпергера стала отныне именоваться «фракцией Центра». Переименование произошло по предложению католика министра-президента князя Карла-Антон фон Гогенцоллерна-Зигмарингена, которое он внес под впечатлением от «вызывающего названия» партии либерального большинства и под влиянием регента. Кроме того, многие избиратели выражали недовольство созданием конфессиональных фракций в политическом собрании. В ходе дискуссии о новом названии фракции также обсуждался вопрос о возможном объединении католиков с либералами или консерваторами. Союз с либералами встретил поддержку с их стороны, на него положительно реагировал министр-президент. Однако многие католики испытывали неприязнь к «так часто резкой, радикальной и демагогической агитации» либералов, их «стремлению к введению гражданского брака» и малогерманскими настроениями, которые

невозможно было соединить с великогерманскими взглядами католиков¹⁹². И наконец, «если самостоятельное государственно-политическое направление фракции далеко пошло вперед уже при ее образовании, то естественным будет стремление отстаивания своей самостоятельности»¹⁹³. Окончательное конституирование фракции произошло в январе, после окончания всех дискуссий, когда был принят устав фракции, подписанный 58 депутатами. Левее центра заседали поляки, которые также в начале сессии приняли свой «Устав польской фракции ландтага».

Либералы и демократы поначалу объединялись в различные группы, но примерно через две недели создали одну большую либеральную фракцию под руководством барона Г. фон Финке. В нее вошли 147 депутатов, которые поначалу называли себя «фракцией Финке-Венцеля»¹⁹⁴, а потом просто «фракцией Финке». К этой фракции принадлежали многие известные люди своего времени: банкир Г. фон Бекерат, Беренд, Ф. фон Бокум-Дольфс, педагог А. Дистервег, будущий обер-бургомистр Берлина М. фон Форкенбек, Р. фон Гнейст, президент палаты депутатов в 1849 и 1862-1866 гг. В. Грабов, «отец Рурской области» промышленник Ф. Гаркорт, Л. фон Говербек, Ф. фон Ренне и барон К. фон Финке из Ольбendorфа. Барону Г. фон Финке принадлежала особая роль, поскольку он, руководя своей фракцией и другими либеральными группировками, располагал устойчивым большинством в ландтаге и потому мог оказывать значительное влияние на внутреннюю политику Пруссии, а также оказывал решающее воздействие на становление и развитие политических партий в Пруссии и всей Германии.

Барон Георг фон Финке (1811-1875) родился 15 мая 1811 г. в Гагене. Его отец – государственный деятель эпохи Наполеоновских войн, летом 1813 г. обер-президент провинции Вестфалия, был весьма уважаемым человеком. Георг фон Финке изучал юриспруденцию в Геттингене и Берлине, стажировался при городском суде в Берлине и был судьей в Мюнстере и Миндене. Во время своей судейской деятельности он познакомился с демократом Б. Вальдеком, политические взгляды которого он решительно отвергал. Когда в 1844 г. его отец умер, он унаследовал имение Остерфельде и стал независимым в финансовом отношении человеком.

Политическая карьера Финке началась в 1837 г., когда его избрали ландратом округа Гаген в Вестфалии. В то время существовал неписаный закон, что представители крупной поземельной знати или их сыновья, как правило, становились ландратами, так же как за незнатным дворянством оставалась поставка офицеров. В своем округе ландрат был маленьким «королем», который продолжал старую традицию дворянского правления крестьянами. Если он имел ум и немного счастья, то он легко восходил к более высокому положению, последней ступенью которого был пост министра. Не удивительно, что умный

и красноречивый Финке был выбран дворянством графства Марки в вестфальский провинциальный ландтаг. Здесь началась его парламентская карьера. Он выступал как свободный дворянин за создание обещанного королем в 1815 и 1820 гг. собрания имперских чинов Пруссии. Провинциальные ландтаги представлялись ему только временным решением. Об этом периоде его деятельности сложно узнать подробнее, так как протоколы ландтага не фиксировали имена ораторов и вообще составлялись крайне сжато.

Когда в 1847 г. в Пруссии впервые был созван соединенный ландтаг, в его работе принимал участие также Георг фон Финке, которого пригласили в качестве члена этого «сословного собрания из представителей рыцарства, городов и деревенских общин». Там Георг фон Финке скоро проявил себя как лидер оппозиции правительству. Прославился как вождь либералов, «герой сражений на полях права», отстаивал конституционные принципы по английскому образцу против сословных идей Фридриха-Вильгельма IV и правых. В своей хорошо продуманной и построенной сильной речи он требовал конституции и расширения сословных прав, свободы печати и свободы вероисповедания, короче всего того, что могло превратить Пруссию в конституционную монархию. Его речи в «белом зале» распространялись по стране, так что он вскоре стал одним из самых популярных политиков. Он резко критически относился к революции 1848 г. как принципиальный роялист, относился с большим недоверием республиканцам и демократам, которых считал движущими силами революции. Тем не менее, именно он 18 марта 1848 г. публично посоветовал королю отвести войска от баррикад в замок. По германскому вопросу он был решительно против растворения Пруссии в Германии или позволения народу быть создателем новой империи.

Объединенная Германия должна была создаваться согласно его точке зрения соглашениями между правительствами. Он был избран от округа Гаген во Франкфуртский парламент. Там выступал против революции, был вместе с И. Радовицем лидером правых. Со своими единомышленниками, умеренными либералами из Пруссии (граф Шверин, Э. фон Флотвель), Австрии, Баварии и Ганновера (Л. фон Ботмер) он встречался в отеле «Милан». Финке руководил этой группой настолько жестко, что клуб «Милан» называли «40 раз размноженный голос Финке». В прусской второй палате с февраля 1849 г. – лидер умеренно либерального большинства, которое выступало за признание октроированной конституции. Он голосовал за регламент, который отчетливо ограничивал пространство деятельности оппозиции, был восторженным приверженцем Э. фон Мантейфеля и с пониманием отнесся к подавлению революции.

В 1850 г. он прибыл как представитель избирательного округа Бохум в Эрфуртский парламент, который был известен как «орган боруссификации Германии» и там придерживался взглядов в духе умеренного либерализма. Вскоре, однако, Финке понял, что с этим парламентом нельзя было продвигаться вперед к единой Германии. Он снова сосредоточил свою политическую деятельность в прусской палате депутатов, где больше не было никаких демократов, а число либералов сильно сократилось. До 1855 г. он демонстрировал решительную оппозицию правительству, так как теперь реакция, которую Финке сначала приветствовал, принимала такие формы, которые даже он как «либерально-консервативный» политик больше не мог принимать. Финке выступал за новое министерство и отказывался вотировать кредиты правительству. В отличие от его поведения во время «Новой эры» он выступал как член «палаты ландратов» за сотрудничество с Австрией. На выборах 1855 г. он снял свою кандидатуру.

В 1858 г. Финке вернулся в палату депутатов, где он первоначально присоединился к фракции под руководством депутата Симона. Скоро, однако, он вышел из фракции и образовал под своим руководством новую, большую либерально-демократическую фракцию. Был ли Георг фон Финке подходящей личностью, чтобы удержать либералов и демократов в одной фракции в начале «Новой эры», кажется спорным на основании его политического прошлого. Как решительный противник ведущих демократов, как восторженный роялист и как представитель «юнкерского либерализма», который выступал за либеральные реформы, чтобы поддержать общественное и экономическое положение крупных землевладельцев-дворян, Финке был спорной личностью. Страстный пруссак, блестящий оратор, из-за своего доктринерства и негативного опыта последних лет он оказался неспособен к конструктивной политической деятельности и тем самым серьезно осложнил вращение либерализма в государство.

В соединенном ландтаге его политическая концепция еще могла производить сенсацию, теперь, однако, существовала потребность в людях, которые были готовы поддержать поверженную конституцию в либеральном и демократическом духе. До тех пор пока влиятельные демократы, как например Б. Вальдек и Г. Шульце-Делич еще не входили в парламент, до тех пор, пока либералы и демократы еще осторожно оппонировали правительству, Финке еще раз смог на короткое время занять исключительное положение в парламенте. Как представитель большинства он подвергал словесным атакам либерально-консервативное правительство и, тем не менее не позволял нанести решающего поражения при голосовании тем либеральным министрам, с которыми он был дружен. С этой политикой «только не напирать» не соглашался ряд

молодых депутатов либералов и демократов. Поэтому они покинули фракцию Финке и основали Немецкую прогрессистскую партию.

Раскол фракции «старолиберлов»

Между 1858 и 1861 гг. два слова играли ключевую роль в политических дискуссиях: «доверие» и «давление». Вероятно, оба они вошли в оборот с легкой руки принца-регента, который, как сообщала пресса, должен был просить о том, чтобы проводимой его министрами внутренней политике было оказано доверие и добавил фразу «только не напирать!»¹⁹⁵. В 1858 г., когда был сформирован консервативно-либеральный кабинет, казалось возможным восстановление доверия между правительством и народом. Однако вскоре оказалось, что правительство не оправдывает того доверия, которое оказывали ему последовательные демократы и либералы. Шульце-Делич заявлял: «было бы неправильно постоянно идти навстречу просьбам правительства, подавляя собственные убеждения, только потому, что оно пользуется доверием страны и никто не хочет доставлять ему неудобства. Это абсолютно аннулирует эффективность народного представительства и лишает его доверия снизу. К чему тогда вообще выбирать депутатов и не передать ли тогда все дела в руки самой короны?»¹⁹⁶. Правительство, которое чаще всего впадает в паралич, если оказывается неспособно привести к общему знаменателю различные интересы, должно в подобных случаях быть радо, если испытывает давление. Так размышляли все демократы и прогрессивные либеральные депутаты. Но пока они заседали в той фракции, которой руководил «король палаты», «лев из Гагена» барон Г. фон Финке, они со своим напором не могли продвинуться вперед ни на шаг. Финке с «тиранической твердостью» отметал любую критику своего искусства руководителя и последовательно придерживался политики «только не напирать», поскольку не желал впутывать своих друзей из правительства в конфликт с кронпринцем, а также принципиально отрицал демократическую и прогрессистскую политику. Прогрессивные политики в палате депутатов добивались трансформации «государства полицейского произвола» в правовое государство, так как либеральные мероприятия начала «Новой эры» не могли оказать никакого длительного и устойчивого влияния на внутривнутриполитическое положение в стране. Необходимо было уволить реакционных чиновников эры Мантейфеля-Вестфalia. Шли споры вокруг школьных правил, новеллы о городском управлении и закона о гражданском браке (15 февраля 1861 г. палата господ отклонила принятый нижней палатой закон).

Половинчатость и нерешительность правительства также нужно было преодолеть с помощью последовательной новой политики по германскому вопросу. Прежде всего, демократы и либералы, которые присоединились к национальному союзу, выступали за объединение Германии под руководством Пруссии. Шульце-Делич рисовал черную картину состояния немецкой нации: «Среди больших, единообразно организованных государств отечество находится в своем жалком состоянии раздробленности, пешкой в чужой игре, когда кусок за куском прибирают к рукам и отчуждают у нашей нации. В апогее гуманного образования это обрекает нас на политическую ничтожность и при чрезмерном напряжении экономических сил в пользу несметного количества правительств с их дорогостоящим аппаратом дипломатов, служащих и солдат не обеспечивает надежной защиты от внешних угроз, нет даже такого флота, который прикрыл бы побережье страны и торговлю от самых слабых соседей»¹⁹⁷.

Споры вокруг решения внутривнутриполитических проблем и вопроса об объединении Германии наконец взорвали фракцию большинства изнутри. Дискуссии внутри либеральной фракции вновь разгорелись из-за планов правительства по реорганизации армии и устранению ландвера.

Еще в октябре 1857г., до официального начала регентства кронпринц поручил военному министерству предложить изменения, необходимые для повышения эффективности вооруженных сил. Предложения, которые были переданы принцу в феврале 1858 г., требовали пересмотра системы призыва в армию, которая была создана еще в 1814-1815 гг. и не поспевала за увеличением населения. При введении всеобщей воинской повинности в Пруссии насчитывалось 11 млн. жителей, из которых ежегодно 41000 мужчин призывались как рекруты и служили 3 года в линейных частях, 2 года в резерве и 7 лет в ландвере первого и второго разряда. Между тем численность населения выросла до 18 млн., а цифры набора в армию не пересматривались. Примерно 24 000 молодых мужчин не призывались, так как по финансовым причинам для них нельзя было создать условия по размещению и подготовке. Таким образом, нарушался принцип всеобщей воинской повинности. В то время как старшие по возрасту и часто уже женатые мужчины были приписаны к ландверу, много молодых людей оставалось дома. Чтобы устранить эту несправедливость, министерство предлагало снизить срок службы с 3 до 2 лет и предпринимать ежегодные мобилизации большего числа призывников.

В июле принц-регент получил еще одну памятную записку о состоянии вооруженных сил, подготовленную генералом А. фон Рооном. Ввиду беспокойного международного положения он настаивал на усилении армии путем увеличения числа военнообязанных, создании новых военных учебных заведений, сохранении трехлетнего

срока службы и объединения ландвера с линейными частями. Роон считал ландвер непригодным для решения настоящих военных задач. Здесь он был отчасти прав, боеспособность ландвера со временем ухудшилась, так как из экономии сборы и учения обоих разрядов проводились весьма редко. Относительно технической стороны вопроса между правительством и ландтагом не существовало принципиальных расхождений. Либералы и демократы также считали, что ландвер нужно привести в самое новое техническое состояние: «Мы продвинулись вперед как с технической точки зрения, так и в военной науке. Кто же мешает нам применить все эти технические успехи к ландверу?»¹⁹⁸. В этом заявлении содержался обоснованный упрек в адрес Роона. Считалось, что он стремится распустить ландвер не из-за технических недостатков, а из-за того, что видел в нем потенциальную политическую угрозу. По представлениям Роона армия должна была оставаться надежным инструментом в руках монарха. Он вспоминал о политической ненадежности ландвера во время прусской интервенции 1849 г. в Бадене. Тогда правительство смогло почувствовать, что связанный с народом ландвер вряд ли может стать послушным орудием реакционной политики. Прогрессивные либералы и демократы решительно протестовали против уничтожения ландвера, так как не хотели оставить армию в руках консерваторов и дворянства. Офицеры из средних слоев, которые хорошо зарекомендовали себя в освободительных войнах, должны были и впредь усиливать влияние буржуазии в армии.

Принц-регент представил план реформы Роона военному министру Э. фон Бонину, сопроводив просьбой проверить его с помощью комиссии. Министр затягивал это дело, так как опасался, что реализация этого плана «разделит армию со страной» и создаст ситуацию, при которой будет утрачена «основная предпосылка существования» Пруссии, а именно доверие народа к армии¹⁹⁹. Он заверил некоторых депутатов, что в отношении ландвера и дальше будут действовать принципы, заложенные в основу законов 1814 и 1815 гг. Тогда сам принц создал армейскую комиссию по выработке закона о военной реформе и назначил Роона ее председателем. Через три месяца, 5 декабря 1859 г. Роон был назначен военным министром. При открытии парламентской сессии 1860 г. о предложениях военных было сообщено в тронной речи, а 19 февраля министр-президент представил законопроект в палате депутатов с разъяснениями министров Роона и Патова. Численность постоянной армии предполагалось увеличить на 39 пехотных и 10 кавалерийских полков. Это мероприятие, должно было потребовать дополнительных расходов в размере 9,5 млн. талеров.

Ландвер должен был совершенно измениться, чтобы устранить какое-либо его негативное влияние на армию и государство и чтобы сделать его, наконец, совершенно

ненужным. Три первые года в ландвере первого разряда предлагалось объединить с военным резервом, а четыре следующих года объединялись с ландвером второго разряда. Таким образом, ландвер первого разряда ликвидировался. Ландвер второго разряда, отныне единственный и настоящий, в будущем больше не должен был использоваться вместе с линейными войсками на поле боя, а только в гарнизонах крепостей. Подготовкой реформированного ландвера в первую очередь должны были заниматься армейские офицеры. Так или иначе, все эти мероприятия означали ликвидацию самостоятельного ландвера и подчинение его регулярной армии.

Против этих планов выступила комиссия палаты депутатов по военным вопросам. Хотя она соглашалась с увеличением численности линейных войск, но добивалась при этом введения двухгодичной воинской службы и сохранения ландвера как самостоятельной силы. Трехлетний срок службы отклонялся по финансовым причинам. К тому же, по мнению некоторых генералов двух лет службы было достаточно для военной подготовки. Однако регент настаивал на сохранении трехлетней воинской повинности. Он считал, что солдатам нужно было привить не только технические навыки, но и «подлинный воинский дух». Правительство отозвало из ландтага свой проект, так как считало, что определять военную политику должен король, а палата депутатов обязана только утвердить дополнительные расходы. Министр финансов внес предложение на время до 30 июня 1861 г. одобрить расходование 9 млн. талеров с целью «обеспечения и проведения тех мероприятий, которые требуются для возможно более ранней готовности к войне и повышения боеготовности армии в соответствии с существующими законодательными основами». После того, как комиссия ввела в заявление слово «временно» - так что оно начиналось теперь: «Военный министр уполномочивается использовать 9 млн. талеров на временное поддержание... готовности к войне» - она единогласно согласилась с правительственным проектом²⁰⁰.

Палата депутатов приняла заявление подавляющим большинством, которое считало, что в связи с угрожающими последствиями итальянской войны санкция на увеличение военных непременно необходима. Перед голосованием докладчик комиссии барон Г. фон Финке разъяснил значение ограничительного определения «временно». Он подчеркивал, что комиссия отдает себе отчет «что каждая позиция государственного бюджета, включая расходы на армию, подлежит непременно утверждению палатой депутатов, что без одобрения палаты не могут осуществляться никакие расходы на какие-либо военные цели, и что правительство, которое действует вопреки, будет виновно в нарушении конституции»²⁰¹.

Небольшая группа во фракции Финке, в том числе депутаты Говербек, Форкенбек и Беренд, первоначально не хотела соглашаться с ассигнованием средств, так как осознавала возможные пагубные последствия решений, которые делали возможной военную реформу. Когда, однако, лидер фракции выступил в поддержку министра финансов, так как хотел избежать конфликта «полулиберального» правительства с королем, оппозиционеры смирились, чтобы избежать распада большой либеральной фракции. Они успокаивали себя тем, что постановление имеет ограниченный, разовый характер. Говербек заявлял: «Нашим главным требованием остается постоянно указывать на временный характер содержания документа и постоянно использовать слово «временный»²⁰².

Уже в октябре началась переорганизация ландвера. Только тогда стало ясно, насколько неверно либералы оценивали действия правительства. Можно ли было отказать в вотировании средств на 1861 г., если реформа уже так далеко зашла? Те обстоятельства, которые возникли по инициативе правительства, ставили парламент в очень тяжелое положение. Оппозиция внутри либеральной партии вскоре снова публично заговорила о необходимости покончить с терпимым отношением к правительству, которое раз за разом не оправдывало оказанного ему доверия.

*Создание либерально-демократической фракции
под руководством Говербека, Шульце-Делича и Вальдека*

В течение 1860 г. в либеральной фракции Финке все более отчетливо выделялись две группы: значительная часть депутатов безоговорочно поддерживала своего руководителя. Их стали называть старыми либералами, так как частично они как либералы входили уже в прусское национальное собрание в 1848 г. и представляли специфически немецкий, противящийся французским идеалам свободы антидемократический либерализм. Они были верными сторонниками прусского государства, монархии и отказывались от демократической идеи народного суверенитета²⁰³. Им противостояла группа представителей демократического либерализма, которая стремилась добиться от руководства фракции большей активности в направлении прогрессивной либеральной политики. Если им еще раз удалось договориться о предоставлении средств для повышения боеготовности армии, то при обсуждении германского вопроса возникали значительные напряжения, которые привели, наконец, к выходу из фракции ряда депутатов.

Одним из наиболее последовательных представителей демократического либерализма был барон Леопольд фон Говербек (1822–1875). Он родился 22 июля 1822 г. в

имении Никельсдорф (община Алленштейн). От отца он получил спартанское воспитание, после получения аттестата зрелости, который ему выписали «не без сомнений», Говербек изучал в Кенигсберге и Берлине юриспруденцию и государственное управление, в Кенигсберге он выдержал первый юридический государственный экзамен. Но весной 1844 г. он прекратил свое юридическое образование и поступил в сельскохозяйственную академию округа Регенвальде. С 12 июля по 1 октября 1845 гг. он предпринял сельскохозяйственную научную командировку по западной, южной и центральной Германии. В 1846 г. он вступил во владение поместьем Адлиг-Квец в округе Хейльсберг и стал увлеченно заниматься сельским хозяйством. В его спокойной сельской жизни произошел решительный поворот, когда он познакомился и сдружился с преподавателем прогимназии ближайшего городка Гогенштейн Карлом Виттом (1815–1891), который увлек его политикой. Между ними завязалась оживленная переписка. Незадолго до того как разгорелась революция 1848 г. Витт подарил Говербеку книгу Т. Карлейля о французской революции. Когда в начале революционных событий от имени сословий округа Хейльсберг на имя короля была составлена петиция, Говербек был одним из ее авторов. Петиция содержала просьбы о равенстве всех религиозных культов, введении всеобщего избирательного права, уменьшении регулярной армии и постепенной замене ее всеобщим вооружением народа, создании суда присяжных и созыве общегерманского парламента. Большинство этих пунктов в дальнейшем отстаивала Немецкая прогрессистская партия, одним из создателей которой был Говербек. Его друг Витт как последовательный демократ был избран в прусское Национальное собрание. Он писал Говербеку 2 ноября 1848 г.: «Мой дорогой ситуайен Лео Говербек ... о дворянстве, титулах, орденах больше не может быть речи – это китайщина. Лео Говербек – разве это не звучит намного лучше, чем барон Лео фон Говербек»²⁰⁴. Сам адресат был совершенно согласен с таким предложением. По словам Л. Паризиуса, первого биографа Говербека, он никогда, будь то студентом или депутатом, не подписывал ни одно письмо или заявление иначе, чем просто «Говербек»²⁰⁵. Во время революции он вел себя пассивно. Витт характеризовал его как центриста, сам же он говорил, что беспартийный. 10 ноября 1848 г. Говербек изложил в письме к другу свои политические принципы: «Каждый отдельный политический вопрос изучить с беспартийной точки зрения и только по этому вопросу присоединиться к единомышленникам, которые могут быть и правыми, и левыми, и центристами. Если я не найду партии, в которую могу вступить по полному праву, то останусь один»²⁰⁶. Такая позиция разочаровала Витта. Однако, несмотря на подобные заявления, Говербек последовательно эволюционировал в либерально-демократическом направлении. Когда в марте 1849 г. Витт основал «Остеродскую сельскую газету» (позже переименованную в

«Новую сельскую газету»), так как он видел основное препятствие для политического прогресса в том, что массы избирателей не ориентируются в политических вопросах, Говербек написал несколько статей экономического содержания для просвещения немецких и польских ремесленников, крестьян и рабочих. Он выступал, например, за отмену несправедливого налога на соль, который обременял бедных гораздо больше чем богатых. После принятия противоречащего конституции трехклассного избирательного закона 7 июля 1849 г. Говербек не участвовал в выборах, хотя был назначен выборным комиссаром. Вместе с тем он поддержал инициативу демократов и решительных либералов, которые призвали бойкотировать выборы в знак протеста против ликвидации всеобщего и равного избирательного права. На выборах в Эрфуртский парламент Говербек также это отказался использовать свое право голоса, так как по его мнению этот парламент не мог обеспечить объединение Германии.

В период реакции Говербек посвятил себя исключительно сельскому хозяйству. В 1855 г. он унаследовал имение отца в Никельсдорфе. Его возмущало основанное на произволе правление Мантейфеля, Раумера и Вестфalia, о короле он отзывался так: «кажется, никогда эта абсолютная королевская семья не будет конституционной»²⁰⁷.

В 1858 г. по настоянию некоторых сограждан он выдвинул свою кандидатуру в ландтаг, был избран и присоединился к фракции Финке, которой, однако, предвещал короткую жизнь из-за большой численности и сложного состава. В феврале 1859 г. он писал одному из ведущих либерал-демократов в своем избирательном округе: «Фракция содержит четыре элемента: 1. Люди, готовые голосовать за любое правительство. 2. Другие, которые только с этим правительством идут напролом. 3. Люди из Готы. 4. Решительные, пока что без настоящего вождя»²⁰⁸. В своем прогнозе он оказался прав. Фракция распалась, одним из лидеров решительных либералов стал Говербек, вокруг него сгруппировались в основном депутаты из Восточной Пруссии: М. фон Форкенбек, дворянин-помещик Геблер и землевладелец из Тильзита Гамрад. В 1859 г. он по предложению М. фон Форкенбека подписал программу Национального союза. Таким образом, вопрос об объединении Германии стал основным среди интересов либерал-демократов.

В письме от 22 января 1860 г. Говербек сообщал, что у «решительных» есть план, «внести в палату зарос об издании адреса по германскому вопросу... Мотивы: необходимость центральной власти, при которой Пруссия нашла бы подобающее ей положение, и народное представительство при этой центральной власти»²⁰⁹. 25 членов фракции подписали это заявление. Депутат Р Беренд, один из подписавшихся, передал документ председателю фракции Финке. Тот отказался от немедленного обсуждения

запроса во фракции и сначала пригласил подписавшихся на предварительное совещание, где проект запроса не встретил одобрения со стороны членов правления фракции, а также у 30 других членов фракции. По предложению Финке запрос превратился в резолюцию, которую подписавшиеся, почти все принадлежавшие к национальному союзу, обсудили сначала с Беннигсеном, а затем на чрезвычайном заседании фракции. Финке применил все свое искусство убеждения, чтобы не допустить принятия резолюции, что ему, наконец, удалось. Проигравшие либерал-демократы не смирились, но решили возобновить запрос при подходящем случае.

Та манера, с которой руководитель фракции обошелся с заявлением представителей демократического либерализма, потребовав предварительного совещания в узком кругу, показывает, насколько сильным было напряжение между обеими группами либеральной фракции уже на начальной стадии обсуждения германского вопроса. В ходе сессии 1860 г. из насчитывавшей 150 членов обширной фракции Финке все более очевидно выделялась группа в составе от 30 до 40 депутатов, которые поначалу постепенно, почти незаметно, но затем все более открыто вставали в оппозицию влиятельному «олимпийцу». «При этом те, кто наиболее неустрашимо шел этим путем, были из Восточной Пруссии» - писал один из них, депутат Кригер Л. Паризиусу²¹⁰.

Эти восточные пруссаки, а именно Говербек, Форкенбек и Беренд, в ноябре на заседании правления «Народнохозяйственного общества Восточной Пруссии и Западной Пруссии» сообщили об отношении новой группы к фракции Финке. Они были разочарованы «нерешительной позицией» либеральной фракции, которая была обусловлена отсутствием четкой программы. Чтобы основать партию, преследующую твердые, определенные политические цели, которая была совершенно необходима на фоне слабой либеральной правительственной политики, они подготовили проект программы, который разрешили опубликовать в прессе без упоминания авторов (этот текст до сих пор не найден). Кроме того, они договорились пригласить некоторых членов фракции прибыть на встречу в Берлин за пару дней до открытия сессии ландтага, чтобы обсудить дальнейшие отношения с фракцией. М. фон Форкенбек отправил приглашения примерно двадцати членам фракции. Депутат Иммерман, который в ответном письме приветствовал собрание «решительных», утверждал, что новая «партия» просто обязана решительно и ясно выступить в нужный момент. Однако он высказался против выхода из большой фракции Финке с тем, чтобы начать процесс очищения ее рядов изнутри.

Запланированное собрание состоялось 12 января 1861 г. Заметка в дневнике одного из участников, Кригера, коротко и точно сообщает: «12 января. Собрание недовольных,

предмет совещания: проект политической программы. Все присутствовавшие были из фракции Финке, я сам присоединился, чтобы увеличить число сепаратистов»²¹¹.

Сепаратисты требовали принятия программы, «чтобы с одной стороны открыто сказать народу, что является целью их устремлений, с другой стороны, заставить некоторых членов фракции, которые до сих пор придерживались скорее не либеральных, а проправительственных позиций сделать определенный выбор: либо идти вместе с ними, либо покинуть фракцию»²¹². Оживленный обмен мнениями вызвал вопроу, должно ли собрание представить развернутый проект программы или только короткое программное заявление. Незначительным большинством было постановлено разрабатывать сразу проект программы. Одиннадцать депутатов, которые голосовали за это решение, поручили Говербеку, Беренду, Форкенбеку и Кригеру переработать опубликованный в декабре 1860 г. проект программы. Новый вариант был представлен уже 13 декабря²¹³. Его важнейшими пунктами были требование построения правового государства на конституционной основе, принятие закона об ответственности министров, предложение об объединении Германии. В контексте актуальной внутривнутриполитической дискуссии о реорганизации армии проект содержал недвусмысленное высказывание, направленное в разрез с политикой правительства: экономия на военных расходах в мирное время, сохранение ландвера. Вопросы социальной политики и избирательного права вообще не затрагивались. В тот же день проект, под которым поставили свои подписи 17 депутатов, обсуждался во фракции Финке. Последовательные либералы пытались добиться утверждения проекта комиссией фракции, но это предложение было отклонено большинством фракционеров.

Днем позже состоялось открытие ландтага. Сепаратисты во фракции Финке заняли места слева, отдельно от большинства фракции. Раскол стал очевидным. Оформление группы левых либералов в самостоятельную фракцию было лишь вопросом времени. Заключительные дебаты по проекту программы состоялись во фракции Финке 1 февраля 1861 г. Лидер фракции и его последователи считали излишним принятие программного документа на том основании, что сами имена членов фракции являют собой программу. То была типичная для большинства либералов точка зрения. Они особо подчеркивали исключительную роль отдельных личностей как носителей политической линии, поэтому считали излишними программу и организацию, тем более, что по их мнению и то, и другое ограничивает свободу индивидуальности. После дебатов в результате голосования программа была отклонена 70 голосами против 30. Несмотря на это, программа имела большое значение, так как большая часть содержащихся в ней положений с незначительными изменениями были переняты при составлении программы Немецкой прогрессистской партии. После голосования состоялась встреча проигравших мятежников,

12 из них настаивали на отделении от фракции. Однако было принято решение о выходе из фракции только тогда, когда минимум 15 депутатов выскажутся за этот шаг.

В ходе дебатов на пленарном заседании по поводу содержания ежегодного адреса палаты на высочайшее имя, которые начались 5 февраля, дело дошло до открытого разрыва между обеими группами. Либерал-демократы предложили внести 3 поправки к проекту со следующими требованиями: 1. увольнение реакционных служащих; 2. невмешательство в итальянскую политику; 3. проведение немецкой политики в духе национального союза. Чтобы сохранить единство фракции, депутат Беренд готов был отказаться от своего предложения по вопросу о служащих при условии, чтобы барон Финке внес в парламент поправку по итальянскому вопросу, согласно которой отвергались любые попытки сопротивления «прогрессивной консолидации Италии», а вся фракция одобрила бы резолюцию по германскому вопросу. Резолюция о политике в отношении Германии исходила от генерала Штафенхагена, который на основании могущества прусского государства стремился призвать Пруссию принять руководство и встать во главе немецкой федерации, то есть представлять дипломатические, военные и торгово-политические интересы Германии. Фракция решила голосовать в парламенте за предложения Финке и Штафенхагена. 6 февраля палата депутатов с незначительным перевесом в 156 голосов против 142 приняла предложение по итальянскому вопросу. Финке упорно боролся, чтобы провести свое предложение. Он осуждал Австрию, страну, с которой он хотел сотрудничества еще во время реакции. За границей он встречал восторженное одобрение за свою активную вовлеченность в итальянский вопрос. Англичане одобрительно отзывались о бароне, а итальянцы предоставили ему почетное гражданство. Он находился на пике своей карьеры. Однако вскоре последовала катастрофа, потому что днем позже его положение председателя фракции большой либеральной партии и «короля палаты» было глубоко подорвано. Главная вина за это лежала на нем самом. Фракция раскололась при голосовании по предложению Штафенхагена. Лидер фракции и его старо-либеральные друзья дали министрам Патову и графу Шверину уговорить себя отозвать предложение. Эта уступка была сделана под угрозой отставки обоих министров. «Левые» под влиянием барона Говербека, который как раз германский вопрос считал самым важным, теперь сами внесли разработанное Штафенхагеном предложение, от рассмотрения которого палата отказалась подавляющим большинством в 261 голос. Из 150 членов фракции Финке «за» голосовал только 41 человек. «Для нас это был решающий опыт» - заметил в своем дневнике Говербек по поводу результатов голосования²¹⁴. Большинство из этих 41 человека 8 февраля 1861 г. высказались против выхода из фракции, хотя жестко осудили поведение Финке. Только 10

февраля 12 депутатов из Восточной и Западной Пруссии, а также Литвы в письменном виде заявили о своем выходе. Среди них были Говербек, Беренд, Кригер, Геблер, Морген, Гамрад и Анкер. Через три недели они заявили о создании «Парламентского союза Анкера и товарищей». Второй из семи параграфов устава союза гласил: «Союз основывается на свободомыслящей, не поддающейся никаким предрассудкам деятельности во благо прусского государства и неотделимого от него немецкого отечества»²¹⁵. Здесь отчетливо проявилась линия разрыва с фракцией Финке с ее оглядкой на правительство и нерешительностью в германском вопросе.

Перед каждым пленарным заседанием ландтага союз устраивал собрания, каждым из которых руководил один из коллег в алфавитном порядке. Не было ни председателя, ни правления, что, очевидно, было связано с пережитым опытом почти тиранического правления Финке. Даже исходное название союза включало имя малозначительного депутата и политика только потому, что оно начиналось с первой буквы алфавита. Поскольку в союз вошли несколько молодых литовских депутатов, Финке однажды назвал новое объединение «фракцией младолитовцев». Название неожиданно прижилось. «Младолитовцы» избрали депутата Геблера своим казначеем. 2 марта 1861 г. устав нового союза подписали 13 депутатов, чуть позже к ним присоединились известные демократы Вальдек, Шульце-Делич, Таддель. Последний, 75-летний судейский чиновник, был известен тем, что еще в 1849 г., будучи председателем суда присяжных на процессе Вальдека позволил себе критиковать могущественного полицей-президента Гинкельдея, за что его невзлюбило реакционное правительство. Однако наибольшее значение имело присоединение к союзу Вальдека и особенно Шульце-Делича, который оставил заметный след в деятельности младолитовцев, поскольку именно он по преимуществу определял политический курс и вместе с Говербеком и Форкенбеком отстаивал интересы фракции.

В марте 1861 г. Вальдек выступил в поддержку политических целей Немецкого национального союза, но еще надеялся, что в объединенную Германию войдет также Австрия. Вступление Вальдека в Парламентский союз привело к росту напряжения между либерал-демократами и фракцией Финке. 7 и 8 марта 1861 г. Финке подверг Вальдека резким нападкам и упрекнул в тяжелых ошибках в 1848/49 гг. Барон Финке обвинял демократов в том, что они чуть было не подвели «своими поступками в национальном собрании Прусское государство к краю пропасти»²¹⁶. Как именно они провинились, он пытался объяснить на примере отличий конституционалистов от демократов: «Различие между точкой зрения господина Вальдека и точкой зрения конституционалистов по существу в коротких словах то, что единомышленники господина депутата от Билефельда хотели согнуть его величество короля - хотят ли они еще сгибать его, я не знаю - при

помощи решения какого-нибудь собрания, чего никогда не хотели мои друзья. Мы считаем, что, как бы не повернулась судьба нашей страны, мы всегда остаемся в монархическом государстве, мы всегда хотим, чтобы во главе Пруссии стоял монарх и поэтому мы с радостью признаем его величество короля нашим монархом и хотим стать его подданными»²¹⁷. Оставаться подданными - вот была программа либералов, Вальдек, человек демократии, отказывался от этого, его девиз – быть гражданином государства. Разница этих обоих понятий вполне четко характеризует различия политических позиций обоих видов либерализма. Быть подданными значило выступать за сильную королевскую власть и слабый парламент, как это делал Дальман. Быть гражданином значило выступать за сильный парламент, перед которым ответственны министры и признавать короля как главу государства.

В «Политической корреспонденции» «Пруссских ежегодников» от 16 марта 1861 г. М. Дункер сообщал о споре между обеими группами либералов. Он сожалел о «разногласиях в большой либеральной партии... в которых обнаруживаются все более резко проявляющиеся противоположности между конституционным и демократическим направлением»²¹⁸. Ответственность за раздоры он возлагал на оба направления, но прежде всего – на правительство. Чтобы предотвратить окончательный раскол партии, «который мог только навредить делу конституционной свободы и уважению Пруссии», правительство должно проводить прогрессивную политику: «Одно лишь это предварительное условие восстановления партийного единства. Верное средство находится в руках правительства. Оно должно показать, что путь умеренности и права – это путь прогресса. Переживающая застой, непродуманная и нерешительная политика лишает влияние либеральных элементов любых положительных оснований. Самочувствие и моральная сила политической партии может поддерживаться не самоотречением, а только успехами и наступлением. Если правительство хочет избежать подобного, то оно должно будет взять ситуацию в свои руки»²¹⁹. Правительство не вняло этому совету, оно осталось верным старому курсу, таким образом, спор между демократами и либералами набирал ход.

При обсуждении законопроекта «касательно обновления и дополнение порядка городского управления для шести восточных провинций прусской монархии от 30 мая 1853 г.» встал вопрос о целесообразности отмены трехклассного избирательного права в общинах. М фон Форкенбек в предложении, которое он внес от имени своих политических друзей, требовал отмены трехклассной системы и обосновывал введение всеобщего равного избирательного права следующим образом: «В общине каждый, неважно – бедный или богатый, имеет примерно равный интерес к делам общины... Поэтому я

полагаю, что для местных выборов меньше всего поводов для сохранения избирательной системы, которая увязывает право выбора со стихийно сложившимися имущественными различиями»²²⁰. Вальдек поддержал своего коллегу по фракции: «Трехклассную систему осуждают повсеместно... в ней нет рациональной сущности»²²¹.

Г. фон Финке, защищавший министра внутренних дел графа Шверина, который считал действующий закон о выборах «лучшим из всех в настоящий момент», не мог больше считаться истинным конституционалистом, после того как уже 8 марта 1861 г. пренебрежительно отозвался о всеобщем избирательном праве как о чисто демократическом принципе.

К концу парламентской сессии, в мае 1861 г. дело вновь дошло до ожесточенных столкновений по поводу военных расходов и армейской реформы. После обсуждения в военной комиссии, которая при легкой коррекции приняла правительственный законопроект вопреки голосам представителей парламентского союза, в палате депутатов возобновились дискуссии между либералами и демократами. Говербек уже был выведен из военной комиссии. В ходе общего обсуждения в парламенте он выступил как оратор фракции и отклонил оба основных принципа правительственного проекта: трехлетний срок службы и увеличение ежегодного призыва с 40 000 до 63 000 человек, так как этот план повлек бы за собой «расстройство финансов». Демократы были готовы голосовать за увеличение призыва при условии введения двухгодичного срока службы. Вальдек, который всегда говорил о «моем друге Говербеке», дополнил аргументы коллеги: «На последних дополнительных выборах в западных провинциях не был избран никто, кто бы не высказывался за двухгодичный срок службы и за сохранение ландвера»²²². Как точно он передал настроения народа, продемонстрировали прошедшие через полгода выборы, которые принесли значительную победу оппозиции.

В качестве основной причины против утверждения средств на военную реформу Говербек называл высокие издержки, которые не позволят государству выполнять другие совершенно необходимые обязательства. Говербек напоминал о необходимости повышения жалованья простых солдат: «Я убедился, что солдат при нынешней оплате голодает, если ему не посчастливится несколько улучшить свое положение и поддержать себя за счет пожертвований или работ, которые предлагают частные лица. Мы не можем позволить, чтобы так продолжалось и впредь»²²³. Однако финансовые причины были для демократов не самым важным пунктом, который побуждал их к отклонению правительственных планов. Обращает на себя внимание, что Говербек выступал против увеличения строительства казарм, так как «солдат на военной службе утрачивает чувство сопричастности к другим гражданам... а совместная жизнь в казармах во многом

способствует возникновению особого положения»²²⁴. Итак, демократы отклоняли реформу по политическим соображениям – они стремились не усилению традиционных позиций дворянства в армии, к чему вела правительственная политика, а к значительному увеличению роли буржуазии. Они хотели бы видеть народное войско, а не военную касту, которая защищает абсолютистское реакционное государство от демократических устремлений, существующих в народе. Финке в чрезвычайно полемичной и даже агрессивной речи в ходе дебатов высказался о Говербеке и его единомышленниках: «Я хотел бы добавить еще пару слов: я не знаю никакого другого определения, кроме «нигилисты» для той породы людей, что вообще ничего не желают одобрять. Я не желаю ступать на эту шаткую почву»²²⁵. Эта неуступчивость ведет «к самым опасным последствиям – она ведет к распаду всех сложившихся отношений внутри государства и особенно к снижению боеспособности армии перед внешними угрозами». Здесь надо сказать, что и демократам были очевидны возможные внешние угрозы, поэтому они выступали за сильную армию. Однако они искренне верили, что именно ландвер может повысить ее боеспособность, как доказала освободительная война. Финке заключил: «Подобный вотум должен способствовать полному упадку Пруссии, особенно в глазах Национального союза, где особый вес имеют господа с левого фланга»²²⁶. Очевидно, что этот пассаж был использован для того, чтобы противопоставить Национальный союз фракции парламентского союза. Еще 2 марта 1861 он резко отозвался о национальном союзе: «Я не хочу заниматься такими вещами, которые ведут свое происхождение вне этого дома»²²⁷. 31 мая 1861 палата депутатов поддержала, наконец, 159 голосами против 148 предложение, которое требовало 4 млн. талеров в качестве чрезвычайного бюджета для поддержания готовности армии к войне. Перевес большинства было ничтожным, если учесть, что он составил всего 11 голосов, из которых 7 голосов подали министры. Парламентский союз проголосовал против предоставления средств.

Пятью днями позднее, на последнем заседании палаты, при обсуждении двух петиций, посвященных пересмотру закона о союзах от 11 марта 1850 г., дело снова дошло до дискуссии между обоими крыльями либерализма. Вальдек, который выступал за петиции, так как он видел «в реализации права на союзы... существенное укрепление политической жизни нации», и так как он полагал, что парламент был бы «мертв», если бы не было политических союзов, особенно выступал против параграфа 5 закона 1850 г., который позволял нижним полицейским чинам распускать собрания по своему усмотрению²²⁸. После короткого и ясного выступления депутата от Билефельда Финке вынужден был в большой речи защищать позиции старолибералов с их поддержкой закона о союзах, а одновременно и всю их политику за последние три года. Сначала он

высказался против изменений в законе, поскольку «для оживления законодательной деятельности нет нужды в политических союзах»²²⁹. Совсем наоборот: «Политические союзы общей природы, если они не ставят своей целью решение конкретных задач, как например английская лига борьбы против хлебных законов, не только не могут способствовать усилению политической жизни, но и наносят вред тем, что своими выступлениями против конституционных властей создают помехи их деятельности»²³⁰. Здесь вновь столкнулись две политические концепции: демократ добивался усиления участия граждан в политической жизни посредством всеобщего избирательного права и деятельности политических союзов, а либерал стойко держался существующей политической системы и слышать не хотел о влиянии на политику внепарламентских структур. Оглядываясь на весь прошедший период деятельности ландтага и вопреки мнению леволиберальной прессы и либерально-демократических депутатов, что за три года палата депутатов ничего не добилась, Финке перечислил пять принятых законов, среди них «Об устранении ограничений, обременяющих прессу», «Об организации избирательных округов», «О создании свода законов о торговле», «О налоге на недвижимость», которые создавали возможности «примирить и соединить различные противоположные интересы отдельных провинций, которые в этих сферах последние полвека могли противостоять друг другу»²³¹. В конце своей речи Финке предложил петиции больше не обсуждать переходить к повестке дня сразу и не передавать их на рассмотрение королевскому правительству, как это предлагал Вальдек. Предложение было поддержано, либералы голосовали против «Парламентского союза».

В ходе парламентской сессии с января по май 1861 г. отчетливо проявились различия между старолибералами и демократами, естественным следствием чего стало возникновение новой фракции. Сторонники демократического либерализма и фракция Финке демонстрировали различные политические воззрения по следующим пунктам: 1. германский вопрос; 2. вопрос о необходимости политической программы; 3. о парламентаризме; 4. о всеобщем и равном избирательном праве; 5. о ландвере; 6. по поводу закона о союзах. Социальный вопрос во фракции старолибералов вообще не рассматривался; только Шульце-Делич поставил его на обсуждение. Перечисленные расхождения во мнения влекли за собой однако, не только возникновение новой фракции, но также создавали основу для организации партии, которая вела организационное строительство вне парламента и членами которой были не только депутаты. Возникла Немецкая прогрессистская партия.

Программа Немецкой прогрессистской партии от 9 июня 1861 г.

После выхода из фракции Финке и образования собственной фракции представители демократического либерализма решили принять участие в предвыборной борьбе как независимая группа. Они обдумывали возможность объединения с национальным союзом, «для чего должно было использоваться название «Национальная партия» и согласно национальному союзу разрабатываться предвыборная программа и программа партии»²³². Стремление не осуществилось. Они основывали собственную организацию, которая тесно сотрудничала с национальным союзом.

В начале июня они провели консультации по поводу формирования избирательного комитета на основании политической программы. В совещаниях принимали участие не только депутаты, как например, Шульце-Делич, Говербек и Макс фон Форкенбек, но и значительные личности из Берлина, среди них профессор Т. Моммзен, В. фон Сименс и профессор Р. Вирхов, сторонники конституции и либерал-демократы, которые не соглашались с политикой фракции Финке. За основу обсуждения, которым руководил профессор Вирхов, был положен подписанный семнадцатью решительными либерально-демократическими депутатами 13 января 1861 г проект программы, который с незначительными изменениями нашел свое выражение в учредительной программе Немецкой прогрессистской партии от 9 июня 1861 г. Первоначально заявленная как предвыборное обращение программа оставалась базовым документом партии в течении 15 лет. Внесенные после 1876 г. изменения означали только «смещение акцентов и новые формулировки, но не принципиальные отличия»²³³. Этот факт делает необходимым подробно представить и проанализировать программу 1861 г.

С декларации политических принципов в предвыборной программе во внутренней политике началась Пруссии новая эра. Депутат отныне принадлежал к группе политиков и в парламенте, и в народе. В своих решениях он должен был обращать внимание на программу его группы. Избиратель теперь также мог легко контролировать, вел ли себя избранный политик в палате депутатов в соответствии с программой. Депутат терял часть независимости, он превращался из представителя народа в исполнителя политической программы. Между избирателем и избранным возникала связь. Выборы постепенно превращались в плебисцит по политически важным вопросам. Левoliberalная «Вестфальская газета» настойчиво подчеркивала необходимость разработки и принятия политической предвыборной программы: «Противоречит представлениям немецкого народа о свободе то, что гражданин лишается своих прав и передает их полностью другому лицу, что он должен выбрать своим депутатом так называемого «обывателя», который способен представлять своих избирателей только после лучшего знакомства с

ними. Немецкий гражданин, наоборот, воспринимает депутата только как своего уполномоченного, и поэтому предвыборные программы - это, собственно, не что иное, как переданные ему полномочия... Программа содержит суть, она должна предшествовать личности»²³⁴. Такое обоснование соответствовало представлениям демократов. Либералы, которые при составлении предвыборной программы прогрессистской партии взяли верх над демократами и смогли придать программе либеральный характер, обосновывали ее необходимость «весьма суровым временем, небезопасным для отечества состоянием международных отношений и внутренними трудностями, справиться с которыми действующая палата представителей оказалась неспособной»²³⁵. На этом основании они призывали избирателей с толком использовать свое право голоса.

Программа начиналась с провозглашения верности королю и конституции. В то же время в программе старолибералов Ганземана и Дове значились «конституционно-монархический основной закон» и «священная личность Его королевского величества короля»²³⁶. Эти различия в формулировках демонстрируют противоположные взгляды старолибералов и прогрессистов. Ганземан и его приверженцы были удовлетворены правительством и государственной конституцией, все их реформаторские предложения служили укреплению королевской власти и их собственного положения. Прогрессисты признались в верности конституции, но не из-за восторженного отношения к действующему основному закону, а из-за опасений, что протест мог привести к усилению реакции. Тем не менее, они были полны решимости при помощи реформ сделать конституцию более либеральной. Консерваторы видели своего противника, прежде всего, в партии прогресса. Они по-прежнему настаивали на «христианском государстве с христианской властью»²³⁷. Противоположная точка зрения партии прогрессистов, их борьба за либеральное государство без «начальства» и «подданных» взывала к политическому мужеству, так как в руках у консерваторов были все инструменты государственной власти. Главные программные требования прогрессистов составляла триада «единство Германии», «сильная центральная власть в руках Пруссии» и «общегерманское народное представительство»²³⁸. Это были требования, которые уже выдвигали конгресс немецких экономистов и немецкий национальный союз. В то время как для них эти требования оставались единственными, партия прогрессистов своей политической программой хотела оказывать влияние на все сферы жизни общества: управление, судебную практику, школу, церковь, военное дело и экономику. Во всех этих сферах она требовала прогрессивных преобразований, причем термин «прогрессивный» употреблялся в смысле «либеральный». На этом пути либеральное правительство должно было добиваться «признания остальных немецких племен».

Либеральные принципы должны были осуществляться «непреклонно во всех слоях чиновничества». Здесь подразумевалось противодействие возможному давлению на избирателей и проискал полиции.

Во имя создания подлинного конституционного правового государства они требовали «действительно независимых судей», «устранения исключительных прав зависимой прокуратуры», «подлинной ответственности служащих» и «восстановления компетенции присяжных заседателей по политическим процессам». Прогрессисты решительно высказывались за последовательное отделение от государства и церкви в школьном деле и семейно-брачных отношениях.

В программе были закреплены те требования к военной политике, которые уже «ранее были представлены и в палате депутатов и в обществе: «Экономия военного бюджета в мирное время», «сохранение ландвера», «повышенный набор способных носить оружие при двухгодичном сроке службы». Не хватало демократического требования принесения военной присяги на верность конституции. Также было бы вероятно не лишне отметить, что армия представляет собой государство в государстве и служит тормозом либерально-демократических перемен во внутренней политике. В экономической политике следовали тем принципам, которые сформулировал конгресс немецких экономистов: немедленное освобождение экономических сил страны, пересмотр промыслового законодательства. По второму пункту они вступали в конфликт с консерваторами, которые взывали обеспечить «Защиту честного ремесленника сохранением цеховых порядков и экзаменов на звание мастера»²³⁹.

Политическую программу можно исследовать не только по представленным в ней пунктам. Также возникает вопрос: какие политические проблемы, имевшие большое значение для своего времени, замалчивались? В программе прогрессистов вообще ничего не говорится об избирательном праве и социальных вопросах. Трехклассный избирательный закон был принципиально несовместим с демократическими принципами; почему демократы не закрепили в программе партии требование всеобщего и равного избирательного права? Они ведь не могли отступить от принципов революции 1848 г. За решение социальных вопросов всегда энергично выступал Шульце-Делич. Почему они были обойдены теперь? Вероятно, последовательные либералы и демократы так и не смогли договориться по поводу избирательных прав и социальной политики. Права ли была «Вестфальская газета» когда утверждала, что программа прогрессистов - это «в какой-то мере могила, в которой погребены резкие партийные различия (между демократами и либералами – Н. Б.), что позволяет партиям подать друг другу руку, чтобы бороться против общего противника»²⁴⁰?

Спорные программные вопросы:

всеобщее, равное и тайное избирательное право и социальный вопрос

Вопрос о всеобщем, равном и тайном избирательном праве был главным при обсуждении программы. Демократы, в первую очередь Говербек, Кригер, Шульце-Делич и их берлинские единомышленники требовали, чтобы это положение обязательно присутствовало в программе, против чего выступали либералы²⁴¹. Представителем этой группы был профессор Т. Моммзен, который отстаивал точку зрения, что такой пункт создаст препятствия для столь желанного объединения либералов и демократов, которого удалось добиться в Национальном союзе²⁴². После долгих и напряженных дискуссий председательствующий Вирхов вынес постановление исключить требование из программы. В сопроводительном письме, которое намеревались распространять вместе с текстом программы, решено было заявить, что вопрос о всеобщем, равном, тайном избирательном праве рассматривается как «открытый», поскольку его решение в парламенте нового созыва не ожидается.

Такое решение вряд ли можно считать достойным. Демократы поначалу стремились компенсировать свое поражение. Они создали собственный «Народный избирательный союз», чтобы в ходе выборов поддерживать в первую очередь тех кандидатов, которые были готовы бороться за введение всеобщего избирательного права в Пруссии. Его воззвание от 1 ноября 1861 г. было напечатано в «Вестфальской газете»²⁴³. Такие действия могли бы привести к возникновению самостоятельной демократической партии, чего не произошло из-за недостатка решимости и дальновидности. В предвыборном обращении демократы старались избегать всего, что могло выглядеть оппозицией по отношению к подчиненной либералам Немецкой прогрессистской партии. Они даже провозглашали солидарность с прогрессистами и хотели дополнить только один пункт. В заявлении демократов значилось: «Народный избирательный союз в Берлине поставил задачу обратить внимание прусских выборщиков на нескольких человек, чье прошлое служит порукой тому, что они и в будущем останутся верными представителями народа, что они будут стремиться содействовать как реализации программных принципов немецкой прогрессистской партии, так и устранению ограничений избирательного права, т.е. открытого голосования и трехклассной системы»²⁴⁴. Для демонстрации надежных связей между партией прогрессистов и Народным избирательным союзом свои подписи

под обоими документами – программой партии от 9 июня 1861 г. и предвыборным обращением союза от 1 ноября 1861 г. поставили четыре депутата: Якоби, Кош, Вирхов и Шульце-Делич.

Шульце-Делич был наиболее последовательным сторонником всеобщего равного и тайного избирательного права. Насколько для него также важным было исключение процедуры открытого голосования, показало уже обсуждение в апреле 1861 г. в палате представителей запросов во изменение закона о выборах от 30 мая 1849 г., касавшихся введения подачи бюллетеней вместо открытого голосования. Шульце-Делич характеризовал «тайное право голоса как единственное практическое средство обеспечения независимых выборов»²⁴⁵. Он выступал против «беззаконного влияния на избирателей со стороны реакционного чиновничества». Только введение тайного голосования могло устранить тот «род политического мученичества», который до сих пор был связан с осуществлением избирательного права. Нарушения, связанные с практикой открытого голосования, отмечались в воззвании «Комитета либеральных ремесленников»: «Публичная подача голосов поощряет коррупцию и терроризм, не один служащий и ремесленник, если он голосовал не так, как хотел шеф или клиенты, терял службу или кусок хлеба. И сейчас юнкера публично обещают лишить клиентуры каждого, кто не проголосует за них»²⁴⁶. Этот предвыборный комитет, как и народный избирательный союз выступал за отмену трехклассного закона. Его воззвание, обращенное к рабочим и ремесленникам Пруссии, носило демократический характер. Авторы воззвания поддерживали партию прогрессистов и народный избирательный союз. Они характеризовали свой документ как «программу подлинных либералов в Берлине – столичном городе и резиденции».

Вновь встает вопрос, почему демократически настроенные ремесленники не объединились с демократами из народного избирательного союза и партии прогрессистов в новой партии. Не был ли вопрос об избирательном праве достаточной причиной для их отделения от либералов? Полагали ли они, что смогут выигрывать выборы только в коалиции с либералами против консерваторов? В начале избирательной кампании они организационно разошлись с партией прогрессистов, где демократам не удалось победить либералов. Но уже в предвыборных призывах то, что объединяло либералов и демократов было поставлено выше чем то, что их разделяло. Накануне решающих выборов эта тактика оказалась правильной, но на длительную перспективу она вряд ли могла удовлетворить рабочих и мелких предпринимателей.

Одним из самых жестких критиков партии прогрессистов был Ф. Лассаль, который постоянно выражал недовольство их политикой и программой. Он считал крайне

недостаточными программные требования по расширению бюджетных прав парламента и реформированию вооруженных сил. Самым важным для него было введение всеобщего избирательного права, которое отсутствовало в программе прогрессистов. Он призывал рабочих объединиться в собственную партию, чтобы «не рассматривать себя в дальнейшем придатком прусской партии прогрессистов»²⁴⁷.

23 мая 1863 г. Лассалем был основан Всегерманский рабочий союз. В его уставе, состоявшем из семи параграфов, первый параграф составлял по сути дела программное заявление первой рабочей партии на немецкой земле: «под названием “Всегерманский рабочий союз” на территории всех германских союзных государств основывается союз, который исходит из убеждения, что только посредством всеобщего равного и прямого избирательного права может быть обеспечено желаемое представительство социальных интересов немецких рабочих сословий и подлинное устранение классовых противоречий в обществе; союз преследует цель мирным и законным путем, особенно за счет завоевания общественного мнения содействовать введению всеобщего прямого и равного избирательного права»²⁴⁸. Для демократического развития Германии раскол между буржуазными демократами и демократами из рабочей среды сыграл роковую роль, демократы в партии прогрессистов не смогли взять верх над либералами, но при этом предпочли остаться в одной большой либеральной партии, а не создавать новую демократическую партию. Хотя впоследствии буржуазные демократы и социал-демократы пришли к единому мнению по избирательному вопросу, до объединения дело вновь не дошло. Причиной тому стали принципиально различные взгляды на решение социального вопроса. Замалчивание вопроса об избирательном праве в программе прогрессистов вызывало также недовольство со стороны демократов из северогерманских, и даже в большей степени южногерманских государств. Разве не должна была партия, которая главным пунктом своей программы поставила объединение Германии под руководством Пруссии, заботиться о том, чтобы обеспечить прусскому государству внутривнутриполитический образцовый и прогрессивный порядок? Демократов из «третьей» Германии восхищала борьба прогрессистов за конституционные права, но они сожалели об отсутствии некоторых демократических требований в программе прогрессистов. В центре программного заявления, основанной 27 декабря 1864 г. в Эсслингене Вюртембергской народной партии, значилось «устранение привилегированных сословий и введение всеобщего права голоса». Основанная в 1866 г. Саксонская народная партия точно также в первом пункте своей программы, принятой в г. Хемниц, об избирательном праве говорилось тоже само: «всеобщее прямое и равное избирательное право с тайной подачей

голосов во всех сферах государственной жизни (для общегерманского парламента, палат отдельных государств общин и т. п.)»²⁴⁹.

В центре дискуссии при основании новой партии наряду с вопросом об избирательном праве обсуждался вопрос о ее названии. 6 июня 1861 г. на очередном собрании при особо активном участии Шульце-Делича, Говербека, Сименса состоялось оживленное обсуждение названия партии. В. фон Сименс, который присоединился в прогрессистам, поскольку больше не верил, что «прусское государство будет биться за объединение Германии» и поэтому связывал «все свои надежды с окончательной победой либеральных настроений в немецком и особенно прусском народе»²⁵⁰. В своих воспоминаниях он писал: «большинство склонялось к тому, чтобы голосовать за название «Демократическая партия», в то время как Шульце-Делич хотел ее окрестить «Немецкая партия». Я предложил выбрать название «Партия прогресса», так как мне казалось уместнее в название партии выразить направление деятельности, чем идеологию. Было решено объединить мое предложение и предложение Шульце-Делича и назвать новую партию «Немецкая прогрессистская партия»²⁵¹. В этом случае либералы также одержали верх над демократами. Сам термин «демократический» все еще вызывал множество боязливых вопросов, наводил на мысли о 1848 г., о революции и господстве парламента. Чтобы не провоцировать подобные ассоциации в сознании правительства и народа под давлением либералов было решено принять нейтральное название, которое никак не было связано с политической идеологией. В тоже время слово «немецкая» обозначало, что партия придает первостепенное значение объединению Германии. Здесь просматривается традиция революции 1848 г. Для старых демократов любая национальная политика была антидинастической, свободной и демократической политикой. Для 1861 г. было в новинку, что политическая группа в парламенте выбрала для себя особое название. До сих пор фракции именовались по фамилиям их лидеров, отныне название партии связывалось с ее программными установками.

Социальный вопрос. Нет никакой информации, что в ходе дискуссии по программе Немецкой прогрессистской партии обсуждались социальные вопросы. Известно только, что в программе нет даже намека на них. С другой стороны, мы знаем, что по крайней мере некоторые демократы, которые входили в партию, занимались решением социального вопроса. В первую очередь нужно назвать Шульце-Делича и Й. Якоби, которые поставили свои подписи под программой прогрессистов и заявлением Народного избирательного союза, а также издателя Ф. Дункера.

Шульце-Делич был одним из первых политиков, кто видел в социальном вопросе самую серьезную проблему и пытался ее решить. Уже с середины 1850-х гг. он был

создателем рабочих и ремесленных ассоциаций, товариществ, кредитных обществ для улучшения положения мелких ремесленников и рабочих. Шульце-Делич делал ставку на освобождение от старой консервативной цеховой системы, свободу промыслов и способность конкурировать с большими предприятиями. Он был принципиальным приверженцем того, что человек должен сам себе помочь без ожидания помощи от государства. Он придерживался взгляда, что только через развитие и образование среди населения и экономной жизнь каждого отдельно взятого человека может быть решен социальный вопрос. Во вмешательстве государства он видел угрозу индивидуальной свободе, которая в таком случае будет зависеть от посторонней помощи. Для него социальный вопрос был «общественным вопросом», а не задачей государства. Его решение лежало в сфере «способности к самосовершенствованию человеческого общества». А эта способность была связана со способностью к совершенствованию человеческого рода: «Мы созданы природой для общения. Так организовано, что наша сущность без этого не раскрывается. Только внутри общества только посредством существующего в нем разделения и сочетания различных работ люди способны обеспечить за счет использования своих сил полное удовлетворение своих духовных и физических потребностей»²⁵². Общество создает условия для развития отдельной личности. Посредством «организации взаимовыручки и обмена достижениями всякого рода», которые Шульце-Делич стремился создать, он надеялся обеспечить благоприятные условия повышение производительности индивидумов, и вместе с тем обеспечение их материальных запросов. В отличие от него основатель первого Общегерманского рабочего союза Ф. Лассаль признавал необходимость государственной помощи. За счет введения всеобщего и прямого избирательного права он надеялся завоевать государство, чтобы с его помощью направить производственные товарищества на решения социального вопроса.

Организационные основы Прогрессистской партии

Принятие программы стало первым шагом к созданию партии, но важнейшим признаком партии наряду с программой является наличие организации не только в парламенте, но и на территории страны: провинциях, округах и на местах. Такое организационно строительство вновь основанная партия начала накануне выборов зимой 1861 г. Был основан Центральный избирательный комитет, чья деятельность распространялась на всю страну. Он издавал листовки и заботился о сборе пожертвований. Во всех провинциях и многих населенных пунктах Пруссии возникли избирательные комитеты немецкой прогрессистской партии, которые поддерживали программу принятую

9 июня 1861 г. Наряду с организацией партии были созданы еще две демократические предвыборные организации, которые вели свою агитацию отдельно от новой партии, но действовали как ее союзники и по большому счету как ассоциированные части этой партии.

В сентябре 1861 г. несколько авторитетных политиков, депутатов ландтага и вне его, образовали «Центральный избирательный комитет немецкой прогрессистской партии». Он состоял из 16 человек. Председателем был избран Г. В. фон Унру, секретарем и руководителем Берлинского бюро доктор Темпельтей. Большинство политиков представляло Берлин, периферия была представлена одним человеком из Рейнской области, одним вестфальцем, тремя восточными пруссаками и одним силезцем. Шестеро из них были членами Национального союза, а трое выполняли роль официальных агентов этого союза и поддерживали постоянную переписку с его правлением в Кобурге.

В первом предвыборном призыве избирательного комитета от 29 сентября 1861 г. единомышленником призывали к созданию партийной организации по всей стране. В конце этого документа значилось: «Наших сограждан-единомышленников мы призываем воспользоваться данной конституционной свободой создания союзов согласно параграфу 21 Закона от 21 марта 1850 г. для организации выборов и создать местные предвыборные союзы или комитеты»²⁵³. Центральный комитет особо отмечал необходимость создания таких организаций, прежде всего, в сельской местности, где были сильны позиции консерваторов. Организационные вопросы разъяснялись до малейших деталей: «отдельные личности, которые проводят предвыборную агитацию в нашем духе, также как и местные союзы избирателей и комитеты, обязаны поддерживать связь с центральным комитетом, обсуждать с ним вопросы организации приобретения и распространения печатных материалов, выдвижение и поддержку отдельных депутатов в избирательных округах, предоставлять информацию о положении дел, особенно о предвыборных действиях противников, и наконец, поддерживать нашу позицию в отношении кандидатов»²⁵⁴. Этот призыв был опубликован в газетах. Через известных либеральных и демократических политиков - тех, кто подписал партийную программу, он также был разослан вместе с подписным листом с целью сбора пожертвований. Для создания запланированных организаций на местах и финансирования центрального бюро партии нужно было много денег. Просьба о пожертвованиях обосновывалась следующим образом: «поименованный центральный избирательный комитет Немецкой прогрессистской партии серьезно указывает своим политическим единомышленникам, что подготовительные шаги для предвыборного движения уже сделаны в соответствующих листовках, публичных выступлениях по всей стране и так далее. Само собой разумеется -

выросли и связанные с этим различные расходы, поэтому мы обращаемся к нашим товарищам по партии с доверительной просьбой для хорошо известных им целей предоставить по возможности быстро и достаточно средств, а также в равной степени с этой же целью повлиять на их политических друзей. Подписной лист в Берлине будет открыт вновь через восемь дней, а взносы из провинции мы просим направлять по адресу: Берлин, Унтервассерштрассе, 8, г-ну Гутентагу»²⁵⁵.

Закон о союзах 1850 г. запрещал создание дочерних организаций, тем не менее, политики-прогрессисты создавали свою партию на принципах строгого централизма. Примером для них служил Национальный союз, в который входили многие из них. Дело доходило до того, что местные организации Национального союза одновременно были и организациями партии прогрессистов и в частности поддерживали финансами кандидатов партии на выборах. Например, 14 августа 1862 г. агент Национального союза в Герцберге П. Герхард послал в Кобург финансовый отчет своей местной организации и заметил, что почтовые расходы, связанные с предвыборной компанией либералов, оплачены из средств Национального союза, чтобы «обеспечить прорыв национальных устремлений»²⁵⁶. Строго централизованный характер имели общее оргбюро избирательного комитета, партийная касса, процедура выдвижения кандидатов и либеральная пресса. Большинство либеральных и демократических изданий концентрировалось в Берлине. Они опубликовали программу немецкой прогрессистской партии и способствовали популяризации партии. Программу подписали среди прочих владельцы и редакторы многих влиятельных газет: Ф. Дункер – собственник «Народной газеты», О. Линднер – редактор «Фоссише цайтцунг», Е. Матеи – редактор «Национальной газеты», доктор Цабель – главный редактор «Национальной газеты»²⁵⁷. «Народная газета» (22 тыс. экземпляров), «Королевская привилегированная Берлинская газета» («Фоссише цайтцунг») (13 тыс.), «Национальная газета» (5800) были самыми многотиражными ежедневными изданиями в прусской столице. Целый ряд газет оказывали существенную поддержку прогрессистам по всей стране. Например, основанная в 1862 г. «Меркише фольксцайтунг - орган Немецкой прогрессистской партии», «Вестфальская газета» из Дортмунда и «Маленькая газета для города и деревни – еженедельник округа Виденбрюк», редактор которой доктор О. Люнинг был агентом Национального союза и одним из учредителей Прогрессистской партии. Наряду с газетами программные положения прогрессистов распространялись в листовках, которые можно было приобрести в центральном комитете и в книготорговых лавках всего за серебряный грош. Особенно хорошее представление о стиле, в котором были составлены эти листовки, дает листовка под названием «Предвыборщики из города и деревни». Она открывалась резкими

нападками на консерваторов вообще и О. фон Бисмарка в частности: «нас призывают твердо сообща объединиться в верности королю и династии, но это не действует. Разве вы не слышали или не читали, что сказал один из больших знатных людей в палате господ: «Мы гораздо более известны на территории марки, чем Гогенцоллерны». Неужели этот господин юнкер ставит себя уже выше, чем короля и его дом? Да, они так думают... Наши предки чувствовали это на своей шкуре, когда рыцари-разбойники сжигали города и деревни, отнимали стада и плоды земли, подвергали насилию их дочерей и сыновей... Друзья, сегодня ничего не изменилось по сравнению с прежними временами, только выглядит немножко иначе. Феодальный юнкерский дух все еще процветает. Люди народа! Разве мы позволим себе спать и вложить оружие в руки феодалов и позволить себя победить. Это не может и не должно произойти»²⁵⁸.

В подчинении Центрального избирательного комитета находились провинциальные избирательные комитеты. Например, был создан избирательный комитет в Вестфалии, в который входили политики 17 городов, в том числе из Билефельда, Мюнстера, Галле. Правление этого комитета состояло из 12 человек. Наиболее известным из них был доктор О. Люнинг. В своем призыве Вестфальский комитет поддерживал духовный прогресс, выступал за сохранения единства большой либеральной партии. Хотя и признавал существование «незначительных» расхождений во взглядах между либералами и демократами. «Только единство делает нас сильным, только решимость принесет отчеству благо, только мы сможем защитить нашу конституцию от угрожающих ей врагов»²⁵⁹. Основную агитационную работу проводили местные избирательные комитеты, которые получали постоянную поддержку от Центрального комитета в Берлине. Они активно сотрудничали с местными организациями Национального союза, если последние сами не выполняли функций либеральных предвыборных комитетов, как например, в Бреслау. На множестве собраний национального союза в различных городах выступали депутаты-прогрессисты. Они пропагандировали программу новой партии и призывали активно участвовать в предстоящей предвыборной борьбе. Например, 7 октября 1861 г. Шульце-Делич выступил с речью перед собранием членов Национального союза в Эльберфельде. Политики, которые входили одновременно и в Национальный союз, и партию прогрессистов, считали необходимым поддерживать тесные связи между этими партиями и оказывать друг другу всестороннюю помощь. О существовании хороших связей между местными организациями и Центральным комитетом в Берлине свидетельствует тот факт, что добровольные пожертвования с целью покрытия расходов Центрального избирательного комитета собирались на местах. Но естественно, что партийная касса была открыта для местных организаций. Из нее, например, оплачивалось издание листовок.

Члены Центрального избирательного комитета совершали поездки по многим городам с целью разъяснения программы партии, ее обсуждение проходило, например, в Саарбрюккене, Билефельде и Кенигсберге. Насколько важна была программа для оформления новой партии свидетельствуют решения принятые, например, на одном собрании избирателей в Дортмунде: «1. Собравшиеся сегодня избиратели округа Дортмунд заявляют о своем вступлении в немецкую прогрессистскую партию и поддержке опубликованной 9 июня сего года ее программы; 2. Они также заявляют, что будут избирать только тех выборщиков и депутатов, которые заявят о согласии с этой программой; 3. Из нашей среды будет избран комитет, перед которым встанет задача предпринять необходимые шаги, чтобы содействовать выборам в соответствии с основными пунктами этой программы»²⁶⁰.

Наряду с Центральным избирательным комитетом в Берлине и подчиненными ему комитетами на местах были созданы две самостоятельные организации – «Комитет либеральных ремесленников» и «Народный избирательный союз». Союз ремесленников был создан 17 сентября 1861 г. в Берлине, чтобы «защищать интересы ремесленников и рабочих»²⁶¹. В него были избраны 5 ремесленников. Программа этого союза была идентична программе прогрессистов. Только по вопросу об избирательном праве имелось существенное отличие. Союз ремесленников добивался отмены трехклассного закона и проведения всеобщих прямых равных и тайных выборов. В целом эта организация не имела большого политического влияния.

Гораздо большее значение по сравнению с союзом ремесленников имел Народный избирательный союз. В него входили, известные на всю Пруссию, демократические политики, такие как педагог А. Дистервег, Й. Якоби, Шульце-Делич, А. Штрекфус, профессора Вирхов и Вальдек. Они создали предвыборный комитет, который стремился поддерживать демократических кандидатов, т. е. тех, кто выступал за отмену трехклассного закона и имел «более сильный демократический оттенок», по сравнению с конституционалистами из партии прогрессистов²⁶². По началу самостоятельная организация в ходе предвыборной борьбы объединилась на местах с комитетами прогрессистов, чтобы предотвратить раскол свободомыслящих, к чему стремились консерваторы. Председателем этого союза был А. Штрекфус (1823-1895), один из предводителей демократического народного движения в Берлине в период революции 1848 г. В качестве печатного органа союза сначала выступала «Народная газета», затем «Берлинская вечерняя газета». Союз имел серьезные проблемы с полицией из-за того, что власти видели в нем проводника идей 1848 г. Полицейские власти Берлина отказывались зарегистрировать союз именно как «союз избирателей». Они видели в организации

Штрекфуса политический союз и запрещали ему поддерживать связи с другими союзами. При этом полицейские власти ссылались на закон о союзах 1850 г., который не проводил различий «между союзом избирателей и собственно политическим союзом, да и вообще можно ли говорить о неполитическом союзе избирателей»²⁶³.

Руководство союза протестовало против полицейского произвола в своем обращении к министру внутренних дел, но он подтвердил решение полицайпрезидиума Берлина. Распоряжение министра гласило «союзы подобные Народном избирательному не могут быть причислены к избирательным союзам в духе закона, поскольку их деятельность не заканчивается с окончанием выборов и не ограничивается рамками избирательного округа, в котором этот союз находится»²⁶⁴. Это решение либерального министра получило поддержку со стороны барона фон Финке. Таким образом, властям удалось предотвратить распространение демократических союзов избирателей в масштабах всей Пруссии.

В качестве дочерней организацией Немецкой прогрессистской партии можно рассматривать созданный 27 июня 1863 г. «Союз в защиту конституционной свободы прессы в Пруссии». Он был создан как ответ на преследования, которым власти подвергали демократическую и либеральную прессу. Надзор над прессой осуществляли два правительственных органа: «Литературное бюро королевского государственного министерства», которое 19 марта 1862 г. было подчинено министерству внутренних дел; и отдел обзора прессы в министерстве иностранных дел, который начал свою работу весной 1863 г. По мере обострения конфликта между правительством и либералами оппозиционная пресса повышала тон критики. В результате только за 1862 г. в Берлинском городском суде состоялось 74 процесса против оппозиционной прессы. 92 газеты в Берлине и 29 за пределами столицы были конфискованы. В то же время правительство Бисмарка поддерживало консервативную прессу и особенно окружные газеты в качестве инструмента здорового политического просвещения. 1 июня 1863 г. правительство опубликовало широко известный Ордонанс по прессе в соответствии с которым органы исполнительной власти имели право «на время или навсегда отдельные экземпляры любой газеты и журнала, издаваемых внутри страны, запрещать, если это издание постоянно занимает позицию, угрожающую общественному спокойствию»²⁶⁵. Издание этого Ордонанса послужило поводом для создания Союза в защиту прессы. Его устав был опубликован 27 июня 1863 г. и подписан 2,5 тыс. человек из 82 населенных пунктов Пруссии. Надо отметить, что наличие местных союзов избирателей и организаций Национального союза облегчало сбор подписей среди либерально и демократически настроенных граждан. Центральные органы союза находились в Берлине. Главной его

задачей была защита свободы прессы, которую гарантировала 27 статья Прусской конституции 1850 г. Членом союза мог стать каждый, кто ставил подпись под Уставом и выплачивал членские взносы не менее 1 талера в год. На общем собрании члены союза избирали исполнительный комитет из 9 человек и принимали решения по всем делам союза простым большинством голосов. Работой исполнительного комитета руководило правление в составе 4 человек. В него входили председатель – книготорговец Г. Реймер, заместитель председателя – профессор Гнейст, секретарь – городской советник Рунге, и его заместитель доктор Леве. Финансовые средства союза находились в руках книготорговца Вейта, которому также было разрешено набирать сотрудников для организации работы союза и в случае необходимости переносить заседания союза из Берлина в другие места. Мы не можем сказать, как долго союз занимался агитацией и насколько успешной была его деятельность, известно только, что в 1866 г. его уже больше не было.

По сравнению с организацией Национального союза организация партии прогрессистов выглядела более рыхлой. У них не было ни членских билетов, ни членских взносов. Все деньги на нужды организации поступали только в виде добровольных пожертвований. Партия представляла собой в первую очередь организацию избирателей и проявляла свою основную активность в ходе выборов в палату представителей Прусского парламента. На постоянной основе работал только Центральный комитет в Берлине и занимался агитацией посредством всякого рода воззваний и листовок. Известное дополнение организация прогрессистов получала от Национального союза. Идентичные политические установки по важнейшим программным пунктам и двойное членство целого ряда авторитетных политиков обеспечивали тесную связь партии прогрессистов с Национальным союзом.

Социальное происхождение руководства Немецкой прогрессистской партии

На собрании избирателей 26 февраля 1861 г. Шульце-Делич заявил, что он стремится «заботится об интересах средних и мелких производственных сословий и благосостоянии и просвещении рабочего класса». К этому он добавил «их интересы я хотел бы обеспечить в первую очередь, поскольку крупные земельные собственники и промышленники со своими значительными состояниями и без того изрядно представлена в нижней палате»²⁶⁶. Он сделал важное замечание по поводу социального происхождения палаты представителей. Рабочие, мелкие и средние ремесленники вообще не были представлены в парламенте. Зато из 352 депутатов 134 являлись крупными

собственниками, из них 50 – крупных помещиков и 7 фабрикантов. Наряду с собственниками заметный социальный слой составляли лица с высшим образованием. Среди них 150 были государственными служащими – учителя, священники, профессора, судьи (90 человек), управленцы, 18 служащих в отставке и 15 служащих местного уровня. 28 депутатов из лиц свободных профессий – врачей, юристов, журналистов, издателей можно также причислить к собственникам²⁶⁷. Каким же было социальное происхождение руководства партии прогрессистов? Нужно помнить, что в руководящую группу партии прогрессистов входили не только депутаты парламента. Преобладающее большинство их состояло из людей зависимых от государства. Правоведы и адвокаты, издатели и редакторы, торговцы и фабриканты, судьи, правительственные советники и бургомистр на пенсии были главными носителями либеральной и демократической партийной политики. Подобные же результаты показывает происхождение депутатов, которые состояли в прогрессистской фракции парламента, хотя там собственники и не связанные с госслужбой, лица с высшим образованием были представлены больше, чем служащие. Было достаточно опасно быть зависимым государственным служащим и одновременно состоять в оппозиции правительству. Уже в период реакции некоторые политики-прогрессисты были уволены с государственной службы. Сам Шульце-Делич подвергался нападкам до тех пор, пока не решил уволиться с государственной службы и зарабатывать на жизнь в качестве независимого писателя. Осенью 1862 г. шесть служащих-управленцев покинули палату представителей. Вместо них были избраны два государственных советника и один ландграф. Кто стремился проводить эффективную и независимую политику должен был быть свободным и независимым человеком. Исключение составлял Комитет либеральных ремесленников, в котором состояли один столяр, один сапожник, парикмахер, портной и позументщик, но все эти люди были незнакомы обществу в качестве политиков, да и не стали таковыми. Кроме того не понятно почему в этом избирательном комитете не было ни одного рабочего.

По сравнению с другими политическими группами в партии прогрессистов слабо было представлено дворянство. В парламентской фракции в процентном отношении составляло наименьшее число дворян (10 человек из 135). Консервативные фракции состояли исключительно из дворян. Во фракции старолибералов к этому сословию принадлежало больше половины депутатов. Католической фракции центра каждый 10 был дворянином²⁶⁸. Программу Немецкой прогрессистской партии подписали двадцать восемь политиков, лишь трое из которых носили дворянские титулы. Но все они играли значительную роль в партии. Барон фон Говербер и М. фон Форкенбек были основателями Парламентского союза, на основе которого была сформирована партия прогрессистов.

Фон Унру был председателем центрального избирательного комитета, который, правда, входило всего три дворянина. Но эти люди обладали уже сложившимся буржуазным сознанием, так что их нельзя отнести к выразителям интересов дворянства. Барон и крупный землевладелец Говербег не придавал никакой ценности своему титулу. М. фон Форкенбек служил во вполне буржуазной должности защитника в суде. Служебная деятельность фон Унру была связана со строительной индустрией. То, что они разделяли программные положения прогрессистов превращало их в последовательных противников господства дворян в правительстве, верхней палате парламента и армии. В дочерних организациях партии, в таких как «Народный избирательный союз» и «Союз защиты конституционной свободы прессы в Пруссии» вообще не были представлены дворяне. В обеих этих организациях были представлены люди свободных профессий - владельцы фабрик, книготорговцы, проповедники. Туда же входили профессора и государственные и муниципальные служащие на пенсии. Существовали некоторые незначительные различия в социальном составе региональных отделений партии. Так, например, в Вестфалии решающую роль играли фабриканты и торговцы, в то время как в Восточной Пруссии – земельные собственники и юристы. Это зависело от социального состава той или иной провинции. В организациях местного уровня на самом низшем уровне ремесленники, промышленные рабочие, крупные и мелкие крестьяне, наряду с некоторыми предпринимателями были представлены гораздо сильнее, чем крупные земельные собственники и лица с высшим образованием. Именно эти представители средних слоев составляли большинство сторонников и избирателей Немецкой прогрессистской партии. Наконец можно отметить, что большинство членов руководства партии имели образование и собственность, но при этом число представителей образованного общества было значительно больше числа собственников. Причем надо всегда помнить, что даже госслужащие, врачи, юристы и муниципальные служащие в большинстве своем обладали небольшой собственностью. Почему эти личности выступали в поддержку программы прогрессистов? Главной причиной было стремление к первоочередному решению вопроса об объединении Германии. Для большинства представителей руководства партией объединение Германии представляло цель, к которой он стремились из идеалистических побуждений. Например, в целях создания единого немецкоговорящего культурного пространства. К этому надо добавить, что многие из них глубоко переживали процесс объединения соседней Италии. Относительно немногие видели в германском единстве средство обеспечения экономических интересов. Собственники, фабриканты на Западе и крупные землевладельцы на Востоке немецкого государства были заинтересованы в ликвидации внутригерманских таможенных границ. И поскольку качества их товаров

было достойным, а продукция сельского хозяйства производилась в больших масштабах, они также были заинтересованы в свободной торговле с другими европейскими государствами. Они осознавали, что смогут модернизировать свои предприятия и добиться повышения доходов только при условии введения свободной рыночной конкуренции. Наряду с экономическими имелись также и политические интересы, связанные с объединением страны. Воспитанные в прусском духе люди видели в своем государстве ту страну, которая в силу своей величины и формы государственного устройства, призвана к руководству всей единой Германией. Однако демократы считали, что это прусское государство сначала должно быть преобразовано таким образом, чтобы другие германские государства почувствовали к нему симпатию. Либералы и демократы были едины в том, что под руководством консерваторов никогда не произойдет подлинное объединение и не будет обеспечен экономический рост. Кроме того, обладающие собственностью и занимающие высокое общественное положение представители третьего сословия требовали соучастия в управлении государством и армией. Объединение граждан с либеральными или демократическими взглядами, представителей «образования» и «собственности» в прогрессистскую партию представляло собой протест против засилья дворян и консерваторов в государстве.

*Немецкая прогрессистская партия
на выборах 1861–1863 гг. и в период конституционного конфликта*

В ноябре-декабре 1861 г. партия прогрессистов подошла к выборам в ландтаг хорошо подготовленной. У нее имелась программа, центральный избирательный комитет, региональные и местные отделения. Она могла рассчитывать на помощь Немецкого национального союза. Листовки и статьи в либеральной прессе привлекали внимание к ее целям и ее кандидатам в депутаты. Но ее противники – консерваторы – не бездействовали. Они создали свой предвыборный комитет, который установил контакты с представителями ремесленных цехов. Последние были объединены в Земельный съезд ремесленников. В циркулярном письме, направленном местным юнкерам, комитет консерваторов обращал их внимание на это обстоятельство. Им предлагалось поддерживать ту часть ремесленников, которая выступала против радикального индустриализма и свободы промыслов. 20 сентября 1861 г. центральный избирательный комитет консерваторов устроил в Берлине общее собрание своих сторонников из всех частей страны. В нем участвовало 1200 человек, в том числе известные политики Г. фон Бланкенбург, президент палаты господ К. фон Герлах, граф Э. цу Штольберг-Вернигероде и др. В своих речах

участники собрания обрушивались на денежный капитал, проклинали «красную республику» и даже позволяли антисемитские высказывания. Участники собрания заявили о создании «прусского народного союза», который они сами характеризовали как организацию, противостоящую Национальному союзу и партии прогрессистов.

На фоне консерваторов и прогрессистов католики и старолибералы играли второстепенную роль. Поскольку они со своими программами находились между двух фронтов, а также из-за происхождения своих руководителей, которые состояли исключительно из католиков и дворян, не имели никаких шансов завоевать большинство мандатов в палате представителей. Придерживающаяся либеральной ориентации «Силезкая утренняя газета» причисляла старолибералов наряду с консерваторами и прогрессистами к одному из главных направлений в предвыборной борьбе и характеризовала их следующим образом: «Второе направление («старолиберальная партия») желало бы для народа всех возможных благ и даже хотело бы все эти возможные блага ему предоставить, но оно страдает от непреходящего страха перед кризисом, а потому не имеет никакой другой программы, кроме как, уступчивость правительству в каждом случае, сохранение существующего правительства любой ценой и готово удовлетворить все его самые высокие требования»²⁶⁹.

Самими опасными противниками прогрессистов оставались правительство и официальная пресса, руководимая «Всеобщей прусской газетой» (Звездная газета). В трех своих циркулярных письмах министр внутренних дел Пруссии предупреждал о «крайних как реакционных и демократических течениях» и заявлял, что «устремления так называемой партии прогрессистов ни коим образом не совпадают с политикой государства»²⁷⁰. Правительство стремилось по-прежнему опираться на «подлинно консервативные принципы», защищать «силу и право короны» и привести «переформирование» военной организации в полное соответствие с законными основаниями. Местные власти пытались оказывать давление на процедуру выборов. Так, в городе Минден представитель правительства подписал указ, в котором предупреждал против повторного избрания кандидата Вальдека. По этому поводу «Вестфальская газета» писала: «Чтобы правительственный чиновник выступал против избрания какого-либо человека в Англии сегодня неслыханно, и подобный чиновник был бы наказан значительным штрафом»²⁷¹.

Но все усилия правительства и консерваторов оказались бесполезными. На выборах партия прогрессистов выступила как самая сильная. От нее в палату депутатов было избрано 109 человек. Большинство депутатов представляли партию прогрессистов в провинциях Бранденбург, Пруссия и Саксония. Убедительную победу они одержали в

столице – Берлине. Там, в четырех избирательных округах, где нужно было избрать 9 депутатов, одержали победу 8 представителей партии прогрессистов. Это был триумф для таких демократов как Шульце-Делич, Вирхов, Вальдек, Таддель и Дистервег. При этом Вальдек и Вирхов победили сразу в двух избирательных округах каждый. Восьмую победу обеспечил прогрессистам Твестен, один из самых последовательных активистов партии. Самыми успешными кандидатами прогрессистской партии не только в Берлине, но и за его пределами оказали демократы Говербег, Вальдек, Вирхов и Бендер. Каждый из них одержал троекратную победу. Из либеральных представителей партии убедительного успеха добились М. фон Форкенбек, Твестен и О. Михаэлис, каждый из которых победил в двух округах одновременно²⁷².

Старолиберлы потерпели на выборах 1861 г. серьезное поражение. Они уступили прогрессистам около 50 мандатов. Некоторые из них сняли свои кандидатуры еще до выборов, как, например, лидер фракции барон Г. фон Финке и фон Амон. Некоторое число до тех пор выдающихся членов фракции, таких как Симсон, Дункер, Фейт, Ридель, Гнейст, Безелер и другие, вынуждены были пережить поражение на выборах²⁷³. Тем ни менее, фракция старолибералов получила нового члена в ландтаге. Им стал профессор фон Зибель, который добился победы сразу в двух округах: Соест и Крефельд. «Северогерманская газета» по поводу поражения старолибералов писала, что оно было предreshено из-за их «чересчур дипломатичного поведения во время последней сессии, не только лишь по вопросу о военной реформе, но и по многим другим». Газета не верила, что это поражение хоть чему-то научит старолибералов, поскольку они уже «продемонстрировали свою неспособность противостоять даже первому наступлению реакции, хотя преисполненный доверия народ забыл об этом с наступлением новой эры»²⁷⁴. Это критическое высказывание не вполне корректно, т. к. старолибералы по большей части принадлежали к дворянству, в последние три года проводили дружественную политику к полулиберальному правительству, были скорее настроены либерально-консервативно, чем либерально-демократически. Их поражение не могло ничему их научить не потому, что они совершали тактические ошибки, а потому что придерживались идеологических установок в либерально-консервативном духе, направленных на консервацию существующего общественного порядка.

Из прежних 57 консервативных депутатов лишь некоторые были вновь переизбраны. В провинциях Пруссии, Позен, Саксония, Рейнланд и Вестфалия консерваторы не получили ни одного мандата. Большую часть представительства в палате депутатов обеспечила провинция Силезия, где они получили 11 из своих 15 мандатов. Прежние вожди консерваторов фон Бланкенбург, фон Герлах, граф цу Штольберг-

Вернигероде, Вагенер и фон Клейст-Ретцов не были переизбраны. Среди избранных консерваторов насчитывалось 5 лантратов, 2 государственных советника, 2 крупных землевладельца.

Католики добились успеха. Они были представлены в ландтаге 54 депутатами. Большинство из них представляли Рейнланд и Вестфалию.

В новой палате представителей, сессия которой открылась в начале 1862 г., образовалось 6 фракций. В соответствии с их численностью это были: фракция Немецкой прогрессистской партии (109 человек), фракция Грабова (бывшая фракция старолибералов Финке, 95 человек), фракция Центра (54 человека), фракция «левого центра» (также фракция Бокума-Дольфа-Гаркорта, занимала позицию между старолибералами и прогрессистами, 52 человека), поляки (23 человека), консерваторы (15 человек). Но при голосовании палата чаще всего делилась на два лагеря: в оппозицию вставили прогрессисты, близкий к ним «левый центр» и польская фракция. На стороне правительства – консерваторы, фракция Грабова и католики. Польская фракция занимала в известном смысле ключевое положение, поскольку ее поведение при голосовании могло играть решающую роль в том, одержат ли прогрессисты победу или потерпят поражение.

Партия прогрессистов поначалу состояла из двух фракций – собственно прогрессисты (89 человек) и «тайные прогрессисты», к которым причисляли себя 20 депутатов. Но уже в марте 1862 г. последние окончательно слились с большой фракцией прогрессистов. Таким образом, при открытии парламента к либеральным относились четыре фракции справа налево: фракция Грабова, левый центр, тайные прогрессисты и сами прогрессисты. Но только последнюю можно с полным правом назвать партийной фракцией, поскольку только прогрессисты располагали надежной программой и внепарламентской организацией.

Все так называемые фракции придавали новой палате депутатов преимущественно либеральный характер. Они предпринимали попытки вновь заставить правительство отменить запланированное увеличение и реформирование вооруженных сил, и требовали дальнейшей детализации государственного бюджета, чтобы покрыть перерасход на военные нужды возможной экономией по другим статьям. Такое предложение депутата прогрессиста Гагена парламент принял 6 марта 1862 г. 171 голосом против 143, из-за чего все правительство в полном составе подало королю прошение об отставке. Подобная ситуация формировала впечатление о зависимости правительства от парламента. Король, который вполне последовательно придерживался мнения, что как роспуск, так и формирование нового правительства зависит исключительно от воли монарха, а не от результатов голосования в палате представителей, отклонил поданное министрами

прошение об отставке и 11 марта 1862 г. распустил палату представителей. Так как в сложившейся ситуации либеральные министры заявили о своей готовности по некоторым важным пунктам пойти навстречу парламенту, король уволил их и заменил консервативными министрами. Правительство «новой эры» было свергнуто.

Новая избирательная кампания началась с распространения призыва депутатов либералов в поддержку запроса Гагена. Этот призыв был подписан 130 депутатами распущенного ландтага: «на поданный запрос королевское правительство ответило роспуском палаты. Мы имеем ясное и несомненное право одобрять бюджет в подходящей форме и ни в коем случае не передавать это право исполнительной власти»²⁷⁵. Старолибералы представили собственную предвыборную программу, в которой они угрожали правительству лишением поддержки, если оно не согласится с программой «конституционной партии». На основе этого программно-заявления 17 марта 1862 г. был создан Центральный избирательный комитет конституционалистов под руководством берлинского депутата и городского советника доктора М. Вебера. Немецкие прогрессисты вступили в предвыборную борьбу с большой энергией, которая подкреплялась их победой на выборах 1861 г. Состоявший из 33 человек «Центральный избирательный комитет Немецкой прогрессистской партии» вновь работал под председательством бывшего президента Прусского национального собрания 1949 г. В. фон Унру. Избирательным бюро руководил Г. Рунге. Поскольку прогрессистам удалось сохранить свою организацию, которая в ходе предвыборной кампании распространила девять листовок, разъясняющих программу партии и нацеленных на самые широкие круги избирателей города и деревни, «из чиновного и учительского сословий», агитационная работа прогрессистов была успешной. Во многочисленных призывах звучало требование созыва парламента и защищалось его законное право отклонять требования правительства. Оппозиция против военной политики правительства не означала намерения бороться с королевской властью. Либералы и демократы публично настаивали на том, что их разочарование правительством исходит из того, что «обещания своевременного совершенствования до сих пор во многих существенных пунктах неисполненной конституции и связь законодательства с великим временем возрождения Пруссии» все еще не осуществлены. Предложения правительства являются недостаточно прогрессивными, а палат господ тормозит любые реформаторские предложения²⁷⁶.

Как уже показали выборы 1861 г. основная борьба за парламент и правительство разворачивалась между прогрессистами и консерваторами. Другие группы отступали в тень, например, «левый центр», который вообще не имел собственных предвыборных структур, «действовал в ходе агитации заодно с партией прогрессистов»²⁷⁷. Выборы,

проходившие 28 апреля по 6 мая 1862 г., принесли триумфальную победу прогрессистам. Они получили наибольший процент голосов избирателей (34,3 %) и 138 мандатов²⁷⁸. 29 новых мест они получили за счет старолибералов и католиков. Католическая фракция потеряла 26 мандатов, т. е. около половины, а «старолибералы» – 45. Часть «старолибералов» присоединилась к «левому центру», в то время как оставшаяся часть из 43 трех депутатов разделилась на две группы: «фракция конституционалистов» (или фракция Финке), в которую вошли уволенные министры фон Ауерсвальд, фон Патов и граф Шверин, и «свободный парламентский союз» (или фракция фон Ренна), в которую вошли Летте и фон Грабов. Последняя фракция заявила о готовности сотрудничать как с «левым центром», так и прогрессистами. Совершенно очевидно, что распаду «старолибералов» способствовала деятельность бывшего «короля» палаты барона Г. фон Финке, который по-прежнему поддерживал правительство и не желал ни в малейшей степени сотрудничать с прогрессистами. Только в 1866 г. после победы под Кенигрецом старолибералы вновь создали большую фракцию и новую партию национал-либералов.

«Левый центр», усиленный 22 бывшими «старолибералами», отныне был второй по численности фракцией после прогрессистов. Обе фракции тесно сотрудничали и обладали голосами 235 из 352 депутатов нижней палаты. Грабов, который отдавал должно политике прогрессистов, единогласно был избран президентом новой палаты депутатов. Его заместителями стали прогрессист Беренд и лидер фракции «левого центра» фон Бокум-Дольфс. Грабов и фон Бокум-Дольфс оставались на своих постах до 1866 г. Вместо Беренда, который добровольно подал в отставку в 1864 г., первым вице-президентом палаты стал фон Унру. Во главе важнейшей комиссии парламента – бюджетной – стояли фон Бокум-Дольфс и Беренд. Комиссии решила уменьшить расходы на реорганизацию вооруженных сил.

Поскольку правительство потерпело на выборах чувствительно поражение – ни один из министров не был избран. Партия консерваторов получила вместо 15 только 11 мест. Прогрессисты чувствовали, что их политика поддержана избирателями, поэтому в ходе прений по военному бюджету они вновь стали настаивать на введении двухлетнего срока военной службы, и не желали уступать, поскольку правительству уже удалось без их согласия провести свою реформу ландвера и фактически ликвидировать ландвер первого разряда. При этом речь шла в первую очередь не о военных вопросах, а о праве народного представительства соучаствовать в определении политического курса посредством утверждения бюджета страны. Попытка трех либеральных депутатов вручить правительству запрос о снижении военного бюджета потерпела неудачу. В конечном счете либеральное большинство 16 сентября 1862 г. урезало все дополнительные расходы,

предназначенные для реформы сухопутной армии и военного флота. Конфликт между правительством и парламентом достиг наивысшей точки. За это важное решение голосовали 273 депутата против 68 голосов консерваторов, «старолибералов», некоторых католиков и одного прогрессиста (Твестен)²⁷⁹.

В связи с этим решением палаты представителей подали в отставку министры князь Гогенлоэ и фон дер Гайде. Возник правительственный кризис, который был преодолен 24 сентября 1862 г. назначением на должность министра-президента О. фон Бисмарка. Новый министр-президент дал обещание сделать все для сохранения боеспособности вооруженных сил, даже если ему придется действовать вопреки полномочиям палаты депутатов. Он заявил, что не допустит отречения короля, который уже подготовил черновик соответствующего указа. Бисмарк глубоко призывал парламентскую форму правления, которую ему пыталась навязать палата депутатов. Авторитетный историк Г. Риттер писал: «что побудило Бисмарка позволить втянуть себя в конституционный конфликт – ни в коем случае не военно-технические спорные вопросы о длительности срока военной службы, все это интересовало его в наименьшей степени, но в первую очередь – возможность таким путем добиться власти и удерживать ее за собой»²⁸⁰. Исходя из этого он стремился закрепить преобладание королевского правительства в конституционно-монархической системе. Бисмарк был противником парламентской системы, врагом политических партий, «чьи политические и моральные принципы он стремился разрушить любыми способами». Он готов был сотрудничать с партиями только в том случае, если нуждался в них для достижения собственных целей.

Либералы встретили назначение Бисмарка с большим негодованием, поскольку видели в нем реакционера, заальбского юнкера, которому «безразлично германское единство и который смертельно ненавидит либералов»²⁸¹. Когда 30 сентября 1862 г. Бисмарк в своем выступлении перед бюджетной комиссией объяснил, как он представляет себе процесс объединения, к которому все же стремился, вопреки мнению либералов, либералы только укрепились в своем негативном отношении к нему. Новый руководитель правительства произнес свою знаменитую фразу: «не на либерализм Пруссии смотрит Германия, а на ее силу. Большие вопросы современности решаются не речами и решениями большинства – в этом была большая ошибка 1848 и 1849 гг., но железом и кровью»²⁸². Это высказывание особенно неприятно поразило демократов и последовательных либералов из прогрессистской партии, которые стремились к объединению Германии мирным путем, и были оскорблены критическим замечанием по поводу парламентаризма, поскольку они желали для Пруссии именно парламентского режима, чтобы повысить притягательную силу ведущего германского государства, прежде

всего в глазах Южной Германии. Наконец, их возмутило, что он обозначил либералов как бессильное политическое движение, которое никогда не сможет добиться успеха по сравнению с господствовавшими в армии и государстве консерваторами. Поскольку либералы постоянно ощущали на себе давление государственной власти, и поскольку их требования создания народных вооруженных сил, оказывающих поддержку парламенту, не было реализовано, их особенно оскорбляла эта часть высказывания Бисмарка.

Положение еще больше обострилось, когда по предложению Бисмарка палата господ ландтага отклонила переработанный палатой депутатов государственный бюджет и восстановила тот его вариант, который соответствовал интересам правительства. В палате представителей от имени бюджетной комиссии депутат М. фон Форкенбек выразил протест против принятия верхней палатой бюджетных предложений правительства, которые она даже не имела права рассматривать: «решение, принятой палатой господ на заседании 11 октября в связи с рассмотрением закона о государственном бюджете на 1862 год, является нарушением ясного духа и буквы статьи 62 конституции и поэтому является ничтожным и недействительным. Правительства государства не имеет никакого права руководствоваться этим решением»²⁸³. Бисмарка не впечатлило это заявление. Он был готов «исполнить государственный бюджет без предусмотренной конституцией процедуры и покрывать все расходы по государственному бюджету вплоть до его законодательного утверждения»²⁸⁴.

Конституционный конфликт затрагивал фундаментальные основы существования государства. Речь шла о том, кто приобретет руководящие позиции в государственной жизни – корона или парламентское большинство. Либералы осознавали, что их стремление создать либеральное конституционное государство путем реформ теперь может быть на много лет отложено. В «Немецком государственном словаре» за 1864 г. значилось: «если в полном природных жизненных сил народе подавляется стремление к реформам, то его отчаяние может стать началом эволюции»²⁸⁵. Однако какие бы резкие речи не звучали в ходе конфликта из уст политиков, нет никаких оснований считать, что от либералов и демократов исходила реальная угроза революции. Для нее у них не было средств, кроме того, они испытывали «недоверие к возможности применить революционные действия и страх перед возможным свержением состоятельного бюргерства в ходе революции»²⁸⁶. Представители прогрессистской партии даже отказывались от проведения любых публичных демонстраций.

В январе 1863 г. ландтаг вновь продолжил заседания после рождественских каникул. Уже в начале заседаний среди депутатов распространилось возбуждение по поводу недавней тронной речи в Белом зале Королевского дворца, в которой не было ни

слова о «неслыханном» положении в государстве, которое возникло в связи с тем, что парламентская сессия 1862 г. окончилась без предусмотренного конституцией утверждения бюджетного закона, а правительство отозвало свой проект бюджета. Поэтому адрес, который палата представителей принимала в качестве ответа на тронную речь в 1863 г., получился принципиально иным, чем это было до этого. Депутаты в нем не отвечали на тронную речь короля, а обвиняли правительство в явном нарушении конституции. Бисмарк реагировал на него следующим образом: «в этом адресе у королевского дома Гогенцоллернов затребовали его конституционные правительственные права, чтобы лежат эту династию верховных прав»²⁸⁷. Этой напряженной атмосферой воспользовался депутат-прогрессист Ф. Мартини, чтобы распространить среди фракции прогрессистов предложение Ф. Лассалья не прекращать заседаний палаты представителей до тех пор, пока правительство не пойдет на уступки. Однако фракция отклонила это предложение единогласно. По этой причине Мартини отказался от мандата, позднее присоединился к социал-демократам. Духовный отец этого предложения Ф. Лассаль отныне стал убежденным противником прогрессистов. Это предложение Лассалья могло вызвать три возможные реакции правительства: наименее вероятное – уступить требованиям парламента; второе – распустить палату и править без парламента в режиме абсолютной власти (но ликвидация конституционной системы могла вызвать массовые беспорядки среди населения вплоть до восстания против правительства); и третье – распустить палату и назначить новые выборы. Первые два варианта казались маловероятными. При сохранении напряженной ситуации между правительством и парламентом, правительство, наконец, решилось на обострение конфликта, чтобы, в конце концов, получить повод для очередного роспуска палаты представителей. В ходе очередных дебатов по военной реформе 11 мая 1863 г., когда министр фон Роон в резких выражениях обрушился на либералов и демократов в парламенте, действующий президент палаты попытался безуспешно лишить министра слова, вслед за чем прервал заседание на один час. После перерыва министр уже не появился в парламенте. В дальнейшем все министры отказывались участвовать в парламентских обсуждениях до тех пор, пока президент палаты будет позволять себе перебивать их, даже если он сочтет это нужным. При этом уже 15 мая 1863 г. парламентарии 295 голосами против 20 приняли следующее решение: «Поскольку президент палаты обладает ему одному принадлежащим правом руководить ходом обсуждения и поддерживать порядок в палате (согласно статье 78 конституции) – любой выступающий, в том числе министр или его представитель, может быть прерван». Весенняя сессия парламента завершилась 28 мая 1863 г. Едва депутаты добрались домой, они узнали, что правительство приняло 1 июня 1863 г. Ордонанс о

прессе, который серьезным образом угрожал свободе печати. Конфликт достиг нового пика. Правительство наконец решилось как и в 1862 г. распустить палату представителей.

В начале сентября 1863 г. началась новая предвыборная кампания, которую Бисмарк назвал «предвыборным мошенничеством»²⁸⁸. Больше, чем когда-либо прежде, правительство пыталось оказать влияние на ход предвыборной кампании. В распоряжении министра внутренних дел графа Эйленбурга разъяснялось, что те государственные служащие, которые подадут свои голоса не за короля и правительство, будут считаться нарушившими присягу. 20 депутатов, состоявших на государственной службе, должны были либо уволиться, либо снять свои кандидатуры. Партия прогрессистов немедленно начала свою агитацию. Ее центральный избирательный комитет под руководством В. фон Унру подготовил и распространил предвыборное воззвание «К прусским избирателям», подписанное 33 депутатами и политиками из всех уголков страны. На основании программы партии в этом призыве значилось шесть пунктов: «1. Полная свобода прессы и немедленная отмена распоряжения от 1 июня сего года; 2. Введение предусмотренного конституцией закона об ответственности министров; 3. Фактическое признание права палаты депутатов утверждать государственные расходы; 4. Реформа палаты господ; 5. Армия на народной основе с двухлетним сроком службы; 6. Общегерманский парламент на основе свободных всенародных выборов»²⁸⁹. Насколько значительный отклик эта программа нашла среди населения, показали результаты выборов. Прогрессисты смогли вновь укрепить свои и без того сильные позиции. От них в палату депутатов прошло 143 вместо прежних 138 депутатов. Впервые были избраны демократ Й. Якоби из Кенигсберга и Т. Моммзен, который незадолго до выборов вступил в партию и стал членом ее центрального избирательного комитета. Прогрессистам удалось отвоевать многие избирательные округа, где традиционно поддерживали старолибералов (Т. Моммзен был избран от Галле на Заале). Вместе с левым центром, который также усилился и получил 110 мандатов, прогрессисты располагали более чем двумя третями из 352 депутатских мест. «Средние» партии – католический Центр и обе старолиберальные фракции проиграли не только прогрессистам, но и консерваторам. В палату не вернулись авторитетные старолибералы Г. фон Финке, фон Патов, фон Ауэрсвальд и Кюне. Фракция «парламентского союза» была распущена, а старолиберальная фракция конституционалистов с ее 9 депутатами практически не играла никакой роли. Избиратели отчетливо сделали свой выбор между двумя «крайними» партиями – консерваторами и прогрессистами. Об этом свидетельствовал рост числа мандатов консерваторов с 11 до 36. В парламент прошли некоторые ведущие консервативные политики – военный министр фон Роон, фон дер Гайдт, граф Б. фон Эйленбург.

Реакционная политика правительства подталкивала многих умеренных либералов к вступлению в прогрессистскую партию, из-за чего она приобретала все более выраженный либеральный характер, а демократические требования все больше отступали на задний план. Такая ситуация не устраивала старого активиста 1848 года вновь избранного в ландтаг от Берлина депутата-демократа Темме. На одном из фракционных заседаниях партии прогрессистов он внес предложение о создании демократической партии²⁹⁰. Он натолкнулся на ожесточенное сопротивление либералов. В ходе дискуссии они заявляли, что прогрессисты вовсе не желают быть демократами, что демократы развязали революцию 1848 г., а «демократия совращает народ». Только депутаты Якоби, Брезген и Г. Вейс были готовы поддержать создание новой «левой», более того – советовали сделать это. Ведущий демократический политик во фракции – Вальдек, высказался против этого плана, после чего не осталось надежды на завоевание большинства голосов. Темме говорил с Вальдеком все более горячо и резко. Он напомнил о его демократическом прошлом в качестве вождя левых в Национальном собрании. Единственным ответом Вальдека было: «Хороший политик должен стремиться к достижению возможного, в каждом случае только возможного, демократия, крайняя левизна допустима только как принцип, для осуществления которого сегодня нет никаких оснований, и может быть достижима как цель, которая сейчас находится в далекой, все еще туманной перспективе»²⁹¹. Вновь потерпела неудачу попытка создания демократической партии с привлечением в нее рабочих. Вальдек сознательно препятствовал созданию левой партии, хотя видел, что рабочие постепенно отходят от прогрессистов и присоединяются к лассальянцам. Он надеялся, что партия прогрессистов останется по-прежнему привлекательной для рабочих и не верил в распространение влияния Всеобщего германского рабочего союза.

Одержав троекратную убедительную победу на выборах в ландтаг, Немецкая прогрессистская партия превратилась в сильнейшую политическую партию Пруссии и вместе с тем важный фактор внутривнутриполитической жизни. Своей решительной оппозицией она вызвала правительственные кризисы, последовательно боролась в парламенте против нарушений конституции, которые допускало правительство. Какой другой государственный деятель, кроме Бисмарка, был готов иметь дело с такой сильной оппозицией? Может быть не так скоро, но любой другой руководитель правительства в подобной ситуации также сделал бы ставку на силовые методы с использованием армии и администрации. Давление, которое оказывало на прогрессистов правительство преследованием либерально настроенных чиновников и непреклонная позиция Бисмарка в конституционном конфликте одновременно и усиливали, и ослабляли партию. Ее

усиливали многие умеренные либералы, которые испытывали неприязнь к Бисмарку и его политике. Однако рост рядов не означал усиление на длительную перспективу. Демократы в партии все больше ощущали, что «усиление» оттирает их на сторону. С другой стороны, резкие призывы демократов все больше не нравились укрепившимся в партии либералам, особенно когда в 1864 г. они увидели, что Бисмарк стремится проводить национальную политику, а также поддерживает их экономическую политику. Большая либеральная Немецкая прогрессистская партия, которая была коалиционной партией с момента основания, оказалась больше чем «партией компромисса» между либералами и демократами. Чем больше было напряжение в партии, тем сильнее оказывалось с обеих сторон стремление проводить собственный политический курс и даже создать собственную партию. Первая попытка демократов потерпела неудачу. После окончания конституционного конфликта и первых побед на пути объединения Германии, когда давление правительства на партию прогрессистов ослабло, либералы основали новую, Национал-либеральную партию.

Возникновение либеральных и демократических партий в германских государствах

Между наиболее значительными либеральными и демократическими партиями в отдельных германских государствах существовала тесная связь. Их представители встречались на собраниях «Съезда германских депутатов», которые большей частью проходили во Франкфурте на Майне. В комиссии съезда депутатов Баварию представляли Братер, Барт, Фольк и Кремер; Вюртемберг Гельдер, Зегер и Пробст; Баден Блунтчли и Хейзер; великое герцогство Гессен Метц; Ганновер Р. фон Беннигсен и Г. Планк, Веймар Г. Фриз. Пруссия была представлена Шульце-Деличем, Говербеком, Леве, Берендом, Цетто, Летте, фон Унру и Г. фон Зибелем. Либералы и демократы со всей Германии вели здесь, как и в Немецком национальном союзе, оживленный обмен мнениями. Имена упомянутых политиков почти постоянно встречаются среди активистов либеральных партий в немецких средних и малых государствах.

Немецкая прогрессистская партия в Баварии

Процесс становления и развития партии прогрессистов в Баварии шел почти так же, как в Пруссии. Она образовалась путем выхода решительных либералов из большой либеральной фракции парламента. Либералы основали вместе с демократами партию прогресса, из которой позже снова выбыли несколько демократов.

В 1858 и 1859 гг. между правительством Пфортена-Рейгерсберга и либеральной оппозицией под руководством барона Густава фон Лерхенфельда возник конфликт по вопросу о конституционном принципе, который привел, наконец, к отставке правительства и созданию министерства Шренка-Ноймайра²⁹². В 1860 г. от умеренно-либеральной «партии середины», которая поддерживала новое правительство, откололась группа из 20 депутатов, которые были избраны в ландтаг в период конфликта и выступали за последовательные либеральные реформы. Поводом для их выхода был спор о Кургессенском вопросе и требование в этой связи реформы Германского союза, которое выдвинули левые депутаты из большой либеральной партии.

В конце марта 1860 г. либералы и демократы создали в Мюнхене клуб «для обсуждения некоторых отдельных вопросов». В него вошли либералы К. Братер, М. Барт, Й. Фольк и демократ К. Крамер из Доса, а также пфальцские депутаты Умбшнейден и Кольб.

Ключевой фигурой этой группы был Карл Братер (1819–1869)²⁹³. Он родился 27 июня 1819 г. во франконском городе Ансбах в семье советника апелляционного суда. В Эрлангене, Вюрцбурге и Гейдельберге он изучал юриспруденцию и в 1843 г. с оценкой «очень хорошо» сдал государственный экзамен, так что вскоре получил хорошую должность в баварском министерстве юстиции. В Мюнхене он был принят в доме Фридриха Ромерса, где он познакомился с ученым-правоведом И. К. Блунчли. Во время революции он оставил государственную службу и начал писать политические статьи для «Нюрнбергского корреспондента» и «Аугсбургской вечерней газеты». С этого времени Братер оставался вдохновленным публицистом. В ноябре 1848 г. он был избран бургомистром Нордлингена, но под давлением реакции уже в 1851 г. оставил этот пост. Впоследствии он руководил союзом ремесленников и занимался публицистикой. Он написал «Замечания к проекту положения об общинах для королевства Бавария», записку о Баварских союзах ремесленников в 1848-1853 годах» и участвовал в подготовке государственного словаря Блунчли. Широкую известность получила его статья «Правительство и парламент в Баварии» (1855), которая должна была способствовать падению правительства Пфортена-Рейгерсберга. В 1858 г. от Нюрнберга он был избран в ландтаг, где оставался до 1869 г. Годом позже он начал издавать «Баварский еженедельник», затем «Южнонемецкую газету», на страницах которых он выступал в поддержку политических установок Национального союза, куда он вступил в 1859 г. и был выбран в комитет союза. В 1865 г. Барт основал «Еженедельник партии прогрессистов в Баварии», который стал выдающимся печатным органом партии.

Вместе с Карлом Братером в комитете Немецкого национального союза заседал Карл Кремер из Доса (1818–1902)²⁹⁴. Он считался руководителем демократов в Баварии. Рожденный в 1818 г. в Клейнлангхайме около Китцингена, он быстро пробил себе дорогу от рабочего до владельца фабрики. Достаточно ран у него сформировался интерес к социальному вопросу, в решении которого он стремился следовать Шульце-Деличу. С 1859 г. он начал сотрудничать с либералами, так как полагал, что этот союз поможет достичь прогресса в национальном вопросе. Обе группы – и демократы, и либералы хотели «более быстрого прогресса во внутренней политике, сильной центральной власти и национального парламента в Германии»²⁹⁵.

В 1861 и 1862 гг. клуб оставался свободным объединением в парламенте. В начале 1863 г. еженедельник национального союза замечал, что Баварская прогрессистская партия существует только «в виде идеи»: «У нее есть руководители, которые совершенно переросли ее задачи, и у нее есть, по крайней мере, в Швабии, Франконии и Пфальце сторонники, численность и общественное положение которых могут обеспечить победу на выборах. Но армия еще не организована»²⁹⁶.

Когда же внезапно палата была распущена и началась предвыборная борьба, решительные либералы и демократы решили создать партию, как это сделали прогрессисты в Пруссии. Инициатором основания партии был К. Братер. 15 марта 1863 г. 200 либеральных и демократических политиков встретились в Нюрнберге и выбрали комитет, которому поручили выработку предвыборной программы и единообразное руководство предвыборными делами²⁹⁷. После нескольких совещаний комитет опубликовал 24 марта 1863 г. во «Франконском курьере» обширную и подробную предвыборную программу, которая продолжала действовать и после выборов. Национальный союз в Бремене в письме К. Братеру восторженно приветствовал образование «Немецкой партии прогрессистов в Баварии»²⁹⁸. В своем ответном письме Братер указывал на то, что баварская партия прогрессистов была создана независимо от национального союза: «У нас среди самых последовательных сторонников партии прогресса только малая часть состоит членами национального союза»²⁹⁹. При этом программа позволяла каждому члену национального союза присоединяться к новой партии. В ней содержались требования германского союзного государства, восстановления немецкого парламента и создания центральной власти. Вопрос о руководящей силе процесса объединения оставался открытым. Это было понятно, так как конфликт между Бисмарком и парламентом в глазах южных немцев лишал Пруссию возможности претендовать на роль главной союзной державы. Самостоятельная организация должна была создаваться наряду с национальным союзом не только по программно-техническим

причинам, но и из-за малого количества местных отделений национального союза в Баварии, которые не могли организовать энергичную предвыборную борьбу. В ходе выборов в апреле 1863 г. Нюрнбергская программа встретила сочувствие. Особенно хорошие результаты партия показала в Средней Франконии и Швабии, где были выбраны 12 из 16 депутатов – представителей партии. Новая ситуация возникла для партии прогрессистов, когда «освобождение герцогств от датского ига стало свершившимся фактом», но без возвращения им их «внутренней свободы», и когда в Баварии король Людвиг II сменил правительство и передал руководство министерством Пффордтену, против которого политики прогрессисты упорно боролись несколькими годами ранее. Партия организовала встречу 20 ноября 1864 г. в Нордлингене, где прежняя предвыборная организация развилась до постоянной партийной организации. Вновь был избран комитет, который отныне стал центральным органом партии с местопребыванием в Эрлангене. Собрание поручило ему после того, как программа партии будет подвергнута ревизии, «стремиться к проведению программы в жизнь, договариваться с этой целью с доверенными лицами в отдельных частях страны и, где позволяют обстоятельства, стимулировать созыв местных собраний и образование союзов», заботиться о благоприятных отзывах в прессе и созывать общие собрания партии. То, что комитет выполнял эти установки, демонстрирует распространение программы и создание органов партии на межрегиональном и местном уровнях.

Программа от 20 ноября 1864 г. ставит во главу угла германский вопрос. Без указания на носителя центральной власти партия требует «федеративного объединения Германии», «восстановления германского парламента» и «гарантированной свободы во внутренней политике». По шлезвиг-гольштейнскому вопросу подвергалась критике политика аннексии. Программа содержала обращение к баварскому правительству и Союзному совету поддержать претензии герцога Фридриха VIII на Шлезвиг-Гольштейн, созвать конституционный ландтаг герцогств и позаботиться о «присоединении Шлезвига к Германскому союзу и присоединение Шлезвиг-Гольштейна к таможенному союзу». В течение года эта антипрусская политика усилилась еще больше. В 1866 г. комитет партии отказался от обсуждения в парламенте прусского плана реформы Германского союза³⁰⁰. Баварские прогрессисты не могли одобрить парламент, «который должен стать представительством только небольшой части нации».

Основное внимание уделялось баварской внутренней политике, местному законодательству и управлению. Партия рассматривала состав верхней палаты в качестве «помехи здоровому государственному развитию». В ней заседали прежде всего крупные

землевладельцы благородного происхождения, в то время как низкороджденные землевладельцы, промышленники и представители буржуазии были едва представлены.

Реформа земельного избирательного закона, эффективный закон об ответственности министров и сокращение бюджетного периода с шести до двух или даже одного года для усиления парламентского контроля над исполнительной властью по мнению партии должны были способствовать развитию конституционного государства. В отличие от прусской партии прогресса в баварской программе обращалось внимание на необходимость изменений в избирательном законодательстве. Необходимо было упразднить выборы запасных кандидатур, которые избирались одновременно с депутатами, должны были сократиться периоды между выборами, а избирательные округа устанавливаться по закону. Однако требование всеобщего и равного избирательного права не выдвигалось. В области культурной политики особое внимание уделялось церкви и школе. Прогрессисты протестовали против ограничения свободы совести, против превышения полномочий церкви и против влияния церковных властей на содержание образования. В программе подробно рассматривались военные вопросы. С каждым военнослужащим, как и любым гражданином, следовало обращаться по закону, армейская юрисдикция должна была ограничиваться военными делами. Программа требовала проведения военной реформы, на основе всеобщей воинской обязанности, сокращения срока службы и ограничения расходов.

Как во всех либеральных программах присутствовали требования экономической свободы и самоуправления общин. Совершенно новыми были программные положения, связанные с подготовкой социального законодательства. Содержащееся в программе требование пересмотра законодательства об оседлости, натурализации и о неимущих было реализовано в Законе о родине, вступлении в брак и пребывании от 16 апреля 1868 г. и Законом об общественном уходе за бедными и больными от 29 апреля 1869 г. Инициаторами этих законопроектов в комитете социального законодательства палаты были депутаты партии прогрессистов. Почти все предложения партии прогресса представляли «мероприятия превентивного попечительства о бедных» и частично были действительно современны для того времени, как например, предложение Карла Братера создать «сельскохозяйственные колонии для бедных»³⁰¹.

Также как прогрессивное явление должно рассматриваться включение в программу пунктов, касающихся транспортной политики. В ней отмечалось «социальное, экономическое и политическое значение железнодорожного сообщения» и содержалось требование «создавать по возможности наиболее благоприятные условия для строительства новых железных дорог, и в особенности отказывать в государственном

разрешении на такое строительство, расходы на которое покрываются частными обществами и не требуют гарантий из государственных средств, только по самым настоятельным причинам».

Два важнейших пункта, которым баварские демократы придавали особое значение не нашли в этой программе никакого отражения: всеобщее и равное избирательное право, а также будущее место Пруссии в Германии. В конечном счете, именно национальный вопрос способствовал отделению баварских и вообще южно-германских демократов от партии прогрессистов. Они осуждали аннексию герцогств и Гаштейнскую конвенцию 1865 г., поскольку она категорически противоречила праву на самоопределение, которое поддерживали демократы. С момента проведения Всегерманского съезда депутатов 1 октября 1865 г. во Франкфурте-на-Майне баварские либералы и демократы окончательно раскололись. В то время как либералы все больше были готовы признать господствующее положение Пруссии в Германии, демократы все дальше отходили от мысли, чтобы хотя бы однажды доверить Пруссии центральную власть. Особенно их злили прусские либералы, которые все больше поддерживали политику Бисмарка. 30 октября 1865 г. лидер баварских демократов К. Кремер покинул Прогрессистскую партию и Национальный союз, чтобы присоединиться к вюртембергской Народной партии, самой большой демократической партии в Южной Германии. Вслед за ним партию прогрессистов покинули многие демократы из Нюрнберга, Фюрта и Пфальца. Руководитель пфальцких демократов Г. Ф. Кольб уже долгое время симпатизировал Народной партии. До создания самостоятельной демократической партии в Баварии не дошло. На съездах южно-германской Народной партии Бавария постоянно представлено была представлена хуже всего. Например, на общем собрании Народной партии в ноябре 1866 г. Кольб был единственным, кто представлял демократов Баварии³⁰².

Поскольку собственной демократической партии в Баварии не появилось, большинство демократов там оставались в рядах прогрессистов. Они пытались направить либеральное большинство прогрессивным демократическим курсом. Так, им удалось ввести положение о всеобщем избирательном праве в мюнхенскую программу прогрессистов, которая содержала требования реформы закона о выборах в ландтаг³⁰³. Для устранения негативного влияния верхней палаты эта программа содержала требование создания однопалатного парламента. В первую очередь в программе содержался протест против «административного произвола в отношении политических союзов, узаконенных конфискаций и запретов, против которых не было возможности защититься»³⁰⁴. К. Кремер постоянно, но безуспешно пытался поставить вопрос о всеобщих и прямых выборах на обсуждение в ландтаге. Только после того, как в конце 1867 г. Северо-германским союзом

был принят проект избирательного закона для Таможенного парламента. Большинство членов партии прогрессистов в Баварском ландтаге также поддерживали всеобщее и равное избирательное право. В августе 1869 г. еженедельник баварских прогрессистов опубликовал проект избирательной реформы, первая статья которого гласила: «каждый совершеннолетний, обладающий безупречной репутацией, не находящийся под опекой, баварец может избирать в ландтаг королевства, а также быть избранным в качестве депутата»³⁰⁵.

Пропаганду программных положений и работу с сочувствующими обеспечивали партийная организация, газета партии прогрессистов и баварская либеральная пресса. Высшим органом партии был «комитет прогрессистской партии в Баварии», который позднее получил наименование «земельный комитет прогрессистской партии». В начале он состоял из четырех человек. Позднее появился исполнительный комитет, в который входило от 10 до 20 политиков. Комитет стоял во главе собрания из «многих сотен людей», где были представлены все регионы королевства в соответствии с их размером. 6 января 1865 г. был официально зарегистрирован союз в городе Эрланген, поскольку согласно закону о союзах могли существовать только местные организации, но название и состав комитета даже в глазах властей делали ясным, что в данном случае речь идет о руководящем органе партии в масштабах страны³⁰⁶. В комитет входили фабрикант К. Кремер из Доса, профессор Гофман из университета Эрланген, доктор медицины Крейтмейер из Нюрнберга и владелец фабрики Моргенштерн из Фюрта. Примечательно, что в этот комитет не ходил К. Братер. Нужно учесть, что он так был загружен работой в качестве редактора и члена комитета Немецкого национального союза, что не мог заниматься еще и организацией дел партии прогрессистов.

Члены комитета партии прогрессистов совместно с многочисленными сторонниками устраивали по всей Баварии собрания, которые активно посещались местным населением. В конце таких собраний многие их участники ставили свои подписи под программой партии. После чего считались ее членами. Эти неустойчивые связи вскоре усиливались и укреплялись созданием местных отделений партии, которые, как свидетельствуют их уставы, были хорошо организованы. Первое такое отделение было создано в Нюрнберге под председательством К. Кремера. Его сопредседатель О. Эрхард зарегистрировал эту организацию как самостоятельный «Народный союз» в городском магистрате 11 января 1865 г. Этим отделением партии прогрессистов руководило правление из пяти человек и комитет, где состояло 12 членов. Комитет исполнял контрольные функции при правлении и был обязан на общем собрании отделения сообщать о понесенных расходах. Оба руководящих органа переизбирались каждый

полгода. Собрания происходили регулярно. Кто желал стать членом союза должен был платить ежегодный взнос в размере одного гульдена и брал на себя обязательство содействовать проведению в жизнь цели и задач, и основных принципов союза. Известно, переводились ли членские взносы с мест руководящим органам всей партии. Но поскольку Кремер одновременно входил в руководство местного отделения в Нюрнберге и Центрального комитета в Эрлангене можно считать, что обе организации оказывали друг другу финансовую поддержку. Нюрнбергская организация на протяжении всего 1865 г. была весьма активна. Она предложила «сформировать и направить в высшие органы власти депутацию, чтобы информировать их о положении и настроениях в стране»³⁰⁷. Этот план встретил повсеместную поддержку, особенно в Аугсбурге. Такая делегация, в которую вошли прогрессисты со всей Баварии, была послана в Мюнхен. Депутаты от партии прогрессистов в ней не участвовали поскольку хотели представить дело так, что к королю направляется депутация из непосредственно представителей народа. Король не принял депутацию. И передал распоряжение своему чиновнику: «я поручаю Вам объявить депутации при ее появлении, что я рассматриваю в качестве органа, посредством которого со мною общается страна только соответствующее конституции народное представительство, и поэтому не в состоянии выслушивать их заявления»³⁰⁸. Еженедельник баварских прогрессистов усмотрел в этом решении короля выпад против основных положений конституционной системы, среди которых было право на петицию. Против инициаторов депутации было организовано следствие по обвинению в оскорблении королевского величества³⁰⁹.

Хорошо организованные местные отделения наряду с Нюрнбергом существовали в Фюрте, Роттербурге, Нейштадте и других городах Баварии. Подавляющее большинство из них имели название «прогрессистский союз». В каждом был принят свой устав, который содержал основные содержащиеся положения: цель союза, созыв и выборы правлений и комиссий, общее собрание, расходы союза, прием и исключение членов, изменения в уставе и роспуск союза. Все они были почти идентичны по содержанию, что позволяет предполагать сильное влияние центральных органов власти на местные отделения. Не в каждом уставе содержалась ссылка на партийную программу, но поскольку в названии каждого местного отделения присутствовало слово «прогрессистский», оно недвусмысленно указывало на связь местного союза с земельной партией.

В большинстве местных отделений членские взносы должны были уплачиваться ежемесячно. Из этих средств финансировались листовки, брошюры и введение предвыборной борьбы. Однако так было не везде. Например, в Роттенбурге местный прогрессистский союз требовал от каждого нового члена только вступительного взноса, а

регулярных членских взносов не взимал. В городе Вейсенбург вообще не было обязательных взносов. Уставу местного отделения Прогрессистской партии призывал единомышленников делать добровольные пожертвования³¹⁰.

Также различными были условия приемы новых членов. В Динкельсбюле действовало условие: «прием новых членов осуществляется только по рекомендации как минимум двух уже принадлежащих союзу членов и при подаче абсолютного большинства голосов как минимум двух третей участников собрания тайным голосованием»³¹¹. В Вейсенбурге членом местного отделения мог стать каждый человек с незапятнанной репутацией, достигший 21 года и подписавший программу прогрессистской партии. В Роттенбурге в союз принимали безупречных, совершеннолетних и самостоятельных мужчин, каждый новый член должен был заплатить вступительный взнос.

По примеру организации в Нюрнберге, Мюнхене и других городах Баварии был создан местный политический союз в Пфальце, «чтобы располагать уже готовой организацией для обсуждения важных общественных вопросов и особенно участия в различных выборах»³¹². Представители Пфальца всегда отличались стремлением к созданию в Баварском ландтаге собственной группировки, и в данном случае вынашивали замысел создать собственную региональную организацию прогрессистов. Это было обусловлено, с одной стороны, географическим положением и особенностями исторического развития региона, с другой стороны, сильным представительством демократов среди пфальцских прогрессистов. В конечном счете, в сентябре 1869 г. в Винцингене состоялось собрание, которое приняло решение о присоединении к Баварской прогрессистской партии и делегировании своих представителей в ее земельный комитет. Это решение далось пфальцским прогрессистам достаточно легко, поскольку уже с 1866 г. они получали существенную помощь от баварских прогрессистов. Так что в результате на выборах в таможенный парламент в пяти из шести пфальцских избирательных округов победили либеральные кандидаты. Только в Шпейре был избран клерикал. В свою очередь присоединение пфальцских прогрессистов существенно усилило всю баварскую партию.

Связь между отдельными местными организациями прогрессистов обеспечивал, прежде всего, «Еженедельник прогрессистской партии в Баварии». С начала 1865 до конца 1873 г. он издавался в Эрлангене. Изданием еженедельника руководил Э. Т. Якоб, хотя в первые годы политическое направление газеты определял К. Братер, который написал для нее много статей. Еженедельник на первой странице публиковал обращение земельного комитета партии, сообщения с мест, информационные подборки их дружественной и враждебной прессы. К первой категории относились такие издания как «Мюнхенские последние новости», «Аугсбургская вечерняя газета», а также многочисленные

провинциальные листки. К другой категории относилась, например, «Аугсбургская почтовая газета», которая обвиняла прогрессистов в том, что они стремятся «разрушить религию, сокрушить троны и свергнуть социальный порядок»³¹³. Эта же газета любила изображать «теневые стороны» парламентаризма: «1. перманентная оппозиция либералов; 2. раскол депутатов по различным партиям и фракциям; 3. интриги перед выборами и в их процессе, когда на избирателей возлагается обязанность голосовать в пользу определенных депутатов»³¹⁴. Эти высказывания с точки зрения прогрессистов выставляли их в положительном свете. В свою очередь еженедельник прогрессистов высказывался по актуальным вопросам политики и практической жизни. Он, например, сожалел о «неизменно господствующей склонности немецкого духа рассматривать государство как ограничение личной свободы и одновременно как неизбежное зло, и вследствие этого за любой научной, творческой или промышленной профессией отношениям видеть государство»³¹⁵. Среди либералов имелось много дилетантов и слишком мало профессиональных политиков. Для каждой профессии требовалось специальное образование, только не для профессии политика. Партии совершенно необходимо было ядро образованных политиков, «которым можно было бы доверить без опаски руководство партией в прессе, в союзах, в народном представительстве»³¹⁶. Считалось, что только профессиональные политики способны противостоять господству бюрократии. Такими и другими подобными тезисами печатный орган партии стимулировал процесс создания новых политических объединений, которые должны были организовывать граждан для политической агитации. Еженедельник отвергал сближение с дворянством, поскольку оно «в абсолютном большинстве держится за представление ушедшего времени и за отжившие свое привилегии, что противоречит духу современного государства»³¹⁷. Заметим, что в то же самое время Баумгартен активно выступал за распространение либерализма среди дворян³¹⁸. При воссоздании общей картины немецкого либерализма было бы неверно ограничиваться одними только прусскими примерами без учета настроений других регионов³¹⁹.

Выпуски еженедельник завершались сообщениями из парламента и некрологами заслуженных либеральных политиков Германии. В 1866 г. издание сообщало, что «клуб левых», так иногда именовали фракцию прогрессистов, насчитывает 44 депутата³²⁰. Из них 7 были избраны в округах старой Баварии и католической Франконии (Бамберг, Вюрцбург), остальные 37 – в протестантской Франконии, Пфальце и Швабии. Старая Бавария и католическая Франкония, два региона, которые направляли в Мюнхен 85 депутатов, таким образом, оставались закрытыми для прогрессистов. Здесь по-прежнему среди населения господствовала католическая церковь, а для прогрессистов не было

никаких шансов добиться большинства. Еженедельник справедливо отмечал, что в то время не было ни одного другого ландтага, где победы последовательно либеральной партии наталкивались бы на такие большие препятствия как в Баварии³²¹. Газета чтит память таких выдающихся либеральных политиков как Тафель из Баварии, К. Т. Велькер из Бадена, и др. До начала издания еженедельника ведущим органом либералов и демократов в Баварии была, основанная в 1859 г., «Южно-немецкая газета», которая тесно сотрудничала с Немецким национальным союзом.

Примечательно сравнение баварских прогрессистов с представителями либеральных партий других германских государств на примере Таможенного парламента. На выборах в него 10 февраля 1868 г., прогрессисты потерпели поражение от партикуляристов. В парламент вошли только 12 баварских прогрессистов. Вместе с 14 либералами из других южно-германских государств они стояли перед выбором: войти в одну фракцию с прусскими национал-либералами, либо с представителями немецкой прогрессистской партии в Пруссии. Гессенские и 8 баденских либералов присоединились к национал-либеральной фракции. 12 баварских прогрессистов оставались в нерешительности. Во внутренней политике они были ближе к прусским прогрессистам, но в рамках решения германского вопроса испытывали большую симпатию к прусским национал-либералам. Они осознавали, что в их партии также имеется два крыла – либеральное и демократическое. И не хотели того раскола, который пережили прусские либералы. Несмотря на то, что некоторые демократы вышли из партии в 1865 г., до создания новой партии дело не дошло. Большинство либерально-демократических политиков оставались в партии баварских прогрессистов.

Баварская прогрессистская партия в Таможенном парламенте особенно активно поддерживала социальное законодательство, за которое она боролась уже в Баварии. Главный оратор баварских прогрессистов Ф. фон Штауфенберг (1834–1901), который после в 1866 г. быстро встал во главе партии, выступал против всех косвенных налогов, чрезвычайного налога на нефть и соляного налога. В конечном счете, социальные представления баварских прогрессистов имеют особое значение, если их сравнивать с либеральными партиями других германских государств³²².

Прогрессистская партия

в королевстве Вюртемберг и Немецкая народная партия

Во внутриполитической жизни Вюртемберга заметно преобладали демократические настроения³²³. Еще в период реакции местные демократы объединились

с либералами в Немецкую прогрессистскую партию, которая в середине 60-х годов вновь распалась. Демократы основали Вюртембергскую народную партию, которая развилась до Немецкой народной партии, а либералы остались в старой, получившей название Немецкая партия.

Противостояние между демократами и либералами Вюртемберга обозначилось довольно рано. Конституция 1819 г. придала королевству форму конституционной монархии и предоставила подданным возможность соучастия в политической жизни. В палате представителей заседали представители потомственного дворянства, евангелического и католического духовенства, главных административных округов и канцлер университета³²⁴. Политическая жизнь была активной, прежде всего, в городах, где возникли коллегии горожан, способные контролировать магистраты. Для оказания помощи этим коллегиям был создан «Союз в поддержку коллегий сограждан», из которого вскоре выросла партия друзей граждан. Она объединили по преимуществу демократов, которые все больше обособлялись от либералов, с которыми не могли найти общего языка по конституционному вопросу. Накануне выборов в ландтаг 1831 г. в Вюртемберге были созданы многочисленные клубы избирателей, которые носили названия союзов граждан, отечественных союзов или народных союзов. Вся предвыборная работа, которую до сих пор проводили собрания служащих и городские советы, отныне сосредоточилась в руках этих клубов. Однако в начале 1832 г. демократические объединения вынуждены были надолго приостановить свою деятельность. Вильгельм, «король Вюртемберга божьей милостью», подписал распоряжение, в котором обвинил их в том, что они возбуждают низменные страсти толпы, недовольство правительством и вынашивают замыслы свержения существующего конституционного порядка и представляют собой объединение злонамеренных людей. Для того, чтобы предотвратить подобную деятельность в будущем для любых собраний с целью обсуждения общественных дел, политической деятельности или празднование политических событий требовалось разрешение окружных органов полиции. Собрание протеста против королевского распоряжения не принесло облегчения. Напряжение в стране выросло, когда в связи с Гамбахской манифестацией, стало известно о принятии запретительного решения союзного совета. Оппозиции отныне маскировать свою политическую деятельность под видом «товарищеских объединений».

В 1848 г. вюртембергские либералы вошли в правительство королевства. Ремер стал министром юстиции. Дюверни – министром внутренних дел. Пфицер – министр по делам церкви и школы. Гоппельт – министром финансов. Новое правительство взялось за проведение многочисленных прогрессивных мероприятий. Однако после того, как Ремер распустил, переехавшие из Штутгарта во Франкфурт, остатки парламента, дело дошло до

раскола между либералами и демократами. Демократы потребовали из-за этого роспуска поставить правительство перед Верховным судом королевства. Либералы и демократы отныне собирались в собственных организациях. «Отечественные союзы» были большей частью либеральными. «Народные союзы» – демократическими. Во главе народных союзов стоял Земельный комитет. В одном из программных пунктов его деятельность сильно отличалась от либералов. Своим основным принципом он провозгласил: «решительное осуществление демократических принципов в развитии государства, которые могут быть осуществлены как в форме конституционной монархии, так и – республики» Постоянным местом собраний Земельного комитета стала гостиница «Король Англии» в Штутгарте. Ни в одном другом немецком государстве в 1848 г. не было такой хорошо организованной организации.

1849–1850 гг. были отмечены в Вюртемберге наступление реакции. Была ограничена свобода прессы. Ведущие демократы – Й. Хаусман, Л. Пфау и К. Мейер были приговорены к лишению свободы. Декретом короля от 1 февраля 1852 г. была запрещена организация Народной партии. В первом параграфе этого декрета значилось: «союзы, образованные в Штутгарте, Галле, Гмюнде, Геппенгене, Рейтлингене, Эрингене, Эслингене, Эльвангене под названием «Народных союзов»; в Хейльбронне под названием «Демократический союз свободных граждан»; в Гейслингене под названием «Клуб демократов» и их отделения распускаются. Настоящим декретом запрещается их дальнейшая деятельность как угрожающая интересам государства. Любое дальнейшее участие в этих союзах и их отделениях в соответствии с буквой и духом закона наказываются заключением в окружной тюрьме до одного года, а в прочих объединениях – тюрьмой до четырех недель или денежным штрафом от 50 до 200 гульденов». После принятия этого декрета некоторые демократы вынуждены были покинуть Вюртемберг, чтобы избежать обременительных штрафов.

В 1855 г. дело дошло до сближения либеральной фракции Ремера и демократических депутатов Вюртембергского ландтага. Они приняли решение сообща бороться против реакционного правительства Линдена. С 1850 г. проведение совместной политической линии облегчилось национальным вопросом. Демократы при этом делали особый акцент на необходимость демократических преобразований в единой Германии. Они поддерживали борьбу прусских прогрессистов за развитие конституции. Из симпатии к главной оппозиционной партии в Пруссии левые политики в Вюртемберге с 1861 г. также стали именоваться партией прогрессистов. На первом земельном собрании этой партии либералы и демократы продемонстрировали единство по отношению к внутриполитическому положению королевства. Расхождения обнаружились только по

вопросу – может ли партия допускать вступление своих членов в Национальный союз. Следующее собрание в г. Плохинген вновь протекало вполне гармонично. Либералы и демократы единодушно поддерживали общую предвыборную программу. Она содержала требования в первую очередь «единство немецкого отечества», создание центрального правительства и общегерманского парламента, конституционной реформы, принятия нового избирательного закона, свободы прессы и союзов и «безусловного признания конституционных принципов со стороны правительства» в Вюртемберге. Формулировки программы были настолько широкими, что могли легко объединить либералов и демократов. В Воззвании «комитета партии прогрессистов» вновь было проявлено единство³²⁵. Комитет призывал своих сторонников к поддержке тех, кто подвергается политическим преследованиям, к защите гражданских прав и «поддержке интересов партии при выборах депутатов». В нем также сообщалось, что в будущем возникнет необходимость увеличения взносов на партийные цели. Сторонники должны были перечислять комитету 1 гульден, который должен был быть избран на земельном собрании прогрессистской партии³²⁶. Основу агитационной деятельности партии должны были составлять следующие программные положения: «1. имперская конституция от 22 марта 1849 г., включая основные права и избирательный закон, должна быть введена в действие; 2. исключение привилегированных членов из вюртембергского сословного собрания». В этом призыве вслед за решением собрания прогрессистской партии от 14 декабря в 1862 г. в Эслингене содержался призыв к поддержке непреклонной позиции прусской палаты представителей в ходе конституционного конфликта.

В 1863 г. из иммиграции в Швейцарии и Франции на родину в Вюртемберг вернулись многие известные со времени революции 1848 г. демократы, в том числе К. Мейер и Л. Пфау. По примеру обеих этих стран они хотели преобразовать свою родину в демократическом духе. В рамках решения национального вопроса они выступали против гегемонии одного государства, указывая на то, что революция 1848 г. в Пруссии и Австрии потерпела поражение. В статье «Централизация и федерация» Л. Пфау указывал, что федерализм является единственной формой, с которой согласуется принцип свободы в пределах одного государства. Централизация при этом равнозначно деспотизму. Хороший демократ обязан быть федералистом. Единство можно достичь через свободу. Утверждение, что «если мы сначала обретем единство, то потом свобода придет сама – является пустой фразой». Оба вюртембергских политика совместно с Ю. Хаусманом приняли решение об основании Народной партии для обеспечения свободного развития отдельных немецких государств. Они стремились повсеместно создать организованные по образцу 1848 г. народные союзы, чтобы проводить демократические реформы вопреки

слабым правительствам и колеблющимся парламентам. Вюртембергские демократы собрались в «Петербургском дворе» в Штутгарте. Они отметили значение всеобщего избирательного права как решающего признака демократии. Вместе с тем для них были важны свобода прессы, свобода союзов и собраний. Эта группа демократов стала известной благодаря поддержке газеты «Обозреватель», в главе которой с 10 февраля 1864 г. встал К. Мейер. Газета распространяла взгляды демократов по всей стране в конфликте между единством и свободой она всегда занимала сторону свободы, она пропагандировала конфедерацию свободных германских государств по примеру Швейцарии. Разногласия с либералами обострились после того, как демократы высказались за федеративную республику в качестве конечной цели движения за единство Германии, в то время как либералы придерживались конституционной монархии.

На пятом общем собрании Немецкого национального союза дело дошло до обсуждения необходимости создания самостоятельной демократической партии, которая должна была выступить против прусской гегемонии. В этом обсуждении принимали участие демократы из всех германских государств. Поначалу конкретного решения принято не было, но участники обсуждения договорились поддерживать контакт. Таким образом, была заложена основа будущей Немецкой народной партии. Самыми последовательными ее сторонниками были демократические политики из Вюртемберга. Прежде всего, К. Мейер и Ю. Хаусман. После своего возвращения из Эйзенаха они взяли на себя руководство первым земельным собранием Вюртембергской народной партии. Газета «Обозреватель» их больше не устраивала в качестве органа партии. Хельдер, Зегер, Фетцер и сыновья министра времен мартовской революции Ремера основали свою собственную «Швабскую народную газету». Утвержденный земельным собранием комитет созвал на 10 января 1866 г. 150 доверенных лиц со всей страны для обсуждения организационных принципов новой партии³²⁷. Они подтвердили политические устремления своих лидеров – Хаусмана, Мейера и Пфау, которые стремились к германскому единству на федеративных и демократических началах. В пределах Вюртемберга решили создавать окружные союзы партии как отделения партии подчиненные земельному комитету. Участники собрания призвали единомышленников других германских государств объединяться в союзы. Как и Германия, Народная партия должна была строиться по федеративному принципу. День трех королей 6 января 1866 г. считается днем основания Немецкой народной партии. Ему предшествовали встречи единомышленников в Эйзенахе, Дармштадте (конец 1865 г.) и Бамберге. Резананс в Германии был не слишком большим. Только в Саксонии была создана достаточно сильная Народная партия. В Пруссии, Баварии, Бадене и прочих германских государствах были

только отдельные политики или незначительные группы единомышленников. Можно назвать в Пруссии – Й. Якоби, в Пфльце – Кольба, во Франкфурте – Л. Зоннемана³²⁸. Для пропаганды своей партии за пределами Вюртемберга в Штутгарте было создано пресс-бюро. В мае 1866 г. при поддержке редакторов и издателей «Новой Франкфуртской газеты» Зоннемана и Кольба состоялось большое Народное собрание во франкфуртском цирке, которой избрала временный комитет. Он представлял народную партию во всей Южной Германии. Ратская война поначалу стала препятствием для дальнейшего расширения партии. «Новая франкфуртская газета» переехала в Штутгарт после того, как пруссаки оккупировали Франкфурт. Новый подъем партия начала переживать с 22 декабря 1867 г., когда собрание делегатов из южно-немецких государств в Бамберге избрало «исполнительный комитет», в который вошли четыре вюртембергца и один пруссак.

В начале 1868 г. была основана новая газета партии, которая должна была распространяться среди ее сторонников по всей Германии, под названием «Демократическая корреспонденция – орган немецкой народной партии». Особое внимание газеты привлекала Пруссия, где сотрудничество с местными демократами оставалось невозможным до тех пор, пока во главе прусских прогрессистов находился сторонник сильного централизованного государства Вальдек. «Демократическая корреспонденция» даже призывала к «свержению Вальдека из вождей Немецкой прогрессистской партии в качестве неперемennого условия для преобразования немецкой демократии Пруссии»³²⁹. Тем ни менее Пруссия оставалась во многом закрытой территорией для Немецкой народной партии. Там у нее по сути дела оставалось два верных сторонника – Й. Якоби и редактор газеты «Будущее» Г. Вейс.

Лидеры Народной партии стремились привлечь в нее не только буржуазных демократов и, но и широкие массы рабочих. Поскольку считали, что без их участия невозможно сильное демократическое движение. Якоби в речи перед тремя тысячами берлинских избирателей о целях Немецкой народной партии говорил: «так как без участия представителей рабочего сословия невозможно никакое длительное и устойчивое улучшение положения, демократическая партия должна безотлагательно сделать своей задачей коренное изменение политических, но, в первую очередь, социальных отношений. Только тогда демократический принцип равенства найдет свое воплощение в соответствии с общим стремлением ко всеобщему благосостоянию»³³⁰. Никогда раньше представители буржуазного лагеря не высказывались так ясно в пользу изменения социальных отношений. Однако конкретные способы решения рабочего вопроса оставались не разработанными.

Выдающимся событием в истории Немецкой народной партии стал Штутгартский съезд 18 сентября 1868 г., где была принята программа партии, действовавшая до 1895 г.³³¹ В программе выделялись три базовых принципа: 1. демократический принцип свободы и равенства; 2. право на самоопределение; 3. экономическое освобождение рабочего класса.

Каждый пункт был исчерпывающим образом разъяснен. Пункт первый указывал в первую очередь на всеобщее и прямое избирательное право, содержал требование установить жалование для депутатов рейхстага и т.п. Во втором пункте было сказано, что народная партия является партией мира. Этот пункт выглядел не слишком убедительным. Действительно новым пунктом для буржуазной партии был третий пункт. В нем были исчерпывающим образом перечислены все реформы необходимые для улучшения положения рабочего класса. Требовалось создание нового фабричного законодательства: запрет на детский труд, запрет на женский труд в ночное время, запрет на воскресные работы, увеличение численности фабричных инспекторов, введение максимальной продолжительности рабочего дня в 10 часов. Следующими требованиями были: свобода союзов, бесплатная обучение рабочих, закон о защите интересов рабочих, введение переговоров между работодателями и рабочими о величине заработной платы, ликвидация косвенных налогов, правовое обеспечение достаточных по размеру пенсий по старости для рабочих и развитие кооперативного дела. Во второй части программы перечислялись дальнейшие требования на будущее, при условии выполнения положений первой части программы. Таким образом, можно говорить о программе-минимум и программе-максимум Народной партии. Это было уникальное явление для того времени. В качестве важнейших политических целей в будущем обозначались ответственные министерства и парламентские правительства, свобода союзов, ликвидация всех сословных и дворянских привилегий, сокращение трехлетнего срока военной службы, компенсация в пользу незаконно осужденным и преследовавшимся, свобода совести и вероисповедания, единство Германии на основе принципа федеративного союзного государства, однопалатная система для отдельных немецких государств. По сравнению с программой немецкой прогрессистской партии в Пруссии – эта программа была гораздо прогрессивней. Немецкая народная партия далеко обогнала свое время. К сожалению, тогда в Германии ни нашлось ни одного государственного деятеля способного воплотить ее цели в действительность. Она осталась в тени политики Бисмарка.

С образованием Немецкой народной партии распалась Прогрессистская партия в Вюртемберге. Либералы под руководством Хельдера в качестве реакции на основание Народной партии провозгласили на собрании 8 августа 1866 г. создание Немецкой партии. 18 августа того же года в Плохингене была принята программа партии³³². В ней шла речь

исключительно об объединении Германии: все германские государства должны присоединиться к Пруссии, протест против разделения Германии по линии Майна и т. д. Предложение касательно внутренних реформ в Вюртемберге были сформулированы в самом общем виде. О рабочем вопросе речь не шла. Принцип равенства не провозглашался.

Какая из двух программ нашла больший отклик в Вюртемберге, показали результаты выборов в Таможенный парламент. При участии 57 % избирателей она закончилась полным поражением Немецкой партии, которая не смогла провести ни одного своего из кандидатов в депутаты, среди которых были сам лидер партии Хельдер, президент Вюртембергской палаты представителей Вебер и другие. Эти выборы стали не только формой протеста против национал-либеральной политики, но и одновременно выражением стремления к демократии, парламентаризму и федерализму. Вюртембергские депутаты Таможенного парламента, среди которых было 6 ярко окрашенных депутатов из Народной партии, высказались против присоединения королевства к Северо-Германскому союзу. Газета «Кельнский листок» нашла следующее объяснение исходу выборов в Вюртемберге: «результат выборов объясняется не страхом перед Пруссией, и не вюртембергским партикуляризмом... Он является решительным протестом народа против политики графа Бисмарка и означает чего он ожидает – либо ее свертывание, либо ее преодоления»³³³. В следующие годы стало ясно, что сам Бисмарк перешагнул через вюртембергских демократов. Тем ни менее, очевидная заслуга Народной партии заключалась в том, что и после 1871 г. основные демократические принципы реализовывались в Вюртемберге полнее и последовательнее, чем в других германских государствах.

Национал-либеральная партия в Великом герцогстве Баден

В Бадене национал-либералы преобладали над демократами. В конце шестидесятых годов они смогли создать хорошо организованную партию, в то время как попытка объединения демократов в 1864 г. потерпела неудачу. Баденские национал-либералы стремились к общегерманской национал-либеральной партии.

22 июля 1818 г. великий герцог Карл подписал конституцию. Она позволила буржуазии активно участвовать в политической жизни. Наряду с дворянской палатой имелась «Народная палата», в которую буржуазия посылала своих представителей. Эта палата состояла из 63 депутатов, 32 от 14 городов, остальные 41 от сельских округов. В нее входили государственные служащие, торговцы и сельские хозяева. По составу она

резко контрастировала с первой палатой, в которой заседали представители великогерцогского дома, аристократических и крупных помещичьих родов, университетов и духовенства. Так как партий еще не имелось, органы власти обращались перед выборами к «ответственным людям» и просили их, чтобы те выставили свою кандидатуру. В палате «выделялись известные личности, которые в силу своего умственного превосходства и способностей определяли направление и ход дебатов»³³⁴. Депутаты присоединились к ним не как члены фракции, а как люди, разделяющие соответствующую точку зрения. В палате было довольно много либерально настроенных депутатов. В силу географического положения страны достаточно рано в страну проникли идеи французской революции. Они оказывали влияние прежде всего на образованную буржуазию. Роттек и Велькер переработали эти идеи и сформулировали представления раннего немецкого либерализма в своем «Государственном лексиконе». Роттек дает интересное сравнение государства с акционерным обществом. Правительство – это правление, парламент — наблюдательный совет. Только акционер имеет право выбора. Применительно к жизни государства это означает: граждане добровольно отказываются от некоторых из своих прав в пользу правительства, которое со своей стороны должно заботиться о том, чтобы свобода отдельного человека оставалась неприкосновенной. Парламент как контролирующий орган избирается самостоятельными и состоятельными гражданами. Насколько эта теория была действенна, показывает отношение национал-либералов ко всеобщему избирательному праву, которое они решительно отклоняли на протяжении всех 60-х годов.

Вплоть до революции 1848 г. в Бадене не возникали никакие организованные политические партии. В парламенте имелись только групповые образования и общности политических единомышленников, но никаких строго организованных фракций. Только когда в 1848/49 гг. была введена свобода союзов и собраний либералы и демократы начали объединяться, как и в королевстве Вюртемберг, в отечественные или народные союзы. Радикал-демократы под руководством Гекера и Струве отличались от либералов, прежде всего, по вопросу о будущей форме государственного правления. Гекер и Струве агитировали за республику и всеобщее вооружение народа. В апреле 1848 г. союзные войска подавили республиканское восстание. Второе восстание в мае 1849 г. также потерпело неудачу: прусские и другие союзные войска снова ввели старый порядок. Все организации демократов и либералов пали жертвой реакции.

С распространением национального движения в Германии баденские либералы и демократы снова начали активно участвовать в политической жизни. Они присоединились к Немецкому национальному союзу, который образовал местные союзы в Гейдельберге, Мангейме, Пфорцхейме, Карлсруэ и других городах. В Пфорцхейме, Мангейме и Карлсруэ

в союзах преобладали демократы. Во главе их находился Людвиг Экардт, который пытался «исходя из баденского пространства и одновременно переносясь на другие области Германии освободить разбросанные демократические группы от их зависимого положения по отношению к либерализму и собрать в собственную организацию»³³⁵. Вопрос о Шлезвиг-Гольштейне казался ему подходящим отправным пунктом для демократического народного движения. Он стремился к союзу с популярным великим герцогом Фридрихом I и его министром Роггенбахом, так как надеялся, что великий герцог мог встать во главе немецкого народного движения и проложить «национально-революционный путь». Экардт не хотел видеть того, что баденское правительство было слишком слабо, чтобы успешно поддержать революционное движение к объединению Германии³³⁶. Даже после вступления пруссаков и австрийцев в Шлезвиг-Гольштейн он с помощью своего комитета, созданного в январе 1864 г. в Карлсруэ, продолжал усилия по организации общегерманской демократической партии. Через несколько месяцев, однако, эта попытка потерпела неудачу. Этот демократический республиканец не нашел отклика в населении.

Партия прогресса в Бадене возникла во второй палате ландтага. Ее руководителем был экономист Эдуард Пикфорд. В конце шестидесятых годов из парламентской фракции выросла организованная Национал-либеральная партия. Она была основана на собрании в Оффенбурге 23 мая 1869 г. Инициатива либералов была обусловлена действиями демократов, которые создали лигу за избирательную реформу в поддержку всеобщего избирательного права. Поскольку либералы отвергали эту идею, они собрали в Оффенбурге полторы тысячи единомышленников с целью создания партии. Была утверждена следующая структура партии: земельный комитет как высший орган партии должен был находиться в Оффенбурге. В каждом из 11 округов страны создавался окружной комитет, который отвечал за выборы, манифестации и петиции. Окружным комитетам подчинялись местные отделения партии. На собрании было избрано 12 уполномоченных, которые должны были подготовить выборы в окружные комитеты. Среди них был государственный советник А. Лами из Мангейма, основатель местного национал-либерального союза. Уже 1 июня 1869 г. он внес на рассмотрение собрания в Мангейме проект устава. Членом союза мог стать любой немец, который объявлял о своем вступлении и уплачивал утвержденный согласно уставу ежегодный взнос. Размер взноса был значительным – не менее 30 талеров. Расписка правления о получении взноса служила членским билетом. Тем не менее, отделение в Мангейме вело такую активную агитационную работу, включая многочисленные публикации в прессе, что одних взносов для покрытия расходов было недостаточно. Правление неоднократно обращалось за добровольными пожертвованиями.

Баденские национал-либералы сторонились демократических реформ. Основное внимание они уделяли объединению Германии. Они призывали к созданию федеративного государства путем объединения южной Германии с Северогерманским союзом. Для того, чтобы немецкий народ занял подобающее ему место среди других держав, требовалось немедленно приступить к созданию национальных вооруженных сил.

С этой программой национал-либералы вышли на выборы в таможенный парламент и добились там успеха: 8 из 14 баденских представителей принадлежали к этой партии³³⁷. Их лидерами в таможенном парламенте стали Блунчли и Роггенбах, которые вслед за прусскими национал-либералами вопреки прогрессистам выступали за расширение полномочий этого представительного органа.

Прогрессистская партия в Гессене

В Великом герцогстве Гессен партия прогрессистов тесно сотрудничала с национальным союзом. После 1866 г. она оформилась в самостоятельную организацию, которая активно действовала на выборах в рейхстаг. В начале шестидесятых годов она была большой оппозиционной партией против правительства Дальвига. Однако по вопросу о путях объединения Германии она раскололась на три группы. Демократы объединились вокруг А. Дюмона из Майнца. Старолибералы создали «либерально-консервативную группу» в парламенте, так что самая значительная часть большой оппозиционной партии солидаризовалась с прусскими национал-либералами. Социал-демократы добились первого важного успеха – они остановили дальнейший рост голосов в пользу прогрессистов.

Олицетворением тесной связи между национальным союзом и сторонниками либеральной политики в Гессене была фигура адвоката надворного суда д-ра А. Меца (1818-1874). Он приобрел известность в период реакции, года выступал защитником на политических процессах. Прекрасный оратор и организатор, он был вполне подходящим человеком для того, чтобы встать во главе политического движения. Его программные представления могут быть проиллюстрированы одной фразой: «экономическая свобода по меньшей мере так же важна, как и политическая»³³⁸. Он выступал за присоединение к Пруссии и был избран в таможенный парламент.

Гессенские либералы из симпатии к своим прусским единомышленникам избрали для своей партии аналогичное название – Прогрессистская партия. В 1862 г. они получили абсолютное большинство во второй палате ландтага. Им даже удалось провести через палату вотум недоверия премьер-министру Дальвигу из-за его церковной политики. В

1866 г. прогрессистское большинство отказалось утверждать запрошенные правительством средства на проведение мобилизационных мероприятий. В начавшейся австро-прусской войне партия стремилась сохранять нейтралитет. Однако эта позиция была расценена как пропруская. Старолибералы и демократы вопреки прогрессистам одновременно голосовали за военный бюджет, отныне и те и другие шли своим собственным путем. Даже когда на территорию Гессена вступили прусские войска и прогрессисты высказались за предоставление денег, позиции старолибералов и демократов остались неизменными.

Прогрессисты проиграли выборы в конституирующий парламент Северогерманского союза. Лучше дела у них были на выборах в таможенный парламент. Однако в ходе всеобщих выборов им пришлось выдержать жесткую конкуренцию, особенно в Майнце, где прогрессистам противостояли демократы. Кандидатом либералов был Л. Бамбергер (1823–1899), политик, эволюционировавший от великогерманского демократа в 1848 г. до малогерманского либерала. Приговоренный к смертной казни за участие в Пфальцском восстании, он много лет жил в эмиграции – Париже и Лондоне. Главным пунктом его политической программы стало объединение Германии на экономической основе. Он был готов безо всяких условий поддержать присоединение к Северогерманскому союзу. Ему казалось неправильным стремление демократов ставить условия ведущей великой державе, которую он видел в Пруссии. Войну 1866 г. он считал объединительной и справедливой, поскольку без силы нет и права. Социальный вопрос мог найти решение только в рамках большого государства. Всеобщее избирательное право не казалось ему большим достижением, так как политически незрелый народ не может избирать свободно. Множество суровых обвинений он обращал в адрес демократов. Они возбуждают ненависть неимущих, собирают их вокруг себя, «чтобы дать волю духу кровавого парижского июньского восстания, классовой ненависти, всем разрушительным и зловещим страстям», они распространяют нужду и безработицу, отравляют жизнь городов, разжигают религиозный фанатизм. Он без сожаления встретил раскол большой либеральной партии, наоборот, с удовлетворением говорил об ее очищении.

Что можно было ответить на обвинения Бамбергера? Буржуазные демократы под руководством А. Дюмона (1819–1885) пытались привлечь на свою сторону рабочих, католиков и сторонников буржуазного либерализма. При этом, так же как либералы, они не стеснялись в средствах и употребляли любую демагогию, чтобы убедить обывателей в правильности своей политики. Центральным пунктом их программы было утверждение: «мы не хотим быть прусскими, мы ничего не хотим знать о вступлении в Северо-Германский Союз, потому что его конституция похоронит благосостояние нашего народа

и будет служить подавлению свободы и самостоятельности немецких народов»³³⁹. Демократы отвергали «правлящую систему юнкерства и военщины... единство повиновения и единство казармы... прусские военные кафтаны для молодежи, прусскую налоги и высокие прусские таможенные тарифы»³⁴⁰. Для них Пруссия была главным врагом либерально-демократической политики в Германии. Они испытывали чувство солидарности с южно-немецкими демократами, объединенными в Немецкую народную партию. Как М. Моль и Ф. Зоннеман, они требовали права на самоопределение для всех германских государств, выступали за социальные реформы и всеобщее равное избирательное право. Они не понимали национал-либералов, которые по их мнению занимались обожествлением Бисмарка и его побед. Л. Бамберга они пренебрежительно называли карнавальным принцем. Буржуазные демократы выражали сочувствие нарождавшемуся социал-демократическому движению и его предложениям социальных реформ.

Прогрессисты Гессена одержали победу на выборах в Таможенный парламент в трех округах. Л. Бамбергер лишь не на много опередил А. Дюмона в Майнце. Два других претендента удержали весьма убедительную победу. В целом национал-либералы Гессена сохранили за собой абсолютное большинство голосов избирателей.

Национал-либералы и демократы в Северо-Германских средних и малых государствах

Национал-либералы были достаточно хорошо представлены в государствах северной Германии. В большинстве своем они были организованы в рамках национального союза. Наряду с ним существовало еще несколько незначительных партий, при чем повсеместно организации прогрессистов и Национального союза были почти идентичны. Влияние демократов было ограниченным. Они играли заметную роль лишь в Саксонии, где были объединены в Саксонскую народную партию. Во всех других государствах демократы либо выступали в роли младших партнеров либералов по Национальному союзу, либо вообще не принимали участия в политической жизни. Основными центрами партийно-политического развития были королевства Ганновер и Саксония. В Мекленбурге и Кургессене власти не допускали создание никаких политических объединений³⁴¹. Достаточно сильную поддержку национал-либералы получили в тюрингских государствах.

В королевстве Ганновер в центре политической жизни находились Национальный союз и его лидер Р. фон Беннигсен. Они вели тяжелую борьбу против реакционного

министра Борье. Так, например, собрание национал-либералов 8 апреля 1861 г. в помещении Ганноверской биржи переросло в большую политическую демонстрацию. Повестка дня собрания, которое заранее было разослано по стране, состояло из пяти пунктов: «германский вопрос; Шлезвиг-Гольштейн и защита побережья; конституция Кургессене; положение прессы по отношению к правительству; положение дел в Ганновере». «Люди и кони» были приведены в движение, чтобы обеспечить участие в собрании представителей всех провинций. Собралось 350 человек, среди которых 40 действующих и бывших депутатов собрания представителей и большое число представителей городских и сельских общин. По профессиональной принадлежности лучше всего были представлены адвокаты и сельские хозяева. Собрание высказалось за передачу центральной власти в Германии Пруссии, за созыв общегерманского парламента, за немедленные действия против Дании и создание пушечной паровой флотилии. Решения собрания были изложены в адресе, который был передан королю. В нем значилось, что почти все права и свободы населения страны уничтожены, нанесен ущерб свободе прессы, собраний, и даже праву обращений на высочайшее имя. Правительство полностью утратило доверие страны. Место деятельного участия народа в управлении общинами и страной заняли государственные чиновники. Избирательный закон больше не соответствует требованиями времени. Необходимо ликвидировать нынешнюю систему управления и воссоздать «старое конституционное земельное право». Под адресом подписались председатель собрания Р. фон Беннигсен, оба вице-президента и оба секретаря.

Этот адрес либералы распространили по всей стране в виде листовок по всей стране. Чтобы обеспечить еще больше распространение они разослали этот текст во все заведения общественного питания. Власти пытались остановить эту пропагандистскую кампанию. Полицейские власти получили предписание задерживать тех людей, кто будет распространять листовки в общественных местах. Однако магистрат г. Гамельн принял официальное решение магистрата не рассматривать трактиры и гостиницы в качестве общественных мест.

19 марта 1863 г.в Геттингене встретились 116 либералов со всего королевства для празднования столетия Й. Г. Фихте. Там были из именитых политиков Беннигсен, Микель и Планк. Годом позже около 300 национал-либеральных политиков праздновали принятие германской имперской конституции. Налицо – постоянные контакты между либеральными политиками в пределах всего королевства. С 14 мая 1863 г. ганноверские либералы приняли название партии прогрессистов и утвердили программу³⁴².

В 1866 г. Р. фон Беннигсен установил постоянные отношения с Бисмарком. После войны 3 июля 1866 г. либералы Ганновера приветствовали аннексию их королевства Пруссией. При выборах в Северо-Германский рейхстаг и Прусский ландтаг провинция Ганновер посылала в представительные учреждения самое большое число либералов. Например, в ходе выборов в ландтаг от 7 ноября 1867 г. ганноверские национал-либералы получили 28 из 36 мандатов.

В Саксонии между 1862 и 1866 годами наряду с партией прогрессистов и Народной партией возник свой Всеобщий рабочий союз. Саксония оказалась первым из германских государств, где представители рабочего движения организационно отделились от либералов и буржуазных демократов. Местные либералы пытались противодействовать этой тенденции. 2 мая 1863 г. они заявили об основании Саксонского прогрессистского союза. Его программа содержала либеральные требования. Подобные тем, что уже были сформулированы в Пруссии и других германских государств. Хотя либералы требовали реформы саксонского избирательного закона, они ничего не говорили о своем отношении ко всеобщему избирательному праву. По германскому вопросу они шли в фарватере прусских национал-либералов. В 1867 г. они приветствовали создание Северо-Германского союза и установление сильной центральной власти.

В конкуренции с Общим Немецким рабочим союзом и с Саксонским прогрессистским союзом действовала «Саксонская народная партия». Она возникла из саксонских рабочих союзов. 4 декабря 1864 г. представители рабочих союзов провели заседание в Хемнице и решили основывать «Саксонское областное объединение» Немецкой народной партии. Так как правительство отказало в разрешении областного союза, объединение сначала получило название «союз в поддержку умственных и материальных интересов рабочих союзов», в который вошли 4600 членов из 129 союзов. Этот союз уступил место «Саксонской народной партии», которая была учреждена 19 августа 1866 г. на собрании в Хемнице при участии профессора Росмеслера, В. Либкнехта и А. Бебеля. Теперь правительство позволило основание партии как «областного союза» Немецкой народной партии при условии, что рабочие будут избегать обсуждения политических и социальных вопросов. Новая партия не выполнила это указание. правительству не оставалось ничего другого как признать новый политический фактор в стране. Программа партии подчеркивала в первую очередь «неограниченное право самоопределения» народа. Она была направлена против цензового избирательного права и требовала введения «всеобщего, прямого и равного права выбора при тайном голосовании». Вооруженный всей полнотой власти парламент и всеобщее вооружение народа должны были обеспечить народу надлежащее участие в государственной жизни.

По германскому вопросу партия предлагала новую формулу: «Объединение Германии на основе демократической формы государственного правления». Все прежние предложения политиков и партий отклонялись: «Никакой наследственной центральной власти; никакой малой Германии под прусским руководством; никакой увеличенной путем аннексий Пруссии, никакой австрийской Великой Германии, никакой триады». Осуждались сепаратистско-династические устремления и иностранное господство, и провозглашалось право на самоопределение всех немецких государств. На фоне целого ряда требований, которые уже присутствовали в программах либералов, выделялись два новых: «подъем народного образования и повышение благосостояния». Народные школы должны были превратиться в государственные учреждения финансируемые из бюджета, а подготовка учителей – существенно улучшена. Взрослые должны были получить возможность улучшить свое положение при помощи хорошего дополнительного образования. Поскольку народное образование не могло само по себе существенно улучшить положение рабочего класса, нужно было создавать производственные товарищества для выравнивания положения «труда» и «капитала».

Поскольку вскоре предстояли выборы в Северо-Германский рейхстаг Народная партия прежде всего создала избирательную организацию. Так называемый Демократический избирательный комитет ввел предвыборную борьбу двух избирательных округов и выдвинул своими кандидатами адвокатов Р. Шрапса и А. Бебеля. Особенно острое соперничество развивалось между демократами в Цвикау: между демократическим кандидатом Шрапом и местным бургомистром, которого поддерживали либералы.

Партийно-политическое развитие Германии и война 1866 г. привели к перестановке политических сил в малых государствах, особенно в Тюрингии³⁴³. Либералы, которые постоянно, прежде всего, из экономических соображений выступали в пользу национально-государственного единства с воодушевлением встретили создание Северо-Германского союза и объединились в его рейхстаге в одну фракцию вместе с национал-либералами других немецких государств. Только один депутат из Тюрингии вступил во фракцию левых, которая поддержала программу прусских прогрессистов. Этот депутат, служащий по ведомству юстиции, Айсфельд из Готы представлял в рейхстаге тюрингскую народную партию, которая была создана по образцу Саксонской партии летом 1867 г. в ходе двух собраний в Готе и Эйзенахе.

В начале шестидесятых годов XIX в. в немецких государствах образуются большие либеральные «коалиционные партии». Их деятельность направлена против

консервативных правительств. Опирающиеся на образованную буржуазию, поддерживаемые также мелкими ремесленниками, предпринимателями и рабочими, они боролись за участие в государственной политике, которую твердо держали в руках короли, князья и дворянство. Либералы и демократы, которые время от времени противостояли друг другу в 1848 г., объединились в общей оппозиции против реакционных министерств. По образцу большой либерально-демократической Немецкой прогрессистской партии в Пруссии подобные партии возникают в других немецких государствах. Им содействуют Конгресс немецких экономистов и Немецкий национальный союз. Партии прогрессистов призывают свои правительства ускорить объединение Германии и реформировать конституции так, чтобы буржуазия могла принимать большее участие в государственной политике, чем до сих пор.

Партии прогрессистов распадаются, так как ведущие демократы 1848 г. снова участвуют в политике (в 1860-1861 гг. вновь получили депутатские мандаты Шульцеделич, Вальдек и Таддель, из эмиграции вернулись Леве-Кальбе, Мейер и Пфау), а германская политика Бисмарка обостряет споры о путях к объединению. Демократы, усиленные благодаря своим старым, опытным единомышленникам, вспоминают о демократических принципах и оспаривают у либералов руководство в прогрессистских партиях. Они отказываются поддержать решение немецкого вопроса с помощью прусского государства.

В отличие от национал-либералов буржуазные демократы выступали не только за либеральные права и свободы, но в поддержку принципа равноправия. Их главным требованием было всеобщее, равное и прямое избирательное право, эффективная либеральная социальная политика, народная армия и введение парламентаризма. Пересмотр Закона о союзах, введение денежного содержания для депутатов и улучшение школьного образования должны были открыть народу путь к участию в политической жизни. По поводу решению Германского вопроса имелись различные взгляды: федералисты из немецкой народной партии противостояли сторонникам централизма, в рядах партии прусских прогрессистов. В целом прогрессисты занимали положение между либералами и демократами.

Процесс создания этих партий можно разделить на три ступени. Во-первых, создавались программы, во-вторых, возникали предвыборные организации, и наконец, постоянные партийные структуры. Парламентарии и свободные граждане поддерживали свою партию, на их организационные формы значительное влияние оказывал Закон о союзах. С одной стороны, они следовали предписаниям: члены в отдельных местах становились членами центральных избирательных или партийных организаций в своих

государствах. Кто, например, был членом партии прогрессистов в Пруссии – входил в организацию партии в Берлине. Таким образом, создавалось тесное сотрудничество между центральными органами и отдельными сторонниками партии. С другой стороны, такой централизованный характер в некоторой степени ослаблялся подчиненными организациями, местными и окружными союзами, которые не смотря на запреты, создавались, ловко обходя положения Закона о союзах. Наиболее централизованным был немецкий либеральный союз, который идеологически и организационно поддерживал прогрессистские партии. Однако, немецкая народная партия отклоняла централизованную организацию. Ее сторонники создавали множество автономных, отдельных организаций, которые были достаточно слабо связаны друг с другом.

Либералы были лучше всего организованы на пространстве Северо-Германского союза, в Бадене и Баварии, демократы – в Вюртемберге и Саксонии. Они вели предвыборную борьбу при поддержке земельных комитетов или центральных избирательных комитетов партии, которые занимались распространением листовок, изготовлением плакатов, размещением в газетах статей и предвыборных призывов, созывом собраний. Сплочению сторонников партии способствовали партийные газеты или сочувствующие им издания.

За счет принятия единой программы национал-либералам из различных немецких государств удалось уже в 1870 г. объединиться в общегерманскую партию. Подобной демократической партии тогда еще не существовало. С одной стороны, демократы, были ослаблены потерей поддержки со стороны рабочих, с другой стороны, они не могли выработать единую программу. Наряду с федералистами имелись централисты, либеральным демократами противостояли радикальные демократы. Буржуазные демократы занимали позицию между либералами и социал-демократами. Общая экономическая политика с либералами отделяла их от социал-демократов. Раздробленность либеральных сил облегчала консерваторам задачу по сдерживанию либерально-демократического движения в Германии вплоть до 1918 г.

Н. Н. Баранов

¹ *Shanahan W.* Friedrich Naumann: A Mirror of Wilhelmian Germany // *The Review of Politics*. 1951. № 13. С.267.

² *Heuss T.* Friedrich Naumann: Der Mann, das Werk, die Zeit. Stuttgart – Tübingen, 1949. С.339.

- ³ *Schubert M.* Die Mitteleuropa-Konzeption Friedrich Naumanns und die Mitteleuropa-Debatte der 80er Jahre. Sindelfingen, 1993. С.15; *Науман Ф.* Срединная Европа. М., 1918.
- ⁴ *Schieder W.* Einleitung zum Mitteleuropabuch // Naumann F. Werke: In 6 Bd. Köln – Opladen, 1964. Bd. 4. С.385.
- ⁵ *Bennhold M.* Mitteleuropa – eine deutsche Politiktradition: Zu Friedrich Naumanns Konzeption und ihren Folgen // Blätter für deutsche und internationale Politik. 1992. № 8. С.978.
- ⁶ *Partsch J.* Mitteleuropa. Die Länder und Völker von den Westalpen und dem Balkan bis an den Kanal und das Kurische Haff. Gotha, 1904.
- ⁷ Цит. по: *Witte B.* Nachdenken über Mitteleuropa//Liberal: Vierteljahreshefte für Politik und Kultur. 1992. № 34. С.10.
- ⁸ См.: Ibidem.
- ⁹ *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German Thought and Action. (1815–1945). The Hague, 1995. С.8.
- ¹⁰ *Arndt E. M.* Geist der Zeit. 4 Teil. Leipzig, 1818. С.158.
- ¹¹ Ibid. С 11.
- ¹² *Enste M.* Mitteleuropabild Friedrich Naumanns und seine Vorgeschichte. Marburg, 1941. С.23.
- ¹³ *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German. С.13.
- ¹⁴ Цит. по: Ibidem.
- ¹⁵ *Enste M.* Mitteleuropabild Friedrich Naumanns. С.25.
- ¹⁶ *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German. С.16.
- ¹⁷ *Лакер У.* Россия и Германия наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С.60.
- ¹⁸ *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German. С.26.
- ¹⁹ *Frantz C.* Untersuchungen über das europäische Gleichgewicht. Berlin, 1859.
- ²⁰ Ibid. С.371.
- ²¹ *Lagarde P. de.* Deutsche Schriften. 1905. С.85.
- ²² *Hildebrand K.* German Foreign Policy from Bismarck to Adenauer: the Limits of Statecraft. Cambridge – London, 1989. С.33.
- ²³ *Enste M.* Mitteleuropabild Friedrich Naumanns. С.27.
- ²⁴ Ibid. С.32.
- ²⁵ *Naumann F.* Asia. – Schöenberg, 1899. С.154.
- ²⁶ Ibid. С.153.
- ²⁷ *Naumann F.* Deutschland und Österreich. Schöenberg bei Berlin, 1900. С.32.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ Ibid. С.33.
- ³⁰ Ibid. С.11.
- ³¹ *Naumann F.* Aus Holland // Die Hilfe, Jg. 5. 1899. H. 33. S. 4.
- ³² *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German. С.29.
- ³³ *Enste M.* Mitteleuropabild Friedrich Naumanns. С.12.
- ³⁴ Ibid. С.35–37.
- ³⁵ цит. по: *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German. С.138.
- ³⁶ Ibid. С.139.
- ³⁷ *Hildebrand K.* German Foreign Policy. С.44.
- ³⁸ *Naumann F.* Die Politik des Schützengrabens. Werke: In 6 Bd. Köln – Opladen, 1964. Bd. 4. S.490.
- ³⁹ Ibid. С.681.
- ⁴⁰ Ibid. С.492.
- ⁴¹ Ibid. С.519.
- ⁴² Ibid. С.469.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ *Meyer H.C.* Mitteleuropa in German. С.198; *Le Rider J.* Mitteleuropa – auf den Spuren eines Begriffs. Wien, 1994. S.124.
- ⁴⁵ *Naumann F.* Die Politik des Schützengrabens. S.490.
- ⁴⁶ Ibid. С.492–493.
- ⁴⁷ Ibid. С.474.
- ⁴⁸ Ibid. С.666.
- ⁴⁹ Ibid. С.677.
- ⁵⁰ Ibid. С.601–602.
- ⁵¹ Ibid. С.609.
- ⁵² Ibidem.

-
- ⁵³ Schnorr S.G. Liberalismus zwischen 19. und 20. Jahrhundert. Reformulierung liberaler politischer Theorie in Deutschland und England am Beispiel von Friedrich Naumann und Leonard T. Hobhouse. Baden-Baden, 1990. S.186.
- ⁵⁴ Naumann F. Die Politik des Schützengrabens. S.533.
- ⁵⁵ Цит. по: Enste M. Mitteleuropabild Friedrich Naumanns. S.21.
- ⁵⁶ Naumann F. Die Politik des Schützengrabens. S.520.
- ⁵⁷ Ibid. C.734–735.
- ⁵⁸ Ibid. C.752.
- ⁵⁹ Ibid. C.449.
- ⁶⁰ Ibid. C.754.
- ⁶¹ Ibid. C.744.
- ⁶² Ibid. C.727–729.
- ⁶³ Ibid. C.724.
- ⁶⁴ Nussbaum H. Außenhandelsverflechtung europäischer Länder und imperialistische deutsche Mitteleuropapläne 1899 bis 1914 // Jahrbuch für Geschichte. 1977. № 15. C.41.
- ⁶⁵ Naumann F. Die Politik des Schützengrabens. S.700.
- ⁶⁶ Ibid. C.760.
- ⁶⁷ см.: Ibidem. S.760–764.
- ⁶⁸ Ibid. C. 445–446.
- ⁶⁹ см.: Ibidem. S.736–740.
- ⁷⁰ см.: Ibid. S.738–739.
- ⁷¹ Ibidem.
- ⁷² Ibid. S.752.
- ⁷³ Ibid. S.681–682.
- ⁷⁴ Ibid. S.694.
- ⁷⁵ см.: Ibid. S.447–448.
- ⁷⁶ Ibid. S.682.
- ⁷⁷ Ibid. S.491.
- ⁷⁸ Ibid. S.552, 724.
- ⁷⁹ Ibid. S.468.
- ⁸⁰ Ibid. S.741.
- ⁸¹ Ibid. S.595.
- ⁸² Ibid. S.756–757.
- ⁸³ Ibid. S.447.
- ⁸⁴ Dahrendorf R. Liberale und andere: Portraits. Stuttgart, 1994. S.151.
- ⁸⁵ Theiner P. Sozialer Liberalismus und deutsche Weltpolitik: Friedrich Naumann im Wilhelminischen Deutschland (1860–1919). Baden-Baden, 1983. S.257.
- ⁸⁶ Heuss T. Friedrich Naumann. S.334.
- ⁸⁷ Ibidem.
- ⁸⁸ Schubert M. Die Mitteleuropa-Konzeption Friedrich Naumanns und die Mitteleuropa-Debatte der 80er Jahre. Sindelfingen, 1993. P.10.
- ⁸⁹ Christ J. Staat und Staatsraison bei Friedrich Naumann. Heidelberg, 1969. P.99.
- ⁹⁰ Schnorr S.G. Liberalismus zwischen 19. und 20. Jahrhundert. Reformulierung liberaler politischer Theorie in Deutschland und England am Beispiel von Friedrich Naumann und Leonard T. Hobhouse. Baden-Baden, 1990. S.180.
- ⁹¹ Schieder W. Einleitung zum Mitteleuropabuch // Naumann F. Werke: In 6 Bd. Köln – Opladen, 1964. Bd. 4.
- ⁹² Ziekursch J. Politische Geschichte des Neuen Deutschen Kaiserreiches. In 3 Bde. Bd. I. Die Reichsgründung. Frankfurt a.M., 1925. S. 15.
- ⁹³ Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. vornehmlich nach den preußischen Staatsacten. In 7 Bde. Bd. II. Berlin, 1889. S. 209.
- ⁹⁴ См.: Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches. S. 220.
- ⁹⁵ Schilling M. Quellenbuch zur Geschichte der Neuzeit. Berlin, 1912. S 371.
- ⁹⁶ Bußmann W. Das Zeitalter Bismarcks. 1852–1890. Konstanz, 1957. S. 42.
- ⁹⁷ Schilling M. Quellenbuch zur Geschichte der Neuzeit. S 371.
- ⁹⁸ См.: Sybel H. Die Begründung des Deutschen Reiches. S. 209.
- ⁹⁹ Ibid. S. 210.
- ¹⁰⁰ Bußmann W. Das Zeitalter Bismarcks. S. 43.
- ¹⁰¹ Zeitung für Norddeutschland. 1859. 20 Juli.

- ¹⁰² Quellen zum politischen Denken der Deutschen im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von R. Buchner, W. Baumgart. Bd. V. Darmstadt, 1977. S. 172.
- ¹⁰³ Ibid. S. 173.
- ¹⁰⁴ Quellen zum politischen Denken der Deutschen. S. 174.
- ¹⁰⁵ Цит. по: *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. Ein Beitrag zur Vaterländischen Geschichte. Bd. I. Berlin, 1897. S. 162.
- ¹⁰⁶ См.: Zeitung für Norddeutschland. 1859. 30. August.
- ¹⁰⁷ Dokumente zur deutschen Verfassungsgeschichte. Hrsg. von E. R. Huber. Band 2. Deutsche Verfassungsdokumente 1851-1900. Stuttgart, 1986, S. 104.
- ¹⁰⁸ Ibid. S. 105.
- ¹⁰⁹ Цит. по: *Eisfeld G.* Die Entstehung der liberalen Parteien in Deutschland. 1858-1870. Studie zu den Organisationen und Programmen der Liberalen und Demokraten. Hannover, 1969. S. 33.
- ¹¹⁰ Deutschland – Italien 1850-1871. Zeitgenössische Texte. Hrsg. von D. Stübler. Leipzig, 2007. S. 144.
- ¹¹¹ Ibid. S. 145.
- ¹¹² См.: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 35.
- ¹¹³ *Eisfeld G.* Op. cit. S. 36.
- ¹¹⁴ Цит. по: *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. Bd. II. S. 55.
- ¹¹⁵ Ibidem.
- ¹¹⁶ Цит. по: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 36.
- ¹¹⁷ Ibidem.
- ¹¹⁸ Цит. по: *Parisius L.* ndischen Geschichte. Berlin, 1878. S. 119.
- ¹¹⁹ Wochenschrift des Nationalvereins. № 154. 10. April 1863.
- ¹²⁰ Цит. по: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 37.
- ¹²¹ Ibidem.
- ¹²² См.: *Koszyk K.* Deutsche Presse im 19. Jahrhundert. Berlin, 1966. S. 144-145.
- ¹²³ См.: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 38.
- ¹²⁴ Meyers Großes Konversations-Lexikon. Bd. 14. Leipzig, Wien, 1908. S. 446.
- ¹²⁵ См.: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 39.
- ¹²⁶ См.: *Oncken H.* Rudolf von Bennigsen. Ein deutscher liberaler Politiker. In 2 Bde. , Stuttgart, Leipzig, 1910. Bd. 1. S. 340.
- ¹²⁷ См.: *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Hrsg. von F. Thorwart. In 5 Bde. Bd. 3. Berlin, 1911. S. 146.
- ¹²⁸ Цит. по: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 41.
- ¹²⁹ См.: Schwäbischer Merkur. 24. Januar 1866.
- ¹³⁰ См.: Karlsruher Zeitung. 9. September 1869.
- ¹³¹ Deutschland – Italien 1850-1871. S. 145.
- ¹³² *Eisfeld G.* Op. cit. S. 42.
- ¹³³ См.: *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 222.
- ¹³⁴ См.: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 43.
- ¹³⁵ *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 222.
- ¹³⁶ Ibidem.
- ¹³⁷ Wochenschrift des deutschen Nationalvereins. № 142. 16. Januar 1863.
- ¹³⁸ См.: *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 239.
- ¹³⁹ Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 22.
- ¹⁴⁰ Westfälische Zeitung. 5. September 1861.
- ¹⁴¹ Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 25.
- ¹⁴² *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 119.
- ¹⁴³ См.: *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 147.
- ¹⁴⁴ См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 119.
- ¹⁴⁵ Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 8.
- ¹⁴⁶ Westfälische Zeitung. 4. September 1861.
- ¹⁴⁷ Ibidem.
- ¹⁴⁸ Bundesarchiv Berlin. N 2292. AE 179.
- ¹⁴⁹ Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 19.
- ¹⁵⁰ Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 22.
- ¹⁵¹ См.: *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 224.

- 152 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 26.
 153 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 24.
 154 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 22.
 155 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 20.
 156 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 27.
 157 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 22.
 158 Westfälische Zeitung. 8. September 1861.
 159 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 22.
 160 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 25.
 161 Westfälische Zeitung. 18. Januar 1861.
 162 См.: *Heß A.* Die Landtags- und Reichstagswahlen im Großherzogtum Hessen, 1865-1871. Oberursel (Taunus), 1957.
 S. 43-45.
 163 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 8.
 164 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 10.
 165 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 16.
 166 См.: *Heß A.* Op. cit. S. 43.
 167 Цит. по: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 51.
 168 Ibid. S. 51-52.
 169 Ibid. S. 52.
 170 *Planck G.* Der Nationalverein und seine Entstehung. 1861. S. 27.
 171 *H. V. von Unruh.* Erinnerungen aus dem Leben. 1895. S. 218-220.
 172 См.: *Oncken H.* Rudolf von Bennigsen, ein deutscher liberaler Politiker; nach seinen Briefen und hinterlassenen Papieren. In 2 Bde. Stuttgart, Leipzig, 1910. Bd. 1. S. 68-70.
 173 Ibid. S. 95.
 174 *Oncken H.* Rudolf von Bennigsen. S. 26.
 175 *Oncken H.* Op. cit. Bd. 1. S. 280.
 176 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 146.
 177 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 239.
 178 Westfälische Zeitung. 20. November 1858.
 179 Ibidem.
 180 См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 23-24.
 181 Ibid. S. 28.
 182 Цит. по: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 24.
 183 Westfälische Zeitung. 13. Januar 1859.
 184 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 3. S. 116-117.
 185 Цит. по: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 26-27.
 186 Ibidem.
 187 Westfälische Zeitung. 13. Januar 1859.
 188 Westfälische Zeitung. 29. Januar 1859.
 189 Westfälische Zeitung. 28. November 1858.
 190 Westfälische Zeitung. 11. Januar 1859.
 191 Westfälische Zeitung. 28. Januar 1859.
 192 *Bachem K.* Vorgeschichte, Geschichte und Politik der deutschen Zentrumspartei. In 9 Bde. Bd. 2. Köln, 1927. S.
 155-156.
 193 Ibid. S. 157.
 194 Westfälische Zeitung. 26. Januar 1859.
 195 См.: *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 4. S. 2.
 196 Ibid. S. 3.
 197 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 4. S. 5.
 198 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 4. S. 37-38.
 199 *Craig G. A.* Die preußisch-deutsche Armee 1640-1945. Staat im Staate. Düsseldorf, 1960. S. 163.
 200 См.: *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 175.
 201 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 175.
 202 Ibidem.
 203 См.: *Fülling E.* Die preussischen altliberalen im Heeresreform- und Verfassungskampf und die Entstehung der Nationalliberalen Partei. Bad Essen, 1933. S. 7-8.

-
- 204 Цит. по: *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 94-95.
205 Ibid. S. 96.
206 Ibid. S. 113.
207 Ibid. S. 115.
208 Цит. по: *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S.115.
209 Ibid. S. 170.
210 Ibid. S. 185.
211 Цит. по: *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S.185.
212 Ibidem.
213 См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 33.
214 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S.191.
215 Ibid. S. 193.
216 Stenographische Berichte über die Verhandlungen des preußischen Hauses der Abgeordneten. 5 LP. 1861. S. 428.
217 Ibidem.
218 Preußische Jahrbücher. Berliner Monatsschrift für Politik, Geschichte und Literatur. Bd. 7. Berlin, 1861. S. 265.
219 Ibid. S. 267.
220 Stenographische Berichte über die Verhandlungen des preußischen Hauses der Abgeordneten. 5 LP. 1861. S. 1256.
221 Ibid. S. 1257.
222 Stenographische Berichte über die Verhandlungen des preußischen Hauses der Abgeordneten. 5 LP. 1861. S. 1404.
223 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 199-200.
224 Ibid. S. 202.
225 Stenographische Berichte über die Verhandlungen des preußischen Hauses der Abgeordneten. 5 LP. 1861. S. 1441.
226 Ibid. S. 1442.
227 Ibid. S. 311.
228 См.: Ibid. S. 1640.
229 Stenographische Berichte über die Verhandlungen des preußischen Hauses der Abgeordneten. 5 LP. 1861. S. 1641.
230 Ibid. S. 1642.
231 Ibidem.
232 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 208.
233 *Steinbrecher U.* Liberale Parteiorganisation unter besonderer Berücksichtigung des Linksliberalismus 1871-1893.
Ein Beitrag zur deutschen Parteigeschichte. Köln, 1960. S. 29.
234 Westfälische Zeitung. 17. Oktober 1861.
235 Цит. по: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 89.
236 Westfälische Zeitung. 8. Oktober 1861.
237 Westfälische Zeitung. 15. November 1861.
238 Здесь и далее программа цит. по: Treue W. Deutsche Parteiprogramme seit 1861. Göttingen, 1968 S. 62-63.
239 Westfälische Zeitung. 15. November 1861.
240 Westfälische Zeitung. 17. Oktober 1861.
241 См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 36.
242 См.: *Heuss A.* Theodor Mommsen und das 19. Jahrhundert. Stuttgart, 1996. S. 169.
243 Westfälische Zeitung. 3. November 1861.
244 Westfälische Zeitung. 3. November 1861.
245 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 4. S. 16.
246 Westfälische Zeitung. 20. Oktober 1861.
247 *Lassalle F.* Reden und Schriften. Hrsg. von Ed. Bernstein. In 3 Bde. Bd. 2. Berlin, 1892. S. 410-411.
248 Ibid. S. 443.
249 Цит. по: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 96.
250 *Siemens W.* Lebenserinnerungen. München, 1966. S. 187.
251 Ibid. S. 188.
252 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 2. S. 277.
253 Westfälische Zeitung. 10. Oktober 1861.
254 Westfälische Zeitung. 8. Oktober 1861.
255 Westfälische Zeitung. 9. Oktober 1861.
256 Bundesarchiv Berlin. R 8031. AE 28.
257 См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 36.

- 258 Westfälische Zeitung. 12. November 1861.
 259 Westfälische Zeitung. 12. November 1861.
 260 Westfälische Zeitung. 14. Oktober 1861.
 261 Westfälische Zeitung. 20. Oktober 1861.
 262 Westfälische Zeitung. 3. November 1861.
 263 Westfälische Zeitung. 8. November 1861.
 264 Westfälische Zeitung. 16. November 1861.
 265 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 164.
 266 *Schulze-Delitzsch H.* Schriften und Reden. Bd. 4. S. 12.
 267 См.: *Hess A.* - In, , 1964. S. 65.
- 268 Ibid. S. 53.
 269 Westfälische Zeitung. 10. November 1861.
 270 Europäischer Geschichtskalender. Hrsg. von H. Schulthess. Zweiter Jahrgang. 1861. Nördlingen, 1862. S. 229.
 271 Westfälische Zeitung. 17. November 1861.
 272 Westfälische Zeitung. 8. Dezember 1861.
 273 Zeitung für Norddeutschland. 9. Dezember 1861.
 274 Ibidem.
 275 *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 54-55.
 276 См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 60.
 277 Ibid. S. 57.
 278 Westfälische Zeitung. 5. November. 1863.
 279 См.: *Parisius L.* Deutschlands politische Parteien. S. 63.
 280 *Ritter G.* Allgemeiner Charakter und geschichtliche Grundlagen des politischen Parteiwesens in Deutschland. S. 83.
 281 Цит. по: *Hintze O.* Die Hohenzollern und ihr Werk: fünfhundert Jahre vaterländischer Geschichte. Solingen, 1916. S. 576.
- 282 *Bismarck O.* Gesammelte Werke. In 15 Bde. Bd. 10. Reden. Berlin, 1924. S. 140.
 283 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 90.
 284 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 96.
 285 Цит. по: *Schieder Th.* Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert / Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit. Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. Darmstadt, 1970. S. 18.
- 286 Ibid. S. 13.
 287 *Parisius L.* Leopold Freiherr von Hoverbeck. S. 123.
 288 Ibid. S. 176.
 289 Bundesarchiv Berlin. N 2292. AE 176.
 290 *Biermann W.* Waldeck – ein Schreiter für Freiheit und Recht. S. 290.
 291 Ibidem.
 292 См.: *Dorn K.* Die Anfänge der Deutschen Fortschrittspartei in Bayern; *Doeberl M.* Entwicklungsgeschichte Bayerns. Bd. III. München, 1931; *Schieder Th.* Die kleindeutsche Partei in Bayern in den Kämpfen um die nationale Einheit. 1863-1871. München, 1936.
- 293 См.: Wochenschrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 44. 3.10.1869.
 294 См.: Neue deutsche Biographie. Bd. 3. Berlin, 1957. S. 386.
 295 *Doeberl M.* Entwicklungsgeschichte Bayerns. Bd. III. S. 463.
 296 Wochenschrift des Nationalvereins. Nr. 151. 20. 3.1863.
 297 Wochenschrift des Nationalvereins. Nr. 155. 17. 4.1863.
 298 Wochenschrift des Nationalvereins. Nr. 155. 17. 4. 1863.
 299 Ibidem.
 300 Wochenschrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 18. 5. 5.1866.
 301 *Schwarz M.* Die Fortschrittspartei und die sog. Sozialgesetzgebung. S. 3.
 302 Wochenschrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 46. 17. 11.1866.
 303 Wochenschrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 13. 27. 03.1869.
 304 *Doeberl M.* Entwicklungsgeschichte Bayerns. Bd. III. S. 47.
 305 Wochenschrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 35. 28. 08.1869.
 306 См.: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 130.
 307 Wochenschrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 3. 20. 01.1866.
 308 Wochenschrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 5. 03. 02.1866.

-
- 309 Wochenichrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 6. 10. 02.1866.
310 CM.: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 132.
311 Ibidem.
312 Wochenichrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 37. 11. 09.1869.
313 Wochenschrift der Fortschrittspartei. Nr. 6. 10.02.1866.
314 Wochenschrift der Fortschrittspartei. Nr. 11. 17.03.1866.
315 Wochenschrift der Fortschrittspartei. Nr. 40. 06.10.1866.
316 Ibidem.
317 Ibidem.
318 CM.: *Baumgarten H.* Der deutsche Liberalismus – eine Selbstkritik. Berlin, 1866.
319 CM.: *Golo Mann* Deutsche Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. S. 357.
320 Wochenschrift der Fortschrittspartei. Nr. 38. 22.09.1866.
321 Ibidem.
322 CM.: *Eisfeld G.* Op. cit. S. 135.
323 CM.: *Heger K.* Die Deutsche Demokratische Partei in Württemberg und ihre Organisation. Leipzig, 1927.
324 CM.: Hof- und Staatshandbuch des Königreichs Württemberg. Stuttgart, 1866. S. 102.
325 Wochenschrift des Nationalvereins. Nr. 151. 20.03.1863.
326 Schwäbischer Merkur. 30.01.1866.
327 Wochenichrift der Fortschrittspartei in Bayern. Nr. 3. 20. 01.1866.
328 Westfälische Zeitung. 31. Mai 1868.
329 Westfälische Zeitung. 27. März 1868.
330 Westfälische Zeitung. 2. Februar 1866.6
331 CM.: *Salomon F.* Die Deutschen Parteiprogramme. Heft 1. S. 88-92.
332 *Salomon F.* Die Deutschen Parteiprogramme. Heft 1. S. 92-93.
333 Kölnische Blätter. 27. 3.1868.
334 Dreher E. Anfänge der Bildung politischer Parteien in Baden. Freiburg, 1952. S. 6.
335 *Weber R.* rgerliche Demokraten in der deutschen Einheitsbewegung 1863-1866. Berlin, 1962. S. 123.
336 *Weber R.* Op. Cit. S. 139.
337 Badische Handelszeitung. 28.03.1868.
338 Hess A. Die Landtags- und Reichstagswahlen im Großherzogtum Hessen. S. 44.
339 Bundesarchiv Berlin. N 2008. AE 234.
340 Bundesarchiv Berlin. N 2008. AE 234.
341 Wochenschrift des Nationalvereins. Nr. 147. 20.02.1863.
342 Westfälische Zeitung. 19. Mai 1863.
343 *Wyrwol M.* Die parteipolitische Entwicklung der Thüringischen Kleinstaaten in den Jahren der Reichsgründung 1859-1871. S. 167.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

Традиции старообрядцев как ресурс для реализации стратегий адаптации в годы революции и первого десятилетия советской власти

Мысли, эмоции, действия старообрядческого социума в контексте политических и социально-экономических изменений 1917 – первой половины 1918 гг.

В первые весенние месяцы после Февральской революции 1917 г. общество «обновленной» России охватила эйфория. Многие бывшие подданные империи выражали горячую поддержку Временному правительству: по страницам газет мелькали письма, полные восторгов и надежд. Лояльность к новой власти выказывалась и старообрядцами. Распространенным было направление приветствий от т. н. «политических собраний» крупных старообрядческих обществ. Из Екатеринбурга «искренний привет водителям российского освободительного движения» был отправлен Успенской общиной: «Часовенное старообрядчество, как и весь русский народ, переживает восторг освобождения дорогой Родины... и молит Бога о ниспослании России внутреннего мира, благоденствия и даровании победы над внешним врагом»¹. Подобная же телеграмма была отправлена белокрыницкой общиной г. Уральска². Екатеринбургские «австрийцы» в местной газете разместили воззвание: «Дорогие братья! Встаньте, соберемся вместе... Будем приветствовать обещавшихся нам устраивать лучшую жизнь и благословим их нашими молитвами...»³. В стремительном переходе от выражения верноподданнических чувств императору к пламенным приветствиям Временному правительству (фактически сменилось лишь наименование адресата) проявлялись не только эмоции, но и тактический расчет: организаторы съездов и председатели общин, т. е. светские лидеры старообрядческих обществ, знали, насколько важна благосклонность власти и старались не упускать возможность заручиться ее поддержкой. Подвигнуть съезд или собрание общины к решению отправить послание в адрес правительства весной 1917 г. не составляло большого труда. Настроения старообрядцев не отличались от настроений царящих в то время в обществе в целом – с новой властью люди связывали надежды на быстрое преодоление всех трудностей.

Однако мираж быстрых перемен к лучшему растаял довольно скоро. Признаки нарастающего экономического кризиса проявились, в том числе и в сферах, лежащих в основе хозяйственно-конфессиональных связей старообрядцев горнозаводской зоны – торговле и промыслах⁴.

Судя по опубликованным в последние годы документам, Временное правительство во многом оказалось заложником ситуации, порожденной зависимостью в условиях войны обеспечения армии и городского населения от текущего сельскохозяйственного производства. Опасность этого положения была очевидной еще в 1915 г. Тогда же в спешном порядке предпринимались попытки создать систему государственного регулирования продовольственного снабжения. Среди мер, которые должны были устранить нехватку товаров, было введение 9 сентября 1916 г. твердых цен на зерно и муку, закупаемых по распоряжению правительства, попытка министра земледелия 29 ноября 1916 г. провести хлебную разверстку силами местных продовольственных органов. Однако в условиях стремительной инфляции держатели хлеба отказывались продавать его по твердым ценам и бойкотировали разверстку. В итоге население городов оказалось под угрозой голода при наличии многомиллионных запасов хлеба в деревне. Курс Временного правительства, также направленный на установление хлебной монополии и твердых цен, мало способствовал налаживанию системы снабжения⁵.

В условиях все возрастающей нехватки продовольствия, во многих городах и заводах Среднего Урала комитетами общественной безопасности (КОБами) или советами рабочих и солдатских депутатов стали проводиться обыски на частных складах с целью выявления придерживаемых товаров. Екатеринбургским старообрядцам из торгово-промышленного сословия некоторую помощь могло оказать избрание в апреле 1917 г. в местный КОБ представителя от общества часовенных – Д. Н. Плешкова⁶. Вероятно, благодаря этому старообрядческие деятели имели возможность не допускать прямого ущерба своим интересам. Однако даже теоретически представляется неправдоподобным подобное предположение в отношении другого представителя старообрядческой семьи – уже упоминавшегося выше И. П. Тарасова, который вошел в состав того же КОБа, а в марте 1917 г. был введен в его следственную секцию⁷. 4 апреля 1917 г. он стал членом Екатеринбургского комитета эсеров и с тех пор часто председательствовал на собраниях местной организации этой партии⁸.

К контролю за тем, чтобы «дефицит» не уходил в другие местности, уездными продовольственными комитетами привлекалась полиция: на улицах, ведущих к выезду из населенного пункта, проверяли все обозы, расспрашивая, где куплен и куда направляется товар. От последних мер страдали более крупные торговцы, чьи интересы и связи выходили за пределы одного города или уезда. Одним из немногих фигур подобного масштаба в часовенном согласии был уже упоминавшийся Г. Г. Щербаков, имевший в Камышловском уезде Пермской губ. несколько паровых мельниц-крупчаток. Зимой 1917 г. он многократно штрафовался за продажу муки «лицам из Верхотурского и Ирбитского уездов по ценам

далеко превышающим установленные обывательским комитетом»⁹. Низкие закупочные цены, установленные властями «в то время, когда все дорожает», вызывали нарекания и у большинства крестьян, отзвуки их недовольства прозвучали даже на съезде священников и мирян белокриницкого согласия в Очерском заводе Пермской губ. 4 мая 1917 г.¹⁰

В относительно благополучном положении находились мелкие кустарные производства, однако и они не обходились без трудностей. Например, старообрядцы – владельцы мастерских Екатеринбурга, Шарташа, Невьянска, играющие заметную роль на местном рынке кожи и изделий из нее, еще в июле 1916 г. были напуганы постановлением министра торговли и промышленности, по которому право закупки кожевенного сырья на европейской части страны предоставлялось только губернским и уездным комитетам Всероссийского земского союза, направлявшим его заводам, работающим для нужд армии.

Кроме ощутимого экономического ущерба, ослаблению позиций крупных предпринимателей, в т. ч. и старообрядцев, способствовали стремительно углубляющиеся социальные противоречия, а также прогрессирующие в обществе стремления приписывать неудачи и беды проискам неких «темных сил», образ которых, будучи сначала весьма размытым, по мере обострения ситуации обретал все более конкретные (хотя и многоликие) воплощения. Одной из таких «ипостасей» в представлениях масс в конце концов стала буржуазия¹¹. Эти настроения в некоторой степени оказывали влияние на отношения в старообрядческом мире. В числе причин, по которым крестьяне-старообрядцы, и прежде имевшие претензии к компромиссным действиям торгово-промысловой верхушки, отказались поддержать «старообрядческую политическую программу», было ее несоответствие «настроенности всего старообрядчества, [поскольку] она выработана при участии наиболее имущих старообрядцев...»¹².

Впоследствии в первую волну послеоктябрьской эмиграции старообрядцев с Урала вошло подавляющее большинство представителей торгово-промышленных кругов, уже получивших к тому времени представление о национализации. Это как раз те, кто являлись попечителями старообрядческих общин и играли видную роль в жизни местных обществ. Известно, что в 1919 г. с отступающей армией А. В. Колчака из Екатеринбурга и Челябинска уехали такие светские и духовные лидеры общин часовенного и белокриницкого согласий как П. С. Мокрушин, В. О. Ульянов, П. С. Тяжелых, С. И. Соколов, А. Е. Калинин, П. К. Толстых, Л. М. Астраханцев, С. З. Заплатин, Г. Г. и Ф. Г. Щербаковы¹³. В последующее время некоторые из них эмигрировали за границу, кое-кто осел в Сибири и лишь единицы вернулись на родину. После этого «исхода» поддерживать славу Екатеринбурга как «корня часовенных... откуда оно берет жизненную силу в своем духовном развитии»¹⁴ осталась более однообразная по социальному составу община.

В Уфе, где торговцы и промышленники из числа «австрийцев» летом 1917 г. сумели организовать обсуждение и поддержку «Политической программы старообрядцев» представителями большинства согласий губернии, через три года наблюдалась следующая картина. В белокриницкой общине из 60 прихожан Казанской церкви занимались торговлей только двое, остальные были служащими (3 чел.), крестьянами (7 чел.), рабочими (9 чел.); более половины общины нигде не работали – это были женщины-домохозяйки (34 чел.) и инвалиды (5 чел.)¹⁵.

Влияние экономических неурядиц революционного времени сказалось и на жизни старообрядцев сельскохозяйственного Зауралья. В 1917–1918 гг. в общинах часовенных Тобольской губ. развернулась полемика о приемлемости различных кооперативов. Детальная аргументация, выдвигаемая старообрядцами – противниками артельных торговых объединений, приводится в сочинении крестьянина д. Жидки Ишимского уезда Сафона Лаптева «На союзы»¹⁶. Сам автор впоследствии говорил, что оно написано в 1918 – начале 1919 гг. Однако наблюдения, давшие пищу для раздумий, очевидно, могли быть сделаны как в более раннее, так и в более позднее время. Сочинение содержит доказательства идентичности предсказанной в Апокалипсисе Иоанна Богослова общности людей, принявших печать Антихриста, и активно учреждаемых «артелей союзных»: «пророчество говорит, что никто же возможет ни купити, ни продати, токмо кто имеет начертание, или имя зверя. И в союзах тоже только может купить, кто носит имя союза, сиречь нарицается союзником. Зри, человеце, сходство пророчества с событием... Преподобный Ефрем Сирин, предуведев, издалеча нам поведает, что в последнее время как хлеб, так и всякая вещь будет продаваться чрез печать Антихристову. А мы сей час налицо видим, что уже совсем расширяется диявольское действие, воздвигся союз, и в нем продают всякую вещь, но только тому, кто припишется к союзу...»¹⁷. Таким образом, основным объектом критики автора является сфера «союзной» торговли (которую ведут кооперативные лавки, маслоделки и пр.), от которой «урон» праведному порядку наиболее очевиден. Во-первых, в состав союзов могут входить еретики и безбожники, а «обществующие» с ними «чрез сие распинают Христа», во-вторых, в них торгуют по воскресеньям, в то время как по Писанию этот день должно посвящать Богу, а не работе: «...вот тут и является мерзость египетская работы, бесчестится день Господень»¹⁸, в третьих, среди прочих товаров в лавках продавались запрещаемые старообрядцами табак и водка.

Надо отметить, что кооперативное движение в Зауралье возникло еще в последнее десятилетие XIX в. По инициативе правительства в Сибирь, «чтобы местные люди не стали готовить плохого масла, которое могло бы повредить нашей торговле с иностранцами», были

направлены инструкторы, которые следили за технологией производства на маслодельных заводах. Однако только этой деятельностью специалисты себя не ограничивали. Наблюдая, как «главная выгода от маслоделия достается купцам и другим предпринимателям, и что иначе могло бы повернуться дело, если бы крестьяне, поставляющие молоко на завод, стали сами готовить масло», они начали способствовать устройству артелей¹⁹. Среди несомненных выгод от создания артельных товариществ отмечалось вытеснение с рынка частных заводчиков («видя что им бороться с артелью трудно, продают ей свой завод, а сами уходят на новые места») и освобождение крестьян от «кабалы» купцов – через образование при артелях своеобразных потребительских лавок: «мало помалу артельщики стали уже нарочно закупать различные ходовые товары (керосин, чай, сахар, спички и даже ситцы), складывали их в особое помещение при заводе и понемногу распродавали своим же артельщикам или раздавали им в долг под молоко, но, конечно, цену ставили божескую, так как им не приходится наживать от самих же себя»²⁰. Н. Д. Зольникова, разбирая указанное сочинение С. Лаптева, приводит данные из «Истории Сибири»²¹ о бурном развитии крестьянского маслоделия в Тобольской губ.: в 1901 г. в Кургане была создана «Организация содействия кооперативным формам развития маслоделия в Сибири», работа которой привела к созданию сотен артелей, охвативших более 50 тыс. (80 %) крестьянских хозяйств²². Позднее размах кооперативного маслоделия стал поистине колоссальным, особенно когда продолжением «Организации» стало еще более крупное объединение – Союз сибирских маслодельных артелей, история которого началась в ноябре 1907 г., после того как 12 кооперативов Курганского уезда договорились о совместном сбыте своей продукции. К 1917 г. в Союз входило более 2500 артелей и артельных лавок из 7 губерний Урала, Сибири и Степного края, в том числе Тобольской и Оренбургской. Закупочные конторы Союза располагались в Москве, Владивостоке и Самарканде, имелось представительство в Лондоне, где были подписаны несколько договоренностей о товарообмене сельхозпродукцией с кооперативами Австралии и Новой Зеландии²³.

Примечательно, что до 1917 г. зауральские старообрядцы не подвергали сомнению приемлемость артельных объединений. В многочисленных соборных постановлениях поморского согласия 1906–1917 гг. нет ни одного упоминания о полемике вокруг кооперативной торговли и др.²⁴. В с. Бродокалмакском Челябинского уезда Оренбургской губ. кредитное товарищество, созданное в 1911 г. 30 местными жителями, к 1 января 1917 г. объединяло уже 1157 человек, причем заметных разногласий не вызывало: «польза очевидна всем... общество ведет снабжение продовольствием, семенными хлебами, сахаром, солью, крупчаткой»²⁵. О том, что и часовенные в Тобольской губ. вступали в разного рода артели, говорит в своем сочинении и сам С. Лаптев: «Востали артели

союзная, и мы их любезно приемлем, а не осмотримся, ладно ли сие делаем»²⁶. Оренбургские, уфимские, пермские и тобольские миссионеры, наблюдающие за «раскольниками» в подведомственных им епархиях, также не отмечают признаков отрицательного отношения староверов к подобного рода товариществам²⁷. Считается, что в Зауралье в маслодельные кооперативы в качестве поставщиков молока для заводов входили до 80 % хозяйств²⁸. Журнал «Церковь» настаивал на том, что в Западной Сибири все общественные маслоделки (т. н. «молоканки») являлись «продуктом самодеятельности» старообрядцев²⁹, однако это, вероятно, все же следует считать преувеличением, поскольку С. Лаптев критикует артели и союзы в первую очередь за их «смешанный» состав, за то, что в них «обретаются различных сект еретики и безбожники, немцы и жида»³⁰.

В горнозаводской зоне на появившиеся приблизительно в то же время кредитные, ссудо-сберегательные и потребительские общества (Екатеринбургское общество рабочих и служащих торгово-промышленных и фабричных предприятий и кустарных мастерских известно с 1908 г.) старообрядцы смотрели совершенно спокойно, если не благожелательно. Например, в Старо-Уткинском заводе Красноуфимского уезда Пермской губ. лавка общества потребителей располагалась прямо в доме известных в часовенном согласии староверов-иконописцев Филатовых³¹. Редакция журнала «Уральский старообрядец», отвечая на вопросы читателей, в 1916 г. уверенно обосновала допустимость даже для настоятеля общины исполнять должность кассира кредитного общества: «...цель товарищеской организации – помощь беднейшему населению. Так что ничего зазорного в этом нет»³². Заметим все же, что в числе самых активных сотрудников редакции был начетчик А. Т. Кузнецов, не считающий предосудительным элементом «смешения» ни вступление в партию эсеров, ни объединение крестьян, безотносительно их вероисповедания, в союзы с целью ведения «правильной» борьбы за землю (см. главу 2, параграф 2)³³. С. Лаптев, в отличие А. Т. Кузнецова, воспринимал сообщение с иноверными, членство в одной организации с ними как душепагубное отступление³⁴.

Вполне допустимо, что до определенного момента, а именно до появления во время Первой Мировой войны острых проблем в сфере товарооборота и все возрастающего давления властей на крестьян, сильных предубеждений к кооперативному движению не проявлялось, а существующие настроения против «смешения» не были основанием для противодействия. С. Я. Лаптев чутко и критично воспринимавший окружающую действительность и рано пришедший к выводу о том, что в миру душу не спасти, в своем порицании торговой кооперации, возможно, не всегда находил поддержку даже в собственной семье, которая была достаточно зажиточной и, не исключено, что склонялась

к участию в маслодельном кооперативе, поскольку проживала в районе, где они были распространенным явлением.

В сочинении С. Лаптева рассматриваются только торгово-производственные артели и нет упоминания о появившихся потребительских кооперативах, хотя они тоже по тем же критериям, что и маслоделки, вполне могли быть названы антихристовыми союзами. Рост подобных объединений, происходивший в последний предреволюционный год на фоне свертывания рынка свободной торговли, был очень высоким³⁵. Так, например, в Камышловском уезде Пермской губ. в начале 1916 г. местное отделение насчитывало лишь 43 общества, а к концу года уже – 130³⁶. Через них население могло сбывать, хотя и по низким ценам, свою продукцию и получало доступ к товарам, перебои с которыми случались все чаще и чаще. Те же, кто отказывались воспользоваться услугами кооператива (например, не устраивала ценовая политика), имели очень мало легальных возможностей продать свой товар (по большей части зерно или муку) самостоятельно и подороже из-за введенных правительством твердых закупочных цен³⁷. Их положение еще больше ухудшилось после того как большевики, пришедшие к власти на местах в октябре 1917 – марте 1918 гг., поставили под свой контроль Советы крестьянских депутатов, через которые начали осуществлять государственную монополию на реализацию хлеба. В опубликованном 9 марта 1918 г. обращении Уралоблсовета к трудящимся каждому крестьянскому хозяйству предписывалось сдать в общественный амбар в распоряжение продовольственного отдела уездного совета все запасы, превышающие норму (10 пудов хлеба на едока) и определяемое местным советом количество фуражного зерна. Из сданных излишков часть следовало отдать голодающим уезда, остальное вывезти на областные ссыпные пункты. Оплата сданного зерна производилась по большей части квитанциями, сроки погашения которых были растянуты на несколько этапов и определялись местным советом. Уклонявшиеся от сдачи излишков объявлялись врагами народа и судились по законам военного времени³⁸.

Один из пассажей сочинения С. Лаптева можно расценить как критику именно такого положения дел: «...и старается диявол собрать весь [хлеб] в союз, а вольную куплю и продажу прекратить, и дать всю власть союзу... И мы видим, что сие его действо начинает исполняться повсюду. Уже восстали мадиямские блудницы, т. е. союзные лавки, и вси любезно их приемлют, наверно, воздвигнут скоро для ссыпки и торговли хлебом магазины»³⁹.

Приблизительно в то же время, когда будущий настоятель Дубчесских скитов в родной д. Жидки Учанской волости Ишимского уезда Тобольской губ. пишет свое сочинение, собор часовенных в находящейся неподалеку д. Мишкиной Курганского уезда

14 сентября 1918 г. (7427 г.)⁴⁰ выносит постановление, запрещающее «христианам входить членами в кредитные товарищества и артельные лавки совместно с иноверными»⁴¹. Так, сформулированная в первом произведении молодого ревнителя веры (С. Лаптеву в 1918 г. исполнилось 23 года) его собственная точка зрения, совпала с реакцией крестьян-старообрядцев Зауралья на кризисные явления в экономике, особенно остро проявившиеся в течение 1917 г. и еще более усугубившиеся в ходе реализации большевистской политики в аграрном и торговом секторах.

Политика советской власти в деревне, направленная на развязывание борьбы бедняков против кулачества, базировалась на нескольких декретах. Два из них – «О товарообмене для усиления хлебных заготовок» (от 2 апреля 1918 г.) и «О чрезвычайных полномочиях по борьбе с буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими» (от 14 мая 1918 г.) – лишили крестьян «не только права свободной продажи излишков, но и права требовать платы за них»⁴². Декрет ВЦИК от 9 мая 1918 г. ввел продовольственную диктатуру государства и предоставил советам право бесплатного изъятия не заявленного к сдаче хлеба. 11 июня 1918 г. также ВЦИКом было провозглашено создание комитетов бедноты, призванных стать ядром крестьянства, поддерживающего советскую власть. Следствием такой политики стало изменение отношения зажиточного крестьянства к советской власти: именно с весны 1918 г. нейтралитет⁴³ уступил место неприятию и враждебности.

*Участие старообрядцев в гражданской войне:
причины, обстоятельства, последствия*

Крестьянские восстания, начавшиеся летом по всей территории Урала, охватили, в том числе, и местности, где старообрядческое население было преобладающим. Один из таких «кулацких мятежей» вспыхнул 18 августа 1918 г. в с. Сепыч Оханского уезда Пермской губ.⁴⁴ Эти выступления способствовали смене власти антисоветскими режимами⁴⁵. В первое время, после изгнания коммунистов, настроенные против них слои деревни стали основным источником антибольшевистских военных формирований.

Однако в условиях Гражданской войны любая власть, вне зависимости от политической окраски, не могла обойтись без конфискации, контрибуций и пр., а при сопротивлении начинала проводить репрессии. Подобные меры, дополненные комплексом противоречивых земельных постановлений антибольшевистских правительств, запутывавших аграрный вопрос⁴⁶, отталкивало от белого режима прежде лояльное к нему крестьянство.

Кроме того, как отмечают некоторые исследователи, население в деревне в 1919 г. было занято отнюдь не сопоставлением и выбором наиболее приемлемой для себя власти,

а пыталось свести к минимуму пагубное вмешательство и красных, и белых⁴⁷. При неоднократной смене власти мобилизацию в свои подразделения проводили и те, и другие. Именно поэтому так сложно делать какие-либо выводы о том, на какой из сторон были старообрядцы в гражданской войне, даже имея данные об участии конкретных лиц в Красной армии и колчаковских войсках. В целом, упоминания о военной службе у белых встречаются в источниках так же часто, как и свидетельствовавшие об обратном. Для сравнения можно перечислить найденные в судебно-следственных делах сведения о староверах, побывавших в подразделениях А. В. Колчака: жители Сылвинского завода Кунгурского уезда Пермской губ. Ржанников И. А., Быков П. Е., Ермолин Г. А.; Мокрушин И. П. из Екатеринбурга; жители д. Солобоево Ялуторовского уезда Тобольской губ. Почежерцев В. Г., Солобоев А. Ф., Башкиров Т. Е.⁴⁸ и сопоставить их с присутствующими там же данными о старообрядцах-красноармейцах: крестьянин д. Солобоево Ялуторовского уезда Тобольской губ. Иноземцев И. И.; крестьянин д. Морозовой Очерского уезда Пермской губ. Вотинов Д. С.; крестьянин с. Тахтареве Кунгурского уезда Пермской губ. Лугин И. И.; крестьянин д. Шипеловой Екатеринбургского уезда Пермской губ. Коптелов Е. И.; крестьянин д. Черная Гора Кунгурского уезда Пермской губ. Коньков Б. И.; житель д. Мельниково Ялуторовского уезда Тобольской губ. Мельников А. А.⁴⁹

Безусловно, среди активных деятелей старообрядчества было немало противников большевистской власти, политика которой (в т. ч. и антирелигиозная) была очевидной уже после ее первых правительственных декретов и распоряжений местного масштаба. Однако, в настоящее время не представляется возможным определить, насколько велик процент тех старообрядцев, кто прошел полностью путь от неприятия нового порядка до обоснования необходимости последовательного вооруженного противодействия и сознательного участия в нем⁵⁰.

Появившиеся в разгар антирелигиозной кампании конца 1920-х – начала 1930-х гг. первые советские развернутые публикации о старообрядчестве в годы гражданской войны, фактологические данные из которых до сих пор используются исследователями, настаивают на том, что «деятельность сибирского старообрядчества⁵¹ во весь период колчаковской реакции была направлена всецело к тому же, к чему сводилась деятельность белогвардейского правительства, возглавляемого А. В. Колчаком, начиная от Уфы и Перми и кончая Дальним Востоком. Между правительством А. В. Колчака и епископами пермским, томско-алтайским и приамурским был установлен тесный союз и общий план действий в борьбе против советской власти»⁵². В качестве доказательства этой деятельности, приверженность которой экстраполирована на все старообрядческие

течения, приводятся цитаты из приветственной телеграммы А. В. Колчаку от Пермского епархиального съезда «австрийцев» 1919 г.: «...Да поможет Вам всевышний на избранном Вами тернистом пути донести взятое бремя до сердца России – Москвы и очистить святыню русскую от коммунистической мерзости», из переписки Главного управления вероисповеданий омского правительства с Барнаульским съездом старообрядцев всех согласий, проходившим в июне 1919 г. «...управление... признавая своевременным пересмотр вопросов о государственном положении старообрядчества... шлет съезду искренние пожелания в плодотворной культурно-просветительской работе...»⁵³. Кроме того, упоминается работа старообрядческих молодежных кружков «по распространению контрреволюционной идеологии» в Томске, Омске, Новониколаевске, Тюмени, Екатеринбурге, Миассе «и др.», введение в армии А. В. Колчака института старообрядческих священников под руководством епископа Филарета (белокриницкого согласия), а также организация старообрядческих отрядов в Омске и Новониколаевске в сентябре 1919 г.⁵⁴ На следствии 1938 г. один из бывших екатеринбургских старообрядческих деятелей дал показания о том, что несколько знакомых ему «австрийцев», отступивших с белыми до Барнаула, занимались организацией «крестоносных» дружин, в которые шли в т. ч. и староверы⁵⁵. Даже принимая во внимание неизбежные «преувеличения», вызванные в 1930-х гг. особенностями следственных процессов и идеологически заданные интерпретации исторических событий в первых трудах о гражданской войне, можно все-таки допустить, что для определенной части старообрядчества, сначала лояльно относившейся к власти большевиков, в первые месяцы 1918 г. все же стала очевидной неприемлемость новых условий жизни, и это подтолкнуло ее к участию в вооруженном сопротивлении.

Надо отметить, что даже в период Гражданской войны ряд влиятельных деятелей старообрядчества старался избегать милитаристских воззваний. Материалы журнала «Сибирский старообрядец», издававшегося с декабря 1918 г. в Барнауле священниками и мирянами белокриницкого согласия при участии такого известного «идеолога» общественно-политической жизни старообрядчества как Ф. Е. Мельников, не скрывавшего своей неприязни к социал-демократам⁵⁶, в первых номерах демонстрируют хотя и антибольшевистские, но отнюдь не воинственные настроения: «...эта проклятая контр-революция... Искали ее, искали, и наконец доискались до того, что нет ни контр-революции, ни самой революции, ни даже родины-России. Ничего нет. И сидим мы у разбитого корыта... Нужно отдать справедливость этим новым строителям социального государства, они во многом преуспели... Не остается уже ни богатых, ни бедных, ибо одних убивают, а другие умирают с голоду...»⁵⁷. Самый радикальный призыв журнала в начале 1919 г. заключался в словах:

«...необходимо обратиться от беззаконий наших и от неправд наших. Отвергнуть все навеянное на нас людьми, потерявшими веру в Господа Христа и его св. Церковь»⁵⁸. Даже инициаторы устройства «контрреволюционных» кружков старообрядческой молодежи подчеркивали в своем заявлении, что предлагаемая мера направлена на идейную борьбу с атеизмом, материализмом и социалистическими течениями⁵⁹.

Вполне возможно, что лозунги белых, зовущие старообрядцев участвовать в добровольческих дружинах, формируемых в Сибири, могли появиться, как указано А. Долотовым, в августе – сентябре 1919 г., но до Урала, измотанного многократной сменой режимов, бесчинствами солдат обеих армий, восстаниями и голодом, они уже не дошли, поскольку части «белого» сопротивления с территории Оренбургской, Пермской, Уфимской и Тобольской губ. отступили летом 1919 г. Возможно, среди тех уральских добровольцев, что составили небольшую, но надежную часть армии А. В. Колчака, известную под именем «каппелевцев»⁶⁰, и были старообрядцы⁶¹. Однако их участие могло складываться отнюдь не столько под влиянием агитации нескольких представителей белокриницкого согласия, базировавшихся в Томске и Барнауле (предположим, что она действительно имела место и широкое распространение), сколько под давлением обстоятельств: все-таки жители Урала в течение нескольких месяцев успели испытать на себе «прелести» большевистской власти. Коммунистическое «безбожие» наряду с комплексом мотивов лежащих в социально-политической и экономической сферах могли стать, как для населения Урала в целом, так и для старообрядцев причиной присоединиться к «белому» движению⁶², либо предпринимать самостоятельные шаги. Одним из них стало антикоммунистическое сопротивление широких масс крестьянства Западной Сибири и Зауралья на заключительном этапе Гражданской войны, ставшее самым крупным из крестьянских выступлений по всей стране, как по численности, так и по охвату территории – Западно-Сибирское восстание.

Оно началось в конце января 1921 г. в северо-восточном районе Ишимского уезда Тюменской губ.⁶³ и за короткое время охватило большинство волостей Ишимского, Ялуторовского, Тобольского, Тюменского, Березовского и Сургутского уездов Тюменской губ., Тарского, Тюкалинского, Петропавловского и Кокчетавского уездов Омской губ., Курганского уезда Челябинской губ., восток Камышловского и Шадринского уездов Екатеринбургской губ. (в ряде этих районов, как уже отмечалось, где старообрядцы составляли немалую часть населения), кроме того, затронуло север Туринского уезда Тюменской губ., Атбасарский и Акмолинский уезды Омской губ. На рубеже зимы – весны 1921 г. в восстании участвовало от 30 до 40 тыс. человек. Столь массовое движение было вызвано недовольством политикой большевиков (созданием ревкомов,

мобилизацией, реквизиционными мероприятиями) и тем как ее проводили представители местной власти, продотрядники и пр., творившие жестокий произвол и поставившие население на грань вымирания. Среди повстанцев подавляющее большинство составляли крестьяне (были и кулаки, и середняки, и бедняки, и старожилы, и новоселы), но участвовали и все остальные социальные группы региона, за исключением рабочих. Самые распространенные политические требования мятежников выражались лозунгами «Советы без коммунистов» и «За вольный труд»⁶⁴.

В настоящее время не представляется возможным установить насколько масштабным было участие старообрядцев в этом движении. В исследованиях, посвященных собственно Западно-Сибирскому восстанию нет указаний на старообрядческую составляющую, выступавшие не предъявляли каких-либо определенных претензий к религиозной политике местных властей. Тем не менее, если учесть достаточно высокий процент «двоедан»⁶⁵ среди населения отдельных охваченных восстанием районов (ведь в очаг восстания попали селения по Ирюму, и весь Ялуторовский уезд), а также возможную настроенность зауральских крестьян-старообрядцев против продовольственных мероприятий большевистских Советов в 1918 г., то поддержка ими лозунгов восставших и участие в вооруженном сопротивлении представляется вполне реальной.

Факты участия староверов в этом восстании подтверждаются архивными материалами. Например, в биографиях 9 человек – часовенных из д. Солобоевой бывшей Исетской вол. Ялуторовского уезда Тобольской губ., арестованных в 1938 г. в Тюмени по обвинению в создании контрреволюционной кулацко-повстанческой организации, есть упоминание об участии в «бандитском» движении 1921 г.⁶⁶ В целом, из проходивших по этому делу 43 человек (почти все они были осевшими в Тюмени раскулаченными и лишенными гражданских прав выходцами из 20-ти деревень Исетского и д. Нефаки Упоровского районов, входивших в 1938 г. в состав Омской обл.) подобная запись в соответствующей графе анкеты арестованного была у 27 и расценивалась следователями как дополнительное косвенное свидетельство неблагонадежности подозреваемых.

В ходе подавления восстания репрессии обрушились и на восставших, и на зажиточную часть деревни, вне зависимости от ее отношения к выступлению, вслед за этим последовало еще и увеличение налогов на состоятельное сельское население. Создавшиеся условия были, в свою очередь, одним из факторов питающих миграционные потоки старообрядцев на восток, в Сибирь. Отдельные представители часовенных Тюменщины начали свой уход на восток, в Нарымский край, как раз после подавления Западно-Сибирского восстания⁶⁷.

Старообрядческие скиты как традиционный фактор социальной адаптации

Активное переселенческое движение старообрядческого населения в 1918–1922 гг. стало еще одной ярко выраженной реакцией на происходящие вокруг «неспокойствия». Пути, которыми староверы уходили с мест прежнего проживания, были разными: они могли вести лишь до границ соседнего уезда, а могли составить и тысячи километров.

В 1918 – начале 1919 гг. преобладающим являлся уход в местные скиты. К этому людей подталкивал ряд причин, в том числе эсхатологические настроения, понимание, того, что в миру невозможно спастись, утрата средств к существованию (т. е., те же причины что и в дореволюционное время). Однако в период революции и Гражданской войны подобные перемещения приняли более массовый характер, поскольку «нестроения» и число обездоленных росло несравнимо быстрее.

Разбросанные по лесам заводских дач мелкие скиты были в относительно большей безопасности, чем монастыри официальной православной церкви или та же Шамарская обитель, устроенная «австрийским» епископом Антонием Пермским, которую красноармейцы разорили в первые месяцы Гражданской войны⁶⁸.

Екатеринбуржец Л. М. Каптерев, побывавший в 1917–1918 гг. в одном из маленьких скитов, отмечал его труднодоступность – «за Глубоким озером... в плотном кольце дремучего леса низенький домик с наглухо крытым двором... пустили в дом только после “молитствования” проводника...» и кое-какие из проявляемых обитателями забот о соблюдении праведного жития: отказ от употребления керосиновых ламп, самоваров, чайников («оба с рогами подобно окаянному»)⁶⁹. Хозяйка скита – Зиновия Варсонофьевна, ухаживающая за живущими у нее черноризицами м. Еликонидой и м. Анимайсой, а также гостящий в пустыни о. Маркел сокрушались о том, что в миру старообрядцы увлекаются душепагубными новшествами и объясняли это происками дьявола: «когда гонения не помогают, а наоборот укрепляют христиан в истинной вере, то враг человеческий ослабу может дать, вдруг обленятся и позабудут отеческие заветы, так что в тихое время надлежит еще больше бодрствовать»⁷⁰.

Вскоре наступил конец «тихому времени» и судьба многих будущих известных представителей старообрядческого старчества XX в. кардинально изменилась как раз накануне третьего десятилетия.

В 1918 г. из д. Потаскуевой Камышловского уезда Пермской губ., передав хозяйство жене и сыновьям, ушел в скит около соседней д. Малаховой Иннарий Иванович Ознобихин, принявший схиму под именем Уар⁷¹. В 1918 г. в известный монастырь м. Александры и м. Елисаветы, находившийся в 20 верстах от Нижнетагильского завода,

около д. Лаи Верхотурского уезда Пермской губ., после гибели мужа и смерти единственного ребенка удалилась крестьянка Петрокаменского завода Верхотурского уезда Пермской губ. Татьяна Кондратьевна Шабаршина, будущая м. Флина, игуменья одного из сибирских скитов⁷². В 1918 г. поступил послушником в скит рядом с д. Солобоевой крестьянин д. Сушники Кунгурского уезда Михаил Тарасьевич Долгих, позднее о. Макарий (Ирюмский)⁷³. В Камышловском районе, в скиту о. Иринея около д. Яр осел на несколько лет житель Кыштымского завода А. М. Людиновсков, прошедший перед этим бои Первой Мировой войны и германский плен (с 1928 г. – о. Антоний, помощник игумена сибирских скитов о. Саввы)⁷⁴.

Впрочем, как и прежде, в лесных поселениях обитали не только схимники и их послушники, но и простые миряне с семьями. Одним из характерных примеров подобного ухода была судьба Игнатия Ивановича Макурина. В 1918 г., лишившись работы и дома на Курьинском прииске (близь Невьянска), он с матерью поселился в одном из скитов в урминских лесах Кунгурского уезда Пермской губ.⁷⁵ Еду, одежду и кое-какую помощь по хозяйству они получали от жителей близлежащих деревень, для которых «читали кануны», изготавливали бураки и чинили обувь. Некоторое время мать жила у обосновавшейся неподалеку черноризицы Манефы, но когда сын нашел жену, вновь вернулась в его дом⁷⁶. Невесткой оказалась уроженка д. Черная Гора Пермской губ. Евдокия Мальцева. В 1917 г. она перебралась в леса, где по-прежнему вела крестьянское хозяйство: «садила огород, источником существования была корова, молоко и пр. я продавала...»⁷⁷.

При этом на Урале и в Зауралье сохранялись крупные скиты. В женском пустынножительстве на оз. Сунгул около Каслинского завода в Екатеринбургском уезде до конца 1920-х гг. проживали около четырех десятков насельниц часовенного согласия из Оренбургской, Уфимской и Пермской губерний. Правда, большая их часть во время голода 1920–1921 гг. вынуждена была переселиться на Тюменищину, но потом многие вернулись на прежнее место и прожили там еще несколько лет, до 1928 г.⁷⁸ Известно, что еще в 1926 г. по берегу оз. Сунгул располагалось четыре поселения: в т. н. печах Буянчик 5 чел. (2 мужчин и 3 женщин), на заводской даче (бывшей даче Новикова) 1 мужчина, на Маловой заимке 7 чел. (3 мужчин и 4 женщины) и в пос. Сунгуль 35 чел. (7 мужчин и 28 женщин)⁷⁹. Скорее всего как раз последний поселок и являлся Сунгульским женским скитом. Одна из проживавших в то время в этой пустыни вспоминала, что женщин там было до 30 чел., а «мужчин не было... старички были, за скотом ухаживали»⁸⁰. В известном с середины XIX в. Никольском женском монастыре в Миасском заводе Златоустовского уезда Уфимской губ. в начале 1920-х гг. обитало более двух десятков монахинь белокриницкого согласия (после «выгонки» в 1924 г. они ушли в скиты под Томском)⁸¹.

Вплоть до конца 1920-х гг. продолжал существовать монастырь южно-уральских поморцев около Миасса и Златоуста – на горе Зигальге. Сохранились сведения о том, что в 1922 г. там скончался удалившийся на покой настоятель кусинской и златоустовской общин Филипп Венедиктович Мурдасов⁸². В 1926 г. в Зигальгской пустыни жили 18 скитниц и 3 старика⁸³.

В бывшем Чердынском уезде активное устройство скитов вызывало удивление у корреспондентов краеведческого общества. «Казалось бы, что с приходом к власти трудящихся пустынночество, как пережиток фанатизма должно прекратиться...»⁸⁴. В 1924 г., обнаружив по рекам Уйвожу и Колве в густонаселенных до революции старых заимках всего лишь шестерых престарелых насельников, местный бытописатель обратил внимание на активное устройство келий прямо в деревнях. По его мнению все келейщики принадлежали к странническому согласию и попали в эту местность благодаря «особому агитационному бюро» проповедников из Пермского уезда и «г. Данилова Московской губ.», проводившему работу по «забиванию голов у темных мужиков... В результате весь край покрылся сетью “келий”... Есть деревни, где все поголовно население “странноприимцы”, как например, деревня Черепанова»⁸⁵. Кроме того, в северных пермских лесах оставались в неприкосновенности до конца 1920-х гг. пустынножительства старообрядцев располагавшиеся около «центра раскольникового мира Чердынского и Соликамского уездов» – д. Пудьвы⁸⁶.

Скиты продолжали существовать на Урале в течение еще нескольких десятилетий, поскольку являлись важным элементом системы социальной помощи в старообрядческих обществах, который сыграл одну из главных ролей в процессе выживания включенных в нее членов⁸⁷.

Приблизительно с середины 1919 г. переселенческий процесс стал выходить за пределы Урала и Зауралья. Теперь, надеясь спастись как от советской власти, так и от голода, с колчаковскими войсками на восток отступали торговцы и промышленники из пермской, челябинской, екатеринбургской и других городских старообрядческих общин, а также жители деревень и заводских поселков, некоторые обитатели скитов.

Около 1919 г. в Нарымский край переселился с семьей крестьянин д. Кирсановой Тюменского уезда Тобольской губ. Хрисанф Кропачев, впоследствии немало помогавший женским скитам на р. Дубчесс⁸⁸. В мае 1919 г. ушел в Колыванскую тайгу уже упоминавшийся выше крестьянин д. Жидки Ишимского уезда Тобольской губ. С. Я. Лаптев (будущий о. Симеон, настоятель пустынножеств часовенных на Нижнем Енисее)⁸⁹. Из с. Быньги Екатеринбургского уезда Пермской губ. в 1919 г. по причине того, что на родине «было трудно жить и прокормить семью», переехал под Камышлов уже

упоминавшийся в предыдущей главе Ф. Н. Плохих⁹⁰. С войсками Колчака, забрав семью, ушел в Томский край крестьянин д. Большие Кусты Пермской губ. Наум Коровин, дочь которого впоследствии стала одной из насельниц дубчесских скитов м. Маргаритой⁹¹. Один из уважаемых деятелей южно-уральского поморства Егор Васильевич Рязанов «жил в Сикиязе, имел мельницу был богат... 19-м году стал отступать с белыми войсками в Сибирь и там скончался»⁹².

Часть старообрядцев, выезжавших в 1920-х гг. из Уфимской губ., направлялась в Приморье, где к 1932 г. существовало уже более 50 населенных пунктов (сел, хуторов, заимок), населенных староверами. Впоследствии, в начале 1930-х гг., некоторые из переселенцев, не желая вступать в колхозы, уходили либо в более глухую тайгу, либо за государственную границу, где они оседали в существовавших ранее поселениях или создавали новые, в том числе и известную Романовку в Манчжурии⁹³. Стоит вспомнить, что еще в 1917 г. в Приморье переселился один из преемников о. Нифонта – о. Силуян, при активном участии которого местными пустынножителями была устроены скиты на р. Улунги (власти разгромили их в 1932–1933 гг.)⁹⁴.

Приблизительно к 1923–1924 гг., после относительной политической и экономической стабилизации миграционное движение становится менее насыщенным, однако не исчезает совсем. С этого времени проживающие на Урале (в т. ч. и вернувшиеся из Сибири участники колчаковского сопротивления) старообрядцы, в отношении которых у властей сформировалось двоякое представление (они считались, с одной стороны, жертвами царского режима, а с другой, кулаками, торговцами и «белобандитами»), были поставлены под контроль административных органов. В большинстве случаев уральские старообрядцы характеризовались как не представляющие угрозу власти⁹⁵. Об этом же говорили и результаты кампании 1922 г. по изъятию церковных ценностей, которую отчасти можно рассматривать как своеобразный тест на лояльность.

Функционирование обществ старообрядцев-часовенных Урала в период антирелигиозных кампаний 1920-х гг.

Изменение правового и имущественного положения старообрядческих обществ: договоры с властями и изъятие ценностей 1922 г.

Целенаправленная государственная антирелигиозная политика первых послереволюционных лет затронула старообрядцев в меньшей степени, чем господствующую церковь, на которой было сосредоточено основное внимание советских и партийных органов.

Старообрядческие пастыри никогда не были на содержании государства и поэтому лишение церкви материальной поддержки от казны не имело для них тех последствий, какие испытали на себе священники господствующей церкви. В силу особенностей внутриконфессионального уклада ни у поповцев, ни у беспоповцев не могло зародиться движение, подобное обновленчеству. Все вопросы, связанные с обеспечением нужд отдельной староверческой общины, от постройки или ремонта храма, устройства школы до избрания нового наставника, обычно решались самими прихожанами. Основательных причин для разногласий между мирянами и клиром вокруг выплаты жалования последним также не возникало. Священнодействующие у старообрядцев духовные лица получали средства к существованию, как и в господствующей церкви, за счет платы за совершение треб, но эти суммы были гораздо меньше запрашиваемых в РПЦ (упомянуть об этом никогда не упускали случая и сами старообрядцы)⁹⁶. Нередко часть затрат общества покрывалась либо из пожертвований зажиточных попечителей, либо из взносов распределенных поровну между всеми членами общины.

Практическое выполнение декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, провозглашенного большевистским правительством 23 января 1918 г., на территории Урала происходило крайне медленно из-за того, что перед местными властями стояла масса других проблем, требующих безотлагательного решения. Волна стихийных антицерковных действий (захват земель, активное вмешательство мирян в процесс отстранения и назначения священнослужителей, политические репрессии новой власти против духовенства), прокатившаяся по региону в первой половине 1918 г., задела, в первую очередь, организации РПЦ, хотя отразилась и на старообрядцах, поскольку за ними также отныне не признавалось право на собственность. Отныне верующим необходимо было заключать с местной администрацией договор об аренде необходимого для богослужений имущества, прежде принадлежавшего общине, поскольку все, от помещения храма, молитвенного дома, школы, богадельни и т. д. до последнего подручника, объявлялось по декрету собственностью государства (по официальной терминологии – «народным достоянием»)⁹⁷. Недвижимость могла экспроприироваться местными властями для своих надобностей, так, например, произошло со зданием старообрядческого училища в Черноисточинском заводе.

На рубеже 1921–1922 гг. руководители партии и государства пытались упорядочить растаскивание церковного имущества. Процесс постановки на учет религиозных обществ сдвинулся с мертвой точки как раз в конце 1921 – начале 1922 гг., после получения исполкомами местных советов инструкций от Наркомата внутренних дел и Наркомата юстиции.

Однако гораздо более значимой стала проходившая тогда же акция по изъятию церковных ценностей (если таковые еще кое-где оставались, избежав вывоза отступающими с белой армией, разграблений или элементарного сокрытия), целью которой было провозглашена помощь голодающим, однако в действительности была лишь поводом для антицерковных мероприятий (предполагалось, что изъятие ценностей приведет к «снижению эстетического воздействия на верующих церковного богослужения» и ускорит отмирание церкви как элемента классового общества)⁹⁸.

На территории Урала кампания по изъятию церковных ценностей прошла в апреле – мае 1922 г., причем неспешно и спокойно, без каких-либо эксцессов, хотя среди верующих отношение к этому мероприятию было разным. Практически во всех уральских губерниях настроение духовенства и мирян (в том числе и старообрядцев), присутствовавших в храмах во время работы членов комиссий по изъятию, характеризовалось как сдержанное и спокойное (что, впрочем, не означало их активного содействия изъятию)⁹⁹. Без призывов к антиправительственным действиям и насильственного сопротивления реквизициям обошлось даже там, где прихожане, сомневающиеся в том, что полученные церковные ценности помогут голодающим, первоначально выносили решение ничего не давать¹⁰⁰.

В начале апреля 1922 г. представители горисполкома обследовали молельный дом поморцев в Челябинске, но никаких предметов, необходимых для спасения голодающих Поволжья, конфисковано не было «за отсутствием последних»¹⁰¹. Единственная риза – на иконе св. Николая Мирликийского, к большому сожалению описателей, не содержала ни драгоценного металла, ни самоцветов. Остальное имущество, среди которого был деревянный золоченый иконостас со 102 иконами (44 больших и 58 малых), переплетенный в бархат Апостол, Евангелие в медном окладе, 3 «запрестольных» креста, парчовое шитье на аналой, стальные гасилки для свечей, медные подсвечники и люстра, 2 железных кадила, цинковые купели и пр., ценности также не представляло и поэтому осталось в пользовании верующих, о чем 22 апреля 1922 г. был подписан соответствующий договор¹⁰². В Тюмени храм белокрыницкого согласия оказался богаче – там в апреле 1922 г. изъяти 10 фунтов (около 4 кг) разной серебряной утвари и затем тоже подвергли описанию все находившееся в храме имущество, вплоть до половиков, шалей и дров¹⁰³. В Екатеринбургской губ. процесс изъятия начался позднее, чем у соседей. В первый же день, 27 апреля, комиссия вслед за единоверческой Свято-Троицкой церковью посетила Свято-Троицкую церковь белокрыницкого согласия, и стоявшую рядом Никольскую часовню беспоповцев¹⁰⁴. 23–24 мая состоялось изъятие в Невьянске, где в Свято-Троицкой и Крестовоздвиженской часовнях, принадлежащих старообрядцам

часовенного согласия, было получено соответственно 11 фунтов 76 золотников и 3 фунта 202 золотника драгоценных металлов (немногим более 5,5 кг), в основном серебра¹⁰⁵. Везде процедура реквизиции прошла без особых осложнений.

Подобные мероприятия коснулись большинства крупных старообрядческих храмов, которые и так пострадали в ходе Гражданской войны и уже не обладали тем богатством на которое рассчитывали власти. Крестьянские же общины вне зависимости от согласия изначально далеко не всегда могли похвалиться пышностью убранства своих моленных домов и церквей. Поэтому иногда участники кампании по изъятию прихватывали то, что не входило в список требуемых ценностей. В Уфимской губ., например, из церквей забирались даже медные изделия¹⁰⁶.

В целом же в 1923 г. в одном из отчетов антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б) отмечалось, что основное внимание сосредоточено «на процессах, происходящих в наиболее крупной организации, православной», нежели старообрядцах, мусульманах и пр.¹⁰⁷ Несмотря на всплеск активной антирелигиозной политики, старообрядцы в течение первых лет советской власти имели возможность сохранить автономию и традиции внутриобщинной жизни. Уже в 1922 г. появились первые признаки ее восстановления в прежнем объеме.

Старообрядческая культура vs советская идеология

Старообрядцы старались поддерживать соборность в качестве одного из наиболее существенных принципов своей конфессиональной жизни. Поэтому проведение ими религиозных собраний было остановлено прямыми запретами властей лишь в 1928 г. Время устройства первых после окончания Гражданской войны старообрядческих соборов, по всей видимости, находилось в определенной зависимости от времени установления стабильности в регионе: в горнозаводской зоне оживление внутриобщинной жизни началось на год раньше, чем в Зауралье, которое в тот момент только начинало вставать на ноги после подавления волны крестьянских восстаний 1921 г. Очевидно, именно поэтому после окончательного установления советской власти первые соборы зауральцев (как поморцев, так и часовенных) относятся к 1923–1924 гг.¹⁰⁸

Первый после окончания Гражданской войны крупный собор уральских часовенных горнозаводской зоны был созван в январе 1922 г. в д. Дрягуновой (Верхотурский уезд Пермской губ.). На нем присутствовали 11 настоятелей, 74 уполномоченных от 25 заводских и сельских обществ, а также прихожане, пожелавшие прибыть на собор без полномочий¹⁰⁹. Все представители прибыли из обществ, располагавшихся достаточно компактно – в Верхнейвинском, Верхнетагильском, Черноисточинском, Лайском,

Петрокаменском, Быньговском и Невьянском заводах и соседних с ними селениях¹¹⁰. По инициативе старейшины Аверкия Пименовича Путилова и «под его руководством» в заседаниях участвовали три начетчика: М. М. Мягков, А. Е. Арапов и В. И. Устьянцев¹¹¹.

Собор назван «2-м поместным», при этом где и когда состоялся предшествующий, в «Дрягуновском соборном уложении» не оговаривается. Ни одно из известных нам собраний, ближайших по времени – I Всероссийский съезд в Екатеринбурге 25–30 сентября 1911 г. и Горбуновский собор¹¹² 13–15 января 1912 г., не упоминаются источниками как «1-й поместный» и не могут быть однозначно идентифицированы с таковым. Во-первых, на Всероссийском съезде председательствовал екатеринбургский наставник П. С. Мокрушин, а в уложении Дрягуновского собора указано, что старшиной 1-го поместного собора, сложившим свои полномочия при открытии заседаний 2-го был некий Козьма Вавилович Николаев. Второй собор, Горбуновский, является более вероятным претендентом на эту роль, однако вызывает сомнения из-за своего характера. А. Т. Кузнецов писал о нем как о собрании узкого круга скитников и поддерживающих их «противообщинников»: «рассматривая их соборное уложение, невольно приходится остановиться на первом же месте, где поименованы участники... которые и до обнародования закона о старообрядческих общинах никогда не были в общении со старообрядцами»¹¹³. В свою очередь, из съехавшихся на собрание в Дрягуново подавляющее большинство являлись представителями мирских общин¹¹⁴, причем трое из настоятелей принимали участие во всероссийском съезде и никаких антиобщиннических мнений тогда не высказывали, а один из начетчиков – А. Е. Арапов – даже вошел в состав Совета Братства, учрежденного съездом часовенных. Правда, нужно отметить, что ни одно из обществ, представленных на Дрягуновском соборе, в прошлом не проходило регистрацию в губернском правлении. Однако это обстоятельство может служить лишь косвенным подтверждением предположения о преемственности собора 1922 г. и Горбуновского.

Предметом соборных обсуждений в Дрягуново были изначально заявлены 6 вопросов: о священстве, об Антихристе, о чине принятия от ереси приходящих, о Богоявленской воде, о причащении младенцев и отроков, о текущих делах (избрание членов духовного совета, порицание брадобреев и табачников, соблюдение устава при богослужении).

Внимание к проблеме «можно ли быть нам без священства» говорит о сохраняющей актуальность полемике вокруг возможности приема церковной иерархии. Как и во втором десятилетии XX в. основной причиной постоянного возвращения к вопросу о священстве была активность «австрийцев». Из 25 обществ часовенных, представленных на соборе,

минимум 6 непосредственно соседствовали с общинами белокрыницкого согласия: в с. Башкарском, деревнях Сарапулке, Южаковой, Лае, Верхне-Тагильском и Невьянском заводах. Присутствующие после просмотра и зачитывания большого количества цитат из Писания и святоотеческих трудов единодушно признали: «соболезнуем о том, как было в древнее благочестивое священство, к которому мы действительно расположены и желали бы всей душой и сердцем, но нет толкового благочестия, поэтому мы и не принимаем другое еретическое как самозванное и безблагодатное, остаемся сырые в скудости и по нужде принимаем простых стариков, которые у нас священнодействуют»¹¹⁵. Данное решение продолжало традицию отрицания часовенными «истинности» белокрыницкой иерархии и находилось в полном соответствии с выводами Екатеринбургских соборов 1884 и 1908 гг.

Далее собор обращается к вопросу, который давно не был предметом соборного обсуждения и являлся своеобразным показателем отношения старообрядцев к происходящему в мире и, в первую очередь, к властям: «существует ли в настоящее время противник Христу Антихрист?». Последний раз на Среднем Урале его поднимал черноризец Нифонт, пытаясь доказать устроителям Екатеринбургского собора 1884 г. отсутствие на земле истинного священства из-за наступления последних перед пришествием Антихриста времен¹¹⁶. Поэтому рассмотрение темы «последних времен» первым в данной местности послереволюционным собором представляется весьма символичным. Даже с учетом замечания исследователей о том, что «соборные постановления являются не самым лучшим, но все же полезным источником для изучения истории эсхатологических взглядов и настроений староверов... и... что регулярное, вполне этикетное провозглашение традиционных эсхатологических тезисов о близком появлении Илии и Еноха, крайней опасности происков антихристовых предтеч... отнюдь не являются показателем политической радикальности или лояльности»¹¹⁷, столь «своевременная» постановка данного вопроса может означать появление у старообрядцев новых поводов для сопоставления происходящего вокруг с предсказаниями о наступлении «конца времен». Тем более, что пищу для подобных наблюдений предшествующие четыре года предоставили в большом количестве. Выслушав приведенные начетчиком Араповым ссылки на дюжину свидетельств из Священного Писания (к сожалению, в соборном постановлении они не прокомментированы) в защиту тезиса «Антихриста нет, но будет», собрание согласилось с ним¹¹⁸.

Затем был подтвержден прежний порядок принятия еретиков (принадлежащих к 1-му чину крестить, а ко 2-му и 3-му принимать через отрицание), разбавления святой воды на Богоявление (которую часовенные использовали в качестве причастия), причащения

детей и сделана попытка унифицировать поведение наставников во время богослужения («игумен все возгласы должен оставаться на месте... выход с кадилом так же должен быть по уставу, а ни каким-нибудь другим стариком неграмотным...», «ектенья великая поется, не читается...»)¹¹⁹. В заключение разбора духовных и обрядовых вопросов собрание, ссылаясь на постановления 1-го поместного собора, доказало безосновательность намерения часовенных д. Лаи во главе с их наставником Устином Стахеевичем Смирновым отказаться от общения с теми обществами, где есть прихожане, курящие табак и бреющие бороды. Блюстители чистоты веры требовали отлучения табакокуров. Представители обвиняемых общин отрицали все упреки: «и согласно постановления 1-го поместного собора как раз проклинаям тех, которые бриют брады и курят табак и прочих подобно тому...»¹²⁰. В конце концов начетчикам удалось примирить обе стороны и уговорить лайского наставника «с братией» не отделяться, «дабы таковые были среди стада Христова и неуклонно держали веру Христову»¹²¹.

В заключение собор принял весьма важное решение. Для дальнейшего обсуждения духовных дел между соборами был избран совет из 8 наставников, председатель которого обязывался «проверять всех священнодействующих лиц уральских христиан и все замеченные неисправности должен предавать духовному суду или собору»¹²². Несмотря на то, что функции духовного совета были сформулированы достаточно узко, можно предположить, что его прообразом являлось созданное в 1911 г. на Всероссийском съезде Братство часовенных, во главе которого стоял Совет из наиболее авторитетных лиц в согласии (о Братстве см. главу 1, с. 104). Естественно, нельзя говорить о полном сходстве этих двух организаций, однако общие функциональные черты у них присутствуют. В 1911 г. Совет Братства был призван выполнять задачи благоустройства церковной жизни, самой важной из которых провозглашалось убережение паствы «от всех соблазнов, а главное от нынешних лживых толкователей, которые раstraивают нашу братию и увлекают в свои толки»¹²³. Перед духовным Советом, учрежденным Дрягуновским собором, ставились менее масштабные цели, но в них также входило предотвращение расколов, хотя бы и по причине «неисправностей» в священнодействии. Как уже говорилось, один из авторитетных участников собора – А. Е. Арапов, имел непосредственный опыт работы в Совете Братства. В таком случае учреждение духовного Совета свидетельствует не только о нормализации внутриобщинной жизни после гражданской войны, но также и о возможности и желании использовать имеющийся опыт прежних лет.

Спустя два года приблизительно тот же круг вопросов рассматривался часовенными Зауралья. Собор, состоявшийся 19–21 марта 1924 г. в д. Мальцевой (бывшего

Шадринского уезда Пермской губ.), вынес определение о «безблагодатности» священства (в т. ч. «бугровского» – переходящего от РПЦ, см. главу 1, с. 36–42), недопустимости вводить в службу «возгласы и ектеньи», положенные только духовным лицам из церковной иерархии, о чине освящения воды на Богоявление, крещении незаконнорожденных детей и о переходе некоторых часовенных в спасовское согласие¹²⁴. Скорее всего, беглопоповцы удостоились внимания в связи с обретением ими трехчинной иерархии: 4 ноября 1923 г. в Саратове к их церкви присоединился обновленческий архиепископ Никола (Позднев). Гораздо более примечательным представляется обращение обоих соборов к разбору обрядов, применимых к молодому поколению. Дрягуновский собор 1922 г. подтверждает прежний чин причащения детей, а Мальцевский устанавливает обязательное крещение незаконнорожденных. Конечно, вопросы крещения, причастия и покаяния рассматриваются не впервые, исполнение этих таинств всегда признавалось часовенными необходимым для христианина¹²⁵. Но почти одновременное изучение соборами отдельного аспекта этой темы – касающегося детей, может свидетельствовать о возросшей именно в это время актуальности поддержания и воспроизводства данной традиции.

К сожалению, в настоящее время не обнаружены материалы съездов уральских «австрийцев», хотя известно, что в 1920-х гг. эти съезды проводились регулярно. Более или менее точные данные есть только об одном из них – Пермско-Тобольском епархиальном¹²⁶. Он был устроен в 1927 г. в Свердловске стараниями местной белокриницкой общины, в церковный совет которой входил приемный сын старообрядческого епископа Иоанникия – Иван Алексеевич Павлов. Помимо главы епархии на съезд прибыли известные деятели уральского «австрийства», среди которых был и Василий Усов, в то время являющийся священником в д. Шипеловой Баженовского района Свердловского округа Уральской области¹²⁷. В центре внимания собравшихся были «вопросы текущей епархиальной жизни». Более подробные сведения об этих «вопросах» не найдены, но можно предположить, что они хотя бы отчасти совпадали с проблематикой, рассматриваемой «белокриницкими» собраниями всероссийского масштаба. Тем более, что вместе с епископом Иоанникием Саратовским, временно управляющим Пермской (а до июня 1925 г. еще и Тобольско-Челябинской)¹²⁸ епархией несколько участников епархиального съезда 1927 г. присутствовали на Освященных Соборах в Москве в 1925, 1926 и 1927 гг.¹²⁹ Всероссийский собор белокриницкой иерархии, состоявшийся в Москве 1–11 июня 1925 г., после доклада о современном положении старообрядческой церкви вынес постановление, обязывающее всех священников призвать своих прихожан к «подлинно христианскому» воспитанию детей, к наставлению их правилам веры и церкви, к охране их от «чуждых христианству увлечений»¹³⁰. Для того, чтобы уберечь детей от

влияния «плохих товарищей», предполагалось организовать их домашнее обучение молитвам, правилам веры и «страху Божию» и ходатайствовать о разрешении открывать для этого отдельные школы¹³¹. Для сравнения следует отметить, что на последнем дореволюционном соборе «австрийцев» в мае 1917 г., вопросам школы и образования также уделялось немалое внимание, однако тогда, в отсутствие явной антицерковной политики государства, эта часть постановлений касалась по большей части организационных моментов: учреждения курсов для учителей и учительниц, содействия умножению училищ, выработке общей школьной программы по Закону Божьему. Определенные собором 1917 г. принципиальные содержательные основы старообрядческого образования (изучение Закона Божьего, обучение церковному чтению и пению, а также нравственное воспитание силами учителей и родителей) предполагалось воплощать через достаточно хорошо развитую к тому времени сеть старообрядческих школ¹³². Немногим более чем через полгода все эти учебные заведения были изъяты из пользования старообрядцев декретом от 23 января 1918 г., по которому школа была отделена от церкви (в дополнение к нему 30 августа 1918 г. Народным комиссариатом юстиции была выпущена инструкция по проведению положений декрета в жизнь)¹³³. Вследствие этих мер к началу 1920-х гг. исчезла создаваемая в течение десятилетия система специализированных старообрядческих образовательных учреждений. В новых условиях старообрядцы вынуждены были вернуться к распространенной до провозглашения веротерпимости практике домашнего обучения. Именно такое положение дел фиксирует несколько соборов 1920-х гг., в том числе и упомянутый выше собор «австрийцев» в 1925 г.

Поморцы Зауралья, у которых возобновилась активная полемика брачников с бракоборами и споры внутри последователей приемлющих брак о порядке приема безбрачников, провели несколько соборов: 14 февраля 1923 г. в с. Мало-Дубровное Курганского уезда Челябинской губ., 7 февраля 1924 г. в Кургане («односторонний»¹³⁴), 24–27 ноября 1924 г. в Кургане и 23 февраля 1925 г. в д. Обуховой¹³⁵. Среди перечисленных исследователи особо выделяют т. н. общий Курганский собор 1924 г., поскольку на нем была предпринята попытка всех примирить¹³⁶. В то время это был один из самых масштабных соборов Южного Урала и Зауралья – на него съехались до 400 уполномоченных от поморских общин со всей Уральской области и заседания проходили под председательством крупнейшего деятеля поморского согласия, главы Нижне-Волжского областного Духовного совета Т. А. Худошина (годом ранее по его инициативе был учрежден Высший духовный совет поморцев)¹³⁷. После четырехдневных дебатов в итоговое уложение было занесено воззвание к разделяющимся группам как «бракоборов», так и «брачников» признать свои заблуждения и раскаяться, а также определение порядка

приема отступников (большинство через крещение)¹³⁸. Примечательна заключительная часть данного соборного постановления, содержащая решение руководствоваться «по вопросам брадобрития и головоострижения по-татарски и немецки, мирщения и табакокурения и смешанных браков и других греховных пороков» Священным Писанием, а не деяниями двух всероссийских соборов поморского согласия (1909 и 1912 гг.), поскольку последние допускают более лояльное отношение к виновным в перечисленных отступлениях. Несогласных с этим решением наставникам следовало отлучать от общей молитвы¹³⁹.

В постановлении поморцев Верхокамья, принятом на соборе 1924 г. (предположительно состоялся в с. Сепыч Оханского уезда Пермской губ.), нашел отражение приблизительно тот же круг проблем¹⁴⁰. Вопрос о браках, поскольку участники собрания их не отрицали, рассматривался несколько в ином ключе, чем в Зауралье. Решено было отлучать наряду с «прелюбодеями и явными блудниками» тех кто вступил в 3й брак, заключил смешанный брак без воли родителей «убегом», отступил от веры и не раскаялся вместе с «неверной половиной». Отлучению же следовало подвергать бреющих бороду и волосы на голове, курящих табак и пьющих чай, водку, варящих кумышку¹⁴¹ и не раскаивающихся в этих грехах. Носящие немецкие одежды считались недостойными входить в церковь. Обращалось особое внимание на то, что наставники должны строго следить за нравами своей паствы, вразумлять и «бороться с распространением сих пороков всеми предоставленными им правилами церкви мерами... когда же мы видим, что во всех местностях такие пристрастия в приходах не воспрещаются и беззаконники не отлучаются, но даже оправдываются, то должны видеть здесь уже ерес и не малую...»¹⁴². Все принятые этим собором решения направлены к единственной цели, напрямую заявленной в предисловии к материалам уложения: «Для укрепления расшатанных врагами стен церковных от нападения внешних врагов и вредоносных и губительных учений и обычаев»¹⁴³.

Все вышесказанное позволяет сделать несколько выводов относительно старообрядческих соборов первой половины 1920-х гг. Соборы 1922–1924 гг. независимо от согласия собираются в деревнях, отстоящих на десятки километров от крупных административных центров, что отчасти можно рассматривать как стремление уйти из поля зрения новой власти, которую опасались, но признавали. Ни один из соборов не высказывался напрямую о политических изменениях в стране и открыто не формулировал своего отношения к каким-либо конкретным проявлениям политики советского правительства¹⁴⁴. Но вопрос о властях и определение сущности происходящего затрагивался через эсхатологическую тему: «царствует ли Антихрист?». На Урале решили,

что последние времена еще впереди и, следовательно, новым властям следует подчиняться. Многие другие соборные решения являются откликом на новые условия в которых оказались религиозные организации в советском государстве. Отпечаток стремления защитить от поощряемого властью безбожия свою культуру и обычаи, особенно путем передачи традиций молодому поколению, просматривается почти во всех постановлениях: вновь воспроизводится порицание и отказ от общения с теми, кто допускает непозволительные, с точки зрения старообрядцев, для истинного христианина отступления в одежде, табакокурение и брадобритие, вновь подчеркивается обязанность наставников и родителей воспитывать детей в строгом соответствии с принципами «древлеправославия».

Старообрядческая полемика 1920-х гг.

о символах и сущности происходящих перемен: взгляд изнутри

Традиционно лежащий в основе старообрядческих рассуждений на эсхатологическую тему творческий принцип соотнесения предсказаний Священного Писания с исторической и современной действительностью¹⁴⁵, подталкивал к весьма радикальным выводам относительно происшедших в стране перемен. В двух произведениях, вышедших в середине 1920-х гг. из под пера староверов часовенного согласия связанных с сибирскими скитами, отстаивается утверждение о свершающемся в это время наступлении последних времен (в то время как уральцы, напомним, «отложили» пришествие Антихриста).

Первое из них, «Послание из Колыванской пустыни», создано в январе 1926 г. Его автором является некий Василий, предположительно перебравшийся в первой половине 1920-х гг. из какой-то деревни на Тюменщине в один из скитов, находящихся в глухих болотах левобережья Оби¹⁴⁶ и принявший там постриг. Данное сочинение он адресовал оставшимся на родине родственникам и «бывшим духовным братьям»¹⁴⁷.

Как следует из вступительной части, начинающейся, как обычное частное письмо, поклонами и пожеланиями спасения многочисленным знакомым, написанию «Послания» предшествовала переписка с адресатами. Вероятно, до этого произошел обмен мнениями о том, как следует рассматривать происходившие в недавнее время события и, скорее всего, Василий уже высказал вкратце свой взгляд на перипетии первых послереволюционных лет как на преддверие конца времен, когда всем христианам надлежит думать о спасении и бежать от полного грехов мира, на который вскоре обрушится гнев Божий. С этой точки зрения единственно правильным является уход, по примеру автора, в глухие и неподконтрольные властям места. Можно предположить, что не снимавшиеся с обжитых

мест родные и друзья – «испытатели Святого Писания», – не согласились с такой интерпретацией событий и попросили Василия ответить развернуто и с учетом более или менее стабилизировавшейся к середине 1920-х гг. ситуации. Об этом говорит т. н. «Объяснение и надсловие к письму», в котором Василий воспроизводит сомнения несогласных с ним: «пред вторым пришествием Христовым предрекли великую скорбь, а сейчас сия скорбь остановилась, из-за чего люди сейчас находятся в недоумении, и не знают, по какому пророчеству сия скорбь остановилась и надолго ли... и какая еще должна быть скорбь...»¹⁴⁸. Об уже известных обеим сторонам расхождении (сомнениях односельчан Василия в необходимости последовать за ним) свидетельствуют также упреки автора, обращенные к родственникам: «...А вы не хотите послушать небесного гласа... вы сами на себя дожидаете предреченных язв... Пишу о великой скорби и жалости о вас, мои духовныя бывшия братия и родственники (сии, кои любят пророческое писание и верят ему, а на деле не могут исполнить)»¹⁴⁹.

В центре внимания Василия находятся события, происходившие в последние 10 лет. Он пытается объяснить смысл пережитого голода, террора, войны и разрухи, причину их прекращения и наиболее вероятное будущее. Для решения этих задач в данном сочинении используется характерный для средневековой традиции прием рассмотрения современной картины мира сквозь призму пророчеств, сопутствующих событиям далекого прошлого. Это подчеркивает сам автор: «...мы можем знать о будущем уже и ис того, что отчасти совершилось».

Убеждая своих вопросителей в том, что наступление спокойствия не противоречит отстаиваемому им тезису о наступлении последних времен, Василий привлекает для доказательства не только тексты Священного Писания и святоотеческих произведений, но и «Иудейскую войну» Иосифа Флавия¹⁵⁰.

Из описанных Флавием подробностей падения Иерусалима в I в. н. э. в «Послание» автор, обратившись к приему аллюзии, включил те, в которых, как он был уверен, его адресат сможет узнать события недавнего прошлого. За приведенными Василием описаниями злодейств зилотов, борьбы нескольких партий в осажденном городе между собой и одновременно с римскими войсками, голода, смерти и людоедства среди жителей Иерусалима трудно увидеть что-то иное, кроме потрясений Гражданской войны¹⁵¹. Следующие после этого объяснения и цитаты из Толкований Андрея Кесарийского на Апокалипсис, Толкового Апостола, Слов Ипполита Римского и др., призваны подтвердить главный тезис автора «Послания» – в ныне происходящем, столь похожем на падение Вечного Города, следует видеть не единожды предрекаемое окончание мира и спастись, укрываясь в пустыни. Для ответа на вопрос, почему «скорбь остановилась», Василий

вновь возвращается к пересказу Флавия, находя там прямую аналогию «остановке» – непродолжительный перерыв в осаде Иерусалима, когда «внезапное и неожиданное удаление римлян было великою милостию Божиею для христиан... оно дало им возможность оставить город. ...Они оставили Иеросалим... и удалились в маленький городок Пеллу, находившийся в горах... и не один христианин не погиб в этой ужасной кровопролитной войне...»¹⁵². В соответствии с этим несколько последних лет спокойной жизни представляются временным явлением, затишьем перед еще более кровопролитным боем, предоставленным христианам для бегства из мира, который вот-вот постигнет участь, предсказанная в Апокалипсисе.

В заключение автор советует своим оппонентам провести самостоятельные поиски в книгах, имеющих у них под руками (что говорит о его близком знакомстве с библиотеками бывших односельчан)¹⁵³.

К сожалению, неизвестно насколько получатели послания были убеждены доводами Василия и каким были их дальнейшие действия, но данное сочинение еще раз подтверждает актуальность для 1920-х гг. вопроса о природе новой власти и существование двух разных мнений по этому поводу: в обществах Урала сомневались в наступлении последних времен, в то время как в сибирских скитах говорили о пришествии Антихриста, подразумевая установление советской власти.

Еще более аргументированны и красноречивы эсхатологические построения сибирских скитников предстают в «Краткой памятной записи нынешних событий и о судьбе древняго Рима», автором которой является уже упоминавшийся выше о. Симеон (С. Я. Лаптев)¹⁵⁴. Сочинение написано приблизительно в то же время, что и «Колыванское послание» – в 1925–1926 гг. и почти в том же месте – в скиту у о. Саввы на р. Парбиг, и это не единственное, что их объединяет¹⁵⁵. Как и Василий, о. Симеон, доказывает, что для мира наступают последние времена. Привлекая авторитетные произведения древнерусской традиции, он дает современное толкование пророчествам через реалии XX в. «Краткая памятная записка» являет собой тот же пример прагматизма в отношении исторических фактов, которые привлекаются лишь для иллюстрации построений автора.

Однако есть и несомненные различия. У о. Симеона нет ссылок на труды типа «Иудейской войны», для подтверждения своей концепции он использует традиционную книжность. Во-вторых, его теория значительно глобальнее и разностороннее доводов, изложенных в «Колыванском послании»; действительно, можно сказать, что он создал модернизированный сценарий конца света¹⁵⁶. Для этого им привлечена традиционная схема, представляющая мировую историю как чередование четырех царств. Последнее из них, Римское, разделилось, по мнению о. Симеона, «когда Рим готфы взяли» на 10

государств: «И тако исполнися пророчество святого пророка Даниила о разделении, преиде могущество 4-го зверя и восташа от него ко владению европейского мира 10 рогов, сиречь 10 монархий. Монархия же суть сии: Италия, Франция, Англия, Германия, Австро-венгрия, Греция, Испания, Африка, Турция, Россия и прочия из мелких королевств по Европе»¹⁵⁷. Во всех сих государствах, по мнению о. Симеона, сохранялась власть, являющаяся по своей сути продолжением «римского владения». Исходя из этого, он соотносит пророчества из Кирилловой книги о конце власти Римского царства, которую «изгубят» предтечи Антихриста, с падением самодержцев в перечисленных странах. Начало этого процесса связывается им с истощившей всех «многопродолжительной» войной, идущей с 1914 г., в результате которой «многочисленные войска стали скучать от военной тревоги и на царей стали иметь нелюбовные взгляды», чем не преминули воспользоваться антихристовы слуги и «предпосланники», которые принялись подстрекать народ к свержению царской власти и сулить мир, свободу, равенство и братство. «И таковым коварством в военное время разрушися власть царская в России и в Германии, в Австро-венгрии и в Турции. Но в сих государствах точною произошло политическое освобождение, сиречь разрушение самодержавия. У нас в России произошла политическая разруха, вкупе с нею и экономическая, которой еще до сих пор белый свет не видал»¹⁵⁸.

В роли слуг Антихриста о. Симеон видит пролетарские массы, которые, помимо того, что уничтожили царскую власть, производят другие действия, способствующие пришествию Антихриста: «...оне открыто идут против Христа и святых его, в них видится и едина воля и сила со времен войны... Оне кричат к соединению рабочих всех государств, у них одна программа, дабы уничтожить сильных земли, и занять власть всех государств, и положить жизнь на новых началах... И мы ныне видим, что предтечи его берутся за государства, и сшибают царей, и князей, и всех сильных земли, сидящих на древних законах, и становятся своих правителей, послушных им, а в конце концов стремятся произвести мировую республику, дабы не было отдельных государств, и устроить вышнюю полату, в которую должны будут стекаться важнейшие дела всех государств и правителей, которые будут сей полате мировой послушны. А когда у них сие будет, то тут ни что иное явится, но точною престол Антихристов и место самодержавное царское мира сего...»¹⁵⁹.

Как отмечает Н. Д. Зольникова, так своеобразно в «Краткой памятной записи» нашла место широко пропагандируемая теория пролетарской революции, которая, будучи помещенной в средневековую концепцию мировой истории, утратила связь со своим первоначальным идеологическим контекстом¹⁶⁰. В результате, интерпретированные с

помощью этого синтеза современные автору события предстают не строительством «светлого будущего», а преддверием Апокалипсиса.

Раскрывая перед читателем эсхатологический смысл происходящих в мире событий, отец Симеон в заключительной части напоминает о необходимости постоянно размышлять над пророчествами, сравнивать их с происходящими событиями и делать выводы: «Оле, неразумия и помрачения нашего! Гнев Божий над главами, а мы не внимаем, и небесныя знамения вещают нечто печальное, яко бы увещывают нас к покаянию. И вот таковое событие дел нас понудило написать сие, дабы не пришли в забвение судьбы Божия, яко же пишет пророк: От судеб бо твоих убояхся, котории ныне так ясно збываются в виду нашем»¹⁶¹.

Настроения и взгляды сибирских скитников были известны часовенным уральских обществ. В первую очередь, этому способствовали постоянно поддерживаемые тесные контакты. С большой долей вероятности можно говорить о том, что у части местных старообрядцев подобные трактовки находили поддержку. В 1927 г. в среде зауральских часовенных появилось произведение, обосновывающее, как и сибирские соборы (например, Бикинский)¹⁶² неприятие советской календарной реформы, кооперативов, союзов и какого-то комитета¹⁶³, в котором автор, ссылаясь на Апокалипсис, книгу пророка Даниила и еще ряд пророчеств, находит признаки «вавилонской любовницы», «всемирного Вавилона», «сонма еретиков», «сказанный выше кометет злым совокуплением совокупляет, [те кто в него вступает] вдаются Антихристу и отметаются [от] Христа»¹⁶⁴.

Однако, даже признавая за сибирскими настоятелями правоту в определении сущности новой власти, открытых выражений антикоммунистических настроений старообрядцы Урала и Западной Сибири в 1923–1927 гг. уже не предпринимали (тем более, что это противоречило принимаемой большинством староверов идее о непротивлении властям, даже нечестивым). Административные органы Урала, обязанные контролировать деятельность религиозных обществ, в годы НЭПа в большинстве случаев характеризовали старообрядцев как лояльных советской власти и ее деятельности по устройству кооперативов, не избегающих военной службы (хотя это всего лишь мнение советских чиновников, не раскрывающее всех особенностей отношения староверов к властям)¹⁶⁵. Вне зависимости от согласия старообрядцы, в случае неприятия «новин» советского времени, выражали свое отношение в пассивной форме: чаще всего это было уклонение от участия в культурно-просветительских мероприятиях местных органов власти¹⁶⁶.

Ярким примером продолжающейся, несмотря ни на что, традиции пастырской заботы о своих духовных детях может служить письмо наставника, датированное 1929 г.¹⁶⁷

Адресатом его является некая Евдокия Кирилловна. Наставник увещевает женщину, живущую в заключенном не по церковным правилам браке, советуя повлиять на мужа и перевести его в старообрядчество, а если это не удастся осуществить, то оставить его¹⁶⁸. В качестве главного аргумента выступает тезис о необходимости постоянно помнить и заботиться о спасении души. Наставник подкрепляет собственные доводы цитатами из поучений святителей и отцов церкви. Из-за этого частное письмо, написанное в весьма доверительном тоне (автор использует обращения: «Боголюбивейшая, предобрейшая, никогда незабвенная мною, дорогая моя [в]о Христе сестрица», «сестра возлюбленная», «дражайшая сестра моя о Господе») приобретает характер полемической беседы. Наставник сам приводит все возможные, на его взгляд, возражения и стремится тут же ответить на них. «Все думаем только о настоящем и стараемся как только успокоить себя и устроить свою житейскую краткую жизнь, а чтобы позаботиться о душе – это всегда мы отлагаем куда-то вперед и даже очень далеко... А между тем не думаем, что, быть может, смерть за нами давно уже стоит готова и только ждет крайнего определения Вышняго, когда повелит, и во един час не будет нас»¹⁶⁹. Помимо этого, чтобы подчеркнуть особую актуальность соблюдения правил христианской жизни, автор дает определение современному состоянию мира, о котором отзываясь очень неодобрительно: «Веси бо добре, яко жизнь сия развратися до толика, яко и глаголати о ней невозможно, и мы уже видим, как все почти человечество заметно уже катится в пропасть»¹⁷⁰. Эта краткая, но яркая характеристика созвучна с появившимся несколькими годами ранее в среде сибирских пустынножителей развернутыми сочинениями о сути и смысле переживаемого времени.

Несмотря на бурные и катастрофические события революционного времени и Гражданской войны, достаточно ярко выраженную антирелигиозную политику большевиков, происходящее в первое десятилетие советской власти, повлияло на старообрядчество менее разрушительно, нежели на РПЦ. Пытаясь сохранить себя и свою веру, старообрядцы обращаются к защитным механизмам социальной адаптации, выработанным еще во времена гонений XVII–XIX вв.: уход в скиты, ограничения в общении с миром, ориентация на поддержание традиционного уклада (в т. ч. бытовые запреты). Городские и сельские общины староверов вне зависимости от согласия представляли собой устойчивые многофункциональные системы (с централизованной в различной степени и на различных уровнях структурой)¹⁷¹, способные самостоятельно (без помощи государства и даже в условиях прессинга со стороны властей), выполнять культовые, хозяйственные, образовательные и др. функции и были способны амортизировать идеологическое и (в определенной мере) экономическое давление.

Возможно, именно поэтому наиболее сильный удар по старообрядчеству нанесла не антирелигиозная кампания, начало которой приходится уже на 1928 г., а коллективизация, уничтожившая самостоятельные крестьянские хозяйства.

Ю. В. Боровик

-
- ¹ Привет старообрядцев // Зауральский край. 1917. 8 апреля.
- ² Уральск // Слово Церкви. 1917. № 18. С. 341.
- ³ Старообрядцам // Зауральский край. 1917. 10 марта. (№ 54).
- ⁴ Одним из первых ярких свидетельств разлада в торговой сфере уральского региона стала Ирбитская ярмарка 1917 г. По словам очевидца, открывшееся 25 января ежегодное «всероссийское торжище» на этот раз ничем не напоминало прежнюю ярмарку, на главной улице – «тихо, пусто, сонно». Количество участников было минимальным. Из екатеринбургских купцов почти никто не приехал – нечего везти. Даже по сравнению с предыдущим, 1916 г., товарооборот ярмарки уменьшился до «микроскопических» размеров (Ирбит // Уральская жизнь. 1917. 28 января; Открытие Ирбитской ярмарки // Уральская жизнь. 1917. 31 января).
- ⁵ Система продовольственного обеспечения в первой трети XX века // Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. 1900–1984 гг. Т. 1. Екатеринбург, 2000. С. 8–9.
- ⁶ Представитель от старообрядчества // Зауральский край 1917. 12 апреля.
- ⁷ Следственная секция // Уральская жизнь. 1917. 17 марта.
- ⁸ Собрание социал-революционеров // Уральская жизнь. 1917. 8 апреля.
- ⁹ Камышлов // Уральская жизнь. 1917. 26 января. Заметим, что в 1917 г. неудачи сопровождали Щербаковых не только в перемещениях товаров. Ф. Г. Щербаков, председатель Никольской общины часовенных г. Екатеринбурга, пострадал от разбойного нападения. 28 мая, вскоре после полудня, он с приказчиком поехал на свой завод, находящийся за городом. В пустынном месте на них напали злоумышленники. Самого Щербакова ударили по голове железным прутом, но и он, и приказчик сумели убежать от грабителей. Вслед им было произведено несколько выстрелов, одна из пуль ранила купца, он упал и стал кричать. На выстрелы и крики о помощи сбегались люди с ближайших заимок, однако преступники уже успели скрыться (Нападение на Ф. Г. Щербакова // Зауральский край 1917. 31 мая).
- ¹⁰ Епархиальные съезды: 5й благочинный округ Пермской епархии // Слово церкви. 1917. № 25. С. 467–468.
- ¹¹ См.: *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат в период первой мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000.
- ¹² Старообрядческий съезд // Зауральский край. 1917. 10 октября.
- ¹³ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32016. Л. 105.
- ¹⁴ Белоглазов Г. В критическом положении // Уральский старообрядец. 1916. № 1–2. С. 18.
- ¹⁵ *Сергеев Ю. Н.* Из истории закрытия Казанской старообрядческой церкви в г. Уфе (нач. 30-х гг. XX в.) // Старообрядчество. История. Культура. Современность. Тезисы III науч.-практ. конф. «Старообрядчество: история, культура, современность». Москва, 15–17 мая 1997 г. М., 1997. С. 169.
- ¹⁶ В 1919 г. (не ранее 31 мая) ушел на Алтай, а затем в скит о. Саввы в Колыванской тайге. Накрыт под именем Симеона, впоследствии стал руководителем старообрядческих скитов, переместившихся к тому времени в Восточную Сибирь. Ряд его сочинений опубликован в издании: *Духовная литература староверов востока России*. С. 159–253, 676–679 (комментарии и сведения об авторе). О нем также см.: *Зольникова Н. Д.* Сочинения о Симеоне: полемика с «отступающими», инаковерующими и атеистами // Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. С. 239–277.
- ¹⁷ О. Симеон. «На союзы» // Духовная литература староверов востока России. С. 161–162.
- ¹⁸ Там же. С. 166.
- ¹⁹ *Каратыгин Е.* Маслодельные артели // Сельский вестник. 1903. № 20. С. 354. Некоторые исследователи утверждают, к сожалению, без ссылки на документы, что задача организации артельных маслодельных заводов изначально ставилась министерством земледелия и государственных имуществ перед командированными в Зауралье специалистами (каковым был один из «родоначальников» местного кооперативного маслоделия – В. Ф. Сокульский). См.: *Еремеев А. П.* Родина российских кооперативов // Рифей, 1990: Уральский краевед. сб. Челябинск, 1990. С. 59–60.
- ²⁰ *Каратыгин Е.* Маслодельные артели. С. 355.
- ²¹ История Сибири. Л., 1968. Т. 3. С. 203.
- ²² *Зольникова Н. Д.* Сочинения о Симеоне: полемика с «отступающими», инаковерующими и атеистами // Старообрядцы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. С. 247.
- ²³ Десятилетие нашего союза // Народная газета. 1918. № 1–2. С. 2–4.
- ²⁴ См., например, решения поморских соборов: Колесовского 12 марта 1906 г. (Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V.204р/4052 Л. 79 об.–83 об.), Гагаринского 20 декабря 1912 г. (Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VI.152р/990), Гагаринского 3 марта 1913 г. (Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V.56р/1008), Младодубровского 9 июня 1914 г., 14–15 июня 1915 г. (Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V.22р/641. Л. 83–89 об.).

- ²⁵ С. Бродокалмакское // Зауральский край. 1917. 6 марта. (№ 50).
- ²⁶ О. Симеон. «На союзы» // Духовная литература староверов востока России. С. 159.
- ²⁷ См.: ОЕВ, УЕВ, ПЕВ, ТЕВ за 1900–1917 гг. Во второй половине XIX в. между часовенными Оренбурга, Уральска и Троицка велась дискуссия о «смешении» – возможности покупки продуктов у башкир на базаре (см. главу 1, с. 55–56).
- ²⁸ Зольникова Н. Д. Сочинения о Симеона... С. 247.
- ²⁹ Омск // Церковь. 1909. № 17. С. 567.
- ³⁰ О. Симеон. «На союзы» // Духовная литература староверов востока России. С. 162.
- ³¹ См.: Уральская икона. Живописная, резная и литая икона XVIII – начала XX вв. Екатеринбург, 1998. С. 328 (фото).
- ³² Ответы редакции // Уральский старообрядец. 1916. № 8. С. 35–36.
- ³³ Совет крестьянских депутатов // Зауральский край. 1917. 30 марта.
- ³⁴ Зольникова Н. Д. Сочинения о Симеона... С. 247–248.
- ³⁵ На Урале в 1916–1917 гг. действовал «Уральский союз потребительских обществ», базировавшейся в Екатеринбурге и работавшей через отделения уездного уровня с «кооперативными ячейками» – сельскими и деревенскими потребительскими обществами. Его целью было снабжение ячеек предметами первой необходимости.
- ³⁶ Камышлов // Уральская жизнь. 1917. 27 января.
- ³⁷ В Пермской губ. хлебная монополия была введена 1 июня 1917 г.
- ³⁸ Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть в период гражданской войны (1917–1921 гг.): опыт осмысления проблемы в отечественной историографии. Екатеринбург, 2002. С. 55. Следует заметить, что сыпные пункты не являлись изобретением советской власти. Они создавались и ранее представителями продовольственных управ, выезжающими в деревни производить закупки хлеба (См.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке. Документы и материалы. 1900–1984 гг. Т. 1. С. 254–255, 266–267, 270–271). Большевики лишь «усовершенствовали» и расширили эту систему, перейдя к принудительным и практически не оплачиваемым изъятиям.
- ³⁹ О. Симеон. «На союзы» // Духовная литература староверов востока России. С. 164–165.
- ⁴⁰ Исследователи отмечают, что датировка этого собора представляет определенную сложность из-за того что старообрядцы, указывая даты от сотворения мира, использовали два варианта отсчета; по первому от сотворения мира до Рождества Христова прошло 5508 (5509), по второму (александрийскому) 5500 (5501) лет (см.: Зольникова Н. Д. «Свои» и «чужие» по нормативным актам сибирских староверов-часовенных // Гуманитарные науки в Сибири. Отечественная история. 1998. № 2. С. 55–56).
- ⁴¹ Постановление Мишкинского собора 14 сентября 1918 г. // Духовная литература староверов востока России. С. 370.
- ⁴² Иванов А. В., Тертышный А. Т. Уральское крестьянство и власть... С. 59.
- ⁴³ Видимо, пассивной можно назвать позицию части казачества после вступления «красных» в Оренбург в январе 1918 г. Участник выступления атамана А. И. Дутова в своих мемуарах впоследствии описал настроения казаков-старообрядцев одной из оренбургских станиц, основываясь на высказываниях старика-старовера, у которого они останавливались на ночевку: «...даже у стариков в голове сумбур. Ленинскую марксистскую революцию понимают как сведение счетов крестьян с помещиками, в которые им, казакам, вмешиваться никак не следует. По-видимому, в этом отношении симпатии нашего хозяина на стороне революции. Также доволен он и концом войны и демобилизацией. Зато без Царя жить никак нельзя, и здесь он ругает большевиков, как ругает и молодых казаков, снявших погоны» (Яконовский Е. М. Пугачевские дороги // Сопротивление большевизму. 1917–1918 гг. М., 2001. С. 292). По мнению автора воспоминаний, большинство таких же «суровых и молчаливых стариков», встреченных им, колебались между казачьим нейтралитетом и желанием навести порядок.
- ⁴⁴ НБ МГУ. Верхокамское собр. № 1547. Как уже указывалось в первой главе, по «Спискам населенных мест Пермской губернии» в 1908 г. все селения Сепычевской и Екатерининской волостей Оханского уезда были сплошь старообрядческими.
- ⁴⁵ Свердловский историограф О. А. Васьковский напрямую связывал успех А. В. Колчака с антисоветскими настроениями крестьян (см.: Васьковский О. А. Проблематика истории гражданской войны на Урале // Учен. зап. Урал. ун-та. 1967. Вып. 8: Вопросы истории гражданской войны на Урале; Васьковский О. А., Тертышный А. Т. Некоторые итоги изучения социально-политических проблем истории гражданской войны (1918–1920) // Историография истории Урала периода Октябрьской революции и гражданской войны 1917–1920. Сб. ст. Свердловск, 1984. С. 126).
- ⁴⁶ Подробнее см.: Рынков В. М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (лето 1918 – 1919 гг.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1998 г. Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 99–137.
- ⁴⁷ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе... С. 262–266.
- ⁴⁸ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 27437. Л. 279–281; Д. 32016. Л. 103–104; Архив УФСБ ТО. Общий следственный фонд. Д. 2692. Т. 2. Л. 240–255. Естественно, что подобные факты своей биографии люди старались не афишировать, но если уж о них становилось известно, то не отрицали, объясняя все обязательностью мобилизации.

⁴⁹ Духовная литература староверов востока России... С. 668; ГАРФ. Ф. р-6991. Оп. 4. Д. 52. Л. 184; УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13607. Л. 187; Д. 17394. Л. 78–78 об.; Д. 32188. Т. 2. Л. 236–238; Архив УФСБ ТО. Общий следственный фонд. Д. 2692. Т. 2. Л. 240–255.

⁵⁰ Хотя теоретически подобное выступление против властей, даже при условии, что они еретические или антихристовые, содержало в себе противоречие примиряющему с властями тезису, который признавался большинством старообрядческих согласий: «кесарю – кесарево».

⁵¹ Судя по контексту, под «сибирским старообрядчеством», подразумеваются все старообрядцы, находившиеся на территориях, занятых армией адмирала А. В. Колчака.

⁵² Дологов А. Церковь и сектантство в Сибири. Новосибирск, 1930. С. 62; Эристов А. Церковь на службе у колчаковщины (К 10-летию освобождения Урала от Колчака) // Бюллетень общества изучения края при музее Тобольского Севера. 1929. № 1–2. С. 47–48.

⁵³ Дологов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 62–63.

⁵⁴ Дологов А. Церковь и сектантство в Сибири. С. 64–65.

⁵⁵ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32016. Т. 1. Л. 105–106 (показания И. П. Мокрушина).

⁵⁶ М. Впечатления от съезда // Слово Церкви. 1917. № 19. С. 354.

⁵⁷ Суворов Д. За что мы наказаны // Сибирский старообрядец. 1919. № 4. 15 (28) января. С. 1–2.

⁵⁸ Суворов Д. За что мы наказаны. С. 3.

⁵⁹ [Журавлев И.] К старообрядческой молодежи Сибири // Сибирский старообрядец. 1919. № 4. 15 (28) января. С. 10–11.

⁶⁰ См.: Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири. Белград, 1930–1931. Ч. III. Т. 2. С. 176–177; Капель и капелевцы / Сост.: С. С. Балмасов, Е. В. Волков, Р. Г. Гакуев и др. М., 2003.

⁶¹ В. В. Кобко упоминает об одном участнике перехода Белой армии через Сибирь до Владивостока – священнике белокрыницкого согласия из Пермско-Тобольской епархии Иоанне Кудрине, в 1918–1919 гг. по поручению военного министерства Российского правительства занимавшегося разработкой «Положения о старообрядческом духовенстве, обслуживающем армию и флот». После падения Омска он сопровождал отступающие на восток войска (предположительно, был награжден крестом «За Великий Сибирский поход»), дошел до Приморья, некоторое время активно участвовал в жизни владивостокской общины «австрийцев», а в 1922 г. переехал в Харбин (Кобко В. В. Материалы по истории старообрядческой Свято-Никольской общины г. Владивостока // Приморский государственный объединенный музей им. В. К. Арсеньева: Статьи (в составе электронного издания музея: www.arseniev.org/articles).

⁶² Подробнее об этом см.: Мышанский А. А. Отношение населения Сибири к «белому» режиму в период колчаковщины // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г. Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 2001. С. 109–136; Рышков В. М. Между Сциллой и Харибдой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России...; Сафонов Д. А. Казачество в революции и гражданской войне 1917–1922 гг. // Мир истории (электронный журнал, www.historia.ru). 2001. № 6.

⁶³ О нем см.: Богданов М. А. Разгром западносибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 г. Тюмень, 1961; Лагунов К. Я. Двадцать первый. Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991; Третьяков Н. Г. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского крестьянского восстания // Роль Сибири в истории России. Бахрушинские чтения 1993 г. Новосибирск, 1993; Он же. Массовые источники о численности участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. Материалы дня истории (15 февраля 2001 г.) Тюмень, 2001; Шишкин В. И. К вопросу о новой концепции истории Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Гуманитарные науки в Сибири. Отечественная история. Новосибирск, 1997. № 2. С. 46–54; Он же. К вопросу о возникновении Западно-Сибирского мятежа 1921 года // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте Российской и мировой истории XVII–XX вв. Новосибирск, 1999. С. 96–98; Он же. Партизанско-повстанческое движение в Сибири в начале 1920-х годов // Гражданская война в Сибири. Красноярск, 1999. С. 161–172; Он же. Западно-Сибирский мятеж 1921 года: историография вопроса // Гражданская война на востоке России. С. 137–175; За Советы без коммунистов. Крестьянское восстание в Тюменской губернии (1921 г.) Сб. документов. Новосибирск, 2000; Сибирская Вандея. Т. 2. (1920–1921). М., 2001.

⁶⁴ Шишкин В. И. Партизанско-повстанческое движение в Сибири... 170–172.

⁶⁵ Одно из исторически сложившихся названий староверов в Зауралье и Западной Сибири.

⁶⁶ Архив УФСБ ТО. Общий следственный фонд. Д. 2692. Т. 2. Л. 240–242, 244–246, 248. В данных материалах ничего не говорится о принадлежности к старообрядчеству солобоевцев (их было 11 человек), это выяснено новосибирскими археографами в ходе работы с другим следственным делом часовенных, арестованных в 1951 г. в Красноярском крае (Архив Управления ФСК РФ по Красноярскому краю. Д. 01902. Т. 8. Л. 147). Автор благодарит Н. Д. Зольникову за предоставленную информацию о тюменских староверах из дела 1951 г.

⁶⁷ Зольникова Н. Д. Урало-сибирские староверы в первой половине XX в.: древние традиции в советское время // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Сб. науч. тр. Новосибирск, 1998. С. 177–178.

⁶⁸ Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события... С. 33.

⁶⁹ Кантеев Л. М. Островок (Из жизни уральских старообрядцев). Екатеринбург, 1919. С. 1–7, 32, 40, 62.

- ⁷⁰ Там же. С. 49.
- ⁷¹ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32188. Т. 1. Л. 16–22. Об Уаре см.: *Коровушкина-Пярт И. П.* Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»: репрессии, протест и выживание // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 209–210.
- ⁷² Духовная литература староверов востока России... С. 661.
- ⁷³ Там же. С. 661–662.
- ⁷⁴ Там же. С. 656.
- ⁷⁵ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 13607. Л. 274.
- ⁷⁶ Там же. Л. 302.
- ⁷⁷ Там же. Л. 285.
- ⁷⁸ Духовная литература староверов востока России... С. 662–663; *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Старообрядцы-часовенные на востоке России... С. 32.
- ⁷⁹ Населенные пункты Уральской области. Т. X. Свердловский округ. Свердловск, 1928. С. 30–33.
- ⁸⁰ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. Фонозаписи. XVIII (Челябинское) собр. 12фн/28. Л. 1. Беседа с Зинаидой Ш., 1909 г.р., г. Кыштым Челябинской обл.
- ⁸¹ Возвращение к истокам. Миасс, 1999. С. 45.
- ⁸² Древлехранилище ЛАИ УрГУ. II (Горнозаводское) собр. 27р/844. Л. 3. «Истории старой веры в Златоусте и в округе и история некоторых лиц». Текст опубликован: *Мосин А. Г.* Златоустовские старцы // Урал. 1993. № 3. С. 200–204.
- ⁸³ Населенные пункты Уральской области. Т. II. Златоустовский округ. Свердловск, 1928. С. 8.
- ⁸⁴ *Пушвинцев И.* Пустынничество // Чердынский край. Издание общества изучения Чердынского края и музея. Вып. 3. Август 1928 г. Б. м., [1928]. С. 19–20.
- ⁸⁵ *Пушвинцев И.* Пустынничество. С. 20. Несмотря на присутствующее здесь конкретное указание на странническое согласие, следует учитывать недостаточную осведомленность советских работников об отличиях одного согласия от другого. Поскольку в данном случае не приводятся никаких других особенностей, кроме упоминания о гипотетической связи с известным бегунским центром – Даниловским общежитием, которое, кстати, находилось в Ярославской, а не в Московской губ., то вполне возможно, что под определение «странников» могли попадать пришедшие в скиты (т. е. не местные) и часовенные, и поморцы, и даже беглопоповцы.
- ⁸⁶ См.: *Белдыцкий Н. П.* Из природы и быта Пермского края // Иллюстрированный сборник-ежегодник Пермского губернского земства. Пермь, 1916. Вып. 2. С. 38; *Чагин Г. Н.* Пудвинская лавра // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 169–172.
- ⁸⁷ Возможно, в определенной степени, актуализацию скитских функций правомерно рассматривать в контексте отмечаемого исследователями процесса стремительной «архаизации» общественной системы в период 1917–1922 гг., когда в обстановке хаоса власти и развала экономики, нагнетания террора и массовой маргинализации населения происходит возвращение к традиционным патриархально-общинным началам: *Левин М.* Гражданская война: динамика и наследие / Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 277; Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 153.
- ⁸⁸ Духовная литература староверов востока России... С. 696.
- ⁸⁹ Там же. С. 676.
- ⁹⁰ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 82.
- ⁹¹ Духовная литература староверов востока России... С. 668.
- ⁹² *Мосин А. Г.* Златоустовские старцы // Урал. 1993. № 3. С. 204. Поверх фразы про отступление вписано: «...выбран был в старосты, от беспокойства заболел и скончался в 1919 году».
- ⁹³ *Аргудяева Ю. В.* Культура и быт старообрядцев юга Дальнего Востока: традиции и современность // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. С. 335; *Кобко В. В., Паничев А. М.* О старообрядческой цивилизации в Приморье // сайт Дальневосточного Геологического Института ДО РАН: региональный портал «Приморский край России»: Региональная мегаэнциклопедия. Раздел «Религия» (www.fegi.ru/primorye/relig/panich2.html).
- ⁹⁴ *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Старообрядцы-часовенные на востоке России... С. 29.
- ⁹⁵ *Коровушкина-Пярт И. П.* Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»... С. 207.
- ⁹⁶ У беспоповцев должность наставника отнюдь не всегда подразумевала какую-либо оплату. Например, приглашенный в 1913 г. жителями д. Сысково Камышловского уезда Пермской губ. грамотный старик остался служить в их моленной: «Нашатавшись повсюду и намотавшись вдоволь, я на предложение их охотно согласился. Вскоре подыскали они избу и купили ее за 200 руб. У меня денег было всего только 30 руб., я их сразу отдал. А потом, постепенно, года через два выплатил и остальные, хотя и с величайшим трудом. Мне сначала предлагали было, хотя [и] небольшое жалование за то, что если я буду в известные дни что-нибудь молиться. Но я отказался от этого, считая неприличным за деньги совершать молитву, и питался своим собственным трудом» (переписывал и переплетал книги). УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 40767. Л. 15 об.
- ⁹⁷ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 18. Ст. 263.

- ⁹⁸ Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви в России в 1917–1927 гг. (на примере Урала): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. Л. 67–74.
- ⁹⁹ Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви. Л. 77–83.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 81; Архивы Кремля / Сост.: Н. Н. Покровский, С. Г. Петров. В 2 кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 63–65.
- ¹⁰¹ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 4. Д. 4. Л. 10.
- ¹⁰² Там же. Л. 4–5 об.
- ¹⁰³ ГАТО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 253. Л. 35–36, 49.
- ¹⁰⁴ Уральский рабочий. 1922. 29 апреля.
- ¹⁰⁵ Уральский рабочий. 1922. 31 мая. ОДААНТ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 16. Л. 447. В целом из храмов Невьянска в ходе этой кампании изъяли изделий общим весом около 145 кг. Заметим, что к августу 1922 г. по всей Пермской губ. (за исключением Кунгурского уезда) было собрано 281 пуд 26 фунтов 78 золотников 55 долей серебра и 7 фунтов 91 золотник 1 доля золота, в Челябинской – 135 пудов 30 фунтов 44 золотника серебра и 14 золотников золота (Булавин М. В. Взаимоотношения государственной власти и православной церкви. Л. 84).
- ¹⁰⁶ ЦГИА РБ. Ф. р-101. Оп. 1. Д. 51. Л. 6.
- ¹⁰⁷ Архивы Кремля. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. С. 424–425.
- ¹⁰⁸ Напомним, что у часовенных Зауралья в сентябре 1918 г. прошел собор в д. Мишкиной Курганского уезда Тобольской губ. и материалы других соборов до 1923–1924 гг. неизвестны.
- ¹⁰⁹ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 175р/1239. Л. 1–9; IX (Свердловское) собр. 89р/1200 (фрагмент).
- ¹¹⁰ Примечательно, что не было ни одного делегата из Екатеринбурга и Нижнего Тагила.
- ¹¹¹ Первые двое из Быньговского и Верхнейвинского заводов соответственно, последний неизвестно откуда.
- Начетчик А. Т. Кузнецов в 1922 г. отбывал ссылку в Ташкенте (УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 23140. Т. 1. Л. 352).
- ¹¹² В д. Горбуново Верхотурского уезда Пермской губ.
- ¹¹³ Кузнецов А. Т. Общины и противообщинники // Уральский старообрядец. 1915. № 7. С. 12–20.
- ¹¹⁴ Из черноризцев присутствовал только один – о. Уар Коньков из скита около д. Шумиха Верхотурского уезда. Упоминается в качестве настоятеля.
- ¹¹⁵ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 175р/1239. Л. 4.
- ¹¹⁶ «Описание деяний и постановления Екатеринбургского собора» 1 мая 1884 г. // Духовная литература староверов востока России. С. 342. В Сибири этот вопрос подробно разбирался Чулымским собором 1909 г.
- ¹¹⁷ См.: Покровский Н. Н. Соборные постановления XVIII–XX вв. // Староверы-часовенные востока России. С. 104.
- ¹¹⁸ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 175р/1239. Л. 4. У некоторых сибирских старообрядцев были несколько иные взгляды по этому вопросу: «в 1917-м году явилась власть и низвергнула зверя Антихриста... Сие является знамением последнего времени пред вторым пришествием Христа Спасителя» (Постановления Больше-Бацалаксийского собора 20–22 мая 1923 г. // Духовная литература староверов востока России. С. 374). На Бикинском соборе рубежа 1926–1927 г. признали, что «дожили до последних времен» и должно «блжостися предотечь Антихристовых», новый календарь не принимать и «под новое число не подписываться», в союзах, кооперативах «и в прочих казенных лавках не брать самим лично, но чрез людей» («Бикинское соборное уложение» 28 декабря 1926 г. – 2 января 1927 г. // Духовная литература староверов востока России. С. 376–377).
- ¹¹⁹ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VI (Невьянское) собр. 175р/1239. Л. 8.
- ¹²⁰ Там же. Л. 7.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Там же. Л. 6–7.
- ¹²³ Труды Первого Всероссийского съезда старообрядцев... С. 47.
- ¹²⁴ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. II (Горнозаводское) собр. 8р/414. Л. 1–9 об.
- ¹²⁵ Покровский Н. Н. Соборные постановления XVIII–XX вв. // Староверы-часовенные востока России. С. 75–85.
- ¹²⁶ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 39903. Л. 57; Белобородов С. А. «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири... С. 164.
- ¹²⁷ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 39903. Л. 57.
- ¹²⁸ Постановление собора Святой Древлеправославной Церкви Христовой в Москве (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию) с 1 (14) по 11 (24) июня 1925 года. Б/м., б/г. Л. 18.
- ¹²⁹ Там же. Л. 1–8; Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события... С. 118.
- ¹³⁰ Постановление собора Святой Древлеправославной Церкви Христовой в Москве (старообрядцев, приемлющих белокриницкую иерархию) с 1 (14) по 11 (24) июня 1925 года. Л. 13.
- ¹³¹ Кроме того, собор принял несколько постановлений непосредственно касающихся управления уральскими епархиями: по просьбе саратовского епископа Иоанникия находящуюся в его ведении Тобольско-Челябинскую епархию передали в управление семипалатинскому епископу Андриану. Вместо отказавшегося возглавить Урало-Оренбургскую епархию иерея Андрея Дурасова решено поставить согласившегося на эту должность священника из Ижевска о. Кирила Вдовина (Постановление собора святой древлеправославной церкви. Л. 9, 18).

- ¹³² Освященный собор // Слово Церкви. 1917. № 25. С. 458–459.
- ¹³³ Вероятно, в стране окончательное осуществление этого разделения происходило уже после завершения Гражданской войны.
- ¹³⁴ Соборное постановление подписала только одна сторона – брачники, не требующие перекрещивания при приеме от федосеевцев, филипповцев и поморцев-безбрачников. Брачники-перекрещенцы, с которыми велась полемика, от примирения уклонились.
- ¹³⁵ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V (Курганское) собр. 22р/641. Л. 84 об.–87; 204р/4052. Л. 21–25 об.
- ¹³⁶ Мангилев П. А. К истории поморского согласия... С. 24.
- ¹³⁷ Вургафт С. Г., Ушаков И. А. Старообрядчество. Лица, события... С. 229.
- ¹³⁸ В частности, помимо последователей учения С. Гнусина (федосеевца, известного своим бескомпромиссным отношением к браку) и безбрачников – сторонников Гагаринского собора 3 марта 1913 г., следовало «совершенно» крестить присоединяющихся «бабушкиных» и «самокрестов». Это позволяет говорить о возможном присутствии на Урале последователей этих двух толков и в 1920-е гг.
- ¹³⁹ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. V (Курганское) собр. 204р/4052. Л. 23 об.
- ¹⁴⁰ С определением точного года проведения этого собора есть некоторые проблемы. Московские археографы при описании рукописи, содержащей «Деяния и уложение собора по догматическим и каноническим вопросам» и являющейся автографом секретаря собора – Григория Мелехина, опирались на приводимую в постановлении датировку – 29 декабря 7431 г. от сотворения мира и, переводя на счет лет от Рождества Христова по византийскому сентябрьскому счету, совершенно обоснованно отнесли его к 1922 г. Однако в заголовок текста «Деяний», опубликованного в приложениях того же издания, вынесен 1924 г., поскольку этот год также обозначен в рукописи. В частности, он внесен в предисловие, содержащее напоминание о том, что решения собора могут считаться действительными, лишь когда они подписаны участниками. В качестве доказательства упоминается постановление собора 7097 г.: «На сем соборном уложении были епискупы, архимандриты, игумены, печати свои приложили и руки свои приписали, и соборные старцы руки свои приписали в 7097 (1591) году...» (т. о., очевидно, имеется ввиду собор под руководством первого русского патриарха Иова, разбиравший дело о смерти в Угличе царевича Дмитрия) и далее сказано, что с того времени «335 лет прошло, 1924». Если принять «1924» как указание текущего года, то можно сравнить две двойные даты: первая дана в тексте совместно – 7097 (1591) г., вторая приведена отдельно – 7431 (1924) г. Поскольку на документе стоят подлинные подписи участников собора и весь текст написан одним почерком, то есть все основания предполагать что указанная в предисловии дата – 1924 г. относится и к решениям тоже, а приведенные в рукописи 335 лет (а не 333, как следовало бы), минувшие после 1591 г. можно объяснить лишь обычной арифметической ошибкой или опiskой (См.: Деяния и уложение собора по догматическим и каноническим вопросам // Рукописи Верхокамья. С. 169–170 (описание), 240–243 (текст)).
- ¹⁴¹ Кумышка – молочная водка, полученная путем перегонки закишего коровьего, овечьего или конского молока. Согласно словарю В. И. Даля «кумышка – мутная, дымная и вонючая брага у вотяков, чуваш, черемис и др. чудских племен» (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II (И–О). М., 1955. С. 218).
- ¹⁴² Деяния и уложение собора по догматическим и каноническим вопросам // Рукописи Верхокамья. С. 242.
- ¹⁴³ Там же. С. 240.
- ¹⁴⁴ В качестве примера открытого «политического» высказывания на духовном собрании приведем слова старообрядческого епископа Геронтия петроградско-тверского на открытии собора белокрыницких иерархов 31 мая 1917 г.: «Несмотря на наступившую свободу... везде ужасы и беспорядки... мы у преддверия “исполнения времен”... Нужно встать и объединиться на защиту дорогого отечества» (Освященный собор // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 441–442).
- ¹⁴⁵ Гурьянова Н. С. Старообрядческое эсхатологическое учение и социально-политические мифы Нового времени // Старообрядчество: история и современность, местная традиция, русские и зарубежные связи. Мат.-лы науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 25–28 июня 2001 г. Улан-Удэ, 2001. С. 295–297.
- ¹⁴⁶ В это время в данной местности обосновался один из преемников о. Нифонта – о. Савва. В 1892 г., после смерти Нифонта, его скит под руководством о. Саввы и о. Силуяна переместился сначала на р. Чулым, в 150 км севернее Томска. Затем, когда в 1917 г. в мире наступило «смятение», отец Савва с большей частью братии и поддерживающих их крестьян перебрался на р. Парбиг (как говорили сами монахи, в «Колыванскую тайгу»), а о. Силуян и о. Гурий ушли в Приморский край на р. Улунгу (Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Старообрядцы-часовенные на востоке России... С. 29).
- ¹⁴⁷ Получено в Тугулымском районе Свердловской обл.
- ¹⁴⁸ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. XI (Талицкое) собр. 207р/4542. Л. 2 об.
- ¹⁴⁹ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. XI (Талицкое) собр. 207р/4542. Л. 11, 15.
- ¹⁵⁰ Автор послания ссылается не на сам текст этого сочинения, а на его краткий пересказ, помещенный в не определенном пока точно издании под названием «История христианской церкви от 1-го века до половины 11-го» – очевидно, нечто вроде школьной хрестоматии или учебника. В целом же, для конца XIX – начала XX вв. обращение старообрядцев к подобным историческим трудам представляется достаточно характерным явлением времени: в главе I (с. 75–76) уже говорилось о широком использовании их начетчиком странников В. И. Рукавицыным при составлении сборников. Н. Д. Зольниковой отмечено употребление наставником часовенных В. А. Ласкиным сведений из учебника по всеобщей истории Д. И. Иловайского (Зольникова Н. Д., В. А. Ласкин, Г. Я. Завьялов и епископ пермский и тобольский

Антоний (белокриницкая иерархия): споры о природе Антихриста в начале XX в. // Староверы часовенные на востоке России. С. 229).

¹⁵¹ См.: в Прил. 2 л. 5–8 об. 10 об.; ср.: *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе... С. 206–270, 519–559.

¹⁵² Прил. 2, л. 5 об. В отличие от цитируемого автором пересказа «Иудейской войны» в «Истории христианской церкви...», в оригинальном тексте Флавий пишет не о христианах, а о первосвященниках и представителях знатного сословия, благополучно перешедших из Иерусалима к римлянам и отпущенных ими в небольшой городок, но не Пеллу, а Гофну. См.: Иосиф Флавий. Иудейская война. VI 2:2.

¹⁵³ Напр.: «...толкование на книгу пророка Даниила (котора есть у Якова Федоровича)...»; «Аще сие хочется вам шире знать, прочтите, дорогая родственники (и Ф. М.) Гранограф, лист 205 1го щета».

¹⁵⁴ Текст опубликован, см.: *Духовная литература староверов востока России...* С. 169–197; подробный анализ см. в кн.: *Зольникова Н. Д.* Сочинения о Симеоне: полемика с «отступающими», инаковерующими и атеистами // *Старообрядцы-часовенные на востоке России...* С. 249–254.

¹⁵⁵ Можно предположить, что на создание «Колыванского послания» повлияла деятельность автора «Краткой памятной записи». По просьбам староверов-крестьян, обращавшихся в скиты за духовным советом, отцом Саввой в скитах регулярно устраивались беседы. Собеседования устраивались на удаленной крестьянской заимке и в них активно участвовал молодой и талантливый помощник игумена – о. Симеон.

¹⁵⁶ *Зольникова Н. Д.* Сочинения о Симеоне... С. 249.

¹⁵⁷ *Духовная литература староверов востока России...* С. 175–176.

¹⁵⁸ *Духовная литература староверов востока России...* С. 180.

¹⁵⁹ Там же. С. 191, 196.

¹⁶⁰ *Зольникова Н. Д.* Сочинения о Симеоне... С. 254.

¹⁶¹ *Духовная литература староверов востока России...* С. 196–197.

¹⁶² «Бикинское соборное уложение» 28 декабря 1926 г. – 2 января 1927 г. // *Духовная литература староверов востока России.* С. 376–377).

¹⁶³ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. XV (Шатровское) собр. 46р/92. Л. 8–10.

¹⁶⁴ Там же. Л. 10. По тексту рукописи сложно определить какой комитет имеется ввиду. Можно только предположить, что это нечто из области нововведений советской власти, например, комитет бедноты или общество по борьбе с неграмотностью. Не исключено, также, что речь идет о местной ячейке РКП(б).

¹⁶⁵ *Коровушкина-Пярт И. П.* Старообрядчество Урала в годы сталинской «революции сверху»... С. 207.

¹⁶⁶ УГААОСО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 17394. Л. 71–71 об., 85–85 об.

¹⁶⁷ Хотя по своей хронологической принадлежности это послание находится за рамками темы данного исследования, полагаю, все же его привлечение является правомерным, поскольку оно представляет собой зафиксированную в письменном виде широко бытовавшую в старообрядческой среде не только в это время, но и в более ранний период практику устных бесед и духовных наставлений. В тексте автор называет причину, побудившую его к обращению через письмо – отсутствие возможности поговорить «лицом к лицу».

¹⁶⁸ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VII (Нижнетагильское) собр. 65р/216. Л. 2.

¹⁶⁹ Древлехранилище ЛАИ УрГУ. VII (Нижнетагильское) собр. 65р/216. 1 об.–2 об.

¹⁷⁰ Там же. Л. 1.

¹⁷¹ Так, белокриницкое согласие по своей природе более иерархично (и, следовательно, более управляемо и зависимо от центра, каковым являлась Москва, нежели мир децентрализованных общин часовенных или поморцев, способных позволить себе отвергать решения как местных, так и всероссийских соборов.

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

Возникновение Российского промышленного законодательства в первой четверти XVIII в.

1. Правовое регулирование промышленности во внутренней политике Петра I в 1700–1716 гг. и промышленное законодательство

§ 1.1 Правовое регулирование горной промышленности и промышленное законодательство в начале XVIII в.

Прежде чем перейти к анализу правового регулирования промышленности в 1-й четверти XVIII в., когда появляются первые законодательные акты, посвященные непосредственно промышленности, необходимо сделать несколько предварительных замечаний о периодизации промышленной политики Петра I, важной частью которой стало промышленное законодательство.

В 1886 г. К.Н. Лодыженский, характеризуя экономическую политику Петра I, отмечал, что первоначально царем «не было издано мер, которые явились бы более или менее резким переходом от прежней системы к новой»¹. По мнению автора «решительный поворот в отношениях правительства к обрабатывающей промышленности» произошел «после путешествия Петра Великого во Францию в 1717 г.»².

Уже в 1978 г. Н.И. Павленко указывал, что при определенном единстве оценок промышленной политики Петра I как «политики меркантилизма в интересах преодоления отсталости страны <...>, подобные представления, бесспорные в общем виде, тем не менее нуждаются в существенном уточнении»³. В результате анализа «распорядительных и нормативных актов» Н.И. Павленко предложил свою периодизацию петровской торгово-промышленной политики. Согласно ей, «широкую программу поощрения промышленности и торговли правительство Петра I стало осуществлять лишь в течение последних семи-восьми лет первой четверти XVIII в. Правительственная политика предшествующего времени действовала в противоположном направлении»⁴. Этот вывод был поддержан в современной историографии. Согласно А.Б. Каменскому, «во второй половине 1710-х годов меняется промышленная политика правительства. Становится ясно, что создать промышленность ... лишь на государственные средства невозможно.

Начинается передача казенных предприятий в казенные руки с представлением новым владельцам различных торговых льгот»⁵.

Действительно, в начальный период деятельности Петра I не произошло системной перестройки правовой регуляции промышленной деятельности. В первой половине 90-е гг. XVII в. не было замечено значительного интереса Петра I к развитию промышленности мануфактурного типа. В отношении легкой мануфактурной промышленности можно отметить строительство в 1696-1697 гг. в с. Преображенском Хамовного двора, который должен был ткать парусину для строившегося флота⁶. Имеются сведения, что с 1697 г. планировало строительство в Москве канатного завода⁷; на рубеже XVII-XVIII в. в Москве строятся «Кожевные немецкого дела заводы», на которых изготавливается амуниция для армии⁸; в 1701 г. указывается построить Шляпный двор, чтобы делать шляпы «на дачю драгунам и солдатам»⁹. То есть в конце XVII – начале XVIII в. казна заводит мануфактуры, необходимые для обеспечения армии и флота. Такой подход не требовал каких-либо нововведений в области правового регулирования деятельности промышленности.

Что касается горной промышленности, то в ней определенные изменения произошли после прихода в Сибирский приказ в 1694/1695 г. (7203 г.) А.А. Виниуса, который с мая 1697 г. по осень 1703 г. возглавлял данный приказ¹⁰. В апреле 1695 г. Петром были затребованы материалы, касавшиеся серебряной руды в бассейне Аргуни. После доклада по этому делу, как отмечают Е.А. Курлаев и И.Л. Манькова, монарх «распорядился передать его дальнейшее ведение из Стрелецкого в Сибирский приказ»¹¹. С отъезда в 1697 г. Петра с Великим посольством Виниус активно занимался проблемой строительства железоделательных заводов в Сибири, о чем постоянно писал монарху и «докучал» ему вопросом о найме в Европе соответствующих мастеров. В 1697 г. именно Виниусом было принято решение о строительстве заводов в Верхотурском уезде¹². С 1698 г. в уезд были должны отправиться мастера для строительства заводов. Кроме того, в конце 1696 г. из Сибирского приказа была организована экспедиция во главе с греческим мастером А. Левандианом в район Томска для поиска серебряной руды¹³.

В 1697–1698 гг. Виниус просил Петра I о найме в Европе «железных мастеров», в том числе и в Саксонии¹⁴. В 1698 г. Петр I оказался ненадолго проездом в Саксонии. Однако, «за скорою ездою» монарх не смог посетить горные заводы. Тем не менее, он писал А.А. Виниусу, что его просьба «о мастерах» будет исполнена, так как «у нас [у Петра – М.К.] взялся тот дворянин, которому от короля заводы приказаны»¹⁵.

Отметим также наказ окольничему князю П.Л. Львову, определенному воеводой в Казань. Сам Львов 4 марта 1697 г. был отозван из Азова¹⁶, и свой воеводский наказ он

получил 31 марта 1697 г., т.е. уже после отъезда Петра I из Москвы с Великим посольством (9 марта 1696 г.), когда российский монарх уже пересек «Сведский рубеж».

В Казанском уезде правительство в XVII в. несколько раз организовывало медеплавильное производство. С 1651/1652 (7160 г.) по 1666 г. в Казанском уезде было выплавлено 2459 пуд. 20 грив. меди, после чего «рудокopное дело» было остановлено, так как «медная руда изошла вся». В 1674/1675 г. (7182 г.) в Казань была направлена царская грамота с предписанием «рудокopное медное дело заводить по прежнему». Начались поиски медной руды, в результате чего с 1677/78 г. (7185 г.) возобновилась выплавка меди. Однако успехи были довольно скромны: рудознaтцы находили относительно небольшие гнезда медной руды, и к 1687/1688 г. (7195 г.), когда в Казанском уезде «рудокopное медное дело» вновь остановилось, было выплавлено 442 пуд. 22 грив. меди¹⁷.

В 1697 г. московское правительство, отправляя Львова в Казань, решило возобновить там медеплавильное производство, для чего в Казань был также направлен горный специалист - подполковник, а затем полковник, Лаврентий Нейгарт «для прииску медных руд в старых и иных местах вновь приискывать»¹⁸. Князю П.Л. Львову в его воеводский наказ был включен соответствующий раздел о поиске медной руды и строительстве «большого завода» для плавки меди. При этом было указано, что если «где медная руда объявится на чьих на вотчинных и на поместных и на ясачных, или на оброчных землях и для медного дела те их земли доведутся взять, и тем людям сказывать, что Великий Государь пожалует ... земли вдвое и втрое». В случае утайки владельцам земли грозило «жестокое наказание»¹⁹. Следовательно, норма о возможности изъятия с компенсацией земли для «медного дела» не потребовала особой санкции монарха, т.е. воспринималась правительством, оставшимся в Москве после отъезда Петра, вполне обычной, а не чем-либо новым.

Отметим, что в 1701 г. у Нейгарта при поиске медной руды в Казанском уезде встал вопрос о правовом режиме поместных земель служилых татар: найденная им руда «шла» под «помещиковы дворы». Эта проблема была решена следующим образом: «Буде в том месте руда явится и прибыли чаять, и те дворы велено сломать и поселить тех помещиков на иных местах в их же дачах таким же строением из казны великого государя»²⁰.

По возвращении Петра I из Европы его правительство не оставило проблемы найма иностранных горных специалистов. Как отмечал В.И. Крамаренков в своей «Выписке о горных делах» (ок. 1778 г.), Петр I «в 1699 году дал повеление ... Посольскому приказу о вызове из чужих краев рудокopцев»²¹. И.Ф. Блиер по этому поводу писал, что Петр I «дружбно требовал» горных специалистов у саксонского курфюрста Августа II²². Август II сделал соответствующее предписание обер-берг-амту о наборе специалистов,

желающих поехать на службу в Россию. К 1699 г. такие желающие, в т.ч. берг-мейстер («рудокопный мастер») И.А. Ендерлейн и эрц-пробирер («пробирный мастер») И.Ф. Блиер, были набраны²³. В 1711 г. Блиер отмечал, что «по его великого государя указу высланы они [саксонские горные специалисты – М.К.] к Москве из Саксонии через генерала Карловича для рудокопных дел и велено им усмотря руду, горное строение изберегать»²⁴.

Саксонский генерал Карлович, доверенное лицо Августа II на переговорах с Петром I по вопросу о вступлении России в войну со Швецией, привез 12 рудознатных мастеров в Москву 26 сентября 1699 г.²⁵ (в описи Эндерлейна, поданной 26 сентября 1699 г., было перечислено 10 человек²⁶). Прибывшие специалисты почти сразу включились в поиск медных руд: 21 января 1700 г. «иноземцы саксонские земли» во главе с Ендерлейном отправились в Казанский уезд. При этом отметим, что первое жалование они получили из «ратушских доходов», а затем – «в Казани из приказные полаты»²⁷. Другие саксонские специалисты, в т.ч. И.Ф. Блиер, оказались в ведомстве Приказа Большого дворца и обследовали земли под Москвой – в селе Коломенском и районе Филей – на предмет наличия серебряных руд, каковой там «признак не явилось», в связи с чем было «копать покинута». Затем специалисты во главе с Блиером, оказавшись в ведомстве Посольского приказа, занялись поиском серебряной руды в Дудинской волости Козельского уезда и районе Калуги²⁸.

Активизация правительства в области поиска руд, прибытие относительно значительного количества иностранных специалистов-рудознатцев, а также, возможно, усвоение некоторых элементов европейского, прежде всего саксонского, опыта государственного регулирования горной промышленности стали необходимыми предпосылками создания в 1700 г. в России специального органа для управления горной промышленностью – Приказа Рудных дел и издания первого горного законодательного акта, или, как в 1810 г. отмечал И. Герман, «первого Горного Узаконения»²⁹.

Отметим, что еще в начале 40-х гг. XVII в. была предпринята первая попытка создать отдельный приказ, который бы занимался горным делом: в мае-ноябре 1642 г. существовал Приказ рудного сыска, который являлся, как отмечает Ю.М. Эскин, «временной комиссией в составе боярина кн. Б.А. Репнина, стольника И.П. Матюшкина, дьяка Н. Чистого для поиска золотых руд в Тверском уезде». Создание данного органа, по мнению П.П. Смирнова, было частью придворной борьбы³⁰.

22 августа 1700 г. Петр I выступил вместе с армией из Москвы³¹, а 24 августа боярин Т.Н. Стрешнев объявил царский указ о новых административных изменениях. По указу следовало «на Москве золотыя, и серебряные и иных руд дела ведать окольничему

Алексею Тимофеевичу Лихачеву да дьяку Кузьме Борину, и сидеть им в Приказе Большие Казны особо, и писать: “Приказом Рудокопных дел”»³². Т.Н. Стрешнев, с 1689 г. возглавлявший Разряд, играл важную роль во внутреннем управлении в 90-е гг. XVII в., что отмечал в своем мемуаре Б.И. Куракин³³, и ему во 2-ю половину 90-х гг. XVII в. не раз доводилось объявлять об административных изменениях³⁴.

Можно предположить, что А.Т. Лихачев, которому было уже не менее 70 лет, должен был быть номинальным руководителем, так как его карьера была связана в основном с придворной службой. Одной из причин назначения на такую должность, по мнению Н.П. Лихачева, могло стать желание Петра I «воспользоваться образованностью и знаниями Алексея Тимофеевича»³⁵, так как деятельность приказа была тесно связана с иностранными специалистами. Реальным же руководителем, скорее всего, должен был стать дьяк К.С. Борин, который с 1679/1680 г. служил в Казенном приказе, Золотой и Серебряной палатах, а к 1700 г. числился в приказе Большой казны³⁶, т.е. был довольно опытным дьяком с более чем 20-летним стажем. Кроме того, К.С. Борин до начала своей приказной карьеры имел чин «гостя» и участвовал в торговых операциях. Однако, служа в приказе, он не прекратил вести торговые операции, которые осуществлялись им «через своего брата Ивана и сына Матвея, записанных в гостиную сотню»³⁷. Также Борин совместно с членом гостиной сотни Н. Аристовым в 1692-1693 гг. построил т.н. Романовский завод на р. Белый Колодезь (правый приток р. Воронеж), которым они имели право владеть 30 лет (5 без оброка и 25 с оброком)³⁸. Таким образом, Борин был уже знаком с организацией металлургического предприятия, правда, железоделательного, а не медеплавильного.

2 ноября 1700 г., когда Петр находился под Нарвой, другим именным указом были уточнены функции нового приказа. По этому указу он создавался «для пополнения его великого государя казны золота и серебра». В связи с этим данному приказу надлежало «сыскивать золотых, серебрянных, медных и иных всяких руд». В случае обнаружения руды приказу предписывалось следующее: «где сыщется золотая, серебряная, медная руда, и о тех рудах промысл чинить и заводы заводить на великого государя». В случае же находки серной, селитерной, купоросной, квасцовой, железной, красочной и иных руд, «те руды и рудные места» следовало «отдавать на откуп на урочные годы из 10 пуда, а на государя заводов заводить не велено». Подчеркнем, что положение об отдаче на откуп касалось только месторождений, находящихся в ведомстве Рудокопного приказа, и не носило общеобязательного характера для других приказов.

Ведать приказом должны были окольничий А.Т. Лихачев «да с ним» дьяк. В качестве штата были определены из приказа Большой казны 2 старых и 10 молодых

подъячих, которым следовало находиться в «Приказе Большой Казны, где пристойно, в особом месте»³⁹. В ноябре 1700 г. соответствующее помещение для «начальных людей» нового приказа, было выделено, его «стены и окно» были наряжены «сукнами аглинскими красными»⁴⁰.

Другим именным указом от 2 ноября 1700 г. было велено объявить в государстве о том, что если кто знает или узнает о золотой, серебрянной, медной или иной какой руде на «государевых, или на чьих нибудь землях» или иных землях, то он должен сообщить об этом местной администрации. Ее представители должны были осмотреть рудные места и с тех мест «имать по два пуда» руды, которую отсылать «к Москве в приказ Рудных дел». При этом указ предписывал, чтобы «градским и уездным людям и изветчикам, налог и взятков и никаких обид отнюдь не чинили». «Изветчикам» обещалось за найденную золотую, серебрянную или медную руды от великого государя «жалование». Тем же, кто знал о рудах и не известил, обещалось наказание⁴¹. Именно этот указ И. Герман определил как «первое Горное Узаконение»⁴², и с этим необходимо согласиться.

Если ответственность за укрытие ценных рудных месторождений в XVII в., а также разрешение на свободный поиск руд в интересах государства оформлялась в царских грамотах, то теперь эти нормы были закреплены в законодательном акте, распространявшимся на всех подданных вне зависимости от «чина».

Как видно из указов 1700 г., создание Рудокопного приказа преследовало в качестве основной цели обеспечение монетных дворов необходимыми металлами – золотом, серебром и медью (именно в 1700 г. началась чеканка медной монеты⁴³), в качестве дополнительной – получение десятины от рудных мест, отданных «на откуп на урочные года», т.е. на время, а не в постоянное владение. Данная норма получила свое конкретное применение, в частности, в 1704 г., когда Ф.И. Молодой получил из Приказа рудных дел разрешение на поиск полезных ископаемых в «Галицком, Вятском, Кунгурском уездах и в сибирских городах», а в случае их обнаружения – построить завод. Такие «рудные места» отдавались ему с 1704 г. на 30 «урочных лет», из которых первые 6 лет для железных и 4 года для остальных заводов должны были быть «беспошлинными» и «безоброчными». После льготных лет Молодой должен был платить «десятый пуд». По прошествии «урочных лет» построенные заводы следовало «взять на нас, великого государя, по оценке»⁴⁴. На схожем праве владели своим заводом Н. Аристов и К.С. Борин, построенным еще до учреждения Приказа Рудных дел, примерно в 1692-1693 гг.: из 30 «урочных лет» первые 5 были без оброка, а «в остальные 25 лет должны были платить оброк в размене 50 руб. в год»⁴⁵.

На фискальную цель создания Рудного приказа указывает также его тесная связь с Приказом Большой казны, в ведении которого находились почти все монетные дворы⁴⁶, что отметил еще М.М. Богословский⁴⁷. Указы от 2 ноября 1700 г. не шли далее удовлетворения простых финансовых потребностей государства. Такой подход находился на домеркантилистской стадии развития правового регулирования и представлял собой закрепление норм XVI-XVII вв. Если в XVI-XVII вв. право на поиск ценных руд, имеющих государственное значение, а также отдача рудных месторождений и заводов на откуп оформлялась через выдачу жалованных грамот конкретным лицам, то 2 ноября 1700 г. такой подход получил свое дальнейшее развитие в виде законодательного акта о свободе поиска руд в интересах государства и ответственности за укрытие руд и правового акта, регламентировавшего деятельность государственного учреждения.

Укажем, что если инициативу создания Рудного приказа можно отнести Петру I, то его организация и создание соответствующих правовых оснований проходила без участия Петра, который был занят боевыми действиями под Нарвой.

К 1701 г. в Приказ рудных дел были переданы дела из Большой казны и Посольского приказа о поиске руд саксонскими специалистами во главе с Блиером. 24 января 1701 г., когда Петр I находился в Москве, именным указом приказным служителям был назначен денежный оклад – 2 старым подьячим по 30, а 10 молодым по 10 рублей «на год ... давать по вся годы». Кроме того, по инициативе Блиера было принято решение отправить его в Саксонию «для призыву новых мастеров и для покупки рудокопных снастей». Данное мероприятие затевалось, чтобы впоследствии «в Московском государстве сыскать серебряную руду»⁴⁸. Блиер с нанятыми специалистами (Мартин Цымерман – «доброй серебра плавильщик», Еган Цехариа Фрейтенер – «опытчик серебра, згонител серебра, жигател», Георх Шминден – «всяких горных дел мастер», Гавриен Шонфилдер – «гор рубитель») и приобретенными материалами вернулся в Москву осенью того же года⁴⁹.

Очевидно, что потребность нового приказа в горных специалистах была вызвана тем, что основная группа саксонцев во главе с берг-мейстером Ендерлейном, работая в данное время в Казани, находилась в ведомстве Казанского дворца. Создание Приказа рудных дел не предполагало унификации управления казенной и регулирования частной горной промышленности. В 1700-е гг., как показывают делопроизводственные и правовые материалы, железоделательные Истенские и Угодские заводы Меллеров находились в ведении Приказа Артиллерии. Именно там «они-ж иноземцы и их присутствующие к тем заводам волостные крестьяне», т.е. приписные, были ведомы «судом во всяких делах»⁵⁰; казенные Иженские и Тырпицкие заводы под Устюжной Железнопольской находились в

ведении Приказа Адмиралтейских дел⁵¹; Невьянский завод «уговорщика Демидова» надлежало «ведать ... в Сибирском Приказе во всеми его людьми»⁵². И.Л. Манькова отмечает, что в 1700 г. Приказу рудных дел, «главе Сибирского приказа А.А. Виниусу было предписано передать ... все рудные дела»⁵³. Однако, присланные в новый приказ дела о поиске серебряной руды в районах Нерчинска и Томска, были вскоре отосланы обратно, в связи с тем, что «по ево великого г[осу]д[а]ря указу велено те дела ведать в Сибирском приказе»⁵⁴. Как сообщалось в справке из Сибирского приказа во время ликвидации Рудокопного приказа, к 1711 г. Рудокопному приказу было «в городах Сибирской губернии заводов заводить не велено»⁵⁵.

Таким образом, правовое поле регулирования горной промышленности, несмотря на появление специального государственного органа и первого законодательного акта, оставалось еще довольно дискретным и связанным с деятельностью конкретного приказа.

Во время деятельности Приказу рудных дел издавались нормативные акты, связанные с регулированием горной промышленности, находившейся в ведомстве приказа. Однако для исследователя проблема заключается в том, что архив Рудного приказа за 1700-1711 гг. пока еще не обнаружен (если он вообще сохранился, т.к. в 1711 г. он был ликвидирован, а его дела розданы по губерниям), в связи с чем нормативную базу его деятельности приходится восстанавливать по отрывочным свидетельствам.

25 октября 1701 г. из Рудного приказа вышло два именных указа «за пометою дьяка Козьмы Борина». По первому указу приказу предписывалось, что если «по тверской и по иным дорогам, которые надлежат в путь к Новгороду» будет найдена железная руда «на каких-нибудь землях», то следовало «завести железные заводы на него великого г[осу]д[а]ря из ево г[осу]д[а]ревой казны». Такие заводы следовало построить на реке, которой можно было бы «железные всякие припасы и какие железные руды в деле будут, провадить в реку Волгу». При этом следовало смотреть, чтобы на строительство и жжение угля не использовались ценные породы дерева (дуб, клен, ясень, лим, вяз)⁵⁶. Таким образом, по данному нормативному акту, Рудному приказу следовало заняться уже не только поиском и производством металлов для монетного двора, но и железа. Как можно понять из локализации района предполагаемого строительства – дороги, ведущие к Новгороду, потребность в таких заводах была вызвана необходимостью обеспечивать припасами текущую войну.

В частности, в связи с такой потребностью в 1701 г. заводчику Бутенанту было предписано изготовить на его Олонецких заводах 100 орудий и к ним по 1000 ядер к каждому и к марту 1702 г. «сдать их на Пушечный двор в Новгороде»⁵⁷. Также 10 марта 1702 г. именовым указом, «за пометою думнаго дьяка Емельяна Украинцова» было

предписано в районе Устюжны Железнопольской на реке Ижине и под деревнею Тырпицею «построить из приказа адмиралтейских дел железные заводы». Подчеркнем, что при этом следовало «к тем заводам помещиковы и вотчинниковы деревни с крестьяне и с бобыли и со всеми угоды, которые принадлежат, отписать на В[еликого] Г[осударя]». Помещикам и вотчинникам следовало компенсировать такую «отписку» либо деньгами «по оценке», либо равнозначными владениями «из своих В.Г. дворцовых волостей»⁵⁸. Такой подход полностью соответствовал норме из указа от 25 октября 1701 г. создавать заводы на «каких-нибудь землях», равно как и норме о поиске медных руд из наказа казанскому воеводе Львову 1698 г. В интересах государства разрешался поиск полезных ископаемых и создание казенных заводов вне зависимости от формы собственности на землю. Это означало, что на данный момент государство рассматривалось как верховный собственник всех полезных ископаемых.

После издания указа от 25 октября 1701 г. из Рудного приказа так и не было построено ни одного железоделательного завода. Все казенные железоделательные заводы Европейской части России подчинялись непосредственно государственным органам, ответственным за снабжение армии.

По другому указу от 25 октября 1701 г. из Рудного приказа было предписано, что если во время поиска серебряных руд специалистами из приказа будут найдены «железная, серная, селитерная, квасцовая, купоросная, слюденая или иные какие красочные руды», и какие-либо «челобитчики» будут просить об отдаче таких месторождений «в промысел», то следовало «те рудные места на ево великого г[осу]д[а]ря землях отдавать челобитчиком на оброк на урочные годы ис пуда, смотря по промыслу и по угодыям». «Челобитчикам» следовало делать «такие промыслы своими проторми». При этом они должны платить оброк «на Москве в Приказ рудных дел»⁵⁹. Данный указ подчеркивал «откупную» направленность возникшего промышленного законодательства в отношении частной горной промышленности.

Отметим, что 23 января 1703 г., по свидетельству Крамаренкова, именным указом было «велено давать дозволение во всех городах на всяких землях искать всякие руды, но своими однако ж проторми, мастерами и работными людьми без приписки крестьян»⁶⁰. Ю. Гессен в 1926 г. по поводу этого свидетельства писал, «тут вкралась ошибка – вряд ли такой указ был издан в 1703 г.»⁶¹. Стоит полагать, что В.И. Крамаренков, имея полный доступ к государственным архивам в 70-е гг. XVIII в., вполне мог обнаружить документ с упоминанием о таком указе.

Кроме того, можно привести указ, изложенный в доношении рудопромышленника В.М. Лодыгина 1715 г., согласно которому «по имянным Великого Государя указом,

которые состояли в Рудном приказе, велено на Москве и в городе и во всем Государстве для пополнения его Государя казны золота, серебра и меди, сыскивать золотых и серебряных и медных и иных всяких руд. А которые руды явятца железные, серные, селитренные, квасцовые, купоросные, слюдяные или иные какие красочные руды в дворцовых волостях, и в патриарших, в архиерейских и в монастырских, в помещиковых и вотчинниковых селех и деревнях отписать, и отписав взять, и заводить всякие заводы на Великого Государя, отдать проискателем и челобитчиком на оброк в урочные годы. А как такие рудные промыслы кому отданы будут, товар делать своими проторми, и работники, и с тех промыслов в его великого государя казну иметь с пуда, смотря промыслу, и по угодьям часть, а имьянно десятой пуд»⁶². Показательно, что в данном указе, в изложении Лодыгина, в интересах пополнения казны «отписке» подлежали не только земли, необходимые для государственных заводов, но и для отдаваемых на оброк.

В логику указов от 2 ноября 1700 г. и 25 октября 1701 г. вполне вписывался указ, дошедший в изложении Лодыгина, который распространял государственный «откуп» на все рудные месторождения вне зависимости от формы собственности на землю, на которой они были найдены. Указы 1700 и 1701 г. можно определить как вершину развития системы правового регулирования горной промышленности, существовавшей в Московском государстве, а не началом новой, меркантилистской системы, которая предлагалась в проектах иностранцев в 60-70-е гг. XVII в.

Всего, по итогам деятельности Рудного приказа, были отданы 8-м человекам «разных чинов» железные, серные, купоросные и квасцовые руды «из десятого пуда на урочные годы»⁶³, а из самого приказа были «заведены медные заводы в олонецком уезде в Файмогубской волости», к которому приписали 40 крестьянских дворов⁶⁴. Данные результаты вполне соответствовали фискальной направленности правовых актов, регулировавших деятельность Приказа рудных дел.

Отмеченная выше определенная дискретность правового поля регулирования горной промышленности мешала деятельности Рудного приказа. Как писал Крамаренков, «немалые препятствия в прииске руд и построении заводов состояли в недопущениях к тому и в укрывательстве рудных мест, не только от уездных жителей, но иногда и от самых городских начальников, о чем от рудокопателей и определяемых к смотрению над построением заводов и до самого государя доходили жалобы». В связи с этим 10 февраля 1710 г. «из похода присланных в Ближнюю канцелярию имянным указом» был подтвержден указ 1700 г. «О ведении горных дел в одном Рудном приказе»⁶⁵. Присланным указом было предписано «рудным делам быть по прежнему в одном Рудном Приказе на Москве, и посланным из Рудного Приказа к сыску руд запрещения чинить не велено»⁶⁶.

Однако такой указ не решал вопроса о создании унифицированного правового поля регулирования горной промышленности. На необходимость его создания внимание российского правительства обращали саксонские специалисты, находившиеся на службе в Рудном приказе. В письме от 4 марта 1711 г., т.е. через несколько дней после учреждения Сената, Г.И. Головкин писал в Сенат, что «что великий государь указал по мемориалу, каковой ... подал рудокопный офицер Яган Фридрих Блигер с некоторыми пунктами, о устройении рудокопного дела каким лучшим учреждением и способом против прочих европейских государств строить и управлять ... определение учинить»⁶⁷. И.Ф. Блиер в одном из доношений указывал, что «мемориал» он «подал по отъезде самому государю»⁶⁸. Учитывая, что Петр I «с Москвы путь свой взял в Польшу» 6 марта 1711 г.⁶⁹, «мемориал», скорее всего, был подан в конце февраля – начале марта 1711 г. В «мемориале», в его изложении в сенатском докладе, И.Ф. Блиер писал, что от «умершаго беркмейстера Ендерлейн» и от него самого были «множицею письма предношены» об управлении «художества» (горного дела) специалистами в этом деле. Текущему управлению он давал следующую характеристику: «Ныне каждый, кто толико похощет при таком же художестве служит, а он оному художеству недостоин». Однако ни покойным берг-мейстер, ни Блиер ответа на свои представления так и не получили. Блиер при этом указывал, что во время поездок по России он нашел много «всяких горных знаков», и «тому горному делу без премногого старания не быть управлену делу и созиждену». В связи с этим он решил подать свой краткий «мемориал» из двух пунктов. В первом пункте Блиер предлагал в «их Приказу определить коллегнум, который состоит в искусных сему художеству особах». Этому «коллегнуму» следовало дать «полную дирекцию» над горным делом. В соответствии со вторым пунктом о всех рудных местах, которые «до днесь еще есть или вновь обрящутся под губерниєю ... для утверждения беркверк [Bergwerk (нем.) – горное предприятие, рудник – М.К.]», следовало «доносить и вручать» в эту коллегию, от которой ждать конкретного решения⁷⁰.

Отметим, что в 1810 г. И. Герман утверждал, что «Блиэр в 1712 году лично подал Монарху мемориал», а также привел текст данного «мемориала». Этот документ в публикации И. Германа открывался фразой о том, «что вместо Рудного Приказа весьма нужно учредить Берг-Коллегию»⁷¹. После публикуемого текста Герман отмечал, что «сие представление перпрровождено на рассмотрение Сената, в котором не более сделано, как только слушав сей мемориал, с другим от его же Блиэра подаванным Государю, о недоданном ему заслуженном жаловньи прошением, определено ... выдать ему 200 руб.»⁷². Однако укажем, что во-первых, Рудный приказ был упразднен в 1711 г., так что в 1712 г. Блиер не мог предлагать создать *вместо* него что-либо; во-вторых, Блиер, к

моменту рассмотрения в Сенате вопроса о жаловании, писал только об одном «мемориале», который он подал Петру перед отъездом⁷³, т.е. в феврале-марте 1711 г. Таким образом, приводимый Германом документ следует датировать 1711 г.

Также заметим, что публикация Германа полностью воспроизводит текст 10 пунктов, приведенных в рукописи Крамаренкова 1777 г.⁷⁴ В связи с этим обратим внимание на следующий факт: в одном из делопроизводственных документов Сената, связанных с восстановлением Рудного приказа в 1715 г., было написано, что «в доношении и в мемориале рудного мастера Блиера в «И» [8-м – М.К.] пункте [написано – М.К.]: И у кого есть заводы из руд и из минералов, чтоб с них иметь десятую часть на горное дело, вручать обер-берг-инспектору, как в немецких землях водится»⁷⁵. В рукописи Крамаренкова и публикации Германа этот пункт также идет под 8 номером и выглядит следующим образом: «С тех рудных и минеральных заводов, кои уже до того построены, учредить на содержание рудного производства, брать десятину, поруча сей доход в распоряжение Обер-Берг-Инспектору, по примеру того, как и в чужих краях водится»⁷⁶. Данные пункты совпадают по смыслу, однако расходятся в стиле, при этом текст Крамаренкова по лексике ближе к 70-м гг. XVIII в., нежели к началу XVIII в. (так, у него в тексте везде написано «Берг-Коллегия», в то время как к 1711 г. употребление слова «коллегия» не устоялось и более часто писали «коллегиум»). С полным основанием можно предположить, что Крамаренков нашел полный немецкий текст «мемориала», который передал И.Ф. Блиер в 1711 г. Петру I, и привел его перевод в своем сочинении.

Рассмотрим полный текст «мемориала». В первом пункте Блиер предлагал «учинить Берг-Коллегию, с определением Берг-Директора, и сему поручить все горные дела». Над ним, по мысли Блиера, следовало определить «из Российских господ охотного рачителя», который должен был иметь чин «Обер-Берг-Инспектора». Очевидно, такое предложение было связано с тем, что «Берг-Директором» должен был быть знающий горное дело человек, т.е. иностранец, и для большего доверия своему проекту Блиер предложил поставить над ним человека «из Российских господ». «Обер-Берг-Инспектору» должен был подчиняться «Берг-Фогт», должность которого вводилась «для управления горных дел», и им следовало быть человеку «совершенно горную науку знающего» (п. 2). По третьему пункту всем «рудным местам» следовало быть «в ведомстве одной Берг-Коллегии». Кроме того, по следующему пункту, губернаторам следовало «накрепко подтвердить», чтобы они не утаивали обнаруженные минералы (п. 4)⁷⁷.

Далее, в пунктах 5–10 Блиер предлагал конкретные меры по организации «Берг-Коллегии»: в ней следовало собрать всех «русских людей, в рудных делах упражнявшихся» (п. 5), дополнительно выписать «из чужих краев» горных специалистов и

инструменты (п. 6), создать при коллегии лабораторию (п. 7). С действующих «рудных и минеральных заводов» надлежало собирать «десятину», которая должна была находиться в распоряжении «Обер-Берг-Инспектора» (п. 8); выплавленную медь следовало сдавать на «денежный передел», а «прибыль отдать в Берг-Коллегию на обзаведение нового дела» (п. 10). При этом Блиер указывал, чтобы для разработки руд был «дозволяемо бы было нанимать без всякаго препятствия работников, установя определенную плату» (п. 9).

Свой «мемориал» Блиер завершал 11 пунктом, в котором писал, что «на созидание горных дел в начале всегда многие расходы употребляются», однако и в Германии не найти «охотников», которые бы желали «своим иждивением привести в совершенство», в связи с чем в России для развития «сего важнаго» – горного – дела «нужно назначить ... особый доход, препоруча оной ведомству Берг-Коллегии»⁷⁸.

Однако, когда Сенат подошел к рассмотрению этого «мемориала» – к июню 1711 г., Приказ рудных дел был упразднен. В апреле 1711 г. Сенат принял приговор, согласно которому было велено «Приказу Рудных дел особо не быть, а рудосыскные дела, которыя в том Приказе были о сыску руд и где, по сыску, заведены какие заводы для ведома разослать по губерниям; а мастеров всех и инструменты послать в Сибирскую губернию, для того что в той губернии в городах есть железныя и серебряныя руды»⁷⁹, о чем 30 апреля в Рудный приказ был направлен указ⁸⁰. Примерно в то же время приговором от 25 апреля был ликвидирован Ямской приказ, а вместо него было велено быть «ямских дел столу под ведением в Московской губернии управителя»⁸¹. Такое решение было связано с первой губернской реформой, во время которой, как отмечал П.Н. Милюков, «приказы, сохранившие территориальный характер, были переведены ... в новые областные центры... Некоторые другие приказы разделили свои дела между всеми губерниями и также или закрылись, или, сузив свою компетенцию до размеров одной губернии, приобрели губернское значение»⁸². В связи с этим можно сказать, что Рудный приказ постигла двойственная судьба: с одной стороны, он был ликвидирован и его дела перешли губерниям, с другой – его технический персонал и инструменты консолидировано передавались Сибирской губернии. Для сенаторов существование такого приказа было очевидно невыгодно с финансовой точки зрения, и они предпочли его ликвидировать, определив его приказных служителей на другие, более важные, по их мнению, дела.

Тем не менее, Сенат не мог игнорировать повеление монарха и в связи с этим рассмотрел «мемориал» Блиера, а также деятельность Рудного приказа с 1700 по 1711 г., и 10 июня 1711 г. принял приговор, по которому было решено «по прежнему великаго государя указу Приказу Рудных Дел особливо не быть», а «рудосыскные дела ... разослать по губерниям, дабы то дело каждой губернатор в своей губернии усматривал». Мастеров-

иностранцев, «буде они захотят», и учеников-русских и инструменты следовало «послать в Сибирскую губернию», так как в ней «явились железные и серебряные руды». При этом Сенат указывал, что «рудосыскные дела» должны финансироваться из доходов губерний, а если в губерниях «явится» железная, серебрянная или иная руда, то «для происку тех руд и проб тех руд» следовало брать мастеров из Сибирской губернии⁸³.

Блиер не прекратил свою «проежктерскую» деятельность и в 1712 г. просил Сенат, помимо выдачи жалования, снова рассмотреть его «мемориал». Однако Сенат проигнорировал эту просьбу и лишь приказал выдать Блиеру 200 руб. жалования⁸⁴. И. Герман отмечал, что к концу 1714 г. Блиер подготовил еще один проект для Сената⁸⁵, и привел его текст. В предисловии проекта Блиер изложил краткий обзор рудных богатств России. Завершая обзор, он отмечал, что «ежели б в сих делах доброе заведение учинено, и на то важное нечто их иждивения употреблено было ... то за верное полагает, что ... в России имеющиеся заводы в доброе состояние и в славу приити могут»⁸⁶. Герман в связи с этим писал, что «сославшись на прежний свой мемориал», Блиер представил еще 5 пунктов. Основное содержание данного проекта из 5 пунктов сводилось к созданию специальной горной администрации, подчиненной особому «управителю», который бы не был «подчинен у Губернаторов и других градских Начальников». Отметим также, что Блиер негативно отзывался об использовании принудительного крестьянского труда. Вместо него он предлагал «людей выбрать из мужиков, или из рекрут», которых «оставить ... на всегда при заводской работе». Их следовало обучить «заводскому искусству», чтобы они могли работать без «чужеземцев», после чего их можно было бы определить как «горных людей»⁸⁷, в сословном смысле. Однако Блиер не получил ответа и на этот проект. 15 марта 1715 г. ему было велено отправиться в Астрахань для поиска руд, куда он и прибыл 31 августа того же года⁸⁸. Таким образом сенаторы видели исключительно фискальную проблему правового регулирования горной промышленности.

В начале XVIII в. целью правового регулирования горной промышленности, по-прежнему заключалась в обеспечении монетных дворов металлом и доходами от сдачи месторождений на «откуп». Такой подход не только существовал, но и получил определенное развитие: для этой цели был создан специальный приказ и издан первый законодательный акт в области правового регулирования горной промышленности. Однако, как было показано в сенатской справке, с 1700 по 1711 гг. Приказом Рудных дел было выплавлено 368 пудов меди, в то время как из Сибирского приказа в 1710 г. было привезено 5 пудов 26 фунтов серебра, 4316 пудов железа и разные «военные припасы». При этом Рудный приказ почти не получил прибыли от сдачи рудных мест «на откуп». Более того, из приказа были даны в долг 3000 руб. промышленнику Даниле Воронову. Из

этих денег к 1711 г. он был должен 1900 руб., о которых сообщал, что «платить не чем». В качестве причины Д. Воронов указывал, что он построил свои заводы на дворцовых землях, которые были затем «отданы помещикам, и без оброка помещики теми заводами владеть не дают и что каких припасов изготовлено и железа сделано все развезли по себе»⁸⁹. Очевидно, что Рудный приказ не выполнил своей цели по обеспечению монетных дворов металлом и не принес больших доходов в виде «оброка». Когда рассматривалась судьба этого приказа, сенаторы не ставили для себя проблемы создания благоприятных правовых условий для частного рудного сыска и частной горной промышленности. Равным образом они игнорировали вопрос об унификации управления и правового регулирования, который был поднят, в частности, в проектах саксонских специалистов, опиравшихся на европейский опыт. Фискальный подход, закрепленный в законодательных и правовых актах, связанных с деятельностью Рудного приказа в 1700-1711 гг., не принес казне больших денежных поступлений, в связи с чем Сенат фактически вернулся к дозаконодательной стадии правового регулирования горной промышленности и отдал его в ведомство губернских властей.

Укажем, что помимо фискального подхода в правовом регулировании горной промышленности существовал иной подход, нашедший отражение в деятельности главы Сибирского приказа А.А. Виниуса, подтверждением чего явилась передача Н.А. Демидову Невьянского завода и последующее правовое регулирование его функционирования. Отметим, что история появления правовых актов, связанных с передачей Невьянского завода, равно как и их содержание, были довольно подробно рассмотрены Б.Б. Кафенгаузом⁹⁰. Тем не менее, для более полного понимания процесса изменения правового регулирования горной промышленности необходимо проанализировать данные документы и оценить их значение в сфере правового регулирования горной промышленности.

10 февраля 1702 г. «тулянин оружейного и железного дела мастер» Н.А. Демидов обратился в Сибирский приказ, чтобы его отпустили «в Сибирь, на Верхотурские железные заводы», на которых ему бы «воинские всякие припасы лить и делать ... своими проторями». Фактически Демидов просил отдать ему во владение Невьянский завод. Однако в прошении вопрос о собственности был сформулирован довольно неясно и расплывчато. В обмен на такое разрешение Демидов обещал поставлять казне «воинские припасы» в половину дешевле, чем это делали с заводов Нарышкиных и Меллеров⁹¹. Также он просил разрешить ему «иные заводы заводить ... вольно в угодных местах», и к заводам для работных людей «дать бы угодных места, чтоб к заводам бы по близости». Демидов также хотел получить позволение на покупку у вотчинников крестьян, чтобы «на

заводы свозить и у заводов селить»⁹². Для случая, если у него не будет рабочих для «угольной и дровяной возки», он просил «помогать ... сошными подводами, а он де бы им давать цену, против тульского угля»⁹³.

В отношении «суда и расправы» Демидов просил изъять себя из ведения местной администрации и «ведать бы его в Сибирском Приказе; а в малых делах наказанья работникам своим чинить самому». Что касается добычи руды, то он просил, чтобы в тех местах, где она будет «копаться» для его заводов, там «иным никому никаких руд копать не велеть»⁹⁴. На тех же реках, где будут у него железоделательные заводы, он просил, чтобы «на тех бы реках мельницам не быть»⁹⁵.

Кроме того, Демидов хотел, чтобы ему было разрешено продавать железо, не востребованное казной, «привозя к Москве и по иным городам по вольною ценою; а о пошлинах указ учинить против иных заводов»⁹⁶.

Данное челобитье Демидова весьма показательно. Частный промышленник был готов пойти на серьезные уступки в цене казенных поставок, но при этом желал получить некоторые права привилегированных сословных групп: разрешение на покупку крепостных, отведение к заводам необходимых для поселения рабочих людей земель, вотчинную юрисдикцию над рабочими в «малых делах». Кроме того, Демидов хотел иметь доступ к использованию принудительного труда государственных крестьян в виде «сошных подвод». Показательно и его стремление полностью избавиться от подсудности местным властям.

4 марта 1702 г. состоялся указ по челобитью Демидова. По нему было велено «Верхотурские железные заводы на Нейве реке и дутее приищет по той и по иным рекам и на Тагиле и у Магнитной руды, Верхотурского уезду, заводы одать во владение туленинину Никите Демидову». В качестве условия отдачи было его обязательство «ставить ему с тех заводов ... воинские припасы ... по тем вышеименованным его, Никитиным, ценам»⁹⁷. Что касается удовлетворения требований промышленника, ему было разрешено воспользоваться «сошными подводами» возки дров и угля, а также продавать не востребованное казной железо «вольно ... в русских городех и поморских и Сибирских кому похочет». Что же до пошлин, то Демидову следовало их платить «по торговому уставу и против иных русских городов». Заводы «со всеми его людьми» надлежало ведать в Сибирском приказе, исключая «смертное убийство», а также «татьбу и разбой и иныя такая и подобныя тем злодейства». Виновных «людей его и наемщиков и работников» следовало «для розыску отсылать в Тобольск, а по розыску чинить указ по уложению»⁹⁸.

О покупке крестьян Демидову ничего не было написано, и ему предписывалось «леса рубить и уголье жечь и всякие заводы старые и вновь заводить и всех мастеров и

работных людей держать и платить своими деньгами». При этом ему разрешалось выделить «под дровяные и рудные клады ... и где мастерским и работным людям жить из порозжих земель, а не из крестьянских 200 или 300 десятин»⁹⁹.

Отметим, что данный правовой документ существенно отличался от жалованных грамот иноземцам XVII в. В нем ничего не было написано о распоряжении заводами и о взимании «оброка». В связи с этим можно предположить, что поставки военных припасов «с убавкой» было достаточно. Отсутствовало и положение о найме земель, что, возможно, было связано с преобладанием на Урале государственного землевладения.

Кроме данного указа 6 декабря 1702 г. Демидов получил от имени Петра I «память», которая состояла из преамбулы, десяти пунктов («указных статей») и заключения-напамятования. Данная «память», как следует из преамбулы, была составлена А.А. Виниусом, который, будучи на Невьянском заводе, «велел против различных статей ... допросить» Демидова о том, «чего к доброму тех заводов порядку» следует добавить. По результатам такого «допроса» были составлены «статьи». В «памяти» указывалось, что «статьи» имели своей целью не только увеличение производства железа для царской «артиллерии и всего войска потребы», но и для того, чтобы «в надобье Его Великаго Государя рабов всякаго чина Московского и Сибирскаго и прочих ... подданных народов надобы всегда в довольстве было»¹⁰⁰. Таким образом, составитель «памяти» А.А. Виниус демонстрировал большую широту взглядов, которые выходили за рамки простого удовлетворения текущих военных потребностей, что согласовывалось с его меркантилистскими проектами 70-х гг. XVII в.¹⁰¹

Демидову следовало, «прочитывая их [«статьи» - М.К.] почасту, поступать, отвергая от себя весьма всякое пристрастие и ко излишеству богатству желание», а также делать то, что он посчитает «быть полезно сверх сих статей»¹⁰².

В первом пункте «статей» Демидову предписывалось «иметь радение» об увеличении производства завода «сколько возможно»¹⁰³. Второй пункт открывался показанием Демидова о том, что заводу было затруднение из-за «наемных работных людей». В связи с этим было написано, что «прикащику» соседних Аятской и Краснопольской слобод послан указ, чтобы крестьяне работали «без всякого прекословья», а за их лень Демидову было разрешено «по вине» наказывать умеренно «батогами и плетьюми железными». Третий пункт был посвящен отводу «лесов, земель и угодьев» для заводов. Демидову было предписано «владеть ... во все стороны по тридцати верст». Отметим, что 1 декабря 1702 г. Демидов в «сказке» просил о приписке к заводу крестьянских слобод «для умножения железных заводов». В обмен на приписку он обещал все крестьянские «поборы и хлеб платить в государеву казну железом». За это крестьяне

должны были бы работать на заводе «в месяц – неделю, да на год всякому человеку возить ... по возу сена, по пяти возов соломы»¹⁰⁴. Виниус не мог на месте решить вопрос с припиской, но обещал прислать зимой 1703 г. указ о приписке соседних слобод. Четвертым пунктом предписывалось построить церковь, а при ней «деткам школы и больным – больницы». Пятый касался качества чугуна и железа. Шестой разрешал проводить у завода «для покупки малых статей» раз в год ярмарку. Седьмой был посвящен качеству чугуна и выплавке пушек. В восьмом пункте указывалось, что Демидову необходимо иметь «всеусердное радение», чтобы делать «проволоку железную, сталь и уклад», вооружение и организовать «селитерное варение». Девятый пункт касался бережного отношения к заводу. Десятый был посвящен доставке продукции Невьянского завода для казны в 1703 г.¹⁰⁵

В заключении Демидову напоминалось, что ему «такие готовые заводы» были пожалованы монархом «во владение отдать ... только для верных твоих на Москве Великого Государя службы, что ты, крестьянских не имея у себя дворов, убавил у припасов воинских у иных половину», в связи с чем он был должен «искать прибылей ... во исполнение ... статей», и что он сам мог «к пользе придумать»¹⁰⁶.

В соответствии с обещанием из третьего пункта «памяти» 1702 г., 23 февраля 1703 г. на Верхотурье воеводе был отправлен указ, по которому ему было «велено, Верхотурского уезда, Аяцкую, Краснопольскую слободы да монастырское Покровское село, с деревнями и со всеми крестьяны ... отдать ... с роспискою, к Верхотурским железным заводам». 25 февраля 1703 г. об этом была направлена «память» Демидову, в которой ему сообщалось о приписке, а также предписывалось «на тех крестьян положить работу и поборы сенные и солому, по своему рассмотрению». Работу следовало зачитывать за платежи в государственную казну, которые должен был делать Демидов, а что «сверх того работы их явятся, платить им, по правому рассмотрению, деньгами»¹⁰⁷.

Как видно из выше изложенного, правовые акты 1702–1703 гг., регулировавшие деятельность Невьянского завода Демидовых, имели отчетливо индивидуальные черты по сравнению с жалованными грамотами XVII в. В их основе лежало стремление Виниуса, который возглавлял Сибирский приказ, максимально увеличить производство продукции Невьянского завода, как для производства «военных припасов», так и гражданской продукции. Для этого он был готов пожертвовать сиюминутными интересами фиска в виде «оброка», отвести необходимые земли и уголья, а также обеспечить частные заводы принудительным трудом государственных крестьян. Подобный подход явно отличался от фискальной программы создания Рудокопного приказа.

Отметим, что в 1702 г. Виниус планировал организовать большое строительство усилиями казны заводов на Урале. В частности, Виниус в «памяти» Демидову от 6 декабря 1702 г. писал, что «Великаго Государя есть неотложное изволение, ... чтоб заводов сверх прежде помянутых на Каменске и на Нейве реке построенных, еще где удобно иные построить»¹⁰⁸. 8 декабря того же года он писал с Верхотурья Петру I, что уповает «еще в 2 местех или трех великим заводам быть, и стараюсь, чтоб всех уготовить 10 домен, которые в год чюгуну дадут, буде помешег не явится, с 1400000 пуд»¹⁰⁹. При этом он отмечал, что «сие ... великое дело требует великое время, дондеже созреет, и приставников верных; и теми здесь скудно, и к тому различные помехи являются»¹¹⁰. Возможно, из-за нехватки «приставников верных» Невьянский завод в целях более эффективной работы (учитывая предложения Демидова) был передан Демидову. При этом передача была без указания на «урочные годы», т.е. завод ему был передан не во временное владение.

Сам Виниус в 1706 г. следующим образом охарактеризовал свою «программу»: в письме от 16 ноября 1706 г. Петру I он среди своих заслуг указывал на «обретение руд медных и железных, которых построил 4 заводы великие, иже могли вашего величества военныя, *но и всего государства потребности наполнить и к тому на серебро с великим прибытком в ыные государства продано бытии* [выделено нами – М.К.]»¹¹¹.

Таким образом, в отношении Сибирского приказа можно утверждать, что его глава А.А. Виниус пытался реализовать своеобразную «меркантилистскую» программу развития горных заводов, что нашло свое отражение в правовом регулировании деятельности Невьянского завода Н.А. Демидова. Однако это не означало унификации всего правового поля в данной области. Оно продолжало быть дискретным и зависело от приказов, в ведении которых находились горные заводы. С отстранением в 1703 г. Виниуса с должности главы Сибирского приказа¹¹², его «меркантилистская» программа лишилась основного исполнителя и была фактически свернута. Господствующими мотивами в правовом регулировании промышленности в основном оставалось либо пополнение казны, либо обеспечение военных нужд, связанных с текущей войной.

§ 1.2 Влияние Северной войны на правовое регулирование промышленности в России в 1700 – начале 1710-х гг.

Подготовка и вступление России в 1700 г. в Северную войну привело к активному вмешательству правительства в экономику страны с целью обеспечения армии и флота. Прежде всего, такое вмешательство было связано с поиском новых источников доходов, в т.ч. и за счет промышленной деятельности. Такие поиски привели к появлению феномена

«прибыльщики», т.е. людей, искавших для государства новые источники доходов, и феномена финансовых проектов, часть из которых имели вид «подметных писем».

Современник князь Б.И. Куракин отмечал, что с 1699 г. «начались прибыли», первая из которых была «выдана человеком боярским Бориса Шереметева Алексеем Курбатовым»¹¹³, благодаря предложению которого в 1699 г. была введена гербовая бумага¹¹⁴.

В одном из подметных писем 1700 г., посвященного проблеме увеличения казенной прибыли, автором которого, по мнению С.А. Белокурова, мог быть И.Т. Посошков, было выдвинуто несколько предложений об обложении промышленной деятельности сборами. В письме указывалось, что «на железных заводах и по градом ... делают железо.., и на то железное дело исходит много лесу; также и на кирпичное дело... А пошлин с руды и с лесов платят немного, а инде и не платят». В связи с этим автор письма предлагал «с продажи з железа и с кирпича» брать пошлыны по 10 денег (5 копеек) с рубля¹¹⁵. Другое предложение автора подметного письма касалось организации городского ремесла. Указывалось, что в «Московском государстве» многие ремесленники в городах «живут по дворам и по подклетом, а иные в надворничестве промышляют и кормятца безоброчно». В связи с этим автор предлагал проветси перепись ремесленников и тех, которые «платят тягло», не ложить в оброк, а тех, кто «в слободы никакого тягла не платят – записат и ведать их в Золотой и Серебряной и Оружейной Полатах и наложит на них оброк»¹¹⁶. Таким образом, предложения о регулировании промышленной деятельности не шли далее удовлетворения фискальных интересов государства.

После начала Северной войны, приведшего к росту военных расходов, правительство особенно активно стало вводить новые сборы, а также произвело переобработку ряда промысловых объектов. В правительстве возникла идея «о пересмотре и переобложении “торговых и промышленных всяких чинов людей”». Для этого, как указывала Е.И. Заозерская, 1 февраля 1704 г. был дан указ «о сборе сказок о торгах и промыслах с высших категорий торговых людей – гостей, гостиной сотни и тяглецов московских слобод»¹¹⁷. На основании собранных сказок в 1705 г. были составлены новые окладные книги¹¹⁸.

Кроме того, правительство решило учесть и «мастеровых и работных», которые приходили на «торговые безоброчные площади» и занимались мастерством или нанимались. По статьям от 1 марта 1704 г. таким «мастеровым и всяким работным людям» следовало каждый год «записываться» у властей – в Москве в Семеновской канцелярии, а в других городах – у воевод и царедворцев. При «записке» мастеровым, которые «кормятся на Москве и в городах всяким мастерством», т.е. ремесленной работой, следовало платить

«по 2 гривны на год с человека» (20 коп.). Работным, которые «кормятся черною всякою работою и на струги нанимаются», следовало платить «в год по 2 алтына с человека» (3 коп.)¹¹⁹.

Помимо денежных сборов от имени государства проводились относительно массовые мобилизации ремесленных людей из посадов. Например, указом от 12 сентября 1705 г. было предписано из «городов с посадов и с уездов В.Г., с дворцовых и с патриарших и с монастырских и с помещиковых и вотчинниковых крестьян выбрать плотников самых добрых ... 500 человек», которых следовало «выслать в С. Петербург на адмиралтейский двор безсрочно»¹²⁰. Дополнительные мобилизации были связаны со строительством С.-Петербурга. В 1710 г., как отмечал С.П.Луппов, «было велено выслать в Петербург “на вечное житье” “с посадов и уездов” 4720 человек мастеровых людей разных специальностей с женами и детьми, так как в Петербурге ощущалась “немалая нужда” в мастеровых людях “у Адмиралтейства и у городских дел”»¹²¹. В 1715 г., в связи с нехваткой в Артиллерии кузнецов, указом от 4 ноября 1715 г. было повелено выслать «в Санкт-Питербурх в Приказ Артиллерии кузнецов с Тихвины 20 семей»¹²².

Для обеспечения рабочей силой заводов, как казенных, так и частных (Демидовы), проводили приписку работников. Так, в 1703 г. к Олонецкой верфи по именному указу были приписаны города Каргополь, Белоозеро и Пошехонье¹²³.

Некоторые частные промыслы должны были работать только на военный заказ. В частности, по приписи на указе от 26 июля 1706 г. монастырским крестьянам нескольких погостов Тихвинского района, «которые в тех погостех кричным железом промышляют», было предписано производить железные крицы только «для кузла всякого государства». «Насторону» же «продавать», либо «отдавать» данные крицы крестьянам было запрещено под страхом «большия пени». При этом им разрешалась добыча железной руды и заготовление дров в любых «угодьях»¹²⁴. Другие предписания могли распространяться на всю страну. В 1708 г., как отмечал Н.Е. Бранденбург, «вышел указ, чтобы селитерные промышленники никому не продавали селитры, кроме пороховых уговорщиков, которые ставят в артиллерию порох по контрактам». Указ был подтвержден в 1711 и 1712 г.¹²⁵

Также в целях производства сукна для казны «с начала в Москве суконного дела», т.е. примерно с 1704 г., «определено было царскаго величества указами во всех городах овчью поярочную шерсть покупать всю к суконному делу, а другим никому той шерсти употреблять не велено». В 1712 г. Сенат своим приговором подтвердил, что «поярочную шерсть и овчины» следует продавать «повольною ценою» только на Суконный двор, и лишь с него владельцам «рукавишных заводов» можно продавать «овчины и голье»¹²⁶.

Для обеспечения необходимыми материалами армии и флота государство было готово пойти на нарушение прав владельцев земель, вне зависимости от форм собственности. В 1702 г. именным указом, «за пометою думного дьяка Емельяна Украинцова», от 10 марта было предписано в районе Устюжны Железнопольской на реке Ижине и под деревнею Тырпицею «построить из приказа адмиралтейских дел железные заводы», в связи с чем следовало «к тем заводам помещиковы и вотчинниковы деревни с крестьяне и с бобыли и со всеми угодьи, которые принадлежат, отписать на В[еликого] Г[осударя]». Помещикам и вотчинникам следовало компенсировать такую «отписку» либо деньгами «по оценке», либо равнозначными владениями «из своих В.Г. дворцовых волостей»¹²⁷.

Такая «отписка» производилась не только по отношению к землям под казенные предприятия. В 1700-е гг. государством было «отписано» несколько готовых горных предприятий, в 1703 г. были взяты в казну Олонецкие железные заводы Генриха Бутенанта¹²⁸, в 1706 г. «по указу великого государя по описанным книгам взяты ... в Адмиралтейский приказ на Туле железные заводы туленина Никиты Демидова со всякими завоцкими заводы и инструменты» и с выплатой ему компенсации¹²⁹.

Для обеспечения армии государством могла быть создана и частная монополия на производство. Так, английскому купцу Генри Стейлсу было дано монопольное право на производство пороха: с 1708 г. «с 20 марта, велено порох делать для Приказа Артиллерии иноземцу Андрею Стельсу одному по 20000 пуд на год, а прочим, которые делали порох, в делании отказано»¹³⁰. Как отмечал П.М. Лукьянов, это «было вызвано якобы плохим качеством пороха, изготавливавшегося другими “уговорщиками”»¹³¹. В результате такой монополии, в частности, «згнил» пороховой завод «отставного кузнеца» Филимона Аникеева¹³². Однако завод Стейлса не смог удовлетворить всех потребностей казны, в связи с чем сенатским приговором от 19 июня 1711 г. монополия Стейлса ликвидировалась, и было объявлено, «чтоб явились подрядчики всяких чинов люди в Канцелярии Прав. Сената и уговоры б свои записывали». Ф. Аникееву же было предписано «на заводах своих порох делать ... сколько возможно». При этом Сенат постановил, чтобы «иноземцу Андрею Стельсу порох делать по прежнему имянному указу по 20000 пуд. на год»¹³³.

Отметим интересный правовой казус, шедший в разрез описанным выше подходам к правовому регулированию частной промышленности и имевший место в начале 1701 г. После поражения под Нарвой Петр I оказался в сложном положении. В декабре 1700 г. монарх прибыл в Москву, где занялся решением внутренних и внешних проблем, связанных с ведением войны. Был издан указ, по которому следовало «собрать часть

колоколов со всего государства ... для делания пушек и мартиров»¹³⁴; 17 декабря 1700 г. было указано начать строительство Новодвинской крепости¹³⁵, которая должна была охранять подступы к Архангельску с воды от шведов. Одним из следствий такой угрозы могло стать прерывание поставок вооружений из Европы. 31 января 1701 г. Петр I отправился из Москвы в Биржу для переговоров с польским королем Августом¹³⁶.

В таких условиях, находясь в Москве, 18 января 1701 г. Петр I дал «оружейного железных припасов мастеру» Н.А. Демидову указ на его завод под Тулой. До этого указа Демидов имел право пользоваться заводом в течение 20 лет, после чего он должен был отойти казне, подобно заводам К. Борова и Н. Аристова. Однако, по указу от 18 января 1701 г. Демидов получал право данным заводом «владеть впрок безсрочно». Более того, к своему «железному заводу» тульскому мастеру было разрешено «какой угодно у вотчинников земли или крестьян ... покупать вольно». Разрешение на покупку «земли» и «крестьян», объяснялось в указе, давалось «для того железного дела, чтоб всегда множилась, и когда из ыных государств не привезут, чтоб скудости на воинские припасы и не достатку не было». Кроме того, для действия завода следовало отвести несколько оброчных участков. Такой оброчной землей Н.А. Демидову, и «жене ево и детям и наследником» разрешалось «владеть безоброчно и оброк из оклада выложить»¹³⁷. После тяжелого поражения и под угрозой нехватки «воинских припасов» Петр I пошел на беспрецедентный шаг: он даровал представителю непривилегированной сословной группы права покупки и владения земель и крепостных.

Нападение шведов на Новодвинскую крепость в июне 1701 г. было отбито, и архангельский порт продолжил свое функционирование. С 1702 г. строятся заводы под Устюжной Железнопольской, а с 1703 г. Олонецкие Петровские заводы. Ситуация с военными поставками стабилизировалась, в связи с чем необходимость в больших привилегиях для частных заводчиков отпала. В марте 1702 г. Н.А. Демидов при передаче ему Невьянского завода не получил разрешения на приобретение к нему крепостных, хотя и просил об этом в феврале 1702 г.¹³⁸, а в 1706 г. Тульский завод, которым Демидов должен был владеть по указу от 18 января 1701 г. «впрок безсрочно», был взят в Адмиралтейский приказ с выплатой компенсации¹³⁹. Таким образом, норма из указа от 18 января 1701 г., разрешавшая представителю непривилегированной сословной группы приобретать к заводу земли и крепостных, оказалась результатом сложной ситуации на войне, нежели нового курса в отношении частной промышленности. Как только сложная ситуация завершилась, надобность в такой норме отпала, и указ от 18 января 1701 г. оказался казусом для промышленной политики начала XVIII в., а не отражением закономерности.

В начале 1710-х гг. отношение правительства к правовому регулированию промышленной деятельности существенно не изменится. При организации в 1711 г. Сената 2 марта Петр I дал сенаторам «указ, что по отбытии нашем делать», в котором отобразил основные задачи правительства, связанные с внутренним положением государства. В качестве одной из основных была определена задача «денег, как возможно, збирать, понеже денги суг артериею войны» (3 п.). В связи с этим, помимо прочего, сенаторам следовало «товары, которыя на откупах или по канцеляриям и губерниям, осмотреть и посвидетельствоват»¹⁴⁰.

Во исполнение данного указа Сенат 13 апреля 1711 г. предписал нижестоящим органам следующее: «Кому до сего Его Великаго Государя указа какие Его Государевы товары или заводы и промыслы и винные подряды где в Губерниях из Приказов и из Канцелярий отданы на откупа, или для торгу и промыслу указом или в годы из постройки и иль заводов и на сколько лет с каким договором что отдано и по тем отдачам что на ком деньгами, или иным чем во взятъе и за тем в доимке именно порознь»¹⁴¹, т.е. промышленные предприятия интересовали сенаторов только как объект «откупов».

Укажем также на факт передачи в частные руки в 1711 г. некоторых казенных заводов. 20 февраля 1711 г. И.А. Мусин-Пушкин приказал записать именной указ, который гласил, что Петр I, «будучи в Посолском Приказе, указал ... полотняные, скатерные и салфетного дела заводы и в Новонемецкой слободе купленной двор, которые ведомы в Посолском Приказе, ... также и призванных к тому делу из-за моря мастеров-иноземцов, по договорам их, и русских людей, обучившихся тому делу, отдать купецким людям, которые торгуют на Москве, а в отъезды никуда не ездят, а именно: Андрею Турке, Степану Цынбалшикову и др.». Этим «купецким людям» предписывалось «тот завод ... распространять с прибылью своим коштом и зделанное на тех заводах продавать им поволною ценою на свой избыток». При этом в случае успеха им обещалась «милость». Если же они заводы «не умножат и нерадением умалят, и за то на них и которые будут с ними в товарищах взято будет штрафу по 1000 на человеке»¹⁴². При этом Г.И. Головкин 2 марта 1711 г. сообщал в Сенат, что «купеческие люди» должны возместить казне расходы на строительство данных заводов в размере 6067 руб. 30 алт. 4 ден. Об этом было сообщено А. Турке и С. Цынбалшикову, которые в ответ «били челом» о том, что «того завода одним им без добрых купецких пожиточных людей управить невозможно», в связи с чем просили, «чтоб ... быть у того дела с ними» Борису Карамышеву, А.Ф. Нестерову, Филимону Анкиеву и Аврааму Филонову. 28 марта 1711 г. Сенат удовлетворил их просьбу¹⁴³.

Можно ли считать такую отдачу мерой по развитию частной промышленности? Полагаем, что основным мотивом для данной отдачи были прежде всего фискальный интерес, а не забота о частной промышленности. С помощью этого государство, во-первых, избавлялось от проблемного предприятия¹⁴⁴, бывшего, помимо прочего, непрофильным активом Посольского приказа, отвлекавшим, в частности, подканцлера П.П. Шафирова от внешней политики проблемой качества выделяемого полотна, которое было далеко от совершенства. Например, 12 декабря 1707 г. подканцлер писал Петру I, что «полотна “по се время прежними надсмотрщики обошлись с великим убытком и стыдно в народ объявить” – израсходовано больше 4000, а делано около 2000 арш. “и то негодного”». 15 декабря того же года Шафиров сообщал, что он получил «образцовые штуки полотна наших ткачей и со удивлением вижю, что сие толь плохо, ибо и показать стыдно»¹⁴⁵. Стоит полагать, что в Посольском приказе были рады избавиться от этого предприятия точно также, как и в 1707 г., когда они передали из своего ведомства стеклянный и зеркальный завод¹⁴⁶. При этом государство не просто избавлялось, оно в принудительном порядке продавало невыгодный актив «купецким людям». Единственной мерой «поощрения» развития предприятий была угроза штрафа в 1000 руб. Таким образом, данная передача казенного предприятия в частные руки была свидетельством заботы государства об интересах фиска, а не о развитии промышленности частными предпринимателями.

Некоторые меры, связанные с развитием промышленности, были предприняты Петром I в 1712 г. Вернувшись из Прутского похода в начале 1712 г. в Петербург, Петр I собрал совет-«кансилию», на котором в течение января-февраля обсуждались вопросы, связанные с организацией и снабжением армии. Кроме того, по ходу совета были обсуждены некоторые вопросы внутренней политики. Итогом этого совета стала серия указов Петра I Сенату, которые царь написал «собственноручно в разные дни с 16 января по 28 февраля в особой тетради»¹⁴⁷. Согласно первой части указа № 6, который состоялся 18 января, Сенату следовало «завод суконной размножать не в одном месте, так чтоб в пять лет не покупать мундиру заморскова, а именно, чтоб не в одном месте завести»¹⁴⁸. Очевидно, что под таким «одним местом» подразумевалась единственная на это время казенная суконная мануфактура – т.н. Московский суконный двор, основанный в 1705 г. Можно предположить, что именно в связи с этим указом Московский суконный двор 7 апреля 1712 г. был передан из Ингерманландской канцелярии в ведение Сената¹⁴⁹. Кроме того, было начато строительство новых казенных суконных мануфактур: в 1713 г. начато строительство в Воронежской губернии¹⁵⁰, в 1714 г. – в Казани¹⁵¹.

Составляя данный Указ, Петр I не ограничился мыслью о деятельности лишь казны в обеспечении армии сукном. К первоначальному варианту указа № 6 царь написал на полях его вторую часть, по которой следовало «заведенные» казной суконные заводы «заведчи дать торговым людям собраф кумпанию, буде волею не похотят, хотя в неволю, а за завод брать погодно с легкостью, дабы ласковой им в том деле промышлять было»¹⁵². Здесь показательно отношение Петра I к частной промышленности в период 1712 г., получившее нормативное выражение в правовом акте. Как и в случае с полотняным заводом в 1711 г., Петр предполагал принудительное объединение «торговых людей» в кумпанию и опять же принудительную продажу им казенных заводов. При этом «ласка», т.е. поощрение, выражалась только в «легких», т.е. относительно небольших годовых выплатах стоимости заводов казне. Таким образом, у монарха было общее представление об эффективности «кумпаний», сложившееся у него в результате знакомства с европейским опытом. Однако набор мер в отношении частной промышленности пока был весьма скуден и во многом основывался на принуждении, целью которого был интерес фиска. Целью указа от 18 января 1712 г. было стремление избавиться от зависимости от импорта сукна, при этом управление производством надлежало возложить на частный капитал.

Анализируя указ 18 января 1712 г., необходимо также сделать следующее замечание. Е.В. Анисимов в научно-популярной работе, вышедшей в 1989 г., написал следующее: «Еще 18 января 1715 года был издан указ, определивший политику в легкой промышленности (точнее – в суконном деле). Он провозглашал», - после чего приводился текст указа № 6 от 1712 г. и далее следовал вывод: «В этом коротком указе – суть всей петровской промышленной политики последних лет. По-прежнему, как и в начале Северной войны, главной целью оставалось самообеспечение армии и страны товарами. Но теперь [т.е. в 1715 г. – М.К.] Петру открылся новый путь решения этой задачи – создание торговых и промышленных компаний»¹⁵³. При этом Е.В. Анисимов делает ссылку на Полное собрание законов Российской империи, указ № 2876 от 18 января 1715 г.¹⁵⁴ Если обратиться к тексту данного указа, то будет видно, что по содержанию он дословно воспроизводит указы № 6-10 от 18 января 1712 г.¹⁵⁵. Укажем, что в реестре «Указов ... Петра Великого, самодержца всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по ... Генваря по 28 число, 1725 году», изданных в 1739 г., указ, или точнее указы от 18 января 1715 г. отсутствуют¹⁵⁶. Очевидно, издатели ПСЗ допустили ошибку и дважды перепечатали одни и те же указы: под 18 января 1712 г. и 18 января 1715 г.

Таким образом, Е.В. Анисимов построил свои рассуждения о промышленной политике Петра I в 1715-1725 гг. на источнике, который не имел отношения к данному

периоду. Дополнительно обратим внимание, что в период не позднее 1699 г. Петр I рассматривал компании как более удобную и выгодную форму организации торговли, в связи с чем 27 октября 1699 г. издал указ, которым велел «Московского Государства и городовым всяких чинов купецким людям торговать также, как торгуют иных Государств торговые люди, компаниями»¹⁵⁷. Также, как было показано выше, Петр I в 1711 г., т.е. за 4 года до 1715 г., передал принудительно организованной компании полотняный завод. Однако копирование внешней формы и попытка принудительно насадить ее в России мало изменила сущность промышленной политики 1700 – начала 1710-гг. с ее направленностью на наполнение казны и обеспечением армии. Последующие изменения в промышленной политике, которые получают свое выражение в новом промышленном законодательстве, будут связаны уже с иным, меркантилистским пониманием экономики Петром I и его правительством.

Среди указов, написанных Петром I в 1712 г. по результатам «консилии», необходимо также отметить указ № 33, согласно которому следовало «учинить коллегий для торгового дела исправления, чтоб оную в лутчее состояние привести». При этом в данный «коллегий» следовало привлечь одного или двух «иноземцов», так как «их торги несравнительно лутче есть наших»¹⁵⁸. П.Н. Милюков указывал, что, возможно, этот указ был создан под влиянием анонимного проекта начала 1712 г., в котором предлагалось «учинить коммерц-коллегий» и привлечь для этого иностранных купцов¹⁵⁹. Очевидно, что для Петра I и внутренней политики правительства в начале 1710-х гг. регулированию торговли придавали большее значение, нежели промышленности: если в 1711 г. был ликвидирован Рудный приказ, а «мемориал» Блериу остался без рассмотрения, то для обсуждения проблем, связанных с торговлей, создавали специальный совещательный орган. Подобное направление политики и правового регулирования вполне понятно, учитывая узко фискальные интересы государства. Торговля давала вполне осязаемый доход в виде сбора различных торговых пошлин, в то время как от развития частной промышленности мануфактурного типа не предвиделось скрой отдачи в виде «оброка», как это правительству показала деятельность Рудного приказа в 1700-1711 гг. Выгода развития промышленности была понятна в рамках логики меркантилистского учения об активном торговом балансе, для достижения которого надо было меньше ввозить и больше вывозить, для чего, в свою очередь, и надо было развивать отечественную промышленность. Таким образом, для правительства к началу 1710-х гг. меркантилистская логика была еще чужда, и оно руководствовалось в основном либо интересами фиска, т.е. сбором в казну звонкой монеты, либо интересами войны, т.е. обеспечением армии и флота.

Конечно, было и определенное исключение из такого подхода, которое выражалось в петровском стремлении привлечь мастеров, в том числе для обучения соответствующим технологиям российских учеников, либо отправить на учебу в европейские страны русских учеников с этой же целью. Естественно, такие обучившиеся специалисты должны были работать на казенных предприятиях,

Например, в 1702 и в 1704 гг. по именным указам были отправлены в Саксонию «для обучения рудосыскных дел и языков 10 человек». В 1711 г. было сообщено, что «из сих 10-ти человек возвратились в Москву толко 3 человека, а из прочих их сотоварищей 7 человек оставшись в чужих краях, иные записались в воинскую службу, другие остались в волности, а одного в руднике задавило»¹⁶⁰. Правда, в этом же году выяснилось, что «задавленный» ученик – И.К. Зубков – жив и успешно окончил обучение «рудным делам», свидетельством чего был документ «за рукою и за печатью мастера». Осенью 1711 г. он прибыл в Москву вместе с посланником царевича Алексея из Вольфенбюттеля и 15 ноября «бил челом» Сенату о выплате ему причитающегося жалования. Сенат постановил выплатить ему 100 руб. из денег, взятых из ликвидированного Рудного приказа, и отправил его в Архангелогородскую губернию для поиска руд¹⁶¹.

Что касается приезда иностранных мастеров, то в преамбуле манифеста от 16 апреля 1702 г. о вывозе иностранцев в Россию было выражено желание, чтобы в Россию приезжали из-за границы не только военные специалисты, но и все «иные добрые и к приращению государства служащая». В связи с этим в 1-м пункте обещалось, что «подобною ж милостию к тому, яко воинские, и купческие и художники свободно, волею, пропуском и честью удоволствованы будут, которые сюда ехать намерены будут»¹⁶².

Также 13 декабря 1702 г., как указывала Е.И. Заозерская, Петру I «некий Генрих Брокгаузен послал из Берлина в Россию мемориал, “на каких условиях может он вывести из Швейца разных шелковых и шерстяных материй художников”»¹⁶³. Монарх рассмотрел этот «мемориал» и одобрил его. В 1704 г. Брокгаузен вместе с мастерами прибыл в Москву. В результате его деятельности были построены Суконный двор, Чулочный и Зеркальный завод на Воробьевых горах¹⁶⁴. Интересно отметить, что сам Брокгаузен советовал российскому правительству активнее привлекать в создание промышленных предприятий частных лиц. Он писал, что «понеже такое новое рукоделие заводить сумненно, и того ради от особливых персон тяжко совершити, доведетца денежным награждением и подарками к тому возбудить, еже разумные англичане и галанцы зело знают действовать и таким способом всякое рукоделие заводят»¹⁶⁵. Таким образом, Брокгаузен видел необходимость поощрения частных промышленников денежными

ссудами, по примеру меркантилистских практик европейских государств. Однако российское правительство еще не считало нужным прибегать к таким мерам.

В 1706 г. было решено построить полотняный и скатертный завод, для чего «в Голландии были наняты семь мастеров». Данный завод начинал свою работу в 1707 г., при чем с начала его работы, как отмечала Е.И. Заозерская, «явилась мысль об обучении нескольких постоянных работниц, “дабы могли против галанской пряжи прясть”»¹⁶⁶.

В 1709 г., как сообщал Меньшиков Петру I, английский купец Вилим Лейд просил отдать ему стеклянный завод на Воробьевых горах «безоброчно на десять лет и чтоб позволено ему было всякою стеклянишною посудою и стеклами во всем нашем государстве торговать». В обмен Лейд обещал «онные заводы ... держать на своих проторях и выучить русских 12 человек или болши»¹⁶⁷. Петр согласился отдать завод на 10 лет (начиная с 1710 г.), указав в качестве причины своего согласия в письме М.П. Гагарину то, что «он, Вилим, обещался тот стеклянный завод в те годы умножить и *выучить тому стеклянному делу русских людей двенадцать человек*, своим иждивением и проторми, которые могут быть *совершенными того дела мастерами* против заморских мастеров [выделено нами – М.К.]». При этом Петр разрешал Лейду «поволно ему такие ж заводы и в ыных местех строить, где удобно, и продавать с тех заводов оную посуду и стекла в Российском государстве во всех городех повольною ценою». В качестве дополнительной привилегии Лейду была дана десятилетняя монополия на строительство стеклянных заводов в России: «А иным русским людем и иноземцом стеклянных заводов (кроме тех, которые ныне есть или впредь из нашей казны строиться будут) никому в те годы не заводить, и на откуп им не отдавать, и вновь им таких мастеров из-за моря не вывозить, и у него, Вилима, не подговаривать»¹⁶⁸. Таким образом, Петр был готов передать во временное безоброчное пользование заводы только за обучение соответствующих мастеров, т.е. обучение было в данном случае видом оплаты. Правда, 26 января 1710 г. Петр сделал дополнение к данным «пунктам» и предписал Лейду «во что тот завод стал, то ему, Лейду, заплатит по розкладке в 5 лет»¹⁶⁹.

4 марта 1711 г. Петр предписывал С.Г. Нарышкину ехать во Флоренцию и «добиватца той машины, на которой точат целыя пустуры человечьи». Если же Нарышкин не смог бы получить такой машины, то он был должен «тщитца мастера принять в службу»¹⁷⁰. 19 сентября 1711 г. в полномочной грамоте Я.В. Брюсу, отправлявшемуся в Германию, давались полномочия о найме не только офицеров, но и «мастеровых людей»¹⁷¹. Отметим, что это должны были быть не только специалисты, связанные с военным делом, но и гражданские специалисты, как пояснял 1 октября Петр, – «архитектор цивилис», «мельнишные мастера, которые делают всякие мельницы и водяные

машины», «переплетчик»¹⁷². 29 сентября того же года Петр предписывал Сенату взять векселя у иностранных купцов, «один во Францию, на имя секретаря Григорья Волкова ... другой в Галандию, на имя посла Матвеева», которым были нужны деньги «на наем рукоделных мастеров»¹⁷³.

20 октября 1714 г. Петр I дал на имя А.Д. Меншикова роспись мастеровым людям разных специальностей для их приглашения из Германии. Царь свое рукой написал, чтобы «все вышеписанные мастера, кроме порукмакароф и портных» были привезены и содержались «на наши денги, *только б были добрыя мастера и учили наших* [выделено нами – М.К.]». При этом другим мастерам, «кои и сверх сей росписи поедут», обещалось дать «домы готовые» и «несколько денег ... для заводу». После этого им предлагалось «жить на своем». Дополнительно таким мастерам Петр обещал, что им будет дана «свобода рукоделия свое делат и продават, как в сем государстве, так и на сторону беспошлинно»¹⁷⁴.

Также 8 декабря 1714 г. француз Жану Монбриону (Jean Monbrion) был дан указ, по которому ему с 1 января 1715 г. на 10 лет отдавался казенный чулочный завод. Ему было позволено «на том заводе чулки делат и в прибавок станы чулошные и всякие к тому принадлежащие инструменты строит ... своим коштом, нанимая русских ремесленных людей свободным наймом». Также он мог покупать сырье и продавать готовый товар «свободным купечеством». За это он был должен платить по 40 руб. оброка ежегодно. Монбрион сообщал, что ему по указу следовало «в то ж урочное время выучить мне того чулошного ремесла русских людей десят человек, как я в том деле художество имею сам, безо всякой утайки». По прошествии же 10 лет завод должен был быть «принят в ... государеву казну»¹⁷⁵.

В следующем, 1715 г., 19 декабря К.Н. Зотов сообщал Петру из Франции о возможности нанять «мастера парчевой мануфактуры», а также трех специалистов со знаменитой королевской мануфактуры гобеленов¹⁷⁶. В 1716 г. для организации такой «шпалерной» мануфактуры на 5 лет были приняты в российскую службу 5 французских мастеров¹⁷⁷. В делах кабинета Петра I отложилась «мемория», связанная с организацией данной мануфактуры, согласно которой, кроме соответствующих работников следовало иметь «директора», и «чтоб оный директор сам знал разныя художества и чтобы он способен был поправить работника тотчас и показать ему манеру погрешения миновать»¹⁷⁸.

Таким образом, подготовка и вступление России в 1700 г. в Северную войну оказало существенное влияние на государственное регулирование промышленной деятельности, усилив в нем фискальную составляющую и сделав упор на мобилизацию

необходимых ресурсов для ведения войны. Конечно, в 1700 – начале 1710-х гг. во внутренней политике Петра I присутствовали определенные решения в отношении развития промышленности, не связанные с узко фискальными или военными интересами. Однако эти решения были, скорее, связаны с личными впечатлениями Петра I от европейских заводов, мануфактур, техники мастерства и товаров. Очевидно, что Петр находился под впечатлением от европейской техники производства и связанным с ней разнообразным ассортиментом товаров. Производство точно таких же европейских товаров он желал наладить и в России. Только в 1700-начале 1710- х гг. это не пошло далее личного интереса и не получило ни законодательного, ни существенного административного оформления.

§ 1.3 Появление элементов меркантилизма в правовом регулировании промышленности в 1715–1716 гг.

В первой половине 1710-х гг. можно говорить об определенном усвоении меркантилистских представлений о промышленности некоторыми представителями российской политической элиты, в соответствии с которыми они будут делать предложения о промышленной политике и правовом регулировании промышленной деятельности. Прежде всего, это касается проектов Ф.С. Салтыкова, подготовленных для Петра I в 1712-1714 гг. К концу 1712 г. Ф.С. Салтыков, отправленный в Англию для закупки кораблей, написал и отправил Петру I свой первый проект – «Пропозиции», в котором сделал ряд предложений касательно внутренней политики, исходя из «правления уставов здешняго Англинскаго Государства и прочих Европейских». Салтыков писал, что эти предложения должны принести «доходы великие, которые еще у нас не ведомы, а людям ни малой тягости не будет, такожде и всенародное обучение во всяких свободных науках и во всяких художествах может исправиться и сравняться в краткое время со всеми лучшими Европейскими Государствами»¹⁷⁹.

В четвертой главе «О купечестве и чинах купеческих» он предлагал учредить во всех губерниях «компании торговых людей», которым следовало «с принуждением велеть торговать в иные государства, которые к тем губерниям лежат». При этом Салтыков указывал, что «купечество есть твердое основание богатства всех государств, как ныне цветет в Англии или в Голландии»¹⁸⁰.

После главы о купечестве он поместил пятую главу «О мастеровых всяких людях и промышленниках», в которой предлагал организовать в цехи ремесленников («всяким мастеровым людем и промышленником от всяких рукоделей и промыслов») в российских городах – «велеть им записыватца в ратушах». Салтыков полагал, что после этого с них

следует «от записки от всякого рукоделия и мастерства брать по вся годы с них в казну денги по усмотрению их мастерства и промыслу». Кроме того, в соответствии с английской цеховой организацией автор проекта предлагал ввести семилетнее ученичество, а с записи в ученики брать деньги, «смотря по мастерству и промыслу, и от того будет прибыль». В то же время «незаписным мастерам и несвидетельствованным» следовало запретить занятие ремеслом. Салтыков полагал, что следствием такой организации будет улучшение качества российских «ремесел и промыслов» подобно английским, которые «в самую изящность пришли»¹⁸¹.

В результате в «Пропозициях» у Салтыкова получилось сочетание меркантилистских мыслей о богатстве государства через торговлю с представлением о государственном принуждении и возможностью использования новых организационных структур в целях обогащения казны через новые налоги.

В 1714 г. Салтыков подготовил и отправил Петру другой проект - «Изъявления». Монарх проявил определенный интерес к проекту Салтыкова – главы, касавшиеся развития промышленности и должности «референдаря», царь передал на рассмотрение в Сенат¹⁸². В главе II «Изъявления», которая была названа «О содержании нищих и сирот», делалось следующее предложение под номером 7: «А которые питаются мужеска и женска полов свыше 20 лет здоровые, чувства свои совершенны имеют, и таких брать в матросы и в солдаты и во всякие работные дела... А женской пол также брать к работам всяким, чтоб оба оные, как мужской, так и женской полы праздну хлеба не ели, а питались бы от трудов своих»¹⁸³. Салтыков также предлагал обучать сирот разным «наукам» и «мастерствам», а по достижении совершеннолетия, «которые изучатся мануфактурных дел, и тех отпускать на свободу и давать им при том отпуске грамоты, от которых людей будет от промыслов их и рукоделья великая прибыль в пошлинных доходах и они сами из нищеты своей произойдут в нарочитое имение»¹⁸⁴. Он полагал, что такие обученные окажут положительное влияние на развитие мануфактуры в стране. Эффект от обучения Салтыков описывал так: «после обучения в таких мануфактурах соблюдаться будет не малое число денег в Российском государстве, которых ныне мануфактуры требуются их других государств в Россию и такая мануфактурные дела произойдут в совершенство»¹⁸⁵. Более того, кроме сохранения денег внутри страны эти мануфактуры смогут привлечь иностранные деньги: «И когда те вышеписанные мануфактуры безмерно размножатся в Российском государстве и будут оне в совершенстве и в то время мочно их разсылать в продажу в протчия государства, в чем будет прибыль государственная»¹⁸⁶.

В главе XIII «О заводах всяких шелковых парчей» предлагалось в Астрахани и Сибири, повелев «закупать немалое число шелков», завести шелковые мануфактуры, для

чего призвать «мастеров из Англии, Голландии и Италии». Салтыков считал, что в случае создания таких мануфактур эти «заводы будут приносить в государстве немалая прибыли». В качестве инструмента для организации предприятий Салтыков предлагал купеческие компании: «Такие заводы довлеет заводить компаниями купецких людей понеже от того им будет прибыль, а от тех их промыслов в продаже в пошлинах будут доходы»¹⁸⁷.

Глава XVII была посвящена заведению суконных заводов. Салтыков писал о выгоде для государства существующих «на Москве» суконных заводов, а также о возможности построить такие заводы на Украине и Астрахани из-за близости источников сырья, о строительстве при них «рукавичных заводов», выделке «сукна с бобровых шерстей» и создании «шляпочных заводов бобровых»¹⁸⁸. XVIII главу он посвятил бумажным заводам. Она открывалась следующим предложением: «Велеть во всем государстве, во всякой губернии учинить бумажные заводы и под те заводы выбрать места на реках». Инструментом для организации этих заводов должны были выступить купеческие компании: «Те заводы велеть заводить во всех губерниях купецкими людьми, собрав их в несколько число в компании и от них к тому учинить складку, смотря по пропорции прожитков их, понеже купцы лучше станут иметь прилежность и надзирательство для своих прибылей». При этом следующим образом предполагал взаимоотношения заводчиков и владельцев земель, на которых предполагалось построить заводы: «А на чьих землях такие заводы заведутся и таким владельцем от таких земель и вод платить оброку вдвое, почему ссаживало с тех земель прежде, а не больше, понеже такие заводы есть к пользе государству»¹⁸⁹. Салтыков считал, что в случае организации таких заводов «не малое число будет соблюдаться денег в российском государстве»¹⁹⁰. В главе XIX похожее предложение было сделано о стеклянных заводах, а в XX – «о игольных, булавоочных и белого железа»¹⁹¹.

Кроме конкретных мер по строительству промышленных предприятий Салтыков предложил Петру создать должность «референдаря государственного», который по выражению Н.П. Павлова-Сильванского должен был исполнять «обязанности министра торговли и промышленности и государственного прибыльщика»¹⁹². «Референдарь», кроме забот о прибыли, должен был заботиться «о разводе мануфактурных дел и обречения и о учинении всяких рудоплавных и минеральных заводов». Особенно «референдарю» следовало стараться «разводить всякия мануфактурныя дела в государстве, которых еще нет, а которые и есть, [но] не выправлены в совершенство». При этом ему было положено рассматривать вопросы о том, каким образом лучше организовывать «мануфактуры» –

«складкою ли купецких людей или государевою казною». Похожим образом ему следовало поступать в отношении «рудоплавных и минеральных всяких заводех»¹⁹³.

Таким образом, предложения Салтыкова в области развития промышленности в России можно свести к следующему: 1) основное внимание было сосредоточено на проблеме торгового баланса. Сделать страну богатой можно было через уменьшение ввоза и увеличение вывоза. Именно этим целям должно было служить строительство новых «мануфактур» и «рудоплавных и минеральных заводов». О внедрении новых видов производства со стороны государства должно было заботиться специальное должностное лицо – «референдарь». 2) Салтыков исходил из того, что мануфактуры должны находиться под управлением купеческих компаний как более эффективного инструмента по управлению, так как «купцы лутче станут иметь прилежность и надзирательство для своих прибылей»¹⁹⁴. 3) Способом создания таких компаний Салтыков считал государственное принуждение, отмечая, что промышленные предприятия надо «велеть заводить»; он не указывал на какие-либо способы стимулирования добровольного участия купцов в заведении мануфактур. Кроме того, Салтыков предложил внедрить европейскую практику привлечения, в том числе и принудительного, на промышленные предприятия «нищих» и «сирот».

В «Изъявлении» Салтыкова была относительно четко обрисована цель: необходимость создания и развития новых отраслей «мануфактурной» промышленности, а также строительства горных заводов. При этом он предлагал довольно мало способов, и они в основном сводились к использованию государственного принуждения. В своих взглядах Салтыков уже отошел от узко фискальных представлений о деятельности промышленности. Автор проекта понимал теорию торгового баланса и необходимость проводить активную политику, направленную на развитие промышленности, и, соответственно, определенной ее институционализации в виде государственной должности. Однако основным способом ее проведения пока виделось государственное принуждение.

В качестве противоположного примера, проекта, построенного на узко фискальном подходе, можно привести «Пункты» малороссийского казака Герасима Раевского, поданные Петру в марте 1714 г. Раевский писал, что «железо на Москве и в разных городех на ярмонках и у заводчиков из заводов, и с московских их дворов продаетца всякому чину и купецким людям в лавочную продажу», в результате чего «владельцы заводов получают себе повсягоды денег многия тысячи» (п. 1). В связи с этим Раевский предлагал перенаправить этот доход в государственную казну: «Да не похищается в разные руки корысть государственная и сие ... предлагаю, аще есть угодно установити

всякому железу дельному торг постоянной, продавать бы ис казны ... во образ того, как соль продают» (п. 2). Для этого следовало всем частным заводчикам сдавать железо казне по установленной цене, а затем продавать из казны по более высокой цене: например, покупать «связное и полосное» по 13 алт. 2 ден., а продавать по 20 алт. (п. 4). По мнению Раевского, владельцам железоделательных заводов следовало указать, сколько следует ставить железа к Москве. При этом, чтобы избежать последствий «коварства и небрежения» заводовладельцев, следовало освидетельствовать, «почему какова железа на домне и на молотовой выходит на год», и на основании этого установить для заводов «оклад» (п. 5)¹⁹⁵.

Однако такой узко фискальный подход с 1715 г. постепенно уходил из промышленной политики, что получило свое отражение в становящемся промышленном законодательстве. Изменения во внутренней политике были связаны с началом большой реформы управления, в которой активно и системно использовался европейский опыт¹⁹⁶.

Свидетельство возрастающего интереса Петра I к европейскому опыту организации гражданского управления можно обнаружить в указе Сенату от 18 декабря 1713 г., которым предписывалось, помимо прочего, «выписат из шведских и пьрочих порядок градусоф всех чиноф, кроме воинских»¹⁹⁷.

Отметим, что 3 декабря 1714 г. кабинет-секретарю Петра I А.В. Макарову было направлено письмо Я.В. Брюса, в котором последний просил доложить монарху о необходимости пропуска для «иноземца Генриха Фика», который должен был прибыть «в С. Питербурх или в Ревель»¹⁹⁸. Как отмечает К. Петерсен, «все говорит о том, что Фик побывал в Ревеле или даже в Санкт-Петербурге в конце 1714 г или в начале 1715 г. и продемонстрировал обширные знания о Швеции российским заинтересованным лицам». Одним из результатов этой поездки был «мемориал о реформе с целью создания коллегий в России, вероятно, написанный Фиком и в общих чертах воспроизводивший структуру шведских исполнительных органов». Этот мемориал был изучен Петром I, который сделал на его основании заметки в записной книжке от 23 марта 1715 г.¹⁹⁹

В данном недатированном мемориале, написанным, скорее всего, в конце 1714 – начале 1715 гг. Г. Фиком, было сказано о полезности учреждения в России коллегий, среди которых был последним обозначен «Коммерции Коллегиум», который, по мысли автора, «содержит устроенные манифакутры и печетца и о тех манифактурах, которые еще построить надлежит, а имянно о таких, которым материя в государстве есть, чтоб ввести и уставит»²⁰⁰. В заметке от 23 марта 1715 г. Петр, перечислив 6 коллегий, последней обозначил «Коммерции К.»²⁰¹.

К. Петерсен отмечает, что среди коллегий, перечисленных в мемориале, по сравнению со шведской системой, отсутствовали две коллегии – Камер-ревизион (kammarrevisionen) и Берг (bergskollegium). При этом, если Камер-ревизион-коллегия «была отделена от Камер-коллегии и основана как независимая коллегия в 1695 г., то Берг-коллегия, которая была высшим государственным органом для металлургической промышленности, была основана в 1637 г.». Как отмечает шведский историк, «почему эти две коллегии были исключены из коллежской системы, предложенной в меморандуме, является вопросом, который не может быть решен с какой-либо определенностью»²⁰². В отношении Берг-коллегии можно сделать предположение, что вопрос об ее организации не был поднят в меморандуме, т.к. в начале 1715 г. Петр I уже планировал создание органа для регулирования деятельности горной промышленности в виде возрождения Рудопромышленного приказа. В записной книжке Петра I 4 января 1715 г. была сделана заметка «О Рудопромышленном приказе»²⁰³. Возможно, что здесь не обошлось без влияния И.Ф. Блиера. 1 сентября 1714 г. А. Бекович-Черкасский просил Петра I отправить к нему в Астрахань специалиста «для осмотра всяких руд», в связи с чем Блиеру 15 марта 1715 г. именным указом было предписано отправиться в Астрахань²⁰⁴. Примерно в это время в конце 1714 г. Блиер в очередной раз решил обратить внимание правительства на организацию рудопромышленного дела²⁰⁵, в следствие чего Петра I могла не особо интересовать информация об управлении горным делом в Швеции, почему Фик счел возможным обойтись без упоминания о Берг-коллегии. Однако, это не более чем осторожное предположение.

С начала 1715 по конец 1717 гг. происходила подготовка коллежской реформы: в качестве модели для заимствования была выбрана шведская коллежская система, о которой была собрана необходимая информация, а также был проведен наем иностранных специалистов для планируемых коллегий²⁰⁶.

Вместе с тем 17 мая 1715 года Петр I своим именным указом повелел Рудному приказу «быть по прежнему и весть его Касимовскому царевичу Ивану Васильевичу»²⁰⁷. Однако после издания этого указа монарх почти не вмешивался в воссоздание Рудного приказа, и выполнение этой задачи легло на царевича И.В. Касимовского и Правительствующий Сенат. 24 июня 1715 г. И.В. Касимовский сообщил в Сенат, что хотя «в нынешнем 1715 году мая в 17 день по именному царского величества указу велено мне весть Рудопромышленных дел приказ», однако к настоящему моменту «оного приказа, где надлежащие дела управлять, при Санкт-Петербурге не обретается, также и приказных людей к рудным делам никого не определено»²⁰⁸. 13 июля Сенат вынес решение о том, что восстановленному приказу надлежит быть в Санкт-Петербурге, а у дел находиться тем, кто «преж сего в Москве в том приказе были». Также был послан указ губернатору «отвезти в

городе где в пристойных местех казарму» для размещения приказа²⁰⁹. Однако по разным причинам собрать прежних подьячих оказалось невозможно (один оказался болен, еще один ушел в монахи, двое были в «розыскных делах», т.е. под следствием, других было нельзя отрывать от текущих дел)²¹⁰. Уже в сентябре этого же года И.В. Касимовский подал еще одно доношение, в котором указывал на то, что ситуация с мая не улучшилась. Новое учреждение существовало лишь на бумаге, не имея ни помещения, ни служащих. И.В. Касимовский жаловался, что «вновь приносят многие доносители доношение, и ныне по тому их доношению без приказу и без приказных людей отправлять невозможно»²¹¹.

В связи с этим 4 октября 1715 г. Сенат повелел в Приказе Рудных дел «быть дьяку Лариону Протасову, для письма дать ис канцелярии Сената молодых подьячих двух человек»²¹². Это и были самые первые служащие восстановленного приказа. Но и получив своих первых служащих, данное учреждение еще не могло приступить к работе: в отведенной по указу Сената от 13 июля 1715 г. казарме, согласно доношению И.В. Касимовского от 20 октября, необходимо было сделать «пол, столы, лавки, окончины, печь ..., лестницу, и того строения из Канцелярии Рудных дел построить нечем, а без строения ... управлять невозможно»²¹³. В этот же день Сенат повелел направить соответствующий указ в Канцелярию Городовых дел. Обратим при этом внимание, что учреждение именовалось уже не приказом, но канцелярией.

При столь малочисленном штате, без соответствующих технических специалистов и какой-либо информации о предмете ведения данный государственный орган едва ли мог осуществлять какую-либо результативную деятельность. И.В. Касимовский, не удовлетворенный таким положением дел, 12 декабря 1715 г. подал очередное доношение в Сенат. В нем он указывал на положение Приказа Рудных дел, действовавшего с 1700 по 1711 гг., на размер его штатов и характер деятельности. Сравнив его с настоящим положением Канцелярии Рудных дел, когда к ее делам определены «дьяк да подьячих молодых только 2», он потребовал для изменения ситуации «повелительного его государева указа». В этом указе, по мнению царевича, должно было быть предписано губернаторам отправить все дела бывшего Рудного приказа в новообразованную Канцелярию, а также всю информацию о существующих на местах горных заводах. Он полагал, что в этом указе должна была быть определена юрисдикция Канцелярии: «впредь в губерниях рудных заводов и мастеров и работных определенных людей ни в чем, опричь Рудной канцелярии не ведать бы»²¹⁴. В губерниях должно было повелеть не чинить препятствий возможным экспедициям из Канцелярии, но оказывать им помощь. Также предполагалось определить, что «рудных мастеров учеников, надзирателей и солдат, которые в Рудном приказе были ведомы, опричь тех, которые к делам определены, выслать

в Санкт-Петербург в Канцелярию Рудных дел». Кроме того, по мнению И.В. Касимовского, новое учреждение надлежало укомплектовать приказными служащими «против прежнего», также дополнительно определить «для посылок и надзирания к рудокопным делам ... из дворян или из офицеров, также и солдат» и выделить соответствующие денежные средства на разные расходы, так как «ныне в Канцелярии Рудных дел без денежной казны управлять не возможно»²¹⁵.

5 февраля 1716 г., сенаторы, рассмотрев это доношение, полностью его удовлетворили. В губернии были посланы соответствующие указы, было решено дать «из отставных трех человек афицеров, а для посылок же капральство солдат из Военной канцелярии». Определили и штат приказных: 2 старых подьячих, 2 средней статьи, 6 молодых и 2 сторожа. Было повелено выдать из Канцелярии Сената на разные мелочные расходы, «окроме дачи жалованья», 100 рублей²¹⁶.

Через месяц с небольшим, 9 марта 1716 г. И.В. Касимовский доносил о ходе организации Канцелярии: «ныне у дел приказных людей дьяк Ларион Протасов, да подьячих молодых Иван Долгополой, Михайло Третьяков, Андрей Белой, да повелено быть из Москвы подьячем Ивану Иванову да сторожей два человека». Также, в соответствии с запросом, в Рудную канцелярию (далее - РК) были присланы к делам капитаны Семен Жуков, Федор Секерин, Максим Вельяшев, «которые по смотру ... явились стары и в драгунскую и в солдатскую службу не годны, а по имянному царского величества указу велено их определить к земским делам, ... а в дома их не отпускать»²¹⁷, да «для караулов и посылок драгун и салдат капральство разных полков дватцат четыре человека, в том числе капралов два человека»²¹⁸.

Необходимо отметить, что РК не была укомплектована приказными полностью, по предписанному ей Сенатом штату. Если в доношении от 9 марта 1716 г. И.В. Касимовский отмечал, что у дел находятся 1 дьяк, 3 молодых подьячих и должен приехать из Москвы 1 подьячий, всего 5 приказных служителей, то, согласно доношению в Сенат из Рудной канцелярии от 3 июня 1718 г., в ней был 1 дьяк (Ларион Протасов), 1 старый подьячий (Иван Иванов), 4 молодых (Иван Долгополой, Алексей Соколов, Федор Максимов, Андрей Белый), всего 6²¹⁹, хотя по штату полагалось 10.

Из-за ограниченных ресурсов, находившихся в распоряжении РК, довольно непросто протекала ее деятельность по управлению существующими металлургическими заводами. Точнее сказать, это была не деятельность по управлению, а попытка заняться таковой деятельностью. По сенатскому приговору от 5 февраля 1716 г. предписывалось «в губерниях рудным заводам и мастеровым и работным людям быть ведомым в Приказе Рудных дел». Губернаторам было предписано отослать в РК соответствующие сведения о

заводах в их губерниях, о том, сколько «серебряных, медных и железных и иных всяких руд сыскано, и на тех местах всяких заводов заведено и построено, и на рудное дело откуда деньги даваны, и кто ныне на тех заводах мастеров и работных людей быть определено и над ними надзиратели»²²⁰. Кроме того, губернаторы должны были отправить в РК дела старого Рудного приказа и специалистов из него, которые были отосланы в губернии в 1711 г. Однако, как отмечалось в доношении в Сенат из РК от 26 июля 1717 г., «в прошлом 1716 и в нынешнем 1717 годах ис канцелярии Правительствующего Сената ... посланы во все губернии ... указы к губернатором с товарищи ... И по тем великого государя указом из губерней о тех рудных заводах ведения не прислано и мастеров и надзирателей не выслано, и затем в Канцелярии Рудных дел ведать непочему и из руд проб чинит некому»²²¹. В ответ на это 31 августа 1717 г. Сенат еще раз предписал «в губернии к генералом губернатором и губернатором и к вице губернатором с товарищи и Адмиралтейство послать великого государя указы, дабы они ...ведения и описные книги, и рудных мастеров и учеников и надзирателей, которые ныне не у дел ...выслали в Санкт-Питербурх в Канцелярию Рудных дел немедленно»²²². Однако особого эффекта этот указ также не принес. Таким образом, и сенатский приговор, и его несколько последующих подтверждений не возымели какого-либо действия на местную губернскую администрацию.

13 марта 1718 г., в связи с проведением коллежской реформы, по сенатскому указу РК была ликвидирована²²³, и, как сообщали из Берг-коллегии, 21 августа 1718 г. ее «дела взяты, а приказные люди и салдаты переведены в Берг- коллегия»²²⁴. На первое время именно приказные РК составили основу канцеляристов Берг и Мануфактур-коллегии. В частности, в доношении этой коллегии от 2 октября 1719 г. отмечалось, что «ныне у дел подъячих толко семь человек старья, присланы з делами Рудной канцелярии»²²⁵.

Таким образом, создание РК было неудачной попыткой создать центральный орган для управления и регулирования горной промышленности. При этом необходимо указать, что в основе ее деятельности лежала крайне слабая нормативная база. Ее полномочия были сформулированы довольно широко и расплывчато: «В губерниях рудным заводам и мастеровым и работным людям быть ведомым в Приказе Рудных дел». По сравнению с такими обширными полномочиями были явно недостаточные ресурсы. В результате создание и деятельность РК не принесло значимых результатов с точки зрения управления казенных и регулирования деятельности частных заводов. Сам факт создания РК являлся свидетельством повышения внимания к регулированию горной промышленности. Однако, это внимание еще не получило системного характера, с чем и была связана слабость и непродуманность правовой базы, на основании которой создавалась РК. Очевидно, что

при создании РК уже не стоял вопрос о прежней узко фискальной системе регулирования горной промышленности. Однако, было еще сложно предложить что-то новое. Без специального внимания монарха-реформатора его инициатива, имевшая своим результатом создание РК, не получила большого развития.

В отношении регулирования легкой промышленности необходимо упомянуть о нескольких, изданных в 1715 г. 13 октября 1715 г. Петр I вернулся в Петербург²²⁶, где с военных дел переключился на дела «гражданские». В последней редакции «Гистории Свейской войны» специально отмечалось, что «от 1 числа ноября по 17 декабря государь присутствовал в Сенате и в Коллегиях для гражданских и протчих дел»²²⁷. В состав таких дел вошли и вопросы, связанные с законодательным регулированием промышленной деятельности.

По первому именному указу от 21 октября 1715 г. всем подданным было предписано «в городах и в уездах льняные и пеньковые, тонкие и толстые всяких рук и цен полотна делать широкие, против Европейских Государств». Размер устанавливался «в полтора аршина и с четвертью в аршин». На освоение изготовления широких полотен монарх отводил своим подданным 12 месяцев, после чего запрещалось делать узкие полотна. Законодатель объяснял это предписание тем, что в Россию широкие полотна ввозятся из Европы «за великия цены», в то время как узкие российские полотна продаются в Европе по низким ценам. В это же время в Европе «промыслами и работами широких полотен от больших цен имеют многое народное пополнение»²²⁸. Таким образом, целью данного указа было увеличение вывоза и уменьшение ввоза через правовую регламентацию промышленной деятельности.

4 ноября 1715 г. был издан другой именной указ, касавшийся производства юфти. В преамбуле объявлялось, что «юфть, которая употребляется на обуви, весьма негодна есть к ношению, ибо делается с дегтем и когда мокроты хватит, распалзывается и вода проходит». По этой причине монарх повелевал юфть делать «с ворванным салом и иным порядком». Для этого Петром I были «посланы из Ревеля мастера к Москве для обучения», в связи с чем следовало от каждого города отправить по несколько «промышленников» для обучения в Москву. На обучение им отводилось 2 года, т.е. «по 1718 год». После этого должен был последовать запрет на продажу юфти «для делания обуви» и изготовление обуви с дегтем под угрозой каторги и лишения всего имущества. При этом в конце указа была сделана оговорка о том, что «сей указ о такой юфти, которую делают для обуви, а не на ту юфть, которая идет в окрестные Государства, також и здесь для обития и оклеивания, которую делать по старому»²²⁹.

10 декабря 1715 г. Петром I было дано еще два указа. По первому следовало «во всех губерниях размножить лняные и пенковые промыслы». Для этого давалась следующая рекомендация: «Для того б приготавливали земли и прибавляли севу на всякой год, например, кто снял четверть, тот бы прибавил четверик». Кроме того, монархом советовалось обучать крестьян растить лен и пеньку там, «где тому не обыкновенны». В связи с этим следовало, «напечатав листы, послать в губернии и объявить в народе, что оной прибавок сему повелено иметь для всенародныя пользы и им поживления»²³⁰.

По второму указу от 10 декабря 1715 г. монархом запрещалось возить льняное и конопляное семя «к морским пристаням для продажи». Тем же, у кого такое семя было «со излишеством», следовало его «избивать» и «к морским пристаням» возить и продавать полученное масло²³¹. Исполняя предписания монарха, Сенат разослал по губерниям по 287 копий каждого указа.

27 января 1716 г. Петр I направился из Петербурга в Гданск, где находился «генерал-фельтмаршал граф Шереметьев со всем войском»²³². Очевидно, накануне отъезда Петр I подготовил еще один именной указ, который сенаторы получили 28 января. По данному указу следовало «из Канцелярии Сената послать во все губернии всяких заморских красок, дабы во всех городех те краски и им цены были объявлены». Также следовало «в народ публиковать» о том, что «кто где такие или им подобные сыщет, дабы объявили губернатором». При этом нашедшим краски следовало давать денежное вознаграждение «по рассмотрению»²³³.

Вышеприведенные пять указов октября-декабря 1715 г. и января 1716 г. явно связаны между собой и отражают уровень понимания Петром I и его правительством экономических проблем. Товары, производства и продажи которых касались данные четыре указа, были посвящены юфти, пеньке, льну, полотну и льняному семени. Данные товары были традиционной составляющей русского экспорта в европейские государства еще с XVII в.²³⁴ В 1710 г. в русском экспорте через Архангельск, как показала Р.И. Козинцева, первое место среди товаров занимала юфть (39 %), второе – пенька (34, 1%), вывозился лен (2,9 %) и холсты (2,6 %) ²³⁵. При этом отметим, что на 1710-1720-е гг. приходится значительный рост вывоза льна: в Архангельске «в 1710 г. на ярмарке было продано иностранцам 35 тыс. пудов, в 1717-1719 гг. экспортировано 89 тыс. пудов..., а в 1726 г. – 299 тыс. пудов»²³⁶. Следовательно, с помощью данных законодательных актов, предполагавших регулирование в том числе и промышленной деятельности, монарх стремился увеличить количество и качество товаров, что, соответственно, увеличило бы стоимость экспорта, равно как и уменьшить ввоз в страну товаров (широкого полотна и красок, а также иностранной обуви). В связи с этим можно говорить об определенных

элементах меркантилизма в данном законодательном акте. При этом законодатель не делал различия между ремесленной и «мануфактурной» промышленностью, в качестве основного метода предполагал принуждение, а также обучение. Данные методы в отношении регулирования промышленной деятельности были наиболее знакомы Петру I и его правительству по предыдущим годам царствования. Данным указам было еще далеко до того, чтобы составить цельную систему законодательного регулирования промышленности, они касались только частных аспектов ее деятельности. Тем не менее, они отражали повысившееся понимание Петром I и его правительством значения частной промышленности для экономики страны и свидетельствовали о начале определенного перехода к правовому регулированию промышленности, исходящего из меркантилистских представлений.

§ 2 Формирование системы законодательного регулирования горной и «мануфактурной» промышленности в 1717–1725 гг.

§ 2.1 Переход к меркантилистской системе регулирования промышленности в контексте коллежской реформы.

10 апреля 1717 г. Петр I прибыл во Францию, и 26 числа того же месяца – в Париж, где задержался на значительное время, занявшись осмотром многочисленных достопримечательностей столицы Франции²³⁷. Как отмечает С.А. Мезин, «во время своих путешествий Петр I всегда посещал мануфактуры, но в Париже особое внимание было уделено художественно-промышленным предприятиям, которыми славилась французская столица»²³⁸. Царь побывал на разных мануфактурах 1, 2, 12 мая и 4 июня²³⁹. Перед своим отъездом из Парижа Петр I подписал жалованную грамоту подканцлеру П.П. Шафирову и тайному советнику П.А. Толстому на исключительное заведение в России фабрик для делания всяких материй и парчей²⁴⁰. Именно с этой жалованной грамоты начнется новый этап в развитии правового регулирования промышленной деятельности.

Этот переход уже отмечался в историографии. В 1886 г. К.Н. Лодыженский писал, что «решительный поворот в отношениях правительства к обрабатывающей промышленности страны наступил после путешествия Петра Великого во Францию в 1717 г.»²⁴¹. В советской историографии Е.И. Заозерская отмечала, что «протекционистские приемы, заимствованные из западноевропейской практики, были хорошо усвоены Петром и сыграли свою роль на первых порах заведения крупной промышленности в России. В этом отношении чрезвычайно интересен комплекс законодательных актов, который приходится на начало 1718 г., т.е. на время по возвращении Петра из-за границы, в

частности, из Франции»²⁴². Н.И. Павленко, отмечая начало перехода к новой торгово-промышленной политике, писал о 1718 г., когда появились «наиболее ранние указы, ограждавшие русских промышленников от конкуренции импортных товаров»²⁴³.

При анализе структуры жалованной грамоты Шафирову и Толстому (далее – ЖГШТ) необходимо отметить, что она существенно отличалась от жалованных грамот XVII – начала XVIII вв., выдаваемых на организацию промышленных предприятий. Жалованная грамота XVII – начала XVIII вв. открывалась изложением челобитья просителя о разрешении ему организовать предприятие с пересказом условий, на которых он бы хотел его организовать, после чего шла нормативная часть. В отличие от этого, преамбула ЖГШТ не открывалась изложением челобитья, она открывалась следующей фразой: «Понеже Мы», т.е. монарх, «прилежное старание имеем о распространении в Государствах Наших и пользе общаго блага и пожитку подданных наших, купечества и всяких художников и рукоделей, которыми всех прочия благоучрежденные Государства процветают и богатаются: того ради Мы...», – после чего объявлялось о «всемилодивейшем повелении» Шафирову и Толстому «учредить фабрику или художества всяких материй и парчей». Лишь далее указывалось, что монарха для организации этого дела просили «о дании им привилегии и жалованной грамоты», но при этом в грамоте не излагалась просительная часть. Важно отметить, что Шафиров и Толстой якобы заявляли о желании не просто создать такие «фабрики», но организовать для их строительства «компанию», в которую могли бы вступить как подданные царя, так и иностранцы. Естественно, что жалованная грамота фактически выдавалась монархом не просто двум персонам, а компании²⁴⁴. Дополнительно укажем на то, что промышленное предприятие назвалось «фабрика», а не «завод» в соответствии с московской традицией. Таким образом, создаваемое предприятие, помимо нового правового статуса, имело отличное название от традиционных «заводов».

В отношении нормативной части следует отметить, что с одной стороны, в ЖГШТ можно встретить положения, которые имели место в жалованных грамотах XVII в. Так, разрешалось строить по всему государству фабрики для «всяких золотых, серебряных, шелковых и шерстяных парчей и штофов, також бархотов, атласов, камок и тафт и иных всяких парчей, какого б имени оные иметь ни могли, також лент и галунов золотых и серебрянных и шелковых и чулков всяких рук»²⁴⁵, позволялось вести беспошлинную торговлю внутри страны на 50 лет, а при экспорте платить «вывозную пошлину против других подданных»²⁴⁶. Компании разрешался свободный наем, «кроме служилых морских и сухопутных из всякого прочих чинов людей в ученики, в работники, в промышленники и прикащики с платежом за труды их достойной платы». В духе XVII в. было определено об

исключении владельцев, управителей и мастеровых из юрисдикции местных властей: «Они.. тем своим делам никому не были подчинены и судимы, кроме высшего нашего сената, и то в таких делах ежели на них от кого какое челобитье, или важное доношение будет, ... ежели бы кто из той их компании или из людей их в каких государственных или убийственных делах приличен явился или в утайке положенной пошлины»²⁴⁷.

С другой стороны, в этой грамоте появляется ряд новых по отношению к предшествующим практикам правовых норм. Прежде всего, обращает на себя внимание гарантия «вечного», т.е. постоянного владения. Во-первых, такая гарантия давалась на место под предприятиями. На первое время компании обещалось «готовые дворы строением безденежно», после чего – «для впредьбудущего распространения, под строения и жилища рукодельным людям, по прошению их, довольные места в вечное владение». Если в XVII в. право владения на землю под промышленным предприятием было тесно связано с сословной принадлежностью, то в ЖГШТ предполагался бессословный статус собственности. Во-вторых, гарантия «вечного», т.е. постоянного владения давалась вообще на все компанейское имущество: «Сей их промысел на нас великого государя отписан и взят, и никому другому отдан не будет, но вечно и неподвижимо от нас великого государя и от наших наследников за ними и за их наследниками оставлен быть имеет»²⁴⁸. Еще в XVII в. заводчики просили, чтобы им был дан «милостивый указ», по которому они могли бы «теми железными заводы владеть и прибавочные заводы впред заводить надежно безо всякого опасения»²⁴⁹. Подчеркнем, что в ЖГШТ монарх давал гарантию не только от своего имени, но и от имени своих наследников. Такая формулировка гарантии прав владения не укладывалась в сословный подход XVII в. и была наиболее близка к буржуазному праву собственности.

Необходимо указать на факт пожалования монополии производства, распространявшуюся на всю страну: «никому в нашем государстве, кроме сей компании, сих вышеписанных в сей грамоте вещей и фабрик не будет позволено заводить и делать, но наипаче то накрепко заказано будет»²⁵⁰, – в то время как для 2-й половины XVII в. была характерна региональная монополия. Обращает на себя внимание также и тот факт, что компанейщики оказывались подсудны только Сенату, т.е. высшему правительственному учреждению России того периода, а не какому-либо центральному ведомству, что свидетельствует о высоком статусе компании.

Кроме того, необходимо указать на отсутствие в ЖГШТ какого-либо положения о налоге с самого производства. Если для жалованных грамот XVII – начала XVIII в., касавшихся горной и «манифактурной» промышленности, было обязательно положение о взимании «оброка», то в ЖГШТ такого раздела даже не содержалось.

Обращает на себя внимание также и то, что ЖГШТ была напечатана²⁵¹, т.е. она явно имела большее значение, нежели просто дача привилегий промышленной компании. При этом, с точки зрения техники составления жалованной грамоты, важно будет отметить, что пункты грамоты, хотя и предназначались конкретным персонам, были сформулированы более абстрактно, по сравнению с жалованными грамотами XVII в. Кроме того, начало преамбулы носило характер своеобразного манифеста, обращения к подданным о «старании» правительства по развитию промышленности, ради чего оно готово давать существенные привилегии. Фактически ЖГШТ была декларацией, заявлением Петра I о новой промышленной политике, которая должна была побудить частный капитал создавать мануфактуры «своим коштом». Как отмечала Е.И. Заозерская, «в позднейших грамотах все эти теоретические обоснования и рассуждения [об общем благе – М.К.] оказываются выброшенными, грамоты носят характер чисто практического документа, написанного по трафарету. Жалованная грамота 1717 г. интересна как раннее отражение или первая наметка взглядов правительства по вопросу промышленного строительства»²⁵².

Важно указать, что в ЖГШТ отсутствовал узко фискальный подход – государство на 50 лет отказывалось от сборов пошлин, а также не взимало налогов, у государства также отсутствовал к данному производству с точки зрения государственных закупок. Очевидно, мотивация данного правового документа лежала гораздо глубже, нежели в стремлении получить быструю прибыль в виде «оброка» или пошлин, либо обеспечить получение необходимых государству товаров (например, сукна для армии). Для автора ЖГШТ было важно развитие нового производства не в узко фискальных интересах, а в интересах экономики и общества, для чего государство было готово предоставить значительные привилегии частным предпринимателям.

В связи с этим необходимо указать на связь ЖГШТ с практиками западноевропейского меркантилизма, точнее, его французского варианта – «кольбертизма». Как отмечал в отношении практики кольбертизма американский историк А. Саргент, «дарование привилегий основателям новых отраслей промышленности проводилось в подлинно автократическом духе. По очереди применялись исключительные права на производство или продажу [товаров] в течение определенного срока, поощрения и титулы, или более реальное дарование королевского патронажа или субсидии, даже исключение из тальи»²⁵³. В качестве возможного образца можно указать Компанию французских кружев, о создании которой было объявлено во Франции в мае 1665 г. королевской декларацией. «В декларации излагалось, что король озабочен развитием мануфактур, чтобы предотвратить вывоз денег [из страны – М.К.] и дать работу людям». В

качестве поощрения Компании французских кружев, помимо прочего, давалась девятилетняя монополия, распространявшаяся на всю Францию, на производство кружев и освобождение сделанного товара от пошлин, включая экспортные²⁵⁴.

Кроме того, отметим, что практика дарования монополий на производство и продажу того или иного товара была довольно распространена в Европе. Так, в Англии в 1623-1624 гг. был принят особый статут о монополиях, по которому запрещалась выдача грамот на получение монополий, исключая случай изобретения нового вида мануфактуры, «каких другие во время выдачи жалованных грамот и пожалований не производили»²⁵⁵. Точно так же одним из ключевых элементов торгово-промышленной политики европейских государств Нового времени были «законы, регулирующие потребление», которые «были ориентированны на сокращение потребления иностранных товаров и поощрение потребления товаров местного производства»²⁵⁶.

Таким образом, изложенное позволяет прийти к следующему выводу. К 1717 г., ознакомившись с европейским опытом, Петр I решил использовать его для развития мануфактурной промышленности в России. С этого момента в России начинается переход к правовому регулированию промышленности на основании меркантилистских представлений о роли промышленности в экономике. При этом произошло наложение меркантилистских приемов на применявшиеся меры поощрения, сформулированные в жалованных грамотах Московского царства XVII в. Петровская промышленная политика с 1717 г. не пошла по пути полного разрыва с традициями XVII в. Определенные нормы XVII в. использовались и в последующем, правда, уже в рамках иной системы.

Изменения в промышленной политике совпали и оказались тесно переплетены с коллежской реформой. К концу 1717 г. завершился подготовительный этап коллежской реформы²⁵⁷. После прибытия из Амстердама с 12 октября 1717 г. Петр I «присудствовал в Сенате для гражданских и протчих дел»²⁵⁸. В указе Сенату о коллегиях, написанным собственноручно Петром в 1717 г., скорее всего в конце октября – начале декабря, в качестве 4 коллегии был обозначен «Комерц-Коллегиум», к компетенции которого были первоначально отнесены «все с торгов всяких пошлины», суд над «торговыми», а также «мануфактуры». Однако при редактировании «мануфактуры» были вычеркнуты из дел, подлежащих ведению Коммерц-коллегии. Также в список коллегий по сравнению со списком 1715 г. был добавлен «Берг-коллегиум»²⁵⁹. По указу Петра I от 11 декабря 1717 г. надлежало начать «всем президентом с новова года сочинят свои Коллегии и ведомости отсюды брат». При этом следовало «в дела не встопатца до 1719 году»²⁶⁰, т.е. в 1718 г. президенты должны были заниматься только организацией коллегий и их подготовкой к управлению, и реально действующими государственными органами коллегии должны были

стать в 1719 г. Петр I несколько позднее так описал свой замысел: «В прошлом декабре [1717 г. – М.К.] я ... начало учинил Коллегиям, и чтоб оныя в нынешнем году себя в такое состояние привели, дабы с будущего 1719 года в состоянии были каждая свое дело зачать»²⁶¹. Уже в указе от 15 декабря 1717 г., состоявшего из списка организуемых коллегий и их президентов и вице-президентов, была обозначена «Берг-и Манифактур-Калегия», президентом которой был назначен генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс²⁶². Таким образом, промышленность должна была находиться в ведении специального центрального органа, что свидетельствовало о возросшем значении промышленности для Петра I.

О таком значении промышленности свидетельствует также Генеральный регламент. В его первоначальном проекте, подготовленном к декабрю 1718 г., в преамбуле было написано, что Петр I «по высокохвальным примерам других христианских областей, милостивейшее намерение восприял, для..., следующие к тому потребные и надлежащие Государственные Колегии учредить». В списке, «для» чего Петр учреждал коллегии – «для исправления полезной юстиции и политики, для порядочного управления своих государственных дел» и т.д. – было помимо прочего написано, что это и «для исправления комерцей, художеств и мануфактур, також доброго учреждения своих морских и земских пошлин, и для споможения и приращения рудоконных заводов»²⁶³. В проекте преамбулы в списке учреждаемых коллегий в качестве седьмой был указан «Берхс-и Манифактур-Коллегиум»²⁶⁴. Это положение вошло с некоторыми стилистическими правками в печатный текст законодательного акта, подписанного Петром 28 февраля 1720 г.²⁶⁵

Внимание власти к развитию промышленности было отражено в типовой воеводской инструкции 1719 г. По инструкции воеводе, помимо прочего, следовало «справляться и смотреть ... чрез которые способы в торгу, в рукоделиях, мануфактурах и прочих на Государственную пользу в лучшее состояние произвестися могут; о том о всем мемориялы в Сенат, или надлежащим Коллегиям сообщать» (п. 17). Горным заводам был посвящен другой пункт, согласно которому следовало «тщательное смотрение иметь, чтоб рудоконные и прочие всякие заводы, где какие есть, в добром состоянии были содержаны» (п. 38)²⁶⁶.

Подчеркнем, что двойственное имя Берг-Мануфактур-коллегии означало разделение промышленности с точки зрения ее регулирования на две больших области. С одной стороны, это были горные заводы, т.е. промышленность, связанная с добычей и обработкой полезных ископаемых. С другой – это были «мануфактуры», т.е. промышленность, не связанная с добычей и обработкой полезных ископаемых. По преимуществу «мануфактурами» были предприятия т.н. легкой промышленности

(суконные, полотняные, шелковые, бумажные), хотя и не всегда (например, игольные и стеклянные). При этом отдельно от горной промышленности регулировалась соледобыча, а от «мануфактурной» - винокурение, т.к. они были крайне значимы для государства в целях пополнения казны²⁶⁷. Укажем, что указом от 12 декабря 1718 г. компетенция Берг-Мануфактур-коллегии была определена следующим образом: ведать «рудокопные заводы и все прочие ремесла и рукоделия, и заводы оных и размножение»²⁶⁸. Таким образом, первоначально Берг-Мануфактур-коллегия должна была ведать как промышленностью мануфактурного типа, так и ремесленного. В связи с этим Берг-Мануфактур-коллегия стала, например, собирать ведения с городов о «заводах» и о «ремесленных людях»²⁶⁹.

4 марта 1719 г. Сенат, рассматривая вопрос о том, в чьем ведомстве необходимо быть высылаемым из губерний в Санкт-Петербург купцам и ремесленникам, определил, что «купечеству» следует «быть в ведении в Коммерц, а ремесленным в ведении в Берг-и Мануфактур-Коллегиях, понеже и по инструкции те дела надлежат быть в тех Коллегиях»²⁷⁰.

Однако ситуация с подведомственностью ремесленного производства изменилась в результате т.н. второй городской реформы Петра I²⁷¹. 13 февраля 1720 г. Петр I дал указ Сенату, в котором объявил о назначении князя Юрия Трубецкого обер-президентом «над здешним и протчими магистраты». Задача Трубецкого заключалась в том, чтобы «он ведал всех купецких людей судом и о их делах доносил в Сенат и разсыпаную сию хранину паки собрал»²⁷². В рамках проведения реформы организации городского управления и создания Главного Магистрата 20 апреля 1720 г., как отмечал Н.А. Воскресенский, Г. Фик подал проект регламента Главного Магистрата²⁷³. В главе II «О главных ево [Магистрата – М.К.] делах», помимо прочего, было обозначено следующее: «Чтоб купечество и манифактуры приумножены и в лутчее состояние произведены были». В главе VII «О разделении гражданства» Фиком было предусмотрена цеховая организация городского ремесла: «Что до вышеписанного первого гражданства касаетца, то всякое мастерство и художество имеет своих начальников и старейшин, по величеству города и по числе мастерств и художников». Предполагалось, что «от всякого мастерства и художества имеет свой ширагей», т.е. ящик, в котором должны храниться «регулы и уставы, права и привилегии мастеровых людей»²⁷⁴.

Фик включил в проект главу XI «О купечестве и манифактуре», которая, очевидно, была разъяснением к главе II. По проекту Фика обер-президенту Главного Магистрата следовало совместно с «Комерц и Манифактур Коллегиями» стараться, чтобы «такие дела», т.е. «карабельный морской ход, купечество, рукоделия», «по самой крайней возможности произвести и в лутчее состояние привести». При этом в проекте говорилось,

что «все регулы и уставы, которые к сему случаю принадлежат, ... оные в Государственных Коллегиях сочинить должно, которые генеральное правление о государственном купечестве и мануфактурах в их инструкциях от Е.Ц.В. предложено». В связи с этим обер-президенту следовало «иметь старание, чтоб уставы», в т.ч. и о «мануфактуре», были «в тех Коллегиях сочинить и напечатав публиковать». По поводу данных уставов обер-президенту следовало, если он посчитает, что какому-то городу нужны будут особые регулы и уставы, или «сочиненные уставы не полны или весьма к тому неприличны», писать в соответствующие коллегии²⁷⁵.

Н.А. Воскресенский указал, что проект Фика несколько раз редактировался (всего Воскресенский насчитал 6 редакций проекта Регламента Главного Магистрата, включая «А-редакцию», т.е. собственно первоначальный проект Фика²⁷⁶). При окончательном обсуждении проекта 16 декабря 1720 г. в Сенате ко II главе «О главных магистратских делах» в отношении обязанности «купечество и мануфактуры размножать», Петр I сделал следующий комментарий: «Си мануфактуры разумеютца те, которыя большия, яко всякия заводы, например, суконные, порчевые, также железные, медные заводы, и протчее сим подобное, но народу необходимо нужные, яко портные, сапожники, плотники, кузнецы, серебреники и им подобные»²⁷⁷. Этот комментарий, как и положение об обязанности Главного Магистрата «купечество и мануфактуры размножать», был включен в окончательный текст проекта регламента, который был утвержден в качестве законодательного акта 16 января 1721 г.²⁷⁸.

В текст законодательного акта с определенными редакторскими правками вошло предложение Фика о создании в городах цехов. В соответствии с VII главой «О разделении гражданства» следовало «каждое художество и ремесло свои особливый цунфты (цехи) или собрания ремесленных людей, и над оными алдерманов (или старшин) по величеству города и по числу художников имеет, також и каждое ремесло и художество книги имеют, в которых регулы или уставы, права и привилегии ремесленных людей содержаны быть должны»²⁷⁹. Похожим образом была включена XI глава «О купечестве и мануфактурном деле», по которой следовало «главному Магистрату купно с Комерц и Мануфактур-Коллегиями наивысшее старание иметь», также «ведать, что все регулы и уставы, которые к тому потребны, или еще вновь какие сочинить надобно, то такие в Коллегиях сочинены быть имеют, которым Генеральное правление о всем Государственном купечестве и мануфактурах от Е.Ц.В. поручено». Кроме того, как и в проекте Фика, Главный Магистрат должен был смотреть за содержанием данных «регулов и уставов»²⁸⁰.

Таким образом, с изданием регламента Главного Магистрата государственное регулирование промышленности четко разделялось на два поля: крупная

промышленность, которая должна была находиться в ведомстве Берг-Мануфактур-коллегии, и мелкая, которая должна была находиться в ведомстве городских властей, при этом «ремесленные люди» должны были быть организованы в цехи. В связи с этим положением, например, к 1724 г. в С.-Петербурге «из обретающихся разных художеств мастеровых людей» были организованы цехи и выбраны «алдерманы». Всего в Петербурге было создано 26 цехов, среди которых были как маленькие по численности цехи, например, 6 «пуговишников», так и довольно большие, например, 172 «мастеровых» «калашного печения» или 349 «пирожного и харчевного» дела²⁸¹.

В свою очередь, крупная промышленность ведомства Берг-Мануфактур-коллегии распадалась также на две области: горную и «мануфактурную». Однако сосредоточение управления горными и «мануфактурными» делами в одном государственном органе, который обладал ограниченными кадровыми и финансовыми ресурсами и был перегружен делами, особенно после передачи ему в 1720 г. «инспекции» над монетными дворами, было крайне сложно. В связи с этим в доношении из Берг-Мануфактур-коллегии в Сенат от 28 марта 1720 г. просили, «дабы Берг-коллегия должность свою лутчее исправляла и от гораздо многой работы помешательства не имела ... полотняныя, шелковыя, шерстяныя, восковыя, бумажныя и тем подобныя мануфактуры отданы были в Комерц-коллегию, понеже она о таких мануфактурах более известна и лутче разумеет». В доношении отмечали, что упомянутые материалы «с рудными делами, металлами, минералами и манетным двором никакова свойства имеет, ибо невозможно будет таких членов Берг-коллегии найти, которыя купно рудокопное и монетное дело, да сверх того еще помянутыя мануфактуры разумели»²⁸². Специфика объектов управления требовала создания для «мануфактур» отдельного государственного органа, что и было реализовано в начале 1722 г. через разделение Берг-Мануфактур-коллегии. 18 января 1722 г. В.Я. Новосильцев получил должность президента Мануфактур-коллегии²⁸³, что означало прекращение существования единой Берг-Мануфактур-коллегии. С этого момента существовало два отдельных государственных органа – Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия. Соответственно, правовое регулирование промышленности и промышленное законодательство состояло из двух отдельных, но, тем не менее, тесно связанных между собой областей: горной и «мануфактурной».

Таким образом, необходимо отметить, что в 1717-1720 гг., когда происходило становление правового регулирования промышленности на новых меркантилистских принципах, развитие регулирования горной промышленности оказалось более тесно связанным с коллежской реформой, в то время как «мануфактурной» – с жалованными грамотами для владельцев «мануфактур».

15 декабря 1717 г. Петр I отправился из Петербурга в Москву, куда прибыл в январе 1718 г. и продолжил работу над коллежской реформой: «В генваре месяце были их величества в Москве и его величество непрестанно упражнялся в делах гражданских»²⁸⁴. Список данных дел сохранился в бумагах кабинета Петра I. В состав этих «гражданских дел» входили и вопросы законодательной регламентации промышленной деятельности. Во-первых, это был вопрос «о кожах с салом»²⁸⁵. Петр I вспомнил свой указ от 4 ноября 1715 г., который предписывал делать обувь из юфти с ворванным салом, на обучение чему он отвел 2 года²⁸⁶.

23 июля и 7 декабря 1717 г. ревельские кожевенные мастера, к которым в 1716 и 1717 г. со всей России было направлено на обучение 275 человек, подали ведомости, в которых написали, что «обучили они из ... присалнных кожевников по своему иноземческому мастерству кожи делать ... с ворванным салом»²⁸⁷. В связи с этим 7 января 1718 г. Петр I подписал указ, по которому следовало «промышленникам, которые учились кожи делать с ворванным салом», с момента издания данного указа делать юфть для обуви только с ворванным салом, а не с дегтем. Кроме того, было предписано юфть, «которая не с салом делана», продать до 1719 г., и чтобы с 1719 г. «ни в домах, ни в рядах кож и обуви не осталось старого дела с дегтем». Нарушителям грозила суровая кара: лишение всего имущества и ссылка «на вечную работу на галеры»²⁸⁸.

Во-вторых, это был вопрос «о смотреии мануфактур и о учениках, чтоб их в рекруты не брат»²⁸⁹. Решая этот вопрос, 17 января 1718 г. в Преображенском Петр I подписал указ о мастеровых и повелел его напечатать²⁹⁰. По данному законодательному акту объявлялось, что тем людям, которые желают пойти «в мастеровые люди и ученики», на частные «мануфактуры», имеющих привилегии, следовало «иметь свидетельства за руками». «Свидетельства» должны были быть заверены представителем от «Коллегии Мануфактурной» и от губернских властей. В «свидетельстве» также должно было содержаться подтверждение того, что «он подлинно такого художества мастеровой человек, а не подложной, дабы под тем видом не могли пролыгаться, укрываясь от службы». В связи с этим предписывалось «управителям мануфактур тех людей для записи приводить» и подавать письма «вышеписанным начальникам» о том, что это «прямые тому художеству мастеровые, а не подложные». Тех же, кто получил такие «свидетельства», следовало «в службу никуда не брать»²⁹¹. Как следовало из заметки Петра I, которая лежала в основе данного законодательного акта, под «службой», прежде всего, понималась рекрутская повинность.

Отметим, что данный указ был вписан в коллежскую реформу: именно коллегии следовало следить за исполнением данного законодательного акта. Таким образом,

становящееся промышленное законодательство, меркантилистское по своему содержанию, с точки зрения формы оказывалось связанным с коллежской реформой. Также указ от 17 января 1718 г. закреплял важную привилегию для профессиональных рабочих на частных промышленных предприятиях: освобождение от службы. Традиционно в XVII – начале XVIII в. от служб освобождали ремесленников, связанных с работой на государство. Такое освобождение, например, имели жители Кадашевской и Хамовной слобод, обеспечивавшие полотном Царицыну Мастерскую Палату²⁹². По указу от 17 января 1718 г. освобождение от служб получили квалифицированные рабочие частных предприятий, что свидетельствовало об изменении места промышленности в представлениях правительства: теперь она не была только объектом обложения, а выполняла важные для «общего блага» функции. При этом данный законодательный акт не имел сословного характера. «Мастеровой» не был «чином», т.е. сословным определением, а был «званием», т.е. профессиональной характеристикой. В связи с этим «мастеровые» различались по своим профессиональным характеристикам. Как отмечала Л.Н. Семенова, «мастеровые люди делились на учеников, подмастерьев, мастеров»²⁹³.

Это нашло свое отражение в делопроизводстве Берг-Мануфактур-коллегии, которая должна была провести перепись «мастеровых людей» и промышленных предприятий по стране. В «Ведомости о заводах и ремесленных людях» 1719 г. при описании, например, Переяславля Рязанского использовалась следующая терминология: «В Переславле Рязанском живут мастеровые люди, а кто имяны и какова чина люди писано ниже сего. Серебренники Переславля Рязанского посацкие люди делают серебреною поделку малою, починивают серги... Сапожники Переславля Рязанского посацкие люди тяглые делают и кормятца сапожным рукодельем»²⁹⁴. Таким образом, в качестве «чина» этих «мастеровых людей» фигурировало «ис посацких» или «посацкие люди тяглые». Определение «мастеровые люди» относилось к их занятиям. Именно к мастеровым людям относились следующие специализации: «Мастеровые люди, а кто имяны ... серебренники... сапожники...кузнецы». Необходимо отметить, что синонимом «мастеровой» было слово «ремесленный». Так, во время перечисления «мастеровых людей» была приведена следующая фраза: «Кузнецы Переславля Рязанского посацкие люди делают и кормятца кузнечным ремеслом... и в том кузнечном ремесле имеет при себе ученика»²⁹⁵. Перечисление «мастеровых» Переславля Рязанского было подчинено определенной логике сословного положения, «чина» этих «мастеровых». В начале перечислялись «мастеровые» из «посацких людей», «посацких людей тяглых». После них перечислялись «ремесленные люди розночинцы»²⁹⁶. В частности, среди этих «розночинцев» были «малороссийского города Стародуба Остафей Иванов... мастерство за ним живописное... ямщик Степан

Прокофьев сын Миколченин с сыном Петром... за ними кузнечное ремесло... ландрацкой канцелярии розсылщик Василей Фомин сын Просмыцкой... за ним портное мастерство». Следующими за «розночинцами» были те, кто «живут для своего ремесла из людей и из крестьян митрополичьих и монастырских и помещиковых»²⁹⁷. Следовательно, понятие «мастерской» относилось не к сословному статусу человека, а к его профессиональной деятельности. «Мастеровые» как профессиональная группа могли состоять из представителей разных сословий. Так, в Переславле Рязанском «мастерскими» были и посадские, и крестьяне и т.н. разночинцы.

Таким образом, при издании указа от 17 января 1718 г. исходили из интересов частных мануфактур, чьих профессиональных работников следовало освободить от служб, и демонстрировали бессословный подход. В 1-ю четверть XVIII в. правительство, феодальное по своим социальным характеристикам, исходя из меркантилистских представлений и желая создать промышленность европейского уровня, которая считалась одним из путей к богатству страны, было готово наделить некоторыми привилегиями представителей непривилегированных сословных групп. В интересах развития промышленности «мастерские люди», которые должны были работать на частных мануфактурах, получали относительно привилегированный статус по сравнению, например, с остальным посадским населением²⁹⁸.

§ 2.2 Берг-привилегия 1719 г. и законодательное регулирование горной промышленности

28 апреля 1718 г. монархом было указано, что «всем Коллегиям надлежит ныне на основании Шведского устава, сочинить во всех делах и порядках по пунктам»²⁹⁹. Для создания регламента Берг-коллегии проблема заключалась в том, что шведская *Generalbergsprivilegium* (общая горная привилегия) 1649 г. не была коллежским регламентом, т.е. законодательным актом, который определял структуру и порядок деятельность государственного органа. Она была направлена на поощрение частной инициативы подданных шведской короны в деле добычи полезных ископаемых³⁰⁰. Для разработки инструкции, как следует из имеющихся данных, было использовано т.н. «Описание Берг-коллегии, каким образом она учреждена в Швеции». Это описание было найдено Н.А. Воскресенским в бумагах Я.В. Брюса. Крайняя дата, которая упоминается в нем – 22 декабря 1718 г. «Описание Берг-коллегии» состояло из двух частей. В первой части описывались «чины, из которых состоит Коллегия в Стокгольме». В качестве членов в состав Берг-коллегии должны были входить «президент, который есть один из сенаторей», вице-президент, «бергратов два, иногда же и больше» («сей чин более почитаем

асессорских») и шесть асессоров. Кроме того, в первой части «Описания» были означены канцелярские служители. Вторая часть посвящалась коллежским чинам в провинциях³⁰¹. Согласно «Описанию», ключевой должностью шведской местной администрации был берг-мейстер. О его должности было написано следующее: «В каждой провинции, где руды находятся и рудопромышленные заводы суть, есть один бергмейстер и при нем подьячий. Его же должность есть во всей провинции над заводами надсматривать, он же и судя между тех заводов владетельми и работниками, а именно в том, что принадлежит до руд и работе оных... Ему же надлежит присматривать, чтоб руды благо в дело употреблены были, также железо хорошо сделано и благо ковано было и должен оной по меньшей мере дважды в год во уреченные времена объехать все в провинции заводы»³⁰². В подчинении берг-мейстера в провинции находились маркшейдер, «которой бы отчасти умел землемерию», бергфохт, «не токмо ради помощи бергмейстеру, но также ради приему и щету в приходах королевских поборов с тех заводов», пробирор, на каждом заводе по грубофогту, «которой имеет работников в своей команде, нарежает их на работу и надсматривает над их делом», а на «знатнейших заводах» - механик³⁰³. Фактически в «Описании» была представлена общая структура шведских берг-мейстерских округов - *bergmästaredömen*. В самой Швеции к середине XVII в. было создано 5 таких округов и один в Финляндии³⁰⁴.

Из бумаг Петербургской артиллерийской канцелярии известно, что в феврале 1719 г. В.Н. Татищев отвез из Петербурга на Олонец Я.В. Брюсу «описание Берг-коллегии», в котором, как отметил Е.Е. Колосов, «в Петербурге были сделаны некоторые дополнения: внесены должности секретаря, нотариуса, актуариуса и регистратора, указаны обязанности канцеляриста и уточнен порядок коллегиального решения вопросов»³⁰⁵. Таким образом, в начале 1719 г. шла подготовка регламента Берг-коллегии на основе описания шведской Берг-коллегии. Вместе с тем, как видно из последующего законодательства, такой регламент не был издан.

Однако, 10 декабря 1719 г. был издан другой законодательный акт, связанный с регулированием горной промышленности — т.н. Берг-привилегия. Очевидно, что появление данного законодательного акта было тесно связано с коллежской реформой, которая предполагала обращение к соответствующим шведским образцам. Как показал шведский историк К. Петерсон, для Берг-привилегии 1719 г. в качестве образца была использована шведская *Generalbergsprivilegium* 1649 г., также направленная на поощрение частной инициативы в деле добычи полезных ископаемых³⁰⁶. В связи с этим отметим, что шведская *Generalbergsprivilegium* 1649 г. значилась, в частности, среди «плакатов», которые имелись в наличии в библиотеке Берг-коллегии к декабрю 1720 г.³⁰⁷

В отечественной историографии существует длительная традиция интерпретировать данный указ как законодательный акт о создании Берг-коллегии. Еще в 1786 г. М.Д. Чулков снабдил публикацию Берг-привилегии следующим послесловием: «Таким образом Берг-Коллегия учреждена, и первый Председатель в оной был Генерал Фельдцейгмейстер Граф Брюс»³⁰⁸. В 1810 г. И.Ф. Герман писал, что «в сем 1719 году учреждена, вместо сего Рудного Приказа, в Санкт-Петербурге Берг-коллегия, от которой горные и заводские дела в России получили не малую твердость. Манифест же при сем случае» был издан «под именем Берг-Привилегии»³⁰⁹.

Издатели «Полного собрания законов Российской империи» при публикации упомянутой Берг-привилегии в 1830 г. назвали ее именным указом «Об учреждении Берг-коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах»³¹⁰, что должно было явно оказать влияние на последующих исследователей, которые пользовались изданием.

В 1859 г. М.И. Семеvский отмечал, что «10 декабря 1719 года, вследствие указа Петра I, от мануфактур-коллегии отделена была берг-коллегия»³¹¹. Отличное утверждение высказал А. Богословский в 1872 г., который писал, что в указе от 10 декабря 1719 г. были изложены причины, «вызвавшие новое учреждение», т.е. Берг-коллегию. Сама же она «до 1722 года ... была соединена с мануфактур-коллегию по сходству ее дел и обязанностей с делами и обязанностями последней. Но по мере умножения горных заводов, усилившегося со времени издания берг-привилегии, а следовательно и дел по управлению ими, оказалось неудобным совместное управление горными заводами; вот почему с 1722 года берг-коллегия получила значение самостоятельное»³¹².

Однако, по-видимому, историки не обратили внимания на работу А. Богословского. Уже в 1876 г. В.Н. Лешков писал, что «относительно добывания руд были испытаны так же различные способы, после чего дело было объявлено государственным и вверено особому управлению, Берг-коллегиума, по указу 1719, дек. 10»³¹³. П.Н. Милюков определил Берг-привилегию от 10 декабря 1719 г. как указ «об учреждении Берг-коллегии»³¹⁴. По мнению А.М. Лоранского, «10-го Декабря 1719 года последовал Высочайший указ об учреждении Берг-Коллегиума “для ведения в оном дел о рудах и минералах”, получивший название Берг-Привиллегии»³¹⁵. В.Н. Строев полагал, что «указом от 10 декабря 1719 года для заведывания горными делами была образована отдельная берг-коллегия и с тех пор, вместо одной коллегии, стали существовать два учреждения: мануфактур-коллегия и берг-коллегия»³¹⁶.

Точка зрения о создании Берг-коллегии в 1719 г. с помощью Берг-привилегии нашла свое отражение и в советской историографии. В 1926 г. Ю.И. Гессен указывал: «Чтобы вдохнуть жизнь в горное дело, указом 10 декабря 1719 г. была учреждена ... берг-

коллегия». При этом в примечании он отметил, что «вскоре берг-коллегия была соединена с мануфактур-коллегией, но в 1722 г. они были вновь объединены»³¹⁷. В 1935 г. В.Н. Кашин писал, что Мануфактур-коллегия в 1719 г. была отделена от Берг-коллегии³¹⁸.

К отличным выводам на основе изучения законодательного и делопроизводственного материала пришел Д.С. Бабурин. В 1937 г. он полагал, что первоначально существовали отдельные Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия, которые в конце 1718 г. были объединены в одну, и затем в 1722 г. разделены³¹⁹. Однако, уже в 1939 г. Д.С. Бабурин отмечал, что «Берг-Мануфактур-коллегия, как одно объединенное учреждение под начальством президента Якова Брюса, существует с 1717 года, если о начале деятельности этого учреждения судить по времени назначения Брюса, и до 1722 года»³²⁰.

В 1945 г. Е.И. Заозерская, анализируя Берг-привилегию, с одной стороны написала, что «в указе 10 декабря имелся еще один пункт чрезвычайного практического значения – пункт о создании первого специального учреждения по управлению промышленностью – Берг, а затем – Берг- и Мануфактур-коллегии, фактически еще ранее, с 1717 г., начавшего свою деятельность»³²¹, с другой – отметила о размежевании ведомств Берг-коллегии и Мануфактур-коллегии в 1722 г. Несмотря на это, в 1947 г. П.И. Лященко написал, что «в 1719 г. была учреждена Мануфактур-коллегия, из которой в том же году была выделена особая Берг-коллегия»³²². При этом исследователь ссылаясь и на Берг-привилегию, и на монографию Д.С. Бабурина. Очевидно, что интерпретация Берг-привилегии 1719 г. как указа о создании Берг-коллегии возымела большее действие, нежели работа Д.С. Бабурина.

В 1948 г. М.Н. Мартынов отмечал, что «в 1719 году Петр упразднил ... Рудный приказ и учредил Берг-коллегию, опубликовав “Привилегию о рудах и минералах”»³²³. В статье 1957 г. он указал, что «на основании Берг-привилегии был создан высший орган по управлению горными заводами в лице Берг-коллегии»³²⁴. В 1952 г. Е.В. Спиридонова назвала Берг-привилегию «указом об учреждении Берг-коллегии – органа управления горной промышленностью»³²⁵.

Н.И. Павленко в монографии 1953 г. рассмотрел историю существования единой Берг-мануфактур-коллегии в 1718 г.³²⁶, после чего перешел к анализу Берг-привилегии. По мнению историка, она перечисляла «ряд конкретных мероприятий, которые должны были помочь промышленникам реализовать полученные привилегии». К ним, в том числе, «относилось учреждение Берг-коллегии»³²⁷. Н.И. Павленко писал, что «одновременно с составлением и опубликованием Берг-привилегии происходила организация Берг-коллегии»³²⁸. О том, что он отсчитывал историю Берг-коллегии с 1719 г., свидетельствует

тема его кандидатской диссертации 1948 г. – «Берг-коллегия 1719-1742 гг.», выводы из которой были включены в работу 1953 г.³²⁹. Таким образом, у Н.И. Павленко создание Берг-коллегии относится к 1719 г. и оказывается связанным с Берг-привилегией.

А.И. Пашков в 1955 г. отмечал, что Петром I в 1719 г. была создана Берг-коллегия, и при этом определял Берг-привилегию как указ о ее учреждении³³⁰. Согласно работе А.А. Кузина 1961 г., «11 ноября 1717 г. вышел примерный реестр Коллегий, среди них упоминались также Берг- и Мануфактур-коллегии, а 10 декабря 1719 г. вместо Рудного приказа была учреждена ... Берг-коллегия»³³¹.

Подобно выводам А. Богословского и Д.С. Бабурина, из традиции отнесения создания Берг-коллегии к 1719 г. выбиваются выводы современного историка Е.В. Анисимова. Он анализирует Берг-привилегию 1719 г. как акт, который определял компетенцию коллегии, а не как акт, создававший ее³³². Момент появления Берг-коллегии историк относит к весне 1722 г., после «разукрупнения Берг- и Мануфактур-коллегии»³³³. В то же время другой современный исследователь В.А. Манин отмечает, что «постепенно эволюционируя, предшествующее законодательство подготовило появление в 1719 году Берг-коллегии и разработку такого документа, как Берг-привилегия»³³⁴.

Таким образом, в исследованиях явно преобладала тенденция отнесения времени создания Берг-коллегии к 1719 г. на основе интерпретации Берг-привилегии как указа о создании Берг-коллегии. Основой для такой точки зрения служило истолкование следующей ее фразы: «Мы, в пользу Государства и всем Нашим верным подданным, особливой Берг-Коллегиум Всемилостиво учредить изволили, и по Нас оному власть и мощь дали единым судиею бытии над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтоб никаким образом Губернаторы, Воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешались»³³⁵. Действительно, такая фраза вне своего контекста, усиленная названием документа, полученным при публикации в ПСЗ, производила впечатление того, что в ней идет речь о создании нового государственного органа. Многие исследователи, определяя Берг-привилегию как указ о создании Берг-коллегии, использовали эту фразу вне анализа логики и структуры как вводной части Берг-привилегии, из которой она взята, так и ее нормативной части.

Берг-привилегия состояла из преамбулы и 17 пунктов нормативной части. Преамбула открывалась следующими словами: «Объявляем чрез сие всем и каждому вообще верным Нашим подданным»³³⁶, означавшими, что документ предназначался монархом для широкого распространения.

Преамбула была посвящена объяснению специфики развития горного дела в России: почему, несмотря на то, что «Российское Государство, пред многими иными

землями, приобзобилует и потребными металлами и минералами благословенно есть», в стране эти металлы и минералы «до нынешняго времени без всякого прилежания исканы; паче же не так употреблены были». Согласно документу, это было связано как с тем, что «Наши подданные рудоконным делам ... не разумели», так и с тем, что «иждивения и трудов к оному приложити отважиться не хотели», опасаясь отнятия заводов в случае, если от них «добрая прибыль будет». В последующих рассуждениях были обозначены меры, которые предпринимаются государством, «дабы ныне сии и иныя причины пресецися могли». Как о подобной мере в преамбуле было сообщено о том, что «в пользу Государства и всем Нашим верным подданным, особливой Берг-Коллегиум ... учредить изволили», т.е. в тексте констатировался и объяснялся свершившийся факт создания коллегии. Коллегия, ведавшая горными делами, уже существовала: это была «Берг и Мануфактур Коллегия», у которой указом от 12 декабря 1718 г. была определена компетенция: ведать «рудоконные заводы и все прочие ремесла и рукоделия, и заводы оных и размножение, притом и же артиллерия». Также указ от 12 декабря предписал в губерниях, канцеляриях и приказах «быть послушным» ее указам³³⁷. Как отмечалось в одной из бумаг новой коллегии, «в прошлом 718 году по имянному его царского величества указу велено быть коллегии Берг и Манифактур, в которой определена в ведении Рудная канцелярия и всякия рудоконные и манифактурныя заводы»³³⁸. В преамбуле не было написано в нормативном смысле об учреждении с 10 декабря 1719 г. «особого Берг-коллегиума», а объяснялось существование уже действующего органа, который ведал горными делами, т.е. Берг-привилегия не являлась указом о создании Берг-коллегии.

Нормативная часть Берг-привилегии к коллежскому устройству относилась опосредованно. В абзаце, который предшествовал пунктам, содержалась следующая формулировка: «Между тем Мы за благо усмотрели, чтоб всех охотников рудных дел последующими привилегиями пожаловать и снабдить». Следовательно, 17 пунктов Берг-привилегии – это, прежде всего, перечень привилегий для частных персон, а не коллежский регламент, что нашло отображение в обозначении этого акта как Берг-привилегии. В самом указе от 10 декабря 1719 г. такое название не было использовано. Тем не менее, в официальных документах данного периода этот указ сразу после издания называли именно так. В частности, в начале марта 1720 г. бергмейстеру И.Ф. Блиеру перед отправлением на Кунгур была дана «10 декабря опубликованная Берг-привилегия»³³⁹. Также в манифесте от 30 июля 1721 г. было написано о «10 дня Декабря опубликованной Берг-привилегии»³⁴⁰.

Оценка Берг-привилегии как акта, направленного на поощрение частной инициативы, была дана еще в 20-30-е гг. XVIII в., в частности, в одном из комментариев ко второй редакции «Гистории Свейской войны»: «Декабря в 20 день дан из Бергколлегии указ, по которому велено всем, кто хочет сыскивать всякие руды во всех местах на своих и на чужих землях, и объявлять в Бергколлегию и, взяв от оной позволение, заводы строить»³⁴¹. Схожая оценка была дана Берг-привилегии в преамбуле к указу Верховного Тайного совета от 26 сентября 1727 г.³⁴². В 1734 г. В.Н. Татищев следующим образом описывал создание Берг-коллегии: Петр I «в 1718 году учредил особливую Берг-коллегию», а затем в 1719 г. «для размножения заводов печатным плакатом [Берг-привилегией – М.К.] всякого чина людей к взысканию и производству металлей и минералей, поохачивая, ... объявить всенародно изволил»³⁴³.

Первый пункт провозглашал свободу каждому, «какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы»³⁴⁴. Пункты 2 и 3 были посвящены тому, что было необходимо делать в случае находки руды. При находке человеку следовало обратиться в Берг-коллегию или к ее представителю. Если в результате освидетельствования выяснится, что руда достойна «работы и иждивения», то нашедшему следовало обратиться с просьбой о «позволении к строению завода». Согласно п. 4. Берг-коллегия должна была по обращению не только «скорое решение учинить», но и быть готова помочь заводчику советом. При этом «решение», очевидно, должно было выражаться в выдаче жалованной грамоты на строительство завода. Об этом свидетельствует начало 5 пункта: «Получившему такую привилегию, или жалованную грамоту...».

Пункты 5, 6 и 7 были посвящены земельным отношениям. По 5 пункту «на месте, где руда обретена будет, 250 сажень долготы, 250 сажень ширины отведено быть имеет». 6 пункт устанавливал преимущественное право владельца земли на строительство завода. 7 пункт был посвящен случаям отказа владельца земли строить завод. В этом случае он «принужден будет терпеть, что другие в его землях руду и минералы искать и копать и переделывать будут». При этом «промышленники», построившие на его земле завод, должны будут за пользование платить 1/32 от прибыли «от каждой руды или минерала». Кроме того, «промышленники» должны были отдельно платить «за прочие места, которые для того завода потребны вновь, также и за надлежащие дрова и леса к строению». В законодательном акте отмечалось, что в таком случае цена не должна быть «несносной». Если она была таковой, то «промышленники» могли «требовать определения в Коллегии»³⁴⁵.

Отметим, что данный пункт не регулировал отвод необходимых для горных заводов лесов. Регулирование отвода лесов к заводам было законодательно закреплено в 1723 г., в 21 пункте инструкции обер-вальдмейстеру³⁴⁶.

Пункты 8 и 9 Берг-привилегии были посвящены строительству заводов в случае обнаружения золота, серебра или меди. 8 пункт предусматривал выдачу ссуды на строительство заводов по переработке таких металлов, а 9 устанавливал вознаграждение за находку таких руд. Пункт 10 вводил привилегии для «мастеровых» с заводов, «которые подлинно в дело произведутся»: они подлежали освобождению «от поборов денежных и солдатской и матрозокой службы», и им обещалась регулярная выплата «заплаты»³⁴⁷. Таким образом, этот пункт не только освобождал от служб, как указ от 17 января 1718 г., но и от налогов, т.е. привилегии «мастеровых» были расширены.

Отметим, что А.С. Черкасова, специально рассматривавшая в своей монографии «правовое положение мастеровых и работных людей», полагала, что «по Берг-привилегии, мастеровые и работные люди считались как бы на государственной службе, поэтому были освобождены “от поборов денежных и солдатской и матросской службы и всякой накладки”»³⁴⁸. В данном толковании А.С. Черкасова допустила очевидную ошибку, т.к. от «поборов» и «службы» по 10 пункту освобождались только «мастеровые», т.е. квалифицированные работники, в то время об освобождении «работных», т.е. неквалифицированных, в Берг-привилегии ничего не было написано.

Рабочие на промышленных предприятиях данного периода делились на «работных» и на «мастеровых». Как отмечала Л.Н. Семенова, «мастеровые люди делились на учеников, подмастерьев, мастеров»³⁴⁹. Разделение на «мастеровых» и «работных» получило отражение в подзаконных нормативных актах. Например, в наказе В.Н. Татищева комиссару Екатеринбургских заводов Федору Неклюдову шестая глава, называвшаяся «О работниках, кем и в которые времена отправлять», была посвящена в основном регулированию неквалифицированного труда³⁵⁰. Регулирование деятельности «мастеровых», т.е. «мастеров», «подмастерьев» и «учеников», было закреплено в восьмой главе «О содержании мастеров и их должностях». Согласно данной главе, «мастером» должен был быть такой рабочий, который «свое ремесло обстоятельно знает и един над многими надзирать и исправлять может». Должность «мастера», согласно п. 15, помимо прочего, заключалась в том, чтобы «надзирать над подмастерьями, и учениками, и работниками, дабы все прилежно и добрым мастерством работали». Согласно п. 6 данной главы, «на места подмастерския» следовало «производить из их учеников лу[тчих], в ученики из работников». По п. 5 в случае, если «мастер отлучится», то «на место его» следовало «приказать подмастерью, которой в том ремесле искуснее и к исправлению

оного способнее». Если же «мастер» умирал, то заводскому комиссару следовало «взять у надсмотрщика известие, кто достоин на оное место, и освидетельствовать», о чем написать «в Горное начальство и ожидать указа, а оному назначенному до указа то дело отправлять»³⁵¹. Такое разделение на квалифицированных – «мастеровых», и неквалифицированных – «работников» найдет свое отражение и в нормативных документах, связанных с податной реформой в 20-е гг. XVIII в.

Укажем, что в Берг-привилегии ничего не было сказано об освобождении от «государевых служб» самих заводчиков. Возможно, что такое упущение было связано с тем, что Берг-привилегия разрабатывалась не на основе жалованных грамот («привилегий»), в которых бы нашла выражение новая промышленная политика и которые можно было бы скорректировать, и лишь потом скорректированные правовые нормы из грамот закрепить в законодательных актах (как это получилось в отношении «мануфактурной», т.е. по преимуществу легкой промышленности). В отношении горной промышленности при переходе к системе правового регулирования, основанного на меркантилистских принципах, сперва был принят обобщающий законодательный акт, в основе которого лежал шведский образец, и лишь затем на его основе стали выдаваться соответствующие «привилегии». В результате в Берг-привилегию не попали некоторые положения, актуальные для русских непривилегированных сословных групп. В связи с этим Берг-Мануфактур-коллегия при выдаче «привилегий» на строительство горных заводов пришлось в явочном порядке включать в них нормы, не обозначенные в Берг-привилегии. Так, в начале 1721 г., не позднее 27 февраля, Берг-коллегия выдала «привилегию» на строительство медного завода компанейщикам г. Тобольска. Данная «привилегия» была составлена в соответствии с нормами Берг-привилегии. Кроме того, ближе к концу было сформулировано следующее предписание: «Ис купецких людей, кои в сей компании, в службы государевы никуда без указа Берг-коллегии выбирать их невелено»³⁵².

Пункты с 11 по 15 Берг-привилегии касались обязанностей заводовладельцев по отношению к государству. 11 пункт открывался утверждением, что «того ради Мы таковым образом и любовью к верным Нашим подданным токмо Нам одним, яко Монарху, принадлежащие рудокопные заводы и оных употребления каждому и вообще всем, кто к тому охоту имеет, милостиво соизволяем, только требуем...»³⁵³. Еще в имперской России некоторые юристы и историки усматривали в данной формулировке законодательное установление т.н. горной регалии, т.е. верховной собственности государства на полезные ископаемые, которая затем сразу же была заменена горной свободой. Например, по мнению А. Штофа, в 11 пункте данный законодательный акт «провозглашал горную

регалию в России», хотя, по его мнению, «понятие это было чуждо нашей истории». Штоф указывал, что Берг-привилегия «в отношении ... права добычи ... ископаемых ... не представляет казне никаких преимуществ перед частными лицами, держась начала, известного в Германии под именем “горной свободы”»³⁵⁴.

А.Е. Яновский в 1900 г. отмечал, что «провозгласив принцип горной регалии (“Нам одним, яко монарху, принадлежат рудокопные заводы”), Петр Великий» ввел горную свободу»³⁵⁵. И.И. Янжул в 1904 г. указывал, что «Берг-Привилегия объявляет горную регалию словами: “только нам одним, яко Монарху, принадлежащие рудокопные заводы”»³⁵⁶. В.Н. Латкин в 1909 г. отмечал по поводу существовавших в XVIII в. регалий, что «четвертой регалией была горная («нам одним, - гласит Берг-привилегия 1719 г., - яко монарху, принадлежат рудокопные заводы и их употребление»), но, ввиду поощрения развития горного дела, Петр предоставил всем право искать и выпрабатывать металлы как на казенных, так и на частных землях с единственным условием отчисления 10 % с дохода казне»³⁵⁷.

Данная точка зрения получила свое продолжение и в советской историографии. По мнению Н.И. Павленко, «Берг-привилегия в 1719 г. объявляла богатства недр собственностью царя. Ему, «яко монарху», принадлежат сокровища земельных недр, независимо от того, кому принадлежит земельный участок»³⁵⁸. Также М.Н. Мартынов писал, что «утверждая “горную регалию”, петровская Берг-привилегия объявила горные заводы собственностью верховной государственной власти»³⁵⁹.

В современной историографии В.А. Манин почти дословно воспроизвел мнение М.Н. Мартынова: «Утверждая горную регалию, петровская Берг-привилегия объявляла горные заводы собственностью верховной государственной власти»³⁶⁰.

Однако в структуре 11 пункта выражение о «принадлежащих рудокопных заводах» не носило утверждающего нормативного характера. Это было придаточное предложение, смысл которого заключался в демонстрации «любви и милости» к «верным подданным», а также оправдывал введение сбора десятины с горных заводов. «Горная регалия» уже существовала к началу XVIII в. в праве, регулировавшем горную промышленность, и государство могло довольно свободно распоряжаться как землей с полезными ископаемыми, так и уже построенными заводами вне зависимости от формы собственности. Берг-привилегия издавалась, как выше указывалось, в качестве перечня привилегий для частных персон. Так что она не вводила «горной регалии», а на основании существовавшей «горной регалии» создавала «горную свободу».

Однако, вводя «горную свободу», монарх в виде компенсации за уступленную им «горную регалию», требовал определенных обязательств от горных заводчиков. Прежде

всего, в соответствии с п. 11 это был налог с горных заводов и промыслов: «десятая доля от прибыли», т.е. прибыли. При этом предусматривалось, что «оную десятую часть» можно было «на несколько лет отпустить и тем пожаловать, ежели при искании тех руд будет убытков больше прибыли».

Пункты с 12-15 устанавливали правила продажи металлов и минералов частыми заводчиками. В п. 12 объявлялось, что монарху в виде компенсации отказа от «горной регалии» помимо десятины принадлежало преимущественное право покупки «золота, серебра, меди и селитры напередь других купцов», т.е. стратегически важных материалов: сырья для монетных дворов и производства пороха. В соответствии с п. 13 цену на эти товары устанавливал «Берг-коллегиум» с учетом того, чтобы заводчики от этого могли получить прибыль. Пункт 14 устанавливал срок для преимущественной покупки: если в течение месяца у соответствующего «начальника» не было бы денег для покупки, то «промышленник оное волен продать, кому похочет». Пунктом 15 было установлено, что «железо, олово, свинец и всякие минералы каждой промышленник волен продать, кому хочет». Также разрешалась продажа селитры, которая будет не нужна государству, внутри страны, ее импорт запрещался.

Пункт 16 был посвящен условиям владения горными заводами: «Доколе оные рудные заводы довольных работников иметь, и по уставам, каковы Коллегиум впредь объявит, содержатись будут». В этом случае государство давало гарантию владения промышленникам: «у них и у наследников их оные заводы отняты не будут». Исключение составляла ситуация, когда они «сами в состоянии не будут оные [заводы — М.К.] содержать», т.е. станут банкротами.

В 17, заключительном пункте, высказывалась надежда, что каждый подданный «сими прибыточными привилегиями, или жалованными грамотами к собственному своему и всенародному Российскому обогащению подвижен будет, оных подземных богатств проискывать и заводить». Тем же, кто утаит руды или будет мешать их поиску, а также строительству заводов, обещались «жестокий гнев, неотложное телесное наказание и смертная казнь и лишение всех имений, яко непокорливому и презирателю Нашей воли и врагу общенародных пользы»³⁶¹.

Оценивая значение данного законодательного акта, Н.И. Павленко отмечал, что «в России в XVII в. отсутствовало горное законодательство», и «в каждом отдельном случае ... права и принципы определялись соответствующим указом. <...> Введением всеобщих правовых норм Берг-привилегия, хотя бы формально, нивелировала права промышленников, провозгласила единые принципы их взаимоотношения с казной»³⁶². Конечно, необходимо признать законодательное значение данного акта. Тем не менее,

Берг-привилегия не являлась первым законодательным актом в области горной промышленности, если вспомнить акты от 2 ноября 1700 г., Берг-привилегия была создана на иных принципах. Это была принципиальная законодательная установка на создание наиболее благоприятных условий для развития горной промышленности с помощью частной инициативы. Важно отметить, что феодальные элементы права фактически не нашли в данном законодательном акте отражения. Вне зависимости от формы собственности и сословной принадлежности разрешалось строительство заводов, на которые гарантировалось наследственная собственность. «Мастеровые люди», т.е. квалифицированные рабочие, освобождались от всех служб и налогов. Их работа на частных заводах, таким образом, имела большое государственное значение и практически приравнивалась службе государству. Такой подход был возможен только в рамках меркантилистских представлений о функционировании экономики, которые требовали для богатства государства максимального развития промышленности с привлечением частной инициативы. О таком «прибытке» и для подданных, и для монарха, который может произойти от разработки полезных ископаемых, было прямо заявлено в преамбуле³⁶³. Для получения такого «прибытка» правительство в рамках феодального общества было готово пойти на определенные исключения, которые в целом не отменяли всей феодальной системы, основой которой было сельское хозяйство.

Берг-привилегия 1719 г., с которой многие историки связывали создание Берг-коллегии, была актом о «горной свободе», направленным на поощрение частной инициативы, на развитие которой с 1717 г. Петр I делал упор в своей промышленной политике и, соответственно, в промышленном законодательстве, а не актом о создании государственного органа. Также дополнительно подчеркнем, что Берг-привилегия не была коллежским регламентом. По этому поводу в 1721 г. в одном из доношений из Берг-Мануфактур-коллегии было написано, что в ней «не определено» инструкции³⁶⁴, т.е. Берг-привилегия не воспринималась в виде коллежского регламента.

16 января 1720 г., т.е. менее чем через два месяца после издания Берг-привилегии, по доношению Берг-Мануфактур-коллегии монархом было принято решение, что владельцы «железных и прочих заводов, которые давно заведены, а ничем не обложены», должны со своих заводов платить десятину «с нынешняго 1720 году, так как и с новозаведенных заводов иметь велено»³⁶⁵. Таким образом, была проведена своеобразная налоговая амнистия и подтверждено создание единого правового налогового поля для частной горной промышленности. Однако, как показал Н.И. Павленко, обозначенный в Берг-привилегии механизм сбора, т.е. 1/10 от прибыли, было крайне сложно реализовать, т.к. для относительно крупных горных заводов «собранные к 1722 г. сведения о

себестоимости и продажной цене выпускаемых изделий дали пеструю картину». При этом, «если так неблагоприятно обстояло дело с крупными предприятиями, то Берг-коллегия чувствовала свою полную беспомощность в учете прибыли, получаемой многочисленными разбросанными в разных районах страны мелкими производителями»³⁶⁶. В связи с этим в ноябре 1722 г. Берг-коллегия сообщала в Сенат, что «истины прознать вскоре без справок не можно»³⁶⁷. В связи с этим 5 февраля 1723 г. из данной коллегии, «не дожидаясь сенатской резолюции», был разослан указ, который изменял порядок налогообложения горных заводов, предусмотренный Берг-привилегией. По данному указу «все промышленники-металлурги были разбиты на четыре группы: владельцы вододействующих заводов Европейской России обязаны были платить по 1 коп., а владельцы ручных горнов – по одной деньге с пуда... Заводчики вододействующих предприятий Урала и Сибири должны были платить 2 коп., а ручных домен – 2 деньги с пуда чугуна»³⁶⁸.

Тем не менее, Сенат рассмотрел данный вопрос и 28 января 1724 г. принял соответствующий указ, по которому следовало «с железных заводов и ручных домен, вместо десятой доли, брать в казну во всех Губерниях со всех равно с наличного чугуна по копейке, а с ручных домен по деньге с пуда». Дополнительно указывалось, что «вместо денег дельным железом не иметь». При этом сам сбор «десятинного платежа» был изъят из ведомства Берг-коллегии. С 28 января 1724 г. его следовало собирать «Камерирам и Комиссарам, которые определены от Камер-Коллегии»³⁶⁹. Однако в следующем, 1725 г., по указу от 2 марта этот сбор был опять передан Берг-коллегии для выплаты жалования «Берг-коллегии с монетными дворами и с Берг-амтами»³⁷⁰.

Отметим, что в определенных случаях Берг-коллегия могла также отступать в вопросе налогообложения от Берг-привилегии. Так, 19 декабря 1720 г. Н.А. Демидову был дан из Берг-коллегии указ, разрешавший строительство Выйского медеплавильного завода. Согласно данному указу, Демидову, по прошествии двух льготных лет, следовало «платить чистой меди десятой пуд..., а не от прибыли десятой пуд с него брать». Подобную меру объяснили тем, что «ему Демидову под тот завод велено дать Государева земля и лес ему велено рубить Государев же»³⁷¹.

Также 19 февраля 1720 г. был издан указ в дополнение Берг-привилегии о том, сколько нужно приносить руд в коллегия для проб: «около четырех или пяти фунтов». При этом к ним следовало прикладывать «обстоятельную ведомость о тех местах, где те руды находятся»³⁷². 20 июля того же года был объявлен манифест, по которому Берг-привилегия распространялась и на иностранцев, которым разрешалось «рудокопным заводы строити, новыя компании заводити, к заведенным приступати, из прибыли отдав

десятину, и уступя первую Нам продажу свободную, и безопасную диспозицию, яко истинное свое стяжание, в свои пользы употреблять»³⁷³. Укажем, что в таком разрешении была фактически кратко воспроизведена логика Берг-привилегии.

Очевидно, что попытка реализации «горной свободы» на частных землях встречала определенное сопротивление ее владельцев. Как сообщалось в преамбуле указа от 19 апреля 1722 г., «в прииске всяких руд и минералов, помещики, также прикащики и старосты их, доносителям и приискателям руд великия чинят обиды, и не только что их не допускают в угодьях своих руд сыскивать, но еще бьют и мучают». В связи с этим данный указ предписывал о таких случаях «розыскивать в Берг-коллегии, а в города к Воеводам указов не посылать». При этом укажем, что норма о том, что «не указами посылать в городы», была сделана рукой Петра I³⁷⁴. Очевидно, такое повеление было сделано в связи с тем, что местные власти проявляли мало служебного рвения в защите «приискателей руд».

Таким образом, основы законодательного регулирования горной промышленности в рамках меркантилистского промышленного законодательства были заложены в Берг-привилегии 1719 г. и затем, в 20-е гг. XVIII в., лишь дополнялись отдельными указами. Это было во многом связано с наличием готового образца в виде шведской *Generalbergsprivilegium*, к которой во время проведения коллежской реформы прибегли в Берг-коллегии.

§ 2.3 Основные проблемы правового регулирования «мануфактурной» и горной промышленности и их законодательное решение в конце 1710-х – 1-й половине 1720-х гг.

В отличие от горной промышленности, развитие правового регулирования «мануфактур» в 1717-1720 гг. пошло по иному пути. Прежде всего, отметим, что оно происходило на основе развития норм, заключавшихся в ЖГШТ. Однако в ЖГШТ ничего не упоминалось о протекционистских мерах в отношении ввоза иностранных товаров. Этот пробел был восполнен 11 декабря 1717 г.³⁷⁵ Также в феврале 1718 г. к Петру I обратился арендатор московского чулочного завода Жан Монбрион (Jean Monbrion), который, помимо прочего, указывал на тяжелое положение со сбытом чулок из-за конкуренции иностранных товаров. В связи с этим он просил, чтобы «онных бы чулков из-за моря в Москву и к Архангелскому городу и в С. Питербурх впредь не вывозить» и обещал, что «своего ремесла чулки стану продават настоящею ценою не дороже иноземского»³⁷⁶. В результате этой челобитной Петр I 14 февраля 1718 г. издал указ, по которому запретил «купецким людям из-за моря и из других краев» привозить в Москву чулки. Заграничные чулки по указу разрешалось продавать в С.-Петербурге, в то время как

«в Москве в рядах продавать Московского дела, которые велено делать иноземцу Французенину Мамвриону»³⁷⁷. Кроме того, 14 февраля Петр I издал еще один указ, в котором запретил «из-за моря и из других краев» ввозить в страну каразеи и предписал торговать «в рядах» только такие, «которые делают в России»³⁷⁸. Подобный запрет был, скорее всего, связан с тем, что к февралю 1718 г. было «на Суконном дворе каразей и стамедов наделано многия тысячи аршин»³⁷⁹.

Начиная с февраля 1718 г., в жалованных грамотах, дарующих привилегии фабрикантам, помимо прочего, начинает обещаться запретить привоз иностранных товаров, когда промышленники свои фабрики «умножат» и смогут обеспечить таким товаром всю страну: вывоз из-за моря игл (фабрика Ивана Томилина и Панкрата Рюмина), ленты шелковые золотые и серебрянные (фабрика Алексея Милютина), сахар (купец Вестов), чулки (фабрика иноземца Иоганна Мавриона), краска бакан (Павел Васильев), каразея³⁸⁰, «купоросное масло и крепкая водка» (ландрат Савелов и купец Томилиин)³⁸¹. Запретить привоз иностранных товаров было обещано в ответ на просьбу заводчиков полотняного завода, переданного из казны «купецким людям» в 1711 г. (фабриканты Турчанинов и Цынбальщиков), с условием, что они «на письме подадут ведение в Мануфактур-Коллегию, что у них достаточно на расходы будет». Только после этого следовало бы объявить о запрете привоза через год, чтобы другим «испродать было время»³⁸². В связи с этим отметим, что подобный подход пока не предполагал протекционистской защиты становящейся промышленности. Скорее, предполагалось сперва удовлетворить внутренний спрос, после чего можно было без ущерба торговли и потребителю закрыть привоз иностранных товаров и таким образом оставить деньги внутри государства.

Правда, учитывая уровень развития мануфактурной промышленности, такой ситуации приходилось бы ждать довольно долго. В качестве примера запрета ввоза иностранных товаров можно привести только краску бакан³⁸³. В связи с этим правительство пошло не по пути полного запрета ввоза иностранных товаров, а через введение больших заградительных пошлин. 8 августа 1719 г. состоялся именной указ, по которому с 15 августа 1719 г. следовало взимать с ввозимых игл пошлины «против того, во что те иглы оценены будут», продавать же в России следовало иглы, которые производились на заводах Рюминых³⁸⁴. Именно в этом направлении затем стала развиваться таможенная политика, которая получила свое выражение в первом русском таможенном тарифе 1724 г.³⁸⁵

Кроме того, с 1719 г. правительство Петра I в отношении проблемы ввоза/вывоза промышленных товаров начинает выходить за пределы отдельных жалованных грамот. 11

февраля 1719 г., когда Петр I был на «Олонецких марциальных водах» и занимался внешне- и внутривластными делами³⁸⁶, Коммерц-коллегия была дан указ, по которому ей следовало «собрать все сведения... о мануфактурах и материялах, которые в России делаются и сыскиваются, и разсмотря, сделать определение, которыми без вывозу из за моря обойтись можно, и что должно вывозить, без чего пробыть нельзя»³⁸⁷. Этот указ демонстрировал системный меркантилистский подход правительства Петра I. В основу промышленной политики был положен принцип увеличения экспорта и уменьшения импорта, что, собственно, должно было обеспечить стране богатство. При этом необходимо учитывать внешнеторговый контекст данного подхода: основу российского импорта из Европы в 1-й четверти XVIII в. составляли промышленные товары³⁸⁸. Следовательно, по меркантилистской логике, именно на создание заместителей таких товаров должна была быть направлена экономическая политика. При этом, как показывал современный Петру I европейский опыт, добиться эффекта развития промышленности можно было, прежде всего, через поощрение частной инициативы с помощью льгот, а также протекционистской тарифной политики. Именно по такому пути в условиях феодального общества попытался направить свою политику Петр I, что нашло полное выражение именно в промышленном законодательстве.

Издание ЖГШТ получило определенный резонанс среди купечества. В начале 1718 г., когда Петр I был в Москве³⁸⁹, к нему обратились Андрей Турченинов и Степан Цынбальников, которым в 1711 г. был передан полотняный завод в Москве. 26 февраля Петр I в ответ наложил соответствующие резолюции.

Прежде всего, они просили для себя свободы в найме и увольнении «мастеров», как русских, так и иностранцев, на что получили следующую собственноручную резолюцию Петра: «Дать такую привилегию, как о шелковых заводах дана», – т.е. Петр в виде образцовой «привилегии» видел именно ЖГШТ. Заводчики просили запретить привозить в страну «всякие полотна и скатерти и салфетки». На это монарх повелел следующее: «Запретится тогда, когда они на письме подадут ведение в Мануфактур-Коллегию, что у них достаточно будет, (и сие письмо подать за год, дабы испродать было время)»³⁹⁰.

Заводчики, кроме того, желали, чтобы завод был им отдан с этого времени «на урочные годы», в связи с чем просили «отвести ... двор с каменным строением». Турченинов и Цынбальников просили увеличить количество членов их «компаний» за счет других «купецких людей» и выражали желание, чтобы их «с тем делом и во всем» ведали в Преображенском приказе. В завершении они писали: «А в каком состоянии тот завод мы приняли, чтоб и по урочном времени тот завод принять у нас против отдачи нам и о всяких нам вольностях да повелит» монарх дать свою «привилегию». Петр наложил на это

лаконичную резолюцию: «Двор отвесть. – В компанию кого хотят. – Ведать в Коллегии Мануфактурной, а сей завод отдается на тридцать лет»³⁹¹.

О том, какого типа это могла быть по своему содержанию жалованная грамота, можно предположить из анализа жалованной грамоты И.Я. Собольникову (далее - ЖГС) на его суконный завод в Москве, которую он получил в марте 1718 г. ЖГС открывалась утверждением, что «мы», т.е. Петр I, «прилежное старание имеем о распространении в государствах наших к ползе общаго блага и пожитку подданных наших купечества, всяких художеств и рукоделей, которыми все протчие благоучрежденные государства процветают и богатятца»³⁹², т.е. фактически воспроизводились слова из введения к ЖГШТ. В связи с таким «старанием» И.Я. Собольникову выдавалась жалованная грамота, по которой предписывалось «заводы распространить ему, Ивану, безо всякия остановки и тому мастерству русских людей обучать». При этом в качестве одного из источников рабочей силы ему указывалось на «бедных и малолетних, которыя ходят по улицам и просят милостыни». Собольникову следовало таких «в ученье брать» и до их совершеннолетия содержать «на своем коште». Если же ученики «учнут бегать», то их следовало «брать свободно».

Перед этим, в начале 1718 г. Петр I уже затрагивал проблему отправки на принудительные работы. 15 января 1718 г. состоялся именной указ, по которому следовало разорившихся подрядчиков и откупщиков, которых «на правеже держатся», также их поручителей, а в случае смерти должников их жен и детей, не держать «на правеже», а отправлять в Адмиралтейство. Адмиралтейству следовало «определять годных в галерную работу, а старых и малолетних мужескаго полу в другую работу, а жен в прядильной дом в Санктпетербурге». За работу им следовало «зачитать ... долговых денег, на месяц по рублю человеку»³⁹³.

Также отметим, что в феврале 1718 г. фабрикант А. Милютин просил о свободном найме мастеров, а также что бы ему разрешили «учеников, которые от меня с заводов бегают, где проведая, брать свободно ж»³⁹⁴. Правда, в доношении Милютин имел в виду тех учеников, которые «против записей не держатся», т.е. не соблюдают условий, прописанных в т.н. жилых записях, которые были актами «юридического характера, устанавливавшими взаимные обязательства мастеров и учеников», в т.ч. и срок ученичества, во время которого ученик был обязан жить у мастера³⁹⁵. В отношении ЖГС можно сказать, что в положении о «бедных и малолетних» произошло некоторое наложение прошения Милютина о свободном найме мастеров и о возвращении беглых учеников с мыслями об использовании нищих как одного из источников пополнения рабочей силы для частной мануфактуры.

В преамбуле ЖГС было написано, что «нашим указом повелено стамеды и каразы и сукна делать как в Москве, так и в городех всяких чинов людям и отдават для продажи на Суконной двор за денги по настоящей цене», т.е. к 1718 г. сохранялась обязательная продажа сукон казне. При этом в нормативной части ЖГС отмечалось, что те товары, «которые останутца за отдачею» казне, он мог свободно продавать внутри государства «беспошлинно впред на трицат лет», а вывозить – с платежом соответствующих пошлин. Фактически такая льгота была повторением нормы из ЖГШТ, хотя и с меньшим сроком действия – 30 лет вместо 50.

Схожим образом с ЖГШТ в ЖГС был решен вопрос о подсудности заводчика, только при этом подсудность Сенату была заменена на президента «Коллегии Манифактурной». По сравнению с ЖГШТ Собольникову, кроме гарантии прав собственности: «Сей его промысл на нас, великого государя, отписан и взят и никому другому отдан не будет, но вечно и неподвижно от нас, великого государя, и от наших наследников за ним, Иваном, и за ево наследниками оставлен быть имеет», - были даны дополнительные гарантии вкладываемому капиталу. Собольникову давалось обещание, что с его вложенного капитала «вновь никаких податей, ни десятой денги на оной накладывано никогда не будет». Кроме того, по сравнению с ЖГШТ он получал еще дополнительные привилегии: «в какие службы не выбирать и постоев афицерских, разве салдацких, и то, которые избы он покажет, на дворех ево не ставить»³⁹⁶.

В 1718 г. в ЖГС привилегии, по сравнению с ЖГШТ, явно были увеличены. При чем такое увеличение было связано с теми специфическими проблемами, с которыми приходилось сталкиваться, прежде всего, непривилегированным жителям города, и которые не были учтены в ЖГШТ: выбор в различные «службы» и военный постой. Очевидно, что перед Шафировым и Толстым таких проблем не стояло, и поэтому о подобных льготах при составлении ЖГШТ не шло речи. Однако в России монарх столкнулся с иными проблемами, которые стояли перед купечеством, т.е. основными потенциальными заводчиками и мануфактуристами. Приведем в качестве примера выдержку из доношения компанейщиков полотняного завода, которые, согласно резолюции Петра I от 26 февраля 1718 г., должны были получить жалованную грамоту, но к сентябрю 1718 г. так ее и не получили. После указания на то, что «мы нижайше той ... привилегии еще не получили», они писали, что «определенных наших компанейщиков в канцеляриях удерживают, такожде и нас в собственных посторонних делах в разные канцелярии волочат и детей и людей наших удерживают же. Также на наши дворы ставят постой афицеров и салдат непрестанно, отчего нам в компании во умножение оного дела чинитца не малое помешательство и обида»³⁹⁷. Об актуальности норм ЖГС об

освобождении от служб и постоя свидетельствует также доношение И.П. Тамеса (Jaen Tamesz), поданное в октябре 1719 г. Петру I, в котором заводчик просил, чтобы был дан указ, по которому следовало «товарищей моих в службы не выбирать и постоя на дворах не ставить, от чего нам есть ныне великая обида»³⁹⁸. Такой указ был дан Тамесу 10 марта 1720 г., по которому «компанейщиков» полотняной фабрики следовало «в службы Государевы ни в какие невыбирать, и постоем на дворах их никакова неставить»³⁹⁹.

Также как и в ЖГШТ, в ЖГС отсутствовало какое-либо положение о налоге с самого производства. Если для жалованных грамот XVII – начала XVIII в., касавшихся «мануфактурной» промышленности, было обязательно положение о взимании «оброка», то с 1717 г. «мануфактурная» промышленность была фактически освобождена от налога с предприятия.

Таким образом, из сравнения ЖГШТ и ЖГС становится ясно, что правительство отказалось от узко фискального подхода, и в рамках подхода меркантилистского в интересах развития «мануфактурной» промышленности было явно готово идти на встречу пожеланиям представителей непривилегированных сословий, владевших капиталом, т.е. прежде всего, купечеству.

Важно отметить, что норма в ЖГС о привлечении к работе нищих детей на частных мануфактурах получила законодательное закрепление. 20 июня 1718 г. из Сената был объявлен именной указ о нищих и бродягах. Согласно данному указу, помимо прочего, задержанных за бродяжничество взрослых мужчин следовало «бить на площади кнутом и посылать в каторжную работу, а баб в шпингаус»⁴⁰⁰. «Робят», т.е. детей, следовало, по первоначальному проекту указа, отправлять «в школу и на Суконный двор». Однако Петр I своей рукой вычеркнул «школу» и дописал «и к протчим манифактурам бы»⁴⁰¹. Таким образом, вместо того, чтобы быть только в государственном ведомстве, бродячие «робята» должны были пополнить контингент учеников на частных мануфактурах. Укажем, что подобная мера – использование нищих и бродяг, в том числе и детей, для принудительных работ на мануфактурах и ремеслах – была довольно распространена в Европе⁴⁰². Как отмечал И.М. Кулишер, «во Франции ... было разрешено и даже предписано принимать определенное количество детей из госпиталей в качестве подмастерьев»⁴⁰³. Также укажем, что данный законодательный акт интересен тем, что в нем произошло законодательное закрепление нормы из жалованной грамоты.

Частные заводчики и мануфактуристы оценили возможность использования принудительного труда. «Компанейщики» полотняного завода обратились к Петру I с просьбой «дать нам для чищения и прядения льну женщин и девок, которые впред за вины свои на работу будут ссылатца»⁴⁰⁴. Отметим при этом, что доношение было

подписано Иваном Тамесом (Jaen Tamesz), который с 1718 г. вступил в компанию⁴⁰⁵. Он был сыном голландского гравера Павла Тамеса (Paulus Tamesz). П.И. Рычков, который в 1720 г. со своим отцом прибыл в Москву и затем был им отдан для обучения голландскому и «других языков, и для обучения бухгалтерской науки и внешней коммерции» И.П. Тамесу, дал следующую характеристику своему учителю: «Сей господин Тамес был подлинно муж великаго сведения не только в коммерции, но и во многих статских делах, и за его разум и многие полезные проекты к заведению и распространению в России разных мануфактур находился в особливой милости у его величества ... Петра Великаго»⁴⁰⁶. Вполне возможно, что И.П. Тамес знал о европейской практике использования принудительного труда на мануфактурах, в связи с чем решил обратиться с соответствующей просьбой к Петру I.

26 февраля 1719 г. Петр I сообщал в Сенат с Петровских заводов, что «били челом нам московские полотняного заводу компанейщики Андрей Турка с товарищи, чтоб для умножения полотняной фабрики ... отсылать к ним для пряжи лну баб и девок таких, которые будут ... по делам за вины свои наказаны». В связи с этим монарх предписал, чтобы таких «виновных баб и девок отсылали к ним в работу»⁴⁰⁷. 26 июля 1721 г. эта норма была закреплена законодательно: по сенатскому указу следовало «для ссылки в работу винных баб и девок отсылать в Берг и Мануфактур-Коллегию, и отдавать из той Коллегии компанейщиками, описывая сколько которой лет в работе быть или по смерть»⁴⁰⁸.

«Иноземец Иван Тамес с товарищи» не остановились в отношении принудительного труда на «винных бабах и девках». В начале 1719 г. они подали Петру I челобитную, в которой писали о селе Кохме с деревнями (269 жилых дворов по ландратской переписи 1715 г.), которое принадлежало суздальскому епископу. «Компанейщики» хотели, чтобы «той волости быть во определении при» полотняных «заводех, а подати и протчие сборы и что сбиралось на епископа по окладу» они обещали «повсягодно платить ... без доимки»⁴⁰⁹, т.е. фактически они просили приписать данную волость к полотняной мануфактуре. Прошение «компанейщиков» было удовлетворено и с 15 февраля 1719 г. Кохма была приписана к мануфактуре⁴¹⁰. Таким образом, по крайней мере, Петр I был готов пойти на предоставление частным мануфактуристам и заводчикам возможности использовать на их предприятиях принудительный труд, а не только вольный найм. Конечно, существовала и иная позиция. Так, в 1719 г. «купчина» царицы Екатерины Алексеевны Н.И. Волков «изъявил желание завести в Москве собственное предприятие по выработке каламенки, штова, трипа и других шелковых, шерстяных и полотняных тканей», в связи с чем «подал в Кабинет 16 пунктов, касавшихся разных сторон его

проекта»⁴¹¹. В резолюции на данные пункты, наложенные в Кабинете, было написано: «Сие еще Волков прилагает в последнем своем изъяснении, чтоб ему коллегия 100 человек учеников с мастерами их вечно приписали». Автор резолюций (возможно, кабинет-секретарь Макаров) дал следующую оценку такому требованию: «Сие не престало, и такое принуждение при манифактуре не содержится»⁴¹². Вместо этого Волкову были обещаны ученики, которые должны были проработать у него 7 лет⁴¹³. Тем не менее, сам факт просьбы Волкова свидетельствует о некотором спросе на подневольный труд со стороны промышленников.

Отметим, что помимо введения соответствующих правовых норм, направленных на поощрение частной промышленной деятельности, правительство прибегало к непосредственной материальной поддержке в виде выделения помещений («Иван Тамес с компанейщики» получили в 1719 г. 2 двора опального Авраамия Лопухина, один каменный и один деревянный, в 1720 г. Н.И. Волоков – «двор отписной Дмитрея Соловьева в Москве ... с каменным и деревянным строением»⁴¹⁴), беспроцентных ссуд (в 1719 г. Н.И. Волков получил 3000 руб. на 5 лет без процентов, В.П. Щеголин «с товарищи» получил «на произведение и размножение» суконной мануфактуры 30000 руб. на 3 года без процентов⁴¹⁵) и мастеровых людей (в 1719 г. («Иван Тамес с компанейщики» были «пожалованы» Петром I «двумя женщинами» с Екатерингофской полотняной мануфактуры⁴¹⁶, Н.И. Волков в том же году получил «мастеровых людей 58 человек»⁴¹⁷).

Новая промышленная политика в отношении «мануфактур» нашла свое нормативное выражение в ЖГШТ. Она воспринималась как образец, по которому следовало регулировать деятельность частной мануфактуры. Однако ЖГШТ была выдана представителям привилегированной сословной группы, «шляхетства», в связи с чем некоторые нормы, актуальные для непривилегированных сословных групп (освобождение от постоя и от «государевых служб»), в нее не были включены. Такими нормами жалованные грамоты на заведение мануфактур были пополнены в конце 1717 – 1718 гг. Основной целью таких правовых норм было стремление привлечь частный капитал к развитию промышленности. В результате правительство предлагало в новых жалованных грамотах гарантию наследственной собственности владельцам промышленных предприятий, предоставление временных торговых привилегий (освобождение товаров от внутренних пошлин), невзимание каких-либо налогов с самого производства, освобождение от «служб государевых» и постоя, невмешательство местной администрации и подсудность Берг-Мануфактур-коллегии. При этом 17 января 1718 г. было законодательно предписано не брать в службы мастеровых, которые хотели пойти работать на мануфактуры и получили соответствующее свидетельство от властей⁴¹⁸.

Дополнительно некоторым мануфактуристам была предоставлена возможность использовать на мануфактурах принудительный труд, а не только вольный найм.

В качестве примера определенной закреплённости вышеприведённых правовых норм можно привести указ от 17 февраля 1720 г., по которому «компанейщикам» В. Щеголину с товарищами передавался Суконный двор. С одной стороны, в данном правовом документе содержались положения, связанные с регулированием поставок сукна казне⁴¹⁹, с другой стороны, в него вошли правовые нормы, содержащиеся в ЖГС. По данному документу «компанейщикам» разрешалось сукна, которые будут не нужны Мундирной канцелярии, «в ряды продавать 5 лет беспошлинно». Их следовало «сверх того обнадежить, что оной завод не возмется у них и у жен их и детей, покамест они станут содержать его в добром состоянии». Далее, согласно указу, предписывалось «в службы государевы, кроме онаго, никуда их компанейщиков и детей и братий их, кои с ними в одних домах живут, не отдавать... Судом и расправою ведать в Берг-коллегии ... В домах их компанейщиков, где они сами живут, постою не ставить». Местным властям давалось предписание заботиться о «манифактуре» и ее «не останавливать». Они должны были «оной фабрике чинить всякое вспоможение, чтоб к тому вступающие люди вящую охоту имели и деньги в компанию складывали без опасения». «Компанейщикам» в свою очередь следовало, «когда тою компанею сукон умножат, так что можно будет оными удовольствовать в России и без вывоза из других государств», сообщить об этом в Берг-коллегию. Очевидно, в данном случае речь шла о возможности запрета ввоза иностранных сукон, т.е. протекционистской мере⁴²⁰.

Что касается регулирования рабочей силы, то на мануфактуру учеников предписывалось принимать из свободных, а не из крепостных. Принятых учеников следовало «держатъ ... только 7 лет». При этом в случае побега ученика до истечения данных 7 «урочных лет», его следовало вернуть на фабрику, а на державшего такого ученика наложить штраф в размере 100 руб., из которого 1/3 шла государству, 1/3 – доносителю и 1/3 – фабрикантам⁴²¹.

В конце данного указа «компанейщикам» давались некоторые предписания, связанные с тем, что «в России мануфактура еще вновь заводится». Им следовало заботиться об обучении русских людей соответствующим «мастерствам», чтобы «такого мастерства из российских людей было довольное число». При необходимости следовало выписывать соответствующих мастеров и инструменты из-за границы. Отдельная рекомендация давалась по поводу красок для сукон: их следовало держать в нужном количестве, при этом следовало уделять большее внимание русским краскам. В случае же «которых трав или коренья к тому крашению в России сыскать не можно», их следовало «в

чужих странах покупать семенами» и выращивать самим, «дабы конечно пробавляться российскими красками без вывоза из иностранных государств»⁴²². Данная норма хорошо иллюстрирует меркантилистские устремления правительства Петра I в отношении проблемы ввоза/вывоза промышленных товаров

Отметим, что поворот в промышленной политике в 1717 г. и новые правовые нормы оказали значимое институциональное воздействие на развитие мануфактурной промышленности. Это становится ясным, если проанализировать динамику возникновения казенных и частных мануфактур за 1-ю четверть XVIII в.

Как видно из Таблицы 1, казенное строительство мануфактур с 1695 по 1725 годы в целом оставалось стабильным. В то же время в динамик основания мануфактур частными предпринимателями за этот же период времени видны существенные колебания. Если до 1718 г. динамика была очень слаба, и с 1695 до 1718 г. в среднем основывалось по 1,3 мануфактуры в год, максимальное количество построенных мануфактур за один год – 4 шт. (1716 г.), то начиная с 1718 г. происходит резкий скачек, причем скачек пришелся сразу же на 1718 г. – 10 мануфактур, т.е. почти сразу после изменения направления промышленной политики, отраженного в ЖГШТ. Теперь с 1718 по 1725 г. в среднем основывалось 8 мануфактур в год, т.е. в 6,1 раза больше по сравнению с периодом 1695-1717 гг., а максимальное количество построенных мануфактур за один год – 14 шт. (1722 г.), т.е. в 3,5 раза больше по сравнению с предшествующим максимумом 1716 года. Таким образом, можно сказать, что произошло не только изменение промышленной политики, но и промышленного развития страны в целом. Теперь в мануфактурную промышленность активно пошел частный капитал, и произошедшее изменение, очевидно, непосредственно связано с изменениями в области промышленной политики.

В 1-ю половину 20-х гг. XVIII продолжилось развитие правового регулирования промышленности, которое все более приобретало законодательные формы. Это проявилось как в появлении законодательных актов, общих для горной и «мануфактурной» промышленности, так и в переходе от партикуляризма жалованных грамот к законодательным актам в отношении «мануфактур». Л.Н. Нисселович в 1883 г. так характеризовал этот процесс: «Мало по малу привилегии, дарованные сначала известным лицам, распространяются на *всех* вообще заводчиков и фабрикантов»⁴²³. Схожее наблюдение сделал в 1939 г. Д.С. Бабурин: «Постепенно единичные пожалования-привилегии начинают обобщаться в смысле распространения их на все торгово-промышленное население страны, обладавшее для заведения мануфактур необходимым “достатком” и “пожитками”»⁴²⁴.

Как отмечалось в последней редакции «Истории Свейской войны», «генваря с 8-го числа его царское величество, будучи в Санкт-Питербурхе, имел труд в делах гражданских»⁴²⁵. Среди этих дел оказались и вопросы, связанные с правовым регулированием промышленности. Согласно заметкам, сделанным Петром I в начале 1721 ., монарх следующим образом сформулировал правовую норму, которую вынес на обсуждение в Сенат: «Хто заводы имеют, быт свободным от службы»⁴²⁶.

17 января 1721 г. Петром I был подписан соответствующий указ. Данный законодательный акт открывался рассуждением о том, что «размножаются вновь многия мануфактуры и фабрики, во что вступили компаниями, и особно многие купеческие люди», т.е. монарх отмечал факт значительного роста основания мануфактур и заводов, что было не удивительно, т.к. за 3 года, с 1718 по 1720, было основано не менее 20 частных мануфактур, в то время как за предшествующие 18 лет, с 1700 по 1717, только 26. При этом показательно признание связи данного роста с представителями купечества, т.е. непривилегированной сословной группы. В связи с этим отмечалось, что «купеческие люди ... определяют к разным делам в службы, от чего в размножении» мануфактур «может чиниться не без помешательства». Монарх предписывал своим именным указом, что «первый, который завод заведет, свободен от службы». Под «первым» здесь понимался «первый из компании». При этом согласно указу, этому «первому» следовало «подать роспись» о том, «сколько ему надобно в товарищи». Роспись следовало подавать в Берг-Мануфактур-коллегию, а той доносить в Сенат, где и должно было быть принято решение. Из таких товарищей от службы освобождались только те, которые «от начала завода в полтора года в товарищество вступят». Которые же после – не освобождались от служб, «разве особливо необходимо того случай какой требовать будет», о чем было необходимо получить указ за подписью монарха⁴²⁷. Для «мануфактурной» промышленности данный акт означал законодательное закрепление нормы из индивидуальных «привилегий», для горной промышленности указанный акт ликвидировал упущение Берг-привилегии, в которой ничего не было написано об освобождении заводчиков.

Другой проблемой, сформулированной Петром I и вынесенным на обсуждение в Сенат, было положение «о покупке деревен посатским для заводов»⁴²⁸. В результате ее рассмотрения 18 января 1721 г., был принят знаменитый указ, разрешивший покупку крепостных к мануфактуре. Укажем на обоснование права покупки крепостных к мануфактуре: «Понеже хотя по прежним указам купецким людям деревень покупать было и запрещено, и тогда то запрещение было того ради, что они, кроме купечества, к пользе государственной других никаких заводов не имели; а ныне по нашим указам... купеческие люди компаниями... заводят вновь разные заводы». Прежде всего, как и в указе 17 января,

признавался факт значительного роста основания мануфактур представителями купечества. В связи с этим показателен список «заводов»: «серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому ж и шелковые, и полотняные, и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли». Этот список, в основном, напрямую связан с реально существовавшими к 1721 г. заводами и мануфактурами (железные заводы Демидовых, игольный Рюминых, шелковый компании Шафирова и Толстого, полотняный Тамеса и компанейщиков, суконный Н.И. Волкова, также компании Щеголина). Кроме того, сам факт основания «завода» признавался как акт, полезный для государства, т.е. прямая отсылка к меркантилистским представлениям о богатстве государства. Именно исходя из этого Петр I провозгласил, что «того ради позволяется сим нашим указом, для размножения таких заводов, как шляхетству, так и служилым людям, к тем заводам деревни покупать невозбранно». При этом указывалось, что «ежели кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить и таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать»⁴²⁹.

В связи с интерпретацией данного указа возникает вопрос: как монарх пришел к такому решению. Отметим, что еще Н.А. Демидов 10 февраля 1702 г. просил позволения на покупку у вотчинников крестьян, чтобы «на заводы свозить и у заводов селить»⁴³⁰. Что же касается указа от 18 января 1721 г., то на его принятие могло оказать непосредственное воздействие ситуация с полотняными «компанейщиками» и селом Кохмы. Как мы выше отмечали, «иноземец Иван Тамес с товарищи» в начале 1719 г. подали Петру I челобитную, в которой просили приписать к заводу село Кохмы. Прошение «компанейщиков» было удовлетворено, и с 15 февраля 1719 г. Кохмы были приписаны к мануфактуре⁴³¹. Однако «компанейщики» не смогли воспользоваться трудовыми ресурсами данного села. Например, 5 декабря 1720 г. Иван Тамес сообщал в Берг-коллегию, что «отдано им в полотняную фабрику село Кохма с деревнями и чрез де его письмо приказал он тамошнему прикащику выслать из того села скудных баб и девок, которые в том селе по миру ходят, и те их крестьяня тех баб и девок не выслали»⁴³². Также Тамес сообщал, что «оной вотчины крестьяне на них», т.е. фабрикантов, «работать не хотят». В частности, «компания положила было на каждый крестьянский двор для пряжи “малое число” по 6-ти фунтов льну, но “и от того де они, крестьяне, им отказали”». В связи с такой ситуацией Тамес просил Берг-Мануфактур-коллегию «оное село от них снять прочь»⁴³³. Тем не менее, такая ситуация не заставила «компанейщиков» отказаться от применения принудительного труда как такового. Позднее, 11 мая 1722 г. В.Я. Новосильцов, президент Мануфактур-коллегии, писал Петру I, что «директор Тамес с компанейщики просят, чтоб к их полотняной манифактуре для произведения определить

сто человек из рекрут или из дворцовых крестьян, которые тягла не тянут и оброку не платят»⁴³⁴.

Возможно, что желание некоторых заводчиков и мануфактуристов использовать принудительный труд, особенно тех, кто находился в контакте с Петром I и пользовался у него уважением, как И.П. Тамес, проблемы, связанные с припиской из-за недостаточной власти заводчиков и мануфактуристов над крестьянами, а также признание важности мануфактур для «блага государства» привело Петра I к разрешению на приобретение «деревень» недворянами к мануфактуре. При этом отметим, что это было явно «опережающее» решение, и основная масса владельцев мануфактур в 1721 г. особо не нуждалась в покупке крепостных. Об этом свидетельствуют, в частности, первые годы спроса в частной «мануфактурной» промышленности на покупку крепостных. В 1721-1727 гг. разрешения на покупку крепостных к мануфактуре были единичными. В частности, ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторы, свидетельствует, что только «красносельцы Иван да Леонтий Симоновы» купили в 1721 г. с разрешения коллегии село Кунеево из 48 дворов (в них 257 душ м.п.) к «кожевной и делания козлиных замш»⁴³⁵, «купецкие люди» Сидор Томилин и Панкрат Рюмин купили в 1722 г. с разрешения коллегии «сельцо Городецкое з деревнями» к «игольной фабрике»⁴³⁶, «компанейщику Ивану Воронину» в 1722 г. было дано разрешение на покупку к чулочной фабрике до 30 дворов⁴³⁷, а к 1727 г. такое разрешение было дано еще двум «мануфактуристам»: «купецкому человеку» Борису Евреинову к перловых и яшных круп мельнице до 30 дворов⁴³⁸ и также «купецкому человеку» Ивану Кузнецову к булавочной «мануфактуре» до 30 дворов⁴³⁹. Пять разрешений за почти 7 лет действия указа для более чем 60 «мануфактур» – это весьма скромный показатель. Хотя при этом отметим, что со временем он будет иметь тенденцию к увеличению. Так, в 1728 г. было выдано 6 разрешений, а в 1729 – 4⁴⁴⁰.

Однако, согласно указу от 18 января 1721 г., разрешение давалась не только «купецким людям», но и «шляхетству», которое уже имело право покупки деревень. При этом на распоряжение деревнями, приобретенными к мануфактуре, накладывались существенные ограничения, как для «купецких людей», так и для «шляхетства»: «тех деревень особо без заводов никому не продавать и не закладывать, и никакими вымысли ни за кем не крепить, и на выкуп таких деревень никому не отдавать, разве кто похочет для необходимых своих нужд те деревни и с теми заводы продать»⁴⁴¹. Скорее всего, такая формулировка была связана с существовавшими в данное время намерениями Петра I по регламентации крепостного права.

15 апреля 1721 г. кабинет-секретарь А. Макаров писал обер-секретарю Сената, что Петр I: «указал ... продажу людям пресечь, а ежели невозможно того будет вовсе пресечь, то бы хотя по нужде и продавали целыми фамилиями или семьями, а не порознь. И о том бы при сочинении нынешняго Уложения изъяснить, как ... сенатори за благо разсудят»⁴⁴². Отметим, что этот указ не был печатным⁴⁴³, также не имел подписи Петра I, а только Макарова, который сообщал об указании монарха, т.е. данный акт не являлся общегосударственным законодательным актом и не имел нормативного характера. Этим указом Петр I перед Сенатом только выносил проблему на обсуждение. Как отмечает А.Б. Каменский, в проекте Уложения «приказ царя был выполнен полностью. Причем составители проекта не нашли препятствий к тому, чтобы запретить не только продажу крестьян порознь, а и вообще продажу их без земли»⁴⁴⁴. Следовательно, в случае законодательного закрепления значимых ограничений для «шляхетства» на распоряжение крепостными им также могло понадобиться разрешение на приобретение деревень для заводов.

Указами от 17 и 18 января 1721 г. правительство еще раз подчеркнуло свое отношение к «мануфактурной» и горной промышленности: мануфактура рассматривалась как вещь, полезная государству, ее содержание становилось сродни дворянской службы. Раз ее владельцы уже несли службу на благо государству в виде содержания мануфактуры, то они должны были освобождаться от иной «государевой службы». Таким же образом владельцы «мануфактур» и заводов получали право на покупку крепостных, доступное ранее только привилегированным слоям Московского царства. О подобном восприятии мануфактуры как варианта службы государству свидетельствовало предписание Берг-Мануфактур-коллегии следить, чтобы если «кто будет заводы заводить токмо для лица малые, чтоб ему тем у кого деревни купить», то «таковых вымышленников до той покупки отнюдь не допускать»⁴⁴⁵.

Дополнительно отметим, что в 1721 г. шла работа по созданию протекционистского таможенного тарифа, по которому ввоз некоторых товаров, производимых в России, запрещался бы вообще, а на другие накладывалась высокая пошлина⁴⁴⁶.

Издание законодательных актов января 1721 г. явилось своеобразным ответом на начало активного развития частной мануфактуры, которое, в свою очередь, было вызвано поворотом в промышленной политике в 1717 г. Для правительства меркантилистский подход, направленный на стимуляцию частной активности в области строительства мануфактур, показал свою эффективность, в связи с чем горные заводы и «мануфактуры» переставали быть объектом штучного, индивидуального правового регулирования. Горные заводы и «мануфактуры» становились для правительств объектом относительно массового

регулирования, что, учитывая законотворческую активность Петра I, должно было привести к переходу от частных норм, зафиксированных в жалованных грамотах, к общим нормам, зафиксированным в законодательных актах. Результатом этого периода явилось создание регламента Мануфактур-коллегии, утвержденного 3 декабря 1723 г., одного из самых важных законодательных актов, составлявших корпус российского промышленного законодательства в XVIII в.

Однако его изданию в 1722 г. предшествовало также несколько важных решений, касавшихся проблем регулирования мануфактурной промышленности. Как было отмечено выше, 18 января 1722 года президентом Мануфактур-коллегии был назначен В.Я. Новосильцев (1680-1743). В 1720 г. он фигурирует в должности обер-кригс-комиссара⁴⁴⁷. По своим служебным обязанностям до своего назначения на пост президента Мануфактур-коллегии он, помимо прочего, занимался проблемами суконных фабрик и поставки сукна на мундиры⁴⁴⁸. В этом отношении становится ясным его назначение на пост президента Мануфактур-коллегии. Новосильцев был человеком, который непосредственно знал положение в «мануфактурной» промышленности, потребности и пожелания владельцев «мануфактур», что нашло отражение в его деятельности на посту президента Мануфактур-коллегии.

3 февраля 1722 г. Петр I издал указ, по которому «интересентам фабрик» запрещалось продавать свои «фабрические товары» с фабричных дворов, а также иметь для этой цели в рядах лавки. «Интересентам» предлагалось привозить свои товары на гостиный двор и там продавать купцам, т.е. владельцам «мануфактур» запрещалась розничная торговля своими товарами и разрешалась только оптовая. Монарх мотивировал такую меру тем, что из-за конкуренции фабрикантов «в рядах многия лавки запустели, и в оброчных сборах не без многой доимки, а купецким людям, которые такими товары торговали, не без разорения»⁴⁴⁹. Таким образом, Петр I стремился поддержать и торгующее купечество, у которого в результате новой промышленной политики появился конкурент в виде привилегированных промышленников.

Естественно, что данный указ не означал какого-либо отступления от меркантилистских принципов в новом промышленном законодательстве. Это подтверждается тем, что 19 апреля 1722 г., будучи в Преображенском, Петр I лично написал проект, а затем подписал указ, который велел внести в Инструкцию рекетмейстеру. По этому указу «должен рекетмейстер особое смотрение иметь на челобитчиков тех, которые будут жалобы приносить на кого в том, что в сыскивании руд, или в заводе каких заводов, или мануфактур обиды, налоги или препятствия чинят, и не точию осмотрение, но и ходатайство о том, [яко о новом деле, дабы умножилось к ползе

государственной, дабы необходимо наказаны преступники были], иметь под жестким ответом, ежели пренебрежет, и наказании»⁴⁵⁰. Этим предписанием монарх очередной раз подчеркивал и нормативно закреплял представление о важности горной и «манифактурной» промышленности для государства.

Тем не менее, владельцы «манифактур» были не согласны с положениями законодательного акта от 3 февраля 1722 г. Уже 11 мая 1722 г. В.Я. Новосильцев доносил Петру, что владельцы «манифактур» просят, «чтоб содержано было по их привилегиям и врознь продажа им была невозбранена», и что купцы в рядах «за вышеписанным указом товары их которые прежде торговали, ныне иных и не торгуют, а и которые и торгуют, и те ценою дешевают». Он отмечал, что купцам, торгующим в розницу, легче договориться о цене, чтобы принудить владельцев «манифактур» продавать по дешевой цене изделия, так как из-за указа от 3 февраля 1722 г. «мимо» купцов «врознь продавать возбранено». Новосильцев указывал на то, что подобное положение вещей с продажей изделий может отрицательно сказаться на привлечении частных капиталов в «манифактурную» промышленность, тем более что «ныне есть много таких, которые просят увольнения от компаней и денег вкладывать не хотят». Новосильцев прямо не предлагал императору отменить его указ от 3 февраля 1722 г., однако все его доводы подводили именно к этому. Пропустив непосредственное предложение о снятии запрета на продажу мануфактуристами в розницу своих изделий, Новосильцев присовокупил следующее соображение: «А буде рядовые купцы продаж о манифактур врознь иметь себе за обиду, то надлежит им вступать в те манифактуры самим, и сего может быть в манифактурах сугубая польза: капитал может быть больше, нежели ныне, оне ж могут показывать, на какие товары иметь бы росходу больше и денги ис товару могут обращаться скорее»⁴⁵¹. Мнение Новосильцева того же числа – 11 мая – «было доложено Петру»⁴⁵², который в это самое время завершал последние приготовления к отправке в Астрахань, чтобы руководить т.н. Персидским походом. 17 мая 1722 г. Петр I был уже в Коломне⁴⁵³. В ответ на это Петр I 11 мая, т.е. в день подачи мнения Новосильцевым, «указал тем компанейщиком зделанные свои товары купецким людям в лавки продавать немалым числом с убавкою той цены, по чему врознь из лавок продаваны быть. А по чему та убавка надлежит быть, о том определение учинить по рассмотрению в Манифактур Коллегии. И как учинено будет, о том известие подать в Сенат»⁴⁵⁴.

Очевидно, в связи с подобным решением И. Тамес, стремясь вернуть себе право розничной торговли, в одном из своих доношений Петру I писал, что «от нашей фабрики купцам русским помешательства нет для того, что в Панском ряду многими разными

товарами торгуют, и ежели б они у нас купили, то бы всегда по десяти парсент и болше им уступили»⁴⁵⁵.

4 июня 1722 г. Сенат, в отсутствие Петра I, принял соответствующий приговор, куда включил указание монарха от 11 мая 1722 г. Но сенаторы этим не ограничились, и дополнили его следующим положением: «Буде же купецкие люди у них, компанейщиков, зделанныя их товаров всех покупать не будут, то оным компанейщиком манифактур позволит в тех рядах, где которое товары продаются, наймывать лавки и держать и продавать те свои в манифактурах сделанные товары, которые за продажею у них оставатца будут, безвозбранно, по прежним им данным привилегиям»⁴⁵⁶. Этот приговор генерал-прокурор Ягужинский переслал Петру I, находившемуся в это время в Астрахани.

Укажем при этом, что, будучи в Астрахани, Петр I не оставлял вопросов, связанных с развитием промышленности в России. 13 июля он направил указ Мануфактур-коллегии, касавшийся проблем соотношения внутреннего промышленного производства и импорта товаров. Монарх предписывал «господам Колегии Манифактурной ... рассмотреть все товары, которые идут в Росийские государства деланные, и материалы», т.е. сырье. Что касается ввозимых товаров, то коллегии следовало «трудитца, чтоб делать дома все, которых материи в сем государстве найтися могут». Когда таких товаров внутри страны станет «довольно», тогда следовало «доносить Сенату, чтоб положили пошлину тяжелую на оной». Что касается сырья, то его надо было «искать, про которые не ведаем». Для этого Мануфактур-коллегии следовало «розослать понесколку той материи по всем городам, дабы роздавали по штучке всякого чина людям, хто похощет, обещаая дат денги, хто такую материю сыщет»⁴⁵⁷. При этом дополнительно отметим, что для Персидского похода 1722-1723 гг. не последнюю роль играло стремление Петра I обеспечить сырьем отечественную промышленность⁴⁵⁸. Таким образом, Петр I в 1722 г. продолжал развивать меркантилистский подход в отношении развития промышленности.

При таких обстоятельствах монарх получил сенатский приговор от 4 июня 1722 г. о розничной продаже товаров «фабрикантами». Первоначальная реакция Петра I на данное решение было негативное. В указе Сенату, который так и не был отправлен, он писал следующее: «Прислал к нам генерал прокурор сочиненной у вас в Сенате приговор о фабриках для опробации, в котором написано, чтоб интересентам фабрик в рядах иметь свои лавки и продавать свои товары, и тому быть за непотребно мы рассудили». Сам Петр I решил предложить следующую модель: в случае непокупки купцами изделий «манифактур» по «указу февраля 3 дня ... надлежащею ценою», т.е. по оптовой, их владельцам разрешалась розничная продажа товаров. В случае же, если «лавочники того не хотят», Петр I, в соответствии с рекомендацией Новосильцева, хотел предписать

следующее: «То бы шли они сами в компании тех фабрик»⁴⁵⁹. Однако, по какой-то причине монарх передумал и решил утвердить сенатский приговор. Вполне возможно, свое определенное влияние оказало упоминавшееся доношение Тамеса. 18 июля 1722 г. в Астрахани Петр I наложил на сенатский приговор резолюцию «быт по сему»⁴⁶⁰. Интересно отметить, что в тексте самого законодательного акта от 18 июля 1722 г. было написано, что разрешение на розничную торговлю «мануфактуристам» было дано Петром I еще указом от 11 мая 1722 г.⁴⁶¹, хотя оно реально явилось результатом сенатской инициативы.

В результате, именной указ от 18 июля 1722 г., несмотря на оговорки, фактически ликвидировал запрет владельцам «мануфактур» на розничную торговлю. Например, 29 марта 1731 г. «парусной и бумажной фабрики содержатель Тимофей Филатов» писал, что имеет в С.-Петербурге на гостином дворе лавку, где в розницу продает полотна своего производства «по той цене, как и большою партией». В 1730 г. петербургское купечество добилось запрета для иногородних купцов торговать в розницу, и этот запрет был распространен на Филатова. Последний в связи с этим указывал, что «фабрикантам не токмо при порте, но и в Москве и в других городах в лавках продажа различная не запрещена». 7 апреля 1732 г. сенатским указом ему было разрешено возобновить розничную торговлю. При этом мотивировка формально соответствовала указу от 18 июля 1722 г.: Филатову разрешалось «иметь лавку для того, что тамошние Российские купцы, сделанных на его фабрике парусных полотен всех купить не могут»⁴⁶².

Правда, Петр I не отказался от идеи регламентации торговли изделиями «российских фабрик». В частности, в 1724 г. монарху стало известно, что в Петербурге «росийских фабрик всякие вещи ... продают дороже московского». В связи с этим он дал указ президенту Мануфактур-коллегии Новосильцеву, чтобы «равную ценою с Москвою ... продавали, а что им ставитца провоз, то б прибавили к цене товаров»⁴⁶³. Однако этот указ не был напечатан. Очевидно, в связи со смертью Петра I он не получил своего действия⁴⁶⁴.

Другая важная проблема, с которой столкнулись владельцы «мануфактур», а также горных заводов, была связана с проведением податной реформы. Сохранился собственноручный указ Петра I от 15 ноября 1718 г., согласно которому следовало «разпорядить сухопутное войско и рекруты морские, кроме жалования, и провиант на крестьян скольких душ или дворов адин, [что удобнее] будет солдат и драгун, и афицер по рангам [кроме генералитета], применялся к податям нынешним, ибо как сие положитца, от протчих всех податей и работ свободны будут»⁴⁶⁵, т.е. предполагаемый подушный оклад должен был распространиться, по замыслу Петра I, на крестьянство. Это получило свое

нормативное закрепление в указе от 22 января 1719 г., в котором объявлялось о переписи «ради расположения полков армейских на крестьян всего Государства»⁴⁶⁶. После завершения переписи 11 января 1722 г. был издан указ, по которому следовало «разкладке учинить на души на пять миллионов мужеска пола крестьян и дворовых деловых людей, и иных, которые с ними равно в тягло положены»⁴⁶⁷. Однако, как известно, результаты переписи не удовлетворили правительство, которое в 1722 г. приступило к их проверке. Данное мероприятие получило название «Свидетельства душ мужского пола»⁴⁶⁸. Ответственным персонам, которые были посланы в провинции для осуществления «Свидетельства», были даны соответствующие инструкции. В этих инструкциях было написано о переписи разных сословных групп крестьян⁴⁶⁹.

В связи с этим 15 марта 1722 г. в Сенате состоялся именной указ, касавшийся проблемы работных людей на «заводах». Согласно указу, «ежели у кого в Провинциях явятся какие заводы», то следовало «на тех заводах работных людей переписывать, которых они уездов и чьи люди и крестьяне». В случае если такие «чьи-то люди», т.е. дворовые и крестьяне, окажутся из тех же уездов, что и заводы, и до этого они были «написаны» в оклад, то их следовало «вновь не приписывать». Если же нет, то их следовало «приписывать к тем же селам и деревням, чьи они скажутся, и класть в раскладку с другими на ряду». То же следовало делать и с выходцами из других провинций. При этом указ предписывал «тех работных людей с тех заводов не ссылатъ неволею, дабы тех заводов не опустошить, и тем промыслов оных не остановить». Таким «работным людям» следовало «указом объявлять с запискою, дабы положенные на них деньги на полки, также и вотчинникам своим всякия подати платили по прежнему». Точно также, согласно указу, следовало поступать и с теми, кто «ходят и на судах и в протчих сих подобных работах обретающихся»⁴⁷⁰. При этом, как было пояснено в сенатском указе от 20 апреля 1725 г., данный указ не распространялся на беглых⁴⁷¹.

Рассматривая данный указ, сразу же укажем на его терминологию: в нем написано только о «заводах», на которых находятся «работные люди», и не упоминается о «мастеровых». При этом законодатель дает четкую идентификацию таких «работных людей» – это «чьи то люди», т.е. дворовые, и крестьяне. Таким образом, указ от 15 марта 1722 г. не касался «манифактур», равно как и «мастеровых» на «заводах». Однако, если для «мастеровых» на горных заводах существовала норма Берг-привилегии, в силу которой они должны были быть освобождены от подушной подати, то вопрос о «мастеровых и работных» на «манифактурах» оставался открытым.

В 1722 г. Тамес обратился к Петру I от имени «компанейщиков» с доношением, в котором писал, что «приняли мы ... к своей фабрике между других человек десять или

пятнадцать боярских людей, которые в ученики мастерствам так обучились, что большая доля у нас в подмастерах, однако фундаменталнго и сущего мастерства еще не выучились». Однако завершению их обучения возникло препятствие: «Многих ис того числа людей своих от нас переловили и от судей канцелярския им отданы. Отчего нам есть в произведении фабрик великое помешательство, понеже ныне за одним человеком и многие станы стоят порожжие для того, что другога вскоре выучить не можно, что тот, которого от нас изловили, и знал». Кроме того, Тамес дополнил описание такого вреда рассуждениями о пользе для государства обучения «мастерствам». При этом Тамес и «компанейщики» просили, чтобы «повелено было от нас тех господских людей, которые ныне у нас есть и которые чрез наши кошты учились, от нас до урочных лет не отнять». «Урочные годы» определялись в 7 лет для ученика и 3 для подмастерья⁴⁷².

Петр I получил это доношение уже будучи в Астрахани. В связи с этим 18 июля 1722 г. монархом был составлен указ для Сената. В нем сообщалось, что «директор полотняной фабрики Иван Тамес доносил нам, что у него от фабрики учеников помещики их через отдачу канцелярских судей берут, и оттого чинится остановка». В связи с этим следовало, по мнению Петра I, не отдавать «ни с которой фабрики никому учеников и работников ... чьи б они ни были». Вместо этого, по мысли Петра I, владельцы фабрик должны были бы платить «за каждого человека в казну осмигривенныя подушныя денги их». Кроме того, фабриканты должны были бы платить помещикам «подати против того, сколько те их люди платили им, будучи у них, помещиков»⁴⁷³.

Однако по каким-то причинам Петр I посчитал это решение слишком поспешным, в связи с чем 18 июля 1722 г. в качестве законодательного акта утвердил другой указ, которым предписал до своего возвращения из Персидского похода «никому ни с которой фабрики учеников и работников, чьи б они ни были, хотя и беглые явятся» не отдавать, а взятых вернуть. При этом беглых людей следовало только переписать⁴⁷⁴.

Е.В. Анисимов, при рассмотрении указа от 18 июля 1722 г. писал, что «указ 18 июля нужного действия не произвел, ибо в августе 1722 г. Адмиралтейская коллегия, ведавшая поташными заводами ..., сообщала, что из волостей, приписанных к заводам, подлежат вывозу более 2,3 тыс. дворов работных людей, пришедших на заводы для работ их других мест, и что это может привести к остановке заводов»⁴⁷⁵. Кроме того, Е.В. Анисимов привел еще несколько примеров, в т.ч. и законодательных, посвященных разъяснению норм указа от 15 марта 1722 г.⁴⁷⁶ Однако в данном случае историк допускает очевидную неточность в интерпретации законодательного акта. В указе от 18 июля 1722 г. предписывалось не высылать беглых с «фабрик», в то время как в указе от 15 марта 1722 г. было написано о «заводах».

В отношении терминологического отличия в качестве примера приведем преамбулу проекта регламента Мануфактур-коллегии, написанного к 12 ноября 1722 г. Согласно этому введению, для тех, кто «мануфактуры и фабрики уже основали и основать намерены будут, особливо Мануфактур Коллегиум ... учредить изволили»⁴⁷⁷. При этом в преамбуле Берг-привилегии 1719 г. было объявлено, что «Берг-коллегиум» является «единым судьей» над рудопромышленными заводами⁴⁷⁸. Таким образом, правовое регулирование горных заводов и «мануфактур и фабрик», хотя и было тесно связано между собой, тем не менее, официально разделялось.

В связи с этим укажем на резолюцию Петра I от 19 января 1723 г. на 4 пункт генерал-майора Г.П. Чернышева, которой было предписано, что «которые в фабриках, каких чинов ни есть, переписать, а в подать не класть»⁴⁷⁹. 22 декабря 1724 г. Сенат дал разъяснение по данному пункту, касавшееся «мастеровых и работных» на «фабриках». В 1724 г. полковник Есипов доносил в Сенат, что «в Липских заводах явились фабрики суконная да шляпная, на которых всяких чинов люди переписаны, а в оклад не положены». При этом «при переписи оных фабрик явилось написанных по сказкам 721 и 722 годов, детей их и братьев, от 10 лет и ниже, 56 человек, а за малолетством к делам при оных фабриках и никуда не определены». Среди них были «из церковных причетников, их однодворцев, из дворянских крестьян и из посадских людей». В связи с этим Есипов задавал вопрос: этих детей, которые не работают на «фабрике», следует ли просто переписать, или их следует еще и положить в подушную? Сенат ответил, что этих детей следует только переписать, «а в подушную оклад не класть», т.к. по резолюции Петра I от 19 февраля 1723 г., следовало «обретающихся в фабриках, каких чинов ни есть, в подати класть не велено, а велено только переслать», после чего Есипову следовало эту перепись «привести в Санктпетербург»⁴⁸⁰. Следовательно, в Петербурге ждали результатов переписи только на «фабриках», чтобы принять по ним конкретное решение.

Также 26 июня 1724 г. был издан «во всенародное известие» т.н. «Плакат о зборе подушном», в который были включены несколько норм, касавшихся «работных людей» на заводах. Эти нормы касались регламентирования оплаты труда крестьян, которых могли привлечь для работ, «когда по указам за подписанием Нашим Императорского Величества, или из Сената, для каких работ потребны будут люди и лошади». По п. 7 «О подводах и работниках и о платеже за них денег» главы I «О Земском Коммисаре» таким работникам следовало платить «в летнее время мужику с лошадыю по 10, а без лошади по 5 копеек, а в зимнее с лошадыю по 6, а без лошади по 4 копейки на день»⁴⁸¹.

Укажем, что данная проблема была поставлена Петром I. 9 декабря 1723 г. он в собственноручном указе Сенату писал, что необходимо в Сенате рассмотреть вопрос о

том, «по чему в которых местах, [смотря по дешевизне и дороговизне мест,] платит мужикам за подводы... также за работу людям и лошадям..., понеже со временем и сие для ведения людям в Плакат внести надобно»⁴⁸². Сенат, рассмотрев данный указ, пришел к мнению, что «надлежит за такие работы давать во всех местах равно», после чего были приведены расценки, затем закрепленные в Плакате. 13 января 1724 г. Петр I, будучи в «Зимнем доме», наложил резолюцию «быть по сему»⁴⁸³. 20 января 1724 г. Сенат, во исполнение именного указа, приказал «в народ публиковать листами», а также разослать указы в государственные учреждения о том, чтобы «нигде ни к каким работам работников и подвод безденежно и без указов из Сената» не привлекать, а в случае наличия такого указа платить по указанным расценкам⁴⁸⁴. 16 февраля 1724 г. Петр I в Сенате рассматривал доношение В.И. Геннина, по которому, принял решение, чтобы к казенным заводам «для работ приписать слободы ... и с тех слобод подушных как осмии-гривенных, так и четырех-гривенных денег» не брать. Вместо этого крестьяне приписных слобод должны были отрабатывать их на заводах, «за которую работу зачитать им по указу» от 13 января 1724 г.⁴⁸⁵ Таким образом, монарх связал норму указа от 13 января 1724 г., закрепленную затем в Плакате, и оплату труда приписных крестьян. Именно на основании данного подхода в дальнейшем будет производиться оплата для приписных крестьян, как на казенных предприятиях, так и на частных.

Дополнительно отметим, что в указе на доношение Геннина Петр I допускал, что приписные могли бы работать сверх заработанных подушных денег. В таком случае Генину предписывалось «им работная деньги» платить также по указу от 13 января 1724 г., «а без платежа денег, в работы их не употреблять»⁴⁸⁶.

Также в Плакате для крестьян-отходников вводилась т.н. паспортная система. В связи с этим в главе «О Полковнике с Офицеры» был включен п. 15. «О содержании работных людей на заводах». Согласно этому пункту, «на всех заводах, а особливо в Сибири, таковых работников», т.е. крестьян-отходников с «прокормежными письмами», следовало «жениться не допускать; а ежели женится, то должно его и с женою выслать на прежнее его жилище». При этом законодательный акт вводил следующее исключение: «Ежели ж из таковых, быв при заводах, обучится какому-либо искусству, и промышленнику или на Государевых заводах весьма нужен будет, то должен оный, не допуская показанного в отпускной сроку, заплатить помещику цену по указу 50 рублей». В случае же, если «до сроку той цены не заплатит и удержит, за то, кто удержал, повинен будет ответствовать равно, как беглова, а имянно: на партикулярных заводах промышленник, а на Государственных управитель»⁴⁸⁷.

Правовые нормы о пришлых на «заводах» были суммированы после смерти Петра I, в указе Сената от 20 апреля 1725 г., который касался соликамской провинции «соляных заводов» и тобольской «серебряных, медных, железных заводов». Согласно указу, на этих заводах «явились при переписи разных Губерний всякого чина люди», которые «работают всякую работу, переходя с завода на завод, а домов не имеют, а живут по заводским избам»⁴⁸⁸.

1. В соответствии с указом от 15 марта 1722 г. «пришлым работникам», положенным в подушной «на прежних их жилищах», следовало платить «положенные на полки деньги и помещиковы доходы». Для этого «заводов промышленникам» следовало данные деньги вычитать из их зарплат и отправлять «по третям года» на места. Если же промышленники не пожелают «поручками obligаться», то работников следовало выслать «на прежние жилища» и в последующем «без отпускных помещиковых писем ... отнюдь на заводах не держать».

2. Беглых, которые «на прежних жилищах не написаны, и в подушной оклад ... не положены», следовало переписать, «подушные деньги и вотчинниковы доходы» промышленникам следовало «вычитая, ... отсылать» туда, «кто откуда сошел». Промышленники должны были obligаться за это «письменной подпискою». В случае отказа беглые должны были быть «отвезены» на «прежние жилища». При этом промышленникам, в соответствии с п. 15 «Плакаты», предлагалась возможность выкупить за 50 руб. тех работников, которые обучились «какому искусству».

3. Работников, которые не были «крепостными», т.е. дворцовыми, синодального ведения или помещиковыми, следовало «поселить при тамошних казенных заводах... и в подушной оклад писать тут, где они будут поселены».

4. С беглыми, которые поселились на заводах и не были «на прежние жилища на сроки по указам» вывезены, и при этом были «написаны за ними заводчиками», следовало, в вопросе о вывозе на прежние жилища, «чинить по указам». При этом подушные деньги за таких беглых следовало платить заводчикам, в том числе и за тех, которые «от развозу разбежались»⁴⁸⁹. При этом Сенат ссылался на соответствующие нормы указа от 22 ноября 1723 г.⁴⁹⁰

Таким образом, указ от 18 июля 1722 г., равно как и резолюция от 19 января 1723 г., распространялись только на «фабрики и мануфактуры», а не на «заводы» разного ведомства, в том числе и горные. Можно понять логику такого подхода. В случае с «заводами» речь шла, прежде всего, о массе неквалифицированного труда, занятого на т.н. подсобных работах (рубка дров, жжение угля, ломка и копанье руды), в то время как в случае с «фабриками» - о непосредственных производителях товара, которые делали его

своими руками, т.е. так или иначе квалифицированных работников. Владельцам «заводов» предоставлялась возможность выкупа работников, которые обучились необходимым заводским «искусствам», т.е. становились квалифицированными работниками. Уже квалифицированные работники горных заводов – мастеровые люди – освобождались от подушной подати в соответствии с Берг-привилегией. Правда, в то же самое время вопрос о мастеровых и работных на «фабриках и мануфактурах» не был до конца решен. Их следовало переписать, не записывая в подушной оклад, и подать результаты переписи в Петербург. Очевидно, что по результатам общей картины должно было быть принято решение. В связи с этим, возможно, данная проблема не получила отражения в регламенте Мануфактур-коллегии, разрабатываемом в 1722-1723 гг., в котором были законодательно закреплены основные правовые нормы, касавшиеся регулирования «мануфактур» и «фабрик».

Таким образом, к 1725 г. мастеровые горных заводов освобождались от подушной подати, мастеровые и работные на «мануфактурах» и «фабриках», хотя и были переписаны, тем не менее, не были положены в подушной. Возможно, что мастеровых на данных предприятиях также ждало освобождение, однако Петр I не завершил этого дела, оставив его своим приемникам.

При освобождении мастеровых в рамках сохранения сословного строя должна была возникнуть проблема, которая была связана с тем, что в промышленном законодательстве к 1725 г. не было закреплено, что мастеровые люди были сословной потомственной категорией, представителей которой можно было бы только один раз зафиксировать, после чего они бы передавали свой сословный статус своим детям по факту рождения. «Мастеровой» оставался определением профессионального статуса. В связи с этим правительство уже во 2-ю половину 20-х гг. XVIII в. столкнулось с проблемой, как поступать с детьми мастеровых, а также новыми мастеровыми, которые до приобретения такого профессионального статуса были положены в подушную подать. В частности, приговором Высокого Сената от 31 мая 1728 г. о мастеровых и работных заводов В.В. и П.В. Меллеров было определено, что только «мастеровых», «которые до 726 году были не положены ... тех не класть». При этом подчеркивалось, что «велено с пришлых на заводы подушные денги брать с тех, которые написаны и в оклад положены на прежних их жилищах, а не с таких, кои при первом положении от подушного окладу уже при заводах бес подушного окладу оставлены»⁴⁹¹, т.е. «мастеровые», которые пришли на завод, будучи уже в подушной подати, должны были ее выплачивать. По приговору от 20 декабря 1728 г. было определено, что на Каширских и Алексинских заводах А.Л. Нарышкина детям

мастеров, а также «подмастерьям и работником и детем их» следует быть положенным в подушный оклад⁴⁹².

Таким образом, по мере изменения состава категории мастеровых, в частности из-за прибытия новых мастеров, уже записанных в подушную подать, возникало противоречие: одни платили подушную подать, а другие – нет. При этом законодательные нормы об освобождении мастеровых от налогов, в частности 10 пункт Берг-привилегии, не были отменены. Таким образом, налицо было определенное противоречие.

Попытки законодательного регулирования рабочего вопроса в промышленности в 1722-1725 гг. показали всю сложность реализации меркантилистского подхода в условиях существования сословного строя и особенно крепостного права. Возникшее противоречие правительство будет пытаться решить в 30-е – 40-е гг. XVIII в.

§ 2.4 Создание регламента Мануфактур-коллегии

Вопрос о создании «Инструкции ... Манифактур-Коллегии» был поставлен Петром I в Сенате 11 апреля 1722 г., вскоре после создания отдельной Мануфактур-коллегии⁴⁹³. Формально составление регламента Мануфактур-коллегии оказалось связано с указом от 11 мая 1722 г., по которому предписывалось «во всех коллегиях сделать Регламенты против Адмиралтейской Коллегии, только где потребно имена переменить»⁴⁹⁴. В связи с этим Сенат дал следующее разъяснение коллегиям: «В которых регламенты, или инструкции хотя и учинены, к тому в дополнение, а в которых еще не учинены, то вновь из Регламента к должности Адмиралтейской Коллегии, что к которой принадлежит, выписав со всем обстоятельством, учинить по оным Регламентам проекты... и, учиняя, для опробации взнести в Сенат немедленно»⁴⁹⁵. Во исполнение данных предписаний в 1722 г. члены Мануфактур-коллегии под руководством В.Я. Новосильцева подготовили проект регламента, который подали в Сенат за своими подписями 12 ноября 1722 г.⁴⁹⁶ Н.А. Воскресенский обозначил данный проект как А-редакцию регламента Мануфактур-коллегии⁴⁹⁷.

Данный документ, озаглавленный как «Проект к сочинению Инструкции Манифактур-коллегии», состоял из преамбулы и 75 пунктов⁴⁹⁸. За образец для преамбулы «инструкции» была взята преамбула Берг-привилегии. Что касается нормативной части, то, согласно «Экстракту проэкта к сочинению инструкции Манифактур-коллегии», 35 пунктов данного проекта были заимствованы из Адмиралтейского регламента, 21 пункт сочинен «вновь», 7 взято «ис привилегий», 5 – из именных указов 3 – из Генерального регламента, 2 – из Берг-привилегии («Берг-коллежской инструкции»), 1 – из сенатского⁴⁹⁹. Касательно последнего, 75 пункта, в «Экстракте» ничего не было написано. Таким образом, почти

половина пунктов проекта оказалась заимствована из Адмиралтейского регламента, т.е. члены Мануфактур-коллегии вполне выполнили предписания именного указа от 11 мая 1722 г. и сенатского разьяснения.

Однако, очевидно, такой результат не удовлетворил правительство. В связи с этим в 1723 г. проект был подвергнут существенной редактуре, в результате чего была создана новая редакция из введения и 36 пунктов (редакция Б-1)⁵⁰⁰, которую дополнили еще двумя пунктами, а у двух изменили названия (редакция Б-2)⁵⁰¹. Скорее всего, эту редакцию предоставили на утверждение монарху: 14 ноября 1723 г. в реестре докладных пунктов Петру I значилась «инструкция» для «Манифактур Коллегии»⁵⁰². Однако, по каким-то причинам она не устроила Петра I и была подвергнута существенным изменениям, результатом которых стала В-редакция. Вопрос о данной редакции был обозначен в реестре докладных пунктов от 3 декабря 1723 г. Петру I как «Инструкция Манифактур-Коллегии»⁵⁰³. Монарх 3 декабря 1723 г. подписал представленный проект (В-редакция), который стал законодательным актом⁵⁰⁴. Отметим, что редакция Б-2 была введена в научный оборот Д.С. Бабуриным и опубликована в качестве приложения к его работе⁵⁰⁵.

Редакция Б-2 первоначально представляла тетрадку в 18 листов, в нижнем левом углу 1-го листа данной редакции (л. 415) маленькими буквами было написано: «новая». Сам текст был написан ровным, хорошо читаемым почерком. Затем текст проекта был подвергнут тщательному редактированию, правка происходила непосредственно по тексту. В результате к тетради было подклеено еще 3 дополнительных листа (л. 425, 427, 430). Итогом редакционной работы стала окончательная версия проекта из 27 пунктов (л. 437-447). В целом формальный разбор редактирования провел Д.С. Бабурин, в связи с чем мы не будем останавливаться на этом⁵⁰⁶. При своем анализе концептуальных изменений он сделал упор, прежде всего, на уменьшение функций Мануфактур-коллегии в рамках государственного аппарата, обратив свое внимание на исключение из редакции Б-2 пунктов 30 «О табаке, который содержится на нашем коште», 31 «О сообщении инструкции магистратской и Коммерц-коллегии», 32 «О цехах», 35 «О пенке», 37 «О покупке и о продаже казенных товаров»⁵⁰⁷, а также на изменения в п. 16 «о содержании манифактур и фабрик, сущих на коште нашем»⁵⁰⁸.

Ко всем другим изменениям Д.С. Бабурин подошел с точки зрения формальных изменений, отметив исключение или дополнение тех или иных пунктов⁵⁰⁹. При этом, с точки зрения такого анализа, стоит добавить, что Д.С. Бабурин пропустил добавление к проекту еще одного пункта. Этот пункт находится на вклеенном листе (л. 425), его заглавие - «о сыске в России красок и прочих материалов» - написано тем же почерком, что и исправления и приписки в проекте регламента. Вверху листа зачеркнуто слово

«копия», сам текст написан другой рукой, весьма аккуратно: «краски и протчие материалы, которые к фабикам вывозят ис чюжих гдрств, таких материалов иметь у себя, по несколько при коллегии, и из оных посылать всюды в государстве, не сыщутся ль такие материалы, обещая дополнительную дачу по дороговизне оных, и когда сыщутся, тогда оные свидетельствовать с фабриками, где оные употребляют, и с ыными искусными людьми, и которые годны могут быть, те производить в дело. Оное все писано его императорского величества собственною рукою. В зимнем доме ноября 14 дня 1723 году». Данная вставка превратилась в п. 20 утвержденного регламента Мануфактур-коллегии. В связи с этим, мы считаем, что необходимо сделать ряд замечаний о смысловом значении наиболее важных правок при создании регламента Мануфактур-коллегии.

1. Из п. 5 редакции Б-2 «о позволении каждому заводить» была вычеркнута следующая часть текста: «Нашем соизволении публиковать всенародно. А ежели какая манифактура к производству вновь к производству усмотрится, а наши подданные вступать самохотно не будут, позволяем оной коллегии чинить предложение нам или сенату со мением, каким образом оную вкоренить и распространить» (л. 407). Сам 5 пункт был слит с измененным п. 6 «дабы явился в манифактур-коллегию и просил о позволении» (л. 414), и вместе они составили 7 п. регламента Мануфактур-коллегии «О позволении каждому заводить» (л. 427 об.-428).

2. К п. 7 «о неисключении других фабрик» (л. 418-418 об.) на полях была сделана приписка «однакож коллегии смотреть, ежели какие манифактуры заведены, так что с них могут удовольствовать, то в производстве других таких манифактур, не испорчена б была первозаведенная манифактура, а особливо деланием худого мастерства, хотя и дешево в продажу будет пускать» (л. 418 об.).

3. Пункт 15 «о запрещении вывозу из за моря» (л. 421 об. - 422) был зачеркнут, а на полях л. 422 написано: «наложить пошлину против указу ноября 6 дня 723 году», т.е. этим исправлением окончательно ликвидировалась такая мера, как запрет ввоза товаров, а вместо нее по указу от 6 ноября 1723 года полагалась более умеренная – высокая пошлина.

4. Пункт 16 «о содержании манифактур и фабрик, сущих на коште нашем» (л. 422-422 об.) после первых слов «которые манифактуры и фабрики» был весь зачеркнут, рядом на полях (л. 422) приписан новый текст. По редакции Б-2, казенные мануфактуры, «которые в чем явятся неисправно», следовало «со всяким усердием и прилежностью ... исправлять. Или по благоизобретению охочим людям в сопственное содержание отдавать, хотя с награждением, на каких кондициях согласиться можно». Вместо данного объемистого пункта было написано следующее: «заведены и впредь заведутся казною его величества, такие приводя в доброе состояние отдавать париткулярным людям, и в том

коллегии иметь прилежное старание». Это определение стало п. 15 утвержденного регламента (л. 442). Таким образом, как следует из исправления, было принято решение об отказе содержать мануфактуры казной и передать их все в частные руки.

5. Был полностью вычеркнут п. 22 «о особливой каморе и о свидетельстве всяких материалов» (л. 424 об.-425). По этому пункту, в частности, полагалось производить пробы различных материалов, «и что явится в лучшее действо производить, к чему надлежит назначить время, в которое в сей коллегии собиравца и призвать мастеров от фабрик и о тех материалах советовать и всех мнении и усмотрении обстоятельно держать в реестре».

6. Пункт 28 «о надзирателях или камисарах на манифактурах и фабриках и о сыску трав и красок» (л. 431 об. - 432) был также полностью зачеркнут. По этому пункту, в частности, предполагалось отставных офицеров или дворян «яко камисаров учредить и им обстоятельные инструкции дать, по которым поступать они обязаны будут, дабы не токмо о учреждении и размножении фабрик старались, но и данные на те фабрики регламенты добрым порядком непременно б были исполнены».

7. В пункте 33 «о даче иностранным мастерам русских учеников» часть текста зачеркнута, а точнее фраза, согласно которой иностранные мастера «подлежат быть обязаны иметь при себе некоторое число русских в науке, а имянно четыре или пять члвек, к чему компанейщики имеют определить лутчих изо всех работ удовольствовать и объявить имянно в коллегии и дабы могли обучитца совершенно тому мастерству, к какому определяется, и того для оная» (л. 434-434 об.). Вместо этого на полях приписано: «договариватца, чтоб они из российских учеников при себе имели и мастерству своему обучали, поставя тамо цену награждения и время во сколько лет выучит, того ради» (л. 434), что и войдет в п. 25 регламента.

При разборе правок, внесенных в проект, касающихся взаимоотношений государства и частных предпринимателей обращает на себя внимание, прежде всего, смягчение формулировок статей (п. 5 и 33), либо вообще отмена статей, направленных на жесткую регламентацию (п. 22 и 28). При этом при правке не была затронута ни одна привилегия фабрикантов. Правительство отказывалось от жесткого контроля над частной «манифактурной» промышленностью, равно как и от развития «манифактур» непосредственно казной, и делало ставку на развитие частной «манифактурной» промышленности, чему должны были способствовать соответствующие привилегии и поощрения.

В этом отношении является не менее показательной правка в пункте 33 «о даче иностранным мастерам русских учеников». В нем часть текста была зачеркнута, точнее –

фраза, согласно которой иностранные мастера «подлежат быть обязаны иметь при себе некоторое число русских в науке, а имянно четыре или пять члвек, к чему компанейщики имеют определить лутчих изо всех работ удовольствовать и объявить имянно в коллегии и дабы могли обучитца совершенно тому мастерству, к какому определяется, и того для оная» (л. 434-434 об.). Вместо этого на полях приписано: «договариватца, чтоб они из российских учеников при себе имели и мастерству своему обучали, поставя тамо цену награждения и время во сколько лет выучит, того ради» (л. 434), что и вошло в п. 25 регламента. Таким образом, вместо жесткого «быть обязаны» следовало «договариватца», т.е. и здесь происходило очевидное смягчение позиций и переход от жесткого вмешательства государства к большей роли договора.

В качестве прежнего, жесткого подхода можно привести случай, когда в 1707 г. три голландских мастера заключили трехлетний контракт, после чего приехали в Москву для работы на Печатном дворе. Когда истекли «по контаркту уреченые лета», они «били челом, чтоб их отпустить». При этом за данные три года обучили 38 русских учеников, и «на Печатном дворе дело все» отправлялось «по их манере». Тем не менее, данные мастера по указу Петра I были «одержаны еще на год», и по прошествии этого года И.А. Мусин-Пушкин специально спрашивал Петра I, можно ли отпустить голландских мастеров⁵¹⁰. В 20-е гг. отношение к иностранным мастерам явно изменилось. Так, в 1723 г., 31 января, «будучи в доме» Ф.Г. Долгорукова, Новосильцев спрашивал Петра I об отпуске иностранных игольных мастеров «во отечество их». В ответ на это президент Мануфактур-коллегии получил указ, по которому следовало этих мастеров «во отечество их отпустить в такой мере, чтобы оне по контрактам своим всем были довольны, и жалобы б от них недоходило, и тем бы кредиту не потерять»⁵¹¹.

Следовательно, правки в редакции Б-2 отражали изменившийся правительственный подход в отношении правового регулирования промышленности, точнее – «мануфактур». При этом крайне важным является тот факт, что такие изменения – увеличение льгот при уменьшении государственного давления – были теперь не фактом частных жалованных грамот, которые могли бы получить только приближенные к монарху персоны. После редакционных изменений проект был высочайше одобрен и утвержден 3 декабря 1723 года⁵¹². Таким образом, данные изменения получили законодательное закрепление, рассчитанное на все сословные группы.

Укажем, что в конце октября - ноябре 1723 г., т.е. во время подготовки окончательной редакции регламента Мануфактур-коллегии, Петром I было принято несколько важных решений в области промышленного законодательства, что также нашло свое отражение в утвержденном регламенте Мануфактур-коллегии.

В 1723 г. Главный Магистрат подал мнение, посвященное проблеме несения служб «компанейщиками» «фабрик и мануфактур». По указу от 17 января 1721 г. последние освобождались от служб. В связи с этим Магистрат указывал, что владельцы «промыслов», которые «издавна и в совершенном действе происходили, и впредь происходить могут», занимаются ими из-за собственной выгоды и при этом «из оных службы с гражданы служат». По магистратскому мнению свою прибыль извлекали и владельцы новых «фабрик и мануфактур», т.к. «вывоз таких фабрик из чужестранных мест заповедан, того ради не без прибытка те компанейщики содержать себя тем имеют». Кроме того, указывал Магистрат, «компанейщиков при тех мануфактурах и фабриках число довольное, и люди знатные и пожиточные». Также среди «компанейщков» были и такие, которые «в мануфактурах записаны в Москве, а живут в городах без всякаго в компании служения»⁵¹³. О таком положении дел, например, в 1720 г. писал В.Н. Татищев Я.В. Брюсу: «Уведомился я здесь от некоторых, что суконныя компанейщики, взяв деньги, не весьма радеют о устроении заводов, но торгуют иным и в долг раздают, а довольны тем, что служеб и постоев свободились, яко и Томсон [И. Тамес – М.К.] о своих компанейщиках в Москве многократно мне говаривал»⁵¹⁴.

Мнение Магистрата выражало недовольство посадских общин, терявших своих тягловцев, которые, в связи с организацией «мануфактуры» получали освобождение от служб и постоев. 31 октября 1723 г. Петр I, «будучи в Зимнем дворце при Сенате ... указал», что «купецким людям, которые издавна старых мануфактур фабрики завели, и в совершенном действе оныя происходят», следовало «с прочими гражданы в гражданских службах и податях быть в Магистратском ведомстве». Владельцам и компанейщикам «мануфактур и фабрик», которые были «вновь заведены», следовало, в соответствии указом от 17 января 1721 г., давать освобождение. Этот указ был учтен при составлении последней редакции регламента Мануфактур-коллегии, которая была утверждена Петром I. В п. 13 было включено положение о том, что «купецким людям, которыя издавна старых мануфактур фабрики завели, и в совершенном действе оныя происходят, быть с прочими гражданы в гражданских службах и податях в ведомстве Магистратском»⁵¹⁵.

В отношении анализа данного законодательного акта следует привести наблюдение М.Я. Волкова, который отмечал, что «источники содержат множество указаний, что еще в первой половине XVIII в. существовало немало кожевенных, мыловаренных, винокуренных, солодовенных и других “заводов”. Они не находились в ведении Мануфактур-коллегии и их владельцы не получали льгот “указных” предпринимателей. Условно эту группу “заводов” можно назвать “неуказными” предприятиями»⁵¹⁶. Например, как показал М.Я. Волков на основе ревизских сказок, в 1722-1723 гг. в Казани

существовало не менее 9 кожевенных «заводов», «в Симбирске – 7, в Чебоксарах – 6, в Арзамасе – 4, в Сызрани – 3, в Саранске – один, в Цивильске – один, в Туле – один, всего 32»⁵¹⁷. Примерно в то же время, как показывает «Ведомость» 1727 г., в ведомстве Мануфактур-конторы находилось 10 «заводов», которые занимались выделкой разного рода кож, в основном «немецким манером» кож «подошвенных пумповых и голенищевых», организация производства которых была связана с мастером-иностранцем⁵¹⁸. Подобным образом, например, в 1723 г. из Мануфактур-коллегии было дано разрешение «москвитину» Д. Зайцеву «завести кожевной завод и на том заводе делать кожи по новому манеру», для чего ему следовало «принять мастера иноземца»⁵¹⁹. На этом заводе следовало делать «кожи юфотные и на подошвы пумповые новым иноземческим мастерством»⁵²⁰.

Таким образом, промышленные предприятия и промыслы, традиционные для русского города, разного вида кожевенные, мыловаренные, солодовенные и иные «заводы», не входили в ведомство Мануфактур-коллегии, что, с точки зрения их правового регулирования, означало, что на них не распространялось законодательство о «мануфактурной» промышленности. Правовое регулирование таких «заводов» и промыслов было связано с городским управлением и незначительно отличалось от правового регулирования XVII в. Их владельцы должны были принимать участие в выполнении соответствующих «служб» и принимать участие в выплате городской общиной государственных налогов. Дополнительно с них взимались т.н. «канцелярские сборы»⁵²¹. Также отношения между работниками и работодателями, как и в XVII в., оформлялись с помощью т.н. «жилых записей»⁵²². Кроме того, укажем, что отдельному правовому регулированию от горной и «мануфактурной» промышленности подлежали винокуренные заводы и соляная промышленность, т.к. винная монополия и соляной сбор были одними из наиболее значимых для государственного бюджета доходов⁵²³.

Отметим, что в 1723 г. Петр I сделал несколько замечок, отражавших его представления о направлении законодательного регулирования промышленности, а также о месте промышленности в экономике. Среди этих замечок Петр I написал «о бакане нашем»⁵²⁴. Значение этой заметки было раскрыто в указе от 5 ноября 1723 г., в котором монарх писал, что о «краске бакан» отечественного производства, которого «наделано много, да никто не покупает за множеством вывозного». При этом Петр I довольно подозрительно относился к конкуренции иностранных производителей, в связи с чем в том же указе писал, что «фабрики Наши у прочих народов в великой завидности есть, и всякими мерами тщатся испровергнуть чрез дачи, как в том много опытов было»⁵²⁵. В связи с этим в своих заметках законодательного характера 1723 г. монарх предлагал механизм защиты внутреннего производителя с помощью высоких ввозных пошлин:

«Класть на привозные товары, которых у нас фабрики есть, которая совершенно довольно на государство – 3 трети цены, которая умножена вполы, – вполы чены, которая в трет – трет цены». Кроме того, Петр I считал, что Мануфактур-коллегии следует «все вещи, из которых мочно делат домо то, что привозят, делат и размножат охотникам и с понуждением»⁵²⁶. Таким образом, для Петра I задачей-minimum становилось достижение своеобразной автаркии, т.е. создание импортозамещающего производства.

Однако такая автаркия не была продиктована стремлением отгородиться от окружающего мира. Ее необходимо понимать в рамках логики т.н. меркантилистских воззрений на сущность экономики и богатства. Для меркантилизма основной целью было уменьшение вывоза денег из страны и увеличение их ввоза посредством торговли, т.е. достижение положительного торгового баланса. Одной из основ такого баланса была сильная внутренняя промышленность, продукты которой должны были заменить ввозные товары, а также обеспечить приток денег через экспорт.

Очевидно, руководствуясь такой логикой, Петр I отмечал, «чтоб более на денги покупали, нежели на товары меняли». Кроме того, он сделал следующую заметку: «О неделаном, чтоб не выпускат»⁵²⁷, т.е. монарх понимал, что выгоднее вывозить готовый товар, нежели сырье.

В связи с этим показательна запись Петра I на образце отечественной бумаги, которую он сделал в 1723 г.: «Сия бумага делана здес на мельнице, и мочно ее зделат сколько надобна в государстве и тако не токмо во Францию подрежат»⁵²⁸. Таким образом, по петровской логике сперва следовало удовлетворить внутренний рынок, после чего можно было переключиться и на иностранный.

В качестве примера об определенном распространении подобных меркантилистских взглядов в правительстве можно привести записку В.Н. Татищева – т.н. «Напамятвование в Сибирское горное начальство», – созданную на Урале к началу 1722 г. В данной записке Татищев предлагал Сибирскому горному начальству принять ряд мер по развитию «мануфактур» на Урале и в Сибири. Пользу от предлагаемых «мануфактур» он объяснял следующим образом: «Сие все есть государственной великой прибыток в том, что все оные зделанные товары не токмо Россию удовольствуют, но продажею товаров в Персиду, где водяной способной путь есть, принесут великое богатство»⁵²⁹.

В 1886 г. К.Н. Лодыженский, сравнивая европейские меркантилистские практики с политикой Петра I, отмечал, что в Европе «меркантилисты требовали поощрения мануфактур для развития обработанных изделий, в этих видах поддерживались внутренние фабрики, выдавались премии за вывозимые изделия и т.п.». В то же время, историк считал, что «Петр Великий в своих экономических мерах мало интересовался

вывозом фабрикатов». По мнению Лодыженского, Петр I полагал, «что русская мануфактура должна существовать для России и удовлетворять ее нуждам»⁵³⁰. Схожая оценка в современной историографии была высказана Р.К. Гайнутдиновым, который полагал, что «целью политики Петра является не накопление денежного богатства в стране и не активный торговый баланс, а создание мощного конкурентоспособного государства, способного решать любые задачи, в том числе и экономические»⁵³¹.

Учитывая содержание заметок Петра I за 1723 г., с данным мнением сложно согласиться. Конечно, Петр I рассматривал внешнюю торговлю как источник богатства. Однако ему приходилось действовать в иных, чем во Франции или Англии, условиях. Для монарха российская промышленность находилась на более низком, ученическом уровне. В связи с этим он постоянно делал упор на необходимости учиться европейским «мастерствам и художествам». Поэтому наиболее достижимой задачей для промышленной политики Петра I, которая была закреплена в соответствующем законодательстве, было создание отечественной мануфактурной промышленности для замены импорта. Такая промышленность должна была быть защищена соответствующими ввозными пошлинами.

При этом отметим, что Петр I был заинтересован в увеличении экспорта и для чего принимал соответствующие меры. Например, в 1722 г. начался стабильный экспорт казенного железа, причем, как отмечал Н.И. Павленко, «правительство с охотой сбывало железо за границу, хотя на внутреннем рынке его можно было продать дороже»⁵³². В связи с этим 13 февраля 1724 г. Петр I в Сенате указал, чтобы железо с казенных «Сибирских» заводов, а также «учиня договор с Никитою Демидовым, сколько он сможет с своих заводов поставить железа, ... присылать в Санктпетербург для заморского отпуска». Во исполнение данного повеления Сенат 19 апреля принял указ, которым предписывал Берг-коллегии «стараться, чтоб на тех казенных заводах для такого ж отпуска железа умножить». Сенаторы считали необходимым «с Никитою Демидовым учинить договор, чтоб с своих заводов, сколько он может поставить железа к отпуску заморскому, то все ставил бы в Санктпетербург»⁵³³.

Также 31 января 1723 г. Петр I встретился в доме Г.Ф. Долгорукова с президентом Мануфактур-коллегии Новосильцевым, который доложил императору об «отдаче канатных заводов в компанию». Монарх на это доношение повелел «те канатные заводы отдать в компанию». При этом отдача должна была быть проведена «с таким основанием, чтоб содержатели имели компании, и те зделанные канаты отпускали в Гишпанию и в другие места». Готовый товар следовало «отпускать ... на российских кораблях», а вырученные деньги, «сколико ценою таких канатов будет отпущено», следовало ввозить в Россию⁵³⁴.

В заметке 1723 г. Петр I написал о том, «чтоб далние компании неголосно», т.е. без огласки, «сперва завадит»⁵³⁵. В указе от 8 ноября 1723 г. он подтвердил это, указав, что следует «инде умножать торги ..., а особливо в Гишпанию и Португалию, сколь возможно неголосно делать, дабы лишним эхом вреда вместо пользы не было»⁵³⁶. Отметим, что указ от 8 ноября 1723 г. был принят не без влияния проекта И.А. Щербатова «О купечестве»⁵³⁷. Затем указом от 4 апреля 1724 г. Петр I учредил компанию для торговли с Испанией⁵³⁸. При этом в 1725 г. из Сената был дан указ, по которому следовало с товаров, отправляемых в Испанию и Францию, «как казенных, так и купецких ... для новости того торгу пошлин ... не имать»⁵³⁹.

Меры, выраженные Петром I в заметках 1723 г., в ноябре-декабре 1723 г. были закреплены императором в соответствующих законодательных актах. 5 ноября 1723 г. Петр I подписал указ, обозначив его как «дополнение указу Мануфактур-Коллегии, который писан из Астрахани прошлаго 1722 года Июля 13 дня». В данном указе Петр I высказал несколько общих положений о развитии «мануфактур» в России. В качестве проблем, которые мешают развитию «мануфактур» в России, Петр I выделял конкуренцию иностранных товаров, а также недостаток «охотников». За первым, т.е. за конкуренцией иностранных товаров, монарх в п. 1. предписал Мануфактур-коллегии «крепко смотреть, и сноситься с Коммерц-Коллегиею; а буде не будет у них в том смотра, Сенату протестовать в том прилежно, и нам объявлять». Что касается «охотников», то Петр I видел причину этого в том, что «Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят». В связи с этим он полагал, что «в мануфактурных делах не предложением одним ... делать, но и принуждать и вспомогать наставлением, и яко добрым экономом быть». В 3 п. он указывал о бережном отношении к иностранным мастерам; 4 пункт касался частного вопроса о торговле пенькой, после чего указывалось, что «ежели же в сем указе что и не написано, а к пользе мануфактур сыщется, делать». Пункт 5 обещал награду тому, кто найдет «какой новой плод к прибыли и без тягости народа»⁵⁴⁰.

В развитие данного указа на следующий день, 6 ноября 1723 г., состоялся другой именной указ, который предписывал следующее: «Которыя фабрики и мануфактуры у нас уже заведены, или вновь заведутся, ... надлежит на привозныя такая вещи накладывать пошлину на все, кроме сукон». Монарх предписывал следующий механизм: если «которая в четверть умножится против вывозу, то наложить четверть пошлины сверх обыкновенной», затем $1/3 - 1/3$, $1/2 - 1/2$. Если же в два раза – то пошлину следовало увеличить в два раза. При этом данный механизм следовало «вписать в Устава Коммерц-

Коллегии»⁵⁴¹. Это было исполнено: данная норма была закреплена в 32 п. регламента Коммерц-коллегии⁵⁴². Кроме того, учитывая общую меркантилистскую основу, необходимо отметить п. 1 указа от 8 ноября 1723 г., по которому Коммерц-коллегии следовало «тщиться по всякой возможности, дабы более наши товары на деньги продаваны были, нежели на товары менены»⁵⁴³.

Во исполнение указа от 6 ноября 1723 г. 11 ноября этого же года состоялась «конференция» Коммерц- и Мануфактур-коллегий (Мануфактур-коллегию представлял В.Я. Новосильцев и советник Андрей Кассис). На этой «конференции» были зафиксированы решения о пошлинах на ввозимые и вывозимые товары. В основу решений были положены нужды отечественной промышленности. На товары, которые производились в России, были положены пошлины от 12 ½ % до 37 ½ %. Кроме того, на некоторое сырье, вывозимое из России – на «кожи лосиные, и оленьи, и сайгачьи не деланные... кожи козлиные не деланные ... пряжу всякую», была положена высокая пошлина – 37 ½ %, с формулировкой, что такие товары «потребны на фабрики» и «употребляется в манифактуры»⁵⁴⁴. Данные пошлины были закреплены в тарифе, утвержденном 31 января 1724 г.⁵⁴⁵

Близким по своей основе к такому решению был также именной указ, состоявшийся 14 ноября 1723 г., по которому следовало «краски и прочие материалы, которые к фабрикам вывозят из чужих Государств» иметь несколько образцов при Мануфактур-коллегии и их «посылать всюды в Государство, не сыщутся ли такие материалы». Если такие материалы найдутся, то их следовало проверить, «и которые годны могут быть: те производить в дело»⁵⁴⁶. Данный указ был законодательным закреплением нормы, выраженной еще в 1720 г. в одной из жалованных грамот⁵⁴⁷.

Также 3 декабря, одновременно с подписанием регламента Мануфактур-коллегии, Петр I составил и подписал указ Мануфактур-коллегии из 4 пунктов. Первый пункт касался обучения русских учеников иностранными мастерами. Монарх отмечал, что некоторые иностранные мастера, работающие в России, были связаны цеховыми клятвами, «чтобы иностранных им не обучать». Поэтому Мануфактур-коллегии следовало «для вкоренения манифактур и фабрик и для художества посылать в чюжие края из молодых людей таких, которые к такому обучению склонны». Второй пункт касался выписывания «из-за моря» новых «машин и инструментов»; третий – о «размножении» табака на Украине. Четвертый пункт касался источников финансирования «манифактур», находившихся под управлением Мануфактур-коллегии. Как отмечалось выше, с «манифактур» и «фабрик» не взималось никакого специального промышленного налога, который бы мог пополнить бюджет коллегии. В качестве источников дохода за

Мануфактур-коллегией было закреплено изготовление гербовой бумаги, переданное в ее ведение еще в 1722 г.⁵⁴⁸ В связи с этим п. 4 данного указа предписывал, что «на производство новых манифактур и фабрик» следовало «держатъ ис прибыльных сверх табеля за гербовую бумагу», а в случае недостатка просить у Сената. При этом Мануфактур-коллегии следовало «старатца, чтоб долго таких заведенных фабрик на казенных денгах не держать, но приведчи в доброе состояние, отдавать партикулярным людям»⁵⁴⁹.

Данный указ повторял норму утвержденного регламента Мануфактур-коллегии, по которому следовало «мануфактуры и фабрики», заведенные казной, «приводя в доброе состояние, отдавать партикулярным людям»⁵⁵⁰. При этом отметим, что в А и Б редакциях данного регламента предполагался вариант только с «содержанием в добром порядке» казенных «манифактур», без отдачи «партикулярным людям»⁵⁵¹. Однако, при создании окончательного текста, скорее всего, не без влияния Петра I, вариант с содержанием казной «фабрик» и «манифактур» был вычеркнут⁵⁵². Таким образом, в регламенте, с согласия монарха и, возможно, по его настоянию, была опубликована норма об отказе государства от содержания собственных мануфактур и передачи их в частные руки, что дополнительно подчеркивалась указом от 3 декабря. Таким образом, правительство Петра I, в отличие от начала XVIII в., делало ставку на развитие «манифактурной» промышленности с помощью частной инициативы.

Сходные решения о развитии промышленности с помощью частной инициативы в 1-ю половину 20-х гг. XVIII в. петровским правительством были приняты и в области регулирования горных заводов. 17 апреля 1722 г. в Сибирское горное начальство пришел указ из Берг-коллегии, которым было велено объявить об отдаче Каменских заводов желающим «в собственный промысел, подобием договора Белопашинцова»⁵⁵³. До этого в 1721 г. Берг-коллегия предписала В.Н. Татищеву и И.Ф. Блиеру рассмотреть вопрос о передаче Алапаевских заводов в частные руки, и позднее начались переговоры об этом с приказчиком Строгановых Сидором Белопашинцевым⁵⁵⁴. Также в конце 1723 – начале 1724 г. Петр I повелел В.Н. Татищеву «для размножения медных заводов в Сибири, обречения медных руд места на речке Полевой и Гумешках отдать охочим людям в компанию»⁵⁵⁵. Татищев составил проект, Петр I его утвердил, но В.И. Геннин посчитал, что предложенные Татищевым условия слишком невыгодны государству: Татищев предложил освободить компанейщиков на 20 лет от налогов, в то время как Геннин полагал, что, учитывая богатство руд, хватит и одного года. Из-за возражений «оних заводов отдача отложена была до времени»⁵⁵⁶.

В 1724 г. Петром I было велено «Казанския ... медные заводы и рудокопии з добытыми рудами и со всеми принадлежащими инструментами ... отдал в компанию казанскому камисару Ивану Небогатову с товарищи»⁵⁵⁷. Подход Петра I к развитию, в частности, медеплавильных заводов, описал В. Геннин: «Повелено отдавать готовые заводы, и сысканные рудники, и з добытыми рудами в компанию, чтоб от компанейщиков медные промыслы цвели и охотников болше б было, и тем ваше императорское величество, не взирая на то, чтоб вышеписанная прибыл в вашего императорского величества казне была, жалуешь подданных своих»⁵⁵⁸. В связи с этим сам Геннин просил у Петра I отдать ему, барону А. Строганову и М. Турчанинову в компанию два казенных Пыскорских завода⁵⁵⁹. М.Н. Мартынов в 1948 г. полагал, что «новый проект дошел до Петра в тот момент, когда Петр решил отказаться от передачи медных казенных заводов частным лицам. Поэтому он не утвердил проект»⁵⁶⁰. Однако, как свидетельствует черновой отпущенный Петром I от 24 декабря 1724 г., В.И. Геннин получил разрешение на отдачу ему Пыскорского завода в компанию⁵⁶¹, и только смерть императора помешала свершиться этому.

О намерении Петра I в 1724 г. передать горные заводы в частные руки также свидетельствует записка В.Н. Татищева этого же года, в которой он отмечал, что «ваше императорское величество изволил мне ... объявить, чтоб заводы, построенные и содержанные на иждивении Вашего ... величества, також и обретенные медных руд места раздавать в компании»⁵⁶².

Дополнительно отметим, что 2 марта 1725 г., вскоре после смерти Петра I, Сенат издал указ, посвященный штатам государственных органов, в т.ч. и Берг-коллегии. Касаясь вопроса об оплате служащих на казенных заводах, Сенат постановил следующее: «При казенных заводах обретающимся, *пока оные в компании разданы будут* [выделено нами – М.К.], из прибыльных и капитальных тех заводов денег»⁵⁶³, т.е. в 1725 г. наиболее вероятная судьба казенных заводов была связана с их отдачей в компании.

Таким образом, в период составления последней редакции регламента Мануфактур-коллегии, которая получила статус законодательного акта, Петр I продолжал активно заниматься вопросами правового регулирования промышленности, прежде всего «мануфактурной», и закреплять в законодательстве меркантилистский подход. 3 декабря 1723 г. Петр I подписал регламент Мануфактур-коллегии, в котором данный подход получил свое наибольшее законодательное выражение.

Согласно оценке Д.С. Бабурина, работа которого представляет лучшее исследование регламента Мануфактур-коллегии, «статьи регламента представляют собой краткое изложение принципов промышленной политики и взглядов правительства на пути

и средства к “произведению и умножению мануфактур и фабрик” в Российской империи»⁵⁶⁴.

Обозначим ключевые позиции данного законодательного акта.

I. Общие положения.

1. Объявлялось, что Мануфактур-коллегия имеет «верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками и прочими делами, которые касаются к оному правлению, какого б звания ни были б, во всей Российской империи»⁵⁶⁵.

2. В регламенте постулировалась бессословность права создания «мануфактур»: «всем, какого б чина и достоинства кто ни был, во всех местах, где за благо обрящет, мануфактуры и фабрики заводить»⁵⁶⁶. Данный пункт был создан на основе п. 1 Берг-привилегии, в котором разрешалось «какого б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, плавить, варить и чистить всякие металлы»⁵⁶⁷. Таким образом, в основании законодательного регулирования деятельности горных заводов и «мануфактур» был положен общий принцип.

II. Привилегии владельцев «мануфактур».

1. Им предоставлялось освобождение от «государевых служб», а также ведомственная подсудность: «который завод заведет, тот с детьми и братьями, которые с ним в одном доме живут», а также приказчики, мастеровые и ученики «свободны от службы, и судом и расправою, кроме государственных и криминальных дел, ведать их в Мануфактур-Коллегии»⁵⁶⁸. При этом подчеркнем, что п. 13 открывался фразой «завод заведет», хотя затем в пункте использовали понятия «мануфактуры и фабрики». Это было связано с тем, что начальную фразу составили на основе именного указа от 17 января 1721 г.⁵⁶⁹

2. В регламенте было написано о предоставлении временных таможенных льгот: «вещи, которые на той фабрике или мануфактуре делаться будут, продаваны, также и потребные материалы покупаны были несколько лет беспошлинно, как о том коллегия по силе дела и состояния оной за благо рассудит»⁵⁷⁰

3. Регламент предоставил гарантии владения и наследования: «Фундатеры мануфактур и фабрик имеют по данным их привилегиям ... сим обнадежены бытии, что у них и у наследников их оныя мануфактуры и фабрики в данные им годы отняты не будут..., разве самая какая важная причина из них показана будет или сами в состоянии оных содержать не будут»⁵⁷¹.

4. По регламенту разрешалось покупать крепостных к мануфактуре: «позволяется для размножения ... заводов как шляхетству, так и купечеству к тем заводам деревни

покупать невозбранно с позволения мануфактур-коллегии», только при условии, что эти деревни будут неотъемлемы от заводов⁵⁷².

III. Регламентация деятельности частных «мануфактур».

1. При выдаче разрешения на заведение «мануфактуре» коллегии следовало «в начале смотреть о пожитках и достоинстве, и потом не токмо скорое решение учинить, но и всякие способы показать, коим образом с тою мануфактурою наилучшее ему поступать»⁵⁷³.

2. 18 пункт также предписывал смотреть, не заведет ли кто «мануфактуру» и «фабрику» «для лица», чтобы получить льготы. Если такое произойдет, то следует наложить на такового подложного фабриканта штраф⁵⁷⁴.

3. 19 пункт указывал на необходимость брать в коллегию образцы произведенных товаров «для подлинного свидетельства»⁵⁷⁵.

4. Кроме того, по п. 24 Мануфактур-коллегии следовало «учинить каждой мануфактуре регламент и в тех фабриках публиковать»⁵⁷⁶.

В регламенте Мануфактур-коллегии, а также в законодательстве ноября-декабря 1723 г., которое было связано с созданием регламента, был наиболее полно законодательно закреплён меркантилистский подход к регулированию «мануфактурной» промышленности. С одной стороны, владельцам «мануфактур» предоставлялся существенный набор привилегий, связанных с гарантией наследственного владения, освобождением от «служб», получением особой подсудности, правом покупки «деревень». С другой стороны, необходимо указать на некоторые элементы регламентации деятельности таких «мануфактур». В частности, это проверка желающего организовать данное предприятие, «свидетельство» товаров, а также предписание «учинить каждой мануфактуре регламент».

Можно сравнить такую регламентацию «мануфактурной» промышленности в России в 20-е гг. XVIII в. с регламентацией промышленной деятельности, существовавшей в Западной Европе. Историк П. Манту так описывал ситуацию с регламентированием промышленности в Англии начала XVIII в.: «Многочисленные парламентские акты содержат предписания относительно длины, ширины и веса кусков материй, способа растягивать их и красить, подготовки шерсти при помощи известных веществ, употребление которых разрешается или запрещается, отделки сукна, складывания и упаковки его для продажи, употребления ворсовательных машин и т.д. Эти правила были очень сходны с регламентами, действовавшими в старой Франции»⁵⁷⁷. Действительно, например, указом Людовика XIV от 24 декабря 1670 г. предписывалось следующее: «Если материи, произведенные во Франции, окажутся недоброкачественными и несогласными с

регламентами, то они будут выставлены на столбе в девять футов вышиной с надписью, содержащей имя и прозвище купца и мастера, совершившего проступок. Этот столб с железным ошейником должен быть установлен для этой цели стараниями прокуроров или синдиков городской ратуши». По другому распоряжению монарха мэрам и эшевенам полагалось присутствовать понедельно при клеймении товаров, чтобы «заставить мануфактуры работать согласно повсюду разосланным статутам и регламентам»⁵⁷⁸.

В России в XVIII в. регламентация «мануфактурной» промышленности находилось на гораздо более низком уровне. Например, одна из немногих попыток по составлению регламента для «мануфактур», в соответствии с 24 п. регламента Мануфактур-коллегии, была предпринята во время регентства Анны Леопольдовны, когда 2 сентября 1741 г. были издан «Регламент и работные регулы для суконных и карзейных фабрик». Однако, как показала работа К. А. Пажитнова, «положение этого законодательного акта действительно» было «очень странное: он не отменялся распоряжением верховной власти, но вместе с тем и не получил надлежащего распространения». Подобное положение было связано и с тем, что московские суконные фабриканты просто саботировали данный акт⁵⁷⁹. Как отмечал И.В. Певзнер, «в 1747 г. Мануфактур-коллегия предложила Сенату» данный регламент и регулы «”за случившимися переменами в действо не производить” и одновременно представила проект нового Регламента, который тоже не был утвержден»⁵⁸⁰.

В связи с этим следует привести вывод Н.И. Павленко, касавшийся регулирования горной промышленности в 1-ю половину XVIII в.: «Своеобразие русского меркантилизма ... состоит в менее жесткой регламентации частной промышленности. Взаимоотношения горной администрации России с промышленниками предоставляли последним относительно широкий простор для “купецкой” свободы. По единодушному заключению исследователей горного законодательства западноевропейских государств, промышленники Швеции, Саксонии, Австрии и Франции были чрезмерно стеснены правительственной регламентацией, что задерживало там рост металлургической промышленности»⁵⁸¹.

Таким образом, после издания Берг-привилегии 1719 г. и регламента Мануфактур-коллегии 1723 г., а также дополнявших их законодательных актов в 20-е гг. XVIII в., было создано правовое поле, обеспечивавшее горную и «мануфактурную» промышленность соответствующим набором льгот при минимальном уровне государственного регламентирования, что создавало благоприятные институциональные условия для экономического роста.

Системный законодательный акт для горной промышленности был издан в 1719 г. (Берг-привилегия), после чего в 1-ю половину 20-х гг. XVIII в. он корректировался и

дополнялся. При этом наиболее важные из его дополнений – освобождение основателей заводов и «фабрик» от служб и разрешение на покупку «деревень» – распространялись и на «мануфактурную» промышленность. Для «мануфактурной» промышленности процесс создания ее законодательного регулирования был противоположен: первоначально были приняты отдельные правовые акты, затем обобщенные в регламенте Мануфактур-коллегии.

Законодательное регулирование горной и «мануфактурной» промышленности создавало единую законодательную систему регулирования. Конечно, специфика объектов регулирования требовала разных подходов. Например, для горной промышленности основополагающее значение имел вопрос о праве пользования недрами, в то время как для «мануфактурной» – проблема защиты от иностранной конкуренции. Данная специфика обусловила определенную автономность законодательного регулирования горной промышленности от «мануфактурной». Тем не менее, для законодательного регулирования и горной, и «мануфактурной» промышленности существовало общее системное основание – меркантилистские представления правящей элиты о функции промышленности в экономике и государстве. Данное основание придавало законодательному регулированию горной и «мануфактурной» промышленности общее направление, целью которого было наибольшее поощрение частной инициативы для развития горных заводов и «мануфактур». Для этого были созданы законодательные акты, имевшие одинаково большое значение и для горной, и для «мануфактурной» промышленности. Это, прежде всего, указы 1721 г., освобождавшие основателей заводов и «фабрик» от купеческих служб и разрешавшие покупку к промышленным предприятиям «деревень».

После подписания и издания регламента Мануфактур-коллегии Петр I продолжал внимательно следить за горной и «мануфактурной» промышленностью. Об этом свидетельствует следующий факт: 31 января 1724 г. из Сената был объявлен именной указ, согласно которому монарху следовало «в каждом году дважды, а именно в Генваре, да в Июле месяцах», сообщать «о фабриках и мануфактурах, также и о горных делах, с каким прилежанием оныя в совершенство приходят и что где в какое время размножено»⁵⁸². Таким образом, для Петра I система законодательного регулирования горной и «мануфактурной» промышленности в целом была сформирована, в связи с чем правительству оставалось отслеживать ее действие и результативность, внося некоторые коррективы.

В начале XVIII в. создаются первые законодательные акты, направленные на регулирование горной промышленности, т.е. происходит переход от дозаконодательного регулирования XVII в. к законодательному XVIII в. Однако появившееся новое законодательство не шло далее удовлетворения простых фискальных потребностей государства и представляло собой закрепление норм XVII вв. Если в XVII вв. право на поиск ценных руд, имеющих государственное значение, а также отдача рудных месторождений и заводов на откуп оформлялась через выдачу жалованных грамот конкретным лицам, то 2 ноября 1700 г. такой подход получил свое дальнейшее развитие в виде законодательного акта об ответственности за укрытие руд и правового акта, регламентировавшего деятельность специального государственного учреждения – Рудного приказа. Данное законодательство следует определить как вершину развития системы правового регулирования горной промышленности, существовавшей в Московском государстве, а не начало новой. При этом определенные меркантилистские тенденции можно было обнаружить в деятельности А.А. Вiniusа на посту главы Сибирского приказа, но они не получили развития.

Вступление России в Северную войну в 1700 г. наложило свой отпечаток на правовое регулирование промышленности в виде усиления в нем фискальной составляющей, а также мобилизации государством необходимых ресурсов для ведения войны. При этом в 1700 – начале 1710-х гг. в промышленной политике Петра I присутствовали определенные решения, не связанные с узко фискальными или военными интересами. Однако они были результатом личных впечатлений Петра I от европейских заводов, мануфактур, техники мастерства и товаров. Производство точно таких же европейских товаров он желал наладить и в России. Только в 1700-начале 1710-х гг. это не пошло далее личного интереса и не получило ни законодательного, ни существенного административного оформления.

Тем не менее, с первой половины 1710-х гг. можно отметить определенное воздействие меркантилистских представлений о промышленности на представителей российской политической элиты, в соответствии с которыми они будут делать предложения о промышленной политике и правовом регулировании промышленной деятельности. С 1715 г. узко фискальный подход к правовому регулированию стал постепенно уходить из промышленной политики, в которой все большее значение стали приобретать элементы меркантилизма, что получило свое отражение в становящемся промышленном законодательстве, прежде всего, в законодательных актах рубежа 1715-

1716 гг. Также начало данного перехода отразилось в создании и деятельности Рудной канцелярии.

Однако данным мерам было еще далеко до того, чтобы составить цельную систему законодательного регулирования промышленности, они касались только частных аспектов ее деятельности. Тем не менее, такие меры отражали повысившееся понимание Петром I и его правительством значения частной промышленности для экономики страны и свидетельствовали о начале определенного перехода к правовому регулированию промышленности, исходящего из меркантилистских представлений.

Переход к новой системе регулирования, основанной на меркантилистских представлениях, необходимо отнести к 1717 г., когда Петр I, ознакомившись с европейским опытом, решил использовать его для развития промышленности в России и подписал в Париже жалованную грамоту П.П. Шафирову и П.А. Толстому. В России с 1717 г. начинается переход к правовому регулированию промышленности на основании меркантилистских представлений о роли промышленности в экономике. При этом произошло наложение меркантилистских приемов на некоторые меры поощрения, сформулированные в жалованных грамотах Московского царства XVII в. Таким образом, определенные нормы XVII в. продолжали использоваться и к концу 1-й четверти XVIII в., правда, уже в рамках иной системы.

Изменения в промышленной политике совпали и оказались тесно переплетены с коллежской реформой. В рамках коллежской реформы для регулирования промышленности была создана Берг-Мануфактур-коллегия, существовавшая до 1722 г., когда она была разделена на два отдельных государственных органа – Берг-коллегию и Мануфактур-коллегию. В 1721 г. из ведомства Берг-Мануфактур-коллегии было исключено городское ремесло, а в 1723 г. было определено, что традиционные для русского города заводы должны быть в ведомстве городских властей. Таким образом, для нового промышленного законодательства, основанного на меркантилистских принципах, была очерчена сфера юрисдикции: горные заводы (Берг-коллегия) и «мануфактуры» и «фабрики», т.е. относительно крупные и новые для России промышленные предприятия (Мануфактур-коллегия). Именно законодательное регулирование горной и «мануфактурной» промышленности к концу 1-й четверти XVIII в. приобретет системный характер.

Основы законодательного регулирования горной промышленности в рамках меркантилистского промышленного законодательства были заложены в Берг-привилегии 1719 г. и затем, в 20-е гг. XVIII в., лишь дополнялись отдельными указами. Сама Берг-

привилегия была актом о горной свободе, направленным на развитие горных заводов с помощью поощрения частной инициативы.

Для «мануфактурной» промышленности процесс создания ее законодательного регулирования был противоположен: первоначально были приняты отдельные правовые акты, которые затем были обобщены в регламенте Мануфактур-коллегии 1723 г. В данном законодательном акте, а также в законодательстве ноября-декабря 1723 г., которое было связано с его созданием, был наиболее полно законодательно закреплён меркантилистский подход к регулированию «мануфактурной» промышленности. С одной стороны, владельцам «мануфактур» предоставлялся существенный набор привилегий, с другой стороны, вводились элементы регламентации деятельности частных «мануфактур».

Законодательство о горной и «мануфактурной» промышленности к концу 1-й четверти XVIII в. создавало единую систему регулирования. Конечно, специфика объектов регулирования требовала разных подходов. Тем не менее, для законодательного регулирования и горной, и «мануфактурной» промышленности существовало общее системное основание – меркантилистские представления правящей элиты о функции промышленности в экономике и государстве. Данное основание придавало законодательному регулированию горной и «мануфактурной» промышленности общее направление, целью которого было наибольшее поощрение частной инициативы для развития горных заводов и «мануфактур». Также на основании данного общего основания были созданы законодательные акты, имевшие одинаково большое значение и для горной, и для «мануфактурной» промышленности (указы 1721 г., освобождавшие основателей заводов и «фабрик» от купеческих служб и разрешавшие покупку к промышленным предприятиям «деревень»).

Б.И. Сыромятников отмечал, что «через всю социально-экономическую политику ... проходит антисословная тенденция, идея свободной конкуренции, апелляция к частной, творческой инициативе»⁵⁸³. Действительно, меркантилистское промышленное законодательство было бессословным, направленным на поощрение частной инициативы вне зависимости от сословной принадлежности. Тем не менее, данное законодательство оказывалось встроенным в общую сословную структуру общества. Многочисленные «рабочие» люди на горных, т.е. неквалифицированные работники, подлежали обложению на заводах и не теряли своей прежней сословной принадлежности. «Мастеровые» люди на горных заводах, т.е. квалифицированные работники, подлежали освобождению от податей и служб. На «мануфактурах» к 1725 г. вопрос о статусе «мастеровых» и «рабочих» так и не был решен, их следовало только переписать, не класть в подушный оклад и никуда не высылать. При этом в рабочем законодательстве к 1725 г. ничего не было предписано о

том, как поступать с детьми «мастеровых», а также с теми, кто был сперва положен в подушную подать, а затем обучился «мастерству». Эту проблему правительство попытается решить в 30-е гг. XVIII в. и создать особую сословную группу наследственных «мастеровых». Данная попытка закончится неудачей, в результате чего в 40-е гг. XVIII в. «мастеровые» лишились податных привилегий⁵⁸⁴.

Формирование системы законодательного регулирования горной и «мануфактурной» промышленности совпало с продолжением развития сословного строя в России⁵⁸⁵. Российское правительство, хотя и перенимало под влиянием европейского опыта новые приемы государственного управления, по своей социальной сути оставалось феодальным и не собиралось отменять факта сословного деления общества. Для преодоления отставания в промышленном развитии от ведущих европейских держав 1-й четверти XVIII в. правительство было готово пойти на предоставление определенных привилегий частному капиталу. Однако когда внешне такое отставание было преодолено⁵⁸⁶, произошел переход от принципа бессословности законодательного акта Петра I («всем и каждому дозволяется») к сословности узаконений времени Екатерины II («чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и нерушимо»). Таким образом, возникшая к концу 1-й четверти XVIII в. система законодательного регулирования горной и «мануфактурной» промышленности при ее внешней нефеодальности имела слабую социальную базу и находилась полностью под контролем феодального государства. Последнее же использовало данную систему в своих конкретных целях и, когда они были достигнуты, отказалась от нее.

М. А. Киселёв

¹ Лодыженский К.Н. История русского таможенного тарифа. Челябинск, 2001. С. 56-57.

² Там же. С. 58.

³ Павленко Н.И. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века // История СССР, 1978, № 3. С. 49.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 125.

⁶ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. М., 1953. С. 123-124 и след.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же. С. 148.

⁹ Там же. С. 151.

¹⁰ См.: Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус, 1641–1716. М., 2007. С. 227–229.

¹¹ Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 285.

¹² См.: Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус... С. 235–243.

- ¹³ См.: Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Указ. соч. С. 221–226.
- ¹⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I (1688–1701). СПб., 1887. С. 208, 236, 242, 627, 629, 633, 637, 638, 709.
- ¹⁵ Там же. С. 264.
- ¹⁶ Дворцовые разряды. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стб. 1043.
- ¹⁷ Приказ Казанского дворца 1701 г. // Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II. М., 1872. С. 283–286.
- ¹⁸ Там же. С. 286.
- ¹⁹ № 1579. – Марта 31 [1697]. Наказ Окольному Князю Львову, определенному Воеводою в Казань – Об управлении казенными и земскими делами // ПСЗ. Т. 3. С. 292.
- ²⁰ Приказ Казанского дворца 1701 г. // Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II. М., 1872. С. 288.
- ²¹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. Л. 8 об.
- ²² Курлаев Е.А. Берг-мейстер И.Ф. Блиер // Шестые татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 20–21 апреля 2006 г. / Под ред. С.П. Постникова. В 2-х т. Т. 2. Екатеринбург, 2006. С. 145.
- ²³ Винклер П. Из истории монетного дела в России. СПб., 1897. С. 10.
- ²⁴ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого. Т. I. 1711 г. СПб., 1880. (далее – ДППС). С. 122.
- ²⁵ Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии: в 5 т. Т. 4. М., 2007. С. 136.
- ²⁶ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., 1858. С. 327, 511.
- ²⁷ Приказ Казанского дворца 1701 г. // Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. II. М., 1872. С. 287.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 29. Л. 4–4 об.
- ²⁹ Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 10.
- ³⁰ Эскин Ю.М. Приказ рудного сыска // Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.): Словарь-справочник. Кн. 3 (Л–П). М., 2001. С. 400.
- ³¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 82.
- ³² Дворцовые разряды. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стб. 1154–1155; см. тж.: 1812. Августа 24 [1700]. Именной. – Об учреждении приказа Рудокопных дел // ПСЗ. Т. 4. С. 75.
- ³³ См.: Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. I. СПб., 1890. С. 63, 75.
- ³⁴ См., напр., указы за 1696 г. – Дворцовые разряды. Т. 4 (с 1676 по 1701 г.). СПб., 1855. Стб. 992, 1020, 1023, 1024, 1025; указы за 1697 г. – стб. 1034, 1035, 1039, 1042, 1043, 1044, 1054, 1056, 1057, 1064, 1066; указы за 1698 г. – стб. 1067, 1071, 1074; указы за 1699 г. – стб. 1095, 1119, 1123, 1127, 1155.
- ³⁵ Лихачев Н.П. Генеалогическая история одной помещицкой библиотеки // Русский библиофил. № 5. Сентябрь. 1913. С. 22.
- ³⁶ Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.–Л., 1946. С. 238.
- ³⁷ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. М., 1998. С. 156.
- ³⁸ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 58–59; Григорова В.А. Кустарные промыслы черноземного юга России и их роль в создании заводской металлургической базы. Середина XVII – середина XVIII вв. Дисс. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006. С. 102–106.
- ³⁹ Данный указ не нашел отражения в ПСЗ, однако он был воспроизведен в делопроизводственных документах Сената в 1711 г., когда Приказ Рудных дел был ликвидирован, а также в документах 1715 г., когда был вновь восстановлен: 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам // ДППС. Т. I. 1711 г. СПб., 1880. С. 123; 790. О бытии вновь Рудокопному приказу в С.-Петербурге и об определении в него дьяка, подьячих и сторожей // ДППС. Т. V. 1715 г. Кн. II (июль–декабрь). СПб., 1897.
- ⁴⁰ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. I. М., 1872. С. 190.
- ⁴¹ 1815. Ноября 2. Именной. – О прииске золотых, серебряных, медных и иных руд по всему пространству России; об осмотре Воеводами приисканных руд на месте, и о награждении учинивших таковой прииск частных людей // ПСЗ. Т. 4. С. 80.
- ⁴² Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 10.
- ⁴³ См.: Юхт А.И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 29.
- ⁴⁴ Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 260.
- ⁴⁵ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 59.
- ⁴⁶ Там же. С. 16–17.

- ⁴⁷ Богословский М.М. Указ. соч. С. 290-292.
- ⁴⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 29. Л. 4 об.
- ⁴⁹ Там же. Л. 11 об.-12 об.
- ⁵⁰ Столетие военного министерства. Т. VI. Главное артиллерийское управление. Исторический очерк. Ч. I. Кн. I. СПб., 1902. С. 36.
- ⁵¹ Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 511.
- ⁵² Указ 8 марта 1702 г. о пожаловании заводов Демидову // Материалы к записке о посессионном праве. Б.м., 1913. С. 6.
- ⁵³ Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Указ. соч. С. 287.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 29. Л. 4.
- ⁵⁵ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам... С. 124.
- ⁵⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 29. Л. 14-14 об.
- ⁵⁷ Глаголева А.П. Олонекские заводы в первой четверти XVIII века. М., 1957. С. 52.
- ⁵⁸ Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 511.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 29. Л. 14 об.-15.
- ⁶⁰ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. Л. 40.
- ⁶¹ История горнорабочих СССР. Т. 1. Гессен Ю. История горнорабочих России до 60 гг. XIX века. М., 1926. С. 47.
- ⁶² РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 804-804 об.
- ⁶³ РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 803-803 об.
- ⁶⁴ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам // ДППС. Т. I. 1711 г. СПб., 1880. С. 124.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. 101. Д. 411. Л. 10.
- ⁶⁶ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам... С. 125.
- ⁶⁷ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам // ДППС. Т. I. С. 122.
- ⁶⁸ 504. О даче рудокопному мастеру Ягану Фридриху Блиеру 200 рублей в счет жалованья // ДППС. Т. II. 1712 г. Кн. I (январь-июль). СПб., 1882. С. 405.
- ⁶⁹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 170.
- ⁷⁰ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам... С. 122-123.
- ⁷¹ Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 11.
- ⁷² Там же. С. 12.
- ⁷³ 504. О даче рудокопному мастеру Ягану Фридриху Блиеру 200 рублей в счет жалованья... С. 405.
- ⁷⁴ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. Л. 10 об.-11 об.
- ⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 804.
- ⁷⁶ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. Л. 11; Герман И. Указ. соч. С. 12.
- ⁷⁷ Там же. С. 11-12.
- ⁷⁸ Там же. С. 12.
- ⁷⁹ 67. О выдаче рудному мастеру Ивану Зыбкову жалованья 100 руб. и о посылке его для сыску руд в Архангелогородскую губернию // ДППС. Т. II. 1712 г. Кн. I. С. 40.
- ⁸⁰ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам // ДППС. Т. I. С. 123.
- ⁸¹ 71. О бытии в Оружейном Приказе судьей стольнику Матвею Головину и ему ж ведать конюшенную казну, а Ямскому Приказу не быть // ДППС. Т. I. С. 46.
- ⁸² Миллоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 313.
- ⁸³ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам // ДППС. Т. I. С. 126.
- ⁸⁴ 504. О даче рудокопному мастеру Ягану Фридриху Блиеру 200 рублей в счет жалованья... С. 406.
- ⁸⁵ Герман И. Указ. соч. С. 12.
- ⁸⁶ Там же. С. 13-14.
- ⁸⁷ Там же. С. 14.
- ⁸⁸ Герман И. Указ. соч. С. 15-16.
- ⁸⁹ 132. Об упразднении Приказа Рудных Дел, а об определении дьяков и подьячих его к иным делам // ДППС. Т. I. С. 124-125.
- ⁹⁰ См.: Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. I. М.-Л., 1948. С. 82-129.

- ⁹¹ Указ 8 марта 1702 г. о пожаловании заводов Демидову... С. 1-2.
- ⁹² Там же. С. 2-3.
- ⁹³ Там же. С. 3.
- ⁹⁴ Там же. С. 3.
- ⁹⁵ Там же. С. 5.
- ⁹⁶ Там же. С. 3.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Там же. С. 5-6.
- ⁹⁹ Там же. С. 6-7.
- ¹⁰⁰ Указ 6 декабря 1702 г. // Материалы к записке о посессионном праве. Б.м., 1913. С. 10.
- ¹⁰¹ См.: Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус... С. 115-116.
- ¹⁰² Указ 6 декабря 1702 г.... С. 11.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Указ 25 февраля 1703 г. // Материалы к записке о посессионном праве. Б.м., 1913. С. 21.
- ¹⁰⁵ Указ 6 декабря 1702 г.... С. 12-19.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 19-20.
- ¹⁰⁷ Указ 25 февраля 1703 г.... С. 20-23.
- ¹⁰⁸ Указ 6 декабря 1702 г.... С. 12.
- ¹⁰⁹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702-1703). СПб., 1889. С. 413.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 5 (январь-июнь 1701). СПб., 1907. С. 718.
- ¹¹² См. подробнее: Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус... С. 298-312 и след.
- ¹¹³ Жизнь князя Бориса Ивановича Куракини, им самим описанная // Архив князя Ф.А. Куракина. Кн. I. СПб., 1890. С. 257.
- ¹¹⁴ См. подробнее: Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К. История налогов в России. IX – начало XX в. М., 2006. С. 76-77.
- ¹¹⁵ Письма, подкинутое к Александру Данил. Меншикову для доставления Государю. 1700 г. июня 1 д. // Белокуров С.А. Материалы для русской истории. М., 1888. С. 515.
- ¹¹⁶ Там же. С. 516.
- ¹¹⁷ Заозерская Е.И. Торги и промыслы гостиной сотни Среднего Поволжья на рубеже XVII-XVIII вв. // Петр Великий. Сборник статей. Т. I. М.-Л., 1947. С. 215; см. тж.: Заозерская Е.И. Сказки торговых людей Московского государства 1704 г. // Исторические записки. Т. 17. М., 1945.
- ¹¹⁸ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. Т. I. М., 1998. С. 405-406.
- ¹¹⁹ 1792. – Марта 1 [1704]. Статьи. – О сборе внутренней пошлыны с хлеба, съестных припасов и со всяких изделий продуктов // ПСЗ. Т. 4. С. 251.
- ¹²⁰ Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 240.
- ¹²¹ Луппов С.П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.-Л., 1957. С. 85.
- ¹²² 1172. О высылке с Тихвина в С. Петербург в Приказ Артиллерии кузнецов 20 семей // ДППС. Т. V. 1715 г. Кн. 2 (июль-декабрь). СПб., 1897. С. 1002.
- ¹²³ Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 235.
- ¹²⁴ Мордвинов И.П. Тихвинская старина (документы) // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 4. Новгород, 1911. С. 16.
- ¹²⁵ Бранденбург Н.Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701-1720 г.). СПб., 1876. С. 90.
- ¹²⁶ 511. О продаже поярковой шерсти и овчин на суконный двор повольною ценою, и о непокупке шерсти на делание рукавиц нигде, кроме суконнаго двора // ДППС. Т. II. Кн. 1. С. 413-415.
- ¹²⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. III. СПб., 1866. С. 511.
- ¹²⁸ Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии. Л., 1979. С. 62-66.
- ¹²⁹ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.
- ¹³⁰ 156. Об усилении порохового производства в России по случаю военного времени, и о подтверждении привилегии на таковое производство иностранцу Стельсу // ДППС. Т. I. С. 147.
- ¹³¹ Лукьянов П.М. Производство пороха в России в первой четверти XVIII в. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 201.
- ¹³² 156. Об усилении порохового производства в России по случаю военного времени, и о подтверждении привилегии на таковое производство иностранцу Стельсу... С. 147.
- ¹³³ Там же. С. 148.

- ¹³⁴ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 210.
- ¹³⁵ См.: Верюжинский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. СПб., 1908. С. 554 и след.
- ¹³⁶ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 211.
- ¹³⁷ 1701 г., января 18. Указ Н. Демидову о бессрочном владении его Тульским заводом // Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. I. М.-Л., 1948. С. 495-496.
- ¹³⁸ См.: Указ 8 марта 1702 г. о пожаловании заводов Демидову // Материалы к записке о посессионном праве. Б.м., 1913. С. 1-7.
- ¹³⁹ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 57.
- ¹⁴⁰ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. С. 199.
- ¹⁴¹ 2349. – Апреля 13 [1711]. Сенатсктй. – Подробныя распоряжения в исполнение Высочайших пунктов состоявшихся 2 Марта 1711 года // ПСЗ. Т. 4. С. 664.
- ¹⁴² 43. Об отдаче купецким людям полотняных, скатерных и салфеточных заводов, которые ведомы были в Посольском Приказе, и в Немецкой слободе купленного двора, а также мастеров-иноземцов и русских людей // ДППС. Т. I С. 26.
- ¹⁴³ Там же. С. 26-27.
- ¹⁴⁴ См. о его работе в период принадлежности казне: Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. С. 184-193.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 188.
- ¹⁴⁶ В 1707 г., когда непрофильный актив – стеклянный и зеркальный завод у Воробьевых гор – был передан из ведения Посольского приказа в Сибирский, секретарь Посольского приказа В.В. Степанов сообщал П.П. Шафирову, что «зекральные, государь, заводы отосланы; слава Богу, что с рук сошли» (Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 2. М., 1952. С. 1188.).
- ¹⁴⁷ Примечания к № 5024 // Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XII. Вып. 1. М., 1975. С. 280.
- ¹⁴⁸ ПБПВ. Т. XII. Вып. 1. С. 18-19.
- ¹⁴⁹ Ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторы // Материалы по истории СССР. Т. V. Документы по истории XVIII века. М., 1957.
- ¹⁵⁰ Там же. С. 230.
- ¹⁵¹ Там же. С. 226. См. тж.: «Велено в Казани быть суконному делу» // Гасырлар авазы. – Эхо веков. Научно-документальный журнал. 1997. № ¾.
- ¹⁵² ПБПВ. Т. XII. Вып. 1. С. 19.
- ¹⁵³ Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 279.
- ¹⁵⁴ 2875. – Генваря 18 [1715]. Именной. – О размножении суконных заводов, о наказании за укрывательство беглых рекрут и солдат, и о умножении в Губерниях окладного сбора без отягощения народа // ПСЗ. Т. 5. С. 137.
- ¹⁵⁵ ПБПВ. Т. XII. Вып. 1. С. 18-19.
- ¹⁵⁶ Реэстр указом // Указы блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийскаго. Состоявшиеся с 1714, по кончину его императорскаго величества, генваря по 28 число, 1725 году. [Указы 1724-1725 гг.]. СПб., 1739. С. 3.
- ¹⁵⁷ 1706. – Октября 27 [1699]. Именной. – О составлении купцам, как и в других Государствах, торговых компаний, о расписании городов по торговым делам на провинции, с подчинением малых городов Провинциальному городу и о причислении к слободам разночинцев, имеющих промыслы // ПСЗ. Т. 3. С. 654.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 24.
- ¹⁵⁹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 423.
- ¹⁶⁰ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. Л. 9.
- ¹⁶¹ 67. О выдаче рудному мастеру Ивану Зыбкову жалованья 100 руб. и о посылке его для сыску руд в Архангелогородскую губернию // ДППС. Т. II. 1712 г. Кн. I (январь-июль). СПб., 1882. С. 39-40.
- ¹⁶² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. II. СПб., 1889. С. 46-47.
- ¹⁶³ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве... С. 155.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 156-157, 175, 177.
- ¹⁶⁵ Цит. по: Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве... С. 390.
- ¹⁶⁶ Там же. С. 185 и след.
- ¹⁶⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 2. М., 1952. С. 1188.
- ¹⁶⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. IX. Вып. 1. М.-Л., 1950. С. 347-348.
- ¹⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 53.
- ¹⁷⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 122.
- ¹⁷¹ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. XI. Вып. 2. М., 1964. С. 139.
- ¹⁷² Там же. С. 158.

- 173 Там же. С. 157.
 174 ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 118.
 175 Там же. Л. 207.
 176 Там же. Л. 416.
 177 Ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторы... С. 212.
 178 Об устройстве шпалерной мануфактуры (1716 г.) // 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. Историческое исследование. СПб., 1911. Приложение 4. С. 18.
 179 Собрание писем императора Петра I к разным лицам с ответами на оныя. Ч. 2. СПб., 1829. С. 172-173.
 180 Пропозиции Федора Салтыкова: Рукопись из собрания П. Н. Тихонова. СПб., б. г. С. 15-18.
 181 Там же. С. 18-19.
 182 Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 35.
 183 Салтыков Ф. Изъявления прибыточные государству // Павлов-Сильванский Н.П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого. СПб., 1897. С. 8.
 184 Там же. С. 10.
 185 Там же. С. 11.
 186 Там же. С. 11.
 187 Там же. С. 24.
 188 Там же. С. 26-27.
 189 Там же. С. 27.
 190 Там же.
 191 Там же. С. 27-28.
 192 Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 30.
 193 Салтыков Ф. Изъявления прибыточные государству... С. 36-37.
 194 Там же. С. 27.
 195 Пункты ревелятора Герасима Раевского о железных заводах // Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. I. Феодальный период (1500-1860 г.г.). М., 1954. Приложение 2. С. 454-455.
 196 См. подробнее о начале реформы: Милуков П.Н. Указ. соч. С. 420-437; Бабурин Д.С. Реформа высших и центральных органов государственного управления // Очерки истории СССР. Т. VII. Россия в первой четверти XVIII в. М., 1954; Peterson C. Peter the Great's administrative and judicial reforms. Swedish antecedents and the process of reception. Stockholm, 1979. P.52-84; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 99-110 и др.
 197 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 39.
 198 Там же. С. 42.
 199 Петерсон К. Реформы Петра I в сфере государственного управления и их шведские прототипы // Полтава: судьбы пленных и взаимодействие культур. М., 2009. С. 261. См. более подробно об этом сюжете: Peterson C. Op. cit. P. 62-67.
 200 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 274.
 201 Там же. С. 213.
 202 Peterson C. Op. cit. P. 63-64.
 203 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 43.
 204 Голендухин Л.Д. Две экспедиции бергмейстера И.Ф. Блиера на Кавказ (к 250-летию экспедиций) // Вопросы истории науки. Ереван, 1967. С. 274.
 205 См.: Герман И. Указ. соч. С. 15-16.
 206 См.: Петерсон К. Указ. соч. С. 258-263.
 207 2908. – Майя 17 [1715]. Именной, объявленный из Сената. – О бытии Рудному приказу по прежнему // ПСЗ. Т. 5. С. 157.
 208 РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 624.
 209 Там же. Л. 626 об.
 210 790. О бытии вновь Рудокопному приказу в С.-Петербурге и об определении в него дьяка, подьячих и сторожей // ДППС. Т. V. 1715 г. Кн. II (июль-декабрь). СПб., 1897. С. 616-617.
 211 РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Там же. Л. 630.
 212 Там же.
 213 1115. О постройке в Канцелярии Рудокопных дел // ДППС. Т. V. 1715 г. Кн. II (июль-декабрь). СПб., 1897. С. 946.
 214 151. О ведении горных заводов и мастеровых и рабочих людей в Приказе рудных дел... С. 127.
 215 Там же. С. 128.

- ²¹⁶ Там же.
- ²¹⁷ 175. Об отсылке в Рудный приказ офицеров Секерина, Жукова и Вельяшева // ДППС. Т. VI. 1716 г. Кн. I (январь-июль). СПб., 1901. С. 142.
- ²¹⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 685-685 об.
- ²¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Д. 42. Л. 71.
- ²²⁰ 151. О ведении горных заводов и мастеровых и рабочих людей в Приказе рудных дел... С. 128.
- ²²¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 36. Л. 799.
- ²²² Там же. Л. 815.
- ²²³ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 101.
- ²²⁴ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 624. Л. 176.
- ²²⁵ Там же. Л. 87.
- ²²⁶ Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 439.
- ²²⁷ Там же. С. 441.
- ²²⁸ 2943. – Октября 21 [1715]. Именной, объявленный из Сената. – О делании полотен шириною против приготовляемых в других Европейских Государствах // ПСЗ. Т. 5. С. 179.
- ²²⁹ 2949. – Ноября 4 [1715]. Именной. – О делании юфти с ворванным салом // ПСЗ. Т. 5. С. 180.
- ²³⁰ 1307. О размножении в губерниях льняных и пеньковых промыслов // ДППС. Т. V. 1715 г. Кн. II. С. 1118.
- ²³¹ 1308. О неотпуске за море льяного и конопляного семени // ДППС. Т. V. 1715 г. Кн. II. С. 1118.
- ²³² Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 441.
- ²³³ 91. О прииске красок // ДППС. Т. VI. 1716 г. Кн. I (январь-июль). СПб., 1901. С. 73.
- ²³⁴ См., напр.: Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 100-101; Состояние России при нынешнем Царе (Петре I-м). Другое и более подробное повествование о России капитана Джона Перри // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1871. Апрель-Июнь. Кн. II. М., 1871. С. 158.
- ²³⁵ Козинцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.-Л., 1964. С. 124.
- ²³⁶ Там же. С. 127.
- ²³⁷ Мезин С.А. Взгляд из Европы: Французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов, 2003. С. 19 и след.
- ²³⁸ Там же. С. 36.
- ²³⁹ Там же.
- ²⁴⁰ 3089. – Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому. – На исключительное заведение в России фабрик для делания всяких материй и парчей // ПСЗ. Т. 5. С. 495.
- ²⁴¹ Лодыженский К.Н. Указ. соч. С. 58.
- ²⁴² Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.-Л., 1947. С. 63. Е.И. Заозерская в своей работе «Мануфактура при Петре I» среди важных правовых актов, посвященных промышленному регулированию, не упомянула жалованную грамоту Шафирову и Толстому, хотя в своей следующей монографии укажет, что «это была первая жалованная грамота на заведение текстильной “фабрики” при Петре I» (Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве... С. 299.)
- ²⁴³ Павленко Н.И. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века // История СССР, 1978, № 3. С. 50.
- ²⁴⁴ 3089. – Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому ... С. 496-497.
- ²⁴⁵ 3089. – Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому ... С. 497. Ср.: «железные заводы заводить, где они в ...Российском государстве вновь приишут...на наших, Царского величества, порозших землях» (25 декабря 1665 года. Грамота царя Алексея Михайловича о пожаловании Филимону Акеме с племянниками железных заводов // Сборник Русского исторического общества. Том 6 (154). К истории горного дела. М., 2003. С.71; далее – Жалованная грамота Акеме).
- ²⁴⁶ 3089. – Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому ... С. 497. Ср.: «На двадцать лет безоброчно ж и беспошлинно железа и ратных запасов указное число, что в год велено им поставить, и что сверх того указного числа... поволели продавать... беспошлинно ж» (Жалованная грамота Акеме, с. 71).
- ²⁴⁷ 3089. – Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому ... С. 497. Ср.: «Ему, Филимону, и племянником его, и мастеровым людям, и крестьяном, до сторонних всяких чинов людей до кого дело будет, и их судом ведати в Оружейной Палате, опричь татинных и разбойных и убийственных и духовных дел» (Жалованная грамота Акеме, с.73).
- ²⁴⁸ 3089. – Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому... С. 498.

- 249 Жалованная грамота Акеме... С. 69.
- 250 3089. – Июня 8 [1717]. Жалованная грамота Подканцлеру Шафирову и Тайному Советнику Толстому... С. 498.
- 251 См., напр., один из ее печатных экземпляров: РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 4-6.
- 252 Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве... С. 299-300.
- 253 Sargent A.J. The economic policy of Colbert. N.-Y., 1968. P. 48. Перевод наш.
- 254 Cole C.W. Colbert and a century of French mercantilism. Vol. II. N-Y., 1939. P. 239-240. Перевод наш.
- 255 Статут о монополиях (1623-1624 гг.) // Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время. М.-Л., 1929. С. 251.
- 256 Камерон Р. Краткая экономическая история мира от палеолита до наших дней. М., 2001. С. 166.
- 257 См.: Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 115.
- 258 История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 470.
- 259 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 218.
- 260 Там же. С. 217.
- 261 3205. – Июня 2 [1718]. Именной, данный Сенату. – Об отправлении Президентам дел своих в Коллегиях с ревностью // ПСЗ. Т. 5. С. 572.
- 262 Там же. С. 220.
- 263 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 413.
- 264 Там же. С. 414.
- 265 Там же. С. 482.
- 266 3291. – Генваря [1719]. Инструкция или Наказ Воеводам // ПСЗ. Т. 5. С. 627, 630.
- 267 См.: Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 150-170; Раев Д.В. Кружечные дворы городов Западной Сибири (вторая половина XVII – начало XVIII в.) Новосибирск, 2005 (раздел «Российское законодательство о кабаках», с. 75-95).
- 268 3255. – Декабря 12 [1718]. Именной, объявленный из Сената. – Об управлении во всех Коллегиях и в Губерниях дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями // ПСЗ. Т. 5. С. 601.
- 269 См., напр., образец таких ведений: 50. 1719 г. Ведомости о заводах и ремесленных людях (извлечения) // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 4. Социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в. М., 1988. С. 252-267.
- 270 3320. – Марта 4 [1719]. Сенатский. – О распределении ведомства дел между разными присутственными местами // ПСЗ. Т. 5. С. 667.
- 271 См. о ней подробнее: Водарский Я.Е. Исследования по истории русского города (факты, обобщения, аспекты). М., 2006. С. 196-225.
- 272 ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 7. Л. 25.
- 273 Там же. Л. 23.
- 274 Там же. Л. 38.
- 275 Там же. Л. 45-46.
- 276 Там же. Л. 23.
- 277 Там же. Л. 94.
- 278 3708. – Генваря 16 [1721]. Регламент, или Устав Главного Магистрата // ПСЗ. Т. 6. С. 292.
- 279 Там же. С. 295.
- 280 Там же. С. 297-298.
- 281 ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 7. Д. Л. 219.
- 282 РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 624. Л. 238-239.
- 283 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 248.
- 284 История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 2. М., 2004. С. 246.
- 285 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 58.
- 286 2949. – Ноября 4 [1715]. Именной. – О делании юфти с ворванным салом // ПСЗ. Т. 5. С. 180.
- 287 П. – 1723 г. сентября 24. – Выпись из дел Мануфактур-Коллегии // Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. Т. I. М.-Л., 1935. С. 2.
- 288 3141. – Генваря 17 [1718]. Именной. – О неделании промышленникам юфти с дегтем, и приготовлении оной с ворванным салом и о неимании никому с 1719 года кож и обуви старого дела с дегтем // ПСЗ. Т. 5. С. 531-532.
- 289 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 58.
- 290 Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 363.
- 291 3142. – Генваря 17 [1718]. Именной. – О взятии свидетельств мастеровым людям, желающим определиться на мануфактуры, за подписью членов Коллегии или Губернатора, в удостоверение искусства или познания в том

художестве или ремесле, к которому кто желает определиться, и о неприеме на мануфактуры и фабрики людей, неимеющих таких свидетельств // ПСЗ. Т. 5. С. 531.

²⁹² См.: Смирнов П. Московские ткачи XVII в. и их привилегии (Жалованные грамоты Кадашевской и Хамовной слобод 1623 и 1648 гг.). Ташкент, 1928. С. 14-15.

²⁹³ Семенова Л.Н. Рабочие петербургских заводов артиллерийского ведомства в первой половине XVIII в. // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.-Л., 1964. С. 74.

²⁹⁴ 50. 1719 г. Ведомости о заводах и ремесленных людях (извлечения)... С. 262.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Там же. С. 263.

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Как отмечал по этому поводу А.А. Кизеветтер, «наряду с канцеляриями немалое количество тяглецов похищали из посадских обществ возникавшие близ посадов фабрики» (Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903. С. 68).

²⁹⁹ 3197. – Апреля 28 [1718]. Именной. – О сочинении Регламента всем Коллегиям, на основании Шведского Устава по пунктам и о составлении проекта по тем предметам, которые в Шведском уставе определены несходно с положением Российского Государства и о поднесении по сему доклада Царскому Величеству // ПСЗ. Т. 5. С. 565.

³⁰⁰ См.: Peterson C. Op. cit. P. 376-380.

³⁰¹ ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 263-266.

³⁰² Там же. Л. 265.

³⁰³ Там же. Л. 265-266.

³⁰⁴ См.: Swederus M.B. Bidrag till kännedomen om Sveriges bergshandtering 1612–1654 // Jern-Kontorets Annaler för 1910. Stockholm, 1910. P. 39.

³⁰⁵ Колосов Е.Е. Новые биографические материалы о В.Н. Татищеве // Археографический ежегодник за 1963 год. М., 1964. С. 113.

³⁰⁶ См.: Peterson C. Op. cit. P. 376-380.

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 624. Л. 107 об.

³⁰⁸ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. Т. VI. Кн. II. М., 1786. С. 15.

³⁰⁹ Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810. С. 21.

³¹⁰ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 760.

³¹¹ Семевский М.И. Очерк управления мануфактурной промышленности от Петра I до Екатерины II // Журнал министерства народного просвещения. 1859. Ч. 103. Отд. II. С. 202.

³¹² Богословский А. Управление промышленностью мануфактурною, горнозаводскою и торговою в России от Петра Великого до настоящего времени (Историческая записка) // Юридический вестник. 1872. Кн. 6-7. Июнь и июль. С. 31-32.

³¹³ Лешков В.Н. Русская промышленность по указам Петра Великого // Юридический вестник. 1876. Январь и февраль. С. 14.

³¹⁴ Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 450.

³¹⁵ Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства в России 1700-1900 гг. СПб., 1900. С. 12.

³¹⁶ 200-летие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. Историческое исследование/составители В.Н. Строев, П.И. Варыпаев и др. СПб., 1911. С. 92.

³¹⁷ История горнорабочих СССР. Т. 1. Гессен Ю. История горнорабочих России до 60 гг. XIX века. М., 1926. С. 35.

³¹⁸ Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. М.-Л., 1935. С. 245.

³¹⁹ Бабурин Д.С. Материалы к обзору фондов Мануфактур-коллегии и Мануфактур-конторы // Архивное дело. 1937. № 2 (43). С. 42-43.

³²⁰ Бабурин Д.С. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939. С. 56.

³²¹ Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I. М.-Л., 1945. С. 64.

³²² Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. I. Докапиталистические формации. Л., 1947. С. 372.

³²³ Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948. С. 34.

³²⁴ Мартынов М.Н. Привилегия о рудах и минералах 1719 года // Вопросы истории. № 6, 1957. С. 133.

³²⁵ Спиридонова Е.В. Экономическая политика и экономические взгляды Петра I. М., 1952. С. 73.

³²⁶ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 101, 111.

- ³²⁷ Там же. С. 104.
- ³²⁸ Там же. С. 107.
- ³²⁹ См.: Павленко Н.И. Берг-коллегия 1719-1742 гг. (Организация управления металлургической промышленностью в первой половине XVIII в.) Автореферат ... канд. ист. наук. М., 1949.
- ³³⁰ Пашков А.И. Экономические воззрения и принципы экономической политики Петра I // История русской экономической мысли. Т. I. Эпоха феодализма. Часть первая. IX-XVIII вв. М., 1955. С. 270.
- ³³¹ Кузин А.А. История открытий рудных месторождений в России до середины XIX в. М., 1961. С. 128.
- ³³² Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 132-133.
- ³³³ Там же. С. 138.
- ³³⁴ Манин В.А. Эволюция горнозаводского законодательства России во второй половине XVII – первой половине XVIII века. Сургут, 2006. С. 60.
- ³³⁵ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 760.
- ³³⁶ Там же.
- ³³⁷ 3255. – Декабря 12 [1718]. Именной, объявленный из Сената. – Об управлении во всех Коллегиях и в Губерниях дел с 1720 года по новому порядку и о разделении дел между коллегиями // ПСЗ. Т. 5. С. 601.
- ³³⁸ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 624. Л. 297.
- ³³⁹ РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 611. Л. 12.
- ³⁴⁰ 3621. – Июля 20 [1720]. Манифест. – О допущении иностранцев к строению и размножению рудокопных заводов // ПСЗ. Т. 6. С. 223.
- ³⁴¹ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 2. М., 2004. С. 562.
- ³⁴² Чулков М.Д. Указ. соч. С. 62.
- ³⁴³ Герман И. Указ. соч. С. 148.
- ³⁴⁴ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 760.
- ³⁴⁵ Там же. С. 760-761.
- ³⁴⁶ 4379. – Декабря 3 [1723]. Инструкция Обер-Вальдмейстеру // ПСЗ. Т. 7. С. 180.
- ³⁴⁷ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 761.
- ³⁴⁸ Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 114.
- ³⁴⁹ Семенова Л.Н. Рабочие петербургских заводов артиллерийского ведомства в первой половине XVIII в. // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.-Л., 1964. С. 74.
- ³⁵⁰ № 25. Наказ Татищева комиссару Екатеринбургских заводов Федору Неклюдову // Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 79-81.
- ³⁵¹ Там же. С. 82-84.
- ³⁵² РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 624. Л. 426.
- ³⁵³ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 761-762.
- ³⁵⁴ Штоф А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. Ч. I. Главные основания горного и соляного законодательства. СПб., 1882. С. 141-143.
- ³⁵⁵ Яновский. А.Е. Основные начала горного законодательства и пересмотр его в России. СПб., 1900. С. 131.
- ³⁵⁶ Янжул. И.И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. СПб., 1904. С. 162.
- ³⁵⁷ Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004. С. 396.
- ³⁵⁸ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века... С. 104.
- ³⁵⁹ Мартынов М.Н. Привилегия о рудах и минералах 1719 года // Вопросы истории. 1957. № 6. С. 133.
- ³⁶⁰ Манин В.А. Указ. соч. С. 66.
- ³⁶¹ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 762.
- ³⁶² Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века (промышленная политика и управление). М., 1953. С. 105.
- ³⁶³ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 760.
- ³⁶⁴ 45. – 21 Апреля. О ведомстве в Св. Синоде управлением, судом и расправою вотчин, принадлежащих бывшему патриаршему дому, архиерейских, монастырских и церковных, а также и служителей архиерейских домов и монастырей // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. 1721. СПб., 1869. С. 75.

- ³⁶⁵ 3487. – Генваря 16 [1720]. Именной. – О присылке из казенных заводов ведомостей дважды в год, и о взимании с частных заводов десятинной подати // ПСЗ. Т. 6. С. 117.
- ³⁶⁶ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века... С. 406.
- ³⁶⁷ Цит. по: Павленко Н.И. Указ. соч. С. 406.
- ³⁶⁸ Там же. С. 406-407.
- ³⁶⁹ 4444. – Генваря 18 [1724]. Сенатский. – О собирании с железных заводов и ручных домен в казну, вместо десятой доли металла, деньгами // ПСЗ. Т. 7. С. 225.
- ³⁷⁰ 4671. – Марта 2 [1725]. Сенатский, в следствие Именного указа 1724 года Ноября 6 дня. – Подробные распоряжения об окладах жалования // ПСЗ. Т. 7. С. 431.
- ³⁷¹ Герман И. Указ. соч. С. 31.
- ³⁷² 3529. – Февраля 19 [1720]. Именной, объявленный из Берг-коллегии. – О приносе рудных проб // ПСЗ. Т. 6. С. 139.
- ³⁷³ 3621. – Июля 20 [1720]. Манифест. – О допущении иностранцев к строению и размножению рудоплавильных заводов // ПСЗ. Т. 6. С. 223.
- ³⁷⁴ 3974. – Апреля 19 [1722]. Именной. – О делании Берг-Коллегии розысков по доносам о помешательствах, чинимых в сыскании руд // ПСЗ. Т. 6. С. 658.
- ³⁷⁵ См.: 3127. – Декабря 17 [1717]. Именной. – О запрещении носить пряженое и волоченное золото и серебро, покупать оное и играть в деньги // ПСЗ. Т. 5. С. 525.
- ³⁷⁶ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 207-208.
- ³⁷⁷ 3163. – Февраля 14 [1718]. Именной. – О неприводе в Москву чулков, вывозимых из-за моря и из других краев // ПСЗ. Т. 5. С. 543.
- ³⁷⁸ 3162. – Февраля 14 [1718]. Именной. – О запрещении ввозить и продавать иностранную каразею // ПСЗ. Т. 5. С. 543.
- ³⁷⁹ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. Т. VI. Кн. III. М., 1786. С. 163.
- ³⁸⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 43. Л. 192 об.-194. Некоторые из решений о запрете опубликованы: 3176. – Февраля [1718]. Высочайшая резолюция на доношение фабриканта Алексея Милюткина. – О пожаловании ему на делание шелковых лент грамоты и о запрещении провоза лент из чужих краев, когда оной фабрикант отработывать будет сей товар в довольном количестве // ПСЗ. Т. 5. С. 518-519; 3181. – Марта 11 [1718]. Именной. – О даче купцу Вестову на десять лет привилегии на устроение в Москве сахарного завода и о невзыскании с него пошлин, как за привоз, так и за продажу сахара в течение трех лет // ПСЗ. Т. 5. С. 554.
- ³⁸¹ 3180. – Марта 9 [1718]. Жалованная грамота Ландрату Савелову и купцам Томилиным – на учреждение завода купоросного масла и крепкой водки // ПСЗ. Т. 5. С. 552-553.
- ³⁸² 3147. – Февраля 26 [1718]. Высочайшая резолюция на доношение фабрикантов Турчанинова и Цынбальщикова. – О даче им на размножение полотняного завода грамоты, и о запрещении привоза полотна из-за границы, когда содержатели на письме подадут ведения, что у них довольно полотна на расход будет, и о бытии им в ведомстве Мануфактур-коллегии // ПСЗ. Т. 5. С. 547.
- ³⁸³ См.: 3218. – Июля 23 [1718]. Именной, объявленный Кабинет-Секретарем Макаровым. – О покупке ко всяким делам краски бакана у Павла Васильева, и о невывозе оной из-за моря // ПСЗ. Т. 5. С. 580-581.
- ³⁸⁴ 3411. – Августа 8 [1719]. – Именной, объявленный из Сената. – О пошлинах с иностранных игол // ПСЗ. Т. 5. С. 727.
- ³⁸⁵ См. подробнее: Козинцева Р.И. Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции // Проблемы источниковедения. Т. X. М., 1962.
- ³⁸⁶ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 477-478.
- ³⁸⁷ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. Т. IV. Кн. I. М., 1785. С. 97.
- ³⁸⁸ См., напр.: Козинцева Р.И. Внешнеторговый оборот Архангелогородской ярмарки и ее роль в развитии всероссийского рынка // Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.-Л., 1964.
- ³⁸⁹ См.: История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 470.
- ³⁹⁰ 3147. – Февраля 26 [1718]. Высочайшая резолюция на доношение фабрикантов Турчанинова и Цынбальщикова... С. 547.
- ³⁹¹ Там же. С. 547-548.
- ³⁹² ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 210.
- ³⁹³ 3140. – Генваря 15 [1718]. Именной, объявленный из Сената. – О посылке преступников мужеска пола на галеры, а женщин на прядильный двор, для заработка состоящих на них казенных недоимок и частных долгов и взысканий // ПСЗ. Т. 5. С. 530.

- ³⁹⁴ 3176. – Февраля [1718]. Высочайшая резолюция на доношение фабриканта Алексея Милютина. – О пожаловании ему на делание шелковых лент грамоты и о запрещении провоза лент из чужих краев, когда оной фабрикант отработывать будет сей товар в довольном количестве // ПСЗ. Т. 5. С. 519
- ³⁹⁵ Тальман Е.М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т. 27. М., 1948. С. 68-69 и след.
- ³⁹⁶ ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 210.
- ³⁹⁷ Там же. Л. 219.
- ³⁹⁸ Там же. Л. 248.
- ³⁹⁹ [10 марта 1720 г.] О полотняной фабрике // Копии его царского величества указов, состоявшихся в 1719 и в 1720 годах. СПб., 1721. С. 248.
- ⁴⁰⁰ 3213. – Июня 20 [1718]. Именной, объявленный из Сената. – О поимке нищих и об отсылке их, по наказании в прежния места // ПСЗ. Т. 5. С. 579.
- ⁴⁰¹ ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 214 а.
- ⁴⁰² См., напр.: Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. СПб., 2009. С. 153-156 и след.
- ⁴⁰³ Кулишер И. Крупная промышленность в XVII и XVIII веках: Франция, Германия, Россия // Анналы экономической и социальной истории. Избранное. М., 2007. С. 70.
- ⁴⁰⁴ ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 223.
- ⁴⁰⁵ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве... С. 218.
- ⁴⁰⁶ Рычков П.И. Записки // Русский архив. 1905. № 11. С. 298.
- ⁴⁰⁷ ОР РНБ. Ф. 1003. Д. 8. Л. 238; 3313. – Февраля 26 [1719]. Именной, данный Сенату. – Об отсылке виновных баб и девок для работ на полотняные заводы // ПСЗ. Т. 5. С. 669-670.
- ⁴⁰⁸ 3808. – Июля 26 [1721]. Сенатский. – Об отсылке виновных баб и девок в Берг и Мануфактур-Коллегии для отдачи в работу на фабрики // ПСЗ. Т. 6. С. 410-411.
- ⁴⁰⁹ 91. (72). – 12 Мая [1721]. Об истребовании в Монастырский Приказ от Ивана Тамеса с товарищами денежных и других сборов с отданного им к полотняной мануфактуре из вотчин суздальского епископа села Кохмы с деревнями // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. I. 1721 г. СПб., 1879. С. 119.
- ⁴¹⁰ № 257/110. 6 мая/20 июля 1727 г. По доношению Монастырского Приказа, об отдаче во временное владение директору полотняной мануфактуры, иноземцу Ивану Тамесу, вотчины Суздальского архиерейского дома, села Рождественского Кохмы с деревнями, о высочайшем пожаловании означенного села сенатору Новосильцеву и камериру Чевкину и о взыскании с Тамеса недоимок за время владения им Кохмою // Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшаго Правительствующаго Синода. Т. I. (1542-1721). СПб., 1868. Стб. 243.
- ⁴¹¹ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве... С. 282.
- ⁴¹² РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 43. Л. 215.
- ⁴¹³ Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве... С. 283.
- ⁴¹⁴ Ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторы... С. 243, 238.
- ⁴¹⁵ Там же. С. 237, 223-224.
- ⁴¹⁶ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 248.
- ⁴¹⁷ Ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторы... С. 238.
- ⁴¹⁸ 3142. – Генваря 17 [1718]. Именной. – О взятии свидетельств мастеровым людям, желающим определиться на мануфактуры, за подписью членов Коллегии или Губернатора, в удостоверение искусства или познания в том художестве или ремесле, к которому кто желает определиться, и о неприеме на мануфактуры и фабрики людей, неимеющих таковых свидетельств // ПСЗ. Т. 5. С. 531
- ⁴¹⁹ 2. 1720 г. февраля 17. – Именной указ Петра I об отдаче Суконного Двора «компанейщикам» В. Щеголину с товарищами // Крепостная мануфактура в России. Ч. V. Московский суконный двор. Л., 1934. С. 3.
- ⁴²⁰ Там же.
- ⁴²¹ Там же. С. 4.
- ⁴²² Там же. С. 4.
- ⁴²³ Нисселович Л.Н. История заводско-фабричного законодательства Российской империи. Ч. I. СПб., 1883. С. 28.
- ⁴²⁴ Д.С. Бабурин. Указ. соч. С. 66.
- ⁴²⁵ История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 518.
- ⁴²⁶ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 88.
- ⁴²⁷ 3710. – Генваря 17 [1721]. Именной, состоявшийся в Сенате. – Об увольнении заводчиков от градских служб // ПСЗ. Т. 6. С. 311.

- ⁴²⁸ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 88.
- ⁴²⁹ 3711. – Генваря 18 [1721]. Именной. О покупке к заводам деревень // ПСЗ. Т. 6. С. 311-312.
- ⁴³⁰ Указ 8 марта 1702 г. о пожаловании заводов Демидову... С. 2-3.
- ⁴³¹ № 257/110. 6 мая/20 июля 1727 г. По доношению Монастырского Приказа, об отдаче во временное владение директору полотняной мануфактуры, иноземцу Ивану Тамесу, вотчины Суздальского архиерейского дома, села Рождественского Кохмы с деревнями... Стб. 243.
- ⁴³² 91. (72). – 12 Мая [1721]. Об истребовании в Монастырский Приказ от Ивана Тамеса с товарищами денежных и других сборов с отданного им к полотняной мануфактуре из вотчин суздальского епископа села Кохмы с деревнями... С. 119-120.
- ⁴³³ № 257/110. 6 мая/20 июля 1727 г. По доношению Монастырского Приказа, об отдаче во временное владение директору полотняной мануфактуры, иноземцу Ивану Тамесу, вотчины Суздальского архиерейского дома, села Рождественского Кохмы с деревнями... Стб. 244.
- ⁴³⁴ РГАДА. Ф. 248. Д. 1061. Л. 81-81 об.
- ⁴³⁵ Ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и Мануфактур-конторы... С. 274.
- ⁴³⁶ Там же. С. 260.
- ⁴³⁷ Там же. С. 240.
- ⁴³⁸ Там же. С. 263.
- ⁴³⁹ Там же. С. 280.
- ⁴⁴⁰ РГАДА. Ф. 248. Д. 908. Л. 281-281 об.
- ⁴⁴¹ 3711. – Генваря 18 [1721]. Именной. О покупке к заводам деревень // ПСЗ. Т. 6. С. 312.
- ⁴⁴² Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 92. См. тж. в ПСЗ: 3770. – Апреля 15 [1721]. Именной, объявленный Сенату Кабинет-Секретарем Макаровым. – О непродаже крепостных людей по одиночке и неразлучении семейств // ПСЗ. Т. 6. С. 377.
- ⁴⁴³ См. список печатных указов за 1721 г.: Реестр указом // Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число, 1725 году. [Указы 1724-1725 гг.]. СПб., 1739. С. 13-15.
- ⁴⁴⁴ Каменский А.Б. . От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С. 131.
- ⁴⁴⁵ 3711. – Генваря 18 [1721]. Именной. О покупке к заводам деревень // ПСЗ. Т. 6. С. 312.
- ⁴⁴⁶ Козинцева Р.И. Выработка первого русского таможенного тарифа и его редакции... С. 164-165.
- ⁴⁴⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 47. Л. 378-380. Д. 52. Л. 418. См. о должности обер-кригс-комиссара: Ганичев И.А. Обер-кригс-комиссар // Государственность России. Словарь-справочник. Кн. 5: Должности, чины, звания, титулы и церковные саны России: конец XV века – февраль 1917 г.: в 2 ч. Часть 2: М-Я. М., 2005. С. 96.
- ⁴⁴⁸ См., в частности, его донесения о казанской суконной фабрике: РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Д. 41. Л. 722-725.
- ⁴⁴⁹ 3892. Февраля 3 [1722]. Именной. – О непродаже фабрикантам товаров в розницу, и о продаже оных в ряды с уплатою таможенной пошлины // ПСЗ. Т. 6. С. 495.
- ⁴⁵⁰ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 347.
- ⁴⁵¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 1061. Л. 80-81.
- ⁴⁵² Бабурин Д.С. Указ. соч. С. 272.
- ⁴⁵³ Материалы для истории русского флота. Ч. IV. СПб., 1867. С. 309.
- ⁴⁵⁴ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 435.
- ⁴⁵⁵ Там же. Л. 428.
- ⁴⁵⁶ Там же. Л. 435.
- ⁴⁵⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 700. Л. 14. Данный указ не был опубликован в ПСЗ.
- ⁴⁵⁸ См.: Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722-1723. М., 1951. С. 17-34.
- ⁴⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 431.
- ⁴⁶⁰ Там же. Л. 435.
- ⁴⁶¹ 4057. – Июля 18 [1722]. Именной, объявленный из Сената. – О дозволении мануфактур компанейщикам иметь в рядах лавки для торга остающимися у них за распродажею товарами и о покупке им дубового леса к созволения Адмиралтейской Коллегии // ПСЗ. Т. 6. С. 748.
- ⁴⁶² 5739. – Апреля 7 [1732]. Сенатский. О позволении фабрикантам, на основании указа 1722 июля 18, продавать выделанные свои товары оптом в рядах и лавках по данным им привилегиям // ПСЗ. Т. 8. С. 449.
- ⁴⁶³ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 610.
- ⁴⁶⁴ См.: Реестр указом // Указы блаженные и вечнодостоинныя памяти государя императора Петра Великого самодержца всероссийского. Состоявшиеся с 1714, по кончину его императорского величества, генваря по 28 число, 1725 году. [Указы 1724-1725 гг.]. СПб., 1739. С. 32.

- ⁴⁶⁵ Бумаги императора Петра I. СПб., 1873. С. 355-356.
- ⁴⁶⁶ 3287. – Генваря 22 [1719]. Именной, объявленный из Сената. – Об учинении общей переписи людей податного состояния, о подаче ревизских сказок, и о взысканиях за утайки душ // ПСЗ. Т. 5. С. 618.
- ⁴⁶⁷ 3873. – Генваря 11 [1722]. Именной. – О разложении подушного сбора // ПСЗ. Т. 6. С. 477.
- ⁴⁶⁸ См.: Российское законодательство X-XX веков. В девяти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М., 1986. С. 180-181 и след.
- ⁴⁶⁹ См.: 3901. – Февраля 5 [1722]. Инструкция или наказ Генерал-Майору Чернышеву, как поступать ему при свидетельстве мужеска пола душ и при расположении полков армейских на души // ПСЗ. Т. 6. С. 503 и след.
- ⁴⁷⁰ 3919. – Марта 15 [1722]. Именной, состоявшийся в Сенате. – О переписи на заводах работных людей // ПСЗ. Т. 6. С. 516.
- ⁴⁷¹ 4699. – Апреля 20 [1725]. Сенатский. – О беглых людях, оказавшихся при переписи душ в Сибирской Губернии, и о платеже за них подушного и помещикам оброка // ПСЗ. Т. 7. С. 453.
- ⁴⁷² ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 427-428.
- ⁴⁷³ Там же. Л. 431-432.
- ⁴⁷⁴ 4055. – Июля 18 [1722]. Именной, данный Сенату. – О неотдаче с фабрик находящихся в оных беглых учеников и работников // ПСЗ. Т. 6. С. 746.
- ⁴⁷⁵ Анисимов Е.В. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России 1719-1728 гг. Л., 1982. С. 214.
- ⁴⁷⁶ Там же. С. 214-216.
- ⁴⁷⁷ РГАДА. Ф. 248. Д. 908. Л. 2.
- ⁴⁷⁸ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 760.
- ⁴⁷⁹ 4145. – Генваря 19 [1723]. Высочайшие резолюции на докладные пункты Генерал-Майора Чернышева. – О переписи душ // ПСЗ. Т. 7. С. 12.
- ⁴⁸⁰ 4622. – Декабря 22 [1724]. Сенатские резолюции на докладные пункты Полковника Есипова. – О неположении в подушной оклад состоящих на фабриках пришлых людей, о высылке из Дворцового села, Персованья, крестьян на прежние жилища, и о невыключке после однодворцев, взятых в солдаты и в драгуны, детей из их подушного оклада // ПСЗ. Т. 7. С. 387.
- ⁴⁸¹ 4533. – Июня 26 [1724]. Плакат. – О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых // ПСЗ. Т. 7. С. 312-313.
- ⁴⁸² ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 549.
- ⁴⁸³ Там же. Л. 564.
- ⁴⁸⁴ 4425. – Генваря 20 [1724]. Сенатский. – О нетребовании работников и подвод безденежно и без указов Сената // ПСЗ. Т. 7. С. 206.
- ⁴⁸⁵ 4518. – Мая 29 [1724]. Именной, состоявшийся в Сенате. – О строении, по границам Сибири, крепостей для защищения Сибирских заводов, о приписке к оным заводам слобод, о платеже за них подушных денег и о непринимании на заводы беглых // ПСЗ. Т. 7. С. 292.
- ⁴⁸⁶ Там же.
- ⁴⁸⁷ 4533. – Июня 26 [1724]. Плакат. – О сборе подушных денег, о повинностях земских обывателей в пользу квартирующих войск и о наблюдении полковым начальством благочиния и порядка в селениях, войсками занимаемых // ПСЗ. Т. 7. С. 316.
- ⁴⁸⁸ 4699. – Апреля 20 [1725]. Сенатский. – О беглых людях, оказавшихся при переписи душ в Сибирской Губернии, и о платеже за них подушного и помещикам оброка // ПСЗ. Т. 7. С. 452.
- ⁴⁸⁹ Там же. С. 453-454.
- ⁴⁹⁰ 4371. – Ноября 22 [1723]. Сенатский. – Об оставлении беглых, которые не отвезены к прежним помещикам, за теми людьми, за кем они в бегах жили // ПСЗ. Т. 7. С. 164-165.
- ⁴⁹¹ РГАДА. Ф. 248. Д. 161. Л. 516 об. – 517.
- ⁴⁹² Там же. Л. 517-517 об.
- ⁴⁹³ Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 102.
- ⁴⁹⁴ 4008. – Мая 11 [1722]. Именной. – О сочинении Регламентов во всех Коллегиях, по примеру Адмиралтейского // ПСЗ. Т. 6. С. 678. См. подробнее: Милюков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905. С. 451-452.
- ⁴⁹⁵ Цит. по: Ардашев Н.Н. Регламент Вотчинной Коллегии в проектах 1723, 1732 и 1740 годов // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1890 год. Кн. I. М., 1890. С. 15.
- ⁴⁹⁶ РГАДА. Ф. 248. Д. 908. Л. 1.
- ⁴⁹⁷ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 480.
- ⁴⁹⁸ РГАДА. Ф. 248. Д. 908. Л. 2-28 об.

- 499 РГАДА. Ф. 248. Д. 1061. Л. 389-391 об.
500 Там же. Л. 393-413 об.
501 Там же. Л. 415-436 об.
502 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 134.
503 Там же.
504 ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 528.
505 Приложение 2. Проект к сочинению инструкции Манифактур-коллегии // Бабурин Д.С. Указ. соч. С. 377-393.
506 См.: Бабурин Д.С. Указ. соч. С. 83-88.
507 Там же. С. 84-86.
508 Там же. С. 87-88.
509 Там же. С. 87.
- 510 ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 65.
511 РГАДА. Ф. 248. Д. 700. Л. 15.
512 4378. – Декабря 3 [1723]. Регламент Мануфактур-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. С. 167.
513 4352. – Ноября 8 [1723]. Сенатский. – О фабриках, которым по службам и податям, следует быть в ведомстве
Магистрата // ПСЗ. Т. 7. С. 155.
514 № 18. Я.В. Брюсу. 15 июля 1720 г. // Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990. С. 48.
515 4378. – Декабря 3 [1723]. Регламент Мануфактур-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. П. 13. С. 170.
516 Волоков М.Я. Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. // История СССР. 1966. № 1. С.
138. Там же. С. 140-141.
518 Ведомость 1727 г. о состоянии промышленных предприятий, находившихся в ведении Коммерц-коллегии и
Мануфактур-конторы... С. 272-279.
519 I. – 1723 г. июля 24. – Донесение П. Васильева, приказчика Д. Зайцева, в Мануфактур-
коллегию // Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в. Т. I. М.-Л., 1935.
С. 1.
520 II. – 1723 г. сентября 24. – Выпись из дел Мануфактур-Коллегии // Материалы по истории крестьянской
промышленности XVIII и первой половины XIX в. Т. I. М.-Л., 1935. С. 2.
521 См.: Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966. С. 192-193.
522 См.: Капустина Г.Д. Записные книги Московской крепостной конторы как исторический источник (первая
четверть XVIII в.) // Проблемы источниковедения. Т. VII. М., 1959. С. 253-254 и след.
523 См.: Курукин И.В., Никулина Е.А. «Государево кабацкое дело»: Очерки питейной политики и традиции в
России. М., 2005. С. 81-97; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке... С. 150-170.
524 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 119.
525 4345. – Ноября 5 [1723]. Именной. – О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров,
выvezенных их других Государств, об отпуске их в отечество по миновании сроков, по контрактам и об умножении
производства пеньки в Великой и Малой России // ПСЗ. Т. 7. С. 150.
526 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 118-119.
527 Там же. С. 119.
528 ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 476.
529 № 2 1722 г. января 18. Напаметование [В.Н. Татищева] в Сибирское горное начальство господину берг-
советнику Михаилу с товарищи // Исторические записки. Т. 97. М., 1976. С. 193.
530 Лодыженский К.Н. Указ. соч. С. 64.
531 Гайнутдинов Р.К. Меркантилистские политико-правовые доктрины России XVII – первой половины XVIII вв.
М., 2004. С. 179.
532 Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века... С. 275.
533 4491. – Апреля 19 [1724]. Сенатский, в следствие Именного, состоявшегося в Сенате. – О приведении в
лучшее состояние смольужных заводов и об умножении к отпуску за море железа // ПСЗ. Т. 7. С. 276-277.
534 РГАДА. Ф. 248. Д. 700. Л. 16.
535 Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I... С. 118.
536 4348. – Ноября 8 [1723]. Именной, данный Коммерц-Коллегии. – О прилежном наблюдении, чтоб Российские
товары более на деньги продаваемы были, нежели на товары обмениваемы; о распространении торговли с Франциею,
Испаниею и Португалиею; о китовом промысле; об учреждении компаний; о посылке в чужие края молодых людей из
торгового класса для обучения коммерции // ПСЗ. Т. 7. С. 152.
537 См.: № 1. 1720 г. июня 12. Мнение князя И.А. Щербатова о заведении банков и бумажных денег для развития
коммерции в России // Франко-русские экономические связи. М.-Париж, 1970. С. 125-129.

- ⁵³⁸ 4540. – Августа 4 [1724]. Именной. – Об учреждении компании для торгу с Испанией под управлением Коммерц-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. С. 332.
- ⁵³⁹ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах. Т. IV. Кн. II. М., 1785. С. 149.
- ⁵⁴⁰ 4345. – Ноября 5 [1723]. Именной. – О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вывезенных их других Государств, об отпуске их в отечество по миновании сроков, по контрактам и об умножении производства пеньки в Великой и Малой России // ПСЗ. Т. 7. С. 150-151.
- ⁵⁴¹ 4346. – Ноября 6 [1723]. Именной. – О наложении пошлины на привозные из-за моря вещи, которые в России делаются // ПСЗ. Т. 6. С. 151.
- ⁵⁴² 4453. – Генваря 31 [1724]. Регламент Коммерц-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. С. 249.
- ⁵⁴³ 4348. – Ноября 8 [1723]. Именной, данный Коммерц-Коллегии. – О прилежном наблюдении, чтоб Российские товары более на деньги продаваемы были, нежели на товары обмениваемы; о распространении торговли с Франциею, Испаниею и Португалиею; о китовом промысле; об учреждении компаний; о посылке в чужие края молодых людей из торгового класса для обучения коммерции // ПСЗ. Т. 7. С. 152.
- ⁵⁴⁴ Приложение I. Протокол соединенного присутствия Коммерц-коллегии и Мануфактур-коллегии 11 ноября 1723 г., по обсуждению вопроса о назначении таможенных пошлин на привозимые и отпускные товары // Лодыженский К.Н. Указ. соч. С. 325-329.
- ⁵⁴⁵ 4452. – Генваря 31 [1724]. Тариф привозным и отвозным товарам для портов: Санктпетербургского; Выборгского, Нарвского, Архангельского и Кольского // ПСЗ. Т. 7. С. 241; ПСЗ. Т. 45.
- ⁵⁴⁶ 4362. – Ноября 14. Именной. – О сыске в России красок и прочих материалов, нужных для фабрик // ПСЗ. Т. 7. С. 160.
- ⁵⁴⁷ См.: 2. 1720 г. февраля 17. – Именной указ Петра I об отдаче Суконного Двора «компанейщикам» В. Щеголину с товарищами // Крепостная мануфактура в России. Ч. V. Московский суконный двор. Л., 1934. С. 4.
- ⁵⁴⁸ 4074. – Августа 24 [1722]. Сенатский. – Об отдаче в ведение Мануфактур-Коллегии продажи гербовой бумаги из Оружейной Палаты // ПСЗ. Т. 6. С. 760.
- ⁵⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 477-478; 4381. – Декабря 3 [1723]. Именной. – О посылке в чужие края учеников для обучения мануфактурному искусству, о выписывании для фабрик инструментов и машин, а для табачных заводов семян и мастеров и об употреблении на заведение новых фабрик прибылых денег за гербовую бумагу // ПСЗ. Т. 7. С. 181-182.
- ⁵⁵⁰ 4378. – Декабря 3 [1723]. Регламент Мануфактур-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. С. 171.
- ⁵⁵¹ ОР РНБ. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 8. Л. 490.
- ⁵⁵² РГАДА. Ф. 248. Д. 1061. Л. 422-422 об.
- ⁵⁵³ № 85. 1722, мая 17. Указ о публикации отдачи в аренду Каменных железных заводов // Памятники сибирской истории XVIII века. Кн. II. С. 389. Отметим, что издатели неверно отразили в названии содержание акта. В нем было написано о продаже заводов, а не об отдаче в аренду (см.: Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века... С. 179).
- ⁵⁵⁴ Павленко Н.И. Указ. соч. С. 178-179.
- ⁵⁵⁵ 433. – 13 февраля 1724. Высочайшие резолюции на доношении В.Н. Татищева, об устройстве и размножении в Сибири медных заводов // СИРИО. Т. 11. С. 539.
- ⁵⁵⁶ Геннин В.И. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 316.
- ⁵⁵⁷ Там же. С. 261.
- ⁵⁵⁸ Там же. С. 262-263.
- ⁵⁵⁹ Там же. С. 263-266.
- ⁵⁶⁰ Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I... С. 100.
- ⁵⁶¹ РГАДА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 53. Л. 653.
- ⁵⁶² «...Дерзаю о сем по малому моему разумению донести». Записка В.Н. Татищева Петру I о передаче казенных металлургических заводов частным владельцам (публ. Н.Н. Петрухинцева) // Исторический архив. 1993. № 1. С. 212. Ср.: № 27. Памятная записка Татищева об условиях передачи казенных заводов частным компаниям. Ранее 1 сентября 1724 г. // Татищев В.Н. Письма. Записки. М., 1990. С. 102.
- ⁵⁶³ 4671. – Марта 2 [1725]. Сенатский, в следствие Именного указа 1724 года Ноября 6 дня. – Подробные распоряжения об окладах жалования // ПСЗ. Т. 7. С. 431.
- ⁵⁶⁴ Бабурин Д.С. Указ. соч. С. 91.
- ⁵⁶⁵ 4378. – Декабря 3 [1723]. Регламент Мануфактур-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. С. 168.
- ⁵⁶⁶ 4378. – Декабря 3 [1723]. Регламент Мануфактур-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. П. 7.
- ⁵⁶⁷ 3464. – Декабря 10 [1719]. Именной. – Об учреждении Берг-Коллегиума для ведения в оном дел о рудах и минералах // ПСЗ. Т. 5. С. 760.
- ⁵⁶⁸ 4378. – Декабря 3 [1723]. Регламент Мануфактур-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. П. 13.

- ⁵⁶⁹ 3710. – Генваря 17 [1721]. Именной, состоявшийся в Сенате. – Об увольнении заводчиков от градских служб // ПСЗ. Т. 6. С. 311.
- ⁵⁷⁰ 4378. – Декабря 3 [1723]. Регламент Мануфактур-Коллегии // ПСЗ. Т. 7. П. 11.
- ⁵⁷¹ Там же. П. 16.
- ⁵⁷² Там же. П. 17.
- ⁵⁷³ Там же. П. 7.
- ⁵⁷⁴ Там же. П. 18.
- ⁵⁷⁵ Там же. П. 19.
- ⁵⁷⁶ Там же. П. 24.
- ⁵⁷⁷ Манту П. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. (Опыт исследования). М., 1937. С. 55-56.
- ⁵⁷⁸ Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в Новое и Новейшее время. М.-Л., 1929. С. 284-285.
- ⁵⁷⁹ Пажитнов К.А. О регламенте и работных регулах суконным и каразейным фабрикам (1741 г.) // Труд в России. 1925. № 1. С. 216-217.
- ⁵⁸⁰ Певзнер И.В. Положение работных людей и классовая борьба на суконных мануфактурах во второй половине XVIII в. // Промышленность и торговля в России XVII-XVIII вв. М., 1983. С. 128.
- ⁵⁸¹ Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII века... С. 516.
- ⁵⁸² 4447. – Генваря 31. Именной, объявленный из Сената. – О представлении в Сенат полугодичных ведомостей о обучающихся в школах, о размножении фабрик, мануфактур и о горных делах // ПСЗ. Т. 7. С. 226.
- ⁵⁸³ Сыромятников Б.И. «Регулярное» государство Петра Первого и его идеология. Ч. I. М.-Л., 1943. С. 143.
- ⁵⁸⁴ См. подробнее: Киселев М.А. Проблема податных привилегий мастеровых в правительственной политике в России в 1-й пол. XVIII в. // Платоновские чтения. XV Всероссийская конференция молодых историков (Самара, 20-21 ноября 2009 г.). Материалы и доклады. Самара, 2009.
- ⁵⁸⁵ См. новейшее исследование по сословному вопросу: Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.
- ⁵⁸⁶ См. по этому вопросу статью Е.В. Тарле «Была ли екатерининская Россия экономически отсталою страной?»: Тарле Е.В. Собрание сочинений. Т. IV. М., 1958.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

**Концепции происхождения варяжской Руси
в отечественной исторической мысли XIX в.**

***Проблемы первоначальной локализации варяжской руси и этимологии имени Русь
в рамках скандинавской концепции первой половины XIX в.***

С профессионализацией исторической науки наибольшее внимание начинает уделяться вопросам источниковедения, подбору и критике источников. В отечественной историографии применительно к раннему периоду истории Руси, начиная с В.Н. Татищева, обсуждение проблем истории ведется параллельно с критикой древнерусских летописных текстов, а также зарубежных письменных источников. Особенное развитие критика источников получает после работ А.Л. Шлецера, а также археографических изысканий 1820–1840-х гг.¹ Фонд письменных источников по проблеме в основном уже был определен в XVIII в. В XIX в. их исследования продолжились. С 1820-х гг. начинают вводиться в оборот арабо-персидские источники, которые ранее использовались лишь эпизодически и не всегда в корректных переводах. Важнейшими среди них становятся сообщения ал-Йакуби о нападении руссов на Севилью около 844 г., а также данные ал-Масуди об этом и некоторых других нападениях. Кроме того, привлекаются сообщения Ибн Хордадбега, Ибн Фадлана, ал-Истахри и другие. Все эти источники были доступны первоначально в переводах Х.Д. Френа на немецкий язык и только в 1860–1870-е гг. появляются полноценные переводы Д.А. Хвольсона и А.Я. Гаркави на русский². После введения в оборот некоторых византийских источников (Жития святых Георгия Амастридского и Стефания Сурожского, «Беседы» патриарха Фотия) фонд письменных источников по проблеме происхождения названия «русь» был сформирован и принял почти современный вид.

Как было показано, в XVI–XVII вв. сосуществовало множество версий происхождения этноса и этнонима *русь* (эпонимическая, роксоланская, библейская, варяжская и другие). В XVIII в. они образовали несколько сложносоставных концепций (скандинавская, финская, славяно-роксоланская и другие), которые конкурировали друг с другом практически на равных. Однако в начале XIX в. наилучшее обоснование получает скандинавская концепция, в соответствии с которой варяжскую русь происходит из

Швеции. Многообразие концепций упорядочивается в рамках двух основных течений – норманизма и антинорманизма.

Следует рассмотреть интерпретации письменных источников, данные в рамках скандинавской концепции. В целом необходимо отметить, опираясь на опыт анализа скандинавской концепции XVIII в., что интерпретации этих данных как правило однотипны. Помимо собственно письменного материала, необходимо учитывать также анализ историками лингвистических данных (имена князей и послов, пороги и т.д.). Основное внимание необходимо уделить выявлению частного и различного в рамках скандинавской концепции, чтобы определить насколько ее можно рассматривать как единообразную.

Основные споры в рамках скандинавской концепции происхождения варяжской руси шли вокруг конкретного региона Скандинавии, из которого был призван Рюрик. В соответствии со взглядами Шлецера – это была Средняя Швеция, область Рослаген, однако в 1810–1840-е гг. было предложено и несколько других вариантов, которые будут рассмотрены ниже. Кроме того, в значительной степени варьировались взгляды исследователей на проблему этимологии и первоначальной семантики имени «русь».

После публикации «Нестора» А.Л. Шлецера скандинавская концепция происхождения названия «русь» стала доминирующей в отечественной историографии. Исторические работы, выходявшие в 1810–1820-е гг. и затрагивавшие вопрос о руси, варягах и т.д. во многом пользовались доказательствами Шлецера как образцовыми. Так поступил, например, М.Т. Каченовский в своей статье 1809 г. «Сии руссы, – писал он, – были не финны, не пруссы и не славяне». Затем приводятся аргументы Шлецера: под именем «руотси» «Финны... разумеют Шведов», «одна приморская область в Швеции называется Рослаген», в Бертинских анналах россы названы шведами, «имена порогов, которые Константин (Багрянородный – С.С.) выдает за русские суть скандинавские»³. Наиболее показателен здесь набор концепций, которые в начале XIX в. необходимо было оспаривать. Прежде всего – это финская концепция В.Н. Татищева – И.Н. Болтина. Во-вторых, это концепция происхождения руси из Пруссии, предложенная М.В. Ломоносовым (хотя в чистом виде прусской версии происхождения руси не существовало), славянскую версию, по-видимому, также следует ассоциировать с Ломоносовым и, кроме того, с В.К. Тредиаковским, Ф.А. Эмином, Х.А. Чеботаревым и некоторыми другими. Все это до некоторой степени еще сохраняло актуальность.

Н.М. Карамзин также пользовался при рассмотрении вопроса о варяжской руси в своей «Истории государства российского» схемой Шлецера. Карамзин, признавая за древнейшую форму «Русь», как и его предшественники в XVIII в., использовал форму

Варяги-Русь: «имя нынешней России происходит от Варягов-Руси»⁴. Шведское происхождение этой руси Карамзин обосновывает в три приема: во-первых, доказывая, что варяги были скандинавами. Во-вторых, демонстрируя принадлежности руси к варягам. В-третьих, обосновывая шведскую принадлежность собственно руси. Обоснование скандинавского происхождения варягов Карамзин начинает с историко-сравнительных рассуждений. Он рисует картину активной деятельности норманнов в Западной Европе до XI в., и заключает, что к моменту призвания варягов «не было на севере другого народа, кроме скандинавов, столь отважного и сильного, чтобы завоевать всю обширную землю от Балтийского моря до Ростова... Летописец наш разумеет их под именем Варягов»⁵.

От общих историко-сравнительных параллелей Карамзин переходит к более конкретным показаниям источников и лингвистическим данным. Из русских источников Карамзин ссылается на летописи, указывающие в качестве варяжских скандинавские народы: «сказание нашего собственного летописца подтверждает истину, что варяги его были скандинавы». Еще одно доказательство, получаемое из интерпретации источников, - свидетельство Лиутпранда Кремонского, назвавшего русь князя Игоря «норманнами». Эти норманны, по мнению Карамзина, те же самые, что нападали в то время на Западную Европу, то есть скандинавы. Другое доказательство состоит в том, что в XI в. «цари греческие имели... особенных телохранителей, которые назывались Варягами, *Βαραγγιοι*», которые были по преимуществу скандинавами, что видно не только из данных греческих историков, но и из этимологии (от готского слова *Vaere* – «союз»). Кроме того, подтверждают скандинавскую версию происхождения варягов и скандинавские этимологии имен первых князей, русские имена днепровских порогов «кажутся скандинавскими». Некоторые славянские слова, а такими Карамзин считал *безмен* – *Besmen*, *груз* – *Grus*, происходят из скандинавских языков. Наконец, еще одно сравнительно-историческое доказательство заключается в том, что «законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны с норманскими», терминология Русской Правды (тиун, вира) суть скандинавские слова⁶.

Затем Карамзин доказывает то, что летописная русь принадлежала к варягам. Для этого он ссылается на перечисление варяжских народов в летописи⁷. Следовательно, раз варягами называли скандинавов, значит, и русь тоже скандинавы. Однако это «не удовлетворяет любопытству историка: мы желаем знать, – писал Карамзин, – какой народ, в особенности называясь *русью*, дал отечеству нашему и первых государей и самое имя...?»⁸. Таким образом, Карамзин считал, что под русью в летописях понимался именно народ. Но какой? Для того чтобы установить конкретный скандинавский народ, называвшийся русью, Карамзин обращается к этимологии.

«Историки находят основательные причины думать, – писал Карамзин, имея ввиду Шлецера и Тунманна, – что Несторовы варяги-русь обитали в Королевстве Шведском, где одна приморская область издавна именуется *Росскою*, *Ros-lagen*. Жители ее могли... быть известны в землях соседственных под особенным названием, так же, как и Готландцы, коих Нестор всегда отличает от Шведов». Карамзин не утверждает, что славяне стали называть шведов русью через посредство финнов, указав, однако: «Финны... доньше именуют всех ее (Швеции – С.С.) жителей вообще *Россами*, *Росами*, *Руотсами*». Из рассуждения Карамзина следует, что рослагенские шведы, представляя особую общность и, по крайней мере, в восточных походах именовали себя россами или русью в этническом смысле. Таким образом, у Карамзина прослеживается лишь последовательности *Ros-lagen* > *Руотси* и (предположительно) *Ros-lagen* > *Русь*. Кроме того, в подтверждение шведского происхождения руси Карамзин приводит сообщение Бертинских анналов, где россы (т.е. русь) названы шведами⁹. Имя «русь» за восточными славянами закрепилось с призыванием Рюрика¹⁰.

Выстроив концепцию скандинавского происхождения руси, Карамзин пишет, что необходимо привести «другое мнение с его доказательствами»¹¹. Это мнение – о происхождении скандинавской руси из Пруссии. Карамзин, как бы, предоставляет этой концепции, по крайней мере, потенциально, равноправное положение с концепцией происхождения руси из Швеции. Он заключает, что прусская концепция могла иметь под собой реальные основания, поскольку норманнские колонизаторы (варяги-русь) в действительности могли некоторое время проживать в устье р. Неман¹². Как и всякая концепция южнобалтийского происхождения, эта опирается на данные топонимики. От варягов-руси, полагал Карамзин, область Пруссии получила название «Руса», отсюда же именование Куршского залива Русною. Таким образом, династическая легенда соединяется со скандинавской концепцией, подобно тому, как это уже было сделано Г.Ф. Миллером.

Более того, не остается без внимания и роксоланская версия. Как и у Миллера, обсуждаются данные Равеннского анонима, помещающего роксолан на Балтику. Согласно Карамзину, роксоланы – это та же скандинавская русь, норманнские колонизаторы на южном берегу Балтики. Что заставляет историка так считать? Карамзин писал: «Близ моря, где впадает в него река Висла, есть отечество Роксолан, думают наших Россов». «Думают» – очевидное указание на существующее мнение (М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера), которое просто невозможно игнорировать при обсуждении вопроса. Впрочем, вся эта южнобалтийская гипотеза, остается у Карамзина лишь «вероятностью»¹³.

В примечании на это место Карамзин объясняет, что под роксоланами Равеннского анонима не следует разуметь северопричерноморских роксолан Страбона и Плиния. При этом он приводит в поддержку мнение Миллера, высказанное в его диссертации 1749 г. Миллер, по Карамзину, «справедливо доказал ошибку тех, которые единственно по сходству имени считают варягов-русь древними роксоланами: ибо первые жили на севере, а другие в окрестностях Азовского моря». Далее, изложив кратко судьбу диссертации Миллера, Карамзин заключает, что «Миллер согласился... варяги-русь могли быть роксолане в смысле географа Равеннского, а не древние»¹⁴. Последнее утверждение, однако, неверно. Миллер как раз считал, что роксоланы из Северного Причерноморья переселились в Пруссию¹⁵.

Как уже указывалось, практически все аргументы, приведенные Карамзиным, были предложены в сочинениях Тунманна и Шлецера¹⁶. Эти сочинения были Карамзину хорошо известны, и он не раз на них ссылается¹⁷. Однако Карамзин не ограничился простой компиляцией их аргументов, он сам обратился к тому источниковому материалу, которым пользовались Шлецер, Тунманн (а также Байер, Миллер и другие). Кроме того, отличие его варианта скандинавской концепции заключалось в отсутствии однозначного утверждение о том, что шведы не пользовались именем «русь» до призвания новгородцами. Кроме того, концепцию Карамзина можно разделить на основную, в соответствии с которой русь – это шведы Рослагена, и альтернативную, где русь – это скандинавы, поселившиеся в Пруссии.

Основная концепция Карамзина была воспроизведена Сергеем Александровичем Гедеоновым. Гедеонов полагал, что «скудость и неясность источников, из которых мы черпаем сведения о варягах, породили различные мнения насчет их происхождения». Сам он был уверен, что «варяги были норманны», а «первое доказательство для подтверждения этого мнения доставляют нам определительные указания отечественных летописей»¹⁸. По мнению Гедеонова, сообщение Бертинских анналов «ясно показывает, что руссы, о которых Нестор упоминает в исчислении пяти варяжских племен были точно норманнского рода. Немаловажным доказательством тому служит название приморской области в нынешней Швеции, и доселе именуемой *Росскою*, Roslagen. Притом финны до сих пор еще называют всех жителей Швеции вообще *Россами*, *Ротсами*, *Руотсами*». Свидетельство Лиутпранда, «древние скандинавские саги решительно удостоверяют, что Рюрик и потомки его были норманны». «Язык варяго-руссос, дошедший до нас в некоторых собственных именах и названиях семи днепровских порогов, доставляет новое, убедительное доказательство норманнского их происхождения»¹⁹.

Однако влияние скандинавской руси на законодательство описано Гедеоновым больше в духе М.П. Погодина, нежели Карамзина. «Влияние норманнов на дух народа и на законы его неоспоримо..., – писал Гедеонов, – от них перешли к славянам... право родовой мести и суд Божий». Кроме того, «скандинавское законодательство служило основанием для первых учреждений как гражданских, так и воинских в земле Русской». Влияние на веру и язык было слабее, но к «нам перешла от них вся юридическая номенклатура и чинопостановления: тиун, метальник, ябетник, гридин»²⁰.

Мнение Карамзина поддерживали и воспроизводили также Ф. Зубарев, А.З. Зиновьев, В. Шеншин, Н. Сазонов, Н.Г. Устрялов и другие. В целом можно заключить, что в 1810 – первой половине 1830-х гг. скандинавская концепция Шлецера-Карамзина была наиболее востребована в той части отечественной историографии, которая специально не занималась варяго-русским вопросом, однако обращалась к другим проблемам начальной истории Руси или к истории изучения этого периода²¹.

Некоторые историки, напротив, развивали альтернативную версию концепции Карамзина, где варяжская русь связывалась с юго-восточными берегами Балтики. В 1837 г. свою вариацию ее представил Т. Нарбутт. По его мнению, из Индии на Кавказ еще до Р.Х. прибыло племя поклонников Будды, изгнанное из своего отечества. От них произошло племя колхов, а от колхов, в свою очередь, будинов, упоминаемых в античных источниках. Будины проживали около реки Аракс, которая в то время носила название «Русь» (источник – Иосиф бен Герион). Будины в VI в. до н.э. переселились на Волгу, которую называли привычным им именем «Русь». Около 80 г. до н.э. будины, теснимые сарматами, переселились к Дону, где смешались со скифским племенем гелонов. Вместе они отправились на р. Зельпу в Прибалтике, которую вновь называли «Русь», отчего вскоре вся область стала называться так же. Скандинавское племя варягов, подчинив эту область, присвоило себе имя «Русь», которое они и принесли после призвания к восточным славянам²². Источниками эта гипотеза была, разумеется, плохо обеспечена, поэтому в историографии воспринималась, скорее как фантазия, чем достойное критики построение.

Близкие к альтернативной концепции Н.М. Карамзина взгляды на происхождение варяжской руси развивал И. Боричевский. Вслед за Карамзиным он полагал, что русь – это скандинавское племя, обосновавшееся в устье р. Неман. Он опирается на все те источники, которые и раньше приводили в качестве доказательства подобной концепции: Равеннский аноним, Гельмольд, Адам Бременский, Петр из Дусбурга и т.д. При этом из сочинения Нарбутта Боричевский привлек топонимическую аргументацию, согласно которой «имя Руси на Помории Балтийском звучит во многих названиях», как-то «деревня Руссы при р. Дубассе, Русле над р. Дангой, приморская деревня Россиение» и т.п.²³.

Интересен метод локализации Поморской Руси. Приведа описание Гельмольдом мест обитания народов Балтийского региона: «...далее всех на восток (по южному берегу Балтийского моря – С.С.) живут Руссы, за ними к северу Поляки, севернее – Пруссы, к Югу – Богемцы», Боричевский задается вопросом: с какой Русью следует связывать сведения Гельмольда? В итоге вывод получается следующим: поскольку «нельзя доказать, чтобы Россия в XII в. занимала восточную часть южного берега Балтики, и чтобы с нею граничили на севере Поляки... при взгляде на географическую карту, без всякого предубеждения, местопребывание Руссов, по Гельмольду, следует полагать в окрестностях Немена, между реками Наревом и Виндавою; ибо в таком случае Руссы точно займут восточную часть южного берега Балтики, на севере будут Поляки, севернее – Пруссы»²⁴. За всей этой схемой видится определенный методологический подход: географические данные средневековых авторов сопоставляются с современной физической картой, без учета того, что точные географические знания – завоевание науки Нового Времени. Это был довольно-таки распространенный в XIX в., да и позднее исследовательский прием. Уже гораздо позже времени, в которое писал Боричевский, было показано, что «у средневекового писателя название моря, реки, горы или страны может являться умозрительной авторской конструкцией, отражающей прежде всего его собственные представления о физической или этнополитической географии... и поэтому не совпадающей с реальным объектом и не поддающейся непосредственному переносу на карту»²⁵.

Если Н.М. Карамзин в основном следовал Шлецеру, то М.П. Погодин, чьи работы стали появляться с середины 1820-х гг., предложил собственную концепцию происхождения имени «русь». В целом, согласно Погодину, вопрос о том «откуда происходит имя варягов-руси... любопытный, но не более»²⁶. В своей работе 1846 г. Погодин заключал: «кто были именно варяго-русь и где они жили – не решено до сих пор с достоверностью и едва ли когда-нибудь будет решено за недостатком сведений». Вполне достаточно, согласно Погодину, было того, что они были скандинавы, что делало понятным, какое они влияние имели на славян и какой элемент внесли в состав основанного ими государства, «а в каком углу севера или древней Скандинавии они прежде обитали – это почти все равно для главной задачи»²⁷.

Тем не менее, Погодин принимается за разрешение этого любопытного вопроса. Погодин не отделяет доказательства скандинавского происхождения варягов и первых князей от доказательств скандинавского происхождения руси, поскольку, по его мнению, варяги – это собирательное название скандинавских народов, а русь – это вид варягов. Доказательство скандинавского происхождения варягов у него в целом основано на тех же

источниках, что и у Шлецера и Карамзина. Помимо данных летописи, Погодин в подтверждение скандинавского происхождения варяго-руси приводит и данные византийских источников, где росы названы франками. «Следовательно, – заключал Погодин, – византийцы производили русь от европейцев, из которых по преимуществу народы германские назывались франками»²⁸. Приводит в доказательство Погодин также свидетельства западноевропейских источников – Бертинских анналов и Лиутпранда Кремонского. При этом, рассматривая первое, Погодин подчеркивает, что соотнесение со шведами в источнике – лишь указание на принадлежность шведов и руси к скандинавам, т.е. «русь» может быть собственным племенным именем²⁹. Также подтверждение скандинавского происхождения варяго-руси Погодин находит в известиях арабских писателей, которые, по его мнению, помещают варягов на Балтийское море, а под русью понимают именно скандинавов³⁰.

Важнейшим доказательством скандинавского происхождения руси Погодин, как и другие норманнисты, считает данные языка, которые дошли в собственных именах и названиях порогов. При сопоставлении имен первых князей и некоторых послов Погодин опирается на Байера, при этом в отличие от него, не считая такие имена, как Святослав или Владимир скандинавскими по происхождению. Объяснение названий порогов из скандинавских языков Погодин дает по А.Х. Лербергу (который, в свою очередь, опирался на Штрубе и Тунманна)³¹. Однако этими данными в основном и ограничиваются, по мнению Погодина, лингвистические доказательства и кроме них нет «никаких важных остатков древнего языка русского, исчезнувшего в славянском точно также, как франкский (немецкий) исчез в ныне так называемом французском и болгарский между дунайскими славянами». Тем не менее, Погодин приводит все-таки около двадцати слов, обнимающих, по его выражению, «круг правления» (т.е. относящихся к сфере управления), которые, по его мнению, имеют скандинавское происхождение³².

Кроме этих указаний исторических источников и данных лингвистики Погодин также использовал сравнительно-исторический метод для доказательства скандинавского происхождения варяго-руси. Все действия первых князей, их «походы... по рекам и морям, взимание дани, нападения на Константинополь... весь их быт обличают в них норманнов. Наши летописатели описывают их почти одними и теми же словами, какими латинские, греческие и арабские описывают прочих норманнов». Кроме того, к доказательствам скандинавского происхождения варяго-руси Погодин относит их религию: «богослужение, молитвы, жертвоприношения, присяги, разные верования и обряды». Важное доказательство заключается и в русских законах, где различные нормы, по мнению Погодина, указывают на их скандинавское происхождение. Из Скандинавии

также происходят засвидетельствованные источниками обряды, обычаи и нравственные качества варяго-руси (тризны, увеселения, пиры, вооружение, страсть к войне, славолюбие, корыстолюбие, жестокость, гордость, мстительность, сластолюбие, пьянство)³³.

Погодин признал убедительной критику Эверсом соображений Тунманна и Шлецера о том, что русь были именно шведы. Основные возражения его касались нелогичности ситуации, когда шведы изменили собственное этническое имя на «русь», которым они, равно как и славяне, никогда не назывались. Объяснения Тунманна о том, что шведов русью называли финны, а летописец, писавший 250 лет спустя после призвания, не знал, что русь и шведы один и тот же народ, не показались Погодину вполне убедительными. Он считал странным, что «славяне не знали имени тех, которые лично избирались ими. Во всех известиях к тому времени относящихся (Погодин приводит несколько летописных свидетельств, однако, в основном XII – XV вв. – С.С.) шведы и русь различаются». «Славяне лично призывают себе государя, - продолжает рассуждать Погодин, - не зная его имени; государь дает название себе и призывающим не свое, но то, под коим он известен у соседей; соседи же продолжают называть славян прежним именем – не вероятно!»³⁴.

Всю конструкцию Шлецера, в соответствии с которой шведы звали себя на востоке русью потому, что слышали это имя от финнов, через землю которых проезжали Погодин считал недостоверной. Однако решающим доказательством в пользу шведского происхождения руси являются Бертинские анналы, где росы прямо названы «от рода свеонов», т.е. шведов. Чтобы опровергнуть это доказательство Погодин пускается в рассуждения относительно того, что франки были прекрасно знакомы со шведами (действительно у Людовика Благочестивого в 829 г. побывало шведское посольство, а вслед за тем состоялась миссия Ангсария в Швецию). «Если бы препровожденные Феофилом к Людовику люди были настоящие шведы, – писал Погодин, - зачем бы им называть себя росами, зачем не назваться шведами, именем уже знакомым франкам?» «Франки употребили здесь (в Бертинских анналах – С.С.) имя свеонов, им наиболее знакомых, в общем значении, – заключает Погодин, – так, как, например, при подобном случае в средние времена назвали бы в чужих краях малоросса москвитянином»³⁵. Таким образом, русь прибыла из Скандинавии, но невозможно доказать, чтобы они были именно шведы.

Более того, полагал Погодин, в случае, если русь – шведы и в Швеции они не назывались русью, то схема с Рослагеном оказывается противоречащей самой себе: «если из Рослагена росы, то не шведы, а если шведы, то не из Рослагена»³⁶.

Все эти рассуждения основаны на представлении, что термин «русь» с самого своего появления у скандинавов получил именно этническое содержание. Погодин объясняет, что «Швеция в IX в. населена была множеством мелких племен... одно из этих племен называлось россами, от коих произошло название Рослагена. По Рослагену соседние финны называли всех шведов *руотси*... Таким образом, согласовались все показания летописей и противоречия Шлецеровы и Тунманновы отстранялись»³⁷. У Погодина выстраивается схема: *Рослаген* < *росы* > *Русь*.

М.П. Погодин предложил и общие возражения всем противникам скандинавского происхождения руси и варягов. «Положим с Каченовским и Скромненком, - писал он, - что варяги были вагиры, положим с Венелиным, что они были померанцы, положим с Морошкиным, что они были славяне франкфуртские, положим с Максимовичем, что русь были рюгенцы... Под каким же именем приходили к нам и чрез нашу землю в Грецию норманны?» «В чем, - писал Погодин, обращаясь к антинорманистам, - состоят все ваши доказательства? По большей части в одном подбозвучии. Находя это подбозвучие в странах и словах совершенно противоположных, вы поражаете друг друга, ибо... русь один считает славянами, а другой азиатцами, турками!» «Где же доказательства, что оттуда, с Рюгена, из Франкфурта, от вагиров призваны были князья наши? Утверждение совершенно произвольно!» «Неужели князья были призваны и с страной их уничтожилось всякое сношение?... А у нас нет ни малейшего упоминания ни о Рюгене, ни о вагирах=славянах, никакого следа сношений, знакомства». Наконец, «все вы разделяете варягов и русь, между тем, как их разделять никоим образом нельзя: русь была вид, а варяги род»³⁸.

Основываясь на концепции М.П. Погодина, изображал происхождение руси в своем труде по славянской истории П. Шафарик. Он считал, что восточные славяне «усвоили себе это чужеземное название своих повелителей («русь» – С.С.), удерживаемое ими по сю пору». Шафарик полагал, что «варяги, иначе русы – народ поколения германского, племени норманнского или, как скоро увидим, скандинавского». Далее Шафарик указывал, что русью называли скандинавов чудь и славяне. В пользу этого мнения, как он считал, говорит прежде всего текст летописи о призвании варягов. Шафарик повторяя и другие аргументы, высказывавшиеся обычно в поддержку скандинавской концепции, указывал, что «руссами назывались обитатели одной небольшой части Скандинавии, именно, вероятнее всего, восточного или Уппландского поморья (*Roslagen*), удерживавшие, без сомнения, это имя не только вне, у чюди и славян, но и у себя дома». Варягами, по мнению Шафарика, называли «сами себя вообще воины, искатели приключений, грабители, хищники скандинавские, не обращая внимание на происхождение и месторождение».

Таким образом, Шафарик полагал, что понятие варяги «обширнее, обще всем скандинавам (готам, шведам, норвегам и т.д.)», а русь – теснее, поскольку обозначало в Швеции, «только небольшую какую-нибудь ветвь, обитавшую на Рослагенском поморье. «Это имя – «русь», – заключал Шафарик, – прежде всего перешло от русских государей на Ильменских славян, а со временем также на кривичей, полян, радимичей, вятичей, дреговичей, дулебов...»³⁹.

Не будучи норманистом, в 1828 г. Г.А. Розенкампф, вместе с тем, выстроил в своей работе важный для скандинавской концепции этимологический ряд происхождения шв. *Roslagen*. «Гребцы, – писал Розенкампф, – по-шведски назывались *Rodhsi* (*Ромси*) и вся страна по Упландскому берегу лежащая, где собирались сии морские силы, называлась *Rodslagen*. По-шведски слова: *ro*, *ros*, *rod* значат «гребсти веслами» или «идти на гребле»⁴⁰. Здесь Розенкампф без малого за 20 лет до Куника указал на форму *Rodhsi* (у Куника мн. ч. – *Rodhsin*).

Далее Розенкампф признавал и то, что фин. *Ruotsi* произошло от шв. *Roslagen* поскольку эсты и финны не могли иначе назвать приходящих к ним для грабежа шведов, «как их собственным именем, т.е. гребцами или ротсами». Затем, финны и эсты познакомились и с настоящим этническим именем шведов, «но в языке при употреблении сохранилось сие первое древнее наречие». Т.е. название шведов и Швеции первоначально образовалось не из этнонима, а из профессионального термина. Однако Розенкампф считал, что термин «русь» не мог произойти от шв. *Rodhsi*, именно в силу отсутствия этнического содержания.⁴¹ Отличие этимологии фин. *Ruotsi* у Розенкампфа и у упоминавшихся шведских историописателей и лингвистов XVII–XVIII вв., например, Ю. Буре, Х. Бреннера, О. Далина состояло в том, что они выводили финский термин непосредственно от названия области *Roslagen*, а Розенкампф от преимущественного обозначения жителей этой области, данного в силу их профессиональных занятий («гребцы»). Таким образом, Розенкампф одним из первых вообще стал утверждать, что финский этноним *Ruotsi* мог произойти от шведского социального термина (оставаясь, правда, при этом убежденными противником происхождения *русь* из *Ruotsi*).

Собственное мнение о происхождении имени *русь* Г.А. Розенкампф не развивал. Насколько это можно понять, он выступал против термина «вряжская русь», рассматривая слова летописи о появлении названия «русь» вместе с варягами как заимствование из греческого хронографа. Кроме того, Розенкампф полагал, что на самом деле «Русская земля и до сего происшествия не была без имени и называлась Россиею; ибо руссы уже прежде находились в сем крае и под сим названием были известны другим народам»⁴².

Рассуждения Г.А. Розенкампа были во многом повторены А.А. Куником, однако обращены не против, а в пользу скандинавской концепции происхождения варяжской руси. Книга Куника «Призвание шведских родов финнами и славянами» (1844–1845 гг.) вобрала в себя практически все доступные на тот момент источники: древнерусские, византийские, западноевропейские, восточные, скандинавские. Особое внимание Куник уделил анализу аутентичных зарубежных источников, поскольку, записанная через 250 лет после событий древнерусская легенда о призвании варягов не вызывала у него полного доверия. Куник предполагал, как и некоторые сторонники скандинавской концепции до него (Тунманн, Шлецер), что первоначальная русь – это шведы, под варягами же следует понимать собирательное обозначение для скандинавов. Наибольший вклад Куник сделал в развитие этимологической схемы происхождения имени *русь* из скандинавских языков.

По мнению Куника, как фин. *Ruotsi*, так и для шв. *Roslagen* образовались из шв. слова **Rodhsin* (ед. ч. **Rodhs*), которым называли жителей шведской прибрежной области Уппланд. Значило это слово – «гребцы», и произошло, в свою очередь, из слова *roder* – «весло», «гребля». Шведы, приходившие к финнам, были жителями, главным образом, Уппланда, следовательно, называли себя **Rodhsin* – «гребцы». Финны восприняли это профессиональное самоназвание как этноним. В финском языке, по мнению Куника, шв. **Rodhsin* закономерно дало форму *Ruotsi*, с диалектными вариациями – *Ruossi*, *Ruohti*, *Rootsi* и другими. Восточные славяне, поселившиеся на северо-востоке балтийского бассейна позже финнов, переняли от них обозначение шведов как *Ruotsi*. В славянском языке оно закономерно дало форму *русь*. Таким образом, формировалась модель шв. *roder* > шв. **Rodhsin* > фин. *Ruotsi* > др.-русс. *русь*⁴³. Дополнительно Куник указал на то, что формы собирательных этнонимов *ямь*, *сумь*, *любь*, *лопъ* и т.д. встречаются именно на севере, а *русь* относится именно к этому типу этнонимов⁴⁴.

Особое значение Куник придавал тому факту, что в Швеции часть населения называла себя именем «*Rodhsin*». Это позволяло объяснить, почему шведы Бертинских анналах именуют себя *Rhos*. Прежний вариант скандинавской концепции, предложенный Шлецером и Тунманном не вполне позволял объяснить этот факт. «Пора бы наконец, – писал Куник, – отстать от вечно повторяемого уверения, что шведская история не знает народа *Рѣсъ*, ибо это имя явно составлено не по примеру славянского *Русь*, а по выговору прибывших в Византию шведов, из коих одна *отрасль* отличает себя в собственно шведских источниках именем *Rods* и *Ros* (*Roos*)»⁴⁵. Следует отметить, что Куник также пытался дать объяснение летописному «попяша по собе всю русь». «Призванные финнами и славянами родсы, – писал он, – составляли... только наималейшую часть населения коренной родской земли; выселившиеся жили, быть может, на пространстве только не

многих квадратных миль, или на каких-нибудь малых островах»⁴⁶. Таким образом, речь шла о «выселении» некоторой части населения Швеции.

Предложенная Куником схема не была совершенно новой. Первая ее часть (происхождение фин. *Ruotsi*) является развитием идей шведских историописателей и лингвистов XVII–XVIII вв. и практически повторяет ту этимологию, которая была представлена в статье Г.А. Розенкампа 1828 г. Второй элемент (переход *Ruotsi* > *русь*) известен по сочинениям Г.Ф. Миллера, И. Тунманна, А.Л. Шлецера. Заслуга Куника заключается в том, что он обосновал эту схему на значительном лингвистическом материале, в соответствии с достижениями сравнительно-исторического языкознания своего времени. Кроме того, в отличие от Миллера, Тунманна, Шлецера он полагал, что в Скандинавии действительно существовала группа (пусть не этническая, а социальная), которая именovala себя «русь» в форме *Rodhsin*. Однако, несмотря на уверения Куника, слово, обозначающее гребцов - **Rodhsin* – в качестве имени жителей Рослагена не засвидетельствовано шведскими источниками⁴⁷.

Имя *варяг* Куник считал по происхождению готским, относя его появление еще ко временам, когда готы находились на службе у Византийской империи. Термин этот распространился среди скандинавов, когда они также поступили на службу в Константинополе, и только затем стал известен славянам как общее имя скандинавов⁴⁸.

Близко к Кунику по своим взглядам на происхождения термина «русь» стоял П.С. Савельев, который опирался на данные «сравнительной филологии». Он указывал, что «слово *русь* есть славянская форма *Ruossi, Ruotsi*». Это финское обозначение Швеции произведено от др.-шв. «*Rods, Rodhs* (во множественном числе – *Rodhsin* – “гребцы”)». «При переходе к финнам слово *Rods*... должно было изменить глухое скандинавское *o* на двугласную *uo*, твердую согласную *d* в *t* и получить мягкое окончание собирательных собственных имен на *i*». Кроме того, «слово *Руть* совершенно чуждо славянским языкам, которые не знают не знают собирательных собственных имен народов и стран с *ь* и женского рода, но которые принадлежат исключительно финскому миру, где мягкое окончание *i* везде перешло в мягкое славянское *ь* (подобно тому, как *Suomi* в *сумь*)»⁴⁹.

Весьма любопытной и незаслуженно забытой является концепция Н.А. Полевого о происхождении варяжской руси. Его понимание первоначальной семантики термина *русь* стоит близко к современному. Полевой начинает свое обоснование скандинавского происхождения имени *русь* с упрека Карамзину, поскольку «в целом его объеме истории, вы не видите, как история России примыкает к истории человечества».⁵⁰ Поэтому Полевой обращается к обозрению истории Скандинавии и описанию деятельности скандинавов в Западной Европе в раннее Средневековье⁵¹ (следует, впрочем, отметить, что Карамзин при

рассуждении об этносе варягов касается нападений норманнов на Западную Европу⁵²). Также, как и Карамзин, Полевой пользуется сравнительно-исторической аргументацией: активная деятельность скандинавов на западе и на севере (открытие Гренландии, Америки, путешествия в Бьярмию) заставляют предположить, что «гораздо прежде половины IX века по Р.Х. они узнали юго-восточные берега Балтийского моря»⁵³.

Затем, Полевой, как и Карамзин, переходит к доказательству того, что варяги были скандинавы, но в отличие от Карамзина начинает с летописных данных. Ссылаясь на ставшие уже классическими места летописи (космографическое введение и перечень варяжских народов в статье о призвании князей), Полевой заключает, что «наши предки в XII в. называли Варяжскими народами всех обитателей Скандинавии, Датского полуострова и Британского острова»⁵⁴. Однако тут он вынужден заметить, что «мы не знаем во всей Скандинавии страны, где была бы область *Варяжская* или *Русская*»⁵⁵. Но это затруднение разрешимо. Термин *варяги*, согласно Полевому, появился в Греции в начале XI в. и только оттуда проник в Россию. То есть Рюрик и его дружина не назвались варягами⁵⁶ (здесь прослеживается соответствие с позицией Шлецера).

Иное дело «русь». «*Руси* и *Роси*», согласно Полевому, назывались в Скандинавии гребцы и воины, которых были обязаны поставлять прибрежные жители «когда набеги Скандинавов были уже правильной системой тамошних Князей и вождей». «От того, продолжал историк, - весь Уппландский берег, где было одно из главных морских становищ, получил название *Рослагена* (места сбора Руссов)». Таким образом, именем руссов скандинавы сами себя называли и, услышав это имя от них, также стали звать их славяне. Однако у скандинавов имя «руссы» означало «морские воины», то есть не принадлежало отдельному народу, а являлось как бы профессиональным обозначением для разнородных скандинавских дружин. Славянам же и финнам оно «казалось именем народа», как это и отразилось в летописях⁵⁷.

Итак, можно выстроить схему: слав. ед. ч. *Русь* < шв. мн. ч. *Руси* или *Роси* > шв. *Рослаген*, а также шв. мн. ч. *Руси* или *Роси* > фин. *Ruotsi* (у Полевого *Россы*). Отличие от А.Л. Шлецера здесь в том, что славяне воспринимают этноним «русь» непосредственно от скандинавов, без участия финского *Ruotsi* (хотя его Полевой упоминает как дополнительное доказательство в пользу скандинавской версии). Кроме того, Шлецер считал, что шведы сами себя первоначально русью не называли.

Скандинавской концепции происхождения имени «русь» в своем «Опыте истории российских государственных и гражданских законов» придерживался А. Рейц. Он, так же, как и Полевой, полагал, что под варяго-руссами следует понимать не особый народ, «а просто дружины, товарищества», наподобие того как «у Датчан морские разбойники

называются Витинги». При этом, в отличие от Полевого, Рейц считал, что профессиональный характер термина «русь» (у Рейца – варяго-русы) осознавался славянами⁵⁸.

Вопрос о происхождении варяжской руси решал в том же русле скандинавской концепции и С.М. Соловьев. Обобщающий характер работы Соловьева обусловил и обзорный характер рассмотрения вопроса о варяжской руси. В целом, Соловьев повторил основные аргументы уже предложенные в рамках скандинавской концепции. Рассмотрев данные космографического введения летописи Соловьев пришел к выводу, что под варягами в ней подразумеваются скандинавские племена, населявшие северный берег Балтийского моря⁵⁹. Другое место летописи, доказывающее скандинавское происхождение руси – статья 862 г. «На приведенных местах летописи, – заключал Соловьев, – основывается мнение о скандинавском происхождении варягов-руси и основывается крепко», а «свидетельство русского летописца подтверждается свидетельствами иностранными» (упомянуты, Бертинские анналы, Лиутпранд)⁶⁰.

Оригинальность концепции С.М. Соловьева, проявилась при определении им значения и этимологии названия *русь*. Он полагал, что термин *русь/рос* фактически калька с термина варяги. Термин *варяги* образовался, по его мнению, «на западе у племен германских». У славян, финнов, греков и арабов его эквивалентом был термин *русь*, которым обозначали также «дружины, составленные из людей волею или неволею покинувших свое отечество и принужденных искать счастья на морях или в странах чуждых»⁶¹.

Кроме того, Соловьев также коснулся вопроса о черноморской руси. По его мнению, «Название русь было гораздо более распространено на юге, чем на севере, и что по всем вероятностям русь на берегах Черного моря была известна прежде половины IX века»⁶². Следует отметить, что для Соловьева принципиальным был вопрос о влиянии варяжской руси на восточных славян, а поскольку оно, по его мнению, «было незначительно», потому и «вопрос о национальности варягов-руси теряет свою важность в нашей истории»⁶³.

Происхождение названия «русь» разобрал в своей статье О. Сенковский. «Начало имени нашего народа, – писал он, – доселе представляет предмет, покрытый мраком сомнений. Вопрос о происхождении руссов, конечно, стоит уже вне спора... руссы положительно были нордманны и пришли они к нам из Скандинавии». «Вопрос состоит... единственно в том, откуда взялось название Русс?»⁶⁴. Затем Сенковский сетует на недостатки источниковой базы: «все указания наши отечественные, византийские, западные, восточные согласно утверждают, что руссы были нордманны и происходили из

Скандинавии... но тут и оканчивается достоверность»⁶⁵. Основными вопросами, которые следует поставить по его мнению являются: «какая же часть норманнского народа носила имя руссов в Скандинавии? почему не находим мы следов этого имени в исторической литературе самих Скандинавов?»⁶⁶.

Обосновывая свой взгляд на первоначальную семантику имени «русь» Сенковский опирается на Литупранда, который писал, что «греки называют россами тех, кого мы называем норманнами». Следовательно, заключает Сенковский, «имя Рус было некогда общее всем без изъятия норманнам». Кроме того, финны до сих пор «всех шведов и норвежцев называют руоцилайн»⁶⁷. Таким образом, Сенковский типологически сближается с Соловьевым, который также полагал, что имя «русь» было собирательным обозначением скандинавов.

Сенковский задается вопросом: «Сами ли норманны называли себя руссами или только другие народы давали им это название?» На основании данных Бертинских анналов, где шведы называют себя *Rhos*, Сенковский заключает, что «сами норманны непременно называли себя руссами, но в каком смысле, в каких обстоятельствах употребляли они это второе имя? Почему у себя в Скандинавии не назывались руссами? По какой причине имя «рус» нигде не встречается в сагах?» Сенковский предлагает свои догадки. «Самой близкой к истине» ему кажется предположение, что «имя норманн... считалось более почетным, более благородным, нежели обыкновенное и простонародное рус»⁶⁸.

Свидетельство ал-Йакуби о нападении руссов на Севилью в 844 г. подтверждает вывод о том, что русью назывались совокупно все скандинавские народы, поскольку западные хроники именуют участников того нападения норманнами⁶⁹. Сенковский в связи со своим построением делал вывод, что названия с именем Рус, распространенные в Померании, Пруссии и Германии, «это значит просто – места норманские, места, где бывали или владели какие-нибудь норманны»⁷⁰.

Таким образом, после призвания князей подвластная им земля должна была, по мнению Сенковского, «прозваться или Нормандией или Русью. Она назвалась Русью, потому что имя Русс было здесь более и древнее известно всем, нежели имя норманн, гораздо новейшее и присвоенное преимущественно норвежцам». Кроме того, Сенковский также вывел из своего представления о собирательном значении имени «русь» то следствие, что «Рюриковы сподвижники... состояли... из набора людей всех скандинавских поколений, особенно восточных, и потому этот сброд принужден был назваться попросту Русью»⁷¹.

В связи с Концепциями Сенковского и Соловьева следует отметить, что они все же не смогли объяснить не укладывающиеся в их построения данные летописей, где русь упомянута именно как разновидность варягов, наряду с другими скандинавскими народами. Кроме того, в Бертинских анналах только шведы именуют себя *Rhos* и нет речи о том, что другие скандинавские народы также назывались росами. Таким образом, едва ли можно считать *русь* собирательным обозначением скандинавов, во всяком случае в смысле самоназвания. К тому же Сенковский допустил и фактическую ошибку, написав, что финны называют русью и шведов и норвежцев, на самом деле финны русью (точнее, *ruotsalainen*) именуют только шведов.

Любопытная концепция происхождения варяжской руси была предложена в 1836 г. П.Г. Бутковым. В ней соединились различные версии и концепции бытовавшие в течение XVI–XVIII вв.: роксоланская, финская, скандинавская (в вариации Штрубе). Бутков полагал, что «имя варяг, знаменуя меченосца, не принадлежит частно ни какому народу: оно есть собирательное имя всех племен нордманских или скандинавских»⁷².

Что касается конкретно руси, то в космографическом введении к летописи и в статье 862 г. Бутков обнаруживает два вида руси – 1) русь чудская и 2) русь готско-скандинавская (варяжская)⁷³. Для объяснения происхождения чудской руси Бутков обращается к роксоланской концепции, якобы, эта русь происходит «от древних роксоланов, которых, кажется, знал и Геродот под греческим названием меланхленов». Основание для отнесения роксоланов-руси к финским народам составляет одно лишь свидетельство армянского автора V в. Моисея Хоренского, который упоминает даже не роксоланов, а неких *русац*, «и к сему присовокупляет, что они Дунай называют на своем наречии *Йозу*. Так как в финском языке *Юоксу*... значит «течение», *Иоки* — «река», то это дает повод узнавать в роксоланах поколение финское, которого точное имя было *Рускалайн*, от финских же слов *руска*... «рыжий», «русый», «красный» (сходно с Татищевым – С.С.)... и *лайн*... – «род», «племя»⁷⁴.

Далее роксоланы (предки чудской руси), по мнению Буткова, переселяются в Пруссию, что он подтверждает свидетельствами «пруских писателей» (Матфей Преторий?) и данными Равеннского анонима (аргумент Г.Ф. Миллера). В доказательство приводятся данные топонимики (аргументы М.В. Ломоносова) в «этой полосе имя *Руси* отзывается поныне на водах и урочищах» (устье Немана – Руса и т.д.)⁷⁵. Потомков чудской руси Бутков видит в сообщении летописи о Руси Пургасовой под 1228 г. Эта Русь подразумевается под одним из видов руссов у ал-Истахри, к этой же Руси «должны быть обращены многие другие восточные известия, навязываемые теперь насильно на наших руссов»⁷⁶.

Затем Бутков рассматривает варяжскую русь, выстраивая концепцию, сходную с предложенной Штрубе де Пирмонтом. «Русь варяжская, – пишет Бутков, – имела водворение в Рюссаланде (Ryssaland). Страна сего имени обнимала берега Ботнического залива в областях Вестерботнии и Остерботнии (имеется ввиду северная часть залива – С.С.)». В этой земле «готы-рюссы господствовали над коренными жителями скандинавскими, лопарями и финнами... Рюссаланд простирался до Северного океана... и до Белого моря... там граничил с Бьярмией... нашей заволочской чудью, Двинскою землею... и с новгородской Обонежской пятиной»⁷⁷.

Доказательства своей концепции Бутков видит в данных топонимики: в северной части очерченного Рюссаланда имеется залив Варангер («лопари называют *Варьяг-вуода*»). «Есть там Рюсские горы, Рюсские морские косы, Рюсские заливы, Рюсские озера, Рюсские водопады». Кроме того, «скандинавцы пишут и произносят наше государство Рюссаландом без всякого с Приботническим Рюссаландом различия... Россиянина скандинавы зовут Рюсом... Слово *Рюс* превращалось у нас в *Рус* одинаким образом, как имя Чудь перешло в Чудь и, наконец, в Чухно»⁷⁸.

«Имя Рюссаланда, – продолжает Бутков, – изменяемо было иногда в Риса-ланд, в Реса-ланд... имя же *Рюсс* превращалось в *Рис*, *Риси*, *Рисар*, *Риесе*, *Ресе*, *Рос*, в слова, означающие на наречиях кельтов, тудесков, германцев и скандинавцев великорослого, сильного человека». Определив таким образом значение слова «рос», Бутков приводит в доказательство свидетельства Иордана, который в VI в., якобы, приписывал скандинавам «особливую высоту роста». От этих же рюссаландцев происходит слово *Rutheni*, которое «находится во многих актах, писанных на латинском языке с XII в.» и обозначает русских. Появилось оно, считает Бутков, «от католических вероисповедников, начавших посещать Скандинавию в IX веке, когда там было еще в свежей памяти удаление рюссов на берега Ильменя»⁷⁹.

Бутков принимает за достоверный некий рунический текст XI в., написанный на пергамене, в котором Руси отданы значительные области на севере. Из этого он делает вывод, что «Рюрик и по переселении в Новгород сохранил себе и потомкам своим право господства над отечественным Рюссаландом». Более того во время войны со шведами 1490 г. русские еще помнили о своих правах на Рюссаланд и «громко оглашали» их⁸⁰.

Помимо, П.Г. Буткова свое альтернативный подход к решениям некоторых проблем, связанных с происхождением имени «русь» предложил Ф. Крузе. Он придерживался мнения о множественности «Русий» германского происхождения. «Русы, – писал он, – хотя, впрочем, иногда под другим именем как Германо-Скандинавское племя с давнего времени были рассеяны на Севере и Юге, на Востоке и на Западе, и сие-то обстоятельство

было причиною, что один ученый полагал первобытную родину их в одном, другой усиливался найти ее в другом месте»⁸¹. Установка на поиск руси именно как народа соединялась у Крузе с нестрогим отношением к критике источников. Так, например, привлекая недостоверные данные Саксона Грамматика о русских царях скандинавского происхождения, будто бы правивших на территории будущей Руси, начиная с I в. н.э. он указывал, что «теперь прошло уже время той критики, которая основывалась на одном лишь затруднении согласить Северные предания с достоверными показаниями Западных Писателей. Теперь требуется от Историка, чтобы он, начертывая Историю народов, руководствовался возможною разборчивостью и пользовался всеми предоставленными ему источниками»⁸². Такая туманная формулировка требований к критике, установка на поиск народа (который к тому же может быть рассеян на значительной территории) приводила к тому, что Крузе отыскивал русь в самых разнообразных свидетельствах источников. Так, вслед за Эверсом, он считает, что русь была среди *φοιδερατοι*, поскольку это слово, якобы, является эквивалентом древнерусскому варяги, а среди варягов летопись указывает русь. Кроме того, как и Эверс, Крузе указывает на то, что первоначально термином *φοιδερατοι* обозначались готы, поселенные Константином I в пределах империи⁸³. Самих варягов Крузе отыскивал уже в описании Скандинавии у Птолемея, упоминавшего племя *Phiraesi*⁸⁴. Крузе считал, что имя народа русь упоминается в сообщении византийского автора XIV в. Никифора Григоры. Последний применительно к событиям, якобы, IV в. указывал, что Константин I сделал «одного Русского Князя своим Стольником»⁸⁵.

Внимательно следит Крузе и за народом готов, потому что они родственны с русью. «Одноплеменные с Русскими Готфы, – писал он, – уже до нашествия Гуннов, основывают здесь Германское Государство, на таком же пространстве, как и Русское в XI столетии». Далее следует описание истории державы Германариха⁸⁶. Приводит он также и сведения Равеннского Анонима, упоминавшего Роксолан. При интерпретации сведений из этого источника Крузе также обращается к произвольным лингвистическим конъектурам. Так, например, он пишет: «К Югу от Роксолан, Аноним Равеннский полагает *Scytho-Rogen* (вероятно следует читать *Scythorosi*, Скифо-Руссы)⁸⁷. Наконец, упоминает Крузе и сведения из «Хронографии» Феофана о *ρουσία χελάνδια*⁸⁸ под 774 г. (в издании Бодянского – 765 г.), комментируя «что История кроме Русских не знает никакого другого народа по всем берегам Черного моря, который бы был столь же силен. И если упомянутые корабли были не Русские, то кому же они принадлежали?»⁸⁹ Однако в этом обзоре никакой систематической истории народа русь Крузе не дает, ограничиваясь только выписками из различных источников.

Более последовательно Крузе касается руси, упоминаемой в летописях, предлагая ответ на вопрос: «что такое были Варяго-Русь или Нормано-Русь?» Локализация летописцем руси между англами (жителями Ютландии) и готами (которых Крузе располагал там же⁹⁰), указывает на Ютландию. Кроме того, в источниках упоминается флот руси (следовательно, они должны жить на побережье), «Руссы говорили языком Англов» (это доказательство появляется из сообщения византийских авторов о том, что на языке англов говорили варанги), наконец «мы встречаем на границе Норманов область Розенгау (Rosengau)»⁹¹. Но, конечно, наиболее существенно, по мнению Крузе, то, что Рюрик, призванный в 862 г. происходил из Ютландии, что доказывается сопоставлением биографии Рюрика, известной по летописям и биографией, упоминаемого во франкских хрониках Рюрика Ютландского. Будучи призван, Рюрик «взял с собой всех Руссов»⁹².

Тенденция к отысканию созвучных имени «русь» названий в этногеографии германского мира проявилась и у С. Сабинина. Он полгал, что варяги, пришедшие с Рюриком, якобы, в большом числе – это скандинавы. Что касается времени возникновения имени «русь» и самого этого этноса, то Сабинин сетовал на то, что «Нестор... произвел величайшее затруднение для своих последователей», поскольку по его летописи «нача ся прозывати Руска земля» только в царствование византийского императора Михаила III. «И после этого, - заключал Сабинин, - мы не узнаем руссов в руссах» населявших с древности Россию⁹³. Происхождение имени «русь» у Сабинина не совсем ясно. С одной стороны он считал, что «если же славяне получили свое название от славы, что, впрочем, слишком учено, то Рос или Русь не есть только перевод имени слава на скандинавские диалекты, ибо Ros значит в них слава». Впрочем, он тут же отказывается от своего мнения, присоединяясь к Крузе в том, что руссы были скандинавами. В другом месте Сабинин утверждает, что имя Ros можно найти в Шотландии и, что посетивший ее и «знакомый с языками севера..., может быть, в короткое время узнал бы, кто были древние руссы». Сабинин также предполагал, что большинство русских обрядов и обычаев происходит из Скандинавии⁹⁴.

Возможно, что такая неопределенность в происхождении руси, связана с тем, что эта тема была побочной для Сабинина. Главное внимание он уделял поиску предполагаемых скандинавских заимствований в русском языке. Сопоставляя русские и скандинавские слова без должной критики, Сабинин посчитал, что «понятия почти всего нашего древнего быта» по происхождению скандинавские. Он обнаруживал, якобы, скандинавскую этимологию для слов *боярин*, *господарь*, *люди*, *удел*, *мать* и некоторых других в действительности славянских по происхождению. Более того, Сабинин относил к заимствованиям из скандинавского и некоторые слова, относящиеся к общему

индоевропейскому лексическому фонду – *мать, сестра, брат, сын*. Кроме того, Сабинин полагал, что имеются и грамматические заимствования из исландского в русском языке⁹⁵.

В целом можно сказать, что взгляды Сабинина не составляли магистральную линию в скандинавской концепции, поскольку он не разделял большинство конкретных ее положений, предлагая взамен их свои собственные, которые многократно преувеличивали влияние скандинавов на Русь, в связи с чем они являлись легкой мишенью для критики со стороны антинорманистов.

С весьма оригинальной концепцией, в которой доказывалось греческое происхождение термина «русь», выступил Ф. Круг. По его мнению, в основе греческого имени *Ρως*, которым русских называли греческие источники, начиная с IX в., лежало греческое же *ροβιος, ροης*, обозначавшее германцев. Слово *Ρως* Нестор позаимствовал при составлении своей летописи, от чего оно распространилось в древнерусской литературе, а затем вошло и в разговорный язык. Таким образом, по мысли Круга, заимствованный книжниками термин, стал использоваться в качестве самоназвания народа⁹⁶.

Сенковский, критикуя Круга, указал, во-первых, на то, что эта версия уже бытовала раньше в польской историографии⁹⁷. Кроме того, слово, использованное Кругом в качестве первоначальной греческой формы (*pyrrhos* или *pyrsos*) не означало в средние века в греческом «ничего красного или огненного», под ним понимали светло-желтый. Главное, оставалось непонятным почему скандинавы «предпочли греческое насмешливое прозвище Рос... своему народному и славному имени?» «Не видно, почему нынешние финны называют всех шведов и норвежцев руосси или руоци: трудно объяснить переход греческого эпитета в дебри финляндские»⁹⁸. Также и С.А. Геденов полагал, что «едва ли кто поверит, чтобы славяне, ближайшие соседи шведов, заняли от греков, с которыми еще не вступали в сношения, ими новоизобретенное для этих шведов имя *Ρως*, «красные»⁹⁹.

Круг строит свою гипотезу на сообщении Лиутпранда, но его можно истолковать и по-другому. «Епископ Кремонский, – писал Сенковский, – явно увлекся здесь корнесловием... он искал также этимологии употребляемого византийцами названия *рос* или *рус*, очень просто попал на итальянское и гало-франкское *rosso, rossore, rousseur* и... произвольно... объяснил себе значение греческого названия»¹⁰⁰.

Проблема поиска неславянской альтернативы скандинавской концепции:

тюрко-хазарская и фризская русь.

Рассматривая концепции, которые обычно причисляют к антинорманистским, следует обратить внимание, в первую очередь, на их подход к источникам. То есть на круг

источников, который используется в данных работах и приемы источниковедческой критики. Следует оговориться, что значительная составляющая антинорманистских работ посвящена опровержению тезиса о скандинавском происхождении руси. Эта контраргументация будет рассмотрена в отдельном параграфе.

Нужно различать среди антинорманистских концепций, те, что создавались в рамках славянофильского дискурса 1830-1840-х гг. (Ю.И. Венелин, Ф.Л. Морошкин, М.А. Максимович, Н.В. Савельев-Ростиславич и другие) и те, что были предложены в 1810 – 1820-х гг. (Г. Эверс, Г.Ф. Голлман). Последние обычно не связывали первоначальную русь со славянами, пытаясь отыскать ее корни в тюркских или германских народах.

В 1810 – 1820-х гг. среди всех критиков скандинавской концепции наибольшей популярностью пользовались взгляды Г. Эверса, выдвинувшего концепцию руси тюрко-хазарского происхождения. Проблема происхождения руси связана у Эверса с ответом на два важных вопроса, «на которые не прямо отвечает нам Нестор»: «Где обитали Руссы? С каким современным народом были они в близком родстве?» Эверс считал мало достоверными сведения летописи о происхождении руси, полагая, что данные о начале своего государства летописец «взял... из темного предания... и предоставил нам обработать оное лучше»¹⁰¹.

Концепция Эверса о хазарском происхождении руси была первым опытом использования и интерпретации восточных источников как важных для решения вопроса. Тезис о родственности хазар и руссов был центральным в системе Эверса, остальная аргументация во многом подтягивалась к нему. Прежде восточные источники привлекались и Байером, и Миллером, но на них никогда не основывались ключевые положения авторов¹⁰².

Из арабо-персидских источников Эверс выбрал данные Ибн Хаукаля,¹⁰³ якобы, писавшего, что земля по берегам Волги «называется Козарскою, Русскою или Сериром». Из этого он делал заключение, что руссы были близки хазарам «поелику имена обозначались синонимически». Кроме того, некоторые поздние арабские авторы, как указывал Эверс, сообщали, что «первобытные руссы были турецкого (т.е. тюркского – С.С.), и, вероятно, Козарского племени»¹⁰⁴.

Однако, что касается Ибн Хаукаля, Эверс воспользовался не совсем точным английским переводом¹⁰⁵. В арабском тексте Ибн Хаукаля указывалось, что «рус, хазар и Сарир – название государства и области, не людей и рода».¹⁰⁶ То есть подчеркивалась не синонимичность, а значение этих терминов. Сведения же о тюркском происхождении руси действительно имеются в арабо-персидских источниках, их интерпретация остается вопросом дискуссионным¹⁰⁷.

Пытаясь обнаружить более древние свидетельства существования руси, Эверс обращался к тем версиям, которые были популярны в XVI – XVII вв. Так он находит возможным, видеть в князе Рос пророка Иезекииля указание на народ рос, будто бы засвидетельствованный «почти за 600 лет до Христа». «И если тогда были россы, - пишет Эверс, - где оставались они до средних веков? Не полагать ли их в роксоланах?». Особенно Эверс заострял внимание на том, что роксоланы не могут быть германского происхождения, поскольку Тацит называет их сарматами. Из этого следует, что роксоланы близки к хазарам, к тому же «восточные писатели говорят об аланах почти всегда вместе с козарами». В итоге Эверс заключал, что, «как бы ни судили о всех сих положениях поодиночке, но вместе составляют они собрание вероятностей, которое может выразиться следующим образом: между Каспийским и Черным морем жили Руссы прежде, нежели История узнает где-либо народ сего имени».¹⁰⁸

Следующее созвучное имени «русь» слово Эверс находит в «Хронографии» Феофана, который под 774 г. упоминает *ρουσία χελάνδια* в связи с походом императора Константина V против болгар. Переведя *ρουσία* как «русские» Эверс заключал, что «являлся уже (в 774 г.) русской флот на Черном море». Связать упоминание флота и русских для Эверса была весьма важно, так как в источниках варяги и русь изображаются в тесной связи с водной стихией, чего не скажешь о тюрках и хазарах. Поскольку руссы, родственные хазарам также обладали флотом, следовательно, «не одни Норманны в среднем веке отваживались на смелые морские походы». До 774 г. греки не знали руссов под собственным именем, называя их скифами¹⁰⁹.

Из русских источников Эверс приводил в доказательство локализации руссов на побережье Черного моря информацию Никоновской летописи: «Роди же нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Евксинопonte и начаша пленовати страну Римлянскую и хотяху поити в Константиноград»¹¹⁰. Евксинопонт здесь однозначно трактовался Эверсом как указание на Черное море (Понт Эвксинский – действительное Черное море в греческой географии). Некоторую сложность представляют «кумани», поскольку так обыкновенно обозначаются половцы. «Слова “Зовомии так же Кумани”, – объяснял Эверс, – суть может быть толкование переписчика, и должны означать для читателя только отчизну Руссов, северный берег Понта, а не род их»¹¹¹.

В связи с этими сообщениями перед Эверсом возникал вопрос: почему следует доверять данным Никоновской летописи и отвергать появление варяжской руси с севера, на что указывают другие летописи (эта версия представлена наряду с понтийской также и в Никоновской)?

Выбор в пользу Никоновской летописи Эверс делал на основании своего разбора происхождения варягов. Русь у него, как уже указано, народ тюрко-хазарского происхождения. Термином «варяги», согласно Эверсу, могли обозначаться вообще все чужие для славян народы: «галичане, волхвы, римляне, немцы» и прочие, в том числе и хазары¹¹². Следовательно, Никоновская летопись и «летопись Нестора», говоря о призвании, могут иметь ввиду, как северный, так и южный регион, поскольку никакой географической привязки варягов к Скандинавии не было. Поэтому и противоречия между версиями Никоновской и других летописей не наблюдается, наоборот, Никоновская летопись уточняет регион обитания варягов-руси. В Никоновской летописи вообще, по мнению Эверса, «сохранились многие важные вероятные события»¹¹³, коих недостает во всех прочих, в сем отношении она имеет право на нашу доверенность до тех пор, пока не найден источник, из коего она почерпнута»¹¹⁴. Нестор же «происхождение руссов... знал столь же мало, сколь нам и говорит о том». К тому же, «он писал уже слишком поздно – чрез два с половиною века после пришествия Рюрика»¹¹⁵.

Кроме того, выражение «за море», использованное в легенде о призвании варягов, согласно Эверсу, не обязательно должно указывать на Скандинавию, да и вообще на Балтийское море¹¹⁶. Эверс обращался к данным исторической географии летописей, приводя то место, где Черное море названо «Русским». Эта информация, по его мнению, тем более важна, что встречается в летописях «нечаянно» (Эверс вообще, когда это ему необходимо, считал именно «случайные», не относящиеся к концептуальной части источников, сведения более достоверными¹¹⁷). Название это возникло в славянском, разумеется, потому, что по берегам Черного моря издревле жили руссы. «У многих Восточных писателей десятого столетия, – писал Эверс, – называется сие море Козарским... может быть потому, что Козары и Руссы почитались одним народом»¹¹⁸.

Остается только уточнить, с какого времени Черное море стало называться русским. Доказательства древности этого наименования Эверс видел в указаниях договоров Олега и Игоря с греками 911 и 945 гг. Там, во-первых, в статье о кораблекрушениях «русские берега противопологаются греческим». «Очень вероятно, что под сими берегами разуметь должно полуостров Тмутаракань». К тому же, в летописи не сообщается, как Тмутаракань была поставлена под власть русских князей, следовательно, ничто не мешает полагать, что это произошло еще в древности. Во-вторых, статья о ненападении на Корсунскую землю договора Игоря указывает на то, что руссы проживали где-то поблизости от Корсуни. «Для меня кажется невероятным, – писал Эверс, – чтоб Греки почли за нужное выговаривать себе безопасность своих Таврических областей от такого народа, коего южные границы не

простирались и до Днепровских порогов»¹¹⁹. Эверс заключал, что «естественнее искать руссов при русском море, нежели при Варяжском»¹²⁰.

Происхождение имени варягов, согласно Эверсу, более сложное и связано с Византией. Первоначально, готов, состоявших на службе у Византии, называли *φοιδερατοι* («союзники»). Готы переводили это на свой язык как *Vaeringiar* (этому Эверс не приводит ни одного доказательства из источников, ссылаясь только на возможность и на слово *waга*, *waеге*, в германских языках, обозначающее договор, мирное условие). Постепенно из готов начинает набираться гвардия (свидетельство Олимпиодора). В первой половине X в. готов на службе в императорской гвардии вытесняют скандинавы, которые продолжают называть себя *Vaeringiar*. Греки отступают от первоначального наименования императорской гвардии и начинают использовать «варварское» название, звучащее у них как *Βαραγγοι*. Скандинавские наемники, путешествуя через Русь начинают именовать себя как в Византии – *Vaeringiar*¹²¹. Славяне же, «могли легко принять непонятное для них имя должности за домашнюю собственность всех иностранцев... и перенести оное впоследствии ко всем, имевшим с ними общее отечество». То есть варяги у «обитателей Ильменя» сделалось «собирательным именем, которое обнимало многия первоначально очень различные части»¹²². Схема не была новым словом в науке. Тождество *Vaeringiar*, *Βαραγγοι* и *варягов* утверждали еще шведские авторы XVII в., в XVIII столетии Байер и шведский ученый Ире¹²³.

Серьезно противоречили концепции Эверса скандинавские имена князей и днепровских порогов. Пытаясь устранить эти противоречия Эверс, во-первых, утверждал, что «этимология некоторых слов порознь может служить только к подтверждению доказанного положения»¹²⁴. Поскольку, по мнению Эверса, его доказательство вполне строгое, оно и без этимологии достаточно. Тем не менее, он делал попытку подобрать «турко-татарские» эквиваленты для некоторых имен. Например, имя Синеус Эверс осторожно соотносил с именем Синан, которое «нередко между Турками». Кроме того, окончание «ус... совершенно чуждо германским языкам» и, напротив, встречается у тюрок. Далее Эверс приводил (без всякого лингвистического анализа) имена, звучащие сходно с русскими: хазарское Глибарос с именем Глеб, половецкое Ярославна с именем Ярослав, а «при гадательном восстановлении других должно отдать преимущество Турецкому звуку»¹²⁵. Но в целом Эверс писал, что «полный удовлетворительный ответ превышает мои силы и требует предварительных работ, о которых до сих пор никто не думал»¹²⁶.

В подтверждение своей гипотезы Эверс указывал на то, что в русском языке довольно много «турко-татарских» слов. Впрочем, Эверс затруднялся привести

доказательства о заимствовании этих слов в домонгольский период, ссылаясь на то, что «Русская Литература до Монголо-Татарского периода была чуждым растением», поскольку писалась только на церковнославянском языке. Следовательно, из нее нельзя получить сведений о древнейших заимствованиях¹²⁷.

Призвание виделось Эверсу следующим образом. Первоначально над словенами, кривичами, чудью и мерей господствовали варяги-норманны. После их изгнания эти племена решают призвать руссов с берегов Черного и Азовского морей. Руссы также назывались варягами. Выражение «за море» указывает на Азовское море, а князья призываются из Тмутаракани. Избранию именно этих руссов, способствовало то, что «Поляне благоденствовали под кротким правлением козаров – и отсюда естественно произошло намерение призвать себе от них государей»¹²⁸.

В итоге после призвания руссов стало, согласно Эверсу, как это и указывалось в некоторых восточных источниках, три вида: 1) понтийские (черноморские руссы) 2) славянские руссы и 3) волжские руссы, походы которых на Каспийское море упоминались некоторыми восточными авторами¹²⁹. Понтийские и волжские руссы были хазарскими племенами, славянские руссы образовались из соединения славян с понтийскими руссами.

Оценить разыскания Эверса можно обратившись к источниковедческой части его работы. Большинство принципиальных заключений «тюрко-хазарской» версии основывается на недоброкачественных (неверные переводы, как, например, в случае с «русскими хеландиями»), недостоверных или ошибочно интерпретированных данных источников. Причем некоторые заключения Эверса являлись возвращением к раскритикованной предшествующей историографией версиям (народ Рос в Ветхом Завете, например). Дальнейшее накопление историко-лингвистических знаний и проверка аргументации Эверса лишило ее всякой опоры в письменных источниках.

Гипотеза Эверса о тюрко-хазарском происхождении руссов нашла поддержку у И.Е. Неймана¹³⁰. Разделяли взгляды Эверса также представители скептической школы. М.О. Перемышлевский в 1834 г. отмечал: «по крайней мере, нет сомнения, что при Черном море был особый народ Руссы, от коих и море сие называется Русским во всех древнейших списках наших временников». Подтверждение бытия черноморских руссов Перемышлевский видел вслед за Эверсом в тексте Никоновской летописи о руси на Евксинопонте. Данные же летописи, сближающие русь и варягов, он считал, в соответствии со взглядами скептиков, результатом вымысла летописца, построившего некую «систему» северного происхождения руси¹³¹. Поддержал мнение Эверса и С.М. Строев, подписывавший свои сочинения С. Скрамненко. Аргументация у него в точности повторяет систему Эверса. В основе – интерпретация некоторых сведений арабских

источниках о руссах-тюрках и византийских о тавроскифах¹³². Аналогичным образом рассуждал и О.М. Бодянский. По сравнению с Эверсом он расширил ареал обитания причерноморской руси на Крымский полуостров, а также изменил интерпретацию имени роксолан, по его мнению, под ними следует понимать «горных русов»¹³³.

Не все историки, разделявшие концепцию о черноморской руси считали ее тюрко-хазарской по происхождению. Так, например, И.С. Фатер в своей работе 1823 г. разделяя варягов и русь, и считая первых скандинавами, утверждал, что русь – это потомки готов, живших с III в. на юге России¹³⁴. «Бытие руссов при Черном море, – писал он, – доказывается походами их на Царьград, кои, по сказанию Нестора, предпринимаемы были с Черного моря, при котором по свидетельству византийцев современных жили россы». Кроме того, «бытие руссов при Черном море» доказывается «русскими названиями порогов; известиями Ибн Гаукала (Ибн Хаукаль – С.С.) и Абульфеды (Абу-л-Феда – С.С.) о руссах подле хазар и болгар...; принадлежностью Владимиру и пр. Тмутаракани». Из этих черноморских руссов и были избраны славянами первые князья¹³⁵.

Исследования скептиков, поддержавшие гипотезу Эверса о черноморской руси появились уже после опубликования критики М.П. Погодина на сочинение Эверса. Фактически эта критика подрывала самые основы – источниковую базу утверждений немецкого историка. М.П. Погодин заметил, что источник, на котором Эверс и Нейман основывают свою концепцию (Ибн Хаукаль) в доставшемся им английском переводе «представлен неверно» и указал на верный перевод, данный к тому времени Х.Д. Френом. Таким образом, «основание всего Эверсова мнения опровергается»¹³⁶. Кроме того, совершенно противоречат мнению Эверса также следующие данные источников: 1) «козары и руссы различаются у арабов везде»; 2) летописец «говорит о руссах и козарах, как о народах различных»; 3) «византийцы столь коротко и с столь древних времен знакомые с козарами... не говорят ни слова об родстве их» с русью¹³⁷.

Кроме того, М.П. Погодин показал, что Эверс ошибочно понимал под варягами всех европейцев, поскольку «Нестор тут же говорит ясно: варяги живут по такому-то морю, следовательно, их не было во внутренних странах, следовательно, не они одни обитали в Европе», под морем из-за которого призывали варягов по самому контексту летописного сообщения нельзя подразумевать никакое другое, кроме Балтийского¹³⁸. Еще один аргумент Эверса: поздние летописи заменяют варягов на немцев; под немцами подразумевают вообще всех иностранцев; следовательно, варяги – общее имя для представителей других народов. На это Погодин возражает вновь данными летописей, из которых видно, что под «немцами, говоря уже в самом обширном смысле разумеются только европейские, только западные от Руси народы, отнюдь не все чужеземцы»¹³⁹.

Эверс считал, что в Бертинских анналах передан эпизод, когда шведы ложно называли себя россами. Погодин возражал ему: из сообщения анналов «отнюдь не видно, чтоб император (Людовик Благочестивый – С.С.) открыл обман, а только поясняется... мелкое, специальное имя россов именем шведов», более общим, более известным и употребительным»¹⁴⁰.

В защиту свидетельства Лиутпранда Погодин утверждал, что «Лиутпранд знал очень хорошо норманнов, нападавших на его отечественные берега» и употреблял это имя «в своем, а не в греческом значении» (имеется ввиду, не в значении людей проживавших к северу от Константинополя)¹⁴¹.

Самое важное возражение заключается, по мнению Эверса, в молчании скандинавских источников о призвании Рюрика. Погодин однако заключает, что отсутствие сведений о Рюрике не подвергает сомнению скандинавское происхождение варяго-руси. Сами же эти сведения могли первоначально казаться столь маловажными, что не попали в саги. «В Несторе нашем, – писал Погодин, – не находим мы известия о многих происшествиях, к коим жил он гораздо ближе, нежели Снорри (Стурлуссон – С.С.) к основанию Российского государства, как-то: о нападениях руссов на страны Прикаспийские, о посольстве Ольги к императору Оттону и т.д.»¹⁴².

На аргумент Эверса о том, что название «Рослаген» упомянуто впервые только в 1295 г. Погодин отвечал: «разве из этого следует, что название Рослаген было в то время новое, только что составившееся?» Погодин соглашается, что область на побережье Швеции называлась в XIII в. Seeland, «притом часть ее могла в то же время называться Рослагеном»¹⁴³.

Погодин также совершенно отрицал существование черноморской руси, а также связь ее с другой, предполагаемой Эверсом, русью волжской. Погодин указывал, что «руссов именно при Черном море мы никаких следов не находим», а «место из Олегова договора, приводимое в доказательство, может служить возражением», так как из него «видно, что берега не принадлежали руссам», т.е. они там оказывались время от времени. В договоре же Игоря подчеркивается, что жилища руси удалены от берегов Черного моря, на это же указывает Константин Багрянородный, другие места летописи и т.д. Что касается данных топонимики, приводимых Эверсом, то «никто не осмелится доказывать», что название Черного моря Русским «было древнее Аскольдова водворения в Киеве»¹⁴⁴. Возражал Погодин и на использование Эверсом поздних летописных источников, так как «Никоновскую летопись и Степенную книгу нельзя никак приводить в важное свидетельство... ибо мы не знаем еще всех тех греческих и болгарских летописей, из коих редакторы заимствовали свои известия»¹⁴⁵. Погодин указывал на то, что все сведения

источников, приводимые в доказательство существования черноморской руси «легко и естественно относятся к киевским руссам, кроме которых предполагать никого и не нужно»¹⁴⁶. В конечном итоге, Эверс сам отказался от своей концепции тюрко-хазарского происхождения руси¹⁴⁷.

Два года спустя после публикации немецкоязычного издания работы Эверса, свое видение происхождения руси представил Г.Ф. Голлман. Его иногда относят к норманистам¹⁴⁸, однако в действительности он не разделял скандинавской концепции происхождения руси. Регионально начальную русь он поселял в одной из областей Фрисландии, а этнически считал их фризами. Таким образом, его концепция, скорее, должна быть названа фризской.

Как многие другие его современники Голлман употребляет форму «Варяго-Руссы» (иногда Руссы) в качестве первоначальной для имени «русь». Такое обозначение естественно, поскольку бельгиец Голлман пользовался переводом «летописи Нестора», содержащемся в труде А.Л. Шлецера. В немецкоязычном издании «Нестора» употреблена именно форма «Руссы».

Ссылаясь на речь Миллера 1749 г., Голлман полагал, «что имя *Руссы* в первый раз встречается в девятом столетии, и что великий народ, называемый ныне *Русскими*, не имел сего имени ни прежде сего столетия, ни прежде прибытия в Новгород предводителя Варягов *Рюрика*»¹⁴⁹. Буквально понимая сообщение летописей, что «варяги живут до земли агнянски и волошки»¹⁵⁰ Голлман заключает, что «*Варягами* назывались все Германские обитатели Балтийского и Северного морей»¹⁵¹.

Происхождение руссов Голлман аргументирует следующим образом. Под варягами летописи подразумевают германцев. Руссы понимаются именно как один из варяжских народов. Шведы, датчане, англы, норвежцы уже упомянуты. Следовательно, руссов надо искать среди неупомянутых германских народов. В перечне народов Нестор помещает руссов после датчан (в действительности после готландцев), но перед англичанами и франками¹⁵². В IX в. побережье Северного моря между датчанами и франками населяли фризы, одно из их племен, проживавшее на побережье напротив Восточно-Фризских островов, носило названия рустринги. Имя рустрингов (*Rustringi*, *Hrustri*, *Riustri*) содержит слово «*Rus* или *Rust*, что на старом Фризском языке значит «водопровод»... под словом *Rus* или *Rust* должно разуметь народ, живший на земле, пересекаемой многими каналами, какою вероятно в древности была Рустрингия»¹⁵³. Таким образом, неверно понятое сообщение летописи указало Голлману и неверное направление поисков. Дальнейшие же утверждения строятся только на основании созвучий.

В доказательство своего мнения, что эти рустринги были призваны к восточным славянам Голлман приводил названия города Ростова и имя Ростислав, которые будто бы образованы от слова Rus или Rust¹⁵⁴. Лингвистические сопоставления делались им и в отношении имен первых князей. Некоторые из них, по мнению Голлмана, похожи на фризские, а имя Рюрик вообще засвидетельствовано в Рустрингии и именно среди «знатных особ»¹⁵⁵. Наконец, большое значение Голлман придает тому, что рустринги «в позднейшие времена находились с царствующим Российским домом в толь великой связи, что одна Рустрингская дева выдана была за Русского Великого Князя»¹⁵⁶. Последнее доказательство на деле еще более ослабляло позиции Голлмана, ведь брачные связи существовали между Русью и Швецией (Ярослав Мудрый и Ингегерд).

Вместе с тем, так как Голлман писал в период популярности концепции Шлецера, он попытался объяснить и название Рослаген, от которого Шлецер производил имя «русь». Руссы приходили из Рустрингии, однако и название Рослаген, возможно, связано с ними, поскольку они «в сей стране имели магазин для складки товаров»¹⁵⁷. «Руссы... по первоначальному своему происхождению, – писал Голлман, – отнюдь не были Шведы, но что очень вероятно могло случиться, по изгнании своем из Новгорода они, пробравшись в соседственные страны Швеции, избрали себе местопребыванием Рослаген и жили там до тех пор, пока опять были призваны»¹⁵⁸.

В заключении Голлман пытается объяснить, что Рустрингия известна в античном мире, как область «благородных Хауков», как Ледовитые острова, приманившие к себе «Финикийского Геркулеса и Греческого Дедала»¹⁵⁹. Голлман обратился здесь к дискурсу «славы и величия», который был особенно популярен в XVIII в. среди ангажированных авторов.

Интересно, что Голлман упоминает версии (библейскую и Иосифа бен Гериона о росах у реки Куры) имевшие хождение в предшествующие века. В отличие от других авторов XVIII – начала XIX вв. он признает их достоверность, признает, что речь в соответствующих местах этих источников может идти речь о народе «рос». Но это совершенно другие росы, скифского происхождения, «о коем нигде в позднейшие времена не упоминается»¹⁶⁰.

М.П. Погодин писал, что мнение свое «доказано г. Гольманом очень слабо, не говоря о прочем, он упустил из виду многие важные обстоятельства, например, когда встречается в первый раз в летописях имя рустрингов? у какого писателя? при каком случае?» Ничего не доказывает, по мнению Погодина, и «отдельно взятое» обстоятельство, что русь локализована между датчанами и англичанами в космографическом введении летописи, «ничего не доказывает» и название города Ростова, к тому же «совершенно нет

никакого повода думать», что Ростов основан варягами. Сходство в личных именах гораздо яснее между русью и скандинавами, чем между русью и немцами. Ничего не доказывает и то, что «одна рустрингская княжна выдана была за русского великого князя». «И полячки, и гречанки, и болгарки, – отвечает Погодин, – были выдаваемы за князей русских – что же из этого?» «Слишком произвольным» называет Погодин и предположение Голлмана о том, что изгнанная из Новгорода русь поселилась в шведском Рослагене, откуда и была призвана на княжение¹⁶¹.

Таким образом, среди неславянских концепций происхождения руси можно выделить фризскую, которую предложил Г.Ф. Голлман. В соответствии с ней название «русь» происходит от имени одного из фризских племен – рустрингов и означает «водопровод», «водный канал». Из этого племени избираются первые князья, от которых восточные славяне получают имя «русь». Другая неславянская – концепция черноморской руси тюрко-хазарского происхождения. Выдвинул ее Г. Эверс, поддерживали М.П. Пермышлевский, О.М. Бодянский, И.С. Фатер и другие. Важным моментом в этой концепции было то, что помимо черноморской руси выделялась также волжская русь. После призвания князей из черноморской руси «Русий» становилось три: новгородско-киевская, черноморская и волжская.

Проблема множественности «Русий» и славянские концепции происхождения руси в 1830 – 1840-х гг.

Тенденция к отысканию нескольких мест первоначального обитания руси наметилась еще в XVIII в. Уже М.В. Ломоносов и В.К. Тредиаковский последовательно переселяли русь из одного региона в другой. В начале XIX в. Г. Эверс предположил, что существовали три синхронных «Русии». В работах некоторых историков 1820 – 1840-х гг. количество разнообразных «Русий», которым приписывали этническую гомогенность (как правило, славянскую) заметно увеличилось. Однако первые работы, где эта тенденция к «размножению» Русий обнаружилась вполне – статьи С.В. Руссова – не содержали какой-либо одной конкретной этнической идентификации «Русий». Интересно, в первую очередь, взглянуть на его общие принципы исследования вопроса о происхождении этноса и этнонима «русь».

По мнению Руссова, чтобы решить вопрос о происхождении Рюрика и руси «должно отыскать в Европе или в Азии такую страну, которая бы, во-первых, называлась Руссиею или Россиєю; во-вторых, чтобы обитатели ее были Варягами... в-третьих, чтобы в той стране Князья или Государи хотя изредка носили имена Руриков; в-четвертых, чтобы

говорили хотя немного по-славянски... в-пятых, чтобы в той Руси существовало предание, хотя баснословное, что тамошние Князья считались в родстве Августу Кесарю... и чтобы, наконец, те Князья Варяго-Русские пришли к Новгородцам из-за моря».¹⁶² Уже по этим критериям видно, что Руссов не вполне дифференцировал ранние источники и поздние («августинская» легенда появляется только в поздних источниках, ее нет в ранних списках летописей, что было очевидно еще из работы Шлецера, опубликованной более чем за 20 лет до статьи Руссова). Кроме того, важную роль Руссов придавал мнимологическим заключениям: необходимо, чтобы руссы говорили по-славянски «ибо не естественно, чтобы Рурик с братьями управлял народом одним шумом оружий; надобно, чтобы Князья и народы объяснялись на словах и друг друга понимали»¹⁶³. Однако наиболее существенно для его разработок – отсутствие строгости при соотнесении этнонимов и топонимов, почерпнутых из различных источников.

В итоге, Руссов привлекает источниковый материал, главным образом, из западноевропейских хроник и обнаруживает «до семи с некоторыми замечаниями» «Руссий ил Россий», оговариваясь, впрочем, что разрешить вопрос, «какой же из них приличнее быть отечеством Рурика, оставляю... читателям моих замечаний»¹⁶⁴. Первая «Руссия» - Аквитанская, названа так потому, что именно в пределах Аквитании упоминается античными источниками племя рутенов (Ruthenorum). Вторая «Руссия» - Фландрская. В пределах будущей Фландрии в V в. также засвидетельствованы рутены, кроме того «одна из главных Нидерландских рек – Рус (Rus)». Король Карл Великий переселил в области саксов славян-ободритов, отсюда в этих пределах мог распространиться славянский язык. В этом же регионе источниками засвидетельствовано несколько Рюриков и город Рерик¹⁶⁵.

Также существовала «Россия Аглинская» в графстве Пемброк (современный Пембрукшир – самое западное графство в Уэльсе), о котором Камден писал, что там есть земля, называемая британцами «Россиею или Росс по причине злочной долины, которую она занимает». Также, ссылаясь на Камдена, Руссов указывает, что и в Шотландии находится Россия, «какой древнее название по мнению многих значит мыс». Некритическое восприятие источника, «зацикленность» на созвучиях проявляется у Руссова и в том, что он упоминаемый Камденом «*oceanus Vergivius*» (Атлантический океан – С.С.) переводит как «океан Варяжский». Кроме того, из Камдена же Руссов выяснил, что в Ирландии «при реке Бирге» существовал город Русс. По мнению Руссова, существовала также «Руссия» Германская. Вывод этот делается на том основании, что в Германии существует графство Рейс. Лазий писал, что около 362 г. король франков Хладомир III переселил их оттуда в Ретию, «здесь под названием Ретии должно разуметь... Ретиагу,

лежавшую на восток от Венгрии и называвшуюся прежде Мизиею... владетели ее ведут род свой от Римского дома Колонов». Наконец, со ссылкой на Длугоша, Руссов указывает, что существовала еще «Россия или Расция» Закарпатская, «которая простиралась до самой Венгрии». Карл Стефан (1606 г.) упоминает Расцию как часть Дакии. Что характерно, племя даков, по мнению Руссова, переселяется «в соседство Норвегии» (ошибка связана с тем, что в средние века даками нередко называли датчан)¹⁶⁶.

Руссов задается вопросом: а «были ль Руссы или Россы на пространстве нынешней России до прихода в нее Рурика с братьями»? Ссылаясь на один из списков «Истории о начале Русской земли» Руссов утверждает, что «руссы на пространстве нынешней нашей России до прихода в нее Рюрика с братьями» уже находились¹⁶⁷. Не остаются без внимания и роксоланы: «между Доном и Днепром, - пишет Руссов, - за несколько столетий до Р.Х. и после онаго в I, II и III веках Руссы действительно существовали». Подводя итоги, Руссов указывает все-таки, что «Руссы пришли с Балтийского моря»¹⁶⁸. Неясно при этом из какой «Руссии» их следует при этом выводить: из Фрисландской, «Аглинской», Шотландской?

Таким образом, при анализе источникового материала проявились все те признаки, которые отмечались еще при выборе критериев локализации руси Рюрика: Руссов некритически подходит к информации разновременных источников, не вполне понимает, что за средневековыми антикизированными книжными этнонимами не следует видеть реальные античные народы, принимает на основе своих умозаключений созвучные названия (Расция, Рейс) за имя «Руссия или Россия» (также не являющейся первоначальной формой).

В 1820-е гг. М.Т. Каченовский, прежде придерживавшийся скандинавской концепции происхождения этноса и этнонима «русь» изменил свое мнение и стал доказывать, что варяги – это вагры, балтийские славяне, а русь – некое азиатское племя¹⁶⁹. В своих собственных работах он лишь кратко касался этого вопроса, предоставляя больше развивать эти взгляды (которые он высказывал на лекциях¹⁷⁰) своим ученикам и единомышленникам. Каченовский оказал большое влияние на антинорманистов 1830 – 1840-х гг. – Н.В. Савельева-Ростиславича, Ф.Л. Морошкина, М.А. Максимовича и на Ю.И. Венелина¹⁷¹.

Множественность «Русий» и одновременно славянское их происхождение соединились в концепции Ф.Л. Морошкина, последовательно развивавшейся им в 1830 – 1840-е гг. В своих «Примечаниях» на работу А. Рейца о российском законодательстве (1836 г.) Морошкин полагал, что вопрос о происхождении руси остается нерешенным из-за недоразумения, повод к которому «подан самим летописцем Нестором». Он «с

Варягами, народом по преимуществу Норманнским мертвым узлом соединил Руссов, хотя происхождение и судьба их в Истории очевидно не сходствуют с историческим бытием Варягов в нашем отечестве»¹⁷². «Народное историческое сознание, – писал Морошкин, – основываясь на каком-то темном ощущении, издавна противилось принять за истину, что Руссы – Скандинавы». Проявление этого «темного ощущения» Морошкин усматривает в династической легенде о призвании Рюрика из Пруссии. Доказательств тому, что эта легенда была «мнением народным» Морошкин не приводит¹⁷³.

Весьма импонировали Морошкину разыскания М.Т. Каченовского об имени «русь» в письменных источниках¹⁷⁴. Морошкин на основе его исследований данных летописи о Русской земле в узком смысле (в Среднем Поднепровье), и его жителей утверждал, что имя «русь» перешло от юга, из Киева на север, в Новгород. Кроме того, согласно Морошкину имя «русь» содержится также в названии о. Рюген, поэтому также «Русь должно искать... между Славянскими племенами, обитавшими на южных берегах Балтийского моря». От этого взгляда и от этого направления, по мнению Морошкина, «можно ожидать бесчисленных польз для Русской и Славянской Истории вообще»¹⁷⁵. К этим двум локусам руси прибавилось далее еще несколько.

Находились эти «Русии» в Германии и в Польше. В подтверждение того, что «Руссия» существовала в пределах Германии Морошкин приводит несколько сведений источников. Во-первых, он обратил внимание на устав турнира в Магдебурге короля Генриха Птицелова (ок. 935 г.), где упомянуты «Велемир, Князь Русский... Радеботто, Герцог Русский». Из этого Морошкин делал заключение, что существовало некое русское княжество в пределах империи, населяли которое славяне (так как имена князя и герцога, якобы, славянские)¹⁷⁶. Кроме того, в грамоте епископа Любекского Петра (XIV в.) упоминается, что «Любекская церковь имела резиденцию в России». Использовал Морошкин в доказательство также и созвучные топонимы и этнонимы: Reudingi в Тюрингии и Ruda, Ruden в Силезии служат подтверждением существования «Русии» в этих немецких землях.

Существование рюгенской Руси подтверждает то, что в немецком источнике конца XVI в. жители о. Рюген названы Rusi и Rutheni. Кроме того, Рюген по свидетельству средневековых источников вел активную торговлю. Наконец, свидетельство «Хроники Продолжателя Регинона» о посольстве киевской княгини Ольги 959 г. к германскому королю Оттону I (Ольга названа королевой ругов и своим крестильным именем – Елена) Морошкин трактовал как указание на «Княгиню или Ругов, или Руссов Бранденбургских и Силезских». Приводил Морошкин и еще некоторые источники и трактовки того же рода.

Таким образом, можно насчитать в этой работе Морокина, по крайней мере, четыре «Русии» (Среднее Поднепровье, о. Рюген, Тюрингия, Силезия).

Из них той русью, которая пришла с Рюриком в 862 г. является южнобалтийская. «Думаю, – писал Морошкин, – что Несторова Русь недалеко от Пруссии, если не по месту, то по крайней мере по родству, по Славянскому ее происхождению. Не должно забывать, что древняя Пруссия была населена Славянами, чему есть множество доказательств. Самое название Пруссии есть не что иное, как половина целого понятия: Руссия предполагает Пруссию, как Подонская область Задонскую». Версия о происхождении летописной руси из Пруссии для Морошкина «гораздо убедительнее, чем доказательства Германских ученых от Roslagen»¹⁷⁷.

Если при первом подходе к теме Морошкин ограничился несколькими «Русиями», то в более поздних его работах 1840-х гг. количество этих «Русий» значительно увеличилось. Этому способствовал исследовательский метод Морошкина, который заключался в поиске в письменных источниках названий созвучных с именем «русь». Под некоторыми – *rugi*, *rutheni* – действительно в разное время источники понимали русских, под другими – Рагуза, Prussia – никогда Русь не подразумевалась. Тем не менее, все они, по Морошкину, суть варианты имени «русь», свидетельство существования различных Русий, которых он, помимо Киевской, обнаруживает как минимум четыре: 1) «Россия Германская в Померании, Западной Польше, Пруссии и на берегах Немецкого моря от устья Эльбы до Рейна и до северных пределов нынешней Франции»; 2) «Россия Моравская», которую упоминают Русские летописи и Статут английского короля Вильгельма Завоевателя; 3) «Россия Подунайская в земле Равраков или Шварцвальда, обитаемого белокурыми Рутенами еще во времена Рим. поэта Лукана»; 4) «Россия Адриатическая..., где ныне земля Рагузинская»¹⁷⁸. Впрочем, из дальнейшего изложения в работе Морошкина понятно становится, что племен русь гораздо больше.

Почему названия *rugi*, *rutheni*, *Рагуза*, *Prussia* можно с уверенностью считать вариантами имени «русь»? Потому что, как утверждал Морошкин, все они как и имя «русь» происходят «от слов *лес* или *роща*». Основание – исключительно созвучие имен названий *rugi*, *rutheni*, *Рагуза*, *Prussia*, *Roscia*, *Pruthenia*, *Ruthe*, *Rosgi* и т.п. со словами обозначающими нечто деревянное. Например, Морошкин пишет, что славянская земля *Рагуза*... имеет три названия *Равсов* (в половине IX в.)... славянское название *Дубровник*... настоящее название *Рагуза*. Я утверждаю, что каждое из них обозначает *рощу*, *лес*, *дубраву*». «Славянское название «дубровник», - писал Морошкин, - не требует объяснений». Греческое *Равсов* он непонятно на каких основаниях выводит от греческого же *ράνδος*, обозначающего, по его мнению, «жезл, лоза, розга, прут, дубец».

Следовательно, «дубровник» - «перевод слова *ράβδιον*». «Если же слово *ράβδος* перенесем в Латинский язык, то оно сделается *ruta*, ибо и в Пандектах Юстиниана *ruta caesa* означает рубленный лес или Сруб. От Латинского *ruta*, без сомнения, произошло Немецкое *Ruthe* – прут, лоза, розга, палка и производное от сего *Ruthenia*». Наконец, название «Рагуза», по мнению Морошкина, славянское, произошло от греческого *ράβδιον*. «Впрочем, – пишет он, – можно обойтись и без Греческой филологии. Думаю, что Новгородское название деревень *Ракушино* значит *лесное селение*». К словам содержащим тот же корень «рост» Морошкин относит слова ракита, рогожа, рогоза, рогозина, рог, рожь, рука, руга, рай, раина и другие¹⁷⁹.

Отсюда, по Морошкину, «понятно от чего одно и то же название *русь* выражалось в различных формах, а именно Русь, Россия, *Ruscia*... *Ruthenia*, Рагуза, *Rugusci*, *Racaeti*» и т.д. Этот метод Морошкина (безосновательные лингвистические сближения) близок к изысканиям Тредиаковского и некоторых авторов XVI–XVII вв. и весьма далек от лингвистики начала XIX вв. Морошкин не обращался собственно к исторической лингвистике: не сравнивал слова в тех формах, в которых они зафиксированы в письменных источниках, не анализировал их морфологию, не задавался вопросом в какое время и почему греческое *ράβδος* проникло в латинский и приобрело там форму *ruta*, или вопросом о том, как из немецкого *Ruthe* могло произойти латинское *Ruthenia*. Не говоря уже о том, что слова *рожь*, *рог*, *рай* – не заключают в себе корня «рост».

К руси отнесены также и роксоланы, с именем «русь» сближаются название «Рязань», русалка (т.е. «дубовая нимфа») и другие. «Приняв это филологическое объяснение за точку отправления, – писал Морошкин, - я разделю Россию на следующие виды»: Россия Черноморская, Россия Алаунская (в системе рек Волга, Днепр, Дон), Россия Поволжская или Туркестанская, Россия Кавказская, Россия Закаспийская, Россия Велико-Германская (Гирцинская или древлянская, варяжская или славянская, скандинавская или готская, Нижнерейнская), Россия Подунайская. К этим «Россиям», помимо уже упомянутых Моравской и Адриатической, следует прибавить Русь сербскую и болгарскую¹⁸⁰. Венчает этот список очень характерное рассуждение о принципах исследования этих «Россий»: «а) Не сомневаться в истинности сказаний Геродота, Страбона, Помпония Мелы, Плиния и Птолемея, доколе не будет доказано противного. б) Верить даже Византийским летописям, доколе не будет доказана ложность их показаний». Наконец, пункт с), который еще более подчеркивает близость Морошкина к методологическим установкам авторов XVI–XVII вв. на гомогенность и перманентное существование народов: «не верить уничтожению народов во всемирной истории, если не будет на то особенного несомненного доказательства»¹⁸¹.

И действительно, Морошкин следует этой методологической установке, отыскивая предков руси в различных географических названиях античных авторов, в особенности в тех, значение которых связано с лесом, лесистой местностью. Гилейцы, скифы, сарматы, роксоланы и другие кочевые народы, - все они оказываются русскими и славянами. Вот несколько наиболее характерных выводов: «Утигоры – Уральско-Каспийские Руссы. Из Кутугуров и Утугуров образовался народ Великороссийский и Малороссийский»; «не подвержено никакому сомнению, что Скифы: Будины, Гелоны и Агатирсы Геродота, Роксоланы и Аорсы Страбона, Плиния и Птолемея, Агазиры, Хазары и Анты суть предки нынешних Россиян, и что самые имена сих народов значат то же, что Руссы, т.е. жители лесов»; «я нисколько не сомневаюсь Албанию назвать Кавказской Россией, и мне кажется, что имя Албании потерялось в слове Грузия»; «за Кавказскими горами и за Каспийским морем до самой Индии и Тибетанских возвышенностей нам непрерывно встречается Россия под собственным ее названием *Aorsi* и под разными видами растительного царства»¹⁸².

По поводу метода Морошкина П.Г. Бутков писал, что «если... мы пустимся на усвоения себе из Птолемея и из новых землеописателей всяких мен, издающих звук *рос*, *рус*, *рут*, *руд*... в таком случае не останется в мире ни одного угла, где бы не нашли мы следов нашей *Руси*»¹⁸³. Сходную мысль высказал и Ф. Крузе в своей рецензии: «имена Рос, рус и пр. встречаются почти во всех землях Европы, равно как и во многих странах Азии и каждое местечко, носящее это имя не может же быть рассматриваемо как древняя отчизна Русского народа»¹⁸⁴. М.П. Погодин заключил, что «г. Морошкин в своих словопроизводствах далеко оставил за собою всех самых отважных словопроизводителей Русских и не Русских: и Рудбека, и Шишкова, и Тредиаковского, и Эмина»¹⁸⁵. Касаемо «Русии» на о. Рюген Бутков заключает, что «нет ни одного древнего известия ни о принадлежности имени Руссов Рюгенцам или какому-нибудь другому колену балтийских Славян или о переселении их в наш север, особенно в Рюрикову эпоху»¹⁸⁶.

В отличие от Морошкина Ю.И. Венелин ограничился одной славянской русью. Он представляет себе имя *русь* как издревле существовавшее обозначение одного из славянских народов уже тогда обитавшего на территории будущей России. Важнейшей для Венелина была именно мысль о гомогенности народа и имени «русь». Показательно в этом плане его резюме к труду Тредиаковского, который в отличие от немцев, пытавшихся доказать, что термин «русь» неславянского происхождения (и даже мог не обозначать народ), «остался при мысли доступной всякому поселянину, что Русский человек был всегда Русским, т.е. назывался Руссаком и говорил на Русской отрасли Славянского слова». Это фундаментальное положение, по мнению Венелина, «и доказывать не нужно и

опровергать нельзя»¹⁸⁷. Венелин воспринимал население будущего Древнерусского государства именно как нацию, которая, конечно, не могла «отучаться от своего имени и в двадцать-тридцать лет принять от небольшой дружины в Русской службе имя будто заморское»¹⁸⁸. Итак на вопрос: «откуда и когда пришли в Россию Россияне?» следует ответ: «никто не знает, откуда и когда, или ни откуда и никогда, или откуда бы то ни было, все равно, но так давно, что даже и вообразить трудно, а изыскивать бесполезно... старожилы Руси – Россияне»¹⁸⁹.

Развивая далее свои взгляды, Венелин полагается в основном на рассуждения, а не на строгую критику источников. Так он считает аксиомой, что «Русский народ огромной своей массой не мог вдруг в 862 г. размножиться и разлететься подобно саранче... Русские города не могли вырастать в один год». Поэтому Русский народ уже издревле обитал в пределах будущей России, но от греков и римлян получил другие названия (скифы, сарматы). Не забывает Венелин также и роксолан. Согласно его мнению, в данном случае римские и греческие писатели случайно употребили собственное имя русских (роксоланы = росс-аланы). Важным доказательством славянской принадлежности скифов Венелин считал то, что один из их предводителей по греческому описанию имел русые волосы и голубые глаза, «вникнув в одежду... Скифов... вы узнаете в ней точь-в-точь одежду Русскую или, лучше, Малороссийскую»¹⁹⁰. Венелин утверждает, что в именах гуннских вождей (Аттиллы, Onegesius, Gordas и т.д.) открываются «чистые славянские звуки»¹⁹¹.

Следует упомянуть и мнение Венелина о происхождении варягов, которых он понимал отдельно от руси. Это мнение восходит к Каченовскому. Венелин считал, что варяги проживали на южном побережье Балтики, в Померании и являлись славянами. Это утверждение он основывает только на интерпретации картины расселения народов по Варяжскому морю из космографического введения летописи. Ему кажется, что в летописи имеется точное указание, ведь варяги локализуются к востоку до предела Сима и к западу «до земли агнянски и волошьски». Венелин механически пытается сопоставить эти сведения с современными ему географическими картами, как если бы ими мог пользоваться летописец. «Всякий Русский мужик..., – писал Венелин, – просто возьмет аршин и смерит на карте, какие берега Балтийского моря простираются с Востока к Западу; он укажет, что из всех берегов Балтийского моря простираются с Востока к Западу только Южные, т.е. берега Померанских Славян». Еще один аргумент Венелина основан на предположении, что летописи обязательно должны знать балтийских славян. «Если..., – пишет он, – должно полагать... Варягов в Скандинавии, то останется одна сторона без имени... именно нынешняя Северная Германия, т.е. Померанские тогдашние Славяне остались бы у Нестора без названия!!»¹⁹². Кроме того, среди племен балтийских славян

Адам Бременский упоминает вагров (Wagri). Это Венелин считает «опечаткой», которую нужно исправить на Varigi. Кроме того, восточные авторы, по мнению Венелина, признают варягов за славянский народ¹⁹³.

Свой ответ на вопрос «от кого досталось народу и языку нашему имя руси, объединившее собой Восточных Словен» дал в монографии 1837 г. М.А. Максимович. Он заявляет свое исследование как историко-лингвистическое («история Словесности и языка каждого народа должна идти рядом с Историей самого народа»), полагая, что «при исследовании языка Русского, при изъяснении свойств его и определении стихий, вошедших в его состав еще в древнем периоде, необходимо сперва определить: от каких народов могло быть влияние на язык старожилов России – *Восточных Словен?*»¹⁹⁴.

Сведения летописца о том, что русью земля и народ «прозвались» только после призвания варягов Максимович пытается устранить при помощи рассуждений, что «о сем прозвании Нестор объяснился уже сначала и здесь говорит как уже об известном, повторяет для связи сего сказания о пришествии Руси с прежде указанным на них известием» (подразумевается о «прозвании» от руси Аскольда и Дира)¹⁹⁵. Максимович признает, что Аскольд и Дир прибыли вместе с Рюриком. Они увели русь на Днепр, «там и прозвалась Русская земля»; доказательство – с их уходом «по летописи Нестора в Новгороде и прочих городах Рюрикова владения видим только Варяжский род», «в Новгородском Княжении словно не стало Руси», «до перехода Олега в Киев ни он сам, ни Рюрик с братьями, ни Игорь не называются Русскими Князьями»¹⁹⁶. Подтверждение этой концепции Максимович видит также в названиях рек (Рось, Россава) и населенных пунктов (с. Русаново) этого региона. После того, как Киев захватывает Олег, имя «русь» распространяется на всю территорию Древнерусского государства¹⁹⁷. В летописи, согласно Максимовичу, слово «русь» понимается тройко: 1) как общенародное; 2) как наименование Русской земли; 3) «как имя особого народа в Русской земле». Последнее доказывается ссылками на летопись, где русь действительно упомянута отдельно от варягов и славянских племен¹⁹⁸.

Но откуда появилась русь в Новгороде? Она, согласно Максимовичу, прибыла с южного берега Балтийского моря и была славянской по своему языку. Между поморскими славянами «сильнее всех особенно славились на море *Ружане*, называвшиеся *Ругиянами*, *Ранами* и *Руссами*». Рюрика Максимович вслед за Крузе отождествляет с Рюриком Ютландским, то есть он не являлся славянином. Рюрик не принадлежит к руси, а лишь возглавляет ее. По мнению Максимовича, летописец имеет ввиду, как бы, следующую последовательность событий: вначале посланцы из Новгорода от словен, чуди и кривичей добрались до руси на острове Рюген, там они не смогли найти себе князя, но нашли

людей, желающих помочь им в поиске князя. Далее, уже с этой рюгенской «русью» кривичи, словене и чудь отправились в Ютландию, где и обрели князя Рюрика. Этим Максимович объяснял появление руси среди народов призывающих варягов в некоторых списках летописи¹⁹⁹.

Локализация руси на южных берегах Балтийского моря по Максимовичу возможна из данных космографического введения к летописи, где перечисляются варяжские народы Балтики. Максимович выделяет среди них западных варягов, к которым причисляются свеи, урмане (по Максимовичу находятся в Скандинавии) и находящиеся на южном берегу моря русь и англяне. Русь «под разными видоизменениями своего имени» (вильки, вагры) локализуется в междуречье рр. Одера и Эльбы. Наиболее сильным из этих «русских» племен являлись ружане (жители о. Рюген). На каком основании руси отводится именно южный берег (почему не северный?), почему русью считаются вильки и вагры из рассуждений Максимовича неясно.

Помимо этого разбора сведений о летописной руси, призванной новгородцами, Максимович предпринял также попытку согласить многообразие имевшихся на тот момент мнений о происхождении руси, предложив «Опыт предварительной гипотезы о первобытной и древнейшей Руси до времен Рюрика и Оскольда». «Руссы или Россы (т. е. красные), – пишет он, – составляют первый отдел особого, коренного Древнеазиатского Иафетова племени *Нарци* (т.е. нарицатели, именователи). Об них упоминается в Библии под именем Росса, говорится и в Коране, как об одном из славнейших Азиатских народов по имени Рос или Рас». Другой вид этого племени – славяне. Вместе руссы и славяне «обитали в Азии в соседстве с Индией», откуда переселились в Европу «за несколько веков до Р.Х.» Этот период Максимович называет «доисторическим» или «гадательным». Фактически эта система основана Максимовичем только на не вполне ясном указании летописца о народе «нарци, еже суть словѣне»²⁰⁰, и на этногенетической легенде, упомянутой персидским автором Мирхондом, где Русс является сыном Иафета²⁰¹.

Второй период – исторический, «это период рассеяния Руси по Европе и ее расплеменения на разные народы». «Первая отрасль – Восточная... идет вдоль Урала до океана Северного... кончается в Скандинавии». В доказательство этой своей гипотезы о множественности племен русь Максимович приводит созвучные названия географических объектов, действительно существовавшие или появившиеся в результате толкований в ученой литературе (Русское (Черное) море, р. Роя или Рось (Волга) и т.д.). При этом одного происхождения с русскими оказываются готы, меря, чудь, болгары и другие народы, говорившие на разных языках и занимавшие обширные пространства Восточной Европы. Западная отрасль руси находится «на Помории Балтийском». Это именно та русь,

которая прибыла с Рюриком. С 862 г. Максимович ведет третий период в истории руссов²⁰².

Максимович ощущал гипотетичность своего «Опыта», выразив ее в выпретенном стиле²⁰³: «может быть и моему мысленному древу Руси не только суждено уцелеть со всеми его ветвями, но еще и умножиться новыми леторослями... но быть может и то, что лезвие будущего знания срежет с него все ветвие и Козарское, и Болгарское, и Чудское, и Скандинавское, - и останется только собственная, коренная Русь»²⁰⁴. Впоследствии, отвечая на критику Погодина Максимович вновь подчеркивал, что составил эту гипотезу «из разнородных, противоположных мнений о происхождении Руси; но... строго отличил ее от... положительного о том мнения»²⁰⁵.

Критику концепции М.А. Максимовича дал М.П. Погодин. Он в первую очередь направил свою критику против методов интерпретации Максимовичем летописных известий: «он обратился к Нестору, и начал натягивать его слова себе в подтверждение, нисколько не вникая в их собственный смысл». «С чего взять, – спрашивал Погодин, — что русь (славянская) указала на других варягов (немецких), что пошла вместе с посланниками (куда?) и говорила с ними речь?» Погодин раскритиковал также и все построения Максимовича основанные на космографическом введении летописи, заключив, что все в них «несправедливо и произвольно». Кроме того, возражал он и против того, что имя «русь» в пределах будущего Древнерусского государства утвердилось впервые на юге. Погодин заключает, что Максимович «схоластическую тонкость толкования довел до *plus ultra* (лат. –«дальше некуда» – С.С.)»²⁰⁶.

Как и Максимович Ф. Святной высказался в пользу славянского происхождения руси, обитавшей на острове Рюген. Выражение «поидоша из немец» поздних летописных сводов (Воскресенской, Никоновской), он трактует как указание на страну, откуда прибыла русь. Поскольку южное побережье Балтики принадлежало немцам, следовательно русь также прибыла «из немец». Связь рюгенской руси с собственно Русью обосновывается ссылками на зарубежные письменные источники (в основном это авторы XI и более поздних веков), отождествляющими ругов, рутенов и население острова Рюген – руян. Поскольку ругами называли также жителей Руси, следовательно, на о. Рюген проживали та же самая русь. Рюрик взял с собой всю русь, поэтому после его ухода в Новгород русь под собственным именем на о. Рюген не известна. Кроме того, Святной, как и многие другие историки, склонен преувеличивать осведомленность средневековых авторов, неоднократно повторяя фразы, вроде: «Лиутпранд прекрасно знал, Нестор прекрасно знал» и т.д. Доверяет он и картографии Равеннского анонима, сравнивая его данные с достаточно точными физическими картами своего времени. Подобная доверчивость может

иметь двойное объяснение: с одной стороны, Святой и другие действительно считали, что средневековые авторы обладали достоверными и точными сведениями, с другой, формулировки вроде вышеприведенных позволяли придать большую убедительность собственным утверждениям. Присутствуют в схеме Святого и роксоланы, которых, согласно ему, «никогда и никто из древних авторов не принимал за немцев; под Роксоланами всегда разумели Русь-Славян», «часть южных Роксолан действительно когда-то удалась на Север к южным берегам Балтийского моря»²⁰⁷.

Специализировавшийся на критике норманистов Н.В. Савельев-Ростиславич активно пользовался термином «варяги-русь»²⁰⁸. Он отчасти разделял мнения и Венелина, и Морошкина, и Максимовича. Ключевое положение концепции Савельева-Ростиславича о том, что «предки наши всегда были русью», «всегда жили в Руси» «и призывали к себе князей русских же с варяжского, сербского Поморья»²⁰⁹, близко к рассуждениям Ю.И. Венелина. Савельев-Ростиславич привел в доказательство славянской концепции указание летописи, что «язык славянский и руський одно есть», переводя в данном случае «язык» как «речь», а не как народ, что было бы правильнее²¹⁰. Савельев-Ростиславич также привел сведения о *ρουσία χελάνδια*, которые будто бы подтверждали то, что «почти за сто лет до Рюрика... 2000 русских судов, предпринимали поход на Византию». Более того, о руси упоминают и «римские писатели времен Диоклетиана» и Моисей Хоренский (V в.)²¹¹. Поддерживал Савельев-Ростиславич и версии о множественности «Русий». По его мнению, существовали и «Русия» волжская (гунны), и «Русия» днепровская (роксоланы), и «Русия» на южной Балтике (о. Рюген)²¹².

Г.З. Байер, как полагал Савельев-Ростиславич, «изо всех сил старался разделить то, что бы должно остаться неделимым, и три названия одного и того же народа превратил в три народа: греческое прозвище русского народа (скифы) обращено в татар и финнов, наше народное имя (русь) в скандинавов, а книжное имя (славяне) получило привилегию быть славянским народом»²¹³.

Как и у Венелина, варяги у Савельева-Ростиславича – это жители южной Балтики. Чтобы доказать это мнение Савельев-Ростиславич, обратился к перетолковыванию слов летописи. Из сообщения летописца: «сице бо ся зваху тьи варязи русь яко же се друзии зовутся свие, друзии урмане...» он вывел, что «варяги-русь – другой народ, нежели свеи, урмане... ясно, что новгородцы послали не к свеям, не к урманам..., а к другому народу». Конечно, новгородцы не могли посылать за море к литовцам (к ним был путь по суше), следовательно, призваны были поморские славяне. Затем, Савельев-Ростиславич дает точно такую же, как и Венелин интерпретацию данных космографического введения летописи, в соответствии с которым, варяги, якобы, располагаются на славянском

Поморье²¹⁴. Догадка С. Герберштейна о происхождении варягов из Вагрии для Савельева-Ростиславича уже «свидетельство»²¹⁵.

Резкую рецензию на «Славянский сборник» Савельева-Ростиславича опубликовал В.Г. Белинский. Критика его была направлена, главным образом, против идейно-политического содержания, которое только и усматривал Белинский в «Славянском сборнике», отказывая ему, как и другим произведениям славянофилов по этому же предмету в научности. Белинский считал, что «любимые мысли» авторов славянофильского направления «всегда вне науки и ее интересов» и, что «еще не начиная заниматься русскою историею, они уже знали, что варяго-руссы – чистые славяне и что Шлецер с умысла "врал", называя их норманнами, увлекаемый рейнским патриотизмом»²¹⁶. Вопрос же происхождении Руси, полагал Белинский, «столько же неразрешим, сколько и бесплоден, даже если б он и был разрешим»²¹⁷.

Антинорманизм 1830–1840-х гг. вполне отразился и в сочинении попечителя Московской практической коммерческой академии Е. Классена. Он начинает свое сочинение с утверждения глубокой древности Руси, которая уже к призванию князей «представляла огромное звено, сильный народ, заселявший собой несколько сот тысяч квадратных верст, богатый торговлею и промышленностью и разделенный на два главных государства» Киевское и Новгородское. Затем он объявляет, что «это заключение основано не на вымысле или предположении, но на фактах, которые затерты, затемнены пустословием некоторых западных историков». Якобы при строгом разборе «Русь сама выдвинется вперед и покажет все разветвление этого величайшего в мире племени»²¹⁸. Далее он еще более конкретизирует свои взгляды: «имя руссов» было известно «исстари как славянское не только всем племенам азийским, но и израильтянам со времени пришествия их в обетованную землю. И у них руссы стоят во главе не только римлян, но и древних греков как их прародители». Мотив величия и дальше настойчиво повторяется Классеном: «слава и честь были постоянною стихиею характера руссов и их соплеменников»²¹⁹.

Несмотря на то, что сочинение Классена едва ли можно отнести к разряду научных, тем не менее, поскольку в последнее время его сочинение стало рассматриваться в контексте историографии варяго-русского вопроса²²⁰, нужно кратко рассмотреть его методологические принципы и конкретные положения, касающиеся происхождения названия «русь». Основной материал, который он собирается предъявить в доказательство своих взглядов состоит «из племенных названий, рассеянных по всем историям и ныне очищенных критикою от перелада их на греческий, римский, монгольский, немецкий и скандинавский типы и доведенных до прототипа своего; не менее того служат тут

названия городов, живых урочищ, городища, могилы, насыпи, клады, развалины, монеты, медали, кумиры, памятники разного рода, оружие, образ жизни, сохранившиеся местные остатки славянского языка, нравы, обычаи, поверья, порядок ведения войны, домашние утвари, обряды и бесчисленные другие предметы»²²¹. В этом огромном списке не хватало самого главного – письменных источников.

Впрочем, далее Классен все-таки обращается к письменным источникам. Он рассуждает о том, что западные историки проникнуты излишним скептицизмом, по поводу всех известий, говорящих «нам о самобытности русской или выражающей какую-либо изящную черту ее». Классена также занимает тема всемерного расширения источниковой базы: «рудники древней истории так еще богаты, что из них можно извлечь множество фактов, поясняющих события доселе остающихся нейтральными в истории». Разумеется, что норманисты не пользуются этими «рудниками» «по пристрастию своему», из «самосохранения»²²².

Помимо многочисленных античных авторов, Классен признает в качестве источника «Деяния данов» Саксона Грамматика, при этом считая такими же источниками сочинения Торфее и И. Магнуса, которые сами пользовались сочинением Грамматика (Классен не вполне различает источники и исследования)²²³.

Что касается собственно взглядов Классена, то он доказывает их словопроизводством, видя в большинстве этнонимов, засвидетельствованных в самых различных письменных источниках, где имеется хоть отдаленное сходство с именем «русь», указание на русский народ славянского происхождения. Русскими оказываются и аорсы и роксоланы и другие античные народы. Историю имени «русь» он не отделяет от истории славян, часто пользуясь именем «славенороссияне». Славяне для него – родовое имя, а руссы одно из славянских племен²²⁴.

Вот как, например, доказывается то, что троянцы были руссами. «В троянских владениях, – писал Классен, – была река Рса или Раса. Везде, где сидели руссы, мы находим и реку этого имени», «следовательно, хотя часть троян была племени русского»²²⁵. Варяги же, по мнению Классена, отнюдь не составляли особого племени... соединение варягов в одну дружину составляло касту, в которой могли участвовать все народы»²²⁶.

Критикуя А.А. Куника свою концепцию происхождения руси пытается выстроить В.И. Ламанский. Он, рассмотрев только один элемент этимологии имени «русь» по Кунику (переход *Ruotsi* > *русь*) и заключив, что имя «русь» «могло финским и не быть» попытался предложить его альтернативную этимологию²²⁷. Ламанский обратил внимание на карпатских русинов, посчитав, что они должны были бы издревле проживать на этой

территории. От русинов он перешел к владениям венгров вообще, задавшись вопросом: не могли ли русь в Паннонии обитать до венгров? Обратив внимание на вставку в одном из западнорусских списков «Жития святого Кирилла» XVII в., где моравские князья IX в. названы русскими, а также на пассаж из сочинения Энея Сильвио Пикколомини (XV в.), утверждавшего, что этим же моравским князьям были подчинены русские Ламанский заключил, что племя русь в IX в. уже проживало в Моравии. К этому он прибавил некоторые источники XI–XIII вв. (Адам Бременский, Випон и другие), которые интерпретировал в том смысле, что под Русью они понимали Венгрию. Сочинение Ламанского отличается тем, что он широко привлекает сообщения арабо-персидских источников. Однако ал-Масуди Ламанский понял буквально, в том плане, что русь населяла берега Черного и Азовского морей. Указал Ламанский и на то, что Ибн Хордадбех считает руссов славянами. Другие поздние арабо-персидские источники упоминают русь в VI–VII вв. Основываясь на всех вышеперечисленных источниках Ламанский пришел к выводу, что русь – «название славянского народа, жившего в уграх и на Дону, около Азовского моря»²²⁸.

Как быть в таком случае с указанием летописи на русь среди скандинавских народов и на призвание ее из-за моря? Чтобы согласовать эти сведения летописца со славянским происхождением руси Ламанский предположил, что часть славянского племени русь обитала в Скандинавии. Ламанский спрашивает: «Отчего не могло быть поселения славянского в Скандинавии?» И пытается доказать эту возможность сообщением одной из немецких латиноязычных хроник X в., где упоминалось, что в Скандинавии проживали гунны. «Гуннами в Средние века немцы называли славян», считает Ламанский и заключает, что какая-то часть славян жила в Скандинавии в IX в. Следовательно, сообщение Бертинских анналов касалось именно этой руси, которая и была призвана в 862 г. От долгого проживания среди скандинавов у этой руси появились скандинавские имена²²⁹.

Таким образом, среди рассмотренных в данном параграфе концепций можно выделить концепцию С. Руссова, где неславянское по происхождению имя «русь» локализуется в нескольких регионах Европы. Следует объединить славянские концепции Морошкина, Максимовича, Венелина, Савельева-Ростиславича. Все они полагали, что имя «русь», принесенное к восточным славянам связано с островом Рюген. При этом большинство из них считало, что это же имя широко распространено в Европе, где отразилось в этнонимах и топонимах, и связано со славянами. Отдельно следует рассматривать концепцию Ламанского, которая примыкает к концепции черноморской Руси Эверса, с той только разницей, что под русью Ламанский подразумевает славян.

Проблема происхождения руси в 1860-е – 1890-е гг.

В 1860 г. Н.И. Костомаров выступил с литовской концепцией происхождения варяжской руси. Локализуя русь IX в. в Литве, Костомаров обращается к географическим картам XVI–XVIII вв., на которых правый рукав Немана называется Русь. «Встарину, - писал Костомаров, – сторона около правого рукава и в особенности на правом его берегу называлась Русью, а народ руссами или руссиенами». В подтверждение Костомаровым приводятся сообщения Петра Дусбургского (XIV в.), который действительно упоминал близ устьев Немана некую Ruschia, а также Адама Бременского и Титмара Мерзебургского. Следует отметить, что Костомаров использовал те свидетельства этих источников, которые не отличаются точностью в определении географических координат Руси. Вот как, например, он интерпретирует рассказ Титмара о гибели миссионера Бруно Кверфуртского (1008 г.), который пытался христианизировать Пруссию. «Титмар говорит, - писал Костомаров, – что Бруно пострадал в пределах Пруссии и Руссии. Но нам известно, что Пруссия тогда не соприкасалась с нашей Русью, следовательно, св. Бруно не мог положить головы за веру на границе этих стран. Нельзя притом предположить в Титмаре такую грубую географическую ошибку, когда он описывает современные ему происшествия, и притом относящиеся к судьбе человека, который был его другом и товарищем... То, что сказано у Титмара о Руси и Пруссии, в Кведлинбургских летописях отнесено к Руси и Литве... Здесь Rusciae, вероятно, описка вместо Prusciae, а то, что у Титмара названо Rusciae, здесь названо Lituae»²³⁰.

Дополнительные доказательства своей концепции Костомаров находит в именах первых князей, послов и русских названиях порогов у Константина Багрянородного, которые будто бы можно вывести из литовского языка. Впрочем, все его словопроизводства весьма натянуты (Игорь из литовского корня *ig* «далеко», глагол *gogoju* – «стремиться», *iggoras* – действительное причастие от глагола *iggoroju* – «стремящийся вдаль», Олег – одно имя с Ольгерд, Улеб – от *ulu* «кричу» или *ulboju* – то же значение и т.д.)²³¹.

Имя *варяги*, согласно Костомарову, произошло в русском языке из скандинавского *vaeringiar*, являвшегося калькой с греческого «союзники или, точнее по смыслу, присяжные воины». Появляется оно лишь в XI в., когда скандинавы поступают на службу к византийским императорам. На Руси «под варягами разумели не один какой-нибудь народ, а неопределенную массу народов, живших при море, которое у русских получило название Варяжского». По мнению Костомарова, «когда летописец, рассказывая о

событиях IX века упоминает о варягах, то значит, что он употребляет то название, какое существовало в то время, когда он жил сам». Таким образом, соединение варягов и руси произошло уже при осмыслении событий IX в. летописцем. Однако сам Костомаров находит возможным обозначать призванных как «варяги-русь»²³².

«Славяне, новгородцы, кривичи, чудь, мера и весь, – заключал Костомаров, – призвали к себе из жителей прибалтийского побережья (варягов) русь-литовскую (жмудь, жившую на берегах реки Руси)»²³³. Литовская концепция вызвала оживленную полемику с М.П. Погодиным, которая в конечном итоге увенчалась публичным диспутом, состоявшимся 19 марта 1860 г.

М.П. Погодин указывал на несколько ошибок Костомарова. Во-первых, нельзя опираться в поисках родины варяжской руси на созвучие, поскольку имен звучащих сходно с именем *русь* – множество, но «где свидетельство, что оттуда пришла наша русь? Его нет». Касаясь имен князей, Погодин указывал, что «на таких правилах словопроизводства», которыми оперировал Костомаров «почему же Игоря не производить от игры, игор или горя, горы, почему Олега не соединить с Олуем или, пожалуй, елеем, а Синеус без спора уже есть тогда синий ус!» Также Погодин указывал, что и названия порогов таким способом, как это делает Костомаров можно производить из различных языков. Например, «Болтин производит их из венгерского». Равно не служат к доказательству литовского происхождения варяжской руси и свидетельство Степенной книги, выводящей Рюрика из Пруссии, потому что «во многих списках летописей этого времени князя приводятся ясно из немцев». «Географических созвучий с Русью... по всей Европе множество. Чтоб доказать происхождение нашей Руси..., надо представить ее связь, связь историческую, по документам, с тем местом, где предполагается ее родина»²³⁴.

Однако, несмотря на некоторый успех во время дискуссии с М.П. Погодиным и поддержку публики Н.И. Костомаров так и остался в одиночестве со своей концепцией литовского происхождения руси. В целом среди антинорманистов его взгляды не так уж часто упоминались, вероятно, по той причине, что Костомаров мало внимания уделял критике концепции скандинавского происхождения варяжской руси. Гораздо популярнее были идеи С.А. Геденова, который сосредоточился именно на критике норманистов. Собственная концепция Геденова менее известна.

Геденов продолжил уже устоявшуюся в антинорманизме тенденцию разделять варягов и русь. Первых он считал славянским племенем с южных берегов Балтики, а вторых восточными славянами Среднего Поднепровья. Соединение варягов и руси в варяжскую русь, было по мнению Геденова, изобретено летописцем²³⁵.

Происхождение имени «русь» С.А. Геденов выводил из индоевропейского корня *рс* или *рьс*. В славянских языках с этими корнями образованы слова *рось* и *русь*, которыми обозначали водные объекты. Геденов полагал, что «от Волги-Рось до Немана-Рось и до Куришгафской Русны все пространство земли, занимаемое славено-русскими племенами, покрыто реками, носящими названия Рось, Русь, Роса, Руса»²³⁶. Слово *рось/русь* имело для языческих славян, согласно Геденову, сакральное значение, что связывалось им с зафиксированным в письменных памятниках поклонением славян источникам и рекам. В подтверждение Геденов приводит слова *русло* и *русалка*, указывая, что они происходят от «речного, священного *Русь*»²³⁷. «Сюда, быть может, – полагал Геденов, – принадлежит и народное выражение *святая Русь* как отголосок нашей языческой старины». Геденов также коснулся вопроса о двух формах *рось* и *русь*. «У славянских племен восточной отрасли», – писал он, господствовала форма *Рось*, а у западных племен *Русь*. «Это изменение гласных (ср. бог и *buh*, нож *nuz*) вообще одно из характеристических отличий обеих систем языков. Есть вероятность, что и народное имя Руси некогда подчинялось тем же законам произношения, а первобытное название Росопоклонников восточного шестиплеменного союза было *Рось*, а не *Русь*». Более ранней формой Геденов считает именно *рось*. «Окончательному преобладанию формы *Русь*, – утверждал Геденов, – способствовало, без сомнения, господство варягов»²³⁸.

«Скрытый намек на русское имя под формой *Рось*» Геденов видел в племенном имени антов, полагая, что оно произошло от «финно-уральского» нарицательного «река» - *Etel, Adal, Idel, Itil*. «Как нарицательному Рось (Волга) отвечает нарицательное восточное *Athel...*, так, вероятно, и народное Рось передавалось некогда на востоке... *Athel, Athaul*», именно последнее имя перешло к грекам в форме «анты». Атаулы – племя, упоминаемое Иорданом (VI в.), в числе покоренных Германарихом (ум. ок. 375 г.) народов. Таким образом, имя *рось/русь* в качестве этнонима уже употреблялось в IV в. В подтверждение своих предположений относительно древности имени Рось Геденов интерпретирует и сообщение Прокопия Кесарийского (VI в.), что склавин и антов «издревле звали спорами», потому, что они живут рассеяно. Этимологию «споры» от рассеяния Геденов увязал с такой же этимологией XVI в., зафиксированной в труде Герберштейна²³⁹. Следовательно, уже в VI в. славяне производили свое имя от «рассеяния», а, значит, в основе этой этимологии должен лежать этноним *Рось* уже тогда существовавший и являвшийся обозначением для всех вообще славян.

Как получилось, что со временем этот этноним утратил положение общеславянского? «В доисторическую эпоху, – писал Геденов, – все славянские племена были росопоклонниками или *рось*... впоследствии... по поводу религиозных несогласий

произошло деление восточных племен на росопоклонников (рос-антов) и словен, быть может, поклонников богини огня – Suaha»²⁴⁰.

Таким образом, русь/рось к середине IX в. назывались восточнославянские племена Среднего Поднепровья. Призванные в 862 г. варяги, согласно Гедеонову, становятся русью только, когда занимают Киев. В подтверждение этого приводится словоупотребление летописи, где в войске князей, выступающих из Киева всегда упоминается русь, а у новгородских только варяги, славянские и финские племена²⁴¹.

Помимо днепровской руси, Гедеонов также поддерживал версию о существовании черноморской руси. По его мнению, эта русь совершала походы против Сурожа и Амастриды в IX в. «При Олеге и Игоре, - писал Гедеонов, - она вероятно состояла к Киеву в данническом отношении», а окончательно была подчинена Святославом²⁴².

Влияние критики Гедеонова было значительным. Даже наиболее именитые сторонники скандинавской концепции происхождения варяжской руси, по сути, ее создатели, – А.А. Куник и М.П. Погодин подвергли пересмотру свои взгляды. А.А. Куник выдвинул новую концепцию готского происхождения руси.

Для Куника было особенно важно обратить внимание на образ жизни первоначальной руси, которая в основном занималась торговлей и организовывала военные экспедиции по водным путям. По его мнению, невозможно «было найти тогда другой мореходный народ», кроме норманнов, который мог бы сплотить финские и славянские племена²⁴³.

Наиболее существенным типом источников при определении происхождения руси Рюрика Куник считал лингвистические. «При рассмотрении международных отношений, существовавших между двумя соседними народами, чисто лингвистические свидетельства часто гораздо решительнее и убедительнее, чем показания письменных исторических источников»²⁴⁴. Поэтому значительную часть своей работы Куник посвятил лингвистическим изысканиям. Он полагал, что слово «варяг», происходило из др.-шв. **waring*, означавшее наемника, дававшего клятву верности. Несмотря на то, что такая форма шведскими источниками не зафиксирована (лексический фонд шведских текстов VIII – XII вв. вообще очень невелик), это гипотеза была выглядела вполне обоснованной с точки зрения сравнительной лингвистики (др.-шв. **waring* так относился в др.-русс. варяг, как *jatwing* к *ятвяг*, *skilling* к *шеляг* и т.д.)²⁴⁵.

На основании доступного материала письменных источников Куник вновь делает вывод, что «в дорюриковских источниках не говорится о руссах». Самое раннее достоверное сообщение датировано 839 г., «следовательно, в такое время, когда Рюрик уже родился»²⁴⁶.

Что касается лингвистической стороны происхождения имени «русь», то прежнюю схему, выводившую *русь* из др.-шв. *rodhsin* через посредство финского *ruotsi* Куник фактически аннулировал, предложив новую. Суть ее в том, что для шведского **ruds* или **ros*, и для финского **rotsi* и даже для он находит одну общую форму, готское *Hrods* (от *hroth* – «слава»), отразившееся в эпическом прозвище готов – *Hreidhgotar* – «славные готы». От этого же слова произошло и имя Рюрика. Финское *ruotsi* больше не было источником для др.-русск. *русь*, которое образовалось непосредственно из скандинавского **ros* (предположительно употреблявшееся в наречии Рюрикова рода), отсюда же происходит и греческое *Ρως*²⁴⁷. Первоначальные варяги-русь по-прежнему признавались А.А. Куником скандинавами.

Куник также обратился в работе 1875 г. к исследованию личных имен первых князей, послов и купцов, упомянутых в летописи.

Вместе с тем, Куник продолжил критику антинорманистских концепций происхождения руси. Куник отказал в достоверности сведениям поздних византийских источников о руси до IX в. (Константин Манасси (XII в.), Никифор Григора (XIV в.)). Наиболее подробно он остановился на сообщении «Хронографии» Феофана о *ρουσία χελάνδια* под 774 г., дав при этом обзор историографии вопроса²⁴⁸. По мнению Куника, хеландии – это большие корабли особого рода, использовавшиеся в Византии для перевозки конницы и больших масс пехоты, «ни суда славян, ни суда норманнских россос византийцами никогда не назывались хеландиями»²⁴⁹. Куник заключал, что речь идет об императорских хеландиях, поскольку «византийский император всегда ездил на красном корабле» (*ρουσία* – означает «красные»). Наличие особой красной императорской флотилии подтверждается и сведениями других византийских источников, например Константина Багрянородного²⁵⁰. Также отсутствуют, по мнению Куника, достоверные сведения о существовании руси до середины IX в. и в арабо-персидских источниках. Сообщение Мухаммада Бал'ами (писал около 863 г.) о руссах под 643 г.²⁵¹ Куник считал «подозрительным», поскольку, во-первых, оно оставлено гораздо позднее описываемых событий (даже первоисточник Балами – историческое сочинение ат-Табари относится к началу X в.), во-вторых, других достоверных данных о руси между 643 г. и 860-ми гг. в арабо-персидской историко-географической литературе нет, как нет и возможности объяснить это двухсотлетнее молчание, если предположить, что русь действительно уже действовала в VII в. против арабов²⁵². Не имели никакого значения, по мнению Куника, и другие источники, которые привлекли обычно норманисты для доказательства своих концепций существования руси до IX в. Куник полагал, что данные Равеннского анонима о роксоланах нельзя соотносить с русью, а сообщения Баварского географа, Житий св.

Георгия Амастридского и Стефания Сурожского Куник относил к более позднему времени (первые ко второй половине IX в., последнее «ко времени после Владимира» (после 1015 г. – С.С.)²⁵³.

Критикуя лингвистические построения своих противников, Куник относил большую часть их этимологий к «простонародным» и «диким», а также указывал, что «ученые забавы, как, например, отождествление руси с *rugī, rogī, ruthenī* и *roholani*, объясняются страстью средневековых писак употреблять такие формы имен, какие встречались у классических авторов или, по крайней мере, у писателей времен римских императоров»²⁵⁴. Кроме того, он требовал, чтобы критики скандинавского происхождения имен первых князей и их послов доказали «нам печатно, к какому языку первоначально относятся имена этих “русичей”», так как антинорманисты «искони старались обойти твердый оплот норманистов – скандинавские имена руриковой династии и первых ее дружинников»²⁵⁵.

Обыкновенно вместе с С.А. Гедеоным основным оппонентом сторонников скандинавской концепции происхождения варяжской руси называют Д.И. Иловайского. Однако собственная позиция Иловайского в некоторых важных аспектах отличалась от той, что отстаивал Гедеонов. Д.И. Иловайский также, как и историописатели XVI–XVII вв., рассматривал роксолан, которых считал славянами, в качестве предков русских, употребляя даже выражение «роксоланское или русское племя». Имя роксолан иногда появляется в источниках в форме россоланы и «означает алан, живших по реке Рокс (Аракс) или Рос»²⁵⁶. Но как быть с тем, что роксоланы, за исключением Равеннского анонима, не упоминаются в источниках позднее IV в. Иловайский считал, что «роксоланы в VI веке скрываются у византийских писателей... преимущественно под именем антов, не говоря об общих именах скифов и сарматов, которые долго еще не выходили из употребления». Вообще «народное имя *русь* или *рос*» упоминается по отношению к южной России Иорданом (форма *Rocas*, которая «есть ничто иное, как *Rox* или *Ross*»), Бертинскими анналами, Баварским географом, Ибн Хордадбеком²⁵⁷. «Договоры Олега и Игоря, - полагал Иловайский, – убеждают нас в том, что *русь* существовала на Днепре и на Черном море задолго до второй половины IX века», поскольку подобные торговые отношения, «притом сопровождаемые формальными договорами, не могли завязаться вдруг, без целого ряда обстоятельств»²⁵⁸.

По мнению Иловайского, древнейшей формой имени *русь* было *рас* или *рос*, что отразилось в греческом *Ρᾱς* и венгерском *oroш*. Изменение *рось* в *русь* Иловайский объяснял тем, что «живой народный говор не любит долго останавливаться на одной и той же форме своих собственных слов». «Народное имя *рось* или *русь*..., – заключал

Иловайский, - находится в непосредственной связи с названием рек. Восточная Европа изобилует реками, которые носят или когда-то носили именно это название». В других частях Европы Иловайский также отыскивал имя *русь* («Русция, Ругия, Пруссия (т.е. Порусье) и пр.»). Однако Иловайский подчеркивал автохтонный характер днепровской руси. «Скорее, наша Русь, – писал он, – могла послужить колыбелью для других европейских народов, носивших такое же имя, так как это имя всегда принадлежало ей по преимуществу, и на ней сосредоточилось окончательно»²⁵⁹.

В IX в., как считал Иловайский, русью называлось племя полян. Аргументом в пользу этого Иловайский считает тот факт, что среди данников руси у Константина Багрянородного не упомянуты поляне. Таким же образом трактуются и слова летописи о полянах «яже ныне завомая русь»²⁶⁰. Указания в летописи на количество воинов в войске Аскольда и Дира (10000), а также на множество воинов Олега и Игоря, по мнению, Иловайского, позволяет предполагать, что «русь, основавшая наше государство не была какой-нибудь отдельной дружиной или каким-то родом, который пришел со своими князьями... это был целый, сильный народ»²⁶¹.

Помимо днепровской руси также существовала независимая от нее азовская или таманская (азовско-черноморская) русь, с которой были связаны походы на Волгу и Каспий в начале X в. Об азовско-черноморской руси летопись знает очень мало ввиду того, что эта русь длительное время сохраняла независимость от днепровской. К этой руси следует относить также тиверцев. «Замечательно, – писал Иловайский, – что в нашем летописном своде название этого племени промелькнуло раза два или три и потом исчезло без следа. Между тем, у византийцев тиверцы не встречаются, но у них есть тавроскифы, и мы позволяем себе отождествить эти два названия»²⁶².

Д.И. Иловайский полагал, что варяги – это скандинавы. Однако появляется название варягов лишь с XI в. Иловайский считал важным, что «византийцы, близко, воочию видевшие перед собой в одно и то же время и варангов, и русь, нигде их не смешивают и нигде не говорят о их племенном родстве». Весь летописный сюжет о призвании варягов Иловайский называл «басней», полагая, таким образом, что использование термина варяги-русь неправомерно²⁶³. Сама же летопись «Черное море называет Русским, а Балтийское Варяжским; эти названия наглядно указывают на географическое положение варягов и руси, и нет никакого моря, которое бы называлось варяго-русским»²⁶⁴.

Интересной представляется критика концепции Д.И. Иловайского, данная В.О. Ключевским в «Набросках по варяжскому вопросу». Она хоть и не публиковалась при жизни автора, однако выгодно отличается тем, что Ключевский не критикует с ходу

отдельные положения Иловайского, чаще всего подпадавшие под критику (происхождение имени «Русь» и т.д.). Он условно принимает ее и затем ищет противоречия данным письменных источников. Во-первых, Ключевский ставит вопрос о том, почему новгородские книжники XII–XIII вв., по мнению Иловайского создававшие легенду «из современных явлений новгородской жизни», тем не менее, резко разошлись с последними. Ведь «князья призывались тогда с приднепровского юга», а не из варягов. Во-вторых, «имена первых князей остаются неславянскими и после объяснений г. Иловайского», довод же его о том, что славянские и германские языки не разошлись еще далеко и, следовательно, зафиксированные летописью имена могли употребляться славянами, наталкивается на отсутствие славянских имен у германцев, что можно было бы по аналогии предполагать. «Отсюда следует, – писал Ключевский, – конечно, что тогда немецкие слова и имена были понятны славянам, а не наоборот». В-третьих, утверждение Иловайского об объединительном движении из Киева в Новгород не подтверждается ни одним источником, в то время как поход Олега из Новгорода в Киев засвидетельствован летописями. Наконец, Ключевский как бы принимает гипотезу Иловайского о существовании Тмутараканского княжества уже при Олеге, купцы и воины которой должны были оказывать существенную помощь днепровским русским. Однако, находит противоречие в том, что ни в договоре Олега, ни в договоре Игоря с греками «о купцах из Корчева или Тмутаракани нет ни слова. Неужели русские купцы из Ростова ездили в Царьград, а русские купцы с берегов Боспора не ездили?»²⁶⁵.

С антинорманистской концепцией также выступил И.Е. Забелин. Согласно ему вопрос о происхождении варяжской руси очень важен, поскольку русь представляется первоначальным организатором нашей жизни... племенем господствующим, которое дало первое движение нашей истории, первое движение будущему государству и, словом сказать, вдохнуло в нас дух исторического развития»²⁶⁶. Абсолютизируя порядок, в котором располагаются народы в космографическом введении летописи, а также в статье 862 г. Забелин полагал, что русь помещена «на южный берег Варяжского моря, в самый его угол или в страну славянских вагров, оботритов, рюгенцов, велетов-лютичей»²⁶⁷.

Происхождения имени *русь* Забелин выводил от названия о. Рюген. Как и другие сторонники этой концепции до него, Забелин указывал, что жителей о. Рюген в средние века именовали по-разному, в частности руги, роги, руци, рутены, руссы. Древнейшим названием Рюгена было – рог (славянское слово), поскольку «Рюген выдается далеко в море и в топографическом очертании своего северного полуострова представляет весьма заметное сходство с рогом». Далее Забелин рассуждает в духе М.В. Ломоносова, что западные славяне заменяют *о* в *у*, именно так появляется *руг* вместо *рог*, откуда Ругия.

«Народ руги, – продолжает Забелин, – именовал себя также *рузи-рози* и уже от этого изменения произошло более умягченное руси, русси и русь²⁶⁸. Подтверждает это свое словопроизводство Забелин также географической номенклатурой южнобалтийского поморья, где сохранились названия Rossin, Rossow, Rostock и т.п. «Таким образом, – заключает он, – в отношении имени *рус* и *рос* мы находим, что оно господствует в Померанской стране и составляет ее родной земское имя. Встречается *руг* и *рог*, но несравненно реже»²⁶⁹.

Забелин полагал, что летописец, с одной стороны, именует варягами всех жителей Балтийского Поморья, а с другой, под варягами «в собственном смысле» подразумевает славян, обитателей «богатой торговой и воинственной приморской страны между Одрой и Эльбой». На мысль о существовании варягов как отдельного племени Забелина наводят указания летописи: Игорь посылает к варягам, Владимир бежит к варягам, новгородцы платят дань варягам и т.д. Везде варяги выступают без уточняющих указаний на их конкретную народность, следовательно, они и являются самостоятельным народом. Кроме того, Забелин, считал важным доказательством славянского происхождения варягов, что по летописям с XI в. (когда их сведения становятся полнее) «наши связи тянут больше всего не к Швеции, а на запад к немецким землям и к нашим соплеменникам, жившим подле немцев»²⁷⁰. Однако какое конкретно славянское племя были варяги не совсем ясно.

Происхождение варяжской руси с южного побережья Балтики, из земли балтийских славян было поддержано А.А. Котляревским, который писал: «нет ничего естественнее, как прийти к мысли, что Новгород, стоявший в постоянных торговых связях с поморскими славянами, родственный или, по крайней мере, близко знакомый с ними, всего скорее должен был обратиться к ним, а не чужезычным норманнам или пруссам»²⁷¹.

Ф.И. Свистун, как и другие противники скандинавской концепции, начал с очень характерного призыва к сличению «всех мест, находящихся в древних памятниках, извещающих о варягах и руссах»²⁷². Свистун привлекает все те источники, которые и ранее использовались для доказательства: а) славянского происхождения руси и б) ее глубокой древности. В поддержку славянского происхождения руси Свистун приводит сообщения восточных источников. Ибн Хордадбега о том, что руссы есть вид славян. Ибн Фадлана, описываемые которым «черты руссов... скорее свойственны западным, прибалтийским славянам»²⁷³. Анализируя данные Ибн Русте об острове руссов Свистун приходит к выводу, что описание это «отвечает больше острову Ругии (Рюген – С.С.)». В подтверждение приводятся данные Титмара о месте гибели Бруно Кверфуртского на границе Руси и Пруссии, а также несколько сообщений источников XI–XII вв., где жители острова Рюген именуются *rutheni*²⁷⁴. Также в пользу существования Руси на о.

Рюген трактует Свистун и сообщения арабо-персидских источников о трех группах русов. «Артания, – по мнению Свистуна, – то точно Русь ругианская. Название то может происходить от города Арконы или от Тацитова острова Нертус, положенного где-то на север от Германии»²⁷⁵.

Древность руси, по мнению Свистуна, вполне доказывается известиями восточных источников: ат-Табари писал «о руссах первой половины седьмого века, яко о могущественном народе», в то же время руссов упоминает Захир ад-дин ал-Мар'аши. Следовательно, русь в это время проникает в Восточную Европу²⁷⁶. К IX в. они распространились настолько, что «перед пришествием Рюрика существовала Русь киевская и прикавказская». Однако Рюрик прибыл из Руси Балтийской на о. Рюген²⁷⁷.

«Слово *варяг*, – согласно Свистуну, – есть чисто славянское. Оно происходит от «варяти» (старожити); у польских фликасов... «варуга» означает стражу на судне, «варунек» – гарнизон крепости. Варяги затем (поэтому – С.С.) означали то же, что и гвардейцы». Варяги стали появляться на Руси в правление князя Владимира, а в XI в. варягами стали звать и прибывающих на Русь скандинавов. Назвав русь IX в. варягами, «летописец перенес позднейшее историческое явление на прежние времена»²⁷⁸. Таким образом, варяжская русь, по мнению Свистуна, есть позднейшая конструкция летописца XI в.

Другой антинорманист, Д.А. Хвольсон, полагал, что имя «русь» не могло быстро распространиться от норманнов, которые появились на Руси лишь во второй половине IX в., в то время как арабо-персидские источники, уже в первой половине X в. называют «русским» Черное море. «Русь», – по мнению Хвольсона, – есть только общее обозначение народов, которые занимали Россию», русью называли также и финские племена и норманнов, приходивших в Россию. В этом утверждении Хвольсон полностью следует за Гедеоновым²⁷⁹. Приводил Хвольсон также свидетельство Ибн Хордадбега о том, что русы, прибывающие в Багдад – вид славян и переводчиками им служат славянские евнухи²⁸⁰. «Русские Ибн Хордадбега говорили по-славянски, следовательно, это было племя славянское», – заключал Хвольсон²⁸¹.

В конечно итоге, вследствие критики со стороны антинорманистов даже М.П. Погодин начал склоняться к мысли, что варяжская русь была призвана с южных берегов Балтики. Впрочем, основная идея их скандинавского происхождения у Погодина сохранялась. Он писал весьма осторожно, что «стоял за происхождение, а не за обиталище и оставлял этот вопрос открытым... вопрос остается таким и теперь, и я думаю только, что норманнскую варягов-русь вероятнее искать в устьях и низовьях Немана, чем в других местах Балтийского Поморья»²⁸².

Вместе с тем, некоторые отечественные исследователи продолжали искать новые решения в рамках скандинавской концепции. Так рассуждения Н.П. Ламбина касались в первую очередь семантики имени *русь*. Вопрос о происхождении варяжской руси он подробно не обсуждает, считая варягов скандинавами. По его мнению, очевидно, что «варягам... принадлежало первоначально... имя руси», поскольку они «составляют большинство членов... владетельной военно-торговой корпорации, которая под именем русь эксплуатирует славянскую землю» еще во времена Игоря. «Нестор, – по мнению Ламбина, – ошибся только в своем толковании значения этой заморской руси, сравнив ее со свеями и другими скандинавскими народами своего времени, и выдав, таким образом, скандинавскую морскую дружину за особый народ варяжского племени»²⁸³. Таким образом, Ламбин, считая русь дружиной, сближался с мнением, высказанным прежде С.М. Соловьевым. При этом Ламбин полагал, что летописец Нестор мог пользоваться письменными источниками, созданными в конце IX в. Существование столь древней письменной традиции Ламбин обосновывал исключительно своими соображениям: после упоминаемого Фотием крещения росов в 860-е гг. в Киеве «водворилась византийская православная миссия... люди грамотные..., которые могли и даже должны были писать о Руси». Кроме того, хронологические выкладки для IX в., по мнению Ламбина, не могли дойти до автора ПВЛ «в устной передаче», что подтверждало существование ранних записей²⁸⁴. В этих древних сообщениях имя *русь* употреблено в значении дружины, на что указывают слова «попаша по собе всю русь», поскольку нелегко, чтобы к славянам переселился целый народ «со старцами, с женами, с детьми». Кроме того, существенными доказательствами Ламбин указание летописи, что в войске Олега были «варязи и словене и прочи, прозвашася русью». Следовательно, вступавшие в дружину Олега, назывались русью²⁸⁵. Концепция Ламбина во многом сходна с современными представлениями о семантике имени «*русь*» у сторонников скандинавской концепции²⁸⁶.

Н.П. Ламбин, признав удовлетворительным возражение А.А. Куника против тождества вагров и варягов, обратил свою критику на концепцию происхождения имени *русь* С.А. Геденова. Возражения Ламбина в первую очередь касались обеспеченности письменными источниками утверждения Геденова о раннем возникновении имени *русь/рось* для обозначения славянских племен Среднего Поднепровья. «Приднепровские славяне, – указывал Ламбин, – до второй половины IX в. нигде и никогда не являлись под именем руси... главные из них – поляне, сами в своих легендах... называли себя и своих предков не русью, а полянами». Также имя *русь* не употребляется по отношению к восточным славянам и зарубежными источниками. Более того, Ламбин отмечал, что Константин Багрянородный называл славян «именно данниками руси»²⁸⁷.

В.Г. Васильевский смешивая вопросы о происхождении государства и варяжской руси полагал в 1875 г., что «скандинавская теория происхождения русского государства до сих пор остается непоколебленною, и что те, которые пытались поколебать ее, потерпели заведомую неудачу». Теория эта, как он считал, «покоится, главным образом, на двух столпах: на именах русских князей и названиях днепровских порогов, которые все-таки остаются не славянскими, не смотря на разные попытки ненаучной филологии объяснить их по-славянски»²⁸⁸.

Наибольший вклад в развитие скандинавской концепции происхождения руси внес датский лингвист В. Томсен. Он предложил новый вариант скандинавской этимологии имени *русь*, взяв за основу концепцию А.А. Куника 1844 г.

В. Томсен обращал внимание на время появления руси. «Греки в первый раз пришли в соприкосновение с русью в 838 или 839 г.», в летописи – это 862 г., «почти двадцать лет прошло с года основания русского государства, указанного Нестором, до той поры, когда народы Востока познакомились с русью... до этого времени русь не разу не упоминается у восточных писателей»²⁸⁹. Рассуждая о происхождении руси, Томсен обращает также внимание на то, что письменные источники прямо разделяют славян и русь. В подтверждение приводится летописный сюжет о славянских и русских парусах в войске Олега («исшийте парусы паволочиты руси, а словенам кропинныя»²⁹⁰) и данные Ибн Русте, о руссах, нападающих на славян²⁹¹. Рассмотрев летописные известия о восточнославянских племенах, Томсен подчеркивал, что «имя *русь* было еще совершенно неизвестно и не применялось... ни к одному из упоминаемых Нестором славянских племен»²⁹².

По мнению Томсена, восточные источники «проливают мало света на вопрос о национальности руси. Причиной тому стало..., что они очень скоро начали применять это имя не только к руси в тесном смысле слова, но и ко всем принадлежавшим к русскому княжению народам, будь то скандинавы, славяне или финны», «поэтому любая теория происхождения руси может находить себе кажущуюся опору в сочинениях восточных писателей»²⁹³. Впрочем, указания ал-Масуди и ал-Йкуби, отождествлявших норманнов, напавших на Севилью в 844 г. и русь, вне зависимости от того, называли или нет сами нападавшие себя русью, «ясно выражают, что, по впечатлению самих арабских писателей норманны, опустошавшие Западную Европу, были не кто иной, как знакомая им русь»²⁹⁴.

Так же и «византийская литература, взятая сама по себе, не дает нам ясного и определенного ответа» на вопрос «о национальности народа *рос*». «Иногда в качестве обозначения руси, – продолжал Томсен, – мы находим наименование *скифов*..., или тавроскифов...; но это имя не народное, а книжное, без всякого отношения к

действительной национальности». Некоторые византийские авторы, впрочем, «обозначают рос как народ *франкского*, т.е. германского племени»²⁹⁵. Однако «этот недостаток сведений восполняется... из произведений средневековых писателей Западной Европы». Рассмотрев данные Бертинских анналов, венецианских хроник, Лиутпранда, Томсен приходит к выводу, что «единогласное свидетельство этих памятников письменности таково, что греки называли русью тот самый народ, который так хорошо был известен в остальной Европе под именем *норманнов*»²⁹⁶. Помимо этих указаний письменных источников, Томсен как и другие сторонники скандинавской концепции указывал на то, что названия днепровских порогов у Константина Багрянородного «суть чисто скандинавского корня и не могут быть объяснены при помощи какого бы то ни было другого языка»²⁹⁷. Кроме того, личные имена, «которые мы встречаем на первых страницах русской летописи... дают нам весьма убедительное доказательство скандинавского происхождения руси»²⁹⁸. В приложении к своей работе Томсен представил обзор скандинавских этимологий этих имен²⁹⁹. Детальный анализ имен дает, по мнению Томсена, возможность уточнить регион Скандинавии, из которого происходили их носители. Часть этих имен является общескандинавскими, «рядом с этими именами стоят некоторые другие, принадлежащие, очевидно, исключительно одной Швеции (немногие также Дании) или, во всяком случае, особенно употребительные в Швеции». Наконец, небольшая часть имен «приводит нас в совершенно определенные части Швеции, именно в местности *Упланд... Зёдерманнланд... и Остергётланд*»³⁰⁰.

Как лингвист Томсен с особым вниманием относится к формам имени *русь* в различных группах письменных источников (греч. Ρως, арабск.)³⁰¹.

Пользовался Томсен и данными археологии. Так, опираясь на исследования О. Монтелиуса и Й. Ворсаэ, он утверждал, что «следы скандинавской культуры железного века находятся в особенности в области вокруг Финского залива и на значительном протяжении западного берега Финляндии». Это подтверждает и тот факт, что в течение первых веков н. э. «финские наречия... подверглись сильному влиянию германских языков, отчасти скандинавского». Томсен подчеркивал, что на основании данных монетных кладов можно заключить об активной торговле «между Скандинавией, странами Востока и Византийской империей». Разумеется, «эта торговля производилась через внутренние области России». Другие предметы, обнаруживаемые на территории России (мечи, фибулы) также указывают на интенсивные связи Руси и Скандинавии «между IX и XI столетиями». Томсен оговаривался, что археологические находки дают не прямые указания на скандинавское происхождение руси Рюрика, а показывают «лишь, что в те века Скандинавы поддерживали очень оживленные сношения с Россией»³⁰².

Кроме того, приводит Томсен в пользу скандинавского происхождения руси и сравнительно-исторические аргументы: именно в эпоху призвания князей на Русь скандинавские викинги в большом числе появляются в Западной Европе, то же движение «привело их также точно в страны к востоку от Балтийского моря и Финского залива», что подтверждается и сообщениями саг. Вместе с тем, в сагах основание русского государства скандинавами «прошло... сравнительно незамеченным», что Томсен объясняет удаленностью центром, где создавались саги «от самой сцены события». Подтверждают пребывание скандинавов на Руси и «рунические надписи на памятниках, воздвигнутых в Швеции в воспоминание о мужах, павших на востоке»³⁰³.

Томсен гораздо осторожнее прибегает к другим косвенным доказательствам. Так, он не пытается отыскать в русском праве заимствования из скандинавского и весьма осторожно указывает лишь на 17 слов, которые, по его мнению, заимствованы из скандинавского языка в русский (тиун, якорь, лавка, ящик, стяг, гридь, шнека и др.)³⁰⁴.

По мнению Томсена, в летописи «имя *варяг* употреблено в смысле общего обозначения обитателей Скандинавии», а *русь* «есть имя одного отдельного скандинавского племени, пришедшего под предводительством Рюрика и его братьев из-за моря»³⁰⁵. Однако затруднение состоит в том, что в Скандинавии не существовало племени, называвшегося «русь». Вместе с тем, согласно Томсену, нет оснований и предполагать, что «древние руссы действительно называли себя русью или как-нибудь в этом роде на своем родном языке», «русью они звались только на Востоке»³⁰⁶.

Выстраивая скандинавскую этимологию имени *русь*, В. Томсен, как и его предшественники в первую очередь обращается к финскому имени Швеции – *Ruotsi*. Оригинальным в схеме Томсена является производство финского *Ruotsi* от скандинавского *roþs-menn*. «Весьма вероятным, – писал Томсен, – является предположение, что шведы, жившие на морском берегу и ездившие на противоположный его берег, очень рано могли назвать себя – не в смысле определения народности, а по своим занятиям и образу жизни – *roþs-menn*, или *roþs-karlar*, или как-нибудь в этом роде, т.е. гребцами, мореплавателями... финны приняли это имя за название народа и переняли его в свой язык с таким значением, удержавши при этом лишь первую половину сложного существительного» (чему есть примеры из практики заимствования шведских слов в финском)³⁰⁷.

Некоторое внимание Томсен уделяет и критике антинорманистских концепций происхождения руси. Так он указывает, что сообщение «Хронографии» Феофана под 773 г. о «*ροῦσῖα χεῖλάνδια*», не имеет отношение к руси, поскольку форма *ροῦσῖα* «в значении “русский” встречается... не раньше середины X столетия», повторяя вслед за Куником, что

«у руси не было хеландий (особый вид кораблей, очень больших)», а «выражение «τά ρούσια χελάνδια»... означает лишь «красные» (т.е. императорские) галеры»³⁰⁸.

В 1890-е гг. острота дискуссии по варяго-русскому вопросу в значительной мере спала. Наиболее заметным событием стало выступление А.С. Будиловича и возражения ему со стороны Ф.А. Брауна. А.С. Будилович вслед за А.А. Куником попытался лингвистически обосновать готскую теорию происхождения имени «русь». В отличие от Куника Будилович устраняет возможное скандинавское посредство. Он принципиально разделяет варягов и русь. Варяги – это шведские «дружинники и купцы», «время скитаний» которых по Руси относится к X в. Имя же «русь» «распространялось... с юга на север». Множество загадочных слов, которые можно объяснить из германских корней, встречающихся, по мнению Будиловича в договорах с греками, наводят на мысль, что о языковых контактах с германцами, но более древних, «чем варяжская эпоха»³⁰⁹.

Единственным германским народом, который мог оказать влияние на восточных славян Среднего Поднепровья, были готы. Будилович указал некоторые готские заимствования в древнерусском языке (князь, витязь, мзда, щлем и т.д.) и сделал вывод, что готское влияние «должно было сохраниться и в названиях географических и этнографических»³¹⁰. Слово *русь* соответствует, по мнению Будиловича «готскому *Hrothis, hros*», что означает «победоносный, славный». У готов существовало племенное название в форме *hrodh, hroedh, hreidh, hraidh*, которое засвидетельствовано в англо-саксонских источниках VIII–IX вв., а также в исландских сагах XII – XIII вв., как правило в форме *hrodh-gotaland*, «обозначая собой готскую область, лежавшую к востоку за Польшей, между Карпатами и Днепром». «Таким образом, - заключал Будилович, - оказывается, что в древней Руси была готская область, называемая Росс-Готаландией, которая приблизительно совпадала с землей полян»³¹¹.

Противником А.С. Будиловича выступил Ф.А. Браун. Он доказывал, что от композита, предлагавшегося Будиловичем не могло произойти имя *русь*. «Начальное *h* перед *r* и *l*... во всех словах заимствованных славянами именно из готского языка... сохранилось в виде *x*; ср. хлѣб из готского *hlaifs*... хлѣв из готского *hlaiw*... хоругвь из готского *hrugga*»³¹². «Также невероятен, – продолжал Браун, – и переход готского \square в славянское *s*», поскольку не существует «ни одного славянского слова, заимствованного из готского, на котором мы могли бы проверить это». «Догадка г. Будиловича, – по мнению Брауна, – может... сохранить свое значение», если предположить, что славянская форма *русь* получилась не прямым заимствованием из готского языка, а при посредстве финнов, через финское *Ruotsi, Rots, Rotsi, Ruossi, Ruohiti* поскольку оно «действительно могло произойти из **hro□-*». *Ruotsi* «могло быть первоначально названием материковых готов и

перенесено финнами сперва на готов острова Готландии, а затем на гаутов южной Швеции». Затем финны начинают называть так уже всех жителей Швеции. «Дальнейшая возможная судьба этого слова... принадлежит уже к области норманнской школы»³¹³.

Была предложена также концепция, в которой развивалась идея происхождения имени «русь» из финского языка. К. Якубов в своем докладе на X археологическом съезде указывая, что вопрос о происхождении имени «Русь» «занимает... довольно видное место» отметил, что он «решался разными учеными различным образом», в тесной связи с решением «самого главного вопроса» о происхождении Русского государства³¹⁴.

Якубов полагал, что «за последнее время... утвердилось мнение», согласно которому имя «русь» происходит от финского Ruotsi, происходящего в свою очередь «от общины гребцов gods-man, rods-karlar». «Первая половина этого мнения..., – считал Якубов, – едва ли может возбуждать сомнения, если только вообще признавать достоверность известия о пришлом заморском племени русь». «Но что касается второй половины вышеприведенного мнения, – продолжал Якубов, – по вопросу о происхождении финского слова Ruotsi, то трудно удовлетвориться тем решением, которое предлагает Томсен». Здесь Якубов вслед за К.Н. Бестужевым-Рюминым указывал, что едва ли «название народа могло происходить от общины гребцов»³¹⁵.

Затем Якубов обращается к гипотезе профессора Хельсинского университета Юлиуса Крона, сделанной в 1871 г. на страницах журнала «Kirjallinen Kuukauslehti». По мнению Якубова, «Ю. Крон... весьма убедительно... пытается доказать именно чисто-финское происхождение этого слова». Далее Якубов приводит заметку Крона целиком в переводе с финского³¹⁶.

По мнению Крона название Ruotsi происходит от обозначения северного сияния в финских языках (эст. – Rootsi veri) ил от названия Малой Медведицы Rootsi hobu. Норвегию эстноцы, якобы, называют vana Rootsi (старая Rootsi). Северная часть Норвегии по фински носит название Ruija, следовательно Ruotsi и Ruija – «одно и то же». Этого же, по мнению Крона требуют и «законы фонетики». «В Финляндии, например, слово tuija (женщина, жена), которое в Русской Карелии и Эстонии имеет первоначальную форму mutso, показывает, что ts смягчается в ij. Приводит он и некоторые другие примеры того же рода. Кроме того, в эстонском есть слово roots, означающее похудевшее животное. Оно «представляет древнейшую форму... слова ruijo (то же значение)»³¹⁷.

«Таким образом, – заключает Крон, – Ruotsi есть по-видимому финское название Скандинавии и означает, очевидно, если мы обратим внимание на то, что это слово употребляется о созвездии Северной Медведицы, – северную страну»³¹⁸. По мнению Якубова, «сущность мнения Ю. Крона сводится к тому, что имя «русь» есть просто

финский перевод имени «норманн». Нельзя не признать, что такое объяснение, если только верна его филологическая основа, всего проще и яснее разрешает загадочный и запутанный вопрос. Остается только невыясненным откуда собственно прибыла, призванная северными славянами и фаннами русь; на зато, при допущении гипотезы Ю. Крона, летописное известие о призвании из-за моря варягов-руси-норманнов легче согласовать и с тем мнением, по которому в состав призванной дружины могли входить не одни только шведы, но и жители прочих прибалтийских стран, а в том числе славяне». Кроме того, Якубов указывал, что слово *Rutja* встречается в «Калевале», где употребляется в выражении *Rutjan koski* («водопад Рутья»). Слово *Rutja* по значению соответствует форме *Ruija*», то есть также обозначает северную Норвегию «и составляет... переходную форму между указываемыми Ю. Кроном видоизменениями одного и того же корня *Ruotsi* и *Ruija*»³¹⁹.

М.М. Тебеньков полагал, что «главным вопросом, лежащим в основании нашей отечественной истории является... вопрос о происхождении *руси* в обширном значении этого слова, как названия страны, народа и государства»³²⁰. Дальнейшие его рассуждения вполне соответствуют антинорманистским схемам. Во-первых, из сообщений неаутентичных источников делается попытка доказать древнее существование «имени руссов на том же месте, где оно распространено и теперь». Приводятся сведения, уже привлеченные в свое время С.А. Гедеоным: Никифор Григора, поэты Манассес и Низами, Захир-ад-дин ал-Мар'аши, ат-Табари (в обработке ас-Са'алиби) и другие³²¹.

Тебеньков соглашается с Д.И. Иловайским и С.А. Гедеоным, что «*русь* было племя туземное и притом славянское»³²². Выясняя происхождение имени «*русь*» Тебеньков придает преувеличенно большое значение пропуску в космографическом введении летописи при перечислении восточнославянских племен, живущих на Руси, кривичей, вятичей и радимичей. Названия этих племен, по мнению Тебенькова, основаны «на характерных признаках их древнего языческого культа». «Это обстоятельство, – писал Тебеньков, – дает нам право предположить, что и древнейшей причиной неединения их с русью была рознь языческих верований..., а отсюда является вероятность, что и самое название *русь* заключало в себе какой-нибудь смысл языческо-религиозный»³²³. Тебеньков связывал появление имени *русь* с древним языческим обрядом *русалиями*, которые, по его мнению, заключались в поклонении росе³²⁴.

Следует упомянуть также несколько концепций, которые не получило пространного обоснования. В первую очередь, это финская концепция происхождения руси Д. Щеглова. Он, основываясь исключительно на данных арабо-персидских источников, полагал, что русь, являвшаяся финским народом, прибыла с Верхней Волги³²⁵. Г.А. Немиров также

обратился в поисках происхождения имени «русь» к финнам. По его мнению, финское и эстонское слово *rahwas* – «народ» было весьма продуктивным при образовании этнонимов. Финны, по мнению Немирова, «были широко распространены» и «весьма естественно, что из их языка, или через их язык слово «народ» (рагвас или равас) должно было проникнуть в состав многих имен этнографических». И действительно, Немиров отыскивает «аффикс рус» в названиях многих племен (в том числе и Северной Америки). Варяго-русь, по его мнению это типичное сочетание «аффикса рус» (означавшего «народ») и собственного племенного имени. Варяго-русь – это остяки³²⁶. Завитневич полагал, что никакой варяжской руси не существовало. Греки обозначали приходивших к ним норманнов *ροβιοις*, то есть «красные», «рыжие». Отсюда происходит и название *Ρωξ*. Впоследствии название это распространилось и среди самих норманнов³²⁷.

Критика скандинавской концепции происхождения варяжской руси

Исследования проблемы происхождения варяжской руси шли в XIX в. в условиях жесткого противостояния между норманистами и антинорманистами, часто выходившего за рамки сугубо научного спора. Антинорманисты в отношении происхождения варяжской руси в первую очередь искали слабые места в скандинавской концепции, значительное внимание уделяя именно опровержению ее, а не доказательству собственной положительной концепции. Антинорманист Д.А. Хвольсон даже специально подчеркивал, что он «не намерен и не в состоянии объяснить происхождения имени «Русь», но, тем не менее, постарается доказать, «что имя это не заимствовано от норманнов».³²⁸ Норманисты, напротив, больше внимания уделяли обоснованию собственной концепции или защите ее от критики со стороны антинорманистов. Поэтому имеет смысл отдельно рассмотреть такой важный элемент историографии варяго-русского вопроса как критика скандинавского происхождения варяжской руси со стороны антинорманистов.

В соответствии с выделенными основными источниками скандинавской концепции и сделанными на их основе утверждениями можно представить и аргументы ее противников. Таким образом, предлагается следующая схема разбора критики: 1) Критика интерпретаций письменных источников (летописи, Бертинские анналы, Лиутпранд, саги). 2) Критика скандинавской этимологии имени «русь». 3) Критика скандинавских этимологий личных имен князей послов, названий порогов у Константина Багрянородного. 4) Критика косвенных доказательств (законы, скандинавские слова в русском языке и т.д.).

Следует отметить, что помимо собственно аргументированной критики с приведением данных источников, некоторые антинорманисты подробно останавливались на вопросе о причинах, породивших норманизм. Утверждая, что выступление немецких ученых Байера, Миллера, Тунманна, Шлецера и их последователей было продиктовано некими вненаучными соображениями, антинорманисты тем самым старались подорвать доверие и к их научным доказательствам.

Авторы славянофильского направления, расцветшего в 1830 – 1840-е гг. особенно увлекались обличением «немецкого патриотизма» сторонников скандинавской концепции. Много об этом писал Н.В. Савельев-Ростиславич. По его мнению, «проникнутый немецким патриотизмом Байер истощил все силы для того, чтобы онемечить древнюю русь». «Немецкое направление Байеро-Шлецеровской школы повредило нашей истории и остановило ее успехи: педантично толкуя Нестора, защищая его явные ошибки, отвергая свидетельства греков и римлян, наконец, отвлекая русских ученых от изучения единоплеменных с нами славянских народов». Русские по национальности ученые, по мнению Савельева-Ростиславича, могли поддерживать скандинавскую концепцию, главным образом, «из-за подражания моде, иностранному покрою платья». Или, как, например, Н.М. Карамзин, который, якобы, «обязан был посылать... рукопись своей «Истории» на просмотр Шлецеру», а потому «не мог явно отвергнуть его мнения». Школа Шлецера, писал Савельев-Ростиславич, «“извела” здравый смысл русских ученых». Он же грозил, что «история литературы... запишет на своих скрижалях и передаст отдаленнейшему потомству имена тех, кто добровольно закрывает глаза перед истиною из рабского поклонения вашему кумиру Байеру, не знавшему по-русски и объяснявшему русские летописи».³²⁹ Савельеву-Ростиславичу вторил Е. Классен, писавший о некоторых ученых, придерживавшихся скандинавской концепции, что они «ставили себе в обязанность унижать все то, что относится до славян, в особенности же до русских... покушались отнять... даже и племенное имя их».³³⁰

Ю.И. Венелин также объяснял появление норманистских работ не чисто ученым интересом, а вненаучными причинами. Ф.Г. Штрубе де Пирмонт, согласно Венелину, издал свою диссертацию, так как народ больше читал Ломоносова и Тредиаковского, а не Байера и потому «скандинавомания находилась в опасности».³³¹ Вообще же «развитие славян, - писал Венелин, - есть древнейшее из всех прочих развитий народов европейского слова».³³²

В оценках причин, побудивших немецких авторов отстаивать неславянское происхождение варягов и руси антинорманисты 1830 – 1840-х гг. сближались даже не с Ломоносовым, который больше внимания обращал не на мотивы своих противников, а на

то, что они впали «в превеликие и смешные погрешности»,³³³ чем нанесли ущерб престижу российского государства, а с Тредиаковским. Именно он был первым из тех, кто начал обвинять немецких ученых в злонамеренном искажении истины, утверждая, что «инославные писатели изобрели за должное по единому самолюбию только... будто сии варяги нам чужеродные».³³⁴

Разумеется, никто из антинорманистов не утверждал, что речь идет только об идеологическом противостоянии противникам, но, наоборот, всячески подчеркивался мотив борьбы за научную истину.

Критика интерпретаций данных письменных источников со стороны оппонентов скандинавской версии зачастую состояла не только в указаниях на логические или фактические ошибки, но и в выдвижении контринтерпретаций. Здесь следует отметить, что по весомости два этих действия различаются: указание на ошибку (если оно значимо) может служить к опровержению взглядов оппонента и без контринтерпретации, выдвижение лишь альтернативной интерпретации не является опровержением.

Как было показано, круг источников, лежавших в основании скандинавской концепции происхождения варяжской руси со второй четверти XIX в. практически не пополнялся, сводясь к нескольким основополагающим текстам, сближающим «русь» и скандинавов (ПВЛ, Бертинские анналы, Лиутпранд и некоторые другие). Каждый из этих вышеуказанных источников отличался значительной достоверностью, большинство из них были аутентичными. Поэтому критика в основном сводилась к перетолкованию их сведений путем построения логических конструкций, без привлечения новых фактов, что в значительной мере затрудняет полноценное и вместе с тем краткое отражение критических аргументов. Поскольку набор этих письменных источников одинаков для большинства трудов сторонников скандинавской концепции, в данном случае можно рассмотреть критические аргументы, касающиеся их интерпретации совокупно, не придавая большого значения тому против какой именно вариации скандинавской концепции направлена критика.

Под сообщениями ПВЛ, на которые опиралась скандинавская концепция, главным образом, имеются ввиду статьи 852, 862 гг., фрагмент космографического введения («Афетово бо и то колено: варязи: свеи, урмане, готе, русь»), и некоторые другие места, из которых сторонники скандинавской концепции выводили, что древнерусские источники разделяют русь и славян, указывают на то, что русь относится к скандинавским народам. Эти сообщения летописей действительно были важнейшими для решения вопроса о происхождении руси. Однако некоторые историки, чрезмерно абсолютизируя важность, вообще объявляли их единственными заслуживающими доверия сведениями. Так,

например, Ю.И. Венелин проводил мысль, что отвечать на вопрос «кто были варяги?» нужно только на основании свидетельств русских летописей, таким образом, отбрасывался зарубежный источниковый материал. «Определительное указание» космографического введения летописи о месторасположении варягов, якобы, «так ясно, что даже и смешно и совестно пояснять его».³³⁵ По мысли М.А. Максимовича, космографическое введение к летописи составлялось уже в XI в. и отражало реалии своего времени. Именно летописец причислил русь к варяжским (норманнским) народам, потому что еще существовавшая в его время Поморская Русь (жители Рюгена) походила на норманнские народы по образу жизни, обычаями и верованиями, находилась в союзе с норманнами и проживала поблизости от них.³³⁶ По мнению, С.В. Руссова летописи утверждают, что вообще варяги обитали не на скандинавском только берегу Балтийского моря, но и на противоположном, простираясь на восток до колена Симова (до Азии).³³⁷

Здесь следует отметить, что космографическое введение к летописи всегда было довольно трудным местом для интерпретации, поскольку не вполне понятно на какой момент описывает летописец этническую карту Европы, как можно локализовать и с чем соотнести некоторые элементы его этногеографической номенклатуры.³³⁸ Вместе с тем, место поселения варягов и руси достаточно прозрачно указывает на Скандинавию.

Основным доказательством происхождения руси из Скандинавии во всех случаях являлась статья 862 г., где этническая принадлежность руси определялась через ряд скандинавских и германских этнонимов: «сице бо ся зваху тьи варязи русь яко се друзии зъвуться свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си».³³⁹ Оппоненты скандинавской концепции, выдвинули два основных аргумента. Во-первых, были предприняты попытки дать иное толкование этому месту. Так М.А. Максимович утверждал, что «из этих слов Нестора следует только то, что он руссов относил к варягам, также как и шведов, готов, англян; однако совсем еще не следует, чтобы руссы были и племени скандинавского».³⁴⁰ В том же направлении развивал свои мысли Н.И. Костомаров, полагая, что раз летописец употребил слово «друзии», следовательно, призванный варяги как раз в этническом плане отличались от скандинавов.³⁴¹ По мнению И.Е. Забелина, летописец «отделяет русь от прочих варягов как особое самостоятельное племя», то есть не смешивает их со скандинавами.³⁴²

Во-вторых, начинает оспариваться значение этого пояснения летописца для реконструкции событий IX в. Такова одна из главных мыслей того же Максимовича. «Нестор, - писал Максимович, - уже входил в соображения... летопись... не простое сказание о событиях, но мнения исторические». Максимович задается вопросом: откуда летописец мог взять датировку начала Русской земли правлением Михаила и приходит к

выводу, что даты могли появиться только на основании греческих источников, рассказывавших о походе руси на Константинополь. Следовательно, летописный рассказ лишь продукт толкования летописцем, причем превратного малоизвестных ему событий IX в.³⁴³ Более определенно выступали представители скептического направления 1830-х гг., которые вообще отрицали достоверность летописных известий до XIII в.³⁴⁴

Развивал идеи М.А. Максимовича С.А. Гедеонов. Он пытался доказать, что представление о руси как виде варягов в ПВЛ есть продукт творчества летописца. Это видно из двух обстоятельств: «1) При самом вступлении в историю руси Нестор чистосердечно объявляет о системе ее происхождения, основанной не на фактах, а на предположении; 2) Предположение Нестора о начале русского имени в девятом столетии основано, по собственному его сознанию, на первом помине о Руси у византийского летописателя, не знавшего и не говорящего ни слова о ее происхождении». Таким образом, летописец соединяет призвание варягов и возникновение имени русь, образуя в подкрепление своей системы некий народ – варяги-русь, которого никогда не существовало. В действительности, как считал Гедеонов, «мнение о происхождении руси от варягов было противно народному чувству».³⁴⁵

Однако историческая правда, как она видится Гедеонову, все же иногда проникает на страницы летописи. Гедеонов ловит автора ПВЛ на следующих противоречиях: «он знает варяжскую русь за морем, только в той мере, которая ему необходима для поддержания системы о происхождении русского имени от варягов, но не жертвует этой системе ни исторической истиной, ни существовавшей на руси этнической терминологией; он не выводит ни разу руси из Новгорода, чем и опровергает прежде сказанное о варяго-русском населении северных городов... от Киева приносит он имя Руси на Олега и его варягов, а не наоборот... этими противоречиями мы обязаны не его честности..., а свойственным всем первоначальным историкам забывчивости и неумению согласовать свои положения с известными фактами».³⁴⁶

В связи с этими рассуждениями возникает вопрос: зачем летописцу нужно было изобретать схему происхождения руси? Гедеонов полагал, что поскольку имя «Русь» произошло от языческих преданий о реке Рось «как прародительнице народа, уцелевшего еще в XVI веке... благочестивый монах не мог терпеть для имени своего народа производства пригвождавшего его на веки к языческому идолу, он искал ему объяснения на пути исторических соображений». С другой стороны, «не естественно ли в летописи XI столетия побуждения отнести честь прозвания Руси к первому князю владеющего рода?»³⁴⁷ Мнение Гедеонова поддержали Д. Щеглов и М.М. Тебеньков.³⁴⁸

Также и И.Е. Забелин полагал, что летописец выстроил свою систему происхождения руси, отталкиваясь от свидетельств византийских источников и устных преданий о призвании варягов. Летописцу «оставалось только слить в одно эти два свидетельства и он, быть может, хорошо понимая в чем дело, сообразил, что это будут варяги-русь. Вот начальный источник настойчивых уверений Нестора, что от варягов прозвались мы русью, а прежде были славяне».³⁴⁹

С.В. Руссов также полагал, что в летописях нет утверждения о скандинавском происхождении варягов. «Русские летописи не только нигде не предоставляют положительного известия о Скандинавском происхождении Рурика, - писал он, - но явно тому противоречат, поскольку утверждают именно, что варяги русь не шведы. Слова же: *за море, в заморье, из-за моря* совершенно ничего не доказывают, потому что есть дорога через море и к берегам, прусскими владениями ныне окружаемыми».³⁵⁰ Подобные же мысли высказывались и другими авторами. Например, В.И. Ламанский также как и Руссов настаивал на том, что летописец «отделяет русь от свеев (шведов – С.С.)».³⁵¹

Основанное на прямом указании летописи утверждение сторонников скандинавской концепции, что имя «русь» распространилось на восточных славян только после призвания варягов (852 г. - «наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля», 862 г. - «от тѣх варягъ прозвася Руская земля»³⁵²) также оспаривалось. Розенкампф считал, что «слова эти заимствованы из греческого или болгарского подлинника», следовательно, означают они только то, что «в царствование Михаила земля Русская и народ русский начали быть известны грекам, а Новгород варягам». Термин же «русь» у восточных славян появился гораздо раньше.³⁵³

Наиболее радикально (после скептиков) выступил Д.И. Иловайский, который полагал вообще весь сюжет о призвании выдумкой летописца. Основания Иловайский находил в рассуждениях о неправдоподобности ситуации, когда несколько народов «призвали для господства над собой целый народ, то есть добровольно наложили... на себя чужое иго». Кроме того, число призванных князей – три – «служит любимым сказочным мотивом».³⁵⁴ Происхождение народа из Скандинавии он считал распространенным средневековым сюжетом (ср. о происхождении готов), который «по всей вероятности отразился и в нашем летописном предании о выходе оттуда варяжской руси». Еще одним доказательством в пользу книжного характера варяжской легенды, служило, по мнению Иловайского, отсутствие «намёка на призвание варяжских князей» во всех уцелевших памятниках «русской словесности дотатарского периода».³⁵⁵

Ключевым источником в системе доказательств скандинавского происхождения варяжской руси (и даже вообще в целом в аргументах норманистов со времен Г.З. Байера)

являлось сообщение Бертинских анналов под 839 г., где говорится, что послы кагана росов (*Rhos*), прибывшие ко двору Людовика Благочестивого, оказались этнически шведами (*Sueones*).³⁵⁶ Следует подчеркнуть, что в анналах сами шведы называют себя *Rhos*. Это представляло значительные сложности для той системы скандинавского происхождения имени «русь», где утверждалось, что шведы никогда не называли себя русью. На это противоречие указывал еще Г. Эверс.³⁵⁷

Интерпретации оппонентами скандинавской концепции сообщения анналов можно разделить на несколько групп. Во-первых, были предприняты попытки доказать, что носители имени *Rhos* в сообщении Бертинских анналов, это не та «русь», которая была призвана в Новгород. В период популярности концепции Г. Эверса о черноморской руси существовало мнение, высказанное Голлманом, что в тексте анналов «говорится о... кочевом народе росс... скитавшемся по берегам Черного моря».³⁵⁸ Справедливое недоумение, возникавшее в таком случае по поводу обоснования причин появления руси при дворе Людовика Благочестивого (в анналах указывалось, что путь, по которому росы пришли в Константинополь, перехвачен «племенами дикими и жестокими» потому они и возвращались через державу франков) Голлман пытался прояснить, утверждая, что из Ингельгейма черноморские русы могли направиться домой через земли народов, кои или подчинены были владычеству франков или, по крайней мере, уважали его и боялись».³⁵⁹ Это вызывает еще больше вопросов, так как владения франков и их вассалов никогда не простирались до Черного моря. Также и С.В. Руссов утверждал, что сообщение Бертинских анналов ничего не доказывает, «потому что рос и русь могли быть два народа совсем разные».³⁶⁰

Другие историки пытались доказать, что на самом деле шведы Бертинских анналов не носили имени «русь» (*Rhos*), а лживо присвоили его себе, чтобы в каких-то своих интересах обмануть контрагентов. На самом же деле имя «русь» принадлежало совсем другому народу. Этот аргумент имел некоторую кажущуюся опору в самом тексте анналов, где, во-первых, говорилось, что источником информации о названии росов были они сами, а, во-вторых, сообщалось, что эти люди могут быть разведчиками, то есть у них был мотив выдать себя за представителей другого народа.³⁶¹ Одним из первых в XIX в. Эверс утверждал, что шведов Бертинских анналов «должно считать... обманщиками, которые приняли ложное имя для разведывания или для избежания наказания за преступления своих единоплеменников; для сего избрали они благоразумно имя народа, коего отдаленные жилища были никому не известны в Ингельгейме».³⁶²

Кроме того, перспективным представлялось также, попытаться обосновать, что *Sueones* анналов, это не шведы. Так, например, Голлман утверждал, что свеоны – это некое

нарицательное имя для «всех народов, ведущих кочевую жизнь». Однако это свое мнение он не подкрепил совершенно никакими источниками.³⁶³ Напротив, в тексте *Annales regni francorum* под 813 г. *sueones* упоминаются в значении «шведы».³⁶⁴ С.В. Руссов полагал, что вместо *Sueonum* в подлиннике может стоять *Sueuorum*, «тогда жилища или кочевья сих Руссов найдутся на берегу Балтийского моря, противолежащему Скандинавии».³⁶⁵ Д.И. Иловайский полагал, что *Sueonum*, может быть ошибкой автора или переписчика, «вместо *Sueonum* не читать ли *Slavorum* или *Sclavorum* (славяне – С.С.)».³⁶⁶

Еще одним направлением критики сообщения анналов, были указания на несовместимость титула «каган» со Скандинавией. Шлецер, объясняя отсутствие титула «каган» в Скандинавии, полагал, что под *chacanus* источника следует понимать скандинавское имя Гакон.³⁶⁷ Еще Г. Эверс сомневался, что *chacanus* в анналах личное имя, а не титул.³⁶⁸ Однозначно отверг понимание *chacanus* как личного имени Голлман, который критикуя Шлецера, полагал, что титул «хакан» употребляется у «татарских народов», а из латинского текста следует, что «хакан» именно титул, а не имя.³⁶⁹ Следует отметить, что введение в оборот арабо-персидских источников о руссах с каганом во главе, которое случилось уже после публикации сочинения Голлмана, подтвердило его вывод в отношении значения *chacanus* анналов. Здесь действительно имелся ввиду титул, а не личное имя.

Наконец, относительно сообщения Бертинских анналов, выдвигались общие соображения, касающиеся возможности/невозможности для скандинавов в то время сноситься с Византийской империей. Г. Эверс сомневался, что какой-либо из мелких шведских правителей «искал дружбы греческого императора».³⁷⁰ Вторивший ему Голлман полагал, что Шлецер писал: «шведский областной король для защищения себя от других королей своей нации... отправил посольство в Константинополь». По его мнению, такая цель посольства фантастична.³⁷¹ Действительно, не вполне ясно какую помощь могла оказать Византия одному из шведских правителей в разрешении его скандинавских проблем; впрочем, в защиту Шлецера следует сказать, что он не обозначил, были ли цели посольства конкретными (союз, помощь) или это был своеобразный «визит престижа».³⁷²

Были и такие, кто сведения Бертинских анналов отвергал вообще без всяких оснований. Так, например, Г.А. Розенкампф писал, что их сообщение «никак не представляет полного исторического доказательства о происхождении руссов из Швеции». Нейман полагал, что «столь неопределенное повествование, как повествование Бертинского летописателя представляет бесконечную материю для всякого рода возможностей, но не историческое показание».³⁷³

Критикуя доказательство скандинавского происхождения руси, выводимые из сообщения Лиутпранда о том, что русь Игоря «мы по местоположению именуем норманнами»,³⁷⁴ историки чаще всего указывали на то, что имя «норманны» здесь не подразумевает скандинавов, а употреблено в самом общем смысле. Так, М.А. Максимович писал: «слова Лиутпранда... показывают только северное происхождение их, и не значат ничего как доказательство, что руссы были племени немецкого, ибо в них ничего об этом не говорится». К тому же «Лиутпранд в этом месте называет норманнами разноплеменное ополчение Киевской Руси на Царьград, которое, по словам Нестора, состояло из варягов (наемных, заморских), руси, полян, словен (новгородцев), кривичей, тиверцов и печенегов».³⁷⁵ Д.И. Иловайский считал, что под «норманнами» Лиутпранд понимал вообще все северные народы, в частности днепровскую русь.³⁷⁶ Точно также и Ф.И. Свистун полагал, что «под норманнами подразумеваются народы северные», делая другой вывод об этнической принадлежности руси: «между тогдашними норманнами были и балтийские славяне», которые и являлись первоначальными носителями имени *русь*.³⁷⁷

Большое значение придавалось *argumentum a silentio*, в соответствии с которым невозможность скандинавского происхождения названия «русь» обуславливалась отсутствием этого имени в скандинавских источниках, в частности, в сагах. С.В. Руссов подчеркивал, что «во всей Скандинавии, т.е. в Дании, Норвегии и Швеции ни по истории, ни по географии нигде не значится области под названием Руси».³⁷⁸ Сенковский, отстаивавший скандинавское происхождение первых князей, также высказал сомнение в скандинавской этимологии термина «русь», поскольку, если скандинавы «называли себя руссами, то очень трудно придумать благовидную причину, почему в сагах это имя не является почти на каждой странице».³⁷⁹ Антинорманисты 1830 – 1840-х гг. очень упирали на то, что в сагах «шведы никогда не называли себя руссами».³⁸⁰

Кроме того, важным представлялось и то, что в сагах не сохранилось информации о призвании Рюрика. Так Г. Эверс, споря со А.Л. Шлецером, считал «невероятным», чтобы история с призванием Рюрика «не дошла ни до одного позднейшего скандинавского повествователя».³⁸¹ Вслед за Эверсом и Н.В. Савельев-Ростиславич подчеркивал принципиальную важность для опровержения скандинавской концепции факта отсутствия в сагах упоминания о Рюрике, «между тем как они не упускали случая похвастать даже самыми ничтожными подвигами».³⁸²

Ю.И. Венелин на основании молчания скандинавских саг о раннем периоде отношений с Русью даже заключал, что «о действительности влияния древних шведов на Россию решительно ничего не известно».³⁸³ Ф.И. Свистун указывал, что в сагах «нет помину и основании какой-то большой державы среди восточных славян».³⁸⁴ М.М.

Тебеньков писал, что саги «ни одним словом» не намекают «ни о призвании князей, ни о заимствовании нашего народного имени».³⁸⁵

В конечном итоге, после критики со стороны С.А. Геденова А.А. Куник согласился, что если к сагам «применять мерилу нынешней критики источников, то большая часть их явится в самом невыгодном свете».³⁸⁶

Переходя к рассмотрению критики лингвистических доказательств скандинавской концепции, следует отметить, что общим местом многих критических работ было утверждение о вспомогательном характере этимологии. Как писал Г. Эверс, «этимология некоторых слов порознь может служить только к подтверждению доказанного положения, а основания истины должны быть гораздо прочнее».³⁸⁷ Этот скепсис был (особенно в первой половине века) связан, во-первых, с тем, что лингвистическая наука находилась еще только в стадии своего становления и ее возможности были еще весьма ограничены, особенно в вопросах, подобных рассматриваемому, где вообще сравнительно-лингвистический материал синхронный IX в. (скандинавская лексика, в первую очередь) и на данный момент не вполне представителен.³⁸⁸ Во-вторых, недоверие к этимологиям было обусловлено тяжелым наследием XVI – XVII вв., когда необоснованные этимологии являлись основным методом доказательства подчас весьма фантастичных утверждений. Более радикально были настроены авторы славянофильского направления, которые отвергали скандинавские этимологии имени «русь» и скандинавские этимологии большинства имен первых князей и послов. Основываясь на этом утверждении, Н.В. Савельев-Ростиславич называл Байера «основателем школы созвучий – не более».³⁸⁹

Особое внимание критики уделяли скандинавской этимологии названия «русь». Здесь прежде всего фигурировали аргументы из области лингвистики. Как уже было показано, следует разделять различные этимологии имени «русь» выработанные в рамках скандинавской концепции его происхождения. Поэтому необходимо учитывать особенности различных схем (Шлецера, Куника и Томсена) при рассмотрении критики скандинавской этимологии.

Звено шв. *Roslagen* > фин. *Ruotsi* присутствовало прежде всего в схеме Шлецера, которую разделял Карамзин и некоторые другие историки. Звено шв. *Rodhsin* > фин. *Ruotsi* было предложено А.А. Куником. М.П. Погодин полагал непосредственное образование славянского *русь* от названия племени русь, будто бы обитавшего в Швеции. Аргументы, направленные против этих звеньев, были следующие. Критики скандинавской концепции указывали на то, что название *Roslagen* для одной из шведских областей появилось слишком поздно, чтобы от него могло произойти фин. *Ruotsi* в IX в. Г. Эверс первым обратился к теме и утверждал, что название области Рослаген впервые упомянуто

лишь «в утверждении Уппландских законов королем Биргером (1295 г.)».³⁹⁰ Однако Розенкампф, в статье вышедшей в 1828 г., продемонстрировал, что и в этом памятнике имени *Roslagen* не содержится.³⁹¹ Критику Розенкамфа поддерживал и Н.В. Савельев-Ростиславич Со ссылкой на Розенкамфа он указывал, что «имя *god's-lagen* весьма ново и значит пристанище гребцов, а собственное имя той страны есть Упландия». Кроме того, «в слове *god's-lagen* буква *s* не принадлежит к корню *Rod* и есть собственно знак родительного падежа; следовательно, этот корабельный стан (*rod'slagen*) никак не мог дать своего имени России... в Швеции никогда не было области русской».³⁹² Другие критики предлагали более простые объяснения для шведского слова *Roslagen*. Так, например, Е. Классен считал, что название это составлено из слов «Росс» и «кочевье» и означает, что руссы там только временно кочевали, «разумеется, только по случаю войны, грабительства или торговли». Это были славянские руссы, имя которых известно с древности.³⁹³

Еще один аспект критики этимологического ряда скандинавской концепции касался значения предполагаемой шведской праформы для фин. *Ruotsi* и др.-русск. *русь*. Г.А. Розенкампф вслед за шведской лингвистикой XVII – XVIII вв. показал, что название *Roslagen* происходит от социального термина *Rodhsi*, означающего гребцы. Следовательно, славяне не могли назваться русью от шведских *Rodhsi*, поскольку термин *Rodhsi* не обозначал этноним, в то время как термин «русь», согласно Розенкампфу, в летописях понимался как имя народа. В связи с этим он выражал удивление, «что Шлецер мог так ошибиться и принимать название военного ремесла за *имя народа*» (Шлецер считал, что шведы, называя себя русью в Восточной Европе, вкладывали в термин «русь» этническое значение).³⁹⁴ Это отражало представления, что термин «русь» должен был иметь на всех этапах именно значение этнонима. Вместе с тем, все это рассуждение противоречило предшествующему заключению Розенкампа, что фин. этноим *Ruotsi* возник именно от шведского социального термина *Rodhsi*.³⁹⁵

Когда Розенкампф развивал свои критические положения, еще никто из историков не утверждал, что термин «русь» первоначально не был этническим. Однако уже на следующий год Н.А. Полевой предполагал в своей «Истории русского народа» именно социальную природу первоначально скандинавского термина «русь» - «гребцы». На это возражал С.В. Руссов. Он подошел к делу не только, как Розенкампф, с точки зрения формальной логики, в соответствии с которой из социального термина не может возникнуть этноним, но и попытался подвести источниковую базу под свое опровержение. По мнению Руссова, из сообщений летописей видно, «что русь называлась варягами точно также, как шведы, готфы, англичане и прочие народы». Кроме того, скандинавские саги сообщают хотя и малодостоверные, но, тем не менее, значимые данные о том, что

«русские цари покоряли всю Скандинавию».³⁹⁶ Следовательно, поскольку термин *русь* употребляется в некоторых источниках в качестве этнонима, ему нельзя приписывать социальное значение, а, значит, от шведских гребцов и не могло образоваться у восточных славян название *русь*.

С той же логикой критиковал этот аспект скандинавской этимологии и В.И. Ламанский. Он писал в своем разборе некоторых положений сочинения А.А. Куника, что никогда не встречался «с названием народа, происшедшим от его рода занятий или промысла». «Весьма сомнительно, - продолжал Ламанский, - чтобы свейские люди... бывшие у императора Феофила в 830-х годах на вопрос кто они? что за люди? и какого рода? стали бы отвечать *Rodsin* – гребцы?» Немцы, по мнению Ламанского, в то время прекрасно понимали значение слова *Rodsin* и должны были бы его перевести, если бы шведы действительно так себя называли.³⁹⁷ Этот же семантический аспект казался странным С.А. Геденову. По его мнению, никто не может утверждать, что варяжская русь – это шведские *Rodhsin*, пока не будет объяснено: «1) каким образом название *rodhsin*, племенное или народное в IX веке является нарицательным в XIII; 2) каким образом, если принять слово *rodhsin* в единственно правильном значении его XIII столетия, шведы именуют себя не шведами, а *гребцами* – в Царьграде, в Ингельгейме, в Севилье, в Новгороде, в Киеве, в Болгаре; 3) почему, именуя себя постоянно гребцами на востоке, именуют себя на западе не гребцами, а шведами?» Кроме того, в свете того, что *rodhsin* означает «гребцы» Геденову представлялось необъяснимым, каким образом имя *русь* «является у Нестора племенным, наряду с именами свеев, урмян, готов?»³⁹⁸

Против того, чтобы имя «русь» выводить непосредственно от шведского племени возражал также А.С. Будилович. Он утверждал, что «в период распространения на восток и юго-восток шведских варягов в их стране не было имени *русь*, следовательно, оно не могло и выйти оттуда».³⁹⁹

Звено фин. *Ruotsi* > др.-русс. *Русь* присутствовало в большинстве скандинавских этимологий имени «русь» в XIX в. Невозможность эволюции фин. *Ruotsi* > др.-русс. *Русь* пытались обосновать по-разному. Яркий пример этому обнаруживается в сочинении Г.Ф. Голлмана, которое было направлено в первую очередь против схемы Шлецера. Голлман утверждал, что «финское слово *Ruotzi* столь не сходно с словом *Руссы*, что на нем никак нельзя основываться».⁴⁰⁰ Следует подчеркнуть, что Голлман здесь сравнивает слово *Ruotzi* (германизированное написание финского *Ruotsi*) и ученый этноним *руссы*, не использовавшийся в древнерусских средневековых памятниках, то есть из такого сравнения априори нельзя ничего заключить о связях этих слов в IX в. С этим аргументом, касающимся словоформ, Голлман соединил рассуждение о том, что доказательства

Шлецера не обосновывают того, «чтобы слово *русь* было единственным и обыкновенным именем», под которым финны понимали бы шведов. Следовательно, нельзя утверждать, что финны могли передать имя «русь» славянам. Однако дальше этого утверждения Голлман не пошел, оставив без рассмотрения вопрос, как еще называли финны шведов в IX в., в силу чего и его аргумент нельзя считать убедительным. На его возражения в смысле «могли ли?» вполне закономерно можно было ответить «почему бы и нет?» Сходным образом полагал и Д.И. Иловайский. По его мнению, «филологически никем не доказано, чтобы слова *руотси* и *рось* были тождество, а не созвучие».⁴⁰¹ Здесь, с одной стороны, Иловайский сопоставляет несопоставимые формы (*рось* – не упоминается в источниках в качестве имени русских), а с другой, игнорирует достижения лингвистов (например, Куника), которые еще в первой половине XIX в. показали закономерность отражения фин. *ruotsi* др.-русск. *русь*.

Оспаривалась также семантика финского *Ruotsi* «шведы, Швеция». Г.Ф. Голлман, основываясь на засвидетельствованных словарями значениях утверждал, что имя *Roots*, скорее всего «прозвище или ругательное слово», обозначающее в эстонском шведку или полунемку, простолюдинку в немецком платье.⁴⁰² Ламанский полагал, что вообще «сходство финского названия Швеции с Русью недавнее и случайное».⁴⁰³ Также полагал и С.А. Геденов. Кроме того, он выявлял следующие недостатки гипотезы, которая «не объяснит нам»: «перенесения на славяно-шведскую державу финского имени шведов», «неведения летописца о тождестве имен *свеи* и *русь*», «почему *свеоны* бертинских летописей и норманны Ахмеда-эль-Катиба отличают себя в Константинополе и Севилье тем названием, под которым они известны у чюди».⁴⁰⁴

Некоторые исследователи не оспаривали прямую возможность перехода *Ruotsi* в *русь*, а лишь ставили под сомнение, что форма *русь* напрямую указывает на финское происхождение. Так, например, Ламанский указывал, что «собственные имена, обозначающие и землю и народ и оканчивающиеся на *ь* не все финские, есть меж них и греческое, и финские, и литовские, и славянские, например *скуфь*, *ямь*, *сумь*, *либь*, *весь*, *пермь*, *водь*, *черемись*» и т.д. Кроме того, в русском языке имеются и другие слова, оканчивающиеся на *ь* с собирательным значением.⁴⁰⁵ При этом Ламанский не учитывал, что этонимы на *ь* группируются на севере восточнославянского мира, а письменные источники указывают именно на этот регион как на место появления имени *русь* у восточных славян. К тому же, слово *русь* имеет подходящую финскую этимологию.

Значительный объем критики касался претензий к логичности схемы возникновения этнонима и хоронима *Русь* у восточных славян. Эверс, основываясь на представлении, в соответствии с которым вместе с Рюриком прибыла многочисленная

русь, полагал, что в случае если бы это были шведы, то финны и новгородских славян начали бы называть так же, как называли шведов, то есть «руотсалайнами». Однако «россияне называются у финнов веннеланами, венедами». «Если бы обладатели словен прежде были известны финнам, назвали ли бы их сии последние в Новгороде не тем именем, под которым они знали их инде?» Возражения о малочисленности руси Рюрика, по причине чего призвание и все этнонимические коллизии остались незамеченными для финнов Эверс отвергал опять же ссылкой на летописное «попяша по себе всю русь».⁴⁰⁶ Это рассуждение Эверса не получило поддержки и развития у оппонентов скандинавской концепции.

Другой аспект этой критики логичности заключался в маловероятности того, чтобы шведы стали называть себя по-фински (т.е. руотси-русь), «сделавшись властителями словен». «Но беспримерным и неестественным мне кажется, - писал Г. Эверс, - чтоб завоевывающий народ переменял собственное свое имя на другое, употребляющееся у соседа, и сообщил сие принятое имя основанному им государству. Страна, из коей франки пришли в Галлию, называлась у галлов или Германией или Аллеманией, но франки основали у галлов Францию». «Неужели можно себе вообразить, - вторил ему Н.В. Савельев-Ростиславич, чтобы шведские князья... ни с того ни с сего вздумали свое настоящее, народное имя «свеи»... переменить на чухонское прозвище?»⁴⁰⁷

Среди критиков логичности и стройности рассуждений Тунманна и Шлецера, относительно заимствования шведами во главе с Рюриком экзоэтнонима «русь» были и те историки, которые поддерживали скандинавскую концепцию в целом. Так, для М.П. Погодина было непонятно почему шведы «не удержали своего настоящего имени», когда были призваны восточными славянами.⁴⁰⁸ Тот же смысл выразил и О. Сенковский: «если только другие народы давали им (шведам – С.С.) название руссов, то очень странно, что нордманны, покорив славянские земли, приняли имя, чуждое своему языку и себе, и основали империю под иностранным и, конечно, обидным для себя прозвищем!»⁴⁰⁹

Наконец, проблемным представлялась также утрата термином «русь» значения «скандинав», «швед» у восточных славян. Г. Эверс писал: «если шведы назывались у словен по Балтийскому морю до Рюрика руссами, когда и почему перестали они так называться у сих словен? Как могли подданные Рюрика присвоить себе исключительно имя?» Станным ему представлялось и то, что славяне не знали собственного этнического имени шведов в IX в., как это утверждали Тунманн и Шлецер.⁴¹⁰ Н.В. Савельев-Ростиславич, не представляя доказательств, полагал, что «новгородцы знали собственное имя шведов – *свеи* и, следственно, совсем не имели бы нужды употреблять чухонское прозвище *русь*».⁴¹¹ Для С.А. Геденова представлялось необъяснимым: «почему имя Руси

(rodhsin) для шведов исчезает после призвания у славян, издавна привыкших звать их этим именем и прозававших самих себя русью, от шведского rodhsin»?⁴¹²

К логике «славности и величия» апеллировал Классен. Он полагал, что «если бы руссы составляли маленькое скандинавское племечко, то как мог знать их Фотий в 866 г. и говорить, что руссы издревле имеют, по его мнению, худую славу. Издревле, – заключал Классен, – значит, по крайней мере, за несколько веков».⁴¹³

С.А. Геденов возражал против этимологии А.А. Куника, опираясь на соотнесение первоначального скандинавского самоназвания rodhsin с засвидетельствованной в греческих источниках формой Ρωξ. По мнению Геденова, «ни одна из грамматически возможных германо-скандинавских форм имени Русь (будь оно названием народа или военного ремесла), не могла перейти к грекам под формой Ρωξ; что следовательно ни одна из них не может почестся первобытною, туземною шведскою».⁴¹⁴

Важное доказательство в пользу скандинавского происхождения названия «русь», восходящее еще к Г.З. Байеру касалось имен первых князей и послов. По предположению норманистов, эти имена – скандинавские, следовательно, и первоначальная русь тоже происходила из Скандинавии.

Критика шла по двум направлениям, причем они уже были намечены Ломоносовым во время его спора с Миллером в 1749 г. и развиты Тредиаковским. Во-первых, оспаривалась собственно скандинавская этимология имен. Во-вторых, отмечалось, что даже если имена и скандинавские, то это не может служить доказательством скандинавского происхождения «руси». Обычно оба эти направления присутствовали в рамках каждой антинорманистской работы.

Г. Эверс утверждал, что сходство некоторых имен со скандинавскими действительно имеется, однако «они могут подкреплять историческое положение, но не могут доказывать оно». К тому же, «самое величайшее сходство не предохраняет от заблуждения». Эверс приводит затем ряд примеров сходных между собой имен (арабских и греческих подобных некоторым германским), что, по его мнению, позволяет показать бездоказательность произвольных этимологий.⁴¹⁵

По тем же двум направлениям подвергались критике и скандинавские этимологии имен послов из договоров 911 и 944 гг. Г. Эверс полагал, что «если станем рассматривать сии имена в самих себе... то нам покажется вероятным, что иной скандинавский звук произошел от описки или недоразумения». Но главное в его критике, то что впоследствии часто повторяли, состояло в утверждении отсутствия доказательной силы скандинавского происхождения имен послов при определении этноса первоначальной руси, поскольку

«они... служили сим князьям... так как и другие важные дела вне государства препоручались в сем периоде... чуждым наемникам».⁴¹⁶

М.А. Максимович признавал, что многие имена первых князей и послов – скандинавские, но из этого не следует, что русь были скандинавы. Скандинав Рюрик только лишь предводитель славянской по происхождению руси.⁴¹⁷ Ф.И. Свистун, вслед за Д.И. Иловайским утверждал, что «якого бы происхождения ни были те имена, решению спора о варяго-руссах они мало поспособствуют, ибо... имена усваивались народами друг от друга».⁴¹⁸

Н.В. Савельев-Ростиславич полагал, что имена объясняются «из славянского языка ближе и естественнее, нежели из скандинавского». «На велетском Балтийском Порьи, - продолжал он, - *Rugis* значит *Сокол*... имя *Синеус* есть чисто славянское, как Белоус, Сивоуст... *Трувор* есть также славянское *Трубог*». Что касается имен в договорах Олега и Игоря, то «одни имена там понятны, другие непонятны, первые славянские, другие суть искаженные переписчиками». Впрочем, даже если и есть среди них скандинавские, до доказывает это лишь то, что у славянских русских князей «было в службе несколько человек скандинавов».⁴¹⁹ Из славянского языка этимологизировал некоторые имена послов и князей Д.И. Иловайский. По его мнению, имена Карлы, Кары, Карн заключало в себе славянский корень «кар». Имена Инегельд и Иггивлад считал одним и тем же, указывая, что «*влад* – это было одно из любимых составных частей в славянских именах». «Гуды, Слуды, Моны, подобно Карлы, своим окончанием на *ы*, без сомнения, соответствуют духу древнерусского или вообще славянского языка» и т.д.⁴²⁰ Имена послов трактовал как славянские также и Ф.И. Свистун. Аналогии этим именам он старался подобрать в различных словах славянских языков, не учитывая ни время возникновения, ни морфологию слова. Так, например, имена Карлы и Гуды, упомянутые в договоре Олега, Свистун считал нарицательными, сопоставляя первое с польским *karzel* («означает наивысших сановников при великом князе»), а второе со славянским обозначением гудошника, певца. Имя Карн, по мнению Свистуна, «припоминает польскую фамилию *Karnkowski*, Актеву может быть испорченным Акстибой (староп. *акста* означало «топор»...), Труан есть, вероятно, Троян». Вообще трудности этимологизации имен из славянских языков Свистун объяснял тем, что они «переведены из греческого оригинала, в котором находились в исковерканном виде».⁴²¹

Русские названия днепровских порогов выводятся из скандинавских языков, значит русский язык X в. – скандинавский, а его носители известные Константину Багрянородному как росы – скандинавы. Это утверждение оспаривалось по нескольким направлениям.

Во-первых, оппоненты скандинавской концепции с разной степенью успешности пытались опротестовать этимологию русских названий порогов из скандинавских языков. Г. Эверс, потребовав строгого доказательства, указал на то, что трактовки Ф.Г. Штрубе и И. Тунманном названий порогов, хотя оба предлагали скандинавские этимологии, отличаются. Кроме того, он высказал сомнения в параллелизме значений русских и славянских названий, на котором и основывалась всегда скандинавская этимология. Не опровергнув прямо предложенных этимологий, он счел их вышеназванным причинам неубедительными.⁴²² С.В. Руссов утверждал, что пороги получили названия готские, никаких двояких славяно-скандинавских имен не было в названиях городов, имена Святослав и другие – славянские.⁴²³ Н.В. Савельев-Ростиславич даже допускал возможность искажения некими «немецкими переписчиками Константинова сочинения» настоящих русских названий порогов.⁴²⁴

Предпринимались попытки истолковать названия днепровских порогов из других языков. Венелин без конкретных доказательств считал названия порогов половецкими. По его мнению, «Константин Багрянородный перепутал название днепровских порогов, т.е. русские их названия называет славянскими, а половецкие русскими».⁴²⁵ Д.И. Иловайский попытался подобрать славянские этимологии к русским именам порогов. Утверждая, что пользуется теми же методами, к которым прибегает скандинавская школа, Иловайский рассматривал название порога *Oulboroi* как отражение славянского Холмоборы, «или держась ближе к тексту Вулборы, то есть Вулнборы». Относительно других названий он утверждал, что их можно также вывести из славянских языков, если «употреблено будет хотя в половину столько же труда и усилий, сколько было потрачено на объяснение из германских». Однако задача эта сложная, поскольку названия в значительной степени испорчены.⁴²⁶ Ф.И. Свистун, не проводя лингвистического анализа, считал, что русские названия порогов имеют «общие приметы» со славянскими названиями.⁴²⁷

Другое направление критики, вообще указывало на то, что, несмотря на наличие определения «русские», названия порогов (даже если они выводятся из скандинавских языков) не могут служить доказательством скандинавского происхождения руси. Как писал Г. Эверс, «этимология некоторых слов порознь может служить только к подтверждению доказанного положения, а основания истины должны быть гораздо прочнее».⁴²⁸ Н.В. Савельев-Ростиславич полагал, что названия порогов могли передать Константину Багрянородному «скандинавские витязи», которые иногда находили убежище в уже существовавшей Запорожской Сечи. Одни названия «Константин..., разумея немного по славяно-болгарски... понял и назвал славянскими, а другие (непонятные) назвал все-таки русскими, потому что слышал от людей, бывших в России».⁴²⁹

Следовательно, Константин просто ошибся, назвав скандинавские наименования русскими от чего и вышла последующая путаница.

Наиболее острой и действенной критике были подвергнуты те доказательства скандинавской концепции, которые касались якобы имевшего места заимствования первых русских законов из Скандинавии и заимствования скандинавской лексики в русском языке. Следует отметить, что по отношению к доказательству скандинавского происхождения названия «русь» эти аргументы являются побочными, поэтому здесь не имеет смысла слишком скрупулезно рассматривать их критику, тем более что она достаточно подробно раскрыта в историографических работах антинорманистов.⁴³⁰ Вместе с тем, вообще для норманизма первой половины XIX в., заимствование норм права и обилие скандинавских терминов среди понятий, связанных с государственным управлением и стратификацией было важным доказательством факта организации Древнерусского государства скандинавами. Однако невозможно согласиться с уже упоминавшейся историографической оценкой К.Н. Бестужева-Рюмина, полагавшего что эти доказательства важнее для норманистов, чем данные лингвистики и в вопросе о происхождении варяжской руси.⁴³¹

Критика утверждения о заимствованном характере законов в отношении к происхождению названия «русь» велась по двум основным пунктам. Первый – фактический. Оппоненты скандинавской концепции утверждали, что заимствования законов Русской правды и тех норм, что представлены в договорах Олега и Игоря попросту не прослеживаются. Г. Эверс, особое внимание уделявший изучению древнерусского права, полагал, что Русская правда не могла пополниться скандинавскими заимствованиями потому, что первые скандинавские письменные законы моложе Правды Ярослава. Эверс полагал, что единым прототипом для этих законов служили франкские (Салическая правда).⁴³² В «Обзрении Кормчей книги» Розенкампф заключает, «что для объяснения Русской правды мало содействуют сравнения... со многочисленными статьями скандинавских, датских, готландских и других сего рода уложений. Все сии законы принадлежат к разным временам и подвержены были разным переменам по разным обстоятельствам».⁴³³ Мнения Эверса и Розенкампфа поддержал Н.В. Савельев-Ростиславич.⁴³⁴

Другой аспект фактической стороны критики сводился к тому, что сходство норм права скандинавского и русского, как писал Г.Ф. Голлман, «служит доказательством общего происхождения сих законов», а не заимствования.⁴³⁵

Второй пункт критики сводился к утверждению, что само по себе заимствование законов (в особенности содержащихся в Русской правде), даже если оно и будет доказано,

не позволит сделать заключение о скандинавском происхождении первоначальной руси и первых князей. Выдвинувший это положение Г. Эверс, привел в сравнение эпоху Петра I, указывая, что если бы даже царь привел все российские законы в соответствие шведскому образцу, «то неужели бы чрез сие излился свет на происхождение его прапрапрародителя»?⁴³⁶ Г.А. Розенкамф утверждал, что «из сего сходства нельзя заключить, что Руссы пришли с Упландских берегов и из Рослагена. Почему же не с Датских или Ютландских..?»⁴³⁷

Скандинавские заимствования в русском языке были особенно важным для оппонентов скандинавской концепции вопросом. Следует отметить, что большая часть историков, как со стороны норманистов, так и антинорманистов придерживалась в XIX в. представления о достаточно большом количестве скандинавов на Руси в IX – X вв. Так, Г. Эверс, буквально понимая указание летописи, что призванные братья «пояша по собе всю русь» полагал, что в этом случае в русском должно быть много скандинавских слов. Однако «германских слов очень мало в русском языке и сии немногие столько же обнаруживают верхне-немецкое происхождение, как и скандинавское». Кроме того, так как шведы «разбойничали на море», правомерно предполагать, что в русском обнаружится в большом количестве шведская терминология, связанная с мореплаванием, однако этого не наблюдается.⁴³⁸ Ю.И. Венелин отвергал скандинавские заимствования в русском языке, но из конкретных примеров приводил только слово хлеб, которое действительно таковым не является. Об остальных, предлагавшихся в его время заимствованиях он конкретно не писал.⁴³⁹

Другие историки, признавая некоторое (небольшое) количество скандинавских заимствований в русском справедливо полагали, что они не позволяют утверждать напрямую, что русь была из Скандинавии. М.А. Максимович считал, что слова тиун, верфь, губа – не являются указанием на скандинавское происхождение руси, даже если это скандинавские слова.⁴⁴⁰

В общем, следует отметить, что критика со стороны антинорманистов достигла определенных результатов. М.П. Погодин, как уже указывалось начал сближаться с версией происхождения варяжской руси с южного берега Балтики, А.А. Куник изменил свое первоначальное мнение относительно происхождения имени *русь*. Однако более долгосрочным последствием активной критики антинорманистами скандинавской концепции было то, что интерес к варяго-русскому вопросу в значительной мере снизился и ученые в 1880-е – 1890-е гг. начали сторониться этой проблемы, сомневаясь в возможности ее позитивного разрешения.⁴⁴¹

Подводя итоги изучения концепций происхождения варяжской руси XIX в., следует, в первую очередь, рассмотреть отношение в историографии к самому термину «варяжская русь». XVIII в. стал временем, когда термин «варяги-русь» завоевал себе популярность и стал широко применяться в исторической науке, не только как исследовательская категория, но и как вполне историчное обозначение одного из варяжских племен. Этот подход сохранялся еще в первой трети XIX в. в работах А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина, Г. Эверса, М.П. Погодина. Однако в 1830 – 1840-е гг. происходит размежевание в этом вопросе между сторонниками скандинавской концепции и их оппонентами. Антинорманисты (и первым из них И.С. Фатер, а затем М.Т. Каченовский) начали отвергать правомерность употребления термина «варяги-русь». Причина соединения варягов и руси в ПВЛ при этом объяснялась по-разному, как правило, сводясь к тому, что летописец, писавший гораздо позже IX в. искусственно связал их. При этом и среди антинорманистов были такие, кто продолжал пользоваться термином «варяги-русь» (Н.В. Савельев-Ростиславич).

Во второй половине XIX в. уже и сторонники скандинавской концепции перестают использовать термин «варяжская русь» как реально существовавший в IX в. и, если прибегают к нему, рассматривают его, скорее, как исследовательскую категорию (Ф.А. Браун). Варяги и русь начинают расцениваться как обозначения разновременных волн скандинавских мигрантов. Это мнение возникает под воздействием критики антинорманистов, которые в основной своей массе еще ранее отказались от термина «варяжская русь».

Наиболее существенное отличие от классической концепции существования варяго-руси как племени наблюдается не у тех историков, которые просто разделяют русь и варягов (М.А. Максимович, Ф. Святной, Ф.И. Свистун), а у тех, кто отказывался соотносить призвание князей и возникновение имени *русь*, считая последнее автохтонным для восточных славян. Среди сторонников такого подхода в первую очередь следует назвать Д.И. Иловайского и С.А. Гедеонова. Их интерпретация летописных слов «и поидоша за море к варягам, к руси» наиболее далека от буквального понимания.

Таким образом, систематизация концепций происхождения именно варяжской руси представляет для XIX в. некоторые сложности, поскольку значительная часть историков не рассматривала данный термин как правомерный в историческом плане. Тем не менее, основная масса исследователей все же считала, что русь была призвана в 862 г., поэтому имеет смысл присоединить концепции исследователей-автохтонистов к соответствующей

им группе концепций. Поскольку XIX в. в сравнении с предшествующим периодом предоставляет гораздо больше концептуальных нюансов по вопросу о происхождении варяжской руси, имеет смысл для систематизации рассмотренного материала задать, разверстать все концепции сначала по более общим признакам, ориентируясь на то, каким образом решался вопрос об этнической принадлежности руси, призванной в 862 г. Подходя к проблеме таким образом, можно выделить концепции: скандинавскую, славянскую, финскую, тюрко-хазарскую, литовскую, готскую, фризскую.

Чтобы связать их с концепциями предшествующего периода, следует указать, что скандинавская концепция во многом являлась развитием скандинавской концепции XVIII в., в отдельных своих вариантах сближаясь также со скандинаво-рисландской и готско-роксоланской концепциями. Малопопулярная в XIX в. финская концепция отсылалась к финской концепции XVIII в. Славянская концепция являлась прямой наследницей славяно-роксоланской и, до некоторой степени, библейской концепций. Готская концепция адресовалась к готско-роксоланской. Литовская концепция отдельные доказательства заимствовала из славяно-роксоланской концепции. Тюрко-хазарская и фризская концепции не имели как таковых предшественников в историографии XVIII в.

Скандинавская концепция вне зависимости от отдельных разновидностей имела общий доказательный фонд, основа которого сформировалась уже к началу XIX в. Основные доказательства следует систематизировать по письменным источникам, на которых они базируются. Каждое доказательство, разумеется, нужно понимать как интерпретацию, а не прямую ссылку на источник. Отталкиваясь от источников, можно указать на следующие, сделанные на их основе ключевые утверждения. 1) Древнерусские источники разделяют русь и славян, указывают на то, что русь относится к скандинавским народам, в космографическом введении летописи варяжская русь поселена в Скандинавии. 2) Бертинские анналы указывают, что русью назывались шведы, Лиутпранд называет русь князя Игоря, нападавшую на Константинополь в 941 г., норманнами. Следовательно, русь происходит из Скандинавии. 3) Этимологию имени «русь» можно вывести из скандинавских языков. 4) Русские названия днепровских порогов выводятся из скандинавских языков, значит русский язык X в. – скандинавский, а его носители известные Константину Багрянородному как росы – скандинавы. 5) Имена первых князей и их послов в летописях – скандинавские, поскольку они входили в «род русский», следовательно, первоначальная русь – скандинавы. 6) В рамках скандинавской концепции предъявлялись также различные косвенные доказательства: варяги по письменным источникам – собирательное название скандинавов, русь в летописях отнесена к варягам, значит, русь скандинавская по происхождению и т.п.; использовались сравнительно-

исторические данные: русские законы происходят от скандинавских норм права, в славянском язычестве имеются заимствования из скандинавского и т.д.; косвенные лингвистические данные также использовались: в русском языке имеются заимствования из скандинавских языков.

Критика со стороны антинорманистов постепенно снижала значимость косвенных доказательств скандинавского происхождения варяжской руси. Наличие скандинавских заимствований в области законодательства, культурных явлений, а также скандинавской лексики в древнерусском языке было в значительной степени опровергнуто после критических выступлений С.А. Геденова и некоторых других противников скандинавской концепции. Напротив удельный вес лингвистических данных (имена князей и послов, названия днепровских порогов) в течение XIX в. повышается настолько, что Ф.А. Браун в 1892 г. уже рассматривает данные лингвистики как основу доказательной базы норманистов.

Основные варианты скандинавской концепции, обращавшиеся в первой половине XIX в. принадлежали Н.М. Карамзину, М.П. Погодину и А.А. Кунику. Вариант Карамзина фактически повторял концепцию А.Л. Шлецера. Этнически варяжская русь являлась шведами, а происходили они из области Рослаген в Средней Швеции. В отличие от Шлецера, Карамзин не придавал большого значения тому, что имя *русь* было заимствовано славянами через посредство финнов. По Карамзину получалась, скорее, что имя *русь* напрямую образовалось от имени *Ros-lagen*.

Концепция М.П. Погодина отличалась от варианта Карамзина, главным образом, тем, что, согласно ей, русь являлась особым скандинавским (варяжским) племенем. Этимологию имени *русь* Погодин подробно не прорабатывал. В отличие от варианта с Рослагеном у модификации скандинавской концепции Погодина не было большого числа сторонников.

Если отвлечься от не получивших серьезной поддержки этимологий имени *русь* в рамках скандинавской концепции (Ф. Круг, П.Г. Бутков, готская этимология А.А. Куника), то можно сказать, что магистральная линия изучения возникновения этнонима задавалась работами А.А. Куника (1844 г.) и В. Томсена (1877 г.). Куник развил предположения, высказанные ранее А.Л. Шлецером, предложив последовательность заимствований шв. *roder* > шв. **Rodhsin* («гребцы», нарицательное имя жителей Рослагена) > фин. *Ruotsi* > др.-русс. *русь*. В. Томсен, развивая схему Куника, предложил по другую промежуточную форму, которой обозначались бы гребцы – **ro□s-menn*, более подходящую по лингвистическим соображениям. Его схема выглядела так: шв. *roder* > шв. **ro□s-menn* > фин. *Ruotsi* > др.-русс. *русь*. Эта этимология отличалась, помимо своих конкретных

звеньев, от этимологии Шлецера еще и тем, что признавалось наличие шведской праформы имени *русь*, употребляемой в Скандинавии (у Шлецера и Карамзина шведы не называли себя *русью* ни в какой форме). Отличие варианта Куника – Томсена от варианта М.П. Погодина, также признававшего наличие имени *русь* в Скандинавии, заключалось в понимании первоначальной семантики этого имени. Если для Погодина имя *русь* всегда было этнонимом, то Куник и Томсен представляли его как первоначально социальный термин. Здесь с ними сближался Н.А. Полевой, также считавший, что *русь* возникло как социальный термин.

Основная масса других исследователей примыкала к какому-либо из этих вариантов. Н.М. Карамзина поддерживали Сергей Александрович Геденов, Ф. Зубарев, Н.Г. Устрялов. Н. Сазонов и другие. Вариант А.А. Куника 1844 г. П.С. Савельев, Н.П. Ламбин, а впоследствии М.П. Погодин. Вариант В. Томсена 1877 г. Ф.А. Браун.

Среди вариантов скандинавской концепции следует выделить также предложенный Ф. Кругом. Главная особенность концепции Круга в том, что имя *русь* у него имело греческую этимологию, происходя от слова *ροῦσιος*, «красные», якобы, первоначально обозначавшего германцев. Другой вариант принадлежал Ф. Крузе, который рассматривал в качестве родины варяжской руси Розенгау, область в Ютландии, от чего и этимологизировал имя *русь*.

Вариант, предложенный П.Г. Бутковым, имел своей основой концепцию Ф.Г. Штрубе де Пирмонта. Как и Штрубе, Бутков локализовал первоначальную русь в легендарной области Рисаланд, лежавшей в северной части Скандинавии. Соответственно имя *русь* этимологизировалось от слова *рюсс*, якобы, означавшего сильного человека, от которого происходило и название Рисаланда.

В рамках скандинавской концепции можно выделить также вариант, по которому варяжская русь перед призыванием локализуется в Пруссии. Появление этого варианта у Н.М. Карамзина, по-видимому, было связано со стремлением отразить точку зрения компромиссную с той, что предлагал М.В. Ломоносов. Если у Карамзина эта версия сопровождается оговоркой о том, что прусское происхождение варяжской руси не более, чем «вероятность», то И. Боричевский принимал эту версию как единственную. Следует отметить, что основываясь на географической номенклатуре южного побережья Балтики (созвучные имени *русь* названия), историки выводили из этого региона варяжскую русь различного этнического происхождения. И. Боричевский считал русь скандинавским племенем, Н.И. Костомаров – литовским, а, М.А. Максимович, И.Е. Забелин и другие полагали ее славянским племенем.

Таким образом, основные доказательства в пользу скандинавской концепции заключались не в этимологическом построении *Roslagen* > *Ruotsi* > *Русь*, или **Rodhsin* > *Ruotsi* > *Русь* и т.п. Наиболее существенные доказательства заключались в свидетельствах письменных источников, а также в извлекаемых из аутентичных письменных источников лингвистических данных, относящихся к русской топо- и антропонимии.

Некоторые точки соприкосновения у скандинавской концепции были с готской. Первые попытки связать варяжскую русь с готами были предприняты еще Г.Ф. Миллером. В 1820-е гг. готское происхождение руси как народа отстаивал И.С. Фатер. Уже в 1890-е гг. готскую концепцию, касавшуюся, однако, главным образом, происхождения имени *русь* представил А.С. Будилов, который выстроил этимологию др.-русск. *русь* < готск. **hro*□-.

Пограничной между собственно готской и скандинавской концепциями является та, что была выдвинута А.А. Куником в 1875 г. С одной стороны, Куник предлагал этимологию имени *русь* из готского языка. Но, с другой, др.-русск. *русь* у него образовывалось из готск. *Hrods* через посредство шв. **ros*, то есть обязательный скандинавский элемент сохранялся. Как сохранилось предствление о скандинавском происхождении варяжской руси, а, следовательно, концепция Куника 1875 г. не может быть отнесена к готской, а, скорее, является разновидностью скандинавской.

Славянские концепции происхождения варяжской руси в значительной степени отличаются друг от друга. Однако есть у них некоторые общие характерные черты. Общим было утверждение о древности появления имени *русь* в славянской среде. К 1860-м гг. формируется источниковая база этого утверждения, куда включаются все источники, упоминающие русь применительно к событиям ранее IX в. Важной опорой для сторонников славянской концепции в 1860 – 1870-е гг. становятся данные восточных источников: автора IX в. Мухаммада ал-Бал'ами, писавшего в начале X в. ат-Табари (в пересказе ас-Са'алиби (середина X в.), Захир-ад-дина ал-Мар'аши (XV в.), а также персидского поэта Низами (XII в.). У всех этих авторов народ русы действует на Кавказе в VII в. Кроме восточных источников некоего русского вельможу при дворе Константина I (IV в.) называет византийский историк Никифор Григора (XIV в.). Из византийских источников при доказательстве древности руси использовались также данные византийской «Хронографии» Феофана (IX в.), где под 774 г. упомянуты императорские красные (*ροβσιος*) хеландии. Слово *ροβσιος* воспринималось как прилагательное «русские». Честь открытия этих источников не принадлежит сторонникам славянской концепции. Большинство из них были либо использованы еще Г. Эверсом для доказательства древности руси, либо переведены и прокомментированы в трудах востоковедов XIX в.

Источниковедческая критика этих известий, которая была дана А.А. Куником в 1870-е гг., сохраняет свое значение и сейчас, и современные специалисты, занимающиеся изучением восточных и византийских источников, рассматривают их как недостоверные.⁴⁴²

Помимо этих источников, значимость сохраняли также античные памятники, которые привлекались, как для доказательства существования руси в античные времена, так и для воссоздания исторического фона деятельности славянской руси. Наиболее «архаичным» способом с античными источниками обращался Д.И. Иловайский, отыскивавший, как и историописатели XVI – XVII вв., племя русь в роксоланах. Точно так же, как и его предшественники, Иловайский разделял имя роксолан на «россы» и «аланы», точно так же указывал в качестве доказательства тождества роксолан и русских единство территории, ими занимаемой. Более «новаторски» подходил к античным источникам С.А. Гedeонов. Он не пытался непосредственно отыскать в них племя, носившее имя *русь*, однако в соответствии со своей концепцией интерпретировал некоторые этнонимы как эквиваленты этого имени.

Наконец, собственно славянское происхождение руси основывалось, как правило, на данных топо- и гидронимии, на наличии областей с названием Русия, рек Русса, Рось и т. п. созвучных с именем *русь*, а с 1860-х гг., после работ востоковеда Д.А. Хвольсона также данными Ибн Хордадбега, единственного арабского автора, отождествлявшего руссов и славян.

Среди славянских концепций следует выделить автохтонную концепцию, в соответствии с которой русь никогда не призывалась, поскольку искони проживала (как славянское племя) на территории будущего Древнерусского государства. Таким образом, призвание становилось уделом исключительно варягов или вовсе отвергалось в рамках данной концепции. Впервые мысль о глубокой автохтонности руси в восточнославянском мире высказал в 1830-х гг. Ю.И. Венелин. Однако он не придал своей идеи какого-либо систематического изложения. Во второй половине XIX в. наибольшую популярность завоевала автохтонная славянская концепция, которая связывала имя *русь* со Средним Поднепровьем. Наиболее разработанной этимологией имени *русь* в рамках данного автохтонно-днепровского варианта славянской концепции была та, что представил С.А. Гedeонов. По его мнению, др.-русс. *русь* происходит от «индоевропейского корня» *рьс*, означавшего водные объекты. Другие историки, связывавшие русь с Поднепровьем, в гораздо меньшей степени интересовались вопросами этимологии. Д.И. Иловайский не предложил конкретной этимологии имени *русь*, ограничившись тем, что связал его с созвучными гидронимами Восточной Европы и с роксоланами.

Другая заметная вариация происхождения руси, призванной в 862 г. в рамках славянской концепции – ругская. Идея о тождестве имен *руги* и *русь* появилась еще в зарубежных средневековых источниках, однако впервые связывать историю русских с ругами и о. Рюген начал В.К. Тредиаковский. Его последователями были российские историки 1830 – 1840-х гг., придерживавшиеся славянофильских взглядов. Имеются ввиду прежде всего Ф. Святной, Н.В. Савельев-Ростиславич и, в особенности, М.А. Максимович. В 1870-е - 1880-е гг. данную концепцию разделяли И.Е. Забелин и Ф.И. Свистун. Наиболее подробное обоснование ругского происхождения руси дал Максимович. Основой для этой концепции были как раз западноевропейские средневековые письменные источники, иногда понимавшие под ругами русских. Этимологии имени *русь* в рамках этой концепции как таковой не было предложено, подразумевалось, что руги, ружане, руяне, руссы, русь – это одно и то же племенное имя, бытовавшее в разных формах, из которых у восточных славян закрепилось по какой-то причине *русь*.

Среди славянских концепций стоит можно выделить вариант Ф.Л. Морошкина, который находил славянскую русь практически везде: на о. Рюген, в Германии, Польше на Черном море и т.д. Основой для этого была его этимология имени *русь* от *роща*, *розга*. Неверно трактуя различные этнонимы (германские, славянские), Морошкин делал вывод, что большинство европейских народов некогда носили имя, связанное с деревом, т.е. *русь* (в различных формах), а потому являются славянскими по происхождению. Научного значения концепция Морошкина не имела, являясь, скорее, объектом насмешек со стороны ученых. Тем не менее, некоторые антинорманисты (Н.В. Савельев-Ростиславич) оказывали не ей, но лично Морошкину поддержку, как союзнику по борьбе со скандинавской концепцией. Русь, которая пришла вместе с Рюриком, согласно Морошкину, локализовалась в Пруссии, что отсылает к версии Степенной книги. В историческом смысле ее нельзя назвать варяжской, так как Морошкин отвергал связь варягов и руси.

В первой четверти XIX в. некоторое влияние имела концепция тюрко-хазарского происхождения варяжской руси Г. Эверса. Эверс наиболее широко понимал термин *варяги*, полагая, что так славяне могли называть вообще всех иноплеменников. Один из варяжских народов тюрко-татарского происхождения назывался *русь*. Русь, которая была призвана к восточным славянам в 862 г. располагалась, согласно Эверсу, на берегах Черного и Азовского морей. Этимологию этого имени Эверс не разбирал подробно, высказывая предположение, что его можно отыскать еще в библейском *Рос* и в античных роксоланах. Эверс первым выдвинул идею о существовании нескольких «Русий» (помимо черноморской). Одна из них до призвания находилась в Поволжье и была этнически родственна черноморской тюрко-хазарской. Другая возникла после призвания князей из

черноморской руси. Это – днепровская, славянская русь. Некоторое время после призвания, по мнению Эверса, эти «Русии» существовали параллельно, однако затем постепенно были подчинены днепровской руси. Идея Эверса о существовании нескольких «Русий» оказалась весьма плодотворной в историографии, чего не скажешь о его концепции тюрко-хазарского происхождения варяжской руси. В общем, следует заключить, что собственная концепция Эверса оказала меньшее влияние на историографию, чем даже его возражения на скандинавскую концепцию. Впрочем, этот вывод можно также распространить и на другие антинорманистские концепции.

Литовская концепция происхождения руси была предложена Н.И. Костомаровым. Он, как и многие антинорманисты, разделял варягов и русь, считая имя *русь* более древним и принадлежавшим собственно той руси, которая была призвана вместе с Рюриком. Этимологию имени *русь* Костомаров не выстраивал, полагая лишь, что русью могло называться одно из литовских племен, призванное в 862 г. восточными славянами. Концепция Костомарова не была поддержана другими историками.

Фактически никто, кроме ее автора Г.Ф. Голлмана, не поддерживал и фризскую концепцию. Голлман считал вполне правомерным использование термина «варяжская русь», поскольку *варяги* – это родовое название для германцев у славян, а русь, соответственно, вид варягов. Эту русь Голлман располагал во Фрисландии и этнически считал фризами. Этимология имени устанавливалась им от фризского слова *Rust*, означавшего «трубопровод».

Помимо этого разделения концепций происхождения варяжской руси в зависимости от того, как тому или иному исследователю виделось ее этническое происхождение, некоторое значение имеет также систематизация концепций, основанная на специфическом решении вопроса о локализации руси. Выше уже было указано, где представители скандинавской, славянской и пр. концепций помещали первоначальную русь. Чтобы не повторяться, имеет смысл просто перечислить региональные группы руси. Итак, можно выделить русь: рослагенскую, скандинавскую, среднеднепровскую, поволжскую, черноморскую (азовско-черноморскую), рюгенскую, прусскую, южнобалтийскую, фрисландскую, ютландскую, литовскую, финскую, общеевропейскую. Разумеется, эта систематизация не учитывает всех нюансов различных представлений о происхождении руси. Нужно иметь в виду, что, как было показано, данные локализации нередко сочетались в рамках концепции одного исследователя.

Если говорить в целом об источниковой базе, на которой решался вопрос о происхождении варяжской руси, то к началу XIX в. она уже в основном сформировалась. Наиболее заметным событием стало введение в оборот арабо-персидских источников (с

1820-х гг.), однако оно не оказало принципиального влияния на концепции относительно происхождения варяжской руси. В арабо-персидских источниках находили доказательства как сторонники скандинавской концепции (М.П. Погодин, А.А. Куник), так представители различных антискандинавских направлений. Последние, в сообщениях некоторых арабских писателей (ас-Са'алиби, Захир-ад-дин ал-Мар'аши), находили опору своим представлениям о древнем присутствии руси в Причерноморьи.

Археологические источники постепенно входили в оборот, начиная с 1860-х гг., их освоение было связано с именами А.С. Уварова, Д.Я. Самоквасова, М.Ф. Кусцинского, В.И. Сизова и других.⁴⁴³ Однако археологические источники сами по себе не говорили ни в пользу, ни против того или иного происхождения варяжской руси. Данные археологии использовались, начиная с 1870-х гг. в качестве иллюстрации действительного присутствия скандинавов на Руси. Из рассмотренных в данной работе исследований, археологические источники были привлечены только В. Томсеном.⁴⁴⁴

Касаясь источниковой базы, необходимо отметить, что для большинства сторонников антинорманистских концепций первоочередной задачей было опровержение данных письменных источников, связывавших русь со скандинавами (ПВЛ, Бертинские анналы, Лиутпранд, ал-Йакуби). Наибольшее внимание было уделено летописным известиям. Первоначально сторонники антинорманистских концепций были склонны, скорее, перетолковывать их в таком аспекте, что русь и варяги не являются славянами. Именно таким образом рассматривали летописные известия Г. Эверс, И. Нейман, Ю.И. Венелин. Однако постепенно противники скандинавской концепции стали все более склоняться к полному отрицанию достоверности летописных известий, сближающих русь со скандинавами. Вероятно, возникновение этого отрицательного отношения к некоторым сюжетам летописи было связано с деятельностью скептической школы М.Т. Каченовского, С.М. Скрамоненко и других. Именно в период активности «скептиков» достоверность сюжета о призвании варягов в некоторых аспектах поставил под сомнение М.А. Максимович. Позже развернутое обоснование, почему не следует доверять летописному сказанию о связи варяжской руси со Скандинавией, дал С.А. Гедеонов. Ему последовало большинство противников скандинавской концепции. Аргументы Геденова не принял только Д.И. Иловайский, который, однако, двигался в том же тренде, но, в отличие от Геденова, полного отрицания всего летописного рассказа о призвании варягов как недостоверного.

Категорическое отрицание одних сведений источников, сочеталось в части историографии с таким же категорическим, буквальным доверием к другим. В особенности это касалось географических выкладок средневековых памятников, которые в

некоторых случаях воспринимали как точные и безошибочные указания на локализацию искомых топонимов, заключающих имя *русь* (либо некоторое созвучное имя). Пожалуй, наиболее часто прямому механическому сопоставлению с современными географическими картами подвергались данные космографического введения ПВЛ, а также указания Адама Бременского и Гельмольда на взаиморасположение Пруссии и России.

Если рассматривать историографию проблемы не с точки зрения противостояния норманистов и антинорманистов, а с точки зрения отношения к источникам, то в одну группу следует объединить тех, кто занимался поисками древней истории руси, опираясь на созвучия из античных источников, актуальной топонимики, а также на недостоверные сообщения или поздних авторов. Так вместе следует поставить норманистов С. Сабинина, О.И. Сенковского, Ф. Крузе и антинорманистов Г.Ф. Голлмана, Ю.И. Венелина, М.А. Максимовича, Ф.Л.Морошкина, И.Е. Забелина, Д.И. Иловайского, С.А. Гедеонова и других (практически все антинорманисты прибегали к неаутентичной источниковой базе).

Таким образом, следует заключить, что из всего многообразия концепций происхождения варяжской руси наиболее популярными были скандинавская и славянская концепции. При этом ни та, ни другая не были монолитны, а складывались из значительного числа вариантов, разнящихся подходами к локализации руси, этимологии имени *русь*, а также к проблеме соотношения руси и варягов и правомерности использования самого термина «варяжская русь» в историческом плане.

На основе рассмотренного материала допустимо также дать оценку научных результатов ученых, придерживавшихся различных концепций. Невозможность однозначно связать данные аутентичных источников с нескандинавским народом заставляла оппонентов скандинавской концепции стремиться к всемерному расширению источниковой базы. При этом снижались требования к критике источников и их сообщений, в результате чего начинается любопытный процесс «размножения» «Русий» (в этническом и политическом смысле) в антинорманистской историографии. Действительно, для того, чтобы согласовать данные таких разнородных источников как «Деяния данов» Саксона Грамматика (XII в.), античных источников о роксоланах, ругах и рутенах (I в. до н.э. – VI в. н.э.), Адама Бременского о Рюгене (XI в.), сведения Никоновской летописи о руси на Черном море (XVI в.) и многих других приходилось допускать, что русь населяла в протяжении тысячелетий огромные пространства Европы. Отчасти представление о множественности «Русий» было свойственно и для некоторых сторонников скандинавской концепции, в частности, для С. Сабинина, Ф. Крузе, П.Г. Буткова.

Основные письменные источники (ПВЛ, Бертинские анналы, Константин Багрянородный, Лиутпранд), а также анализ имеющихся в них лингвистических данных (имена князей, послов, названия порогов) достаточно согласованно указывают на то, что первыми носителями имени *русь* были скандинавы. Попытки оспорить эти данные и реинтерпретировать их предпринимались многожды, однако, ни одна концепция, кроме скандинавской, причем в том ее варианте, которого придерживались Г.З. Байер, Г.Ф. Миллер, А.Л. Шлецер, Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, А.А. Куник, В. Томсен, не свела свои собственные интерпретации всех аутентичных источников в такую систему, где бы они бесспорно указывали на определенную нескандинавскую этническую группу называвшуюся первоначально «*фрусь*». Другими словами, можно было допустить вслед за оппонентами скандинавской концепции, что шведы Бертинских анналов ложно назвались *Rhos* или, что именование скандинавских названий порогов «*русскими*» у Константина Багрянородного не указывает на происхождение названия *русь*, или, что древнерусский посольский корпус состоял из скандинавов, или поставить под сомнение скандинавское происхождение имен первых князей и проч. и проч. Наконец, можно было, попытаться дать альтернативную интерпретацию тому факту, что летописец в статье 862 г. раскрывает этническую принадлежность руси через сопоставление со скандинавскими (или шире – германскими) народами. Однако трудно было поверить, что все вышеперечисленные факты есть случайные совпадения или признать, что во всех случаях их прямая интерпретация должна быть заменена более изощренными толкованиями. Тем более трудно в это поверить, учитывая отсутствие убедительной альтернативной системы, связывающей *русь*, призванную в 862 г., с какой-либо конкретной нескандинавской этнической группой.

С. В. Соколов

¹ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. С. 457.

² Frahn F. Ibn Fosclan's und anderer Araber... Berichte. SPB. 1823. Известия о буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара Ибн Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. – СПб., 1869 Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. – СПб., 1870.

³ Каченовский М.Т. Краткая выписка о первобытных народах в России обитавших // Вестник Европы. Ч. 47. – СПб., 1809. С. 211 – 212.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. Прим. 91.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Там же. С. 46 – 48, прим. 98 – 105.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. С. 44, прим. 91.

⁸ Там же. С. 48.

- ⁹ Там же. С. 48 – 49.
- ¹⁰ Там же. С. 44.
- ¹¹ Там же. С. 50.
- ¹² Однако версию династической легенды о происхождении Рюрика от Августа Карамзин называет «сказкой», «басней». Следует добавить, что вообще Карамзин во многом в духе историографии XVIII в. развенчивает «баснословие» некоторых версий происхождения имени «русь» XVI – XVII вв. По его мнению, имя «Русь» не могло происходить от «рассеяния», поскольку варяги-русь не были славянами (а слово «рассеяние» – славянское). Критикует он и выведение имени «русь» от реки Русы, «чего нет в древней летописи» (См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. Прим. 91).
- ¹³ Там же. С. 50.
- ¹⁴ Там же. Прим. 111.
- ¹⁵ Миллер Г.Ф. О народах издревле в России обитавших. С. 22, 109.
- ¹⁶ См.: Thunmann J. Untersuchungen über die Geschichte der ostlichen europäischen Völker. Theil I. – Leipzig, 1774. S. 371 – 389; Шлецер А.Л. Нестор. Т. I. С. 56 – 60, 317 – 344.
- ¹⁷ См. напр.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I. Прим. 102, 108 и др.
- ¹⁸ Геденов С.А. Варяги // Энциклопедический лексикон. Т. 9. СПб., 1837. С. 6.
- ¹⁹ Там же. С. 7.
- ²⁰ Там же. С. 10.
- ²¹ [Зубарев Ф.] О трудах Шлецера и Тунманна для русской истории // Вестник Европы. М., 1825. № 18. С. 81 – 103; Зиновьев А.З. О начале, ходе и успехах критической российской истории // Московский вестник. М., 1827. С. 11 – 70; Шеншин В. О пользе изучения русской истории в связи со всеобщей // Телескоп. М., 1834. Ч. 20. № 11. С. 136 – 142; Сазонов Н. Об исторических трудах и заслугах Миллера // Учен. зап. Московского университета. М., 1835. № 1. С. 130 – 151; Устрялов Н.Г. О системе парадигматической русской истории. СПб., 1836. С. 1 – 26; Его же. Русская история. Ч. 1. СПб., 1837.
- ²² Narbutt T. Dzieje starożytne naroda Litewskiego. Vol. 2. – Wilno, 1837; Рец. на Dzieje starożytne naroda Litewskiego. Przez Teodora Narbutta // ЖМНП. Ч. 17. 1838. С. 208 – 212.
- ²³ Боричевский И.Б. Руссы на южном берегу Балтийского моря // Маяк современного просвещения и образованности. – 1840. Ч. VII. С. 174 – 182.
- ²⁴ Боричевский И.Б. Руссы на южном берегу Балтийского моря. С. 176.
- ²⁵ Коновалова И.Г. Топоним как концепт // Одиссей. – М., 2007. С. 215.
- ²⁶ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. 167.
- ²⁷ Там же. С. 166.
- ²⁸ Там же. С. 5 – 51.
- ²⁹ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 56 – 59.
- ³⁰ Там же. С. 60 – 67.
- ³¹ Там же. С. 67 – 87; См.: Лерберг А.Х. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. С. 263 – 320.
- ³² Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 88 – 89. К этим словам Погодин отнес: *боярин, гридин, ябедник, шильник, метельник, паломник, гуды, карлы, нетий, суда, якорь, луда, олуй, груз, безмен, ладьа, цежь*. И еще несколько, в происхождении которых из скандинавских языков Погодин сомневался: *огнищане, мужи, люди, гости, вира, верфь, губа, комент, стяг, ряд, скот, скотница, бретьяница, шляг (шелег, стерлиг)*.
- ³³ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 90 – 91.
- ³⁴ Там же. С. 143 – 145.
- ³⁵ Там же. С. 147 – 149.
- ³⁶ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 149 – 150. Необходимо заметить, что у Шлецера, предложившего схему *Roslagen > Ruotsi > Русь*, не содержится утверждения о том, что жители Рослагена назывались росами. Напротив, из его рассуждения можно допустить, что это именно финны по каким-то причинам стали называть жителей Рослагена «Ruotsi» (поскольку финнам было известно названий этой области), а не их настоящим этнонимом «шведы». У Шлецера не говорится о том, откуда произошло название «Рослаген».
- ³⁷ Там же. С. 151.
- ³⁸ Там же. С. 216 – 218.
- ³⁹ Шафарик Й. Славянские древности. Т. 2. Кн. 1. С. 81, 104 – 105, 111 – 117.
- ⁴⁰ Розенкамф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов // ТЛОИДР. Ч. IV. Кн. 1. М., 1828. С. 147.
- ⁴¹ Там же. С. 152 – 153.
- ⁴² Розенкамф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. С. 141.

- ⁴³ Соответственно, название Рослагена происходило от того же слова *roder* > **Rodhsin* (ед. ч. **Rodhs*) > *Roslagen*, но фин. *Ruotsi* образовалось не от него.
- ⁴⁴ Kunik E. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slawen. Bd. I. SPb., 1844. S. 64 – 70, 89 – 96, 163 – 167; Мошин В.А. Указ. соч. Sesit. 2. P. 352 – 353; Шаскольский И.П. Вопрос о происхождении имени *русь*. С. 132.
- ⁴⁵ Kunik E. Op. cit.. Bd. II. S. 202 – 203. Цит. по: Геденов С. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 7.
- ⁴⁶ Kunik E. Op. cit. Bd. I. S. 144 – 145. Цит. по: Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 8.
- ⁴⁷ Шаскольский И.П. Вопрос о происхождении имени *русь*. С. 132.
- ⁴⁸ Kunik E. Op. cit. Bd. I. SPb., 1844. 163 – 167.
- ⁴⁹ Цит. по: Фомин В.В. Норманистская версия происхождения имени «Русь». С. 18; Савельев П.С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПб., 1847. С. CLXXI – CLXXIII.
- ⁵⁰ Цит. по: Руссов С.В. Мои мысли о критике. С. 4.
- ⁵¹ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. С. 3 – 17.
- ⁵² Карамзин Н.М. История государства российского. Т. I. С. 50.
- ⁵³ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. С. 18.
- ⁵⁴ Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1. С. 17.
- ⁵⁵ Там же. С. 57.
- ⁵⁶ Там же. С. 58.
- ⁵⁷ Там же. С. 57, 59 – 60.
- ⁵⁸ Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 17.
- ⁵⁹ Соловьев С.М. История России. Т. 1. С. 92.
- ⁶⁰ Там же. С. 92 – 93.
- ⁶¹ Там же. С. 94.
- ⁶² Там же. С. 94.
- ⁶³ Там же. С. 282.
- ⁶⁴ Сенковский О.И. О происхождении имени руссов // Сенковский О.И. Собрание сочинений. Т. VI. СПб., 1859. С. 149, 151.
- ⁶⁵ Там же. С. 150.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же. С. 151.
- ⁶⁸ Там же. С. 157.
- ⁶⁹ Там же. С. 152.
- ⁷⁰ Там же. С. 161.
- ⁷¹ Сенковский О.И. О происхождении имени руссов. С. 161 – 162.
- ⁷² Бутков П.Г. О Руси и Рюсalande // Сын отечества. 1836. № 1. С. 27.
- ⁷³ Там же. С. 30.
- ⁷⁴ Бутков П.Г. О Руси и Рюсalande // Сын отечества. 1836. № 1. С. 31.
- ⁷⁵ Там же. С. 31 – 32.
- ⁷⁶ Там же. С. 38 – 39.
- ⁷⁷ Там же. С. 32 – 33.
- ⁷⁸ Там же. С. 33, 35.
- ⁷⁹ Бутков П.Г. О Руси и Рюсalande. С. 33 – 34.
- ⁸⁰ Там же. С. 35 – 38.
- ⁸¹ Крузе Ф. О происхождении Рюрика (преимущественно по французским и немецким летописям). С. 46.
- ⁸² Крузе Ф. О пределах Нормании и названии норманов и руссов. С. 27.
- ⁸³ Крузе Ф. О древнейшем существовании русских в России и Византии. С. 501.
- ⁸⁴ Там же. С. 502.
- ⁸⁵ Там же. С. 507 – 508.
- ⁸⁶ Там же. С. 514.
- ⁸⁷ Там же. С. 517.
- ⁸⁸ По мнению И.С. Чичурова, которое представляется правильным, «хронист говорит об императорских хеландиях, украшенных пурпуром, составлявшим прерогативу византийского василевса». (См.: Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. /Текст, пер., комм. М., 1980. С. 35).
- ⁸⁹ Крузе Ф. О древнейшем существовании русских в России и Византии. С. 522.

- ⁹⁰ На самом деле готы – жители о. Готланд.
- ⁹¹ Крузе Ф. О пределах Нормании и названии норманов и руссов. С. 53 – 54.
- ⁹² Крузе Ф. Происходят ли руссы от венедов и именно от ругов, обитавших в Северной Германии. С. 40 – 42.
- ⁹³ Сабинин С. О происхождении наименований боярин и боярин // ЖМНП. Ч. XVI. 1837. С. 76.
- ⁹⁴ Там же. С. 77, 79 – 80.
- ⁹⁵ Там же. С. 45 – 62.
- ⁹⁶ См.: Мошин В.А. Указ. соч. Sesit. 1. С. 135.
- ⁹⁷ Сенковский О.И. О происхождении имени руссов. С. 163.
- ⁹⁸ Сенковский О.И. Там же. С. 164 – 166.
- ⁹⁹ Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 3.
- ¹⁰⁰ Сенковский О.И. О происхождении имени. С. 168.
- ¹⁰¹ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 1. С. 59 – 60.
- ¹⁰² Bayer T.S. Origines Russicae. P. 398; Миллер критиковал данные хивинского хана Абулгази, считая их недостоверными (См.: Миллер Г.Ф. О происхождении имени и народа российского. С. 369).
- ¹⁰³ Эверс пользовался английским переводом с персидского перевода арабского текста Ибн Хаукаля
- ¹⁰⁴ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 2. С. 159, 185, 186 – 187.
- ¹⁰⁵ Ketab Messlik u Memalik teznif Ib Naukal. The oriental Geography of Ebn Naukal, an Arabian traveller of the tenth century...by sir William Ouseley. – L., 1800. Британский ориенталист В. Озелей (1769 – 1842), разрабатывавший преимущественно историко-географическую тематику, связанную с Ираном (Персией), при переводе труда Ибн Хаукаля воспользовался не арабской рукописью (Ибн Хаукаль писал по-арабски), а средневековым персидским переводом.
- ¹⁰⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. С. 93.
- ¹⁰⁷ См.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999; Ее же. Славяне и тюрки в этногенеалогии средневековых арабо-персидских авторов // Тюркологический сборник. 2002: Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 281 – 291.
- ¹⁰⁸ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 2. С. 194 – 197.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 226, 231, 279. Аргумент о русских хеландиях был основательно раскритикован П.Г. Бутковым, который показал, что здесь имеются в виду «красные» (одно из значений слова *rovbia*) хеландии, принадлежавшие императору. Еще ранее многие авторы переводили слово *rovbia* здесь как красные. Раньше всех перевел греческое *rovbia* латинским «красный» *rubea* папский библиотекарь Анастасий, выполнивший в 70-е гг. IX в. перевод всего сочинения Феофана. Впоследствии, многие историки держались того же перевода, например, Г.З. Байер, Н.М. Карамзин (См.: Карамзин Н.М. История государства российского. Т. I. Прим. 112). На ошибку Эверса указывал также М.П. Погодин (См.: Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 275 – 277). В современной науке перевод «красные» считается основным, поскольку доказано, что существовал особый императорский личный флот из кораблей, украшенных пурпуром (См.: Чичуров И.С. Указ. соч. Прим. 454).
- ¹¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 13.
- ¹¹¹ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 2. С. 245.
- ¹¹² Там же. С. 45.
- ¹¹³ Такими «важными вероятными событиями» признаются: восстание Вадима Храброго, известие о путешествии Пимена в Константинополь и некие другие, которые Эверс прямо не указывает (См.: Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 2. С. 254).
- ¹¹⁴ Там же. С. 250.
- ¹¹⁵ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 2. С. 204.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Ср. с рассуждениями о сообщении Иосифа бен Гериона, помещающего руссов у реки Куры: «Здесь нет нужды, что книга его есть подложное сочинение... сочинитель в таких посторонних предметах старался быть верным, дабы обманывать безопаснее в других» (Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 1. С. 197).
- ¹¹⁸ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 2. С. 204 – 205.
- ¹¹⁹ Там же. С. 207.
- ¹²⁰ Там же. С. 205.
- ¹²¹ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 1. С. 24 – 32.
- ¹²² Там же. С. 44. В число варягов в понимании летописца Эверс включал практически все европейские народы.
- ¹²³ Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 370.
- ¹²⁴ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 1. С. 133.
- ¹²⁵ Там же. С. 287 – 288.
- ¹²⁶ Там же. С. 287.
- ¹²⁷ Эверс Г. Предварительные критические рассуждения о русской истории. Кн. 2. С. 289 – 291.

- 128 Там же. С. 276 – 278.
- 129 О волжских руссах см.: Там же. С. 274 – 275.
- 130 Погодин М.П. О жилищах древнейших руссов. Сочинение господина Н. 1826. С. 48 – 49.
- 131 Перемышлевский М.О. О времени и причинах вероятного переселения славян на берега Волхова // Ученые записки Московского университета. Ч. 3. № 9. М., 1834. С. 458 – 460.
- 132 Скромненко С. (Строев С.М.). О недостоверности древней Русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. – СПб., 1834. С. 17.
- 133 Бодянский О.М. О мнениях касательно происхождения Руси // Сын Отечества. Т. LI. Ч. 173. – СПб., 1834.
- 134 См.: Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 178.
- 135 См.: Там же. С. 308.
- 136 Там же. С. 220 – 221.
- 137 Там же. С. 236, 238, 244.
- 138 Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 98.
- 139 Там же. С. 99 – 101.
- 140 Там же. С. 122.
- 141 Там же. С. 124 – 125.
- 142 Там же. С. 135 – 137.
- 143 Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 152.
- 144 Там же. С. 254 – 256.
- 145 Там же. С. 257 – 258.
- 146 Там же. С. 309.
- 147 См.: Эверс Г. Древнейшее русское право в историческом раскрытии. СПб., 1835. С. 35.
- 148 Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 70.
- 149 Голлман Г.Ф. Рустрингия, первоначальное отечество первого российского великого князя Рюрика и братьев его. М., 1819. С. 5, 9.
- 150 ПВЛ. С. 8.
- 151 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 14.
- 152 На самом деле в ПВЛ следующий порядок: «свеи, урмане, готе (готландцы – С.С.), русь, агняне...» (ПВЛ. С. 8). Голлман ошибочно считал, что «готе» - это датчане.
- 153 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 33 – 35.
- 154 Там же. С. 33 – 35.
- 155 Там же. С. 36 – 38, 42 – 45.
- 156 Там же. С. 55. По-видимому, Голлман подразумевает под «рустрингской девой» Оду, жену князя Святослава Ярославича (по другой версии – Владимира Ярославича) (См. об Оде: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях. С. 506 - 519; Каштанов С. М. Была ли Ода Штаденская женой великого князя Святослава Ярославича? // ВЕДС. – М., 1994. – С. 16 – 18)
- 157 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 20.
- 158 Там же. С. 31.
- 159 Там же. С. 59.
- 160 Там же. С. 6 – 8.
- 161 Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 163 – 165.
- 162 Руссов С. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России. С. 464 – 465.
- 163 Там же. С. 464.
- 164 Там же. С. 465.
- 165 Там же. С. 465 – 474.
- 166 Руссов С. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России. С. 475 – 488.
- 167 Там же. С. 351 – 352.
- 168 Там же. С. 365, 368.
- 169 См.: Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 178.
- 170 Там же.
- 171 Там же.
- 172 Морошкин Ф.Л. Примечания от издателя // Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836. С. 335. Далее Морошкин уточняет свое мнение: «первые Варяги, упоминаемые до половины XI века как народ были племя Славян, а именно Старградские Вагры и Варны или Руги» и лишь со второй половины XI в. под варягами подразумевают скандинавов (Там же. С. 372).
- 173 Морошкин Ф.Л. Примечания от издателя. С. 335 – 336.

- 174 Каченовский М.Т. // Ученые записки Московского университета. 1835. Сентябрь и октябрь.
 175 Морошкин Ф.Л. Примечания от издателя. С. 337, 340.
 176 М.П. Погодин указывал на то, что Устав турнира в Магдебурге подложный, поскольку первые публикаторы не заслуживают доверия. П.Г. Бутков писал, что устав, якобы опубликованный в 938 г., не мог исходить от Генриха I, поскольку этот король умер еще в 936 г. Даже если этот акт действительно существовал, то упомянутые в нем «Руссии» можно соотносить с одноименными названиями областей в Тюрингии и Швейцарии. Имена же «русских» князя и герцога Bilmarus и Radebotto никак нельзя считать славянскими.
 177 Морошкин Ф.Л. О значении имени руссов и славян. С. 343 – 358.
 178 Морошкин Ф.Л. О значении имени руссов и славян. М., 1840. С. 234.
 179 Там же. С. 234 – 236.
 180 Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. С. 19.
 181 Морошкин Ф.Л. О значении имени руссов и славян. С. 238 – 239.
 182 Там же. С. 268, 271 – 272, 297.
 183 Бутков П.Г. О новоотысканных славянских руссах. С. 96.
 184 Крузе Ф. Происходят ли руссы от венедов и именно от ругов, обитавших в Северной Германии. С. 41.
 185 Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 211.
 186 Бутков П.Г. О новоотысканных славянских руссах. С. 98.
 187 Венелин Ю.И. Скандинавомания. С. 49.
 188 Там же. С. 93.
 189 Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгары. С. 163.
 190 Венелин Ю.И. Скандинавомания. С. 83; Его же. Древние и нынешние болгары. С. 164, 166 – 167, 177 – 178.
 191 Венелин Ю.И. Скандинавомания и ее поклонники, или столетняя изыскания о варягах. С. 91 – 92.
 192 Там же. С. 5 – 8, 50; Его же. О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. М., 1848. С. 20 – 21.
 193 Там же. С. 31 – 32.
 194 Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. С. 9 – 10.
 195 Там же. С. 28 – 29.
 196 Там же. С. 30 – 31.
 197 Там же. С. 33 – 34.
 198 Там же. С. 36 – 37.
 199 Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. С. 18 – 23, 27. Ср. «Рѣша русь, чудь, словене, кривичи и вси: земля наша велика и обильна...» (ПВЛ. С. 13). Эти слова, по мнению Максимовича, говорились уже в Ютландии.
 200 Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. С. 69 – 70; ПВЛ. С. 8. Народ «нарци» рассматривают как жителей римской провинции Норика, которая была, по крайней мере, с VI в. заселена славянами (См.: Лихачев Д.С. Комментарии // ПВЛ. С. 385).
 201 Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. С. 132.
 202 Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. С. 71 – 73, 76.
 203 Этот высокопарный стиль, к тому же несколько экзальтированный и подкрепленный славянофильскими идеями характерен для работы Максимовича. Так, Ломоносов у него назван «вещим» (Там же. С. 73)
 204 Там же. С. 77 – 78.
 205 Максимович М.А. Сочинения. Т. I. С. 93.
 206 Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 184 – 195.
 207 Святной Ф. Историко-критические исследования о варяжской руси // Маяк современного просвещения и образованности. – 1845. – Т. 19. С. 1 – 36. Т. 20. С. 64 – 89.
 208 Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XXXVI
 209 Там же. С. XVI; Его же. Разбор мнений М.П.Погодина о начале Руси // СО. 1848, кн. 11, отд. 1. С. 12 – 13.
 210 Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XXXIII; Савельев-Ростиславич Н.В. Разбор мнений М.П.Погодина о начале Руси. С. 37.
 211 Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XXXVII.
 212 Савельев-Ростиславич Н.В. Предисловие // Морошкин Ф.Л. С. 10 – 12.
 213 Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XV.
 214 Савельев-Ростиславич Н.В. Разбор мнений М.П.Погодина о начале Руси. С. 16.
 215 Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XXXVI
 216 Белинский В.Г. Славянский сборник Н.В. Савельева-Ростиславича // ОЗ. 1845. Т. XLI. С. 24.
 217 Там же. С. 30.

- 218 Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до Рюрикового
времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова. Вып. I. М., 1854. С. I – II.
- 219 Там же. С. III, 18.
- 220 Фомин В.В. История разработки варяго-русского вопроса в трудах ученых дореволюционного периода // История и историки. 2006. М., 2007. С. 42.
- 221 Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов. Вып. I. С. IV.
- 222 Там же. С. 6 – 7.
- 223 Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов. Вып. II. С. 14.
- 224 Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов. Вып. I. С. 16.
- 225 Там же. С. 28.
- 226 Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов. Вып. II. С. 2.
- 227 Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. С. 45 второй пагинации.
- 228 Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. С. 59 – 69 второй пагинации.
- 229 Там же. С. 69 – 76 второй пагинации.
- 230 Костомаров Н.И. Начало Руси. С. 9 – 14.
- 231 Там же. С. 15 – 17.
- 232 Там же. С. 6 – 7, 24.
- 233 Костомаров Н.И. Начало Руси. С. 15.
- 234 Публичный диспут о начале Руси. С. 5 – 7.
- 235 Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. С. 34, 40.
- 236 Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. С. 19.
- 237 Согласно М. Фасмеру слово *русалка* «производное от др.-русс. *русали*□а “языческий праздник весны”»
(См.: Фасмер М. Этимологический словарь. Т. III. С. 520).
- 238 Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. С. 23 – 25.
- 239 Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. С. 25 – 29. См.: Древняя Русь в свете
зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I. С. 272; Т. II. С. 73.
- 240 Гедеонов С.А. Отрывки из исследований о варяжском вопросе. С. 30 – 31.
- 241 Там же. С. 32 – 33.
- 242 Там же. С. 53 – 70.
- 243 Куник А.А. Дополнения А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. С. 393.
- 244 Там же. С. 399.
- 245 Куник А.А. Дополнения А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. С. 415.
- 246 Там же. С. 631.
- 247 Там же. С. 430 – 4, 670 – 673.
- 248 Там же. С. 360.
- 249 Там же. С. 360.
- 250 Куник А.А. Дополнения А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. С. 361, 363, 673. Менее четко Куник высказывал те
же мысли в 1845 г. (См.: Kunik E. Op. cit. S. 323 – 328).
- 251 Куник А.А. Дополнения А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. С. 379 – 388. Впервые разбор сведений Балами
представлен Куником в работе 1845 г. (См.: Kunik E. Op. cit. Vol. II. S. 84 – 106).
- 252 В сочинении Бал’ами правитель Дербента обращается к арабскому полководцу со словами: «Я нахожусь
между двумя врагами, один – хазаре, а другой – русы, которые есть враги целому миру, в особенности же арабам...»
(Гаркавия А.Я. Указ. соч. С. 74). Дискуссия о сообщении Бал’ами продолжается и в современной науке. Помимо его
сведений существует также сообщение Захир ад-дина Мар’аши, где русы упоминаются применительно к событиям VI в.
Некоторые антинорманисты трактуют все эти данные (включая сведения Псевдо-Захарии о народе hros, обитавшем в
Причерноморье в VI в.), как указание на существование руси уже в то время (См.: Фомин В.В. Начальная история Руси.
С. 154 – 157; Максимович К.А. Происхождение этнонима русь. С. 33 – 36).
- 253 Куник А.А. Дополнения А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. С. 631 – 633.
- 254 Там же. С. 460, 671.
- 255 Куник А.А. Дополнения А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. С. 462, 694.
- 256 Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 48, 108, 263 – 269.
- 257 Там же. С. 109.
- 258 Там же. С. 194 – 195.
- 259 Там же. С. 258 – 259, 262.
- 260 Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 208.
- 261 Там же. С. 190 – 192.

- 262 Там же. С. 243.
 263 Там же. С. 201 – 202.
 264 Там же. С. 231.
 265 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 117 – 118.
 266 Забелин И.Е. История русской жизни. Т. I. С. 44.
 267 Там же. С. 135.
 268 Забелин И.Е. История русской жизни. Т. I. С. 168 – 171.
 269 Там же. С. 173.
 270 Там же. С. 134, 137 – 138.
 271 Котляревский А.А. Сказание об Оттоне Бамбергском. С. 141.
 272 Свистун Ф.И. Спор о варягах и начале Руси. С. 23.
 273 Свистун Ф.И. Спор о варягах и начале Руси. С. 24 – 25, 73.
 274 Там же. С. 109 – 112.
 275 Там же. С. 113.
 276 Там же. С. 52, 142.
 277 Там же. С. 165.
 278 Там же. С. 159, 161.
 279 Хвольсон Д.А. О происхождении слова «русь» // Труды I археологического съезда в Москве. Вып. I. М., 1871.
 С. 134.
 280 Ибн Хордадбех. С. 124.
 281 Хвольсон Д.А. Русы у арабского писателя первой половины IX века Ибн Хордадбея С. 117.
 282 Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. С. 390.
 283 Ламбин Н.П. Источник летописного сказания о происхождении Руси // ЖМНП. Ч. CLXXIII. № 6. СПб.,
 1874. С. 234 – 235.
 284 Ламбин Н.П. Источник летописного сказания о происхождении Руси. С. 235, 237.
 285 Там же. С. 260, 263.
 286 См.: Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского
 государства (IX – X вв.) // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 28.
 287 Ламбин Н.П. Источник летописного сказания о происхождении Руси. С. 229 – 230.
 288 Васильевский В.Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI–XII веков // Его же.
 Труды. Т. I. СПб., 1908. С. 377.
 289 Томсен В. Начало русского государства. С. 150, 154 – 155, 157.
 290 ПВЛ. С. 17.
 291 Томсен В. Начало русского государства. С. 156, 159.
 292 Там же. С. 148.
 293 Там же. С. 163.
 294 Там же. С. 172.
 295 Там же. С. 164.
 296 Там же. С. 164 – 165.
 297 Томсен В. Начало русского государства. С. 175.
 298 Там же. С. 183.
 299 См.: Томсен В. Начало русского государства. С. 219 – 226.
 300 Там же. С. 184 – 185.
 301 Там же. С. 157, 164.
 302 Там же. С. 186 – 187, 190 – 191.
 303 Томсен В. Начало русского государства. С. 188 – 190.
 304 Там же. С. 217 – 218.
 305 Там же. С. 150.
 306 Там же. С. 193.
 307 Там же. С. 197.
 308 Томсен В. Начало русского государства. С. 154.
 309 Шмурло Е.Ф. Восьмой археологический съезд. С. 27.
 310 Там же. С. 28.
 311 Там же. С. 28 – 29.
 312 Браун Ф.А. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь». С. 56.
 313 Браун Ф.А. Гипотеза профессора Будиловича о готском происхождении названия «Русь». С. 56 – 58.

- ³¹⁴ Якубов К. К вопросу о происхождении имени «Русь» // Труды десятого археологического съезда в Риге. Том I. М., 1899. С. 197
- ³¹⁵ Там же. С. 197 – 198.
- ³¹⁶ Там же. С. 199.
- ³¹⁷ Якубов К. Указ. соч. С. 199.
- ³¹⁸ Там же. С. 199 – 200.
- ³¹⁹ Там же. С. 200.
- ³²⁰ Тебеньков М.М. Происхождение Руси: Опыт введения к истории русского народа. Ч. I. Древние россы. Тифлис, 1894. С. 5.
- ³²¹ Там же. С. 68 – 72.
- ³²² Тебеньков М.М. Указ. соч. С. 106.
- ³²³ Там же. С. 157.
- ³²⁴ Там же. С. 169 – 194.
- ³²⁵ Щеглов Д. Первые страницы русской истории // ЖМНП. Ч. 184. СПб., 1876. С. 264 – 269.
- ³²⁶ Немиров Г.А. «Русь» и «варяг». С. 12, 15, 16 – 17.
- ³²⁷ Завитневич В.З. Происхождение и первоначальная история имени Русь // Труды Киевской духовной академии. Ч. XII. 1892. С. 567 – 588.
- ³²⁸ Хвольсон Д.А. О происхождении слова «русь» // Труды I археологического съезда в Москве. Вып. I. М., 1871. С. 130.
- ³²⁹ Савельев-Ростиславич Н.В. Предисловие // Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. С. 3, 6 – 7; Его же. Славянский сборник. С. XXXVII – XXXVIII; Его же. Разбор мнений М.П.Погодина о начале Руси // СО, 1848, кн. 11, отд. I. С. 12.
- ³³⁰ Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до Рюрикового времени в особенности. Вып. I. С. II – III.
- ³³¹ Венелин Ю.И. Скандинавomania и ее поклонники, или столетние изыскания о варягах. С. 52.
- ³³² Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгары. С. 162.
- ³³³ Фомин В.В. Ломоносов. С. 406.
- ³³⁴ Третьяковский В.К. Указ. соч. С. 479.
- ³³⁵ Венелин Ю.И. Скандинавomania. С. 5 – 8
- ³³⁶ Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. С. 39 – 40.
- ³³⁷ Руссов С.В. Замечания на историю русского народа Н. Полевого. С. 5 – 6.
- ³³⁸ Интересные наблюдения над географическими представлениями летописца сделал в свое время С.М. Соловьев. По его мнению, «Балтийское или Варяжское море, по летописцу, находится не на северо-западе, но прямо на севере... Вследствие такого взгляда становится понятным, как варяги, приседя к морю Варяжскому, могут в то же время соприкасаться с востоком, пределом Симовым» (Соловьев С.М. История России. Т. I. С. 91).
- ³³⁹ ПВЛ. С. 13.
- ³⁴⁰ Максимович М.А. Сочинения. Т. I. С. 94.
- ³⁴¹ Костомаров Н.И. Начало Руси. С. 9.
- ³⁴² Забелин И.Е. История русской жизни. Т. I. С. 134.
- ³⁴³ Максимович М.А. Откуда идет Русская земля. С. 14 – 17.
- ³⁴⁴ Скроненко С. (Строев С.М.). О недостоверности древней Русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834
- ³⁴⁵ Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 45 – 46, 50.
- ³⁴⁶ Там же. С. 47.
- ³⁴⁷ Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 51 – 52.
- ³⁴⁸ Щеглов Д. Первые страницы русской истории // ЖМНП. Ч. 184. СПб., 1876. С. 228; Тебеньков М.М. Указ. соч. С. 65.
- ³⁴⁹ Забелин И.Е. История русской жизни. Т. I. С. 48.
- ³⁵⁰ Руссов С.В. Замечания на историю русского народа Н. Полевого. С. 5 – 6.
- ³⁵¹ Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. С. 44 – 45 второй пагин.
- ³⁵² ПВЛ. С. 12 – 13.
- ³⁵³ Розенкампф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. С. 140 – 142. В этом же томе ТЛЮИДР была опубликована статья П.М. Строева о славянском переводе «Хроники» Георгия Амартола, незадолго перед тем обнаруженной. Так что тема заимствования из греческих хронографов была весьма актуальна.
- ³⁵⁴ Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 190, 236.
- ³⁵⁵ Там же. С. 231, 240.

- 356 См.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 11.
 357 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 114.
 358 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 22 – 25.
 359 См.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 11.
 360 Руссов С.В. Замечания на историю русского народа Н. Полевого. С. 22.
 361 В Бертинских анналах записано, что Феофил отправил со своими послами «неких [людей], которые говорили, что их, то есть их народ, называют рос», Людовик же «расследуя более тщательно причину их прибытия... узнал, что они из народа свеонов, и решил, что они являются скорее разведчиками в той стране и в нашей, чем просителями дружбы» (См.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. С. 11). Впрочем, нигде в анналах не говорилось, что свеоны ложно пользовались именем Rhos, и даже не утверждалось, что они в действительности были разведчиками, сообщалось только о подозрениях Людовика.
 362 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 118.
 363 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 22 – 25.
 364 Annales regni francorum. URL: <http://hbar.phys.msu.ru/gorm/chrons/regnfri.htm> (дата обращения - 18.05.2011).
 365 Руссов С.В. Замечания на историю русского народа Н. Полевого. С. 22.
 366 Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 221.
 367 Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 322. Подобным же образом трактовал *chacanus* Ф.Г. Штрубе де Пирмонт (См.: Штрубе де Пирмонт Ф.Г. Указ. соч. С. 70).
 368 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 119.
 369 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 22 – 25.
 370 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 117.
 371 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 22 – 25.
 372 Описав посольство шведского конунга Бьерна в 829 г. к Людовику Благочестивому и подчеркнув, что оно было отправлено «неизвестно с каким препоручением» Шлецер писал: «другой шведский король по имени Гокан, которого внимание сим возбудилось, узнав, что выключая франкского императора есть еще другой сильный человек в Константинополе, отправил к нему посольство» (См.: Шлецер А.Л. Нестор. Ч. I. С. 320 – 321).
 373 Нейман. О жилищах древних руссов. С. 41 – 42; Розенкампф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. С. 153.
 374 Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. IV. С. 38.
 375 Максимович М.А. Сочинения. Т. I. С. 97.
 376 Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 223.
 377 Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 24, 30.
 378 Руссов С.В. Письмо о Россиях, бывших некогда вне нынешней нашей России. С. 109.
 379 Сенковский О.И. О происхождении имени руссов. С. 152.
 380 Савельев-Ростиславич Н.В. Предисловие. С. 4.
 381 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 149.
 382 Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. С. 5.
 383 Венелин Ю.И. О нашествии завислянских славян на Русь до Рюриковых времен. М., 1848. С. 29.
 384 Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 166.
 385 Тебеньков М.М. Указ. соч. С. 82.
 386 Куник А.А. Дополнения А.А. Куника // Дорн Б.А. Каспий. С. 674.
 387 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 133.
 388 Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Название *Русь* в этнокультурной истории. С. 35.
 389 Савельев-Ростиславич Н.В. Разбор мнений М.П.Погодина о начале Руси. С. 7.
 390 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 106.
 391 Розенкампф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. С. 155.
 392 Морошкин Ф.Л. Историко-критические исследования о руссах и славянах. С. 4 – 5.
 393 Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов. Вып. II. С. 11.
 394 Розенкампф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. С. 151.
 395 Там же. С. 152 – 153.
 396 Руссов С.В. Замечания на историю русского народа Н. Полевого. С. 20.
 397 Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. С. 52 второй пагинации.
 398 Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 11.
 399 Шмурло Е.Ф. Восьмой археологический съезд. С. 27.

- 400 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 28.
 401 Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 222.
 402 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 19.
 403 Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. С. 78 второй пагинации.
 404 Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 2 – 3.
 405 Ламанский В.И. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании. – СПб., 1859. С. 39 – 43 второй пагинации.
 Подобное же мнение не вполне уяснив себе суть аргументации Куника приводил и Н.В. Савельев-Ростиславич, задавшись риторическим вопросом: «свойственно ли окончание ь нашему русскому языку?» (Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XLV).
- 406 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 110.
 407 Там же. С. 111; Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XLIV. Прим. 54.
 408 Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции по русской истории. Т. II. С. 135.
 409 Сенковский О.И. О происхождении имени руссов. С. 152.
 410 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 111 – 112.
 411 Савельев-Ростиславич Н.В. Славянский сборник. С. XLIV. Прим. 54.
 412 Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 11.
 413 Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-руссов. Вып. II. С. 11.
 414 Геденов С.А. Отрывки из исследований по варяжскому вопросу. С. 12.
 415 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 70 – 71.
 416 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 72 – 73.
 417 Максимович М.А. Сочинения. Т. I С. 99.
 418 Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 42.
 419 Савельев-Ростиславич. Н.В. Славянский сборник. С. XXXIV.
 420 Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 211 – 215.
 421 Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 38 – 41, 45.
 422 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 133 – 138.
 423 Руссов С.В. Замечания на историю русского народа Н. Полевого. С. 25, 36.
 424 Савельев-Ростиславич. Н.В. Славянский сборник. С. XXXIII.
 425 Венелин Ю.И. О нашествии завислянских славян на Русь. С. 24.
 426 Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. С. 203 – 204.
 427 Свистун Ф.И. Указ. соч. С. 37.
 428 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 133.
 429 Савельев-Ростиславич. Н.В. Славянский сборник. С. XXXIII.
 430 См.: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь. С. 35.
 431 Бестужев-Рюмин К.Н. Русская история Т. I. С. 93.
 432 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 92.
 433 Розенкампф Г.А. Обзорение Кормчей книги. С. 150.
 434 Савельев-Ростиславич. Н.В. Славянский сборник. С. XXXV.
 435 Голлман Г.Ф. Указ. соч. С. 25. Подобные мысли высказывал уже Г. Эверс (См.: Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 93 – 96).
- 436 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 97.
 437 Розенкампф Г.А. Объяснение некоторых мест в Нестеровой летописи в рассуждении вопроса о происхождении древних руссов. С. 154.
 438 Эверс Г. Предварительные критические исследования для русской истории. Кн. 1. С. 110, 139.
 439 Венелин Ю.И. О нашествии завислянских славян на Русь. С. 29.
 440 Максимович М.А. Сочинения. Т. I С. 97 – 98.
 441 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. С. 114 – 115.
 442 См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 203.
 443 См.: Хлевов А.А. Указ. соч. С. 24 – 36.
 444 Томсен В. Начало русского государства. С. 175 – 178.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

Советский Союз глазами российских эмигрантов в 1940–1950-е гг.

Отношение российских эмигрантов к политическому режиму в СССР, их оценки его характера во многом являются решающими при определении места той или иной эмигрантской группировки в политическом спектре диаспоры. В российской эмигрантской прессе политическим процессам в Советском Союзе уделялось большое внимание, эта тематика занимала место на первых полосах газет и журналов. Анализ личной переписки представителей диаспоры показывает, что и в письмах друзьям и родственникам российские эмигранты нередко выражали свое отношение к новостям из советской политической жизни. Бесспорно, их высказывания о политике в СССР, представленные в личной переписке, обычно носили эмоциональный характер, элемент теоретического осмысления советской действительности здесь был выражен достаточно слабо. Тем не менее, содержание этих оценок определялось политическими убеждениями автора, которые обычно и обуславливали его принадлежность к той или иной эмигрантской группировке. Заметим, что характер и глубина проводившегося анализа ситуации в Советском Союзе также нередко были различны в зависимости от политических взглядов эмигрантского публициста или философа. Известный исследователь истории Российского зарубежья М. Раев выдвинул по этому поводу интересный тезис: «Заслуживающий внимание анализ событий в Советском Союзе могли дать лишь публицисты, придерживающиеся социалистических и либеральных взглядов. Консерваторы и монархисты рассматривали их лишь под углом зрения возможности реставрации прежней системы, пусть даже и в измененной форме»¹. Такая оценка, очевидно, прежде всего, отражает либеральные взгляды самого М. Раева, тем не менее, проведенный нами анализ произведений российских эмигрантов убеждает в том, что некоторая доля истины в этих словах имеется.

Анализируя те оценки ситуации в Советском Союзе, которые встречались в работах эмигрантских мыслителей, нельзя не затронуть и проблему источников их информации. Как уже было показано в предыдущей главе, многие эмигрантские политики осознавали, насколько далеки они были от Родины, как слабо ориентировались в реальной ситуации внутри Советского Союза. Эмигрантские публицисты очень внимательно читали советскую прессу, анализировали статистические материалы, однако это не решало проблему полностью, поскольку для многих из них отсутствовала возможность побывать на Родине. Осознавая это, известный публицист Российского зарубежья Ф. А. Степун в

1948 г. писал: «Зная прекрасно политическую систему большевизма, зная факты и статистику, мы живой, теперешней России перед глазами все же не видим. Мы Россию не чувствуем»².

Какой же была та Россия, в которую вглядывались российские эмигранты? Каковы были политические настроения советских людей после Второй мировой войны? На наш взгляд, справедливо мнение известной исследовательницы послевоенного советского общества Е. Ю. Зубковой, которая в своих работах не преувеличивает степень оппозиционности населения СССР. Не следует, полагает она, и считать, что война «открыла глаза» народу на сущность режима: «Сама по себе война не изменила в целом отношение к режиму: кто раньше считал его справедливым, еще больше (особенно после победы) уверился в его правоте, у кого и раньше не было иллюзий – их не прибавилось». Тем не менее, все вышесказанное не означает, что следует игнорировать влияние Великой Отечественной войны на политическое сознание советского общества. По мнению той же Е. Ю. Зубковой, психологический эффект войны был действительно весьма велик, поскольку она пробудила в людях «способность вариативно мыслить, критически оценивать ситуацию, а не принимать все сущее как единственную данность»³.

В среде наиболее активной антикоммунистической части диаспоры в целом было распространено мнение, что основные черты политического режима в СССР сложились до Второй мировой войны, прежде всего в 1930-е гг. В отечественной историографии уже были подвергнуты анализу оценки эмигрантами «сталинской модернизации» и характера политического режима 1920-1930-х гг.⁴. Принципиальные особенности этого режима, несмотря на те изменения, которые были связаны с войной, сохранялись и после 1945 г. Как отмечает известный историк Р. Г. Пихоя, продолжение прежней политики было не только политической установкой, идущей «сверху», но отражало и настроения широких слоев населения, полагавших, что советский строй выдержал самую серьезную проверку – мировую войну⁵.

Следует отметить, что такова была позиция не только большинства населения СССР, но и достаточно многих российских эмигрантов. Часть из них встала на откровенно просоветскую точку зрения, характеризуя существовавший в СССР политический режим как бесклассовый, где социальное единство народа, основанное на общности экономических и культурных интересов, закономерно обуславливало и общность социально-политических идеалов. Именно это приводило, по их мнению, к тому, что в Советском Союзе отсутствовала база для функционирования многопартийной системы⁶.

Необходимо подчеркнуть, что симпатии к такой модели политического устройства у части эмигрантов были обусловлены кризисом либерализма и институтов «формальной»

демократии, который ярко проявился в Европе в 1920-1930-е гг., разочарованием населения в системе «партийных распрей и фракционных интриг»⁷. В этих условиях, полагали, например, некоторые деятели российской диаспоры во Франции, «вне того пути, по которому идет Советская Россия, не могут быть построены ни реальная свобода, ни реальная демократия»⁸.

Признание закономерности существовавшей в СССР политической системы могло носить разные формы. Это могло быть некритическое восторженное отношение, не предполагавшее анализа отдельных составляющих советской государственности. В этом русле были выдержаны, например, статьи в органе карпатских украинцев США и Канады газете «Карпатска Русь», где СССР оценивался как «национальная держава» карпаторуссов. После образования Закарпатской области Украинской ССР, заявляли публицисты этого издания, перед ее народом открылась дорога к «богатому и счастливому житью», так что живущие в Америке карпаторуссы «напевно завидовали своим краянам из Подкарпатской Руси»⁹.

Однако, некоторые эмигранты, отмечая негативные особенности политической системы в СССР, тем не менее, указывали на то, что ее формирование связано с теми процессами, которые происходили в мире и в сознании людей в XX в. Иными словами, политический режим в СССР был не исторической случайностью, а закономерным результатом общемировых процессов. Например, художник Н. А. Бенуа в письме к своему отцу, выдающемуся деятелю русской культуры А. Н. Бенуа в 1946 г., указывал: «Я остаюсь при прежнем скепсисе и при прежней моей оценке всех отрицательных сторон этого режима, остающегося мне глубоко далеким... Но отрицательные формы большевизма, по моему, не суть только плоды советского режима, а потенциально и морально они разлиты по всему белому свету». Большевизм, полагал он, не является случайным и «чисто российским явлением», а связан с «общим вырождением духа»: «Человечество безнадежно завралось и нужно все начинать сначала... Вот почему я все же склонен думать, что большевизм, сам выросший из развала прошлой мировой войны, является, безусловно, той ужасной «касторкой» на «жабьей крови», что Высший Разум всыпал человечеству, дабы самым энергичным образом «прослабить» заболевший организм и выгнать из него всякую адову нечисть»¹⁰.

Антикоммунистическая эмиграция в первые послевоенные годы обвиняла в просоветских настроениях такого видного философа Российского зарубежья, как Н. А. Бердяев. Однако его отношение к политическому режиму в СССР было неоднозначным. Уже в 1946 г. в письме к княгине И. П. Романовой он указывал, что «готов защищать Советскую Россию» как свою родину, видит в ней и «правду», которую не хотели замечать

многие антикоммунисты. Однако он признавался, что многое его - убежденного приверженца персонализма и противника тоталитаризма - «возмущало и отталкивало». Как и многим деятелям диаспоры, поверившим в возможность эволюции политического режима в СССР после Второй мировой войны, Н. А. Бердяеву довелось пережить глубокое разочарование, когда стало ясно, что эти надежды оказались напрасными. В своей «философской автобиографии» он писал: «После героической войны процессы, происходящие в советской России, протекли не так, как можно было надеяться. Свобода не возросла, скорее наоборот...Есть опасность национализма»¹¹.

Философ ощущал себя духовно одиноким в послевоенной диаспоре, поскольку, не занимая просоветских позиций, не относился и к лагерю прямолинейных антикоммунистов. По-прежнему сложным было отношение Н. А. Бердяева к русской революции, которая привела к власти большевиков. В одной из своих последних работ он указывал, что в революции «догнивает то, что было гнило в старом дореволюционном строе. Этически нужно даже признать право на революцию, когда неправда старого права стала слишком великой и духовные основы старого строя разложились»¹². Но трагедия России, полагал философ, состояла в том, что революция создала новую, «еще горшую», тиранию. Революционная стихия отрицала ценность свободы личности. Несмотря на это, Н. А. Бердяев не мог присоединиться к тем, кто был готов на применение любых средств в борьбе против политического режима в СССР. Наиболее четко Н. А. Бердяев выразил свою позицию в письме к И. П. Романовой в 1947 г.: «Я знаю, что свободы в России нет...И все-таки через ужасную революцию пробудились к исторической активности огромные массы русского народа, которые раньше находились во тьме». Он отмечал, что его отношение к Советской власти объективно является двойственным: «Она делает много дурного и непосредственно у меня к ней нет никакой симпатии. Но она является единственной исторической властью, принужденной защищать Россию перед лицом мира»¹³. Как известно, подобные идеи высказывались в эмиграции еще в 1920-е гг. в трудах некоторых философов- «сменовеховцев».

Весьма сложным было отношение к последствиям революции 1917 г. и другого видного мыслителя Российского зарубежья – Ф. А. Степуна. В целом он, бесспорно, стоял на антикоммунистических позициях, подчеркивая, что, «ни за царем, ни за дореформенным помещиком русский народ не был закреплен такой проклятой, кровавой крепью, как за Лениным и Сталиным». Вместе с тем, принадлежа в 1930-е гг. к группе журнала «Новый град», он и после Второй мировой войны продолжал разделять многие идеи «пореволюционных течений». Убежденный демократ, Ф. А. Степун не мог не видеть того, что революция сделала возможными и многие позитивные перемены в жизни народа:

«Октябрь войдет в историю существеннейшим этапом на пути окончательного раскрепощения русского народа»¹⁴. Не случайно, в мемуарах Ф. А. Степуна был подвергнут резкой критике взгляд на простой народ как на элемент «пейзажа», характерный для многих представителей дореволюционного дворянства.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в кругах антикоммунистической эмиграции значительная часть философов и публицистов, характеризуя политический режим в СССР, разделяли концепцию тоталитаризма. Вокруг этого понятия, как известно, уже несколько десятилетий идут ожесточенные дискуссии. Сложность, противоречивость этого феномена обстоятельно исследована в работе уральских историков В. И. Михайленко и Т. П. Нестеровой. Немаловажен, на наш взгляд, факт, на который указывают эти исследователи: в 1920-1930-е гг. на Западе проблематика тоталитаризма разрабатывалась в основном эмигрантами из России и стран Центральной Европы (Н. А. Бердяев, П. Б. Струве, И. А. Ильин и др.). В эпоху «холодной войны» именно российский эмигрантский мыслитель Н. С. Тимашев предпринял одну из наиболее известных попыток модификации понятия «тоталитаризм», выдвинув идею существования системы, сочетающей элементы тоталитаризма и демократического государства¹⁵. Характерно, что термином «тоталитаризм» применительно к политическому режиму в Советском Союзе пользовалась не только политизированная часть российской диаспоры. Он встречается, например, в мемуарах такого весьма далекого от эмигрантской политики человека, как известная поэтесса И. Одоевцева¹⁶.

Что же касается тех российских эмигрантов, которые в 1940-1960-е гг. специально исследовали природу советского тоталитарного режима, то в их работах данный режим обычно противопоставлялся либеральной демократии, где господствует принцип свободы личности. Тоталитаризм, как указывал один из наиболее глубоких философов-эмигрантов послевоенного времени С. А. Левицкий, стремится уничтожить саму идею свободы, «выдавая социально и духовно организованное рабство за свободу». Цель тоталитаризма, который С. А. Левицкий называл «царством страха», состояла в том, чтобы люди «субъективно-свободно ощущали свое объективное рабство»¹⁷. В связи с этим любопытно сделанное видным деятелем послевоенной эмиграции Г. П. Климовым сравнение советской пропаганды с рекламой в странах Запада: «Человек ходит голый, голодный, поставленный на уровень безмолвного робота. При этом его уверяют как раз в обратном. И что самое удивительное – он верит»¹⁸.

Неотъемлемой чертой тоталитарных режимов, как указывали эмигрантские публицисты, является массовый террор, целями которого были подавление инакомыслия и мобилизация населения на решение задач индустриальной модернизации. Отмечалось, в

частности, что свое существование тоталитарная власть оправдывала тем, что она «ведет свой народ, свой общественный класс и даже все человечество к лучшему будущему», а именно диктатура позволит избежать «уклонений от этого пути»¹⁹. Поэтому, большевизм и концлагеря – это неразрывно связанные между собой явления, указывали деятели второй волны эмиграции из СССР²⁰. Как отмечали российские эмигранты, закономерно и то, что постепенно среди жертв террора появлялось все больше старых партийных деятелей. Уничтожение многих представителей т.н. «ленинской гвардии» в 1937-1938 гг., ожесточенная борьба за власть в последние годы жизни И. В. Сталина – все эти явления непосредственно вытекали из самого характера большевистского государства, указывали эмигрантские мыслители. Один из крупнейших религиозных философов Российского зарубежья Н. О. Лосский видел причину всех этих событий в воинствующем атеизме основателей Советского государства, принципиальном неприятии ими библейских заповедей: «Большевики преступили старый закон «не убий»: они осуществили массовый террор..., но ад, который они создали, привел их самих к внутреннему разложению»²¹.

В работах эмигрантских мыслителей эпохи «холодной войны» отмечались и другие характерные черты тоталитаризма. Так, еще одной специфической особенностью тоталитарного режима, отличающей его от традиционных разновидностей диктатуры, является наличие господствующей идеологии, на что указывал, например, Н.И. Ульянов²². «Идеократией», где не только поведение, но и мировоззрение каждого человека пронизывалось господствующей идеологией, называл политический режим в Советском Союзе известный философ Российского зарубежья В. В. Зеньковский²³.

Заметим, что эмигрантские политики использовали популярную на Западе концепцию тоталитаризма и для того, чтобы обосновать свои собственные теоретические построения. Как справедливо отметил, например, крупнейший исследователь эмигрантского меньшевизма А. Либих, в статьях старых российских социал-демократов после Второй мировой войны тоталитарный характер Советского государства являлся исходной посылкой для различных утверждений. Если для Р. Абрамовича он был важнейшим доказательством невозможности обновления режима изнутри, то для Д. Ю. Далина – прежде всего свидетельством общности гитлеровской Германии и сталинского СССР²⁴. Но в целом, подчеркивает А. Либих, такая позиция меньшевистского эмигрантского центра представляла собой разрыв с т.н. «линией Мартова», сущность которой состояла в надежде на постепенную демократическую эволюцию большевистского режима²⁵.

Следует отметить, что резко негативные оценки характера политического режима в СССР звучали и из уст представителей левых сил в российской эмиграции. Так, для

анархистов ситуация в СССР являлась доказательством их тезиса о необходимости ликвидации самого института государства. Централизация власти, указывал они, привела к превращению Советского государства в «тюрьму народов»²⁶.

Одну из наиболее интересных попыток комплексного анализа существовавшего в СССР политического режима предпринял в конце 1940-х – начале 1950-х гг. известный деятель НТС Р. Н. Редлих. Он, в частности, выступил против достаточно популярной теории (выраженной, например, в трудах Н. А. Бердяева), что коммунизм – новый вариант религиозной системы. Глубокое отличие между ними состояло в том, что всякое религиозное чувство – это ощущение «мира иного». Для любой религии земной мир – это не единственный мир. Вследствие этого для религиозного человека неприемлемо отношение к земному миру как к объекту для волюнтаристских экспериментов, наличие людей, стоящих и над теорией, и над практикой, которые «прямо сейчас творят историю». В основе большевистской теории, по замечанию Р. Н. Редлиха, лежали материализм, монизм, детерминизм и гностицизм²⁷.

Однако любой непредвзятый аналитик, характеризуя ситуацию в Советском Союзе, заметил бы глубокие противоречия между теорией и практикой. Они замаскировывались, по мнению Р. Н. Редлиха, с помощью т.н. «диалектического метода мышления»: «Советская жизнь наполнилась фикциями...В Советском Союзе никого решительно уже не возмущает, когда слова расходятся с делами...Мир советской теории – это мир мифов и фикций». Поэтому, коммунистическая доктрина – это «псевдорелигия», т.к. большинство населения, полагал эмигрантский мыслитель, внутренне в нее не верит²⁸.

Анализируя сознание советского человека, российские солидаристы указывали, что оно не находится под полным воздействием официальной пропаганды, которая, за редким исключением отдельных произведений литературы и искусства, «никуда не годится и решительно ни в ком не создает никаких убеждений». Сама ее организация носила ярко выраженный формально-бюрократический характер. На практике жизнь в СССР состояла из «действий, имеющих исключительно ритуальное значение» (выборы в Верховный Совет и т.д.). Даже язык в СССР был «окрашен лицемерием», т.к. господство «фикций» делало его «изумительно удобным для пустословия»²⁹. При этом следует отметить, что, как справедливо указывали Н. И. Осипов и Р. Н. Редлих, создаваемые коммунистической пропагандой мифы и фикции выполняли важную функциональную нагрузку: «они суть условные формы приказа, выполнение которых совершенно обязательно». Например, внедрение в массовое сознание мифа о «капиталистическом окружении» означало указание на необходимость подготовки к войне.

Вместе с тем, господство мифов и фикций в советском обществе могло существовать лишь до определенного предела. Как отмечали эмигрантские публицисты, когда разрыв между теорией и практикой становился «бытом», «нормой», то наступала «смерть большевизма», т.к. фикции «оголялись», мифы теряли последние остатки «вероподобного» отношения к ним. По мнению антикоммунистических философов, этот процесс развивался уже в 1950-е гг.

Анализируя структуру сознания советского человека, Н. И. Осипов и Р. Н. Редлих выделяли в ней три основных яруса: «явный» ярус, «тайный» ярус и некий «придаток» - «сознательность». При этом явный ярус также делился на показное и внутреннее отношение к власти. Внутреннее отношение к власти определялось вытеснением в область подсознания («тайный ярус») ненависти к коммунистическому режиму вследствие крайней опасности этого чувства для его носителя. Эмигрантские публицисты подчеркивали, что это нельзя назвать верой, а можно охарактеризовать лишь как стремление к лояльности власти, чтобы избежать репрессий. Именно поэтому деятели НТС считали ошибочной точку зрения старой эмигрантки, известного политика дореволюционной России Е. Д. Кусковой, полагавшей, что советские люди искренне верят в справедливость коммунистического режима, однако некоторые из них (например, участники власовского движения в годы войны) впоследствии разочаровываются в своей вере. Н. И. Осипов и Р. Н. Редлих указывали, что Е. Д. Кускова – «типичнейшая представительница XIX в., либералка каждым нервом, каждой клеточкой своего организма», которая наивно переносила «структуру своей души» на своих собеседников из числа советских людей, зачастую искренних, но «себя до конца не понимающих»³⁰.

В качестве важного элемента структуры сознания советского человека, как полагали деятели НТС, выступала «сознательность» - комплекс мыслей и чувств, которые власть считала обязательными. Фактически она представляла собой область лицемерия, которая с помощью фикций оказывала давление на явный ярус сознания.

Такая сложная структура сознания советского человека приводила к тому, что, как отмечали эмигрантские публицисты, последовательные и сознательные враги режима в СССР почти всегда являлись «циниками», скептиками и релятивистами. Лишь немногие из них осознавали, что, отрицая зло, они «поднимаются до добра»³¹.

Один из идеологов НТС Р. Н. Редлих в своих работах предпринял и анализ различных групп советского общества. Так, интересно выделение им «актива» - добровольных и «наиболее рьяных агентов» власти. Они представляли собой внешнее выражение идеологемы («фикции», по терминологии Р. Н. Редлиха), что коммунистическая партия – это не аппарат насилия, а лишь «передовой отряд рабочего

класса». Для советского активиста характерно не то, что он являлся членом партии, а то, что он был инициативным работником и патриотом своей страны. Подавляющее большинство активистов «не хотело ведать того, что они творили». Лишь незначительная часть актива – «отъявленные мерзавцы, циники и карьеристы»³², понимающие реальный характер коммунистического режима. Справедливо мнение Р. Н. Редлиха о том, что активизм являлся для советской молодежи прежде всего формой реализации ее жажды деятельности, здорового честолюбия, интереса к конкретному делу. В качестве альтернативы молодые люди видели лишь «серую жизнь» рядового советского обывателя, «скучную службу». Поэтому принадлежность к активу во многом была естественным выбором для молодого человека. Однако, полагал Р. Н. Редлих, когда активистом «вдруг ни с того ни с сего становится зрелый человек, можно почти со стопроцентной уверенностью сказать, что он или круглый дурак, или отъявленный мерзавец»³³. Кроме этого, расколотость психики, сочетание «цинизма и полuverы» у многих активистов приводило к тому, что именно из их среды формировались кадры наиболее стойких противников режима, подобных генералу А. А. Власову.

Помимо «актива», важной опорой коммунистического режима в СССР, безусловно, являлись работники аппарата. Для них, по мнению Р. Н. Редлиха, было характерно отсутствие политических убеждений, идейности: «Политических настроений в этой категории людей меньше, чем где бы то ни было. Коммунистическая партия есть для них не более, чем место службы»³⁴. При этом неверно было и представление о том, что именно аппаратчики – это элита советского общества. На практике они обычно являлись лишь покорными исполнителями, полностью зависевшими от службы.

Р. Н. Редлих подчеркивал, что аппарат в СССР неоднороден. Среди работников советского (а не партийного) аппарата было много очень квалифицированных специалистов, которые отчетливо видели пороки советской системы. Именно эти «аппаратчики поневоле» и могли стать, по мнению НТС, той силой, на которую можно было опереться в антикоммунистической борьбе. Деятели же власовского АЦОДНР полагали, что монолитным единством не являлся и партийный аппарат в СССР. В результате массовых репрессий конца 1930-х гг. и изменений военного времени он пополнился новыми людьми, выходцами из других социальных групп, которые были «менее заражены коммунистической доктриной», чем старые большевики. Многие из них испытывали, по мнению власовцев, «глубокие сомнения» относительно правильности политики коммунистической партии³⁵.

Важным социальным слоем советского общества была интеллигенция. Известный деятель послевоенной эмиграции Г. П. Климов различал в ее составе советскую

техническую и партийную интеллигенцию. Первые, будучи людьми советской эпохи, при этом далеко не всегда сочувствовали линии партии, а во многом являлись вынужденными «попутчиками». Что же касается т.н. партийной интеллигенции, то, по мнению Г. П. Климова, они не имели «за душой ничего, кроме партбилета да узко специализированного партийного образования»³⁶. Заметим, что подобная дифференциация, с одной стороны, близка к предложенной Р. Н. Редлихом классификации работников аппарата, с другой – исключает из сферы анализа гуманитарную интеллигенцию, с которой, очевидно, Г. П. Климов в СССР тесно не контактировал.

Что же касается отношения эмигрантов к творческой интеллигенции СССР, то оно было достаточно сложным. С одной стороны, эмиграция не могла игнорировать особые условия, в которых вынуждены были творить советские интеллигенты. «Наша литература не умерла, - отмечалось в одной из статей в 1951 г., - но она лежит, связанная по рукам и ногам, с кляпом «соцреализма» во рту... Кто бросит в них камень? Кто бросит камень в престарелую Анну Ахматову, творца трогательных стихов о любви, которую угрозой голода и тюрьмы заставили писать гимны Сталину?»³⁷. Как уже отмечалось выше, большим уважением пользовался в кругах антикоммунистической эмиграции и Б. Л. Пастернак, талант которого признавался бесспорным³⁸. С другой стороны, уровень большинства литературных произведений сталинской эпохи эмигрантами оценивался как «катастрофически низкий». Господствовало мнение о выполнении художественной интеллигенцией определенного «социального заказа» власти. При этом отмечалось, что обвинять в этом советских деятелей культуры бесполезно: «Там, где они капитулировали, им предстоит разговор с собственной совестью. Там, где они сами добровольно перешли в стан врагов..., проповедовать все равно бессмысленно»³⁹.

Дискуссионным в кругах российской антикоммунистической эмиграции являлся вопрос о политических настроениях населения в СССР. Безусловно, эмигрантам хотелось надеяться на то, что значительная часть населения являлась противниками существовавшего режима. Многие эмигранты-антикоммунисты верили в наличие в Советском Союзе социально-политической базы для восстания против власти. Так, например, деятели СБОНР заявляли, что коммунистическому правительству «абсолютно не удалось создать какого-либо единства народа с властью». Наоборот, полагали они, история «еще не знала режима, более ненавидимого собственным народом». Именно в этом им виделось коренное отличие коммунистической диктатуры от фашистской⁴⁰. С этой точкой зрения был согласен известный деятель НТС А. С. Казанцев, подчеркивавший, что русский народ в течение тридцати лет находился в состоянии «гражданской войны» против «оккупировавшей страну» власти, которая была абсолютна

чужда народу. Поэтому оппозицией в Советском Союзе являлся, по его мнению, «весь народ», за исключением административно-полицейского аппарата. В атмосфере «психологической газовой камеры», когда отсутствовали реальные возможности для оппозиционных действий, выработались особые методы политического сопротивления (мелкие акты вредительства, антисоветские анекдоты и т.д.)⁴¹. А лидеры Марокканского отдела НТС в 1952 г. уже заявляли: «Что революция в России – реальная возможность, мы можем теперь говорить на основании нашего опыта»⁴².

Тезис о том, что официальная пропаганда оказывает лишь слабое воздействие на советское общество, разделяли и деятели «Крестьянской России» - Трудовой Крестьянской партии. Об этом, в частности, свидетельствовал проведенный А. Сергеевым анализ настроений советских солдат. Косвенным доказательством этого, по его мнению, выступал даже низкий уровень дисциплины в Вооруженных силах СССР⁴³. Деятели существовавшего в США Свято-Серафимовского фонда также полагали, что в Советском Союзе уже к началу 1950-х гг. развивалось «моральное освобождение» народа, когда происходило подчинение власти лишь по необходимости, но не признание ее нравственным авторитетом⁴⁴.

Однако, такова была интерпретация взаимоотношений власти и общества в СССР лишь некоторых эмигрантских публицистов. Используя концепцию тоталитаризма, их оппоненты указывали на определяющую роль пропагандистского аппарата государства в формировании политических представлений населения. Справедлив, на наш взгляд, тезис известного меньшевика Б. М. Сапира, полагавшего, что эмигрантская социал-демократия своевременно не заметила формирования тоталитаризма в Советском Союзе. И даже тогда, когда этот политический режим укрепился, редакция «Социалистического вестника» не сделала из этого соответствующие выводы. Главной причиной этого, полагал Б. М. Сапир, являлся консерватизм мышления старых русских социал-демократов, которых отличал «подход к событиям в Советском Союзе с традиционной точки зрения, вернее, с точки зрения того, что считалось марксизмом в XIX в. Механизм борьбы различных сил в государстве втискивался в логичные формулы, в т.н. законы развития. Последние доказывали неизбежность роста сил пролетариата и конечной его победы»⁴⁵. Тот факт, что в принципиально новых условиях тоталитаризма эти закономерности явно не работали, а политическое сознание пролетариата находилось под жестким контролем господствующей идеологии, стало ясно меньшевикам слишком поздно.

Кроме того, эмигрантский публицист О. В. Анисимов отмечал, что политическая атмосфера в СССР накладывала «печать известной стандартизации» на все общество. Важным являлся его вывод о том, что в этих условиях стирались все «полутона» в

идейных установках человека, выбор ограничивался между «громким «да» и тайным «нет». Именно поэтому даже оппоненты коммунистической власти фактически стремились к воспроизводству уже существующей политической модели, выступая за то, чтобы заменить «партию злодеев» на «партию хороших людей», не осознавая необходимости замены самого механизма функционирования политической власти⁴⁶.

Известная деятельница первой послереволюционной волны эмиграции Е. Д. Кускова в многочисленных статьях 1940-1950-х гг. ставила важную проблему ответственности народа и составлявших его социальных групп за существовавший в СССР политический режим. В 1948 г., например, она справедливо отмечала, что коммунистическое правительство, «каким бы террористическим способом оно ни правило», не могло бы в течение тридцати лет удерживать власть, если бы оно не имело поддержки значительной части населения⁴⁷. А уже в начале 1950-х гг. Е. Д. Кускова указывала, что необходимо изживание русским народом «иллюзий революции», одновременно отмечая: «Пока этого нет. А распинать Россию здесь, на иностранных платформах, и легко, и мало полезно»⁴⁸. Она подчеркивала, что анализ ситуации в СССР не свидетельствовал о существовании в стране революционной ситуации, для чего была необходима трансформация психологических установок населения. Однако, к началу 1950-х гг. народ еще продолжали «взнуздывать правители»⁴⁹.

Именно умелое использование большевиками пропагандистского аппарата, по мнению части эмигрантов, приводило к тому, что даже в случае начала Третьей мировой войны с США и западным блоком большевикам удалось бы сохранить контроль над населением. Как указывал Б. В. Прянишников в письме к Р. П. Рончевскому в 1952 г., в период Второй мировой войны коммунистическое руководство СССР приобрело «совершенно исключительный опыт по психологическому состоянию нашего народа»⁵⁰. Используя патриотические настроения людей, власть могла добиться их консолидации в борьбе против общего врага.

Характеризуя политический режим в СССР, эмиграция неизбежно обращалась к проблеме исторической обусловленности его специфических черт. Среди части западных интеллектуалов было распространено мнение, что Советский Союз является историческим преемником Российской империи, а политическая культура русского народа исключает возможность функционирования демократических институтов. Характеризуя эту позицию, известный поэт Серебряного века Г. В. Иванов указывал: «Была «охранка» - есть МВД. Был «империализм царей» - есть сталинский империализм»⁵¹. Бесспорно, зачастую такая вульгаризация фактов прошлого России, надуманные аналогии были связаны с отсутствием у некоторых западных авторов глубоких познаний в истории нашей

страны. В этом трудно упрекнуть одного из крупнейших мыслителей России XX в. Г. П. Федотова. Однако и он, либерал-демократ по своим взглядам, характеризуя советского человека, писал в 1945 г. : «Он предан власти, которая подняла его из грязи и сделала ответственным хозяином над жизнью сограждан. Он готов заморить себя работой, и его высшее честолюбие – отдать свою жизнь за коллектив: партию или родину... Не узнаем ли мы во всем этом служилого человека XVIв.?»⁵². Именно этот вывод о глубокой исторической обусловленности существовавшего в Советском Союзе политического режима заставлял Г. П. Федотова сомневаться в возможности его радикальной демократизации. Русский мыслитель приходил к выводу, что большинство населения в СССР не стремится к либерализации общественной жизни: «Немало советских людей повидали мы за границей. Почти ни у кого мы не замечаем тоски по свободе... Большинство даже болезненно ощущают свободу западного мира как беспорядок, хаос, анархию. В России ценят дисциплину и принуждение, не верят в значение личного почина»⁵³. Таким образом, социальная база демократических реформ в Советском Союзе оказывалась крайне узкой.

Как было показано выше, особую позицию в первые послевоенные годы занимал Н. А. Бердяев. Но и он, как известно, немалое место в своих работах уделял проблеме исторической обусловленности политического режима в СССР. Наибольшую известность получила его более ранняя работа «Истоки и смысл русского коммунизма». Однако и в труде «Русская идея» философ немало писал о тесной связи большевистской России с русской мессианской идеей, которая, впрочем, как и в концепции «Москва – Третий Рим», здесь искажалась, поскольку гипертрофировалась роль государства⁵⁴.

Однако, большинство российских эмигрантов весьма критически воспринимали тезис о жесткой детерминированности авторитаризма и тоталитаризма в России.. Известный историк М. М. Карпович, например, подчеркивал принципиальное отличие коммунистической диктатуры от самодержавия в том, что последнее даже в периоды своего высшего могущества не было ни «идеократией», ни «полицейским государством». Российскому самодержавию не были присущи черты тоталитарного государства. Оно не обладало столь развитым аппаратом принуждения и пропаганды, какой имела диктатура в СССР⁵⁵. Интересный тезис о том, что послевоенный Советский Союз являлся не «эманацией» старой России, а лишь ее «сознательной имитацией», выдвинул Ф. А. Степун⁵⁶. Против замалчивания «светлых» сторон истории России, игнорирования демократических традиций (вечевые собрания, земское самоуправление и т.д.) выступал и такой крупный историк, как С. Г. Пушкирев, указывавший, что в прошлом нашей страны были заложены возможности разных вариантов ее развития⁵⁷.

Однако, эмиграция не могла не заметить эволюции политического режима в СССР в направлении частичного возврата к «национально-исторической традиции», антитезе Россия – Запад. Это свидетельствовало о завершении революционного процесса, исчерпании тех тенденций, истоки которых находились в 1917 г., на что указывал, в частности, Н. С. Тимашев⁵⁸. Одновременно отмечалось, что именно революционный утопизм 1917 г. заложил основы для советской диктатуры, поскольку «непомерная гордыня», отрицание «космических законов» неизбежно приводили к превращению «спасителей человечества» в «кровожадных тиранов»⁵⁹.

Произошедшая за годы Советской власти эволюция ее отношения к историческому наследию России встречала разные оценки в среде российской эмиграции. Правомонархические круги полагали, что СССР представляет собой полный разрыв с традициями российской государственности, что проявлялось даже в изменении исторического названия страны – Россия – на «воровскую кличку» (по выражению, например, бывшего полковника Белой армии Н. П. Рыбакова) – СССР. Эту же тенденцию отражало и стремление власти сформировать новую историческую общность людей – советский народ⁶⁰. «Двурушнической» называли национальную политику Советской власти деятели НТС, отмечавшие, что если внутри страны велась «беспощадная борьба» с мусульманскими традициями, преследовались пантюркизм и панисламизм, то за рубежом руководство СССР позиционировало себя в качестве «защитника» стран Ближнего Востока от «происков англо-американского империализма». Вместе с тем, по мнению солидаристов, уже к началу 1950-х гг. был очевиден провал попытки использования властью патриотических лозунгов, поскольку культивируемый советский патриотизм оказался «тесной одеждой для угрожающе выросшего» русского патриотизма⁶¹.

Вместе с тем, в среде российской антикоммунистической эмиграции было распространено и мнение о том, что проводимая коммунистическим руководством политика унификации является естественным продолжением национальной политики в Российской империи. Уже царское правительство делало все для того, чтобы народы империи не проявляли свою национальную идентичность. Именно поэтому усилия Советской власти, полагала эта группа деятелей антикоммунистической эмиграции, уже к началу 1950-х гг. принесли желаемый ею эффект. Майор власовской армии Ф. М. Легостаев в 1950 г. указывал, что национальные различия в СССР сглажены, а национальных проблем «практически не существует». Активной и ведущей силой в СССР, как и в Российской империи, выступал великорусский народ с «родственными ему во всем украинским и белорусским народами». Другие национальности, указывал Ф. М. Легостаев, благодаря достаточно разумной политике царского правительства и «очень

гибкой» национальной политике в СССР, чувствовали себя в «семье российских народов не отщепенцами и не меньшими братьями», а вполне равноправными ее членами⁶². Что же касается русского национализма, то он, по замечанию эмигрантского публициста И. Курганова, не противостоял советскому патриотизму, а целенаправленно стимулировался властью, являясь «побочной линией» советской национальной политики, важным инструментом идеологической подготовки народа к Третьей мировой войне⁶³. Именно этим целям служила политика сталинского руководства в конце 1940-х – начале 1950-х гг., известные постановления по вопросам культуры, борьба с «космополитизмом». Она, по замечанию Ю. П. Денике, была «так явственно заострена против Запада», что естественно напрашивалось объяснение ее как желание «вытравить вредное влияние» впечатлений, принесенных на Родину побывавшими в Европе в годы войны советскими людьми⁶⁴. Одновременно особенностью пропагандируемого властью советского патриотизма был, как указывал известный эсер М. В. Вишняк, его «инструментальный» характер, когда на первый план выдвигалась не любовь к Родине, а преданность Советской власти, т.е. определенному типу политического режима⁶⁵.

Анализируя проблему отношения Советской власти к историческому наследию России, российская эмиграция неизбежно обращалась к теме православной церкви в СССР. Данный вопрос уже становился предметом специального изучения⁶⁶. Известно, что эволюция государственной политики в церковном вопросе в Советском Союзе в 1940-е гг. встречала различную реакцию в эмигрантской среде. Правые силы в Российском зарубежье полагали, что следует разоблачать маневры коммунистического руководства в отношении православной церкви как шаги, направленные на обман не только верующих в СССР, но и общественного мнения на Западе⁶⁷. Бывшие офицеры Белой армии, например, характеризовали возрождение патриаршества как «подлейший подлог», который означал лишь «изменение приемов к уничтожению остатков Православия»⁶⁸. Негативно воспринял попытки Московской патриархии подчинить себе церковные приходы за рубежом и глава Русской зарубежной православной церкви митрополит Анастасий (Грибановский).

Иную позицию заняло руководство Западно-европейского экзархата во главе с митрополитом Евлогием. Оно приветствовало, например, приезд в 1945 г. в Париж представителя Московской патриархии митрополита Николая Крутицкого как шаг на пути к окончанию церковного раскола⁶⁹. Лишь смерть митрополита Евлогия и отсутствие гибкости со стороны Московской патриархии помешали реализации планов подчинения зарубежных приходов Святейшему Синоду в Москве. Впоследствии, в эмигрантской литературе позиция Московской патриархии в первые послевоенные годы

характеризовалась в основном крайне негативно. Отмечалась, прежде всего, полная поддержка ею внутренней и внешней политики коммунистического руководства СССР⁷⁰.

На наш взгляд, одним из тех деятелей российской диаспоры, которые занимают в отношении православной церкви в СССР наиболее взвешенную позицию, в течение уже нескольких десятилетий является протоиерей Д. Константинов. Отмечая успехи православия в стране в первые послевоенные годы (рост числа храмов и т.д.), он указывает, что они были достигнуты не только благодаря сохранению в народе веры, но и с помощью сочувственного отношения «огромного числа просто безрелигиозных людей, не интересующихся ни верой, ни атеизмом», в том числе и представителей бюрократии. Протоиерей Д. Константинов полагает даже, что рост авторитета церкви привел к тому, что она стала той «своеобразной духовной закваской, которая перевернула в какой-то мере в духовном отношении всю страну», выступила источником новых веяний в советской культуре, распространяла идеи духовной и политической свободы, абсолютной ценности человеческой личности⁷¹. Касаясь же взаимоотношений власти и церкви, Д. Константинов справедливо указывал, что нельзя «огульно осуждать» Московскую Патриархию за компромисс с властью: «не было в тот момент иного выхода». Нормальное существование православия в СССР возможно было лишь через легальную церковь, доступную всему населению. Однако, отмечал Д. Константинов, осознавая это и «примирившись внешне, как с печальной необходимостью», с церковной политикой Московской патриархии, верующие внутренне ее не поддерживали⁷².

Среди представителей левых политических течений в российской эмиграции достаточно распространенным был тезис о том, что эволюция советского режима идет в направлении реставрации дореволюционной политической системы. При этом отмечалось, что данная реставрация носит не только политический, но и социально-экономический характер. Как известно, идею «термидора» в 1920-1930-е гг. активно развивал Л. Д. Троцкий. Во второй половине 1940-х гг. этот тезис продолжала отстаивать его вдова Н. И. Седова, полагавшая, что в период Великой Отечественной войны сохранялась тенденция реставрации капитализма⁷³. Заметим, что подобные мысли высказывали отнюдь не только троцкисты, но и некоторые другие эмигранты из числа социалистов. По мнению, например, старого народовольца Ю. Делевского (Я. Л. Юделевского), в СССР в послевоенные годы завершался процесс формирования «новой аристократии», состоявшей из партийной номенклатуры, а также «верхушки армии и специалистов»⁷⁴.

Как уже было отмечено выше, в первые послевоенные годы часть эмигрантов выражала надежду на серьезные изменения в советском обществе. Е. Д. Кускова, например, в сказанных И. В. Сталиным в 1946 г. словах об исчезновении принципиальной

разницы между коммунистами и беспартийными в СССР увидела свидетельство окончания существования партийного государства и постепенного «появления на сцене всего народа»⁷⁵. Большие надежды некоторые эмигранты возлагали на фронтовиков как потенциальных «новых декабристов», однако уже в марте 1946 г. известный в дореволюционной России деятель партии народных социалистов А. Б. Петрищев на основе анализа их выступлений в ходе выборов в Верховный Совет предостерегал от иллюзий: «Они знают, что надо охранять и почему надо охранять...Эмиграции эти новые советские люди едва ли понравятся». Вместе с тем, он справедливо указывал, что теоретически объективное развитие политических процессов может привести фронтовиков в лагерь оппозиции: ведь стал же консерватор М. В. Родзянко лидером думских критиков правительства Николая II в годы Первой мировой войны⁷⁶.

Однако, значительная часть старых политиков из лагеря российской антикоммунистической эмиграции даже в 1945 г., в момент наивысшего подъема в Российском зарубежье настроений «советского патриотизма» весьма скептически относилась к перспективам эволюции политического режима в СССР. Они полагали, что нет никаких оснований утверждать о наличии стремлений к демократизации в среде правящего слоя советского общества. Те же процессы, которые внушали некоторым эмигрантам подобные надежды, развивались скорее стихийно и, напротив, вызывали беспокойство партийной номенклатуры. Характерна в этом плане позиция старой деятельницы кадетской партии А. В. Тырковой-Вильямс. Еще в январе 1945 г., в письме к Е. В. Саблину (надеявшемуся, как было показано выше, на эволюцию сталинского режима), она указывала: «Россия жива, это самое главное. Но надо, чтобы ей дали жить жизнью достойной. Великого народа, достойной России. До сих пор оттуда даже слово «Россия» не доносится»⁷⁷. К концу победного для антигитлеровской коалиции 1945 г. скепсис А. В. Тырковой только усилился. Продолжая свой диалог с Е. В. Саблиным, уже в ноябре 1945 г. она писала ему: «Для меня нет сомнения, что там, в любезном отечестве, что-то происходит значительное, может быть, решающее. На этот процесс мы с Вами по-разному смотрим. Я считаю, что он совершается против желания власти и что теперь они дадут обратный ход, если смогут»⁷⁸. Впрочем, как мы видели, к осени 1945 г. и сам бывший посол Российской империи в Великобритании осознал, что власть в Советском Союзе отнюдь не поддерживает тенденции к подлинной демократизации существовавшего там политического режима.

Реальное развитие государственной политики в СССР в 1945-1953 гг. пошло по линии сохранения довоенной политической системы. Это вызывало недовольство части населения, на что указывала и российская эмиграция⁷⁹. В конце 1940-х – начале 1950-х гг.

И. В. Сталин и его окружение провели новую волну репрессий, целью которых были уничтожение в обществе надежд на реформы и возвращение полного контроля власти над ним. Одновременно, как указывала эмиграция, репрессии отражали обострение борьбы за власть в ближайшем окружении И. В. Сталина. Так, указывалось на то, что «Ленинградское дело» было «предвестником новой большой чистки», возглавлявшейся Г. М. Маленковым. Ее характер деятели Лиги борьбы за народную свободу даже сравнивали с большими московскими процессами 1936-1938 гг.⁸⁰ Однако, в итоге террор послевоенных лет оказался смягчен по сравнению с 1930-ми гг. Объясняя причины этого, известный солидарист Г. А. Хомяков (Андреев) указывал на фактор усталости населения от войны, охватившие людей чувства патриотизма и преданности Родине, что позволило власти реже применять репрессивные меры. Он же связывал с борьбой между группировками Г. М. Маленкова и А. А. Жданова «дело врачей» 1953 г.⁸¹

Смерть И. В. Сталина в 1953 г. вызвала в среде критически относившейся к режиму в СССР российской эмиграции всплеск надежд на изменения в стране. Наиболее непримиримо настроенные по отношению к коммунистическому руководству страны эмигрантские группировки надеялись на то, что следствием смерти вождя станет крушение всего политического режима в СССР. Показательным является воззвание Исполнительного Бюро Совета НТС, появившееся в прессе сразу же после получения известия о смерти И. В. Сталина: «Смерть Сталина развязала руки революции... Паника и разброд – в душах сталинских последышей! Страшны, да все же не так страшны. Верные ученики и соратники, да все же поменьше рангом»⁸². Менее политизированная часть эмиграции, многие деятели культуры рассчитывали на либерализацию режима, постепенное увеличение степени духовной свободы в СССР.

Важным для понимания постсталинской эволюции политического режима в Советском Союзе является переходный период 1953 – 1957 гг., когда, как полагает Р. Г. Пихоя, шла борьба между отстаиваемым Г. М. Маленковым принципом коллективного руководства и линией Н. С. Хрущева на продолжение функционирования сталинской модели централизации власти⁸³. Заметим, что в среде российской эмиграции высказывались различные оценки расстановки сил в высшем руководстве СССР. В 1953 г. существовала, в частности, тенденция несколько недооценивать реальную роль Н. С. Хрущева и партийного аппарата в целом при принятии важнейших решений. Так, в неопубликованном докладе известного меньшевика Г. Я. Аронсона «Русские социалисты о текущем моменте» отмечалось: «Вождь один – Маленков, продвигающийся под прикрытием коллектива к единоличной диктатуре. Из первоначальной «тройки» Берия устранен, а Молотов, по-видимому, оттеснен... Идея партии растворилась или поглощена

самодовлеющим государством. Хрущев по линии партийной – правая рука Маленкова»⁸⁴. Однако постепенно деятелям российской диаспоры становилось очевидно, что Н. С. Хрущев, опираясь на партийный аппарат, стремительно усиливал свои позиции..

Эмиграция сразу обратила внимание на противоречивый характер политики той руководящей группы, которая оказалась у власти после смерти И. В. Сталина. Прежде всего, многие представители антикоммунистической части диаспоры подчеркивали, что власть пошла на вынужденные уступки обществу, так как исчерпала у него кредит доверия. Характерно в связи с этим, что парижский монархист Р. Казьмин называл политику коммунистического руководства в этот период «правовым НЭПом»⁸⁵. При этом отмечалась поверхностность преобразований, их демагогический характер, стремление власти приобрести у общества поддержку в обмен на незначительные материальные блага. Известный солидарист Б. В. Прянишников, например, в 1954 г. писал Р. П. Рончевскому: «Ничего лучшего для поднятия своего престижа и популярности – погром МВД и понижение его значения в психологии населения плюс изобилие земных благ – современная головка и придумать не могла». При этом он подчеркивал, что в данном случае власть действительно проводила определенные преобразования: «Следя за прессой, могу сказать, что мероприятия эти – реальность, хотя пропаганда пока что шире ощутимых уже улучшений»⁸⁶. Даже глава непримиримо настроенной по отношению к СССР Русской зарубежной православной церкви митрополит Анастасий признавал, что коммунистическое руководство в 1953-1954 гг. вынуждено было пойти на новые уступки верующим⁸⁷.

Анализируя политическую линию «коллективного руководства» в 1953 г., эмигрантские аналитики использовали также концепции «термидора» и «бонапартизма». Уже упомянутый Г. Я. Аронсон, в частности, указывал, что наиболее логичным для власти будет стремление получить лояльность государственного и партийного аппарата, найти компромисс с «генералами индустрии на какой-то средней, практической, деловой основе», а также пойти навстречу некоторым ожиданиям крестьянства, чтобы приобрести поддержку армии. Однако, при этом известный деятель меньшевистской партии полагал, что коммунистическое руководство неизбежно окажет сопротивление любым попыткам интеллигенции и рабочих «получить голос в деле управления страной»⁸⁸. В личном письме к Л. О. Дан в 1956 г. тот же Г. Я. Аронсон подчеркивал, что «термидор прет снизу, из быта»⁸⁹, что, однако неизбежно отражалось и на политической ситуации в стране.

При исследовании политической ситуации в СССР в первые постсталинские годы, российская эмиграция стремилась понять и те процессы, которые происходили внутри советского общества. Известный идеолог солидаризма Ю. Герцог указывал на

необходимость для противников советского режима содействовать развитию «молекул» гражданского общества (семья, группы лиц, связанные общими интересами и т.д.). Несмотря на то, что все эти структуры в определенной степени зависели от коммунистического государства и должны были к нему приспосабливаться, они «не имели ничего общего» с идеей «механизированного общества-государства»⁹⁰.

Большая часть оппонентов коммунистического руководства СССР в эмиграции были убеждены в том, что Советская власть не способна к реальной эволюции, поэтому каждый шаг в процессе реформирования общества неизбежно будет являться полумерой⁹¹. Подчеркивался также и тот факт, что все члены нового руководства страны разделяли с И. В. Сталиным ответственность за репрессии 1930 - начала 1950-х гг., поэтому трудно поверить в наличие у них искренних реформаторских настроений: «вряд ли душегубы действуют в порядке раскаяния»⁹². В связи с этим закономерно, что уже в 1954 г. эта часть эмигрантов активно заявляла о том, что постсталинское руководство СССР начало политику отступления от курса на либерализацию режима, сделало ставку на возвращение к прежней модели развития. Деятели Российского национального объединения в Швеции, например, указывали: «Когда Маленков и компания немного смягчили террор, выбросили на рынок кое-какое количество ширпотреба, начали как будто сами поощрять критику...то кое-кто им поверил, как люди вообще склонны верить...А раз поверили, то острота недовольства сгладилась, кризис миновал и открылись возможности возобновить зажим, что и имеет место. Критиков одергивают, аресты и высылки постепенно возобновляются (последние под камуфляжем командировок на освоение целины)»⁹³.

Российская антикоммунистическая эмиграция, внимательно следившая за политической ситуацией в СССР, обратила внимание на «замаскированную чистку» партийного аппарата, которую проводило «коллективное руководство» после дела Л. П. Берия. Анализируя причины этого явления, эмигрантские публицисты видели их не только в стремлении ликвидировать сторонников бывшего министра. Не менее важным для нового руководства СССР являлась необходимость «специализации» региональной партийной бюрократии, которую стремились с помощью различных методов заставить заниматься хозяйственными вопросами, а не проблемами «большой» политики⁹⁴. По мнению эмигрантских аналитиков, такая линия группы Г. М. Маленкова – Н. С. Хрущева вытекала не только из их опасения за свою личную власть и необходимости контроля центра над региональными элитами, но была связана и с потребностями экономического развития СССР.

Само существование «коллективного руководства» в первые постсталинские годы связывалось эмигрантами с борьбой за власть внутри правящего слоя. При этом

любопытен тезис о том, что и в 1953-1957 гг. сохранялся принцип вождизма, но вождь в это время «потерял лицо и сделался многоликим»⁹⁵.

Во многом переломным событием в процессе эволюции политического режима в СССР являлся XX съезд КПСС. Антикоммунистическая эмиграция оценивала его как начало падения коммунистической власти в СССР, поскольку речи Н. С. Хрущева и А. И. Микояна показывали «провал коммунистической идеологии»⁹⁶. Вместе с тем, подчеркивался ограниченный характер критики И. В. Сталина в выступлениях новых руководителей СССР, необоснованная персонификация сталинских преступлений. Деятели НТС, например, отмечали, что речи делегатов съезда были продиктованы прежде всего стремлением уйти от ответственности за соучастие в репрессиях 1930-начала 1950-х гг. Среди других причин «отступления» коммунистической диктатуры назывались борьба внутри «коллективного руководства», рост народных волнений, стремление «выиграть время» для укрепления режима в странах «народной демократии» и получить возможность провести освоение Сибири, Дальнего Востока и районов Крайнего Севера, что было необходимо для социально-экономического развития страны⁹⁷. Известный меньшевистский историк и публицист Б. И. Николаевский полагал, что основной причиной произнесения Н. С. Хрущевым закрытого доклада на съезде были соображения внутривластной борьбы⁹⁸.

Не могли российские эмигранты не обратить внимание и на еще одну особенность критики Н. С. Хрущевым сталинских репрессий – говорилось о необоснованности лишь тех актов террора, которые были направлены против видных партийных деятелей. Таким образом, Н. С. Хрущев шел навстречу прежде всего интересам партийной и советской бюрократии. Однако, справедливо замечал деятель Союза борьбы за свободу России В. П. Никитин, получаемая Н. С. Хрущевым взамен безграничная поддержка номенклатуры неизбежно вела к его единоличной диктатуре⁹⁹. Заметим, что исследования современных отечественных исследователей показывают, что и значительная часть населения СССР весьма неоднозначно восприняла тот факт, что Н. С. Хрущев возложил всю вину за репрессии 1930-1940-х гг. только на И. В. Сталина¹⁰⁰.

Большая часть оппонентов коммунистической власти из числа эмигрантов и после XX съезда КПСС отрицательно относились к личности постепенно выдвигавшегося на первый план в СССР Н. С. Хрущева. Характерно письмо Л. О. Дан, написанное Нине Рубинштейн в июне 1956 г.: «Читаю речь Хрущева и просто чувствую себя раздавленной и цинизмом Хрущева, и злодейством Сталина, и всей там бывшей атмосферой. Только ли бывшей? У меня нет уверенности, что она изменена до конца, даже в смысле битья...»¹⁰¹.

Однако эмигрантская социал-демократия не могла игнорировать факты изменений в политике руководства СССР после XX съезда КПСС. Их характер оценивался лидером послевоенного меньшевизма Р. Абрамовичем как «рационализация диктатуры», которая не меняла ее тоталитарной сущности¹⁰². Отмечая «некоторое приближение к правовому порядку», меньшевики одновременно подчеркивали отсутствие тенденций к подлинной демократизации коммунистического режима, поскольку не создавался механизм ограничения власти выборными представительными учреждениями.

Большинству эмигрантских политиков было очевидно, что во второй половине 1950-х гг. на их Родине протекали чрезвычайно важные политические процессы. Однако, вопрос об их характере очень часто оставался без ответа в силу отсутствия у деятелей Российского зарубежья необходимой информации. Как уже отмечалось, многие старые политики дореволюционной России пытались мыслить «по аналогии», полагая, что развитие Советского Союза может происходить по тем же законам, что и эволюция политической системы в Российской империи времен их молодости. Впрочем, как раз сравнение политических процессов в стране во времена Александра II и Н. С. Хрущева усиливало скептицизм многих эмигрантов в отношении перспектив «оттепели». Старая деятельница русского либерализма начала XX в., бывший член ЦК партии кадетов А. В. Тыркова-Вильямс, например, в апреле 1957 г. писала А. И. Угрюмову: «В России идет какое-то шуршание. Как бы эмиграция не оказалась в положении спящих дев. Я сейчас читаю книги о том, как двигалась русская мысль в XIX в. и боюсь, что той подготовки людей и идей, которая началась при Николае I и оборвалась при Николае II, вернее, была растоптана социалистами, нигде сейчас не происходит»¹⁰³. Иными словами, являвшаяся свидетелем и активным участником процессов трансформации политической системы самодержавной России старая деятельница либеральной оппозиции сомневалась в готовности общества в условиях десталинизации адекватно отреагировать на слабые реформаторские импульсы, исходящие от власти, активно участвовать в новых преобразованиях, подталкивая власть к ним. Таким образом, фактически ставилась важная проблема ответственности не только власти, но и общества за медленное развитие реформ в постсталинском Советском Союзе.

Вместе с тем, в кругах меньшевистской эмиграции высказывалось и мнение о необратимости тех перемен, которые являлись следствием XX съезда. Объективное развитие исторических процессов вынуждало Н. С. Хрущева продолжать трансформацию сталинской системы, даже если это не совпадало с его первоначальными намерениями. Старый социал-демократ Е. А. Ананьин в письме к Л. О. Дан в сентябре 1956 г. указывал, что Н. С. Хрущев, «если бы и хотел повернуть вспять, не сможет». Отмечалось, что новый

лидер СССР неизбежно «должен будет идти налево, иначе он очутится во власти Молотова, Кагановича и др.». В результате Е. А. Ананьин допускал, что историческое развитие СССР приведет «лет через двадцать» к легальному существованию социал-демократической партии, которая поведет трудную борьбу с государственным капитализмом и новым привилегированным слоем: «т.е. все начнется заново»¹⁰⁴.

Анализ хранящейся в Международном институте социальной истории в Амстердаме переписки деятелей меньшевистской эмиграции показывает, что их сильно беспокоило укрепление власти Н. С. Хрущева во второй половине 1950-х гг. Являвшиеся сторонниками демократических принципов управления старые меньшевики были обеспокоены тем, что параллельно с процессом реабилитации жертв сталинских репрессий происходило усиление авторитарных тенденций¹⁰⁵.

Активно обсуждались в меньшевистском эмигрантском центре события в СССР летом 1957 г., июньский Пленум ЦК КПСС, в результате которого Н. С. Хрущев одержал победу над оппозицией. В июле 1957 г. Л. О. Дан отмечала в письме к Нине Рубинштейн: «По случаю московских событий пришли Гуревичи, Боря (Б. М. Сапир – прим.автора), Аронсоны и на все стороны переворачивали все сообщения, стараясь проникнуть в самую суть. Не очень удалось это»¹⁰⁶. Колебался в оценке произошедших в СССР событий и Р. Абрамович, который также не мог первоначально однозначно ответить на вопрос: являлись ли решения июньского Пленума ЦК актом «освобождения политики партии от реакционеров», или они означали лишь завершение очередного этапа борьбы за власть?¹⁰⁷.

Однако для большинства меньшевиков было очевидно, что усиление позиций Н. С. Хрущева в результате разгрома оппозиционеров определенно сокращает возможности для демократизации механизма принятия решений в руководстве СССР. Вдову известного социал-демократа П. А. Гарви С. С. Гарви, например, больше «пугала намечающаяся диктатура Хрущева», чем радовала победа над «сталинцами»¹⁰⁸. На крушение идеи коллективного руководства летом 1957 г. указывал в одной из своих статей и С. М. Шварц, одновременно подчеркивавший, что Пленум ЦК закрепил победу в руководстве СССР той группировки, которая отстаивала утопическую идею о сочетании реформ с укреплением партийного государства. Разгромленные же В. М. Молотов и Л. М. Каганович были более реалистичны, т.к. осознавали, что отступления от сталинской «суровости» несовместимы с сохранением в неприкосновенности монополии КПСС на власть¹⁰⁹.

Современные российские историки также весьма критически оценивают последствия июньского 1957 г. Пленума ЦК. Отмечается, что Пленум не стал новым этапом в углублении критики И. В. Сталина. Напротив, полагает А. В. Пыжиков, Пленум можно охарактеризовать как существенный шаг назад в оценке культа личности по

сравнению с XX съездом КПСС, поскольку была предпринята попытка «отделить фигуру Сталина от массовых репрессий», возложив всю вину на В. М. Молотова и других членов «антипартийной группы»¹¹⁰.

Любопытна интерпретация событий июня 1957 г. в СССР, предложенная одним из лидеров послевоенной эмигрантской социал-демократии Ю. П. Денике. Он полагал, что эти события представляли собой «консервативный переворот», т.к. на Пленуме ЦК партийная бюрократия отстояла свою господствующую роль в партийной системе. Одной из проблем, вызвавших конфликт между Н. С. Хрущевым и оппозицией, был вопрос о децентрализации управления. Среди противников Н. С. Хрущева Ю. П. Денике выделял М. Г. Первухина и М. З. Сабурова, которые были сторонниками экономического районирования, что представляло угрозу для партийной бюрократии. Важен и концептуальный вывод Ю. П. Денике о том, что противники Н. С. Хрущева выступали не против реформы, а против ее хрущевского варианта¹¹¹.

Проводя подробный анализ расстановки сил в постсталинском руководстве в середине 1950-х гг., большая часть российских эмигрантов вместе с тем подчеркивала, что внутри него отсутствовали реальные оппозиционеры системе. Лидер Российского национально-трудового союза В. М. Байдалаков, например, заявляя, что «ставка на оппозицию в партии и на партийцев сегодня или от глупости, или от измены», указывал, что точно также безосновательны надежды на сопротивление режиму со стороны директорского корпуса – «капитанов промышленности»¹¹². Левая общественность Запада (в частности, И. Дойчер) заявляла в 1950-е гг. о возможности возникновения феномена советского Бонапарта в связи с популярностью фигуры Г. К. Жукова. Однако в эмиграции многие антикоммунистические публицисты полагали, что высший командный состав Советской Армии настолько прочно интегрирован в существовавшую систему и находится под таким жестким контролем КПСС, что появление в его среде сильной оппозиционной группы невозможно: «Времена Тухачевского прошли и не вернутся»¹¹³. Некоторые деятели российской антикоммунистической эмиграции в Австралии считали неприемлемым сотрудничество даже с рядовыми членами КПСС, поскольку «всякий коммунист в СССР должен рассматриваться как активный или потенциальный враг русского народа. Все разговоры о том, что коммунисты бывают разные – «хорошие» и «плохие» должны быть оставлены для составителей сказочек»¹¹⁴. Однако, как было отмечено выше, такой была точка зрения лишь части эмигрантских публицистов, некоторые из них уже в конце 1940-х – начале 1950-х гг. отстаивали более дифференцированный подход к членам КПСС.

Для деятелей крупнейшей антикоммунистической организации – НТС, на наш взгляд, была характерна тенденция преувеличивать силу народного сопротивления коммунистическому режиму в СССР. Вряд ли правомерна, например, оценка Н. Рутычем 1956 г. как года «начала открытого забастовочного движения», о чем свидетельствовали факты прекращения работы в знак протеста против введения новых норм и новой тарифной сетки на шарикоподшипниковом заводе им. Л.М. Кагановича в Москве и на металлургическом заводе в Днепродзержинске. Характерным для НТС было и использование в связи этими событиями большевистских лозунгов о необходимости сочетания массовой агитации за экономические требования рабочих и подпольной пропаганды за «развернутые политические требования»¹¹⁵. В середине 1950-х гг. лидеры Народно-трудового союза продолжали заявлять, что население в СССР «ненавидит власть», а возникновение революционных групп среди молодежи означало формирование в стране «массового революционного движения»¹¹⁶. По нашему мнению, такая оценка политических настроений советского общества не соответствовала реальной ситуации в Советском Союзе, а делалась исключительно в пропагандистских целях.

Иначе, чем деятели НТС, оценивали ситуацию в СССР Б. В. Прянишников и группировавшиеся вокруг него солидаристы. Они полагали, что за несколько десятилетий коммунистический режим создал себе широкую опору в лице привилегированных и более обеспеченных слоев интеллигенции. Рабочие и служащие были «скованы суровой дисциплиной и вынуждены к покорности», а советское крестьянство отличалось от своих предшественников периода НЭПа тем, что в его составе не было т.н. «кулаков», выступавших в качестве лидеров. В результате Б. В. Прянишников делал вывод, что «никогда еще коммунистическая система не была такой мощной, как именно теперь»¹¹⁷.

Следует обратить внимание на характеристику оппозиционного движения в СССР, данную эмигрировавшим из страны в 1950-е гг. Д. Бургом. Он сразу же примкнул к группе «Социалистического вестника» и стал единственным в ней представителем нового поколения эмиграции. В своих статьях Д. Бург указывал, что в среде советской интеллигенции существовало оппозиционное «брожение», но основная масса критиков власти была по своим убеждениям марксистами¹¹⁸. С одной стороны, такая оценка объяснялась собственными социалистическими воззрениями автора, с другой – она находит подтверждение и в ряде других источников (вспомним характер идеологии многих подпольных молодежных групп).

Во второй половине 1950-х гг. внимание большинства эмигрантских публицистов переключилось на процессы, происходившие внутри партийного аппарата. Используя термин М. Джиласа, один из идеологов НТС Р. Н. Редлих указывал на то, что эпоха Н. С.

Хрущева – это господство «нового класса», в отличие от идеократического сталинизма¹¹⁹. Другой известный философ послевоенного Российского зарубежья, К. Ф. Штеппа, именно в возвращении партии ее господствующих позиций в политической системе СССР видел главную задачу Н. С. Хрущева, отмечая, что при И. В. Сталине большую роль играли политическая полиция и хозяйственники¹²⁰. Однако антикоммунистическая эмиграция полагала, что партийная бюрократия не является однородной массой. В ее среде деятелями НТС выделялись прежде всего две группировки - «догматики» и «ревизионисты». По мнению солидаристов, господствующей в период единоличного правления Н. С. Хрущева была умеренно - ревизионистская группировка, которая для укрепления партийной диктатуры считала необходимым предоставление некоторой доли самостоятельности не только представителям высших и средних слоев бюрократии, но частично и «всему правящему слою»¹²¹. Главной причиной возникновения таких настроений в КПСС деятели НТС объявляли «страх перед революцией». Среди лидеров ревизионистов чаще всего назывались имена секретаря ЦК КПСС Ф. Р. Козлова и руководителя ленинградских коммунистов И. В. Спиридонова, покровителем которых считался А. И. Микоян. На более умеренных позициях, как считалось, находились также примыкавшие к ревизионистской группе Л. И. Брежнев и Н. В. Подгорный.

Прошедший в 1959 г. XXI съезд КПСС ознаменовался, по мнению деятелей НТС, победой ревизионистской группы. Однако она к этому времени раскололась на ревизионистов – партаппаратчиков и ревизионистов – «деловиков». Последние, по мнению солидаристов, «сознательно или бессознательно», но подвергали сомнению принцип господства партийных органов во всех сферах жизни общества. В целом же по оценкам эмигрантских аналитиков XXI съезд КПСС закончился признанием незыблемости курса XX съезда – «если не по форме, то по существу». Параллельно с этим в обществе распространялись реформистские настроения, к которым последовательно антикоммунистический НТС относился критически, хотя и указывал, что наиболее радикальная часть реформистов смыкалась с «революционным движением»¹²².

Именно на укрепление господства партийных органов, по мнению антикоммунистической эмиграции, были направлены и административные реформы начала 1960-х гг. Их официальной целью власть провозглашала развитие коммунистического общественного самоуправления. Однако, указывала эмиграция, для этого необходимо было бы развивать прежде всего существующую систему советов депутатов трудящихся. На практике же, как отмечал меньшевик С. М. Шварц, основная тенденция политики КПСС вела «мимо советов» и была направлена на создание многочисленных органов с расплывчатыми полномочиями, которые «легче поддавались

контролю партии, чем формально демократические органы советского государства». В итоге провозглашенное Н. С. Хрущевым строительство коммунистического общества вело не к отмиранию государства, а к его превращению в «партию-государство»¹²³.

Вместе с тем, следует отметить, что интерпретация антикоммунистической эмиграцией многих мероприятий руководства КПСС была направлена прежде всего на подтверждение своего тезиса о постоянном стремлении партии усилить контроль над обществом. Характерна в связи с этим оценка С. М. Шварцем разделения партийных и советских органов по производственному принципу. Справедливо отмечая, что смысл реформы не вполне очевиден, он одновременно делал неожиданный вывод, что здесь наблюдалась старая тенденция - «усиливающаяся тяга к укреплению централизма»¹²⁴. На наш взгляд, такая оценка прежде всего отражала собственные политические воззрения автора, его отношение к политике КПСС.

Чрезвычайно редкими в антикоммунистической прессе являлись положительные оценки отдельных мероприятий советского руководства. В качестве примера можно привести позицию Т. И. Троянова, отмечавшего, что в начале 1960-х гг. в СССР наметилась тенденция к нормализации отдельных сфер общественной жизни, в частности, права. Об этом свидетельствовало принятие нового Уголовного кодекса РСФСР, который представлял собой «определенный прогресс» по сравнению со старым¹²⁵. Однако, одновременно Т. И. Троянов заявлял, что важна реализация положений кодекса на практике.

Российская социал-демократическая эмиграция не могла не обратить пристального внимания на предложенную Н. С. Хрущевым новую программу КПСС. В целом она оценивалась как весьма противоречивая, где «элементы рационального мышления переплетаются с буйной фантазией и грубейшим искажением действительности». Так, программа содержала немало устаревших положений, заимствованных из марксистской литературы XIX – начала XX вв.: тезис об обнищании рабочего класса на Западе, теорию империализма как «загнивающего капитализма» и т.д. При этом не учитывались произошедшие к середине XX в. в ведущих западных странах социально-экономические изменения, прежде всего трансформация облика рабочего класса.

Резкую критику со стороны меньшевиков вызывало фактически полное (и чаще всего необоснованное) изъятие из программы КПСС роли И. В. Сталина в истории советского общества. Как указывал, например, Ю. П. Денике, если следовать программе, то И. В. Сталин «по-видимому, вообще не существовал, а то, что считается его достижениями, весьма бесцеремонно по отношению к фактам истории приписывается...Ленину»¹²⁶. Отторжение у эмиграции вызывал тезис о том, что И. В.

Сталин искажил идеи В. И. Ленина и Октябрьской революции 1917 г. Меньшевики, в частности, полагали, что негативные черты советского политического режима сформировались при его возникновении. Даже находившийся в социал-демократической эмиграции на левых позициях Б. Л. Двинов отмечал, что основы «сталинизма» заложил В. И. Ленин, а И.В. Сталин лишь являлся его «законным духовным сыном». Целью лозунга «Назад к Ленину!» Б. Л. Двинов считал идеологическое оформление диктатуры Н. С. Хрущева¹²⁷.

Весьма критически оценивалось российской эмиграцией и произошедшее на XXII съезде КПСС в 1961 г. возобновление после некоторого перерыва активной критики И. В. Сталина Н. С. Хрущевым. Меньшевистские публицисты, в частности, подчеркивали, что эта критика по-прежнему носила ограниченный характер, не затрагивая сущность сталинской политики в 1930-1950-е гг. Б. И. Николаевский отмечал в связи с этим: «мало выяснить, что Сталин совершал преступления – надо установить, для чего он их совершал? Сталин был преступник, а не больной»¹²⁸. Эмигранты указывали и на необходимость установления вины за репрессии всех членов сталинского окружения, в том числе и Н. С. Хрущева.

Развернувшаяся на XXII съезде КПСС критика т.н. «антипартийной группы» В. М. Молотова – Г. М. Маленкова – Л. М. Кагановича, а также К. Е. Ворошилова и некоторых их сторонников в целом была негативно встречена российской эмигрантской прессой. Б. И. Николаевский, в частности, прямо указывал: «В том, что теперь о них пишут, немало вранья – и притом сознательного»¹²⁹. Лидеры эмигрантского меньшевизма в молодости были лично знакомы с участниками «антипартийной группы», поэтому в отличие от молодых эмигрантов из СССР могли сравнить собственные впечатления с прозвучавшими на съезде КПСС оценками. Так, Ю. П. Денике указывал: «Я хорошо знал Ворошилова как молодого «рубаху-парня» с бурным и в некоторых отношениях разнузданным темпераментом, но без малейших признаков склонности к садической жестокости»¹³⁰. Достаточно распространенным в эмигрантской прессе было и сравнение разгрома «антипартийной группы» с московскими процессами 1936–1938 гг., указание на преемственность в методах ликвидации своих противников между И. В. Сталиным и Н. С. Хрущевым. Единственным отличием провозглашалось лишь то, что Н. С. Хрущев «предпочитает сухую гильотину»¹³¹.

Вместе с тем, анализируя ситуацию в советской политической элите, эмигрантские публицисты вскрывали истинные причины новой волны разоблачений И. В. Сталина и критики «антипартийной группы». К началу 1960-х гг. в среде высшей партийной бюрократии выявилась группа противников хрущевских реформ. По мнению Б. И.

Николаевского, основной удар Н. С. Хрущева был направлен не против «антипартийной группы», лидеры которой уже не представляли реальной опасности, а против более молодых и влиятельных «эпигонов сталинизма» - группы М. А. Суслова¹³². Однако, потенциально оппозиция курсу Н. С. Хрущева, как справедливо указывали эмигрантские публицисты, была более широкой, в нее входили и региональные политические элиты – секретари областных и республиканских комитетов партии, недовольство которых было связано с административными преобразованиями конца 1950-х - начала 1960-х гг.

Наличие в политической элите СССР после июньского 1957 г. Пленума ЦК КПСС противников хрущевскому курсу было очевидно для эмигрантских аналитиков с конца 1950-х гг. На существование конфликта между Н. С. Хрущевым и М. Г. Сусловым Б. И. Николаевский указывал еще в 1958 г.¹³³. Постепенно М. Г. Суслов стал в восприятии эмигрантов лидером т.н. группы «идеологов», которая к началу 1960-х гг. обрела значительное влияние в советском руководстве. Основной причиной этого было недовольство бюрократии политикой Н. С. Хрущева, формированием его «культа личности». Волонтаристские тенденции в политической линии Н. С. Хрущева, проявлявшиеся в конце 1950-х – начале 1960-х гг. негативно встречались партийной бюрократией, которая воспринимала их как дискредитацию КПСС в глазах советских людей и мирового сообщества. Еще в 1958 г. деятели НТС указывали, что выступления Н. С. Хрущева давали материал для «партийной расправы над ним». «Создается впечатление, что ему просто дают выговориться, т.е. наговорить как можно больше...Противоречия, бахвальство, очковтирательство, авантюризм во внутренней и внешней политике, насаждение личного культа под флагом борьбы с культом личности – все это и многое другое бросит ему в лицо безжалостный аппарат, который он сам ныне возглавляет»¹³⁴, - справедливо отмечали российские солидаристы. Тезис о «культе личности» Н. С. Хрущева особенно активно выдвигался эмигрантской прессой в связи с XXII съездом КПСС, когда была не только «разоблачена ложь о военном гении Сталина», но одновременно Н. С. Хрущев стремился к тому, чтобы «надеть венок Сталина на свою голову за военные подвиги»¹³⁵.

Такая политика Н. С. Хрущева вызывала резкое недовольство у высшей партийной бюрократии, которой была ближе модель «коллективного руководства». Стремление ограничить власть Н. С. Хрущева в интересах всего правящего слоя СССР привело, по мнению Д. Бурга, даже к формированию в начале 1960-х гг. «странного союза» между традиционным «либералом» А. И. Микояном и лидером «идеологов» М. А. Сусловым¹³⁶. Эмигрантские публицисты полагали, что накануне смещения Н. С. Хрущева на платформе борьбы против его авторитаризма и волонтаризма объединились обе основные группы

политической элиты СССР – «ревизионисты» (А. И. Микоян, Ф. Р. Козлов) и «идеологи» (М. А. Сулов). Последние в статьях Б. И. Николаевского получили название «внутренние китайцы», т.к. их взгляды, полагал старый меньшевик, во многом совпадали с политической линией Мао Цзэдуна – подчинение экономики потребностям агрессивной внешней политики¹³⁷.

Российская эмиграция отмечала, что параллельно с тревожными для Н. С. Хрущева тенденциями в политической элите СССР росли оппозиционные настроения в советском обществе. Однако, их характер оценивался эмигрантами по-разному. Особые надежды, бесспорно, возлагались на молодежь в СССР, в которой была меньше развита психология конформизма и наблюдалась «большая самостоятельность мысли»¹³⁸. Но высказывалось и мнение, что оппозиционные настроения характерны для всех слоев советского общества. Так, Б. И. Николаевский отмечал в письме к Б. К. Суварину в 1962 г.: «Там происходят огромнейшие сдвиги... Самым важным для новейшего этапа кризиса стал факт превращения этого кризиса из кризиса «элиты» в кризис всего советского общества. Раньше спор шел лишь на верхах – теперь на сцену выходят и низы, массы»¹³⁹.

Однако, в эмигрантской прессе высказывалось и критическое отношение к идее о наличии в СССР в начале 1960-х гг. своеобразной «революционной ситуации». Недовольство политикой Н. С. Хрущева практически не имело шансов вылиться в общенародное восстание. На это, в частности, указывал бывший министр правительства адмирала А. В. Колчака в годы Гражданской войны Г. К. Гинс, отмечавший: «В стране по всем данным преобладает пессимистическое, а не оптимистическое настроение. Народ ждет перемен. Но возможность революции сомнительна. Все говорит за то, что страна приблизилась к периоду «синтеза» (эволюции)»¹⁴⁰.

Дискуссии в эмигрантской среде продолжала вызывать и проблема идеологической направленности оппозиционных настроений в советском обществе. Среди части представителей левого крыла политической эмиграции существовало мнение о том, что население в СССР отрицательно относится не только к советскому варианту социализма, но и к западной либеральной демократии и капитализму. Поэтому, делал вывод, например, Е. С. Петров-Скиталец – сын известного революционера-поэта С. Г. Петрова-Скитальца, настроения советских людей аналогичны взглядам участников Кронштадтского восстания 1921 г., что позволяет эмиграции выдвинуть лозунг «Советы без коммунистов!»¹⁴¹. Однако, идея Е. С. Петрова-Скитальца была подвергнута резкой критике большинством эмигрантом, в частности, бывшим деятелем кадетской партии Н. С. Тимашевым, справедливо отмечавшим, что система Советов в ее первоначальном варианте была ликвидирована Конституцией 1936 г. И Советы, и профсоюзы к началу 1960-х гг. являлись

инструментами в руках КПСС и не пользовались популярностью у оппозиционно настроенной части населения СССР¹⁴².

Формирование радикально-реформаторских настроений в советском обществе не могло не вызвать ответной реакции коммунистического руководства. Н. С. Хрущев, находясь в состоянии конфликта с оппозицией в высших эшелонах власти, не рискнул опереться и на поддержку общественности. Начало 1960-х гг. ознаменовалось новым этапом давления на интеллигенцию, «вытравливания тех элементов духовной свободы и свободы творчества», которые, по замечанию С. Шварца, начали к тому времени «пробиваться» в интеллектуальной жизни страны¹⁴³. Разгром выставки художников-авангардистов в 1962 г., встречи Н. С.Хрущева с деятелями культуры привели к тому, что не востребовавшимся остался еще один ресурс Н. С. Хрущева – потенциальная поддержка интеллигенции.

Все это в итоге и сделало возможным отстранение Н. С. Хрущева от власти в 1964 г. Анализируя это событие, российская эмиграция полагала, что первоначальной целью «заговорщиков» было не смещение Н. С.Хрущева, а давление на него с целью корректировки курса во внутренней и внешней политике. При этом в международных отношениях, очевидно, предполагалось продолжение политики «мирного сосуществования» при более осторожном подходе к отношениям с КНР – «во всяком случае, не идти напролом к разрыву». Во внутренней политике оппозиция, по мнению эмигрантов, также не собиралась возвращаться к сталинскому курсу, но стремилась избежать «нервного, поспешного и недостаточно продуманного экспериментирования», характерного для политики Н. С. Хрущева в последние годы¹⁴⁴. Однако, Н. С. Хрущев не пошел на уступки, что и привело к его смещению и началу нового этапа в истории Советского государства, который был связан, прежде всего, с именем Л. И. Брежнева.

Впрочем, перспективы демократизации в постхрущевском Советском Союзе оценивались многими эмигрантами весьма скептически. Им было очевидно, что среди потенциальных преемников лидера «оттепели» нет таких политиков, которые были бы убежденными сторонниками процесса обновления советского общества. В условиях отсутствия субъективного фактора преобразований вся надежда была на объективное развитие советского общества. Н. И. Сигида, например, размышляя об этом в письме к А. И. Угрюмову в 1964 г., указывал: «Коммунизм, конечно, меняется, но мне кажется, не потому, что во главе его будет Хрущев, Косыгин или Шелепин, а потому, что каждое поколение меняет способы подхода к жизни и переоценивает ценности и взгляды на жизнь...А ведь в СССР уже третье поколение должно включиться в среду правящих лиц. Более сильный и твердый, каким может оказаться Шелепин, сделает кое-что для народа.

Но я сомневаюсь, ведь он заражен общим вирусом, каким были заражены его предшественники, т.е. коммунистической властью». В этих условиях лишь армия, поддержав «правый переворот»¹⁴⁵, могла кардинально изменить политическую систему в Советском Союзе, полагал эмигрант.

Нельзя не обратиться поэтому к проблеме общей оценки российскими эмигрантами характера политического режима в СССР во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. Часть эмигрантов (прежде всего представители правых сил) в первые годы после смерти И. В. Сталина продолжали считать режим в Советском Союзе тоталитарным, несмотря на сделанные властью уступки¹⁴⁶. Однако, среди сторонников либеральных и социалистических взглядов постепенно формировалось мнение о трансформации сущности коммунистической системы. Уже в 1957 г. Ю. П. Денике указывал на исчезновение в СССР тех условий, при которых было возможно ранее существование тоталитаризма. Вместе с тем, отметим, что старый меньшевик имел в виду тоталитарный режим в его законченном виде, который, по его мнению, был реализован лишь в СССР, поскольку в Германии Гитлер не успел осуществить его, а в фашистской Италии существовали независимые от государства структуры¹⁴⁷.

Эволюция политического режима в СССР к середине 1960-х гг. Ю. П. Денике оценивалась как «детотализация», когда «в монолитном здании тоталитаризма одна за другой образуются трещины». Вместе с тем, он считал, что процесс либерализации шел прежде всего снизу, а не направлялся властью, так как власть «не чувствовала себя связанной» реформами, и могла их отменить в своих политических целях¹⁴⁸, что и произошло в период «ресталинизации» второй половины 1960-х – 1970-е гг. Однако те явления формирования свободомыслия, импульс которым дала «оттепель», продолжали развиваться и привели к возникновению движения «диссидентов», являвшегося важным фактором политического развития советского общества в постхрущевский период.

Таким образом, деятели Российского зарубежья пристально вглядывались в происходящие в Советском Союзе политические процессы. Они внимательно следили за советской прессой, сообщениями западных журналистов, стараясь из отдельных известий создать целостную картину жизни в СССР. Бесспорно, все события оценивались ими сквозь призму собственных политических взглядов. Тем не менее, особенно в личной переписке, некоторые деятели антикоммунистической эмиграции вынуждены были признавать, что их надежды на скорое крушение политического режима в СССР не имеют под собой реальных оснований. Революционная ситуация в стране отсутствовала. Некоторая эволюция политического режима в Советском Союзе происходила, однако ее характер, очевидно, был далек от «нового революционного подъема».

Правомонархическая часть диаспоры зачастую страдала некой схематизацией политического анализа ситуации в Советском Союзе, когда негативное отношение к существовавшему режиму заслоняло те объективные процессы, которые протекали внутри страны. Именно поэтому многие монархические газеты и журналы «не заметили» хрущевскую «оттепель», тон их публикаций после смерти Сталина практически не изменился.

Что же касается старых эсеров и меньшевиков, то некоторых из них (прежде всего Б. И. Николаевского) нередко упрекают в чрезмерном внимании к мельчайшим изменениям внутри политической элиты СССР. В условиях практически полного отсутствия иных, кроме советских газет и телевидения и редких сообщений западных корреспондентов, источников информации о ситуации внутри ЦК КПСС используемый Б. И. Николаевским анализ на микроуровне действительно далеко не всегда был возможен. Весьма дискуссионным является вопрос о том, насколько адекватна исторической реальности та картина борьбы между «ревизионистами» и «ортодоксами» в руководстве СССР, которую рисовала эмигрантская пресса.

Тем не менее, все вышесказанное отнюдь не свидетельствует о бесплодности эмигрантского анализа ситуации в Советском Союзе. Многие из того, что впервые прозвучало на страницах малотиражных изданий Российского зарубежья 1940-1960-х гг. теперь вошло в учебники по истории России, а к мнению некоторых эмигрантских аналитиков (таких, как, например, Б. И. Николаевский, ставший основоположником западной «кремленологии») прислушивались политологи США, Великобритании и других стран Запада. Творческое наследие Б. И. Николаевского, Р. Абрамовича, Д. Ю. Далина и других эмигрантских публицистов во многом стало фундаментом, на котором выросла американская советология. Бесспорно, и к последней следует относиться лишь как к еще одной попытке проанализировать процессы, протекавшие в Советском Союзе. Как известно, в последние годы исследования советологов подвергаются критике, причем, как российскими¹⁴⁹, так и американскими историками. Известный американский историк М. Малиа, например, подчеркивает, что советология «не только не смогла различить признаки грядущего крушения коммунизма, не говоря уже о том, чтобы предсказать его, но и в общем и целом оказалась неспособной объяснить причины этого крушения, когда оно уже произошло»¹⁵⁰. Однако, следует учесть, что и другие попытки тех лет адекватно оценить протекавшие в Советском Союзе процессы вряд ли можно назвать полностью удавшимися. Американскую советологию, воспринявшую многие идеи эмигрантской публицистики, следует рассматривать в контексте «холодной войны», как столь же

идеологизированную историческую мысль, сколь и творения ее оппонентов – советских историков той эпохи.

-
- ¹ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. С. 21.
- ² Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 2000. С. 628.
- ³ Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999. С. 24.
- ⁴ См.: Малыхин К. Г. Русское Зарубежье 20-30-х гг. Оценка большевистской модернизации: Автореф. дис... докт. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2000.
- ⁵ См.: Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945-1991. Новосибирск, 2000. С. 11.
- ⁶ См.: Советский патриот (Париж). 1946. 11 января.
- ⁷ См.: Оболенский С. С. О советской демократии // Русские новости. 1946. 1 марта.
- ⁸ Советский патриот. 1946. 1 февраля.
- ⁹ См.: Карпатска Русь (Нью-Йорк). 1947. 3 января.
- ¹⁰ РГАЛИ, ф. 938, оп. 2, д. 226, л. 1-2.
- ¹¹ Бердяев Н. А. Самопознание. С. 346.
- ¹² Он же. О назначении человека. М., 1993. С. 184.
- ¹³ «В четвертом измерении пространства...»: Письма Н. А. Бердяева к кн. И. П. Романовой // Минувшее. Исторический альманах. М.-СПб., 1994. Вып. 16. С. 263.
- ¹⁴ Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 19.
- ¹⁵ См.: Михайленко В. И., Нестерова Т. П. Тоталитаризм в XX веке. Теоретический дискурс. Екатеринбург, 2000. С. 35.
- ¹⁶ См.: Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 116.
- ¹⁷ Левицкий С. А. Трагедия свободы. Франкфурт-на-Майне, 1984. С. 298.
- ¹⁸ Климов Г. Песнь победителя. Краснодар, 2002. С. 451.
- ¹⁹ Путь (Гамбург). 1946. № 24. С. 1.
- ²⁰ См.: Воля (Мюнхен). 1952. № 4-5. С. 10.
- ²¹ Лосский Н. О. Ценность и Бытие: Бог и Царство Божие как основа ценностей. Харьков, 2000. С. 788.
- ²² См.: Ульянов Н. Диптих. Нью-Йорк, 1967. С. 154.
- ²³ См.: Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 689.
- ²⁴ См.: Liebich A. Mensheviks wage the Cold War // Journal of contemporary history. London, 1995. Vol. 30. P. 259.
- ²⁵ См.: Liebich A. Martov's last testament // Revolutionary Russia. London, 1999. Vol. 12. No. 2. P. 1.
- ²⁶ См.: Филиппович К. 35-летие советской социалистической власти // Дело труда. Пробуждение. 1952. № 40. С. 15.
- ²⁷ См.: Редлих Р. Н. Культ Сталина // Грани. 1950. № 8. С. 138.
- ²⁸ Там же. С. 140.
- ²⁹ Осипов Н., Редлих Р. Сознание и «сознательность» // Грани. 1951. № 11. С. 144.
- ³⁰ Там же. С. 148..
- ³¹ Осипов Н., Редлих Р. Сознание и «сознательность» // Грани. 1951. № 11. С. 151.
- ³² См.: Редлих Р. Актив – социальная опора советской власти // Грани. 1952. № 15. С. 100.
- ³³ Там же. С. 99.
- ³⁴ Редлих Р. Работники большевистского аппарата // Грани. 1953. № 17. С. 137.
- ³⁵ См.: Бюллетень Анткоммунистического центра Освободительного движения народов России. 1948. № 1. С. 9.
- ³⁶ Климов Г. Песнь победителя. С. 297.
- ³⁷ Литературный современник (Мюнхен). 1951. № 1. С. 3.
- ³⁸ См.: Анстей О. Мысли о Пастернаке // Литературный современник. 1951. № 2. С. 89-96.
- ³⁹ Мосты (Мюнхен). 1959. № 2. С. 316.
- ⁴⁰ См.: Борьба. 1948. № 9. С. 13.
- ⁴¹ См.: Казанцев А. С. Третья сила. С. 46.
- ⁴² Африканские записки. 1952. № 1. С. 12.
- ⁴³ См.: Сергеев А. Крестьянство и Советская армия // Своим путем. 1951. № 1. С. 2.

- ⁴⁴ См.: Бюллетень Русского студенческого христианского движения и Свято-Серафимовского фонда (Нью-Йорк). 1951. № 16. С. 3.
- ⁴⁵ *Сатир Б.* Проблемы русского социализма // Против течения. 1952. Сб. 1. С. 6.
- ⁴⁶ См.: *Анисимов О.В.* Советское поколение // Новый журнал. 1949. № 22. С. 112.
- ⁴⁷ См.: *Кускова Е.Д.* Шествие молодых... // Новое русское слово. 1948. 20 июня.
- ⁴⁸ *Кускова Е.Д.* О «ленивой пустоте Востока» // Новое русское слово. 1951. 15 июля.
- ⁴⁹ См.: *Она же.* Какой социализм ? // Новое русское слово. 1951. 28 января.
- ⁵⁰ См.: ГАРФ, ф. 10032, оп. 1, д. 22, л. 28.
- ⁵¹ ОР РГБ, ф. 713, карт. 1, д. 12, л. 6.
- ⁵² *Федотов Г. П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т. 2. С. 300.
- ⁵³ Там же. С. 299.
- ⁵⁴ См.: *Бердяев Н. А.* Русская идея // Мыслители Русского Зарубежья: Бердяев. Федотов. СПб., 1992. С. 226.
- ⁵⁵ См.: *Карпович М. М.* Разрушение иллюзий // Новый журнал. 1948. № 18. С. 161.
- ⁵⁶ См.: *Степун Ф. А.* Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 377.
- ⁵⁷ См.: *Пушкарев С.* Самоуправление и свобода в России. Франкфурт-на-Майне, 1985. С. 6.
- ⁵⁸ См.: *Тимашиев Н. С.* Пути послевоенной России // Новый журнал. 1949. № 22. С. 202.
- ⁵⁹ См.: *Франк С. Л.* Ересь утопизма // Новый журнал. 1946. № 14. С. 152.
- ⁶⁰ См.: *Рыбаков Н.* О спасении русского народа и славянства // Россия. Нью-Йорк, 1946. 27 августа.
- ⁶¹ Мысль (Франкфурт-на-Майне). 1953. № 2. С. 77.
- ⁶² ГАРФ, ф. 10015, оп. 4, д. 9, л. 4.
- ⁶³ См.: *Курганов И.* Национальная проблема в России // Новый журнал. 1951. № 25. С. 273.
- ⁶⁴ *Денике Ю. П.* Новая идеологическая политика // Новый журнал. 1948. № 19. С. 178.
- ⁶⁵ См.: *Вишняк М. В.* Соблазн патриотизма // Новый журнал. 1946. № 13. С. 179.
- ⁶⁶ См., напр.: *Поспеловский Д. В.* Русская Православная церковь в XX в. М., 1995 и др.
- ⁶⁷ См., напр.: Российский гражданин – Русский клич (Уолдек). 1950. № 1. С. 2.
- ⁶⁸ Вестник Американского отдела РОВС (Нью-Йорк). 1948. № 6. С. 4.
- ⁶⁹ См.: Вестник церковной жизни (Париж). 1945. № 4. С. 2.
- ⁷⁰ См.: *Боголепов А.А.* Православная церковь в Советском Союзе // Записки Русской Академической группы в США (Нью-Йорк). 1967. Т. 1. С. 101.
- ⁷¹ См.: *Константинов Д. В.* Гонимая церковь: Русская Православная церковь в СССР. М., 1999. С. 55.
- ⁷² *Константинов Д. В.* Гонимая церковь: Русская Православная церковь в СССР. С. 66.
- ⁷³ PSH. L. Ja. Dalin collection. Folder 1.
- ⁷⁴ См.: *Делевский Ю.* Социалистические искания // Новое русское слово. 1947. 31 марта.
- ⁷⁵ См.: *Кускова Е. Д.* За Синей птицей // Новое русское слово. 1946. 24 марта.
- ⁷⁶ См.: *Петрищев А. Б.* Слои советского консерватизма // Новое русское слово. 1946. 17 марта.
- ⁷⁷ LRA. MS 1285/1323.
- ⁷⁸ LRA. MS 1285/1325.
- ⁷⁹ См.: Русская жизнь (Сан-Франциско). 1946. 8 августа.
- ⁸⁰ См.: Грядущая Россия. 1950. № 18. С. 1.
- ⁸¹ См.: *Андреев Г.* Борьба за власть и за свободу // Посев. 1953. № 4. С. 3.
- ⁸² За Россию. 1953. № 3. С. 3.
- ⁸³ См.: *Пихоя Р.Г.* Указ.соч. С. 149.
- ⁸⁴ PSH. B.L.Dvinov collection. Folder 8.
- ⁸⁵ См.: *Казьмин Р.* Трагический обман // Политический вестник Парижского отдела Народно-монархического движения. 1954. № 1. С. 3.
- ⁸⁶ ГАРФ, ф. 10032, оп. 1, д. 22, л. 63.
- ⁸⁷ См.: *Анастасий, митрополит.* Рождественское послание // Православная Русь (Джорданвилль). 1955. № 1. С. 3.
- ⁸⁸ PSH. B. L. Dvinov collection. Folder 8.
- ⁸⁹ PSH. L. O. Dan collection. Folder 7.
- ⁹⁰ См.: *Герцог Ю.* О задачах освободительной борьбы // Заря свободы. 1956. Август. С. 2.
- ⁹¹ См., напр.: *Неймирок А.* Мораторий ? // За Россию. 1954. № 2. С. 1.
- ⁹² См.: Новое русское слово. 1953. 7 апреля.
- ⁹³ Вестник РНОШ. 1954. № 12. С. 2.

- ⁹⁴ См.: Бюллетень Института по изучению истории и культуры СССР. 1954. № 1. С. 12.
- ⁹⁵ См.: Бюллетень Института по изучению истории и культуры СССР. 1954. № 2. С. 7.
- ⁹⁶ См.: Русское обозрение (Чикаго). 1956. 25 февраля.
- ⁹⁷ См.: Вахта свободы. 1956. № 1. С. 2.
- ⁹⁸ См.: *Николаевский Б.* Ликвидация сталинского наследия // Новое русское слово. 1956. 25 марта.
- ⁹⁹ См.: *Никитин В.* Четыре года после Сталина // Российский демократ. 1957. № 2. С. 25.
- ¹⁰⁰ См.: *Аксютин Ю.В.* Новое о XX съезде КПСС // Отечественная история. 1998. № 2. С. 108-123.
- ¹⁰¹ IISH. N. Rubinstein collection. Folder 2.
- ¹⁰² См.: *Абрамович Р.* Перспективы внутреннего развития СССР // Социалистический вестник. 1957. № 2-3. С. 37.
- ¹⁰³ LRA. MS 1396/2818.
- ¹⁰⁴ IISH. L. O. Dan collection. Folder 7.
- ¹⁰⁵ См.: IISH. L. O. Dan collection. Folder 9.
- ¹⁰⁶ IISH. N. Rubinstein collection. Folder 2.
- ¹⁰⁷ См.: *Абрамович Р.* Коммунистическая диктатура на новом этапе // Социалистический вестник. 1957. № 7. С. 127.
- ¹⁰⁸ См.: IISH. L. O. Dan collection. Folder 10.
- ¹⁰⁹ См.: *Шварц С.* Неосталинизм и его противоречия // Социалистический вестник. 1957. № 7. С. 130.
- ¹¹⁰ См.: *Пыжиков А. В.* Проблема культа личности в годы хрущевской оттепели // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 54.
- ¹¹¹ См.: *Денике Ю.* Переворот 29 июня // Новый журнал. 1957. № 50. С. 259.
- ¹¹² См.: *Байдалаков В.* Смысл революции // Заря свободы. 1957. № 3. С. 2.
- ¹¹³ См.: *Домагацкий Б.* На темы дня // Богатыри. Сидней, 1955. № 1. С. 10.
- ¹¹⁴ См.: *Кизило Г.* Народ в борьбе // Богатыри. 1955. № 3. С. 4.
- ¹¹⁵ См.: *Рутыч Н.* За права трудящихся // Посев. 1957. № 1. С. 4-5.
- ¹¹⁶ См.: *Романов Е.* Ответ народа // Посев. 1954. № 4. С. 1; Посев. 1956. № 4. С. 5 и др.
- ¹¹⁷ *Прянишникова Б.* Наш враг и мы // Трибуна свободных солидаристов. 1956. № 2. С. 14.
- ¹¹⁸ См.: *Бург Д.* О некоторых чертах идейного брожения в Советском Союзе // Социалистический вестник. 1958. № 2-3. С. 34.
- ¹¹⁹ См.: *Редлих Р.* Судьбы диктатуры // Посев. 1958. № 19. С. 5.
- ¹²⁰ См.: *Штенна К.* «Сталинизм» и «хрущевизм» // Грани. 1958. № 39. С. 204.
- ¹²¹ См.: *Рутыч Н.* Внутрипартийная борьба после XX съезда // Грани. 1959. № 41. С. 219.
- ¹²² См.: *Гаранин Е.* На ответственном рубеже // Посев. 1959. № 8. С. 2 - 5.
- ¹²³ См.: *Шварц С.* От социализма к коммунизму ? // Социалистический вестник. 1961. № 5. С. 84.
- ¹²⁴ См.: *Шварц С.* Фантастическая реформа // Социалистический вестник. 1962. № 11-12. С. 152.
- ¹²⁵ См.: *Троянов Т.И.* Новый Уголовный кодекс РСФСР // Новый журнал. 1961. № 64. С. 282.
- ¹²⁶ *Денике Ю.П.* Труд порабощенной мысли // Новый журнал. 1961. № 65. С. 256.
- ¹²⁷ См.: *Двинов Б.* Назад к Ленину? // Новый журнал. 1960. № 59. С. 229.
- ¹²⁸ *Николаевский Б.* XXII съезд КПСС (Первые итоги) // Социалистический вестник. 1961. № 10-11. С. 179.
- ¹²⁹ Там же. С. 178.
- ¹³⁰ *Денике Ю.* Загадка Якира // Там же. С. 183.
- ¹³¹ См.: Новое русское слово. 1961. 16 ноября.
- ¹³² См.: *Николаевский Б.* Борьба за власть на XXII съезде // Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 211.
- ¹³³ См.: *Николаевский Б.* Хрущев против «идеологов» // Социалистический вестник. 1958. № 6. С. 109.
- ¹³⁴ Посев. 1958. № 1. С. 4.
- ¹³⁵ Новое русское слово. 1961. 16 ноября.
- ¹³⁶ См.: *Бург Д.* Границы власти Хрущева // Социалистический вестник. 1962. № 1-2. С. 7.
- ¹³⁷ См.: *Николаевский Б.* После XXII съезда КПСС // Социалистический вестник. 1962. № 3-4. С. 29.
- ¹³⁸ *Шварц С.* Куда идет развитие советской государственности // Социалистический вестник. 1961. № 12. С. 215.
- ¹³⁹ IISH. B. K. Souvarine collection. Folder 1.
- ¹⁴⁰ *Гинс Г. К.* О возможностях предвидения и будущем России // Новый журнал. 1961. № 63. С. 240.

-
- ¹⁴¹ См.: *Петров-Скиталец Е. С.* Кронштадтский тезис сегодня // Новый журнал. 1960. № 59. С. 232.
- ¹⁴² См.: *Тимашиев Н. С.* Вместо комментария // Новый журнал. 1960. № 60. С. 238.
- ¹⁴³ См.: *Шварц С.* Три этапа // Социалистический вестник. 1963. № 7-8. С. 85.
- ¹⁴⁴ См.: Социалистический вестник. 1965. № 3. С. 3.
- ¹⁴⁵ LRA. MS 1396/2733.
- ¹⁴⁶ См.: *Опишня И.* Буржуазия в Советском государстве // Русское воскресение. Париж, 1955. 17 апреля.
- ¹⁴⁷ См.: *Денике Ю.* Кризис тоталитаризма // Новый журнал. 1957. № 49. С. 208.
- ¹⁴⁸ См.: *Он же.* Десять лет спустя // Новый журнал. 1963. № 71. С. 223.
- ¹⁴⁹ См.: *Павлова И. В.* Современные западные историки о сталинской России 30-х гг. (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107-121.
- ¹⁵⁰ *Малиа М.* Из-под глыб, но что? Очерк истории западной советологии // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Концепция сборника статей по тематике исследования и подготовка материалов к печати

В ноябре 2010 г., по инициативе и участии исполнителей настоящей НИР в Екатеринбурге была проведена крупная Всероссийская (с международным участием) научная конференция по теме: «Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени (XVI – первая половина XIX в.» (см.: Отчет по НИР за 4 этап. Прил. Б. Л. 209–225; Отчет за 6 этап. Прил. Ж. Л. 768). Одним из результатов конференции стала подготовка и издание одноименного сборника научных статей, написанных рядом участников дискуссий на основе прочитанных ими докладов. Концептуальные подходы, которыми руководствовались составители при подготовке сборника, изложены во вводной статье И. В. Побережниковым и Д. А. Рединым. Текст статьи прилагается ниже. Оригинал-макет сборника, выходящего в свет в августе 2011 г., в рамках календарного плана НИР, ввиду значительного объема итогового отчета, полностью прилагается в электронной pdf-версии. К печатной версии отчета прилагаются титул, оборот титула, содержание и сведения об авторах сборника

И. В. Побережников, Д. А. Редин

Исследование феномена исторической переходности: в поисках «методико-методологического консенсуса»*

Научный интерес к переходным эпохам в истории человечества обнаруживается достаточно рано. Если для российской исторической науки такой точкой отсчета можно определить 40–50-е гг. XIX в., в частности, труды Т. Н. Грановского, недвусмысленно сформулировавшего проблему в одной из своих лекций, названной «О переходных эпохах в истории человечества»¹, то отдельные теоретические предпосылки исследования переходных состояний, на примере, в частности, анализа и осмысления эволюции политического режима можно усмотреть уже в творчестве мыслителей Античности (Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон), а в более развитом виде – в трудах европейских просветителей: Дж. Вико, Ф. Вольтера, Ш. Монтескье, П. Гольбаха, М.-Ж.-А. Кондорсе, И. Г. Гердера² и др. По справедливому мнению Е. Н. Мошелкова, среди основных вопросов, которыми задавались перечисленные авторы, одним из важнейших был «необходимый

связующий вопрос – что лежит между старыми и погибающими системами и новыми, возникающими, или как осуществляется переход от старого к новому, какова природа этого переходного общественного состояния?»³

В то же время в более широком, общетеоретическом плане само понятие «переходного периода» довольно позднего происхождения и возникло, как считают И. М. Савельева и А. В. Полетаев, как следствие отказа от определения стационарных периодов по событиям и акцентирования внимания на обратный процесс – выделения стационарных периодов, а затем – поиска границы, отделяющей один такой период от другого⁴. Поскольку точная датировка «разрыва» в таком случае оказывалась невозможной, «разрыв» должен был определяться как *период* (Курсив наш. – Авт.). В середине XIX в. началось обсуждение проблемы переходного этапа, пролегающего между двумя качественно различными (но внутренне однородными) эпохами истории Запада: Средневековьем и Новым временем. Возможно, первым автором, попытавшимся обозначить переходный этап между Средней и Новой историей, был Жюль Мишле, выделявший в одном из томов своей «Истории Франции» в качестве такого переходного периода эпоху Ренессанса. В исторических исследованиях «разрывы» концептуализируются как динамические переходные периоды, на протяжении которых формируются новые структуры. Зачастую эти периоды идентифицируются как «кризисы». Знаменательно в этом отношении название сборника научных статей, увидевших свет в 2008 г.: «Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи» (Цивилизации. Вып. 8. М., 2008), акцентирующее тесную связь (если не идентичность) переходных и кризисных состояний.

Современная научная ситуация, особенно последних десятилетий, значительно актуализировала проблему переходности, обозначив ее как одну из глобальных, имеющих подлинно междисциплинарное теоретико-методологическое значение как для естественных, так и для общественно-гуманитарных наук. За несколько истекших лет тема переходных эпох находится в фокусе приоритетных научных интересов специалистов-гуманитариев самого разного профиля. Достаточно в этой связи отметить идущие в едином тематическом русле обсуждения проблемы, происходившие в 2003–2007 гг. под эгидой ведущих академических институтов: ИВИ, ИМЛИ, ИФ, ИМЭМО РАН и нашедших свое отражение в ряде коллективных трудов. С 2009 г. изучение феномена исторической переходности стала одной из приоритетных тем совместных исследований историков Уральского государственного университета (ныне – Уральского федерального университета) и Института истории и археологии Уральского отделения РАН. Подобный

интерес к проблеме переходности обусловлен как ее мощным теоретическим потенциалом, так и перспективой практического применения ее теоретико-методологических наработок в конкретно-исторических интерпретациях. Сложнейший объект гуманитарного познания – человек – в его социально- и культурно-антропологическом проявлениях, требует принципиально новых теоретических подходов и методических инструментов и поиск последних сегодня «сопровождается пересмотром и усложнением представлений о развитии, в котором акцентируется его сложный, противоречивый, разнонаправленный характер, пульсирующий ритм: чередование стадий эволюции и инволюции, интеграции и дезинтеграции, временных стагнаций и регрессов, хаотизации социокультурной жизни, убыстрения и замедления процессов, распада старых и создания новых структур»⁵.

Пытаясь определить собственное понимание переходного общества с учетом имеющихся на сегодняшний день историографических оценок, мы склонны трактовать его как гетерохронный сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям⁶.

Следует также учитывать, что динамика переходных периодов детерминирована, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Последние (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать. Нередко воздействие указанных факторов бывает противоречивым и разновекторным. Так, диффузия, с одной стороны, может способствовать конвергенции, страновой гомогенизации; с другой же стороны, обеспечивая трансплантацию экзоинноваций в различные социоисторические ландшафты, она усиливает пестроту, анклавность транзитных сообществ.

Поскольку именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации, постольку исторический транзит должен рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание истории «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым, настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В итоге исторический переход оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот беспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов различной направленности, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Обращаясь к определению роли и места социокультурных и институционально-политических механизмов в обеспечении исторической динамики перехода от средневековья к новому времени на материале стран Западной и Восточной Европы, включая Россию, следует учесть одну особенность, присущую, как нам представляется, большинству «транзитологических» исследований. До сих пор все усилия гуманитариев были, главным образом, сосредоточены на решении теоретико-методологических аспектов проблемы. В меньшей степени осуществлялись попытки приложения теоретических штудий к нуждам эмпирических исследований. Это приводило к довольно распространенной ситуации: разобщению «эпистемологизирующих» и «практикующих» историков, возникновению взаимного непонимания или, точнее, «нераспознавания» друг другом специалистов, устремленных, в общем-то, к достижению единой цели.

Желание преодолеть подобное «неузнавание» (как бы тяжело это ни давалось) побуждает к определению подходов, позволяющих адаптировать имеющиеся теоретически-концептуальные основы к потребностям и состоянию конкретно-исторических исследований социумов переходной эпохи от средневековья к новому времени. Подобная адаптация, или, если угодно, «методико-методологический консенсус» сам по себе имеет важное значение и с обостренной очевидностью проявил себя именно на новейшем этапе развития гуманитарного, в частности, исторического, знания: в

состоянии «постпостмодерна». Объясняя новый интерес гуманитариев к изучению макропроцессов (при все нарастающей востребованности микроистории!), члены редколлегии уже упоминавшегося восьмого выпуска сборника «Цивилизации» заметили, что интерес этот вполне закономерен «в ситуации рождения новой научной парадигмы, которая (что особенно заметно в сфере гуманитарных наук) – в противовес постмодернистскому отказу от “большого нарратива” – вновь актуализирует разработку принципов общей теории систем, интерес к изучению макропроцессов и макросдвигов, созданию универсальных теорий...»⁷. Абсолютно разделяя процитированное мнение, считаем целесообразным его развить. Уникальность сегодняшней ситуации заключается в том, что историческая наука (как и все явления современной общественной жизни) значительно ускорилась в темпах своего развития. Едва преодолев кризис модерна, современное гуманитарное знание пресытилось играми постмодерна. Исследовательские практики за последние двадцать – двадцать пять лет перестали поспевать за быстрым калейдоскопом меняющихся эпистемологических установок. Между тем, по большому счету все попытки осмысления и объяснения исторического процесса по-прежнему можно свести к двум генеральным направлениям: макро- и микроописаний. Стремление человеческой мысли к универсальности порождает соблазн конструирования макротеорий, претендующих на полную и абсолютную интерпретацию любых социо-культурных и социально-экономических трансформаций, переживаемых человечеством на различных этапах его существования. Развитие обществоведения нового и новейшего времени имело своим результатом формирование трех влиятельных социологических макротеорий, активно применяемых в исторической науке: формационной, цивилизационной и модернизационной⁸. Однако неизбежное «спрямление» исторического процесса, свойственное любым макротеориям, пренебрежение деталями, многочисленными региональными, локальными особенностями, невозможность привести к «единому знаменателю» все богатство разнообразия жизни, рано или поздно приводят к кризису макротеорий, к осознанию их «неуниверсальности», к дискредитации самой идеи широких обобщений и к формированию «недоверия в отношении метарассказов»⁹. Одной из реакций на подобную ситуацию выступает отказ от попыток макроконструирования как такового, обращение к практикам микроисторических исследований, созданию «интровертных» типов «местных историй»¹⁰, ориентированных на узко краеведческий формат и порождающих ситуацию мелкотемья, накопления совокупности локальной фактологии, изолированной от более или менее широкого исторического контекста.

Новейшая отечественная историография за последние двадцать с небольшим лет в полной мере испытала на себе и разочарования метарассказа (в рамках формационного объяснения), и соблазн его быстрого восстановления на основе новой, «обновленной», «более адекватной» макротеоретической базы (цивилизационной или модернизационной), и прелести микроподходов антропологической интерпретации исторического процесса, и сегментацию исторического знания, явленную как глубокой специализацией разработки отдельных сюжетов, так и краеведчески ориентированной, «интroversивной» историей локусов, о которой упоминалось выше. И даже если в результате всех перечисленных поисков кризис отечественной исторической науки так и остался непреодоленным¹¹, то по крайней мере два обстоятельства не могут не внушать оптимизма. Во-первых, ни один из практикуемых подходов или методологических вариантов не превратился (несмотря на соблазны) в официально-давящий, имеющий статус «идеологического монизма». Во-вторых, при всей дискретности современной исторической науки (или, скорее, профессионального сообщества историков), можно с долей осторожности констатировать попытки примирения или сближения макро- и микроподходов в изучении исторического наследия, поиск того баланса, той «золотой середины», которая, в конечном счете и является залогом гармоничного развития процесса познания в целом. В этом смысле импульсы к методико-методологическому сближению приходят из обоих «лагерей».

С одной стороны, несомненную способность к эволюции, а значит – неисчерпанность эпистемологических и эвристических возможностей продемонстрировала модернизационная теория. Современная версия модернизационного анализа (неомодернизационный анализ, взявший начало с конца 1980-х гг.) постепенно освобождается от издержек и недостатков, свойственных классической теории модернизации первой половины XX в. В контексте сказанного принципиально важно то, что теоретическое ядро современной версии модернизации формируется с учетом признания национальных моделей модернизации, имеющих местную социокультурную окраску; акцентирования внимания на роли коллективных и индивидуальных акторов модернизационных процессов в конкретной исторической ситуации; осознания возможности различного поведения отдельных социумов модернизирующегося общества; признания диалектического единства традиций и новаций в обществе модернизационного перехода и т.п.¹² Интерес к истории и роли реальных посредников модернизационных импульсов в стране-«реципиенте», представление о рецепции модернизационных идей как активного, встречного и многопланового процесса, полного осознанных отборов и

адапций, характерен для целого направления европейской (в частности, французской и австро-германской) историографии¹³.

С другой стороны, можно привести разнообразные примеры осознанного использования микроподходов и результатов исторического микроанализа в дальнейшем конструировании широких обобщений в рамках национальной (страновой) и всеобщей истории. Это может происходить как с помощью особой заданности целеполагания микроисторического исследования, когда история локуса реконструируется как модель для осмысления надлокальных и глобальных процессов («история в малом», о которой писал, например, Ю. Л. Бессмертный¹⁴), так и путем выбора масштаба объекта исследования: некоего «мезообъекта», позволяющего применить по отношению к себе методы микроанализа, но являющегося по своей природе явлением надлокальным, или, пользуясь словами Л. П. Репиной, локально-территориальной структурой среднего звена, феноменом вторичного, регионального уровня, «более крупного масштаба, чем городские и сельские приходские общины»¹⁵. Но в любом случае, историки, серьезно и продуктивно практикующие микроисторические методы, признают смысл локальных штудий в их контекстной включенности в широкое пространство исторического макропроцесса, осознавая потребность в интегральной программе исторического анализа¹⁶.

Собственно говоря, именно с таких позиций сближения макро- и микроподходов в изучении феномена исторической переходности, поиска точек соприкосновения теоретического и эмпирического знания и формировалась концепция Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Россия и Запад в переходный период от средневековья к новому времени (XVI – первая половина XIX в.)», организованной и проведенной историческим факультетом Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Институтом истории и археологии УрО РАН 14–17 ноября 2010 г. в Екатеринбурге.

Статьи, написанные на основе докладов ряда участников конференции и составившие содержание настоящего сборника, демонстрируют, как на основе разнообразного фактического материала авторы размышляют об общем и особенном исторического развития России и ряда европейских стран в эпоху перехода от средневековья к новому времени, рассматривают модели взаимодействия традиционных структур с институтами модерна, предлагают свои варианты теоретического осмысления феномена исторической переходности.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» в рамках исполнения государственного контракта 02.740.11.0348 шифр 2009-1.1-301-072 по теме «Социокультурные и институционально-политические механизмы исторической динамики переходных эпох».

¹ Грановский Т. Н. О переходных эпохах в истории человечества // Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1987.

² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940; Вольтер. Философские сочинения. М., 1988; Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М., 1955; Гольбах П. Избранные произведения. М., 1963; Кондорсе М. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936; Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

³ Моцелков Е. Н. Переходные политические процессы. Философско-политологический анализ российского опыта. Дисс... доктора полит. наук. М., 1997. С. 29.

⁴ Савельева И. М., Полетаев А. В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1. С. 501–502.

⁵ От редколлегии // Цивилизации. М., 2008. Вып. 8: Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. С. 6.

⁶ Заслуживает внимания мысль Антуана Про о наличии связи между историей (процессом истории) и структуризацией (кристаллизацией структурных связанностей): «Время историков предстает, таким образом, как уже структурированное, уже артикулированное время. <...> Однако период представляет и подлинно научный интерес: он указывает на то, что одновременность не является случайным совпадением, простым рядоположением, связывающим факты разного порядка. Различные элементы, составляющие период, более или менее тесно связаны между собой. Они “идут вместе”. Это – Zusammenhang немцев. Они объясняют друг друга. Целое учитывает части». (Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 120.).

⁷ Социокультурные процессы в переходные и кризисные эпохи. С. 5–6.

⁸ Побережников И. В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 217.

⁹ Румянцева М. Ф. Историческое сознание и историческая наука в ситуации постмодерна // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 41–51.

¹⁰ Румянцева М. Ф. Новая локальная история в системе университетского образования // Образ науки в университетском образовании. М., 2005. С. 47–48.

¹¹ Бельский И. Л. Несколько замечаний к проблеме «кризис исторической науки» // Источниковедение и историография в мире гуманитарного знания. М., 2002. С. 66–69.

¹² Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 91–114; Он же. Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8–13.

¹³ Шарф К. Монархия, основанная на законе вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 14–16.

¹⁴ Бессмертный Ю. Л. Многоликая история (проблема интеграции микро- и макроподходов) // Казус-2000: Индивидуальное и локальное в истории. М., 2000. С. 52–61.

¹⁵ Репина Л. П. Новая локальная история // Горизонты локальной истории Восточной Европы в XIX–XX веках. Челябинск, 2003. С. 22.

¹⁶ Репина Л. П. Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории. Часть II // Социальная история. Ежегодник 1998/99. М., 1999. С. 17.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Диссертации исполнителей НИР, представленные к защите в 2009–2011 гг.

Диссертации на соискание доктора исторических наук:

1. **Антошин А. В.**, «Российские эмигранты в условиях “холодной войны” (середина 1940-х – середина 1960-х гг.)». Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Защищена в диссертационном совете Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук «Институт истории и археологии УрО РАН» 25 ноября 2009 г.
2. **Казакова-Анкаримова Е. Ю.**, «Формирование сферы гражданской деятельности в уральском городе во второй половине XIX – начале XX в.». Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Назначена к защите в диссертационном совете Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии УрО РАН на 16 ноября 2011 г.
3. **Побережников И. П.**, «Теоретико-методологические основы исторического исследования модернизации (пространственно-временные аспекты)». Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. Обсуждена на заседании отделения истории Института истории и археологии УрО РАН и рекомендована к защите в диссертационном совете Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии УрО РАН 29 июня 2011 г.
4. **Баранов Н. Н.**, «Левый либерализм в политической культуре кайзеровской Германии». Специальность 07.00.03 – всеобщая история (новая и новейшая история). Обсуждена на заседании кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета и рекомендована к защите в диссертационном совете Д 212.285.16 по защите докторских и кандидатских диссертаций при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» 30 июня 2011 г. (протокол № 10).
5. **Боровик Ю. В.**, «Процессы социокультурной трансформации традиционных религиозных обществ в период советской модернизации (на примере старообрядцев-часовенных Урала)». Специальность 07.00.02 – Отечественная

история. Обсуждена на заседании кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета и рекомендована к защите в диссертационном совете Д 212.285.16 по защите докторских и кандидатских диссертаций при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» 8 июля 2011 г. (протокол № 8).

6. **Починская И. В.**, «Изучение русского кириллического книгопечатания второй половины XVI – начала XX в.: концепции, проблемы, гипотезы». Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторических исследований. Обсуждена на заседании кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета и рекомендована к защите в диссертационном совете Д 212.285.16 по защите докторских и кандидатских диссертаций при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» 8 июля 2011 г. (протокол № 8).

Итого: 6 человек, из них 3, относящихся к категории молодых ученых (до 39 лет): А. В. Антошин, Ю. В. Боровик, Е. Ю. Казакова-Апкаримова.

Диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук:

1. **Тимофеева М. В.**, «Концепция английской буржуазной революции XVII в. британского историка Кристофера Хилла». Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования. Защищена в диссертационном совете Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии УрО РАН 11 ноября 2009 г.
2. **Киселев М. А.**, «Возникновение российского промышленного законодательства в первой четверти XVIII в.» Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Защищена в диссертационном совете Д 212.286.04 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования Уральский государственный университет им. А. М. Горького 26 ноября 2010 г.
3. **Соколов С. В.**, «Концепции происхождения варяжской руси в отечественной историографии XVIII–XIX вв.». Специальность 07.00.09 – историография,

источниковедение и методы исторического исследования. Назначена на экспертизу в диссертационном совете Д 004.011.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Учреждении Российской академии наук Институт истории и археологии УрО РАН 22 июня 2011 г.

4. **Соловьева В. В.**, «Бытовые условия персонала промышленных предприятий Урала в 1941–1945 гг.: государственная политика и стратегии адаптации». Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Назначена на экспертизу в диссертационном совете Д 212.285.16 по защите докторских и кандидатских диссертаций при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» 1 июля 2011 г.
5. **Белобородов С. А.**, «Религиозно-организационная структура старообрядцев горнозаводского Урала во второй четверти XIX – начале XX в. (на примере согласия беспоповцев-часовенных)». Специальность 07.00.02 – Отечественная история. Обсуждена на кафедре археологии и этнологии Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета и рекомендована к защите в диссертационном совете Д 212.285.16 по защите докторских и кандидатских диссертаций при федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина» 15 мая 2011 г.

Итого: 5 человек, из них 4, относящихся к категории молодых ученых (до 35 лет): М. А. Киселёв, С. В. Соколов, В. В. Соловьева, М. В. Тимофеева.

ПРИЛОЖЕНИЕ И

Именной перечень исполнителей НИР

(г/к от 20 июля 2009 г. № 02.740.11.0348, шифр 2009–1.1–301–072, по теме:

«Социокультурные и институционально-политические механизмы

исторической динамики переходных периодов»),

закрепленных в сфере науки и образования за 2009–2011 гг.

1. **Вебер М. И.** – аспирант, н.с. Института истории и археологии УрО РАН
2. **Ермакова О. К.** – аспирант, м.н.с. Института истории и археологии УрО РАН
3. **Киселёв М. А.**, к.и.н., н.с. Института истории и археологии УрО РАН, асс. кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств УрФУ
4. **Лазарев Я. А.**, аспирант кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств УрФУ
5. **Палкин А. С.**, аспирант кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств УрФУ
6. **Соколов С. В.**, асс. кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств УрФУ
7. **Соловьёва В. В.**, асс. кафедры истории России Института гуманитарных наук и искусств УрФУ
8. **Тимофеева М. В.**, к.и.н., асс. кафедры педагогики УрГПУ
9. **Фёдорова Д. Н.**, асп., н.с. Института истории и археологии УрО РАН
10. **Шаклеин О. С.**, асп. кафедры новой и новейшей истории Института гуманитарных наук и искусств УрФУ

ПРИЛОЖЕНИЕ К

Перечень важнейших публикаций результатов НИР за 2009–2011 г.

Монографии:

1. Формирование сферы гражданской деятельности на Урале во второй половине XIX – начале XX в.: социальный аспект / Отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург: БКИ, 2011. – 388 с. (Колл. моногр.).

Сборники статей:

1. Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени / Отв. ред. А. Т. Артёмов, Д. А. Редин. Екатеринбург: АМБ, 2011. – 468 с.

Статьи, опубликованные в рецензируемых и высокорейтинговых российских изданиях:

1. Баранов Н. Н. «Срединная Европа» Фридриха Наумана: становление концепции // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. № 3 (65). С. 173–181.
2. Баранов Н. Н. Структурные и функциональные аспекты концепции «Срединной Европы» Ф. Наумана // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 3 (79). С. 31–40.
3. Баранов Н. Н. Страна готики и «наполеонизма»: Фридрих Науман о Франции (1899–1914 гг.) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 117–126.
4. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2010. № 2 (76). С. 83–94.
5. Казакова-Апкаримова Е. Ю. Моделирование гражданского общества в современном историографическом дискурсе (Россия второй половины XIX – начала XX в.) // Уральский исторический вестник. 2010. № № (29). С. 57–63.
6. Побережников И. В. Урал в контексте евразийской цивилизации: становление образа // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 23–32.
7. Побережников И. В. Российское освоение крайнего севера Западной Сибири (XV – начало XX в.): теоретико-методические и историографические аспекты // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечественная история». 2009. № 3, вып. 2. С. 12–15.

8. *Побережников И. В.* Микроистория: действия и структуры в историческом контексте // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 8–13.
9. *Починская И. В.* Московская типография в первой половине XVIII в.: к вопросу об адаптации официального кириллического книгопечатания в условиях переходного периода // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 145–151.
10. *Редин Д. А.* Проблема кредитования горнозаводского производства и частная практика ее решения на Урале во второй половине XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2009. Сер. «История». № 4 (8). С. 97–103.
11. *Редин Д. А.* Структуры потребления и дохода как признаки социальной идентификации местной бюрократии России петровской эпохи // Социальная история. Ежегодник. 2010 / Отв. ред. Н. Л. Пушкарёва. СПб.: Алетейя, 2011. С. 127–159.
12. *Соколов С. В.* Типические характеристики русов IX – первой половины X в. по письменным источникам // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 6–13.
13. *Тимофеева М. В.* Британский марксист Кристофер Хилл (1912–2003): историк и время // Известия Уральского государственного университета. 2009. Сер. 2. Гуманитарные науки. № 1/2 (63). С. 239–247.
14. *Фёдорова Д. Н.* «Englishness» vs «Britishness», или поиски национальной идентичности в Британии 1990-х гг. // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 87–95.

Статьи, опубликованные в зарубежных изданиях:

1. *Glavatskaya E.* Rhanty religious traditions in the epoch of religious suppression: The eve of religious studies in Siberia, 1700 – late 1800 // Research and Identity: Non-Russian Peoples in the Russian Empire, 1800–1855 / Ed. Michael Baker. Kuovola, 2009.
2. *Glavatskaya E.* Mansi Sacred Landscape in Long Term Historical perspective // Sacred Landscape and Culture in Northern Eurasia / Ed. Peter Jordan. Left Coast Press, 2011. P. 235–255.
3. *Glavatskaya E.* Siberian Indegenous Religious Traditions in An Eve Changing World: the Khanty and Nenets case // Community, Simbiosis and the Mind in Traditional Culyures in Modern Sosieties / Ed by Irimoto T. and Yamada T. Sapporo: Hokkaido University Press. 2010. P. 93–103.

4. *Редин Д. А.* Ординарные и экстраординарные учреждения России первой трети XVIII в.: к проблеме организации государственного управления переходного типа // Историческая русистика и уралистика в Венгрии и на Урале / Ed. by Gyula Szvak, Budapest: Russica Pannonicana. 2010. P. 137–162.
5. *Редин Д. А.* Интеграция чиновничества в локальные элиты запада Сибирской губернии в первой трети XVIII в. // *Cahiers du Monde russe*. 58/4. 2011. (in print).

ПРИЛОЖЕНИЕ Л

**Научные конференции и научные школы,
организованные исполнителями НИР по теме:**

**«Социокультурные и институционально-политические механизмы
исторической динамики переходных периодов»**

(г/к от 20 июля 2009 г. № 02.740.11.0348, шифр 2009–1.1–301–072) в 2009–2011 гг.

НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ

1. ***Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Диффузия европейских инноваций в Российской империи», 10–11 ноября 2009 г., Екатеринбург.*** Члены оргкомитета: Казакова-Апкаримова Е. Ю. (ученый секретарь), И. В. Побережников, Д. А. Редин. В работе конференции приняли участие около 60 историков из Москвы (д. ф. н., главный редактор журнала «Российская история» А. Н. Медушевский, д. и. н. О. Г. Агеева, д. и. н. А. С. Сеньявский (оба – ИРИ РАН), д. и. н. В. Л. Степанов (ИЭ РАН), к. и. н. И. В. Шильникова (ВШЭ – У) и др.), университетов Абердина (Великобритания), Архангельска, Астрахани, Ижевска, Перми, Санкт-Петербурга, Рязани, Тюмени, Челябинска, Чернигова (Украина), вузовских и академических учреждений Екатеринбурга. Материалы конференции изданы в сборнике «Диффузия европейских инноваций в Российской империи» / Отв. ред. Е. В. Алексеева. Екатеринбург: ИИА УрО РАН; БКИ, 2009. – 418 с.
2. ***Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени (XVI – первая половина XIX в.)», 14 – 16 ноября 2010 г., Екатеринбург.*** (НОЦ «Социальная история»; члены оргкомитета: Д. А. Редин (сопредседатель), Н. Н. Баранов, И. В. Побережников, И. В. Починская). В работе конференции приняли участие более 120 историков из России, Венгрии и Германии (Будапешт, Воронеж, Екатеринбург, Казань, Кемерово, Москва, Мюнстер, Нижний Новгород, Новосибирск, Псков, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Сургут, Томск, Тюмень, Уфа, Челябинск). В ходе пленарного заседания с докладами выступили д. и. н., проф., руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН Л. П. Репина, чл.-корреспондент РАН, зав. кафедрой археологии и этнологии исторического

факультета УрГУ А. В. Головнёв, с. н. с. Института всеобщей истории РАН В. Д. Назаров, д. и. н., проф. А. Б. Давидсон. Материалы конференции опубликованы в сборнике: Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени / Отв. ред. Е. Т. Артёмов, Д. А. Редин. Екатеринбург: АМБ, 2011 – 464 с. (Сдан в печать 14 июля 2011 г.).

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

1. *III Зимняя научная школа аспирантов и молодых ученых ИИА УрО РАН и Уральского госуниверситета им. А. М. Горького «Переходные периоды в истории: изменчивость и постоянство» (НОЦ «Социальная история»). 25–28 февраля 2010 г., Екатеринбург.* Сопредседатель оргкомитета д.и.н. Д. А. Редин. В работе Школы приняли участие ведущие российские ученые из научных центров Москвы и Екатеринбурга (акад. РАН В. В. Алексеев, чл.-корр. РАН А. В. Головнёв, д.и.н., проф. Н. Л. Пушкарёва, к.и.н., доц. М. Ф. Румянцева, к.и.н., в.н.с. К. И. Зубков и др.), около 30 аспирантов и молодых ученых исторического факультета УрГУ и Института истории и археологии. Материальное обеспечение Школы осуществлялось в порядке софинансирования НИР, предусмотренного госконтрактом.

Промежуточные результаты исследований участников НИР регулярно обсуждались на постоянно действующем научном семинаре «Древняя и новая история России» при кафедре истории России УрГУ (научн. рук., д.и.н., зав. кафедрой Д. А. Редин).

ПРИЛОЖЕНИЕ М

Программы учебных курсов,

разработанных, усовершенствованных и внедренных в учебный процесс

исполнителями НИР на основе результатов исполнения работ

в рамках г/к от 20 июля 2009 г. № 02.740.11.0348, шифр 2009–1.1–301–072, по теме:

«Социокультурные и институционально-политические механизмы

исторической динамики переходных периодов» в 2009–2011 гг.

№ п/п	Наименование курса	ФИО, уч. степень, должность разработчика	Направление/специальность	Уровень подготовки
1.	Российская эмиграция в странах Востока. (Факультатив)	Антошин А. В., к.и.н., доц. кафедры востоковедения УрГУ	«Международные отношения», «Регионоведение», «История»	бакалавр / специалист
2.	Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции. Изучение, описание, хранение. (Факультатив)	Починская И. В., к.и.н., доц. кафедры истории России УрГУ (в соавт. Мангилёв П. И., к.и.н., доц. кафедры истории России УрГУ	«История»	бакалавр / специалист
3.	Историография истории России до 1917 г. (Общий курс дисциплин специализации)	Починская И. В., к.и.н., доц. кафедры истории России УрГУ	«История»	Бакалавр, магистр / специалист
4.	Новая история стран Европы и Америки. (Часть 2, общий курс дисциплин специализации)	Баранов Н. Н., к.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории УрГУ	«История»	Бакалавр, магистр / специалист

5.	Новая история стран Европы и Америки. (Часть 1, общий курс дисциплин специализации)	Баранов Н. Н., к.и.н., зав. кафедрой новой и новейшей истории УрГУ	«Историко-архивоведение»	Специалист
6.	Методология истории. (Общий курс общепрофессиональных и специальных дисциплин)	Побережников И. В., к.и.н., доц. кафедры истории России УрГУ	«История»	Бакалавр, магистр / специалист
7.	Разделения в Русской православной церкви конца XVI – середины XVII в. в культуре восточнославянских народов средневековья – нового времени. (С/к)	Починская И. В., к.и.н., доц. кафедры истории России УрГУ (в соавт. Мангилёв П. И., к.и.н., доц. кафедры истории России)	«История»	Бакалавр, магистр
8.	Религиозная ситуация в Европе и феномен «новых» религиозных течений. (С/к)	Главацкая Е. М., д.и.н., проф. кафедры археологии, этнологии и специальных исторических дисциплин УрГУ	«История»	Бакалавр, магистр / специалист